№ по инвентарю 92384
БИБЛІОТЕКА ПЕТРОВСКАГО УЧИЛИЩА
СПБ. Купеческаго Общества.
Отдѣлъ

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK219.6
.D39
D4
t. 4

NF 11/29/99

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10000847229

-3406-

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
NOV 12 1987			
NOV 20 '87			
AUG 31 1990			
MAR 23 '90			
APR 23 1990			
APR 23 '90			
OCT 15 1994			
MAR 03 '94			

Form No. 513

92
Д29

Баронъ А. И. Дельвигъ.

DK219.6
.D39
D4
t.4

9238

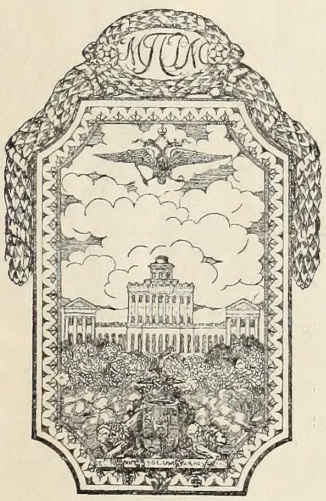
МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Moi vospominaniia

ТОМЪ IV.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

35757.



Детская библ. им. 17 партсъезда Куйбышевского района Ленинград Фонтанка 62

ПЕТРОВСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго
МУЗЕЯ.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВ. СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ МОСКВА
Трехпрудный пр. собственн. домъ
1913

Баронъ Андрей Фелькерзамъ

Digitized by the Internet Archive
in 2014

https://archive.org/details/moivospominaniia04delv

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ XI

ГЛАВА X. 1867—1871 г. Поѣздка въ Карлсбадъ. Лейбъ-медики Цицуринъ и Дубовицкій и другіе Русскіе въ Карлсбадѣ. Франценсбадъ и Мюнхенъ. Монтре-Верне и Женева. Поѣздка въ Парижъ. Всемірная выставка. Мои прежніе знакомые въ Парижѣ. Берлинъ и таможня. Возвращеніе въ Петербургъ. Домовладѣлецъ генералъ-лейтенантъ Лошкаревъ. Открытіе послѣдняго участка Варшавско-Тереспольской желѣзной дороги и намѣстникъ Царства Польскаго графъ Бергъ. Устройство желѣзной дороги отъ Тересполя до Брестъ-Литовска. П. Д. Стремоуховъ. Осмотръ Московско-Рязанской, Рязанско-Козловской, Ряжско-Моршанской и Елецко-Грязской желѣзныхъ дорогъ. Колодезское и Задонскъ. Воронежъ. А. А. Шеле. Осмотръ Козлово-Воронежской и Шуйско-Ивановской желѣзныхъ дорогъ. Комиссія о преобразованіи корпусовъ инженеровъ путей сообщенія, горныхъ, межевыхъ, телеграфнаго и лѣсного въ гражданскія вѣдомства и правила для перевода инженеровъ путей сообщенія изъ военныхъ чиновъ въ гражданскіе. Комиссія для опредѣленія правъ каждаго инженера при переименованіи изъ военнаго въ гражданскій чинъ. Назначеніе меня состоять по инженерному корпусу съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. Гражданскіе мундиры инженеровъ путей сообщенія. Мѣры правительства къ изготовленію въ Россіи рельсъ, подвижного состава и другихъ принадлежностей для желѣзныхъ дорогъ. Комиссія по этому предмету въ 1867 году. Повелѣніе о постройкѣ желѣзной дороги отъ ст. Аксай до Ростова и о передачѣ Грушевской желѣзной дороги Полякову. Открытіе Ряжско-Моршанской желѣзной дороги. Сѣть частныхъ желѣзныхъ дорогъ къ 1 января 1868 года. Открытіе Воронежско-Козловской и Ростово-Аксайской желѣзныхъ дорогъ. Назначеніе меня членомъ комитета желѣзныхъ дорогъ и комиссіи о распредѣленіи пособій пострадавшимъ отъ неурожая. Засѣданія этой комиссіи. Назначеніе въ комиссію для начертанія путей въ сѣверныя губерніи. Представленіе Наслѣднику и Цесаревнѣ. Тарифная комиссія 1867 года. Договоры на устройство желѣзныхъ дорогъ отъ Курска до Харькова и отъ Харькова до Таганрога. Уставы обществъ Шуйско-Ивановской и Орловско-Витебской желѣз-

896990

ныхъ дорогъ и концессіи на Грязе-Борисоглѣбскую, Козлово-Тамбовскую и Грязе-Орловскую желѣзныя дороги. Мои денежныя дѣла въ январѣ 1868 года. Назначеніе графа В. А. Бобринскаго для осмотра замосковныхъ желѣзныхъ дорогъ. Сопровожденіе короля Эллиновъ до австрійской границы. Переѣздъ въ Царское Село. Производство въ генералъ-лейтенанты. Царскосельская желѣзная дорога въ день крестинъ старшаго сына Наслѣдника. Поѣздка съ Д. И. Журавскимъ на замосковныя желѣзныя дороги, въ Задонскъ и Воронежъ. Предположеніе о концессіи желѣзной дороги между Пензою и Моршанскомъ. Концессія на желѣзную дорогу отъ Рыбинска до ст. Осѣченка. Договоръ на сооруженіе Тирасполе-Кишеневской желѣзной дороги. Уставъ общества Московско-Ярославской желѣзной дороги. Способы къ осуществленію этой дороги. Продажа Николаевской желѣзной дороги главному обществу желѣзныхъ дорогъ. Поѣздка съ графомъ В. А. Бобринскимъ въ Москву для опредѣленія мѣръ къ улучшенію эксплоатаціи на замосковныхъ желѣзныхъ дорогахъ. М. А. Вейсбергъ и наемъ квартиры въ его домѣ. Сопровожденіе Государя до Берлина. Берлинъ и Хемницъ. Заказъ у Борзига паровозовъ для Московско-Ярославской желѣзной дороги. Юбилейный праздникъ у Борзига. Друскеникскія воды. Осмотръ Риго-Динабургской и Риго-Митавской желѣзныхъ дорогъ. Возвращеніе въ Царское Село. Осмотръ Виндавскаго и Либавскаго портовъ. Концессіи на Балтійскую и Харьково-Кременчугскую желѣзныя дороги. Открытіе желѣзной дороги отъ Тересполя до Бреста. Кончина А. Г. и Н. А. Замятниныхъ. Открытіе Грязе-Елецкой и Шуйско-Ивановской желѣзныхъ дорогъ и концессія на Харьково-Азовскую желѣзную дорогу. Открытіе желѣзной дороги отъ Витебска до Рославля. Концессія на Тамбовско-Саратовскую желѣзную дорогу. Новый порядокъ выдачи концессій на желѣзныя дороги. Кончина Московскаго митрополита Филарета. Договоръ на постройку желѣзной дороги отъ ст. Александрова до дер. Цѣхоцинскъ. Открытіе желѣзныхъ дорогъ отъ Рославля до Орла и отъ Курска до Ворожбы. Поѣздка барона Д. Н. Дельвига въ Одессу. Концессія на Московско-Смоленскую и Новоторжскую желѣзныя дороги. Открытіе участка Курско-Кіевской желѣзной дороги между ст. Ворожба и Бровары. А. П. Виноградова, бывшая Кернъ, въ Кіевѣ. Несчастіе съ моимъ поѣздомъ на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ. Разслѣдованіе жалобъ на Московско-Рязанскую желѣзную дорогу. Оставленіе мною должности главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ и назначеніе членомъ совѣта министерства путей сообщенія. Сѣть дорогъ въ то время. Мои денежныя дѣла въ мартѣ 1869 года и кругъ моихъ знакомыхъ. Мои занятія по совѣту министерства и по комитету передвиженія войскъ желѣзными дорогами и водою. Поѣздка съ графомъ В. А. Бобринскимъ въ Москву для опредѣленія средствъ, потребныхъ къ усиленію движенія на замосковныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Осмотръ участка Московско-Курской желѣзной дороги отъ Москвы до ст. Сергіево. Мысль объ общихъ и частныхъ съѣздахъ представителей желѣзныхъ дорогъ. Приглашеніе меня графомъ Бобринскимъ помогать ему, когда онъ будетъ назначенъ министромъ путей сообщенія. Комитетъ для усиленія средствъ къ перевозкѣ грузовъ по замосковнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Порученіе заказать за границею паровозы и рельсы для Московско-Курской желѣзной дороги. Графъ В. А. Бобринскій при православномъ богослуженіи. Берлинъ и заказъ паровозовъ. Еельгійскій адвокатъ и В. А. Шмидтъ. Кале. Заказъ паровозовъ и французская почта. Пріѣздъ въ Парижъ и заказъ паровозовъ. Запрещеніе печатанія ежемѣсячныхъ вѣдомостей о сборахъ на русскихъ желѣзныхъ

дорогахъ. Назначеніе графа В. А. Бобринскаго исправляющимъ должность министра путей сообщенія. Начало Святой недѣли въ Парижѣ. Женева. Мой братъ. Вѣна. Результатъ заказа паровозовъ и рельсъ. Карлсбадъ. Письмо графа В. А. Бобринскаго о предполагаемомъ преобразованіи министерства путей сообщенія и мои отвѣты. Альтенбургъ. Инженеръ Енохъ. Берлинъ. К. В. Чевкинъ. С. Колодезское. Распоряженіе объ уменьшеніи числа приходскихъ церквей. Назначеніе меня сенаторомъ. Назначеніе присутствовать въ Сенатѣ по дѣламъ министерства путей сообщенія, предсѣдательствовать въ совѣтѣ сего министерства и завѣдывающимъ дѣлами по желѣзнымъ дорогамъ. Учрежденіе въ Ельцѣ желѣзнодорожнаго училища. Правила о постройкахъ и пр. вблизи желѣзныхъ дорогъ. Передача Петергофской желѣзной дороги акціонерному обществу. Договоры на образованіе Новороссійскаго общества каменноугольнаго и прочаго производства, общества Константиновской желѣзной дороги и на дополнительныя устройства по Одессо-Балтской желѣзной дорогѣ. Ссуды обществамъ Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской желѣзныхъ дорогъ. Концессія на Грязе-Царицынскую и Либавскую желѣзныя дороги. Ассигнованіе суммы на добавочныя работы по Московско-Курской желѣзной дорогѣ. Сѣть желѣзныхъ дорогъ въ іюлѣ 1869 года. Назначеніе меня управляющимъ министерствомъ путей сообщенія. Лица центральнаго управленія въ этомъ министерствѣ. Занятія по уступкѣ Воронежско-Грушевской и Бессарабской желѣзныхъ дорогъ, расторженію договора съ Уайнансомъ по Николаевской желѣзной дорогѣ, усиленію движенія на замосковныхъ желѣзныхъ дорогахъ, по общему съѣзду представителей желѣзныхъ дорогъ и по устройству памятника Екатеринѣ II. Несчастные случаи на Кіево-Балтской и Петергофской желѣзныхъ дорогахъ. Переписка съ графомъ В. А. Бобринскимъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Кавказская желѣзная дорога. Депутація купечества, торгующаго хлѣбомъ въ Петербургѣ. Присутствованіе въ Государственномъ Совѣтѣ и личные доклады Государю. Возвращеніе графа В. А. Бобринскаго и Высочайшая благодарность мнѣ за управленіе министерствомъ. Отъѣздъ Бобринскаго и вступленіе мое вновь въ управленіе министерствомъ. Приглашеніе Бобринскимъ постороннихъ лицъ на службу въ министерство. Комиссіи объ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогахъ и другія. Лица, приглашенныя мною на службу въ министерство. Занятія мои въ бытность графа В. А. Бобринскаго въ Петербургѣ. Уставъ общества Тамбовско-Козловской желѣзной дороги и концессіи на Иваново-Кинешемскую, Скопинскую и Брест-Граевскую желѣзныя дороги. Привѣтствія отъ разныхъ обществъ и лицъ. Открытыя желѣзныя дороги во вторую половину 1869 года и сѣть желѣзныхъ дорогъ къ 1 января 1870 года. Мои домашнія дѣла во вторую половину 1869 года. Мои денежныя дѣла. Покупка дачи въ Царскомъ Селѣ. Назначеніе И. Д. Хмельницкаго директоромъ канцеляріи министра путей сообщенія. Составленіе концессіи на Кіево-Брестскую желѣзную дорогу. Сѣти желѣзныхъ дорогъ, разрѣшенныя комитетомъ желѣзныхъ дорогъ въ 1868 и 1870 годахъ. Уставъ общества Московско-Смоленской желѣзной дороги и концессія на Смоленско-Брестскую. Гарантія акцій Балтійской желѣзной дороги. Льгота обществу Риго-Динабургской желѣзной дороги. Положеніе о желѣзной дорогѣ Путиловскаго товарищества и выпускъ акцій Варшаво-Вѣнской желѣзной дороги. Ливенская узкоколейная желѣзная дорога. Дополнительныя условія къ концессіи на Поти-Тифлисскую желѣзную дорогу. Кончина члена совѣта главнаго общества желѣзныхъ дорогъ Ф. И. Таубе и назначеніе на его мѣсто В. А. Данненштерна. Финляндская желѣзная

дорога. Полученіе мною Бѣлаго Орла и назначеніе управлять министерствомъ путей сообщенія. Концессія на Новгородскую узкоколейную желѣзную дорогу и дополнительныя условія къ договору съДжономъ Юзомъ. Концессія на Кіево-Брестскую желѣзную дорогу. Полученіе жетона попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. Пожаръ Мстинскаго моста и его возобновленіе. Предварительныя изысканія по линіямъ предполагаемыхъ желѣзныхъ дорогъ. Переѣздъ въ Царское Село. Постройка моста черезъ р. Днѣпръ въ Кременчугѣ. Гарантія земствъ по желѣзнымъ дорогамъ. Ассигнованіе суммъ на Финляндскую желѣзную дорогу. Повелѣніе мнѣ продолжать управлять министерствомъ путей сообщенія. Кончина моего брата Николая. Поѣздка въ чужомъ экипажѣ изъ Краснаго Села въ Царское. Концессія на Одесскую желѣзную дорогу. Уставъ общества Шуйско-Ивановской желѣзной дороги и дополнительныя статьи къ уставамъ обществъ Московско-Рязанской и Московско-Ярославской желѣзныхъ дорогъ. Ассигнованіе суммы для платежа по Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ. Письмо графа В. А. Бобринскаго о работахъ по Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ и объ изысканіяхъ по устройству Оренбургской и Уральской желѣзныхъ дорогъ. Возвращеніе графа В. А. Бобринскаго въ Петербургъ, отъѣздъ его на югъ Россіи и вступленіе мое вновь въ управленіе министерствомъ. Моя сестра на моей Царскосельской дачѣ. Второй общій съѣздъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Концессія и уставъ Риго-Больдераасской желѣзной дороги. Уставъ общества Новоторжской желѣзной дороги. А. В. Головнинъ въ департаментѣ экономіи Государственнаго Совѣта. Изысканія на устройство желѣзной дороги отъ Бердичева до Брестъ-Литовска. Льготы по желѣзной дорогѣ обществу русскаго пароходства и Одесской желѣзной дороги. Отдача этому обществу въ аренду желѣзной дороги отъ Елисаветграда до Крюкова. Уставъ общества Балтійской желѣзной дороги. Назначеніе старшихъ должностныхъ лицъ въ министерство путей сообщенія. Наименованіе желѣзнодорожнаго училища въ Москвѣ «Дельвиговскимъ». Повелѣніе мнѣ управлять министерствомъ на время отсутствія В. А. Бобринскаго и происшедшія въ это отсутствіе недоразумѣнія. Возвращеніе его и его всеподданнѣйшіе доклады о предпріятіи Эпштейна на р. Волгѣ, о преобразованіи министерства путей сообщенія и о новомъ способѣ выдачи концессіи на желѣзныя дороги. Желѣзныя дороги, открытыя въ 1870 году. Сѣть желѣзныхъ дорогъ къ 1 января 1871 года. Повелѣніе о моемъ присутствованіи въ Сенатѣ. Новыя мои назначенія по службѣ. Уставъ общества Кіево-Брестской желѣзной дороги. Договоръ на эксплоатацію желѣзной дороги отъ Тересполя до Бреста. Управленіе мною министерствомъ по случаю болѣзни В. А. Бобринскаго. Утвержденіе устава общества Либавской желѣзной дороги и размѣра акціонернаго и облигаціоннаго капитала Воронежско-Грушевской желѣзной дороги. Уставы общества Бресто-Граевской желѣзной дороги и Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища. Уставы обществъ Московско-Курской желѣзной дороги, товарныхъ складовъ при желѣзной дорогѣ Путиловскаго товарищества и измѣненіе въ уставѣ общества Ряжско-Моршанской желѣзной дороги. Выходъ мой изъ министерства и полученіе ордена св. Александра Невскаго. Желѣзныя дороги, открытыя въ 1871 году до 21-го мая, и сѣть желѣзныхъ дорогъ къ этому времени. Снятіе запрета съ Россіи имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ. Кончина княжны Т. А. Волконской. Моя домашняя жизнь въ Петербургѣ. 3

Стр.

ГЛАВА XI. 1871 годъ. Введеніе. Порученіе графу В. А. Бобринскому осмотрѣть желѣзныя дороги. Назначеніе Бобринскаго товарищемъ министра путей сообщенія. Назначеніе его министромъ путей сообщенія. Назначеніе меня предсѣдательствующимъ въ совѣтѣ министерства путей сообщенія, завѣдывающимъ дѣлами по желѣзнымъ дорогамъ и сенаторомъ. Вступленіе мое въ управленіе министерствомъ путей сообщенія за отсутствіемъ Бобринскаго. Его возвращеніе и назначеніе въ министерство лицъ изъ постороннихъ вѣдомствъ. Князь Щербатовъ. Золотаревъ. Гейнсъ. Графъ Алексѣй Бобринскій. Комитетъ по улучшенію Маріинской системы. Предложенія по улучшенію судоходства рѣки Волги. Преобразованіе центральныхъ учрежденій министерства путей сообщенія, милостивое расположеніе Государя ко мнѣ и хорошія мои отношеніи къ В. Бобринскому. Дѣло по устройству желѣзной дороги отъ Бердичева къ Бресту. Болѣзнь графа Владиміра Бобринскаго и вступленіе мое въ управленіе министерствомъ. Продолженіе дѣла по устройству желѣзной дороги отъ Бердичева къ Бресту. Расточительность Бобринскаго по казеннымъ суммамъ. Дѣло по передачѣ шоссе въ Московской губерніи Московскому земству. Дѣло по желѣзной дорогѣ къ Севастополю. Интриги приближенныхъ Бобринскаго. Представленіе къ наградамъ по министерству путей сообщенія въ 1871 году. Новый способъ образованія обществъ желѣзныхъ дорогъ. Образованіе обществъ на Ландварово-Роменскую и Лозово-Севастопольскую желѣзныя дороги. Желаніе мое удалиться изъ министерства путей сообщенія. Возвращеніе Владиміра Бобринскаго въ Петербургъ. Удаленіе мое изъ министерства путей сообщенія и назначеніе Алексѣя Бобринскаго товарищемъ министра. Перемѣна квартиры въ Петербургѣ въ 1871 году. Продолженіе разсказа объ отдачѣ Ландварово-Роменской и Лозово-Севастопольской желѣзныхъ дорогъ. Продажа Московско-Курской желѣзной дороги товариществу Московскихъ капиталистовъ. Статистическій сборникъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ за 1868 и 1869 годы. Поѣздка за границу. Варшава, Прага, Карлсбадъ, Ишль, Вѣна. Возвращеніе въ Петербургъ. Графъ К. И. Паленъ; графъ Г. Строгановъ; Д. А. Милютинъ. Торжественное шествіе въ Александро-Невскую Лавру. Назначеніе графа А. П. Бобринскаго управляющимъ министерствомъ путей сообщенія. Предложеніе объ избраніи меня въ совѣтъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Мои занятія осенью 1871 года и переѣздъ въ Петербургъ. 225

ГЛАВА XII. 1872—1876 гг. Занятія въ Сенатѣ. Моя домашняя жизнь. Болѣзнь моей племянницы Эмиліи. Покража изъ моего кабинета. Открытіе Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища. Отношенія ко мнѣ желѣзнодорожныхъ дѣятелей. Переговоры съ графомъ С. Г. Строгановымъ о моемъ присутствіи въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ. Великій князь Алексѣй Александровичъ. Поѣздка въ Москву на открытіе выставки въ память двухсотлѣтняго юбилея дня рожденія Петра Великаго. Великій князь Константинъ Николаевичъ на этой выставкѣ. Покупка мною дома для Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища и продажа его училищу. Жизнь въ Царскомъ Селѣ. Пожаръ въ петербургскомъ домѣ, въ которомъ я занималъ квартиру. Десятилѣтній юбилей открытія Троицкой желѣзной дороги. Наша домашняя жизнь въ Петербургѣ. Отказъ мой на приглашенія участвовать въ разныхъ частныхъ предпріятіяхъ. Отказъ отъ участія въ комиссіи для разсмотрѣнія проектовъ по устройству Литейнаго постояннаго моста и въ дѣлѣ по распространенію Петербургскихъ водо-

проводовъ. Разсмотрѣніе проекта снабженія водою г. Казани. Порученіе убѣдить П. І. Губонина окончить постройку собора св. Владиміра въ старомъ Херсонесѣ. Кончина моей тетки П. А. Замятниной. Мои домашнія дѣла въ апрѣлѣ 1873 года. Н. И. Путиловъ и его предпріятія: рельсовый заводъ, желѣзная дорога, Петербургскій портъ и подрядъ по Морскому каналу въ Кронштадтѣ. Его просьба о принятіи Московскими банками участія въ его дѣлахъ. Слухи о назначеніи меня министромъ путей сообщенія. Моя поѣздка въ Москву для заявленія о нежеланіи поступить въ совѣтъ общества Путиловскихъ заводовъ и отказъ банковъ въ просьбѣ Путилова. Согласіе, по иниціативѣ Ѳ. В. Чижова, банковъ на его просьбу. Выборъ меня въ предсѣдатели упомянутаго совѣта. Дѣла общества Путиловскихъ заводовъ въ связи съ другими дѣлами Путилова. Выходъ изъ совѣта этого общества. Мое участіе въ дѣлахъ Путилова съ В. И. Александровскимъ. Открытіе работъ по устройству Морского канала. Пожаръ на нашей Царскосельской дачѣ. Отвѣтъ Ѳ. В. Чижову, объясняющій положеніе дѣлъ Путилова. Дѣла общества Путиловскихъ заводовъ по октябрь 1876 года. Телеграмма Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища 13 марта 1873 года. Поѣздка съ П. П. Меньковымъ до Вѣны. Жизнь съ сестрою и ея дочерью во время Вѣнской выставки. Встрѣча на ней съ графомъ В. А. Бобринскимъ. Карлсбадъ. Ишль и поѣздка съ сестрою и ея дочерью въ Эмсъ и Висбаденъ. Мое возвращеніе въ Царское Село. Сдача петербургской квартиры моей сестры. Новый контрактъ на наемъ нашей петербургской квартиры по 1 іюня 1876 года и новый хозяинъ дома. Наша жизнь въ Царскомъ Селѣ. Поѣздка въ Нижній-Новгородъ на свадьбу моего племянника барона Д. Н. Дельвига. Дельвиговское желѣзнодорожное училище въ Москвѣ. Разсмотрѣніе проекта водоснабженія г. Казани и мои отношенія къ предполагаемымъ Таганрогскому водопроводу и распространенію водоснабженія Москвы. Наша жизнь въ Петербургѣ. Рескриптъ министру народнаго просвѣщенія о народныхъ училищахъ. Карикатура на Каткова и четырехъ министровъ и уставъ о воинской повинности. Голодъ въ Самарской губерніи и сборъ въ пользу голодающихъ. Предсѣдатель главнаго управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и оставленіе мною мѣстъ товарища предсѣдателя этого общества и предсѣдателя комиссіи по перестройкѣ дома, принадлежащаго обществу. Предложеніе мнѣ въ 1876 году быть главнымъ уполномоченнымъ общества въ Сербіи. Бракосочетаніе великой княжны Маріи Александровны. Смерть фельдмаршала Берга. Свадьба В. Г. Филипсонъ съ В. И. Солдатенковымъ, ея смерть и свадьба Н. Г. Филипсонъ съ тѣмъ же Солдатенковымъ. Вторая женитьба И. К. Ренара. Телеграмма Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища 13 марта 1874 года. Мнѣніе Рейтерна объ остановкѣ устройства желѣзныхъ дорогъ послѣ 21 мая 1871 года, и дороги, утвержденныя съ этого времени по 1 января 1873 года. Учрежденія обществъ Оренбургской, Уральской, Фастовской и Привислинской желѣзныхъ дорогъ. Директора отъ правительства въ правленіяхъ желѣзныхъ дорогъ. Представленіе министра путей сообщенія о включеніи въ сѣть желѣзныхъ дорогъ 5.400 верстъ. Поѣздка въ Москву на экзамены въ Дельвиговскомъ желѣзнодорожномъ училищѣ. Присутствованіе въ Сенатѣ въ вакантное время 1874 года. Пріѣздъ А. И. Викулиной изъ-за границы въ Царское Село. Дѣло по жалобѣ купца Савина, купившаго лѣсъ у А. И. Викулиной. Дѣло по снятію запрещенія съ имѣній А. И. Викулиной и ея дочери Эмиліи. А. А. и И. А. Нарышкины. Назначеніе графа Шувалова посломъ въ Лондонъ. Увольненіе графа А. П. Бо-

бринскаго отъ должности министра путей сообщенія и назначеніе на это мѣсто К. Н. Посьета. Дѣйствія по концессіи на Донецкую желѣзную дорогу. Слухи о назначеніи меня членомъ Государственнаго Совѣта. Продолженіе описанія дѣйствія по концессіи Донецкой желѣзной дороги. Занятія Посьета, какъ министра путей сообщенія. Переѣздъ Посьета въ домъ министра путей сообщенія. Избраніе меня членомъ совѣта общества пароходства, торговли и Одесской желѣзной дороги. Квартира, нанятая въ Петербургѣ для А. И. Викулиной въ 1874 году. Наша жизнь въ Петербургѣ въ зиму 1875 года. Дѣло Овсянникова по поджогу паровой мельницы въ Петербургѣ. Дѣло о Петербургскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства М. А. Безобразовѣ и по разсмотрѣнію проектовъ объ учрежденіи всесословной волости. Слухъ о злоупотребленіяхъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Дѣло Петербургскаго окружнаго суда по составленію фальшиваго духовнаго завѣщанія г-жею Сѣрковою. Слухъ о разводѣ П. П. фонъ-Дервиза съ женою. С.-Петербургское общество взаимнаго кредита. Переходъ изданія «Петербургскихъ Вѣдомостей» изъ академіи наукъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Уставы классическихъ и реальныхъ гимназій съ 1871 года и ихъ послѣдствія. Назначеніе меня предсѣдателемъ съѣзда машиностроителей, желѣзнозаводчиковъ и главныхъ потребителей желѣза и машинъ, и членомъ комиссіи по развитію въ Россіи рельсоваго производства и устройства подвижного состава. Дѣйствія съѣзда машиностроителей и проч. Телеграмма Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища 13 марта 1875 года. Болѣзнь моей жены. А. И. Баландинъ. Смерть Н. Х. Филипсонъ. Нашъ переѣздъ въ Царское Село и поѣздка въ Московскую губернію на похороны М. Д. Засѣцкаго. Гостиница «Славянскій базаръ» въ Москвѣ. Стипендіи ученикамъ Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища и экзамены въ этомъ училищѣ. Новое духовное завѣщаніе моей сестры. Московскій Англійскій клубъ. Возвращеніе въ Царское Село. Предположеніе о желѣзной дорогѣ между Москвою и Киржачемъ. Выборъ направленія желѣзной дороги въ Сибирь. Поѣздка въ Карлсбадъ, Шварцкопфъ, Страссбургъ. Русскіе въ Карлсбадѣ. С. С. Поляковъ, генералъ Синельниковъ и генералъ-адъютантъ князь Суворовъ. Возвращеніе изъ Карлсбада. Уплата Бильбасовымъ захваченныхъ имъ у меня денегъ. Ѳ. А. Оомъ о лечебномъ заведеніи въ Маріенбруннѣ. Поѣздка съ женою до Парижа. Пошлина на табакъ во Франціи. Парижъ. Монморанси. Обратный переѣздъ въ Парижъ. Переѣздъ изъ Парижа въ Канны. Болѣзнь моей жены въ іюнѣ 1877 года. Переѣздъ въ Петербургъ. М. Ф. Смитъ. Кончина моей сестры А. И. Викулиной. Послѣднее свиданіе моей жены съ племянницею Эмиліею Викулиной. Перевозъ тѣла сестры въ Москву. Продолженіе описанія болѣзни моей жены и ея кончина 6 января 1878 года. Жизнь въ Каннахъ въ октябрѣ 1875 года. Поѣздка въ Ниццу. К. В. Чевкинъ; его кончина; его вдова. Комары въ Каннѣ. Пріѣздъ Н. Н. Левашова съ женою въ Канны. Мой переѣздъ въ Петербургъ. Парижская полиція. Нашъ посолъ князь Орловъ. Парижскій префектъ полиціи Рено. Алкье, Берлинъ. Мнѣніе графа Воронцова-Дашкова о возстаніи въ Босніи и Герцеговинѣ. Моя жизнь въ Петербургѣ съ конца октября 1874 года по конецъ марта 1875 года. Занятія въ Сенатѣ и въ комиссіи по снабженію русскихъ желѣзныхъ дорогъ рельсами и подвижнымъ составомъ. Кончина многихъ моихъ близкихъ осенью 1875 года. Мои денежныя дѣла въ мартѣ 1876 года. Новый 1876 годъ. Засѣданіе въ комиссіи по техническому образованію при техническомъ обществѣ въ январѣ 1876 года. Кончина

Стр.

вдовы моего брата. Жизнь моей жены въ Каннахъ. Мой заграничный отпускъ въ мартѣ 1876 года. Поѣздка въ Москву. Переѣздъ изъ Петербурга въ Канны. Поѣздка въ Ниццу и жизнь въ Каннахъ. Поѣздка съ женою въ Парижъ. Пребываніе въ Парижѣ и переѣздъ въ Царское Село. Окончаніе «Моихъ воспоминаній». 331

Въ началѣ IV тома приложенъ фотографическій портретъ барона А. И. Дельвига, снятый съ портрета, писаннаго масляными красками, работы И. Е. Рѣпина.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ IV ТОМУ.

6 января 1878 года баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ овдовѣлъ. Это печальное событіе въ жизни барона имѣло роковое значеніе для его автобіографическихъ записокъ. Онъ самъ, вскорѣ послѣ кончины жены, заключилъ ихъ слѣдующими строками: «Мои воспоминанія» я началъ писать, между прочимъ, съ тѣмъ, чтобы, по достиженіи мною и моею женою старости, перечитывать вмѣстѣ съ нею нѣкоторые изъ описанныхъ въ нихъ эпизодовъ, но, лишившись моего друга въ 1878 году, я потерялъ охоту ихъ писать».

«Мои воспоминанія» на этомъ событіи и оканчиваются. Изложивъ въ своихъ запискахъ во всѣхъ подробностяхъ всѣ обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія кончину жены, баронъ Андрей Ивановичъ окончательно забросилъ свое талантливое перо и умолкъ...

Послѣднія девять лѣтъ своей жизни онъ ничѣмъ не отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: въ образѣ жизни частнаго человѣка онъ, можетъ быть, не находилъ матеріала, интереснаго для общественнаго вниманія.

Свидѣтельница послѣднихъ лѣтъ жизни барона, племянница его баронесса Ольга Николаевна Дельвигъ, сообщила намъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ періодѣ его жизни:

«Послѣ кончины жены онъ жилъ съ племянницею Эмиліей Семеновной Викулиной, присутствовалъ въ Сенатѣ,

много читалъ, дѣлалъ большія прогулки и видалъ своихъ друзей и знакомыхъ. Лѣтомъ ѣздилъ, для здоровья, на воды въ Карлсбадъ. Когда я вышла изъ Смольнаго Института, то стала жить съ дядей и двоюродной сестрой, а такъ какъ она часто была больна, то дядя, по своей великой добротѣ, ѣздилъ со мною на вечера и балы».

Самымъ крупнымъ событіемъ этого періода было торжественное празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея государственной службы барона, происходившее 19 іюня 1880 года. Нѣкоторые желѣзнодорожные дѣятели, въ память наступавшаго 19 іюня 1880 года 50-лѣтняго служенія въ офицерскихъ чинахъ инженеръ-генералъ-лейтенанта, сенатора барона Дельвига, пожелали учредить степендіи его имени въ Дельвиговскомъ желѣзнодорожномъ училищѣ въ Москвѣ, или въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I, и съ этою цѣлію ходатайствовали о дозволеніи имъ образовать комитетъ изъ среды лицъ, желающихъ участвовать въ выраженіи сочувствія къ дѣятельности барона Дельвига.

По всеподданнѣйшему о семъ докладу министра путей сообщенія, Императоръ Александръ II, 3 апрѣля 1880 года, соизволилъ разрѣшить удовлетвореніе помянутаго ходатайства.

Желѣзнодорожные дѣятели избрали, 26-го апрѣля, предсѣдателемъ помянутаго комитета П. А. Фадѣева и членами: инженеровъ Н. Н. Петерса, барона Р. В. Штейнгеля, И. В. Друри, Е. М. Духовскаго и С. Е. Толмачева; В. К. фонъ-Мекка, С. С. Полякова и А. М. Варшавскаго.

Комитетъ, въ засѣданіи своемъ того же 26-го апрѣля, постановилъ открыть подписку для учрежденія стипендіи имени барона Андрея Ивановича въ Дельвиговскомъ желѣзнодорожномъ училищѣ въ Москвѣ и обезпеченія этого училища матеріальными средствами, и съ этою цѣлію послать приглашенія въ учрежденія и къ лицамъ, съ которыми баронъ Дельвигъ имѣлъ сношенія во время его нахожденія въ вѣдомствѣ путей сообщенія.

19-го іюня, при поздравительномъ письмѣ военнаго министра, присланы были барону Дельвигу алмазные знаки

ордена св. Александра Невскаго, пожалованные за его 50-лѣтнюю отлично-усердную и полезную службу.

Въ этотъ день, утромъ, собрались на квартирѣ барона Дельвига его родные, близкіе знакомые и, въ весьма значительномъ числѣ, инженеры путей сообщенія всѣхъ чиновъ, другіе техники, желѣзнодорожные дѣятели, нѣсколько служащихъ и служившихъ въ Министерствѣ путей сообщенія и другихъ лицъ, имѣвшихъ съ барономъ Дельвигомъ сношенія во время его службы въ этомъ Министерствѣ. П. А. Фадѣевъ прочелъ слѣдующій адресъ отъ инженеровъ путей сообщенія и желѣзнодорожныхъ дѣятелей:

Немногимъ выпадаетъ на долю счастливый жребій быть виновникомъ торжества подобнаго сегодняшнему. Полувѣковой непрерывный трудъ на поприщѣ общественной и государственной дѣятельности требуетъ большого запаса душевныхъ и физическихъ силъ, и потому доступенъ лишь людямъ, богато одареннымъ природою, избраннымъ судьбой для полнаго развитія и проявленія талантовъ, выходящихъ изъ общаго уровня.

Слѣдуя завѣту Богочеловѣка, вы, баронъ Андрей Ивановичъ, не зарыли въ землю своихъ талантовъ. Съ первыхъ же лѣтъ вашей дѣятельности, вы заслужили вниманіе начальствующихъ лицъ, уваженіе товарищей и любовь подчиненныхъ основательнымъ знаніемъ поручаемаго вамъ дѣла, любовью къ труду, преданностью къ наукѣ и справедливою оцѣнкою трудовъ помощниковъ вашихъ.

Замѣчательнѣйшія произведенія инженернаго и строительнаго искусства въ Россіи, исполненныя въ теченіе послѣдняго полувѣка, осуществлены при вашемъ содѣйствіи. Достаточно вспомнить участіе ваше въ сооруженіи московскаго и нижегородскаго шоссе, въ устройствѣ московскихъ и нижегородскихъ водопроводовъ, въ постройкѣ Николаевскаго моста, въ возведеніи храма Спасителя въ Москвѣ и въ развитіи сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, чтобы оцѣнить разнообразіе и громадное значеніе дѣятельности вашей.

Кромѣ этихъ сооруженій мирнаго характера, высшія начальствующія лица признали васъ достойнымъ быть представителемъ инженернаго искусства въ примѣненіи онаго къ потребностямъ военнаго времени, для содѣйствія успѣху русскаго оружія. Труды ваши по устройству переправъ на р. Кубани и въ горахъ Кавказа, въ землѣ непокорныхъ горцевъ и—потомъ—на поляхъ Венгріи, въ званіи инспектора военныхъ сообщеній, сдѣлали

имя ваше извѣстнымъ и почетнымъ и за предѣлами вѣдомства инженеровъ путей сообщенія. Участіе ваше, при исполненіи сихъ порученій, въ военныхъ дѣйствіяхъ, часто подвергало жизнь вашу непосредственной опасности и вызвало лестные отзывы начальства о личномъ мужествѣ вашемъ и хладнокровномъ исполненіи своихъ обязанностей подъ выстрѣлами непріятеля.

Наконецъ, разнообразные труды ваши по административной и законодательной отрасли вѣдомства путей сообщенія и по разработкѣ многихъ вопросовъ обще-государственнаго характера обнаружили высокія дарованія ваши на этомъ поприщѣ и заслужили справедливую оцѣнку въ назначеніи васъ на высшія государственныя должности.

Такое многостороннее участіе въ практическомъ служеніи государству не поглотило однако всѣхъ вашихъ силъ и не отвлекло вашего вниманія отъ теоретическихъ задачъ науки. Плодомъ научныхъ знаній вашихъ явился обогатившій инженерную науку замѣчательнѣйшій трудъ, который и нынѣ, по прошествіи болѣе чѣмъ сорока лѣтъ, есть одно изъ лучшихъ сочиненій по гидравликѣ *).

Заслуги, оказанныя гражданиномъ государству, оцѣнены Верховнымъ Вождемъ народа, справедливость котораго вознаградила полувѣковые труды ваши многими знаками Монаршей милости и благоволенія.

Мы, бывшіе товарищи и сотрудники ваши, а также лица, служившія подъ вашимъ начальствомъ, или, по дѣятельности своей, имѣвшія удовольствіе входить въ сношенія съ вами, чествуемъ нынѣ пятидесятилѣтіе вашей службы и пользуемся этимъ случаемъ, чтобы выразить вамъ искреннія чувства глубокаго уваженія, вызываемаго въ насъ воспоминаніемъ о дѣятельности вашей, какъ человѣка, товарища и начальника, о проявленныхъ вами горячихъ стремленіяхъ къ правдѣ, преданности къ наукѣ, безпредѣльной любви къ Россіи и всему русскому. Качества эти глубоко запечатлѣны въ памяти всѣхъ знавшихъ васъ и вызываютъ въ насъ желаніе увѣковѣчить имя ваше для слѣдующихъ поколѣній.

Всегдашнее просвѣщенное содѣйствіе ваше къ развитію столь необходимыхъ для нашего отечества практическихъ знаній и техническаго образованія позволяетъ намъ надѣяться, что вы не откажете въ исполненіи нашей покорнѣйшей просьбы принять собранные почитателями вашими, занимающими самыя разнообразныя положенія въ нашемъ отечествѣ и въ вѣдомствѣ

---

*) Руководство къ устройству водопроводовъ было издано барономъ Дельвигомъ въ 1857 году и удостоено Академіею наукъ Демидовской преміи.

путей сообщенія, 38.730 рублей, на усиленіе средствъ Дельвиговскаго желѣзно-дорожнаго техническаго училища въ Москвѣ, обязаннаго вамъ своимъ существованіемъ и удостоеннаго чести носить имя ваше.

П. А. Фадѣевъ, передавая юбиляру адресъ, присовокупилъ, что жертвователи заявили желаніе, чтобы баронъ Дельвигъ располагалъ всею собранною суммою *) по своему усмотрѣнію.

Поблагодаривъ отъ глубины сердца своихъ прежнихъ сослуживцевъ и прочихъ лицъ, почтившихъ юбилей своимъ присутствіемъ, баронъ Дельвигъ заявилъ желаніе, чтобы часть собранной суммы, 6000 рублей, была употреблена на учрежденіе въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I одной стипендіи, а вся остальная сумма назначена на увеличеніе средствъ Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища въ Москвѣ, на что присутствовавшіе изъявили полное согласіе.

Послѣ этого привѣтствія барона поздравилъ товарищъ министра путей сообщенія А. Я. Гюбенетъ, и потомъ читались адреса отъ Императорскаго русскаго техническаго общества**), котораго баронъ Дельвигъ былъ первымъ предсѣдателемъ, отъ корпуса военныхъ инженеровъ, отъ Московскаго городского общества, отъ имени котораго городская дума опредѣлила учредить на средства города при Императорскомъ техническомъ училищѣ стипендію имени барона Дельвига, отъ Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища, отъ Императорскаго русскаго географическаго общества, отъ правленія Царскосельской желѣзной дороги. Инженеръ П. П. Зуевъ привѣтствовалъ юбиляра прочувствованной рѣчью. В. А. Кокоревъ, обративъ особое вниманіе на пользу, принесенную барономъ Дельвигомъ Москвѣ устройствомъ Мытищинскаго водопровода съ значительнымъ увеличеніемъ доставляемой имъ воды, сказалъ: «Самъ Божественный Учи-

*) По точномъ исчисленіи взносовъ составилась сумма въ 39.823 р. 63 коп. Замѣчательно, что въ подпискѣ пожелали принять участіе машинисты, дорожные мастера, кондукторы и другія лица, занимающія низшія должности.

**) «Записки И. Р. Техническаго Общества», 1880 года, выпускъ 4-й, 157 стр.

тель евангельскими словами выразилъ: «И иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея». Поэтому какою высокою наградою должно служить Андрею Ивановичу собственное отрадное сознаніе въ томъ, что онъ своимъ знаніемъ и трудомъ далъ возможность многимъ тысячамъ и богатыхъ и бѣдныхъ людей постоянно пользоваться чистою, здоровою водою».

Въ то же время было принесено отъ неизвѣстнаго лица серебряное ведро съ ковшемъ; на одной сторонѣ ведра въ барельефѣ представлены изба и передъ нею телѣга, крестьянинъ, крестьянскій мальчикъ и двѣ лошади, пьющія воду изъ чана, а съ другой—выгравирована надпись: «1830. Глубокоуважаемому снабдителю Москвы здоровою водою Андрею Ивановичу барону Дельвигу. Отъ москвича, 1880».

Родныя племянницы юбиляра В. С. Засѣцкая и Э. С. Викулина поднесли ему великолѣпный альбомъ съ фотографіями разныхъ зданій, замѣчательныхъ по событіямъ жизни юбиляра, нѣкоторыхъ сооруженій, устроенныхъ подъ его руководствомъ или при его участіи, а также съ портретами его близкихъ родныхъ. Малолѣтняя племянница юбиляра, воспитанница Общества благородныхъ дѣвицъ, баронесса О. Н. Дельвигъ, съ особеннымъ чувствомъ прочла стихи, написанные по случаю юбилея.

Въ этотъ же день юбиляра посѣтили съ поздравленіями министръ юстиціи, сенаторы, оберъ-прокуроръ и чиновники канцеляріи межевого департамента, въ которомъ баронъ Дельвигъ присутствовалъ съ 1871 года, и многія другія лица. Значительное число писемъ и телеграммъ было получено имъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Западной Европы.

Объ юбилеѣ барона Дельвига были напечатаны свѣдѣнія въ газетахъ и очень подробная статья, съ оцѣнкою заслугъ юбиляра, въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» за сентябрь 1880 года (Внутреннее обозрѣніе).

Столь торжественное и столь единодушное празднованіе юбилея барона Дельвига и общее признаніе его заслугъ на службѣ отечеству, безъ всякаго сомнѣнія, внесли наиболѣе яркій лучъ свѣта въ послѣдніе годы жизни барона. Въ память объ этомъ знаменательномъ событіи была напе-

чатана изящная книга, съ портретомъ и автографомъ барона, подъ заглавіемъ: «Девятнадцатое іюня 1830—L—1880. Юбилей барона А. И. Дельвига».

Какъ прошли послѣдующіе годы и какъ относился баронъ къ событіямъ окружающей жизни,—мы не знаемъ. «Мои воспоминанія» не говорятъ ни слова объ этомъ, а другихъ источниковъ, пожалуй, и никогда не будетъ.

Скончался баронъ А. И. Дельвигъ 20 января 1887 года. Свело его въ могилу воспаленіе легкихъ. Кончина его была спокойная, достойная прекраснаго человѣка, какимъ онъ былъ.

Вѣсть о кончинѣ барона была получена въ Москвѣ и здѣсь опечалила всѣхъ его друзей и знакомыхъ. 23-го января была совершена по немъ заупокойная литургія и панихида, а 25-го января того же 1887 года, въ № 25 «Московскихъ Вѣдомостей», напечатанъ былъ, за подписью П. Б., подъ которою не трудно узнать имя тоже уже покойнаго Петра Ивановича Бартенева, слѣдующій некрологъ:

Вчера, 23 января, отслужена была заупокойная литургія по скончавшемся въ Петербургѣ, на 75 году возраста, инженеръ-генералѣ, бывшемъ инспекторѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, баронѣ Андреѣ Ивановичѣ Дельвигѣ. Имя иностранное, но душа, жизнь и вся общественная дѣятельность вполнѣ русскія. Это былъ достойнѣйшій, вѣрнѣйшій сынъ Россіи, и его имя поминается добромъ на далекихъ ея пространствахъ, отъ Кавказа и Червонной Руси до Петербурга и Заволжья. Въ теченіе своей долгой трудовой службы онъ изъѣздилъ Европейскую Россію во всѣхъ направленіяхъ, по всѣмъ ея непроѣзднымъ, шоссейнымъ и желѣзнымъ дорогамъ, изъ которыхъ послѣднія почти всѣ созданы при болѣе или менѣе непосредственномъ его участіи. Воронежскій уроженецъ, онъ выросъ подъ сѣнью Задонскаго монастыря, и воспитанъ благочестивою матерью, изъ рода князей Волконскихъ. Учился баронъ А. И. Дельвигъ въ Институтѣ путей сообщенія еще при Бетанкурѣ. Первоначальная служба его прошла въ строгой школѣ графа Клейнмихеля, требовавшей неустаннаго труда. Московскій Мытищинскій водопроводъ составилъ ему первоначальную извѣстность, упроченную потомъ постройками Нижегородской и Московско-Ярославской желѣзныхъ дорогъ. Сочиненіе его на французскомъ языкѣ о водопроводахъ сдѣлало имя его почетнымъ въ Европѣ.

35757.

Детская Библиотека
им. 17 партсъезда
Кр... района
Ленинград Фонтанка 62

Когда праздновался его полувѣковой юбилей, кто-то поднесъ ему серебряное ведро съ видомъ Кремля и евангельскою подписью о заслугѣ того, кто напояетъ жаждущаго чашей студенсй воды. Баронъ Андрей Ивановичъ былъ двоюродный и любимый братъ поэта барона Антона Антоновича, и отсюда его связи съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Хомяковымъ. Живая любознательность не покидала его до послѣднихъ дней глубокой, но бодрсй старости. Сколько намъ извѣстно, онъ оставилъ обширныя записки о своей жизни и многоплодной дѣятельности; а памятникомъ его любви къ Москвѣ навсегда будетъ основанное имъ Дельвиговское желѣзнодорожное училище. Знавшіе барона Дельвига, отъ представителей высшаго общества до послѣдняго школьнаго ученика, никогда не позабудутъ его, а для друзей своихъ онъ незамѣнимъ.

Черезъ годъ, въ первую годовщину кончины барона А. И. Дельвига, Императорское русское техническое общество почтило память его особымъ засѣданіемъ, собраннымъ 20 января 1888 года. Въ этомъ засѣданіи произнесены были рѣчи, посвященныя жизни, ученымъ трудамъ и служебной дѣятельности барона. Подробный отчетъ объ этомъ засѣданіи и всѣ произнесенныя при этомъ рѣчи напечатаны были въ «Запискахъ Императорскаго русскаго техническаго общества» за тотъ же 1888 годъ, въ выпускѣ 6-мъ, на 1—21 стр.

Черезъ двадцать пять лѣтъ по кончинѣ барона А. И. Дельвига, согласно его волѣ, лѣтомъ 1912 года начали выходить въ свѣтъ его автобіографическія записки, названныя имъ «Мои воспоминанія». Черезъ годъ, настоящимъ четвертымъ томомъ, заканчивается печатаніе и изданіе записокъ барона. Столь быстрому завершенію дѣла больше всего помогли сами записки: интересъ ихъ привлекъ къ нимъ такъ много вниманія и въ повременной печати и въ обществѣ, что въ настоящее время первый томъ, ровно черезъ годъ, уже весь распроданъ. Этотъ успѣхъ доставилъ нѣкоторую выгоду, которая, вмѣстѣ съ капиталомъ оставленнымъ самимъ барономъ на печатаніе его записокъ, дала возможность въ короткій срокъ напечатать всѣ томы записокъ.

Въ счетѣ томовъ записокъ мы отступили отъ предположенія самаго барона А. И. Дельвига. Самъ авторъ раздѣлилъ

свои записки на пять томовъ съ такимъ распредѣленіемъ главъ и хронологіи:

Въ составъ перваго тома входили первыя четыре главы, обнимавшія періодъ жизни автора отъ 1813 до 1842 года.

Второй томъ содержалъ двѣ главы, пятую и шестую, и обнималъ время отъ 1842 до 1852 года.

Третій томъ содержалъ тоже двѣ главы, седьмую и восьмую, и обнималъ время отъ 1852 до 1862 года.

Четвертый томъ содержалъ тоже двѣ главы, девятую и десятую, и обнималъ время отъ 1863 до 1871 года.

Пятый томъ содержалъ двѣ же главы, одиннадцатую и двѣнадцатую, и обнималъ послѣдніе годы записокъ съ 1871 до 1876 года.

Техническія, а частію финансовыя соображенія заставили отступить отъ этого плана барона А. И. Дельвига и всѣ его записки напечатать въ четырехъ, вмѣсто пяти, томахъ. Такимъ образомъ разница получилась только въ количествѣ томовъ, которые вышли пообъемистѣе предположенныхъ самимъ авторомъ. Но эта разница нисколько не отразилась на самомъ содержаніи записокъ, на объемѣ ихъ и даже на количествѣ главъ: «Мои воспоминанія» барона А. И. Дельвига цѣликомъ и въ полномъ своемъ объемѣ вошли въ изданные четыре тома.

Необходимо, однако, замѣтить, что буквальное напечатаніе записокъ барона А. И. Дельвига представило непреодолимыя затрудненія. Его откровенное и рѣзкое перо иногда позволяло себѣ выраженія недопустимыя по отношенію къ лицамъ высокопоставленнымъ и особенно нынѣ здравствующимъ. Иногда баронъ сообщалъ сокровенныя пружины событій и разоблачалъ совсѣмъ интимныя подробности жизни своихъ современниковъ. А одинъ разъ, и именно, разсказывая о событіяхъ своей жизни въ 1871 году, баронъ записалъ такія подробности, которыя едва ли увидятъ свѣтъ и черезъ сто лѣтъ.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, при печатаніи, приходилось выкидывать иногда слова, иногда выраженія, а иногда и страницы записокъ. Впрочемъ, такихъ выкидокъ сдѣлано немного, и притомъ по объему онѣ не значительны.

Настоящій четвертый и послѣдній томъ записокъ барона А. И. Дельвига украшенъ его портретомъ, воспроизводящимъ при посредствѣ фотографіи художественный портретъ его, исполненный масляными красками И. Е. Рѣпинымъ. Прекрасный фотографическій снимокъ съ него доставленъ намъ для изданія баронессой Ольгой Николаевной Дельвигъ, которой свидѣтельствуемъ глубокую благодарность за любезное вниманіе и содѣйствіе при изданіи записокъ ея дяди.

Хранитель Г. Георгіевскій.

21 Октября 1913 года.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

ТОМЪ IV.

1867—1876.

ГЛАВА X.

1867—1871 г.

Поѣздка въ Карлсбадъ. Лейбъ-медики Цицуринъ и Дубовицкій и другіе русскіе въ Карлсбадѣ. Франценсбадъ и Мюнхенъ. Монтре-Верне и Женева. Поѣздка въ Парижъ. Всемірная выставка. Мои прежніе знакомые въ Парижѣ. Берлинъ и таможня. Возвращеніе въ Петербургъ. Домовладѣлецъ генералъ-лейтенантъ Лошкаревъ. Открытіе послѣдняго участка Варшавско-Тереспольской желѣзной дороги и намѣстникъ Царства Польскаго графъ Бергъ. Устройство желѣзной дороги отъ Тересполя до Брестъ-Литовска. П. Д. Стремоуховъ. Осмотръ Московско-Рязанской, Рязанско-Козловской, Ряжско-Моршанской и Елецко-Грязской желѣзныхъ дорогъ. Колодезское и Задонскъ. Воронежъ. А. А. Шеле. Осмотръ Козлово-Воронежской и Шуйско-Ивановской желѣзныхъ дорогъ. Комиссія о преобразованіи корпусовъ инженеровъ путей сообщенія, горныхъ, межевыхъ, телеграфнаго и лѣсного въ гражданскія вѣдомства и правила для перевода инженеровъ путей сообщенія изъ военныхъ чиновъ въ гражданскіе. Комиссія для опредѣленія правъ каждаго инженера при переименованіи изъ военнаго въ гражданскій чинъ. Назначеніе меня состоять по инженерному корпусу съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. Гражданскіе мундиры инженеровъ путей сообщенія. Мѣры правительства къ изготовленію въ Россіи рельсъ, подвижного состава и другихъ принадлежностей для желѣзныхъ дорогъ. Комиссія по этому предмету въ 1867 году. Повелѣніе о постройкѣ желѣзной дороги отъ ст. Аксай до Ростова и о передачѣ Грушевской желѣзной дороги Полякову. Открытіе Ряжско-Моршанской желѣзной дороги. Сѣть частныхъ желѣзныхъ дорогъ къ 1 января 1868 года. Открытіе Воронежско-Козловской и Ростово-Аксайской желѣзныхъ дорогъ. Назначеніе меня членомъ комитета желѣзныхъ дорогъ и комиссіи о распредѣленіи пособій пострадавшимъ отъ неурожая. Засѣданія этой комиссіи. Назначеніе въ комиссію для начертанія путей въ сѣверныя губерніи. Представленіе Наслѣднику и Цесаревнѣ. Тарифная комиссія 1867 года. Договоры на устройство желѣзныхъ дорогъ отъ Курска до Харькова и отъ Харькова до Таганрога. Уставы обществъ Шуйско-Ивановской и Орловско-Витебской желѣзныхъ дорогъ и концессіи на Грязе-Борисоглѣбскую, Козлово-Тамбовскую и Грязе-Орловскую желѣзныя дороги. Мои денежныя дѣла въ январѣ 1868 года. Назначеніе графа В. А. Бобринскаго для осмотра замосковныхъ желѣзныхъ дорогъ. Сопровожденіе короля эллиновъ до австрійской границы. Переѣздъ въ Царское Село. Производство въ генералъ-лейтенанты. Царскосельская желѣзная дорога въ день крестинъ старшаго сына Наслѣдника. Поѣздка съ Д. И. Журавскимъ на замосковныя желѣзныя дороги, въ Задонскъ и Воронежъ. Предположеніе о концессіи желѣзной дороги между Пензою и Моршанскомъ. Концессія на желѣзную дорогу отъ Рыбинска до ст. Осѣченка. Договоръ на сооруженіе Тирасполе-Кишеневской желѣзной дороги. Уставъ общества Московско-Ярославской желѣзной дороги. Способы къ осуществленію этой дороги. Продажа Николаевской желѣзной дороги главному обществу желѣзныхъ дорогъ. Поѣздка съ графомъ В. А. Бобринскимъ въ Москву для опредѣленія мѣръ къ улучшенію эксплоатаціи на замосков-

ныхъ желѣзныхъ дорогахъ. М. Я. Вейсбергъ и наемъ квартиры въ его домѣ. Сопровожденіе Государя до Берлина. Берлинъ и Хемницъ. Заказъ у Борзига паровозовъ для Московско-Ярославской желѣзной дороги. Юбилейный праздникъ у Борзига. Друскеникскія воды. Осмотръ Риго-Динабургской и Риго-Митавской желѣзныхъ дорогъ. Возвращеніе въ Царское Село. Осмотръ Виндавскаго и Либавскаго портовъ. Концессіи на Балтійскую и Харьково-Кременчугскую желѣзныя дороги. Открытіе желѣзной дороги отъ Тересполя до Бреста. Кончина А. Г. и Н. А. Замятниныхъ. Открытіе Грязе-Елецкой и Шуйско-Ивановской желѣзныхъ дорогъ и концессія на Харьково-Азовскую желѣзную дорогу. Открытіе желѣзной дороги отъ Витебска до Рославля. Концессія на Тамбовско-Саратовскую желѣзную дорогу. Новый порядокъ выдачи концессій на желѣзныя дороги. Кончина Московскаго митрополита Филарета. Договоръ на постройку желѣзной дороги отъ ст. Александрова до дер. Цѣхоцинскъ. Открытіе желѣзныхъ дорогъ отъ Рославля до Орла и отъ Курска до Ворожбы. Поѣздка барона Д. Н. Дельвига въ Одессу. Концессіи на Московско-Смоленскую и Новоторжскія желѣзныя дороги. Открытіе участка Курско-Кіевской желѣзной дороги между ст. Ворожба и Бровары. А. П. Виноградова, бывшая Кернъ, въ Кіевѣ. Несчастіе съ моимъ поѣздомъ на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ. Разслѣдованіе жалобъ на Московско-Рязанскую желѣзную дорогу. Оставленіе мною должности главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ и назначеніе членомъ совѣта министерства путей сообщенія. Сѣть дорогъ въ то время. Мои денежныя дѣла въ мартѣ 1869 года и кругъ моихъ знакомыхъ. Мои занятія по совѣту министерства и по комитету передвиженія войскъ желѣзными дорогами и водою. Поѣздка съ графомъ В. А. Бобринскимъ въ Москву для опредѣленія средствъ, потребныхъ къ усиленію движенія на замосковныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Осмотръ участка Московско-Курской желѣзной дороги отъ Москвы до ст. Сергіево. Мысль объ общихъ и частныхъ съѣздахъ представителей желѣзныхъ дорогъ. Приглашеніе меня графомъ Бобринскимъ помогать ему, когда онъ будетъ назначенъ министромъ путей сообщенія. Комитетъ для усиленія средствъ къ перевозкѣ грузовъ по замосковнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Порученіе заказать за границею паровозы и рельсы для Московско-Курской желѣзной дороги. Графъ В. А. Бобринскій при православномъ богослуженіи. Берлинъ и заказъ паровозовъ. Бельгійскій адвокатъ и В. А. Шмидтъ. Кале. Заказъ паровозовъ и французская почта. Пріѣздъ въ Парижъ и заказъ паровозовъ. Запрещеніе печатанія ежемѣсячныхъ вѣдомостей о сборахъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Назначеніе графа В. А. Бобринскаго исправляющимъ должность министра путей сообщенія. Начало Святой недѣли въ Парижѣ. Женева. Мой братъ. Вѣна. Результатъ заказа паровозовъ и рельсъ. Карлсбадъ. Письмо графа В. А. Бобринскаго о предполагаемомъ преобразованіи министерства путей сообщенія и мои отвѣты. Альтенбургъ. Инженеръ Енохъ. Берлинъ. К. В. Чевкинъ. С. Колодезское. Распоряженіе объ уменьшеніи числа приходскихъ церквей. Назначеніе меня сенаторомъ. Назначеніе присутствовать въ Сенатѣ по дѣламъ министерства путей сообщенія, предсѣдательствовать въ совѣтѣ сего министерства и завѣдывающимъ дѣлами по желѣзнымъ дорогамъ. Учрежденіе въ Ельцѣ желѣзнодорожнаго училища. Правила о постройкахъ и пр. вблизи желѣзныхъ дорогъ. Передача Петергофской желѣзной дороги акціонерному обществу. Договоры на образованіе Новороссійскаго общества каменноугольнаго и прочаго производства, общества Константиновской желѣзной дороги и на дополнительныя устройства по Одессо-Балтской желѣзной дорогѣ. Ссуды обществамъ Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской желѣзныхъ дорогъ. Концессіи на Грязе-Царицынскую и Либавскую желѣзныя дороги. Ассигнованіе суммы на добавочныя работы по Московско-Курской желѣзной дорогѣ. Сѣть желѣзныхъ дорогъ въ іюлѣ 1869 года. Назначеніе меня управляющимъ министерствомъ путей сообщенія. Лица центральнаго управленія въ этомъ министерствѣ. Занятія по уступкѣ Воронежско-Грушевской и Бессарабской желѣзныхъ дорогъ, расторженію договора съ Уайнансомъ по Николаевской желѣзной дорогѣ, усиленію движенія на замосковныхъ желѣзныхъ дорогахъ, по общему съѣзду представителей желѣзныхъ дорогъ и по устройству памятника Екатеринѣ II. Несчастные случаи

на Кіево-Балтской и Петергофской желѣзныхъ дорогахъ. Переписка съ графомъ В. А. Бобринскимъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Кавказская желѣзная дорога. Депутація купечества, торгующаго хлѣбомъ въ Петербургѣ. Присутствованіе въ Государственномъ Совѣтѣ и личные доклады Государю. Возвращеніе графа В. А. Бобринскаго и Высочайшая благодарность мнѣ за управленіе министерствомъ. Отъѣздъ Бобринскаго и вступленіе мое вновь въ управленіе министерствомъ. Приглашеніе Бобринскимъ постороннихъ лицъ на службу въ министерство. Комиссіи объ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогахъ и другія. Лица, приглашенныя мною на службу въ министерство. Занятія мои въ бытность графа В. А. Бобринскаго въ Петербургѣ. Уставъ общества Тамбовско-Козловской желѣзной дороги и концессіи на Иваново-Кинешемскую, Скопинскую и Брест-Граевскую желѣзныя дороги. Привѣтствія отъ разныхъ обществъ и лицъ. Открытыя желѣзныя дороги во вторую половину 1869 года и сѣть желѣзныхъ дорогъ къ 1 января 1870 года. Мои домашнія дѣла во вторую половину 1869 года. Мои денежныя дѣла. Покупка дачи въ Царскомъ Селѣ. Назначеніе И. Д. Хмельницкаго директоромъ канцеляріи министра путей сообщенія. Составленіе концессіи на Кіево-Брестскую желѣзную дорогу. Сѣти желѣзныхъ дорогъ, разрѣшенныя комитетомъ желѣзныхъ дорогъ въ 1868 и 1870 годахъ. Уставъ общества Московско-Смоленской желѣзной дороги и концессія на Смоленско-Брестскую. Гарантія акцій Балтійской желѣзной дороги. Льгота обществу Риго-Динабургской желѣзной дороги. Положеніе о желѣзной дорогѣ Путиловскаго товарищества и выпускъ акцій Варшаво-Вѣнской желѣзной дороги. Ливенская узкоколейная желѣзная дорога. Дополнительныя условія къ концессіи на Поти-Тифлисскую желѣзную дорогу. Кончина члена совѣта главнаго общества желѣзныхъ дорогъ Ф. И. Таубе и назначеніе на его мѣсто В. А. Данненштерна. Финляндская желѣзная дорога. Полученіе мною Бѣлаго Орла и назначеніе управлять министерствомъ путей сообщенія. Концессія на Новгородскую узкоколейную желѣзную дорогу и дополнительныя условія къ договору съ Джономъ Юзомъ. Концессія на Кіево-Брестскую желѣзную дорогу. Полученіе жетона попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. Пожаръ Мстинскаго моста и его возобновленіе. Предварительныя изысканія по линіямъ предполагаемыхъ желѣзныхъ дорогъ. Переѣздъ въ Царское Село. Постройка моста черезъ р. Днѣпръ въ Кременчугѣ. Гарантія земствъ по желѣзнымъ дорогамъ. Ассигнованіе суммъ на Финляндскую желѣзную дорогу. Повелѣніе мнѣ продолжать управлять министерствомъ путей сообщенія. Кончина моего брата Николая. Поѣздка въ чужомъ экипажѣ изъ Краснаго Села въ Царское. Концессія на Одесскую желѣзную дорогу. Уставъ общества Шуйско-Ивановской желѣзной дороги и дополнительныя статьи къ уставамъ обществъ Московско-Рязанской и Московско-Ярославской желѣзныхъ дорогъ. Ассигнованіе суммы для платежа по Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ. Письмо графа В. А. Бобринскаго о работахъ по Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ и объ изысканіяхъ по устройству Оренбургской и Уральской желѣзныхъ дорогъ. Возвращеніе графа В. А. Бобринскаго въ Петербургъ, отъѣздъ его на югъ Россіи и вступленіе мое вновь въ управленіе министерствомъ. Моя сестра на моей Царскосельской дачѣ. Второй общій съѣздъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Концессія и уставъ Риго-Больдераасской желѣзной дороги. Уставъ общества Новоторжской желѣзной дороги. А. В. Головнинъ въ департаментѣ экономіи Государственнаго Совѣта. Изысканія на устройство желѣзной дороги отъ Бердичева до Брестъ-Литовска. Льготы по желѣзной дорогѣ обществу русскаго пароходства и Одесской желѣзной дороги. Отдача этому обществу въ аренду желѣзной дороги отъ Елисаветграда до Крюкова. Уставъ общества Балтійской желѣзной дороги. Назначеніе старшихъ должностныхъ лицъ въ министерство путей сообщенія. Наименованіе желѣзнодорожнаго училища въ Москвѣ «Дельвиговскимъ». Повелѣніе мнѣ управлять министерствомъ на время отсутствія В. А. Бобринскаго и происшедшія въ это отсутствіе недоразумѣнія. Возвращеніе его и его всеподданнѣйшіе доклады о предпріятіи Эпштейна на р. Волгѣ, о преобразованіи министерства путей сообщенія и о новомъ способѣ выдачи концессіи на желѣзныя дороги. Желѣзныя дороги, открытыя въ 1870 году. Сѣть желѣзныхъ дорогъ къ 1 января 1871 года. Повелѣніе о

моемъ присутствованіи въ Сенатѣ. Новыя мои назначенія по службѣ. Уставъ общества Кіево-Брестской желѣзной дороги. Договоръ на эксплоатацію желѣзной дороги отъ Тересполя до Бреста. Управленіе мною министерствомъ по случаю болѣзни В. А. Бобринскаго. Утвержденіе устава общества Либавской желѣзной дороги и размѣра акціонернаго и облигаціоннаго капитала Воронежско-Грушевской желѣзной дороги. Уставы общества Брест-Граевской желѣзной дороги и Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища. Уставы обществъ Московско-Курской желѣзной дороги, товарныхъ складовъ при желѣзной дорогѣ Путиловскаго товарищества и измѣненіе въ уставѣ общества Ряжско-Моршанской желѣзной дороги. Выходъ мой изъ министерства и полученіе ордена св. Александра Невскаго. Желѣзныя дороги, открытыя въ 1871 году до 21-го мая, и сѣть желѣзныхъ дорогъ къ этому времени. Снятіе запрета съ Россіи имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ. Кончина княжны Т. А. Волконской. Моя домашняя жизнь въ Петербургѣ.

Въ концѣ іюня 1867 года я, по совѣту медиковъ, снова поѣхалъ въ Карлсбадъ. Въ Берлинѣ я переѣхалъ съ одной жел. дороги на другую, оканчивавшуюся Шварценбергомъ. Въ этомъ мѣстечкѣ подошелъ ко мнѣ какой-то проѣзжающій, который назвалъ себя сенаторомъ изъ Гамбурга и просилъ нанять пополамъ экипажъ до Карлсбада. Съ нимъ ѣхала его дочь, молодая некрасивая дѣвица. На австрійской границѣ я заявилъ о провозимыхъ мною двухъ ящикахъ сигаръ. Сенаторъ заявилъ о томъ же. У насъ было одинаковое количество сигаръ одинаковой величины, но онъ догадался вынуть ихъ изъ ящиковъ, а мои были взвѣшены вмѣстѣ съ ящиками, и потому съ меня потребовали болѣе пошлины, чѣмъ съ него. При этомъ австрійскіе таможенные чиновники требовали уплаты серебряною монетою и, за неимѣніемъ ея, отказались взять австрійскія бумажныя деньги съ потерею на ихъ курсѣ, а согласились взять прусскія бумажки.

Въ Карлсбадѣ я остановился въ Hôtel de Russie и немедля пошелъ отыскивать квартиру въ частномъ домѣ. На Маріенбадштрассе встрѣтился я съ лейбъ-медикомъ Цицуринымъ, помѣщавшимся въ домѣ, подъ названіемъ «Австрія». Въ немъ не было свободныхъ комнатъ, и я помѣстился рядомъ въ домѣ, подъ названіемъ «Вѣна», гдѣ нашелъ три свободныхъ комнаты, въ которыя переѣхалъ въ тотъ же день. Владѣлецъ этого дома былъ онѣмеченный чехъ, нажившій состояніе отъ аптеки въ Прагѣ. Аптеку онъ продалъ и жилъ, какъ rentier, зиму въ Прагѣ, а лѣто въ Карлсбадѣ. У него былъ прекрасный попугай, отлично свиставшій разныя чешскія пѣсни. Проходящіе останавливались близъ дома, чтобы его слушать. Прислуга въ домѣ состояла изъ некрасивыхъ молодыхъ дѣвушекъ, чистившаго платье гаускнехта и старухи, которую всѣ звали «Мамъ», весьма услужливой, почти всегда ходившей босикомъ и довольно грязной. Она меня очень полюбила, и Цицуринъ ежедневно дразнилъ ее тѣмъ, что она влюблена въ меня.

Я снова обратился къ доктору Зегену, къ которому обращался въ первые мои два пріѣзда въ Карлсбадъ. Онъ мнѣ предписалъ пить, какъ и прежде, Мюльбрунъ, а потомъ Мюльбрунъ и Шпрудель. Я пилъ эти воды четыре

недѣли и въ результатѣ чувствовалъ себя гораздо лучше, потерявъ въ вѣсѣ до 15 фунтовъ. Каждый день я съ Цицуринымъ дѣлалъ значительныя прогулки пѣшкомъ, а иногда въ экипажѣ по окрестностямъ Карлсбада. Часто въ началѣ прогулокъ присоединялся къ намъ президентъ медико-хирургической академіи, лейбъ-медикъ Дубовицкій, но обыкновенно оставлялъ насъ вдвоемъ, такъ какъ Цицуринъ, находя полезнымъ не утомляться, часто садился со мною на скамейкахъ, имѣющихся во множествѣ на всѣхъ прогулкахъ около Карлсбада, а Дубовицкій считалъ нужнымъ ходить безъ отдыха. Находившіеся въ Карлсбадѣ русскіе врачи, а также и мѣстные, совѣтовали Дубовицкому не держать слишкомъ сильной діеты, пить менѣе стакановъ минеральной воды и ограничиться 5-недѣльнымъ курсомъ леченія, но онъ не слушался. Онъ совсѣмъ не ѣлъ хлѣба, а въ постные дни, въ томъ числѣ и въ понедѣльникъ, его пища ограничивалась небольшою форелью и чаемъ. Бывшая въ немъ болѣзнь еще болѣе усилилась отъ этого леченія, и онъ, по пріѣздѣ осенью въ Петербургъ, заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Жена его, урожденная Стаховичъ, была съ нимъ въ Карлсбадѣ. Я былъ знакомъ съ ея родителями, жившими въ Москвѣ въ 30-хъ годахъ, и тогда зналъ ее ребенкомъ. Она была чрезвычайно восторженная женщина и возилась постоянно съ духовенствомъ. Прогуливаясь около Карлсбада, она останавливалась передъ каждымъ пригоркомъ, громко выражая свое восхищеніе. Мужъ ея также былъ очень богомоленъ. Про него говорили, что онъ принадлежалъ къ какой-то сектѣ. Цицуринъ и я иногда бывали у нихъ по вечерамъ.

Многихъ русскихъ, которыхъ я засталъ въ Карлсбадѣ въ послѣдній мой пріѣздъ въ этотъ городъ, нашелъ я въ немъ и въ этотъ разъ и между прочими графа П. А. Клейнмихеля, у котораго я былъ на другой день моего пріѣзда, 29-го іюня, для поздравленія съ именинами. Я засталъ у него ненавидѣвшихъ меня падчерицъ моей сестры А. И. Викулиной, Н. С. Вадковскую и Т. С. Норову. Клейнмихель, благодаря меня за поздравленіе, расцѣловалъ и расхвалилъ, называя меня наиблагороднѣйшимъ изъ его бывшихъ подчиненныхъ, что, конечно, имъ очень не понравилось.

Въ одну изъ прогулокъ съ Цицуринымъ я встрѣтился съ ними на Аабергѣ. Цицуринъ, не подозрѣвая нашихъ отношеній, представилъ имъ меня. На другой день онѣ, ругая меня и сестру мою, ихъ мачеху, разсказали по-своему ихъ процессъ съ послѣднею. Цицуринъ мнѣ передалъ ихъ разсказъ. Видно было, что онѣ нисколько не успокоились въ четверть вѣка, протекшую со времени смерти ихъ отца. Это побудило меня разсказать Цицурину объ ихъ поступкахъ во время процесса.

Изъ русскихъ, бывшихъ въ это время въ Карлсбадѣ, упомяну о графѣ Николаѣ Сергѣевичѣ Строгановѣ, полковникѣ Дохтуровѣ и Николаѣ Алексѣевичѣ Жеребцовѣ. Строгановъ, пріѣхавшій съ женою и свояченицей, нанялъ, несмотря на свое богатство, весьма тѣсное помѣщеніе и находилъ излишнею роскошью, что я нанялъ три комнаты. Онъ слышалъ, что я отказался отъ предложенія отца его принять на себя эксплоатацію Николаев-

ской жел. дороги за весьма значительное вознагражденіе и удивлялся тому, что я заявилъ его отцу о неимѣніи желанія увеличить мое состояніе, такъ какъ для меня достаточно того, что я имѣю. Будучи знакомъ со мною еще со времени его студенчества въ Московскомъ университетѣ, онъ меня допрашивалъ, дѣйствительно ли я такъ равнодушенъ къ пріобрѣтенію денегъ, и, постоянно получая весьма откровенные утвердительные отвѣты, онъ въ этомъ убѣдился, хотя продолжалъ изъявлять свое удивленіе. Съ Дохтуровымъ я познакомился въ 1864 году, когда онъ въ Карлсбадѣ жилъ съ Меньковымъ на одной квартирѣ. Жеребцова я зналъ давно и бывалъ у него въ подмосковной; онъ былъ человѣкъ очень образованный. Съ нимъ была его жена. Жеребцовъ, по болѣзни, почти не выходилъ изъ комнаты. Я часто проводилъ у него по нѣскольку часовъ. Я уже писалъ не разъ о скукѣ Карлсбадской жизни. Въ видѣ развлеченія нѣсколько русскихъ вздумали однажды собраться у меня для карточной игры въ ералашъ, но игра при Карлсбадскихъ водахъ оказалась невозможною: кровь бросалась въ голову.

Жители Карлсбада и въ его окрестностяхъ большею частью очень бѣдны. Огромный пріѣздъ больныхъ служитъ средствомъ къ ихъ пропитанію. По причинѣ Австро-Прусской войны, Карлсбадъ былъ пустъ въ 1866 году, черезъ что многіе жители совсѣмъ обнищали. Многіе изъ нихъ приходили къ Цицурину за совѣтами. Онъ указалъ мнѣ на одну бѣдную, торговавшую цвѣтами, женщину, обремененную большою семьею. Я помогалъ ей покупкою у нея букетовъ. Она жила въ Андреевской улицѣ, бѣдномъ Карлсбадскомъ кварталѣ, въ своемъ домѣ, который виденъ былъ издалека и казался довольно порядочнымъ. Я посѣтилъ ее и узналъ, что домъ принадлежитъ четверымъ владѣльцамъ, такъ что цвѣточницѣ и ея сестрамъ принадлежали только двѣ комнаты, изъ которыхъ въ одной она помѣщалась съ мужемъ, садовникомъ, и дѣтьми. Я былъ удивленъ видѣть между ними малолѣтнихъ и полагалъ, что это ея внуки, такъ какъ ей на видъ было болѣе 50 лѣтъ, но оказалось, что ей не болѣе 30: состарилась она отъ бѣдности.

Многіе русскіе, видя по наружности чистый домъ, въ которомъ помѣщаются бѣдные въ иностранныхъ городахъ, полагаютъ, что они живутъ просторно и въ довольствѣ, не подозрѣвая, что домъ принадлежитъ нѣсколькимъ семействамъ, живущимъ въ тѣснотѣ и нуждающимся въ насущномъ хлѣбѣ болѣе, чѣмъ многія семьи русскихъ крестьянъ.

Цицуринъ говорилъ по-нѣмецки превосходно. Онъ охотно вступалъ въ разговоры съ Карлсбадскими жителями, которые величали его Excellenz. Въ особенности онъ пріобрѣталъ расположеніе мелкихъ чиновниковъ, предлагая нарочно для нихъ покупаемыя имъ сигары по 5 крейцеровъ за штуку, тогда какъ они обыкновенно курятъ сигары еще низшаго сорта. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Карлсбада, въ концѣ іюля, онъ, предложивъ почтмейстеру сигару, потребовалъ отъ него хорошую коляску до Франценсбада и почтальона, который былъ извѣстенъ всему Карлсбаду необык-

новенно мастерскою игрою на почтовомъ рожкѣ. Онъ игралъ на немъ разныя нѣмецкія, чешскія и русскія аріи, между прочимъ «Соловья» и «Боже Царя храни». Этотъ почталіонъ по дорогѣ къ Франценсбаду, услыхавъ, что я и Цицуринъ часто обѣдали въ гостиницѣ «Виндзоръ», гдѣ намъ подавали дичь, заявилъ, что онъ самъ охотникъ, что никакой дичи въ Карлсбадскихъ гостиницахъ нѣтъ, а что насъ угощали голубями.

При моемъ въѣздѣ въ Франценсбадъ почталіонъ игралъ на рожкѣ «Соловья». Многіе останавливались его слушать. Въ Франценсбадѣ въ это время лечилась Софья Гавриловна Голенищева, при дочери которой пріятельница моей жены М. Ф. Смитъ была гувернанткой. Онѣ были поражены, услыхавъ «Соловья» въ Франценсбадѣ. Я остановился въ третьемъ этажѣ того же дома, котораго бель-этажъ занимала Голенищева Я здѣсь съ ней познакомился и провелъ у нея вечеръ. Она была еще молодая женщина, недурная собой. Своимъ обращеніемъ и разговорами она мнѣ очень нравилась, какъ и очень красивые ея сынъ Владиміръ и дочь Надежда (впослѣдствіи Вонлярлярская).

Изъ Франценсбада я поѣхалъ въ Мюнхенъ, который произвелъ на меня впечатлѣніе чего-то начатаго не по силамъ и не оконченнаго. Въ паркѣ, находящемся близъ города, я отдохнулъ отъ гнетущей городской жары, но особеннаго сказать о немъ нечего. На другой сторонѣ города находится колоссальная металлическая статуя «Баварія», въ головѣ которой могутъ сидѣть нѣсколько человѣкъ. Я съ трудомъ поднялся по лѣстницѣ, устроенной внутри статуи, до ея головы, изъ которой увидалъ большое низменное пространство и надъ нимъ густой болотистый туманъ. Послѣ жаркаго дня статуя была раскалена, такъ что я сильно вспотѣлъ, а когда сошелъ внизъ, то меня обдало холоднымъ сырымъ воздухомъ, что могло имѣть дурныя послѣдствія, въ особенности послѣ леченія въ Карлсбадѣ.

Послѣ этого леченія я намѣревался отдохнуть нѣсколько дней въ Швейцаріи, въ Монтрё-Верне, гдѣ въ это время жила моя сестра А. И. Викулина съ дочерью Эмиліею и другая ея дочь Валентина съ мужемъ и двумя дѣтьми. Они жили въ новой гостиницѣ, окна которой выходили на Женевское озеро. Сестра приготовила мнѣ комнату рядомъ съ ея помѣщеніемъ. Мужъ моей племянницы, М. Д. Засѣцкой, пригласилъ меня съѣздить въ Женеву. Наканунѣ отъѣзда было рѣшено ѣхать по жел. дорогѣ, поѣздъ которой отходилъ довольно поздно, и потому я не спѣшилъ одѣваться. Между тѣмъ Засѣцкой, привыкшій въ своей семьѣ, чтобы все дѣлалось по его усмотрѣнію, за нѣсколько минутъ до 8 часовъ, времени отхода парохода въ Женеву, подойдя къ моему окошку, заявилъ, что онъ думаетъ ѣхать по озеру и ждетъ меня. Я едва успѣлъ прибѣжать на пароходъ. Въ Женевѣ мы остановились въ Hôtel de Bergues, гдѣ намъ дали два хорошихъ номера. Засѣцкой живалъ въ этой гостиницѣ по нѣскольку мѣсяцевъ и, по старому знакомству, пользовался привилегіею платить за обѣдъ за общимъ столомъ однимъ франкомъ дешевле другихъ. Онъ очень любилъ обѣдать за table

d'hôte, находя, что при множествѣ блюдъ есть изъ чего выбрать. Сверхъ того, никого не принимая у себя, онъ радъ былъ побывать часа полтора въ обществѣ, оставаясь вполнѣ отъ него независимымъ. Я, напротивъ того, не люблю обѣдовъ за table d'hôte: множество блюдъ весьма сомнительной свѣжести и господствующая за ними чопорность мнѣ противны. Я предпочитаю обѣды изъ заказныхъ блюдъ въ маленькомъ знакомомъ обществѣ.

Вслѣдствіе этого, на другой день нашего пребыванія въ Женевѣ, я отказался, несмотря на уговоры Засѣцкого, обѣдать за общимъ столомъ. Наконецъ онъ согласился пойти во французскій ресторанъ, гдѣ насъ накормили очень хорошо и дешево, благодаря тому, что Засѣцкой спрашивалъ нѣкоторыхъ кушаній по одной порціи, что было дѣйствительно для насъ вполнѣ достаточно. Женева мнѣ всегда казалась скучнымъ городомъ. На другой день по пріѣздѣ въ Женеву я былъ у фельдмаршала князя Барятинскаго, жившаго на прекрасной дачѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Женевы. Онъ меня принялъ по обыкновенію очень любезно.

Изъ Женевы въ Монтрё-Верне вернулись мы по жел. дорогѣ. Этотъ переѣздъ въ жаркое время, при дурныхъ швейцарскихъ вагонахъ, не совсѣмъ пріятенъ. Засѣцкой, по его охотѣ безпрестанно мѣнять мѣстожительства, нанялъ помѣщеніе въ Монтрё-Верне на мѣсяцъ. Сестра моя, чтобы жить вмѣстѣ съ дочерью и внуками, также провела мѣсяцъ въ этомъ мѣстечкѣ. Я никогда не могъ понять удовольствія жить въ подобной гостиницѣ. Эта жизнь не городская, такъ какъ гостиница стоитъ не уединенно, и не сельская, такъ какъ жизнь въ ней лишена деревенскихъ занятій и удовольствій. Кромѣ прекраснаго вида на Женевское озеро, кругомъ Монтрё-Верне нѣтъ ничего привлекательнаго. Прогулки по берегу озера слишкомъ однообразны; лишенныя тѣни, онѣ невыносимы въ жаркое время. Единственная вблизи Монтрё-Верне пріятная прогулка на горѣ Гліонъ, но взобраться на нее трудно, и я только одинъ разъ туда ѣздилъ съ моею племянницею. Хотя я цѣлые дни проводилъ со своими близкими, но сестра замѣтила, что я скучаю, и въ виду того, что мнѣ осталось до окончанія срока моего отпуска немного болѣе двухъ недѣль, въ которыя я хотѣлъ побывать на Парижской выставкѣ, она заявила желаніе, чтобы я ѣхалъ въ Парижъ, не ожидая ихъ отъѣзда въ этотъ городъ, въ которомъ они полагали застать еще меня. Сестра никакъ не хотѣла, чтобы я, заѣхавъ въ Монтрё повидаться съ нею, платилъ за помѣщеніе и столъ въ гостиницѣ и по обыкновенію своему уплатила по поданнымъ мнѣ счетамъ.

Въ Парижъ я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ черезъ Лозанну, Невшатель и Дижонъ. Въ Лозаннѣ я долженъ былъ на станціи ожидать нѣсколько часовъ поѣзда, идущаго изъ Женевы черезъ Лозанну въ Парижъ. При этомъ я подумалъ о шумѣ, который пассажиры произвели бы на русскихъ жел. дорогахъ, если бы случилось имъ столько времени ждать поѣзда на станціи столь незначительнаго размѣра, какъ Лозаннская. Конечно, въ Лозаннѣ въ первой половинѣ нашего августа не было надобности

сидѣть въ комнатахъ, а все время ожиданія можно было оставаться на воздухѣ.

Желѣзная дорога черезъ Невшатель идетъ по чрезвычайно живописной мѣстности. Съ переѣздомъ французской границы замѣтно, что въѣхалъ въ страну чиновниковъ и регламентаціи. Хотя всѣ французскія жел. дороги принадлежатъ частнымъ обществамъ, но ихъ агенты заразились отъ чиновниковъ желаніемъ начальствовать и безцеремонно обходиться съ пассажирами. Въ одномъ поѣздѣ со мною ѣхало нѣсколько русскихъ семействъ. Дамы, выходя на станціяхъ изъ вагоновъ, не замѣчали ихъ номеровъ и потому, при звонкахъ бѣгая по станціоннымъ платформамъ и не находя своихъ мѣстъ, обращались къ служащимъ при дорогѣ съ просьбою указать ихъ мѣста, на что получали всегда грубые, а иногда и неудобные къ печати отвѣты. Русскія дамы не гнѣвались на этихъ служащихъ, изъ которыхъ иные были простые блузники. Такихъ неучтивостей на русскихъ дорогахъ, конечно, нельзя услыхать отъ служащихъ, но если бы какой-нибудь сторожъ, большею частью изъ отставныхъ военныхъ, отвѣчалъ по своему невѣжеству нѣсколько грубо, то не было бы конца толкамъ о грубости служащихъ на русскихъ жел. дорогахъ. Къ сожалѣнію, извѣстный слой нашего общества ставитъ всякаго блузника француза выше русскаго солдата, прослужившаго лѣтъ 20 своему отечеству.

Въ Дижонѣ пассажиры мѣняютъ вагоны ночью. При грубости служащихъ и ихъ невниманіи къ пассажирамъ, послѣднимъ очень трудно отыскать себѣ мѣста въ вагонахъ, въ которые они должны пересѣсть.

Сестра и Засѣцкіе, полагавшіе вскорѣ быть въ Парижѣ, намѣревались остановиться въ гостиницѣ Мирабо, въ улицѣ de la Paix, а потому и я остановился въ ней, несмотря на то, что мнѣ отвели весьма неудобную комнату въ самомъ верхнемъ этажѣ. Я нашелъ въ той же гостиницѣ обоихъ братьевъ Колесовыхъ, но младшій, Николай, уѣхалъ въ день моего пріѣзда, а старшій, Иванъ, остался еще дня два въ Парижѣ. Онъ былъ очень знакомъ съ бывшимъ содержателемъ ліонскаго магазина въ Петербургѣ Мориксомъ, который передъ отъѣздомъ Колесова далъ намъ отличный обѣдъ въ ресторанѣ Елисейскихъ полей.

И. Н. Колесовъ забавлялъ всѣхъ познаніями въ лошадяхъ и въ кулинарномъ искусствѣ, а также поклоненіемъ всему французскому. Онъ безпрерывно покупалъ новыхъ лошадей, которымъ, по его словамъ, не было подобныхъ въ свѣтѣ, но вскорѣ въ нихъ замѣчались пороки, и онъ ихъ спускалъ.

Въ Парижѣ я нашелъ моего другого внучатнаго брата Василія Ивановича Коптева. Коптевъ, по назначеніи графа А. А. Закревскаго Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, имѣлъ при немъ значеніе, но за неумѣстное хвастовство этимъ значеніемъ былъ вскорѣ удаленъ. По выходѣ въ отставку, онъ умѣлъ какъ-то понравиться покойному Московскому митрополиту Филарету. Въ публикѣ увѣряли, что нѣкоторыя изъ проповѣдей митрополита были сочиняемы Коптевымъ; конечно, эти слухи не

имѣли никакого основанія, но, кажется, были поддерживаемы Коптевымъ. Впослѣдствіи онъ приписался къ вѣдомству государственнаго коннозаводства, по которому, ничего не дѣлая, добился двухъ орденовъ первой степени. Онъ имѣетъ конскій заводъ въ Рязанской губерніи, но по скупости не кормитъ и не холитъ жеребятъ, черезъ что лошади его завода не имѣютъ никакой цѣны. На Парижскую всемірную выставку было прислано много лошадей изъ Россіи, чрезвычайно красивыхъ. Агентомъ государственнаго коннозаводства былъ Коптевъ, постоянно и на сюртукѣ носившій въ Парижѣ маленькую Станиславскую звѣзду. Онъ былъ очень смуглъ, дуренъ и неуклюжъ. На выставкѣ говорили, что въ Россіи, судя по присланнымъ образцамъ, порода лошадей чрезвычайно красива, зато порода людей безобразна. Бывшій съ нимъ на выставкѣ его сынъ, которому въ то время было около 20 лѣтъ, еще безобразнѣе отца.

Неудобство моего помѣщенія въ гостиницѣ Мирабо заставило меня искать другое. Въ Hôtel de Bade, гдѣ я обыкновенно останавливался, не было ни одного свободнаго номера и уже не было знакомаго мнѣ швейцара. Я переѣхалъ въ гостиницу Helder на улицѣ того же имени, гдѣ занялъ номеръ въ нижнемъ этажѣ, съ отдѣльнымъ ходомъ, что весьма рѣдко можно имѣть въ Парижѣ и въ обыкновенное время. Но съ пріѣздомъ сестры моей и Засѣцкихъ, занявшихъ два большія помѣщенія въ гостиницѣ Мирабо, сестра уговорила меня снова переѣхать въ эту гостиницу, такъ что я менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли моего пребыванія въ Парижѣ, жилъ въ трехъ разныхъ помѣщеніяхъ.

Я каждый день бывалъ на выставкѣ, которая столько разъ была описана, что я ничего не могу прибавить къ ея описаніямъ. Во время моего пребыванія въ Парижѣ пріѣхалъ туда К. В. Чевкинъ съ женою и остановился въ частномъ домѣ, для нихъ нанятомъ ихъ сыномъ. Помѣщеніе было не вдали отъ выставки, удобно и дешево. Одинъ день я провелъ на выставкѣ съ К. В. Чевкинымъ, который просилъ меня и на другой день быть на выставкѣ въ условленномъ часу, чтобы продолжать осмотръ. Но такъ какъ онъ меня сильно утомилъ и въ первый день нашего осмотра, и я былъ уже наканунѣ отъѣзда изъ Парижа и хотѣлъ бросить еще разъ общій взглядъ на выставку, а не осматривать подробно тотъ отдѣлъ, который изберетъ Чевкинъ, то я въ условленный часъ не явился и уѣхалъ изъ Парижа, не простясь съ Чевкинымъ.

Изъ прежнихъ моихъ парижскихъ знакомыхъ я видѣлся съ инженеромъ Бельграномъ, черезъ котораго досталъ для А. И. Баландина современный бюджетъ Парижа, съ издателемъ «Dictionnaire des chemins de fer» Палаа, оказавшимъ мнѣ разныя услуги, за что я его кормилъ обѣдами въ ресторанѣ Елисейскихъ полей, съ Аделаидой Филипповной Богомолецъ, мужа которой не было въ это время въ Парижѣ, съ К. К. Кольманомъ, у котораго былъ въ его домѣ въ Мезонѣ, съ М. С. Волковымъ и съ А. И. Баландинымъ. Послѣдніе двое жили розно. Волковъ потерялъ въ акціяхъ Crédit mobilier большую часть своего капитала и жилъ въ двухъ комна-

тахъ чердачнаго этажа. Баландинъ нанималъ въ Hôtel de France комнатку до того небольшую, что не могъ въ ней принимать меня. Онъ почти каждый вечеръ бывалъ у меня. Уже тогда онъ былъ занятъ статистикою жел. дорогъ и его очень занимали издаваемыя мною ежемѣсячно таблицы валового дохода на русскихъ жел. дорогахъ, которыя помѣщались въ «Русскомъ Инвалидѣ» и печатались особо въ весьма значительномъ числѣ экземпляровъ. Я очень удивился, узнавъ, что нѣкоторые изъ этихъ экземпляровъ находятся въ рукахъ заграничныхъ банкировъ, очень интересовавшихся значительнымъ возвышеніемъ валового дохода на нашихъ жел. дорогахъ. Упомянутыя таблицы много послужили тогда къ успѣшной реализаціи за границею капиталовъ, требовавшихся на устройство нашихъ жел. дорогъ.

Я сильно утомлялся каждый день посѣщеніемъ выставки и прогулками по Парижу. Этотъ утомительный родъ жизни наводилъ на меня скуку, и я торопился возвратиться въ Россію тѣмъ болѣе, что вскорѣ оканчивался срокъ моего отпуска. Въ день моего отъѣзда сестра, обѣ ея дочери, зять съ двумя дѣтьми, гувернантка послѣднихъ и я завтракали въ Grand-hôtel, гдѣ намъ подали такъ называемаго цыпленка (poulet) такихъ размѣровъ, что мы восьмеро не могли его одолѣть.

Возвратился я въ Россію черезъ Кёльнъ и Берлинъ, въ которомъ остался всего одинъ день. Утромъ этого дня я посѣтилъ моихъ старыхъ знакомыхъ фонъ-Унруэ и Борзига и очень много времени употребилъ на отысканіе сундука съ книгами, который я выслалъ изъ Парижа въ Берлинъ. Комиссіонеръ изъ Hôtel d'Angleterre, въ которомъ я по обыкновенію остановился, ѣздилъ со мною въ управленіе таможни, для наведенія справокъ объ отправленномъ сундукѣ. Какой-то чиновникъ сказалъ намъ, что сундукъ находится на станціи жел. дороги, расположенной на противоположномъ концѣ Берлина. Мы отправились на станцію, гдѣ узнали, что сундукъ сданъ въ таможню и что о немъ можно справиться у чиновника, сидящаго въ одной комнатѣ съ тѣмъ, у котораго мы наводили справку. Очень было досадно терять время на напрасные разъѣзды. Это убѣдило меня, что чиновники вездѣ одинаковы: тому, у котораго мы справлялись, конечно, было извѣстно, что дѣла по грузамъ, приходящимъ изъ Парижа, производятся у чиновника, сидящаго съ нимъ рядомъ, но онъ не обратилъ насъ къ нему, а послалъ за нѣсколько верстъ на станцію.

Получивъ приказъ управленія таможни о выдачѣ мнѣ моего сундука по его осмотрѣ въ моемъ присутствіи, я отправился въ таможенный амбаръ, изъ котораго сундукъ былъ принесенъ въ комнату, назначенную для осмотра подобныхъ грузовъ. Рядомъ съ этою комнатою была зала присутствія таможни. Послѣ доклада присутствію о принесенномъ сундукѣ меня заставили долго ждать. Черезъ часто отворяемую въ залу присутствія дверь, я видѣлъ въ ней большой столъ, у котораго на предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ чиновникъ въ мундирѣ съ золотыми штабъ-офицерскими эполетами, а по обѣ его стороны нѣсколько чиновниковъ въ такихъ же мундирахъ и оберъ-офицерскихъ эполетахъ. Наконецъ, одинъ изъ послѣднихъ

вышелъ осматривать мой сундукъ, наполненный книгами ученаго содержанія, большею частью относившимися до строительнаго искусства. Съ особенною важностью этотъ прусскій архи-чиновникъ вынималъ изъ сундука книгу за книгою, обращаясь ко мнѣ съ заявленіемъ на разные лады, что я долженъ быть большой ученый (ein grosser Gebehrter). Я ему не отвѣчалъ, чѣмъ онъ, казалось, былъ недоволенъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я нашелъ жену мою на дачѣ въ Лѣсномъ, гдѣ у нея по обыкновенію жилъ мой дядя А. Г. Замятнинъ и долго гостила ея сестра графиня А. Н. Толстая съ сыномъ Николаемъ и младшею дочерью Ольгою. Послѣдніе окормили папиросными окурками и тому подобнымъ прекраснаго и много говорившаго попугая, котораго мы привезли при нашемъ переѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ. Приглашенный мною для его леченія ветеринаръ изъ клиники явился въ генеральской формѣ. Попугай околѣлъ вскорѣ по принятіи прописаннаго имъ лекарства.

Въ самомъ началѣ сентября я долженъ былъ ѣхать въ Варшаву для открытія послѣдняго участка Варшаво-Тереспольской дороги, а затѣмъ въ Москву для осмотра замосковныхъ жел. дорогъ. Срокъ моей квартиры въ домѣ Овсянникова, которую я долженъ былъ оставить по требованію медиковъ, находившихъ ее нездоровою для моей жены, истекъ 15 августа, и я долженъ былъ въ нѣсколько дней до отъѣзда въ Варшаву отыскать новую квартиру, что представляло тогда большія трудности. Осмотрѣвъ много квартиръ, оказавшихся для меня непригодными, мнѣ приглянулся бэль-этажъ въ домѣ графини Коновницыной по Надеждинской улицѣ. Показывавшій мнѣ квартиру ея сынъ, офицеръ Преображенскаго полка, упросилъ меня дать ему въ задатокъ 200 р. Я ему отвѣчалъ, что я не могу рѣшиться взять квартиру безъ согласія моей жены. Тогда онъ заявилъ, что, въ случаѣ ея несогласія, онъ возвратитъ задатокъ, но что деньги ему крайне нужны.

На другой день жена моя, осмотрѣвъ кухню и людскія, нашла, что онѣ негодны, но Коновницынъ означенныхъ 200 р. мнѣ не возвратилъ. Я рѣшился взять не совсѣмъ удобную квартиру на Сергіевской улицѣ, въ бэль-этажѣ, домъ Лошкаревой, въ которомъ единственная выгода была та, что комнаты были довольно высоки. Вещи мои пробыли на квартирѣ въ домѣ Овсянникова двѣ недѣли позднѣе срока найма, за что онъ хотѣлъ съ меня получить плату, на основаніи заключеннаго условія, за 4 мѣс. 400 р., но, послѣ долгихъ съ нимъ переговоровъ, я добился отъ него согласія на уплату, какъ помнится, только 200 руб.

Я велъ переговоры по найму моей новой квартиры съ мужемъ хозяйки дома, Александромъ Григорьевичемъ Лошкаревымъ, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантомъ и членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, бывшимъ въ штабъ-офицерскомъ чинѣ флигель-адъютантомъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ показывалъ нанимаемую мною квартиру и два раза водилъ по задней лѣстницѣ въ людскія комнаты, расположенныя въ 4-мъ этажѣ, и въ сарай для складки дровъ. Мы съ нимъ условились въ платежѣ за квар-

тиру по 1.500 р. въ годъ, и вещи мои были въ нее перевезены во время моего отсутствія въ Варшаву.

По возвращеніи въ Петербургъ я узналъ, что Лошкаревъ не дозволилъ моимъ людямъ занять комнаты въ 4-мъ этажѣ, принадлежавшія къ моей квартирѣ, которой безъ нихъ мы вовсе не могли бы занять. Лошкаревъ увѣрялъ, что я нанялъ за 1.500 р. только помѣщеніе въ бэль-этажѣ, тогда какъ при наймѣ квартиры между нами очень ясно было условлено, при свидѣтеляхъ, что годовая плата 1.500 р. назначается за помѣщеніе въ бэль-этажѣ и за двѣ комнаты въ 4-мъ этажѣ. При наймѣ мною былъ данъ задатокъ, всѣ мои вещи были перевезены въ домъ Лошкаревой, и мнѣ волею и неволею приходилось остаться въ немъ. Между тѣмъ Лошкаревъ успѣлъ отдать въ наймы упомянутыя двѣ комнаты 4-го этажа, но такъ какъ я показывалъ видъ, что не останусь въ его домѣ, то онъ мнѣ предоставилъ въ 4-мъ же этажѣ другія двѣ комнаты меньшей величины, чѣмъ прежде показанныя, за которыя сначала требовалъ 100, и уступилъ за 50 р. При наймѣ квартиры я сказалъ Лошкареву, что поставлю у парадной лѣстницы подъемную машину, такъ какъ жена моя не можетъ ходить по лѣстницамъ, и что я означенную машину сниму при выѣздѣ изъ его дома.

По возвращеніи изъ Варшавы я до отъѣзда въ Москву оставался въ Петербургѣ съ недѣлю, въ продолженіе которой переѣхалъ съ дачи. Наканунѣ моего отъѣзда въ Москву Лошкаревъ прислалъ контрактъ по найму квартиры, въ которомъ было сказано, что всѣ, сдѣланныя мною съ дозволенія хозяйки дома, передѣлки остаются въ ея пользу и въ томъ числѣ подъемная машина. Я послалъ сказать Лошкареву, что, въ виду условія нашего о подъемной машинѣ, я не подпишу подобнаго контракта. Тогда онъ допустилъ измѣнить его, но съ тѣмъ, чтобы я уплатилъ стоимость испорченнаго гербоваго листа и за написаніе новаго контракта, на что я согласился, имѣя въ виду необходимость скораго отъѣзда въ Москву и опасаясь, чтобы Лошкаревъ въ мое отсутствіе не надѣлалъ неудовольствій моей женѣ. При наймѣ мною квартиры онъ показывалъ принадлежащій къ ней большой дровяной сарай, а по переѣздѣ моемъ давалъ мнѣ подвалъ не болѣе какъ на 4 саж. дровъ, увѣряя, что имъ показываемый большой сарай уже занятъ другимъ жильцомъ, а у него другого свободнаго помѣщенія для дровъ, кромѣ упомянутаго подвала, нѣтъ.

Инженеръ М. А. Ратьковъ, при которомъ Лошкаревъ показывалъ мнѣ большой дровяной сарай, пошелъ къ нему для объясненія, что онъ не имѣлъ права отдавать послѣдняго въ наймы и что такъ какъ я занимаю наибольшую квартиру въ домѣ, то долженъ пользоваться наибольшимъ дровянымъ сараемъ. Лошкаревъ подтвердилъ, что у него нѣтъ большаго помѣщенія для моихъ дровъ. Тогда бывшему при этомъ его дворнику стало совѣстно и онъ заявилъ, что есть другой дровяной сарай, немного только меньше того, который баринъ его мнѣ показывалъ. Итакъ, только добросовѣстности дворника я обязанъ былъ возможностью заготовить дрова на зиму. Я не буду разсказывать о всѣхъ непріятностяхъ, испытываемыхъ

жильцами отъ подобнаго домовладѣльца, у котораго всѣ неисправности въ квартирахъ приводятся въ порядокъ жильцами на свой счетъ, а нечистоты скопляются на дворѣ, несмотря на настоятельныя требованія полиціи, нижніе служители которой неоднократно повторяли ему:

— Ваше превосходительство, вѣдь вы нѣсколько разъ обѣщались приказать очистить вашъ дворъ, а обѣщаній не исполняете, съ насъ же за это взыскиваютъ.

Но домовладѣлецъ, пользуясь своимъ генеральствомъ, продолжалъ кормить ихъ одними обѣщаніями. У нѣсколькихъ дверей нашей квартиры не было ключей. Жена моя составила имъ опись, которую состоявшій при мнѣ инженеръ П. А. Фадѣевъ взялся, во время моего отсутствія въ Москву, отдать Лошкареву съ просьбою доставить ключи, чего послѣдній не исполнилъ. При нашемъ переѣздѣ черезъ годъ на другую квартиру я ожидалъ, что Лошкаревъ сдѣлаетъ разныя прижимки, и готовъ былъ, чтобы съ нимъ покончить, заплатить ему довольно значительную сумму. Но требованія его были незначительны и въ числѣ ихъ было требованіе ключей къ дверямъ, которыхъ не было при занятіи нами квартиры.

Жена моя никакъ не хотѣла за нихъ платить, и Фадѣевъ взялся напомнить Лошкареву о переданной имъ запискѣ жены моей о недостающихъ ключахъ. Лошкаревъ не отрицалъ ея полученія, но возразилъ, что у жены моей нѣтъ отъ него записки о недостающихъ ключахъ, а ея записка по этому предмету не имѣетъ никакого значенія; однако же требованныхъ имъ денегъ за означенные ключи онъ не получилъ. Чтобы покончить съ этимъ курьезнымъ индивидуумомъ, прибавлю къ вышеразсказанному, что онъ былъ въ неоплатномъ долгу и что онъ часто показывался неприлично одѣтымъ въ какой-то женской мантильи не только на своемъ дворѣ, но и на улицѣ.

Въ концѣ августа 1867 года намѣстникъ Царства Польскаго графъ Бергъ увѣдомилъ министра путей сообщенія Мельникова, что по окончаніи послѣдняго участка Варшаво-Тереспольской жел. дороги отъ г. Лукова до г. Тересполя, протяженіемъ 84,5 версты, этотъ участокъ, по распоряженію Берга, освидѣтельствованъ, и онъ проситъ сдѣлать распоряженіе объ открытіи участка. Съ передачею жел. дорогъ въ Царствѣ Польскомъ въ вѣдѣніе министерства путей сообщенія въ Имперіи, распоряженіе объ освидѣтельствованіи означеннаго участка жел. дороги должно было зависѣть отъ этого министерства, но графъ Бергъ никакъ не могъ разстаться съ властью начальника по всѣмъ частямъ управленія въ Царствѣ и въ особенности по распоряженіямъ на жел. дорогахъ, къ которымъ онъ чувствовалъ особое влеченіе. Въ бытность мою въ Варшавѣ, въ январѣ 1867 года, Бергъ очень много говорилъ со мною вообще о жел. дорогахъ въ Россіи, Польшѣ, Западной Европѣ, Америкѣ и даже Индіи, подробная карта которой, съ показаніемъ направленія жел. дорогъ, лежала у него на билліардѣ.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Варшавы, Бергъ, зная уже, что жел.

дороги въ Царствѣ Польскомъ будутъ состоять въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія, цѣлыхъ три часа толковалъ съ извѣстнымъ прусскимъ строителемъ жел. дорогъ, Струсбергомъ, и прусскимъ графомъ Лендорфомъ объ условіяхъ постройки Брест-Граевской жел. дороги. Въ это засѣданіе приглашены были начальникъ управленія путей сообщенія въ Царствѣ Шуберскій, директоръ канцеляріи намѣстника Чистилинъ и я. Весь разговоръ происходилъ по-нѣмецки, хотя Чистилинъ этого языка не понималъ.

Послѣ длинныхъ переговоровъ Бергъ согласился на предложенныя Струсбергомъ и Лендорфомъ условія. Когда онъ на предложенномъ ими проектѣ условій хотѣлъ написать резолюцію, что онъ ихъ утверждаетъ, я замѣтилъ ему по-русски, что такъ какъ устройство Брест-Граевской жел. дороги будетъ еще обсуждаться въ министерствѣ путей сообщенія и въ комитетахъ министровъ и жел. дорогъ, то было бы удобнѣе ему не излагать своей резолюціи. Но онъ ее написалъ по-нѣмецки съ тѣмъ, чтобы означенныя два лица были убѣждены въ утвержденіи ихъ дѣла, и, подписавъ подъ нею свой титулъ Stadthalter (намѣстникъ), отдалъ ее Чистилину для написанія отношенія къ Мельникову. Предостереженіе мое было правильно: комитетъ жел. дорогъ, несмотря на просьбу пріѣхавшихъ учредителей, подкрѣпленную весьма высокопоставленными личностями (едва ли не самимъ королемъ Прусскимъ), нашелъ постройку этой дороги преждевременною, и она была разрѣшена только черезъ 3 года.

35757.

Мельниковъ, конечно, не сдѣлалъ Бергу ни малѣйшаго намека на неправильность дѣйствій послѣдняго по освидѣтельствованію Варшавско-Тереспольской жел. дороги, а для соблюденія приличій просилъ меня быть на открытіи дороги, которому не было повода препятствовать съ моей стороны, такъ какъ я всю дорогу въ подробности осматривалъ въ маѣ 1867 года, причемъ видѣлъ, что она хорошо строится. Концессіонеромъ ея былъ извѣстный Варшавскій банкиръ Кроненбергъ, строителемъ инженеръ путей сообщенія Хружановскій (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ, строитель второго моста черезъ Вислу въ Варшавѣ и управляющій Варшаво-Тереспольскою жел. дорогою), а подрядчиками земляныхъ работъ, искусственныхъ сооруженій и гражданскихъ зданій евреи Вольфъ (братъ Петербургскаго книгопродавца) и Рейхманъ. Во время осмотра мною въ маѣ 1867 года жел. дороги, я обѣдалъ въ Луковѣ у жившаго въ этомъ городѣ упомянутаго Вольфа.

Обѣдъ состоялъ изъ множества блюдъ; польскія кушанья большею частью жирныя; многихъ изъ нихъ я ни прежде, ни послѣ не видывалъ.

5 сентября 1867 года графъ Бергъ, нѣсколько высшихъ чиновъ Царства Польскаго, я, учредитель дороги Кроненбергъ и многіе приглашенные послѣднимъ лица выѣхали въ 8 час. утра изъ Варшавы по Варшаво-Тереспольской жел. дорогѣ. Бергъ былъ въ мундирѣ инженеровъ путей сообщенія, пожалованномъ ему за открытіе Сеймскаго канала въ бытность его Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Сопровождавшія его военныя лица были въ полной формѣ. На тѣхъ станціяхъ, на которыхъ останавли-

Детская Библиотека
Ленинград

вался нашъ поѣздъ, онъ былъ встрѣчаемъ высшимъ католическимъ и православнымъ духовенствомъ, а также массою народа. По пріѣздѣ въ Тересполь былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго Бергъ и всѣ военные чины поѣхали въ Брестъ для осмотра войскъ и обозрѣнія укрѣпленій и дѣлаемыхъ въ нихъ усовершенствованій.

Бергъ, несмотря на преклонныя лѣта, ходилъ такъ скоро, что большая часть сопровождавшихъ его не поспѣвали слѣдовать за нимъ.

По возвращеніи въ Тересполь, на желѣзнодорожной станціи былъ обѣдъ, за которымъ было произнесено много спичей и между прочимъ Бергомъ за здоровье Государя на французскомъ языкѣ. Одинъ генералъ-адъютантъ Рамзай, помощникъ главнокомандующаго Варшавскимъ военнымъ округомъ, сказалъ нѣсколько словъ по-русски, что мнѣ очень понравилось, но не понравилось большей части присутствовавшихъ. Я понялъ бы, что въ Польшѣ, кромѣ офиціалныхъ лицъ, которыя должны были бы произносить свои рѣчи по-русски, остальные посѣтители могли говорить по-польски, но не понимаю, на какомъ основаніи русскій и польскій языки были замѣнены и офиціальными лицами и прочими посѣтителями французскимъ. Меня очень упрашивали, чтобы я сказалъ хоть нѣсколько словъ о дорогѣ, но я, вообще недовольный и способомъ ея освидѣтельствованія и всѣмъ происходившимъ на ея открытіи, за обѣдомъ не сказалъ ни одного слова. При въѣздѣ въ Сѣдлецкую губернію, въ нашъ поѣздъ сѣлъ извѣстный писатель губернаторъ Громеко, съ которымъ я былъ знакомъ въ бытность его начальникомъ жандармскаго полицейскаго управленія на Николаевской желѣзной дорогѣ. Передъ самымъ нашимъ проѣздомъ въ Сѣдлецкой губерніи происходили волненія между уніатами, изъ церквей которыхъ выносили органы. Противъ нихъ должны были употребить войска.

18 августа 1867 года состоялось Высочайшее повелѣніе о продолженіи Варшаво-Тереспольской жел. дороги отъ Тересполя до Брестъ-Литовска съ мостомъ черезъ р. Бугъ, на средства государственнаго казначейства. Вслѣдствіе этого я воспользовался пребываніемъ въ Брестѣ для избранія мѣста для станцій въ этомъ городѣ и моста черезъ р. Бугъ. Для устройства дороги предположено было образовать подъ главнымъ начальствомъ Берга особый комитетъ въ Варшавѣ. Бергъ, желая имѣть представителя этого комитета въ Петербургѣ, настаивалъ, чтобы я принялъ въ немъ предсѣдательство, съ тѣмъ, что я буду изрѣдка пріѣзжать въ Варшаву и на мѣсто работъ, а въ мое отсутствіе всѣми дѣлами будетъ завѣдывать вице-предсѣдатель. Я находилъ неправильнымъ брать по 3.000 р. въ годъ содержанія и почти ничего не дѣлать, живя отъ мѣста занятій слишкомъ на 1.000 верстъ, а потому рѣшительно отказался отъ предложенія. Предсѣдателемъ комитета, по моему предложенію, назначенъ Шуберскій, а производителемъ работъ Хружановскій. Длина дороги 5,78 верстъ и вѣтвь ея къ р. Мухавцу 2,51 версты, а всего 8,29 версты. Движеніе по ней открыто 17 февраля 1870 года. Эксплоатація дороги была сдана обществу Варшаво-

Тереспольской жел. дороги по особому договору, заключенному 2 января 1871 года.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ-за границы пріѣзжалъ ко мнѣ на дачу въ Лѣсномъ какой-то господинъ, назвавшій себя Стремоуховымъ и, не заставъ меня, обѣщавшій снова пріѣхать. Я полагалъ, что это былъ инженеръ путей сообщенія Владиміръ Петровичъ Стремоуховъ. Поздно вечеромъ мнѣ доложили о пріѣздѣ того же господина, который былъ утромъ, и я увидалъ передъ собою Петра Дмитріевича Стремоухова, бывшаго Нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и впослѣдствіи Рязанскимъ губернаторомъ. Онъ заявилъ мнѣ, что строитель Козлово-Воронежской и Елецко-Грязской жел. дорогъ, Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ, слышалъ, что я собираюсь инспектировать эти дороги, что онъ присланъ послѣднимъ просить меня отложить мою поѣздку на нѣсколько дней, такъ какъ Полякову, получившему извѣстіе объ опасномъ положеніи здоровья графа Ивана Матвѣевича Толстого, находившагося за границею, необходимо ѣхать къ нему, и что Поляковъ черезъ нѣсколько дней вернется. Я отвѣчалъ, что откладывать своей поѣздки не могу, но что при осмотрѣ дорогъ мнѣ нужны инженеры ихъ строющіе, а не Поляковъ, и потому онъ можетъ ѣхать куда ему угодно. Стремоуховъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ Поляковъ предпочитаетъ не ѣхать за границу, а встрѣтить меня на устраиваемыхъ имъ дорогахъ.

Я тогда совсѣмъ не зналъ Полякова. Меня очень удивило то, что Стремоуховъ, занимавшій столь высокія и почетныя должности, находится у него на посылкахъ и что для исполненія его порученія пріѣзжаетъ два раза въ день на отстоящую въ 10 верстахъ отъ центра города мою дачу въ Лѣсномъ, проѣздъ вечеромъ по неосвѣщеннымъ улицамъ котораго, послѣ сильныхъ осеннихъ дождей, былъ даже не безопасенъ.

При проѣздѣ черезъ Москву, въ которой я по обыкновенію остановился у Ѳ. В. Чижова, я посѣщалъ Англійскій клубъ и былъ у нѣкоторыхъ изъ моихъ старыхъ знакомыхъ.

При осмотрѣ Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской жел. дорогъ, я долженъ былъ снова разбирать жалобы на ихъ эксплоатацію. Изъ Ряжска я поѣхалъ въ вагонѣ построившейся Ряжско-Моршанской жел. дороги, главнымъ инженеромъ которой былъ инженеръ путей сообщенія штабсъ-капитанъ Духовской. Я нашелъ постройку дороги удовлетворительною и согласною съ мѣстными чертежами, утвержденными министерствомъ путей сообщенія, но паровозы завода Зигля въ Вѣнѣ, которые были заказаны директоромъ правленія дороги инженеромъ Полежаевымъ, не довольно прочными, что впослѣдствіи и оказалось на самомъ дѣлѣ. Духовской передалъ мнѣ, что въ проѣздъ Мельникова по этой дорогѣ, во время моего пребыванія за границею, послѣдній требовалъ разныхъ улучшеній въ устройствѣ дороги, которыя повели бы къ значительнымъ передѣлкамъ уже исполненнаго и вообще къ большимъ расходамъ, а такъ какъ дорога строилась по утвержденному проекту, то Духовской не согласился на при-

веденіе въ исполненіе этихъ улучшеній, чѣмъ Мельниковъ остался недоволенъ.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, Мельниковъ заявилъ мнѣ о своемъ неудовольствіи на Духовского, присовокупляя, что ему еще не было извѣстно, при осмотрѣ дороги, что послѣдній участвовалъ въ выгодахъ отъ постройки и слѣдовательно имѣлъ право, не спрашиваясь правленія дороги, исполнить улучшенія, указанныя Мельниковымъ, а если бы зналъ тогда объ этомъ, то рѣшительно настоялъ бы на ихъ исполненіи. Мельниковъ съ того времени совершенно перемѣнился къ Духовскому и никогда не могъ простить послѣднему, что онъ, при наилучшихъ будто бы къ нему отношеніяхъ Мельникова, скрылъ отъ послѣдняго свое участіе въ выгодахъ отъ постройки дороги. Я не могъ не выразить Мельникову, что всѣ работы по Ряжско-Моршанской жел. дорогѣ производятся прочно и изъ хорошихъ матеріаловъ, но что нельзя требовать отъ строителей, чтобы они тратили деньги на работы, которыя не были предвидѣны проектомъ, утвержденнымъ министерствомъ путей сообщенія. Явное нерасположеніе Мельникова къ Духовскому заставило послѣдняго вскорѣ выйти въ отставку. Только по назначеніи министромъ графа В. А. Бобринскаго, я его уговорилъ снова поступить на службу, но не надолго, такъ какъ въ моемъ послѣднемъ приказѣ по министерству путей сообщенія я уволилъ его отъ службы, согласно заявленному имъ желанію.

Осмотрѣвъ начавшіяся работы по устройству Елецко-Грязской жел. дороги, я заѣхалъ, съ состоявшимъ при мнѣ инженеромъ М. А. Ратьковымъ, въ имѣніе моей сестры А. И. Викулиной, с. Колодезское. Ратьковъ не могъ нахвалиться домомъ, церковью, садомъ этого имѣнія и предполагаемою имъ съ него доходностью, которая, впрочемъ, существовала только въ его воображеніи. Д. П. Зуевъ, слыша эти безпрестанныя похвалы Ратькова, въ шутку сказалъ, что онъ даритъ послѣднему это имѣніе, и съ тѣхъ поръ инженеры, говоря о Колодезскомъ, въ шутку называли его имѣніемъ Ратькова.

Въ Задонскѣ я посѣтилъ старую мою тетку княжну Т. А. Волконскую и слушалъ у мощей Св. Тихона молебенъ, послѣ котораго мой старый знакомый архимандритъ Димитрій показывалъ мнѣ и Ратькову обновленный имъ монастырь и даже раскрывалъ голову Святителя для удостовѣренія въ нетлѣнности его мощей.

Въ Воронежѣ, гдѣ меня ждалъ С. С. Поляковъ и строители Воронежско-Козловской жел. дороги, я нашелъ Полякова огорченнымъ только что полученною имъ телеграммою о кончинѣ графа И. М. Толстого въ Парижѣ и узналъ, что Анны Ивановны Шеле, которая въ 1826 году меня, по просьбѣ моей матери, перевезла изъ Москвы въ Петербургъ, нѣтъ въ городѣ и что она проживаетъ въ имѣніи, которое продала генералу Огановичу, выговоривъ право въ продолженіе 10 лѣтъ проводить лѣто въ превосходно устроенномъ господскомъ домѣ этого имѣнія. Впослѣдствіи она почти на такихъ же условіяхъ продала свой Воронежскій домъ сенатору

Веневитинову, котораго, а равно Ограновича, она пережила. Эти продажи совершались съ тѣмъ, чтобы ничего изъ ея имущества не досталось послѣ ея смерти ея родному племяннику Вигелю, племяннику извѣстнаго Филиппа Филипповича Вигеля, столь же злому, какъ его дядя, но далеко не столь умному, постоянно злословившему свою тетку А. И. Шеле и дѣлавшему ей большія непріятности.

Нисколько не медля въ Воронежѣ, я поѣхалъ въ имѣніе, гдѣ жила Шеле, отстоящее верстахъ въ 40 отъ Воронежа и верстахъ въ 5 отъ Задонскаго шоссе, по которому я только что проѣхалъ. Излишне описывать радость хозяйки при встрѣчѣ со мною и ея сожалѣніе о томъ, что я въ тотъ же вечеръ долженъ былъ возвратиться въ Воронежъ.

Осмотрѣвъ работы, производившіяся на Козлово-Воронежской и затѣмъ на открывшейся Шуйско-Ивановской жел. дорогахъ, я вернулся въ Петербургъ.

Въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній» было упомянуто какъ о Высочайшемъ повелѣніи относительно переименованія въ гражданскіе чины служащихъ въ гражданскихъ вѣдомствахъ лицъ, которымъ были присвоены чины военные, а равно объ учрежденіи комиссіи изъ представителей означенныхъ гражданскихъ вѣдомствъ, въ которыхъ состояли военные чины. Въ эту комиссію были назначены отъ министерства путей сообщенія я, отъ вѣдомствъ: горнаго—генералъ-маіоръ Перетцъ (нынѣ умершій), отъ межевого—генералъ-маіоръ Ахшарумовъ (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ), отъ лѣсного—генералъ-маіоръ Лошкаревъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ въ отставкѣ) и отъ телеграфнаго—генералъ-маіоръ Лидерсъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ.)

Означенное повелѣніе состоялось вслѣдствіе мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ лицамъ, имѣющимъ быть переименованными, предоставлялись льготы, состоявшія въ томъ, что они, въ виду весьма медленнаго повышенія въ означенныхъ вѣдомствахъ, должны быть, при переименованіи, сравнены въ чинахъ съ своими сверстниками по продолжительности службы, окончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ томъ, что пенсіи техниковъ предположено повысить противъ пенсій обыкновенныхъ чиновниковъ. Замѣчательно, что на предоставленіи этихъ льготъ настаивали не начальники вѣдомствъ, въ которыхъ предполагались переименованія, а членъ Государственнаго Совѣта графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, извѣстный вообще чрезмѣрною экономіею казенныхъ суммъ и относившійся почти всегда безчеловѣчно не только къ своимъ подчиненнымъ, но и ко всѣмъ, не имѣющимъ состоянія лицамъ. Вышеозначенная комиссія, не имѣвшая предсѣдателя, собиралась нѣсколько разъ въ залѣ совѣта министерства финансовъ и ничего не дѣлала, вѣроятно, въ надеждѣ, что дѣло по переименованію въ гражданскіе чины черезъ это затянется. Никто не желалъ переименованія, за исключеніемъ горнаго корпуса инженеръ генералъ-маіоровъ. Въ этомъ корпусѣ было генералъ-лейтенантовъ въ это время едва ли не болѣе, чѣмъ генералъ-маіоровъ, а потому послѣдніе,

оставаясь въ военномъ чинѣ, теряли всякую надежду на производство, нѣкоторые же изъ нихъ надѣялись, что въ тайные совѣтники попадутъ при первомъ производствѣ.

Въ началѣ 1867 года членъ комиссіи Перетцъ заявилъ мнѣ, что министръ финансовъ Рейтернъ, узнавъ отъ него о бездѣйствіи комиссіи, приказалъ въ своей канцеляріи написать положеніе о переименованіи горныхъ инженеровъ въ гражданскіе чины и представилъ его на утвержденіе комитета министровъ. Комитетъ однакоже не утвердилъ этого представленія, а предложилъ прочимъ министрамъ, въ вѣдѣніи которыхъ есть лица, носящія военные чины, назначенныя къ переименованію въ гражданскіе, войти сообща съ такими же представленіями въ комитетъ.

Мельниковъ по этому случаю передалъ мнѣ копію съ представленія министра финансовъ съ тѣмъ, чтобы я, сообразуясь съ нимъ, написалъ представленіе въ комитетъ министровъ отъ Мельникова. Я замѣтилъ послѣднему, что Рейтернъ въ представленіи своемъ полагалъ произвести переименованіе изъ военныхъ чиновъ въ гражданскіе на общихъ существующихъ правилахъ безъ всякихъ льготъ, а не согласно съ Высочайше утвержденнымъ по этому предмету мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Мельниковъ разрѣшилъ мнѣ составить положеніе согласно тому, какъ я понимаю упомянутое мнѣніе Государственнаго Совѣта.

При представленіи Мельникову составленныхъ мною правилъ по переименованію, я у него засталъ завѣдывавшаго штабомъ корпуса путей сообщенія генералъ-маіора Демора. Они занимались составленіемъ списка лицъ, имѣющихъ быть представленными къ производству въ слѣдующіе чины къ наступавшему празднику Пасхи. Число производимыхъ ограничивалось числомъ имѣвшихся въ высшихъ чинахъ вакансій. Списокъ представляемыхъ лицъ составлялся по старшинству производства въ настоящій чинъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые почему-либо были не одобряемы Мельниковымъ, который въ число послѣднихъ включилъ состоявшаго при мнѣ инженеръ-капитана Ратькова-Рожнова за то, что онъ безъ дозволенія напечаталъ статистическія таблицы по эксплоатаціи жел. дорогъ въ Россіи. Я выразилъ Мельникову, что было бы несправедливо одного изъ наиболѣе способныхъ и дѣятельныхъ инженеровъ обойти производствомъ за то, что онъ, сверхъ служебныхъ обязанностей, напечаталъ весьма полезный трудъ свой, не соблюдая при этомъ формальностей. Во время моего спора съ Мельниковымъ и когда онъ только что согласился включить Ратькова въ число удостоиваемыхъ къ производству, принесли Мельникову бумагу, въ которой ему сообщалось Высочайшее повелѣніе о прекращеніи производства инженеровъ путей сообщенія въ военные чины, такъ что мой довольно оживленный съ нимъ споръ оказался безполезнымъ.

Мельниковъ одобрилъ составленныя мною правила и просилъ меня прочитать ихъ Зеленому, бывшему тогда министромъ государственныхъ имуществъ. Послѣдній также вполнѣ одобрилъ ихъ, такъ что Мельниковъ

заручился голосомъ Зеленаго при разсмотрѣніи этихъ правилъ въ комитетѣ министровъ, въ которомъ они, по изъявленному на нихъ согласію министрами финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, были разсмотрѣны и Высочайше утверждены 2 августа 1867 года. Правила эти, подъ названіемъ временныхъ, состояли изъ 12 параграфовъ, изъ которыхъ главные привожу здѣсь буквально:

«§ 1. Повышеніе военными чинами генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ корпусовъ инженеровъ путей сообщенія, лѣсного и межевого, телеграфнаго вѣдомства, а также штабъ-и оберъ-офицеровъ строительнаго отряда и военно-рабочихъ ротъ путей сообщенія прекращается, а впредь производятся они въ гражданскіе чины на общихъ о производствѣ въ чины правилахъ и подчиняются, за исключеніемъ нижеизъясненныхъ изъятій, постановленіямъ, изложеннымъ Св. Зак. гражд. въ Уст. о Сл. по опред. отъ Прав.

«§ 2. Тѣ изъ упомянутыхъ лицъ, которыя пожелаютъ сохранить военное званіе, не производятся уже въ слѣдующіе военные чины, а сохраняютъ лишь право на таковые при отставкѣ по существующимъ постановленіямъ.

«§ 3. Изъятіе изъ изложенныхъ въ §§ 1 и 2 правилъ допускается лишь въ отношеніи къ тѣмъ, которые участвовали въ походахъ и дѣйствительныхъ сраженіяхъ. На сохраненіе такимъ лицамъ военнаго званія, съ правомъ производства въ слѣдующіе военные чины, предоставляется министрамъ по принадлежности, по сношенію съ министерствами военнымъ и морскимъ, испрашивать Высочайшее разрѣшеніе; въ случаяхъ воспослѣдованія коего, лица сіи зачисляются по роду оружія съ сохраненіемъ нынѣ присвоеннаго мундира.

«§ 4. При переименованіи генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ упомянутыхъ въ § 1 вѣдомствъ, примѣняются общія для переименованія изъ военныхъ въ гражданскіе чины постановленія; но тѣмъ штабъ-и оберъ-офицерамъ, которые изъявятъ желаніе переименоваться въ гражданскій чинъ въ теченіе одного года со дня утвержденія сихъ правилъ, предоставляются слѣдующія преимущества:

«А) Имѣющіе чины до подполковника включительно переименовываются въ тотъ гражданскій чинъ и съ тѣмъ въ ономъ старшинствомъ, которые они, состоя въ гражданской службѣ, могли бы получить выслугою лѣтъ: со времени изданія нынѣ дѣйствующихъ постановленій—по симъ постановленіямъ, а за время службы до изданія оныхъ на основаніи постановленій прежде дѣйствовавшихъ. При этомъ однако: а) чины телеграфнаго вѣдомства, занимающіе должности, коимъ присвоены классы Высочайше утвержденнымъ 17 мая 1866 года росписаніемъ, а чины прочихъ вѣдомствъ, занимающіе должности въ прилагаемыхъ росписаніяхъ означенныя, производятся не выше какъ однимъ чиномъ противъ классовъ сихъ должностей и б) лица, занимающія должности, коимъ не присвоено класса, и состоящія въ упомянутыхъ въ § 1 вѣдомствахъ, а равно числящіяся въ частной служ-

бѣ, производятся не свыше, какъ однимъ чиномъ противъ настоящаго военнаго.

«Б) Полковники переименовываются въ статскіе совѣтники или со дня производства въ чинъ полковника или же, на основаніи предыдущаго пункта, со дня, въ который могли бы получить чинъ статскаго совѣтника, смотря потому, что предоставляетъ имъ болѣе преимуществъ.

«В) При переименованіи на изложенныхъ въ предыдущихъ пунктахъ основаніяхъ считать: а) вышедшихъ изъ Института корпуса путей сообщенія и изъ лѣсныхъ учебныхъ заведеній съ чиномъ поручика—поступившими на службу съ чиномъ X класса, вышедшихъ изъ тѣхъ же и изъ межевыхъ учебныхъ заведеній съ чинами подпоручика и прапорщика—поступившими на службу съ чиномъ XII класса; б) вышедшихъ изъ прочихъ учебныхъ заведеній, дающихъ право на чины, поступившими на службу съ тѣми чинами, на которые они получили право при выпускѣ изъ сихъ заведеній, и в) лѣсныхъ кондукторовъ, пріобрѣвшихъ чинъ прапорщика корпуса лѣсничихъ губернскими секретарями.

«Не окончившимъ же курса и не обучавшимся въ учебныхъ заведеніяхъ, дающихъ права на чины, считать выслугу съ перваго полученнаго ими офицерскаго чина.

«Г) Лица, переименовываемыя въ гражданскіе чины безъ повышенія въ оныхъ, не подлежатъ платежу опредѣленныхъ за чины взносовъ; съ переименовываемыхъ болѣе чѣмъ однимъ чиномъ выше настоящихъ военныхъ чиновъ взыскивается лишь за одинъ высшій чинъ.

«§ 7. Лицамъ какъ сохранившимъ военное званіе съ правомъ на производство въ слѣдующіе чины, такъ и переименованнымъ въ гражданскіе чины, сохраняются впредь до изданія новыхъ штатовъ какъ прежнее изъ тѣхъ же источниковъ содержаніе по должностямъ или военнымъ чинамъ, такъ и все безъ исключенія прочее довольствіе, которое по каждому изъ подлежащихъ вѣдомствъ доселѣ имъ производились, равно прогонныя деньги, въ случаѣ если таковыя полагались, и половинное жалованіе во время бытности подъ судомъ или слѣдствіемъ, на прежде существовавшихъ основаніяхъ.

«§ 8. Всѣ, оставшіеся въ военномъ званіи, получаютъ пенсіи на прежнемъ основаніи, имѣющіе же быть переименованными въ гражданскіе чины сохраняютъ также право на полученіе таковыхъ изъ окладовъ жалованія, какіе нынѣ присвоены военнымъ чинамъ каждаго изъ упомянутыхъ въ § 1-мъ вѣдомствъ; причемъ уравниваются: тайные совѣтники съ генералъ-лейтенантами, дѣйствительные статскіе совѣтники съ генералъ-маіорами, статскіе совѣтники съ полковниками, коллежскіе совѣтники съ подполковниками, надворные совѣтники съ капитанами, коллежскіе ассессоры съ штабсъ-капитанами, титулярные совѣтники съ поручиками, коллежскіе секретари съ подпоручиками, губернскіе секретари съ прапорщиками».

Къ этимъ правиламъ были приложены росписанія классовъ должно-

стей въ вѣдомствахъ, въ которыхъ назначено было переименованіе военныхъ чиновъ въ гражданскіе.

Изложенныя правила были основаны на вышеприведенномъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, чтобы переименуемыя лица ничего не теряли при переименованіи и чтобы при этомъ было обращено вниманіе на то, что техникамъ слѣдуетъ возвысить пенсіи противъ другихъ чиновниковъ. Послѣдняя льгота выразилась только правиломъ, изложеннымъ въ § 9-мъ, конечно мало возвысившимъ пенсіи техниковъ, но нельзя было добиваться болѣе постановленнаго этимъ параграфомъ, потому что общій вопросъ о пенсіяхъ давно разрабатывается особою комиссіею и пришлось бы отложить вопросъ о пенсіяхъ техникамъ до окончанія ея работъ, которыя и теперь еще (въ 1875 г.) не достигли никакого результата.

Въ министерствѣ путей сообщенія была учреждена особая комиссія для опредѣленія правъ каждаго изъ служащихъ по переименованіи изъ военнаго въ гражданскій чинъ. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ товарищъ министра Э. И. Герстфельдъ, въ числѣ членовъ былъ я и директоръ канцеляріи министра тайный совѣтникъ Иванъ Петровичъ Тарнава-Боричевскій (впослѣдствіи членъ совѣта министерства). Я назвалъ только двухъ членовъ комиссіи, потому что эти два члена имѣли въ ней наибольшее вліяніе: я, какъ составитель правилъ о переименованіи, а Боричевскій, какъ человѣкъ, которому хорошо извѣстны законы. Какъ при составленіи правилъ, такъ и при приведеніи ихъ въ исполненіе, мною руководила мысль дать переименуемымъ такія льготы, чтобы они не были въ потерѣ въ сравненіи съ тѣми изъ служившихъ въ гражданской службѣ ихъ сверстниками, которые получали чины въ опредѣленные закономъ сроки. Эта мысль была основана на томъ, что повышеніе чинами инженеровъ, при военномъ устройствѣ корпуса путей сообщенія, шло чрезвычайно медленно, черезъ что лица въ самомъ лучшемъ возрастѣ занимали ничтожныя должности, не пріучались администрировать и получали высшія мѣста большею частью въ преклонныхъ лѣтахъ, что весьма вредно отзывалось на ходѣ дѣлъ.

Боричевскій, напротивъ того, по своему недоброжелательству ко всѣмъ, изыскивалъ способы къ уменьшенію льготъ, данныхъ Высочайше утвержденными правилами, находя несправедливымъ при переименованіи военнаго чина давать ему не соотвѣтствующій, а высшій гражданскій чинъ. Конечно я, опираясь на означенныя правила, въ большей части случаевъ одерживалъ верхъ, но опасаясь, что Боричевскій найдетъ какую-либо лазейку для объясненія дарованныхъ льготъ не въ пользу переименуемыхъ, я совѣтовалъ моимъ ближайшимъ подчиненнымъ: инспектору С.-Петербурго-Варшавской жел. дороги полковнику Граве и состоявшимъ при мнѣ инженерамъ: капитану Ратькову и штабсъ-капитану Фадѣеву, немедля подать заявленія о желаніи ихъ быть переименованными въ гражданскій чинъ. Граве очень дорожилъ военнымъ мундиромъ, онъ полагалъ,

что правительство вскорѣ убѣдится въ неудобствахъ неимѣнія инженерами путей сообщенія военнаго мундира, а потому отмѣнитъ дальнѣйшее переименованіе ихъ въ гражданскіе чины, и затѣмъ онъ, состоя съ 1860 года въ чинѣ полковника, будетъ вскорѣ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Ратьковъ же и Фадѣевъ послушались меня и въ первомъ же засѣданіи комиссіи были назначены къ переименованію: Ратьковъ въ статскіе, а Фадѣевъ въ надворные совѣтники, на основаніи § 4 правилъ пунктовъ А и В, такъ какъ до этого переименованія Ратьковъ прослужилъ 21 годъ, а Фадѣевъ 10 лѣтъ. Если бы они отложили свое заявленіе о желаніи быть переименованными, то конечно они не получили бы этихъ чиновъ, такъ какъ Боричевскій, пришедшій въ первое засѣданіе комиссіи не совсѣмъ приготовленнымъ, впослѣдствіи придумалъ слѣдующія затрудненія при переименованіи изъ военнаго въ гражданскій чинъ. Онъ находилъ, что въ гражданской службѣ повышеніе въ чины хотя и производится въ опредѣленные закономъ сроки, но съ тѣмъ, чтобы повышаемое лицо занимало служебную должность не болѣе, какъ однимъ классомъ ниже того чина, въ который оно повышается. Поэтому Боричевскій считалъ необходимымъ прослѣдить всю службу каждаго переименовываемаго и допустить его повышеніе согласно приведеннымъ правиламъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ постоянно занималъ должности, коихъ классы соотвѣтствовали чину, который онъ имѣлъ бы находясь въ это время въ гражданской службѣ; такъ, напр.: если бы инженеръ, во время переименованія, прослужилъ столько лѣтъ, что могъ бы быть по правиламъ переименованъ въ статскіе совѣтники, но въ продолженіе своей службы занималъ должность, положенную въ IX классѣ въ то время, когда за выслугу лѣтъ имѣлъ бы право на чинъ надворнаго совѣтника, то онъ этимъ чиномъ могъ удостоиться только съ того дня, въ который былъ переведенъ на должность, положенную въ VII классѣ, и затѣмъ означенный инженеръ по сроку выслуги лѣтъ переименовывался въ коллежскіе совѣтники и ниже. Должностямъ въ частныхъ обществахъ жел. дорогъ не было присвоено никакихъ классовъ, а потому время нахожденія въ этихъ должностяхъ не засчитывалось въ срокъ, положенный по закону для повышенія въ чины. Противъ мнѣнія Боричевскаго можно было бы привести то, что при военномъ устройствѣ корпуса путей сообщенія должности служащихъ въ немъ не были распредѣлены по классамъ и что это распредѣленіе появилось вмѣстѣ съ временными правилами, а потому къ прежнему времени не можетъ относиться. Однако же комиссія приняла мнѣніе Боричевскаго и черезъ это переименованные въ первыхъ засѣданіяхъ воспользовались бо́льшими льготами, чѣмъ переименованные впослѣдствіи.

Боричевскій не ограничился вышеизложеннымъ мнѣніемъ. Онъ дѣлалъ и новыя придирки, противъ которыхъ я постоянно возставалъ, и онѣ не были приняты. Служа 25 лѣтъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія, Боричевскій зналъ почти всѣхъ инженеровъ. При необыкновенной памяти, онъ описывалъ каждаго назначаемаго къ переименованію. По складу его ума

эти разсказы были не въ пользу описываемаго лица и большею частью скандальнаго свойства: то о взяточничествѣ или незаконномъ сожитіи этого лица, то о любовныхъ интригахъ его жены или сестры. Предсѣдатель комиссіи не останавливалъ Боричевскаго, но я, по окончаніи его разсказа, а иногда и не давая окончить, замѣчалъ, что такъ какъ представляемые Боричевскимъ недостатки переименовываемаго лица не записаны въ формулярный списокъ послѣдняго, то намъ въ настоящемъ случаѣ нѣтъ до нихъ дѣла.

К. В. Чевкинъ въ шутку выразилъ мнѣ желаніе быть назначеннымъ въ члены комиссіи по переименованію инженеровъ въ гражданскіе чины, чтобы слушать разсказы Боричевскаго, которые, по его мнѣнію, должны быть весьма интересны.

Въ пєрвомъ засѣданіи комиссіи были, между прочимъ, разсматриваемы заявленія полковниковъ Добронравова и Стремоухова о переименованіи ихъ въ гражданскій чинъ. Имѣя въ виду, что они состояли на службѣ первый 44 года, а послѣдній 45 лѣтъ, изъ которыхъ первый въ чинѣ полковника 20, а второй 10 лѣтъ, комиссія нашла, что переименованіе ихъ въ статскіе совѣтники было бы обидно, такъ какъ по существовавшему закону они имѣли право на полученіе этого чина по прослуженіи пяти лѣтъ въ чинѣ полковника, и потому представила о производствѣ ихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Это заключеніе комиссіи по докладу Мельникова отъ 11 января 1867 года было утверждено Государемъ, который однакоже замѣтилъ, чтобы впредь комиссія при переименованіяхъ буквально слѣдовала временнымъ правиламъ. Вслѣдствіе этого позже всѣ полковники переименовывались въ статскіе совѣтники, въ томъ числѣ Таубе и Граве, которые вѣроятно были бы произведены такъ же, какъ Добронравовъ и Стремоуховъ, но я уже говорилъ, что Граве не представилъ заявленія о желаніи быть переименованнымъ въ гражданскій чинъ, все еще надѣясь быть произведеннымъ въ генералъ-маіоры, Таубе же не представилъ такового заявленія, потому что находился въ это время въ командировкѣ. Таубе, переименованный по возвращеніи въ статскіе совѣтники, постоянно говорилъ своимъ знакомымъ, даже въ Англійскомъ клубѣ, что онъ останется въ этомъ чинѣ недолго, только до слѣдующей Пасхи, въ которую дѣйствительно былъ произведенъ.

Тогда предполагалось вовсе не производить инженеровъ путей сообщенія, которые не заявятъ о желаніи быть переименованными въ гражданскій чинъ, а потому я совѣтовалъ полковнику Граве немедля переименоваться, чтобы я могъ его представить къ слѣдующей Пасхѣ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Онъ послушался моего совѣта и къ Пасхѣ былъ произведенъ. Впослѣдствіи, однакоже, нѣкоторые изъ непереименовавшихся въ гражданскій чинъ полковниковъ были прямо произведены въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Многіе инженеры путей сообщенія, въ особенности въ старшихъ чинахъ, не пожелали снимать военнаго мундира. Изъ нихъ въ продолженіе

протекшихъ съ 1867 года семи лѣтъ многіе померли или вышли изъ вѣдомства путей сообщенія, но и теперь (1875 г.) еще есть нѣсколько инженеровъ въ этомъ вѣдомствѣ, сохранившихъ военные чины, и именно: генералъ-лейтенантовъ 2, изъ коихъ одинъ (Серебряковъ) числится, на основаніи § 3 вышеприведенныхъ временныхъ правилъ, по инженерному корпусу; генералъ-маіоровъ 8, изъ коихъ одинъ (Бѣловодскій) числится по инженерному корпусу, полковниковъ 17 и подполковниковъ 3; изъ первыхъ 7, изъ вторыхъ 1 числятся по тому же корпусу, и штабсъ-капитановъ 1, по нахожденію его подъ судомъ.

Изъ числа этихъ лицъ стоитъ упомянуть о полковникѣ Завадовскомъ, который неоднократно подавалъ Мельникову и въ комиссіи рапорты о переводѣ его въ инженерный корпусъ на основаніи § 3 вышеприведенныхъ временныхъ правилъ, опираясь на то, что онъ посланъ былъ наблюдать за исправленіемъ шоссе передъ проходомъ войскъ, шедшихъ на войну. Ему неоднократно было объясняемо, что по означенному § подлежатъ переводу въ военное вѣдомство только участвовавшіе въ походахъ и въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ. Онъ не унимался и продолжалъ въ военномъ министерствѣ просить о переводѣ въ инженерный корпусъ, но также безуспѣшно. Во время управленія моего министерствомъ путей сообщенія онъ подавалъ мнѣ записки о томъ же и разсказами о своихъ правахъ неоднократно отнималъ у меня много времени. Я ему совѣтовалъ согласиться на представленіе его въ дѣйствительные статскіе совѣтники, такъ какъ, по его словамъ, онъ желалъ быть произведеннымъ въ генералъ-маіоры только для увеличенія пенсіи при отставкѣ, а инженеръ-дѣйствительные статскіе совѣтники въ этомъ отношеніи сравнены съ генералъ-маіорами, но онъ не соглашался. Завадовскій, впрочемъ, съ молодыхъ лѣтъ отличался разными странностями, подававшими поводъ къ насмѣшкамъ надъ нимъ его товарищей. Подписываясь на офиціальныхъ бумагахъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ выставлялъ передъ своею фамиліею особый знакъ, похожій на буквы «Гр», сокращая титулъ графа, которымъ онъ конечно не былъ. Онъ былъ женатъ на родственницѣ жены графа П. А. Клейнмихеля и потому переведенъ имъ въ Петербургъ, но по своей неспособности не сдѣлалъ служебной карьеры.

Въ 1869 году онъ не имѣлъ опредѣленныхъ занятій. Бывшій директоръ департамента жел. дорогъ Липинъ взялъ его въ исправляющіе должность вице-директора этого департамента, но я принужденъ былъ, по причинѣ незнанія имъ дѣла и особаго рода безтолковости, вскорѣ его уволить. Назначенный членомъ въ комитетъ по передвиженію войскъ по жел. дорогамъ и водянымъ путямъ, онъ такъ надоѣлъ въ комитетѣ своимъ пустословіемъ, что военный министръ офиціально просилъ исправлявшаго должность министра путей сообщенія графа В. А. Бобринскаго взять его изъ комитета, но онъ по моему настоянію въ немъ оставленъ. Въ этомъ многочисленномъ комитетѣ, конечно, много безполезныхъ членовъ, и потому я находилъ, что бѣды нѣтъ оттого, что ихъ однимъ болѣе или менѣе,

въ виду того, что члены комитета содержанія не получаютъ. Между тѣмъ не угадаешь, откуда придетъ свѣтъ. Въ прошедшемъ 1874 г. Завадовскій придумалъ какія-то приспособленія въ вагонахъ для перевозки войскъ. Я ихъ не видалъ, но всѣ утверждаютъ, что эти приспособленія и дешевле и удобнѣе прежнихъ. Завадовскій, при одобреніи военнымъ начальствомъ этихъ приспособленій, усилилъ свои просьбы къ великому князю Николаю Николаевичу и къ генералу Тотлебену о переводѣ его въ инженерный корпусъ, но попрежнему безуспѣшно.

Мельниковъ, при первомъ докладѣ о переименованіи инженеровъ путей сообщенія въ гражданскіе чины, заявилъ Государю о своей готовности быть переименованнымъ, чтобы подать примѣръ своимъ подчиненнымъ. Государь ему отвѣчалъ, что онъ можетъ подождать. При его увольненіи изъ министерства путей сообщенія 20 апрѣля 1869 года онъ былъ произведенъ въ инженеръ-генералы путей сообщенія, т.-е., въ чинъ, уничтоженный еще въ 1867 году.

Я участвовалъ въ походахъ и дѣйствительныхъ сраженіяхъ, а потому имѣлъ право, на основаніи § 3 вышеприведенныхъ временныхъ правилъ, быть переведеннымъ въ военное вѣдомство, но мои недоброжелатели и въ ихъ числѣ Кербедзъ, бывшій также членомъ комиссіи по переименованію инженеровъ путей сообщенія въ гражданскіе чины, утверждали, что меня въ военное вѣдомство не переведутъ по неимѣнію мною знаковъ отличія, даваемыхъ за военные подвиги, а что Серебряковъ будетъ переведенъ въ военное вѣдомство, такъ какъ онъ получилъ въ дѣлѣ противъ мятежниковъ въ 1831 году, происходившемъ въ одной изъ нашихъ западныхъ губерній, Анненскую шпагу. Въ походахъ онъ не былъ и потому не подходилъ подъ упомянутый 3 параграфъ временныхъ правилъ, но такъ какъ въ бытность Клейнмихеля главноуправляющимъ онъ сумѣлъ добиться полученія Георгіевскаго креста за 25-лѣтнюю службу, который также давался только тѣмъ, кто былъ въ походахъ и въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, то засимъ возбужденіе въ комиссіи вопроса о томъ, что Серебряковъ не былъ въ походахъ, найдено излишнимъ. Противъ представленія меня къ переводу въ военное вѣдомство, совершенно согласному съ § 3 временныхъ правилъ, также никто въ комиссіи не возражалъ. Высочайшимъ приказомъ 11 января 1868 года Серебряковъ и я причислены къ инженерному корпусу, который мы избрали, какъ наиболѣе подходящій къ нашимъ занятіямъ, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ по вѣдомству путей сообщенія.

На основаніи того же § 3 временныхъ правилъ мы продолжали носить присвоенный инженерамъ путей сообщенія военный мундиръ, но вскорѣ былъ объявленъ по военному вѣдомству приказъ о томъ, чтобы инженеры путей сообщенія, зачисленные въ военное вѣдомство на основаніи упомянутаго § 3 временныхъ правилъ, носили мундиръ по роду оружія, въ который они переведены.

Я былъ очень доволенъ и зачисленіемъ меня по инженерному корпусу,

и перемѣною мундира, несмотря на то, что прежній мундиръ инженеровъ путей сообщенія я носилъ около 40 лѣтъ. Передъ переименованіемъ состоявшихъ въ гражданскихъ вѣдомствахъ военныхъ чиновъ въ гражданскіе требовалось составить рисунки для ихъ мундировъ и представить ихъ на утвержденіе Государя, который очень охотно занимался перемѣною мундировъ. Министръ финансовъ предупредилъ Мельникова представленіемъ Государю рисунковъ для горныхъ инженерныхъ чиновъ. Шитье на мундирахъ онъ назначилъ золотое, что и было утверждено Государемъ. Для инженеровъ же путей сообщенія представлены были Мельникову рисунки мундировъ съ серебрянымъ шитьемъ. Я замѣтилъ Мельникову, что многіе очень недовольны предстоящимъ переименованіемъ и что золотое шитье на мундирахъ, уже утвержденное для горныхъ инженеровъ, вѣроятно, болѣе понравится и инженерамъ путей сообщенія, вслѣдствіе чего Мельниковъ приказалъ передѣлать рисунки. Но Государь золотого шитья на мундирахъ инженеровъ путей сообщенія не утвердилъ, спросивъ у Мельникова, съ какой стати онъ вздумалъ инженерамъ давать золотое шитье, конечно позабывъ, что имъ такое уже утверждено для мундировъ горныхъ инженеровъ. Вслѣдствіе этого замѣчанія Государя золотое шитье на мундирахъ инженеровъ путей сообщенія замѣнено серебрянымъ, Мельниковъ же высказалъ мнѣ свое неудовольствіе за то, что я былъ причиною сдѣланнаго ему Государемъ замѣчанія.

При устройствѣ первой жел. дороги въ Россіи, Царскосельской, длиною 25 верстъ, весь подвижной составъ, рельсы, принадлежности водоснабженій и мастерскихъ были выписаны изъ-за границы, такъ какъ въ Россіи не было тогда заведеній, на которыхъ означенные предметы могли быть изготовлены: для дороги столь малаго протяженія не стоило учреждать подобныхъ заведеній. Приступая же къ постройкѣ жел. дороги между столицами, правительство желало имѣть рельсы и подвижной составъ, изготовленные въ Россіи. Малое количество добываемаго въ Россіи желѣза побудило оставить мысль употребленія своихъ рельсъ, а недостатокъ въ русскихъ промышленникахъ знаній и опытности по устройству подвижного состава побудило для этого устройства обратиться къ иностранцамъ. Инженеры Крафтъ и Мельниковъ, незадолго передъ этимъ посланные для осмотра жел. дорогъ въ Америку, восхищались всѣмъ американскимъ.

При началѣ устройства жел. дороги между столицами, по рекомендаціи Мельникова, былъ выписанъ изъ Америки инженеръ-маіоръ Уислеръ, который ввелъ у насъ постройку деревянныхъ мостовъ системы Гоу (прозванныхъ у насъ американскими). Уислеръ былъ человѣкъ замѣчательный. Онъ умеръ ранѣе окончанія дороги и былъ замѣненъ другимъ американскимъ инженеромъ, также маіоромъ и получавшимъ значительное содержаніе, но едва ли приносившимъ пользу.

Благодаря Уислеру, устройство подвижного состава было сдано гг. Гаррисонъ и К^{0}; въ ней участвовали знаменитые впослѣдствіи братья

Уайнансы, изъ которыхъ наиболѣе знаменитый Вильямъ (его тогда въ шутку называли «Васькой») былъ столяромъ. Гг-мъ Гаррисонъ и К⁰ предоставленъ былъ въ полное распоряженіе Александровскій механическій заводъ близъ Петербурга, на которомъ они обязаны были строить паровозы и вагоны за весьма умѣренную плату, а именно, цѣна каждому паровозу въ 30 тоннъ была 12.500 р. Паровозы и вагоны строились по типамъ, существовавшимъ въ Америкѣ въ началѣ 40-хъ годовъ. Передъ окончаніемъ постройки дороги, ремонтъ подвижного состава сданъ на 12 лѣтъ той же компаніи по весьма высокимъ цѣнамъ. Заключенный по этому предмету контрактъ пріобрѣлъ тогда же большую извѣстность, давъ возможность нажить контрагентамъ нѣсколько милліоновъ руб., но я уже говорилъ въ IX главѣ «Моихъ воспоминаній», что значеніе этого контракта блѣднѣетъ передъ контрактомъ, заключеннымъ въ 1865 году на тотъ же предметъ съ американцемъ Вильямомъ Уайнансомъ.

Правительство, приступая въ 1852 году къ устройству С. Петербурго-Варшавской жел. дороги, предположило строить для нея подвижной составъ въ Россіи. Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій принялъ постройку паровозовъ на своемъ Петербургскомъ заводѣ по 12.600 р. за каждый. Столь дешевая цѣна, при неопытности мастеровыхъ, и въ особенности ранняя кончина герцога были причиной того, что изготовленные на его заводѣ 20 паровозовъ оказались неудовлетворительными и дальнѣйшее ихъ приготовленіе пріостановлено.

По уставу главнаго общества жел. дорогъ 26 января 1857 года, ему уступлена, между прочимъ, С.-Петербурго-Варшавская жел. дорога и предоставлено для всѣхъ уступленныхъ ему дорогъ привозить много и между прочимъ подвижной составъ изъ-за границы. Заводъ герцога былъ купленъ этимъ обществомъ, которое прекратило на немъ производство и этимъ положило конецъ начинавшемуся водворенію въ Россіи устройства подвижного состава для жел. дорогъ.

Въ уставахъ частныхъ обществъ жел. дорогъ, которые были утверждены послѣ устава главнаго общества, имъ предоставлялось безпошлинно привозить изъ-за границы подвижной составъ, рельсы и другія металлическія принадлежности жел. дорогъ, черезъ что постройка паровозовъ и вагоновъ въ Россіи совершенно прекратилась. Министерство путей сообщенія въ концѣ 1866 года поручило особой комиссіи, въ которой я былъ членомъ, изыскать способы къ водворенію означенной промышленности въ Россіи. Членъ и дѣлопроизводитель ея полковникъ Ераковъ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ) полагалъ: существовавшимъ и вновь устроеннымъ заводамъ сдѣлать отъ казны значительные заказы паровозовъ и вагоновъ, которые сдавать имѣющимъ впослѣдствіи строиться жел. дорогамъ. Комиссія вызывала для разъясненія этого дѣла заводчиковъ и новыхъ предпринимателей черезъ напечатаніе въ мартѣ 1867 года заявленія въ газетахъ, въ которомъ было сказано, что означенныя лица по этому предмету имѣютъ обращаться въ департаментъ жел. дорогъ.

Зная, какъ директоръ этого департамента Липинъ смотрѣлъ на частныхъ предпринимателей, я былъ увѣренъ, что изъ этого заявленія ничего не выйдетъ, какъ это и оказалось на самомъ дѣлѣ. Осенью 1867 года дальнѣйшее обсужденіе мѣръ къ введенію постройки подвижного состава въ Россіи было возложено на упомянутую въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній» комиссію для разсмотрѣнія предложеній на постройку жел. дорогъ. Рѣшеніе этой комиссіи изложено въ журналѣ ея отъ 14 ноября 1867 года, который я подписалъ при особомъ мнѣніи, на которое Липинъ сдѣлалъ замѣчанія, послужившія къ составленію 13 января 1868 года новаго журнала комиссіи, также подписаннаго мною при особомъ мнѣніи. Оба мои мнѣнія и замѣчанія Липина я привожу здѣсь, такъ какъ въ нихъ прописаны и заключенія самой комиссіи.

Въ мнѣніи къ журналу комиссіи отъ 14 ноября 1867 года изложено мною:

«Для введенія постройки подвижного состава въ Россіи, комиссія избрала на первое время четыре механическихъ заведенія для устройства паровозовъ, полагая вызвать желающихъ основать пятый заводъ на югѣ, и три для устройства вагоновъ, при чемъ постановила:

«а) Гарантировать имъ заказъ на 6 лѣтъ каждому паровозному заведенію отъ 20 до 25 паровозовъ и каждому вагонному до 500 вагоновъ ежегодно, по цѣнамъ уже опредѣленнымъ комиссіею.

«б) Дать первымъ ссуду съ ежегоднымъ погашеніемъ въ теченіе 6-ти лѣтъ; первымъ по 300 тыс. руб., а вторымъ по 150 тыс. руб.

«в) Въ продолженіе 6 лѣтъ правительству и частнымъ обществамъ, которымъ даны будутъ въ это время концессіи на устройство жел. дорогъ, весь подвижной составъ пріобрѣтать съ означенныхъ заводовъ такъ, что эти общества, принимая правительствомъ заказанный подвижной составъ, возвращаютъ ему заплаченныя имъ за подвижной составъ деньги.

«г) По прошествіи же 6 лѣтъ дозволить ввозъ заграничнаго подвижного состава, назначивъ на оный достаточную охранительную пошлину.

«Эти мѣры, по моему мнѣнію, не послужатъ къ развитію заводовъ для устройства подвижного состава въ Россіи. Если они будутъ приняты, то въ продолженіе 6 лѣтъ запретится ввозъ заграничнаго подвижного состава и въ Россіи не можетъ образоваться ни паровознаго, ни вагоннаго заведенія, исключая заведеній привилегированныхъ *).

«Таможенная пошлина (вводимая послѣ означенныхъ 6 лѣтъ) можетъ послужить, конечно, только къ поддержанію тѣхъ же привилегированныхъ заведеній.

«Но можно ли ожидать, чтобы и самыя эти заведенія устраивали хоро-

---

*) Замѣчаніе Липина:

«Все, что нужно, ибо, съ увеличеніемъ числа заведеній, они бы дѣйствовали во вредъ своему существованію, а слѣдовательно, во вредъ идеѣ объ обезпеченіи желѣзныхъ дорогъ подвижнымъ составомъ русскаго изготовленія».

шій подвижной составъ, когда они не будутъ опасаться конкуренціи нетолько заграничныхъ, но и другихъ отечественныхъ заведеній, которыя, при разумной охранительной пошлинѣ на паровозы и вагоны, конечно явятся безъ запретительной системы и безъ избранія привилегированныхъ заводовъ.

«Комиссія относительно воспрещенія вовсе ввоза принадлежностей жел. дорогъ изъ-за границы, по истеченіи означенныхъ 6 лѣтъ, выражаетъ одинаковое со мною мнѣніе, излагая въ своемъ докладѣ, что по прошествіи 6 лѣтъ воспрещать этотъ ввозъ было бы неудобно въ томъ отношеніи, что черезъ это русскіе заводчики, будучи обезпечены постояннымъ и вѣрнымъ сбытомъ ихъ издѣлій, нисколько не заботились бы усовершенствовать оныя.

«Не то же ли произойдетъ, когда не будетъ не только заграничной, но даже и внутренней конкуренціи, и можно ожидать, что подвижной составъ не только не будетъ совершенствоваться, но что и исполненіе его не будетъ достаточно хорошо.

«Предлагаемая же комиссіею мѣра покупки частными обществами подвижного состава по опредѣленнымъ комиссіею цѣнамъ у правительства, которое будетъ его заказывать за исполненіемъ заказовъ и его принимать, по моему мнѣнію, не можетъ быть допущена: надо предоставить каждому частному обществу избрать заводъ, на которомъ онъ дѣлаетъ свой заказъ, въ противномъ случаѣ нареканія на правительственныхъ пріемщиковъ будутъ безконечны и нельзя будетъ требовать правильной эксплоатаціи отъ частныхъ обществъ, которыя будутъ постоянно ссылаться на принятый ими отъ правительства недоброкачественный подвижной составъ.

«По моему мнѣнію, мѣры для введенія постройки подвижного состава въ Россіи могли бы быть слѣдующія:

«1. Правительство весь подвижной составъ для казенныхъ жел. дорогъ*) будетъ заказывать въ Россіи по цѣнамъ, въ которыхъ оно каждый разъ условится съ заведеніями, а не по цѣнамъ, предварительно на 6 лѣтъ опредѣленнымъ.

«2. Заведеніямъ, которымъ будетъ заказъ предоставленъ, будетъ дано въ видѣ ссуды до $^1/_2$ подрядной суммы**).

«3. На подвижной составъ, ввозимый частными обществами изъ-за границы, положить умѣренную охранительную пошлину, въ размѣрѣ около 15% стоимости онаго, не дѣлая ни для кого въ этомъ никакого исключенія.

---

*) Замѣчаніе Липина:

«При существованіи однѣхъ казенныхъ дорогъ немыслимо водвореніе заводовъ и фабрикъ для подвижного состава. Условливаться каждый разъ въ цѣнѣ не представляетъ никакихъ выгодъ ни для правительства, ни для заводчиковъ,—и въ этомъ случаѣ скорѣе потерпитъ правительство или черезъ передачу въ цѣнахъ, или чрезъ необходимость заказа за границею,—уничтоженіемъ чрезъ то водвореннаго въ Россіи производства».

**) Замѣчаніе Липина: «Это не есть льгота или пособіе, потому что она предоставлена каждому подрядчику по закону».

«4. Въ имѣющихъ выдаваться обществамъ концессіяхъ на постройки жел. дорогъ обязывать ихъ одну треть подвижного состава заказывать въ Россіи, но предоставивъ имъ полную свободу выбирать заведенія для его устройства*).

«5. Независимо сего для поощренія въ продолженіе первыхъ 5-ти лѣтъ заводовъ, изготовляющихъ паровозы для частныхъ обществъ, будетъ выдаваться заведенію въ видѣ преміи за каждый паровозъ въ размѣрѣ до $^1/_2$ назначенной на паровозъ таможенной пошлины, если изготовленный паровозъ будетъ правительствомъ признанъ**) вполнѣ хорошимъ.

«Преміи эти будутъ выдаваться изъ суммъ правительства; 5-лѣтній срокъ считается со дня поставки заводами перваго признаннаго заводами хорошимъ паровоза; эта мѣра продолжается десять***) лѣтъ со дня ея опубликованія.

«Если вагонныя заведенія устроились у насъ и при дозволеніи всѣмъ обществамъ безпошлиннаго ввоза вагоновъ и безъ увѣренности полученія заказа, то я убѣжденъ, что число этихъ заведеній при предполагаемыхъ мною условіяхъ значительно увеличится и вагоны будутъ хорошо устроены****).

«Я убѣжденъ также, что означенныя мѣры достаточны для введенія у насъ постройки паровозовъ также доброкачественныхъ, такъ какъ заказъ заведеніямъ будетъ обезпеченъ казенными дорогами и обязательною одною третью состава, потребнаго на частныя дороги.

«Этой доброкачественности подвижного состава трудно ожидать при мѣрахъ, предлагаемыхъ комиссіею, такъ какъ избранныя ею заведенія не будутъ имѣть ни заграничной, ни внутренней конкуренціи*†).

---

*) Замѣчаніе Липина: «Изъ 100 паровозовъ и 1500 вагоновъ $^1/_3$ составитъ только 33 паровоза и 500 вагоновъ, что составитъ на каждый заводъ около 6 паровозовъ и 166 вагоновъ. Съ этимъ количествомъ обезпеченнаго заказа ни одинъ заводъ и ни одна фабрика существовать не можетъ по простой причинѣ, что не покроются даже проценты на погашеніе затраченнаго капитала на приспособленіе».

**) Замѣчаніе Липина: «Отчего же правительствомъ, когда выше предполагается, что одобренные правительствомъ паровозы дадутъ возможность частнымъ обществамъ уклоняться отъ правильной эксплоатаціи».

***) Замѣчаніе Липина: «Для чего же упоминается о 5-лѣтнемъ срокѣ, когда преміи будутъ выдаваться въ теченіе 10 лѣтъ. Преміи же въ теченіе 10 лѣтъ составятъ до 618.750 р. совершенно безполезно брошенныхъ денегъ, которыя вовсе не поддержатъ заводовъ. Между тѣмъ, сумма 10-лѣтнихъ премій, доходящая до 618 тыс. рублей, составила бы прибавку на каждый паровозъ изъ числа 600 штукъ, которые полагалось заготовить на 5 заводахъ въ 6 л. по 1031 руб. на каждый, что соотвѣтствуетъ уменьшенію цѣны за тоннъ на 31 р., т.-е., что тоннъ вмѣсто 750 р. будетъ стоить 719 р.».

****) Замѣчаніе Липина: «Не увеличатся они потому, что заведеній болѣе чѣмъ нужно существовать не можетъ при какихъ бы то ни было преміяхъ».

*†) Замѣчаніе Липина: «А если $^1/_3$ будетъ обязательна для заказа заводамъ, развѣ не можетъ существовать то же предположеніе о недоброкачественности постройки паровозовъ и вагоновъ. Разница только въ томъ, что уменьшится безъ нужды и основанія число заказныхъ предметовъ».

«Въ отношеніи отъ 25 мая 1867 года № 3333 министръ финансовъ излагаетъ между прочимъ, что по прочномъ водвореніи у насъ производства подвижного состава можно будетъ требовать, чтобы всѣ желѣзныя дороги обращались со своими заказами подвижного состава исключительно къ русскимъ заводамъ. Но это требованіе министръ финансовъ относитъ не къ настоящему времени, а къ тому, когда прочно водворится у насъ производство подвижного состава, т.-е., когда устройство его будетъ у насъ не хуже иностраннаго и когда его стоимость будетъ одинакова или малымъ превосходитъ стоимость иностраннаго*), чего и можно ожидать при введеніи предполагаемыхъ мною мѣръ не далѣе какъ черезъ 10 лѣтъ**).

«Переходя къ нѣкоторымъ подробностямъ доклада, изложу слѣдующее:

«а) Комиссія полагаетъ заявить избраннымъ заведеніямъ, что во время срока поощренія заводовъ заказами отъ правительства, при неисполненіи ими всѣхъ условленныхъ по контрактамъ обязательствъ, нормальное число паровозовъ или вагоновъ, предположенное къ заказу, можетъ быть уменьшено правительствомъ.

«Издѣлія подобнаго заведенія, по моему мнѣнію, не должны быть вовсе принимаемы и оно должно быть вовсе лишено права на заказъ.

«б) Вагонная фабрика Вильямса и Бухтѣева изготовляетъ уже всѣ товарные вагоны для Московско-Курской дороги; Ковровскія мастерскія изготовляютъ пассажирскіе и товарные вагоны для вновь строющихся дорогъ, а потому нѣтъ причины, чтобы при предположенныхъ мною льготахъ онѣ не продолжали устройства вагоновъ, но какъ Вильямсъ и Бухтѣевъ просятъ тѣ же цѣны, которыя имъ платятъ и теперь, сохраняя однакоже условія ихъ контракта***), т.-е., между прочимъ, безпошлинный ввозъ нѣкоторыхъ частей****) вагоновъ, то, при требованіи уплаты пошлины за эти части, цѣна на вагоны можетъ значительно возвыситься. Имѣя съ другой стороны въ виду, что Шиповы предлагаютъ строить вагоны 5% ниже цѣнъ, платимыхъ Ковровскимъ мастерскимъ и заведенію Вильямса и Бухтѣева, и сверхъ того вагоны доставить на рельсы Московской станціи Николаевской дороги на счетъ Шиповыхъ, я полагалъ бы, при заказѣ вагоновъ правительствомъ, съ большею точностію опредѣлить цѣну, которую можно дать за вагоны, если нѣкоторыя ихъ части будутъ оплачиваемы пошлиною, и стараться ее понизить до надлежащаго предѣла*†)».

---

*) Замѣчаніе Липина: «Все это произвольное толкованіе, чего вовсе нельзя выводить изъ отношенія министра финансовъ».

**) Замѣчаніе Липина: «Если эта мѣра достигаетъ только черезъ 10 лѣтъ, то мѣра, предположенная комиссіею, достигаетъ черезъ годъ по утвержденіи предположеній».

***) Замѣчаніе Липина: «Да какъ же иначе».

****) Замѣчаніе Липина: «На три года до введенія производства колесъ и осей».

*†) Замѣчаніе Липина: «Цѣна товарнаго вагона съ тормазомъ, по контракту Бухтѣева, 1379 руб.; въ числѣ этой суммы собственно желѣзныя части стоятъ 1019 р. 73 к. Поэтому, скидывая со всей суммы 5% или 68 р. 95 к., Шиповъ, какъ желѣзный завод-

Въ мнѣніи къ журналу комиссіи отъ 13 января 1868 года изложено мною:

«Мѣры, предложенныя мною въ мнѣніи, приложенномъ къ журналу комиссіи отъ 14 ноября 1867 года за № 19, я полагаю достаточными для водворенія постройки подвижного состава въ Россіи.

«Онѣ сходны съ мѣрами, изложенными въ мнѣніи генералъ-маіора Липина и рознятся только въ томъ, что генералъ-маіоръ Липинъ находитъ нужнымъ теперь же заключить договоры съ 2 или 3 заводчиками на постройку паровозовъ и съ столькими же—для вагоновъ, отдавъ предпочтеніе предлагателямъ, объявившимъ низшія цѣны, и заказы ограничить для каждаго завода въ продолженіе 4 лѣтъ 10 паровозами и 200-ми вагонами, тогда какъ я полагалъ предоставить правительству заказывать—съ предложенными мною льготами для заводовъ—подвижной составъ по мѣрѣ надобности; при этомъ генералъ-маіоръ Липинъ однакоже не упоминаетъ о предложенной мною мѣрѣ, чтобы по концессіямъ, имѣющимъ выдаваться обществамъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, имъ было поставлено въ обязанность одну треть подвижного состава непремѣнно заказывать въ Россіи.

«Находя мѣру, предлагаемую генералъ-маіоромъ Липинымъ относительно немедленнаго заказа полезною, я присоединяюсь къ этому мнѣнію, сохраняя при томъ какъ выше изложенное условіе о непремѣнныхъ заказахъ частными обществами части подвижного состава въ Россіи, такъ и всѣ другія, изложенныя мною въ мнѣніи, приложенномъ къ журналу комиссіи отъ 14 ноября 1867 года за № 19».

Съ 1868 по 1874 годъ, согласно заключенію комиссіи, казна заказала значительное количество паровозовъ и вагоновъ; согласно же моему мнѣнію помѣщалось въ уставахъ частныхъ обществъ жел. дорогъ, что одна треть подвижного состава должна быть пріобрѣтена въ Россіи, и въ первое время выдавались на изготовленные въ Россіи паровозы преміи, которыя однакоже вскорѣ были отмѣнены. Въ этотъ періодъ времени постройка жел. дорогъ правительствомъ не производилась, вслѣдствіе чего заказанный имъ подвижной составъ оно сдавало новымъ частнымъ обществамъ жел. дорогъ, и оправдались на дѣлѣ выше приведенныя мною слова, а именно:

«Можно ли ожидать, чтобы самыя эти заведенія (которыя будутъ привиллегированы сдѣланными имъ правительствомъ заказами) устраивали хорошій подвижной составъ, когда онѣ не будутъ опасаться конкуренціи не только заграничныхъ, но и другихъ отечественныхъ заведеній», и далѣе:

«Нареканія на правительственныхъ пріемщиковъ будутъ безконечны,

---

чикъ, скидываетъ собственно съ произведеній своего завода 6¾%, но я увѣренъ, если онъ скинетъ точно такъ же 6¾% каждому вагонному заводчику за желѣзо, имъ поставленное, то въ свою очередь и вагонный заводчикъ скинетъ съ цѣны тѣ же 5%. Это очень естественно и потому нельзя требовать, чтобы за ту же цѣну дѣлали всѣ вагонныя заведенія, за какую можетъ дѣлать Шиповъ, имѣющій собственный желѣзодѣлательный заводъ».

нельзя будетъ требовать правильной эксплоатаціи отъ частныхъ обществъ, которыя будутъ постоянно ссылаться на принятый ими отъ правительства недоброкачественный подвижной составъ».

Предложенная же мною мѣра о томъ, чтобы подвижной составъ, вывозимый частными обществами изъ-за границы, оплачивался пошлиною, не дѣлая ни для кого въ этомъ никакого исключенія, осталась неисполненною.

Хотя мы теперь (1875 г.) и строимъ часть подвижного состава въ Россіи, но, вслѣдствіе приведенныхъ причинъ, качество его неудовлетворительно.

Указомъ Сената отъ 17 ноября 1867 года обнародовано Высочайшее повелѣніе о приступѣ къ постройкѣ жел. дороги на 12-верстномъ разстояніи отъ ст. Аксайской до г. Ростова и о передачѣ Грушевской жел. дороги въ распоряженіе строителя Полякова, что немедля и было исполнено.

Въ половинѣ ноября 1867 года поступило прошеніе концессіонеровъ Ряжско-Моршанской жел. дороги объ освидѣтельствованіи ея для открытія по ней движенія. Назначенная для сего подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссія нашла дорогу готовою для движенія. Концессіонеры дороги братья С. Д. и А. Д. Башмаковы, желая открыть дорогу торжественнымъ образомъ, пригласили на открытіе весьма многихъ лицъ изъ Петербурга и Москвы и, между прочими, бывшаго въ это время министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева.

Торжественный поѣздъ выѣхалъ изъ Москвы вечеромъ 26 ноября. Концессіонерами на станціяхъ были приготовлены великолѣпные ужинъ и завтракъ, а также утренній чай. На Ряжской и слѣдующихъ станціяхъ Ряжско-Моршанской жел. дороги поѣздъ былъ встрѣченъ мѣстнымъ духовенствомъ въ облаченіи, съ крестами и святою водою. Въ Моршанскѣ отслуженъ былъ молебенъ Тамбовскимъ архіереемъ, съ которымъ прибылъ Тамбовскій губернаторъ Николай Мартыновичъ Гартингъ и много чиновниковъ и дворянъ Тамбовской губерніи. На станціи былъ приготовленъ дорогой, но не вполнѣ хорошо изготовленный обѣдъ, за которымъ произнесено много рѣчей. Въ числѣ ораторовъ были Валуевъ и я. Валуевъ весьма краснорѣчивъ, но рѣчь его была безъ содержанія. Я изложилъ исторію жел. дорогъ въ Россіи, ихъ развитіе въ послѣднее время, причемъ привелъ статистическія данныя, а также ожиданіе еще большаго развитія въ близкомъ будущемъ и вліяніе, которое жел. дороги успѣли уже произвесть на нашу торговлю. Рѣчь моя была покрыта громкими рукоплесканіями и топаніемъ ногъ, повторившимися при тостѣ за мое здоровье.

Валуевъ, котораго, несмотря на постоянно дѣлаемые имъ мнѣ комплименты, я по многимъ причинамъ не жалую, и тутъ не упустилъ случая сказать мнѣ, что рѣчь моя была превосходна и что его очень радуетъ глубокая преданность мнѣ желѣзнодорожныхъ дѣятелей, доказывающая, что они умѣютъ цѣнить мою полезную во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность. Денежныя дѣла Валуева всегда были не хороши. Тогда говорили, что онъ занялъ у Башмаковыхъ весьма значительную сумму и изъ благодарности

пріѣхалъ на открытіе устроенной ими дороги. По его ходатайству за устройство дороги были даны ордена А. Д. Башмакову Станислава I ст., а его брату Владиміра 3 ст. Замѣчательно, что эти награды даны не только не по представленію министра путей сообщенія, но даже и безъ предварительнаго у него объ этомъ спроса.

Выѣхали мы изъ Моршанска довольно поздно въ сильную метель, которая не позволила намъ ѣхать по расписанію, что конечно подало поводъ къ неудовольствію со стороны приглашенныхъ лицъ. На нашемъ обратномъ пути мы были угощаемы Башмаковыми такъ же, какъ и при поѣздкѣ отъ Москвы до Моршанска. Ряжско-Моршанская жел. дорога, длиною 121 верста, была открыта для движенія 28 ноября 1867 года.

Затѣмъ къ 1 января 1868 года уступлено было частнымъ обществамъ жел. дорогъ протяженіемъ въ сложности 4.856 верстъ, изъ коихъ 3.523 были открыты для движенія и 1.333 были въ постройкѣ; сверхъ того частнымъ обществомъ, въ вѣдѣніи особой инспекціи, строилась Поти-Тифлиская жел. дорога, протяженіемъ 285 верстъ.

Въ январѣ 1868 года строитель Воронежско-Козловской жел. дороги Поляковъ неоднократно просилъ объ освидѣтельствованіи этой дороги для открытія по ней движенія. Судя по осмотру мною дороги въ сентябрѣ 1867 года, я не вѣрилъ, чтобы она могла быть окончена, что подтверждалось и донесеніями инспектора дороги Гольмстрема. Сверхъ того я находилъ, что освидѣтельствованіе дороги при глубокомъ снѣгѣ и въ сильные морозы не можетъ быть произведено съ должнымъ тщаніемъ. Но Поляковъ, получившій вслѣдствіе покровительства графа И. М. Толстого постройку Козлово-Воронежской жел. дороги отъ Воронежскаго земства, которому дана была концессія на эту дорогу вопреки представленія Мельникова,—сумѣлъ снискать милость послѣдняго. 18 января 1868 года я получилъ отъ Мельникова письмо слѣдующаго содержанія:

«Г. Поляковъ заявляетъ, что Воронежская дорога въ состояніи оконченности не менѣе Моршанской, такъ что движеніе можетъ быть открыто безъ малѣйшаго затрудненія, и потому проситъ, чтобы вы взяли на себя разрѣшить открытіе движенія, если вы найдете все, какъ онъ объясняетъ. Если это такъ, то я не нахожу затрудненія поступить съ этою дорогою, какъ дѣлалось при открытіи другихъ, и о распоряженіи, какое признаете нужнымъ сдѣлать на мѣстѣ, донесите въ министерство. Вашъ покорный слуга П. Мельниковъ».

Въ этомъ письмѣ говорится о Ряжско-Моршанской жел. дорогѣ съ видимымъ желаніемъ упрекнуть меня въ томъ, что я не хочу сдѣлать для Полякова того, что я сдѣлалъ для Башмаковыхъ и Духовского, котораго Мельниковъ, какъ я уже говорилъ въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній», не любилъ. Послѣ подобнаго письма министра надо было ѣхать свидѣтельствовать дорогу, для чего была назначена комиссія подъ моимъ предсѣдательствомъ изъ инженеровъ путей сообщенія полковниковъ Таубе и Поземковскаго и подполковника Зуева 2-го. Ѳеодоръ Антоновичъ Позем-

ковскій былъ въ то время вице-директоромъ департамента сухопутныхъ сообщеній и потому не было повода къ его назначенію въ комиссію, свидѣтельствующую жел. дорогу, но онъ самъ очень просилъ меня объ этомъ назначеніи, на которое Мельниковъ охотно согласился, замѣтивъ, что Поземковскій человѣкъ придирчивый. Впослѣдствіи я узналъ, что у него были денежные счеты съ Поляковымъ. Прежняя репутація Поземковскаго была хорошо извѣстна Мельникову, которому едва ли не были извѣстны и настоящія отношенія Полякова къ Поземковскому, а потому я не знаю, какъ объяснить причину согласія Мельникова на назначеніе Поземковскаго членомъ свидѣтельствующей комиссіи, равно какъ и многіе другіе въ этомъ родѣ поступки Мельникова.

Въ Воронежѣ я остановился у моей старой знакомой А. И. Шеле, уступившей мнѣ нижній этажъ своего дома. Во все время пребыванія моего въ Воронежѣ она давала обѣды, къ которымъ приглашала пріѣхавшихъ со мною инженеровъ, а равно губернатора и другія мѣстныя власти. Несмотря на свои преклонныя лѣта, она прекрасно исполняла обязанности хозяйки и принимала участіе во всѣхъ городскихъ увеселеніяхъ, даже ѣздила со мною на какую-то публичную лекцію.

Освидѣтельствованіе Воронежско-Козловской желѣзной дороги было произведено во время сильныхъ морозовъ. Для осмотра шпалъ и въ особенности толщины замерзшаго балластнаго слоя съ большимъ трудомъ прорубались въ немъ глубокія ямы. Этимъ ревностно занимался старшій изъ членовъ комиссіи Таубе, ѣхавшій почти все время для осмотра пути на прицѣпленной въ концѣ поѣзда открытой платформѣ. Дорога найдена далеко не столь оконченною, какъ Ряжско-Моршанская: слой балласта былъ почти вездѣ менѣе утвержденнаго по проекту, на ближайшихъ же верстахъ къ Воронежу въ выемкахъ и насыпяхъ земляное полотно было устроено въ одинъ путь и ихъ откосы находились въ далеко неоконченномъ видѣ. Всѣ эти причины побудили меня отложить открытіе движенія по дорогѣ до весны, но Поляковъ умолялъ дозволить немедленное открытіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ будетъ поставленъ въ такое положеніе относительно лицъ, снабдившихъ его капиталами на постройку, что не будетъ въ состояніи ее продолжать.

Принимая въ соображеніе, что движеніе по всей дорогѣ, за исключеніемъ послѣднихъ 12 верстъ, не представляло никакой опасности и что, по уставу дороги, она могла бы быть открыта не вполнѣ законченною, комиссія, ее свидѣтельствовавшая, согласилась на открытіе пассажирскаго движенія между Козловомъ и ст. Сомово на 155 верстахъ, а товарнаго на всѣхъ 167 верстахъ. То и другое началось 1 февраля 1868 года. Передъ открытіемъ Поляковъ далъ обѣдъ и балъ въ залѣ Воронежскаго дворянскаго собранія и безплатный спектакль въ Воронежскомъ театрѣ. Къ обѣду были приглашены всѣ мѣстныя власти, городскіе обыватели и много пріѣзжихъ изъ Воронежской губерніи, такъ что всего сидѣло за столомъ до 300 человѣкъ, изъ которыхъ къ концу обѣда было много выпившихъ и

шумѣвшихъ. Къ празднованію открытія дороги, строившейся Воронежскимъ земствомъ, былъ присланъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ членъ совѣта министра тайный совѣтникъ Александръ Павловичъ Волковъ.

По обыкновенію за обѣдомъ было много рѣчей съ тостами за здоровье Государя, министровъ финансовъ, путей сообщенія, внутреннихъ дѣлъ, мое, губернатора, строителя, инженеровъ и т. д. Тостъ за мое здоровье и моя отвѣтная рѣчь были покрыты громкими рукоплесканіями. Я сидѣлъ за столомъ противъ архіепископа Серафима, который вовсе не пилъ вина; зато викарный архіерей пилъ черезчуръ много. Изъ приглашеннаго къ обѣду духовенства былъ весьма замѣтенъ по поразительной красотѣ состоящій при архіепископѣ игуменъ Филаретъ. Во время обѣда Поляковъ получилъ телеграмму, извѣщавшую его, что въ Ростовѣ на Дону празднуется обѣдомъ же открытіе построенной имъ жел. дороги между этимъ городомъ и Аксайскою станціею, протяженіемъ 12 верстъ. При этомъ обѣдѣ старшимъ лицомъ былъ наказной атаманъ войска Донского генералъ-адъютантъ Потаповъ, очень покровительствовавшій Полякову. Старшимъ инженеромъ при дорогѣ считался генералъ-маіоръ Григорій Матвѣевичъ Толстой, о которомъ я неоднократно упоминалъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ».

Потаповъ, привѣтствуя его за обѣдомъ, сказалъ, что дѣдъ Толстого (князь Кутузовъ-Смоленскій) велъ Донскихъ казаковъ впередъ на поле брани, а внукъ его ведетъ ихъ впередъ по мирной стезѣ устройствомъ парового сообщенія съ Ростовской пристанью. Толстой ни почему не заслуживалъ такого привѣтствія, ни полученной имъ, по ходатайству Полякова и Потапова, Анненской ленты за устройство 12 верстъ жел. дороги, въ которомъ онъ не принималъ никакого участія, кромѣ содержанія отъ Полякова, дѣлавшаго это въ память своему благодѣтелю графу И. М. Толстому. Вскорѣ по открытіи этихъ дорогъ Поляковъ явился ко мнѣ съ огромнымъ Станиславскимъ крестомъ на шеѣ, даваемымъ не христіанамъ, о чемъ я сказалъ П. П. Мельникову, который не хотѣлъ вѣрить, что Поляковъ получилъ, орденъ, и смѣялся, что я вижу то, чего нѣтъ и быть не можетъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Поляковъ рѣшился быть у Мельникова съ орденомъ на шеѣ, и тогда только послѣдній узналъ, что Поляковъ получилъ его по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, основанному на ходатайствѣ Воронежской земской управы.

Въ бытность мою въ Воронежѣ я получилъ телеграмму отъ бывшаго тогда предсѣдателемъ комитета жел. дорогъ, графа С. Г. Строганова, въ которой онъ, извѣщая меня, что Мельниковъ представилъ въ комитетъ предположенія объ устройствѣ новыхъ жел. дорогъ, просилъ, чтобы я скорѣе воротился въ Петербургъ. Я не былъ тогда членомъ этого комитета, но постоянно передъ его засѣданіями Строгановъ собственноручными письмами приглашалъ меня къ себѣ и спрашивалъ мое мнѣніе по поступившимъ въ комитетъ представленіямъ и, несмотря на то, что расходился со мною въ предположеніи о передачѣ Николаевской жел. дороги главному обществу Россійскихъ жел. дорогъ, прислалъ мнѣ 21 декабря 1867 года

записку, въ которой просилъ заѣхать къ нему для совѣщанія по дѣлу о продажѣ Николаевской желѣзной дороги. Наконецъ я былъ назначенъ членомъ комитета желѣзныхъ дорогъ, о чемъ я былъ увѣдомленъ слѣдующимъ письмомъ графа Строганова отъ 5 февраля 1868 года № 13:

«Государь Императоръ, узнавъ, что ваше превосходительство не членъ комитета желѣзныхъ дорогъ, изволилъ повелѣть вамъ участвовать въ засѣданіяхъ означеннаго комитета въ качествѣ главнаго инспектора частныхъ жел. дорогъ. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи сообщено министру путей сообщенія».

Но и послѣ этого назначенія Строгановъ всегда старался до засѣданій комитета узнавать мое мнѣніе по поступавшимъ въ него представленіямъ, какъ это видно изъ двухъ слѣдующихъ примѣровъ. При письмѣ отъ 26 февраля 1868 года Строгановъ препроводилъ ко мнѣ мнѣніе фельдмаршала графа Берга о направленіи Брестъ-Смоленской желѣзной дороги и возраженіе на него начальника главнаго штаба графа Гейдена, желая знать мое заключеніе до засѣданія комитета по этому предмету. Въ письмѣ отъ 6 мая 1868 года Строгановъ писалъ ко мнѣ:

«Принимали ли вы участіе въ сужденіи департамента жел. дорогъ о Саратовско-Тамбовской дорогѣ, и раздѣляете ли вы мнѣніе П. П. Мельникова о неудовлетворительности проекта, представленнаго Саратовскимъ земствомъ? Если вамъ дѣло извѣстно, вы меня крайне обяжете, заѣхавъ ко мнѣ около часа».

По возвращеніи изъ Воронежа я получилъ слѣдующее письмо генералъ-адъютанта Николая Васильевича Зиновьева отъ 25 января 1868 г. № 11:

«Высочайшимъ повелѣніемъ, воспослѣдовавшимъ 23 января, на меня возложено предсѣдательство временной комиссіи, учрежденной въ Петербургѣ, для правильнаго распредѣленія пожертвованій, поступившихъ въ пользу жителей разныхъ мѣстностей Россіи, пострадавшихъ отъ неурожая,— съ правомъ приглашать въ комиссію отъ всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ лицъ, или лично мнѣ извѣстныхъ, или спеціально знакомыхъ съ положеніемъ означенныхъ мѣстностей.

«Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, почетный предсѣдатель комиссіи, желая, чтобы ваше превосходительство приняли участіе въ занятіяхъ этого учрежденія, поручить мнѣ изволилъ пригласить васъ присутствовать въ комиссіи въ качествѣ члена.

«Увѣдомляя васъ о семъ, нужнымъ считаю присовокупить, что первое засѣданіе комиссіи имѣетъ быть въ субботу 27 января въ 2 часа пополудни, въ собственномъ Его Величества (Аничковомъ) дворцѣ».

По случаю отсутствія изъ Петербурга я не могъ быть на первомъ засѣданіи комиссіи. Впослѣдствіи засѣданія происходили въ Аничковомъ дворцѣ по два раза въ недѣлю подъ личнымъ предсѣдательствомъ Наслѣдника. Они продолжались болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ это время министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, котораго обвиняли въ непринятіи свое-

временныхъ мѣръ противъ послѣдствій неурожая, былъ уволенъ отъ должности. На его мѣсто былъ назначенъ министръ почтъ и телеграфовъ генералъ-адъютантъ Александръ Егоровичъ Тимашевъ, съ присоединеніемъ его прежняго министерства къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Тимашевъ представилъ Государю, что учрежденная подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника комиссія занимается предметомъ, составляющимъ непосредственное занятіе министерства внутреннихъ дѣлъ, и уговорилъ Государя закрыть комиссію. Зиновьевъ, узнавъ объ этомъ, убѣдилъ Государя, что подобное внезапное закрытіе комиссіи невозможно по причинѣ только что развившихся его распоряженій и было бы неудобно въ виду того, что она состоитъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника, но что можетъ быть теперь опредѣленъ срокъ для окончанія ея занятій. Срокъ этотъ былъ назначенъ на 30 августа, но послѣ этого Наслѣдникъ лично въ ней предсѣдательствовалъ только одинъ разъ, для чего члены комиссіи были собраны въ его Царскосельскій дворецъ, въ которомъ были угощены завтракомъ.

Членами комиссіи, кромѣ меня, были директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ Шумахеръ, членъ совѣта департамента удѣловъ Тютчевъ, Петербургскій губернскій предводитель дворянства графъ Орловъ-Давыдовъ, предсѣдатель Новгородской губернской земской управы Качаловъ (впослѣдствіи директоръ департамента таможенныхъ сборовъ), гласный Петербургской городской думы Быковъ, Череповецкій купецъ Н. Милютинъ и бывшій откупщикъ Кокоревъ. Съ самаго начала дѣйствій комиссіи поступали значительныя пожертвованія. Въ ея засѣданіяхъ обсуждалось, какъ ихъ распредѣлять, своевременно доставить и раздавать. Это былъ первый опытъ комиссіи, въ которой членами не были исключительно лица, взятыя изъ бюрократіи. Дѣйствія ея были удачны, но, конечно, она не могла нравиться нашей бюрократіи.

Главную роль въ комиссіи игралъ Качаловъ, а благодаря ему и Милютинъ. На первыхъ засѣданіяхъ Орловъ-Давыдовъ, извѣстный крѣпостникъ, старался ввести въ комиссію обсужденіе причины неурожаевъ и необходимости заставить крестьянъ имѣть общественныя запашки, но я и Тютчевъ каждый разъ обращали вниманіе Наслѣдника, что это обстоятельство не можетъ составлять предмета занятій комиссіи. Наконецъ, когда Орловъ-Давыдовъ снова заговорилъ о томъ же, Наслѣдникъ, отвернувшись отъ него, далъ слово другому члену. Нельзя сказать, чтобы въ этой комиссіи не было допущено крайностей и съ другой стороны. Конечно, совѣты богатаго хлѣботорговца или зажиточнаго крестьянина въ дѣлѣ, занимавшемъ комиссію, были бы очень полезны, но при выборѣ этихъ лицъ, которыхъ приглашали сидѣть по нѣскольку часовъ за однимъ столомъ съ Наслѣдникомъ, слѣдовало быть осмотрительнѣе. Для этого недостаточно быть богатымъ и сдѣлать большія пожертвованія въ пользу голодающихъ; за послѣднее достаточно было бы поблагодарить. Нижегородскій купецъ Блиновъ, сдѣлавшій пожертвованія въ пользу голодающихъ, былъ приглашенъ въ засѣданіе комиссіи, происходившей подъ предсѣдатель-

ствомъ Наслѣдника, въ которомъ три часа молчалъ. Между тѣмъ Блиновъ тогда уже былъ извѣстенъ разными нечестными продѣлками и дѣлалъ пожертвованія для голодающихъ въ надеждѣ черезъ это имѣть себѣ покровителя въ лицѣ Наслѣдника. Въ первыхъ засѣданіяхъ комиссіи Наслѣдникъ предлагалъ такія распоряженія, исполненіе которыхъ требовало гораздо болѣе значительныхъ суммъ, чѣмъ находилось въ виду. Тютчевъ и я при этомъ замѣчали, что комиссія имѣетъ право дѣлать распоряженія, сообразуясь съ суммами уже пожертвованными, но большинство членовъ комиссіи соглашалось съ предложеніями Наслѣдника, и наши заявленія оставались безъ послѣдствій.

Въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій Наслѣдникъ заявилъ, что Государь назначилъ въ распоряженіе комиссіи милліонъ рублей для покупки муки и ея раздачи потерпѣвшимъ отъ неурожая, со взысканіемъ съ нихъ этой суммы по особымъ правиламъ въ слѣдующіе урожайные годы, что операція по закупкѣ муки и доставленію ея на мѣсто поручена купцу Милютину, который уже окончилъ ее. При этомъ Наслѣдникъ сказалъ, что, опасаясь возвышенія цѣнъ муки, онъ находилъ нужнымъ производить ее безъ огласки и потому не заявлялъ комиссіи, за исключеніемъ ея членовъ Качалова и Милютина, о пожертвованномъ Государемъ милліонѣ и очень любезно передалъ мнѣ и Тютчеву, что онъ, въ виду этого пожалованія, предлагалъ комиссіи нѣкоторыя распоряженія, на которыя мы дѣлали замѣчанія, что онъ находилъ вполнѣ правильнымъ, такъ какъ мы ничего не знали объ этой ассигновкѣ. Вообще дѣйствія комиссіи достигли своей цѣли: почти вся заготовка дошла по своему назначенію, чего конечно нельзя было бы достигнуть обыкновеннымъ способомъ черезъ казенныхъ чиновниковъ.

Для полученія свѣдѣній о надобностяхъ разныхъ мѣстностей, пораженныхъ неурожаемъ, были вызваны предсѣдатели мѣстныхъ губернскихъ земскихъ управъ, которые дали требовавшіяся отъ нихъ комиссіею показанія. Я не буду здѣсь описывать распредѣленія пособій въ разныя мѣстности, такъ какъ о нихъ постоянно объявлялось въ газетахъ.

При дворцѣ Наслѣдника была выставлена кружка, изъ которой ежедневно вынимались положенныя въ нее пожертвованія, въ нѣкоторые дни весьма значительныя. Я положилъ въ нее болѣе 2.000 р., доставленныхъ отъ чиновъ 22 пѣхотной дивизіи, которою командовалъ тогда покойный братъ мой Николай. Въ кружку опускали иногда разныя вещи, которыя немедля продавались. Между прочими вещами были опущены серебряные часы весьма незначительной цѣнности. Во избѣжаніе малой выручки при ихъ продажѣ, положено было ихъ разыграть въ лотерею, раздавъ билеты на нее членамъ комиссіи. При розыгрышѣ выигрышъ палъ на номеръ принадлежащаго мнѣ билета.

Въ концѣ апрѣля 1868 г. Наслѣдникъ поручилъ мнѣ познакомиться со всѣми предположеніями о соединеніи водянымъ путемъ Петербурга съ Бѣлымъ моремъ и о результатѣ собранныхъ мною свѣдѣній доложить ему 6 мая въ Царскомъ Селѣ. Пріѣхавъ въ этотъ день въ Царское Село, я не

могъ видѣть Наслѣдника, такъ какъ Цесаревна только что разрѣшилась отъ бремени своимъ Первенцомъ. Впослѣдствіи новаго приказанія по этому дѣлу я не получалъ и потому всѣ собранные мною для его объясненія документы возвратилъ по принадлежности.

30 августа я получилъ слѣдующій рескриптъ Наслѣдника:

«Баронъ Андрей Ивановичъ!

«Государь Императоръ, во вниманіе къ засвидѣтельствованному Мною полезному участію вашему въ дѣйствіяхъ бывшей комиссіи доставленія пособій пострадавшимъ въ 1867 г. отъ неурожая, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 5 день текущаго октября повелѣть мнѣ объявить вамъ Именное Его Императорскаго Величества благоволеніе.

«Съ удовольствіемъ извѣщая васъ о таковой Монаршей милости, пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Александръ».

Въ октябрѣ, по ходатайству Наслѣдника, была учреждена комиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Зиновьева для начертанія путей, могущихъ служить для скораго подвоза хлѣба въ часто страдающія отъ неурожая сѣверныя губерніи. По Высочайшему повелѣнію я былъ назначенъ членомъ этой комиссіи. Въ числѣ мѣръ, ею выработанныхъ, было устройство жел. дороги между г. Котельничемъ и Сольвычегодскомъ. Эта мѣра, по одобренію ея комитетомъ жел. дорогъ, была Высочайше утверждена, но къ устройству дороги до сего времени (1875 г.) не приступлено.

16 ноября 1868 г. была открыта первая половина Курско-Кіевской жел. дороги. По возвращеніи послѣ этого открытія въ Петербургъ, я представлялся Наслѣднику и Цесаревнѣ и былъ ими весьма милостиво принятъ, при чемъ они дали мнѣ свои портреты съ собственноручными подписями: Александръ 1868 г. 27 января и Марія 27 января 1868 г.

30 августа 30 августа

Эти числа обозначали дни открытія и закрытія комиссіи, учрежденной для пособія нуждающимся, вслѣдствіе бывшаго въ 1867 г. неурожая. При этомъ Цесаревна говорила со мною по-русски и между прочимъ сказала, что ее весьма тронула память о ней, выраженная тѣмъ, что открыли дорогу въ день ея рожденія. Послѣ этого я не имѣлъ непосредственныхъ отношеній ни съ Наслѣдникомъ, ни съ его Супругой, но они всегда при встрѣчахъ со мною были весьма благосклонны. Во время управленія мною министерствомъ путей сообщенія, Наслѣдникъ постоянно присутствовалъ при личныхъ докладахъ моихъ Государю, которыя я дѣлалъ Государю почти каждый четвергъ. Мнѣ извѣстно, что при назначеніяхъ министрами путей сообщенія А. П. Бобринскаго и К. Н. Посьета Наслѣдникъ и Цесаревна выражали передъ многими мнѣніе, что только я могъ бы занимать эту должность съ пользою для дѣла.

Въ 1867 г. была, по Высочайшему повелѣнію, учреждена для пересмотра таможенныхъ тарифовъ комиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора тайнаго совѣтника Григорія Павловича Небольсина, назначеннаго по окончаніи занятій этой комиссіи членомъ Государственнаго Совѣта. Совѣтъ рус-

скаго техническаго общества, котораго я былъ тогда предсѣдателемъ, въ виду учрежденія этой комиссіи, немедля занялся подготовительною для нея работою въ пользу обложенія пошлиною, въ видахъ развитія машиностроенія въ Россіи, привозимыхъ изъ-за границы машинъ, которыя всѣ безъ исключенія до того времени привозились безпошлинно.

По докладѣ этой работы общему собранію техническаго общества, значительное число его членовъ высказалось за ходатайство передъ правительствомъ о наложеніи пошлины на машины. Почетный предсѣдатель общества герцогъ Лейхтенбергскій, весьма интересуясь этимъ вопросомъ просилъ меня немедля дать знать о послѣдствіяхъ баллотировки. Узнавъ отъ посланнаго мною къ нему о мнѣніи большинства, онъ приказалъ мнѣ сказать, что желалъ бы видѣть именной списокъ баллотировавшихъ. Хотя подобное требованіе было уже несвоевременно, однакоже я предложилъ общему собранію членовъ общества написать, кто изъ нихъ за пошлину на машины и кто противъ нея. Оказалось первыхъ 99, а послѣднихъ только 5, къ которымъ приписался и герцогъ. Понятно, что онъ неохотно препроводилъ ходатайство общества въ министерство финансовъ, которое передало ее въ тарифную комиссію. Ходатайство сопровождалось обширною запискою, разсматривавшею во всѣхъ подробностяхъ: 1) важность развитія машиностроенія въ Россіи, 2) возможность у насъ существованія и развитія механическихъ заводовъ, 3) невыгоды, встрѣчаемыя у насъ машинными заводами, и необходимость мѣръ ихъ поддержанія и, наконецъ, 4) размѣръ тарифа. По мнѣнію общества, вѣрнымъ средствомъ для развитія машиностроительнаго дѣла было бы назначеніе пошлины на привозимыя машины въ размѣрѣ 15% со стоимости машинъ за границею. Принимая, что безпошлинный привозъ чугуна и желѣза для заводовъ не будетъ продолжаться, общество нашло необходимымъ установить слѣдующіе разряды пошлинъ на машины, снаряды и части ихъ съ пуда:

1. На машины, заводскіе приборы и аппараты, также на части ихъ, если эти машины, аппараты и части ихъ состоятъ преимущественно изъ дерева или чугуна въ необработанномъ видѣ, также на всякую чугунную сырую отливку, на машины и орудія земледѣльческія и части ихъ, а также на машины для обработки волокнистыхъ веществъ и части ихъ—50 коп.

Примѣчаніе: Къ машинамъ для обработки волокнистыхъ веществъ причисляются исполнительные механизмы машинъ трепальныхъ, кардныхъ, разбивныхъ, прядильныхъ, ткацкихъ, ворсовальныхъ, ворсостригальныхъ и машинъ для приготовленія безконечной бумаги; но отнюдь не приводы движенія и не машины двигатели, каковы: локомобили и паровыя машины; такія машины и приводы оплачиваютъ пошлину на общемъ основаніи, хотя бы они принадлежали къ составу мануфактуры или къ сельскохозяйственному устройству и были приведены вмѣстѣ съ мануфактурными и земледѣльческими машинами въ тѣсномъ смыслѣ.

2. На машины, приборы, аппараты и части ихъ, состоящія преимущественно изъ чугуна въ обработанномъ видѣ, каковы: паровыя машины безъ

котловъ, машины и станки для обработки металловъ и дерева (machines-outils), также на машины и части ихъ изъ желѣза въ видѣ простой кузнечной работы, а равно на всѣ прочія машины и части ихъ, состоящія преимущественно изъ чугуна въ обработанномъ видѣ, кромѣ упомянутыхъ въ 1-ой статьѣ, по 1 руб.

3. На машины, приборы, аппараты и части ихъ, состоящія преимущественно изъ желѣза въ обработанномъ видѣ или стали, каковы: локомотивы, локомобили, всякаго рода котлы, корпуса желѣзныхъ судовъ и ихъ части, валы, оси локомотивныя и проч., по 1 р. 50 коп.

Примѣчаніе 1. Если въ составѣ машинъ будутъ встрѣчаться части изъ мѣди и другихъ непоименованныхъ металловъ, то онѣ относятся къ тому разряду, къ которому принадлежитъ вся машина.

Примѣчаніе 2. Машины и машинныя части и разные заводскіе приборы и аппараты, состоящіе преимущественно изъ мѣди, латуни и другихъ непоименованныхъ выше металловъ, оплачиваются какъ издѣлія изъ этихъ металловъ по соотвѣтствующимъ статьямъ общаго тарифа.

Чтобы означенный умѣренный размѣръ тарифа на машины могъ принести ожидаемые результаты, необходимо удержать его не менѣе 12 лѣтъ и не допускать на будущее время изъятія изъ установленныхъ пошлинъ какъ на машины, такъ и на металлическія издѣлія, потому что предполагаемая пошлина обратится только въ несправедливое обремененіе для тѣхъ, которые не будутъ имѣть случая выхлопотать для себя подобныя изъятія. Тарифная комиссія, признавая нужнымъ пригласить экспертовъ для полученія отъ нихъ изустныхъ объясненій по нѣкоторымъ предметамъ и для выслушанія соображеній ихъ касательно тарифной статьи о машинахъ, въ числѣ ихъ пригласила и меня. Я поддерживалъ въ комиссіи предположенія общества.

Впослѣдствіи я былъ призванъ, какъ экспертъ, въ составленную изъ членовъ Государственнаго Совѣта комиссію, бывшую подъ предсѣдательствомъ Чевкина, и въ которой Наслѣдникъ и министръ финансовъ были въ числѣ членовъ. Я былъ тогда въ первый разъ въ Государственномъ Совѣтѣ и засталъ членовъ комиссіи за завтракомъ, который подается въ Совѣтѣ передъ каждымъ его засѣданіемъ. По уходѣ членовъ въ залу засѣданія, мелкіе чиновники Государственнаго Совѣта и комитета министровъ набросились на этотъ завтракъ и въ одинъ мигъ съѣли всѣ стоявшія на столѣ кушанья, совершенно такъ же, какъ это дѣлается на даваемыхъ Государемъ, по случаю какого-нибудь торжества, народныхъ гуляньяхъ.

Вскорѣ я былъ позванъ въ залу засѣданія Совѣта, въ которой предсѣдатель его великій князь Константинъ Николаевичъ сидѣлъ въ сторонѣ, какъ не участвовавшій въ комиссіи. Когда я говорилъ въ пользу пошлины на машины, онъ, а равно и Рейтернъ, показывали явное неудовольствіе, лицо же Наслѣдника выражало одобреніе. По полученіи моихъ отвѣтовъ на вопросы, предлагавшіеся предсѣдателемъ комиссіи Чевкинымъ, онъ просилъ меня удалиться въ ближайшую комнату и ожидать въ ней, когда меня снова

позовутъ, что и случилось по прошествіи нѣкотораго времени. Мнѣ были предложены новые вопросы. Было замѣтно, что мои отвѣты производили снова то же впечатлѣніе на вышеупомянутыя лица. Результатомъ всѣхъ этихъ занятій былъ Высочайше утвержденный 5 іюля 1868 г. таможенный тарифъ, § 175-мъ котораго обложены пошлиною машины и аппараты:

1. Паровозы, мѣдные аппараты, а также мѣдныя части и принадлежности всякаго рода машинъ и аппаратовъ, отдѣльно отъ нихъ привозимыхъ, съ пуда по 75 коп.

Примѣчаніе: По сему пункту очищаются пошлиной и такіе аппараты, части и принадлежности машинъ и аппаратовъ, въ коихъ мѣдь составляетъ, хотя и не исключительный, но главный матеріалъ.

2. Локомобили и паровые двигатели всякіе, пожарныя паровыя трубы и другіе пожарные снаряды, также всякія машины и аппараты (кромѣ особо поименованныхъ въ пунктѣ 1-мъ сей статьи и въ ст. 35), съ пуда по 30 коп.

3. Части и принадлежности всякаго рода машинъ и аппаратовъ (кромѣ мѣдныхъ, пунктъ 1-ый сей статьи), отдѣльно отъ самихъ машинъ и аппаратовъ привозимыя, въ томъ числѣ всякіе ремни приводные и передаточные и металлическія полотна для фабричнаго употребленія, съ пуда по 30 коп.

Конечно, эти пошлины были недостаточны для поддержанія строенія въ Россіи нѣкоторыхъ машинъ, но важно было допущеніе принципа обложенія заграничныхъ машинъ пошлиною, о чемъ прежде и говорить не дозволялось. Этимъ Россія обязана преимущественно русскому техническому обществу. § 95-го пунктомъ 3 пошлина на жел. рельсы назначена съ пуда по 20 коп., что было недостаточно для возникновенія рельсовыхъ заводовъ въ Россіи, вслѣдствіе чего я ратовалъ за наложеніе пошлины по 40 коп. съ пуда, но безуспѣшно. Надо замѣтить, что и эти пошлины съ машинъ и рельсовъ большею частію, по особымъ испрошеннымъ министромъ финансовъ разрѣшеніямъ, не были взыскиваемы, такъ что тарифъ 1868 г. послужилъ только къ разоренію нѣкоторыхъ мишиностроителей, на него надѣявшихся. Рельсовый же заводъ возникъ только одинъ, преимущественно для перекатки старыхъ рельсовъ, именно, Путилова, и онъ устроился только вслѣдствіе значительныхъ заказовъ ему отъ правительства.

1 марта 1868 года были Высочайше утверждены два договора съ купцомъ С. С. Поляковымъ относительно работъ по жел. дорогамъ: 1) отъ Курска до Харькова и 2) отъ Харькова къ Таганрогу и Ростову.

Первымъ изъ этихъ договоровъ Поляковъ обязывался построить жел. дорогу отъ Курска до Харькова, протяженіемъ 230 верстъ, съ земляным полотномъ на два пути съ тѣмъ, чтобы дорога была открыта для движенія не позже 1 августа 1869 года. На производство этихъ работъ Поляковъ получаетъ отъ правительства въ ссуду девять милліоновъ рублей кред. Когда правительство признаетъ возможнымъ дать концессію на эту дорогу, Поляковъ обязывается образовать акціонерное общество, которое будетъ владѣть

дорогою 85 лѣтъ и которому дозволено будетъ выпустить бумагъ по расчету 68 тысячъ рублей на версту дороги. Одна четвертая капитала общества образуется изъ акцій, а $^3/_4$ изъ облигацій; тѣ и другія пользуются гарантіею правительства 5% ежегоднаго чистаго дохода и $^1/_2$% погашенія.

Вторымъ договоромъ Поляковъ обязывался немедля приступить на собственныя свои средства къ постройкѣ дороги отъ Харькова къ Таганрогу и Ростову, протяженіемъ 533 версты, съ земляннымъ полотномъ на два пути, за исключеніемъ поставки рельсовъ и подвижного состава, на которыя слѣдовало испросить особое разрѣшеніе министровъ путей сообщенія и финансовъ. Когда правительство признаетъ возможнымъ дать концессію на эту дорогу, Поляковъ обязывается образовать акціонерное общество на тѣхъ же основаніяхъ, которыя выше изложены для общества Курско-Харьковской дороги. Но правительство сохраняло право отдать дорогу отъ Харькова къ Ростову и Таганрогу и другому обществу, уплативъ Полякову за произведенныя имъ работы. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса должно было послѣдовать не позже 1 декабря 1868 года. Поляковъ сумѣлъ испросить у Мельникова и Рейтерна дозволеніе ставить рельсы на послѣднюю дорогу и этимъ поставилъ ихъ въ необходимость окончательную постройку этой дороги и ея эксплоатацію предоставить исключительно акціонерному обществу, составленному Поляковымъ. Вопросъ этотъ окончательно обсуждался въ концѣ августа 1868 года въ комитетѣ министровъ.

Бывшій товарищъ министра финансовъ Грейгъ, постоянно не благоволившій къ Полякову, находилъ возможнымъ, несмотря на данное послѣднему разрѣшеніе ставить рельсы, передать дорогу новому обществу, которое можетъ быть учреждено и не Поляковымъ, но его мнѣніе не получило большинства въ комитетѣ министровъ, и обѣ вышесказанныя дороги, подъ названіемъ Курско-Харьково-Азовской, были по Высочайшему повелѣнію отданы тогда же составленному Поляковымъ акціонерному обществу, уставъ котораго былъ утвержденъ только 7 ноября 1869 года, когда дорога отъ Курска до Харькова была уже открыта. 20 апрѣля 1868 года учреждена инспекція работъ по сооруженію этихъ дорогъ. Эта инспекція мнѣ не была подчинена. Она стоила ежегодно 36.420 рублей.

8 марта 1868 года былъ Высочайше утвержденъ уставъ общества Шуйско-Ивановской жел. дороги. Учредителями общества были потомственный почетный гражданинъ М. А. Горбовъ и торгующій по свидѣтельству 1 гильдіи крестьянинъ И. А. Бусуринъ. Дорога отъ Новкинской станціи Московско-Нижегородской жел. дороги черезъ Шую до с. Иванова, протяженіемъ 85 верстъ, должна была быть устроена съ земляннымъ полотномъ въ одинъ путь не позже 9 мая 1869 года.

Обществу, владѣющему дорогою въ продолженіе 83 лѣтъ, предоставлена во все время на основной капиталъ въ 760.920 ф. стерл. гарантія правительства 5% чистаго дохода и $^4/_{45}$% погашенія, слѣдовательно на каждую версту дороги гарантирована сумма 63 тыс. руб. мет. Эта дорога

строилась подъ наблюденіемъ состоявшей подъ моимъ начальствомъ инспекціи Московско-Нижегородской жел. дороги.

21 марта 1868 года утверждена концессія на земскую Грязе-Борисоглѣбскую жел. дорогу. Эта дорога отъ ст. Грязи на Воронежско-Козловской жел. дорогѣ, протяженіемъ до 179 вер., должна была быть устроена акціонернымъ обществомъ, которое обязалось составить земство Борисоглѣбскаго уѣзда, съ земляннымъ полотномъ въ два пути, не позже 21 сентября 1870 года. Обществу, владѣющему дорогою въ продолженіе 85 лѣтъ, предоставлена во все это время на основной капиталъ въ 13.440.000 р. мет. гарантія правительства 5% чистаго ежегоднаго дохода и $^1/_{12}$% погашенія, слѣдовательно на каждую версту дороги гарантирована сумма до 70 тыс. р. мет. Инспекція работъ по сооруженію этой дороги, учрежденная 19 іюня 1868 года, была независима отъ главной инспекціи частныхъ жел. дорогъ. Инспекторомъ назначенъ былъ инженеръ путей сообщенія полковникъ Сергѣевъ, не имѣвшій никакого понятія о жел. дорогахъ и оставленный вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Уфимской губернской строительной комиссіи, такъ что онъ постоянно жилъ въ Уфѣ, а по дорогѣ ничего не дѣлалъ, кромѣ полученія содержанія по званію инспектора и, какъ говорятъ, особаго содержанія отъ князя Михаила Сергѣевича Волконскаго (состоявшаго въ должности егермейстера и сверхштатнаго помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта), которому Борисоглѣбское земство сдало постройку дороги на тѣхъ же основаніяхъ, какъ Воронежское и Елецкое земства сдали Полякову Козлово-Воронежскую и Елецко-Грязскую жел. дороги. Волконскій былъ сынъ сосланнаго въ Сибирь политическаго преступника, но самъ съумѣлъ снискать расположеніе высшихъ міра.

Въ началѣ 1868 года онъ заѣзжалъ ко мнѣ по порученію Ѳ. В. Чижова и говорилъ объ устройствѣ Борисоглѣбской дороги, но найдя меня непригоднымъ для вспомоществованія къ обдѣлыванію невыгодныхъ для казны дѣлъ, онъ не возобновлялъ своихъ ко мнѣ посѣщеній, а очень успѣшно обратился къ другимъ лицамъ, такъ что концессія на Борисоглѣбскую дорогу была разсмотрѣна въ министерствахъ путей сообщенія и финансовъ въ чрезвычайно короткое время, въ мое отсутствіе въ Царство Польское. Конечно, по вліянію Волконскаго состоялось самое назначеніе отдѣльной инспекціи для дороги и выборъ инспектора Сергѣева, съ правомъ не находиться постоянно при сооруженіи дороги. Это былъ первый примѣръ, что дорога, сданная частному обществу безъ казенныхъ субсидій, строилась не подъ наблюденіемъ главной инспекціи частныхъ жел. дорогъ. Гарантированная на эту дорогу сумма по 70 тыс. рублей съ версты была такъ высока, что Волконскій и принятые имъ въ товарищи П. І. Губонинъ и другіе нажили отъ постройки дороги весьма большія выгоды.

14 апрѣля 1868 года утверждена концессія на Козлово-Тамбовскую жел. дорогу, протяженіемъ 74 версты. Она должна была быть устроена акціонернымъ обществомъ, которое обязалось образовать Козловское и Тамбовское уѣздныя земства, съ земляннымъ полотномъ въ два пути, и

окончена не позже 22 октября 1870 года. Обществу, владѣющему дорогою въ продолженіе 85 лѣтъ, предоставлена во все это время на основной капиталъ въ 5.000.000 р. (68.918 р. 92 к. на версту) гарантія обоихъ упомянутыхъ земствъ по равной части, 2% чистаго ежегоднаго дохода. Инспекція работъ по сооруженію этой дороги состояла въ вѣдѣніи главнаго инспектора частныхъ жел. дорогъ. Тамбовское и Козловское уѣздныя земства, подражая Воронежскому, Елецкому и Борисоглѣбскому, поручили образованіе общества на постройку и эксплоатацію дороги бывшему Козловскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Горсткину и состоявшему въ отставкѣ инженеру путей сообщенія Ефимовичу, которые, въ виду значительной цѣны, назначенной по концессіи на постройку, пріобрѣли большія отъ нея выгоды. Сверхъ того, по незначительности акціонернаго капитала, всего въ 3.000.000 р., они, какъ владѣльцы значительной части акцій, пользуясь биржевою горячкою 1869 года, успѣли до открытія движенія по дорогѣ повысить слишкомъ вдвое цѣну акцій на биржѣ, черезъ что также обогатились.

22 апрѣля 1868 года утверждена концессія на Грязе-Орловскую жел. дорогу, протяженіемъ 243 версты. Она должна была быть устроена Елецкимъ уѣзднымъ земствомъ и акціонернымъ обществомъ Грязе-Елецкой жел. дороги, по взаимному между ними соглашенію, съ земляным полотномъ въ два пути. Дорога эта раздѣлялась на два отдѣленія: первое отъ Грязей до Ельца и второе отъ Ельца до Орла. Первое требовалось открыть для движенія въ теченіе 1868 года, а второе черезъ $2^1/_2$ года со дня разрѣшенія выпуска бумагъ на капиталъ, нужный для его постройки. Работы же по этому отдѣленію должны были начаться немедля, не ожидая назначеннаго разрѣшенія. Обществу, владѣющему дорогою въ продолженіе 81 года со времени открытія каждаго отдѣленія для движенія, предоставлена во все это время на основной капиталъ, для перваго отдѣленія въ 3.021.500 р. и въ 773.460 ф. стерл. (приблизительно 75.000 р. на версту), и для второго отдѣленія въ 12.036.000 р. мет. (66.066 р. мет. на версту), правительственная гарантія 5% чистаго ежегоднаго дохода и $^1/_{10}$% на погашеніе всего основного капитала. Инспекція работъ по сооруженію этой дороги, учрежденная 19 іюня 1868 года, была независима отъ главной инспекціи частныхъ жел. дорогъ. Елецкое земство сдало постройку второго отдѣленія дороги такъ же, какъ и перваго, Полякову, который удержалъ почти всѣ акціи за собою, заложивъ ихъ банкирамъ въ Германіи, и построилъ дорогу на облигаціонный капиталъ и частію на деньги, занятыя имъ подъ акціи дороги. Поляковъ, имѣя большія выгоды при реализаціи основныхъ капиталовъ для Козлово-Воронежской и Грязе-Орловской жел. дорогъ и отъ ихъ постройки, за которыми никто не слѣдилъ, такъ какъ всѣ акціи этихъ дорогъ были въ рукахъ его и его сотоварищей, сдѣлался въ это время очень богатымъ человѣкомъ. Члены въ правленія этихъ дорогъ были просто назначаемы Поляковымъ.

2 мая 1868 года утвержденъ уставъ общества земской Орловско- Витеб-

ской жел. дороги на основаніи концессіи, утвержденной 21 марта 1867 года, о которой я подробно говорилъ въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній».

Въ той же главѣ «Моихъ воспоминаній» я подробно описалъ способъ, которымъ составился мой собственный денежный капиталъ, простиравшійся въ мартѣ 1867 года до 92.400 р. Скрывая отъ всѣхъ улучшеніе моихъ денежныхъ обстоятельствъ и черезъ это имѣя возможность продолжать вести весьма скромную жизнь, мой капиталъ въ 1867 году я значительно увеличилъ, чему много способствовало и увеличеніе цѣнности имѣвшихся у меня процентныхъ бумагъ и акцій, такъ что въ январѣ 1868 года весь мой капиталъ составлялъ 102.433 р., т.-е., въ 10 мѣсяцевъ увеличился слишкомъ на 10.000 рублей, которые состояли изъ купленныхъ на сдѣланныя отъ дохода сбереженія: 53 облигаціи Николаевской дороги суммою по биржевой цѣнѣ 4.770 р., одного билета 1 внутренняго займа въ 116 рублей, пая общества взаимнаго кредита въ 100 рублей и текущаго счета въ этомъ обществѣ на 1.200 рублей, всего 6.186 рублей, и изъ увеличившейся биржевой цѣнности имѣющихся у меня процентныхъ бумагъ и акцій на сумму болѣе, чѣмъ 3.200 рублей. Содержаніе мое по службѣ составляло 6.700 рублей, дохода съ имѣвшагося у меня капитала было въ 1867 году около 7.000 рублей и учредительскихъ по Московско-Ярославской жел. дорогѣ 1.700 рублей; въ этомъ же году я запродалъ брату жены моей Николаю 1.367 дес. земли, оставшейся отъ крестьянскаго надѣла въ имѣніи жены моей, за 4.000 рублей, изъ коихъ въ задатокъ получилъ 1000 рублей, а затѣмъ всего въ приходѣ въ 1867 году было 17.460 рублей, изъ коихъ, какъ изложено выше, сбережено до 6.200 рублей, а слѣдовательно израсходовано только 11.200 рублей, несмотря на долгое мое нахожденіе за границею въ Карлсбадѣ и на Парижской выставкѣ.

Въ мартѣ 1868 года назначенъ былъ свиты Его Императорскаго Величества генералъ - маіоръ графъ В. А. Бобринскій для осмотра замосковныхъ жел. дорогъ и указанія средствъ къ тому, чтобы онѣ не задерживали подвозимыхъ на ихъ станціи грузовъ. Объ этомъ порученіи, окончившемся назначеніемъ Бобринскаго 20 мая 1868 года товарищемъ министра путей сообщенія, подробно изложено въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній».

Въ мартѣ же я сопровождалъ короля и королеву Эллиновъ до Австрійской границы. Король не отличался любезностію. При прощаніи онъ позвалъ меня въ свой вагонъ, чтобы сказать нѣсколько благодарственныхъ словъ. Прелестную королеву Ольгу Константиновну я не видалъ при прощаніи, такъ какъ мы были на границѣ въ ночные часы.

Въ Пасху 1868 года были производства въ чины и пожалованія наградами въ министерствѣ путей сообщенія и въ другихъ вѣдомствахъ, за исключеніемъ военнаго и придворнаго, въ которыхъ эти производства и пожалованія были отложены до дня крестинъ первенца Цесаревича. Въ первой половинѣ мая я переѣхалъ на лѣто въ Царское Село въ домъ Родіонова въ Кузьминской улицѣ, противъ парка, нанятый мною за 850 рублей. 20 мая,

въ день Сошествія Св. Духа, въ который были крестины перваго сына Наслѣдника, Николая, я, а равно А. А. Серебряковъ, числящіеся съ января 1868 года по инженерному корпусу, были произведены въ генералъ-лейтенанты, черезъ что прибавлялось мнѣ содержанія въ годъ на 850 рублей, такъ что съ этого времени мое содержаніе составляло 7.550 р.

На 20-ое мая были сдѣланы особыя распоряженія по Царскосельской жел. дорогѣ для доставленія изъ Петербурга всѣхъ лицъ, обязанныхъ быть въ Царскосельскомъ дворцѣ при крестинахъ новорожденнаго. Въ этотъ день была сильнѣйшая, дувшая поперекъ дороги, буря, которая задерживала ходъ поѣзда. Я все время находился на станціи въ Царскомъ Селѣ, а управляющій дорогою инженеръ путей сообщенія Василій Васильевичъ Корвинъ-Круковскій (впослѣдствіи состоявшій при министерствѣ путей сообщенія сверхштатнымъ инженеромъ безъ жалованья), тогда совершенно здоровый и крѣпкаго сложенія, а позже болѣзненный страдалецъ, постоянно находился въ поѣздахъ. На дорогѣ былъ одинъ рельсовый путь. Я, въ виду причиняемаго бурею опаздыванія поѣздовъ, опасался, чтобы не произошло между ними столкновенія, но этого, къ счастію, не произошло, а вся бѣда кончилась тѣмъ, что при выходѣ Государя въ церковь, въ сопровожденіи новорожденнаго, залы дворца были почти пусты, что очень разсердило Государя. Мельниковъ, по возвращеніи изъ дворца на станцію, объявилъ объ этомъ мнѣ, Круковскому и инспектору дороги инженеру путей сообщенія Николаю Ефремовичу Адамовичу (впослѣдствіи дѣйствительному статскому совѣтнику и инспектору С.-Петербурго-Варшавской жел. дороги), причемъ угрожалъ, что обстоятельство это не останется безъ взысканія, но все было какъ-то улажено правленіемъ дороги и не имѣло никакихъ послѣдствій.

Весенними водами 1868 года снесло одинъ изъ каменныхъ быковъ моста на р. Воронежѣ на строившейся Грязе-Елецкой жел. дорогѣ. Освидѣтельствованіе моста и изысканіе средствъ къ его возобновленію поручено было вмѣстѣ со мною Журавскому, назначенному по моей просьбѣ, основанной на глубокомъ знаніи имъ вообще инженернаго дѣла и въ особенности мостовыхъ сооруженій. 22 мая мы пріѣхали въ Москву и до отхода поѣзда въ Рязань расположились завтракать въ квартирѣ управляющаго Московско-Рязанскою жел. дорогою военнаго инженеръ-капитана (впослѣдствіи подполковника) Николая Ивановича Ильина. Здѣсь Журавскій выказалъ свою эксцентричность. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на бывшихъ въ комнатѣ и ходившихъ мимо него лицъ, онъ, ставъ по ея серединѣ, долго молился, то крестясь, то складывая руки на грудь и поднимая глаза къ верху.

Въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній» я говорилъ, что Журавскій сдѣлался величайшимъ поклонникомъ спиритизма. Было также извѣстно, что онъ часто посѣщалъ церкви, въ которыхъ усердно молился, стоя на колѣняхъ, чѣмъ обращалъ на себя вниманіе молящихся до того, что духовенство Казанскаго собора въ Петербургѣ просило его молиться

не вмѣстѣ съ другими, а въ отдѣленіи, въ которомъ стоитъ жертвенникъ. Незадолго передъ этимъ его ежегодно посѣщало множество больныхъ, которыхъ онъ лечилъ священными масломъ и водой, но Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ Треповъ писалъ Мельникову о прекращеніи этихъ сходбищъ, такъ какъ дѣлаемыя Треповымъ внушенія Журавскому не помогали.

Осмотрѣвъ 23 мая Московско-Рязанскую и Рязанско-Козловскую жел. дороги и переночевавъ на Козловской станціи, мы на другой день отправились къ поврежденному мосту. Со мною, кромѣ Журавскаго, ѣхали Д. П. Зуевъ, М. А. Ратьковъ-Рожновъ и большая часть лицъ, находившихся при сооруженіи Грязе-Елецкой жел. дороги. Журавскій до того занятъ былъ объясненіемъ явленій спиритизма, что при подъѣздѣ къ мосту я съ трудомъ привлекъ его вниманіе къ дѣлу, для котораго мы пріѣхали, но когда мнѣ наконецъ это удалось, онъ дѣлалъ весьма правильныя предположенія, показывавшія инженера, вполнѣ знающаго дѣло.

Мы нашли одинъ изъ быковъ моста въ три пролета отверстіемъ, въ сложности въ 65 саж., упавшимъ въ воду. Поставленныя на отверстіяхъ жел. фермы были между собою связаны такъ, что тѣ, которыя прилегали къ смытому быку, висѣли на воздухѣ, но не обрушились, что доказывало хорошее скрѣпленіе ихъ частей. Рѣшено было, вслѣдствіе образовавшейся значительной у повалившагося быка глубины, построить новый быкъ посредствомъ сжатаго воздуха, доведя его до низа фермъ, которыя выправить. Эту работу принялъ на себя французскій инженеръ Марешаль, производившій подобныя работы на Рейнѣ, о которыхъ онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Notice sur l'emploi de l'air comprioné au fonçage des piles et culées du pont de Kehl sur le Rhin, par M. C. Maréchal, ingénieur civil, chef de service du materiel aux travaux du pont du Rhin (1859—1860)».

Въ бытность его на работахъ Рейнскаго моста, ихъ осматривалъ Чевкинъ, который постоянно ему покровительствовалъ. Впослѣдствіи Марешаль производилъ по моей рекомендаціи подобныя работы въ Россіи, но когда русскіе военные инженеры братья Струве начали устраивать такія же сооруженія, то Марешаль, не находя болѣе у насъ занятій, возвратился въ Страсбургъ, откуда въ первое время извѣщалъ меня о себѣ и даже прислалъ траурную карточку съ извѣщеніемъ о смерти своего отца, котораго я не зналъ. Это извѣщеніе показалось мнѣ очень страннымъ обычаемъ. Впослѣдствіи я потерялъ Марешаля изъ виду.

Отъ р. Воронежа мы поѣхали на лошадяхъ вблизи строющейся жел. дороги, на которой въ особенности заняли насъ насыпь высотою въ 13 саж. надъ каменною трубою близъ Липецка и строившійся черезъ р. Донъ высокій мостъ въ 4 пролета, длиною въ общей сложности 87,1 саж., близъ с. Патріарши, отстоящаго въ 2-хъ верстахъ отъ с. Студенца, въ которомъ я родился. Строителемъ моста былъ инженеръ путей сообщенія Эрастъ Михайловичъ Зубовъ 2-ой, бывшій прежде репетиторомъ строительнаго

искусства въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, а впослѣдствіи состоявшій инспекторомъ отъ министерства путей сообщенія постояннаго Литейнаго черезъ р. Неву моста.

Пріѣхавъ въ Колодезское, имѣніе сестры моей Викулиной, бывшей въ это время за границею, мы зашли въ прекрасную церковь этого села, въ которой отслужили панихиду по ея мужѣ, устроившемъ церковь; при его жизни въ этотъ день (24 мая) праздновались его именины. По осмотрѣ прекраснаго господскаго дома, мы довольно долго ожидали заказанный мною ужинъ. Журавскій заявилъ мнѣ, что онъ не будетъ ужинать, а по усталости хотѣлъ бы удалиться въ назначенную ему для ночлега комнату. Оказалось, что для него была назначена комната, въ которой мы сидѣли, и потому мы всѣ ее оставили. Ужинъ продолжался довольно долго, но когда я ложился спать въ комнатѣ, смежной съ отведенной Журавскому, то видѣлъ, что онъ еще молился, стоя на колѣнахъ. Ратьковъ-Рожновъ и Зуевъ продолжали восхищаться с. Колодезскимъ. Оно очень понравилось и всѣмъ прочимъ лицамъ, сопровождавшимъ меня.

На другой день мы пріѣхали къ обѣднѣ въ Задонскій монастырь, гдѣ были встрѣчены съ торжествомъ. Въ это время жилъ въ монастырѣ покойный богачъ графъ Шереметевъ со своею второю женою и ихъ сыномъ. Когда мы вошли въ церковь, Шереметевъ стоялъ уже на почетномъ мѣстѣ близъ мощей Св. Тихона. Введшій меня монахъ непремѣнно требовалъ, чтобы я занялъ это мѣсто, съ котораго Шереметевъ, по извѣстной своей скромности, немедля сошелъ, но и я, конечно, его не занялъ. Журавскій почти всю обѣдню стоялъ на колѣнахъ. По ея окончаніи, начали служить для меня молебенъ съ акафистомъ Святителю Тихону, но Журавскій просилъ меня, чтобы читали акафистъ Спасителю, что и было, по моей просьбѣ исполнено, но что весьма удивило монаховъ.

Когда я впослѣдствіи спросилъ Журавскаго, почему онъ не хотѣлъ, чтобы читали акафистъ Святителю, онъ отвѣчалъ, что такое восхваленіе, какое дѣлается въ акафистахъ, не подлежитъ человѣку, а только можетъ быть допущено въ отношеніи къ Богу и къ Божьей Матери. По окончаніи молебна архимандритъ Димитрій, видя усердіе Журавскаго, обнажилъ голову Святителя, на которой сохранились волосы, а потомъ показалъ всѣ церкви монастыря и другія его принадлежности. Послѣ подробнаго ихъ осмотра мы поѣхали въ Воронежъ на почтовыхъ лошадяхъ. Журавскій сидѣлъ со мною въ двухмѣстной каретѣ.

Отъѣхавъ съ версту отъ монастыря, онъ вынулъ изъ кармана своей шинели большую склянку и жалобнымъ тономъ сказалъ мнѣ, что онъ позабылъ налить въ эту склянку масла изъ лампадокъ, висящихъ у мощей Святителя Тихона. Я отвѣчалъ ему, что онъ въ Воронежѣ можетъ наполнить свою склянку масломъ изъ лампадокъ у мощей Святителя Митрофанія. Мой отвѣтъ, сказанный безъ задней мысли, видимо не понравился Журавскому, который послѣ этого, отвернувшись отъ меня, нѣсколько времени молчалъ. Когда я спросилъ о причинѣ его молчанія, онъ тѣмъ же жалоб-

нымъ голосомъ сказалъ, что груститъ о томъ, что позабылъ запастись масломъ отъ мощей Святителя Тихона. Отвѣтивъ ему, что это дѣло поправимое, я приказалъ ямщику вернуться въ монастырь. Журавскій не ожидалъ такого распоряженія и очень ему обрадовался.

Въ воротахъ монастыря, когда мы въ него въѣзжали, стояла моя старая няня Авдотья Никитична, которая, увидавъ меня, всплеснула руками и закричала: «Ахъ, батюшка Андрей Ивановичъ!» Журавскій, узнавъ, что это моя няня, не успѣвшая утромъ повидаться со мной, сказалъ мнѣ, что доброе дѣло всегда вознаграждается; что я сдѣлалъ доброе для него дѣло, вернувшись въ монастырь, и награжденъ удовольствіемъ видѣть свою няню и тѣмъ, что доставилъ ей, конечно, еще бо́льшее удовольствіе.

Въ короткое время нашего отсутствія изъ монастыря успѣли запереть всѣ церкви, а утомленные нашимъ посѣщеніемъ архимандритъ и монахи легли отдохнуть. Въ одинъ мигъ всѣ снова на ногахъ. Прошло около получаса въ моихъ разговорахъ съ няней, а Журавскій не возвращался, и потому я послалъ ему сказать, что почтовыя лошади насъ ждутъ и что мнѣ неловко пріѣхать въ Воронежъ слишкомъ поздно, такъ какъ я полагаю остановиться въ домѣ моей старой знакомой. Журавскій объяснилъ мнѣ свое долгое отсутствіе желаніемъ побесѣдовать о духовныхъ предметахъ съ архимандритомъ, въ чемъ ему утромъ мѣшало присутствіе мое и сопровождавшихъ меня лицъ. Впрочемъ, архимандритъ Димитрій не былъ ученымъ богословомъ и впослѣдствіи говорилъ мнѣ, что онъ не одобряетъ изложеннаго ему Журавскимъ ученія.

Шоссе между Задонскомъ и Воронежомъ содержалось превосходно, и мы въ тотъ же день (25 мая) вечеромъ пріѣхали въ Воронежъ, гдѣ неоднократно упоминаемая мною А. И. Шеле уступила мнѣ нижній этажъ своего дома. Въ проведенные мною два дня въ Воронежѣ, по дѣламъ Козлово-Воронежской жел. дороги, она приглашала къ своему обѣденному столу мѣстныя власти и сопровождавшихъ меня лицъ. Журавскій обѣдалъ у нея только одинъ разъ, такъ какъ онъ все время проводилъ въ монастырѣ, почему мы въ Воронежѣ почти не видались съ нимъ.

28 мая я осматривалъ въ подробности достраиваемую Козлово-Воронежскую жел. дорогу. При выѣздѣ изъ Козлова Журавскій просилъ дозволенія удалиться въ приготовленное для моего ночлега отдѣленіе вагона до того времени, когда я пойду спать. Съ Ряжской станціи, въ 91 верстѣ отъ Козлова, я полагалъ проѣхать до Моршанска для осмотра жел. дороги и пошелъ приглашать съ собою Журавскаго, котораго нашелъ молящимся на колѣнахъ предъ поставленнымъ на столѣ кіотомъ изъ нѣсколькихъ образовъ. Услышавъ мое приглашеніе, Журавскій пожалѣлъ о томъ, что онъ долженъ сложить только что разставленные образа. На мое замѣчаніе, что наша поѣздка въ Моршанскъ и обратно продолжится не болѣе 12 часовъ и что онъ можетъ не укладывать образовъ, которые останутся въ вагонѣ цѣлы, онъ отвѣчалъ, что никуда безъ нихъ не ѣздитъ, и вслѣдствіе того уложилъ ихъ въ особый ящикъ и взялъ съ собою.

На другой день мы вернулись изъ Моршанска въ Москву, а 30 мая ѣздили въ Троице-Сергіевскую Лавру. Журавскій просилъ съ Хотьковской станціи зайти въ Хотьковъ монастырь, чтобы поклониться родителямъ Св. Сергія. Такъ какъ мы вездѣ ѣхали въ экстренныхъ поѣздахъ, то я согласился, но съ тѣмъ, чтобы оставаться въ этомъ монастырѣ только нѣсколько минутъ, имѣя въ виду, что вслѣдъ за нами шелъ изъ Москвы обыкновенный пассажирскій поѣздъ. Однакоже трудно было уговорить Журавскаго не мѣшкать въ этомъ монастырѣ. Въ Троицкой Лаврѣ Журавскій прикладывался къ мощамъ Св. Сергія и другихъ святыхъ, обошелъ всѣ церкви и запасся нѣсколькими склянками масла отъ мощей и воды изъ рытаго, какъ говоритъ преданіе, Св. Сергіемъ колодезя, о существованіи котораго я не зналъ, несмотря на неоднократное посѣщеніе мною Лавры.

На другой день мы ѣздили по Нижегородской жел. дорогѣ и осматривали строившуюся жел. дорогу отъ с. Новки на Нижегородской жел. дорогѣ до с. Иванова, причемъ замѣтили хорошую ея постройку и хорошее содержаніе рабочихъ со стороны строителя Бусурина.

Въ Ковровѣ мы подробно осматривали временный деревянный мостъ, устроенный взамѣнъ снесеннаго весенними водами 1867 г., а равно работы по устройству постояннаго моста и по вырытію для р. Клязьмы особаго русла по направленію, соотвѣтствующему выбранному мѣсту для этого моста. Большая часть времени путешествія съ Журавскимъ прошла въ его объясненіяхъ о началахъ спиритизма, которыя онъ основывалъ на извѣстныхъ словахъ Спасителя къ Никодиму. Толкованіе Журавскимъ этихъ словъ, а равно и другихъ ученій Св. Писанія, не согласное съ ученіемъ, принятымъ православною церковью, до того выводило изъ терпѣнія сопутствовавшаго намъ инженера А. А. Казначеева, что онъ, вспыливъ, неоднократно уходилъ изъ того вагоннаго отдѣленія, въ которомъ происходили разговоры. Между тѣмъ Журавскій весьма терпѣливо выслушивалъ не только противорѣчія, но даже всякаго рода насмѣшки. Въ прежнее время чрезвычайно самолюбивый, требовательный и запальчивый, онъ вдругъ сдѣлался скромнымъ, уступчивымъ, хладнокровнымъ. Если эту перемѣну произвелъ спиритизмъ, то за это нельзя не похвалить его.

Въ 11 дней нашего совмѣстнаго путешествія насмѣшки надъ спиритизмомъ сыпались, но Журавскій, стараясь по возможности логично доказать ихъ неправильность, всегда отвѣчалъ скромно, кромѣ одного только раза, именно, послѣ долгихъ объясненій о томъ, что человѣкъ долженъ снова родиться и что съ каждымъ перерожденіемъ онъ улучшается, Д. П. Зуевъ, во все время нашего путешествія насмѣхавшійся надъ ученіемъ Журавскаго, обратился къ послѣднему съ вопросомъ о томъ, что, основываясь на этомъ ученіи, онъ не рискуетъ по крайней мѣрѣ обратиться въ свинью. На это Журавскій ему отвѣчалъ:

— Ты будешь свиньею въ кубѣ.

Время, проведенное мною съ Журавскимъ въ вагонахъ, оставило мнѣ самыя пріятныя воспоминанія и сожалѣніе, что такой умный и хорошій человѣкъ могъ сдѣлаться заклятымъ спиритомъ.

Въ первыхъ числахъ іюня я возвращался въ Петербургъ. Въ это время въ комиссіи, учрежденной въ министерствѣ путей сообщенія для разсмотрѣнія вопросовъ по жел. дорогамъ, обсуждалась просьба С. Д. Башмакова о дарованіи ему концессіи на жел. дорогу между Пензою и Моршанскомъ, на что комиссія согласилась по журналу своему отъ 4 іюня. Директоръ департамента жел. дорогъ Липинъ не участвовалъ въ этомъ обсужденіи по болѣзни. Не соглашаясь съ означеннымъ журналомъ, я заявилъ, что подамъ на другой день особое мнѣніе. Башмаковъ жилъ въ это время въ Царскомъ Селѣ. Узнавъ о моемъ протестѣ, онъ присылалъ на мою Царскосельскую дачу инженера Е. М. Духовского, чтобы меня уговорить не подавать особаго мнѣнія. Конечно, эта просьба не имѣла успѣха. Въ поданномъ мною мнѣніи изложено между прочимъ слѣдующее:

«Средняя стоимость построенія одной версты жел. дороги между Моршанскомъ и Пензою исчислена въ представленной смѣтѣ въ 59.713 кред. руб. или 56.316 мет. руб., а съ расходами на пріобрѣтеніе капитала въ 70.671 р. мет.

«Не будучи убѣжденъ въ томъ, чтобы работы, показанныя въ смѣтѣ, не могли быть уменьшены, такъ какъ представленный проектъ основанъ на изысканіяхъ, произведенныхъ безъ наблюденія правительства, а равно раздѣляя мнѣніе комиссіи о невозможности судить о цѣнахъ на матеріалы и работы по неимѣнію о томъ точныхъ свѣдѣній и сверхъ того не полагая правильнымъ дѣлать какіе-либо выводы изъ сравненій съ утвержденными стоимостями для жел. дорогъ въ близъ лежащихъ мѣстностяхъ, я не могу признать стоимость версты дороги отъ Моршанска до Пензы въ 70.671 р. мет. умѣренною и неподлежащею уменьшенію.

«Сверхъ того, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ устройства линій, впадающихъ въ Козловскую и Рязанскую жел. дорогу, я полагалъ бы необходимымъ принять мѣры, которыя дали бы возможность увеличить перевозку грузовъ на послѣднихъ дорогахъ».

Мельниковъ былъ недоволенъ тѣмъ, что я подалъ это мнѣніе, явно желая поскорѣе утвердить концессію, въ виду того, что съ Башмаковымъ участвовалъ, хотя и тайно, герцогъ Александръ Гессенъ-Дармштадскій. На другой день Мельниковъ, противъ обыкновенія, самъ предсѣдательствовалъ въ упомянутой комиссіи, во время засѣданія которой я подалъ слѣдующее дополнительное мнѣніе къ ея журналу отъ 4 іюня:

«На мнѣніе мое о томъ, что я не могу признать стоимость версты дороги отъ Моршанска до Пензы въ 70.671 р. мет. умѣренною и неподлежащею уменьшенію, министръ путей сообщенія изволилъ положить слѣдующую резолюцію: «желательно дополнить заключеніемъ, какое должно быть сдѣлано распоряженіе? Слѣдуетъ ли уменьшить назначенную стоимость и въ какой мѣрѣ?»

«Вслѣдствіе сего имѣю честь объяснить, что такъ какъ опредѣленіе правильной стоимости версты дорогъ, устраиваемыхъ частными обществами, составляетъ обязанность министерства путей собщенія, то я всегда полагалъ, что изысканія для составленія проекта, по которому исчисляется стоимость дорогъ, должны быть производимы правительствомъ или по крайней мѣрѣ подъ его наблюденіемъ, какъ о томъ и было мною представляемо.

«При предоставленіи же самимъ обществамъ дѣлать изысканія безъ наблюденія правительства и при дарованіи имъ права во время работъ измѣнять первоначальный проектъ, нельзя быть убѣжденнымъ въ томъ, чтобы по производствѣ болѣе точныхъ изысканій невозможно было значительно уменьшить количество работъ земляныхъ, искусственныхъ сооруженій и т. д. и чтобы мѣстныя цѣны на матеріалы, какъ напримѣръ, за 1 куб. саж. песку 10 руб., щебня 30 р., на каменныя опоры подъ мосты отъ 18 тыс. до 50 тыс. руб. и на другія сооруженія въ нѣсколько десятковъ тысячъ руб. и т. п., ничѣмъ не подкрѣпленныя, не могли быть значительно понижены.

«Въ виду того, что Пензенско-Моршанская жел. дорога не принадлежитъ къ такому разряду дорогъ, постройку которыхъ и на одинъ годъ отложить представляло бы большія невыгоды, правительство могло бы послать провѣрить представленные проекты, а равно собрать свѣдѣнія о цѣнахъ на матеріалы и постройки.

«Если же найдено будетъ почему-либо невозможнымъ отложить постройку этой дороги, то при ограниченіи стоимости версты до суммы около 60.000 р. мет., можно бы дать просимую концессію со включеніемъ въ оную же и расходовъ на пріобрѣтеніе капитала.

«Этой суммы, по мнѣнію моему, достаточно и въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыя представляютъ довольно значительныя затрудненія для проложенія дорогъ; для назначенія же бо́льшей суммы слѣдовало бы имѣть ясныя доказательства въ томъ, что таковое назначеніе въ дѣйствительности требуется мѣстными обстоятельствами».

По прочтеніи послѣдняго мнѣнія въ комиссіи, Мельниковъ уговаривалъ меня согласиться на стоимость версты въ 68.000 р., на каковую онъ уже согласилъ Башмакова. Не получивъ моего согласія, онъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ безъ него обойдется, и утвердилъ журналъ комиссіи, по которому стоимость дороги была опредѣлена въ 68.000 руб. Въ этихъ пререканіяхъ прошло нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ министръ финансовъ Рейтернъ уѣхалъ въ отпускъ, а безъ него подобныя дѣла не получали движенія. По возвращеніи же Рейтерна изъ отпуска черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, обстоятельства перемѣнились, такъ что не было болѣе и помину о Моршанско-Пензенской жел. дорогѣ. Уставъ же общества Моршанско-Сызранской жел. дороги, которой она составляетъ часть, былъ утвержденъ только черезъ 4 года, именно 25 апрѣля 1872 года.

По этому уставу общество, котораго учредителемъ былъ Башмаковъ,

обязалось выстроить 500 верстъ жел. дороги за 22.959.200 р. мет., гарантированныхъ правительствомъ 5% чистаго дохода, т.-е., по 44.918 р. за версту, слѣдовательно дешевле той стоимости, на которую уже согласился Мельниковъ, на 23.092 р. на каждую версту. Впрочемъ, для извиненія Мельникова должно сказать, что онъ соглашался дать Башмакову по 68.000 р. за версту и не изъ одного желанія угодить, а равно и потому, что онъ былъ убѣжденъ, что нельзя строить по низшей цѣнѣ, хотя онъ имѣлъ достаточно свѣдѣній, чтобы расчитать стоимость версты жел. дороги, но для этого былъ слишкомъ лѣнивъ.

Въ то же время въ той же комиссіи разсматривался уставъ общества Рыбинско-Осѣченской жел. дороги, о концессіи которой просили нѣсколько лицъ и нѣкоторыя безъ всякой гарантіи. Въ числѣ послѣднихъ—адъютантъ великаго князя Константина Николаевича полковникъ Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ. Конечно, дано было предпочтеніе лицамъ, не просившимъ гарантіи, а между ними, изъ угожденія великому князю, былъ избранъ Мельниковымъ Кирѣевъ. Это предпочтеніе объяснили тѣмъ, что другіе предприниматели направляли дорогу на ст. Бологое, а не на ст. Осѣченку, тогда какъ министерство путей сообщенія находило необходимымъ направить ее на послѣднюю станцію. Но вскорѣ по утвержденіи 12 іюля 1868 года концессіи на эту дорогу, Мельниковъ, по просьбѣ Кирѣева, согласился вести ее на станцію Бологое, и при утвержденіи 29 января 1869 года устава этой дороги она названа Рыбинско-Бологовскою. Весь расчетъ Кирѣева и его совѣтчиковъ основанъ былъ на выгодѣ, которую они получатъ при реализаціи капитала, исчисленнаго по концессіи на постройку дороги, для чего старались этотъ капиталъ какъ можно болѣе возвысить, вслѣдствіе чего они испрашивали по 73.508 р. мет. на версту. Къ журналу комиссіи, по которому она соглашалась на эту цѣну, я подалъ слѣдующее мнѣніе:

«Въ уставѣ назначена поверстная стоимость жел. дороги отъ Рыбинска до Осѣченки въ 73.508 р. мет., а такъ какъ не представлено проекта, то нельзя судить о правильности этого назначенія, которое, по моему мнѣнію, должно быть удостовѣрено министерствомъ путей сообщенія и на негарантируемыхъ дорогахъ, такъ какъ учредителямъ ихъ выдаются ссуды изъ государственнаго казначейства».

По данной на 85 лѣтъ концессіи, въ которой назначена стоимость версты въ 69.000 р. мет., Кирѣевъ и К° обязались составить общество Рыбинско-Осѣченской жел. дороги, протяженіемъ 240 верстъ. Она должна быть устроена съ земляным полотномъ въ два пути, открыта для движенія черезъ 2½ года, а совершенно окончена черезъ 3½ года. Инспекція дороги была подчинена главной инспекціи частныхъ жел. дорогъ: инспекторомъ былъ назначенъ инженеръ статскій совѣтникъ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій) Владиміръ Ѳеодоровичъ Оттъ. Зная его не съ хорошей стороны, я замѣтилъ директору департамента жел. дорогъ Липину, что не слѣдовало бы безъ сношенія со мною назначать инспекторовъ. Липинъ,

бывъ одинаковаго со мною мнѣнія объ Оттъ, также удивлялся этому назначенію, которое прошло во время болѣзни Липина черезъ вице-директора департамента Еракова. Далѣе мною будетъ описано бѣдственное положеніе, до котораго были доведены братья Кирѣевы распорядителями финансовыхъ оборотовъ по этой дорогѣ.

31 мая 1868 года Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ Коцебу заключенъ съ тайнымъ совѣтникомъ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ контрактъ на сооруженіе Тирасполе-Кишиневской жел. дороги, длиною 66¾ версты, съ земляным полотномъ въ два пути, за 3.709.767 р. съ добавленіемъ суммы, теряемой на курсѣ за предметы, выписанные изъ-за границы. Если Унгернъ-Штернбергъ употребитъ на сооруженіе дороги сумму меньшую противъ назначенной, то все сбереженіе остается въ казнѣ и изъ него выдается Унгернъ-Штернбергу 3% со всей контрактной суммы.

7 іюня 1868 года утвержденъ уставъ общества Московско-Ярославской жел. дороги или собственно дороги, служащей продолженіемъ Троице-Сергіевской, длиною, съ вѣтвью къ Волгѣ, въ обѣихъ дорогахъ 266 верстъ, съ земляным полотномъ въ два пути и рельсовымъ одиночнымъ путемъ. Капиталъ общества образуется изъ суммы стоимости построеннаго участка отъ Москвы до Сергіевскаго посада 4.307.881 р. кред. и изъ облигацій на 12.000.000 р. мет.; послѣднія гарантированы правительствомъ 5,13%. Дорога должна быть открыта черезъ три года по утвержденіи устава и состоитъ въ полномъ распоряженіи общества до 29 мая 1943 года.

Въ разсмотрѣніи проектовъ и уставовъ всѣхъ вышеупомянутыхъ дорогъ, которыхъ устройство было разрѣшено въ 1868 г., я участвовалъ только какъ членъ комиссіи, учрежденной при министерствѣ путей сообщенія по разсмотрѣнію важныхъ вопросовъ, относящихся до жел. дорогъ. Въ утвержденіи же устава Московско-Ярославской жел. дороги я, сверхъ того, принималъ слѣдующее участіе. Дорога до Сергіевскаго посада дала за 1864 г. хорошій дивидендъ, но такъ какъ одну изъ главныхъ статей дохода дороги представляла перевозка дровъ, и являлось опасеніе, что по истребленіи лѣсовъ доходъ дороги уменьшится, то на общемъ собраніи акціонеровъ, бывшемъ въ 1865 г., было положено продолжить дорогу до Ярославля, испросивъ гарантію правительства на потребный для этого продолженія капиталъ.

Всѣ старанія правленія общества получить эту гарантію были долго безуспѣшны. Члены его, въ особенности Ѳ. В. Чижовъ, лично хлопотали у министровъ финансовъ и путей сообщенія и побуждали Ярославскія власти не только хлопотать о томъ же, но и жаловаться на нихъ за медленность въ исполненіи обязанности, возложенной на общество Московско-Ярославской жел. дороги его уставомъ, утвержденнымъ въ 1859 г., а именно, продолженіе дороги до Ярославля. Ярославскій городской голова Полетаевъ и тамошніе богатые купцы Пастуховъ, Лопатинъ, Сорокинъ, Шапулинъ, Вахрамѣевъ, Титовъ и Соболевъ подали въ іюлѣ 1867 г. министру

финансовъ жалобу на то, что правленіе Московско-Ярославской жел. дороги не приступаетъ къ проведенію дороги отъ Сергіевскаго посада до Ярославля и закончили эту жалобу слѣдующимъ образомъ:

«Имѣя честь представить всѣ вышеизложенныя настойчивыя потребности края въ скорѣйшемъ проведеніи Московско-Ярославской жел. дороги, депутаты городского общества г. Ярославля убѣдительнѣйше просятъ ваше высокопревосходительство, какъ всегдашняго защитника торговыхъ и промышленныхъ выгодъ края, употребить ваше высокое и сильное ходатайство о томъ, дабы правительство потребовало отъ общества Московско-Ярославской дороги безотлагательнаго продолженія ея до Ярославля. Всякая отсрочка ляжетъ тяжелымъ гнетомъ на экономическій бытъ нашихъ губерній. Правленіе этого общества увѣдомило насъ, что оно ожидаетъ только гарантіи отъ правительства, по его словамъ, на такую невысокую поверстную плату, какой не объявляло ни одно желѣзнодорожное общество, и въ доказательство того, что правительство не можетъ приплатить ни копѣйки и что слѣдовательно такая гарантія будетъ только номинальною, невещественною, но чисто нравственною, оно указало намъ на приблизительныя соображенія о доходности предполагаемой жел. дороги отъ Москвы до Ярославля, составленныя однимъ изъ директоровъ и напечатанныя правленіемъ. Наше городское общество и спеціалисты какъ въ дѣлѣ мѣстной торговли, такъ и въ дѣлѣ мѣстной фабричной и промысловой производительности, строго повѣряли всѣ указанія, относящіяся къ количеству грузовъ и къ перевозкѣ пассажировъ, и всѣ единогласно подтвердили, что числа этихъ указаній, какъ отдѣльно взятыя, такъ и въ общей сложности перевозки, весьма уменьшены противъ дѣйствительныхъ и что слѣдовательно и доходъ отъ эксплоатаціи этой дороги долженъ быть въ дѣйствительности далеко выше предполагаемаго по этимъ приблизительнымъ соображеніямъ. Считаемъ долгомъ почтительнѣйше представить и это вашему высокопревосходительству».

Упомянутыя въ прошеніи ярославцевъ соображенія о доходности Московско-Ярославской жел. дороги были составлены Ѳ. В. Чижовымъ и напечатаны особою брошюрой.

Предположеніе о томъ, что гарантія на капиталъ для постройки дороги будетъ только номинальною, вполнѣ оправдалось: дорога съ перваго года по ея открытіи не только не требовала гарантіи, но давала дивидендъ на акціи. Наконецъ, послѣ трехлѣтняго ходатайства, министръ финансовъ согласился на дозволеніе выпустить для постройки дороги отъ Сергіевскаго посада до Ярославля облигаціи на 12.000.000 р. мет. съ гарантіею правительства въ 5,13%, но иниціатива этого дѣла зависѣла отъ министерства путей сообщенія, а Мельниковъ, придерживаясь тогдашняго правила, чтобы акціонерный капиталъ составлялъ не менѣе ½ облигаціоннаго, находилъ возможнымъ выпускъ облигацій на сумму не болѣе 3.615.762 р., которыхъ было недостаточно на устройство дороги до Ярославля. Рейтернъ, узнавъ объ этомъ отъ Чижова, котораго онъ очень ува-

жалъ, замѣтилъ послѣднему, что дорога отъ Сергіевскаго посада до Ярославля должна быть цѣнима не по суммѣ, употребленной на ея постройку и составляющей акціонерный капиталъ общества, а по ея доходности, черезъ которую цѣна акцій на биржѣ поднялась слишкомъ на 7%.

Поэтому ихъ цѣнность превышаетъ 7.000.000 р. кр., что составляло 6.000.000 р. мет., а слѣд. для продолженія дороги до Ярославля можно допустить выпускъ облигацій на 12.000.000 р. мет. Но Мельниковъ съ этимъ расчетомъ не соглашался. Тогда Чижовъ написалъ мнѣ, что онъ, понимая трудность моего положенія въ отношеніи къ Мельникову, никогда не просилъ моего ходатайства за Московско-Ярославскую дорогу, но имѣя въ виду, что я былъ однимъ изъ ея учредителей, онъ полагаетъ меня обязаннымъ въ крайнемъ случаѣ за нее ходатайствовать. Показавъ это письмо Мельникову, я просилъ его согласиться на расчетъ, предложенный Чижову министромъ финансовъ, причемъ добавилъ, что при исчисленіи стоимости Сергіевской дороги по получаемому дивиденду слѣдуетъ вычесть болѣе полумилліона рублей, которыми казна ссудила дорогу, но что и за этимъ, при настоящей доходности дороги, она должна быть оцѣнена болѣе, чѣмъ въ 6.000.000 р. мет., и затѣмъ выпускъ облигацій на 12.000.000 р. мет. можетъ быть безпрепятственно допущенъ.

Мельниковъ, послѣ недолгаго размышленія, сказалъ, что ему очень непріятно мнѣ отказывать въ единственной моей къ нему просьбѣ, но что онъ находитъ расчетъ, составленный министромъ финансовъ, неосновательнымъ и потому не можетъ ходатайствовать о выпускѣ для Московско-Ярославской дороги облигацій на 12.000.000 р. мет. Чижовъ и я думали, что все уже кончено, но одинъ изъ директоровъ правленія этой дороги И. Ѳ. Мамонтовъ, находившійся въ это время въ Петербургѣ въ числѣ лицъ Московскаго товарищества, желавшаго купить Николаевскую дорогу, замѣтилъ намъ, что мы не умѣемъ хлопотать, и просилъ предоставить ему всѣ хлопоты по означенному дѣлу.

Черезъ нѣсколько дней мы узнали, что Мельниковъ утвердилъ представленный ему докладъ департамента жел. дорогъ, въ которомъ предполагалось написать министру финансовъ о выпускѣ облигацій для Московско-Ярославской жел. дороги на 12.000.000 р. мет. Мамонтовъ никогда не хотѣлъ мнѣ объяснить способа, имъ употребленнаго для полученія этого результата, но другими путями я узналъ слѣдующее:

Когда, вслѣдствіе просьбы Мамонтова, начальникъ искусственнаго отдѣленія департамента жел. дорогъ Полежаевъ представилъ Мельникову вышеупомянутый докладъ, то послѣдній сказалъ, что онъ не можетъ на него согласиться, тѣмъ болѣе, что за недѣлю передъ этимъ отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ, причемъ вспомнилъ, что я изъ основного капитала участка дороги отъ Москвы до Сергіева посада вычиталъ свыше полумилліона ссуды, полученной этою дорогою отъ правительства, и что объ этомъ вычетѣ даже не упомянуто въ докладѣ. Полежаевъ взялъ пресми-

ренно докладъ обратно. На вопросъ Мельникова, какъ же онъ полагаетъ окончить это дѣло, Полежаевъ отвѣчалъ:

— Представлю на утвержденіе вашего превосходительства докладъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ прикажете.

Тогда Мельниковъ положилъ на докладѣ резолюцію: «Согласенъ».

Конечно, каждому покажется непонятнымъ такой скорый переходъ Мельникова отъ несогласія къ согласію. Я его объясняю апатіей Мельникова, которому лѣнь было подумать о томъ, какое дать приказаніе Полежаеву, и имѣть въ виду снова слушать докладъ по этому же предмету.

Какимъ же образомъ подѣйствовалъ Мамонтовъ на Полежаева, осталось тайною. Полежаевъ былъ въ это время уже богатъ, вслѣдствіе участія въ постройкѣ Ряжско-Моршанской жел. дороги и значительныхъ вознагражденій, полученныхъ имъ отъ большого числа лицъ, хлопотавшихъ въ департаментѣ о концессіяхъ, заказахъ и т. п.

Слухи объ этихъ злоупотребленіяхъ сильно тревожили директора департамента Липина, который, наконецъ, добился того, что Полежаевъ былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности, но Мельниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ его въ канцелярію министра путей сообщенія для занятій по искусственной части и членомъ комиссіи для разсмотрѣнія важныхъ вопросовъ по жел. дорогамъ. Такимъ образомъ Полежаевъ изъ подчиненнаго Липину сдѣлался лицомъ, разсматривающимъ въ канцеляріи министра представленія послѣдняго. Это назначеніе Полежаева всѣхъ удивило, и я ничего не могу придумать для его объясненія. Предвидя скорое увольненіе Мельникова отъ должности министра, Полежаевъ вскорѣ вышелъ въ отставку, причемъ по ходатайству Мельникова былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Во время утвержденія устава Московско-Ярославской жел. дороги Ѳ. В. Чижовъ былъ въ Петербургѣ. Онъ немедля занялся осуществленіемъ дороги наиболѣе выгоднымъ способомъ, причемъ ему предстояли слѣдующія главныя операціи: реализованіе облигаціоннаго капитала, сдача работъ по сооруженію дороги и пріобрѣтеніе заграничныхъ рельсовъ съ принадлежностями, подвижного состава и машинъ для мастерскихъ.

Чижовъ, по совѣту Рейтерна, произвелъ реализацію гарантированнаго правительствомъ облигаціоннаго капитала у англійскихъ банкировъ Берингъ и К° черезъ Петербургскаго банкира Виннекена. Реализація, произведенная по 73%, считалась тогда чрезвычайно удачною въ виду того, что незадолго передъ этимъ за такія же бумаги не давали и 65%. Это была послѣдняя реализація облигаціоннаго желѣзнодорожнаго капитала, произведенная самимъ обществомъ жел. дороги. Впослѣдствіи реализацію облигацій жел. дорогъ приняло на себя министерство финансовъ, которое, назвавъ ихъ консолидированными и постепенно увеличивая ихъ стоимость при реализаціи, довело ихъ въ 1874 г. до 93% при 5% гарантіи, а въ 1875 г. нашло возможнымъ сдѣлать новый выпускъ облигацій съ 4½% гарантіею по 92%. Это возвышеніе показываетъ увеличеніе довѣрія на

Европейскомъ рынкѣ къ нашимъ государственнымъ бумагамъ, что составляетъ одну изъ заслугъ министра финансовъ Рейтерна.

Чижовъ, зная изъ опыта устройства дороги отъ Москвы до Сергіева посада трудности, представляемыя раздачею работъ разнымъ подрядчикамъ, опасался, что эти трудности будутъ при постройкѣ дороги, болѣе отдаленной отъ Москвы и въ три раза болѣе длинной, еще значительнѣе для правленія, которое сверхъ того занято эксплоатаціею на отстроенномъ участкѣ дороги. Вслѣдствіе этого онъ предложилъ Е. М. Духовскому принять на себя оптовый подрядъ по сооруженію дороги, за исключеніемъ заграничныхъ заказовъ. Помнится, что окончили на уплатѣ Духовскому 25.000 р. кред. съ версты, но вдругъ Чижовъ измѣнилъ свое намѣреніе, находя болѣе правильнымъ строить дорогу распоряженіемъ правленія, и отказалъ Духовскому, который, къ моему удивленію, не показалъ по этому случаю удовольствія, равно какъ и при полученіи сдѣланнаго мною ему въ то же время отказа по его просьбѣ о Моршанско-Пензенской жел. дорогѣ.

Вслѣдствіе отказа уральскихъ заводчиковъ поставить рельсы для Ярославской жел. дороги, положено было пріобрѣсти ихъ въ Англіи, что и было возложено на инженера путей сообщенія Петра Петровича Грека, котораго Чижовъ очень любилъ.

Дѣйствительно, Грекъ былъ человѣкъ честный и знающій, но слишкомъ мягкій и довѣрчивый, въ особенности къ англичанамъ, къ которымъ онъ питалъ большое сочувствіе. Англичане этимъ воспользовались, надули его и рельсы на дорогу были доставлены не совсѣмъ хорошаго качества. Чижовъ просилъ меня заняться заготовленіемъ подвижного состава и машинъ для мастерскихъ; объ исполненіи мною этого порученія я разскажу ниже.

8 іюня 1868 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о продажѣ Николаевской жел. дороги главному обществу жел. дорогъ. Въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній» я подробно изложилъ причины, приведшія къ этой продажѣ, описалъ ходъ дѣлъ по этой передачѣ и обсужденіе ея въ совѣтѣ министровъ, собранномъ въ Царскомъ Селѣ въ присутствіи Государя, и указалъ на послѣдствія передачи.

Графъ В. А. Бобринскій представилъ Государю записку по данному ему порученію объ осмотрѣ замосковныхъ жел. дорогъ и о мѣрахъ необходимыхъ для того, чтобы грузы на нихъ не были задерживаемы. По разсмотрѣніи этой записки въ особомъ комитетѣ, положено было ввести немедля тѣ изъ этихъ мѣръ, которыя не требовали особыхъ заготовленій, а именно, между прочимъ, введеніе товарнаго прямого сообщенія безъ перегрузокъ, а тамъ, гдѣ безъ нихъ нельзя обойтись, опредѣленіе числа вагоновъ, которое каждая изъ дорогъ должна имѣть въ готовности для принятія грузовъ съ дороги, ихъ передающей.

Эти вопросы, какъ и многіе другіе, относящіеся до эксплоатаціи жел. дорогъ, были совершенно чужды Мельникову, который, по апатіи, не хо-

тѣлъ понять того, что эксплоатація отдѣльной дороги, каковою была въ продолженіе 10 лѣтъ Николаевская, разнится отъ эксплоатаціи нѣсколькихъ дорогъ, служащихъ одна продолженіемъ другой.

Бобринскій, назначенный 20 мая 1868 года товарищемъ министра путей сообщенія, заявилъ, что эта и другія предложенныя имъ мѣры могутъ быть введены только при моемъ содѣйствіи, въ виду моихъ познаній по эксплоатаціи жел. дорогъ, знанія средствъ, которыми онѣ располагаютъ, знакомства съ лицами, ими завѣдывающими, и особеннаго уваженія, которое эти лица ко мнѣ питаютъ. Вслѣдствіе этого мнѣ было поручено вмѣстѣ съ Бобринскимъ введеніе означенныхъ мѣръ.

Въ виду чрезвычайной сложности и разнообразія эксплоатаціоннаго по разнымъ жел. дорогамъ дѣла, съ которымъ хорошо знакомы только завѣдывающіе ими, и того, что по уставамъ обществъ жел. дорогъ правительство не имѣетъ права давать имъ приказанія по предметамъ, о которыхъ въ уставахъ не упомянуто, я убѣдилъ Бобринскаго принимать мѣры къ улучшенію эксплоатаціи на нашихъ жел. дорогахъ по согласію съ завѣдывающими ими, для чего послѣдніе были вызваны въ Москву, куда и мы прибыли во второй половинѣ іюня. Для нашихъ засѣданій мы избрали одну изъ залъ пассажирскаго дома Московско-Ярославской жел. дороги. Предложенныя мѣры были обсуждены въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ и приняты съ общаго согласія, которое получено было безъ особыхъ затрудненій, такъ какъ способъ соглашенія интересовъ разныхъ жел. дорогъ посредствомъ съѣзда заинтересованныхъ лицъ понравился послѣднимъ. Тутъ же, съ согласія Бобринскаго, были предложены мною ежегодные желѣзнодорожные съѣзды въ Петербургѣ, которые и начались съ 1869 г. Послѣ этого Бобринскій уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ отпускъ, а я, по возвращеніи изъ Москвы въ концѣ іюня, осмотрѣлъ окрестныя жел. дороги около Петербурга.

Во время обратнаго моего проѣзда изъ Москвы въ Петербургъ, на одной изъ станцій Николаевской жел. дороги подошелъ къ окну моего вагона человѣкъ, который съ жидовскимъ акцентомъ заявилъ удовольствіе встрѣчи со мною и извинялся, что не посѣтилъ меня ни разу въ Петербургѣ, причиною чего выставлялъ незнаніе моего мѣстожительства, которое, впрочемъ, узнать было нетрудно. Это былъ М. Я. Вейсбергъ, бывшій подрядчикомъ при постройкѣ мною участка Нижегородскаго шоссе. Я просилъ его не безпокоиться, такъ какъ лѣтомъ я живу въ Царскомъ Селѣ, а осенью перемѣню квартиру, но еще не знаю, гдѣ найду таковую по своимъ средствамъ. Онъ мнѣ заявилъ, что на-дняхъ купилъ домъ Пономарева на Фонтанкѣ у Семеновскаго моста и что онъ почтетъ себя очень счастливымъ, если я въ немъ найду удобную для себя квартиру. Я отвѣчалъ, что мнѣ нуженъ, по болѣзни ногъ моей жены, именно нижній этажъ, но что я этотъ этажъ въ упомянутомъ домѣ осматривалъ и онъ по своему расположенію для меня негоденъ.

Вейсбергъ просилъ меня заѣхать въ домъ и указать, какія потре-

буются перемѣны въ расположеніи, и онъ немедля все исполнитъ по моему указанію. Вскорѣ послѣ этого я какъ-то проѣзжалъ мимо дома Вейсберга и, увидѣвъ у воротъ прекрасные экипажи, спросилъ: чьи они? Мнѣ отвѣчали: «Его превосходительства (оказалось, что Вейсбергъ успѣлъ по какимъ-то благотворительнымъ учрежденіямъ дослужиться до дѣйствительнаго статскаго совѣтника) и архитектора».

Я зашелъ въ домъ. Вейсбергъ очень обрадовался моему посѣщенію и сказалъ, что, не надѣясь, послѣ долгаго ожиданія, меня встрѣтить, онъ рѣшился передѣлывать нижній этажъ дома по своему усмотрѣнію. Я нашелъ эти передѣлки не соотвѣтствующими тому, что мнѣ требовалось, и указалъ, по просьбѣ Вейсберга, на тѣ передѣлки, которыя, по моему мнѣнію, могли бы сдѣлать этотъ этажъ удобнымъ для моего помѣщенія.

Вейсбергъ готовъ былъ исполнить все, мною указанное, но я находилъ, что, послѣ передѣлокъ въ квартирѣ, она будетъ слишкомъ дорога для меня, на что Вейсбергъ, узнавъ, что я платилъ за квартиру въ домѣ Лашкарева 1500 р. въ годъ, нашелъ эту плату достаточною и за нижній этажъ его дома. Не получивъ моего согласія, онъ на другой день привезъ въ Царское Село ко мнѣ планъ нижняго этажа своего дома и просилъ меня и жену мою начертить на немъ тѣ перемѣны, которыя бы сдѣлали этотъ этажъ удобнымъ помѣщеніемъ съ тѣмъ, что если мы и не наймемъ его, то эти передѣлки пригодятся для всякаго другого нанимателя.

Мы исполнили просьбу Вейсберга, который произвелъ всѣ указанныя нами передѣлки, и мы наняли приготовленную имъ для насъ квартиру, въ которую и переѣхали въ сентябрѣ 1868 года. Это желаніе Вейсберга угодить намъ объясняется его благодарностію за мои къ нему отношенія, когда онъ, почти четверть вѣка назадъ, былъ подрядчикомъ на перестраивавшемся Нижегородскомъ шоссе. Въ продолженіе 3 лѣтъ, прожитыхъ нами въ его домѣ, онъ постоянно былъ въ отношеніи насъ весьма услужливымъ хозяиномъ.

Въ іюлѣ 1868 г. Государь выѣхалъ изъ Царскаго Села за границу. Форма одежды для лицъ, сопровождающихъ Государя въ его поѣздкахъ, была походная и слѣд. генералы военнаго вѣдомства, не числящіеся въ свитѣ Его Величества, должны были тогда надѣвать вицъ-мундиръ съ краснымъ воротникомъ, обшитымъ золотымъ галуномъ съ желтыми пуговицами. Послѣ моего перевода въ военные инженеры, я въ первый разъ сопровождалъ Государя, а такъ какъ вопросъ о формѣ одежды всегда считался особенно важнымъ, то я старался узнать, имѣютъ ли право на означенный мундиръ генералы, числящіеся по инженерному корпусу.

Милютинъ хотя и военный министръ, но мало въ этихъ дѣлахъ свѣдущій, отвѣчалъ мнѣ отрицательно. Между тѣмъ, большая часть лицъ, у которыхъ я спрашивалъ объ этомъ, отвѣчали утвердительно, вслѣдствіе чего я сшилъ себѣ этотъ мундиръ съ шароварами и въ этой одеждѣ пріѣхалъ на Александровскую станцію (близъ Царскаго Села) Петербурго-Варшавской жел. дороги. По прибытіи на станцію изъ Петербурга Импе-

раторскаго поѣзда, въ которомъ пріѣхалъ Милютинъ, чтобы проститься съ Государемъ, и Мельниковъ, для его сопровожденія до границы, послѣдній мнѣ сказалъ, что я нарядился въ мундиръ, неприсвоенный инженернымъ генераламъ, въ чемъ онъ убѣдился изъ словъ Милютина и потому совѣтовалъ мнѣ до пріѣзда Государя переодѣться.

Я долженъ былъ снять не только мундиръ, но и шаровары при всѣхъ и облекся въ обыкновенную форму военныхъ инженеровъ безъ эполетъ. Но на первыхъ же станціяхъ нѣкоторыя изъ сопровождавшихъ Государя лицъ замѣчали мнѣ, что я одѣтъ не по формѣ, и тогда я рѣшился снова надѣть общую походную форму.

Во время обѣда въ столовомъ вагонѣ шефъ жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ замѣтилъ, что я надѣлъ такую форму, которая для инженерныхъ генераловъ не положена. Я ему отвѣчалъ на это, что онъ ошибается. Тогда Государь сказалъ, что такъ какъ я участвовалъ въ экспедиціяхъ на Кавказѣ и въ Венгерской войнѣ, то переведенъ въ военные инженеры и потому имѣю право на этотъ мундиръ. Шуваловъ, конечно, зналъ о моемъ переводѣ, но онъ полагалъ, что не только генералы путей сообщенія, но и числящіеся въ военныхъ инженерахъ, не имѣютъ права на мундиръ съ краснымъ воротникомъ, обшитымъ золотымъ галуномъ. Послѣ сдѣланнаго Государемъ разъясненія, конечно, Шуваловъ не продолжалъ этого разговора.

Передъ отъѣздомъ Государя я испросилъ себѣ десятидневный отпускъ за границу. Онъ мнѣ нуженъ былъ для исполненія возложеннаго на меня правленіемъ Московско-Ярославской жел. дороги заказа паровозовъ, а также машинъ и приборовъ для мастерскихъ этой дороги. Графъ А. В. Адлербергъ, узнавъ, что я ѣду въ отпускъ за границу, испросилъ разрѣшеніе Государя ѣхать мнѣ до Берлина въ его поѣздѣ.

Въ Вержболовѣ простились съ Государемъ Мельниковъ и сопровождавшій Государя отъ Вильны, выѣхавшій къ нему навстрѣчу, генералъ-фельдмаршалъ графъ Бергъ, а равно недавно назначенный начальникомъ Сѣверозападнаго края генералъ-адъютантъ Потаповъ, который при прощаніи поцѣловалъ Государя такъ же, какъ о томъ было сказано мною въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній», при описаніи переѣзда Государя черезъ границу въ 1865 г. Въ прежнія поѣздки, когда не была еще построена прекрасная Вержболовская станція, Государь завтракалъ обыкновенно въ Эйдкуненѣ и отъ этой станціи ѣхалъ въ вагонѣ, принадлежащемъ королю Прусскому, а свита его въ обыкновенныхъ пассажирскихъ вагонахъ.

Въ 1863 году Государь и его свита, позавтракавъ на Вержболовской станціи, сѣли въ три собственныхъ вагона, присланныхъ съ Варшаво-Вѣнской жел. дороги черезъ Пруссію, въ которыхъ съ 1867 г. онъ и Императрица стали путешествовать по Германіи. Въ Эйдкуненѣ присоединились къ нашему поѣзду лица, присланныя Прусскимъ королемъ для сопровожденія Государя. На ст. Диршау Прусской восточной жел. дороги былъ

обѣдъ отъ Прусскаго короля. Подали какой-то супъ, котораго я никогда нигдѣ не ѣдалъ, кромѣ обѣдовъ, которыми Прусскій король угощалъ Государя на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Послѣ супа налили въ стаканы какую-то бурду. Государь выпилъ стаканъ этой бурды залпомъ. Когда я началъ поднимать налитый мнѣ стаканъ ко рту, сидѣвшій противъ меня Адлербергъ разными знаками показывалъ, что эту жидкость невозможно пить, и я ее даже не попробовалъ.

Вообще обѣдъ былъ посредственный, но Государь, по окончаніи его, сказалъ Адлербергу, что онъ былъ превосходенъ: полагаю, что это было сказано для того, чтобы быть пріятнымъ сопровождавшимъ Государя пруссакамъ, такъ какъ Государь большой гастрономъ и не могъ быть доволенъ поданнымъ намъ обѣдомъ. Послѣ обѣда Государь приказалъ мнѣ пройтись съ нимъ по жел. дорогѣ до моста черезъ Вислу. Во время этой прогулки онъ хвалилъ устройство Диршауской станціи и вообще порядокъ на прусскихъ жел. дорогахъ. Съ послѣднимъ я согласился, но о станціи заявилъ, что она была разукрашена для пріема Его Величества, а въ обыкновенное время хуже многихъ нашихъ. Мы подходили къ мосту черезъ Вислу. Каменныя башни при въѣздѣ на мостъ были освѣщены бенгальскимъ огнемъ.

Государь спросилъ меня, согласенъ ли я съ общимъ мнѣніемъ, что этотъ мостъ превосходная вещь и въ инженерномъ и въ архитектурномъ отношеніяхъ. Я отвѣчалъ, что устройство собственно моста, дѣйствительно, хорошо, но въ Россіи есть много мостовъ, которые не уступятъ ему и между прочими мосты, черезъ которые мы проѣхали, именно, мостъ черезъ Западную Двину и два черезъ Нѣманъ. Государь былъ видимо доволенъ этимъ отзывомъ. Относительно же архитектурныхъ украшеній моста при Диршау я привелъ причины, по которымъ нахожу ихъ не соотвѣтствующими своему назначенію и потому неумѣстными, съ чѣмъ Государь согласился. Въ Берлинъ мы пріѣхали на разсвѣтѣ. Навстрѣчу Государя явилось много высшихъ прусскихъ сановниковъ, но онъ не выходилъ изъ вагона. Въ Берлинѣ я вышелъ изъ поѣзда и отправился въ Hôtel d'Angleterre.

Въ этой гостиницѣ я нашелъ сестру А. И. Викулину съ дочерью Эмиліею, возвращавшихся въ Россію. Для порученныхъ мнѣ заказовъ я просилъ правленіе Московско-Ярославской жел. дороги прислать въ Берлинъ управляющаго этою дорогою инженера путей сообщенія надворнаго совѣтника Василія Александровича Шмидта (впослѣдствіи статскій совѣтникъ), такъ какъ ему были болѣе извѣстны тѣ, впрочемъ, небольшіе недостатки, которые оказались въ паровозахъ, доставленныхъ Борзигомъ для Московско-Сергіевской жел. дороги.

По прибытіи Шмидта, я его познакомилъ съ Борзигомъ и его главнымъ механикомъ, которые съ большою готовностію согласились принять къ исполненію замѣчанія Шмидта при новомъ заказѣ паровозовъ. Но я находилъ, что прежде чѣмъ рѣшиться на заказъ паровозовъ Борзигу, надо осмотрѣть хотя одно еще заведеніе въ Германіи, именно Гартмана

въ Хемницѣ, такъ что я полагалъ заказать пассажирскіе паровозы Борзигу, а товарные Гартману.

Въ ожиданіи пріѣзда Шмидта и въ переговорахъ съ Борзигомъ прошло нѣсколько дней, которые я провелъ въ Берлинѣ съ моею сестрою и племянницею. Послѣдняя каждый вечеръ приходила въ мой номеръ вкладывать двѣ, если не три подушки въ одну наволочку, потому что я рѣшительно не могъ спать на нѣмецкихъ подушкахъ, весьма жидко набитыхъ пухомъ. Берлинскіе заводчики, въ ихъ числѣ Борзигъ, Унруэ, Флугъ, пригласили меня обѣдать въ Потсдамъ. Разговаривая между собою, они поминутно величали другъ друга: Регпрунесъ-ратъ, Бауратъ, Коммерціенъ-ратъ и т. п. Это меня очень забавляло. Обѣдъ былъ хорошій, и потому положено было всѣмъ обществомъ поблагодарить хозяина ресторана, а я предложилъ за его кулинарное искусство дать ему титулъ «Гастрономиратъ». Мое предложеніе было принято съ удовольствіемъ.

Въ Хемницѣ я и Шмидтъ остановились въ прекрасной гостиницѣ, которой обширность меня удивила. Невольно пришелъ въ голову вопросъ, когда же у насъ заведутся подобныя гостиницы. На другой день мы осмотрѣли заведенія Гартмана и Циммермана. На первомъ я встрѣтилъ Грушецкаго, который наблюдалъ за работою паровозовъ, заказанныхъ Гартману Поляковымъ. Это тотъ самый Грушецкій, который, служа на Московско-Нижегородской жел. дорогѣ, хотѣлъ убить меня и Казначеева. Онъ былъ очень сконфуженъ встрѣчею со мною и старался дѣлать мнѣ разныя мелкія услуги. Гартманъ мнѣ очень понравился. Онъ и его семья приняли насъ очень радушно и прекрасно угостили. Заведеніе его имѣло до такой степени много заказовъ, что онъ не могъ принять на себя постройки паровозовъ для Московско-Ярославской жел. дороги, и мы рѣшились вернуться въ Берлинъ для заключенія контракта на ихъ поставку съ Борзигомъ, который, согласясь на перемѣны въ ихъ постройкѣ, указанныя Шмидтомъ, доставилъ паровозы отличнаго качества.

Въ эту бытность мою въ Берлинѣ у Борзига праздновался 25-лѣтній юбилей служащаго у него главнаго кассира. Борзигъ по этому случаю давалъ ужинъ въ своемъ роскошномъ саду въ Моабитѣ. Онъ пригласилъ къ ужину меня и Шмидта. За ужиномъ сидѣло болѣе 30 человѣкъ разныхъ должностныхъ при заведеніяхъ Борзига лицъ, во фракахъ и вообще прилично одѣтыхъ. Борзигъ обратилъ мое вниманіе на то, что за ужиномъ сидятъ не всѣ служащіе въ его заведеніяхъ, а только участвовавшіе въ подпискѣ на подарокъ для юбиляра. Во время ужина, который былъ хорошъ, продѣлывались разныя штуки; между прочимъ, представлялись китайскія тѣни, въ которыхъ юбиляръ былъ представленъ младенцемъ, молодымъ человѣкомъ при поступленіи къ Борзигу (отцу) и въ настоящемъ видѣ, причемъ читались сочиненные на этотъ случай стихи. Все это было составлено на нѣмецкій ладъ и очень занимало нѣмцевъ, а мнѣ, по складу русскаго ума, многое казалось страннымъ. Не было недостатка въ спичахъ, обращенныхъ ко мнѣ, къ юбиляру и Борзигу, и мнѣ пришлось благода-

рить небольшою рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ. Юбиляръ, котораго Борзигъ называлъ своимъ министромъ финансовъ, получилъ два подарка: одинъ по складчинѣ, а другой собственно отъ Борзига.

На моемъ обратномъ пути въ Петербургъ, я заѣзжалъ на Друскеникскія воды, въ Ригу и Митаву. Въ Друскеникахъ былъ мой больной братъ Николай со своею семьею. Леченіе въ послѣдніе два года за границею не принесло ему никакой пользы, и онъ желалъ провести это лѣто въ Россіи. Ему посовѣтовали прожить лѣто въ Друскеникахъ, куда онъ пріѣхалъ съ женою и четырьмя дѣтьми. Полагая, что эти воды устроены на манеръ заграничныхъ, братъ не взялъ съ собою тюфяковъ, подушекъ, постельнаго и столоваго бѣлья, но оказалось, что ничего этого въ нанятомъ имъ домѣ не оказалось. Жена моего брата напала за это на бывшаго тогда владѣльца м. Друскеники, полковника (впослѣдствіи генералъ-маіора) Штрандмана, и получила отъ него по крайней мѣрѣ самое необходимое.

Передъ моимъ отъѣздомъ къ брату, нѣсколько дней у него гостила сестра А. И. Викулина съ дочерью Эмиліею. Онѣ уѣхали въ Царское Село, гдѣ помѣстились на нашей дачѣ до осени. Дорога изъ Порѣчья, станціи на Петербурго-Варшавской жел. дорогѣ, до Друскеникъ была не устроена. Она шла большею частію по весьма глубокому сыпучему песку, изъ котораго лошади съ трудомъ вытаскивали ноги.

На проѣздъ 15 верстъ потребовалось почти 4 часа. Самые Друскеники, на берегу р. Нѣмана, не представляли ничего интереснаго. Пѣшеходныя прогулки не разнообразны и почти вездѣ песокъ по колѣна. Ссстояніе здоровья брата видимо ухудшилось.

По осмотрѣ Риго-Динабургской жел. дороги, я изъ Риги отправился на лошадяхъ въ Митаву для подробнаго осмотра жел. дороги, строившейся между этими городами. Мѣстность между Западною Двиною и Митавою совершенно ровная, такъ что не потребовалось ни выемокъ, ни насыпей. Самая почва составляетъ балластный слой, а близость моря даетъ возможность дешево получать всѣ желѣзнодорожныя принадлежности. Несмотря на это и на то, что стоимость версты дороги по уставу была назначена въ 48.000 р. мет., которые съ 1869 г. гарантированы $5^1/_{10}\%$ правительствомъ, работы по устройству дороги производились дурно: сторожевые дома и небольшія станціи строились изъ двойного ряда досокъ, а большія станціи и жилые дома изъ тонкаго лѣса; плотничная работа была дурна, печи и дымовыя трубы не имѣли отъ деревянныхъ частей раздѣловъ; трубы, сверхъ того, имѣли по нѣскольку изгибовъ; чугунныя водопропускныя трубы на пути въ нѣсколькихъ мѣстахъ лежали такъ высоко, что надъ ними не было вовсе земляной насыпи, а только балластный слой. Сдѣлавъ всѣ эти замѣчанія главному инженеру Пондарю, обучавшемуся въ Ригѣ, я потребовалъ, чтобы сдѣланы были немедля возможныя исправленія. Конечно, мои замѣчанія не понравились членамъ правленія дороги, которые нашли ихъ придирчивыми и приписывали ихъ тому, что я нѣмцефобъ.

Въ ноябрѣ 1868 года правленіе просило объ открытіи движенія по

дорогѣ. Въ этомъ же мѣсяцѣ я долженъ былъ свидѣтельствовать Орловско-Витебскую и Курско-Кіевскую жел. дороги передъ открытіемъ на нихъ движенія и потому заявилъ Мельникову, что могу ѣхать на Риго-Митавскую жел. дорогу только по окончаніи упомянутыхъ освидѣтельствованій и что такъ-какъ правленіе этой дороги не исполнило всего того, что было возможно исполнить по сдѣланнымъ мною замѣчаніямъ, то я, вѣроятно, не допущу открытія по ней движенія.

По этимъ причинамъ Мельниковъ для освидѣтельствованія Риго-Митавской жел. дороги назначилъ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Серебрякова, и дорога была открыта 29 ноября 1868 года. Изъ всѣхъ дорогъ, строившихся въ бытность мою главнымъ инспекторомъ частныхъ жел. дорогъ и учредившихъ жетоны, Риго-Митавская была единственною, правленіе которой мнѣ не поднесло жетона.

По возвращеніи въ Царское Село, я нашелъ гостящихъ у жены сестру А. И. Викулину съ дочерью Эмиліею, а также постоянно у насъ проживавшаго лѣтнее время дядю А. Г. Замятнина. Я съ ними пробылъ только нѣсколько дней, такъ какъ, по предложенію Мельникова, былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по выбору направленія жел. дороги отъ Митавы на Виндаву или Либаву, для чего въ началѣ августа 1868 года отправился въ Ригу.

Въ концѣ 1867 г. учредители предположеннаго общества Виндавской жел. дороги, шталмейстеръ и флигель-адъютантъ бароны Аристъ и Романъ Мирбахи, камергеръ Василій Познанскій и купцы Карлъ и Владиміръ Шеньяны и Адольфъ Вернеръ, подали министру путей сообщенія прошеніе, въ которомъ, излагая превосходство Виндавскаго порта надъ всѣми прочими Балтійскаго прибрежья, просили о дарованіи имъ концессіи на жел. дорогу отъ Риги до Виндавы, причемъ заявили, что по составленной предварительной смѣтѣ устройство Виндавскаго порта и постройка жел. дороги, вмѣстѣ съ общими расходами и реализаціей капитала, обойдутся въ 15.007.833 р. мет., изъ коихъ 1.607.454 р. на портъ; послѣдняя сумма составляетъ на версту жел. дороги 8.730 р. 16 к., такъ что на постройку версты жел. дороги оставалось 72.828 р. 30 к. Это предложеніе было встрѣчено непріязненно министрами финансовъ и путей сообщенія, а равно Чевкинымъ, мнѣніе котораго о направленіи жел. дороги имѣло въ это время большое значеніе. Рейтернъ основывался какъ на заявленіяхъ Рижскаго купечества, опасавшагося соперничества Виндавы и нисколько соперничества Либавы, такъ и на томъ, что, въ случаѣ предпочтенія Виндавы, въ ней затѣятъ устройство военнаго порта, на что потребуются новыя значительныя суммы.

Мельникову, имѣвшему въ виду, что для устройства Либавскаго порта уже употреблены значительныя суммы, лѣнь было думать о возможности имѣть болѣе выгодный портъ на Балтійскомъ морѣ. Для Чевкина это былъ личный вопросъ: онъ рѣшилъ еще его въ 1857 г., при уступкѣ, въ бытность его главноуправляющимъ путями сообщенія, жел. дорогъ

главному обществу, которое между прочимъ обязано было построить жел. дорогу изъ внутреннихъ губерній до Либавы, такъ что впослѣдствіи выборъ порта на Балтійскомъ морѣ, къ которому должна быть проведена жел. дорога изъ означенныхъ губерній, былъ только для проформы возложенъ на инженера путей сообщенія полковника Гейдателя.

Его выборъ палъ, конечно, на Либаву и хотя главное общество въ 1861 г. было освобождено, между прочимъ, и отъ обязанности строить дорогу къ Либавѣ, но въ томъ же году приступлено къ устройству порта при этомъ городѣ, на что употреблено болѣе 1.600.000 р. Въ 1871 г., когда Либава была уже соединена жел. дорогою съ Петербурго-Варшавскою жел. дорогою, Чевкинъ мнѣ говорилъ, что Государь ничѣмъ не можетъ его такъ много порадовать по случаю наступающаго 50-лѣтняго юбилея его службы, какъ разрѣшеніемъ къ тому времени устройства жел. дороги отъ ст. Калкуны на Петербурго-Варшавской жел. дорогѣ до одной изъ станцій упомянутой Либавской дороги. Желаніе Чевкина осуществилось: на означенной дорогѣ движеніе открылось въ 1874 г., но оно оказалось весьма незначительнымъ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ предпочиталъ Виндавскую дорогу Либавской, а потому Мельниковъ представилъ концессію на постройку Риго-Виндавской жел. дороги и на учрежденіе порта въ г. Виндавѣ въ комитетъ министровъ. Послѣдній при разсмотрѣніи заключенія Мельникова по этому предмету, встрѣтивъ надобность имѣть положительныя свѣдѣнія о количествѣ издержекъ, потребныхъ на приспособленіе и устройство порта въ Виндавѣ, сравнительныя данныя о времени замерзанія и о прочихъ торговыхъ для Имперіи выгодахъ Виндавскаго и Либавскаго портовъ и другіе матеріалы, нужные для правильнаго и всесторонняго обсужденія этого важнаго вопроса,—журналомъ, Высочайше одобреннымъ въ 3 день мая 1868 года, поручилъ министру путей сообщенія, по соглашеніи съ министрами финансовъ, военнымъ и управляющимъ морскимъ министерствомъ, собрать безотлагательно всѣ нужныя по сему дѣлу данныя и затѣмъ внести, въ установленномъ порядкѣ, свое о томъ заключеніе.

Во исполненіе такового порученія министръ путей сообщенія, военный министръ и управляющій морскимъ министерствомъ признали самымъ удобнымъ назначить особую комиссію, какъ для собранія данныхъ на самомъ мѣстѣ, такъ и для опредѣленія всѣхъ подробностей касательно важности Либавскаго и Виндавскаго портовъ. Управляющій же министерствомъ финансовъ, распорядясь собраніемъ статистическихъ данныхъ по сему предмету и полагая разсмотрѣть дѣло сіе тѣмъ порядкомъ, какой принятъ вообще для дѣлъ по желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ, не находилъ надобности въ учрежденіи особой комиссіи.

Такимъ образомъ въ комиссію вошли: предсѣдателемъ я и членами отъ морского министерства генералъ-лейтенантъ баронъ Тизенгаузенъ и флигель-адъютантъ капитанъ 1-го ранга баронъ Мирбахъ, отъ военнаго

генеральнаго штаба подполковникъ Лобко и гвардіи штабсъ-капитанъ баронъ Фридериксъ; депутата же со стороны министерства финансовъ не было.

До Риги я ѣхалъ по жел. дорогамъ, а въ Ригѣ сѣлъ въ приготовленный для комиссіи, по приказанію великаго князя Константина Николаевича, военный клиперъ. При входѣ моемъ съ членами комиссіи на клиперъ, служащіе на немъ офицеры и матросы находились въ строю. Командиръ клипера, котораго фамилію я позабылъ, просилъ меня поздороваться съ нижними чинами. Я обратилъ его вниманіе, что генералъ-лейтенантъ баронъ Тизенгаузенъ прежде меня произведенъ въ этотъ чинъ, но онъ заявилъ, что по предписанію его начальства клиперъ отданъ въ мое распоряженіе на время осмотра портовъ Балтійскаго моря. Надо было покориться и поздороваться по военному съ нижними чинами.

Впослѣдствіи командиръ клипера постоянно обращался ко мнѣ съ испрошеніемъ разрѣшенія для разныхъ дѣйствій команды, я соглашался на всѣ его предложенія и просилъ меня уволить отъ разрѣшенія на вопросы, которыхъ я вовсе не понималъ, но моя просьба осталась тщетною.

Со мною ѣхали Тизенгаузенъ, флигель-адъютантъ Мирбахъ, Лобко, Фридериксъ, камергеръ Познанскій, Шеньяны и Ратьковъ-Рожновъ. Общество было очень оживленное. Къ ночи завязался разговоръ между Мирбахомъ и Ратьковымъ объ отношеніи остзейскихъ нѣмцевъ къ Русскимъ. При всемъ желаніи перваго показать, что эти отношенія весьма хороши, во всемъ, что онъ говорилъ, видно было превосходство, которое онъ давалъ нѣмцамъ передъ Русскими и презрѣніе ко всему русскому. Между прочимъ, Мирбахъ говорилъ, что онъ ежедневно благодаритъ Бога за то, что его дѣти молятся по-нѣмецки, а не по-русски. Весьма горячій споръ по этому предмету, продолжавшійся далеко за полночь, происходилъ надъ моею каютою, такъ что я долго не могъ заснуть.

Мирбахъ, человѣкъ очень бѣдный, живетъ однимъ содержаніемъ, получаемымъ въ Россіи и, будучи флигель-адъютантомъ Государя, радуется, что дѣти молятся не по-русски; каковы же должны быть понятія другихъ нѣмцевъ, которые не пользуются отъ Россіи ни содержаніемъ, ни особымъ почетомъ?

Плаваніе наше было благополучно: командиръ клипера, казалось мнѣ, былъ черезъ мѣру остороженъ, опасаясь сѣсть на мель. Мнѣ объясняли это тѣмъ, что онъ уже былъ подъ судомъ за какую-то неосторожность, а пуганая ворона и куста боится. Мы встрѣтили броненосную эскадру, крейсировавшую подъ начальствомъ вице-адмирала (впослѣдствіи генералъ-адъютанта) Григорія Ивановича Бутакова, который сигналомъ потребовалъ къ себѣ командира нашего клипера, но лодка для него была спущена на воду не довольно скоро, такъ что Бутаковъ, не ожидая его пріѣзда, самъ пріѣхалъ на нашъ клиперъ, воротивъ плывшаго къ нему командира.

Въ Виндавѣ, по выходѣ нашемъ на берегъ, явились ко мнѣ предста-

вители города, которые давали комиссіи обѣдъ, и военное начальство, которое подводило ко мнѣ ординарца и вѣстового. То же повторилось и въ Либавѣ. При посѣщеніи этихъ двухъ портовъ я еще болѣе удостовѣрился въ непріязненности остзейскихъ бароновъ къ намъ, въ презрѣніи ихъ къ латышамъ и эстамъ и въ желаніи сохранить старые законы свои и обычаи, чтобы имѣть возможность продолжать гнусныя притѣсненія противъ поименованныхъ національностей.

Подробный журналъ комиссіи по выбору направленія жел. дороги отъ Митавы до Виндавы или Либавы былъ напечатанъ и приложенъ къ представленію отъ 14 іюня 1869 года исправлявшаго должность министра путей сообщенія графа Бобринскаго въ комитетъ министровъ. Въ этомъ журналѣ подробно изложены всѣ добытыя комиссіею свѣдѣнія и ея заключенія, и потому я ограничусь нѣсколькими словами по этому предмету. Большинство членовъ комиссіи, въ ихъ числѣ и я, предпочитали устройство жел. дороги на Виндаву, а два члена, Лобко и Фридериксъ, на Либаву, о чемъ они подали особое мнѣніе, также напечатанное и приложенное къ журналу комиссіи.

Рижское купечество, опасаясь Виндавской дороги, сильно возставало противъ нея. Во мнѣ укоренилось подозрѣніе, что Лобко подаетъ особое мнѣніе не даромъ, а что Фридериксъ идетъ на его буксирѣ. Я уже выше разсказалъ, какъ директоръ департамента жел. дорогъ Липинъ поспѣшилъ, въ мое отсутствіе за границу, убѣдить графа Бобринскаго представить въ комитетъ министровъ о томъ, что и онъ предпочитаетъ Либавскую жел. дорогу Виндавской по слѣдующимъ, между прочимъ, соображеніямъ, которыя выписываю буквально изъ представленія въ комитетъ министровъ:

«Чтобы отстранить неудобства Виндавскаго порта, т. е., устроить дамбы на значительное разстояніе и углубить достаточно заливъ и самую рѣку до 7 верстъ, а также сдѣлать другія нужныя приспособленія, потребуется много времени и издержекъ; Либавскій же портъ, для устройства котораго употреблены значительныя суммы, въ настоящее время удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ хорошаго коммерческаго порта».

Если же обратить вниманіе на отзывъ Рижскаго биржевого комитета, который не совсѣмъ полагается на зимнюю морскую торговлю, то оказывается, что въ настоящее время, за приведеніемъ Либавскаго порта въ отличное состояніе значительною затратою денегъ, едва ли представится побудительная причина дѣлать новыя затраты на улучшеніе еще другого порта.

Засимъ учредителямъ Виндавской дороги было отказано, а дана концессія на Либавскую дорогу, доходы которой со времени ея постройки недостаточны даже для поддержанія на ней движенія. Министерство же путей сообщенія въ 1869 г., заявлявшее комитету министровъ, что Либавскій портъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ хорошаго коммерческаго порта «и приведенъ въ отличное состояніе значительною затратою казенныхъ денегъ», только по окончаніи Либавской жел. дороги,

убѣдилось, что Либавскій портъ въ настоящемъ видѣ никуда не годится и потребуетъ, по расчету того же министерства, еще до 5 милліоновъ рублей. Я сомнѣваюсь, чтобы и послѣ этой затраты Либавскій портъ оказался удовлетворительнымъ.

10 августа была Высочайше утверждена концессія на жел. дорогу отъ Балтійскаго порта до С.-Петербурга, названную Балтійскою. Она была дана Эстляндскому губернскому предводителю дворянства камергеру барону Александру Палену, въ качествѣ уполномоченнаго отъ Эстляндскаго дворянства, обязавшемуся устроить акціонерное общество. Баронъ Паленъ еще въ 1866 г. просилъ меня помочь ему въ полученіи права на постройку этой дороги и рекомендовать инженера для производства изысканій на означенномъ протяженіи и составленія проекта дороги. Я съ перваго знакомства съ Паленомъ объяснилъ ему, что не считаю дороги къ Балтійскому порту столь необходимою, чтобы правительство могло обезпечить гарантіею основной капиталъ общества. Тоже передали ему министры финансовъ и путей сообщенія.

По заявленіи же Паленомъ мнѣ, что онъ достанетъ капиталъ, необходимый для постройки дороги, и безъ гарантіи правительства, я ему рекомендовалъ, для составленія проекта, состоявшаго тогда при мнѣ инженеръ-капитана Ратькова-Рожнова, которымъ и составленъ предварительный проектъ дороги.

По концессіи Балтійской жел. дороги длина ея назначена въ 377 верстъ; полотно дороги и рельсы устраиваются въ одинъ путь; стоимость опредѣлена въ 26.390.000 р. мет. Означенный капиталъ имѣлъ образоваться выпускомъ акцій, погашаемыхъ въ продолженіе 85 лѣтъ, по прошествіи которыхъ дорога поступаетъ въ казну. Ровная мѣстность, по которой пролегаетъ эта дорога, ясно указывала, что выше приведенная стоимость ея, составляющая по 70.000 р. мет. на версту, чрезвычайно высока. Она была допущена только въ виду того, что на постройку дороги не требовалось правительственной гарантіи. Но учредитель этою высокою цѣною значительно воспользовался при реализаціи акцій, при постройкѣ дороги и при испрошеніи гарантіи на основной капиталъ дороги, но въ послѣднемъ не совсѣмъ согласно съ его надеждами.

Для реализаціи акцій составился въ ноябрѣ синдикатъ изъ Петербургскихъ банкировъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, которые взялись выпустить акціи по 65%, а выдать правленію общества по 60% за каждую, что составляло разницы на всѣ акціи 1.319.500 р. Въ числѣ означенныхъ лицъ былъ Ратьковъ-Рожновъ, который при этомъ, не употребивъ ни копѣйки и никакого труда, пріобрѣлъ весьма значительный капиталъ, послужившій основаніемъ его настоящаго огромнаго состоянія. Онъ хвастался упомянутымъ пріобрѣтеніемъ передо мною и моею женою, чѣмъ въ концѣ намъ опротивѣлъ, и я съ того времени положилъ удалить его отъ себя при первомъ удобномъ случаѣ, но, какъ видно будетъ ниже, черезъ два мѣсяца я оставилъ мѣсто главнаго инспектора частныхъ жел. дорогъ.

Сверхъ означенной прибыли, банкиры и прочіе участники въ синдикатѣ, въ томъ числѣ баронъ А. Паленъ, выговорили право раздѣлить между собою выгоды отъ постройки дороги, которую они сдали П. І. Губонину по 33.000 р. кред. съ версты, и слѣдовательно всю дорогу за 12.441.000 р. кред., тогда какъ полученный правленіемъ дороги строительный капиталъ составлялъ, какъ выше сказано, 60% съ основного капитала, т.-е., 26.390.000 × 0,6=15.834.100 мет. руб., или по тогдашнему курсу, болѣе 18.000.000 р. кред., такъ что осталось у синдиката до 5½ милліоновъ руб. Изъ этой суммы только часть была употреблена на уплату процентовъ по акціямъ и на содержаніе правленія и управленія дороги во время ея постройки. Въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ этихъ выгодахъ, былъ инженеръ путей сообщенія Полежаевъ, который вышелъ около этого времени въ отставку.

Всего этого не довольно было учредителю дороги барону Палену. Онъ, пользуясь пребываніемъ Государя лѣтомъ 1868 года въ Киссингенѣ, заручился обѣщаніемъ Его Величества дать на основной капиталъ дороги правительственную гарантію, о чемъ бывшій при Государѣ тогдашній шефъ жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ конфиденціально сообщилъ министру финансовъ. Баронъ Паленъ, конечно, надѣялся реализовать съ большею выгодою акціи, если онѣ будутъ гарантированы правительствомъ, но онъ въ этомъ не достигъ цѣли, такъ какъ найдено было нужнымъ до времени держать обѣщаніе Государя подъ спудомъ. Только въ 1870 году графъ Шуваловъ, пріятель барона Палена, напомнилъ исправлявшему должность министра путей сообщенія графу В. А. Бобринскому о необходимости привести въ исполненіе обѣщаніе о дарованіи гарантіи Балтійской жел. дорогѣ.

Я въ это время былъ начальникомъ управленія жел. дорогъ и, указавъ Бобринскому, что такъ какъ размѣръ гарантіи не былъ обѣщанъ Государемъ, то я полагалъ бы достаточнымъ назначить 3% гарантіи съ основного капитала дороги и въ томъ числѣ на погашеніе акцій. Эту мѣру я находилъ правильною, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что цѣна акцій при реализаціи не превышала 65 р. сер., а потому при 5% гарантіи акціонеры получили бы не 5, а 7,7%. Гарантія утверждена согласно моему предложенію. За это, конечно, баронъ Паленъ и участвовавшіе съ нимъ Эстляндскіе бароны не были мною довольны и присоединились въ своемъ неудовольствіи къ давно уже не жалующимъ меня баронамъ Лифляндскимъ.

24 августа была Высочайше дарована концессія на жел. дорогу отъ Харькова до Кременчуга. Она была дана на 31 годъ гофмейстеру Абазѣ (впослѣдствіи предсѣдатель департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ) и тайному совѣтнику барону Унгернъ-Штернбергу. Длина этой дороги по концессіи назначена въ 247 верстъ; дорога строится съ земляным полотномъ для двухъ путей и съ однимъ рельсовымъ путемъ. Устройство моста черезъ р. Днѣпръ у Кременчуга не вхо-

дило въ обязанность общества. Основной капиталъ общества въ 14.300.000 р. мет., что составляетъ по 58 тыс. руб. мет. на версту, образуется изъ акцій и облигацій; первыя не гарантированныя составляютъ $^3/_4$, а послѣднія съ $5^1/_{10}\%$ правительственной гарантіи $^1/_4$ основного капитала.

Занятія мои, по выдачѣ этихъ концессій, ограничивались ихъ разсмотрѣніемъ въ засѣданіяхъ неоднократно упоминаемой мною комиссіи по разсмотрѣнію важныхъ вопросовъ, относящихся до жел. дорогъ, но и они прерывались частыми моими отсутствіями изъ Петербурга.

24 августа открытъ участокъ дороги отъ Тереспольской станціи до Бреста.

Я неоднократно упоминалъ, что мой дядя А. Г. Замятнинъ въ лѣтнее время постоянно жилъ у насъ въ нанимаемыхъ нами дачахъ. Такъ было и въ 1868 году. Предваренія мои сыну Замятнина (управлявшему земскимъ отдѣломъ) о томъ, чтобы онъ жилъ въ Петербургѣ расчетливо, не послужили ни къ чему. Послѣ смерти, лѣтомъ 1867 года, его второй жены, урожденной графини Толстой, въ домѣ Мальцова на Моховой, онъ, обремененный долгами, переѣхалъ на небольшую квартиру, близъ Александринскаго театра, но и она была ему не по средствамъ, а потому, пользуясь тѣмъ, что его два сына и двѣ дочери были въ деревнѣ у его матери, онъ занялъ еще меньшую квартиру на Большой Морской, куда къ нему переѣхалъ заболѣвшій въ концѣ августа отецъ его. Вскорѣ заболѣлъ и сынъ. Оба умерли въ томъ же году. Они лежали въ разныхъ комнатахъ и во время болѣзни не видались, а сынъ не могъ даже присутствовать при выносѣ тѣла отца изъ квартиры въ церковь. Увеличенію болѣзни сына Замятнина способствовали, кажется, и нравственныя причины.

Не отличаясь особенными способностями и прилежаніемъ къ службѣ, онъ въ 1868 году, 47 лѣтъ отъ роду, былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и сверхъ того, какъ говорили, былъ любимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ.

Назначеніе Бориса Петровича Обухова вторымъ товарищемъ министра обидѣло весьма самолюбиваго Замятнина, тѣмъ болѣе, что Обуховъ, конечно, гораздо менѣе его способный, былъ Самарскимъ уѣзднымъ, а потомъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ то время, когда Замятнинъ былъ Самарскимъ губернаторомъ. Сверхъ того, хотя своимъ повышеніемъ Обуховъ былъ обязанъ Замятнину, но они въ послѣднее время не ладили.

Валуевъ, по назначеніи къ нему второго товарища, поручилъ своимъ товарищамъ принимать доклады отъ начальниковъ отдѣльныхъ частей министерства, и Замятнинъ принужденъ былъ докладывать Обухову дѣла по земскому отдѣлу. Обуховъ былъ реакціонеръ-крѣпостникъ, а Замятнинъ хотя и не былъ либераломъ, но понималъ, что нельзя постоянно тянуть въ пользу помѣщиковъ и во вредъ освобожденныхъ крестьянъ. Это порождало частыя пререканія между ними. Исполнять же дѣла при-

ходилось по приказаніямъ Обухова, и это еще болѣе оскорбляло Замятнина.

Съ самаго начала болѣзни къ нему переѣхала жить г-жа Мордвинова, жена богатаго помѣщика, о которой говорили, что она давно въ близкихъ отношеніяхъ къ Замятнину. Она, какъ самая попечительная жена, ходила во все время его болѣзни. Мать же его, не знавшая объ опасномъ положеніи сына и мужа, пріѣхала въ Петербургъ только въ день смерти послѣдняго. Съ самаго пріѣзда она показывала недоброжелательство къ Мордвиновой и при тѣснотѣ квартиры, въ которой онѣ помѣщались, сынъ Замятниной, конечно, замѣчалъ ихъ взаимную вражду, что не могло не усиливать его страданій.

Передъ кончиною Замятнина сына пріѣхала страстно его любившая наша тетка Надежда Андреевна Суссанопуло, поселившаяся въ той же квартирѣ. Въ началѣ сентября моя сестра съ дочерью переѣхали изъ Царскаго Села на Большую Милліонную въ домъ Леонтьева, а въ половинѣ этого мѣсяца я съ женою переѣхалъ въ домъ Вейсберга у Семеновскаго моста. Я и сестра очень часто посѣщали больныхъ Замятниныхъ. Въ день смерти Замятнина сына, кромѣ насъ, долго пробыла въ его квартирѣ графиня Толстая, жена Д. А. Толстого (министра народнаго просвѣщенія), брата покойной жены Замятнина, и мы всѣ были свидѣтелями невыносимаго положенія, въ которое съ этого дня поставлена была Мордвинова моею теткою Замятниною. Графиня Толстая приняла на себя заботы о старшемъ сынѣ и двухъ дочеряхъ умершаго, а младшій его сынъ остался на попеченіи бабушки, у которой онъ жилъ со времени отъѣзда его родителей въ Самару.

По кончинѣ этой бабушки въ 1873 году онъ также поступилъ на попеченіе графини Толстой, которая, хотя и мало знала покойную мать сиротъ Замятниныхъ, печется о нихъ постоянно. Старшій изъ нихъ теперь (1876 г.) въ кавалерійскомъ юнкерскомъ училищѣ въ Петербургѣ, младшій въ 3 Петербургской гимназіи, дочери же въ Екатерининскомъ институтѣ. Каждое лѣто всѣ четверо живутъ въ деревнѣ графини Толстой. Сверхъ того, посредствомъ графа Д. А. Толстого, испрошена пенсія по 500 р. каждому сыну и дочери, они же не имѣли вовсе права на пенсію, такъ какъ ихъ отецъ не прослужилъ 25 лѣтъ и во всякомъ случаѣ въ его званіи полная пенсія лицу, прослужившему 35 лѣтъ, не превышаетъ 847 рублей.

И такъ сироты Замятнины устроены послѣ смерти ихъ отца весьма хорошо и въ денежномъ отношеніи, тогда какъ, при продолженіи его жизни, онъ, вѣроятно, втянулся бы въ неоплатные долги. Мать Замятнина, страстно его любившая, немедля по его смерти начала изъ своихъ денегъ уплачивать нѣкоторые долги сына, но ее уговорили, чтобы она этого не дѣлала впредь до приведенія въ извѣстность всѣхъ долговъ и поберегла бы свое достояніе для внуковъ. Я не могъ быть на похоронахъ своего дяди потому, что въ день похоронъ долженъ былъ выѣхать для осмотра Орловско-Витебской желѣзной дороги передъ открытіемъ части ея между Витебскомъ и Рославлемъ. На

похоронахъ же двоюроднаго брата я былъ, а равно и при отправленіи его гроба съ Петербургской станціи Николаевской желѣзной дороги. Отецъ и сынъ похоронены въ монастырѣ въ Рязани. Убитая горемъ тетка моя Замятнина искренно благодарила меня за участіе, принятое мною во время болѣзни ея мужа и сына и при похоронахъ послѣдняго.

Въ концѣ августа назначены были подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссіи для освидѣтельствованія дорогъ Грязе-Елецкой и Шуйско-Ивановской передъ ихъ открытіемъ. Ф. И. Таубе былъ почти постояннымъ членомъ подобныхъ комиссій. Поѣздкою на Грязе-Елецкую дорогу я воспользовался для осмотра Московско-Рязанско-Козловской дороги съ вѣтвью къ Моршанску. Комиссія, свидѣтельствовавшая Грязе-Елецкую дорогу, нашла возможнымъ открыть по ней движеніе съ тѣмъ, чтобы по временному мосту черезъ р. Донъ, по причинѣ крутыхъ къ нему скатовъ, поѣзда проходили медленно и состояли изъ опредѣленнаго умѣреннаго числа вагоновъ. Впрочемъ, каменныя работы постояннаго желѣзнаго моста были въ это время окончены. Въ Ельцѣ встрѣтилъ насъ состоявшій тогда при работахъ упомянутой дороги инженеръ Кислаковскій (Діодоръ Ивановичъ, впослѣдствіи статскій совѣтникъ). Онъ такъ глупо отвѣчалъ на всѣ мои вопросы, что я и члены комиссіи предположили, что онъ пьянъ. Но на другое утро онъ продолжалъ говорить вздоръ, такъ что мы убѣдились, что онъ просто глупъ. Поляковъ держалъ его на службѣ при дорогѣ, вѣроятно, въ угоду брату Кислаковскаго, Виктору, очень умному человѣку, ближайшему помощнику Полякова по всѣмъ его дѣламъ.

При освидѣтельствованіи Грязе-Елецкой желѣзной дороги Поляковъ былъ весьма встревоженъ тѣмъ, что въ это время въ комитетѣ министровъ разсматривалось дѣло по концессіи на Харьково-Азовскую желѣзную дорогу, которую онъ началъ строить по договору, заключенному съ нимъ 1 марта 1868 года, и на которую онъ уже ставилъ рельсы. Объ этомъ договорѣ я уже говорилъ выше, а также и о томъ, что предложеніе управляющаго министерствомъ финансовъ Грейга о производствѣ новыхъ торговъ на концессію означенной дороги не было принято, а достройка ея предоставлена Полякову, чѣмъ послѣдній былъ обязанъ Мельникову, который былъ къ нему очень расположенъ съ конца 1867 года.

Мельниковъ, немедля послѣ засѣданія, въ которомъ обсуждалось упомянутое дѣло, выѣхалъ въ Харьковъ. Полякову очень хотѣлось встрѣтить его въ Курскѣ, какъ министра и какъ человѣка, отъ котораго онъ могъ узнать подробности засѣданія, внесенныя въ положеніе комитета министровъ, еще не утвержденное Государемъ. Съ другой стороны онъ очень желалъ, чтобы открытіе Грязе-Елецкой желѣзной дороги совпадало со днемъ тезоименитства Государя, 30 августа, вслѣдствіе чего рѣшился остаться и пригласить въ Елецъ ко дню открытія многихъ лицъ и въ числѣ ихъ Орловскихъ губернатора и епископа.

Я воспользовался этимъ временемъ для поѣздки въ имѣніе сестры с. Колодезское, а оттуда въ Задонскъ. Въ Колодезскомъ управлялъ умершій

осенью того же года зять Ивана Ермолаевича Музалькова. Его замѣнилъ Задонскій аптекарь Николай Андреевичъ Ульрихъ, женившійся на его дочери, внучкѣ Ивана Ермолаевича, надѣлавшій много убытковъ и непріятностей моей сестрѣ. Въ с. Колодезскомъ гостили со мною инженеры, бывшіе въ комиссіи по освидѣтельствованію Грязе-Елецкой желѣзной дороги. Въ Задонскѣ я былъ у моей тетки княжны Татьяны Андреевны Волконской и у архимандрита Димитрія.

30-го августа я пріѣхалъ въ Елецъ, гдѣ нашелъ Орловскихъ епископа и губернатора Михаила Николаевича Лонгинова, стараго моего хорошаго знакомаго. Торжество открытія дороги началось молебствіемъ съ водосвятіемъ и окропленіемъ зданій святою водою.

Оно совершалось епископомъ, несшимъ въ рукѣ крестъ, а ближайшимъ къ нему лицомъ былъ Поляковъ, еврей. Это сближеніе креста и еврея меня очень занимало.

Столы для обѣда были накрыты на платформѣ Елецкой станціи. За обѣдомъ, конечно, были рѣчи и между прочими говорилъ Лонгиновъ. Дмитрій Павловичъ Зуевъ, хорошій цѣнитель подобныхъ рѣчей, находилъ, что моя рѣчь была лучшею; между тѣмъ я не приготовлялъ моихъ рѣчей къ этимъ обѣдамъ, а говорилъ то, что въ ту минуту приходило въ голову, и потому вскорѣ забывалъ про содержаніе.

Изъ Ельца я поѣхалъ черезъ Рязань и Москву на Шуйско-Ивановскую жел. дорогу. Дорога, за исключеніемъ одного большого постояннаго моста, была окончена и вообще хорошо исполнена. Въ особенности были прочно устроены станціи и гражданскія зданія на пути. Послѣднія были готовы еще въ предшествовавшемъ году съ тѣмъ, чтобы ко введенію въ нихъ служащихъ на дорогѣ онѣ успѣли высохнуть. Онѣ были мною осмотрѣны въ поѣздку мою въ сентябрѣ 1867 года. Лѣсъ, употребленный на строенія, а равно на шпалы, былъ прочный и толще, чѣмъ требовалось министерствомъ путей сообщенія. Рабочіе люди были помѣщены въ хорошихъ баракахъ и получали исправно хорошую плату. Лазареты были въ большомъ порядкѣ.

Строителемъ дороги былъ одинъ изъ ея учредителей, крестьянинъ И. А. Бусуринъ, человѣкъ весьма замѣчательный. Большая часть шпалъ подъ рельсами были такъ широки, что ремонтъ балласта между ними былъ затруднителенъ. На сдѣланное мною въ этомъ смыслѣ заявленіе, Бусуринъ отвѣчалъ, что онъ не ожидалъ подобнаго замѣчанія, употребляя самые лучшіе матеріалы въ надеждѣ, что никто изъ начальствующихъ его за это не упрекнетъ. Рабочіе любили Бусурина, такъ какъ онъ часто давалъ имъ довольно большія деньги на вино.

Бусуринъ родомъ изъ Владимірской губ. Говорятъ, что онъ въ молодости былъ пойманъ въ конокрадствѣ и исключенъ крестьянами села, въ которомъ онъ родился, изъ ихъ общества. Это такъ на него подѣйствовало, что онъ сдѣлался честнымъ и богобоязненнымъ. При постройкѣ желѣзной дороги между двумя столицами онъ былъ простымъ рабочимъ, вскорѣ

сдѣлался десятникомъ, а потомъ приказчикомъ М. Я. Вейсберга, который былъ передъ тѣмъ въ 1844 и 1845 годахъ подрядчикомъ по перестройкѣ мною части Нижегородскаго шоссе.

Вейсбергъ, за усердіе и честность Бусурина, сдѣлалъ его дольщикомъ по подряду на Николаевской дорогѣ, а впослѣдствіи вполнѣ передалъ подрядъ на ниже изложенныхъ условіяхъ. Бусуринъ почти всегда всѣмъ говорилъ ты. Во время управленія мною министерствомъ путей сообщенія, онъ, имѣя уже много золотыхъ медалей на шеѣ, въ томъ числѣ и на Андреевской лентѣ, говорилъ мнѣ:

— Ты, ваше превосходительство, непремѣнно дай мнѣ крестикъ (т.-е. орденъ).

На мое замѣчаніе, что крестьянамъ орденовъ не даютъ, а потому, для представленія его къ ордену, онъ долженъ записаться въ купцы, Бусуринъ отвѣчалъ:

— Я родился крестьяниномъ и умру крестьяниномъ; не только купцомъ, да и генераломъ быть не хочу.

Когда я передавалъ объ этомъ К. В. Чевкину (умершему въ Ниццѣ 3 ноября 1875 года), онъ въ шутку сказалъ, что придется выдумать для Бусурина званіе почетнаго крестьянина, чтобы возможно было дать ему орденъ. Однако же министръ путей сообщенія, генералъ-адъютантъ К. Н. Посьетъ, исходатайствовалъ Бусурину въ 1874 году орденъ св. Станислава 2-ой степени, а такъ какъ законами не предполагалось давать орденовъ крестьянамъ, то и неизвѣстно, какими правами пользуется новый кавалеръ Бусуринъ.

Когда послѣдній долго хлопоталъ о концессіи на Муромскую желѣзную дорогу, онъ неоднократно приходилъ съ своею просьбою къ бывшему въ то время предсѣдателемъ департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ К. В. Чевкину, который заявлялъ ему, Бусурину, что, любя его, онъ готовъ быть ему полезнымъ.

Въ одно изъ своихъ посѣщеній Бусуринъ сказалъ Чевкину:

— Что ты, ваше высокопревосходительство, меня любишь-то любишь, это я знаю, да и крючки ты ставить больно любишь; такъ ужъ по моему дѣлу большихъ-то крючковъ не ставь, ну, а только маленькіе, пожалуй.

На разсказъ мой Бусурину о томъ, какъ Вейсбергъ желалъ, чтобы я переѣхалъ въ его домъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что знаетъ Вейсберга за весьма хорошаго человѣка, чему можетъ привести много доказательствъ и между прочимъ постоянную его признательность мнѣ и способъ его поведенія съ Бусуринымъ. При этомъ сказалъ, что Вейсбергъ, говоря обо мнѣ съ горячею благодарностію, прибавлялъ всегда:

— Понятно, что многіе инженеры помогаютъ подрядчикамъ, потому что имѣютъ въ этомъ свои выгоды, но баронъ помогалъ всѣми законными средствами и безъ всякой для себя пользы; вотъ это всегда меня удивляло и пріучило благоговѣть передъ барономъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Бусуринъ мнѣ разсказывалъ о своихъ отношеніяхъ къ Вейсбергу. Послѣдній, въ бытность подрядчикомъ на Николаевской желѣзной дорогѣ, замѣтивъ въ Бусуринѣ способности и любовь къ труду, сдѣлалъ его приказчикомъ, а вскорѣ предоставилъ ему долю въ подрядѣ, котораго расчеты продолжалъ вести самъ, такъ что Бусурину неизвѣстно было о выгодахъ, даваемыхъ подрядомъ.

Вейсбергъ, не кончивъ подряда, пожелалъ съ нимъ развязаться, о чемъ объяснилъ Бусурину, предлагая послѣднему или получить отъ Вейсберга слишкомъ 25 тыс. руб. выгоды, приходившейся на долю Бусурина, или принять на себя, взамѣнъ этихъ денегъ, окончаніе подряда, такъ какъ, по выгодности послѣдняго, онъ долженъ дать большіе барыши. Безденежному крестьянину, конечно, пріятно было получить вдругъ 25 тыс. руб., но Бусуринъ послѣдовалъ совѣту Вейсберга, принялъ на себя окончаніе подряда, съ котораго барыши значительно превзошли эту сумму, такъ что онъ считалъ себя обязаннымъ Вейсбергу, котораго доброту очень восхвалялъ.

Комиссія, осматривавшая Шуйско-Ивановскую желѣзную дорогу, нашла возможнымъ открыть по ней движеніе. Учредители, желая придать этому открытію торжественность и пригласить къ нему нѣсколько лицъ изъ Петербурга, Москвы, Нижняго-Новгорода и Владиміра, предположили сдѣлать обѣдъ 16 сентября. Послѣ освидѣтельствованія Шуйско-Ивановской желѣзной дороги, я осмотрѣлъ Нижегородскую и Троицкую жел. дороги и проѣхалъ снова изъ Москвы на ст. Новки съ весьма большимъ числомъ лицъ, приглашенныхъ учредителями.

На ст. Новки молебенъ служилъ Владимірскій епископъ, потомъ всѣ приглашенные проѣхались по дорогѣ. На каждой станціи молебенъ служило мѣстное духовенство. По возвращеніи на станцію Новки обѣдали въ мастерской. Обѣдъ былъ великолѣпный. Конечно, произнесены были рѣчи, изъ которыхъ наиболѣе понравились моя и вице-директора департамента торговли и мануфактуръ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Андреевича Ермакова. Мнѣ по обыкновенію долго аплодировали.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, была назначена комиссія, подъ моимъ предсѣдательствомъ, для освидѣтельствованія участка Орловско-Витебской жел. дороги отъ Витебска до Рославля на протяженіи 250 верстъ. Комиссія выѣхала 1-го октября по Петербурго-Варшавской жел. дорогѣ. Новый товарищъ министра путей сообщенія, графъ В. А. Бобринскій, въ тотъ же день выѣхалъ по той же дорогѣ въ отпускъ. Въ одномъ поѣздѣ съ нами ѣхали директоры правленія Орловско-Витебской жел. дороги и ея строители, между прочими сенаторъ Гернгроссъ, баронъ Френкель, отставной инженеръ путей сообщенія Садовскій и Губонинъ.

Въ Лугѣ по ихъ заказу былъ приготовленъ великолѣпный обѣдъ, но я отъ него отказался, заявивъ, что я буду ѣсть то, что приготовлено для всѣхъ пассажировъ. Такъ продолжалъ я до самаго Витебска. Отъ этого же города до Рославля буфеты на станціяхъ еще не были открыты, и потому я долженъ былъ принимать обѣды, ужины и завтраки, изготовлен-

ные по заказу строителей жел. дорогъ, которыми они распорядились съ излишнею роскошью: они были приготовляемы извѣстнымъ петербургскимъ ресторатором Дюссо, который высылалъ своихъ поваровъ, прислугу и всѣ принадлежности для стола заблаговременно, такъ что все было заготовляемо къ нашему пріѣзду на станціи, на которыхъ были назначены завтраки, обѣды и ужины. На тѣхъ станціяхъ, гдѣ кухни были не готовы или малы, были расположены костры для приготовленія кушаній.

Эти слишкомъ великолѣпные обѣды подали поводъ говорить, что комиссіи, свидѣтельствующія жел. дороги передъ ихъ открытіемъ, закармливаются строителями. Во избѣжаніе этого, въ 1871 году, управляющій министерствомъ путей сообщенія генералъ-маіоръ Алексѣй Павловичъ Бобринскій назначилъ предсѣдателямъ и членамъ комиссій, свидѣтельствующимъ жел. дороги, особыя суточныя деньги на столъ. Эта мѣра, казавшаяся мнѣ странною въ томъ отношеніи, что нельзя же было предполагать, чтобы члены комиссіи за нѣсколько вкусныхъ кушаній дали неправильныя показанія объ освидѣтельствованныхъ ими дорогахъ,—ни къ чему не привела. Буфетовъ и поваровъ нѣтъ на неоткрытыхъ дорогахъ, а потому члены комиссій невольно ѣли обѣды, приготовленные строителями дорогъ. Обѣды были также роскошны, и конечно для ихъ приготовленія недостаточно было денегъ, отпускаемыхъ членамъ комиссій. Эта мѣра послужила только къ напрасному расходу изъ казны и къ напрасному оскорбленію членовъ комиссій.

Несмотря на довольно сильные морозы, членъ комиссіи, свидѣтельствовавшей Орловско-Витебскую дорогу, инженеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ф. И. Таубе не сходилъ съ прицѣпленной къ поѣзду открытой платформы, съ которой удобнѣе было осматривать уложенный путь.

Я уже говорилъ, что Таубе былъ очень хорошій человѣкъ, но имѣлъ странности, присущія почти всѣмъ нѣмцамъ въ русской службѣ, именно, кичился своимъ чиномъ и предпочиталъ нѣмцевъ Русскимъ. Производителемъ работъ 1 дистанціи былъ инженеръ русскаго происхожденія, и Таубе замѣтилъ на первыхъ верстахъ нѣсколько неисправностей, не имѣвшихъ значенія.

Кто-то шепнулъ производителю работъ, чтобы онъ не забывалъ, отвѣчая Таубе, употреблять почаще слово «ваше превосходительство». Онъ послушался, и замѣчанія Таубе прекратились, хотя послѣднія версты 1-ой дистанціи были такія же, какъ и первыя. Я говорилъ выше, что инспекція Орловско-Витебской жел. дороги на время ея постройки не была подчинена главной инспекціи и что инспекторомъ ея былъ назначенъ инженеръ генералъ-маіоръ Василій Степановичъ Семичевъ (впослѣдствіи въ отставкѣ тайный совѣтникъ), строившій въ то же время Московско-Курскую дорогу.

Онъ встрѣтилъ меня въ Витебскѣ. Въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній» я изложилъ отношенія Семичева къ Орловско-Витебской жел. дорогѣ, на которой во все время ея постройки онъ не былъ ни разу и потому

не могъ мнѣ дать никакихъ свѣдѣній о ней. Все это было извѣстно министру путей сообщенія Мельникову, который не переставалъ, однако, считать Семичева честнымъ человѣкомъ и лучшимъ инженеромъ во всемъ вѣдомствѣ путей сообщенія.

Комиссія нашла возможнымъ открыть движеніе по участку отъ Витебска до Рославля. Строители дороги пригласили въ Смоленскъ къ торжественному, по случаю открытія, обѣду многихъ лицъ изъ Петербурга и окрестныхъ губерній. Передъ обѣдомъ 10-го октября я чувствовалъ разстройство желудка, но по убѣжденію строителей рѣшился, принявъ гомеопатическія капли nux vomica, быть на обѣдѣ. Я всегда смѣялся надъ гомеопатіей, но долженъ сознаться, что она мнѣ вполнѣ помогла.

Обѣдъ, данный въ большой залѣ дворянскаго собранія, въ которой едва могли помѣститься всѣ приглашенные, былъ весьма роскошенъ.

За обѣдомъ было много рѣчей. Особеннаго вниманія были удостоены рѣчи моя и графа Г. А. Строганова, мужа великой княгини Маріи Николаевны, приглашеннаго по званію предсѣдателя совѣта главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Когда Скарятинъ, редакторъ издававшейся въ то время крѣпостнической газеты «Вѣсть», сказалъ что-то въ духѣ этой газеты, это не понравилось присутствующимъ, которые начали шикать, несмотря на то, что большинство обѣдавшихъ состояло изъ Смоленскихъ дворянъ.

Скарятинъ желалъ заглушить шиканье, сталъ на стулъ и началъ говорить громче, но шиканье увеличилось, и я для прекращенія скандала приказалъ стоявшей за мной, выписанной изъ Петербурга, музыкѣ Кавалергардскаго полка играть слѣдующую по росписанію пьесу. Скарятинъ былъ вдали отъ меня, и я не видалъ, какъ онъ вышелъ изъ залы.

Этотъ обѣдъ и упомянутый скандалъ были описаны весьма даровитымъ фельетонистомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» Суворинымъ, подписывавшимъ свои статьи «Незнакомецъ». Въ этомъ описаніи онъ съ особенною похвалою отзывался о моемъ краснорѣчіи.

Во время постройки желѣзныхъ дорогъ ихъ строители содержатъ временную эксплоатацію, а въ день открытія передаютъ ее въ вѣдѣніе правленія дороги, которое назначаетъ для постоянной эксплоатаціи новыхъ служащихъ. Это одна изъ многихъ причинъ, по которымъ на нашихъ дорогахъ, вскорѣ по ихъ открытіи, случаются разныя происшествія. Такъ было и на Орловско-Витебской желѣзной дорогѣ.

Въ самый день открытія, когда приглашенныя къ нему лица пріѣхали на Смоленскую станцію, чтобы ѣхать въ Петербургъ, на ней не было распорядителя. Бывшій начальникъ станціи при временной эксплоатаціи считалъ себя уволеннымъ, а новый не поступилъ еще, или по крайней мѣрѣ не зналъ своихъ обязанностей. Даже мнѣ, главному инспектору, и состоящему при мнѣ инженеру Ратькову-Рожнову никто не могъ указать мѣстъ въ вагонахъ, и я могъ бы остаться на станціонной платформѣ, если бы графъ Строгановъ не пригласилъ меня въ прицѣпленный къ поѣзду вагонъ главнаго общества, въ которомъ онъ пріѣхалъ изъ Петербурга.

17-го октября Высочайше разрѣшена концессія на желѣзную дорогу отъ Тамбова до Саратова. Она была дана на 85 лѣтъ земствамъ Саратовской губерніи и Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губерніи, совмѣстно съ обществомъ г. Саратова, обязавшимся образовать акціонерное общество для сооруженія дороги. Длина ея по концессіи назначена въ 340 верстъ. Дорога строится съ земляным полотномъ для двухъ путей и съ однимъ рельсовымъ путемъ. Основной капиталъ общества въ 27.734.236 руб. мет. образуется выпускомъ акцій на 7.573.326 руб. мет. и облигацій на 20.160.910 руб. мет.

Означенныя земства и общество г. Саратова гарантируютъ акціи въ продолженіи 85-лѣтняго владѣнія общества дорогою 5—5½%. На собранный по акціямъ капиталъ общество строитъ первый участокъ отъ Тамбова на протяженіи 110 верстъ, а объ условіяхъ реализаціи облигаціоннаго капитала оно, во время постройки означеннаго участка дороги, имѣетъ представить правительству.

Стоимость версты, назначенная въ 81.571 руб., явно была преувеличена, и мнѣ неизвѣстно, на чемъ основывалось ея допущеніе, такъ какъ, за частыми моими отлучками изъ Петербурга, я не присутствовалъ въ комиссіи по важнымъ вопросамъ, относящимся до желѣзныхъ дорогъ, во время обсужденія ею концессіи желѣзной дороги между Тамбовомъ и Саратовомъ.

Инспекціи по сооруженію этой дороги, равно и по сооруженію дороги отъ Сергіевскаго посада до Ярославля не были мнѣ подчинены, такъ какъ министръ путей сообщенія Мельниковъ принялъ уже за правило, какъ объяснено мною прежде, не подчинять инспекцій строющихся частныхъ желѣзныхъ дорогъ главному инспектору этихъ дорогъ.

18-го октября воспослѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе о порядкѣ испрошенія концессій на желѣзныя дороги и конкуренціи между соискателями:

«Государь Императоръ, по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о порядкѣ испрошенія концессій на желѣзныя дороги и конкуренціи между соискателями, въ 18 день октября сего года Высочайше повелѣть соизволилъ:

«1. Концессіи предварительно разсматриваются въ комитетѣ министровъ, который, при поднесеніи оныхъ на Высочайшее усмотрѣніе, вмѣстѣ съ тѣмъ постановляетъ: слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ вызвать соискателей на конкуренцію между собою.

«2. Министръ финансовъ испрашиваетъ всеподданнѣйшимъ докладомъ Высочайшее соизволеніе на приглашеніе къ конкуренціи лицъ, допущеніе которыхъ онъ признаетъ для дѣла полезнымъ.

«3. Предложенія присылаются къ министру финансовъ въ запечатанныхъ конвертахъ и открываются въ совѣтѣ министра финансовъ. Въ засѣданіе совѣта приглашаются соискатели.

«4. Соискателямъ объявляется: а) что тотъ, за которымъ остается дѣло, долженъ будетъ возмѣстить расходы по изысканіямъ казнѣ, если оные произведены по распоряженію правительства, частнымъ лицамъ, если

произведены ими; сумма вознагражденія опредѣляется: въ первомъ случаѣ дѣйствительно сдѣланнымъ расходомъ, а во второмъ по обоюдному соглашенію, или по назначенію министра путей сообщенія, въ случаѣ если соглашеніе не состоится; б) что комитетъ министровъ разсмотритъ представленныя предложенія и поднесетъ на Высочайшее благоусмотрѣніе свое заключеніе о принятіи одного изъ предложеній или объ отклоненіи оныхъ».

Это постановленіе просуществовало всего два года и было замѣнено Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся 30 декабря 1870 года. О выгодахъ и недостаткахъ обоихъ этихъ постановленій подробно изложено въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній».

Въ октябрѣ 1868 года скончался праздновавшій въ этомъ году 50-лѣтній юбилей въ архіерейскомъ санѣ митрополитъ Московскій Филаретъ. Этотъ очень ученый и краснорѣчивый іерархъ былъ весьма уважаемъ. Для похоронъ его былъ посланъ изъ Петербурга членъ Святѣйшаго Синода, митрополитъ Кіевскій Арсеній, и съ нимъ пріѣхалъ въ Москву оберъ-прокуроръ Синода и министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой. Сколько мнѣ извѣстно, оба они не любили покойнаго и послѣдній выказалъ даже свое нерасположеніе тѣмъ, что не провожалъ тѣла по желѣзной дорогѣ до Сергіе-Троицкой Лавры, гдѣ оно предано землѣ.

Долго говорили о томъ, что тѣло митрополита повезутъ или даже понесутъ по шоссе, находя почему-то неприличнымъ везти его по желѣзной дорогѣ, но когда было рѣшено перевезти тѣло по этой дорогѣ, я отправился въ Москву, большая часть жителей которой была огорчена понесенною потерею.

Для Кіевскаго митрополита и другихъ іерарховъ былъ назначенъ особый вагонъ, гробъ же съ тѣломъ покойнаго митрополита былъ поставленъ на открытую платформу, на которой находилось нѣсколько духовныхъ лицъ и въ ихъ числѣ уже тогда престарѣлый намѣстникъ Троицкой Лавры, архимандритъ Антоній. Въ виду каждой церкви поѣздъ останавливался и пѣли литію. Послѣ каждой остановки викарій Московской епархіи Леонидъ хотѣлъ оставаться на платформѣ, а не сидѣть въ вагонѣ, однако я его уговаривалъ, въ виду довольно сильнаго мороза съ вѣтромъ, ѣхать въ вагонѣ. Только на послѣдней передъ Лаврою станціи, на которую выходили для пѣнія литіи всѣ монахини Хотькова монастыря, преосвященный Леонидъ остался на платформѣ и, по пріѣздѣ на станцію Сергіевскаго посада, заявилъ мнѣ сожалѣніе, что не ѣхалъ всю дорогу на платформѣ подлѣ тѣла, какъ это исполнилъ архимандритъ Антоній. Но онъ это говорилъ потому, что проѣхалъ на платформѣ только 11 верстъ, а не 66, на проѣздъ которыхъ съ остановками для литій было употреблено довольно продолжительное время.

8-го ноября Высочайше утвержденъ второй дополнительный актъ къ договору 1 (13) октября 1858 года съ обществомъ Варшавско-Бромбергской желѣзной дороги, состоявшій въ предоставленіи этому обществу

построить и эксплоатировать вѣтвь желѣзной дороги въ одинъ путь отъ станціи Александрово, находящейся на упомянутой дорогѣ, до деревни Цѣхоцинскъ, съ 4½% гарантіею правительства, считая по 45 тысячъ руб. на каждую версту вѣтви со дня открытія вѣтви на всемъ протяженіи; открытіе же должно произойти въ теченіе лѣта 1867 года. Замѣчательно, что актъ утверждался въ ноябрѣ 1868 года, тогда какъ вѣтвь была уже открыта для движенія 1 іюля 1867 года. Длина этой вѣтви 7 верстъ.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, были назначены комиссіи подъ моимъ предсѣдательствомъ для освидѣтельствованія участковъ жел. дорогъ Орловско-Витебской отъ Рославля до Орла въ 238 верстъ и Курско-Кіевской отъ Курска до ст. Ворожбы въ 165 верстъ. На первомъ изъ сихъ участковъ, при освидѣтельствованіи котораго повторились пышные завтраки, обѣды и ужины, комиссія нашла необходимымъ произвести нѣкоторыя дополнительныя работы ранѣе открытія по немъ движенія, на что потребовалось около 3-хъ недѣль, такъ что движеніе по участку было открыто только 24 ноября. Это не помѣшало строителямъ дороги, немедля, по освидѣтельствованіи участка между Орломъ и Рославлемъ, дать великолѣпный обѣдъ въ Орлѣ, за которымъ произносились обычныя рѣчи. Этотъ обѣдъ былъ послѣдній, за которымъ я произнесъ рѣчь въ качествѣ главнаго инспектора. Всѣ сказанныя мною рѣчи по случаю открытія желѣзныхъ дорогъ были произнесены экспромтомъ: я не только ихъ не подготавливалъ, но большею частію, ѣхавъ на обѣдъ, не хотѣлъ ничего говорить и только вслѣдствіе убѣжденія строителей дорогъ произносилъ мои импровизированныя рѣчи. Участокъ желѣзной дороги между Курскомъ и ст. Ворожба найденъ въ такомъ состояніи, что онъ могъ быть открытъ немедля по освидѣтельствованіи, именно 14 ноября, въ день рожденія Цесаревны Маріи Ѳеодоровны.

Я уже упомянулъ о томъ, что при представленіи моемъ Цесаревичу, по случаю окончанія занятій комитета по пособію голодающимъ, состоявшаго подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Высочества, Цесаревна благодарила меня за открытіе дороги въ день ея рожденія.

Учредители Курско-Кіевской дороги, П. Г. фонъ-Дервизъ и К. Ѳ. фонъ-Меккъ, сдали постройку первыхъ 200 верстъ отъ Курска инженеру путей сообщенія В. А. Панаеву, который распоряжался ею съ помощію своихъ братьевъ; всѣ они при этомъ нажили большія состоянія. Передъ открытіемъ участка желѣзной дороги отъ Курска до Ворожбы В. А. Панаевъ сошелъ съ ума и находился весьма долго въ этомъ положеніи. Впослѣдствіи онъ выздоровѣлъ, но въ его поступкахъ и теперь много ненормальнаго.

Работы по участку произведены были Панаевымъ тщательно, но комиссія, его свидѣтельствовавшая, находила необходимымъ вписать въ журналъ освидѣтельствованія дороги нѣкоторыя требованія относительно устройства не вполнѣ оконченныхъ на участкѣ работъ и между прочимъ объ укрѣпленіи временныхъ деревянныхъ мостовъ. Требованія эти были вполнѣ законны и нисколько не обременительны въ исполненіи, но пред-

сѣдатель правленія дороги фонъ-Дервизъ находилъ, что онъ не можетъ на нихъ согласиться, не испросивъ мнѣнія всего состава правленія, такъ какъ налицо былъ только, кромѣ его, одинъ директоръ правленія Д. П. Зуевъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ я нашелъ необходимымъ сказать Дервизу, обучавшемуся въ училищѣ правовѣдѣнія, что въ то время, когда инженеры путей сообщенія оказываютъ снисхожденіе, дозволяя открытіе дорогъ не вполнѣ оконченныхъ, только одни юристы, вмѣсто того, чтобы цѣнить это снисхожденіе, приносящее большія выгоды не только краю, но и строителямъ желѣзныхъ дорогъ, дѣлаютъ всякія затрудненія.

Видя, что я ничего не уступаю изъ моихъ требованій, и что въ случаѣ его несогласія подписать журналъ освидѣтельствованія дороги, въ которомъ эти требованія были прописаны, я не разрѣшу открытія дороги, Дервизъ согласился на его подписаніе.

Находя, что торжественные обѣды, даваемые строителями желѣзныхъ дорогъ при ихъ открытіи дѣлаются все болѣе и болѣе роскошными, даже до нелѣпости, я условился съ Меккомъ, чтобы онъ не давалъ подобныхъ обѣдовъ при открытіи участковъ Курско-Кіевской желѣзной дороги, такъ что къ обѣду, по освидѣтельствованіи дороги на ст. Ворожбѣ, были приглашены только члены свидѣтельствовавшей комиссіи и служащіе при дорогѣ. Изъ постороннихъ былъ только мой родной племянникъ баронъ Д. Н. Дельвигъ, окончившій въ этомъ году курсъ ученія въ Александровскомъ лицеѣ и отправлявшійся на службу во вновь учрежденный Одесскій судебный округъ. Отъ Курска до ст. Ворожбы онъ ѣхалъ съ свидѣтельствующею комиссіею, а далѣе, по не открытому участку отъ Ворожбы до Кіева, онъ доѣхалъ по распоряженію Мекка въ служебномъ поѣздѣ.

Я снабдилъ его письмомъ къ главному инженеру Кіево-Балтской желѣзной дороги, Н. Н. Петерсу, въ которомъ просилъ довести моего племянника также въ служебномъ поѣздѣ по неоткрытой еще тогда жел. дорогѣ до Балты. Строитель дороги Филёль, узнавъ отъ Петерса о моей просьбѣ, не только согласился на нее, но сверхъ того мой племянникъ, по его распоряженію, на протяженіи этого пути находилъ роскошные обѣды. Филёль впослѣдствіи разсказывалъ, что проѣздъ моего племянника ему стоилъ нѣсколько тысячъ рублей. Конечно, это ложь, но и о тѣхъ незначительныхъ расходахъ, которые онъ сдѣлалъ для проѣзда моего племянника, его никто не просилъ.

15-го декабря была Высочайше утверждена концессія на Московско-Смоленскую, а 20-го декабря на Новоторжскую желѣзную дорогу. Я уже выше упоминалъ, чѣмъ ограничивались мои занятія по выдачѣ этихъ концессій.

Концессія на Смоленскую желѣзную дорогу была дана на 81 годъ потомственному почетному гражданину Шепелеру и банкирскому дому братьевъ Зульцбахъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, обязавшимся образовать для устройства и эксплоатаціи дороги акціонерное общество. Длина дороги съ вѣтвью

между станціями въ Москвѣ Смоленской и Николаевской желѣзныхъ дорогъ назначена по концессіи въ 397 верстъ; дорога строится съ землянымъ полотномъ въ два пути и съ однимъ рельсовымъ путемъ.

Основной капиталъ общества въ 21.156.130 р. мет., что составляетъ менѣе 53.300 р. мет. на версту, образуется изъ акцій и облигацій; первыя не гарантированныя составляютъ $^1/_4$, а послѣднія съ $5^1/_{10}\%$ правительственной гарантіи $^3/_4$ основного капитала. Концессія на Новоторжскую желѣзную дорогу отъ Осташкова на Николаевской желѣзной дорогѣ до г. Торжка была дана на 81 годъ статскому совѣтнику князю Петру Трубецкому, обязавшемуся образовать для устройства и эксплоатаціи дороги акціонерное общество. Длина дороги назначена по концессіи въ 30 и не болѣе 33 верст., съ поверстною стоимостью въ 46.000 р. Основной капиталъ общества образуется выпускомъ не гарантированныхъ акцій; дорога строится съ землянымъ полотномъ въ одинъ путь.

Я упоминалъ выше, что министръ путей сообщенія Мельниковъ упрекалъ меня, что въ моихъ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» безъ подписи, я утверждалъ, что въ Россіи можно строить желѣзныя дороги по средней цѣнѣ въ 50 тыс. руб.; онъ считалъ это невозможнымъ.

Въ декабрѣ 1868 года я обратилъ его вниманіе, что правленіе Балтійской желѣзной дороги сдало всѣ работы и поставки по дорогѣ Губонину за 33 тыс. руб. кред. за версту и слѣдовательно гораздо ниже предполагавшейся мною средней цѣны. Мельниковъ уже не только не удивлялся этому, но находилъ цѣну, взятую Губонинымъ, не дешевою, основываясь на томъ, что концессіонеры Смоленской желѣзной дороги, представляющей гораздо большія затрудненія въ постройкѣ, взяли нѣсколько болѣе 53.200 р. мет. за версту, и такъ какъ акціи на $^1/_4$ этой суммы не гарантированы и слѣдовательно при невыгодности эксплоатаціи ничего не стоютъ, остается только $^3/_4$ означеннаго капитала, представляемаго гарантированными облигаціями, т.-е., менѣе 40 тыс. руб. за версту. Такъ какъ правительство приняло на себя реализацію облигаціоннаго капитала и выдаетъ по облигаціямъ только 75% ихъ нарицательной цѣны, то стоимость версты Смоленской дороги не превышаетъ 30 тыс. мет. Конечно, сверхъ того остается у учредителей акцій по 13,300 р. на каждую версту, но нельзя ожидать, чтобы онѣ въ скоромъ времени пріобрѣли какую-либо цѣнность.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, въ концѣ ноября 1868 года, назначена была комиссія подъ моимъ предсѣдательствомъ для освидѣтельствованія участка Курско-Кіевской желѣзной дороги между ст. Ворожба и Бровары на протяженіи 250 верстъ. Комиссія нашла работы хорошо произведенными и потому участокъ былъ открытъ 17-го декабря. По заявленному мною желанію никакого торжества по этому случаю не происходило.

Я остановился въ Кіевѣ въ Европейской гостиницѣ, осмотрѣлъ строившійся на желѣзной дорогѣ мостъ черезъ р. Днѣпръ, побывалъ въ Лаврѣ, пещерахъ и другихъ замѣчательныхъ церквахъ, а также и у нѣсколькихъ знакомыхъ и между прочими у Зуевыхъ и Виноградовыхъ. Матери Петра

и Дмитрія Павловичей Зуевыхъ было въ это время около 100 лѣтъ. Она еще работала, много читала и хорошо помнила все читанное.

Дмитрій Павловичъ, получая, сверхъ содержанія по званію инспектора жел. дорогъ, жалованіе какъ директоръ отъ акціонеровъ Курско-Кіевской дороги, помогалъ своей матери и сестрамъ и потому онѣ жили лучше, чѣмъ когда я ихъ посѣщалъ въ 1865 году. Мать Зуевыхъ вскорѣ померла, проживъ болѣе вѣка.

Виноградова была та Анна Петровна Полторацкая, по первому мужу Кернъ, о которой такъ много мною разсказано въ II главѣ «Моихъ воспоминаній». Я увидалъ престарѣлую женщину. Никто бы не могъ повѣрить, что нѣкогда Пушкинъ писалъ о ней:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

На обратномъ переѣздѣ изъ Кіева въ Курскъ, находившійся въ комиссіи инженеръ А. А. Казначеевъ заѣхалъ къ фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому, жившему въ это время въ имѣніи своего брата, въ 81 верстѣ отъ Курска. Я собирался было также заѣхать къ нему, но полѣнился. Верстахъ въ 50 отъ Курска члены комиссіи почувствовали сильное сотрясеніе вагона, въ которомъ сидѣли, такъ что Ф. И. Таубе упалъ на полъ: передняя часть нашего вагона была сильно поломана.

Вскорѣ поѣздъ остановился; мы вышли изъ вагоновъ. Оказалось, что паровозъ сошелъ съ рельсовъ и повалился на откосъ насыпи, машинистъ и кочегаръ опасно ранены. Это случилось на сопряженіи кривой съ прямою на пути, открытомъ для движенія почти за мѣсяцъ, т.-е., 14-го ноября, и съ того времени всѣ поѣзда проходили по этому мѣсту благополучно. Долго стояли мы на мѣстѣ, пока очистили путь и запрягли присланный изъ Курска новый паровозъ. Во все время остановки мы отыскивали причину схода паровоза съ рельсовъ и не пришли ни къ какому заключенію.

Таубе, по выѣздѣ изъ Кіева, получилъ извѣстіе, что на мѣсто умершаго инженера генералъ-маіора Вячеслава Дмитріевича Евреинова онъ назначенъ членомъ совѣта главнаго общества желѣзныхъ дорогъ и въ то время, когда выражалъ свое удовольствіе по случаю этого назначенія, онъ едва не лишился жизни. Въ Курскѣ на станціи я нашелъ Ѳ. В. Чижова, ѣхавшаго на праздники въ Кіевъ. Узнавъ о случившейся съ нами катастрофѣ и не совсѣмъ довѣряя полученной отъ насъ телеграммѣ, онъ съ большимъ безпокойствомъ ожидалъ на станціи нашего пріѣзда.

Телеграфируя министру Мельникову о сходѣ съ рельсовъ нашего поѣзда, я въ то же время телеграфировалъ и женѣ, во избѣжаніе того, чтобы наша катастрофа не дошла до нея въ преувеличенномъ видѣ.

Съ открытія въ 1866 году Рязанско-Козловской желѣзной дороги, каждый годъ въ ноябрѣ получались жалобы на то, что эта дорога, а равно и Московско-Рязанская не перевозятъ въ достаточномъ количествѣ подвозимый на станціи этихъ дорогъ грузъ. Я уже объяснилъ выше, что застой грузовъ происходилъ по невозможности перевозить по одному рельсовому пути всѣхъ грузовъ немедля по доставленіи ихъ на станціи, а грузовъ, назначаемыхъ въ Петербургъ, сверхъ того, по причинѣ отказа Николаевскою желѣзною дорогою перевозить грузы, доставляемые Рязанскою дорогою, вслѣдствіе недостатка подвижного состава на Николаевской дорогѣ, неуспѣвавшей перевозить собственные грузы, т.-е., доставляемые на ея Московскую станцію. Но осенью 1868 года, по сдачѣ Николаевской желѣзной дороги главному обществу желѣзныхъ дорогъ, ея подвижной составъ былъ увеличенъ и прежній лучше ремонтировался, такъ что его недостатокъ не могъ въ ноябрѣ 1868 года въ прежней степени вліять на движеніе по Рязанской и Козловской желѣзнымъ дорогамъ.

Сверхъ того, товароотправители жаловались министру путей сообщенія Мельникову не на одну медленность перевозки грузовъ по дорогамъ, но на многія другія стѣсненія. Жалобы ихъ доходили до шефа жандармовъ, до министра финансовъ и даже до Государя. Мельниковъ, очень озабоченный этими жалобами, по полученіи 2-го декабря телеграммы отъ товароотправителей и получателей на безпорядокъ управленія Московско-Рязанской желѣзной дороги, передалъ мнѣ ее съ просьбою принять мѣры для уничтоженія этихъ безпорядковъ.

Это порученіе послужило поводомъ къ оставленію мною должности главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ, а потому я его опишу подробно. Лично вполнѣ удостовѣрившись въ превосходящихъ всякое вѣроятіе безпорядкахъ по веденію дѣлъ правленіемъ Рязанской дороги и на товарной ея станціи, я донесъ о нихъ Мельникову, но, въ виду новости у насъ желѣзнодорожнаго дѣла, не хотѣлъ всего подробно описывать, а нашелъ достаточнымъ передать о нихъ Мельникову словесно, равно какъ и о собранныхъ мною изъ вѣрныхъ источниковъ свѣдѣніяхъ о томъ, что помощникъ управляющаго дорогою по движенію Гиппнеръ дѣлаетъ всякаго рода стѣсняющія товароотправителей злоупотребленія, которыя доставляютъ ему значительныя выгоды. Привожу буквально сдѣланное мною по этому дѣлу представленіе министру Мельникову отъ 28 декабря 1868 года № 1478:

«По жалобѣ, присланной къ вашему превосходительству телеграммою отъ 2-го сего декабря отъ отправителей и получателей, на безпорядки управленія Московско-Рязанской дороги я, по приказанію вашего превосходительства отъ 3-го декабря, поручилъ инспектору дороги разслѣдовать жалобы, увѣдомивъ жалующихся, что въ половинѣ декабря буду въ Москвѣ для содѣйствія къ возстановленію порядка.

«Въ проѣздъ на Курско-Кіевскую дорогу, въ бытность мою въ Москвѣ,

подписавшіе депешу къ вашему превосходительству подали мнѣ докладную записку съ двумя къ оной дополненіями*).

«Изъ письменныхъ заявленій, при семъ прилагаемыхъ**), и словесныхъ жалобъ, принесенныхъ мнѣ на мѣстѣ, оказывается, что главныя жалобы торгующихъ заключаются въ слѣдующемъ:

«1. На перенесеніе товарной станціи на Сокольничье поле.

«2. На безпорядки, происходящіе отъ медленности выдачи документовъ на товары, неправильность этихъ документовъ и расчетовъ по нимъ, и въ особенности неправильность расчетовъ за полежалое.

«3. На небрежную выгрузку товаровъ и растрату оныхъ.

«4. На несоблюденіе управленіемъ дороги правилъ перевозки грузовъ, изданныхъ правленіемъ общества.

«5. На недостатокъ служащихъ на товарныхъ станціяхъ.

«6. На дерзкое обращеніе съ получателями и отправителями вообще служащихъ при дорогѣ и въ особенности помощника управляющаго дорогою Гиппнера и начальника станціи Мацкевича.

«При этомъ товароотправители и получатели въ докладной запискѣ переименовали нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, указывающихъ на безпорядочную выдачу товаровъ.

«По осмотрѣ товарной станціи въ Москвѣ и вновь устроенной на Сокольничьемъ полѣ, повѣривъ на мѣстѣ нѣкоторыя изъ жалобъ торгующихъ и убѣдившись въ справедливости оныхъ, я поручилъ помощнику инспектора дороги, инженеръ-титулярному совѣтнику Іолшину, разслѣдовать подробно безпорядки, о коихъ упомянуто въ докладной запискѣ, и разслѣдовать жалобы товароотправителей на неправильныя дѣйствія и безпорядки управленія Московско-Рязанской желѣзной дороги.

«Произведенныя разслѣдованія показали слѣдующее:

«1. Укупорка товара страдаетъ много отъ крайне небрежной выгрузки его, передвиженія кулей желѣзными крючьями и безпорядочной навалки тяжелаго въ жестяной оболочкѣ товара на кулевой; особливо повреждается товаръ, вгружаемый по недостатку товарной платформы на подстилы, составленные изъ ряда настланныхъ несплоченныхъ между собою досокъ, жердей, обрубковъ и разнаго браку; кули и мѣшки при ударѣ о неровную поверхность ихъ весьма легко прорываются.

«2. Выпавшій сквозь щели и поврежденную оболочку товаръ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возвращается въ свое мѣсто; обыкновенно же его собираютъ въ особые, такъ называемые, *запасы*, изъ которыхъ въ случаѣ особенно настоятельныхъ требованій пріемщика пополняется недостающій товаръ;

---

*) Они ожидали моего пріѣзда на Московской станціи Николаевской желѣзной дороги и, не дозволивъ мнѣ ѣхать въ городъ, чтобы переодѣться, требовали, чтобы я немедля отправился на товарную станцію Рязанской желѣзной дороги, опасаясь, что управленіе успѣетъ до моего возвращенія многое исправить и скрыть отъ меня. Я исполнилъ ихъ требованіе.

**) Приложеніе этихъ документовъ здѣсь было бы излишне.

злоупотребленіе нерѣдко доводитъ до того, что кули и мѣшки съ зерновымъ хлѣбомъ пополняются сметаемымъ съ товарныхъ платформъ соромъ.

«3. Зашивка кулей и мѣшковъ и починка разбитыхъ тюковъ артельщиками неправильно возлагается на извозчиковъ, прибывающихъ за грузомъ; послѣдніе за потраченное время вознаграждаютъ себя возвышеніемъ провозной платы на счетъ товароотправителей.

«4. Товаръ складывается въ неправильныя кучи; какъ между вагонными партіями его, такъ и по краямъ платформъ для надлежащаго осмотра и прохода не оставляется мѣста, вслѣдствіе чего пріемка товара безъ развалки всей кучи совершенно невозможна, а ходьба по платформамъ при движеніи мимо нихъ поѣздовъ не безопасна.

«5. Товаръ, складываемый на открытыя платформы, брезентами не укрывается, а мѣстами выложенъ прямо на землю.

«6. Сваленныя на землю въ кучи мясныя партіи разъѣдаются животными не только ночью, но и днемъ, отъ отсутствія всякаго присмотра.

«7. Самое полученіе товара сопряжено съ большими затрудненіями по недостатку личнаго состава служащихъ, небрежному исполненію ими обязанностей и грубому обхожденію съ товаруполучателями; вслѣдствіе этихъ причинъ весьма часто взимаются штрафныя деньги за неуборку въ срокъ товара, не прибывшаго еще на станцію назначенія или не выданнаго по ошибкѣ, или неисправности служащихъ; товаруполучатель, принужденный слѣдить лично за прибытіемъ своего груза, ежедневно обходитъ весь товарный дворъ, чтобы отыскать товаръ свой по наружности; служащихъ, обязанныхъ надписывать принадлежность груза и указывать мѣсто склада товара—вагонныхъ грузчиковъ, крайне недостаточно и исполнять этого дѣла они не успѣваютъ. По недостаточности служащихъ при конторахъ, взиманіе провозныхъ денегъ и выдача пропускныхъ ярлыковъ производится чрезвычайно медленно, квитанціи прописываются сокращенно, накладныя не свѣряются передъ вписываніемъ ихъ въ приходную грузовую книгу съ соотвѣтствующими вагонными листами,—результатомъ чего являются безчисленныя ошибки въ неправильномъ взиманіи за полежалое и задержки въ выдачѣ товаровъ.

«8. Весь товарный дворъ Московской станціи, вмѣщающій свыше 700 пог. саж. платформъ съ 350 тыс. пуд. груза, суточный приходъ коего превосходитъ 200.000 пуд., подлежитъ вѣдѣнію одного лишь смотрителя, на обязанности котораго непосредственное наблюденіе за выгрузкою, храненіемъ и выдачею товара, разборъ ошибокъ и спорныхъ вопросовъ, составленіе актовъ на случай поврежденія или утраты товара.

«9. Крайне недостаточенъ личный составъ выгрузной артели.

«10. По разслѣдованіи жалобъ на безпорядки и неправильныя дѣйствія управленія дороги, изложенныхъ въ докладной запискѣ, прилагается при семъ особая вѣдомость, изъ которой видно, что всѣ жалобы товароотправителей и получателей при разслѣдованіи подтвердились и помощникомъ управляющаго дорогою г. Гиппнеромъ большею частію объяснены ошиб-

кою со стороны служащихъ, а грубое и дерзкое его, Гиппнера, обращеніе съ товароотправителями подтвердилось особымъ прошеніемъ на имя помощника инспектора, при семъ прилагаемымъ*).

«11. Относительно жалобы товароотправителей и получателей на переносъ товарныхъ платформъ на Сокольничье поле, то по недостаточности мѣста выгрузки на старомъ дворѣ и въ виду постоянно возрастающаго движенія по дорогѣ, перемѣщеніе товарной станціи на новое, болѣе обширное мѣсто, признаю необходимымъ. Жалобу же торгующихъ на то, что управленіе дороги перенесло товарную станцію на мѣсто, гдѣ нѣтъ мостовой на дворѣ, и что выѣздъ со двора въ Гавриковъ переулокъ не мощеный и не просыхающій даже лѣтомъ, весною будетъ положительно невозможенъ, признаю совершенно основательною.

«На основаніи всего вышеизложеннаго и личнаго моего осмотра нахожу необходимымъ:

«I. *По предмету перенесенія товарной станціи на Сокольничье поле:*

«а) Такъ какъ переносъ товарной станціи необходимъ, и въ настоящее время на Сокольничьемъ полѣ устроено 700 пог. саж. платформъ съ надлежащими путями и товарною конторою и самая выгрузка товара уже производится на Сокольничьемъ полѣ, между тѣмъ проектъ этой станціи еще не утвержденъ, а представленъ мною при рапортѣ 2-го ноября № 1200, то при утвержденіи онаго слѣдуетъ требовать, чтобы Гавриковъ переулокъ, на который устроены выѣзды со станціи, непремѣнно былъ вымощенъ булыжнымъ камнемъ, а равно и дворъ станціи.

«б) Такъ какъ до замощенія двора станціи и Гаврикова переулка весною невозможенъ выѣздъ со станціи, то съ 1 марта 1869 года выгрузку на Сокольничьемъ полѣ прекратить и производить оную на старой станціи, для чего, кромѣ существующихъ тамъ платформъ, слѣдуетъ теперь же устроить 300 пог. саж. постилокъ.

«Если движеніе грузовъ къ веснѣ настолько увеличится, что существующихъ платформъ 400 пог. саж. и устроенныхъ 300 пог. саж. постилокъ будетъ недостаточно, то въ этомъ исключительномъ случаѣ возможно допустить разгрузку частей груза на Сокольничьемъ полѣ, съ тѣмъ чтобы грузы эти для выдачи ихъ получателямъ подвозились по жел. дорогѣ къ старой станціи и тамъ выгружались на платформы или подстилы по мѣрѣ ихъ очищенія.

«II. *По предмету прекращенія на будущее время безпорядковъ и неправильностей по выгрузкѣ, храненію и выдачѣ грузовъ.*

«Предписать правленію общества Московско-Рязанской желѣзной дороги:

«1. Увеличить личный составъ служащихъ по товарной части, а именно, кассировъ и конторщиковъ, смотрителей товарнаго двора, вагонныхъ выгрузчиковъ и артельщиковъ.

---

*) Эти документы выписывать здѣсь нахожу излишнимъ.

«2. Обращать особенное вниманіе управленія на исполненіе служащими своихъ обязанностей, требовать отъ нихъ твердаго знанія всѣхъ правилъ товарной службы и перевозки и строго наблюдать, чтобы служащіе общества въ сношеніяхъ съ посторонними лицами соблюдали безусловную вѣжливость и были внимательны къ законнымъ ихъ требованіямъ.

«3. Установить слѣдующія правила:

«а) Въ случаѣ разногласія сопровождавшихъ грузъ документовъ или утраты ихъ, разслѣдованіе о принадлежности груза производить безотлагательно.

«б) По истеченіи установленнаго правилами о перевозкѣ 4-хъ недѣльнаго срока на розыскъ пропавшаго груза, дорога, обязанная сдать грузъ получателю, удовлетворяетъ послѣдняго деньгами безъ задержанія и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по заключенному между обществами желѣзныхъ дорогъ договору, отвѣтственность падаетъ на другую дорогу, а также при переборахъ платы съ отправителя за перевозку возвращаетъ излишекъ получателю, по его требованію, дорога, сдающая грузъ, хотя бы переборъ былъ сдѣланъ другою, а дорогамъ въ расчетахъ этихъ вѣдаться между собою.

«в) Во избѣжаніе излишней потери времени товарополучателей и кассировъ на дѣланіе справокъ о прибытіи каждаго товара, а также съ цѣлью предупредить разногласіе въ счетѣ 48-часового льготнаго срока, положеннаго на уборку со станціи получателями товара и предоставленія послѣднимъ возможности убѣждаться въ правильности взыскиваемыхъ съ нихъ обществомъ истраченныхъ денегъ за неуборку въ срокъ товара,—ежедневно вывѣшивать, на видномъ мѣстѣ конторы, объявленія о прибывшемъ на станцію и готовомъ къ сдачѣ грузѣ, помѣщая въ немъ:

«1, часъ вывѣски объявленія, 2, фамилію товароотправителя, 3, родъ и количество груза и 4, срокъ исхода 48 часового времени, считая послѣднее отъ часа вывѣски объявленія.

«г. Помѣстить въ товарной конторѣ на виду постоянное объявленіе, гдѣ ясно и подробно изложить порядокъ пріема и выдачи грузовъ и возбужденія отвѣтственности въ случаѣ пропажи и порчи товара, съ точнымъ указаніемъ, къ кому изъ служащихъ въ каждомъ данномъ случаѣ слѣдуетъ обратиться.

«д) Имѣть въ товарной конторѣ припечатанную къ столу жалобную книгу.

«е) Наблюдать, чтобы нагрузка и выгрузка товара производилась осторожно; просыпавшійся товаръ немедленно былъ возвращаемъ въ свое вмѣстилище, починка и зашивка укупорокъ не слагались на извозчиковъ, а производились заблаговременно артельщиками; товаръ, подлежащій сдачѣ, складывался въ правильные штабели съ надлежащими между вагонными партіями отступами не менѣе одного аршина, а по краямъ платформы оставлялось свободное для хода мѣсто.

«ж) Наблюдать, чтобы документы прописывались правильно, безъ

какихъ-либо сокращеній, и чтобы накладныя передъ вписываніемъ въ приходныя грузовыя книги свѣрялись съ вагонными листами и сдаточными вѣдомостями для заблаговременнаго уничтоженія ошибокъ.

«з) Въ случаѣ недостатка мѣста на товарныхъ платформахъ для товара, употреблять временные подстилы, состоящіе изъ сплоченныхъ досокъ и возвышенные на $^1/_2$ аршина отъ поверхности земли.

«и) Имѣть наблюденіе, чтобы товарные дворы и конторы отпирались въ установленные сроки.

«4. Помощника управляющаго дорогою по движенію Геппнера, допустившаго всѣ найденные безпорядки, а также за грубое и дерзкое обращеніе съ товароотправителями и получателями, уволить безотлагательно отъ службы общества, а начальнику Московской станціи Мацкевичу сдѣлать внушеніе, предваривъ его, что при первой, оказавшейся справедливою, на него жалобѣ въ дерзкомъ обращеніи съ пассажирами и товароотправителями или получателями, онъ будетъ уволенъ отъ службы.

«Представляя все вышеизложенное на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, имѣю честь присовокупить, что ежели заключеніе мое будетъ одобрено вашимъ превосходительствомъ, то я полагалъ бы предложеніе правленію общества Московско-Рязанской желѣзной дороги объявить постановленіемъ вашего превосходительства какъ для скорѣйшаго выполненія требованія министерства, такъ и для примѣра другимъ обществамъ и служащимъ въ оныхъ».

Мельниковъ, прочитавъ при мнѣ мое донесеніе и не сказавъ мнѣ ни слова, положилъ на немъ резолюцію «въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ доложить». Я обратилъ вниманіе Мельникова, что по его резолюціи департаментъ затянетъ по обыкновенію представленіе доклада по моему донесенію, а между тѣмъ разрѣшеніе по оному не терпитъ отлагательства, что такъ какъ никто изъ служащихъ въ департаментѣ не былъ на мѣстѣ, то департаментъ не можетъ судить правильно или неправильно мое донесеніе, что я, состоя по закону непосредственнымъ помощникомъ министра по частнымъ желѣзнымъ дорогамъ, не долженъ подвергаться сужденію чиновниковъ департамента, что онъ, какъ мой начальникъ, можетъ не согласиться съ моимъ представленіемъ, если не довѣряетъ справедливости переданныхъ ему фактовъ, и что въ такомъ случаѣ лучше объясниться со мной откровенно, и я оставлю занимаемую мною должность.

Мельниковъ на это возразилъ, что онъ дѣйствуетъ по заведенному порядку, котораго не желаетъ нарушать. На другой день я узналъ, что низшіе чиновники департамента пріискиваютъ разные способы для раскритикованія моихъ предположеній и между прочимъ высказывали, что, по уставу Московско-Рязанской желѣзной дороги, правительство не имѣетъ права увольнять служащихъ на этой дорогѣ. Вслѣдствіе этого я подалъ Мельникову 30-го декабря за № 1481-мъ второй рапортъ, причемъ повторилъ ему сказанное мною при подачѣ вышеприведеннаго рапорта № 1478-ой, но Мельниковъ и на новомъ рапортѣ положилъ ту же резо-

люцію: «департаменту желѣзныхъ дорогъ доложить». Привожу буквально мой рапортъ № 1481-ый:

«Въ дополненіе къ рапорту моему вашему превосходительству отъ 28 декабря № 1478 о безпорядкахъ на Московской станціи Московско-Рязанской желѣзной дороги имѣю честь донести слѣдующее:

«Въ большей части уставовъ и концессій частныхъ желѣзныхъ дорогъ имѣются, между прочимъ, постоянно два пункта, въ одномъ изъ коихъ перечисляются тѣ служащіе въ обществахъ, которые опредѣляются правленіями обществъ съ предварительнаго утвержденія министра путей сообщенія, а въ другомъ излагается, что при замѣченныхъ безпорядкахъ правленіе, по требованію правительства, немедленно отстраняетъ безпорядки, а въ случаѣ продолженія безпорядковъ удаляетъ виновныхъ лицъ.

«Подобный пунктъ выпущенъ въ уставѣ общества Московско-Рязанской желѣзной дороги 1863 года.

«Въ 703 ст. XII т. Св. Зак. гражд. уст. путей сообщенія изложено: «инспекторъ долженъ неослабно требовать, чтобы служащимъ на дорогѣ, отъ которыхъ зависитъ безопасность и правильность движенія, выданы были утвержденныя инструкціи, чтобы люди не способные, ненадежные не были терпимы въ этихъ должностяхъ, чтобы допущенные къ этимъ обязанностямъ исполняли оныя съ совершенною точностію и строгостію, чтобы не было со стороны управленія никакихъ послабленій и чтобы всякая неисправность, всякое упущеніе подвергалось должному взысканію».

«Отъ помощника управляющаго по движенію на Московско-Рязанской дорогѣ зависитъ, конечно, правильность движенія, а потому онъ при допущенныхъ имъ безпорядкахъ терпимъ на службѣ, на основаніи означенной статьи Св. Зак., быть не можетъ, такъ какъ неправильная сдача товаровъ на Московской станціи Московско-Рязанской жел. дороги неминуемо должна произвести неправильность движенія по этой дорогѣ.

«Но и безъ этого положенія *) сдѣланное въ уставѣ Московско-Рязанской желѣзной дороги упущеніе не можетъ отнимать права удаленія министерствомъ служащаго, допустившаго столь значительные безпорядки, какъ помощникъ управляющаго движеніемъ означенной дороги г. Геппнеръ.

«Убѣдившись въ этихъ безпорядкахъ и въ чрезвычайной грубости его съ товароотправителями, которыхъ справедливый ропотъ дошелъ до необыкновеннаго размѣра, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство о немедленномъ удаленіи Геппнера, согласно вышеприведенному моему рапорту».

Видя изъ дѣйствій Мельникова, что онъ не намѣренъ принимать мѣръ къ прекращенію на желѣзныхъ дорогахъ безпорядковъ и злоупотребленій, въ допущеніи которыхъ общественное мнѣніе обвинитъ меня, я просилъ его уволить меня отъ должности главнаго инспектора, съ назначеніемъ членомъ совѣта министерства путей сообщенія.

---

*) Объ инспекторахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Это озадачило Мельникова. Онъ просилъ меня не оставлять моей должности въ виду того, что онъ весьма затрудняется, кѣмъ замѣнить меня. Но такъ какъ онъ не перемѣнилъ своихъ резолюцій, то я настаивалъ на моей просьбѣ и на другой день передалъ объ этомъ К. В. Чевкину, который настойчиво уговаривалъ меня не оставлять моей должности. Вслѣдствіе этого разговора съ Чевкинымъ, я того же 31-го декабря написалъ ему слѣдующее письмо:

«Изъ словъ, сказанныхъ вами сегодня при прощаніи со мною, я заключилъ, что ваше высокопревосходительство полагаете возможнымъ мнѣ оставаться въ настоящей должности, если обѣщаны будутъ средства для веденія дѣлъ соотвѣтственно съ потребностію большого протяженія желѣзныхъ дорогъ.

«Принимаю смѣлость представить вашему высокопревосходительству, что въ долголѣтнюю мою службу я не только не допускалъ безпорядковъ во ввѣренныхъ мнѣ дѣлахъ, но и предупреждалъ ихъ; то же я дѣлалъ и въ послѣдніе годы. Видя, что мои усилія оставались тщетными, я еще весною рѣшился просить о другомъ назначеніи и отсрочилъ эту просьбу по желанію графа В. А. Бобринскаго, но теперь ни въ какомъ случаѣ, какія бы ни предлагались измѣненія въ недосмотрѣ надъ желѣзными дорогами, болѣе оставаться въ моей должности не могу. Конечно, не я виною происходящихъ на нихъ безпорядковъ, и я не хочу болѣе имѣть ничего общаго съ ними.

«Желалъ бы продолжать службу въ министерствѣ путей сообщенія, а потому позвольте мнѣ покорнѣйше просить содѣйствія вашего высокопревосходительства въ назначеніи меня членомъ совѣта министерства на имѣющуюся вакансію».

Не получая никакого отвѣта на приведенные два рапорта къ Мельникову, я 7 января 1869 года подалъ ему докладную записку, которою просилъ объ увольненіи меня отъ должности главнаго инспектора и о назначеніи на имѣющуюся вакансію члена совѣта министерства. Мельниковъ долго меня уговаривалъ остаться въ занимаемой мною должности, но, видя мою рѣшимость, согласился, и я Высочайшимъ приказомъ 9 января 1869 года назначенъ членомъ совѣта министерства путей сообщенія.

Въ этотъ день былъ балъ въ Зимнемъ дворцѣ. Въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній» я привожу слова, сказанныя мнѣ на балу Государемъ по случаю оставленія мною должности главнаго инспектора.

По вышеприведеннымъ двумъ моимъ рапортамъ не послѣдовало никакого исполненія.

Общественное мнѣніе и печать постоянно обвиняютъ правительственныхъ инспекторовъ на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, что они не исполняютъ своихъ обязанностей по наблюденію за дѣйствіями правленій этихъ дорогъ и служащихъ на нихъ.

Но мало людей, которые понимаютъ, что всѣмъ неурядицамъ причиною Петербургская бюрократія, и дѣйствительно, къ чему же могли послужить донесенія второстепенныхъ, удаленныхъ отъ Петербурга, служащихъ

о безпорядкахъ на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, когда донесеніе главнаго инспектора, непосредственнаго по закону помощника министра по этимъ дорогамъ, о безпорядкахъ на одной изъ нихъ послужило только къ оставленію имъ своей должности.

Большая часть инспекторовъ по бѣдности не могутъ оставить службы, а потому нашли лучшимъ молчать, угождая тѣмъ и министерству и правленіямъ дорогъ. Пока я былъ главнымъ инспекторомъ, инспекторы дорогъ, открытыхъ для эксплоатаціи, вели себя безукоризненно; по оставленіи же мною означенной должности, нѣкоторые изъ нихъ, не видя поощренія отъ министерства, рѣшились на полученіе незаконнаго содержанія отъ правленій дорогъ, подражая инспекторамъ строившихся дорогъ, которые мнѣ, по распоряженію Мельникова, не были подчинены. Эти послѣдніе, немедля по ихъ назначеніи инспекторами, начали получать отъ учредителей и строителей желѣзныхъ дорогъ весьма значительныя содержанія, и именно, В. А. Кипріяновъ на Курско-Кіевской и П. И. Сергѣевъ на Грязе-Царицынской желѣзной дорогѣ.

Выше было уже мною сказано, что инспекторъ Орловско-Витебской желѣзной дороги В. С. Семичевъ имѣлъ участіе въ подрядѣ по устройству этой дороги.

Общественное мнѣніе выражало свое неудовольствіе по случаю оставленія мною должности главнаго инспектора. Оно, предвидя, впрочемъ, скорое увольненіе Мельникова отъ должности министра, заявляло увѣренность, что я снова возвращусь къ занятіямъ по желѣзнымъ дорогамъ. Всѣ правленія частныхъ желѣзныхъ дорогъ, служащіе на нихъ, а равно искавшіе полученія новыхъ концессій, были глубоко огорчены моимъ выходомъ.

По апатіи Мельникова, неприступности и чиновничьему обращенію директора департамента желѣзныхъ дорогъ Н. И. Липина со всѣми, имѣвшими дѣло въ этомъ департаментѣ, означенныя лица находили во мнѣ одномъ человѣка, готоваго помогать имъ совѣтомъ и дѣломъ.

Печать прошла молчаніемъ мое увольненіе отъ должности главнаго инспектора, за исключеніемъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ нихъ появилась небольшая статья, въ которой выражалось удовольствіе о назначеніи новаго главнаго инспектора, такъ какъ при немъ, по ихъ мнѣнію, должны были прекратиться допускавшіеся до сего времени безпорядки на желѣзныхъ дорогахъ. Эта статья вызвала общее неудовольствіе.

Всѣ сколько-нибудь знавшіе меня были увѣрены въ моей честности, въ готовности помочь дѣлу и въ умѣніи вести его, тогда какъ назначенный на мое мѣсто дѣйствительный статскій совѣтникъ В. И. Граве не пользовался хорошею репутаціею; всѣ знали, что онъ нажилъ состояніе, участвуя въ постройкѣ Николаевской и Петербургско-Варшавской желѣзныхъ дорогъ, и что вообще сношенія съ нимъ, при его притязательности, весьма затруднительны.

Тѣмъ болѣе странно было встрѣтить упомянутую статью въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», что ихъ редакторъ Коршъ зналъ меня лично и, ко-

нечно, принадлежалъ къ тѣмъ, которые не могли не цѣнить моей честной службы. Напечатаніе этой статьи въ вѣдомостяхъ, которыхъ Коршъ былъ редакторомъ, служитъ только однимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ того, какъ мало онъ занимался редакціею, весьма часто не зная, что печатается въ вѣдомостяхъ, которыхъ Коршъ былъ редакторомъ.

Статья вызвала негодованіе всѣхъ лицъ, соприкосновенныхъ съ частными желѣзными дорогами и въ особенности Ѳ. В. Чижова, который не отвѣчалъ на нее только потому, что она была слишкомъ нелѣпа. Но такъ какъ не бываетъ худа безъ добра, такъ и эта статья была поводомъ къ сбору учредителями частныхъ желѣзныхъ дорогъ и служащими на нихъ значительнаго капитала для учрежденія въ Москвѣ желѣзнодорожнаго училища моего имени. Жертвуя деньги на это учрежденіе, они считали это лучшимъ отвѣтомъ на статью «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

По случаю оставленія мною должности главнаго инспектора, я получилъ нѣсколько писемъ отъ учредителей частныхъ желѣзныхъ дорогъ и отъ директоровъ правленій этихъ дорогъ.

Въ XI главѣ «Моихъ воспоминаній» я привожу полученное мною письмо П. Г. фонъ-Дервиза изъ Ниццы; здѣсь привожу письмо отъ М. П. Козлянинова, бывшаго тогда директоромъ правленія Рязанско-Козловской желѣзной дороги, впослѣдствіи предсѣдателя правленія Грязе-Царицынской и вице-предсѣдателя правленія Орловско-Витебской желѣзныхъ дорогъ:

«Узнавъ положительно объ оставленіи вашимъ превосходительствомъ должности главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ, я уполномоченъ выразить вамъ, баронъ, отъ имени всѣхъ дѣятелей Рязанско-Козловской желѣзной дороги наше искреннее глубокое сожалѣніе.

«Какъ распорядитель этого общества, я въ теченіе 2 лѣтъ успѣлъ убѣдиться въ вашемъ безкорыстіи и ясномъ пониманіи интересовъ правительства, торговли и желѣзнодорожныхъ предпріятій, во главѣ которыхъ вы стояли. Связывая эти интересы и не давая ни одному изъ нихъ перевѣса въ ущербъ другому, вы вмѣстѣ съ тѣмъ были всегда защитникомъ правды и ревностнымъ ходатаемъ въ нашихъ нуждахъ передъ правительствомъ.

«Козловская дорога, поставленная по своей эксплоатаціи въ весьма трудныя условія, вѣроятно и болѣе другихъ усложняла служебныя ваши обязанности и потому болѣе другихъ, я увѣренъ, оцѣнитъ потерю въ вашемъ лицѣ.

«Выражая по настоящему поводу искреннее сожалѣніе всѣхъ моихъ сослуживцевъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ и лично прошу снисходительнаго вашего прощенія, если во время своего служенія обществу, я, какъ человѣкъ, впадалъ въ ошибки и былъ причиною вашего осужденія.

«Примите ваше превосходительство увѣреніе въ томъ, что Козловская дорога и ея дѣятели никогда не забудутъ Андрея Ивановича Дельвига.»

Въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній» я уже говорилъ, что подчиненіе жандармской полиціи, состоявшей въ вѣдѣніи инспекторовъ

желѣзныхъ дорогъ, штабу корпуса жандармовъ, назначеніе министромъ Мельниковымъ инспекторовъ на строющіяся желѣзныя дороги безъ ихъ подчиненія мнѣ, вопреки закону, и вообще явное недоброжелательство ко мнѣ Мельникова давно породили во мнѣ мысль оставить должность главнаго инспектора, а потому я радъ былъ случаю, давшему мнѣ возможность просить о моемъ увольненіи.

Къ тому же эта должность, въ которой я, по причинѣ ея обстановки, не могъ принести надлежащей пользы, сдѣлалась слишкомъ обременительною своими разъѣздами: въ 1868 году я проѣхалъ по желѣзнымъ дорогамъ до 34.000 верстъ.

При оставленіи мною должности главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ, уступлено было частнымъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ протяженіемъ въ сложности 9.190 верстъ, въ томъ числѣ въ вѣдѣніи главной инспекціи эксплоатировались 4.882,5, были въ постройкѣ 455,5 верстъ, и въ вѣдѣніи инспекціи эксплоатировалась Николаевская желѣзная дорога 604 версты и строилось желѣзныхъ дорогъ на протяженіи 3.248,5 верстъ.

При назначеніи меня въ должность главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ, таковыхъ было въ эксплоатаціи 818 верстъ и въ постройкѣ 1.321 верста.

Мои служебныя занятія въ 1868 году были такъ значительны, что я почти не упоминалъ о моихъ собственныхъ дѣлахъ. Начну съ положенія моего денежнаго капитала. Выше было сказано, что въ январѣ 1865 года весь мой капиталъ составлялъ 102.433 р. Продолжая вести весьма скромную жизнь, мой капиталъ въ 1868 году я значительно увеличилъ, чему много способствовало увеличеніе цѣнности имѣвшихся у меня бумагъ и акцій, такъ что въ мартѣ 1869 года весь мой капиталъ составлялъ 122.977 р., т.-е., въ 15 мѣсяцевъ увеличился на 20.544 р.

Послѣ января 1867 года мною проданы 53 облигаціи Николаевской желѣзной дороги, суммою по биржевой цѣнѣ на 4.770 р., и убавилось на моемъ текущемъ счетѣ 450 р.; пріобрѣтены же мною облигаціи Курско-Харьковской желѣзной дороги на 13.920 р. и два пая Московскаго купеческаго банка, по которымъ сдѣланъ первый взносъ въ 6.000 р.; всего я пріобрѣлъ сбереженіями съ моихъ доходовъ 14.700 р. и сверхъ того увеличеніемъ биржевой цѣнности имѣвшихся у меня процентныхъ бумагъ и акцій 5.844 р., а всего 20.544 р.

Содержаніе мое по службѣ, какъ было объяснено выше, состояло до 20 мая 1869 года изъ 6.700 р. въ годъ, съ послѣдняго числа по 9 января 1869 года изъ 7.550 р., а съ 9 января по 31 марта 1869 года изъ 5.000 р., итого по конецъ марта 1869 года въ 15 мѣсяцевъ получено мною около 9.000 р. Процентовъ и дивидендовъ по процентнымъ бумагамъ и акціямъ, въ продолженіе этихъ мѣсяцевъ, я получилъ около 15.000 р., сверхъ того учредительскихъ по Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ за 1867 годъ до 2.000 р., итого 26.000 р. Изъ нихъ, какъ изложено выше, сбережено 14.700 р., а слѣдовательно израсходовано 11.300 р. въ 15 мѣсяцевъ, тогда какъ въ 12 мѣ-

сяцевъ 1867 года мои расходы простирались до 12.200 р., по случаю поѣздокъ моихъ въ Карлсбадъ и на Парижскую выставку.

Кругъ моихъ знакомыхъ мало измѣнился. Онъ увеличился только тѣмъ, что бывшій при мнѣ секретаремъ, а въ это время служившій въ департаментѣ исполнительной полиціи Иванъ Карловичъ Ренаръ и занимавшійся въ моей канцеляріи, а въ это время служившій въ департаментѣ министерства государственныхъ имуществъ С. В. Князевъ женились и довольно часто бывали у насъ со своими женами.

Жена Ренара, совершенная красавица, была дочь старой пріятельницы моей жены Елены Ипполитовны Гильдебрандтъ, сестры друга моей жены Розаліи Ипполитовны Посьетъ. Она, желая жить въ Петербургѣ, настаивала, чтобы мужъ ея не принималъ предлагаемыхъ ему вице-губернаторскихъ мѣстъ въ провинціи, и упросила мою жену, чтобы я похлопоталъ объ его переводѣ въ канцелярію Государственнаго Совѣта.

Государственнымъ статсъ-секретаремъ былъ старый мой знакомый князь Сергѣй Николаевичъ Урусовъ (впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ, предсѣдатель департамента законовъ въ Государственномъ Совѣтѣ и главноуправляющій II отдѣленіемъ Собственной канцеляріи Его Величества), статсъ-секретаремъ же въ департаментѣ государственной экономіи былъ мнѣ также нѣсколько знакомый тайный совѣтникъ Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій-Десятовскій, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта.

По настоятельной моей просьбѣ у этихъ двухъ лицъ, Ренаръ получилъ просимое имъ мѣсто. К. В. Чевкинъ, бывшій предсѣдателемъ экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ, по опредѣленіи Ренара въ канцелярію этого департамента, узнавъ, что это сдѣлано по моей просьбѣ, говорилъ мнѣ, что я напрасно ходатайствовалъ о Ренарѣ, такъ какъ онъ медленный и мало способный чиновникъ.

Но впослѣдствіи, убѣжденный въ добросовѣстности и трудолюбіи Ренара, онъ должно быть перемѣнилъ о немъ мнѣніе, такъ какъ онъ давалъ послѣднему много занятій, и Ренаръ очень скоро достигъ званія помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта и чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Семейная жизнь Ренаровъ была несчастлива. Не только въ домашнемъ быту, но и при частыхъ посѣщеніяхъ ими жены моей, жена Ренара выказывала свое неудовольствіе на мужа, такъ что сцены, происходившія между мужемъ и женою въ нашемъ домѣ, были очень непріятны. По болѣзни жены Ренара, она съ мужемъ отправилась за границу. Мужъ долженъ былъ вернуться на службу, а она осталась за границею продолжать лѣченіе.

Въ началѣ января 1873 года она вернулась, объявивъ, что не желаетъ болѣе оставаться женою Ренара, требовала развода и сверхъ этого содержанія отъ Ренара для заграничной жизни. Онъ выхлопоталъ разводъ и назначилъ довольно значительное содержаніе, размѣромъ котораго она однако была недовольна. Осенью этого же года она вышла замужъ въ Германіи

за какого-то доктора, и тогда Ренаръ, считая себя совершенно свободнымъ отъ обязательствъ къ ней, женился въ февралѣ 1874 года на дочери сенатора, тайнаго совѣтника Германа Антоновича Гизетти, Серафимѣ. Со второю женою онъ живетъ счастливо. Ренары часто насъ посѣщаютъ (1875 г.).

Князевъ женился на хорошенькой Ольгѣ Платоновнѣ Бизюкиной. Отецъ ея, небогатый землевладѣлецъ, получалъ небольшое жалованье по службѣ. Князевы очень часто насъ посѣщаютъ, обѣдаютъ у насъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, на нашей Царско-Сельской дачѣ гостятъ по нѣскольку дней, а Князева даже и по нѣскольку недѣль. Она, по небольшому росту и замѣчательной миловидности, очень моложава, такъ что всѣ тѣ, которые видятъ ее въ первый разъ, называютъ mademoiselle и очень удивляются, когда имъ говорятъ, что она уже 8 лѣтъ замужемъ. Я всегда надъ этимъ подтруниваю и называю ее «несовершеннолѣтняя», то же дѣлаетъ очень любящій подтрунивать Ѳ. В. Чижовъ. Князевы живутъ небогато, но счастливо. Въ февралѣ 1870 года я далъ отцу Князевой мѣсто младшаго дѣлопроизводителя въ совѣтѣ министерства путей сообщенія, которое онъ занимаетъ и въ настоящее время. (Декабрь 1875 г.)

Весьма часто обѣдали у насъ Григорій Ивановичъ Филиппсонъ съ женою и двумя старшими дочерьми, Посьеты мужъ и жена, свиты Его Величества контръ-адмиралъ (впослѣдствіи адмиралъ) Алексѣй Степановичъ Горковенко, Маргарита Францовна Смитъ, ея три племянницы, Александра Васильевна Воронецъ, Александра Петровна Козлянинова; почти обо всѣхъ этихъ лицахъ я говорилъ выше.

Конечно, всего чаще мы видались съ сестрою А. И. Викулиною, ея дочерью Эмиліею и съ дочерью моего брата Александрою Николаевною, проводившею начало зимы 1868—1869 года съ теткою своею Елизаветою Борисовною Бринъ въ Петербургѣ.

Сынъ брата Борисъ Николаевичъ въ зиму 1868—1869 года пробылъ по болѣзни у насъ довольно долго и постоянно бывалъ у насъ въ праздничные дни. Я не перечисляю здѣсь другихъ нашихъ знакомыхъ, съ которыми мы видались рѣже, какъ-то: К. В. Чевкина и другихъ, о которыхъ упоминается выше.

Въ дни рожденія и именинъ моихъ и моей жены (1-го января, 13-го марта, 24-го апрѣля и 17-го октября) обыкновенно обѣдали у насъ или пріѣзжали вечеромъ всѣ вышеупомянутыя близкія намъ лица. 1 января 1869 года послѣ обѣда къ намъ пріѣхали въ костюмахъ и маскахъ двѣ старшія дочери Филиппсонъ. Старшая изъ нихъ Варвара была прелестна: она была фавориткою всего семейства и всѣхъ ее знавшихъ. Младшая Надежда, тоже очень хорошенькая, отличалась высокимъ ростомъ и стройностію.

Въ этотъ день былъ у насъ Сергѣй Васильевичъ Танѣевъ, состоявшій тогда адъютантомъ при генералъ-губернаторѣ Юго-западнаго края и командующемъ войсками Кіевскаго округа генералъ-адъютантѣ Безакѣ. Молодымъ вздумалось танцовать подъ фортепьяно. Вынесли мой письменный столъ изъ кабинета, который обратили въ танцовальный залъ. Меня

также заставили танцовать. Это было въ послѣдній разъ въ моей жизни. Мнѣ тогда было уже 55 лѣтъ.

Вскорѣ мы были огорчены опасною болѣзнію (тифозною горячкою) моей племянницы Эмиліи Семеновны Викулиной. Дворъ дома Леонтьева въ Милліонной улицѣ, въ которомъ они нанимали квартиру, былъ до того нечистъ, что не трудно было заболѣть тифомъ. Выздоровленіе племянницы шло медленно.

По назначеніи меня членомъ совѣта министерства путей сообщенія, занятія мои по службѣ уменьшились: совѣтъ собирался только одинъ разъ въ недѣлю по четвергамъ, и вопросы, вносимые департаментами и штабомъ путей сообщенія, большею частію принимались единогласно.

Я иногда подавалъ особыя мнѣнія, но, какъ увидятъ ниже, я засѣдалъ въ совѣтѣ въ званіи члена менѣе трехъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ былъ нѣсколько времени въ отсутствіи для исполненія особо возложеннаго на меня порученія.

По званію главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ я состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго по Высочайшему повелѣнію при главномъ штабѣ военнаго министерства, по передвиженію войскъ желѣзными дорогами и водою. По увольненіи меня отъ должности главнаго инспектора, я пересталъ ѣздить въ комитетъ, но, по желанію военнаго министра, предписаніемъ Мельникова отъ 8-го февраля, назначенъ въ оный постояннымъ членомъ. Сверхъ того, я продолжалъ быть членомъ комитета желѣзныхъ дорогъ и комиссіи, учрежденной при министерствѣ путей сообщенія для обсужденія важныхъ вопросовъ, относящихся до этихъ дорогъ. Впрочемъ, всѣ эти занятія оставляли мнѣ много свободнаго времени.

Въ январѣ 1869 года вернулся изъ отпуска товарищъ министра путей сообщенія графъ В. А. Бобринскій, который привезъ тѣло незадолго передъ тѣмъ умершаго отца своего графа Алексѣя Алексѣевича, оказавшаго большія услуги отечественной промышленности, въ особенности свеклосахарной. Тѣло было предано землѣ въ Александро-Невской Лаврѣ въ присутствіи Государя и великихъ князей.

Графъ В. А. Бобринскій выразилъ мнѣ крайнее сожалѣніе, что я оставилъ должность главнаго инспектора, не дождавшись его возвращенія, и убѣжденіе, что это не могло бы случиться при его бытности въ Петербургѣ. Въ февралѣ ему предстояла поѣздка въ Москву для окончательнаго соглашенія съ правленіями Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской желѣзныхъ дорогъ по устройству на нихъ второго пути и увеличенію подвижного состава и для разъясненія способовъ къ прекращенію застоя грузовъ на правительственной Московско-Курской желѣзной дорогѣ.

Не имѣлъ я довѣрія къ новому главному инспектору частныхъ жел. дорогъ Граве, и, зная, какое дурное понятіе имѣютъ о немъ частныя общества жел. дорогъ, Бобринскій не желалъ, чтобы Граве ему сопутствовалъ при исполненіи означеннаго порученіи, и находилъ невозмож-

нымъ обойтись безъ меня. Вслѣдствіе этого я долженъ былъ ѣхать съ Бобринскимъ въ видѣ его помощника.

Въ Москвѣ онъ остановился на Никитской, въ домѣ своего двоюроднаго брата, графа Алѣксѣя Васильевича Бобринскаго, а я на квартирѣ Ѳ. В. Чижова въ огромномъ домѣ, выстроенномъ Кокоревымъ на правомъ берегу р. Москвы. Каждое утро я бывалъ у Бобринскаго для занятій по возложенному на него порученію, а по вечерамъ занимался съ управляющимъ Московско-Курскою жел. дорогою П. З. Клевецкимъ и его бывшимъ помощникомъ инженеромъ Андреемъ Николаевичемъ Горчаковымъ, по исчисленію работъ и поставокъ, необходимыхъ для улучшенія эксплоатаціи на Московско-Курской жел. дорогѣ.

Я ѣздилъ съ Бобринскимъ по этой дорогѣ изъ Москвы до ст. Сергіево и удостовѣрился, несмотря на зимнее время, какъ дурно были построены правительственными инженерами всѣ части Московско-Курской жел. дороги. Временная пассажирская станція въ Москвѣ была чрезвычайно тѣсна, товарная въ Москвѣ же неудобна во всѣхъ отношеніяхъ. Почти всѣ станціи при городахъ безполезно отъ нихъ удалены и выстроены дурно, нѣкоторыя на сильныхъ уклонахъ пути, а другія на низменныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, Тульская.

Въ кирпичной кладкѣ главныхъ мастерскихъ дороги, устроенныхъ при послѣдней станціи, оказались большія трещины, такъ что осматривавшій ихъ за годъ передо мною, бывшій товарищъ министра путей сообщенія, Э. И. Герстфельдъ не называлъ ихъ иначе, какъ «развалинами Альгамбры». По низменности мѣста, на которомъ устроены Тульская и нѣкоторыя другія станціи, хранящійся на нихъ грузъ подмокалъ. Грунтовая вода стояла въ Тульскихъ мастерскихъ такъ высоко, что нижняя часть махового колеса паровой машины была постоянно погружена въ водѣ, во избѣжаніе чего около этой части былъ устроенъ желѣзный чехолъ. Эти мастерскія не были оборудованы, а временныя Московскія дурно устроены.

Внутреннее расположеніе большихъ пассажирскихъ домовъ, вообще небрежно устроенныхъ, было вполнѣ неудобно. Балластъ и рельсы слѣдовало замѣнить новыми на большомъ протяженіи, такъ какъ первый былъ глинистый, а послѣдній дурного качества.

Министръ Мельниковъ не могъ не видѣть всего этого, а между тѣмъ у него доставало духу постоянно хвалить постройку дороги и даже въ 1871 году въ комитетѣ министровъ, при обсужденіи вопроса о ея продажѣ, называть ее образцовою и лучшею между европейскими и американскими желѣзными дорогами.

Въ Тулѣ Бобринскій и я обѣдали у губернатора Михаила Романовича Шидловскаго (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и сенаторъ). Къ обѣду былъ приглашенъ находившійся въ это время въ Тулѣ мой двоюродный братъ баронъ Александръ Антоновичъ Дельвигъ, впослѣдствіи членъ Тульскихъ губернской земской и

городской управъ, о которомъ я неоднократно говорилъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ».

Я воспользовался этою поѣздкою, чтобы собрать въ Москву представителей тогдашнихъ замосковныхъ желѣзныхъ дорогъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, относящихся до эксплоатаціи этихъ дорогъ, а въ особенности для введенія прямого сообщенія безъ перегрузки. Нѣкоторые находили невозможнымъ отпускать свои вагоны на дороги слишкомъ отдаленныя, а потому я тогда же раздѣлилъ всѣ существовавшія желѣзныя дороги на группы и добился прямого сообщенія на каждой группѣ. Это раздѣленіе, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, сохранилось и до сего времени.

Для обсужденія мѣръ по эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, Бобринскій, я и представители этихъ дорогъ собирались въ залахъ пассажирской станціи Московско-Ярославской желѣзной дороги. Въ виду чрезвычайной сложности эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, я находилъ полезнымъ, чтобы ихъ представители собирались каждые 2 или 3 мѣсяца на частные съѣзды по группамъ и одинъ разъ въ годъ на общій съѣздъ представителей всѣхъ желѣзныхъ дорогъ для рѣшенія вопросовъ, встрѣчаемыхъ при эксплоатаціи.

Бобринскій и представители желѣзныхъ дорогъ одобрили мою мысль и мы согласились, чтобы первый общій съѣздъ былъ созванъ въ августѣ того же года, если на это послѣдуетъ разрѣшеніе министра путей сообщенія. Въ декабрѣ 1875 года въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появилась передовая статья, въ которой, по моему мнѣнію, весьма правильно отзываются объ этихъ съѣздахъ, а потому я приведу извлеченіе изъ этой статьи:

«Съѣзды представителей желѣзныхъ дорогъ возникли съ разрѣшенія министра путей сообщенія графа В. А. Бобринскаго и въ началѣ своей дѣятельности принесли существенную пользу правильному развитію жел. дорогъ: они создали безперегрузочное движеніе по группамъ и выработали однообразныя правила перевозокъ въ прямыхъ сообщеніяхъ для всѣхъ рельсовыхъ путей. Дальнѣйшая разработка на съѣздахъ существенныхъ желѣзнодорожныхъ вопросовъ задержалась вслѣдствіе новой системы министерства графа А. П. Бобринскаго, которое желало, чтобы иниціатива всѣхъ нововведеній на желѣзныхъ дорогахъ принадлежала непосредственно министру путей сообщенія и чтобы всѣ дороги дѣйствовали на основаніи точныхъ указаній административной власти.

«Въ виду такого взгляда министерства путей сообщенія на свою роль по отношенію частныхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, общіе съѣзды потеряли свое значеніе и на нихъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ исключительно разсматривались вопросы второстепенной важности. Министерство же путей сообщенія не имѣло помощи въ представителяхъ желѣзныхъ дорогъ, близко знакомыхъ съ практикою дѣла, было весьма затруднено по отношенію своей дѣятельности, и желѣзнодорожное дѣло, видимо, остановилось въ своемъ развитіи. Нынѣшній (1875 г.) съѣздъ ясно созналъ, что ему необходимо вновь на себя взять иниціативу полезныхъ мѣропріятій,

и создалъ постоянную комиссію, на которую и возложилъ рѣшеніе весьма сложныхъ и разнообразныхъ вопросовъ, долженствующихъ регламентировать однообразные порядки на желѣзныхъ дорогахъ.

«При характерѣ нашихъ частныхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, уставы которыхъ весьма разнообразны по отношенію даже существенныхъ вопросовъ, и при полномъ неразвитіи желѣзнодорожнаго законодательства, министерству путей сообщенія невозможно самостоятельно разрабатывать и разрѣшать различныя задачи, вытекающія изъ хода развитія нашего желѣзнодорожнаго дѣла, и его дѣятельность по отношенію эксплоатаціи паровыхъ путей, волею-неволею, должна быть направлена къ содѣйствію и поощренію систематическихъ трудовъ представителей желѣзныхъ дорогъ. При этомъ желательно, чтобы министерство точно выяснило свои отношенія къ частнымъ обществамъ и не впадало бы въ ошибки, ставящія его въ неловкое относительно ихъ положеніе».

Конецъ статьи слѣдующій:

«Примѣръ Франціи и Германіи, гдѣ всѣ желѣзнодорожные порядки разработаны почти непосредственно представителями частныхъ желѣзныхъ дорогъ, весьма поучителенъ. Гораздо легче разсматривать и утверждать практически выработанные проекты законоположеній, нежели создавать ихъ въ тиши кабинетовъ при содѣйствіи исключительно людей теоріи».

Дѣйствительно, на первыхъ двухъ общихъ съѣздахъ представителей частныхъ желѣзныхъ дорогъ, бывшихъ подъ моимъ предсѣдательствомъ въ 1869 году и въ 1870 году, они пришли къ соглашенію по весьма важнымъ вопросамъ, относившимся къ облегченію торговли. Многія изъ тогдашнихъ моихъ требованій были тягостны для обществъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, но, въ виду ихъ логичности и явной для торговли пользы, всѣ эти требованія на первыхъ двухъ съѣздахъ были принимаемы. На послѣдующихъ съѣздахъ допускались къ обсужденію только незначительные вопросы, что охладило рвеніе представителей дорогъ. Сверхъ того министерство путей сообщенія заявляло на этихъ съѣздахъ такія требованія, которыя явно не могли быть приняты представителями обществъ.

Правительству никогда не слѣдовало бы ставить себя въ подобное положеніе. Послѣдствіемъ этого было то, что представители обществъ, рѣшившись не принять несправедливыхъ требованій, часто противились и такимъ, которыя были полезны для торговли, не принося особыхъ невыгодъ обществамъ. Представители обществъ большею частію умнѣйшіе люди изъ всей Россіи, практически знающіе обсуждаемыя дѣла, и предсѣдательство въ подобныхъ случаяхъ весьма трудно.

По выходѣ моемъ изъ министерства, занявшій должность начальника управленія желѣзныхъ дорогъ Канутъ Генриховичъ Шернваль (впослѣдствіи инженеръ, тайный совѣтникъ и баронъ) не рѣшился принять на себя предсѣдательство съѣзда, которое ежегодно поручалось инженеру генералъ-маіору Петру Павловичу Зуеву, человѣку очень хорошему, но къ подобному предсѣдательству не способному. Смѣшно считать возможнымъ,

чтобы сложные вопросы по эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ могли быть разрѣшаемы людьми теоріи, а тѣмъ болѣе бюрократами.

Графъ В. А. Бобринскій, при проѣздѣ въ 1869 году въ Москву и обратно, сидя въ вагонахъ вдвоемъ со мною, передалъ мнѣ, что къ Пасхѣ онъ будетъ назначенъ исправляющимъ должность министара путей сообщенія, что онъ рѣшился принять эту должность только въ полной увѣренности, что я ему буду усерднымъ помощникомъ, такъ какъ онъ убѣдился въ совершенномъ знаніи мною дѣла и въ уваженіи, которое ко мнѣ питаютъ всѣ инженеры путей сообщенія и всѣ правленія частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Вслѣдствіе этого онъ спрашивалъ меня, какого рода положеніе я желаю имѣть въ его министерствѣ.

Я просилъ его не давать мнѣ особаго офиціальнаго положенія, а оставить членомъ совѣта министерства до того времени, пока онъ ознакомится со всѣми дѣлами. Я же во все это время готовъ буду ему помогать всегда, когда онъ заявитъ въ томъ надобность, и онъ при такомъ положеніи можетъ принимать или не принимать моихъ совѣтовъ. Въ послѣднемъ случаѣ я не буду оскорбляться, тогда какъ, имѣя офиціальное положеніе, я не буду въ состояніи, если онъ будетъ дѣйствовать вопреки моимъ представленіямъ, сохранить это положеніе. Когда же онъ почувствуетъ, что я ему болѣе не нуженъ, то я желалъ бы вполнѣ разстаться съ министерствомъ путей сообщенія и быть назначеннымъ къ присутствованію въ Сенатѣ.

Бобринскій отвѣчалъ мнѣ, что, конечно, я всегда буду ему нуженъ, но что ему желательно, чтобы я, занимая первое послѣ него мѣсто въ министерствѣ, былъ не только не офиціальнымъ его совѣтникомъ, но и принималъ дѣятельное участіе въ ходѣ дѣлъ, въ особенности по желѣзнымъ дорогамъ. Онъ, по его словамъ, узналъ по собственному опыту, что званіе товарища министра не даетъ никакихъ правъ въ министерствѣ, такъ какъ ему не подвѣдома никакая часть министерства, что онъ старшій чиновникъ по особымъ порученіямъ при министрѣ и что въ этомъ положеніи находятся товарищи всѣхъ прочихъ министровъ.

Перебирая ихъ поименно, онъ замѣтилъ, что военный министръ обходится безъ товарища, а такъ какъ онъ не имѣлъ никакого понятія о всей нашей администраціи, то просилъ меня указать, какъ можетъ обходиться военный министръ безъ товарища.

Я ему объяснилъ, что военное министерство раздѣляется на главныя управленія, начальники которыхъ, не называясь товарищами, сравнены съ ними въ правахъ и сверхъ того имѣютъ особыя права по управленію своими частями, такъ что ими разрѣшается много изъ того, что въ другихъ вѣдомствахъ предоставлено разрѣшенію самихъ министровъ.

Это подало Бобринскому мысль уничтожить званіе товарища министра путей сообщенія и установить должности начальника управленія шоссейными и водяными сообщеніями и начальника управленія желѣзными

дорогами, предоставивъ имъ тѣ же права, какія даны начальникамъ главныхъ управленій въ военномъ министерствѣ, надѣясь черезъ это имѣть болѣе свободнаго времени, которое онъ могъ бы употребить для общихъ высшихъ соображеній по устройству путей сообщенія. Онъ тутъ же предложилъ мнѣ должность начальника управленія всѣми желѣзными дорогами.

Я снова повторилъ ему о нежеланіи моемъ принять какое бы то ни было официальное положеніе, такъ какъ наши взгляды на дѣло могутъ разойтись, и тогда мнѣ придется опять обратиться въ члены совѣта министерства, что я считаю нравственною смертію, и что, испробовавъ уже разъ такую смерть, я не хочу ей подвергаться въ другой разъ въ томъ же вѣдомствѣ.

Бобринскій повторилъ увѣренность, что никогда со мною не разстанется, но что такъ какъ онъ не располагаетъ долго оставаться министромъ, то онъ,—когда я болѣе не захочу при немъ оставаться въ министерствѣ, а равно при оставленіе имъ должности министра,—даетъ слово выхлопотать мнѣ званіе сенатора въ томъ случаѣ, если я не буду назначенъ на его мѣсто, а это можетъ случиться только въ томъ предположеніи, что Государь пожелаетъ имѣть министра болѣе молодого, чѣмъ я.

Я отвѣчалъ, что вовсе не желаю быть министромъ, а очень буду доволенъ полученіемъ сенаторскаго званія. При назначеніи графа Алексѣя Павловича Бобринскаго на мѣсто графа Владиміра Алексѣевича мнѣ пришла въ голову мысль, что послѣдній не предназначалъ ли уже въ то время въ преемники себѣ своего двоюроднаго брата.

По нашемъ возвращеніи въ Петербургъ, былъ учрежденъ въ этомъ городѣ комитетъ для усиленія средствъ къ перевозкѣ грузовъ по замосковнымъ желѣзнымъ дорогамъ, а въ Москвѣ временное управленіе по устройству второго пути на Московско-Курской желѣзной дорогѣ. Въ комитетѣ предсѣдателемъ назначенъ графъ В. А. Бобринскій, а членами я и директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ Н. И. Липинъ. Предсѣдателемъ временнаго управленія въ Москвѣ Д. П. Зуевъ, а управляющій Московско-Курскою желѣзною дорогою П. З. Кавецкій въ число ея членовъ.

Графъ Бобринскій согласился на первое время ограничиться проложеніемъ второго пути на половинномъ протяженіи Московско-Курской желѣзной дороги, именно до станціи Сергіево, но никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы могло потребоваться ежедневно менѣе 18 приходящихъ въ Москву поѣздовъ и столькихъ же отходящихъ, и на этомъ предположеніи расчитывалъ потребное количество подвижного состава, такъ что приходилось добавить къ имѣвшемуся числу подвижного состава до 100 паровозовъ и 2.217 вагоновъ.

Комитетъ, предоставивъ временному управленію въ Москвѣ полное распоряженіе по заготовленію рабочихъ и поставокъ для второго пути, занялся заготовленіемъ рельсовъ и подвижного состава и заказомъ мостовъ. Остановились на томъ, что всѣ мосты были заказаны Коломенскому заводу Струве, бо̀льшая часть рельсовъ—заводу Путилова, близъ Петер-

бурга, и значительная часть вагоновъ—заводу Вильямса и Бухтѣева въ Москвѣ; остальная же часть вагоновъ заказана въ Англіи.

На поставку паровозовъ также явилось много охотниковъ, преимущественно комиссіонеровъ, изъ которыхъ многіе соглашались на доставку паровозовъ въ такой короткій срокъ, въ который они явно не могли быть окончены. Извѣстно было, что всѣ паровозные заводы были завалены работою. Понятно, что поставщикамъ хотѣлось только получить подрядъ, а объ исполненіи его въ срокъ они не заботились. Сверхъ того, являлось сомнѣніе, что предлагаемые паровозы будутъ устроены согласно одобреннымъ чертежамъ и спецификаціямъ: поставщики надѣялись на то, что въ паровозахъ нуждаются, а потому примутъ ими привезенные паровозы, хотя бы они и не удовлетворяли всѣмъ требованіямъ заказа. Все это привело къ рѣшенію послать за границу довѣренное лицо, которому поручить заказъ на 1.790.000 р. паровозовъ (приблизительно 73), такъ какъ 20 паровозовъ положено было взять изъ заготовленныхъ для Кіево-Балтской желѣзной дороги и 8 были заказаны Воткинскому казенному заводу.

Выборъ такого лица былъ очень затруднителенъ. Кромѣ честолюбія и свѣдѣній по механической части, оно должно было быть хорошо извѣстно иностраннымъ заводчикамъ, которые вообще неохотно вступаютъ въ сношеніе съ неизвѣстными имъ лицами, а тѣмъ менѣе согласятся на предложеніе незнакомаго имъ заказчика изготовить паровозы въ назначенный короткій срокъ. Видя всѣ эти затрудненія, я предложилъ свои услуги и 3-го апрѣля я былъ увѣдомленъ, что по Высочайшему повелѣнію мнѣ порученъ заказъ паровозовъ на выше упомянутую сумму и того количества рельсовъ, которое потребуется сверхъ заказанныхъ Путилову.

Паровозы должны прибыть въ Россію не позже декабря 1869 года, а рельсы въ наступавшую навигацію сколь возможно скорѣе. Въ помощь мнѣ, по моей просьбѣ, былъ назначенъ управляющій Московско-Ярославской желѣзной дорогой Василій Александровичъ Шмидтъ. Выборъ мой палъ на Шмидта потому, что я зналъ его за честнѣйшаго человѣка, своими практическими знаніями по употребленію паровозовъ въ Россіи онъ былъ мнѣ очень полезенъ при ихъ заказѣ вообще, а въ особенности въ Германіи, по совершенному знанію имъ нѣмецкаго языка.

Согласно моему назначенію, на путевые и другіе расходы по заказамъ выдано было мнѣ 1500 и Шмидту 1000 руб. 4-го апрѣля, наканунѣ моего отъѣзда за границу, я былъ въ домѣ министерства путей сообщенія для полученія, выработанныхъ комитетомъ для усиленія средствъ перевозки грузовъ по замосковнымъ желѣзнымъ дорогамъ, проектовъ техническихъ и финансовыхъ условій по заказу паровозовъ и рельсовъ. Условія по заказу давались мнѣ только какъ образецъ, съ правомъ въ случаѣ надобности ихъ измѣнять.

Въ этотъ день, въ образной комнатѣ министерства путей сообщенія, было совершено благодарственное молебствіе по случаю избавленія Государя отъ руки убійцы 4 апрѣля 1866 года. При молебствіи были всѣ чи-

новники министерства, которымъ не могло не броситься въ глаза совершенное незнаніе Бобринскимъ обрядовъ богослуженія православной церкви и его къ нему безучастіе. Я уже замѣтилъ это во время похоронъ его отца. Вслѣдствіе воспитанія Бобринскаго, онъ казался иностранцемъ. Онъ даже не вполнѣ хорошо говорилъ по-русски и плохо зналъ русскую исторію и географію.

Ѳ. В. Чижовъ, въ бытность его профессоромъ Петербургскаго университета, познакомясь очень близко съ родителями Владиміра Бобринскаго, когда послѣднему было 13 лѣтъ, обратилъ ихъ вниманіе на совершенное незнаніе ихъ тремя сыновьями отечественнаго языка, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ преподавать имъ русскій языкъ, но онъ, отказавшись отъ этого предложенія, рекомендовалъ учителя русскаго языка. Собственно этому обстоятельству обязаны сыновья Алексѣя Алексѣевича Бобринскаго тѣмъ, что они умѣютъ, хотя и не совсѣмъ правильно, говорить и писать по-русски.

Чижовъ, во все время жизни родителей В. Бобринскаго, оставался съ ними, и въ особенности съ его матерью, въ наилучшихъ отношеніяхъ, которыя поддерживались перепискою, возвращенною Чижову по смерти матери Бобринскаго.

По пріѣздѣ 7-го (13) апрѣля въ Берлинъ, гдѣ мы остановились въ Hotel d'Angleterre, я со Шмидтомъ немедля отправились въ паровозный заводъ Борзига, который былъ заваленъ работою и, сверхъ того, находилъ весьма затруднительнымъ приготовить, согласно нашимъ техническимъ условіямъ, паровозы въ теченіе настоящаго года. Борзигъ считалъ себя весьма мнѣ обязаннымъ, потому что я первый изъ русскихъ сдѣлалъ ему заказъ паровозовъ и впослѣдствіи, благодаря моимъ хорошимъ отзывамъ объ его паровозахъ, онъ сдѣлался главнымъ ихъ поставщикомъ въ Россіи.

Видя, что я придаю весьма важное значеніе успѣху моего заказа и что онъ можетъ повліять на дальнѣйшую мою карьеру, Борзигъ убѣдилъ нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ заказчиковъ отдалить сроки ихъ поставокъ, такъ что могъ у меня принять поставку 20 паровозовъ.

Въ Берлинѣ два заводчика, Шварцкопфъ и Веллертъ, предлагали приготовить къ назначенному сроку по 10 паровозовъ. Я нашелъ ихъ работу очень хорошею, но, имѣя въ виду, что эти заводчики неизвѣстны въ Россіи, а что, можетъ быть, можно будетъ въ другихъ мѣстахъ заказать паровозы извѣстнымъ заводчикамъ и по болѣе умѣренной цѣнѣ, я до времени отклонилъ ихъ предложенія.

Изъ Берлина мною были посланы телеграммы разнымъ заводчикамъ въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи и Австріи. Большая часть отвѣчали, что въ назначенный мною короткій срокъ не могутъ вовсе изготовить паровозовъ. Другіе полагали возможнымъ поставить отъ 6 до 8 паровозовъ и только весьма немногіе—20 паровозовъ.

Имѣя въ виду, что эксплоатація дороги была бы весьма затруднена при имѣніи паровозовъ, изготовленныхъ многими заводами, я рѣшился

войти въ соглашеніе только съ тѣми заводчиками, которые предлагали поставить къ назначенному мною сроку не менѣе 20 паровозовъ. Вызовъ, сдѣланный петербургскими комиссіонерами,—поставить всѣ требовавшіеся паровозы къ назначенному сроку съ того завода, который былъ бы избранъ министерствомъ путей сообщенія, лишилъ ихъ моего послѣдняго довѣрія и побудилъ меня принять на себя поручить заказъ паровозовъ, чтобы имѣть увѣренность въ срочной ихъ поставкѣ.

Вышеупомянутые отзывы заводчиковъ на мои требованія доказываютъ, что я не ошибался на счетъ невозможности довѣрить петербургскимъ комиссіонерамъ. Четыре дня, проведенныхъ мною въ Берлинѣ, употреблены на весьма дѣятельные переговоры съ берлинскими заводчиками, на почтовую и телеграфную корреспонденціи и на заключеніе съ Борзигомъ контракта, примѣненнаго къ выработаннымъ въ Петербургѣ условіямъ, которыя необходимо было перевести на нѣмецкій языкъ.

10-го апрѣля былъ уже заключенъ контрактъ съ Борзигомъ, о чемъ я въ этотъ же день увѣдомилъ Бобринскаго, съ которымъ я велъ дѣятельную корреспонденцію по почтѣ и телеграфу. Берлинскіе паровозные заводчики задали мнѣ обѣдъ въ какомъ-то клубѣ, котораго помѣщеніе и меблировка были очень просты. Мнѣ сказали, что прежде вовсе не было въ Берлинѣ клубовъ, а что тотъ, въ которомъ они давали мнѣ обѣдъ, открытъ былъ недавно. Передъ обѣдомъ была по русскому обычаю закуска: зернистую икру подали затхлую. Обѣдъ былъ дорогой, но качествомъ посредственный: нѣмцы не умѣютъ порядочно ѣсть.

За обѣдомъ Шварцкопфъ сказалъ мнѣ очень хорошо составленную привѣтственную рѣчь, на которую мнѣ пришлось отвѣчать по-нѣмецки. Въ рѣчи Шварцкопфъ выставлялъ меня покровителемъ нѣмецкой промышленности. Хорошо, что это ускользнуло отъ тогдашнихъ редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей» Каткова и Леонтьева, а то они не упустили бы укорять меня этимъ покровительствомъ, хотя оно только и существовало въ воображеніи Шварцкопфа.

Изъ англійскихъ заводчиковъ только Бейерсъ и Пикокъ заявили по телеграммѣ, полученной мною въ Берлинѣ, о возможности изготовить къ назначенному мною сроку 20 паровозовъ. Не желая для одного этого заказа ѣхать въ Англію, я по телеграфу вызвалъ въ Калэ одного изъ владѣльцевъ означеннаго завода, а также и жившаго въ Лондонѣ инженера путей сообщенія Грека, чтобы имѣть подъ рукою человѣка, хорошо знающаго англійскій языкъ, и чтобы передать ему подробности по заказу рельсовъ для Московско-Курской желѣзной дороги.

По дорогѣ изъ Берлина въ Калэ, въ Меттихѣ сѣлъ въ отдѣленіе вагона, въ которомъ я и Шмидтъ ѣхали вдвоемъ, молодой человѣкъ щегольски-одѣтый и пріятной наружности. Онъ спросилъ у меня, который часъ на моихъ часахъ. Я отвѣчалъ ему и присовокупилъ, что мои часы идутъ по Берлинскому времени и потому идутъ впередъ. Молодой человѣкъ просилъ на это объясненія, и когда я исполнилъ его просьбу, онъ, видимо ничего не слы-

хавшій о меридіанахъ, отвѣчалъ: «c'est bien drole»; а когда я ему сказалъ, что ѣду изъ страны, въ которой часы идутъ еще болѣе впередъ, онъ снова воскликнулъ: «Ah, que c'est drole.»

Потомъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ Брюссельскій адвокатъ и ѣздилъ въ Литтихъ для защиты одного дѣла, которая ему вполнѣ удалась, и что онъ этимъ очень доволенъ тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ увѣренъ въ виновности имъ защищаемаго лица. Вслѣдъ затѣмъ онъ разсказалъ, что онъ умѣлъ свалить вину обвиняемой женщины на другую, завѣдомо для него невиновную, которую судъ приговорилъ къ наказанію.

Дѣло было въ убійствѣ матерью незаконнорожденнаго ребенка. Видя, что я и Шмидтъ пришли въ негодованіе отъ его разсказа, онъ извинялъ себя тѣмъ, что мать за убійство своего ребенка была бы наказана гораздо строже, чѣмъ посторонняя женщина. Онъ хвастался тѣмъ, что ему не разъ удавалось достигать оправданія виновныхъ лицъ своею удачною защитою. На сдѣланное мною ему замѣчаніе, что должно быть пріятнѣе защищать лицъ несправедливо обвиняемыхъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, что такія лица не нуждаются въ хорошихъ адвокатахъ и платятъ мало, а что онъ наживаетъ деньги только отъ дѣйствительно виновныхъ, которые убѣждены, что ему ничего не стоитъ свалить ихъ вину на невинныхъ лицъ. Эти слова, сказанныя очень просто, такъ сильно подѣйствовали на правдиваго Шмидта, что онъ весьма живо пересѣлъ на другую сторону вагона, чтобы не слушать дальнѣйшихъ разсказовъ встрѣченнаго нами адвоката.

Въ Калэ я нашелъ вызванныхъ мною Бейерса и Грека. 12-ое апрѣля прошло въ переговорахъ съ первымъ изъ нихъ. Онъ зналъ по-нѣмецки и потому по контракту, заключенному мною съ Борзигомъ, легко могъ узнать, въ чемъ состоятъ мои требованія. Я заказалъ ему 20 паровозовъ, а для заключенія контракта онъ долженъ былъ пріѣхать въ Парижъ, куда Грекъ поѣхалъ со мною.

Бейерсъ упросилъ меня дать ему на одинъ день Борзиговскій контрактъ для показанія его своему товарищу и перевода на англійскій языкъ.

Я ему долго отказывалъ, такъ какъ я хотѣлъ немедля по пріѣздѣ въ Парижъ приступить къ заказу паровозовъ и контрактъ на нѣмецкомъ языкѣ могъ мнѣ пригодиться, прежде чѣмъ я успѣлъ бы его перевести на французскій. По полученіи отъ Бейерса честнаго слова, что контрактъ, заключенный съ Борзигомъ, будетъ присланъ въ Парижъ не позже утра 14 числа, а что 13-е приходилось въ воскресенье, я согласился оставить ему упомянутый контрактъ.

14-го числа утромъ я пошелъ въ Парижское бюро poste restante, гдѣ узналъ, что дѣйствительно утромъ полученъ былъ на имя генералъ-лейтенанта барона Дельвига конвертъ, который отосланъ въ Женеву, на основаніи требованія, полученнаго почталіономъ отъ генералъ-лейтенанта барона Дельвига нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.

Оказалось, что братъ мой Николай, выѣхавъ изъ Россіи, думалъ проѣхать черезъ Парижъ на югъ Франціи и потому назначилъ адресовать

всѣ письма къ нему въ этотъ городъ poste restante, но, не доѣхавъ до Парижа, писалъ въ Парижское почтовое управленіе, чтобы оно пересылало все, къ нему адресованное, въ его мѣстожительство, которымъ была въ то время Женева. Эта аккуратность французскаго почтоваго управленія меня удивила. Тѣмъ не менѣе она была причиною, что я не могъ приступить къ заказу паровозовъ въ Парижѣ до присылки моимъ братомъ конверта съ контрактомъ Борзига, который я вытребовалъ у него по телеграфу.

Всѣ гостиницы Парижа были переполнены. Получивъ отказъ въ нѣсколькихъ гостиницахъ, къ которымъ я подъѣзжалъ съ моими спутниками, мы, наконецъ, нашли въ гостиницѣ du Jardin, противъ Тюльерійскаго сада, очень хорошій номеръ, состоящій изъ трехъ комнатъ съ четырьмя кроватями, хорошей гостиной, передней и коридоромъ,—комнаты были чистыя, свѣтлыя и хорошо меблированныя,—за 18 франковъ въ сутки, что мнѣ показалось очень дешево. Правда, что помѣщеніе наше было по счету въ 4 этажѣ (au second audessus de lentresol) и выходило окнами во дворъ.

Я немедля отыскалъ жившаго въ Парижѣ М. Р. Богомольца, бывшаго строителемъ Троицкой желѣзной дороги, и старыхъ моихъ знакомыхъ, служащихъ во французскомъ министерствѣ публичныхъ работъ Эмиля Витта и Палаа.

Богомолецъ бывалъ у насъ каждый день, и я у него разъ обѣдалъ съ красивой его женой и милыми дѣтьми. Палаа, почти ежедневно у меня бывавшій, былъ мнѣ полезенъ для разныхъ справокъ. Я его кормилъ обѣдами въ ресторанѣ Елисейскихъ полей. Онъ былъ счастливъ не только тѣмъ, что обѣдаетъ даромъ, но и тѣмъ, что угощается высокимъ русскимъ сановникомъ (haut dignitaire russe).

Переговоры я началъ вести съ разными французскими заводчиками, но заводы Крезо, Шнейдера и нѣкоторые другіе съ перваго слова заявили, что къ назначенному сроку не могутъ поставить ни одного паровоза. Заводчикъ Андре изъ Мильгаузена заявилъ мнѣ очень любезно о своемъ желаніи войти въ сношеніе съ Россіею по поставкѣ паровозовъ, но когда услыхалъ о срокѣ поставки, то не медля, не простясь, вышелъ изъ моей комнаты. Одинъ изъ администраторовъ завода Кайля и Фивъ-Лиль, прочитавъ условія по заказу паровозовъ, объявилъ мнѣ, что всѣ администраторы этихъ заводовъ считаютъ себя столько обязанными мнѣ за справедливое веденіе въ 1865 году слѣдствія по ремонту и содержанію домомъ Кайля подвижного состава на Николаевской желѣзной дорогѣ, что онъ готовъ для меня сдѣлать невозможное и изготовить, согласно проэкту предлагавшихся условій и къ назначенному сроку, всѣ еще не заказанные мною 33 паровоза.

Для окончанія переговоровъ онъ просилъ меня быть на другой день въ ихъ администраціи, въ которой будутъ присутствовать всѣ ея члены. Въ назначенный часъ я былъ встрѣченъ этими господами съ повтореніемъ тѣхъ же похвалъ мнѣ и благодарности, которыми наканунѣ осыпалъ меня

одинъ изъ нихъ. Вслѣдъ за этимъ было приступлено къ весьма подробному разсмотрѣнію техническихъ условій заказа паровозовъ. Каждый пунктъ весьма серьезно дебатировался. Это продолжалось болѣе 4 часовъ.

По окончаніи разсмотрѣнія условій, администраторы мнѣ объявили, что у нихъ есть почти готовые 18 восьмиколесныхъ 45-тонныхъ паровозовъ, заказанныхъ для Кіево-Балтской дороги, которые они могутъ передать Московско-Курской, конечно, по цѣнѣ возвышенной пропорціонально числу тоннъ въ паровозахъ, съ тѣмъ, чтобы имъ дали отсрочку на поставку паровозовъ для первой изъ сихъ дорогъ, но что они не принимаютъ на себя изготовленія къ назначенному времени паровозовъ по изложеннымъ мною техническимъ условіямъ. Это меня сильно взбѣсило. Къ чему наканунѣ было обѣщаться, что домъ Кайля изготовитъ эти паровозы по моему требованію? Къ чему мучили они себя и меня 4-хъ часовыми преніями объ условіяхъ, мною изложенныхъ? Къ чему заставили меня потерять въ переговорахъ съ этимъ домомъ два дня по заказу этихъ паровозовъ? Вѣроятно, для того, чтобы, утомивъ меня, получить мое согласіе на поставку на Московско-Курскую желѣзную дорогу 18-ти 45-ти тонныхъ паровозовъ, изготовленныхъ для Кіево-Балтской желѣзной дороги, и затѣмъ получить заказъ и на остальные паровозы по тому же типу.

Я вспомнилъ при этомъ странное поведеніе дома Кайля при заказѣ мною въ 1860 году паровозовъ для Троицкой желѣзной дороги, описанное въ VIII главѣ «Моихъ воспоминаній», и прекратилъ мои сношенія съ этимъ домомъ.

Парижскій заводъ Гуэна принялъ на себя поставку 20 паровозовъ, и затѣмъ остальные 13 я полагалъ возможнымъ заказать въ Австріи или Берлинѣ.

Въ Парижѣ я получилъ увѣдомленіе отъ главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ Граве, что министръ Мельниковъ запретилъ печатаніе ежемѣсячныхъ вѣдомостей о сборахъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ безъ предварительной цензуры департамента желѣзныхъ дорогъ. Эти вѣдомости, много послужившія къ полученію Россіею кредита для устройства желѣзныхъ дорогъ, печатались мною уже нѣсколько лѣтъ сряду, сначала въ «Русскомъ Инвалидѣ», а впослѣдствіи въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», которые доставляли мнѣ нѣсколько экземпляровъ особо отпечатанныхъ. Въ нихъ иногда приводились весьма краткія замѣчанія, объясняющія причины бо́льшихъ или меньшихъ сборовъ на дорогахъ, противъ соотвѣтствующихъ мѣсяцевъ прошедшаго года. Эти замѣчанія, вѣроятно, не понравились Мельникову. Впослѣдствіи ежемѣсячныя вѣдомости издавались департаментомъ желѣзныхъ дорогъ безъ упомянутыхъ замѣчаній.

Это была послѣдняя противъ меня выходка министра Мельникова: 20-го апрѣля онъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а исправляющимъ должность министра путей сообщенія назначенъ графъ В. А. Бобринскій, съ которымъ я продолжалъ вести дѣятельную переписку по почтѣ и по телеграфу.

Мои занятія по заказу паровозовъ въ Парижѣ были такъ дѣятельны, что я мало имѣлъ свободнаго времени, однако же былъ въ русской церкви въ послѣдніе дни Страстной недѣли и у заутрени въ Свѣтлое Христово Воскресенье, а послѣ заутрени разгавливался въ многочисленномъ русскомъ обществѣ у нашего посла графа Штакельберга, пріемъ у котораго былъ великолѣпный; прислуги много и она богато одѣта. На другой день праздника я у него обѣдалъ запросто. Наполеона III и жену его Евгенію я видѣлъ въ Булонскомъ лѣсу и на бѣгахъ. На послѣднихъ мнѣ пришлось нѣсколько разъ очень близко встрѣчаться съ императоромъ. Великолѣпіе этихъ бѣговъ неоднократно описано и я не буду о нихъ говорить.

Въ концѣ Святой недѣли Грекъ выѣхалъ въ Лондонъ, Шмидтъ поѣхалъ въ Россію черезъ Берлинъ, а я въ Женеву провѣдать моего больного брата, который жилъ съ женою и двумя дочерьми въ пансіонѣ, содержимомъ въ домѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Вольтеру. При домѣ былъ старинный садъ. Я остановился въ гостиницѣ des Bergues на четыре дня, которые съ утра до вечера проводилъ у брата. Онъ видимо терялъ силы, едва передвигался на ногахъ и лишился употребленія рукъ, но онъ еще прогуливался со мною по саду, и мы каждый день ѣздили въ экипажѣ по окрестностямъ Женевы.

1-го мая я былъ уже въ Вѣнѣ, которая съ перваго моего посѣщенія въ 1847 г. совершенно измѣнилась. По случаю рейхстага, городъ былъ переполненъ, и я съ трудомъ нашелъ въ гостиницѣ одну маленькую и грязную комнату, что меня побудило какъ можно скорѣе оставить Вѣну. Въ три дня, проведенные мною въ этомъ городѣ, я видѣлся съ бывшимъ управляющимъ Кайля и К^0 по ремонту подвижного состава на Николаевской желѣзной дорогѣ Готшалькомъ. Онъ занималъ въ 1869 году и теперь (1876 г.) еще занимаетъ должность начальника станціи южныхъ Австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ составъ которыхъ входятъ дороги Земмерингъ и Бреннеръ. Сѣть ихъ въ 1869 году простиралась болѣе чѣмъ на 1500 верстъ.

Я видѣлся съ Готшалькомъ въ слѣдующія мои посѣщенія въ Вѣнѣ, а въ 1875 году онъ пробылъ часа два у меня въ Петербургѣ, куда пріѣзжалъ, послѣ долгой болѣзни, отдохнуть отъ трудовъ и повидаться съ своими двумя сестрами, живущими съ ихъ мужьями въ Петербургѣ. Не имѣя никого родныхъ, кромѣ упомянутыхъ двухъ сестеръ, и предпочитая петербургскую жизнь вѣнской, онъ постоянно заявлялъ желаніе получить мѣсто въ Россіи, хотя бы и съ меньшимъ содержаніемъ.

Въ 1870-мъ году главное общество русскихъ желѣзныхъ дорогъ намѣревалось пригласить его на мѣсто директора Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, но не знаю, почему это не состоялось. Готшалькъ мнѣ ежегодно присылаетъ свои «Notes sur le service de traction des chemins de ferdu Zud de l'Autriche».

Въ 1869 году онъ меня познакомилъ съ Вѣнѣ съ разными желѣзнодорожными дѣятелями и, между прочими, съ Энгертомъ, изобрѣтателемъ паровоза для Земмерингской желѣзной дороги.

Удостовѣрясь, что въ Австріи нельзя найти ни одного завода, который въ короткій срокъ могъ бы изготовить еще не заказанные мною 13 паровозовъ, я по перепискѣ заказалъ 3 Борзигу въ дополненіе къ 20 прежде заказаннымъ и 10 Берлинскому же заводу Шварцкопфа съ тѣмъ, чтобы послѣдній всѣ части паровозовъ для Московско-Курской желѣзной дороги устроилъ по модели Борзига, во избѣжаніе по возможности разнообразія типовъ паровозовъ на дорогѣ, столь неудобнаго для эксплоатаціи. Шварцкопфъ подписанный имъ контрактъ, 18-го мая, прислалъ мнѣ въ Карлсбадъ.

Этимъ заканчивалось данное мнѣ порученіе по заказу паровозовъ и рельсовъ. Для перевода контрактовъ на русскій языкъ я вызвалъ въ Карлсбадъ механика Винклера, наблюдавшаго въ Берлинѣ за устройствомъ на заводѣ Борзига паровозовъ для Московско-Ярославской желѣзной дороги. 17/29 мая мною посланы графу В. А. Бобринскому всѣ контракты, заключенные на поставку паровозовъ для Московско-Курской желѣзной дороги, а именно:

1. Съ А. Борзигомъ въ Берлинѣ 11/23 апрѣля, 20 паровозовъ съ тендерами по 20.100 талеровъ за каждый, съ поставкою въ Орелъ первыхъ 10 къ 15 ноября, а послѣднихъ къ 1 декабря стараго стиля, на сумму 402.000 талеровъ, и запасныхъ вещей на 18.200, итого на 420.200 талеровъ.

2. Съ нимъ же 13/25 мая, трехъ паровозовъ съ тендерами по той же цѣнѣ, съ поставкою въ Орелъ въ декабрѣ 1869 года, на сумму 60.300 талеровъ.

3. Съ Шварцкопфомъ въ Берлинѣ 13/25 мая, 10 паровозовъ съ тендерами по 19.901 талеровъ за каждый, съ поставкою въ Орелъ къ 15 декабря ст. стиля, на сумму 199.000 талеровъ, запасныхъ вещей на 3.190, итого на 202.190 талеровъ. Сверхъ того по особой его подпискѣ запасныхъ вещей на 6.610 талеровъ.

Итого заказано всего въ Берлинѣ на 689.300 талеровъ.

4. Съ Бейерсъ, Пикокъ и К⁰ въ Манчестерѣ $^{18}/_{30}$ апрѣля, 20 паровозовъ съ тендерами по 2950 фун. стерл. за каждый, съ поставкою въ Орелъ къ 1 декабря стараго стиля, на сумму 59.000 фун. стерл., запасныхъ вещей на 2.250 ф., итого на 61.250 фун. стерл.

5. Съ Гуэнъ и К⁰ въ Парижѣ $^{21}/_{3}$ апрѣля, 20 паровозовъ съ тендерами по 75.000 фр. за каждый, съ поставкою въ Орелъ къ 1 декабря стараго стиля, на сумму 1.500.000 фр., запасныхъ вещей на 80.000, итого на 1.580.000 фр.

Затѣмъ, считая одинъ талеръ въ 93 коп., одинъ фун. стерл. въ 6 р. 25 к. и одинъ франкъ въ 25 к., получимъ весь заказъ въ:

$689.300 \times 0{,}93$ р. $+ 61.250 \times 6$ р. $25 + 1.580.000 \times 0{,}25 = 1.548.812$ мет. рублей.

При курсѣ на Парижъ за рубль 320 сантимовъ потребно прибавить къ означенной суммѣ 25%, итого на уплату за заказанные паровозы требуется 1.773.302 кред. руб., а прибавляя на всѣ паровозы 225 руб., добавочныхъ за перевозку въ случаѣ доставленія ихъ не въ Орелъ, а черезъ

Петербургъ въ Москву, итого 16.245 руб., всего потребуется 1.789.517 кред. руб., сумма почти равная назначенной на заказъ паровозовъ для Московской желѣзной дороги.

Вмѣстѣ съ этими контрактами представлены мною три контракта, заключенныхъ инженеромъ Грекомъ съ тремя заводчиками на поставку къ 1 іюня 1869 года 5.330 тоннъ съ принадлежностями на 13.877 фун. стерл.

Наблюденіе за исполненіемъ заказовъ поручено было въ Берлинѣ Винклеру, съ платою ему по 30 талеровъ за каждый паровозъ, а въ Англіи и Франціи инженеру Греку по 80 фун. стерл. за каждый паровозъ, такъ какъ онъ долженъ былъ дѣлать расходы при разъѣздахъ. Греку уже въ 1868 году былъ порученъ заказъ рельсовъ и наблюденіе за его исполненіемъ, съ вознагражденіемъ по 1 шиллингу съ тонны рельсовъ; по заказаннымъ имъ, по моему порученію, рельсамъ онъ получилъ то же вознагражденіе.

Всѣ заказанные мною паровозы оказались весьма хорошими во всѣхъ частяхъ, исключая колесъ въ паровозахъ Гуэна, которыя имъ впослѣдствіи были замѣнены новыми.

При принятіи на себя порученія по заказу паровозовъ и рельсовъ, я просилъ объ увольненіи меня въ отпускъ къ Карлсбадскимъ водамъ, а потому, по окончаніи означеннаго порученія, я воспользовался съ 17-го мая этимъ отпускомъ. Въ Карлсбадѣ я остановился, какъ и въ послѣдній пріѣздъ, на Маріенбадской улицѣ въ домѣ подъ названіемъ «Stadt Wien».

Въ «Моихъ воспоминаніяхъ» я уже три раза говорилъ о моемъ пребываніи въ Карлсбадѣ, а потому ничего не скажу о немъ здѣсь: пользовался у того же доктора Зегена, тѣми же водами Мюльбрунъ и Шпрудель, ѣлъ тѣ же плохіе обѣды, за исключеніемъ вновь устроеннаго и при мнѣ открытаго обширнаго ресторана Sans-Soucis по дорогѣ изъ Карлсбада въ Постгофъ, гдѣ можно было нѣсколько лучше обѣдать на свѣжемъ воздухѣ въ немногіе теплые дни, и ресторана «Австрія» на Нейе-Визе, гдѣ давали сносное мясо.

Знакомые мои въ Карлсбадѣ были почти тѣ же, что и въ прошедшіе мои пріѣзды. Вообще скука была непомѣрная. Изъ знакомыхъ моихъ въ Карлсбадѣ былъ полковникъ Дохтуровъ, съ которымъ я часто говорилъ о томъ, что желалъ бы или оставить совсѣмъ службу, или остаться членомъ совѣта министерства путей сообщенія, но никакой дѣятельной должности не принимать. Дохтуровъ, напротивъ того, уговаривалъ меня не отказываться отъ мѣста, которое мнѣ предложитъ графъ В. А. Бобринскій, полагая, что я черезъ это сдѣлаю карьеру, но впослѣдствіи оказалось, что это желаніе Дохтурова было не безкорыстно: онъ надѣялся черезъ меня попасть въ чиновники особыхъ порученій при Бобринскомъ, чтобы быть назначеннымъ въ полковые командиры, а главное, не выѣзжать изъ Петербурга, въ которомъ онъ велъ значительную карточную игру.

Но это не удалось Дохтурову. Онъ впослѣдствіи добылъ себѣ службу по военному министерству.

Во второй половинѣ мая я получилъ отъ графа В. А. Бобринскаго слѣдующее письмо:

«При послѣднемъ моемъ докладѣ *) я коснулся вопроса вообще о преобразованіи министерства.

«Результатъ разговора слѣдующій:

«1. Товарища вовсе не опредѣлять.

«2. Учредить два управленія съ начальниками этихъ управленій, по примѣру военнаго министерства.

«3. Одному изъ этихъ начальниковъ, во время отсутствія министра, поручить управленіе министерствомъ (при этомъ il est convenu, что, пока вы были бы начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ, управленіе министерствомъ во время моего отсутствія поручить вамъ).

«4. Вообще усилить права этихъ начальниковъ такъ, чтобы обыкновенный ходъ дѣлъ былъ бы возложенъ на нихъ.

«5. Государь изъявилъ желаніе, чтобы вы приняли должность начальника управленія желѣзными дорогами.

«Засимъ перехожу къ моему общему взгляду на будущій ходъ дѣлъ и преобразованіе министерства.

«Я желаю, чтобы при преобразованіи министерства значеніе, власть и отвѣтственность начальниковъ отдѣльныхъ частей были бы до того усилены, чтобы большая часть дѣлъ не доходила до министра, который дѣйствительно могъ бы подѣлиться предоставленными ему правами съ начальниками отдѣльныхъ частей.

«Недостатокъ теперешней системы состоитъ именно въ томъ, что всѣ дѣла доходятъ до министра или его товарища, между тѣмъ какъ я желаю, чтобы всѣ дѣла разрѣшались начальниками частей и только важныя дѣла доходили бы черезъ нихъ до министра, который только тогда въ состояніи будетъ заниматься дѣломъ.

«Для разрѣшенія же важныхъ дѣлъ и для выбора лицъ министру не нужно товарища въ смыслѣ, предоставленномъ закономъ товарищу, а онъ можетъ посовѣтываться съ начальниками отдѣльныхъ частей, которые каждый по своей части несутъ отвѣтственность и отъ которыхъ зависитъ дальнѣйшее примѣненіе и исполненіе рѣшенныхъ мѣръ.

«У каждаго начальника управленія будетъ помощникъ, въ родѣ начальника департамента, который будетъ завѣдывать письменною частію и будетъ ему докладывать дѣла. Такимъ образомъ начальникъ управленія останется livre de ses mouvements et de ses actions.

«Я считаю долгомъ повторить здѣсь высказанное Государемъ желаніе, чтобы вы приняли на себя завѣдываніе управленіемъ желѣзныхъ дорогъ; что же касается до меня, то мое искреннее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы вы согласились принять на себя эти занятія. Въ вашемъ участіи и въ вашемъ содѣйствіи я вижу залогъ успѣха для дѣла. Что же касается

---

*) Государю Императору.

до сенаторства или другихъ служебныхъ преимуществъ въ виду будущаго, то я говорилъ объ этомъ съ Государемъ, и онъ не встрѣчаетъ никакого препятствія къ осуществленію оныхъ.

«Отвѣчайте мнѣ пожалуйста на эти предложенія, ибо въ виду моего отъѣзда по водянымъ сообщеніямъ и послѣ этого въ виду моего путешествія въ іюлѣ съ Государемъ, я долженъ въ скоромъ времени представить свои соображенія объ interim во время моего отсутствія. Искренне преданный вамъ В. Бобринскій».

Послѣ этого письма мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ отвѣчать слѣдующее:

«Выраженное Государемъ желаніе обязываетъ меня поспѣшить заявленіемъ о всегдашней моей готовности исполнить волю Его Величества.

«Изъявленное же вами въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ, искреннее желаніе, чтобы я согласился на дѣлаемое вами предложеніе, я принимаю за доказательство вашего убѣжденія въ томъ, что единственною цѣлью, къ которой я постоянно стремился на службѣ, была польза дѣлу, и я смѣю увѣрить ваше сіятельство, что употреблю всѣ мои силы къ тому, чтобы быть вамъ дѣйствительнымъ помощникомъ».

Въ Карлсбадѣ отъ скуки я, на основаніи выше приведеннаго письма графа В. А. Бобринскаго, набросалъ 29 мая проектъ преобразованія министерства путей сообщенія, который послужилъ программою къ преобразованію центральнаго управленія министерства, Высочайше утвержденному 30 декабря 1870 года. Привожу этотъ проектъ здѣсь буквально:

«Одинъ изъ главныхъ недостатковъ учрежденія министерствъ—полная централизація всѣхъ дѣлъ въ министерствѣ. Этотъ недостатокъ наиболѣе проявляется въ министерствѣ путей сообщенія, а потому при преобразованіи его необходимо децентрализировать, т.-е., дать большія права, власть и отвѣтственность мѣстнымъ исполнительнымъ органамъ министерства.

«Изъ этого слѣдуетъ, что высшія управленія министерства могутъ быть преобразованы только совмѣстно съ мѣстными управленіями.

«Не имѣя здѣсь въ Карлсбадѣ съ собою ни учрежденія высшихъ управленій министерства, ни учрежденій его мѣстныхъ органовъ, а также вновь выработанныхъ проектовъ по преобразованію тѣхъ и другихъ, я могу изложить здѣсь только предложенія по учрежденію высшихъ управленій, предположенія о преобразованіи которыхъ мнѣ хотя нѣсколько извѣстны.

«Я полагалъ бы, что исполнительными органами министерства должны быть:

«1. Канцелярія министерства или главное управленіе общихъ дѣлъ министерства.

«2. Главное управленіе сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній.

«3. Главное управленіе желѣзныхъ дорогъ.

«Постараюсь, сколько дозволяетъ мнѣ память, вкратцѣ изложить занятія каждаго изъ этихъ учрежденій, необходимое ихъ подраздѣленіе

и личный составъ. Подробнѣйшая обработка этого предмета потребовала бы разныхъ данныхъ, которыхъ здѣсь не имѣется.

А. Въ канцеляріи полагается четыре отдѣленія:

«Въ первомъ отдѣленіи были бы сосредоточены: общая регистратура, всеподданнѣйшіе доклады, а равно записки въ Государственный Совѣтъ и комитетъ министровъ, храненіе Высочайшихъ повелѣній, циркуляровъ и инструкцій министра, переписка по внутреннимъ расходамъ министерства и по содержанію зданій онаго и общіе вопросы и дѣла, не относящіяся до другихъ отдѣленій.

«Занятія второго и третьяго отдѣленій:

переписка по личному составу какъ инженеровъ, такъ и всѣхъ служащихъ въ центральномъ и мѣстныхъ управленіяхъ: перемѣщенія, отпуска, увольненія, награды; опредѣленіе путевыхъ и канцелярскихъ расходовъ во время командировокъ; денежныя вознагражденія и пособія всѣмъ служащимъ, какъ во время службы, такъ и по выходѣ въ отставку, а равно ихъ семействамъ; всѣ служебно-судебные вопросы, касающіеся личнаго состава.

«Занятія четвертаго отдѣленія: общія распоряженія по счетоводству; предварительныя смѣтныя предположенія; добавочные кредиты; составленіе годового отчета; переписка по счетоводству.

«Въ канцеляріи же полагается юрисконсультъ и къ ней причисляются медики съ помощниками, общій архивъ и художественныя заведенія.

«Б. Въ главномъ управленіи сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній полагается три отдѣленія:

«Занятія перваго отдѣленія: переписка по постройкѣ и содержанію состоящихъ въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія дорогъ и мостовъ; наблюденіе за исполненіемъ законовъ и правилъ, относящихся до этихъ дорогъ; судебная часть службы этихъ дорогъ.

«Занятія второго отдѣленія: постройка и содержаніе состоящихъ въ вѣдѣніи министерства судоходныхъ сообщеній, каналовъ, водопроводовъ и другихъ гидравлическихъ сооруженій; полиція на водяныхъ путяхъ; наблюденіе за исполненіемъ законовъ и правилъ, относящихся до упомянутыхъ путей и сооруженій; судебная часть службы на оныхъ.

«Занятія третьяго отдѣленія: счетоводство по сухопутнымъ и водянымъ сообщеніямъ.

«В. Въ главномъ управленіи желѣзныхъ дорогъ полагается пять отдѣленій:

«Занятія перваго отдѣленія: переписка по изысканіямъ и проектамъ желѣзныхъ дорогъ, рекогносцировкѣ для предварительныхъ проектовъ и заготовленію актовъ, относящихся до уступокъ желѣзныхъ дорогъ частнымъ обществамъ.

«Занятія второго отдѣленія: переписка о работахъ по постройкѣ частныхъ и правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ и содержанію послѣднихъ; судебная часть; наблюденіе за исполненіемъ уставовъ обществами во время постройки дорогъ.

«Занятія третьяго отдѣленія: счетоводство по постройкѣ и содержанію правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ; гарантіи и субсидіи на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

«Занятія четвертаго отдѣленія: переписка по технической и коммерческой частямъ движенія по желѣзнымъ дорогамъ, а именно: постановленія о безопасности движенія по желѣзнымъ дорогамъ; наблюденіе за ихъ исполненіемъ; переписка объ изобрѣтеніяхъ по желѣзнымъ дорогамъ; наблюденіе за исполненіемъ частными обществами уставовъ во время эксплоатаціи; переписка о тарифахъ и о конвенціяхъ между обществами и международныхъ.

«Занятія пятаго отдѣленія: собираніе и централизація статистическихъ документовъ, доставляемыхъ частными обществами и инспекторами, приведеніе ихъ въ систематическій порядокъ и сравненіе между собою и съ иностранными документами; печатаніе статистическихъ документовъ.

«Въ главныхъ управленіяхъ состоятъ совѣтники по технической части для разсмотрѣнія проектовъ, смѣтъ и всѣхъ вопросовъ, относящихся до искусственной части. Всякое дѣло, требующее техническихъ знаній, по усмотрѣнію начальниковъ главныхъ управленій, передается одному или нѣсколькимъ совѣтникамъ по технической части, которые передаютъ свое заключеніе начальнику того отдѣленія, къ которому вопросъ относится, а сей послѣдній, съ подчиненными ему, редактируетъ исполненныя по дѣламъ бумаги, если въ нихъ нѣтъ ничего противорѣчащаго законамъ и установленнымъ правиламъ. Въ особо указанныхъ случаяхъ изъ всѣхъ или изъ нѣсколькихъ совѣтниковъ составляется присутствіе. При каждомъ главномъ управленіи полагается юрисконсультъ. При каждомъ управленіи имѣются депо картъ и чертежей и канцелярія для регистратуры и текущихъ дѣлъ, не входящихъ въ занятія отдѣленій.

«Въ канцеляріяхъ главныхъ управленій полагаются правители дѣлъ съ чиновниками.

«Совѣтники по технической части сравниваются съ членами техническаго комитета военнаго министерства.

«При министрѣ полагаются собственная канцелярія изъ правителя дѣлъ съ нѣсколькими чиновниками и нѣсколько лицъ по особымъ порученіямъ изъ инженеровъ и чиновниковъ, которые могутъ быть и военные и гражданскіе.

«Въ канцеляріи и въ каждомъ главномъ управленіи полагается начальникъ; начальникъ главнаго управленія сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній имѣетъ одного помощника; а начальники канцеляріи и главнаго управленія желѣзныхъ дорогъ каждый двухъ помощниковъ, изъ коихъ одинъ въ канцеляріи завѣдуетъ первымъ и четвертымъ отдѣленіями, а другой вторымъ и третьимъ; въ главномъ же управленіи желѣзныхъ дорогъ одинъ завѣдуетъ первыми тремя отдѣленіями главнаго управленія, а второй остальными двумя. Сверхъ того при начальникахъ главныхъ управленій полагаются секретари, а при главныхъ управленіяхъ нѣсколько лицъ по

особымъ порученіямъ изъ инженеровъ и другихъ чиновниковъ. Къ совѣтникамъ технической части назначаются, по мѣрѣ надобности, для занятій инженеры и кондукторы.

«Мѣстныя исполнительныя лица главнаго управленія сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній суть управляющіе округами или управляющіе шоссе и водяными системами, если послѣднее предположеніе, впрочемъ мнѣ незнакомое, будетъ предпочтено; округовъ достаточно восьми, а за исключеніемъ Варшавскаго и Кавказскаго всего только шести; нѣкоторые изъ округовъ могутъ быть чисто шоссейными, нѣкоторые—чисто водяными, а остальные смѣшанными.

«Мѣстныя исполнительныя лица главнаго управленія желѣзныхъ дорогъ: главные инспекторы, которыхъ полагается 6, и управляющіе двумя дорогами. Послѣдніе только по инспекторской части желѣзныхъ дорогъ подчинены главнымъ инспекторамъ, а по прочимъ прямо главному управленію.

«Всѣ эти мѣстные исполнители ведутъ переписку прямо съ канцеляріею министра въ случаяхъ, которые при дальнѣйшей разработкѣ этого предположенія будутъ разъяснены.

«Подробности положеній управленія округами или шоссе и водяными системами, а также управленія главныхъ инспекторовъ и правительственныхъ дорогъ, требуютъ особой разработки.

«Начальникамъ главныхъ управленій и канцелярій, а также и всѣмъ прочимъ чинамъ въ оныхъ полагается дать тѣ же права и отвѣтственность, какія даны имъ въ военномъ министерствѣ, а также присвоить имъ тѣ же классы по должностямъ и по крайней мѣрѣ тѣ же оклады содержанія.

«Начальники главныхъ управленій получаютъ опредѣленную годовую сумму для расходовъ при разъѣздахъ, сверхъ прогонныхъ денегъ по положенію; всѣ же прочіе чины главныхъ управленій, во время разъѣзда, получаютъ суточныя деньги на основаніи узаконеній, существующихъ по военному министерству.

«Кромѣ того, въ министерствѣ полагается:

«А. Совѣтъ, состоящій изъ опредѣленнаго числа членовъ; начальники главныхъ управленій и канцеляріи также члены совѣта; но начальники главныхъ управленій въ немъ присутствуютъ, когда не отвлечены прямыми ихъ занятіями. Совѣтъ собирается подъ предсѣдательствомъ министра, а за его отсутствіемъ—одного изъ начальниковъ главныхъ управленій, назначеннаго для предсѣдательствованія, а въ случаѣ отсутствія обоихъ начальниковъ главныхъ управленій это мѣсто занимаетъ старшій по чину членъ совѣта. При совѣтѣ имѣется канцелярія изъ правителя дѣлъ и нѣсколькихъ чиновниковъ.

«Сверхъ того при совѣтѣ состоятъ по одному докладчику отъ каждаго главнаго управленія, а отъ канцеляріи министерства начальникъ четвертаго отдѣленія оной; они по сей должности получаютъ добавочное содержаніе.

«Совѣтъ разсуждаетъ о вопросахъ техническихъ, отчетности, судебно-

административныхъ, по отчужденію земель, по расчетамъ съ подрядчиками и вообще обо всемъ, что ему будетъ передано на обсужденіе министромъ.

«Членамъ совѣта присваивается тотъ же классъ по должностямъ, какой положенъ для начальниковъ главныхъ управленій, и содержаніе имъ полагается нѣсколько меньше, чѣмъ послѣднимъ.

«Б. Совѣщательный комитетъ министерства составляется изъ лицъ, принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ, а именно: министерствамъ военному, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, по горной и таможенной частямъ, внутреннихъ дѣлъ и почтѣ, юстиціи и путей сообщенія и изъ другихъ лицъ, которыя, не состоя на государственной службѣ, могутъ быть по своимъ свѣдѣніямъ полезны дѣлу путей сообщенія. Лица эти назначаются Высочайшими повелѣніями. Комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ министра, а за отсутствіемъ его подъ предсѣдательствомъ лица, для сего по Высочайшему повелѣнію назначеннаго, а за отсутствіемъ и сего послѣдняго— одного изъ начальниковъ главныхъ управленій, которые суть непремѣнные члены этого комитета; члены комитета ни къ какому классу должности не причисляются и никакого содержанія не получаютъ.

«При комитетѣ состоитъ канцелярія и правитель дѣлъ, нѣсколько чиновниковъ и писцовъ. Разсмотрѣнію комитета подлежатъ слѣдующіе вопросы: о направленіяхъ сообщеній, объ устройствѣ паровозовъ, назначеніи станцій, все касающееся уставовъ частныхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, перевозочнаго тарифа, субсидій или ссудъ, гарантій чистаго дохода, распредѣленія дохода между казною и тѣми обществами, которыя обязаны производить уплаты казнѣ, частныхъ сдѣлокъ обществъ желѣзныхъ дорогъ между собою и съ пароходными и другими обществами и международныхъ конвенцій объ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ.

«Совѣщательный комитетъ излагаетъ свое мнѣніе о законоположеніяхъ для путей сообщенія, о вопросахъ экономическихъ и международныхъ по путямъ сообщенія, о проектахъ слитія частныхъ обществъ, владѣющихъ сообщеніями, о выкупѣ ихъ, объ измѣненіи уставовъ, объ изобрѣтеніяхъ и о мѣрахъ безопасности на путяхъ сообщенія.

«При комитетѣ находится постоянное отдѣленіе для всѣхъ вопросовъ, касающихся коммерческой части, эксплоатаціи и финансоваго управленія частныхъ обществъ, владѣющихъ путями сообщенія. Оно состоитъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ начальниковъ главныхъ управленій, изъ членовъ совѣщательнаго комитета, принадлежащихъ къ вѣдомству путей сообщенія, назначаемыхъ министромъ и изъ лицъ, коимъ извѣстны коммерческая часть и эксплоатація по путямъ сообщенія; первыя избираются Петербургскимъ купечествомъ, а послѣднія приглашаются министромъ.

«Главные инспекторы желѣзныхъ дорогъ и начальники округовъ во время пребыванія въ Петербургѣ присутствуютъ въ комитетѣ на одинаковыхъ правахъ съ членами комитета.

«Начальникъ пятаго отдѣленія главнаго управленія желѣзныхъ дорогъ есть постоянный членъ и правитель дѣлъ постояннаго отдѣленія комитета.

«Канцелярія онаго составляется изъ чиновниковъ и писцовъ V отдѣленія главнаго управленія желѣзныхъ дорогъ.

«Члены отдѣленія по этому званію особаго содержанія не получаютъ. Правитель же дѣлъ, чиновники и писцы канцеляріи получаютъ добавочное содержаніе.

«Отдѣленію подлежитъ разсмотрѣніе слѣдующихъ вопросовъ:

«1. Разсмотрѣніе тарифовъ по путямъ сообщенія и ихъ опредѣленіе.

«2. Договоры между обществами, владѣющими путями сообщенія, и международные, относительно ихъ эксплоатаціи.

«3. Выпускъ облигацій.

«4. Выдача субсидій и гарантій и раздѣленіе чистаго дохода между казною и частными обществами, которыя обязались дѣлать казнѣ уплаты.

«Отдѣленіе представляетъ министру ежемѣсячныя свѣдѣнія о коммерческихъ и финансовыхъ оборотахъ частныхъ обществъ, владѣющихъ путями сообщенія, съ приложеніемъ статистическихъ данныхъ относительно движенія пассажировъ и грузовъ.

«В. Временный комитетъ для составленія законоположеній и постановленій по путямъ сообщенія состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ; тѣ изъ нихъ, которые состоятъ въ министерствѣ, назначаются министромъ, а лица другихъ вѣдомствъ и также не состоящія на государственной службѣ, но которыя имѣютъ свѣдѣнія по технической и коммерческой частямъ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, приглашаются министромъ.

«Этотъ комитетъ обязанъ выработать законоположенія и постановленія по путямъ сообщенія; по окончаніи этого труда, комитетъ закрывается и дѣла его передаются въ совѣщательный комитетъ, на который возлагается дальнѣйшее развитіе и измѣненіе законоположеній и постановленій.

«При комитетѣ полагается правитель дѣлъ съ канцеляріею.

«Члены комитета, праьитель дѣлъ и служащіе въ канцеляріи получаютъ особое содержаніе.

«Г. Редакція журнала путей сообщенія въ настоящемъ составѣ, но безъ ученаго комитета, который упраздняется.

«Д. Институтъ инженеровъ путей сообщенія въ настоящемъ составѣ».

8-го іюня оставилъ я Карлсбадъ. Я ѣхалъ до Шварценберга въ крытомъ экипажѣ. Было очень холодно, шелъ снѣгъ съ вѣтромъ, дувшимъ въ окна экипажа, и я, сильно простудившись, остановился въ г. Альтенбургѣ въ гостиницѣ, въ которой переночевавъ, нѣсколько оправился. Въ Альтенбургѣ я желалъ видѣть инженера Геноха, извѣстнаго значительными работами по водоснабженію городовъ, а въ особенности умѣющаго открывать источники воды на возвышенныхъ мѣстахъ, такъ что для ея проведенія въ городъ онъ обходится безъ водоподъемныхъ машинъ.

Геноха я не засталъ въ Альтенбургѣ, а видѣлъ его отца, также инженера, но по старости оставившаго свои занятія по инженерной части. Изложу то, что я слышалъ отъ него, а впослѣдствіи и отъ его сына, съ которымъ

познакомился позже, о способности послѣдняго открывать источники воды. Впрочемъ, многое изъ ниже сказаннаго мною заключается въ многочисленныхъ брошюрахъ, изданныхъ Генохомъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Искусство отыскивать подземную воду было извѣстно еще въ древности. Въ настоящемъ столѣтіи аббатъ Парамель своимъ жезломъ (палочкой) открылъ подземныя воды во многихъ селеніяхъ южной Франціи, чѣмъ доставилъ имъ истинное благодѣяніе, хотя жезлъ былъ чисто шарлатанствомъ. Послѣ аббата Парамеля тѣмъ же занимался аббатъ Ришаръ, который распространилъ свои открытія въ южной Германіи и Австріи. Въ это время молодой Генохъ, кончившій курсъ ученія въ Берлинской горной школѣ, увидавъ, что Ришаръ въ большей части случаевъ правильно указывалъ на мѣстности, гдѣ можно открыть новые источники воды, и понимая, что въ открытіяхъ Ришара нѣтъ ничего чудеснаго, сталъ наблюдать за его дѣйствіями.

Будучи очень смышленымъ и ученымъ горнымъ инженеромъ, онъ легко присвоилъ себѣ пріемы Ришара и занимался изысканіями по отысканію воды въ разныхъ мѣстностяхъ, лежащихъ близъ городовъ, для снабженія ею послѣднихъ. Изысканія его были удачны. Такъ, въ г. Альтенбургѣ, въ окрестностяхъ котораго въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій тщетно отыскивали воду, онъ нашелъ ее въ мѣстности, возвышающейся надъ городомъ и провелъ въ городъ. Я осматривалъ устроенный Генохомъ въ Альтенбургѣ водопроводъ, отецъ же его показалъ мнѣ болѣе 40 проектовъ водоснабженій, исполненныхъ инженеромъ Генохомъ, и нѣсколько проектовъ, не приведенныхъ имъ еще въ исполненіе.

Устроенныя водоснабженія произведены большею частію обществомъ англійскихъ капиталистовъ, всегда готовыхъ принять на себя устройство водоснабженій, проектъ которыхъ составленъ Генохомъ. Въ 1869 году онъ былъ занятъ устройствомъ водоснабженій въ городахъ восточной Пруссіи, между Берлиномъ и русскою границею. Я не буду излагать здѣсь теоріи, на которой основано открытіе водяныхъ источниковъ. Скажу только, что Генохъ имѣетъ большую опытность въ примѣненіи этой теоріи къ практикѣ. Желая заняться водоснабженіемъ въ Россіи, Генохъ вошелъ въ товарищество съ отставнымъ контръ-адмираломъ Глазенапомъ, нѣкогда директоромъ пароходнаго общества «Самолетъ», который въ зиму 1869—1870 года читалъ о трудахъ Геноха въ засѣданіи Русскаго географическаго общества. Послѣ его чтенія я въ томъ же засѣданіи подробно объяснилъ съ большою похвалою все, что мнѣ было извѣстно объ этихъ трудахъ.

Глазенапъ много хлопоталъ о томъ, чтобы Генохъ былъ призванъ къ устройству водоснабженій въ большихъ городахъ Россіи, но безъ всякаго успѣха. Князь Черкасскій, въ бытность его Московскимъ городскимъ головою, просилъ моего указанія, къ кому обратиться для отысканія обильныхъ водяныхъ источниковъ около Москвы, для полнаго снабженія ея водою. Я указалъ на Геноха, который, побывавъ въ Москвѣ, составилъ общія пред-

положенія объ отысканіи водяныхъ источниковъ около Москвы, но на томъ дѣло и кончилось.

Въ 1873 году составилось въ Москвѣ общество для устройства водопроводовъ, въ которое уговорили войти Ѳ. В. Чижова, чтобы черезъ него пользоваться моими свѣдѣніями по водоснабженію. Это общество составило разныя предположенія, дѣлало изысканія и проекты. Все это неоднократно было, по желанію общества, мною разсматриваемо, но теперь (январь 1876 г.) мнѣ неизвѣстно, на чемъ остановилось это предпріятіе.

Передъ отъѣздомъ изъ Карлсбада получилъ я изъ Петербурга отъ К. В. Чевкина слѣдующее письмо:

«Согласно уговору нашему, считаю долгомъ предварить васъ, дорогой и душевно уважаемый баронъ, что я съ симъ вмѣстѣ отъѣзжаю въ Берлинъ, гдѣ пробуду до вечера понедѣльника, Духова дня. Если будете въ то же время въ Берлинѣ, то не замедлите меня извѣстить, адресуя въ домъ посольства нашего. Истинно уважающій васъ и преданный Чевкинъ.»

9-го іюня вечеромъ я выѣхалъ изъ Альтенбурга и на другой день утромъ былъ въ Берлинѣ, въ Hotel d' Angleterre, гдѣ узналъ, что въ этотъ день рано утромъ былъ у меня Чевкинъ, оставившій мнѣ слѣдующую записку:

«Я остановился въ Hôtel de Rome, долженъ отъѣхать въ 7 часовъ сего вечера въ Парижъ и, разумѣется, желаю видѣть васъ, мной многоуважаемый баронъ, какъ можно болѣе и скорѣе. Обяжите увѣдомить меня, словесно или письменно черезъ подателя, какъ и гдѣ намъ можно увидѣться? Истинно преданный Чевкинъ».

Я немедля пошелъ къ Чевкину, который разсказалъ мнѣ о положеніи дѣлъ въ министерствѣ путей сообщенія со времени назначенія графа В. А. Бобринскаго, показалъ представленіе послѣдняго въ комитетъ министровъ о ссудѣ правительствомъ обществамъ Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской желѣзныхъ дорогъ суммъ, потребныхъ для усиленія на нихъ движенія съ предложеніемъ условій, которыя Чевкину не нравились и которыя будутъ изложены ниже; говорилъ мнѣ о положеніи, которое мнѣ готовится въ означенномъ министерствѣ, и объ его увѣренности, что я остановлю Бобринскаго въ его слишкомъ легкомъ отношеніи къ казеннымъ деньгамъ. Къ этому онъ присовокупилъ, что онъ не присутствовалъ въ комитетѣ министровъ при разсмотрѣніи представленія Бобринскаго.

Чевкинъ, всегда желавшій, несмотря на свои болѣзни и преклонныя лѣта, употреблять каждую минуту съ пользою для дѣла, пригласилъ меня осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ Берлинскій паровозный заводъ Веллерта, но я уклонился отъ этого, объяснивъ, что осмотръ паровозныхъ заводовъ крѣпко мнѣ наскучилъ, что я простуженъ и, оставаясь всего одинъ день въ Берлинѣ, имѣю надобность видѣться съ Борзигомъ и Шварцкопфомъ по предмету сдѣланныхъ имъ мною заказовъ.

Я же предложилъ Чевкину, чтобы еще разъ съ нимъ видѣться, обѣдать вмѣстѣ. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что обѣдаетъ у своей сестры княгини Хонджіери, урожденной Глазенапъ, и пригласилъ меня къ ея обѣду, послѣ

котораго вскорѣ мы разстались: онъ въ тотъ же вечеръ поѣхалъ въ Парижъ, а я въ Россію. Утромъ же въ Берлинѣ я видался съ Борзигомъ и Шварцкопфомъ.

12-го іюня на одной изъ станцій С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги я купилъ №«С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ которомъ съ удовольствіемъ прочиталъ, что я 7-го іюня назначенъ сенаторомъ, съ оставленіемъ на службѣ въ вѣдомствѣ министерства путей сообщенія и по инженерному корпусу. На другой день, при представленіи моемъ исправляющему должность министра путей сообщенія графу В. А. Бобринскому, онъ выказалъ особую радость моему возвращенію, очень благодарилъ за успѣшное исполненіе порученія по заказу паровозовъ за границею и заявилъ надежду, что всѣ дѣла по министерству и въ особенности по желѣзнымъ дорогамъ, которыя онъ будетъ вести всегда по моимъ совѣтамъ, пойдутъ успѣшно.

Онъ согласился на то, чтобы я, не вступая въ должность, съѣздилъ повидаться съ моею женою, которая, вмѣстѣ съ моею сестрою, уѣхала въ маѣ въ ея Елецкое имѣніе с. Колодезское, причемъ просилъ возвратиться какъ можно скорѣе, такъ какъ онъ долженъ былъ въ іюлѣ ѣхать съ Государемъ на югъ, а я вступить въ управленіе министерствомъ путей сообщенія. Предполагавшаяся же его поѣздка для осмотра водяныхъ сообщеній, о которой онъ писалъ въ Карлсбадъ, была отложена.

Я немедля воспользовался разрѣшеніемъ съѣздить повидаться съ женою въ имѣніи моей сестры, въ которомъ я нашелъ пріѣхавшую съ сестрою изъ Москвы Н. Д. Танѣеву. Колодезское—прекрасное мѣсто, съ хорошимъ садомъ и дубовою рощею. Всѣ въ немъ были довольны своимъ пребываніемъ. Жена моя цѣлыя утра ловила рыбу въ садовомъ пруду. Служившій у насъ въ это время буфетчикомъ безсрочный рядовой Никита былъ большой рыболовъ и потому былъ при этомъ занятіи моей жены хорошимъ помощникомъ.

Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ жена обратила мое вниманіе на то, что новый управляющій въ Колодезскомъ, Н. А. Ульрихъ, безпощадно обворовываетъ сестру и племянницу, но сестра тогда вѣрила въ его честность, полагая, что слухи, доходящіе до моей жены, основаны на сплетняхъ дворовыхъ людей.

Такимъ образомъ Ульрихъ продолжалъ еще 6 лѣтъ, до августа 1875 г., обворовывать сестру и племянницу, давая съ ихъ прекрасныхъ большихъ имѣній самый незначительный доходъ, который въ одномъ году не превышалъ 137 руб., самъ же онъ со своею семьею жилъ богатымъ бариномъ.

Въ бытность мою въ Колодезскомъ, тамъ была тетка моя княжна Т. А. Волконская, которую я тогда въ послѣдній разъ видѣлъ предъ ея смертію, и Задонскій архимандритъ Дмитрій, пріѣзжавшій съ нѣсколькими монахами служить обѣдню въ Колодезской церкви. Онъ очень любилъ Колодезское и ея обитательницъ, въ особенности мою племянницу Эмилію за ея необыкновенную доброту. Онъ съумѣлъ поладить и съ женою моею, не любящею вообще монаховъ и монахинь.

Во время моего пребыванія въ с. Колодезскомъ пріѣзжалъ изъ Ельца благочинный церквей Елецкаго уѣзда и въ томъ числѣ церкви с. Колодезскаго, для объявленія правительственнаго распоряженія, по которому для улучшенія быта сельскаго духовенства приходы, приписанные къ церквамъ, должны будутъ состоять не менѣе, чѣмъ изъ тысячи душъ. Тѣ же церкви, въ приходахъ которыхъ имѣется меньшее населеніе, останутся безъ причта, удержать который можно только внесеніемъ на вѣчныя времена особаго капитала, процентами съ котораго церковный причтъ могъ бы быть содержимъ, но, какъ великъ долженъ быть этотъ капиталъ, благочинный не могъ сказать даже приблизительно, а между тѣмъ требовалъ, чтобы моя сестра немедля дала подписку, желаетъ ли она внести особый капиталъ для сохраненія причта при церкви с. Колодезскаго, угрожая въ противномъ случаѣ ея немедленнымъ закрытіемъ.

Видя, что сестра очень желала, чтобы въ церкви могло продолжаться постоянное богослуженіе, и была испугана скорымъ закрытіемъ Колодезской церкви, благочинный весьма настойчиво предъявлялъ свои требованя, и только когда я объяснилъ, что ему поручено собственно собраніе справокъ для того, чтобы знать, какъ привести въ исполненіе предположеніе одного изъ комитетовъ, никѣмъ не утвержденное, благочинный сдѣлался поскромнѣе.

Это поведеніе послѣдняго наводитъ на мысль, какъ должны высшія правительственныя учрежденія быть осторожны при объявленіи своихъ предположеній черезъ низшія инстанціи. Если благочинный у богатой помѣщицы, въ богатомъ деревенскомъ домѣ, могъ принять угрожающій тонъ, то что же онъ, при исполненіи порученнаго ему дѣла, позволялъ себѣ съ бѣдными помѣщиками и крестьянами, которыхъ большая часть, конечно, желала сохранить причтъ при своихъ церквахъ. Между тѣмъ вопросъ объ уменьшеніи приходскихъ церквей и до сего времени не оконченъ.

Послѣ долгихъ моихъ хлопотъ я добился того, что для оставленія въ Колодезскомъ церкви съ причтомъ потребовалось, чтобы капиталъ для содержанія этого причта былъ не менѣе 6.000 руб., а такъ какъ покойнымъ мужемъ моей сестры было внесено на этотъ предметъ болѣе 1.700 руб., то сестра внесла въ 1873 году 4.300 руб. въ Орловскую духовную консисторію на вѣчныя времена для причта церкви с. Колодезскаго, но о томъ, что причтъ при этой церкви останется, до сего времени нѣтъ никакого увѣдомленія.

Черезъ недѣлю по выѣздѣ изъ Петербурга, я вернулся въ этотъ городъ. Во время этого путешествія, по порученію Бобринскаго, я разсмотрѣлъ состоявшійся до моего возвращенія изъ-за границы журналъ совѣта министерства путей сообщенія по дѣлу о злоупотребленіи по расходованію дровъ на Николаевской желѣзной дорогѣ при казенномъ ею управленіи. О томъ, какъ разрѣшить это дѣло, я передалъ Бобринскому мое мнѣніе, которое противорѣчило мнѣнію совѣта, но онъ согласился со мною.

Въ Сенатѣ разсматривалось много дѣлъ министерства путей сообщенія.

Бобринскій въ чинѣ генералъ-маіора, по тогдашнимъ постановленіямъ, не могъ присутствовать въ засѣданіяхъ Сената. Видя, что мнѣ знакомо не одно желѣзнодорожное дѣло, а вообще дѣла министерства путей сообщенія, онъ, при крайнемъ нежеланіи заниматься кляузами, разбираемыми въ совѣтѣ этого министерства, а впослѣдствіи въ 1 департаментѣ Сената, просилъ, чтобы я принялъ на себя разсмотрѣніе означенныхъ дѣлъ въ совѣтѣ и Сенатѣ и вслѣдствіе моего согласія испросилъ 25-го іюня Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы мнѣ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ по дѣламъ министерства путей сообщенія вмѣсто министра и предсѣдательствовать въ совѣтѣ сего министерства, впредь до особаго распоряженія. При этомъ окладъ моего содержанія былъ возвышенъ до 7.500 руб. въ годъ.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, Бобринскій по дѣламъ, относящимся до желѣзныхъ дорогъ, не хотѣлъ заниматься иначе, какъ со мною, что представляло затрудненія, такъ какъ я не имѣлъ офиціальнаго положенія въ управленіи этихъ дорогъ, вслѣдствіе чего 10-го іюля состоялось Высочайшее повелѣніе, впредь до преобразованія министерства путей сообщенія, поручить мнѣ ближайшее завѣдываніе дѣлами по желѣзнымъ дорогамъ, съ оставленіемъ въ прежней должности и званіи сенатора, съ тѣми правами, какія, по Высочайше утвержденному 20 марта 1867 года штату военнаго министерства, предоставлены начальникамъ главныхъ управленій онаго.

Съ этого времени я началъ принимать доклады отъ директора департамента желѣзныхъ дорогъ Липина, который при первыхъ докладахъ видимо былъ этимъ недоволенъ, но впослѣдствіи не только свыкся съ своимъ положеніемъ, но, кажется, былъ даже доволенъ, что избавился отъ непосредственныхъ докладовъ Бобринскому.

Изъ представляемыхъ мнѣ дѣлъ я большую часть разрѣшалъ по данной мнѣ, какъ выше упомянуто, власти, а только нѣкоторыя представлялъ Бобринскому, для чего были назначены два дня въ недѣлю отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ пополудни. По дѣламъ же совѣта министерства проекты всѣхъ журналовъ совѣта были мною просматриваемы, и я давалъ имъ нужное, по моему мнѣнію, направленіе. По подписаніи же этихъ журналовъ членами совѣта, я лично представлялъ ихъ Бобринскому, который, мало обращая вниманія на изложеніе мною дѣлъ, заключавшихся въ журналахъ, оные утверждалъ.

Хотя въ первую половину 1869 года мои занятія по частнымъ желѣзнымъ дорогамъ были незначительны, но для послѣдовательности моего изложенія о ходѣ дѣлъ по этимъ дорогамъ приведу здѣсь все то, что по этому предмету было сдѣлано въ означенное время.

24-го января Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о разрѣшеніи учредить въ гор. Ельцѣ, при мастерскихъ Орловско-Грязской желѣзной дороги, ремесленное желѣзнодорожное училище съ наименованіемъ «Александровскимъ». Учредитель училища, С. С. Поляковъ, по-

жертвовалъ единовременно 30 тыс. руб. Конечно, желаніе Полякова, при учрежденіи училища, было выказаться, но тѣмъ не менѣе оно принесло уже пользу вообще и для желѣзнодорожнаго дѣла въ частности.

25-го января состоялся указъ Сената относительно построекъ складовъ, раскопокъ, разсадокъ вблизи нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Постановленіе по этому предмету составляло первую главу правилъ эксплоатаціи паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ, составлявшихся особою подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссіею, начавшею свои дѣйствія еще въ 1862 году.

Утвержденіе этихъ правилъ законодательнымъ порядкомъ нельзя было ожидать въ скоромъ времени, а между тѣмъ часто возникали вопросы относительно построекъ и пр. вблизи линій желѣзныхъ дорогъ и потому правила, составленныя о нихъ комиссіею, были выдѣлены изъ общихъ правилъ объ эксплоатаціи и утверждены въ январѣ 1869 года законодательнымъ порядкомъ. При этомъ утвержденіи много хлопотъ досталось на мою долю.

Положеніе комитета министровъ объ уставахъ обществъ желѣзныхъ дорогъ Рыбинско-Бологовской и Козлово-Воронежской утверждены 29-го и 31-го января. Выше изложено, что на послѣдней дорогѣ открыто движеніе еще 1 февраля 1868 года. Она строилась по концессіи, данной 12 августа 1866 года; работы же по Рыбинско-Бологовской желѣзной дорогѣ производились по концессіи, данной 12 іюля 1868 года.

Я уже говорилъ выше о дурныхъ послѣдствіяхъ утвержденія уставовъ частныхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ послѣ приступа къ работамъ на нихъ и часто даже по открытіи на нихъ движенія.

22-го марта министръ путей сообщенія донесъ Сенату, что баронъ Штиглицъ, построившій Петергофскую желѣзную дорогу съ вѣтвями на свои средства и ее до сего времени эксплоатировавшій, образовалъ акціонерное общество для эксплоатаціи дороги.

18-го апрѣля Высочайше утвержденъ договоръ на образованіе Новороссійскаго общества каменноугольнаго, желѣзнаго и рельсоваго производства и общества желѣзнодорожной вѣтви отъ Харьковско-Азовской линіи. По этому договору:

1. Великобританскій подданный Джонъ Юзъ (John Huges) обязался образовать, для разработки каменнаго угля на югѣ Россіи и водворенія тамъ рельсоваго производства, общество со складочнымъ капиталомъ въ 300.000 фунт. стер., которое приметъ названіе Новороссійскаго.

2. Правительство даруетъ Юзу предварительное дозволеніе на образованіе общества для сооруженія желѣзной дороги, протяженіемъ до 85 вер. отъ одного изъ пунктовъ Харьковско-Азовской желѣзной дороги, близъ города Бахмута по направленію къ югу до устраиваемыхъ Новороссійскимъ обществомъ заводовъ и копій; и

3. Когда Новороссійскимъ обществомъ будутъ исполнены всѣ принимаемыя имъ на себя обязательства, то правительство приметъ мѣры къ продолженію желѣзной дороги до Маріуполя или Бердянска.

По первому изъ этихъ пунктовъ Юзъ принялъ на себя обязанности, которыя долженъ былъ исполнить не позже 2 лѣтъ, но нѣкоторыя изъ нихъ исполнилъ гораздо позже. Обязательства же правительства относительно Юза, конечно, были своевременно исполнены. Въ число льготъ общества включена слѣдующая: правительство даруетъ обществу въ видѣ субсидіи въ продолженіе 10 лѣтъ премію въ 50 к. съ каждаго пуда рельсовъ, принятыхъ съ завода общества желѣзными дорогами, ограничивая ихъ количество 370.000 пуд. въ годъ.

Но до сего времени (январь 1876 г.) заводъ общества, не получая заказовъ отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ на желѣзные рельсы, приготовилъ только 700.000 пудовъ.

По второму пункту на постройку желѣзной дороги обществомъ, которое образуетъ Юзъ, правительство выдаетъ обществу $^3/_4$ условленной поверстной стоимости, остальная же $^1/_4$ часть образуется выпускомъ не гарантированныхъ акцій. Номинальная поверстная стоимость опредѣлится правительствомъ по полученіи необходимыхъ данныхъ, но во всякомъ случаѣ не должна превышать 63.000 р. мет.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Юзъ только подставное лицо: откуда онъ взялся и кѣмъ онъ подставленъ, мнѣ въ точности неизвѣстно, а потому я по предмету этого договора говорить не буду, исключая того, что сказано въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній» относительно переговоровъ съ Юзомъ на счетъ постройки Константиновской желѣзной дороги, отъ которой долженъ былъ остаться у Юза и лицъ, его выдвинувшихъ, значительный капиталъ.

7-го мая заключенъ контрактъ съ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ на разныя дополнительныя устройства по Одессо-Балтской и Раздѣльно-Тираспольской желѣзнымъ дорогамъ. Условія контракта долго обсуждались при моемъ участіи въ комиссіи по важнымъ дѣламъ, относящимся до желѣзныхъ дорогъ. Въ 1870 году было много пререканій съ Унгернъ-Штернбергомъ какъ по этому контракту, такъ и по прочимъ его работамъ по желѣзнымъ дорогамъ. Разсмотрѣніе этихъ пререканій отнимало у меня много времени.

14-го іюня Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о ссудѣ обществамъ Московско-Рязанской желѣзной дороги 3.000.000 руб. и Рязанско-Козловской 4.000.000 руб. на устройство второго пути и увеличеніе подвижного состава.

Я выше говорилъ, что необходимость этихъ работъ и поставокъ была признана особымъ комитетомъ, назначеннымъ по Высочайшему повелѣнію. Передъ моимъ отъѣздомъ за границу въ началѣ апрѣля, я предварялъ графа В. А. Бобринскаго, что требованія общества Рязанско-Козловской желѣзной дороги или, лучше сказать, П. Г. фонъ-Дервиза, которому тогда принадлежала половина акцій общества, вѣроятно, будутъ чрезмѣрны и что на подобныя требованія не слѣдуетъ соглашаться, а объявить, что вмѣсто второго пути на Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской

желѣзныхъ дорогахъ правительство дозволитъ устройство желѣзной дороги отъ Козлова къ Тулѣ, черезъ что возвысится доходность правительственной Курской желѣзной дороги на ея участкѣ отъ Тулы до Москвы.

Когда по отъѣздѣ моемъ за границу начались переговоры съ обществами двухъ упомянутыхъ желѣзныхъ дорогъ о потребной имъ правительственной ссудѣ на устройство второго пути, правленіе общества Московско-Рязанской желѣзной дороги соглашалось получить въ ссуду 3.000.000 р. съ обязанностію погасить ее въ опредѣленное число лѣтъ съ процентами; правленіе же общества Рязанско-Козловской желѣзной дороги медлило отвѣтомъ до возвращенія изъ-за границы П. Г. фонъ-Дервиза, съ которымъ я, при его возвращеніи изъ Ниццы въ Россію, встрѣтился въ концѣ апрѣля въ Женевѣ, гдѣ онъ мнѣ говорилъ, что находитъ безполезнымъ для общества Рязанско-Козловской желѣзной дороги устраивать второй путь и что правительство не можетъ по уставу общества навязывать ему ссуду для устройства этого пути.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ заявилъ то же графу В. А. Бобринскому и согласился взять ссуду не иначе, какъ на условіи, чтобы причитающіеся по этой ссудѣ 6% и на ея погашеніе 2% возмѣщались изъ того излишка чистаго дохода по двумъ путямъ, какой окажется за вычетомъ изъ этого дохода суммы, составляющей 60% съ того валового сбора, который общество получитъ въ послѣдніе 12 мѣсяцевъ движенія по одному пути, maximum какового сбора положенъ 20.000 руб. съ версты.

Когда это условіе было допущено для Рязанско-Козловской желѣзной дороги, правленіе общества Московско-Рязанской потребовало подобнаго же условія, а именно, что общество это платитъ по ссудѣ 6% и на погашеніе 1% изъ того излишка дохода, какой окажется противъ валового дохода за послѣдніе 12 мѣсяцевъ движенія по одному пути, maximum какового сбора положенъ въ 25.000 руб. съ версты.

Когда, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, я упрекалъ графа В. А. Бобринскаго, что онъ допустилъ столь невыгодное для казны условіе и не воспользовался совѣтомъ, даннымъ мною передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, пострашать фонъ-Дервиза устройствомъ, вмѣсто второго пути на Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ, новой дороги отъ Козлова до Тулы, Бобринскій отвѣчалъ мнѣ, что до пріѣзда фонъ-Дервиза онъ совершенно покончилъ переговоры по устройству второго пути на Московско-Рязанской желѣзной дорогѣ съ правленіемъ оной, которое никакихъ условій не предъявляло и приготовилось уже къ исполненію. Между тѣмъ если не строить второго пути на Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ, то не къ чему его имѣть и на Московско-Рязанской.

Это заставило Бобринскаго согласиться на условіе фонъ-Дервиза, и онъ нашелъ справедливымъ включить таковое же и по ссудѣ для Московско-Рязанской желѣзной дороги. Я уже говорилъ, что Чевкинъ, при встрѣчѣ со мною въ Берлинѣ 10-го іюня, былъ весьма недоволенъ этими условіями, которыя могли повести къ тому, что правительство вовсе, или

по крайней мѣрѣ долго, не получитъ ссуженнаго капитала, такъ какъ поверстный валовой сборъ въ 25.000 или 20.000 руб. и при двухъ путяхъ весьма значителенъ и существуетъ мало дорогъ, на которыхъ онъ былъ бы значительнѣе. Это опасеніе оказалось не совсѣмъ напраснымъ, такъ какъ поверстный доходъ въ трехлѣтіе 1870—1872 года съ Московско-Рязанской дороги былъ менѣе дохода въ 1868 году и только въ 1872 году нѣсколько превышалъ его, достигнувъ до 20.849 руб. Валовой поверстный доходъ Московско-Рязанской желѣзной дороги въ 1868 году—20.421 руб., въ 1869 году—23.111 руб. и Рязанско-Козловской въ 1868 году—15.560 р., въ 1869 году—17.896 руб.

Хотя доходъ 1869 года превышалъ таковой 1868 года, но сборы на дорогахъ въ 12 послѣднихъ мѣсяцевъ предъ открытіемъ второго пути на нихъ понизились. Пониженіе послужило къ прекращенію между правленіями обществъ и мною при опредѣленіи цифры сбора за послѣдніе 12 мѣсяцевъ движенія при одномъ пути: я настаивалъ за принятіе maximum дохода, который оказался въ послѣдніе 12 мѣсяцевъ до открытія движенія по второму пути, а правленія указывали на наибольшій сборъ, бывшій при одномъ пути. Договоры съ обоими правленіями подписаны мною 7 октября 1869 года, такъ какъ я въ это время управлялъ министерствомъ путей сообщенія.

20-го и 21-го іюня утверждены положенія комитета министровъ о концессіяхъ на Грязе-Царицынскую и Либавскую желѣзныя дороги. Первая изъ нихъ уступлена была обществу земской Грязе-Борисоглѣбской желѣзной дороги на 81 годъ; длина уже строющейся дороги между станціями Грязи и Борисоглѣбскомъ опредѣлилась въ 195, а между Борисоглѣбскомъ и Царицыномъ, съ вѣтвью къ станціи Крутая на Волго-Донской желѣзной дорогѣ, до 395 верстъ.

Первое протяженіе составляетъ первое отдѣленіе, а послѣднее второе отдѣленіе Грязе-Царицынской желѣзной дороги. Дорога строится съ земляннымъ полотномъ на два пути и съ рельсовымъ въ одинъ путь. Основной капиталъ общества опредѣленъ въ 36.840.000 руб. мет., въ томъ числѣ для перваго отдѣленія въ 15.440.000 руб., что составляетъ на версту до 69.000 руб., а для второго 23.400.000 руб., что составляетъ на версту до 60.000 руб. мет.

Капиталъ перваго отдѣленія былъ образованъ выпускомъ акцій, изъ капитала второго отдѣленія $^1/_3$ образуется выпускомъ акцій и $^2/_3$ выпускомъ облигацій. Послѣднія гарантированы правительствомъ $5^1/_{10}\%$ ежегоднаго дохода, а акціи обоихъ отдѣленій, всего 21.240.000 руб., гарантируются въ размѣрѣ 336.000 руб. Борисоглѣбскимъ земствомъ, т.-е., нѣсколько болѣе, чѣмъ $1^1/_2\%$. Эти акціи вскорѣ упали весьма низко; въ настоящее время (1876 г.) онѣ при номинальной цѣнѣ въ 125 руб. мет. стоютъ 58 руб. кред. Либавская же желѣзная дорога была уступлена на 81 годъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ барону Александру Фитингофу и Димитрію Шипову и банкирскимъ домамъ И. С. Бліоху въ Варшавѣ,

Жака въ Берлинѣ и Симонъ вдовѣ и сыновьямъ въ Кенигсбергѣ, обязавшимся образовать акціонерное общество для постройки и эксплоатаціи желѣзной дороги отъ Либавы по направленію къ станціи Жосли на вѣтви С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги. Длина Либавской дороги опредѣлена въ 294 версты; она строится съ земляным полотномъ въ два пути, а рельсовымъ въ одинъ путь. Основной капиталъ общества 12.789.000 р. мет., т.-е., по 43.500 руб. мет. за версту, изъ коихъ одна треть образуется выпускомъ не гарантированныхъ акцій, а двѣ трети выпускомъ гарантированныхъ $5^1/_{10}\%$ правительствомъ облигацій. Облигаціи для послѣднихъ обѣихъ дорогъ реализуются правительствомъ по 75 руб. мет. за каждые 100 руб. мет. Выпускная цѣна акцій была по 108 руб. кред. за 100 руб. мет. Въ началѣ на нихъ была большая премія, но вскорѣ онѣ упали и теперь ихъ трудно сбыть по 55 руб. кред. Эта дорога не даетъ никакого дохода, и въ настоящее время (январь 1876 г.) предполагается ее присоединить къ обществу Ландварово-Роменской желѣзной дороги. Условія присоединенія еще неизвѣстны.

7-го іюля Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о кредитѣ въ 10.108.698 руб. для устройства второго пути на Московско-Сергіевскомъ участкѣ Московско-Курской желѣзной дороги. Значительная часть этой суммы была уже предварительно выдана авансомъ для задатковъ при заказѣ подвижного состава, рельсовъ и мостовъ для этой дороги, а равно для начавшихся съ весны 1869 года работъ по укладкѣ второго пути и другихъ.

10 іюля 1869 года, при вступленіи моемъ въ управленіе всѣми желѣзными дорогами, таковыхъ состояло казенныхъ въ эксплоатаціи протяженіемъ 1.009 верстъ *), а въ постройкѣ 833 версты **), частныхъ въ эксплоатаціи 5.686 ***) и въ постройкѣ 3.943 вер. ****); вообще же въ эксплоата-

---

*) Московско-Курская—502,5; Одессо-Балто-Кременчугская до Елисаветграда—506,2.

**) Одессо-Балто-Кременчугская (участокъ отъ Елисаветграда до Кременчуга)—134,5; Кіево-Балтская съ вѣтвями—622,375; Тирасполь-Брестъ-Литовская съ вѣтвью—8,76; Тирасполь-Кишиневская—67 верстъ.

***) Царскосельская—25, Варшаво-Вѣнская—325, Николаевская—604, С.-Петербурго-Варшавская—1207, Петергофская—51, Московско-Нижегородская—410, Риго-Динабургская—204, Волго-Донская—73, Московско-Рязанская—196,4, Московско-Ярославская (участокъ отъ Москвы до Сергіевскаго посада)—66,1, Варшавско-Бромбергская съ вѣтвью къ Цехоцинску—138, Воронежско-Ростовская (участокъ отъ Грушевки до Ростова-на-Дону съ вѣтвями)—73, Лодзинская-фабричная—26, Динабурго-Витебская—243, Рязанско-Козловская—198,3, Варшаво-Тереспольская—193,7, Ряжско-Моршанская—121,4, Козлово-Воронежская—167, Орловско-Грязская (участокъ отъ Ельца до Грязи)—103, Шуйско-Ивановская (участокъ отъ Новки до с. Иванова)—84, Орловско-Витебская—488, Курско-Кіевская до ст. Бровары—485, Риго-Митавская—39, Курско-Харьковская—230 верстъ.

****) Московско-Ярославская (участокъ отъ Сергіевскаго посада до Ярославля) съ вѣтвью къ Волгѣ—199, Орловско-Грязская (участокъ отъ Ельца до Орла)—180, Шуйско-Ивановская (участокъ отъ Иванова до Кинешмы)—87, Курско-Кіевская (уча-

ціи 6.465 и въ постройкѣ 5.006 верстъ. Сверхъ того прокладывались вторые пути на Московско-Курской желѣзной дорогѣ на протяженіи отъ Москвы до станціи Сергіевской и на Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской. На этихъ же дорогахъ, а равно на Риго-Динабургской, Динабурго-Витебской и Витебско-Орловской производились устройства, необходимыя для увеличенія по нимъ движенія.

Въ половинѣ іюля назначенъ былъ отъѣздъ Государя на югъ Россіи. Съ нимъ долженъ былъ ѣхать графъ В. А. Бобринскій, который, проводивъ Государя, отправлялся въ заграничный отпускъ. Въ отсутствіи Бобринскаго полагалось возложить на меня управленіе министерствомъ путей сообщенія. Въ продолженіе моей службы мнѣ никогда не приходило на мысль, что я могу дойти до этого высокаго положенія. Только при назначеніи графа В. А. Бобринскаго начали ходить слухи, что онъ недолго останется исправляющимъ должность министра и что на его мѣсто некого будетъ назначить, кромѣ меня. Я не только не желалъ, но опасался этого назначенія, зная, что при неимѣніи связей въ высшемъ обществѣ и при извѣстныхъ правилахъ, отъ которыхъ я ни въ какомъ случаѣ не отступлю, весьма трудно будетъ удержаться долгое время министромъ.

Я даже находилъ, что если я буду назначенъ министромъ, то въ моемъ положеніи я буду играть между другими министрами, по неимѣнію никакой поддержки у Государя, послѣднюю роль, которой я не вынесъ бы, такъ какъ я привыкъ съ самаго начала моей службы быть замѣтнымъ лицомъ между моими товарищами. Примѣръ П. П. Мельникова, котораго Государь давно зналъ, и къ которому Императрица по отношеніямъ его къ Мальцевой, любимицѣ Ея Величества, очень благоволила, доказывалъ мнѣ, что достаточно принадлежать вѣдомству путей сообщенія, чтобы не получить тѣхъ званій, которыя почти необходимы для лицъ, близкихъ ко Двору. Всѣ министры, состоящіе въ военныхъ чинахъ, генералъ-адъютанты, а въ гражданскихъ — статсъ-секретари Его Величества. Мельниковъ же не былъ ни тѣмъ, ни другимъ.

Напротивъ того, назначеніе меня первымъ лицомъ послѣ министра мнѣ очень улыбалось. Этимъ я официально признавался первымъ лицомъ между товарищами и, надѣясь на привязанность ко мнѣ графа В. А. Бобринскаго, къ которому Государь очень благоволилъ, я полагалъ на этомъ мѣстѣ быть полезнѣе для службы и долго на немъ удержаться.

Сознаюсь, что въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ Бобринскаго изъ Петербурга, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія Высочайшаго повелѣнія о назначеніи меня, на время отсутствія Бобринскаго, управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, которое и воспослѣдовало 16-го іюля.

стокъ отъ Бровары до Кіева)—23, Харьковско-Азовская—533, Грязе-Царицынская—585, Козлово-Тамбовская—67,5, Поти-Тифлисская—289,5, Рыбинско-Бологовская—280, Балтійская—388, Харьково-Кременчугская—247, Тамбово-Саратовская—340, Московско-Смоленская—397, Новоторжская—33, Либавская—291 верста.

Служебныя мои занятія въ этой должности были такъ разнообразны, что я, конечно, не буду здѣсь описывать все то, что перешло тогда черезъ мои руки. Я многаго не могъ бы написать потому, что никогда не велъ никакихъ записокъ, и «Мои воспоминанія» пишу на память, а настоящую главу пишу черезъ 4½ года по оставленіи мною министерства путей сообщенія. Изложу только то, что наиболѣе было примѣчательнаго и мною не забыто.

Я занимался цѣлые дни службою и всѣ имѣли ко мнѣ легкій доступъ. Я всѣхъ выслушивалъ съ терпѣніемъ, но не терялъ на это времени, потому что дѣланные мнѣ вопросы и приносимыя просьбы порѣшалъ безъ промедленія. Вставъ рано утромъ, я немедля приступалъ къ служебнымъ занятіямъ. Въ 10 часу утра былъ уже въ канцеляріи министра, гдѣ занимался текущею перепискою, а потомъ принималъ доклады департаментовъ, штаба и другихъ учрежденій министерства. Бывалъ каждый вторникъ въ комитетѣ министровъ, раза два въ мѣсяцъ въ 1-мъ департаментѣ Сената по дѣламъ министерства путей сообщенія и, по возобновленіи засѣданій въ Государственномъ Совѣтѣ, участвовалъ въ нихъ каждый понедѣльникъ.

Такъ какъ, вмѣстѣ съ управленіемъ министерствомъ, на мнѣ оставалось и управленіе всѣми желѣзными дорогами, а по этой части приходилось вновь знакомиться съ нѣкоторыми дѣлами и вообще всѣмъ дѣламъ давать быстрый ходъ, къ которому наше чиновничество не привыкло, то понятно, что у меня оставалось мало свободнаго времени.

Непосредственными моими докладчиками были:

По канцеляріи директоръ оной тайный совѣтникъ Иванъ Петровичъ Боричевскій и вице-директоръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Дмитріевичъ Хмельницкій (впослѣдствіи тайный совѣтникъ, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ), послѣдній въ особенности по дѣламъ бюджета и контроля. Они оба люди умные, но первый изъ нихъ, о которомъ я уже неоднократно говорилъ, рутинный чиновникъ, всѣхъ хулящій, тогда какъ послѣдній имѣлъ болѣе обширный кругозоръ и не относился чиновнически къ людямъ, имѣющимъ по своимъ дѣламъ въ немъ надобность. Сверхъ того, въ канцеляріи искусственною частью завѣдывалъ инженеръ Радецкій (нынѣ умершій), очень усердный, вполнѣ честный, но медленный и безъ иниціативы, сверхъ того весьма болѣзненный, вслѣдствіе непосильныхъ его трудовъ.

По штабу завѣдывающій онымъ, числящійся по арміи, генералъ-маіоръ Петръ Ѳеодоровичъ Деморъ (нынѣ умершій), человѣкъ очень ограниченный и старый; въ то время онъ прослужилъ въ офицерскихъ чинахъ почти 30 лѣтъ. Въ штабѣ и департаментахъ собственно докладчиками были начальники отдѣленій, изъ нихъ по штабу упомяну о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Леопольдѣ Васильевичѣ Брандтъ, нѣкогда литераторъ, котораго изображеніе въ видѣ куколки красовалось въ окошкахъ магазиновъ Невскаго проспекта вмѣстѣ съ изображеніемъ Ѳ. В. Булгарина и другихъ.

По департаменту шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній директоръ онаго инженеръ генералъ-лейтенантъ Николай Ивановичъ Богдановичъ и вице-директоръ инженеръ-полковникъ Владиміръ Петровичъ Стремоуховъ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ, состоящій по министерству), оба люди честные, но старые, прослужившіе уже тогда почти 50 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ, мало способные къ занимаемымъ ими должностямъ. Начальники отдѣленій были люди также мало способные и мало грамотные, за исключеніемъ Стржелецкаго, большого плута. При малой способности служащихъ въ этомъ департаментѣ, дѣла шли въ немъ плохо.

По департаменту желѣзныхъ дорогъ директоръ его Н. И. Липинъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ, членъ совѣта министерства) и исправляющій должность вице-директора инженеръ-полковникъ Амвросій Осиповичъ Завадовскій, человѣкъ неспособный. Изъ начальниковъ отдѣленій можно упомянуть только объ одномъ, Дмитріи Константиновичѣ Швахгеймѣ, воспитанникѣ здѣшняго лицея, человѣкѣ грамотномъ.

По ученому комитету предсѣдатель его инженеръ генералъ-маіоръ Павелъ Ивановичъ Палибинъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ, состоящій по министерству путей сообщенія и членъ строительной конторы министерства Императорскаго Двора), разбитый параличомъ; но въ этомъ комитетѣ дѣла было очень мало.

По институту инженеровъ путей сообщенія директоръ онаго инженеръ тайный совѣтникъ Владиміръ Петровичъ Соболевскій.

По комитету увеличенія средствъ для передвиженія грузовъ по Замосковнымъ желѣзнымъ дорогамъ вышеупомянутый Д. К. Швахгеймъ и инженеръ надворный совѣтникъ Петръ Александровичъ Фадѣевъ.

По совѣту министерства докладчиками были директоры департаментовъ и завѣдывающій штабомъ съ помощью начальниковъ тѣхъ отдѣленій, въ которыхъ производились дѣла до поступленія въ совѣтъ, и юрисконсультъ министерства дѣйствительный статскій совѣтникъ, впослѣдствіи тайный совѣтникъ Николай Алексѣевичъ Персидскій, воспитанникъ перваго выпуска училища правовѣдѣнія, чиновникъ усердный, но мало способный.

Вообще контингентъ служащихъ въ центральныхъ управленіяхъ министерства путей сообщенія былъ плохъ, такъ что не только нельзя было ожидать отъ нихъ иниціативы, но и представленія въ высшія государственныя учрежденія писались не всегда толково; часто ихъ приходилось исправлять и даже составлять самому.

Впрочемъ, лучшаго контингента служащихъ министерства путей сообщенія нельзя было и ожидать: почти всѣ высшія должности въ министерствѣ заняты инженерами, а гражданскимъ чиновникамъ, не инженерамъ, нѣтъ карьеры, которая для такихъ чиновниковъ существуетъ въ другихъ министерствахъ.

При вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ путей сообщенія,

наиважнѣйшими дѣлами были: 1) уступка Воронежско-Грушевской *) и Бессарабской желѣзныхъ дорогъ; 2) расторженіе договора съ американцемъ Уайнансомъ по ремонту и содержанію подвижного состава на Николаевской желѣзной дорогѣ; 3) увеличеніе движенія на Замосковныхъ желѣзныхъ дорогахъ; 4) подготовленія къ первому общему съѣзду представителей желѣзныхъ дорогъ, и 5) сдача отливки памятника Екатерины II. Объясню все, касающееся этихъ пяти предметовъ.

Нѣсколько лицъ заявили желаніе принять на себя устройство и эксплоатацію Воронежско-Грушевской и Бессарабской желѣзныхъ дорогъ. Изъ нихъ по Высочайшему повелѣнію, основанному на представленіи министра финансовъ, были допущены къ заявленію цѣнъ только избранныя послѣднимъ лица, которыя представили свои цѣны въ запечатанныхъ конвертахъ въ совѣтъ министерства финансовъ, въ коихъ низшія цѣны на первую изъ этихъ дорогъ назначены были почетнымъ гражданиномъ Гладинымъ, а по второй дворяниномъ Шидловскимъ.

Въ числѣ конкурентовъ на первую былъ неоднократно упоминаемый мною С. С. Поляковъ, который, владѣя дорогою отъ ст. Аксай до Ростова-на-Дону, по особому договору съ начальствомъ Донского казачьяго войска эксплоатировалъ устроенную на капиталъ этого войска Грушевскую желѣзную дорогу. Онъ предложилъ, въ случаѣ уступки ему дороги отъ Воронежа до Грушевки, купить у войска Грушевскую желѣзную дорогу и передать ея эксплоатацію, а равно и участокъ отъ Аксая до Ростова, въ завѣдываніе акціонернаго общества, которое онъ образуетъ для постройки и эксплоатаціи желѣзной дороги отъ Воронежа до Грушевки.

Начальство Донского казачьяго войска, а равно и военный министръ находили выгоднымъ предложеніе Полякова. Съ ними соглашался Бобринскій и министръ финансовъ Рейтернъ, которые и подписали представленіе въ комитетъ министровъ объ отдачѣ Воронежско-Грушевской желѣзной дороги Полякову.

По отъѣздѣ Бобринскаго, сдѣлано мною представленіе въ комитетъ министровъ объ отдачѣ Бессарабской желѣзной дороги (Кишенево-Прутскаго участка); цѣна, объявленная 24-го іюля на эту дорогу извѣстнымъ австрійцемъ Оффенгеймомъ, 8.531. 500 р., была безобразно высока, а цѣна Шидловскаго, 4.643.100 р., слишкомъ низка. Бобринскій, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, просилъ меня всѣми средствами поддержать его представленіе о Поляковѣ и предоставлялъ мнѣ распорядиться по моему усмотрѣнію насчетъ Бессарабской дороги.

Разсмотрѣніе означенныхъ представленій было назначено 29-го іюля, такъ что въ первое мое появленіе въ комитетѣ министровъ на меня падала трудная задача.

---

*) Нормальная концессія на 81 годъ утверждена 8 іюля 1869 года; длина дороги 540 верстъ; земляное полотно устраивается на два пути, а рельсы кладутся для одного пути.

Генералъ-лейтенантъ С. А. Грейгъ въ это время управлялъ министерствомъ финансовъ. Онъ передъ засѣданіемъ комитета заѣзжалъ ко мнѣ, чтобы столковаться о предстоящихъ въ комитетѣ преніяхъ, и я полагалъ, что онъ будетъ поддерживать представленіе, подписанное министромъ финансовъ, но я ошибся: въ комитетѣ большинство и Грейгъ въ томъ числѣ было на сторонѣ Гладина, а со мною согласились только министръ государственныхъ имуществъ А. А. Зеленой и начальникъ главнаго штаба графъ Ѳ. Л. Гейденъ, замѣнявшій отсутствовавшаго военнаго министра. Представленныя же предложенія на Бессарабскую желѣзную дорогу комитетъ отклонилъ единогласно.

О результатѣ засѣданія комитета я телеграфировалъ Бобринскому въ Конотопъ, такъ какъ, по маршруту Государя, онъ долженъ былъ быть въ этомъ городѣ 29-го іюля, а на другой день я писалъ ему въ Вѣну о происходившемъ въ засѣданіи комитета. Помѣщаю переписку съ Бобринскимъ по этому предмету, такъ какъ она объясняетъ все дѣло. Вотъ мое письмо отъ 30-го іюля:

«Вчера телеграммою, посланною въ Конотопъ, я увѣдомилъ васъ вкратцѣ о рѣшеніи комитета министровъ по конкуренціямъ на Воронежско-Грушевскую желѣзную дорогу и Бессарабскую.

«Большинство членовъ отдачу первой дороги Гладину основывало на слѣдующемъ:

«1, Гладинъ объявилъ низшую цѣну.

«2, Въ публикѣ является ропотъ на утвержденіе высшихъ цѣнъ и увѣренность въ томъ, что комитетъ, отдавая дѣло не тому, кто объявилъ низшую цѣну, не признаетъ конкуренцію полезною.

«3, Гладинъ заслуживаетъ полнаго довѣрія.

«4, Комитетъ не желаетъ разбирать, кто назначилъ въ представляемыхъ министру путей сообщенія расцѣночныхъ вѣдомостяхъ выгодныя или невыгодныя цѣны, въ чемъ онъ не компетентенъ.

«5, Послѣднему предоставляется включать въ концессіи все, что онъ находитъ нужнымъ, и въ ней должно все заключаться, такъ чтобы, за кѣмъ бы ни осталась дорога, все должно быть исполнено согласно концессіи; нѣкоторые находили, что если и нельзя за всѣмъ присмотрѣть, то качество подвижного состава, на малую цѣну котораго болѣе всего указывалось въ извѣстномъ вамъ представленіи *), можетъ быть освидѣтельствовано безъ затрудненія.

«Неоднократно возбужденные членами комитета вопросы о томъ, что не слѣдовало допускать конкуренціи при не одинаковыхъ условіяхъ для Полякова и другихъ состязующихся, что гарантіи потребуется больше, если дорога не достанется Полякову и т. п., были отклоняемы предсѣдате-

---

*) Представленіе Бобринскаго въ комитетъ министровъ о низкой цѣнѣ въ расцѣночной вѣдомости Гладина на подвижной составъ, по которой онъ не могъ быть изготовленъ.

лемъ комитета, какъ вопросы или уже разрѣшенные послѣднимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, или не идущіе къ дѣлу.

«Я энергически отвѣчалъ на всѣ вышеприведенныя замѣчанія, кромѣ третьяго пункта о благонадежности Гладина, полагая неприличнымъ объ этомъ объяснять, хотя могъ бы и по этому пункту доказать, что противное мнѣніе имѣетъ болѣе основаній.

«Въ особенности я указывалъ на Высочайшее повелѣніе, объявленное министромъ финансовъ, въ которомъ именно сказано, что комитету министровъ предоставлено выбрать одного изъ конкурентовъ, бывшихъ на состязаніи, а не того, кто объявилъ низшую цѣну; что главнымъ основаніемъ должны служить цѣны, показанныя въ расцѣночныхъ вѣдомостяхъ конкурентами; что если бы законъ (выраженный означеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ) почиталъ правильнымъ отдачу тому, кто объявилъ низшую цѣну, то не зачѣмъ было бы торги представлять на обсужденіе комитета, такъ какъ не о чемъ было бы судить; что означенное Высочайшее повелѣніе, допуская отступленіе отъ обыкновеннаго порядка торговъ, предвидѣло опасность отдачи постройки дороги лицамъ, которыя хотя и признаны уже министромъ финансовъ благонадежными при допущеніи ихъ къ конкуренціи, но могутъ объявить слишкомъ низкія цѣны, что можетъ заставить ихъ дурно строить, а для присмотра за ними потребовалась бы инспекція, параллельная ихъ администраціи, стоющей сотенъ тысячъ руб., которая при своемъ постоянномъ вмѣшательствѣ дѣлала бы успѣхъ работъ невозможнымъ, и все же нельзя было бы посредствомъ ея достигнуть цѣли производства прочныхъ работъ и полученія хорошаго подвижного состава, большею частію производимаго за границею.

«Но опасность заключается не въ этомъ одномъ: при низкой стоимости концессіонеръ можетъ не окончить дороги, и тогда произойдетъ такое замѣшательство, а вмѣстѣ и паденіе бумагъ желѣзныхъ дорогъ, что трудно предвидѣть всю отъ этого потерю.

«Если дорога и достроится концессіонеромъ при низкой на нее цѣнѣ, то эксплоатація ея будетъ и дурна и опасна.

«Такимъ образомъ мнѣ, въ продолженіе 6 лѣтъ осуждавшему болѣе и чаще всякаго другого отдачу нашихъ дорогъ по слишкомъ дорогимъ цѣнамъ, пришлось передъ комитетомъ министровъ, а слѣд. передъ публикою, доказывать вредъ отдачи дорогъ по низкимъ цѣнамъ.

«Бѣда та, что мы впадаемъ все въ крайности.

«Учрежденіе конкуренціи на отдачу концессій желѣзныхъ дорогъ могло произойти только отъ безпорядочности, съ которою выдавались прежнія концессіи по линіямъ,—правительствомъ, а иногда и никѣмъ не изученнымъ.

«Если эта система отдачи продолжится, то во избѣжаніе дурной постройки, а впослѣдствіи дурной и опасной эксплоатаціи, я полагалъ бы необходимымъ постановить, чтобы впредь на всѣ линіи, по которымъ желаютъ въ продолженіе зимняго времени получить концессіи и по кото-

рымъ не произведено правительствомъ изысканій, проекты были представлены въ министерство путей сообщенія не позже августа, предшествующаго означенной зимѣ, съ тѣмъ, что бы оно могло повѣрить хотя частію изысканія и получить свѣдѣнія о мѣстныхъ цѣнахъ.

«На расходы, потребные для повѣрки, не слѣдуетъ скупиться, а то не найдемъ для этого инженеровъ; расходы же эти должны быть возмѣщены тѣмъ обществомъ, которое получитъ концессію».

Бобринскій отвѣчалъ мнѣ 10-22-го августа:

«Я получилъ ваши депешу и письмо относительно Бессарабской и Грушевской линій. Одно обстоятельство осталось для меня не разъясненнымъ, а именно: какимъ образомъ Грейгъ присоединился къ большинству, тогда какъ Рейтернъ вмѣстѣ со мною подписалъ представленіе объ устраненіи предложеній Гладина. Я доложилъ Государю объ обстоятельствѣ этого дѣла, и онъ обѣщалъ мнѣ прочесть со вниманіемъ представленіе комитета министровъ. Я твердо рѣшился при первомъ засѣданіи комитета министровъ разъяснить положеніе дѣла и взглядъ на конкуренцію. Если мы будемъ придерживаться низшихъ цѣнъ, то конкуренція сдѣлается убійственнымъ принципомъ, и навѣрно придется посредствомъ строгой инспекціи осадить аферистовъ, или же требовать огромныхъ залоговъ. Я рѣшительно не понимаю Рейтерна и Грейга въ этомъ случаѣ. Рейтернъ такъ хорошо понимаетъ положеніе дѣла и цѣнитъ принципъ конкуренціи a sa juste valeur. Прошу васъ, телеграфируйте мнѣ результатъ утвержденія журнала комитета министровъ Государемъ.

«Относительно Бессарабской дороги я видѣлъ Веккерсгейма въ Вѣнѣ. Онъ говоритъ, будто вы нашли его цѣны *) выгодными и возможными и что, несмотря на то, комитетъ отложилъ рѣшеніе вопроса и дѣла.

«Я не могу судить еще о правильности или неправильности рѣшенія комитета, но во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что второй конкуренціи быть не можетъ. Оффенгеймъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ онъ, восхищаясь рѣшеніемъ комитета министровъ, пишетъ мнѣ, что можетъ еще сбавить цѣну. Мнѣ кажется, что если допустить вторую конкуренцію, мы поступимъ нечестно въ отношеніи къ Веккерсгейму, котораго Рейтернъ *пригласилъ* участвовать въ состязаніи.

«Государь *очень* сожалѣлъ о томъ, что вопросъ Бессарабской дороги остался нерѣшеннымъ. Одно обстоятельство только успокаиваетъ меня, а именно то, что вы мнѣ телеграфируете, что рѣшеніе *единогласное*, значитъ и вы нашли лучшимъ отложить рѣшеніе вопроса. Если, паче чаянія, Государь утвердилъ рѣшеніе въ пользу Гладина, то прошу васъ обратить особое вниманіе на выборъ инспекціи и на окончательную расцѣночную вѣдомость, которая въ этомъ случаѣ не должна быть только формальностію, какъ до сихъ поръ на нее смотрѣли. Преданный вамъ В. Бобринскій».

На это послѣдовалъ мой отвѣтъ 17-го августа:

---

*) 6.666.000 рублей.

«Въ письмѣ отъ 10-го августа вы пишете, что для васъ остается необъясненнымъ — какъ могъ Грейгъ присоединиться къ большинству по отдачѣ Воронежско - Грушевской дороги, тогда какъ Рейтернъ подписалъ представленіе въ комитетъ министровъ объ отдачѣ ея Полякову.

«Депешею, посланною вамъ въ Кіевъ, я извѣщалъ о слѣдующемъ: Грейгъ сказалъ въ комитетѣ, что Рейтернъ поручилъ ему заявить о томъ, что онъ подписалъ представленіе въ комитетъ министровъ по убѣжденію министерства путей сообщенія о недостаточности цѣны Гладина, но что онъ въ этомъ поколебался по прочтеніи записки Гладина, въ которой послѣдній похваляется тѣмъ, что его фирма произвела огромное число работъ, а заграничныя поставки принялъ на себя Гвейеръ и непремѣнно ихъ выполнитъ. Запискѣ этой я не придаю никакого значенія, такъ какъ бо́льшее количество изъ показанныхъ въ ней земляныхъ работъ производилъ отецъ Гладина и сверхъ того часто требовалъ дополнительной платы; примѣромъ могутъ служить работы по Ладожскому каналу, Брестскому шоссе и Волго-Донской желѣзной дорогѣ.

«Мнѣ кажется, что болѣе вліянія на Рейтерна произвело убѣжденіе Гвейера, который, участвуя во многихъ обществахъ подъ видомъ директора правленія, комиссіонеръ по поставкѣ вещей и банкиръ по реализаціи капиталовъ, набиваетъ свой карманъ и по непонятнымъ причинамъ пользуется довѣріемъ, тогда какъ, состоя членомъ совѣта главнаго общества со времени его учрежденія, ему извѣстна стоимость паровозовъ, вагоновъ и рельсовъ, заказываемыхъ этимъ обществомъ по цѣнѣ несравненно высшей противъ показанной Гладинымъ.

«Конечно, Гвейеръ, и при этой поставкѣ расчитываетъ на выгоды для себя; что же затѣмъ остается на ихъ покупку?

«Положеніе комитета министровъ послано въ Ливадію 10 августа.

«Вѣроятно прежде полученія этого письма вы получите телеграмму о рѣшеніи вопроса.

«Относительно Бессарабской дороги, я не признавалъ цѣну Виккерсгейма умѣренною, но болѣе подходящей къ истинной цѣнѣ. Можно было бы, для скорѣйшаго приступа къ дѣлу, и согласиться на нее, но приступъ по концессіи откладывался до осени, времени созыва Румынскихъ палатъ, и Вестманъ *) сдѣлалъ длинное представленіе въ пользу Оффенгейма, ничего не упоминая о Виккерсгеймѣ, а такъ какъ цѣна перваго чрезмѣрна, а второго такъ же высока, цѣна же Шидловскаго, по моему мнѣнію, низка до невозможности, то я, а затѣмъ и весь комитетъ, согласился на предложеніе Грейга отклонить всѣ три предложенія, предоставивъ министрамъ финансовъ и путей сообщенія изыскать мѣры къ немедленному приступу къ дѣлу.

«Чѣмъ это кончится, не знаю.

---

*) Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ (нынѣ умершій).

«Я послалъ Петерса въ Бессарабію для разузнанія о цѣнахъ на главные строительные матеріалы».

Въ половинѣ августа послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отдачѣ Воронежско-Грушевской желѣзной дороги Полякову. Послѣ полученія этого повелѣнія я видѣлся 26-го августа въ Исаакіевскомъ соборѣ съ предсѣдателемъ комитета министровъ княземъ П. П. Гагаринымъ, который съ неудовольствіемъ поздравилъ меня, что мнѣніе меньшинства, въ которомъ былъ я, удостоилось Высочайшаго одобренія.

Въ IX главѣ «Моихъ воспоминаній» я подробно говорилъ о пресловутомъ контрактѣ съ американцемъ Уайнансомъ на ремонтъ и содержаніе подвижного состава Николаевской желѣзной дороги. По переходѣ этой дороги главному обществу желѣзныхъ дорогъ, оно немедля начало изыскивать средства къ расторженію упомянутаго чрезвычайно невыгоднаго контракта.

Бобринскій, видя всѣ невыгоды для общества, а въ особенности для торговли отъ контракта Уайнанса, принялся съ особымъ рвеніемъ убѣждать послѣдняго расторгнуть контрактъ, не ожидая срока его окончанія. Уайнансъ согласился нарушить свой контрактъ съ полученіемъ неустойки болѣе 5½ милліоновъ руб.; о другихъ условіяхъ сказано въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній».

Здѣсь же скажу, до какой степени лица, стоявшія во главѣ государственныхъ управленій, опасались придирокъ Уайнанса; именно, Бобринскій опасался, что Уайнансъ не захочетъ, чтобы я подписался подъ условіями расторженія, такъ какъ эти условія были соглашены Уайнансомъ съ Бобринскимъ, а не со мною. Эти опасенія видны въ письмахъ Бобринскаго ко мнѣ, изъ которыхъ дѣлаю слѣдующее извлеченіе.

Въ письмѣ изъ Гаштейна отъ 15/27-го августа онъ пишетъ:

«Въ случаѣ, если я не могъ бы быть въ Петербургѣ къ 1-му октября, срокъ подписанія расторженія контракта Уайнанса, то прошу васъ переговорить о семъ съ Рейтерномъ, *Кенигомъ* и Уайнансомъ. Если Уайнансъ не встрѣтитъ препятствія или не выдумаетъ затрудненій подписать расторженіе и получить деньги нѣсколько дней позже, или если нѣтъ препятствія тому, что бы вы, баронъ, къ 1-му октября кончили бы это дѣло, то я не измѣню своего маршрута и вернусь съ Государемъ. Въ противномъ случаѣ я могу пріѣхать въ Петербургъ около 15-го сентября подписать расторженіе и потомъ поѣхать съ Государемъ въ Одессу. Выдача же денегъ Уайнансу все-таки совершится 1-го октября. Если же мое присутствіе собственно для Уайнанса необходимо, то я изъ Веве пріѣду прямо въ Петербургъ на 3 дня».

Я ему отвѣчалъ, что контрактъ съ Уайнансомъ подписанъ департаментомъ желѣзныхъ дорогъ, слѣд. и расторженіе его должно произойти тѣмъ же порядкомъ, и что я просилъ Кенига переговорить на этотъ счетъ съ Уайнансомъ, который того же мнѣнія, а слѣд. по этому дѣлу нѣтъ надобности Бобринскому пріѣзжать въ Петербургъ.

Уайнансъ требовалъ, чтобы директоръ департамента лично явился 1-го октября въ Государственный банкъ, гдѣ, по взносѣ условленной за расторженіе контракта суммы на текущій счетъ Уайнанса, послѣднимъ было подписано условіе о расторженіи контракта. Говорятъ, что означенные милліоны и теперь (1876 г.) лежатъ на текущемъ счетѣ въ Государственномъ банкѣ и что будто Уайнансъ хочетъ выразить этимъ свою благодарность Россіи за то, что она его обогатила.

Казалось, что мы этою дорогою платою совсѣмъ покончили съ Уайнансомъ, но вышло иначе. Уайнансъ имѣлъ по первому своему контракту претензію въ нѣсколько милліоновъ руб. на казну. Онъ пропустилъ всѣ, закономъ установленные, сроки для обжалованія будто бы неправильныхъ расчетовъ министерства путей сообщенія. Ему продолжали сроки и соглашались на его требованія о разсмотрѣніи его жалобъ не въ установленныхъ для сего учрежденіяхъ, а въ тѣхъ, которыя онъ указывалъ.

Но онъ никуда и послѣ этого въ продолженіе 7 лѣтъ никакихъ жалобъ не подавалъ. Между тѣмъ въ началѣ ноября 1869 года, когда я управлялъ министерствомъ путей сообщенія, онъ прислалъ мнѣ заявленіе, въ которомъ домогался получить мое дозволеніе на отъѣздъ изъ Россіи до весны 1870 года съ тѣмъ, вѣроятно, чтобы впослѣдствіи сказать, что выданнымъ ему дозволеніемъ я признавалъ, что его отношенія къ министерству не кончились, но я приказалъ ему отвѣчать, что министерству путей сообщенія, которое считаетъ всѣ дѣла съ нимъ покончеными, нѣтъ дѣла до того, гдѣ онъ будетъ имѣть жительство.

Послѣ выхода моего изъ министерства Уайнансъ скупилъ на 5 милліоновъ руб. акцій главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ распоряжается по своему усмотрѣнію, раздавая свои акціи для участія въ общемъ собраніи разнымъ лицамъ, черезъ что успѣлъ выбрать въ члены совѣта лицъ ему совершенно преданныхъ, какъ то, инженеровъ путей сообщенія: Штомпфа, помогавшаго ему при составленіи вышеупомянутаго пресловутаго, второго контракта по Николаевской дорогѣ, и Дунина-Слѣпецъ и свиты Его Величества генералъ-маіора Герна.

Главное же лицо, черезъ которое Уайнансъ имѣетъ вліяніе на всѣ дѣла главнаго общества, это бывшій и прежде членомъ совѣта главнаго общества инженеръ тайный совѣтникъ Кербедзъ.

Уайнансъ пріѣзжаетъ ежегодно въ Петербургъ къ 15-му мая, въ этотъ день обыкновенно происходитъ общее собраніе акціонеровъ главнаго общества. Имѣя 50 акцій этого общества, я въ 1874 году отправился посмотрѣть на новые порядки въ его общемъ собраніи, которое происходило въ большой залѣ Петербургской городской думы. Акціонерамъ, при входѣ ихъ въ залъ, служащіе при совѣтѣ главнаго общества выдавали отчетъ за 1873 г. и нѣсколько другихъ документовъ, въ томъ числѣ замѣчанія ревизіонной комиссіи на отчетъ совѣта 1872 года, выбранной и дѣйствовавшей по иниціативѣ Уайнанса, который надѣялся, что ея открытіями онъ достигнетъ удаленія правительственныхъ членовъ совѣта, не покоряющихся его

требованіямъ, и замѣненія ихъ болѣе покорными, что однако же ему не удалось. Мнѣ извѣстно было, что объясненія совѣта на означенныя замѣчанія комиссіи были напечатаны, но ихъ не было дано ни мнѣ и ни одному изъ акціонеровъ, вблизи меня сидѣвшихъ. Правительственному инспектору С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги Н. Е. Адамовичу также не дали этихъ объясненій. Когда я это ему замѣтилъ, то онъ не безъ труда ихъ вытребовалъ. Такимъ образомъ служащіе при совѣтѣ скрывали документъ, его оправдывающій, что дѣлалось, вѣроятно, по иниціативѣ Уайнанса.

Я сидѣлъ во второмъ ряду креселъ, когда къ стоявшимъ впереди меня кресламъ перваго ряда подошелъ съ торжествующимъ видомъ Уайнансъ, сопровождаемый своимъ клевретомъ инженеромъ Штомпфомъ, котораго Уайнансъ впослѣдствіи сдѣлалъ членомъ совѣта главнаго общества. Уайнансъ, увидавъ меня, протянулъ мнѣ руку, но она не встрѣтила моей: довольно и того, что я отвѣчалъ поклономъ на его поклонъ.

Весьма много заботъ требовали работы на Московско-Курской желѣзной дорогѣ, на которой производились не только укладка второго рельсоваго пути отъ Москвы до ст. Сергіево (240 верстъ) и устройства въ станціяхъ, необходимыя для усиленія движенія, но пришлось перестроить и большую часть верхняго строенія прежде уложеннаго одиночнаго рельсоваго пути, такъ какъ рельсы и балластъ оказались никуда негодными. Понятно, какъ всѣ эти работы были затруднительны при довольно значительномъ движеніи по дорогѣ.

Управляющему дорогою П. З. Клевецкому, человѣку вполнѣ честному, но не мастеру сберегать казенныя деньги, эти затрудненія по движенію давали поводъ испрашивать разныхъ добавленій по службѣ эксплоатаціи, каковые порывы приходилось сдерживать. По этому предмету и по предмету порученія, даннаго мною инженеру Н. Н. Петерсу по собранію свѣдѣній о добавленіяхъ, требующихся на Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ, и о цѣнахъ на работы и матеріалы въ Бессарабіи, я въ письмѣ отъ 26-го августа сообщилъ Бобринскому слѣдующее:

«Сегодня получилъ рапортъ Петерса, въ которомъ онъ находитъ нужнымъ, для увеличенія числа ежедневныхъ пассажирскихъ поѣздовъ и для усиленія перевоза до 700 т. пудовъ въ день, согласно вашему назначенію, прибавить 22 полустанціи, разъѣздные пути, стрѣлки и т. д. и съ тѣмъ вмѣстѣ увеличить и штатъ служащихъ.

«Подробныя свѣдѣнія Петерсъ хотѣлъ доставить лично по возвращеніи изъ Бессарабіи.

«Полагаю, что всѣ заказы слѣдовало бы предоставить тому обществу, которое купитъ Кіево-Балтскую дорогу. Требованіе вновь столь значительныхъ суммъ изъ государственнаго казначейства едва ли удобно, а веденіе дѣла казеннымъ, даже упрощеннымъ порядкомъ, до чрезвычайности затруднительно. Я это испытываю по работамъ второго пути по Московско-Курской дорогѣ. Начальникъ ея требуетъ одно за другимъ: увеличенія

пассажирскаго подвижного состава, предметовъ для расширенія Московской станціи, увеличенія штата служащихъ по эксплоатаціи и т. п. На полученіе всѣхъ потребныхъ на это суммъ требуется много письма и времени.

«Сверхъ того и неудобно постоянно входить съ требованіемъ новаго кредита».

Переговоры съ правленіями Риго-Динабургской, Динабурго-Витебской и Витебско-Орловской желѣзныхъ дорогъ о денежныхъ средствахъ, потребныхъ для усиленія на нихъ движенія, какъ то: устройства промежуточныхъ станцій, добавочныхъ водоснабженій, расширенія мастерскихъ, увеличенія подвижного состава и пр., были очень продолжительны и кончились выдачею правительствомъ ссудъ съ уплатою 6% и погашеніемъ въ 20 лѣтъ первой дорогѣ—1.65.0000 руб., второй—2.200.000 руб. и послѣдней—3.000.000 руб.

Общій съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ долженъ былъ открыться 7-го августа, а такъ какъ это былъ первый таковой съѣздъ, то кромѣ разработки вопросовъ, которые должны были быть ему предложены, требовалось заняться и его организаціею. Я уже говорилъ выше о результатахъ съѣзда, а потому теперь ограничусь передачею о немъ слѣдующаго.

Съ 7-го по 15-ое августа, дня окончанія съѣзда, засѣданія его были ежедневно, за исключеніемъ воскресенья 10-го числа и вторника 12-го числа. Засѣданія продолжались съ 1-го до 5-го часа пополудни, по вечерамъ же работали назначаемыя съѣздомъ комиссіи. Почти всѣ члены съѣзда были очень заняты и работа шла успѣшно.

Я предсѣдательствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ, кромѣ 9-го августа, имѣя въ этотъ день много другихъ занятій; вмѣсто меня предсѣдательствовалъ главный инспекторъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ В. И. Граве. Я 11-го числа сказалъ, что на другой день, по обязанности моей присутствовать въ комитетѣ министровъ, поручаю предсѣдательство въ съѣздѣ главному инспектору, но большая часть членовъ съѣзда, недовольные предсѣдательствомъ послѣдняго въ засѣданіи 9-го августа, заявили, что и они не пріѣдутъ въ засѣданіе 12-го числа, которое черезъ это не состоялось. Это можетъ служить новымъ подтвержденіемъ уже сказаннаго мною, что предсѣдательство въ подобномъ съѣздѣ дѣло не легкое.

Въ это время было начато сооруженіе памятника Императрицѣ Екатеринѣ II. При разсмотрѣніи государственной росписи въ департаментѣ экономіи Государственнаго Совѣта, когда нѣкоторыми членами Совѣта предполагалось, въ виду недостаточности финансовыхъ средствъ, отложить устройство памятника или, по крайней мѣрѣ, уменьшить его стоимость, предсѣдатель департамента К. В. Чевкинъ, отличавшійся своею крайнею бережливостью относительно ассигнованія казенныхъ суммъ, возразилъ, что удивляется, какъ до сего времени не устроено еще памятника такой Великой Государынѣ и что на него не слѣдуетъ жалѣть денегъ.

Вылѣпка модели фигуры была предоставлена художнику Микѣшину, изготовившему проектъ памятника тысячелѣтія Россіи и другіе. По приго-

товленіи упомянутой модели, департаментъ сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, въ вѣдѣніи котораго производились работы по сооруженію памятника, вызвалъ желающихъ представить запечатанные пакеты съ опредѣленіемъ цѣны за отливку по модели бронзовыхъ фигуръ. Цѣну предложили Шопенъ — 69.890, Кохумъ — 65.000 и Сиракъ — 44.700 руб. Микѣшинъ предпочиталъ Шопена, я же во всеподданнѣйшемъ докладѣ, посланномъ Государю въ Ливадію, просилъ объ утвержденіи отливки за Кохумомъ, уже извѣстнымъ своею хорошею отливкою, а не за объявившимъ наименьшую цѣну Сиракомъ, который не имѣетъ завода и колоссальныхъ фигуръ не отливалъ.

Въ подобныхъ поставкахъ, требующихъ особаго искусства, я не понимаю конкуренціи. Сиракъ и его жена, узнавъ объ изготовленіи мною доклада, безуспѣшно преслѣдовали меня своими личными и письменными просьбами.

Государь вполнѣ одобрилъ мое представленіе и впослѣдствіи, при одномъ изъ моихъ личныхъ докладовъ, сказалъ, что мое представленіе относительно отливки фигуръ для памятника было вполнѣ справедливо, причемъ спросилъ меня, бывалъ ли я на заводѣ Кохума. На мой отвѣтъ, что я завода не видалъ, расхвалилъ его и приказалъ побывать на немъ, чего я до сего времени не исполнилъ, не видавъ никогда и его владѣльца.

Государь вспомнилъ объ упомянутомъ докладѣ потому, что наканунѣ ѣздилъ смотрѣть модель памятника въ мастерской Микѣшина, причемъ приказалъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія. Микѣшина почему-то не было въ мастерской при посѣщеніи ея Государемъ, который мнѣ при докладѣ сказалъ:

— Микѣшинъ не удостоилъ меня своимъ присутствіемъ въ мастерской.

По случаю открытія памятника, въ бытность министромъ путей сообщенія графа А. П. Бобринскаго, были выбиты золотыя, серебряныя и мѣдныя медали; я никакой не получилъ.

Въ іюлѣ 1869 года были несчастные случаи на Кіево-Балтской и Петергофской дорогахъ. Я поручилъ ихъ изслѣдовать: на первой — Серебрякову, а на второй — Граве. Серебряковъ, предлагая обойти насыпь на Тилигулъ устройствомъ новыхъ 11 верстъ желѣзной дороги, просилъ о немедленномъ разрѣшеніи приступить къ работамъ черезъ Филлёля, по его проектамъ и расчетамъ, которые онъ обѣщалъ вскорѣ представить. Конечно, на подобное предложеніе я не согласился.

На Петергофской дорогѣ оказывалось, что шпалы употреблялись изъ лѣса дурного качества и весь балластъ, который толщиною всего до 9 дюймовъ, положенъ въ глинистомъ ящикѣ. Послѣднее обстоятельство было замѣчено комиссіею, принимавшею дорогу по ея отстройкѣ. Это было гораздо ранѣе назначенія меня главнымъ инспекторомъ.

Журналъ комиссіи лежалъ въ департаментѣ, по немъ ничего не сдѣлано, и я этого обстоятельства не зналъ. Новое доказательство дурного устройства правительственной инспекціи надъ желѣзными дорогами.

Въ концѣ же іюля были Высочайше утверждены направленія желѣзныхъ дорогъ Шполянской и Ливенской, вслѣдствіе чего я долженъ былъ, по заведенному порядку, внести черезъ комитетъ министровъ проєкты концессій этихъ дорогъ на Высочайшее утвержденіе, но Бобринскій писалъ мнѣ, чтобы я задержалъ означенное представленіе, которое, до полученія его письма, было уже сдѣлано. Чтобы дать понятіе о мнѣніи Бобринскаго относительно способа постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, привожу здѣсь переписку нашу по этому предмету. Въ письмѣ отъ 15-го (27) августа онъ писалъ мнѣ:

«Я пришлю вамъ на дняхъ карту желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, дорогъ нынѣ строющихся въ связи съ будущими дорогами. Направленіе будущихъ желѣзныхъ дорогъ почти *произвольное;* опытъ только, *время* и мнѣніе мѣстныхъ жителей покажутъ *настоящее ихъ направленіе*. Но я составилъ эту карту, чтобы положить нѣкоторое основаніе и хотя немного разъяснить себѣ вопросъ о группировкѣ желѣзныхъ дорогъ en réseaux; каждый réseau принадлежалъ бы одной компаніи, одному обществу, которое довершило бы постройку новыхъ линій и завѣдывало бы эксплоатаціею всего réseau. Нѣчто въ родѣ французскихъ réseaux, но въ бо́льшемъ количествѣ и безъ централизаціи.

«Мнѣ кажется, что мы не можемъ увеличивать неограниченно количество нашихъ обществъ и впослѣдствіи имѣть дѣло съ сотнями обществъ, изъ коихъ каждое будетъ стремиться къ автономіи на протяженіи 150 до 500 верстъ. Выйдетъ путаница и для публики и для правительства.

«Независимо отъ всѣхъ этихъ réseaux, единственное средство снабдить всѣ мѣстности Россіи желѣзными дорогами, предоставляя нѣкоторыя доходныя линіи одному обществу; можно поставить ему въ обязанность построить менѣе доходныя вѣтви. Напримѣръ, если составить одинъ réseau изъ Кіево-Курской и Курско-Московской линій, то очень легко обязать общество построить нѣсколько сотъ верстъ питательныхъ вѣтвей; другой примѣръ: если составить одинъ réseau изъ Одессо-Балтской, Кременчугско-Харьковской линій, то легко обязать общество построить Николаевскую съ продолженіемъ на Херсонъ, Шполянскую съ продолженіемъ на Фастовъ. При этомъ еще другая выгода, а именно, что включая выгодныя и невыгодныя линіи въ одинъ réseau, гарантія правительства будетъ номинальная.

«Мы такимъ образомъ достигнемъ еще серьезнаго результата. Мы этимъ покончимъ систему конкуренціи, qui a fout son temps, показавъ намъ, по какой цѣнѣ можно строить.

«Собственно раздѣленіе теперешнихъ и будущихъ дорогъ по réseaux, значущихся на моей картѣ, повторяю я, совершенно *произвольное*. Но мысль, кажется, вѣрна, и мы могли бы при продажѣ трехъ казенныхъ линій начать осуществленіе этого плана. Подумайте объ этомъ и исправьте границы этихъ réseaux. Если мысль вѣрна, то при составленіи осенью новой сѣти желѣзныхъ дорогъ, послѣ отдачи кон-

цессіи на 8 Высочайше утвержденныхъ, мы могли бы войти въ эту колею.

«Я очень серьезно озабоченъ будущими нашими отношеніями съ неограниченнымъ количествомъ обществъ. Въ Англіи правительство не вмѣшивалось вовсе; у насъ же нѣкоторое вмѣшательство необходимо, и я предвижу, что мы не сладимъ съ разнородными и многочисленными обществами.

«Вопросъ о подвижномъ составѣ, при существованіи большихъ réseaux, чрезвычайно облегчается.

«Биржевая игра при каждой новой линіи уменьшится, и мы избавимся отъ аферистовъ въ родѣ Шидловскаго и избавимся отъ рѣшеній комитета министровъ въ родѣ Гладинскаго рѣшенія.

«Какимъ только образомъ заставить общества-réseaux строить вѣтви, уменьшающія доходность главныхъ линій? Можно придумать средство: при участіи $^1/_5$ мѣстныхъ жителей, $^2/_5$ правительства, для общества можно сдѣлать обязательнымъ взять на себя $^2/_5$.

«Я полагаю, при системѣ reseau, дѣло желѣзныхъ дорогъ будетъ у насъ въ рукахъ и что мы выйдемъ изъ напряженнаго состоянія и изъ-подъ гнета искателей быстрыхъ спекуляцій. *Строители* будутъ наживать деньги, но подъ надзоромъ компаній.

«Je vous ècris tout ceci pour que vous y pensiez jusq' à mon retour; je m'en occupe très sérieusement, avec l'intention de pousser dans cette voie. Votre tout dévoué *B. Бобринскій*».

На это письмо я, 26-го августа, отвѣчалъ Бобринскому:

«Составленную вами карту желѣзныхъ дорогъ въ Россіи я вчера получилъ.

«Я не успѣлъ еще ее разсмотрѣть, но, послѣ общаго взгляда на нее, почитаю долгомъ обратить ваше вниманіе на то, что, по малонаселенности Россіи и суровости ея климата, даже и дешевыя дороги не вездѣ могутъ окупиться.

«Проселочныя же дороги въ департаментахъ Франціи, наиболѣе населенныхъ, производительныхъ и промышленныхъ, въ большомъ дефицитѣ.

«Мнѣ кажется, что слѣдовало бы составить карту Россіи съ показаніемъ водяныхъ сообщеній, которыми можно воспользоваться, употребляя на ихъ улучшеніе гораздо менѣе капиталовъ, а гдѣ нѣтъ водяныхъ сообщеній, тамъ устроить шоссе и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ограничиться улучшеніемъ и поддержаніемъ грунтовыхъ дорогъ.

«Объ этомъ представлю вамъ по вашемъ возвращеніи, но теперь пишу для того, чтобы просить васъ посмотрѣть на наши сообщенія и съ этой точки зрѣнія.

«Составленіе обществъ желѣзныхъ дорогъ по группамъ было бы конечно желательно и объ этомъ до свиданія.

«P. S. Je viens de recevoir la copie du journal du comitè de ministres concernant la concession des lignes de Voronèje et de Bessarabie».

Отвѣтъ Бобринскаго былъ слѣдующій:

«Насчетъ концессіи на Ливенскую и Шполянскую линіи я телеграфировалъ вамъ вчера и просилъ пріостановиться представленіемъ въ комитетъ министровъ по слѣдующимъ причинамъ:

«Насчетъ Ливенской линіи мнѣ кажется, что ее слѣдуетъ отдать Полякову или, лучше сказать, компаніи Грязе-Орловской линіи, которая, по моему предположенію, должна слиться съ обществами Курско-Азовскимъ, Воронежско-Козловскимъ и Воронежско-Азовскимъ и составить rèseau всего этого пространства Россіи. Образовать новыя общества для коротенькихъ линій, по моему мнѣнію, ошибочно. Держаться строго принципа конкуренціи для этихъ питательныхъ вѣтвей, по моему мнѣнію, тоже ошибочно; конкуренція выяснила намъ цѣну, за которую можно строить у насъ *посредственныя* желѣзныя дороги и, по моему мнѣнію, этотъ элементъ конкуренціи уже доставилъ намъ всю ту пользу, которую мы могли отъ него ожидать. По моему мнѣнію, я не вижу болѣе, для чего мы станемъ жертвовать этому мнимому принципу всѣ несомнѣнныя выгоды, которыя можно ожидать отъ группированія эксплоатаціи нѣсколькихъ дорогъ вмѣстѣ.

«Насчетъ Шполянской линіи мнѣ кажется, что Шполянская линія съ продолженіемъ ея на Фастовъ и embranchement на Умань и Балту должны быть отданы тому обществу, которое пріобрѣтетъ Кременчуго-Балто-Одесскую линію. Эти Кіевскія линіи будутъ безъ всякаго сомнѣнія чрезвычайно производительными линіями и отдача ихъ вмѣстѣ съ embranchement на Николаевъ тому обществу, которое купитъ Кременчуго-Балто-Одесскую линію, побудитъ общество дать порядочную цѣну за совершенно непроизводительный участокъ отъ Кременчуга до Балты. По моему мнѣнію, этой же компаніи слѣдуетъ слиться съ Кременчуго-Харьковскою линіею.

«При такихъ сильныхъ компаніяхъ весь вопросъ о подвижномъ составѣ чрезвычайно упростится; производительныя линіи вознаградятъ общества за непроизводительные участки; мы положимъ конецъ ненормальному теперешнему состоянію дѣла, при которомъ Козловская и Рязанская линіи даютъ 18% своимъ акціонерамъ и казна приплачиваетъ гарантію по Воронежской и Моршанской линіямъ, которыя даютъ Козловской и Рязанской линіямъ возможность раздавать блистательные дивиденды. Вообразите себѣ эти четыре линіи, слитыя въ одну компанію: казна не платила бы гарантіи, а акціонеры получали бы мѣньшій дивидендъ, но совершенно достаточный.

«Вообще дивиденды въ 15—18% вещь ненормальная и во всякомъ случаѣ временная. Мнѣ кажется, что коль скоро мы видимъ, что желѣзная дорога превышаетъ 10% дивиденда, слѣдуетъ немедленно провести въ извѣстномъ разстояніи отъ нея другую дорогу и спустить такимъ образомъ преувеличенія дивиденда первой компаніи. Тогда обѣ компаніи получатъ по 8% или по 7%, а край получитъ новую линію, новое средство сообщенія. Если бы правительство рѣшилось на постройку линіи отъ Козлова на Тулу 2 года назадъ, когда доходы Козловской и Рязанской линій поднялись

выше 15%, движеніе грузовъ было бы болѣе правильно. Тульская губернія пользовалась бы новою линіею; акціи не поднялись бы до преувеличенныхъ цифръ; биржевой игры было бы гораздо меньше, и тѣ лица, которыя теперь покупаютъ акціи по 400 руб., не были бы разорены впослѣдствіи.

«При группированіи желѣзныхъ дорогъ въ réseaux не будетъ болѣе блистательныхъ дивидендовъ, дѣйствительно, но будутъ или по крайней мѣрѣ могутъ быть очень порядочные дивиденды, если мы не заставимъ компаніи строить совершенно непроизводительныхъ участковъ.

«Строители: Поляковъ, Унгернъ, Бліохъ, Губонинъ, Гладинъ, Варшавскій и т. д. будутъ играть ту же роль, какую они и теперь играютъ, и будутъ себѣ наживать большія деньги, но уже не подъ нашимъ министерскимъ дурнымъ наблюденіемъ, а подъ наблюденіемъ компаній, которыя будутъ эксплоатировать; однимъ словомъ, постройка новыхъ линій, которыя должны входить въ составъ тѣхъ reseaux, ядро которыхъ должны составить нынѣшнія линіи, уже существующія, постройка новыхъ линій должна совершиться, такъ какъ совершается достроеніе Сергіевской линіи до Ярославля, съ тѣмъ только различіемъ, что собственно постройка будетъ произведена подрядчиками-строителями.

«Трудно письменно объяснить все это, но подумайте объ этомъ, а по возвращеніи мы основательно займемся этимъ предметомъ.

«Задержка же въ отдачѣ концессіи Ливенской и Шполянской не имѣетъ, кажется, серьезныхъ неудобствъ, ибо зимою никто строить не будетъ.

«Насчетъ исчисленія Петерса, насчетъ Кіево-Балтской дороги, то исчисленіе это пригодится намъ лишь только для опредѣленія стоимости дороги и опредѣленія того капитала, который потребуется для эксплоатаціи дороги. Продажу же казенныхъ линій слѣдуетъ осуществить какъ можно скорѣе; всѣ дополнительные расходы по нимъ должны быть произведены тою компаніею, которая купитъ дорогу.

«Вы при первомъ взглядѣ на присланную мною карту нашли количество желѣзныхъ дорогъ немного преувеличеннымъ и обращаете мое вниманіе на малонаселенность Россіи, на непроизводительность департаментскихъ дорогъ во Франціи. Возьмите карту Франціи, проведите 25-верстныя полосы по обѣ стороны каждой дороги, и вы увидите, до какихъ размѣровъ дошли во Франціи распространеніемъ сѣти. Независимо отъ этого, тѣ желѣзныя дороги, которыя проведены на моей картѣ, суть ничто иное, какъ линіи, которыя изъ питательныхъ превратятся въ транзитныя; кромѣ этого, группированіе очень производительныхъ дорогъ съ менѣе производительными, какъ сказано выше, даетъ возможность построить нѣкоторые участки, которые безъ этой группировки не могли бы быть построенными.

«При этомъ я долженъ прибавить, что осуществленіе всѣхъ этихъ линій можетъ совершиться постепенно, и коль скоро большая часть новыхъ линій будетъ выстроена, какъ дополнительныя линіи 20 или 25 réseaux, ядро коихъ будутъ составлять существующія уже компаніи, то мы будемъ ограждены

до нѣкоторой степени отъ увлеченій какъ со стороны алчныхъ строителей и биржевыхъ спекуляторовъ, такъ и со стороны желающихъ (и я въ числѣ ихъ) слишкомъ быстро покрыть Россію сѣтью желѣзныхъ путей. До скораго свиданія. *В. Бобринскій*».

Я ему отвѣчалъ 7-го сентября:

«Мысль о раздѣленіи сѣти дорогъ на большія группы, изъ которыхъ каждая была бы въ рукахъ одного общества, правильна, но отдача въ постройку большими группами весьма затруднительна.

«У васъ теперь довольно досуга, а у меня онъ бываетъ только утромъ, въ воскресенье, и вы мнѣ позволите, пользуясь этимъ утромъ, письменно объяснить, что по этому дѣлалось во Франціи.

«Дороги были уступаемы небольшими протяженіями и только въ 1852 году начинается такъ называемая «fusion» между дорогами и уступка старымъ дорогамъ новыхъ путей собственно по Орлеанской линіи; эти мѣры продолжаются для этой линіи въ 1853 году и примѣняются къ западной, а въ 1857 году къ Орлеанской и Ліонской, Сѣверной и Южной, и только въ 1859 году можно было достигнуть передачи всѣхъ дорогъ шести обществамъ, причемъ имъ были даны огромныя права; между прочимъ удвоенъ срокъ концессіи, а впослѣдствіи, въ 1860 году, постановлено, что правительство гарантируетъ весь капиталъ, употребленный обществами на постройку желѣзныхъ дорогъ, по повѣркѣ ихъ счетовъ особымъ учрежденіемъ.

«Несмотря на это и другія замѣчательныя преимущества, правительство принуждено было дать нѣсколько отдѣльныхъ концессій на дороги, которыя будутъ строиться не прежними обществами, а, вѣроятно, со временемъ сольются съ ними, и не ранѣе какъ послѣ открытія движенія на новыхъ дорогахъ.

«Слѣдовательно, надо стремиться къ соединенію дорогъ, но дѣлать это не вдругъ и не считать это соединеніе непреложнымъ принципомъ.

«Я полагаю, что въ способѣ постройки дорогъ не надо непремѣнно принимать одинъ принципъ, а пользоваться тѣмъ, что въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ удобнѣе.

«Мысль объ устройствѣ, въ случаѣ надобности, паралельныхъ линій къ тѣмъ дорогамъ, которыя даютъ болѣе 10%, также считаю правильною. Къ сожалѣнію, новая гарантія, данная по требованію Дервиза при укладкѣ второго пути на Козловской дорогѣ, затрудняетъ исполненіе этого предположенія относительно Рязанской и Козловской дорогъ.

«Наблюденію большихъ обществъ за строющимися въ ихъ распоряженіи участками я еще менѣе довѣряю, чѣмъ наблюденію правительственной инспекціи.

«Первое, по моему мнѣнію, никогда не достигнетъ цѣли, а послѣднее можетъ достигнуть, если бы на нее дали хотя столько же, сколько даютъ на полицію дорогъ.

«Ярославскую дорогу нельзя ставить въ образецъ; ей подражать ни-

кто не будетъ; Чижовыхъ мало; въ дѣлѣ желѣзнодорожномъ онъ стоитъ одинъ и подражателей едва ли найдетъ.

«Кстати: его, такъ же какъ и васъ, безпокоитъ желѣзнодорожная биржевая игра; онъ хотѣлъ просить васъ дать ему полчаса для выслушанія его предложенія по дѣлу о концессіяхъ. Я ему отвѣчалъ, и за васъ и за себя, что дадимъ ему и нѣсколько часовъ и будемъ благодарны за все, что онъ намъ сообщитъ.

«Къ сожалѣнію, ему необходимо долго все обдумывать и въ разговорѣ онъ теряетъ, а писать ему некогда.

«Отъ Дервиза я получилъ большую записку, въ которой онъ старается доказать, что не слѣдуетъ продавать правительственныхъ дорогъ, а измѣнить казенное управленіе.

«Онъ излагаетъ увѣренность, что хотя это и труднѣе, чѣмъ вовсе отдѣлаться отъ казеннаго управленія, но что мы, конечно, не для того стали во главѣ желѣзнодорожнаго дѣла, чтобы выбирать, что легче, а то, что лучшее.

«Ему не вполнѣ извѣстны всѣ затрудненія казеннаго контроля, и я не могу согласиться съ его мнѣніемъ.

«Записку его представлю по возвращеніи вашемъ».

Въ этомъ же письмѣ я писалъ слѣдующее о Кавказской дорогѣ, изысканія на построеніе которой было уже разрѣшено произвести на свой счетъ С. С. Полякову:

«Вчера я получилъ записку великаго князя Михаила Николаевича отъ Государя о Кавказской дорогѣ, въ которой Его Высочество испрашиваетъ помѣщенія этой дороги въ первую категорію и принятія мѣры, изложенной на особомъ листѣ бумаги.

«На главной запискѣ Государь положилъ резолюцію о разсмотрѣніи ея въ комитетѣ министровъ, а на приложенномъ къ запискѣ листѣ, въ которомъ испрашивается, не ожидая концессіи, поручить Полякову немедля приступить къ работамъ отъ Аксая или Ростова до Владикавказа, съ выдачею концессіи въ 1870 году, положена Государемъ резолюція: «Я разрѣшилъ».

«Тутъ есть недоразумѣніе, и потому я копію съ этихъ бумагъ вамъ перешлю въ Одессу.

«P. S. Сейчасъ получилъ, при отношеніи графа А. В. Адлерберга отъ 1-го сентября № 322, прилагаемую въ копіи записку, которая разъясняетъ вышеупомянутое недоразумѣніе, возникшее по полученіи записки объ устройствѣ желѣзной дороги до Владикавказа.

«Во избѣжаніе могущихъ возникнуть впослѣдствіи значительныхъ на Кавказской дорогѣ затрудненій, я полагалъ бы необходимымъ немедленное представленіе и разсмотрѣніе плана направленія линіи желѣзной дороги до Владикавказа и продольной профили, что важно вездѣ, а въ особенности на Кавказѣ».

Въ письмѣ отъ 11-го сентября я писалъ Бобринскому по тому же предмету:

«Въ письмѣ отъ 7-го числа я сообщалъ вамъ о недоразумѣніи моемъ насчетъ собственноручной резолюціи Государя: «Я разрѣшилъ», на прилагаемой при семъ въ копіи запискѣ, а въ P. S. того же письма сообщилъ вамъ, что получилъ отношеніе графа Адлерберга отъ 1-го сентября № 322 съ никѣмъ не подписанною запискою (также при семъ въ копіи прилагается), которая разъясняетъ вышеупомянутое недоразумѣніе.

«Это было написано сейчасъ по полученіи отношенія графа Адлерберга и передъ самой отправкой моего письма на почту. По прочтеніи же отношенія графа Адлерберга съ должнымъ вниманіемъ, я увидалъ, что эта записка ничего не разъясняетъ, а должна быть только представлена на обсужденіе комитета министровъ совмѣстно съ запискою, переданною мнѣ Государемъ съ собственноручною резолюціею. Слѣдовательно, недоразумѣніе мое насчетъ резолюціи Его Величества: «Я разрѣшилъ», остается попрежнему.

«Отъ графа Адлерберга я получилъ телеграмму (также въ копіи прилагаемую), въ которой онъ пишетъ обождать обсужденіемъ записки, на которой резолюція Его Величества, до полученія записки отъ великаго князя Намѣстника.

«Новое недоразумѣніе: говоритъ ли здѣсь графъ Адлербергъ о запискѣ, посланной при отношеніи отъ 1-го сентября № 322, или надо ожидать новой записки отъ Его Высочества.

«Сейчасъ былъ у меня Кислаковскій, который, основываясь на сообщеніяхъ, полученныхъ имъ отъ Полякова, удостовѣряетъ, что отъ великаго князя будетъ доставленъ проектъ дороги къ 1-му октября, а потому все дѣло, согласно телеграммѣ графа Адлерберга, я не буду представлять въ комитетъ министровъ до полученія этого проекта».

Несмотря на настоятельныя ходатайства Намѣстника Кавказскаго великаго князя Михаила Николаевича и основанныя на нихъ подтвердительныя Высочайшія повелѣнія о скорѣйшемъ приступѣ къ работамъ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, Высочайшее повелѣніе о выдачѣ на нее концессіи инженеру коллежскому совѣтнику барону Штейнгелю послѣдовало только 2 іюля 1872 года. О томъ, какъ состоялось это повелѣніе, разсказываютъ слѣдующее: великій князь Михаилъ Николаевичъ, основываясь на представленіяхъ близкихъ ему людей, задобренныхъ Поляковымъ еще въ 1869 году, обѣщалъ ему дать концессію на Кавказскую желѣзную дорогу и все время сильно его поддерживалъ, но министръ путей сообщенія графъ А. П. Бобринскій не хотѣлъ Полякова. По правиламъ, Высочайше утвержденнымъ 26 декабря 1870 года, о порядкѣ выдачи концессій на желѣзныя дороги предоставлено было министру путей сообщенія входить въ личные переговоры съ лицами, которыхъ онъ изберетъ для устройства дороги, и представлять въ комитетъ министровъ о выдачѣ концессіи тому изъ нихъ, котораго онъ признаетъ благонадежнѣйшимъ.

Ясно, что все дѣло зависѣло отъ министра путей сообщенія. Отобравъ

цѣны отъ трехъ, четырехъ избранныхъ имъ лицъ, онъ могъ сказать тому, котораго онъ предпочиталъ, взять нѣсколькими рублями менѣе наименьшей объявленной цѣны и дѣло навѣрное оставалось за послѣднимъ. Если же испрошенная наименьшая цѣна была слишкомъ низка, то онъ по этой причинѣ могъ вовсе отстранить отъ дѣла лицо, испросившее такую цѣну.

Чтобы по возможности избѣгнуть этого произвола, я, управляя министерствомъ путей сообщенія въ началѣ 1871 года, положилъ себѣ раскрывать запечатанные конверты одновременно, въ присутствіи подававшихъ эти конверты. Но графъ А. П. Бобринскій не держался этого, а прямо представилъ объ отдачѣ дороги отставному военному инженеру генералъ-маіору Фалькенгагену за 27.291.600 р. мет. нарицательнаго капитала (41.770 р. мет. за версту).

Великій князь Михаилъ Николаевичъ рѣшительно не соглашался на отдачу дороги Фалькенгагену, находя по прежнимъ его занятіямъ на Кавказѣ, что онъ неблагонадеженъ, и настаивалъ на выдачѣ концессіи Полякову. Государь, основываясь на этомъ настояніи великаго князя, приказалъ отдать Полякову и въ такомъ видѣ представить всеподданнѣйшій докладъ. Говорятъ, что вслѣдъ за этимъ представлена была Государю шефомъ жандармовъ графомъ П. А. Шуваловымъ, покровителемъ графа А. П. Бобринскаго, какая-то нѣмецкая газета, въ которой была напечатана статья, можетъ быть сфабрикованная агентами Шувалова, что Государь въ Россіи самъ вмѣшивается въ выдачи концессій желѣзныхъ дорогъ.

Достовѣрно только, что представленный Бобринскимъ докладъ о выдачѣ концессіи на Кавказскую дорогу Полякову не былъ утвержденъ Государемъ, который сказалъ Бобринскому, чтобы онъ ее далъ кому хочетъ, за исключеніемъ Фалькенгагена и Полякова. Вслѣдствіе сего концессія была выдана инженеръ-коллежскому совѣтнику барону Штейнгелю на тѣхъ же, выше приведенныхъ, условіяхъ, на которыхъ полагалось ее отдать Фалькенгагену.

Вскорѣ по вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ, явилась ко мнѣ депутація купечества, торгующаго хлѣбомъ въ Петербургѣ, во главѣ которой былъ коммерціи совѣтникъ С. Т. Овсянниковъ, обвиненный въ 1875 году за поджогъ. Я исполнилъ просьбы купечества, такъ какъ онѣ казались мнѣ правильными. По закрытіи навигаціи 1869 года, я получилъ слѣдующее письмо болѣе чѣмъ за 60 подписями главныхъ торговцевъ:

«Ваше превосходительство, въ благосклонномъ вниманіи къ нуждамъ купечества, отправляющаго товары изъ Рыбинска въ Петербургъ по Маріинской системѣ, изволили согласиться на учрежденіе депутаціи для содѣйствія судоходному начальству въ отношеніи наблюденія за проходящими судами и кромѣ того сдѣлали другія распоряженія для облегченія и ускоренія движенія судовъ.

«Всѣ эти мѣры оправдались нынѣ съ полнымъ успѣхомъ и потому мы, нижеподписавшіеся купцы разныхъ городовъ и уѣздовъ Россіи, въ глубо-

комъ сознаніи столь полезныхъ распоряженій со стороны вашего превосходительства, касающихся весьма близко нашихъ интересовъ, приносимъ вамъ единодушно нашу глубочайшую благодарность за содѣйствіе, оказанное къ облегченію и ускоренію судоходства по Маріинской системѣ.

«Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и преданности пребудемъ навсегда къ вашему превосходительству». Слѣдуютъ подписи.

Я уже говорилъ, что съ конца іюля я каждый вторникъ присутствовалъ въ комитетѣ министровъ, по открытіи же засѣданій Государственнаго Совѣта послѣ вакацій, я присутствовалъ въ немъ каждый понедѣльникъ. Такъ продолжалось и впослѣдствіи, когда на меня возлагалось временное управленіе министерствомъ путей сообщенія. Я не буду здѣсь ничего говорить о моихъ тогдашнихъ коллегахъ-министрахъ и членахъ Государственнаго Совѣта: о тѣхъ, которые заслуживаютъ упоминовенія, конечно, будутъ современниками написаны подробныя записки.

По возвращеніи Государя въ Царское Село, я по четвергамъ представлялъ лично всеподданнѣйшіе доклады. Форменная одежда министровъ, состоящихъ въ военныхъ чинахъ, при докладахъ Государю въ загородныхъ резиденціяхъ, была сюртукъ съ эполетами. Я же въ первый разъ пріѣхалъ для того, чтобы представиться, въ полной парадной формѣ.

Государь замѣтилъ, что это вовсе не нужно, но говорятъ, что онъ нашелъ бы неправильнымъ, если бы явился въ другой формѣ. Впрочемъ, при поѣздкахъ съ докладами не лишнее было брать съ собою всѣ формы, такъ какъ во время лагеря требовалась походная форма, а за обѣдомъ у Государя обыкновенная въ сюртукахъ съ плечевыми погонами безъ эполетъ.

Однажды, когда я пріѣхалъ съ докладомъ въ Гатчину, Государь пригласилъ меня къ своему обѣду и сказалъ, чтобы я приходилъ безъ эполетъ.

Не имѣя съ собою погоновъ, я принужденъ былъ прійти въ эполетахъ. Государь мнѣ замѣтилъ, что я не исполнилъ его приказанія насчетъ формы. Какъ при первомъ моемъ докладѣ, такъ и впослѣдствіи, Государь былъ ко мнѣ весьма милостивъ. Перемѣну я началъ замѣчать только при докладахъ въ началѣ 1871 года; причины перемѣны объясняются въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній».

При докладахъ почти постоянно присутствовалъ Наслѣдникъ, но никогда ничего не говорилъ. Въ тѣ четверги, къ которымъ не накоплялось достаточно нужныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, я посылалъ Государю извѣщеніе, что за неимѣніемъ дѣлъ, по которымъ требовалось утруждать Его Величество, я не буду.

Многіе и въ особенности К. В. Чевкинъ находили, что я въ этомъ отношеніи поступаю не политично, такъ какъ необходимо пользоваться возможностью быть у Государя, и всегда можно найти, о чемъ доложить разъ въ недѣлю.

По возвращеніи Бобринскаго въ Петербургъ, онъ вступилъ въ свою должность 14-го октября, такъ что я управлялъ министерствомъ съ 16-го іюля по означенное число, а 16-го октября въ Высочайшемъ приказѣ

было изложено, что Государь Императоръ изъявляетъ мнѣ Монаршую благодарность за примѣрно-усердное и вполнѣ удовлетворительное управленіе министерствомъ путей сообщенія во время отсутствія исправляющаго должность министра путей сообщенія.

Вскорѣ Бобринскій снова уѣхалъ, и 22-го октября было Высочайше повелѣно мнѣ, на время его отсутствія, управлять министерствомъ путей сообщенія, что и продолжалось до возвращенія Бобринскаго 10-го ноября.

Съ возвращеніемъ Бобринскаго появились новыя, приглашенныя имъ лица, которыя должны были играть значительную роль въ управленіи: генералъ-маіоры Гейнсъ и князь Щербатовъ и полковникъ Золотаревъ.

Щербатовъ вскорѣ назначенъ былъ завѣдывать водяными сообщеніями и шоссе на тѣхъ же правахъ, на которыхъ я завѣдывалъ желѣзными дорогами.

Золотаревъ поселился въ домѣ министра въ одномъ этажѣ съ Бобринскимъ и имѣлъ вліяніе на всѣ дѣла министерства. Вскорѣ былъ назначенъ сверхъ-штатнымъ членомъ совѣта министерства свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ А. П. Бобринскій, котораго двоюродный его братъ Владиміръ считалъ единственнымъ умнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Но А. П. Бобринскій не для того поступилъ въ министерство путей сообщенія, чтобы засѣдать въ совѣтѣ: побывавъ въ немъ раза два, онъ пересталъ присутствовать и занялся другимъ дѣломъ, въ которомъ могъ болѣе выставить себя на видъ, а именно, узкоколейными желѣзными дорогами.

Бывшій профессоромъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія надворный совѣтникъ Василій Васильевичъ Саловъ, по возвращеніи въ 1869 году изъ-за границы, напечаталъ статью объ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогахъ. А. П. Бобринскій убѣдилъ В. А. Бобринскаго, что построеніе подобныхъ дорогъ въ Россіи будетъ весьма полезно. Ему было все равно, будетъ ли отъ нихъ польза или не будетъ, а онъ въ этомъ находилъ способъ выказаться, что ему было особенно нужно, потому что Государь къ нему не благоволилъ. Онъ добился того, что назначена была подъ его предсѣдательствомъ комиссія изъ инженеровъ для осмотра европейскихъ узкоколейныхъ дорогъ, стоившая много денегъ и отправленная за границу съ большимъ шумомъ и трескомъ.

Государь передъ отъѣздомъ А. П. Бобринскаго, въ январѣ 1870 года, говорилъ съ нимъ объ его порученіи съ благоволеніемъ, а онъ только этого и добивался. Впрочемъ, онъ показывалъ видъ, что вообще очень интересуется всѣмъ, касающимся до желѣзныхъ дорогъ, и на этомъ основаніи, испросивъ мое дозволеніе присутствовать въ разныхъ комиссіяхъ, которыя подъ моимъ предсѣдательствомъ собирались у меня по вечерамъ, бывалъ въ нихъ и принималъ особенное участіе въ обсужденіи мѣръ къ образованію машинистовъ и другихъ второстепенныхъ агентовъ на желѣзныхъ дорогахъ, къ чему мною были приглашаемы многія компетентныя лица изъ инженеровъ путей сообщенія и военныхъ, изъ артиллеристовъ, технологовъ и др. и, между прочими, состоящій по министерству финан-

совъ Евгеній Николаевичъ Андреевъ (впослѣдствіи предсѣдатель постоянной комиссіи о техническомъ образованіи при русскомъ техническомъ обществѣ).

У меня же на дому по вечерамъ засѣдала комиссія, изготовлявшая вопросы, на которые должны были дать отвѣты лица, посылаемыя для осмотра узкоколейныхъ дорогъ. Конечно, А. П. Бобринскій былъ членомъ комиссіи, изготовлявшей означенные вопросы, и принималъ въ ней живое участіе.

Сознавая, что я не буду имѣть возможности по моимъ занятіямъ часто оставлять Петербургъ, я находилъ нужнымъ имѣть помощника, который занимался бы осмотромъ желѣзныхъ дорогъ и передавалъ бы мнѣ ихъ недостатки для принятія средствъ къ уничтоженію этихъ недостатковъ.

Мнѣ нуженъ былъ человѣкъ правдивый, желѣзнодорожный спеціалистъ такого рода, чтобы онъ, по своему недостаточному образованію, не пускался въ желѣзнодорожную политику, о направленіи дорожныхъ линій, о способахъ выдачи концессій и т. п., такъ какъ лица, занимающіяся этимъ, рѣдко бываютъ усердны въ отношеніи технической спеціальности. Я думалъ найти этого человѣка въ отставномъ инженеръ генералъ-маіорѣ Канутѣ Генриховичѣ Шернвалѣ (впослѣдствіи пожалованный въ бароны), бывшемъ начальникѣ Московскаго отдѣленія Николаевской желѣзной дороги, потомъ начальникѣ финляндскихъ путей сообщенія и по выходѣ въ отставку строившемъ финляндскую желѣзную дорогу.

По моему желанію онъ поступилъ снова на службу, но постоянно былъ недоволенъ своимъ положеніемъ и потому постоянно говорилъ о выходѣ въ отставку. Несмотря на назначеніе его 1-го февраля 1871 года завѣдывающимъ техническо-инспекторскимъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, онъ продолжалъ жаловаться на свое положеніе и заявлять желаніе оставить службу, вслѣдствіе чего я ему однажды сказалъ, что такъ какъ насильно милыми другъ другу не будемъ, то онъ, конечно, можетъ оставить службу, когда ему вздумается.

Шернваль не только не вышелъ при мнѣ, но и при министрѣ графѣ А. П. Бобринскомъ, который хотя и назначилъ его начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ, но отнялъ у него всѣ права, присвоенныя этой должности, и обратилъ ее въ ничто; продолжая жаловаться, грозилъ выходомъ въ отставку, но остался на службѣ.

При назначеніи въ іюлѣ 1874 года генералъ-адъютанта вице-адмирала К. Н. Посьета министромъ путей сообщенія, Шернваль, къ которому Государь постоянно благоволилъ, сдѣлался дѣйствующимъ лицомъ, но, по своему малому образованію, весьма вреднымъ, такъ что всѣ, имѣющіе дѣла по желѣзнымъ дорогамъ, крайне имъ недовольны и обвиняютъ меня за то, что я его вытащилъ изъ отставки. Нѣкоторые выражаются, что все добро, которое я сдѣлалъ для желѣзныхъ дорогъ, не въ состояніи выкупить моего грѣха, состоящаго въ вызовѣ на службу Шернваля.

Никто не хочетъ принять во вниманіе, что онъ былъ мною пригла-

шенъ для совершенно другой дѣятельности и что я почиталъ его способнымъ собственно къ этого рода дѣятельности именно вслѣдствіе явной неспособности Шернваля быть дѣятельнымъ въ той сферѣ, въ которой, сверхъ спеціальныхъ знаній, требуется большой врожденный умъ и высшее общее образованіе.

Желая имѣть при себѣ ученаго и практическаго инженера, я пригласилъ поступить вновь на службу ко мнѣ по особымъ порученіямъ Е. М. Духовского, человѣка очень тонкаго ума и мнѣ весьма преданнаго.

По усиленной просьбѣ С. В. Князева я взялъ его брата Валерьяна для занятій у меня на дому по составленію незначительныхъ, но не терпящихъ отлагательства, бумагъ. Онъ не задолго передъ этимъ вышелъ изъ здѣшняго Лицея титулярнымъ совѣтникомъ съ награжденіемъ медалью. Но онъ оказался вовсе неспособнымъ и даже плохо знающимъ русскую грамоту. Я вскорѣ его опредѣлилъ въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ онъ не только не выказалъ способностей, но даже былъ мало усерденъ къ службѣ. Онъ, какъ и другіе его братья, имѣлъ способности къ рисованію и ему дано было позволеніе, получая жалованье изъ департамента желѣзныхъ дорогъ, учиться въ академіи художествъ, но онъ едва ли воспользовался этимъ съ надлежащимъ успѣхомъ.

Въ концѣ 1874 года онъ надѣялся, что министръ путей сообщенія Посьетъ позволитъ ему, продолжая получать жалованье изъ департамента, ѣхать за границу, для усовершенствованія въ живописи, но, по его отъѣздѣ, онъ былъ уволенъ отъ должности.

Въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній» я говорю о томъ, что я пригласилъ моего стараго товарища А. И. Баландина заняться изготовленіемъ сборника свѣдѣній по желѣзнымъ дорогамъ за 1868—1869 гг. Онъ въ этомъ отношеніи оказалъ большія услуги.

Со вступленіемъ 14 октября 1869 года графа В. А. Бобринскаго, по его возвращеніи, въ должность министра путей сообщенія, мои занятія нисколько не были облегчены. Я каждый день занимался въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ съ 10 часовъ утра, за исключеніемъ четверга, въ который предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ министерства. Два раза въ недѣлю, по принятіи докладовъ отъ департамента и комитета по усиленію движенія по замосковнымъ желѣзнымъ дорогамъ, я съ тѣми изъ этихъ докладовъ, которые требовали утвержденія министра, и съ тѣми бумагами, которыя требовали его подписи, приходилъ во 2 часу пополудни къ В. А. Бобринскому, которому объяснялъ всѣ означенныя бумаги.

Обыкновенно я заставалъ его за хорошо сервированнымъ завтракомъ, въ которомъ всегда участвовали постороннія лица и постоянно Гейнсъ, Золотаревъ и князь Дондуковъ-Корсаковъ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ, вице-директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства). Когда я былъ задержанъ въ департаментѣ, то завтракалъ одинъ и послѣ шелъ съ бумагами въ кабинетъ Бобринскаго, отъ котораго никогда не могъ уйти ранѣе 5-го часа.

Изъ приведенной выше переписки его со мною видно, что онъ желалъ покрыть европейскую Россію сплошною сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Этотъ предметъ служилъ поводомъ къ длиннымъ разговорамъ, и наконецъ была начерчена карта тогда существовавшихъ и предполагаемыхъ большихъ линій желѣзныхъ дорогъ, за исключеніемъ Сибири и сѣверной полосы европейской Россіи. Въ остальной части Россіи оказалось 37 ограниченныхъ этими большими линіями пространствъ, въ которыхъ Бобринскій полагалъ въ продолженіе 1873 года, 1874 года и 1875 года строить ежегодно отъ 100 до 200 верстъ, а во всѣхъ въ три года до 9000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, которыя служили бы мѣстными соединеніями для большихъ линій, такъ, чтобы всѣ мѣстности могли пользоваться желѣзными путями.

Эту картину Бобринскій полагалъ представить на утвержденіе въ 1871 году, но заболѣлъ и былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности. Разговоры о преобразованіи министерства путей сообщенія отнимали также много времени, особливо въ виду того, что вновь поступившіе въ министерство Гейнсъ, Щербатовъ и Золотаревъ старались выработать для себя наивозможно выгоднѣйшія положенія.

Толки о продажѣ правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ и о приходившихъ въ голову Бобринскаго разнообразныхъ проектахъ, перечисленіе которыхъ было бы утомительно, сопровождавшихся несбыточными мечтами, отнимали у меня много времени, при значительныхъ моихъ занятіяхъ по департаменту желѣзныхъ дорогъ, въ совѣтѣ министерства и въ разныхъ комиссіяхъ и комитетахъ, которыхъ я былъ предсѣдателемъ.

Въ 1870 году и въ первый мѣсяцъ 1871 года продолжались тѣ же толки, а потому, при описаніи этихъ годовъ, я болѣе объ этихъ толкахъ упоминать не буду. Я всего менѣе участвовалъ въ переговорахъ о продажѣ правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ, именно, Московско-Курской, Кіево-Балтской, Одессо-Балтской, и о выдачѣ концессіи на Константиновскую. Я эти переговоры вполнѣ предоставлялъ Бобринскому, потому что они его занимали. Порывистый во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Бобринскій при этихъ переговорахъ, какъ и во всемъ, убаюкивалъ себя мечтами: онъ былъ убѣжденъ, что Московско-Курскую желѣзную дорогу можно продать безъ выпуска бумагъ, т.-е., акцій или облигацій, что ему на столъ положатъ золотою монетою весь капиталъ, въ который она обошлась правительству, и что въ этомъ завѣряли его многіе англичане.

Когда я ему заявлялъ мое сомнѣніе, онъ даже выказывалъ неудовольствіе. Но когда пришлось продавать дорогу, то никто съ золотомъ не явился. О послѣдствіяхъ всѣхъ этихъ переговоровъ изложено ниже.

Со времени назначенія меня начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ, во второй половинѣ 1869 года, по министерству путей сообщенія были объявлены, между прочими, слѣдующія Высочайшія повелѣнія:

19 августа, вслѣдствіе моего всеподданнѣйшаго доклада, состоялось Высочайшее повелѣніе о разрѣшеніи министру путей сообщенія утверждать

классы должностей при учрежденіи правительственной инспекціи на строющихся и на оконченныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

8-го октября утвержденъ уставъ общества Тамбово-Козловской желѣзной дороги, на основаніи концессіи 26 мая 1868 года.

26-го іюля Высочайше утверждены концессіи на Иваново-Кинешемскую и Скопинскую и 26-го декабря на Брестo-Граевскую желѣзныя дороги. Онѣ были даны на 81 годъ, первая обществу Шуйско-Ивановской желѣзной дороги въ лицѣ уполномоченныхъ отъ него Михаила Горбова и Ивана Бусурина, вторая потомственному почетному гражданину Абраму Моисеевичу Варшавскому и послѣдняя прусскимъ дворянамъ помѣщикамъ совѣтнику посольства графу Лендорфъ-Штейнроту и барону Ромбергъ Гердоуэну.

Варшавскій и послѣднія лица обязались составить акціонерныя общества для устройства и эксплоатаціи двухъ помянутыхъ дорогъ.

Длина Иваново-Кинешемской желѣзной дороги 86½ вер.; дорога строится съ земляным полотномъ для одного пути. Основной капиталъ общества 3.840.600 руб. мет. Онъ образуется выпускомъ на $^2/_5$ негарантированныхъ акцій и на $^1/_5$ гарантированныхъ $5^1/_{10}\%$ правительствомъ облигацій. Предложенія соискателей на эту дорогу въ комитетѣ министровъ происходили 22-го іюля, когда я въ первый разъ засѣдалъ въ немъ.

Цѣны поверстнаго сооруженія были представлены отъ четырехъ соискателей. Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ предложенія соискателей, нашелъ, что хотя Горбовъ и Бусуринъ и заявили цѣну нѣсколько высшую (44.400 р. на версту) противъ другихъ соискателей, а именно: Горскина и К° на 1.087 р. 40 к.; но такъ какъ соединеніе въ распоряженіе одного общества обѣихъ дорогъ Шуйско-Ивановской и Иваново-Кинешемской, имѣющихъ въ совокупности протяженіе всего 171½ вер., представляетъ выгоду какъ относительно торговли и движенія, такъ и относительно управленія и правительственнаго надзора, а между тѣмъ другіе конкуренты не имѣли еще случая пріобрѣсти извѣстность вполнѣ опытныхъ строителей, — комитетъ, руководствуясь Высочайше утвержденными 18 октября 1868 года правилами о порядкѣ выдачи концессій, коими не обусловлено принятія исключительно предложенія тѣхъ лицъ, которыя объявили на конкуренціи низшія цѣны, полагалъ предоставить сооруженіе Иваново-Кинешемской желѣзной дороги Горбову и Бусурину по объявленной ими цѣнѣ 3.840.600 мет. руб.

Длина Скопинской линіи 33 версты; дорога эта строится съ земляным полотномъ для одного пути. Основной капиталъ общества этой линіи опредѣленъ въ 1.215.720 кр. руб., образуемыхъ выпускомъ не гарантируемыхъ акцій.

Длина Брестo-Граевской линіи отъ Брестъ-Литовска черезъ Бѣлостокъ до Прусской границы у мѣст. Граево не должна превосходить 203 верстъ; дорога строится съ земляным полотномъ для одного пути. Основной капиталъ общества опредѣляется въ 11.500.000 р. мет.,

что, при длинѣ дороги до 200 верстъ, составляетъ на версту 57.500 р. мет. Капиталъ образуется выпускомъ акцій и облигацій безъ всякой гарантіи правительства. Замѣчательно, что въ числѣ учредителей не показанъ Берлинскій желѣзнодорожный дѣятель Струсбергъ, тогда какъ собственно онъ былъ учредителемъ означеннаго общества. Объ утвержденіи Брест-Граевской желѣзной дороги хлопотали давно, но ей не сочувствовали ни высшія лица администраціи, ни публика, поддерживаемая въ этомъ молніеносными статьями «Московскихъ Вѣдомостей».

Бобринскому и мнѣ, напротивъ того, казалось выгоднымъ имѣть въ Польшѣ новую желѣзную дорогу, идущую до границъ Пруссіи, не употребивъ на это ни одной копейки изъ государственнаго казначейства. Военный министръ Милютинъ былъ того же мнѣнія, и дорога была утверждена.

Въ январѣ 1870 года Бобринскій объявилъ мнѣ, что онъ узналъ отъ Прусскаго посла принца Рейса, что ему и мнѣ назначенъ отъ Прусскаго короля орденъ Краснаго орла 1 ст. По соглашенію со мною, Бобринскій убѣдилъ принца Рейса просить объ отмѣнѣ этого пожалованія насъ Прусскимъ орденомъ, чтобы не возбудить большихъ толковъ о томъ, что только измѣнники отечества могли согласиться на проведеніе упомянутой линіи.

Струсбергъ, при реализаціи капитала для сооруженія дороги, оставилъ для себя значительную часть, вслѣдствіе чего дорога строилась съ большими денежными затрудненіями и на нее доставлялись многіе предметы дурного качества.

Всѣ распоряженія по желѣзнымъ дорогамъ, въ томъ числѣ составленіе уставовъ, концессій, постановленій министра и т. д. въ то время, когда съ 10 іюля 1869 года по 20 мая 1871 года, день увольненія меня изъ министерства путей сообщенія, Бобринскій, а не я, управлялъ министерствомъ, дѣлались имъ и скрѣплялись директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ.

Полагаю излишнимъ говорить, что я не только участвовалъ во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, такъ какъ я, а не директоръ, о нихъ докладывалъ Бобринскому, но большею частью они дѣлались по моей иниціативѣ, и наиболѣе важныя бумаги мною были составляемы.

Осенью 1869 года я получилъ нѣсколько привѣтствій отъ разныхъ обществъ и лицъ; упомяну о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вскорѣ по осмотрѣ моемъ на Невѣ морской шкуны, пришедшей изъ г. Череповца, я получилъ слѣдующую телеграмму отъ 29-го октября:

«Череповское городское общество, получивъ радостное извѣстіе о посѣщеніи вашимъ высокопревосходительствомъ построенной въ г. Череповцѣ морской шкуны, названной «Великій Князь Алексѣй», спѣшитъ принести вашему высокопревосходительству свою искреннюю глубокую благодарность за лестное и благосклонное вниманіе къ этому дѣлу. Уполномоченные городскимъ обществомъ: Градскій голова И. Милютинъ, купецъ А. Демидовъ».

13-го ноября я получилъ увѣдомленіе объ единогласномъ выборѣ меня въ члены совѣта общества пароходства и торговли. Въ началѣ 1870 г. начались переговоры о передачѣ этому обществу Одесской желѣзной дороги, вслѣдствіе чего я въ самомъ началѣ переговоровъ отказался отъ званія члена совѣта.

10-го декабря послано было мнѣ слѣдующее письмо:

«Правленіе Московско-Ярославской дороги, имѣя въ виду скорое открытіе дороги до Ярославля, позволяетъ себѣ обратиться къ вашему превосходительству, какъ къ тому изъ учредителей общества, которому оно обязано основою нравственнаго своего значенія. Вы вашимъ именемъ водрузили знамя честности, справедливости и глубокаго уваженія къ чувству долга; правленію оставленному вами пришлось только продолжать и поддерживать вами начатое и устроенное. Теперь для него назначается новое существованіе и оно видѣло бы знакъ вашего неодобренія въ исполненіи завѣщаннаго вами нравственнаго долга при веденіи желѣзнодорожнаго дѣла, если бы вы, вашимъ присутствіемъ на скромномъ открытіи продолженія дороги до Ярославля, не напутствовали бы его на новую для него дѣятельность.

«Посему, не приглашая никого ни изъ офиціальныхъ лицъ, ни вообще никого изъ столичныхъ жителей, мы считаемъ самымъ пріятнѣйшимъ долгомъ просить васъ пожаловать на открытіе нашей дороги въ Ярославль. Такъ какъ день открытія не можетъ быть назначенъ ранѣе освидѣтельствованія дороги правительственною комиссіею, то мы просимъ позволенія увѣдомить о немъ васъ телеграммою».

Я, по неимѣнію времени, не воспользовался этимъ приглашеніемъ.

23-го декабря я получилъ слѣдующую телеграмму:

«Въ день открытія Харьковско-Азовской желѣзной дороги провозглашенъ единодушный тостъ за здоровье вашего превосходительства, принося искреннюю и безпредѣльную благодарность за постоянное содѣйствіе и вниманіе ваше къ осуществленію любимыхъ вами желѣзнодорожныхъ путей».

27-го декабря предсѣдательница попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ княгиня Щербатова увѣдомила меня, что Государыня Императрица утвердила меня въ званіи почетнаго члена совѣта Комисаровской технической школы въ Москвѣ.

Въ послѣднюю половину 1869 года были открыты для движенія: 8-го октября участокъ Одесской правительственной желѣзной дороги отъ Елисаветграда до Крюкова, длиною 134,5 версты; 30-го августа участокъ Курско-Кіевской частной желѣзной дороги отъ Броваровъ до Кіева 18 верстъ; 4-го декабря участокъ Грязе-Царицынской желѣзной дороги до Борисоглѣбска 199 верстъ; 22-го декабря—Тамбово-Козловская частная желѣзная дорога 675 верстъ.

Засимъ, къ 1 января 1870 года было открыто желѣзныхъ дорогъ: казенныхъ—1.143,частныхъ—5.970, въ постройкѣ казенныхъ—699, частныхъ—3.777 и разрѣшенныхъ, но не начатыхъ постройкою—200, а всего 11.789 верстъ.

Перехожу къ описанію моей домашней жизни въ послѣднюю половину 1869 года.

1-го августа пріѣхалъ изъ-за границы братъ мой Николай Ивановичъ и съ женою и двумя дочерьми прожилъ на моей квартирѣ нѣсколько дней. Со времени нашего свиданія въ концѣ апрѣля въ Женевѣ, онъ сильно измѣнился: голова тряслась, руки плохо дѣйствовали, а исхудалыя ноги были совершенно безжизненны. Нанятый молодой швейцарецъ носилъ брата, какъ ребенка. Умственныя же способности оставались невредимы, доказательствомъ чего можетъ служить то, что онъ съ ежедневно приходившими его провѣдывать генералами Петромъ Андреевичемъ Донненбергомъ (нынѣ умершимъ) и Артуромъ Адамовичемъ Непокойчицкимъ (предсѣдателемъ главнаго военнаго кодификаціоннаго комитета и членомъ военнаго совѣта) игралъ въ шахматы и неоднократно выигрывалъ, хотя не могъ самъ передвигать пѣшекъ. Желудокъ его былъ также въ исправности; его кормили жена и старшая дочь.

Не видя никакой пользы отъ заграничнаго житья, онъ ѣхалъ умирать въ Нижегородскую губернію, гдѣ и скончался въ іюнѣ 1870 года. При отъѣздѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ его переносили на носилкахъ изъ кареты въ вагонъ. Публика, не сохраняя приличія, бросилась смотрѣть на него, когда его переносили, что, конечно, непріятно на него подѣйствовало. Незадолго передъ его смертію, жена его пригласила погостить у нея въ деревнѣ мою тетку П. А. Замятнину. Послѣдняя была свидѣтельницею смерти брата и его страданій, которыя онъ переносилъ отъ дурного характера его жены.

Въ концѣ августа жена моя вернулась въ Петербургъ изъ деревни моей сестры Викулиной, которая съ своею дочерью Эмиліею пріѣхала нѣсколько позже. Послѣ отъѣзда моей жены изъ ихъ имѣнія, онѣ были свидѣтелями пожара, истребившаго почти весь урожай 1869 года. Онѣ не желали обзаводиться прислугою въ Петербургѣ, расчитывая для улучшенія здоровья моей племянницы уѣхать раньше за границу, и потому поселились въ гостинницѣ de la Paix въ Большой Морской.

Конечно, онѣ весьма часто бывали у насъ и постоянно обѣдали у насъ по четвергамъ и воскресеньямъ. Въ эти дни обѣдали у насъ и проводили вечера, кромѣ другихъ знакомыхъ, по четвергамъ А. И. Баландинъ, а по воскресеньямъ Г. И. Филиппсонъ, иногда съ женою и двумя старшими дочерьми. Нашъ кругъ знакомства былъ тотъ же, какъ и въ прежнее время, онъ увеличился только состоявшимъ прежде при мнѣ инженеромъ Зальманомъ, который, нажившъ нѣсколько денегъ отъ подрядовъ на Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ, женился на очень красивой, образованной и пріятной дѣвицѣ Гречъ, внучкѣ извѣстнаго литератора и дочери извѣстной красавицы, бывшей прежде замужемъ за знаменитымъ живописцемъ Брюлловымъ, съ которымъ она развелась.

Брюлловъ былъ очень ревнивъ. Разсказываютъ, что окончательнымъ

поводомъ къ разводу было то, что онъ обошелся съ нею очень дурно, замѣтивъ, что она, стоя у окна, присѣла при проѣздѣ мимо ихъ квартиры Императора Николая Павловича.

Выше было сказано, что въ мартѣ 1869 года весь мой капиталъ составлялъ 122.977 рублей. Продолжая попрежнему вести весьма скромную жизнь, мой капиталъ въ 1869 году я продолжалъ увеличивать, чему въ особенности способствовало, какъ и въ прежніе годы, увеличеніе биржевой цѣнности имѣвшихся у меня бумагъ и акцій, такъ что въ мартѣ 1870 года весь мой капиталъ составлялъ 144.121 рубль, не считая въ то число 7.800 рублей, заплоченныхъ за купленную мною въ Царскомъ Селѣ дачу, т.-е., въ продолженіе года онъ увеличился на 26.244 рубля, именно: послѣ марта 1869 года мною проданы 55 акцій главнаго общества желѣзныхъ дорогъ за 3.426 рублей и убавилось частнаго долга 650 рублей, итого убавилось на 9.276 рублей; куплены 8 облигацій Курско-Харьковской желѣзной дороги за 4.587 рублей, уплоченъ послѣдній взносъ по 2 паямъ Московскаго Купеческаго банка 4.000 рублей, на текущемъ счету прибавилось 700 рублей и купленъ домъ за 7.800 рублей, итого прибавилось на 17.087 рублей, такъ что я пріобрѣлъ сбереженіями съ моихъ доходовъ 7.011 рублей и сверхъ того увеличеніемъ биржевой цѣнности имѣвшихся у меня бумагъ и акцій на 19.233 рубля.

Послѣднее увеличеніе такъ значительно потому, что, не зная до 1870 года биржевой цѣны на паи Московскаго Купеческаго банка и на акціи Московско-Ярославской желѣзной дороги, я ихъ отмѣчалъ въ своихъ счетахъ al pari, т.-е., по 5.000 за пай и по 150 рублей за акцію, тогда какъ въ 1870 году они стоили на биржѣ по 8.000 рублей за пай и 220 рублей за акцію, слѣдовательно три мои пая увеличились цѣнностью на 9.000 рублей, а 78 акцій на 5.460 рублей, итого увеличеніе цѣнности только по двумъ этимъ бумагамъ составляло 14.460 рублей.

Замѣчательно, что въ три года съ марта 1867 года по мартъ 1870 года имѣвшіяся у меня бумаги, на сумму до 92 тысячъ рублей, возвысились въ биржевой цѣнности почти на 40 тысячъ рублей, т.-е., приблизительно на 40%.

Содержаніе мое по службѣ, какъ было объяснено выше, состояло съ 1 апрѣля до 10 іюля 1869 года изъ 5.000 р. въ годъ, а съ послѣдняго числа по 1 апрѣля 1870 года изъ 7.500 р., сверхъ того получено мною на поѣздку за границу 1.500 р., итого въ годъ изъ казны мною получено 8.300 р.; % и дивиденда по бумагамъ и акціямъ въ этотъ годъ я получилъ около 10.000 р., сверхъ того учредительскихъ по Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ до 2.000 р., а всего 20.300 р.; изъ нихъ, какъ объяснено выше, сбережено около 7.000 р. и слѣдовательно израсходовано въ годъ 13.300 руб.

Это былъ послѣдній годъ, въ который мой капиталъ такъ значительно увеличился. Съ покупкою дачи въ Царскомъ Селѣ, она требовала большихъ ежегодныхъ расходовъ на перестройки въ ней и ея содержаніе, а съ пере-

ѣздомъ въ 1871 году на болѣе обширную квартиру въ Петербургѣ, издержки для жизни значительно увеличились, и потому въ августѣ 1871 года мой капиталъ, не считая моей Царскосельской дачи, составлявшій 148.197 р., въ 16 мѣсяцевъ увеличился только на 6.776 руб.

Полагая въ «Моихъ воспоминаніяхъ» возвратиться къ этому предмету только при описаніи происшествій 1873 года, я здѣсь объясню, какъ составилось упомянутое увеличеніе моего капитала къ августу 1871 года на 6.776 р. Послѣ марта 1870 года мною проданъ 1 билетъ 1-го внутренняго займа за 156 р. и сложенъ со счетовъ домъ покойнаго моего брата 1.000 р.; куплены 4 облигаціи Харьково-Азовской желѣзной дороги за 4.949 р. и одинъ металлическій билетъ въ 300 р. и на текущемъ счету прибавилось 400 р.; всего я пріобрѣлъ сбереженіемъ отъ моихъ доходовъ 2.793 р., сверхъ того увеличеніемъ биржевой цѣнности имѣвшихся у меня бумагъ и акцій 2.283 р., остальные 1.700 р. получены мною въ наслѣдство послѣ тетки княжны Т. А. Волконской.

Содержаніе мое по службѣ съ 1 апрѣля 1870 года по 1 января 1871 г. состояло изъ 7.500 р. въ годъ и съ послѣдняго числа по 1-е іюня того же года, такъ какъ за мѣсяцы, слѣдовавшіе за іюлемъ, я получилъ содержаніе позже августа изъ 9.000 р. въ годъ; процентовъ и дивиденда съ 1 апрѣля 1870 года по 1 апрѣля 1871 года до 11.000 и съ послѣдняго числа до 1 августа 1871 года до 6.300 р., такъ какъ главныя полученія были въ апрѣлѣ и маѣ; сверхъ того учредительскихъ по Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ за 1868 и 1869 годы до 5.000 р., за отдачу въ наемъ флигеля на дачѣ въ два лѣта 300 р. и по наслѣдству 1.700 руб., а всего въ 16 мѣсяцевъ 33.600 р.; изъ нихъ, какъ объяснено выше, сбережено около 4.500 р., снято со счетовъ 1.000 р. и слѣдовательно израсходовано въ 16 мѣс. до 28.100 р., а за исключеніемъ 8.120 р., употребленныхъ съ 1870 года по 12 августа 1871 года на постройки и перестройки въ Царскосельской дачѣ, остается расхода 20.000 руб. въ 16 мѣсяцевъ, что составляетъ въ годъ 15.000 руб., тогда какъ въ предыдущемъ году было прожито только 13.300 р.

Въ слѣдующіе годы расходы не убавлялись, чему причиною то, что имѣніе у меня капитала сдѣлалось болѣе извѣстнымъ, и сверхъ того я и жена не находили болѣе надобности его увеличивать; купленный же мною въ Царскомъ Селѣ домъ и въ слѣдующіе годы требовалъ снова значительныхъ перестроекъ и ежегодно до 1.500 р. на его содержаніе.

Прибавивъ къ этому расходу 5% съ 16.000 руб., употребленныхъ на покупку и перестройку Царскосельской дачи 800 р., оказывается, что дача въ 1870 году и 1871 году стоила по 2.300 р. въ годъ, а за исключеніемъ 150 р., получаемыхъ за наемъ флигеля,—2.150 р., тогда какъ самая дорогая дача намъ обходилась въ 150 р., которые входили въ нашъ прежній ежегодный расходъ.

Со времени переѣзда на жительство въ Петербургъ, я въ началѣ каждаго года, за исключеніемъ 1864 года и 1869 года, лѣтніе мѣсяцы кото-

рыхъ моя жена провела за границею и въ имѣніи моей сестры, ѣздилъ въ окрестности Петербурга для отысканія дачи на лѣтнее время.

Условіями для найма дачи были легкость сообщенія съ Петербургомъ и имѣніе при ней сада, такъ какъ моя жена никогда въ парки и на общественныя гулянья не ходила и сверхъ того большая любительница растеній. Чтобы не упустить дачъ, при которыхъ имѣются сады, я долженъ былъ ихъ нанимать въ серединѣ зимы и слѣдовательно отыскивать при глубокомъ снѣгѣ, который не только со дворовъ дачъ, но и съ улицъ не свозился. Въ 1867 году при отыскиваніи дачи въ Лѣсномъ институтѣ я едва совсѣмъ не увязъ въ снѣгу на улицѣ.

Каждый разъ отыскиваніе дачъ оканчивалось простудою. Наиболѣе удобныя изъ окрестныхъ мѣстъ по сообщенію съ Петербургомъ были Павловскъ и Царское Село. Въ первомъ изъ нихъ болѣе дачъ съ садами и онѣ дешевле, а потому въ 1862 году, 1863, 1865 и 1866 годахъ мы нанимали дачи въ Павловскѣ.

Въ 1867 году доктора не совѣтовали жить въ Павловскѣ женѣ, по причинѣ его сырости, а такъ какъ я полагалъ лѣто этого года пробыть за границею, и затѣмъ легкость сообщенія съ Петербургомъ не представляла особой важности, то я нанялъ для жены дачу въ Лѣсномъ институтѣ, а въ 1868 году въ Царскомъ Селѣ на Кузминской улицѣ, гдѣ былъ крошечный садикъ, такъ что женѣ моей негдѣ было гулять.

Чтобы имѣть большій выборъ для найма дачи на 1870 годъ, я отправился въ Царское Село въ половинѣ января и между прочимъ осмотрѣлъ дачу Ведринскаго на углу Бульварной и Леонтьевской улицъ, извѣстную мнѣ съ 1866 года, когда я ее осматривалъ съ моею сестрою Викулиною, которая не рѣшилась ее нанять, потому что она имѣла видъ развалины, а въ особенности потому, что при ней былъ большой и до того запущенный садъ, что сестрѣ показалось страшнымъ жить на этой дачѣ. Въ 1868 году я нѣсколько разъ бывалъ на ней у нанимавшаго ее инженера генералъ-лейтенанта П. А. Языкова.

Прельстившись величиною сада, я рѣшился ее нанять въ 1870 году, и чтобы сговориться о цѣнѣ, вызвалъ завѣдывавшаго ею городского архитектора Никитина, который просилъ за лѣто 600 р. Я ему отвѣчалъ, что дамъ гораздо болѣе, если онъ хотя нѣсколько исправитъ домъ, который не только грязенъ, но и опасенъ по своей ветхости. Никитинъ заявилъ мнѣ, что владѣльцы дома не намѣрены его поправлять, а желаютъ продать за 8.000 р. Черезъ 5 минутъ послѣ этого дача была мною куплена за 7.800 р.

По возвращеніи въ Петербургъ, жена меня спросила, нанялъ ли я дачу и, когда я отвѣчалъ отрицательно, была очень огорчена, зная, что мнѣ трудно будетъ, при обширности моихъ занятій, снова выбрать день, который я могъ бы употребить на отысканіе дачи. Когда же я сказалъ, что я не нанялъ, а купилъ дачу, то жена, а также бывшія въ это время сестра и племянница чрезвычайно этому удивились.

Наблюденіе за перестройками въ дачѣ, такъ, чтобы мы могли пере-

ѣхать въ нее весною, принялъ на себя управлявшій Царскосельскою желѣзною дорогою инженеръ Василій Васильевичъ Корвинъ-Круковской. Хотя изъ выше приведеннаго видно, что перестройки въ этой дачѣ и ежегодное ея содержаніе стоили большихъ денегъ, но я очень доволенъ этою покупкою, такъ какъ съ 1870 года моя жена, большая любительница цвѣтовъ, каждое лѣто пользуется довольно хорошимъ помѣщеніемъ и большимъ садомъ, который она совершенно преобразовала и въ которомъ можетъ гулять между безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, наполняющихъ его, благодаря теплицамъ, а въ послѣдніе годы и усердію нанимаемаго нами садовника эстонца Веилбаума.

Графъ В. А. Бобринскій былъ недоволенъ директоромъ канцеляріи министра путей сообщенія тайнымъ совѣтникомъ И. П. Тарнава-Боричевскимъ, находя его слишкомъ обветшалымъ рутиннымъ чиновникомъ. Послѣдній, замѣтивъ это, просилъ меня убѣдить Бобринскаго назначить его на имѣвшуюся вакансію члена совѣта министерства, что мнѣ удалось исполнить въ началѣ 1870 года. На его мѣсто назначенъ былъ вице-директоръ той же канцеляріи И. Д. Хмельницкій, а на мѣсто послѣдняго принятый въ предыдущемъ году въ министерство путей сообщенія князь Владиміръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ.

Выше было упомянуто, что инженеръ Петерсъ былъ командированъ мною для приведенія въ извѣстность положенія работъ, производимыхъ Филлёлемъ на казенныя деньги по Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ, и средствъ, необходимыхъ для поддержанія на этой дорогѣ предвидимаго значительнаго движенія. Петерсъ исполнилъ это порученіе вполнѣ добросовѣстно и привезъ самыя удовлетворительныя свѣдѣнія о положеніи работъ.

Филлёль, не соглашаясь съ нѣкоторыми изъ этихъ свѣдѣній, вообще жаловался на несвоевременную выдачу инспекторомъ дороги инженеръ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ (умершимъ въ началѣ 1876 года въ чинѣ тайнаго совѣтника) квитанцій на полученіе денегъ за произведенныя работы. Большая часть жалобъ Филлёля были несправедливы. Удовлетворивъ его по нѣкоторымъ, найденнымъ мною справедливыми, я назначилъ комиссію подъ предсѣдательствомъ Шернваля для совмѣстнаго съ Филлёлемъ освидѣтельствованія дороги, опредѣленія недодѣлокъ и вычисленія суммы ихъ стоимости съ тѣмъ, чтобы, удержавъ эту сумму у Филлёля, передать съ согласія его окончаніе работъ, которымъ Филлёль изъ личныхъ выгодъ медлилъ, Петерсу.

По возвращеніи комиссіи въ Петербургъ, Бобринскій, узнавъ отъ Шернваля о всѣхъ гнусныхъ продѣлкахъ Филлёля, былъ взбѣшенъ на послѣдняго и громогласно объявилъ, что не прикажетъ его пускать къ себѣ. Но прошло немного времени, какъ Филлёль нашелъ средство бывать у Бобринскаго и продолжалъ надувать его.

Это поведеніе Бобринскаго можетъ показаться въ противорѣчіи

съ тѣмъ, что я постоянно говорю о его высокой честности, но невозможно требовать отъ русскаго аристократа, чтобы онъ не обходился пріятельски съ иностранцемъ, въ особенности съ хорошо говорящимъ по-французски.

Когда признано было полезнымъ передать частному обществу эксплоатацію устроенной на казенный счетъ желѣзной дороги отъ Кіева до ст. Жмеринки съ вѣтвью отъ ст. Казатино до Бердичева, всего 278 вер., и постройку и эксплоатацію желѣзной дороги отъ Бердичева до Брестъ-Литовска съ вѣтвью къ Радзивиллову, всего 535 верстъ,—на эти дороги, составившія Кіево-Брестскую линію, была составлена концессія, которая въ февралѣ 1870 года представлена въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ.

Условія этой концессіи и дальнѣйшая ея судьба изложены въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній».

Выше мною было сказано, что я въ февралѣ 1868 года назначенъ былъ членомъ комитета желѣзныхъ дорогъ. 25 ноября 1868 года этимъ комитетомъ утверждена слѣдующая сѣть желѣзныхъ дорогъ:

1. Лозово-Севастопольская, соединяющаяся съ Днѣпромъ выше и ниже пороговъ.	588 в.
2. Отъ Либавы черезъ Шавли до Ковно или ближайшаго пункта Ковно-Ландваровской линіи.	275 »
3. Отъ Нѣжина (на Курско-Кіевской дорогѣ) черезъ Черниговъ до Могилева.	340 »
4. Отъ Могилева черезъ Минскъ до Бреста.	530 »
5. Отъ Борисоглѣбска до Царицына.	350 »
6. Отъ Воронежа до Грушевки.	503 »
7. Отъ Самары до Бузулука.	150 »
8. Отъ одного изъ пунктовъ Кіево-Балтской дороги до Бреста. .	500 »
Всего.	3.236 в.

Концессіи положено было выдавать въ такой постепенности, чтобы всѣ дороги были исполнены въ теченіе 3—4 лѣтъ, не отвлекая денежныхъ средствъ и кредита государства на другія, менѣе необходимыя дороги, за исключеніемъ небольшихъ питательныхъ вѣтвей, преимущественно могущихъ быть исполненными безъ правительственной гарантіи.

Въ 1869 г. къ постройкѣ были разрѣшены дороги: Ковно-Либавская, Борисоглѣбско-Царицынская и Воронежско-Грушевская, сверхъ того, не входившія въ сѣть Брестo-Граевская, Скопинская и Иваново-Кинешемская.

Затѣмъ въ 1870 году оставались не разрѣшенными пять линій.

2 января 1870 года, вслѣдствіе представленія Намѣстника Кавказскаго, состоялось Высочайшее повелѣніе о присоединеніи къ утвержденной сѣти желѣзныхъ дорогъ Ростово-Владикавказской линіи, для соединенія внутренней Россіи съ Кавказомъ.

Послѣ длинныхъ сужденій между Бобринскимъ и мною о новой сѣти желѣзныхъ дорогъ, онъ испросилъ Высочайшее повелѣніе войти съ пред-

ставленіемъ ея въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ. Въ нее должны были войти: во-первыхъ, 2.800 верстъ неразрѣшенныхъ еще дорогъ изъ состава сѣти 1868 года и, во-вторыхъ, отъ 3.000 до 4.000 верстъ новыхъ дорогъ, именно:

Владикавказская и слѣдующія:

1. Линія отъ Кишинева до Скулянъ (близъ Яссъ).

2. Линія отъ того пункта Курско-Кіевской дороги, отъ котораго пойдетъ желѣзная дорога въ Ландварово до Харьково-Кременчугской желѣзной дороги.

3. Линія отъ одного изъ пунктовъ Елисаветградо-Кременчугской дороги до Николаева.

4. Линія отъ станціи Фастова (на Кіево-Балтской дорогѣ) до одного изъ пунктовъ вблизи Елисаветграда.

5. Моршанско-Сызранская.

6. Сызрано-Самарская.

7. Отъ Бузулука до Оренбурга.

8. Отъ Скопина до Тулы, и

9. Отъ Тулы черезъ Калугу до Вязьмы.

10. Линія отъ Ельца къ сѣверу до Скопино-Тульской или Тульско-Орловской дороги.

11. Отъ Ярославля до Вологды.

12. Отъ одного изъ пунктовъ Курско-Азовской дороги до желѣзнаго завода Юза (на которую уже воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе.)

13. Уральская.

14. Отъ Динабурга до Шавли.

15. Отъ Грушевки до Калача.

16. Отъ Елтонскаго озера до Волги.

17. Отъ Ливенъ до одного изъ пунктовъ Орловско-Грязской желѣзной дороги.

18. Линія между Азовскою и Воронежско-Грушевскою желѣзною дорогою.

Одновременно съ объясненнымъ представленіемъ министра путей сообщенія въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ, по Высочайшему повелѣнію, внесенъ былъ министромъ Императорскаго Двора проектъ Сызрано-Нижегородской желѣзной дороги.

К. В. Чевкинъ, изучавшій съ особеннымъ вниманіемъ всѣ дѣла, имѣлъ большое вліяніе въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ. 17-го и 18-го февраля онъ писалъ мнѣ:

«Могу ли я покорнѣйше просить ваше превосходительство обязать меня личнымъ вашимъ посѣщеніемъ завтра въ среду между 11 и 4 часами утра (какъ вамъ удобнѣе) для разъясненія мнѣ первой части вновь предлагаемой сѣти желѣзныхъ дорогъ и, буде можно, съ планами или картами нѣсколько подробнѣе той, которая намъ сообщена. Душевно уважающій Чевкинъ».

«Карту или карты, которыя я предпочтительно бы желалъ просмотрѣть

съ вами, относятся до дорогъ: Кіево-Брестской, Кіево-Виленской и Брест-Смоленской. Если бы вамъ затруднительно было удѣлить мнѣ нѣсколько времени, то не признаете ли возможнымъ прислать мнѣ съ картами В. Ѳ. Радецкаго. Прошу извинить мою докучливость, но желалъ бы я до засѣданія хотя нѣсколько просвѣтиться. Душевно уважающій Чевкинъ».

При обсужденіи со мною этой первой части сѣти, Чевкинъ изучилъ ее въ подробности и поддержалъ въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ.

По Высочайше утвержденному 1 марта 1870 года журналу комитета, предположенія министра путей сообщенія были одобрены, и засимъ первая часть новой сѣти составилась изъ слѣдующихъ шести линій:

1. Смоленско-Брестской	620	верстъ.
2. Брест-Бердичевской	445	»
3. Лозово-Севастопольской	600	»
4. Самаро-Бузулукской	150	»
5. Ландварс-Роменской	725	»
6. Ростово-Владикавказской	700	»
Всего . . .	3.240	верстъ.

Остальныя 18 линій обсуждались въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ 6, 13 и 20 марта 1870 года. Противъ проекта министра путей сообщенія генералъ-адъютантъ Зеленый и инженеръ-генералъ Мельниковъ представили особыя письменныя мнѣнія.

Первый считалъ возможнымъ исключить изъ сѣти, какъ второстепенныя, дороги: Елизаветградо-Фастовскую, Скопино-Вяземскую, Елецко-Тульскую и соединительную между Воронежско-Грушевскою и Азовскою, а взамѣнъ того включить въ сѣть: Вятско-Двинскую и Сибирскую или иную.

Инженеръ-генералъ Мельниковъ указывалъ на необходимость соединенія съ желѣзнодорожною сѣтью Сибири и Архангельскаго порта. Взамѣнъ Сибирской и Вятско-Двинской дорогъ, Мельниковъ полагалъ возможнымъ исключить изъ сѣти тѣ же линіи, на которыя указывалъ и Зеленый. Онъ полагалъ также нужнымъ отложить устройство Самаро-Моршанской линіи, а между тѣмъ войти въ подробное изслѣдованіе сравнительныхъ выгодъ, представляемыхъ этою линіею и Самаро-Нижегородскою.

Не могу здѣсь не указать, что Мельниковъ въ послѣднемъ мнѣніи выказалъ свою царедворскую ловкость: онъ хотѣлъ угодить графу Адлербергу, поддерживая вмѣстѣ съ нимъ интересы, собственно, удѣльнаго вѣдомства.

Я же ратовалъ въ комитетѣ противъ Самаро-Нижегородскаго направленія, не воображая, что Адлербергъ приметъ дурно мои доводы, но ошибся, потому что въ 1873 году, по прошествіи болѣе трехъ лѣтъ, онъ въ Карлсбадѣ упрекалъ меня, что я былъ причиною того, что его предположеніе не прошло въ комитетѣ. Дѣйствительно, по вопросу о направленіи желѣзнодорожнаго пути отъ Самары внутрь Россіи—мнѣнія въ комитетѣ раздѣлились: 4 члена комитета признавали необходимымъ вести этотъ путь на Нижній-Новгородъ,

согласно проекту, внесенному министромъ Императорскаго Двора, а 10 членовъ высказались за направленіе на Пензу и Моршанскъ, согласно предположеніямъ министра путей сообщенія.

Затѣмъ, на основаніи заключенія большинства членовъ комитета дорогъ, удостоившагося 27 марта 1870 года Высочайшаго утвержденія, въ дополненіе къ утвержденной 1-го марта того же года первой части новой сѣти, составилась вторая часть, въ которую вошли нижеслѣдующія желѣзныя дороги:

1. Оренбурго-Бузулукская	240 в.
2. Самаро-Пензенско-Моршанская	580 »
3. Скопино-Тульская	145 »
4. Тульско-Калужско-Вяземская	240 »
5. Динабурго-Шавельская	200 »
6. Отъ Орловско-Грязской до Скопино-Тульской дороги	135 »
7. Отъ Ливенъ до Елецко-Орловской дороги	54 »
8. Кишинево-Прутская	103 »
9. Отъ Николаева до Елисаветградо-Кременчугской дороги	215 »
10. Отъ Елисавеградо-Кременчугской до одного изъ пунктовъ на Кіево-Балтской дорогѣ	220 »
11. Отъ Роменъ до Харьково-Кременчугской дороги	160 »
12. Отъ Азовской дороги черезъ заводъ Юза до Маріуполя	185 »
13. Отъ Азовской до Воронежско-Грушевской дороги	200 »
14. Отъ Грушевки до Калача	270 »
15. Уральская 16. Вологодская 17. Вятско-Двинская 18. Соляная Нижне-Волжская	1000 »
Вѣтви:	
1. Радзивиловская	90 »
2 и 3. Требуемыя военнымъ министерствомъ вѣтви: отъ Праги до Новогеоргіевска и отъ Лукова до Ивангорода	90 »
Всего	4.127 в.

Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ предоставилъ министру путей сообщенія, по соглашенію съ министромъ финансовъ, входить о питательныхъ вѣтвяхъ съ особыми представленіями.

14-го января 1870 года Высочайше утвержденъ уставъ общества Московско-Смоленской жел. дороги на основаніи концессіи, выданной 15 декабря 1868 года.

4 марта 1870 года Высочайше утверждена концессія на Смоленско-Брестскую жел. дорогу. Она дана обществу Московско-Смоленской жел. дороги на 81 годъ. Длина дороги опредѣлена въ 630 верстъ. Земляное полотно устраивается въ одинъ путь, за исключеніемъ мелкихъ выемокъ

и подходовъ къ мостамъ, на этихъ же мѣстахъ въ два пути. На срединѣ разстоянія между станціями должны быть площадки длиною 400 саж. также въ два пути. Основной капиталъ въ 26.040.000 р. мет. образуется выпускомъ на $\frac{1}{4}$ негарантированныхъ акцій и на $\frac{3}{4}$ гарантированныхъ и реализованныхъ правительствомъ, оставляемыхъ имъ у себя, 5% облигацій; общество получаетъ отъ правительства по 75 коп. за рубль нарицательнаго капитала облигацій. Поверстная стоимость дороги составляетъ 42.000 р. мет. Смоленско-Брестскую жел. дорогу считали не коммерческою, а собственно стратегическою, вслѣдствіе чего по концессіи назначалось заготовить весьма незначительное количество подвижного состава и потому найдено было возможнымъ допустить столь незначительную поверстную стоимость, но вскорѣ по открытіи дороги оказалось необходимымъ означеный составъ увеличить.

6 марта 1870 года состоялось Высочайшее повелѣніе относительно гарантированія Балтійской дороги съ вѣтвью отъ Гатчины до Тосно. Мною выше изложено, какой способъ былъ употребленъ для исходатайствованія гарантіи, и что я настоялъ на томъ, чтобы она не превышала 3% съ основного капитала общества означенной дороги и въ томъ числѣ на его погашеніе; maximum гарантіи составляетъ 791.700 р. мет. въ годъ.

20-го марта Высочайше повелѣно, въ возвратъ числящейся на обществѣ Риго-Динабургской желѣзной дороги недоимки, происшедшей отъ уплаты ему правительствомъ въ прежніе годы гарантіи, отчислять не весь излишекъ противъ обезпеченнаго ему правительствомъ чистаго дохода въ 450.000 руб., а только половину излишка этого дохода, превышающаго какъ означенные 450.000 руб., такъ и всѣ платежи по дарованной обществу, на основаніи особаго договора, ссудѣ. Эту значительную льготу правленіе Риго-Динабургской желѣзной дороги начало испрашивать еще у министра Мельникова въ 1868 году, именно, когда оно предвидѣло, что доходъ съ дороги увеличится до того, что не потребуется болѣе гарантіи отъ правительства.

Я былъ свидѣтелемъ переговоровъ объ этомъ предметѣ членовъ правленія дороги съ Мельниковымъ, который отказалъ въ ихъ просьбѣ, объясняя, что, именно, въ то время, когда правительство можетъ, по уставу общества, получить съ послѣдняго выданную ему авансомъ сумму, оно не должно отлагать обратное ея полученіе на болѣе продолжительное время.

Я находилъ отказъ Мельникова правильнымъ, но Бобринскій посмотрѣлъ на это иначе. Онъ находилъ, что если брать въ уплату накопившейся недоимки весь чистый доходъ съ дороги, сверхъ гарантированной правительствомъ суммы, то акціонеры не будутъ стараться объ увеличеніи дохода съ дороги и управленіе будетъ итти дурно, а потому согласился на выше приведенную льготу. При дарованіи этой льготы, я включилъ условіе, что войско и его принадлежности будутъ перевозиться по дорогѣ за $\frac{1}{4}$ часть платы, постановленной по предѣльному тарифу, а не за $\frac{3}{4}$ этой платы, какъ было постановлено § 49 устава общества.

Сверхъ того, означенный уставъ былъ пополненъ тѣмъ, что для покрытія издержекъ правительственной инспекціи, общество, независимо покрытія содержанія полицейскаго управленія, будетъ изъ суммъ эксплоатаціи платить въ казну ежегодно по $^1/_2\%$ съ валового дохода. Это измѣненіе и дополненіе были тогда же Высочайше утверждены.

27-го марта было Высочайше утверждено положеніе о желѣзной дорогѣ Путиловскаго товарищества. Этимъ положеніемъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Путиловъ (Николай Ивановичъ) обязался составить товарищество, которое устроитъ и будетъ эксплоатировать въ продолженіе 81 года желѣзную дорогу, соединяющую имѣющія быть устроенными товариществомъ пристани: одну на Невѣ противъ Стекляннаго завода и другую на взморьѣ, а также соединительныя вѣтви къ желѣзнымъ дорогамъ—Николаевской, Варшавской и Петергофской, къ заводу Путилова на 8 верстѣ Нарвскаго шоссе, къ заводу «Аркадія», близъ бассейна Николаевской желѣзной дороги и къ Невскому механическому заводу на 6 верстѣ Шлиссельбургскаго тракта.

Общее протяженіе главнаго пути отъ берега Невы до взморья 18 верстъ. Земляное полотно устраивается для одного рельсоваго пути. Основной капиталъ для устройства дороги опредѣленъ въ 2.000.000 руб. Впослѣдствіи мнѣ предстоитъ много говорить о Путиловѣ и объ его предпріятіяхъ и въ ихъ числѣ о желѣзной дорогѣ Путиловскаго товарищества.

Того же 27-го марта Высочайше разрѣшено обществу Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги выпустить для разныхъ дополнительныхъ работъ и поставокъ по дорогѣ облигацій на 4.000.000 р. мет., расходъ которыхъ обусловливался особымъ надзоромъ отъ министерства путей сообщенія.

По возвращеніи посланной подъ предсѣдательствомъ графа А. П. Бобринскаго комиссіи для изученія заграничныхъ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, она представила свои заключенія, по которымъ превосходство этихъ дорогъ было несомнѣнно.

Для обсужденія этихъ заключеній графъ В. А. Бобринскій созвалъ до 12 инженеровъ. Конечно, при этомъ находился А. П. Бобринскій. Кромѣ инженеровъ, ѣздившихъ съ нимъ за границу, всѣ прочіе относились недовѣрчиво къ узкоколейнымъ желѣзнымъ дорогамъ и рѣшительно опровергали представленную значительную разность стоимости обыкновенныхъ и узкоколейныхъ путей, но только одинъ Н. И. Липинъ заявилъ, что не видитъ никакой пользы отъ послѣднихъ.

При обсужденіи ширины рельсоваго пути, которую предлагали въ 3 фута, я и К. И. Шернваль, видя, что опыты узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ будутъ непремѣнно произведены, и желая, чтобы деньги на нихъ употребленныя не пропали безъ пользы, настояли на ширинѣ рельсоваго пути въ $3^1/_2$ фута.

Когда же В. А. Бобринскій объявилъ, что онъ полагаетъ немедля при-

ступить на казенныя средства къ постройкѣ узкоколейной желѣзной дороги отъ ст. Верховье на Орловско-Грязской желѣзной дорогѣ до г. Ливны, то я сильно настаивалъ, чтобы этотъ опытъ былъ произведенъ въ такой мѣстности, гдѣ дорога не соединяется съ общей сѣтью нашихъ дорогъ, на коихъ ширина рельсоваго пути 5 футовъ, и что направленіе на Ливны вовсе не пригодно для предполагаемаго опыта, такъ какъ, по проходѣ по оному 54 верстъ, придется перегружать товары на ст. Верховье, сверхъ того, конечно, со временемъ эта дорога будетъ продолжена за Ливны.

На это замѣчаніе въ засѣданіи никто не отвѣчалъ, но А. П. Бобринскій, желая строить дорогу подъ своимъ наблюденіемъ, причемъ могъ жить въ своемъ Богородицкомъ имѣніи, настоялъ, чтобы опытъ постройки узкоколейнаго пути былъ произведенъ по направленію гор. Ливны, и В. А. Бобринскій, безъ моего вѣдома, представилъ объ этомъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ было глухо сказано, что въ совѣщаніи большого числа инженеровъ только одинъ изъ нихъ высказался противъ устройства узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, а не было упомянуто, что почти всѣ другіе сомнѣвались въ ихъ пользѣ и то, что было предъявлено мною о безполезности строить таковую дорогу на Ливны. Вслѣдствіе этого доклада состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

«1. Независимо отъ предполагаемыхъ частными обществами двухъ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ: отъ Вологды къ Ярославлю и отъ Чудовской станціи Николаевской желѣзной дороги до Новгорода, подлежащихъ разрѣшенію въ установленномъ порядкѣ чрезъ комитетъ министровъ, разрѣшить еще построеніе правительственной узкоколейной желѣзной дороги на протяженіи около 54 верстъ, съ испрошеніемъ на это кредита въ 1.404.000 р. изъ фонда желѣзныхъ дорогъ.

«2. Учредить для построенія этой дороги временное управленіе, состоящее, по назначенію исправляющаго должность министра путей сообщенія, преимущественно изъ инженеровъ, которые изучали узкоколейныя дороги и эксплоатацію оныхъ за границею, и возложить предсѣдательство этого управленія на члена совѣта министерства путей сообщенія свиты Его Величества генералъ-маіора графа Бобринскаго 1-го.

«3. Для наблюденія же за построеніемъ какъ правительственной узкоколейной жнлѣзной дороги, такъ и частныхъ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, и для разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ въ отношеніи постройки и эксплоатаціи этихъ узкоколейныхъ путей, учредить особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ исправляющаго должность министра путей сообщенія, изъ генералъ-лейтенанта барона Дельвига, генералъ-маіора Журавскаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шернваля, свиты Его Величества генералъ-маіора, графа Бобринскаго 1-го и другихъ инженеровъ, по назначенію исправляющаго должность министра путей сообщенія.

«4. При постройкѣ Ливенской желѣзной дороги предоставить временному управленію относительно всѣхъ работъ и заказовъ какъ въ Россіи, такъ и за границею, тѣ же права, какія были даны управленію по устрой-

ству второго пути Московско-Курской дороги и начальнику этой дороги, а комитету, предполагаемому подъ предсѣдательствомъ исправляющаго должность министра путей, предоставить тѣ же права, которыя Высочайше дарованы комитету, учрежденному въ прошломъ году для усиленія средствъ передвиженія грузовъ по замосковнымъ желѣзнымъ дорогамъ».

Конечно, на меня одного пали всѣ распоряженія по вновь учрежденному комитету.

Поверстная стоимость Ливенской узкоколейной желѣзной дороги опредѣлена въ 26.000 руб. кр.; на постройку же употреблено не 1.404.000 р., а 1.490.607 р., что при дѣйствительной длинѣ дороги въ 56,8 верстъ составляетъ на версту 26.234,6 р. Сравнительно небольшая стоимость постройки этой дороги произошла, впрочемъ, не потому только, что она узкоколейная, а потому, что въ ней допущены такія льготы, которыя на обыкновенныхъ желѣзныхъ дорогахъ не допускаются, а именно: всѣ мосты допущены деревянные, станціи безъ каменнаго фундамента, сторожевыя будки въ родѣ крестьянскихъ избъ и т. п.

Впрочемъ, я уже говорилъ, что нельзя сравнивать стоимости версты постройки желѣзныхъ дорогъ правительствомъ и частными обществами: въ первомъ случаѣ деньги на постройку готовыя, а въ послѣднемъ онѣ должны быть реализованы.

По тогдашнимъ концессіямъ основной капиталъ образовывался изъ $\frac{1}{4}$ негарантированныхъ акцій, которыхъ самая высшая цѣна равнялась 50% ихъ номинальной стоимости, $\frac{3}{4}$ гарантированныхъ облигацій, которыя правительство оставляло у себя, выдавая обществамъ по 75% съ ихъ номинальной стоимости. Въ виду же уплаты во время постройки дороги процентовъ на ссновной капиталъ, полагая во все время до 7% для опредѣленія основного капитала x, который потребуется реализовать, чтобы имѣть возможность частному обществу употребить на постройку версты 26.234,5 р., получимъ уравненіе:

$$26.234,5=50\frac{x}{4}+75\frac{3}{4}x+0,07\ x,$$

слѣдовательно, основной капиталъ x равнялся бы 38.120 руб., но принимая во вниманіе, что въ большей части случаевъ, при выпускѣ негарантированныхъ акцій, за нихъ даютъ менѣе 50 коп. за рубль, означенный основной капиталъ будетъ представлять еще большую сумму.

Я уже говорилъ, что Губонинъ взялъ съ общества Балтійской желѣзной дороги за ея постройку, для которой не было допущено никакихъ льготъ, и за поставку всѣхъ для нея принадлежностей по 33.000 р. кр. съ версты. На стоимость Ливенской желѣзной дороги, имѣющей столь незначительное протяженіе, много повліяло то, что А. П. Бобринскій испросилъ членамъ временнаго управленія, учрежденнаго для построенія этой дороги, директору работъ и его помощникамъ весьма значительныя содержанія, которыя, какъ мнѣ помнится, простирались отъ 6 до 8 тыс. каждому. Члены же ко-

митета узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, учрежденнаго въ Петербургѣ, никакого добавочнаго содержанія не получали.

Замѣчательно, что бывшій тогда директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ Липинъ не назначенъ членомъ упомянутаго комитета, вѣроятно, вслѣдствіе заявленнаго въ выше описанномъ засѣданіи мнѣнія о безполезности постройки узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ.

7 апрѣля 1870 года Высочайше утверждены дополнительныя условія къ концессіи на Поти-Тифлисскую желѣзную дорогу, Высочайше утвержденной 25 іюня 1867 года, по которой производство земляныхъ работъ и устройство мостовъ искусственныхъ и нѣкоторыхъ другихъ сооруженій лежало на обязанности правительства. Разныя мѣстныя причины, а главное допущеніе при производствѣ работъ, лежавшихъ на правительствѣ, безпорядковъ, подробности которыхъ я описывать не буду, были причиною того, что на это производство было употреблено, какъ мнѣ помнится, вчетверо болѣе противъ предварительно для нихъ опредѣленной, впрочемъ, дѣйствительно слишкомъ малой суммы, а работы все еще не были окончены.

Для покрытія этого дефицита, допущеннаго Кавказскимъ Намѣстникомъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, и во избѣжаніе новыхъ требованій изъ государственнаго казначейства суммъ для окончанія работъ, лежавшихъ на обязанности правительства, рѣшено передать эти работы въ томъ положеніи, какъ онѣ находились, обществу Поти-Тифлисской желѣзной дороги, которое приняло на себя довершеніе всѣхъ означенныхъ работъ за оптовую сумму 5.953.000 р. мет., обезпеченныхъ правительствомъ $5^{1}/_{10}\%$ ежегоднаго чистаго дохода. Работы, произведенныя правительствомъ по 1 ноября 1869 года, переданы обществу безвозмездно.

Эти условія были невыгодны для правительства, но не было другого средства выйти изъ допущенной путаницы. Разборъ ея былъ очень затруднителенъ и заставилъ меня употребить много времени для занятій съ вызваннымъ съ Кавказа завѣдывавшимъ въ послѣднее время работами по Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ инженеръ-полковникомъ Кисцѣта-Статковскимъ, человѣкомъ очень способнымъ.

Жена часто упоминаемаго мною инженера Ф. И. Таубе, Елизавета Ивановна, состояла въ числѣ патронессъ общества доставленія дешевыхъ квартиръ нуждающимся въ Петербургѣ. Каждый годъ она даетъ одинъ обѣдъ или вечеръ, къ которому приглашаетъ патронессъ общества и другихъ знакомыхъ. На такомъ обѣдѣ въ началѣ апрѣля 1870 года былъ я съ моею племянницею Э. С. Викулиною, которая располагала черезъ три дня ѣхать со своею матерью за границу.

Ф. И. Таубе, бывшій въ это время членомъ совѣта главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, очень любезно предложилъ свои услуги приготовить для моей сестры и племянницы вагонъ на С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ и обѣщался быть при ихъ отъѣздѣ. Наканунѣ же означеннаго дня отъѣзда Таубе былъ у меня для передачи сестрѣ о приготовлен-

номъ вагонѣ. Онъ былъ совершенно здоровъ. Въ самый же день отъѣзда рано утромъ мнѣ дали знать, что онъ умеръ ночью.

Послѣ смерти Таубе весь его родъ признанъ въ баронскомъ достоинствѣ по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, въ которомъ я тогда присутствовалъ, представленныхъ имъ доказательствъ, конечно, мало убѣдительныхъ. Вдова его продолжаетъ давать ежегодно по одному вечеру, къ которому приглашаетъ меня и постоянно сажаетъ меня на первое мѣсто, что меня стѣсняетъ.

Проводивъ сестру и племянницу за границу, я немедля пошелъ къ В. А. Бобринскому съ извѣщеніемъ о смерти Таубе и съ просьбою о назначеніи на его мѣсто директора С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги инженеръ генералъ-маіора Владиміра Антоновича Данненштерна.

Опасаясь, что военный министръ будетъ ходатайствовать о назначеніи на открывшуюся вакансію членомъ совѣта главнаго общества лица военнаго вѣдомства, а именно, свиты Его Величества генералъ-маіора Михаила Николаевича Анненкова, о которомъ уже хлопотали при назначеніи Таубе, я взялъ слово съ Бобринскаго, что онъ ни въ какомъ случаѣ не измѣнитъ даннаго мнѣ обѣщанія.

Впослѣдствіи мое опасеніе оправдалось, но Бобринскій своему слову не измѣнилъ. Я полагалъ, что упомянутое мѣсто члена совѣта, столь многими желаемое, по всей справедливости наиболѣе принадлежитъ Данненштерну, честнѣйшему и благороднѣйшему человѣку, 8 лѣтъ управлявшему самою длинною изъ желѣзныхъ дорогъ главнаго общества.

Было замѣтно, что совѣтъ этого общества пріискивалъ болѣе молодого инженера для управленія С.-Петербурго-Варшавскою желѣзною дорогою, такъ что Данненштернъ остался бы безъ мѣста. Онъ же хотя и благодарилъ меня за мое о немъ ходатайство, но вначалѣ былъ недоволенъ своимъ новымъ назначеніемъ, такъ какъ черезъ это сокращалось его содержаніе, но онъ долго еще получалъ прежнее жалованье, продолжая, до отысканія новаго директора дороги, управлять ею. При оставленіи же имъ этой должности, онъ получилъ отъ совѣта главнаго общества весьма значительную денежную награду, что было ему необходимо при его разстроенномъ состояніи.

Все это помогло ему, и онъ постоянно выражалъ мнѣ свою благодарность. Онъ умеръ въ 1872 году и, слѣдовательно, недолго пользовался исходатайствованнымъ мною мѣстомъ. Вдова его получила отъ совѣта главнаго общества значительное денежное пособіе.

Въ началѣ 1870 года была открыта Финляндская желѣзная дорога отъ С.-Петербурга къ Гельсингфорсу, не входящая въ составъ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ и потому не состоящая въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія. Ее строилъ, по приглашенію финляндскаго правительства, отставной инженеръ генералъ-маіоръ Канутъ Ивановичъ Шернваль, приглашенный мною въ 1869 году вновь поступить на службу.

Въ Петербургѣ много говорили о дешевизнѣ и объ отличной постройкѣ этой дороги. Не опровергая ни того, ни другого, считаю долгомъ повторить, что нельзя сравнивать стоимости дороги, построенной на готовыя казенныя деньги, съ стоимостью дорогъ, строемыхъ частными обществами, которыя должны реализовать суммы, опредѣляющія нарицательную стоимость желѣзныхъ дорогъ, о чемъ, впрочемъ, подробно изложено мною выше. Сверхъ того паровозы и рельсы на Финляндской желѣзной дорогѣ допущены легковѣсные, а станціи малыхъ размѣровъ изъ тонкаго лѣса. На большомъ протяженіи самая почва составляетъ настоящій балластъ, котораго вовсе не имѣется въ остальныхъ частяхъ Россіи. Въ то время рабочіе по случаю голода въ Финляндіи были весьма дешевы.

Любопытно было осмотрѣть эту прославленную дорогу. Съ этою цѣлью В. А. Бобринскій, я, Шернваль и нѣсколько другихъ лицъ, въ числѣ которыхъ были управляющіе желѣзными дорогами въ Россіи, вызванные мною въ Петербургъ для составленія лѣтняго росписанія поѣздовъ въ 1870 г., ѣздили въ половинѣ апрѣля въ Гельсингфорсъ, гдѣ обѣдали у исправлявшаго должность Финляндскаго генералъ-губернатора генерала Норденштама, котораго я узналъ на Кавказѣ въ 1841 году.

Конечно, во время проѣзда по дорогѣ, продолжали ее хвалить, что доставляло большое удовольствіе ѣхавшему съ нами Шернвалю. Въ Гельсингфорсѣ я купилъ 6 бутылокъ тамошней весьма крѣпкой наливки и очень былъ удивленъ, когда, по пріѣздѣ въ Петербургъ, оказалось только 4 бутылки этой наливки. Я узналъ, что недостающія двѣ выпиты въ продолженіе одной ночи состоящимъ при В. А. Бобринскомъ, арміи подполковникомъ, графомъ Николаемъ Петровичемъ Клейнмихелемъ, который А. П. Бобринскимъ былъ назначенъ управляющимъ департаментомъ шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній.

17-го апрѣля я получилъ орденъ Бѣлаго Орла. В. А. Бобринскій передавалъ мнѣ, что самъ Государь приказалъ представить меня къ наградѣ.

29-го апрѣля Высочайше повелѣно мнѣ, на время отсутствія исправлявшаго должность министра путей сообщенія, управлять этимъ министерствомъ, что и продолжалось до 22-го мая.

24-го апрѣля Высочайше утверждены концессія на Новгородскую узкоколейную желѣзную дорогу, дополнительныя условія къ Высочайше утвержденному 10 апрѣля 1869 года договору съ Джономъ Юзомъ на образованіе Новороссійскаго общества каменноугольнаго, желѣзнаго и рельсоваго производства и уставъ общества Константиновской желѣзной дороги.

Концессія на узкоколейную Новгородскую желѣзную дорогу дана Петербургскому купцу Ивану Александрову Варгунину и Вѣнскому банкирскому дому Веккерсгеймъ и К°, обязавшимся составить акціонерное общество для постройки и эксплоатаціи въ продолженіе 81 года узкоколейной желѣзной дороги отъ станціи Чудово Николаевской желѣзной дороги до Новгорода.

Земляное полотно устраивается для одного пути, шириною въ 2 сажени,

но въ выемкахъ, глубиною менѣе 1 сажени, оно устраивается для двухъ путей, шириною не менѣе 3.357 саженей. Основной капиталъ общества 1.682.000 рублей мет., что, при длинѣ пути въ 69 верстъ, составляетъ на версту до 24.377 рублей мет.

Этотъ капиталъ образуется выпускомъ негарантированныхъ акцій. Я не знаю, по какой цѣнѣ могли быть выпущены подобныя акціи, но во всякомъ случаѣ очевидно, что постройка версты этой дороги стоила менѣе версты выше упомянутой Ливенской узкоколейной желѣзной дороги, строенной правительственными средствами.

Главное изъ дополнительныхъ условій на образованіе Новороссійскаго общества состояло въ оказаніи правительствомъ обществу вспомоществованія выдачею ссуды въ 500.000 рублей для проведенія, по разнымъ отъ завода направленіямъ, къ Константиновской дорогѣ около 25 верстъ соединительныхъ рельсовыхъ путей, съ снабженіемъ ихъ подвижнымъ составомъ.

Эту ссуду Юзъ получилъ черезъ В. А. Бобринскаго, очень податливаго на раздачу казенныхъ денегъ. По утвержденному уставу общества Константиновской желѣзной дороги, великобританскій подданный Джонъ Юзъ учреждаетъ акціонерное общество для сооруженія и въ продолженіе 81 года эксплоатаціи желѣзной дороги отъ Константиновской станціи Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги по направленію къ устраиваемымъ Новороссійскимъ обществомъ заводамъ и копямъ около Новотроицкаго. Земляное полотно устраивается для двухъ путей; рельсы укладываются въ одинъ путь. Основной капиталъ общества опредѣленъ въ 5.355.000 рублей мет., что, при длинѣ дороги въ 85 верстъ, составляетъ на версту 63.000 рублей мет. Обществу предоставлено образовать этотъ капиталъ выпускомъ на $\frac{1}{4}$ его негарантированныхъ акцій, а на остальныя $\frac{3}{4}$ капитала правительство дѣлаетъ обществу ссуду въ размѣрѣ 75 руб. за 100 рублей. Слѣдовательно, на каждую версту приходилось негарантированныхъ акцій на 15.750 рублей мет. и ссуды отъ правительства 35.437 рублей 50 копеекъ мет. или 41.107 рублей 50 копеекъ. По приблизительной предварительной смѣтѣ ясно было, что устройство версты дороги не обойдется дороже этой послѣдней цифры, а потому всѣ акціи останутся въ карманѣ учредителя и его компаніоновъ безъ оплаты

Я обратилъ на это вниманіе В. А. Бобринскаго и на то, что въ предварительныхъ условіяхъ съ Юзомъ не было сказано, что поверстная стоимость дороги должна стоить 63 тысячи рублей мет., а только что она не должна превосходить эту сумму; также что нѣтъ надобности строить дорогу длиною 85 верстъ, а можно ее значительно укоротить. Но Бобринскій, находя нужнымъ, посредствомъ высокой цѣны на дорогу, покрыть убытки, которые Юзъ могъ въ первое время понести по устройству завода и копей, согласился на устройство дороги на опредѣленныхъ въ первомъ договорѣ съ Юзомъ maximum'ѣ протяженія и maximum'ѣ поверстной стоимости.

27-го апрѣля Высочайше утверждена концессія на Кіево-Брестскую

желѣзную дорогу. Она дана дѣйствительному статскому совѣтнику Рябинину, обязавшемуся составить акціонерное общество, которое пріобрѣтаетъ отъ правительства участокъ Кіево-Балтской желѣзной дороги отъ Кіева до ст. Жмеринки, 253 версты, съ вѣтвью отъ ст. Казатино до Бердичева, 25 верстъ, всего 278 верстъ, произведетъ необходимыя въ этомъ участкѣ дополнительныя работы, обзаведенія, устройства и усиленіе подвижного состава по особой вѣдомости и устроитъ новую желѣзную дорогу отъ Бердичева до Брестъ-Литовска, съ вѣтвью отъ одного изъ пунктовъ этой линіи до Австрійской границы у Радзивиллова (на соединеніе съ Галицкою Лемберго-Бродскою линіею), всего около 535 верстъ, во всемъ согласно приложеннымъ къ концессіи техническимъ условіямъ, и снабдитъ новую дорогу подвижнымъ составомъ и всѣми принадлежностями для ея эксплоатаціи. Земляное полотно устраивается на два пути; рельсы укладываются для одного пути. Основной капиталъ общества составляется изъ:

а. Нарицательной стоимости правительственнаго 1-го участка дороги.	19.836.000 р.
б. Нарицательной стоимости требуемыхъ отъ общества, по § 1 устава, дополнительныхъ работъ и поставокъ для приведенія сего участка въ надлежащее устройство. . . .	1.980.000 »
в. Нарицательнаго капитала, потребнаго на сооруженіе втораго участка дороги.	23.834.000 »
Итого. . . .	45.650.250 р.

Капиталъ этотъ образуется выпускомъ на $\frac{1}{3}$ негарантированныхъ акцій, на $\frac{2}{3}$ гарантированныхъ облигацій.

За уступаемый обществу первый участокъ дороги отъ Кіева до Жмеринки, съ вѣтвью отъ Казатина до Бердичева, правительство, при сдачѣ этого участка, получаетъ отъ общества безъ всякой за то платы:

Акціями.	5.292.000 р. мет.
Облигаціями.	14.544.000 » »
Итого.	19.836.000 р. мет.

Изъ остальнаго акціонернаго капитала общество обязывается употребить на дополнительныя работы для улучшенія означеннаго участка 1,980,000 р. мет. *).

Затѣмъ облигаціямъ даруется абсолютная гарантія правительства, съ присвоеніемъ имъ 5% ежегоднаго дохода со дня ихъ выпуска и $\frac{1}{10}$% погашенія со дня открытія всей Кіево-Брестской линіи для движенія. Правительство оставляетъ за собою всѣ облигаціи, причемъ за работы по 2-му

*) 1.980.000 руб. м., считая реализацію акцій по 75 за 100, соотвѣтствуютъ 1.485.000 р. наличнаго капитала.

участку будетъ отпускать деньгами, считая по 75 р. мет. за каждые 100 мет. руб. нарицательнаго капитала.

Протяженіе этой дороги опредѣлено въ 535 верстъ именно съ цѣлью отдалить проведеніе ея отъ Австрійской границы.

Въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній» подробно излагается, какіе способы употребляло правленіе общества Кіево-Брестской желѣзной дороги для проведенія ея по линіи, ближайшей къ Австрійской границѣ, и о всѣхъ безпорядкахъ, возникшихъ въ этомъ правленіи до выхода моего изъ министерства путей сообщенія.

О безпорядкахъ же въ дѣлахъ общества послѣ этого времени и о пособіяхъ, которыя правительство вынуждено было даровать обществу по выходѣ моемъ изъ министерства, будетъ мною вкратцѣ изложено впослѣдствіи, въ видахъ поясненія этого начатаго при мнѣ дѣла. Скажу здѣсь только, что концессія дана была Рябинину потому, что при конкуренціи между нѣсколькими лицами на ея полученіе посредствомъ запечатанныхъ пакетовъ, раскрытыхъ въ совѣтѣ министра финансовъ, цѣна Рябинина оказалась низшею.

В. А. Бобринскій сообщилъ мнѣ, что Государь желалъ бы отдать дорогу П. І. Губонину, о чемъ настаивалъ графъ Адлербергъ, а потому просилъ меня, до представленія объ утвержденіи торговъ, уговорить Губонина взять цѣну Рябинина съ тѣмъ, что въ этомъ случаѣ дорога будетъ немедля отдана Губонину, но послѣдній на это соглашался только съ условіемъ, чтобы допущено было вести дорогу по линіи, ближайшей къ Австрійской границѣ, а такъ какъ состоялись уже два Высочайшихъ повелѣнія о томъ, чтобы по этой линіи не вести дороги, то я и не могъ принять этого предложенія.

Въ апрѣлѣ я, по званію члена попечительства совѣта Комисаровской технической школы, получилъ золотой жетонъ, Высочайше утвержденный въ память 25-лѣтняго юбилея попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ.

Хотя фермы мостовъ Николаевской желѣзной дороги были деревянныя, но во все время казеннаго управленія этою дорогою ни одинъ изъ мостовъ не сгорѣлъ. Въ 1869 году на Николаевской дорогѣ произошли два значительные пожара. Первый изъ нихъ 15-го апрѣля истребилъ часть моста (въ $19^{2}/_{3}$ саж. отверстія) на р. Прутомойкѣ. Правильное движеніе поѣздовъ было возобновлено 5-го мая. (Это было въ мое отсутствіе за границу.)

Другой пожаръ, Мстинскаго моста, происшедшій въ ночь на 18-ое октября, сопровождался болѣе чувствительными послѣдствіями, потому что исправленіе моста на высотѣ болѣе 18 саж. потребовало много времени, издержекъ и огромныхъ работъ, ходъ которыхъ былъ значительно затрудненъ позднимъ и чрезвычайно холоднымъ временемъ года.

Мстинскій мостъ возобновленъ только 15 февраля 1870 года. Въ продолженіе 4 мѣсяцевъ грузы, предназначавшіеся въ Москву изъ Варшавы

и Вержболова, перевозились туда по Динабурго-Витебской и Московско-Курской дорогамъ. Что касается до пассажирскаго движенія, то оно происходило съ пересадкою у береговъ р. Мсты.

Въ самый день пожара Мстинскаго моста графъ В. А. Бобринскій со мною и многими инженерами, служащими въ министерствѣ путей сообщенія и въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ, отправились на мѣсто и по общему совѣщанію постановили мѣры для скорѣйшаго возобновленія сообщенія черезъ р. Мсту и для производства слѣдствія о причинѣ пожара, которой однако же не доискались.

Впослѣдствіи я неоднократно ѣздилъ на мѣсто работъ и постоянно находилъ, что онѣ производятся медленно. Эта причина заставила меня настоять у Бобринскаго, чтобы на мѣсто работъ былъ отправленъ одинъ изъ инженеровъ, членовъ совѣта главнаго общества, для постояннаго наблюденія за скорымъ и прочнымъ ходомъ работъ. Избранъ былъ инженеръ генералъ-маіоръ Д. И. Журавскій, который прежде вмѣстѣ со всѣми нами одобрилъ представленный директоромъ Николаевской дороги инженеромъ И. Ѳ. Кенигомъ проектъ постройки моста и по нему начато было производство.

По назначеніи же Журавскаго, мѣсяцъ спустя послѣ пожара, онъ не хотѣлъ строить иначе, какъ по новому проекту, котораго детали онъ долженъ былъ еще обработать. Я и всѣ прочіе инженеры не соглашались на измѣненіе проекта.

Бобринскій нашелъ нужнымъ взять въ суперъ-арбитры бывшаго министра путей сообщенія П. П. Мельникова, который сначала также не одобрялъ предположеній Журавскаго, но послѣ долгихъ совѣщаній нашелъ правильнымъ принять проектъ послѣдняго, такъ какъ на Журавскомъ лежала отвѣтственность въ скорости и прочности постройки.

Журавскій жилъ всю зиму, которая была очень холодна, на мѣстѣ работъ, испросивъ къ себѣ въ помощь состоявшаго помощникомъ инспектора Николаевской желѣзной дороги инженера М. Я. Краснопольскаго.

Я не буду описывать здѣсь ни проекта, ни затрудненій по его исполненію, впрочемъ, очевидныхъ потому, что работы приходилось производить при 30 и не менѣе 20 градусахъ мороза. Плотники для сруба фермъ часто по нѣсколько человѣкъ должны были работать, вися на значительной высотѣ надъ русломъ рѣки. Скажу только, что предположенія Журавскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но что онъ и здѣсь отличался эксцентричностью. Онъ задержалъ ѣхавшаго изъ Петербурга въ Москву какого-то монаха съ Аѳонской горы, который каждое утро передъ началомъ работъ служилъ молебенъ. Первый день это очень понравилось мастеровымъ и работникамъ, но вскорѣ наскучило такъ, что они неохотно являлись къ молебну. Наконецъ, и самому монаху надоѣло жить въ совершенной пустынѣ, онъ скрылся, не предувѣдомивъ, говорятъ, объ этомъ Журавскаго.

Во время устройства фермъ моста я нѣсколько разъ ѣздилъ осматри-

вать эту работу, за производство которой Журавскій получилъ Анненскую ленту.

Я неоднократно говорилъ, что выдача концессій на устройство желѣзныхъ дорогъ по направленіямъ, нисколько не изученнымъ правительственными инженерами, не могла не имѣть вліянія на неправильную оцѣнку уступаемыхъ желѣзныхъ дорогъ, а впослѣдствіи иногда на прочность ихъ постройки. Поэтому въ 1870 году, немедля по утвержденіи въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ направленій, по которымъ предполагалось въ ближайшемъ времени устроить желѣзныя дороги, мною были опредѣлены по подробнымъ картамъ направленія желѣзныхъ дорогъ и были назначены для изученія ихъ на мѣстѣ инженеры, выборъ которыхъ представлялъ особыя затрудненія, такъ какъ старшимъ изъ нихъ, т.-е., начальникамъ изысканій выдавалась на производство изысканій оптовая сумма сообразно числу верстъ и трудности мѣстности.

Въ первый годъ производства этихъ изысканій пришлось обойтись безъ контроля надъ ними, но въ слѣдующіе годы я полагалъ назначить двухъ или трехъ старшихъ инженеровъ, которыхъ обязанностью было бы въ продолженіе всего лѣта наблюдать на мѣстахъ за ходомъ изысканій и руководить ими. Въ продолженіе же зимы я успѣлъ бы убѣдиться въ правильности выбора начальниковъ изысканій, такъ какъ я постоянно сохранялъ сношенія съ моими подчиненными, посредствомъ писемъ во время ихъ нахожденія внѣ Петербурга и лично въ ихъ бытность въ этомъ городѣ. Многіе изъ младшихъ инженеровъ, зная мое вниманіе къ ихъ ученымъ трудамъ и къ ихъ наблюденіямъ за устроенными сооруженіями, служащимъ къ разрѣшенію вопросовъ, возникающихъ по путямъ сообщенія, присылали мнѣ партикулярно длинныя по этимъ предметамъ записки. Я считалъ непрерывную связь между мною и лицами, дѣйствующими на мѣстахъ, необходимою, для чего, состоя главнымъ инспекторомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, постоянно былъ въ разъѣздахъ.

Управленіе большимъ дѣломъ и массою людей изъ Петербурга одними бумагами я всегда считалъ вреднымъ. Польза отъ моихъ личныхъ наблюденій и знакомства съ мѣстными дѣятелями была очевидною во многихъ случаяхъ. Приведу слѣдующій примѣръ: въ зиму 1875—1876 года снѣжные заносы были чрезвычайны на желѣзныхъ дорогахъ, лежащихъ къ югу отъ Москвы, и никого не было послано для изученія ихъ съ тѣмъ, чтобы хотя на будущее время опредѣлить необходимыя средства къ ихъ устраненію.

Подобные же заносы были и въ зиму 1866—1867 года на существовавшихъ тогда желѣзныхъ дорогахъ, но мѣрами, принятыми, вслѣдствіе сдѣланнаго тогда мною съ помощью мѣстныхъ дѣятелей изученія заносовъ, послѣдніе на означенныхъ дорогахъ уже не доходили до прежнихъ размѣровъ и не причиняли болѣе долгихъ остановокъ въ движеніи по дорогамъ.

Въ исходѣ мая 1870 года я съ женою переѣхалъ въ купленную въ Царскомъ Селѣ дачу. Моя жена немедля занялась устройствомъ теплицы и преобразованіемъ сада, который и впослѣдствіи ежегодно значительно улучшала. Уничтоженіе сгнившихъ бесѣдокъ въ саду и перестройки продолжались и послѣ нашего переѣзда на дачу. Мы взяли на дачу на все лѣто маленькаго сына Софьи Львовны Соколовой, которая большую часть лѣта съ дочерью также провела у насъ. По нѣскольку дней сряду неоднократно у насъ проводили С. В. Князевъ съ женою, А. П. Козлянинова, А. В. Воронецъ. Многіе другіе наши знакомые пріѣзжали къ намъ и между прочими Посьетъ, жившіе во флигелѣ Царскосельскаго дворца.

19-го іюня минуло 40 лѣтъ съ производства меня въ прапорщики. Въ этотъ день у насъ обѣдали многіе изъ моихъ товарищей по службѣ.

Съ открытіемъ Елисаветградо-Крюковской дороги и разрѣшеніемъ Харьково-Кременчугской, для установленія полнаго рельсоваго сообщенія между Одессою и Харьковомъ, не доставало только устройства желѣзнодорожнаго моста черезъ Днѣпръ, между Крюковымъ и Кременчугомъ.

Проектъ Струве былъ признанъ наиболѣе выгоднымъ, и по Высочайшему повелѣнію 3 іюня 1870 года Струве предоставлено было устройство моста черезъ Днѣпръ и соединительной вѣтви между Кременчугомъ и Крюковымъ за оптовую подрядную цѣну 3.600 000 руб.

10-го іюня состоялся указъ относительно принятія земскими учрежденіями обязательствъ о гарантіи опредѣленнаго дохода съ желѣзныхъ дорогъ, состоявшейся вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго 22-го мая мнѣнія по сему предмету Государственнаго Совѣта. Я не буду приводить здѣсь этого указа, а скажу только, что представленіе министра внутреннихъ дѣлъ объ означенной гарантіи слушалось въ Государственномъ Совѣтѣ во время управленія мною министерствомъ путей сообщенія.

В. А. Бобринскій желалъ, чтобы этотъ вопросъ былъ отложенъ до его возвращенія, а такъ какъ вакаціи въ Государственномъ Совѣтѣ начинаются въ половинѣ мая, то пришлось бы отложить его до осени. Я доложилъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта великому князю Константину Николаевичу о желаніи Бобринскаго. Онъ съ явнымъ неудовольствіемъ противъ послѣдняго отвѣчалъ, что откладываніе дѣлъ въ дальній ящикъ не въ его методѣ.

Во время слушанія представленія министра внутреннихъ дѣлъ, я въ первый разъ со времени моего присутствованія въ Государственномъ Совѣтѣ заявилъ мои замѣчанія: говорящіе члены Совѣта должны вставать со своего мѣста и подойти къ предсѣдателю; замѣчанія мои были приняты.

20-го іюня Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, основанное на моемъ представленіи объ отпускѣ насчетъ ресурсовъ, спеціально опредѣленныхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, дополнительной суммы въ 103.031 р. 82½ коп. на расходы по постройкѣ Петербурго-Гельсингфорской желѣзной дороги, на каковую постройку ¾ требуемой суммы

отпускались финляндскимъ, а ¼ русскимъ государственнымъ казначействомъ.

16-го іюня Высочайше повелѣно, на время отсутствія исправляющаго должность министра путей сообщенія, для встрѣчи и сопровожденія Государя Императора, мнѣ управлять этимъ министерствомъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ, не вступая въ должность, уѣхалъ въ отпускъ, вслѣдствіе чего 27-го іюня Высочайше повелѣно, на время отсутствія исправляющаго должность министра путей сообщенія за границу и по возвращеніи для осмотра производящихся по министерству работъ, мнѣ управлять этимъ министерствомъ.

21-го іюня я получилъ отъ брата моей свояченицы Михаила Борисовича Прутченко (впослѣдствіи Псковскій губернаторъ) телеграмму. Онъ извѣщалъ о кончинѣ моего брата Николая Ивановича, на похоронахъ котораго въ Нижнемъ-Новгородѣ я не могъ быть по случаю управленія въ это время министерствомъ.

Я выше описалъ положеніе брата моего при проѣздѣ въ августѣ 1869 года черезъ Петрбургъ. Въ этомъ положеніи жизнь, конечно, невыносимое бремя, а потому мы, его родные, были подготовлены къ его кончинѣ.

Не одни родные любили его всѣмъ сердцемъ: его доброта и мягкій характеръ привлекали къ нему всѣхъ его знавшихъ. Самыя сильныя страданія не отнимали у него веселости духа, въ доказательство чего можетъ служить приводимый мною отрывокъ изъ одного изъ его послѣднихъ писемъ ко мнѣ:

«Пользуюсь чужою рукою, любезный другъ и братъ, чтобы поцѣловать тебя и спросить о сестрѣ и обѣихъ Эмиліяхъ*). Думаю, онѣ очень скучаютъ по оставленіи маленькаго рая: иначе я не называю Колодезскаго, проведя въ немъ столько счастливыхъ дней. Какъ Семенъ Алексѣевичъ**) бывалъ радъ меня видѣть, не говорю уже о маменькѣ и сестрѣ, даже Валентина и Эмилія***) были очень довольны моему пріѣзду. Эмилія была крошка, а съ Валентиной я танцовалъ балетъ, гдѣ ей хотѣлось представлять Таліони. Марія Алексѣевна****) тоже была довольна моему пріѣзду; мы съ ней играли дуэтъ изъ оперы «La dame blanche», подъ акомпаниментъ цѣлаго оркестра, а съ хоръ (у мужа моей сестры было 40 музыкантовъ и пѣсенниковъ) слышалось:

«Не ужъ любовью страстной
Гнѣвъ твой могъ я возбудить,
Гнѣвъ сей будетъ—гнѣвъ напрасный:
Дано сердцу, чтобъ любить».

«Одна Александра Семеновна была равнодушна, но у ней были другія занятія:

---

*) О моей женѣ и племянницѣ.
**) Мужъ моей сестры.
***) Дочери моей сестры.
****) Дочь сына отъ перваго брака мужа моей сестры.

«Милый мой дружочекъ,
Оставилъ кружочекъ».

«Пріятное было время.

«Мы въ нашемъ маленькомъ раю ожидаемъ пріѣзда тетушки Прасковьи Андреевны; дай Богъ ей утѣшиться, глядя на новыя мѣста.

«Чѣмъ болѣе вглядываюсь въ наше имѣніе*), тѣмъ нахожу болѣе въ немъ райскаго. Прекрасный каменный двухъэтажный домъ съ превосходною церковью, куда я хожу, sans faire parade de ma maladie. Даже 26-го октября я имѣлъ счастіе пріобщиться Святыхъ Таинъ, чего бы я не могъ исполнить *ни въ какомъ городѣ*. При этомъ домѣ есть паркъ въ 36 дес. и изъ него отличный видъ черезъ р. Пьяну на селеніе Пилекшево, гдѣ виднѣются двѣ каменныя церкви. Говорятъ, что черезъ это селеніе пройдетъ желѣзная дорога, это еще болѣе оживитъ видъ. Для тетушки мы отдѣлываемъ вновь флигель, гдѣ ей будетъ покойнѣе, чѣмъ въ домѣ.

«Прощай, любезный братъ. Ты видишь изъ письма, что я нахожусь въ хорошемъ расположеніи духа, чего и тебѣ желаю. Я и все мое семейство тебя и всѣхъ цѣлуемъ. Любящій тебя братъ. Отрада, 29 октября 1869 года».

При первомъ моемъ личномъ докладѣ Государю, неоднократно освѣдомлявшемуся о здоровьѣ моего брата, я доложилъ объ его смерти. Государь, бывъ видимо тронутъ этимъ извѣстіемъ, сказалъ, что очень жалѣетъ о потерѣ такого храбраго генерала.

Для личныхъ докладовъ Государю я ѣздилъ въ Александрію и Красное Село. Для проѣзда въ послѣднее, я долженъ былъ ѣхать по Царскосельской дорогѣ въ Петербургъ, а потомъ по Петергофской до Краснаго Села, и такъ же возвращаться.

Въ одинъ изъ такихъ докладныхъ дней, когда я ѣхалъ изъ Красносельскаго Дворца на станцію желѣзной дороги, меня обогнала коляска, запряженная лихою тройкой, управляемою кучеромъ въ ямщичьей одеждѣ. Я остановилъ коляску и, узнавъ отъ сидѣвшаго въ ней незнакомаго мнѣ офицера, что онъ ѣдетъ въ Царское Село, просилъ его взять меня съ собою и позволить мнѣ забѣжать на станцію желѣзной дороги, чтобы отмѣнить экстренный поѣздъ, назначенный для моего возвращенія въ Петербургъ.

Я полагалъ, что упомянутая тройка наемная и что я заплачу половину за наемъ отъ Краснаго Села до Царскаго, но былъ очень сконфуженъ, узнавъ, что экипажъ и лошади принадлежали сидѣвшему въ немъ офицеру. Это былъ ротмистръ Лейбъ-Кирасирскаго Его Величества полка Тевяшевъ.

День былъ довольно холодный. Послѣ этой поѣздки въ открытомъ экипажѣ я заболѣлъ гриппомъ и опухолью пальца на рукѣ. Я такъ рѣдко болѣлъ, что въ первый разъ узналъ, что значитъ въ медицинѣ слово compresse èchauffante. Я думалъ, что это теплая припарка.

Моя болѣзнь была очень не кстати, потому что съ самаго переѣзда въ Царское Село я былъ такъ занятъ, что каждый день ѣздилъ въ Петер-

*) Имѣніе жены брата въ Княгининскомъ уѣздѣ.

бургъ съ 9-часовымъ поѣздомъ Царскосельской желѣзной дороги, а возвращался съ 4-часовымъ. Во время же отсутствія Бобринскаго, ежедневныя посѣщенія Петербурга сдѣлались еще необходимѣе и потому я, несмотря на нездоровье, продолжалъ эти поѣздки.

22-го іюня Высочайше утверждена концессія на Одесскую желѣзную дорогу, данная русскому обществу пароходства и торговли, обязавшемуся, во-1-хъ, пріобрѣсти отъ правительства желѣзныя дороги: отъ Одессы до Балты, съ вѣтвями къ Одесскому порту, Куяльницкимъ солянымъ промысламъ и къ Тирасполю на Днѣстрѣ; отъ Балты до Елисаветграда, отъ Бирзулы черезъ Жмеринку до Волочиска и отъ Тирасполя до Кишинева, всего 902¾ вер.; во-2-хъ, устроить новую желѣзную дорогу, длиною около 103 верстъ, отъ Кишинева до р. Прута по направленію къ Яссамъ въ Румыніи, и, въ-3-хъ, произвести снабженіе этихъ дорогъ необходимымъ подвижнымъ составомъ и принадлежностями эксплоатаціи въ дополненіе къ имѣющимся, а также произвести необходимыя работы обзаведенія и устройства по пріобрѣтаемымъ отъ правительства желѣзнымъ дорогамъ и распространеніе Одесской станціи.

Всѣ упомянутыя дороги получаютъ общее наименованіе «Одесской желѣзной дороги» и распредѣляются на 5 участковъ.

Первый участокъ заключаетъ въ себѣ находящіяся уже въ эксплоатаціи дороги: Одессо-Балтскую съ вѣтвями и Балто-Елисаветградскую, 504¾ версты.

Второй участокъ отъ ст. Бирзула до Жмеринки, 177 вер., открытый для движенія, требующій окончательной отдѣлки, которая и производится на счетъ правительства товариществомъ Де-Вріеръ и К°.

Третій участокъ отъ ст. Жмеринки до Волочиска, 154,3 вер., еще неоткрытый для движенія, но оканчиваемый устройствомъ, на счетъ правительства, тѣмъ же товариществомъ Де-Вріеръ и К°.

Четвертый участокъ отъ Тирасполя до Кишинева, 66,72 версты, строющійся на счетъ правительства тайнымъ совѣтникомъ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ. По этому участку правительство передаетъ свои права обществу и обязательства въ отношеніи къ строителю.

Пятый участокъ отъ Кишинева до р. Прута, длиною около 103 вер., который, какъ выше сказано, общество должно построить вновь.

Это же общество будетъ производить и самую эксплоатацію всѣхъ вышеупомянутыхъ желѣзныхъ дорогъ въ продолженіе 81 года.

Нарицательный капиталъ общества, по предпріятію Одесской желѣзной дороги, составляется изъ:

а) Нарицательной стоимости правительственныхъ 1, 2, 3 и 4 участковъ дороги . . . . . 47.445.000 р. мет.
и 14.869.500 » кред.

б) Нарицательной стоимости требуемыхъ отъ общества

дополнительныхъ работъ и поставокъ для приведенія ихъ участковъ въ надлежащее устройство. . . . 8.614.500 р. кред.

в) Нарицательнаго капитала, потребнаго на сооруженіе пятаго участка дороги. . . . . 6.929.000 » »

Итого. . . 47.445.000 р. мет.

и 30.413.000 » кред.

Капиталъ этотъ образуется выпускомъ:

Негарантированныхъ акцій на сумму . . . . . 30.413.000 р. кред.
Гарантированныхъ облигацій. . . . . 47.445.000 » мет.

За уступленные обществу первые четыре участка Одесской желѣзной дороги, правительство, при сдачѣ обществу перваго участка, т.-е., дорогъ: Одессо-Балтской съ вѣтвями и Балтско-Елисаветградской, получаетъ отъ общества безо всякой за то платы:

Акцій на . . . . . 14.869.500 р. кр.
Всѣ облигаціи на . . . . . 47.445.000 р. м.

Остальныя акціи на 15.543.500 р. кр. остаются въ распоряженіи общества для сооруженія пятаго участка Одесской дороги и для дополнительныхъ работъ и поставокъ по этой дорогѣ. На дополнительныя работы и поставки для улучшенія дороги, сообразно приведенному выше распредѣленію капитала, общество обязывается употребить 8.614.500 р. кр.*)

Всѣмъ облигаціямъ даруется абсолютная гарантія правительства съ присвоеніемъ имъ 5% ежегоднаго дохода со дня ихъ выпуска и $^1/_{10}$% погашенія съ 1 января 1872 года.

Всѣ акціи общества выпускаются въ кредитныхъ рубляхъ.

Акціямъ, предоставляемымъ въ распоряженіе общества для сооруженія 5-го участка Одесской дороги и для дополнительныхъ работъ и поставокъ по сей дорогѣ, предоставляется до 1 іюля 1878 года право преимущества передъ правительственными акціями, по участію въ прибыляхъ желѣзной дороги.

Земляное полотно устраивается для двухъ путей, рельсы же укладываются въ одинъ путь.

Я уже говорилъ, что переговоры о продажѣ построенныхъ на казенныя деньги желѣзныхъ дорогъ я предоставилъ графу В.А. Бобринскому. Дѣйствительно, я почти ничего не зналъ о переговорахъ съ управляющимъ дѣлами общества пароходства и торговли контръ-адмираломъ Чихачевымъ, когда Бобринскій мнѣ сказалъ, что онъ все съ нимъ покончилъ и только необходимо для включенія въ концессію имѣть нѣкоторыя данныя и,

*) 8.614.500 руб. кр., считая реализацію акцій по 75 за 100, соотвѣтствуютъ 6.460.875 руб. мет. наличнаго капитала.

между прочимъ, численность подвижного состава, имѣющагося на отстроенныхъ участкахъ.

Я ему обѣщался доставить эти свѣдѣнія на другой день, но Бобринскій, дѣйствовавшій постоянно порывами, написалъ въ тотъ же вечеръ, чтобы состоящій при мнѣ инженеръ Духовской, за болѣзнью состоящаго въ канцеляріи министра инженера Радецкаго, не медля навелъ справки, нужныя для представленія Бобринскому вышеупомянутыхъ свѣдѣній.

Духовской, по моему приказанію, исполнилъ это на другое утро. При такой поспѣшной работѣ понятно, что въ концессіи, по невѣрной справкѣ, данной Духовскому департаментомъ желѣзныхъ дорогъ, показано имѣющихъ быть сданными обществу 20 паровозами болѣе, чѣмъ ихъ было налицо, такъ какъ забыли, что эти паровозы переданы на Московско-Курскую желѣзную дорогу. Это указаніе въ концессіи лишнихъ 20 наличныхъ паровозовъ впослѣдствіи представило много затрудненій.

При реализаціи акцій допущено было акціонерамъ русскаго общества пароходства и торговли получить на каждую акцію этого общества по три акціи желѣзной дороги, а въ раздачу публикѣ предоставлялись только остающіяся затѣмъ акціи. За полученіе отъ акціонера общества пароходства и торговли права на полученіе акцій желѣзной дороги петербургскіе банки платили по 5 р. за акцію. Одинъ изъ этихъ банковъ прислалъ ко мнѣ просить о передачѣ ему моего права на 168 акцій желѣзной дороги. Получивъ мое согласіе, онъ выдалъ мнѣ 840 руб. Это во всю жизнь мою единственныя, полученныя мною деньги, право полученія которыхъ было мнѣ не ясно и которыя какъ будто упали съ неба.

Я же ни въ какомъ случаѣ не взялъ бы акцій Одесской желѣзной дороги, считая неприличнымъ, при занимаемомъ мною мѣстѣ, пріобрѣтать акціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но я не ожидалъ большихъ выгодъ отъ этихъ акцій, а потому совѣтовалъ Г. И. Филиппсону избавиться за 450 р. отъ 90 акцій Одесской желѣзной дороги, полученныхъ имъ въ качествѣ акціонера общества пароходства и торговли.

Филиппсонъ всегда по моимъ совѣтамъ удачно покупалъ процентныя бумаги и потому постоянно меня благодарилъ за совѣты, но на этотъ разъ не послушался. Акціи же Одесской желѣзной дороги теперь (1876 г.) стоятъ менѣе 50% съ уплоченной за нихъ цѣны.

10 іюля Высочайше утвержденъ уставъ общества Шуйско-Ивановской жел. дороги на основаніи концессіи, данной этому обществу 6 іюля 1869 года.

24-го іюля Высочайше утверждены дополнительныя статьи къ уставамъ обществъ Московско-Рязанской и Московско-Ярославской желѣзныхъ дорогъ, Высочайше утвержденнымъ 8 января 1863 года и 7 іюня 1868 года. По первымъ изъ этихъ статей общество Московско-Рязанской желѣзной дороги обязалось устроить, при томъ безъ увеличенія акціонернаго капитала и безъ выпуска новыхъ бумагъ, двѣ питательныя вѣтви: 1) отъ станціи

Воскресенской*) до гор. Егорьевска, протяженіемъ до 21 версты, и 2) отъ ст. Луховицы**) до гор. Зарайска, протяженіемъ до 26 верстъ, — и ихъ эксплоатировать. Земляное полотно устраивается для одного пути.

По послѣднимъ же изъ вышеозначенныхъ статей, общество Московско-Ярославской желѣзной дороги обязалось построить узкоколейную желѣзную дорогу отъ лѣваго берега р. Волги, противъ гор. Ярославля, до г. Вологды, протяженіемъ 196 верстъ, устроить нагрузочную станцію на берегу р. Волги, противъ г. Ярославля, и означенную дорогу эксплоатировать.

Капиталъ, нужный на построеніе Ярославско-Вологодской желѣзной дороги, образуется выпускомъ облигацій общества на 4.400.000 р. мет.

Облигаціямъ этимъ даруется гарантія правительства, съ присвоеніемъ имъ 5% ежегоднаго дохода со дня ихъ выпуска и 0,16% погашенія со дня открытія Ярославско-Вологодской желѣзной дороги для движенія.

Правительство оставляетъ за собою всѣ эти облигаціи и будетъ отпускать за нихъ деньгами, считая по 75 р. мет. за каждые 100 мет. руб. нарицательнаго капитала облигацій. Земляное полотно устраивается въ одинъ путь.

Устройство Ярославско-Вологодской желѣзной дороги на однѣ облигаціи было допущено министромъ финансовъ Рейтерномъ собственно изъ угожденія Чижову, такъ какъ на акціи, розданныя для постройки участка желѣзной дороги отъ Москвы до Сергіевскаго посада, номинальною суммою 3.257.100 р. кред., уже было выпущено облигацій на 12.000.000 р. мет. для постройки Ярославской желѣзной дороги, и потому съ облигаціями вновь выпускаемыми на 4.400.000 р. м. облигаціонный капиталъ превышалъ акціонерный слишкомъ въ 5½ разъ, тогда какъ отношеніе этихъ капиталовъ допускалось въ это время не болѣе, какъ въ пропорціи 3 : 1.

Я не раздѣлялъ мысли Чижова о необходимости продолженія желѣзной дороги до Вологды, но согласился съ нимъ, не желая на занимаемомъ мною мѣстѣ останавливать развитіе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Малая доходность дороги показываетъ, что я былъ правъ. Въ комитетѣ министровъ, при разсмотрѣніи дополнительныхъ условій, по настоянію управлявшаго министерствомъ финансовъ генералъ-адъютанта Грейга, поддерживаемаго почти всѣми членами комитета и въ особенности генералъ-адъютантомъ графомъ С. Г. Строгановымъ, постоянно приглашавшимся въ комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ по желѣзнымъ дорогамъ, требовали, чтобы, при утвержденіи означенныхъ условій, были возложены на общество Московско-Ярославской желѣзной дороги представленіе ежегодныхъ смѣтъ по эксплоатаціи дороги на утвержденіе министерства путей сообщенія и нѣкоторыя другія условія, вошедшія, по требованію комитета министровъ, въ послѣдніе уставы частныхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ.

---

*) Ст. Воскресенскъ находится въ разстояніи 84 верстъ отъ Москвы.

**) Ст. Луховицы находится въ разстояніи 128 верстъ отъ Москвы.

Зная по опыту, что представленіе на утвержденіе упомянутыхъ смѣтъ частными обществами желѣзныхъ дорогъ, равно какъ и многія другія условія составляютъ только пустую формальность и служатъ только къ безполезному стѣсненію частныхъ обществъ, я рѣшительно воспротивился введенію ихъ въ разсматриваемыя дополнительныя условія Московско-Ярославской желѣзной дороги и при оживленныхъ преніяхъ высказалъ мою увѣренность, что общество ихъ не приметъ и, слѣдовательно, если комитетъ не желаетъ устраивать новой дороги, то лучше просто отказать въ просьбѣ общества.

Только послѣ этого всѣ согласились со мною, хотя на лицѣ графа С. Г. Строганова видно было неудовольствіе, ясно показывавшее подозрѣніе, что я, какъ учредитель Ярославской дороги, защищаю интересы не правительства, а частнаго общества. Допустилъ же я устройство не обыкновенной, а узкоколейной желѣзной дороги до Вологды на томъ основаніи, что на узкоколейныхъ дорогахъ допускались такія льготы, которыя не допускались на обыкновенныхъ, черезъ что можно было устроить дорогу гораздо дешевле, а главное потому, что движеніе между Ярославлемъ и Вологдою не могло быть значительно, и новая дорога отдѣлялась отъ ширококолейной р. Волгою, черезъ которую въ Ярославлѣ, вѣроятно, никогда не будетъ построено желѣзнодорожнаго моста. Стоимость желѣзной дороги была опредѣлена въ 4,900,000 руб. мет. Общество получало отъ правительства только 75% съ этой суммы, т.-е., 3,300,000 руб., что составляетъ на версту до 17,000 руб. мет. или до 27,000 руб. кред., за каковую цѣну, конечно, нельзя было выстроить обыкновенной желѣзной дороги.

Мы видѣли, что верста Ливенской узкоколейной желѣзной дороги обошлась въ 26.234 руб. кред. Если изъ вышеозначенной стоимости версты Вологодской желѣзной дороги въ 27.000 руб. кр. вычесть проценты, которые общество должно было платить въ продолженіе постройки дороги со всего капитала въ 4.400.000 руб. мет., полагая 7% за все время, получимъ на уплату процентовъ болѣе 300.000 руб. мет. или до 350.000 руб. кр., а на версту дороги до 1.800 руб., такъ что постройка версты этой дороги обошлась въ 25.200 руб. кр. и слѣдовательно слишкомъ на 1.000 руб. кр. менѣе узкоколейной Ливенской.

27-го іюля Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта по разсмотрѣнію моего представленія объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства на счетъ ресурсовъ, спеціально опредѣленныхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, 3.571.800 руб. для платежей обществу Поти-Тифлисской желѣзной дороги на довершеніе работъ по сей дорогѣ. Этотъ сверхсмѣтный кредитъ потребовался для покрытія вышеупомянутаго мною дефицита.

Я уже говорилъ о томъ, что графъ В. А. Бобринскій дѣйствовалъ постоянно съ порывами и не зналъ вовсе порядковъ, введенныхъ въ управленіе министерствами, а когда обращали его вниманіе на эти порядки, онъ

не хотѣлъ съ ними сообразоваться. Какъ новое этому доказательство привожу два письма, полученныхъ мною отъ него въ іюлѣ 1870 года.

Въ первомъ письмѣ, отъ 3/15 іюля изъ Вильдбада, В. А. Бобринскій пишетъ:

«Послѣднія событія въ Европѣ еще болѣе убѣждаютъ меня въ необходимости поспѣшить устройствомъ разъѣздныхъ путей между станціями по Варшавской дорогѣ. Прошу васъ мое требованіе насчетъ устройства этихъ разъѣздныхъ путей формулировать самымъ положительнымъ и рѣшительнымъ образомъ. Варшавская дорога должна быть въ нынѣшнемъ же году приведена въ состояніе пропускать отъ 12 до 14 поѣздовъ въ день въ каждую сторону. Какъ дорога гарантирована правительствомъ, то расходъ на устройство разъѣздныхъ путей ляжетъ на правительство; устройство же вторыхъ путей по всему протяженію между нѣкоторыми станціями будетъ, во-первыхъ, слишкомъ дорого, во-вторыхъ, оно не будетъ скоро исполнено, наконецъ, при томъ же денежномъ расходѣ мы не достигнемъ такихъ же результатовъ, какъ при устройствѣ разъѣздныхъ путей. Скорое же осуществленіе этой мѣры, по моему убѣжденію, совершенно необходимо: безъ принятія этой мѣры мы можемъ, въ случаѣ необходимости быстраго передвиженія войскъ, оказаться совершенно несостоятельными и заслужить вполнѣ справедливыя нареканія.

«Главное общество, съ обыкновенною его медленностію, получивъ наше требованіе, будетъ писать протоколы, передавать на разсмотрѣніе комиссій, поручитъ, можетъ быть, Кербедзу составленіе смѣтъ, плановъ и т. д. и тѣмъ самымъ найдетъ возможнымъ затянуть осуществленіе этого дѣла до осени, т.-е., до морозовъ, когда уже нельзя будетъ уложить пути.

«Ни въ какомъ случаѣ не допускайте проволочки въ осуществленіи дѣла, подкрѣпите себя мнѣніемъ Милютина, которому вы объясните всю серьезность теперешней несостоятельности Варшавской дороги относительно быстраго передвиженія войскъ въ Польшѣ и Литвѣ и, въ случаѣ замедленія въ исполненіи дѣла и моего требованія, тогда порѣшите весь вопросъ всеподданнѣйшимъ докладомъ.

«*Къ концу сентября Варшавская дорога должна быть въ состояніи отправлять въ каждую сторону отъ 12 до 14 поѣздовъ въ день, и это на всемъ ея протяженіи отъ Петербурга до Варшавы и до Прусской границы.*

«Поручите Граве*) слѣдить за точнымъ исполненіемъ моихъ требованій. Денежныя средства могутъ быть взяты изъ эксплоатаціонныхъ доходовъ; на это можетъ быть потребуется согласіе министра финансовъ.

«Главное, чтобъ дѣло было бы исполнено тѣмъ или другимъ способомъ, при соблюденіи формальностей, или безъ соблюденія ихъ. Для этого, если вы увидите, что дѣло можетъ потерпѣть отъ разныхъ переписокъ, комитетовъ и т. д., то прошу васъ, согласившись предварительно съ Милютинымъ, порѣшить дѣло всеподданнѣйшимъ докладомъ.

---

*) Главному инспектору частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

«Какъ я предвижу, что дѣло это не приведется въ исполненіе безъ Высочайшаго повелѣнія, то прошу переговорить объ этомъ съ Милютинымъ *), предварительно доложивъ это письмо Государю еще до его выѣзда изъ Петербурга, такъ, чтобы вы могли бы, заручившись его волею или даже однимъ словеснымъ согласіемъ на необходимость этой мѣры, быстрѣе и вѣрнѣе поспѣшить ея осуществленіемъ.

«Какой бы оборотъ не приняло бы дѣло въ Европѣ въ настоящую минуту, положеніе остается натянутымъ и усиленіе Варшавской дороги необходимымъ.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и искренней преданности, графъ В. Бобринскій.

«Прошу васъ извѣстить меня телеграммою о результатѣ. Во всякомъ случаѣ прошу васъ доложить это письмо Государю и разъяснить ему всѣ тѣ затрудненія, которыя можно встрѣтить въ данную минуту для быстраго и безпрепятственнаго передвиженія войскъ.»

Во второмъ письмѣ изъ Рагоци онъ пишетъ, отъ 15-го (27) іюля:

«Я телеграфировалъ вчера насчетъ изысканій Оренбургской линіи. Я убѣжденъ въ томъ, что необходимо поручить изысканія узкоколейной дороги особымъ инженерамъ. Тогда только мы узнаемъ настоящую разницу въ цѣнѣ между узкоколейною и ширококолейною желѣзными дорогами.

«Посему прошу васъ, если это уже не сдѣлано, отправить для изысканій узкоколейной дороги отъ Волги до Оренбурга особую партію инженеровъ и высшее наблюденіе надъ ними поручить Салову.

«Денежныя средства можете позаимствовать по всеподданнѣйшему докладу изъ остатковъ шоссейныхъ средствъ.

«Je tiens particulièrement à ce que les ètudes soient bien faites et surtout par d' autres ingènieurs. Ce n' est que de cette maniére que je saurai la verité».

«Если вы встрѣтите затрудненія въ денежныхъ средствахъ, разрѣшайте вопросъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, а счеты мы сведемъ потомъ.

«Золотаревъ мнѣ написалъ письмо, въ которомъ онъ проситъ объ отправленіи на Уралъ еще одного инженера для изысканій по новымъ направленіямъ. Я полагаю, что это не только полезно, но даже необходимо; безъ этого результатъ и выводъ нашей комиссіи будутъ не полны.

«Je vous serre bien amicalement la main. В. Бобринскій».

Графъ В. Бобринскій, поѣхавшій за границу до поздней осени, возвратился 31-го іюля, говоря, что, при настоящихъ европейскихъ событіяхъ, неизвѣстно, что можетъ случиться и каждый долженъ быть при своемъ мѣстѣ. Онъ на другой же день вступилъ въ отправленіе своей должности, а 13-го августа было объявлено въ Высочайшемъ приказѣ, что Государь Императоръ изъявляетъ мнѣ Монаршую благодарость за примѣрно усердное и вполнѣ удовлетворительное управленіе министерствомъ пу-

*) Военный министръ.

тей сообщенія во время отсутствія исправляющаго должность министра путей сообщенія.

Впрочемъ, Бобринскій вскорѣ уѣхалъ на югъ Россіи, и мнѣ снова Высочайше повелѣно было, на время его отсутствія, управлять министерствомъ путей сообщенія, что и продолжалось до 28 сентября.

Тѣ же политическія событія въ Европѣ побудили и сестру мою А. И. Викулину съ дочерью въ началѣ августа возвратиться въ Россію. Онѣ поселились на нашей Царскосельской дачѣ, на которой я съ женою въ первый разъ могли принять дорогихъ гостей. Здоровье сестры и въ прежнее время, когда она у насъ гащивала, видимо поправлялось, вслѣдствіе того, что она жила беззаботно и главное очень любила мою жену; жизнь же въ Царскосельскомъ домѣ какъ-то особенно всѣмъ нравилась.

Сестра, впрочемъ, никогда не допускала, чтобы расходы на столъ во время ея гощенія падали на однихъ насъ и всегда принимала на себя половину этихъ расходовъ. Единственнымъ тогда неудовольствіемъ для сестры было отыскиваніе квартиры въ Петербургѣ, который былъ переполненъ вслѣдствіе возвращенія многихъ семействъ, жившихъ за границею.

Въ концѣ августа, когда всѣ поиски оказались тщетными, сестра съ дочерью рѣшилась ѣхать въ Петербургъ и заходить во всѣ дома, на которыхъ есть объявленія объ отдачѣ въ нихъ квартиръ. Проѣзжая по Троицкому переулку, она зашла въ домъ Тевяшова, въ которомъ передавалась квартира Антонова.

Владѣлецъ дома Тевяшовъ, женатый на Козловой, оказался тотъ самый офицеръ, котораго я такъ безцеремонно заставилъ довезти меня изъ Краснаго Села въ Царское, а Антоновъ былъ, какъ говорили, разорившійся купецъ, который не могъ болѣе жить въ нанимаемой имъ квартирѣ. Онъ сдалъ ее сестрѣ по 1000 р. въ годъ, причемъ сестра купила у него за полцѣны мебель, отличавшуюся хорошимъ вкусомъ и уютностью, какъ и все, что принадлежало Антонову, который, распродавъ всѣ вещи изъ своей квартиры, нанялъ болѣе дешевую въ томъ же домѣ.

Несмотря на такую кажущуюся бѣдность Антонова и на то, что онъ проболѣлъ зиму 1870—1871 г. корью, онъ черезъ три года, къ всеобщему удивленію, построилъ новый весьма обширный домъ на Литейной близъ Невскаго проспекта. Этотъ домъ онъ вскорѣ продалъ А. В. Полежаеву, отставному инженеру путей сообщенія, о которомъ я неоднократно упоминалъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ». Сестра переѣхала въ нанятую ею квартиру съ начала сентября, а вслѣдъ за нею и мы переѣхали въ Петербургъ.

Въ концѣ августа и въ началѣ сентября 1870 года былъ въ Петербургѣ второй общій съѣздъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Я подробно изложилъ занятія перваго съѣзда, а потому о второмъ съѣздѣ скажу только, что онъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и что на немъ были разрѣшены нѣсколько вопросовъ, имѣющихъ весьма важное вліяніе на торговлю, причемъ представители желѣзныхъ дорогъ, по моему убѣжденію,

безъ сопротивленія согласились принять и такія мѣры, которыя не были выгодны для дорогъ.

Въ день открытія съѣзда я былъ приглашенъ представителями желѣзныхъ дорогъ на обѣдъ, распорядителемъ котораго былъ членъ совѣта главнаго общества и участникъ во многихъ другихъ предпріятіяхъ Н. Н. Сущовъ. Имя Сущова ручается въ томъ, что обѣдъ былъ изященъ и великолѣпенъ. На обѣдѣ главнымъ сюжетомъ разговора было полученное въ это утро извѣстіе о Седанской катастрофѣ и о низверженіи второй Имперіи во Франціи. Не помню, какое тогда произошло во мнѣ чувство: радость ли по случаю паденія Наполеона III, или горесть отъ пораженія французовъ, которымъ я симпатизировалъ.

По окончаніи занятій съѣзда желѣзнодорожныхъ представителей, они снова приглашали меня къ обѣду, но я, опасаясь за нимъ съѣсть и выпить лишнее, что вредно моему здоровью, отказался отъ приглашенія и получилъ 6-го сентября въ Царскомъ Селѣ телеграмму:

«Члены съѣзда, разставаясь сегодня, приносятъ вашему превосходительству искреннюю признательность за честь, которую вы ему оказали, принявъ на себя постоянное предсѣдательство, за любезное вниманіе ко всему, что на съѣздѣ заявлялось, за безпристрастіе, съ которымъ вы руководили преніями, и за направленіе, которое вы дали съѣзду для правильнаго и самостоятельнаго развитія желѣзнодорожнаго дѣла. Благодаримъ и прощаясь, пьемъ за здоровье предсѣдателя какъ настоящаго, такъ, надѣемся, и будущихъ съѣздовъ. Сущовъ, Винбергъ, Ильинъ, Штейнгель, Ададуровъ, Собко, Кенигъ, Клевецкій, Верховскій, Пандиръ, Штида, Фельдманъ, Постниковъ».

На другой день депутація съѣзда пріѣзжала меня благодарить, но, не заставъ дома, оставила слѣдующую записку:

«Пріѣзжали благодарить его превосходительство Андрея Ивановича за направленіе, данное имъ съѣзду, для правильнаго самостоятельнаго развитія желѣзнодорожнаго дѣла. П. Сущовъ, Е. Винбергъ, А. Постниковъ, Н. Ильинъ, П. Ададуровъ, М. Верховскій, Б. Штейнгейль, И. Пандиръ, Штида, П. Собко, Ф. Фельдманъ, И. Кенигъ, Стат. сов. Клевецкій».

7 августа 1870 года Высочайше утверждены концессія и уставъ желѣзной дороги отъ г. Риги до с. Больдераа. Я уже говорилъ выше о затрудненіяхъ отъ представленія на утвержденіе уставовъ частныхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ не одновременно съ концессіями, даваемыми на эти дороги, причемъ уставы часто утверждались по окончаніи ихъ устройства.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ путей сообщенія, я распорядился одновременнымъ представленіемъ въ комитетъ министровъ концессій и уставовъ обществъ желѣзныхъ дорогъ. Концессіи должны были состоять всего изъ трехъ пунктовъ, въ которыхъ обозначались обязанности учредителей, а уставы заключали въ себѣ права и обязанности учреждаемыхъ ими обществъ. Такимъ образомъ концессія и уставъ общества желѣзной дороги отъ г. Риги до с. Больдераа были мною одновременно

представлены; въ первой сказано было, что она дается великобританскому подданому инженеру Генриху Робинсону, обязавшемуся составить, на основаніи приложеннаго устава, акціонерное общество подъ названіемъ: «общество Риго-Больдерааской желѣзной дороги», и указаны залогъ, который учредитель внесъ въ обезпеченіе образованія общества въ опредѣленный срокъ, и время возвращенія ему этого залога.

Уставъ же заключалъ въ себѣ права и обязанности общества, обыкновенно и прежде излагавшіяся въ уставахъ обществъ желѣзныхъ дорогъ. По нему общество обязывалось построить постоянный мостъ черезъ р. Западную Двину и желѣзную дорогу отъ Рижской станціи Риго-Динабургской желѣзной дороги до с. Больдераа и далѣе черезъ р. Аа до гавани въ устьѣ рѣки Западной Двины, во всемъ согласно приложеннымъ техническимъ условіямъ, и снабдить эту желѣзную дорогу какъ подвижнымъ составомъ, такъ и всѣми другими принадлежностями, необходимыми для обязательной обществу эксплоатаціи сей дороги.

Общество владѣетъ дорогою въ продолженіе 81 года. Нарицательный капиталъ общества опредѣляется въ 4.128.000 мет. руб. Одна четверть этого капитала, т.-е., 1,032,000 руб. мет., состоитъ изъ негарантированныхъ акцій, а $^3/_4$, т.-е., 3,096,000 руб. мет., изъ гарантированныхъ облигацій. Облигаціямъ даруется абсолютная гарантія правительства съ присвоеніемъ имъ 5% ежегоднаго дохода со дня ихъ выпуска и $^1/_{10}$ % погашенія со дня открытія дороги для движенія.

Правительство оставляетъ за собою всѣ эти облигаціи, отпуская за нихъ деньгами по 75 руб. мет. за каждые 100 мет. руб. нарицательнаго капитала облигацій. По техническимъ условіямъ длина всей дороги опредѣлена въ 17½ вер.; земляное полотно и опоры мостовъ, за исключеніемъ мостовъ черезъ р. Западную Двину и Аа, устраиваются въ одинъ путь; устои же и быки на этихъ двухъ мостахъ устраиваются для двухъ путей. Желѣзныя полотна на всѣхъ мостахъ устраиваются для одного пути.

Робинсонъ, котораго я зналъ съ 1861 года по званію директора Риго-Динабургской желѣзной дороги, очень долго хлопоталъ о разрѣшеніи ему учредить общество Риго-Больдерааской желѣзной дороги. Разсмотрѣніе представленнаго проекта моста черезъ р. Западную Двину потребовало много времени отъ меня и отъ инженеровъ, которымъ я поручилъ подробное его разсмотрѣніе.

7-го августа былъ Высочайше утвержденъ уставъ общества Новоторжской желѣзной дороги на основаніи вышеупомянутой концессіи, Высочайше утвержденной 20 декабря 1868 года. Эта дорога была открыта для движенія 30 мая 1870 года, слѣдовательно уставъ утвержденъ слишкомъ двумя мѣсяцами позже открытія дороги.

10-го августа Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о расходѣ на отчужденіе земель подъ устройство Кіево-Балтской желѣзной дороги. По этому мнѣнію, вмѣсто испрашиваемыхъ мною 250.000 руб. отпускалось всего 125.000 руб. въ виду того, что вообще

кредиты на расходы по отчужденію земель требуются не прежде, какъ по приведеніи въ извѣстность размѣра вознагражденія, причитающагося частнымъ лицамъ, земли коихъ отчуждены для общественной надобности, а между тѣмъ въ настоящее время размѣръ таковыхъ кредитовъ, какъ видно изъ дѣла, еще не опредѣлился съ достаточною точностію.

Вообще департаментъ государственной экономіи лѣтомъ 1870 года труднѣе обыкновеннаго соглашался на сверхсмѣтныя кредиты. Предсѣдатель этого департамента К. В. Чевкинъ былъ за границею и хотя онъ былъ очень бережливъ на отпускъ казенныхъ денегъ, но онъ уже свыкнулся съ сверхсмѣтными кредитами. Членъ же Государственнаго Совѣта А. В. Головинъ, назначенный въ департаментъ государственной экономіи только на лѣто 1870 года, не успѣлъ свыкнуться съ сверхсмѣтными кредитами и потому былъ относительно ихъ назначенія строже Чевкина. Приведу еще примѣръ подобной строгости.

Ежегодно по бюджету назначается особая сумма на разъѣзды служащихъ въ центральныхъ управленіяхъ министерства путей сообщенія. Эта сумма всегда оказывалась достаточною, но въ 1870 году В. А. Бобринскій назначалъ такія большія подъемныя и разъѣздныя деньги командированнымъ имъ лицамъ, въ особенности генералъ-маіору князю Щербатову, отправленному для осмотра шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній, генералъ-маіору Гейнсъ и полковнику Золотареву, отправленнымъ для осмотра портовъ Азовскаго моря, что почти вся сумма, назначенная на разъѣзды въ 1870 году, была издержана.

Это заставило меня войти съ представленіемъ объ отпускѣ сверхсмѣтнаго кредита на разъѣзды въ остальные 4 мѣсяца 1870 года. Государственный Совѣтъ ассигновалъ только половину испрашиваемой мною суммы, причемъ сдѣлалъ замѣчаніе, что таковой не слѣдовало бы вовсе испрашивать, такъ какъ министръ, при назначеніи денегъ на разъѣзды, долженъ сообразоваться съ ассигнованною суммою и отнюдь изъ нея не выходить.

Это замѣчаніе Государственнаго Совѣта было Высочайше утверждено. Конечно, оно относилось къ Бобринскому, но бумага, при которой было препровождено мнѣніе Государственнаго Совѣта, заключавшее упомянутое замѣчаніе, была адресована на мое имя, какъ управляющаго въ это время министерствомъ.

Къ этому же времени относится разсмотрѣніе изысканій на устройство участка Кіево-Брестской желѣзной дороги отъ г. Бердичева до г. Брестъ-Литовска, представленныхъ правленіемъ общества этой дороги, о чемъ подробно изложено въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній».

23-го сентября министромъ финансовъ и мною подписанъ договоръ съ правленіемъ русскаго общества пароходства, торговли и Одесской желѣзной дороги, по которому общество обязывалось приступить безотлагательно къ работамъ по устройству на первыхъ двухъ участкахъ Одесской желѣзной дороги, т.-е., отъ Одессы до Елисаветграда, съ вѣтвью на Тирасполь, и отъ ст. Бирзулы до ст. Жмеринки, водоснабженій и другихъ

приспособленій, необходимыхъ для возможности отправлять съ каждаго конца до 16 поѣздовъ въ день. При этомъ обществу предоставлены были нѣкоторыя льготы, въ виду происходившихъ тогда военныхъ событій въ Европѣ.

Изъ 137,73 вер. строившейся на казенныя деньги желѣзной дороги отъ Елисаветграда до Крюкова, 2,17 вошли въ составъ Одесской желѣзной дороги, а 134,56 переданы 29 іюня 1870 года обществу той же Одесской дороги на неопредѣленное время съ платою въ казну ежегодно по 100.000 руб. Меня побудило сдѣлать это распоряженіе то, что при казенной эксплоатаціи эта дорога требовала болѣе расходовъ, чѣмъ получалось на ней валового дохода. Эта передача Высочайше утверждена 3-го сентября.

13-го ноября Высочайше утвержденъ уставъ общества Балтійской желѣзной дороги на основаніи вышеупомянутой Высочайше утвержденной 10 августа 1868 года концессіи на эту дорогу и данныхъ ему впослѣдствіи льготъ; открытіе дороги воспослѣдовало до утвержденія устава, а именно, 24 октября 1870 года.

Инженеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ К. И. Шернваль заявлялъ неоднократныя жалобы на неимѣніе постоянной должности въ министерствѣ путей сообщенія. Видя по опыту 1869 г. и 1870 г., что будетъ мнѣ трудно отлучаться изъ Петербурга, и принимая въ соображеніе, что главный инспекторъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ дѣйствительный статскій совѣтникъ В. И. Граве наблюдалъ только за эксплоатируемыми желѣзными дорогами и не имѣлъ бы возможности наблюдать за строющимися, я просилъ Бобринскаго, чтобы для наблюденія за ними, впредь до преобразованія центральнаго управленія министерства путей сообщенія, былъ назначенъ помощникъ по технически-инспекторской части къ завѣдывающему желѣзными дорогами, каковое ходатайство было Высочайше утверждено 1-го октября, и въ эту должность назначенъ Шернваль.

Я уже говорилъ, что директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ Н. И. Липинъ тяготился своею должностью, а въ виду предстоящаго преобразованія, онъ опасался остаться безъ мѣста, вслѣдствіе этого онъ просилъ меня исходатайствовать ему мѣсто члена совѣта министерства, что мнѣ удалось для него выхлопотать 8-го октября.

Въ директоры департамента желѣзныхъ дорогъ я упросилъ поступить директора канцеляріи министра, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Хмельницкаго (впослѣдствіи тайный совѣтникъ), отлично хорошаго человѣка и весьма способнаго чиновника; мѣсто же послѣдняго занялъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Александръ Константиновичъ Гейнсъ, состоявшій въ министерствѣ путей сообщенія съ 14 января 1870 года.

1-го октября Высочайше разрѣшено желѣзнодорожному училищу, учрежденному въ Москвѣ на средства, пожертвованныя желѣзнодорожными обществами и желѣзнодорожными дѣятелями, въ память полезной дѣятельности по желѣзнодорожной части бывшаго главнаго инспектора

частныхъ желѣзныхъ дорогъ, согласно желанію жертвователей, присвоить именованіе «Дельвиговскаго».

25-го октября Высочайше повелѣно мнѣ, на время отсутствія исправляющаго должность министра путей сообщенія, управлять этимъ министерствомъ. Я управлялъ министерствомъ до возвращенія В. А. Бобринскаго 9-го декабря.

Въ это отсутствіе Бобринскаго между имъ и мною произошли недоразумѣнія по производству правительственными инженерами изысканій на участкѣ Кіево-Брестской желѣзной дороги, прилегающемъ къ Австрійской границѣ, и по примѣненію гарантіи къ строившейся Харьково-Кременчугской желѣзной дорогѣ. Объ этихъ недоразумѣніяхъ подробно изложено въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній.»

Я очень обрадовался возвращенію Бобринскаго, потому что состояніе моего здоровья требовало весьма радикальнаго леченія, и я съ 9 декабря по 1 января 1871 года не выходилъ изъ дома, принимая разныя лекарства и ежедневно полуванны. Утомленіе отъ занятій и убѣжденіе, что В. А. Бобринскимъ завладѣли люди подобные Щербатову, Золотареву и Гейнсу, которые могутъ надѣлать много вреда, конечно, были, между прочимъ, причиною моей болѣзни.

По возвращеніи Бобринскаго въ Петербургъ, онъ обошелся со мною совершенно попрежнему, просилъ меня во время моей болѣзни продолжать мои занятія на дому и каждую недѣлю два раза приходилъ ко мнѣ выслушивать мои доклады, а по середамъ давалъ мнѣ прочитывать всеподданнѣйшіе доклады, приготовленные для личнаго ихъ представленія на другой день Государю. Но во время этихъ посѣщеній онъ не говорилъ мнѣ ни слова о предпріятіи Эпштейна по р. Волгѣ, о которомъ подробно излагается въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній».

Онъ молчалъ объ этомъ предпріятіи, зная, что я его не одобряю. Въ одно изъ своихъ посѣщеній онъ сказалъ мнѣ, что такъ какъ прошло 9 мѣсяцевъ со времени представленія имъ въ Государственный Совѣтъ проекта преобразованія центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій министерства путей сообщенія, а Совѣтъ передалъ это представленіе во II отдѣленіе Собственной канцеляріи Государя, которое для его разрѣшенія составило особый комитетъ изъ чиновниковъ разныхъ министерствъ, дѣйствующій весьма медленно, то онъ полагаетъ на другой день представить это преобразованіе, при особомъ всеподданѣйшемъ докладѣ, на утвержденіе Государя.

Всѣ мои просьбы и доводы, чтобы онъ этого не дѣлалъ, ни къ чему не повели. Я ему представлялъ, что подобныя преобразованія утверждаются Государемъ только по разсмотрѣніи ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, обойти который тѣмъ болѣе неудобно, что уже онъ приступилъ къ разсмотрѣнію представленнаго проекта преобразованія, и что Государь, вѣроятно, по всѣмъ этимъ причинамъ не утвердитъ доклада.

Бобринскій настаивалъ на томъ, что онъ не намѣренъ болѣе ожидать

разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ сдѣланныхъ имъ 31 марта 1870 г. трехъ представленій о преобразованіи: а) центральныхъ учрежденій министерства путей сообщенія, б) водяныхъ и шоссейныхъ округовъ и в) мѣстнаго надзора за желѣзными дорогами, и что онъ убѣжденъ въ полученіи Высочайшаго утвержденія.

На другой день, по окончаніи личнаго доклада Государю, онъ заѣхалъ ко мнѣ для объясненія съ весьма довольнымъ лицомъ, что Государь утвердилъ его докладъ, замѣтивъ, что Государственный Совѣтъ слишкомъ тянетъ нужныя дѣла. Бобринскій при этомъ сказалъ мнѣ, что онъ послѣ вчерашняго свиданія со мною нашелъ болѣе удобнымъ включить во всеподданнѣйшій докладъ только первое изъ трехъ вышеупомянутыхъ представленій, слѣдовательно мѣстныя учрежденія путей сообщенія остались безъ измѣненія, а преобразованы только центральныя, а такъ какъ въ проектѣ все имѣло взаимную связь, то такое неполное преобразованіе должно было еще болѣе затруднить ходъ дѣлъ.

О томъ, въ чемъ состояло новое преобразованіе, подробно изложено въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній», а равно о новомъ способѣ выдачи концессій на желѣзныя дороги, утвержденномъ Государемъ въ засѣданіи совѣта министровъ 26 декабря 1870 года, и о командировкѣ А. П. Бобринскаго въ октябрѣ 1870 года на Рыбинско-Бологовскую желѣзную дорогу для уплаты рабочимъ, не получавшимъ таковой отъ строителей этой дороги.

Въ 1870 году были открыты слѣдующія желѣзныя дороги:

а) Правительственныя:

Кіево-Балтская (откр. 1 мая)	609,4	вер.
Тересполь-Брестская (откр. 17 февр)	5,8	»
Итого	615,2	вер.

б) Частныя:

Балтійская (откр. 24 окт.)	389,5	вер.
Двѣ вѣтви Московско-Рязанской (откр. 9 нояб. и 7 дек.)	46,7	»
Сергіево-Ярославскій участокъ съ вѣтвью къ Волгѣ (откр. 1 янв. и 18 февр.)	200,2	»
Участокъ Воронежско-Ростовской дороги отъ Воронежа до Лиски (откр. 27 дек.)	86	»
Участокъ Орловско-Грязской дороги отъ Ельца до Орла (откр. 13 авг.)	180	»
Послѣдній участокъ Курско-Кіевской (откр. 12 февр)	6	»
Участокъ Харьково-Кременчугской отъ Кременчуга до Полтавы (откр. 30 іюля)	122,2	»
Новоторжская (откр. 30 мая)	32,2	»
Рыбинско-Бологовская (откр. 4 іюня)	280,1	»
Первый участокъ Тамбово-Саратовской (откр. 30 авг.)	110	»
Московско-Смоленск. (откр. 27 сент.)	396,1	»

Ряжско-Скопинская	43 вер.
Часть Грязе-Царицынской отъ Борисоглѣбска до Филонова (откр. 26 дек.).	104 »
Итого.	1.986 вер.

Всего въ 1870 году открыто желѣзныхъ дорогъ правительственныхъ и частныхъ 2.691,2 версты.

Въ томъ же году отчуждены въ частныя руки слѣдующія правительственныя дороги:

а) открытыя:	
Кіево-Балтская, распредѣленная между обществами двухъ дорогъ: Одесской и Кіево-Брестской.	609,4 вер.
Одессо-Балтская съ вѣтвями: къ порту, Куяльнику и Тирасполю, и Балто-Елисаветградская	505,9 »
б) Строившійся:	
Участокъ отъ Тирасполя до Кишинева.	67,7 »
Всего отчуждено.	1.182 вер.
Въ томъ числѣ оконченныхъ дорогъ	1.115,3 вер.

Въ томъ же 1870 году часть Кіево-Балтской (278,1 вер.), соединившись съ Брест-Бердичевскимъ участкомъ, составила вмѣстѣ съ нимъ Кіево-Брестскую дорогу; остальная часть Кіево-Балтской, соединившись съ Одессо-Балтскою, Балто-Елисаветградскою, строившимся Тирасполь-Кишиневскимъ участкомъ и разрѣшеннымъ къ постройкѣ Кишинево-Прутскимъ участкомъ, образовала вмѣстѣ съ нимъ Одесскую дорогу; а Московско-Смоленская, соединившись съ Смоленско-Брестскою, составила вмѣстѣ съ нею одну Московско-Брестскую дорогу.

Въ 1870 году я былъ при открытіи только Балтійской дороги, причемъ ѣздилъ съ другими приглашенными въ Ревель. Сбѣдъ былъ роскошный въ мастерскихъ Нарвской желѣзнодорожной станціи. Онъ былъ данъ на счетъ строителя П. І. Губонина, а явно хозяйничалъ предсѣдатель правленія дороги баронъ Паленъ.

Нарва была выбрана для обѣда какъ нейтральная почва между русскими и нѣмцами. Впрочемъ, всѣ спичи, безъ которыхъ, конечно, не обошлось, говорили по-русски; изъ нихъ нѣсколько относились прямо ко мнѣ, и я на нихъ отвѣчалъ.

Засимъ къ 1 января 1871 года сѣть желѣзныхъ дорогъ состояла изъ открытыхъ правительственныхъ 648,4 вер., изъ коихъ 180,4 эксплоатировались частными обществами; частныхъ 10.310,5, итого 10.958,9 верстъ,строившихся правительственныхъ 65,3 *), частныхъ 1.619,8, итого 1.685,1 вер., а всего 12.644 версты.

*) Въ томъ числѣ вѣтвь къ Сестрорѣцку, длиною 6 верстъ.

1 января 1871 года, по Высочайше утвержденному Государемъ Императоромъ на 1871 годъ распредѣленію сенаторовъ, я назначенъ къ присутствованію въ общемъ собраніи 4, 5 и межевого департаментовъ Правительствующаго Сената постоянно и въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи въ тѣхъ случаяхъ, когда въ оном будутъ разсматриваться дѣла, касающіяся до министерства путей сообщенія.

15-го января вслѣдствіе преобразованія центральнаго учрежденія министерства путей сообщенія, Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству, я назначенъ начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ и предсѣдателемъ совѣщательнаго комитета министерства путей сообщенія, съ оставленіемъ въ званіи сенатора и предсѣдательствующаго въ совѣтѣ министерства путей сообщенія, съ оставленіемъ по инженерному корпусу. Приведеніе въ исполненіе утвержденнаго преобразованія центральныхъ учрежденій министерства потребовало значительныхъ занятій въ январѣ, такъ что оно приведено въ дѣйствіе съ 1-го февраля.

1-го января Высочайше утвержденъ уставъ общества Кіево-Брестской желѣзной дороги на основаніи вышеприведенной концессіи, Высочайше утвержденной 27 апрѣля 1870 года.

2-го января, съ моего разрѣшенія, заключенъ договоръ съ обществомъ Варшавско-Терespольской желѣзной дороги относительно эксплоатаціи въ продолженіе 3 лѣтъ желѣзной дороги отъ Терespоля до Брестъ-Литовска.

23-го февраля Высочайше повелѣно мнѣ, на время болѣзни исправляющаго должность министра путей сообщенія, управлять этимъ министерствомъ; мое управленіе продолжалось до выхода моего изъ министерства.

19-го марта Высочайше утвержденъ уставъ общества Либавской желѣзной дороги на основаніи выше приведенной концессіи, Высочайше утвержденной 21 іюля 1869 года.

16-го апрѣля Высочайше утверждено измѣненіе размѣра акціонернаго и облигаціоннаго капиталовъ Воронежско-Грушевской желѣзной дороги, а именно: акціонерный капиталъ Воронежско-Грушевской желѣзной дороги въ 10.493.000 руб. мет. (12.184.000 руб. кр.) уменьшенъ до размѣра 7.869.750 руб. мет., составляющій $\frac{1}{4}$ часть всего нарицательнаго капитала, и сообразно уменьшенію акціонернаго капитала увеличенъ размѣръ облигаціоннаго капитала на 2.623.250 руб. мет. *) съ тѣмъ, чтобы облигаціи на эту сумму оставались у правительства, съ выдачею за нихъ обществу по 75 р. за 100 р. нарицательной стоимости облигацій.

Эту льготу нашелъ нужнымъ сдѣлать Рейтернъ, чѣмъ оказалъ огром-

---

*) Съ присоединеніемъ 2.623.250 р. мет. къ нынѣ опредѣленному облигаціонному капиталу 20.981.000 р. мет., капиталъ сей составилъ 23.609.250 р. мет., т.-е., $\frac{3}{4}$ всего капитала въ 31.479.000.

ное пособіе владѣльцу акцій дороги С. С. Полякову, которыхъ послѣдній не могъ вовсе реализовать, а отъ правительства онъ получилъ наличными 75% ихъ стоимости.

30-го апрѣля Высочайше утвержденъ уставъ общества Брест-Граевской желѣзной дороги на основаніи Высочайше утвержденной концессіи 12 и 26 декабря 1869 года.

30-го апрѣля Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ, которымъ комитетъ испрашивалъ разрѣшенія на предоставленіе управляющему министерствомъ путей сообщенія включить въ уставъ Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища, имѣющаго состоять въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія, какъ условіе о томъ, что пожертвованный капиталъ на содержаніе сего училища въ 145 тыс. руб. долженъ остаться неприкосновеннымъ, такъ и о даруемыхъ смотрителю и учителямъ правахъ государственной службы, и затѣмъ, по окончательномъ разсмотрѣніи и утвержденіи устава, распорядиться открытіемъ самаго училища.

Вслѣдствіе этого мною 18-го мая утвержденъ уставъ Дельвиговскаго училища и 20 мая о вышеизложенномъ Высочайше утвержденномъ положеніи комитета министровъ мною объявлено Сенату.

1-го мая, по положенію комитета министровъ, Высочайше повелѣно правительственную Московско-Курскую желѣзную дорогу передать образуемому надворнымъ совѣтникомъ Чижовымъ и другими компаніонами обществу.

21-го мая Высочайше утверждены уставъ обществъ Московско-Курской жел. дороги и товарныхъ складовъ при желѣзной дорогѣ Путиловскаго товарищества въ С.-Петербургѣ, а равно измѣненія нѣкоторыхъ параграфовъ устава общества Ряжско-Моршанской желѣзной дороги. Я упоминаю объ этихъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, состоявшихся въ день выхода моего изъ министерства путей сообщенія, потому, что упомянутые два устава и измѣненія въ статьяхъ были разсмотрѣны въ министерствѣ и комитетѣ министровъ при мнѣ.

Объ уступкѣ частному обществу Московско-Курской желѣзной дороги изложено въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній»; о Путиловскихъ товарныхъ складахъ будетъ мною говорено послѣ, а измѣненія въ уставѣ общества Ряжско-Моршанской желѣзной дороги не представляютъ интереса.

Подъ 21 мая въ моемъ формулярномъ спискѣ значится: «Всемилостивѣйше соизволено на увольненіе, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, отъ должности начальника управленія желѣзныхъ дорогъ, а равно отъ другихъ должностей по министерству путей сообщенія, съ оставленіемъ въ званіи сенатора и по инженерному корпусу. Съ тѣмъ вмѣстѣ, во вниманіе къ усердной службѣ и полезнымъ трудамъ, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Великаго Князя Александра Невскаго.»

Причины моего выхода изъ министерства путей сообщенія изложены въ слѣдующей главѣ «Моихъ воспоминаній».

Въ первые мѣсяцы 1871 года, до выхода моего изъ министерства, были открыты слѣдующія желѣзныя дороги:

Января 14-го, Тамбово-Саратовская, отъ Умета до г. Аткарска	161	вер.
Февр. 5, Шуйско-Ивановская, участокъ отъ Иванова до г. Кинешмы.	87	»
Апрѣля 16, Ливенская.	56,8	»
Мая 16, Новгородская.	68	»
Итого. . . .	372,8	вер.

Въ это же время уступлена Московско-Курская желѣзная дорога частному обществу.

Засимъ къ 21 мая 1871 года сѣть желѣзныхъ дорогъ состояла изъ открытыхъ правительственныхъ 197,2 вер., изъ коихъ 140,4 эксплоатировались частными обществами, частныхъ 11.135,5, итого 11.332,7 вер., строившихся правительственныхъ 7,5 вер., частныхъ 1.303,8, итого 1.311, 3 вер., а всего 12.644 вер.

Я назначенъ былъ главнымъ инспекторомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ 1861 году; въ это время было открытыхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ 818 верстъ, сверхъ того была въ эксплоатаціи правительственная Николаевская желѣзная дорога, длиною 604 вер., слѣд. во время завѣдыванія мною желѣзными дорогами, въ продолженіе почти 10 лѣтъ, было ихъ открыто 9.910,7 вер., начата постройка на 1.311,3 вер., итого 11.222 вер. Столь значительнымъ приращеніемъ желѣзныхъ дорогъ Россія обязана, конечно, министру финансовъ М. Х. Рейтерну, но я могу сказать, что въ этомъ была большая доля и моего участія, потому что если бы я повелъ дѣла по желѣзнымъ дорогамъ по-чиновничьи, то никакія льготы и поощренія со стороны министра финансовъ не помогли бы, и постройка желѣзныхъ дорогъ, если бы не совсѣмъ прекратилась, то шла бы черепашьимъ шагомъ.

Франко-Прусская война 1870—1871 годовъ имѣла послѣдствіемъ для Россіи уничтоженіе запрета имѣть военный флотъ въ Черномъ морѣ, наложеннаго Парижскимъ миромъ 1856 года. Во время этой войны я часто объяснялъ К. В. Чевкину всю мою антипатію къ пруссакамъ и удивлялся явной къ нимъ благосклонности Государя.

По обнародованіи того, что Россія не подчиняется болѣе означенному запрету, Чевкинъ мнѣ сказалъ, что я теперь долженъ понять цѣль благоволенія Государя къ пруссакамъ, но я съ этимъ не соглашался, полагая, что и безъ оказанія этого сильнаго благоволенія Россія могла бы, пользуясь замѣшательствомъ въ Европѣ, снять съ себя наложенный на нее запретъ. Москва по этому случаю прислала Государю адресъ, который полагаю не лишнимъ привести буквально:

«Пятнадцать лѣтъ терпѣливо сносила Россія униженіе небывалое, въ твердомъ упованіи, что возрастая непрерывно подъ духовнымъ Вашимъ раченіемъ, она возвратитъ себѣ во время благопріятное и свободу и силу

и достодолжный почетъ въ отношеніяхъ внѣшнихъ; по внушеніямъ Вашей Царственной совѣсти Вы рѣшили, Государь, что приспѣлъ часъ для Россіи, что эта пора нынѣ настала и именно теперь, стряхнуть съ себя незаконныя узы, наложенныя на нее врагами. Вы не потаенно, а въявь, отвергли нѣкоторыя статьи Парижскаго трактата, уже давно всецѣло разодраннаго и попраннаго тѣми самыми, кто создалъ этотъ трактатъ во вредъ Россіи.

«Ваше слово, торжественно сказанное во имя Русской земли и народа, не останется однимъ лишь словомъ, оно обратится въ дѣло несокрушимое; какія бы испытанія ни грозили намъ извнѣ, онѣ, мы увѣрены, не застанутъ Россію не приготовленною, онѣ несомнѣнно всегда найдутъ Россію тѣсно сомкнутою. Но съ большею вѣрою, чѣмъ въ прежнія времена, глядитъ Россія на свое будущее, слыша въ себѣ непрестанное духовное обновленіе.

«Каждое изъ Вашихъ великихъ преобразованій, совершонныхъ, совершаемыхъ и чаемыхъ, служитъ для нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для Вашего Величества источникомъ нашей крѣпости. Никто не стяжалъ такихъ правъ на благодарность народа, какъ Вы, Государь, и никому не платитъ народъ такою горячею признательностію; отъ Васъ онъ принялъ даръ и въ Васъ же самихъ продолжаетъ онъ видѣть надежнѣйшаго стража дарованныхъ ему вольностей, ставшихъ для него отнынѣ хлѣбомъ насущнымъ. Отъ Васъ однихъ ожидаетъ онъ и довершенія Вашихъ благихъ начинаній и первѣе всего простора мнѣнію и печатному слову, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніяхъ къ власти, свободѣ церковной, безъ которой не дѣйствительна самая проповѣдь и, наконецъ, свободѣ вѣрующей совѣсти, этого драгоцѣннаго изъ сокровищъ души человѣческой. Государь, дѣла внѣшнія и внутреннія связуются неразрывно; залогъ успѣховъ въ области внѣшней лежитъ въ той силѣ народнаго самосознанія и самоуваженія, которую вноситъ государство во всѣ отправленія жизни своей. Только неуклоннымъ служеніемъ началу народности укрѣпляется государственный организмъ, сплачиваются съ нимъ его окраины и создается то единство, которое было неизмѣннымъ историческимъ завѣтомъ Вашихъ и нашихъ предковъ и постояннымъ знаменемъ Москвы съ начала ея существованія. Государь, по первому Вашему зову всѣ сословія народныя соберутся, нынѣ уже безъ различія званій, дружною ратью съ непоколебимою надеждою на милость Божію, на правоту дѣла и на Васъ. Довѣріе со стороны Царя къ своему народу, разумное самообладаніе въ свободѣ и честность въ покорности со стороны народа, взаимная неразрывная связь Царя и народа, основанная на общеніи народнаго духа, въ согласіи стремленій и вѣрованій—вотъ наша сила, вотъ что поможетъ Россіи совершить ея историческое призваніе.

«Да, Государь, Вашей волѣ, скажемъ мы въ заключеніе словами нашихъ предковъ въ отвѣтѣ ихъ Вашему первоначальному предку 1612 года, «Вашей волѣ готовы мы служить и достояніемъ нашимъ и кровью», и нынѣ наша мысль такова».

Высшее правительство было весьма недовольно адресомъ. Въ это время Московскимъ городскимъ головою, который подписалъ адресъ, былъ князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій, прежній директоръ внутреннихъ дѣлъ и духовныхъ исповѣданій (т.-е., министръ) въ Царствѣ Польскомъ, игравшій весьма значительную роль и оставившій службу вслѣдствіе того, что не онъ былъ назначенъ на мѣсто заболѣвшаго Николая Алексѣевича Милютина управляющимъ Собственною Государя канцеляріею по дѣламъ Царства Польскаго, а Дмитрій Николаевичъ Набоковъ. Но и по выходѣ въ отставку князя Черкаскаго, его авторитетъ не упалъ.

Многіе говорили, въ особенности по избраніи его Московскимъ городскимъ головою, что онъ будетъ вскорѣ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Имперіи. По полученіи же приведеннаго адреса, его значеніе совсѣмъ упало, толки объ его назначеніяхъ въ министры прекратились, и онъ долженъ былъ даже оставить мѣсто Московскаго городского головы, которое занялъ его кандидатъ почетный гражданинъ Ляминъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ по его столкновенію съ Московскимъ губернаторомъ Дурново, заставившему и его оставить мѣсто городского головы.

Въ январѣ 1871 года скончалась моя тетка княжна Татьяна Андреевна Волконская, жившая постоянно въ Задонскѣ. Послѣ нея остались: довольно значительное имѣніе Студенецъ въ Задонскомъ уѣздѣ, состоявшее изъ части сего села, доставшейся ей по наслѣдству отъ ея брата князя Дмитрія Андреевича Волконскаго, и части, полученной отъ него въ наслѣдство мною и моимъ братомъ Николаемъ, которую она у насъ купила; небольшое имѣніе въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, домъ въ Задонскѣ и бывшіе у меня на сохраненіи банковые билеты на сумму съ % до 10.200 руб.

Ея законными наслѣдниками были ея сестры Н. А. Сусанопулосъ и П. А. Замятнина и я съ дѣтьми брата Николая. Послѣ ея кончины мы узнали, что П. А. Замятнина, желая сохранить въ своемъ родѣ Студенецъ, уговорила покойницу сдѣлать духовное завѣщаніе, которымъ послѣдняя предоставляла ей это имѣніе, причемъ Замятнина намѣревалась отказаться отъ права на остальное наслѣдство, что, конечно, исполнила бы, если бы при ея жизни кончилось дѣло по признанію насъ законными наслѣдниками послѣ Т. А. Волконской, но вслѣдствіе новыхъ судебныхъ порядковъ дѣло такъ затянулось, что до ея кончины, 1 января 1873 года, оно оставалось не рѣшеннымъ въ Елецкомъ окружномъ судѣ и теперь, конечно, третья часть имѣнія Т. А. Волконской, сверхъ Студенца, должна достаться малолѣтнимъ внукамъ Замятниной.

Впрочемъ, и по настоящее время (мартъ 1876 г.) это имѣніе состоитъ въ опекѣ по причинамъ, которыя я изложу въ своемъ мѣстѣ, и никто изъ наслѣдниковъ съ него ничего не получалъ. Оставшіяся же у меня деньги я раздѣлилъ на три части, изъ коихъ двѣ отдалъ моимъ теткамъ Сусано-

пулосъ и Замятниной, а третью раздѣлилъ между собою и сыновьями моего брата.

Жизнь наша въ Петербургѣ въ 1870 году и въ началѣ 1871 года шла тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ прежнее время. Знакомые, насъ часто посѣщавшіе, были прежніе. Перемѣна была только въ томъ, что я, по огромности моихъ занятій, мало сидѣлъ съ женою и со знакомыми, приходя изъ министерства прямо къ обѣду и вскорѣ послѣ обѣда удаляясь въ свой кабинетъ для занятій.

Конечно, всего чаще мы видѣлись съ моею сестрою А. И. Викулиною и ея дочерью Эмиліею, которая въ началѣ 1871 года заболѣла сильною корью. Ей было за 30 лѣтъ отъ роду и потому излеченіе было трудное и медленное. Доктора требовали, чтобы она скорѣе уѣхала въ деревню, и потому Викулины оставили Петербургъ 13-го мая.

Это былъ день моего послѣдняго доклада Государю, жившему тогда въ Царскомъ Селѣ. Чтобы поспѣть къ ихъ отъѣзду на станцію Николаевской желѣзной дороги, я возвратился изъ Царскаго Села въ Петербургъ на экстренномъ поѣздѣ. Никто тогда, кромѣ меня, не подозрѣвалъ, что я черезъ недѣлю совсѣмъ оставлю министерство путей сообщенія.

Отрывки изъ воспоминаній барона Николая Ивановича Дельвига: 1) о путешествіи по Крыму въ 1840 году и 2) о свиданіи съ королемъ Италіи Викторомъ-Эммануиломъ въ 1860 году.

I. ВОСПОМИНАНІЕ О ПУТЕШЕСТВІИ ПО КРЫМУ ВЪ 1840 ГОДУ.

(Письма его къ матери баронессѣ А. А. Дельвигъ).

Человѣкъ скучаетъ въ одиночествѣ: это законъ природы. Удовольствія живѣе, непріятности легче, когда ихъ испытываютъ нѣсколько лицъ: на людяхъ и смерть красна. Всѣ эти психологическія, очень глубокомысленныя заключенія привелъ я къ тому, чтобы сказать, что желалъ ѣхать путешествовать съ премилымъ моимъ товарищемъ Ѳеодоромъ Дараганомъ. Я былъ увѣренъ, что красоты мѣстности выиграли бы отъ его присутствія. И не шутя, какъ пріятно видѣть, что другая душа раздѣляетъ вашъ восторгъ, какъ пріятно послѣ вспоминать вмѣстѣ, а воспоминаніе есть самое лучшее наслажденіе въ жизни: будущее безпокоитъ, настоящее не успѣваешь ловить, не знаешь, хорошо ли оно или дурно, а что прошло, то будетъ мило.

Два всадника со мною постоянно были: суруджи—проводникъ и денщикъ. Суруджи привыкли уже къ красотамъ своей мѣстности, если можно привыкнуть къ красотамъ, но, по несчастію, это такъ. Петербургскій житель разсѣянно проходитъ по Невскому проспекту, житель Коломны, Литейной бѣжитъ погулять по Англійской набережной, военный академикъ бѣжитъ съ нея. Привычка и возможность суть два фактора, которые ослабляютъ энергію человѣка и сильно его разочаровываютъ. Надобно, чтобы сердце было всегда переполнено святымъ благороднымъ чувствомъ, чтобы сохранить въ себѣ возженный свѣтильникъ любви, постоянный къ прекрасному.

Денщикъ (если вы не позабыли, о чемъ говорилъ я)—малороссіянинъ, человѣкъ чрезвычайно положительный, смотрѣлъ равнодушно на всѣ предметы удивленія.

«У васъ нѣтъ такихъ горъ», говорилъ я ему.

«Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «да и лучше».

И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто одной огромной скалы, ровная поляна чернозему и нѣсколько семействъ сыты, одѣты и, можетъ быть, счастливы. Но къ дѣлу. Отчего же я поѣхалъ одинъ, а не въ сопровожденіи милаго Дарагана?

Кажется, обязанности по службѣ удерживали его при генералѣ и іюнь, и іюль, и августъ; что касается до меня, я готовъ былъ дожидаться два года; мы рѣшили отправиться въ октябрѣ. Вдругъ обстоятельства перемѣнились. Въ воскресенье 23-го іюня начальникъ штаба *) почтилъ меня своимъ присутствіемъ; предо мною лежалъ Монтадокъ.

«Что это у васъ?» спросилъ онъ.

«Это huide du voyageur en Crimée; я сбирался путешествовать, но отложилъ до сентября».

«Не откладывайте того до завтра, что можете сдѣлать сегодня».

«Нѣтъ правилъ безъ исключенія, генералъ»; я объяснилъ причину.

«Нѣтъ, вы, вѣроятно, въ сентябрѣ будете на Кавказѣ; одного офицера мало при дивизіи; онъ можетъ заболѣть и дивизія останется безъ глазъ, употребите вашу опытность».

«Я еще долженъ пріобрѣсть ее, В. П.».

«Ну, какъ хотите, если вы попроситесь, то я васъ отпущу». Я попросился и былъ отпущенъ **).

Не хочу по примѣру другихъ путешественниковъ, которые, навѣрное не знаю, но говорятъ—будто бы пишутъ то, чего не видали; нѣтъ, клянусь, я не изъ такихъ; что видѣлъ, такъ видѣлъ, а чего не досмотрѣлъ, не дослыхалъ, не допросилъ,—не взыщите. Итакъ, я изъ Симферополя выѣхалъ ночью 25 іюля и до Бахчисарая ничего не видалъ на дорогѣ; скажутъ: «кто же ночью путешествуетъ?» а я скажу: «много будешь знать, скоро состарѣешься».

Въ Бахчисараѣ остановиться негдѣ; надобно было ѣхать на станцію, болѣе версты отъ города и около трехъ отъ дворца, предмета любопытства въ Бахчисараѣ. На другой день я пошелъ во дворецъ по узкимъ улицамъ Бахчисарая. Татарскіе дома кончаются на улицу открытою комнатою (эта мужская половина; женская столько закрыта, сколько эта открыта); въ каждой или лавка, или отправляется какое-либо ремесло; отъ этого видна необыкновенная дѣятельность. (Я былъ снабженъ отъ внимательнаго начальства подорожной, открытымъ листомъ и фирманомъ; послѣдній доставлялъ большое удобство въ путешествіи.)

Передъ входомъ въ дворцовыя ворота находится на столбѣ надпись на русскомъ и татарскомъ языкахъ:

«Блаженной памяти Императрица Екатерина II изволила быть въ Бахчисараѣ въ 1787 году мая 14 дня».

---

*) Генералъ Данненбергъ.

**) Теперь уже рѣшено, что я не поѣду; 14 дивизія также не доходитъ до Кавказа, она останавливается зимовать въ Таганрогѣ.

Теперь любопытствующимъ показываетъ дворецъ унтеръ-офицеръ Иванъ Ивановъ изъ Измайловскаго полка, человѣкъ очень услужливый и весьма разговорчивый; я спрашивалъ, зналъ ли онъ Норова,—«помилуйте, какъ не знать, вмѣстѣ служа».

При поновленіи дворца старались привести его въ прежній видъ и, говорятъ, во многомъ достигли своего предположенія. Во всѣхъ комнатахъ потолки цвѣтные. Я потому начинаю съ потолковъ, что они совершенно остались безъ перемѣны; большею частью клѣтками составлены изъ брусковъ, набитыхъ на потолки; клѣтки также разноцвѣтныя: желтыя, зеленыя, черныя, брусья красные. Нѣкоторые потолки составлены изъ косыхъ клѣтокъ съ золотыми звѣздочками на красномъ полѣ. Столы мраморные, столики и подножки (скамейки) перламутровые (женскіе башмаки также перламутровые, очень красивые). Опахала висятъ, около зеркалъ, изъ страусовыхъ перьевъ (на манеръ старыхъ, ихъ очень истребляетъ моль). Въ окошкахъ рѣшетки желѣзныя красныя; верхнія окошки разноцвѣтныя, двойныя, разныхъ узоровъ. Въ выдающихся бесѣдкахъ рѣшетки зеленыя, частыя.

Всѣхъ комнатъ во дворцѣ 36. Нижній этажъ занимается чиновниками дворцоваго правленія; верхній показывается.

Въ комнатѣ, которая служила спальней Государынѣ, находится доска въ золотыхъ рамкахъ и на ней надписи съ росчерками: Александръ въ первый разъ 25 іюня 1816 года. Николай во второй разъ 14 сент. 1837 года. Марія 1837 года. Александръ 14 сентября 1837 года.

Двѣ маленькія комнаты Маріи Потоцкой заставляютъ задуматься: она не жила въ гаремѣ, значитъ пользовалась особенною любовью и довѣренностію хана. Уваженіе же его къ ней видно въ вѣротерпимости: во дворцѣ есть костелъ, и въ этой комнатѣ на каминѣ вываянъ крестъ, хотя и подъ луною.

«Ужъ какой былъ «*Азіатъ*», сказалъ мнѣ унтеръ-офицеръ, «и то позволилъ крестъ сдѣлать».

Подлѣ ея комнаты есть галлерея съ частыми зелеными рѣшетками, изъ которой можно было женамъ хана видѣть тронную залу, не будучи подверженными нескромному взгляду.

Мы сошли внизъ къ фонтанамъ. Тамъ необыкновенно тихо и пріятно. Тутъ я вспомнилъ ту потерю, которую мы, Русскіе, понесли въ смерти Пушкина. Не зналъ еще, который изъ фонтановъ былъ виновникомъ сладкихъ строкъ, подаренныхъ намъ безсмертнымъ поэтомъ, и остановился въ задумчивости. Вдругъ унтеръ-офицеръ говоритъ: «этотъ фонтанъ сочиненія Пушкина». И опять меня разсмѣшилъ.

Подлѣ комнаты фонтановъ костелъ Маріи безъ всякихъ украшеній; надъ костеломъ крестъ.

Гаремъ состоитъ изъ небольшого дома, построеннаго посрединѣ сада, окруженнаго высокою стѣною. Въ гаремѣ во время проѣзда Государя останавливался Наслѣдникъ.

Потомъ мнѣ показывали гробницы хановъ. Я положилъ злотъ на поминовеніе души Киримъ-Гирея. Мечеть состоитъ изъ обширной залы въ два свѣта, съ хорами.

На дверяхъ мечети находится слѣдующая надпись:

«Кто сей Каджи-Селимъ? Тотъ, кто былъ славнѣйшимъ изъ всѣхъ хановъ—это герой Божій. Да Господь Богъ дастъ ему всѣ блага въ награду за построеніе этой мечети.

«Селимъ-Гирей ханъ въ своемъ существѣ подобенъ розовому кусту; сынъ родившійся отъ него есть роза. Всякій въ свою очередь былъ осыпанъ почестями на тронѣ. Розовый кустъ вновь разцвѣлъ, его единственная свѣжая роза, сдѣлавшаяся львомъ падишаховъ Крыма, Селаметъ-Гирей ханъ.

«Богъ исполнилъ мое желаніе въ этой надписи: Господу Богу Единому храмъ сей воздвигнутъ Селаметъ-Гирей ханомъ.

«Года тысяча сто пятьдесятъ третьяго».

Войдя въ мечеть, на окошкѣ на правой сторонѣ вверху:

«Пророкъ мой возлюбленный, я тебя послалъ для благоденствія всего народа».

Внизу: «Богъ единъ и никто другой можетъ указать вести дорогу къ истинѣ».

На кругломъ окошкѣ въ серединѣ:

«Да будетъ воля Господня».

На лѣвой сторонѣ на окошкѣ вверху:

«Ахъ, Господи, Сокровище твоего милосердія! освободи насъ отъ семи опасныхъ грѣховъ ада».

Внизу: «Твоимъ свѣтомъ, пророкъ, вселенная освѣтилась».

Еще надъ двумя окошками:

«Здѣсь и въ будущемъ свѣтѣ спасеніе получается словами правды.

«Сей храмъ воздвигнутъ благодатію Божіею.

«Всякій здѣсь и въ будущей жизни пріобрѣтетъ счастіе и покой уединеніемъ.

«Богъ мой Господь и Пророкъ мой возлюбленный.

«Богъ единъ, нѣтъ другого, кромѣ Его».

Потомъ я взобрался по узкой крутой лѣстницѣ на минаретъ (75 ступеней). Бахчисарай представляется вдавленнымъ въ горы. Минареты, 30 мечетей, 3000 домовъ съ высокими трубами, похожими на башенки, все это, возвышающееся амфитеатромъ на обѣ покатости горъ и покрывающееся высокими закругленными холмами, даетъ городу особенный видъ.

Дорога изъ Бахчисарая въ Чуфутъ-Кале идетъ между высокихъ отвѣсныхъ скалъ. Онѣ служатъ заднею стѣною большей части домовъ цыганской деревни, находящейся при выѣздѣ изъ города, а нѣкоторыя изъ нихъ и крышею. Проѣхавъ деревню, направо вашъ взоръ поражается гнѣздомъ, которое свилъ себѣ человѣкъ съ боку скалы. Проводникъ мнѣ сказалъ, что здѣсь живетъ одинъ грекъ, и я поѣхалъ далѣе. Вы увидите послѣ, какъ опасно вѣрить проводникамъ.

Чуфутъ-Кале построенъ на высокой крутой скалѣ, которая образовала только два выхода. Поднимающемуся наверхъ кажется, что вершина скалы образовалась въ видѣ домовъ, но, приближаясь, онъ видитъ, что это настоящіе дома, построенные на самой оконечности скалы. Въ Чуфутъ-Кале живутъ одни караимы, которые имѣютъ въ рукахъ всю торговлю Бахчисарая. По утру, съ восходомъ солнца, они идутъ въ Бахчисарай, вечеромъ въ 9 час. возвращаются домой, и они—отдѣльный міръ въ мірѣ. Я спросилъ объ Успенскомъ монастырѣ и вышло на повѣрку, что къ скаламъ прилѣпленъ не грекъ, а Успенскій монастырь. Я долженъ былъ воротиться. Въ монастырь, т. е., въ церковь и три кельи, высѣченныя въ скалѣ, съ переходами, къ ней прилѣпленными, ведетъ прекрасная каменная лѣстница въ 50 или 60 ступеней; потомъ надобно итти по деревяннымъ переходамъ, пройти мимо пустыхъ келлій (здѣсь живетъ только сторожъ грекъ) и входить въ церковь, углубленную въ скалу. Подъ образомъ Успенія Божіей Матери висятъ серебряныя изображенія ногъ, рукъ, колыбелей, а болѣе всего дѣтей. Это вѣшаютъ тѣ, у которыхъ болятъ руки или ноги, или нѣтъ дѣтей.

Въ галлереѣ подлѣ церкви продѣлано въ потолкѣ отверстіе, въ которое виденъ на скалѣ явленный образъ Божіей Матери во весь ростъ, на правой ручкѣ Спаситель.

Дорога отъ Чуфутъ-Кале весьма камениста. Съ высокихъ мѣстъ виднѣется Симферополь (30 верстъ). Потомъ дорога идетъ мимо рощи, зелень которой покоится на безчисленномъ множествѣ гробовыхъ камней, бѣлизны необыкновенной. Это Іоасафатова долина, кладбище караимовъ, говорятъ, что оно существуетъ около четырехъ вѣковъ. Здѣсь такъ пріятно, что поневолѣ говоришь: «вотъ здѣсь хорошо бы умереть». Разумѣется, если бы явилась смерть, то попросилъ бы ее прибавить стремени.

Развалины Тепекермена находятся на конусообразной горѣ, которая устрашила меня своею огромностью и крутизною, да и 15 верстъ ѣзды верхомъ и по жарѣ такъ меня утомили, что я потерялъ охоту на нее взбираться и остановился у Юзъ-Баши (сотникъ).

Здѣсь татарки весьма не дики; это большая рѣдкость. Онѣ подостлали мнѣ много подушекъ: роскошь татарскаго жилища; столовъ и скамеекъ у нихъ нѣтъ; и одна принесла мнѣ букетъ цвѣтовъ, за что я ей сказалъ: «Сенипекъ севереисъ». Татарки сѣли около меня съ своимъ рукодѣліемъ и смотрѣли на меня, какъ на дикаго. Я уже мечталъ предаться сладости сна посреди Магометова земного рая, какъ пришелъ человѣкъ съ приглашеніемъ отъ помѣщика Тирнопуло остановиться у него. Несмотря на всю лѣнь и усталось, надобно было платить учтивостью за учтивость и итти къ помѣщику Тирнопуло.

Глава семейства 80-лѣтній старикъ, лишенный употребленія ногъ. У него жена, три сына и сколько-то дочерей. Одинъ изъ сыновей служитъ юнкеромъ у насъ въ корпусѣ въ Прагскомъ полку.

У подошвы Тепекермена, близъ деревни Шури, находятся развалины

церкви, весьма небольшой; подлѣ нея старое кладбище, замѣчательное тѣмъ, что ремесло, должность каждаго высѣчены на памятникѣ: топоръ у дровосѣка, пила у пильщика, рожокъ у пастуха, мечъ у воина, вѣсы у судьи, пяльцы—можетъ быть—у 16-лѣтней дѣвушки, которая училась вышивать.

Изъ Шури я отправился въ Королецъ, чтобы оттуда сдѣлать набѣгъ на Мангубъ-Кале. Ночевалъ въ Тиберти, гдѣ меня угощали татарскими кушаньями: катикомъ (густое кислое молоко), югуртомъ (жидкое кислое молоко), чирчеръ бюреномъ (пирожки съ фаршемъ) и бермесомъ (родъ меду изъ яблокъ, грушъ и другихъ плодовъ).

Изъ Тиберти я проѣхалъ въ Королецъ. Деревня на очень игривой мѣстности. Скалы зубцами сзади ея напоминаютъ сосѣдство горъ. Юзъ-баши взялся провожать меня въ Мангубъ-Кале. Зубчатыя скалы долго идутъ съ правой стороны, какъ зубы крокодила (извините сравненіе: я воротился изъ Египта), наконецъ, онѣ поворачиваютъ и является гора, на которой Мангубъ-Кале. Разстояніе отъ Корольца верхомъ 6 верстъ, въ экипажѣ 10. Доѣхавъ до деревни Кудала-Сала оставляютъ экипажную дорогу и круто поворачиваютъ направо въ гору. Несмотря на необыкновенную крутизну и вышину, только въ одномъ мѣстѣ на $\frac{1}{4}$ версты приходится слѣзть съ лошади. На половинѣ горы находится стѣна, которая замыкала лощину; такія же стѣны находятся и въ другихъ лощинахъ. Средина стѣны обвалилась; черезъ это мѣсто и проходитъ тропинка. Я пошелъ вдоль этой стѣны и собиралъ не древности, а землянику, растущую здѣсь въ изобиліи. Дойдя до конца стѣны, которая упирается въ скалу, я замѣтилъ гротъ, въ который влѣзъ съ помощью растущихъ кругомъ деревьевъ. Слѣды рукъ человѣческихъ видны здѣсь во всѣхъ смыслахъ слова; выдолбленная круглая печка и куча костей человѣческихъ. Я хотѣлъ было взять нѣсколько, чтобы сдѣлать шахматы, но мысль, что можетъ быть изъ моихъ сдѣлаютъ простыя шашки, заставила меня отказаться отъ своего намѣренія. На горѣ открывается прямая стѣна поперекъ всей горы; вѣроятно, она служитъ редюитомъ въ случаѣ, если бы одна изъ передовыхъ стѣнъ была взята. Стѣна очень толста: я по ней ходилъ. Въ лѣвой калиткѣ, которая совершенно сохранилась, въ основаніи есть камень съ двуглавымъ орломъ. Теперь это очень кстати, но откуда залетѣлъ этотъ орелъ? Чье это было укрѣпленіе? Грековъ? Нѣкоторые говорятъ, что Вестъ-Готфовъ. Въ скалахъ очень много пещеръ, даже раздѣленныхъ на комнаты.

Изъ Мангубъ-Кале я возвратился въ Королецъ и въ Дуванное выѣхалъ на большую дорогу, признаюсь, съ маленькою радостію, ибо верховая ѣзда порядочно меня разбила. Въ Дуванной можно пить чай у жидовки недалеко отъ станціи. Въ обязанности ли путешественника сказать, что ея дочь красотою своею можетъ служить украшеніемъ дѣвамъ Израиля. Зовутъ ее Ревекка. Выхожу отъ жидовки, было уже темно, но военный глазъ мой замѣчаетъ военныхъ лошадей. Всматриваюсь и вижу подтвер-

жденіе: ими правитъ солдатъ. «Кто это ѣдетъ?» спросилъ я. «Казенныя дамы». Я легъ спать и на другой день по утру; послѣ пріятной ѣзды по берегу Бельбека, я увидалъ море, которымъ еще восхищался съ Мангуба, и очутился въ Севастополѣ. Этотъ пунктъ былъ для меня тѣмъ, что въ стратегіи называютъ изнеможеніемъ силъ. Я нашелъ здѣсь Дарагана и пробылъ у него три дня. Купался въ хрустальныхъ водахъ, гдѣ, какъ говорятъ, если купаться утромъ и вечеромъ отъ 15 іюня до 15 августа, то можно прибавить себѣ до 15 лѣтъ жизни.

Чтобы не касаться Севастополя, которымъ я займусь въ слѣдующемъ письмѣ, я опишу вамъ вечеръ, который я тогда провелъ въ Ушаковой балкѣ. Гуляніе тамъ соединяетъ въ себѣ три рода удовольствій: катанье по водѣ, гулянье по саду и танцы въ прекрасной бесѣдкѣ.

Общество тамъ не изысканное, какъ я самъ замѣтилъ, да и послѣ узналъ, какъ познакомился поболѣе въ Севастополѣ, но тѣмъ не менѣе я вѣрю, что тамъ можно жить весело тѣмъ, кто часто бываетъ.

Стрѣлой неслась наша лодка отъ дружныхъ ударовъ 12 гребцовъ, и всякій размахъ освѣщалъ намъ лица и ближайшую картину: фосфорическое свойство водъ Чернаго моря, всякое прикосновеніе пальцемъ рождаетъ искру, ударъ весла цѣлую пламенную волну, а слѣдъ лодки долго остается на зыблющейся поверхности водъ огненною чертою. Мы сошли на берегъ въ саду, называемомъ Ушаковою балкою, и вошли въ прекрасную бесѣдку. Въ нее-то собирались потанцовать всякое воскресенье флотскія и другія дамы, кто въ чемъ былъ дома, и потому вечера въ подобныхъ костюмахъ назывались *ситцевыми вечерами*, и танцовали до упада. Собственно въ ситцевомъ платьѣ была исключительно одна Францова, хорошенькая издали, но вблизи не имѣла и этого достоинства. Говорятъ, будто у одной дамы (жены виннаго пристава), которая явилась въ глубокомъ траурѣ, спросили, что она не по прусскомъ ли королѣ въ семъ печальномъ костюмѣ? На приглашеніе танцовать дамы этого общества отвѣчаютъ: «я уже имѣю». Соскучившись стоять сложа руки, Самсоновъ, офицеръ, переведенный изъ гвардіи, которой сперва дѣлалъ честь, а теперь всей русской арміи, Богдановичъ, Дараганъ и я составили кадриль въ сторонѣ и наплясались досыта. Я танцовалъ съ Францовой.

Севастополь (Ахтіаръ) основанъ въ скоромъ времени по покоренія Крыма (1783 г.) на мѣстѣ прежде бывшей татарской деревни Ахтіаръ. Географическое положеніе его (44′ долготы и 55′ широты) ставитъ этотъ городъ наравнѣ съ Сѣверной Италіей и Южной Франціей; близость моря дѣлаетъ воздухъ здоровымъ. Болѣе всего въ пользу Севастополя говоритъ то, что блаженной памяти Императоръ Александръ Благословенный, въ послѣднее свое путешествіе по Крыму, говорилъ графу Дибичу и графу Воронцову:

— Если, утомясь отъ бремени правленія, я сдѣлаюсь частнымъ человѣкомъ, то я здѣсь бы желалъ избрать мѣсто пребыванія.

Думалъ ли онъ, что менѣе, чѣмъ черезъ годъ, Богъ возьметъ его въ лучшія жилища?

Природа сама указала мѣсто сему городу, образовавъ одну изъ прекраснѣйшихъ гаваней въ свѣтѣ и лучшую въ Европѣ: защищена отъ вѣтровъ, обширна и глубока. Длина рейда 7 верстъ, средняя ширина 1 верста, глубина до 11 саженей. Отъ нея отдѣляются 5 бухтъ, изъ которыхъ въ самой большой, называемой южною, отдыхаютъ корабли, самые большіе: Іоаннъ Златоустъ, Три Святителя, Три Іерарха (который матросы называютъ Трахтарарахъ), Варшава, стоятъ въ трехъ саженяхъ отъ берега.

Городъ построенъ амфитеатромъ между южною и артиллерійскою бухтами. Прекрасное зданіе (оканчивающееся) новой библіотеки занимаетъ самую возвышенную точку города (судя по картинкамъ, Севастополь похожъ на Неаполь). Изъ домовъ, находящихся на покатости, можно видѣть внизъ нѣсколько параллельныхъ улицъ.

Севастополь занимаетъ въ себѣ осуществленіе нашей морской силы и нашего вліянія на Востокъ. Его можно довольно вѣрно назвать морскимъ поселеніемъ. Въ немъ почти всѣ дома принадлежатъ морскимъ чиновникамъ.

Проспавъ цѣлое 28-е число, я еще до часовъ явился на другой день въ церковь Петра и Павла. Священника не было. Вдругъ онъ пришелъ съ хоругвями и вмѣсто часовъ разъ двадцать спѣлъ стихиры Петру и Павлу. «Благословенно Царство!» сказали по-русски, прочіе всѣ возгласы по-гречески; «пріимите, ядите» по-гречески, «пійте отъ»—по-русски. Вообще вторые возгласы по-русски, ибо второй священникъ былъ русскій, а первый грекъ. «Благословенно Царство» говорятъ по-русски изъ уваженія къ намъ.

Надъ церковью находится морская библіотека, гдѣ можно читать газеты, несмотря на запретительное объявленіе, прибитое къ дверямъ.

Въ Севастополѣ есть адмиралтейство, гдѣ строятъ самаго большого размѣра корабли, но еще не готовы сухіе доки (мѣста, гдѣ корабли обшиваются и чинятся).

Надъ морской библіотекой есть телеграфъ, который впрочемъ не дѣйствуетъ.

Общій физическій характеръ города: въ немъ много прекрасныхъ строеній, улицы широки и хорошо разбиты; нравственный—когда флотъ уходитъ въ море, то наступаетъ царство женщинъ.

Въ окрестности города обращаютъ на себя вниманіе развалины Инкермана, Генуэзской крѣпостцы, Херсонеса, гдѣ Владиміръ крестился, и Георгіевскій монастырь.

Инкерманъ находится въ лихорадочной долинѣ: испаренія отъ тростника, растущаго въ ней, такъ вредны, что человѣкъ пьянѣетъ, пробывъ ночью нѣсколько часовъ подлѣ. Вслѣдствіе сего, бѣгло осмотрѣвъ стѣну, развалины башенъ, новый водопроводъ, для котораго сдѣлали въ горѣ туннель въ 300 саженей, воротился по добру по здорову въ Севастополь.

Но съ какимъ-то религіознымъ чувствомъ я приближался къ Херсонесу, увидалъ его ничтожныя развалины и сѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, предполагаютъ, былъ храмъ, видѣвшій крещеніе Св. Владиміра.

Мысль, что здѣсь начало славы, величія и могущества Россіи, заставляла съ благоговѣніемъ смотрѣть на это мѣсто, но въ то же время сердце мое сжималось при мысли о непостоянствѣ, о бренности всего земного: даже развалины, которыя должны боготворить, берутся святотатственными руками окрестныхъ жителей на постройку хлѣвовъ.

О Херсонесъ, о Херсонесъ!
О градъ, избранный Провидѣньемъ,
Чтобъ ниспослать намъ свѣтъ небесъ
Святымъ божественнымъ крещеньемъ и т. д.

Я ошибкой сдѣлался поэтомъ или стихоплетомъ на нѣсколько минутъ. Херсонесъ оставилъ по себѣ грустное впечатлѣніе. Чтобы настроить душу мою эстетически, какъ говоритъ Бутырскій, природа и искусство приготовили для меня Георгіевскій монастырь.

Безпрестанно слышавъ о Георгіевскомъ монастырѣ: «вотъ съѣздите, вотъ посмотрите!»—вы ожидаете еще издали увидать блестящія главы и множество церквей по видѣннымъ вами въ Россіи. Ничуть не бывало, вы ничего не видали подобнаго и вообразить не можете... Въ продолженіе цѣлой дороги монастыря не видно. Подъѣхавъ къ нему, еще не знаешь, гдѣ онъ: высокіе берега закрываютъ даже видъ моря, но вы замѣчаете какія-то ворота, и за ними опять ничего, равнодушно отворяете ихъ и... Гдѣ найти столько чувствъ, чтобы вполнѣ постигнуть всю прелесть природы! Хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь другой раздѣлилъ со мной восхищеніе, для одного оно слишкомъ тяжело... Гдѣ же найти словъ, если я вамъ скажу: вы стояли въ голой степи, передъ вами были бѣдныя ворота, вдругъ они исчезли, и передъ вами величественный видъ моря и ужасающія скалы*). Это будетъ картина Брюллова, набросанная наскоро карандашомъ.

Въ монастырь ведетъ галлерея. По мѣрѣ того, какъ вы по ней спускаетесь, рамка картины болѣе и болѣе расширяется; наконецъ, выйдя изъ галлереи, вы видите на площадкахъ крутого берега, на правой сторонѣ, кельи и домъ архимандрита-митрополита Агафангела, маститаго старца, переѣхавшаго изъ Турціи оканчивать мирно дни свои въ Россіи,—на лѣвой также кельи и небольшую церковь во имя Георгія, но подлѣ Спасителя поставлены образа Св. Евгенія, Капитона, Ефрема, Василія, Елпидія, Агафодора и Евферія—Севастопольскихъ чудотворцевъ, стоящихъ на берегу моря. Церковь и монастырь каменные и хорошей архитектуры. На нижней части образовъ подписаны имена, напримѣръ, подъ образомъ Спасителя написано Трофимъ, подъ образомъ Божіей Матери—Екатерина; вѣроятно, кто ихъ жертвовалъ. Монаховъ налицо мало: ихъ посылаютъ въ море на военныхъ корабляхъ, также на Кавказъ въ береговыя укрѣпленія. Имъ разрѣшено мясное кушанье.

---

*) Видъ этотъ поражаетъ болѣе неожиданностью. Я былъ въ другой разъ и смотрѣлъ на него равнодушнѣе. Товарищъ мой Д. досадовалъ на меня, зачѣмъ я его приготовилъ.

Я спускался внизъ къ самому морю. Тамъ прекрасно купаться, но возвратясь назадъ, чрезвычайно усталъ; тропинка весьма дурная и крутая, и полевой глазомѣръ обманулъ меня: казалось, саженъ 200, а вышло версты 2.

Отсюда я поѣхалъ въ Балаклаву; по дорогѣ попадаются все греческія поселенія.

Балаклава есть также поселеніе греческаго баталіона *арнаутовъ*.

Въ войну 1769 года Екатерина сдѣлала воззваніе къ Грекамъ, предлагая имъ содѣйствовать успѣхамъ русскаго оружія. Составился греческій отрядъ и подъ командою маіора Чапани отличался своею храбростію. По заключеніи мира, Грекамъ было опасно оставаться въ Турціи. Екатерина поселила ихъ въ Балаклавѣ, дала имъ права, а они подъ благодѣтельнымъ кровомъ расли, забыли небо своего Архипелага. Государь, въ бытность свою здѣсь, изволилъ дѣлать имъ смотръ, остался ими очень доволенъ и подарилъ каждому по платью (они одѣваются на свой счетъ, служатъ въ годъ только 4 мѣсяца и получаютъ жалованья 27 рублей асс.) *).

Станція въ Балаклавѣ очень не хороша, и потому меня пріютили въ какомъ-то домѣ, гдѣ меня встрѣтила премиленькая гречаночка съ пламенными глазами. Она родилась въ Балаклавѣ и далѣе Севастополя (12 верстъ) никуда не ѣздила, но очень скучаетъ, узнавъ изъ книгъ, что въ другихъ мѣстахъ гораздо веселѣе. Я ее старался разувѣрить, говоря, что истинное счастіе только можетъ быть среди семейства, но никакъ не могъ;—вотъ вредъ книгъ!

Балаклава окружена горами; хорошая гавань; развалины крѣпости на горѣ живописны.

По дорогѣ въ Байдары, проѣхавъ Кошары, находится часовня, въ которой явленный образъ Іоанна Постника; подъ часовнею прекрасная вода.

Долина Варпутская, которая вдругъ открывается подъ ногами, стоитъ того, чтобы ею полюбоваться. Долина Байдарская восхищала меня, когда я подымался на гору по дорогѣ къ *лѣстницѣ*, по-татарски *шердвенъ*. Почтовая дорога идетъ черезъ арку, продѣланную въ скалѣ, минуя лѣстницу, но на обывательскихъ лошадяхъ можно пріѣхать на лѣстницу по направленію на Мухалатку. Дорога пролегаетъ лѣсомъ, что въ жару чрезвычайно пріятно. Верстъ черезъ 10 вдругъ открывается безпредѣльный видъ моря. Я побѣжалъ на скалу, чтобы ближе взглянуть на него, и увидалъ подъ собою саженяхъ въ 50 кусочекъ южнаго берега или, лучше сказать, образчикъ съ долинами, виноградниками и по бокамъ двѣ огромныя скалы: ужасно мило.

Лѣстница, которую устроила чудная игра природы, идетъ между двухъ скалъ; корни деревъ и камни составляли ея ступени; болѣе 40 разъ она поворачиваетъ то въ ту, то въ другую сторону почти параллельно, ступени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прерываются и идешь по мелкимъ камнямъ. Лошади сходятъ страннымъ образомъ, прыгая обѣими ногами со сту-

---

*) 7 р. 72 к. сер.

пеньки на ступеньку. Въ Мухалаткѣ трудно было достать лошадей. Я пріѣхалъ къ Кучувой, гдѣ находится имѣніе Алек. Гавр. Токарева; не засталъ его дома и отправился въ Кинешъ на почтовую станцію. Тутъ совершенно нѣтъ дороги: тропинка, похожая на карнизъ, безпрестанно то подымается, то опускается. Налѣво—горы, направо—море, внизу виноградники. Вотъ общій характеръ дороги по южному берегу.

Я недоволенъ своимъ дальнѣйшимъ путешествіемъ: я ничего не видалъ, потому что надобно было много видѣть. Да и какъ осматривать? На обывательскихъ лошадяхъ чрезвычайно медленно: проѣдешь отъ деревни до другой 4 версты и надобно ждать лошадей цѣлый день, утомишься въ жарѣ со скуки; пѣшкомъ ходить недостанетъ силъ, какъ отъ горъ, такъ и отъ жары; на почтовыхъ лошадяхъ ничего не увидишь, но меня такая тоска взяла, что я поѣхалъ на нихъ.

Дорога отъ станціи Кинеша до Мисхоръ еще не кончена; надобно было ѣхать верхомъ. Солдаты отдѣлываютъ дорогу и на ней учатся. Эта дорога врѣзывается въ горы и ограждается перилами. Во время Высочайшаго путешествія, маіоръ Славичъ (путей сообщенія) самъ удостоивался слушать нѣсколько разъ благодарность Его Величества. Когда отъ похвалъ у Славича были ушки на макушкѣ, онъ началъ шептать графу Воронцову: «Вотъ случай, Ваше Сіятельство, я человѣкъ небогатый, тысячъ сорокъ...»

— «Чего онъ хочетъ?» спросилъ Государь, услыхавъ, что онъ чего-то проситъ.

— «Ваше Величество, онъ человѣкъ бѣдный, тысячъ сорокъ...» — «Какого чина?» — «Маіоръ?» — «Произвесть въ подполковники, служи и дослуживайся!»

Въ Алупкѣ, имѣніи графа Воронцова, замокъ построенъ изъ гринштейна и наружность обѣщаетъ большое великолѣпіе и внутри. Архитектура необыкновенная.

Гринштейнъ находится здѣсь въ большомъ количествѣ, также находятъ мраморъ и порфиръ. Говоря о разнообразіи и красотѣ цвѣтовъ послѣднихъ, Его Величество изволилъ замѣтить: «Ищите и обрящете, толцыте и отверзется».

Императрица провела болѣе недѣли въ Алупкѣ, наслаждаясь днемъ прогулкою по окрестностямъ, вечеромъ пріятнымъ обществомъ: гр. Моденъ, Тизенгаузенъ, Бородина, кн. М. В. Кочубей, гр. Е. К. Воронцова, кн. Е. А. Голицына, О. С. Нарышкина, гр. В. Г. Шуазель-Гуфье, д. с. с. Башмакова, гр. Апраксина, Г. В. Потемкина, кн. Голицына, гр. Потоцкая и В. Ф. Шарни; кн. П. М. Волконскій, кн. В. В. Долгорукій, лейбъ-медикъ Маркусъ, гр. М. С. Воронцовъ, гр. И. О. Виттъ, гр. К. П. Сухтеленъ, кн. Мещерскій, Л. Л. Нарышкинъ, отст. полк. Потемкинъ и кн. В. С. Голицынъ.

Императрица и великая княжна обыкновенно работали, мужчины играли въ вистъ, г-жи Башмакова и Шуазель пѣли. Одинъ разъ присутствующіе сдѣлали сюрпризъ Императрицѣ, сыгравъ Jocrisse ou chef de brigands.

Вмѣсто рисованнаго на сценѣ былъ настоящій лѣсъ изъ дубовыхъ деревьевъ. Не могу, чтобъ не сообщить вамъ замѣчательную записку, оставленную Императрицею на столѣ въ ея кабинетѣ:

«C'est avec des regrets véritables, que je quitte ce charmant Aloupka, que je n'oublierai jamais, ainsi que ses habitants, qui nous ont comblé d'attention plus qu'aimable. Reverrai-je jamais cette côte chérie? Voilà une question qui se présente naturellement à l'esprit, quand on quitte pour longtemps des endroits, des contrées, qui se sont gravés en caractères ineffaçables dans la mémoire. Pourquoi la mer Noire est elle si loin de la mer Baltique?»

«Alexandra».

Недалеко отъ Мисхора есть лавровая роща Нарышкина.

Ялта хорошенькій, но весьма маленькій городокъ, при самомъ морѣ, съ соборомъ странной архитектуры. Проѣзжая на станцію Ай-Даніель (Св. Даніила) я остановился, чтобы зайти въ ботаническій Никитскій садъ, основанный знаменитымъ Палласомъ. Директора Гартвиста не было. Садовникъ, нѣмецъ, чрезвычайно услужливый, водилъ меня по саду и показывалъ мнѣ рѣдкія деревья: кедръ Ливанскій (Pinus cedrus), смоковница, липа изъ Миссисипи (Filia Missisipiens), кипарисы пирамидальные, зонтикъ Китайскій и многія другія. Все разсажено по участкамъ: кипарисы всѣхъ родовъ въ одномъ мѣстѣ, липы въ другомъ, дубы въ третьемъ. Сперва сажаютъ школу, а послѣ разсаживаютъ.

Большого стоило мнѣ труда добраться до станціи: я сдѣлалъ по жарѣ вѣрныхъ 10 верстъ.

Изъ Ай-Даніель я проѣхалъ въ Буюкъ-Лампатъ. Дорога замѣчательна тѣмъ, что, выѣзжая, вы видите передъ собою Аюдагъ (медвѣдь-гора); пять разъ кажется, что она назади и пять разъ она ставитъ передъ вами мрачное чело свое.

Изъ Буюкъ-Лампата дорога въ Алушту необыкновенно живописна: передъ вами море и за нимъ горы тянутся грядами, настоящая декорація. Странные люди! Въ природѣ мы ищемъ декораціи, въ декораціяхъ природу.

Я составлялъ мои послѣднія записки на прекрасной станціи въ Алуштѣ. Море разыгралось, торжественный шумъ его, мѣшаясь съ дикимъ крикомъ дочерей станціоннаго смотрителя: «Ты не повѣришь»... вы не повѣрите, какъ мѣшалъ мнѣ писать.

Конецъ и Богу слава.

1840 г. декабря 31 дня.

II. ОПИСАНІЕ СВИДАНІЯ СЪ КОРОЛЕМЪ ИТАЛІИ ВИКТОРОМЪ-ЭММАНУИЛОМЪ ВЪ 1860 ГОДУ.

Le roi était en grande tenue, avec l'ordre de l'Anonciade; il se tenait debout au milieu de la chambre en s'appuyant sur son sabre. Sa physionomie ouverte, martiale et pleine de bonté, m'avait rendu courage.

Je remarquai avec infiniment de plaisir que nous portions les cheveux de la même manière.

«M-r le baron», dit-il en me tendant la main, «je suis très content de vous voir».

— «Sire, lui répliquai-je, je suis tout heureux que le sort m'ait favorisé de pouvoir présenter mes hommages».

«J'aime les Russes...»

— «Et leurs voeux, Sire, vous suivaient sur les champs de bataille contre les Autrichiens».

«Merci, merci. Prenez place. Non, vous ne serez pas bien comme ça, le soleil vous fait mal aux yeux».

— «Croyez, Sire, que je suis touché jusqu'au fond de mon âme de l'accueil gracieux de Votre Majesté, et en général de celui que j'ai rencontré dans vos états».

«C'est tout naturel... Vous avez vu une division à Milan? Vous avez visité les champs des dernières batailles?»

— «Je suis très reconnaissant envers le général Comte la Marmora qui m'a rendu un grand service, en me faisant accompagner par des officiers qui ont pris part eux mêmes à ces combats».

«Qui vous a accompagné à Solférino?»

— «M-r le major Di Vecchio».

«C'est un très bon officier».

— «Sire, c'est un officier très distingué».

«Solferino», continua le roi, «a été une grande bataille qui a fini la guerre sans pouvoir arrêter le cours des événements, auxquels l'impulsion a été une fois donnée. Voyez-vous, il se passe des choses que les uns ne comprennent pas, les autres ne veulent pas comprendre et que les troisièmes malheureusement ne comprendront jamais. Nous vivons dans un temps extraordinaire. J'ai passé par beaucoup de phases. J'ai risqué de perdre mon trône. Je ne suis pas ambitieux; si je n'étais roi, j'aurais préféré l'état du paysan;—mais par les circonstances et le désir de mon père, je suis appelé à régner. Nous avons eu une rude guerre, mais Dieu a béni nos armes».

— «J'ai admiré la bravoure de vos troupes, Sire...»

«Oui, j'ai une brave armée; c'est pendant la guerre que les armées se forment. A présent j'ai 250 mille hommes sous les armes; bientôt j'en aurai 400 mille.

«L'Autriche voulait m'attaquer, mais l'entrevue de Varsovie l'en a retenue. Pourtant jamais on n'est sûr de ce que l'Autriche fera et si j'en étais attaqué, je la recevrais rudement. Quant à moi, je ne l'attaquerai pas, je ne ferai rien pour Vénise, j'empêcherai même tous les mouvements populaires. L'Autriche va mal. Elle a fait des concessions aux Hongrois, ce qu'elle n'aurait point dû faire. Qu'on donne des concessions exigées par le temps, mais que ce soit par la bonne volonté du souverain, autrement elles ne peuvent que nuire...

«Quelles campagnes avez-vous fait?»

— «J'ai été pendant trois ans au Caucase».

«Rude guerre?»

— «Puis la campagne de Hongrie».

«Faute, dont vous avez payé les pots cassés».

— «Enfin la guerre de Turquie».

«Pourquoi ne chassez-vous pas les Turcs de l'Europe?»

— «Sire, pourquoi l'avez-vous empeché?»

«Si j'ai pris part à la guerre, c'était bien à contre coeur pour ne pas être écrasé. Je vous répète, j'aime les Russes, j'estime votre Empereur...

«Il y a beaucoup de rois, mais c'est le seul que j'estime. Qu'il se prononce, qu'il déclare qu'il veut chasser les Turcs et je lui donnerai 30, 40 mille de troupes bien aguerries,—j'irai moi-même, j'aime la vie de soldat et il faut que mes troupes combattent».

— «Rien de plus beau, Sire, que de voir un Roi le sabre à la main».

«Je ne faisais que mon devoir, avant comme à présent...

«Quel chemin pensez-vous qu'on prendrait pour aller à Constantinople?»

— «On prétend, Sire, que le chemin par Vienne est le plus sûr».

«Allez par Vienne, ce sera notre point de réunion. Croyez, l'Italie ira loin».

— «Il semble, Sire, que le doigt de Dieu vous montre ce qu'il faut faire. Jamais, je crois, Votre Majesté ne pensait être à cette heure à Naples?»

«Comme vous le dites. Quand Garibaldi allait en Sicile, je lui souhaitais plutôt d'être fusillé, que pendu. Mais ensuite, quand j'ai vu les troupes Napolitaines fuir devant le ramassis de Garibaldi et les Français quitter Naples, je me suis avancé pour y mettre ordre.

«J'ai rencontré les troupes Napolitaines derrière Carliano. Mes généraux, sans savoir probablement s'il y avait un pont, ou si l'on pouvait passer au guet, ont avancé beaucoup de troupes qui rencontrèrent l'eau deux fois plus profonde que cette chambre.

«Je ne sais où mes généraux avaient leurs têtes, probablement dans les sacs.

«L'ennemi, sachant qu'on ne pouvait passer la rivière, tint bon et mit plusieurs batteries en position. J'ai perdu du monde et j'avais toutes les peines de faire retirer les soldats hors du feu».

— «C'est qu'ils ne sont pas habitués à se retirer en présence de Votre Majesté».

«Vrai, ils pensent qu'une fois qu'on se retire, on est vaincu.

«J'ai fait ensuite une reconnaissance et j'ai trouvé que ma flotte pouvait prendre les Napolitains de flanc, pendant que j'attaquerais de front. Et le passage fut effectué. Pas un prince de sang n'a eu le courage de mourir le sabre à la main.

«Il n'y avait qu'une femme, la femme du roi, qui s'est mise à cheval pour encourager les troupes. N'est ce pas, vos princes sont de tout autre trempe».

— «Sire, ce sont des gens d'honneur, qui ont fait déjà leurs preuves».

«J'aime et j'estime beaucoup votre famille impériale».

Le roi s'est levé.

«Vous avez l'intention d'aller à la mollo-di-Gaeta?»

— «Si vous daignez, Sire, m'en accorder la permission».

«Cela dépend de vous, général.

«Les travaux sont ralentis, car nous sommes forcés de faire encore des chemins; il n'y avait rien ici, on tenait le peuple dans l'avilissement, on l'abrutissait exprès».

— «Sire, les Napolitains me rappellent beaucoup les Turcs».

«Ils sont pire que les Turcs.

«Les Turcs ont leur dignité personnelle.

«Imaginez qu'on se jetait à terre et demandait que je passasse à cheval dessus. Alors je leur disais—allez-vous faire...

«On voulait embrasser mes mains, que voulez-vous que je pense de pareilles gens.

«Les employés demandaient l'aumône et quand un de mes officiers donnait un écu, on en était très content...

«Ah, quel gouvernement; cela fait pitié.

«Vous voyez bien tout ce que nous avons à faire ici. Il faut régénérer le peuple.

«Et après Gaeta ou comptez-vous aller?»

— «Sire, je pense aller par Rome, Florence et Génève à Paris.

«Vous allez à Rome? Vous y entendrez de belles choses de moi».

— «Si vous me permettez de le dire, Sire, j'ai passé déjà par un pays où l'on ne vous aime pas trop».

«Où cela?»

— «J'étais à Munich; les Bavarois sont Autrichiens jusqu'au bout des ongles».

«Vous vous trompez, général, ils sont plus Autrichiens que les Autrichiens eux-mêmes...

«Adieu, général, Dieu sait ce que l'avenir nous réserve; peut être nous nous rencontrerons encore, mais, en tout cas, je vous prie de me garder un bon petit souvenir».

— «Sire, la bonté de Votre Majesté restera toujours gravée dans mon coeur».

«Adieu, général, votre main».

— «Que Dieu vous protège, Sire».

«Merci, adieu».

ГЛАВА XI.

1871 годъ.

Введеніе. Порученіе графу В. А. Бобринскому осмотрѣть желѣзныя дороги. Назначеній Бобринскаго товарищемъ министра путей сообщенія. Назначеніе его министромъ путей сообщенія. Назначеніе меня предсѣдательствующимъ въ совѣтѣ министерства путей сообщенія, завѣдывающимъ дѣлами по желѣзнымъ дорогамъ и сенаторомъ. Вступленіе мое въ управленіе министерствомъ путей сообщенія за отсутствіемъ Бобринскаго. Его возвращеніе и назначеніе въ министерство лицъ изъ постороннихъ вѣдомствъ. Князь Щербатовъ. Золотаревъ. Гейнсъ. Графъ Алексѣй Бобринскій. Комитетъ по улучшенію Маріинской системы. Предложенія по улучшенію судоходства рѣки Волги. Преобразованіе центральныхъ учрежденій министерства путей сообщенія, милостивое расположеніе Государя ко мнѣ и хорошія мои отношенія къ В. Бобринскому. Дѣло по устройству желѣзной дороги отъ Бердичева къ Бресту. Болѣзнь графа Владиміра Бобринскаго и вступленіе мое въ управленіе министерствомъ. Продолженіе дѣла по устройству желѣзной дороги отъ Бердичева къ Бресту. Расточительность Бобринскаго по казеннымъ суммамъ. Дѣло по передачѣ шоссе въ Московской губерніи Московскому земству. Дѣло по желѣзной дорогѣ къ Севастополю. Интриги приближенныхъ Бобринскаго. Представленіе къ наградамъ по министерству путей сообщенія въ 1871 году. Новый способъ образованія обществъ желѣзныхъ дорогъ. Образованіе обществъ на Ландварово-Роменскую и Лозово-Севастопольскую желѣзныя дороги. Желаніе мое удалиться изъ министерства путей сообщенія. Возвращеніе Владиміра Бобринскаго въ Петербургъ. Удаленіе мое изъ министерства путей сообщенія и назначеніе Алексѣя Бобринскаго товарищемъ министра. Перемѣна квартиры въ Петербургѣ въ 1871 году. Продолженіе разсказа объ отдачѣ Ландварово-Роменской и Лозово-Севастопольской желѣзныхъ дорогъ. Продажа Московско-Курской желѣзной дороги товариществу Московскихъ капиталистовъ. Статистическій сборникъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ за 1868 и 1869 годы. Поѣздка за границу. Варшава, Прага, Карлсбадъ, Ишль, Вѣна. Возвращеніе въ Петербургъ. Графъ К. И. Паленъ; графъ Г. Строгановъ; Д. А. Милютинъ. Торжественное шествіе въ Александро-Невскую Лавру. Назначеніе графа А. П. Бобринскаго управляющимъ министерствомъ путей сообщенія. Предложеніе объ избраніи меня въ совѣтъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Мои занятія осенью 1871 года и переѣздъ въ Петербургъ.

---

20 мая 1871 года я уволенъ стъ должностей: начальника управленія желѣзными дорогами, предсѣдательствующаго въ совѣтѣ министерства путей сообщенія и предсѣдателя совѣщательнаго комитета этого миниастерства, съ оставленіемъ сенаторомъ и по инженерному корпусу. Этимъ я былъ удаленъ изъ вѣдомства, въ которомъ состоялъ болѣе 40 лѣтъ.

Постоянныя значительныя занятія и слабость зрѣнія не могли отвлечь меня отъ чтенія литературныхъ произведеній. Я постоянно много читалъ и въ особенности любилъ чтеніе записокъ и воспоминаній о прежнихъ временахъ. Это дало мнѣ мысль, освободясь отъ занятій по министерству путей сообщенія, написать и свои воспоминанія. Начиная ихъ писать на 59 году жизни, не знаю, буду ли имѣть терпѣніе долго продолжать, а потому полагаю излагать случившееся со мною и то, чему я былъ свидѣтелемъ, не въ хронологическомъ порядкѣ, а эпизодами, по мѣрѣ того, какъ они придутъ мнѣ на память*).

Внезапное увольненіе меня отъ всѣхъ должностей по министерству путей сообщенія непріятно поразило, смѣю сказать, не только большую часть чиновъ этого министерства и желѣзнодорожныхъ дѣятелей, но и всѣхъ благомыслящихъ, желающихъ преуспѣянія своему отечеству. По этой причинѣ для разъясненія этого эпизода необходимо познакомиться съ нѣкоторыми предшествовавшими обстоятельствами.

Въ мартѣ 1868 года свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій заходилъ ко мнѣ въ Петербургѣ и, не заставъ дома, прислалъ спросить, въ которомъ часу онъ можетъ меня застать на другой день.

Въ это время продолжались засѣданія комиссіи, учрежденной подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника, о поданіи пособія нуждающимся вслѣдствіе неурожая, постигшаго нѣкоторыя мѣстности въ Россіи въ 1867 году. Я былъ членомъ этой комиссіи, а графъ Бобринскій только что воротился изъ Архангельской губерніи, въ которую былъ посланъ по иниціативѣ комиссіи для ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ голодающихъ и удостовѣренія въ томъ, что мѣстные запасные хлѣбные магазины содержатъ то количество хлѣба, которое въ нихъ показывается по вѣдомостямъ, и что выдача хлѣба изъ этихъ магазиновъ производится правильно.

Я полагалъ, что Бобринскій находитъ нужнымъ мнѣ передать что-либо по этому порученію. На другой день онъ пріѣхалъ въ назначенный мною часъ и первый его вопросъ былъ о томъ, передалъ ли мнѣ министръ Мельниковъ о возложенномъ Государемъ на графа порученіи прослѣдить отправку грузовъ по нѣкоторымъ желѣзнымъ дорогамъ, и очень удивился, что я объ этомъ ничего не знаю, тогда какъ онъ уже два дня передъ тѣмъ заявилъ объ означенномъ порученіи Мельникову, который сказалъ, что онъ о передвиженіи грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ ничего не знаетъ, что въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ объ этомъ также не имѣютъ никакихъ свѣдѣній, и предложилъ ему за полученіемъ свѣдѣній отнестись ко мнѣ, какъ къ главному инспектору частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Бобринскій сказалъ мнѣ, что онъ отправляется на Московско-Воронежскую линію, состоящую изъ Московско-Рязанской, Рязанско-Козловской

*) Впослѣдствіи я измѣнилъ это предположеніе.

и Козлово-Воронежской желѣзныхъ дорогъ съ вѣтвію отъ Ряжска до Моршанска.

Рязанско-Козловская дорога открыта въ сентябрѣ 1866 года. Рязанско-Моршанская въ декабрѣ 1867 года. Козлово-Воронежская въ февралѣ 1868 года. Въ зиму 1867—1868 годовъ, при хорошемъ урожаѣ той мѣстности и значительномъ требованіи хлѣбныхъ произведеній за границу, главныя станціи первыхъ двухъ дорогъ были переполнены грузами, количество которыхъ было такъ велико, что они не могли быть въ скоромъ времени доставлены въ Москву даже при совершенной правильности эксплоатаціи дорогъ, такъ какъ всѣ названныя линіи были устроены въ одинъ путь, а разстоянія между станціями, на которыхъ могли скрещиваться поѣзда, доходили до 25 верстъ и болѣе. Отправка грузовъ замедлялась и по недостаточности подвижного состава на всѣхъ дорогахъ, неопытности служащихъ по эксплоатаціи на двухъ вновь открытыхъ дорогахъ, и сильными снѣжными метелями, противъ которыхъ на этихъ дорогахъ не могли еще, по недавности ихъ открытія, принять всѣхъ нужныхъ средствъ, такъ какъ ни направленіе, ни сила вѣтровъ, производящихъ снѣжные заносы, еще не были извѣстны. Къ этому присоединялись еще поврежденія водоснабженій на нѣкоторыхъ станціяхъ Рязанско-Козловской дороги, оказавшіяся вслѣдствіе сильныхъ морозовъ.

Жалобы грузоотправителей въ подаваемыхъ ими прошеніяхъ разнымъ начальствамъ и въ статьяхъ, печатаемыхъ въ періодическихъ изданіяхъ, были безпрерывны. Они увѣряли, что грузы не только перевозятся медленно, но и не въ очередь, и что дается предпочтеніе тѣмъ, которые платятъ за это начальникамъ станцій. Жалобы объ отправкѣ грузовъ не по очереди были несправедливы: послѣ ревизіи, сдѣланной мною въ февралѣ 1867 года на Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской дорогахъ, эти злоупотребленія прекратились.

Перевозка грузовъ производилась столь поспѣшно, сколько позволяли вышесказанныя условія эксплоатаціи. Вмѣсто поврежденныхъ постоянныхъ водоснабженій на Рязанско-Козловской дорогѣ, которыя могли быть поправлены только въ лѣтнее время, устраивались весьма поспѣшно временныя водоснабженія и на этой дорогѣ, а равно и на Московско-Рязанской устраивались между станціями, имѣвшими болѣе 20 верстъ, полустанціи для скрещиванія поѣздовъ.

Въ зимнее время производство этихъ работъ представляло большія затрудненія. Правительственные инспектора при дорогахъ должны были наблюдать за правильностію эксплоатаціи, но для этого не было дано имъ никакихъ средствъ, и они были лишены всякой власти: они могли только доносить о замѣченныхъ ими безпорядкахъ главному инспектору, который тоже не имѣлъ никакой власти и представлялъ эти свѣдѣнія министру, и затѣмъ донесенія эти большею частію оставлялись безъ всякихъ послѣдствій въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ.

Средства, данныя главному инспектору для исполненія его обязан-

ностей, были такъ ничтожны, что онъ не имѣлъ даже возможности знать подробности о положеніи дѣлъ на желѣзныхъ дорогахъ. Только нравственное вліяніе на правленія обществъ желѣзныхъ дорогъ и на управляющихъ эксплоатаціею, постоянные осмотры дорогъ и усиленныя занятія давали возможность, хотя частію, предотвратить безпорядки и злоупотребленія, но все это парализовалось департаментомъ желѣзныхъ дорогъ, учрежденіемъ бюрократическимъ и еще болѣе сдѣлавшимся таковымъ по характеру директора департамента инженеръ генералъ-маіора Николая Ивановича Липина. При этой обстановкѣ я также не имѣлъ свѣдѣній о передвиженіи грузовъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, но въ виду важности этого предмета по вышеозначеннымъ четыремъ дорогамъ я, по моему требованію, получалъ собственно отъ этихъ дорогъ свѣдѣнія о ежедневно прибывающихъ на станціи грузахъ и объ успѣхѣ ихъ отправки по назначенію.

Эти свѣдѣнія я передалъ графу Бобринскому, который вскорѣ уѣхалъ и по возвращеніи представилъ донесеніе Государю, въ которомъ оправдываетъ дѣйствія мѣстныхъ управленій желѣзныхъ дорогъ и настаиваетъ на необходимости укладки второго пути на Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской дорогахъ, прибавленія на нихъ подвижного состава и точнѣйшаго опредѣленія правилъ прямого сообщенія между дорогами, которое, по моему настоянію, уже было учреждено на означенныхъ четырехъ дорогахъ.

Командировка Бобринскаго на желѣзныя дороги была, впрочемъ, не столько слѣдствіемъ безпрерывныхъ жалобъ грузоотправителей, сколько слѣдствіемъ нелѣпой корреспонденціи, напечатанной въ какой-то газетѣ о слѣдующемъ происшествіи, бывшемъ въ февралѣ 1868 года: на Козлово-Воронежской дорогѣ товарный поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, причемъ не произошло никакого несчастія и только былъ поврежденъ путь. Корреспондентъ какой-то газеты, сообщая объ этомъ, прибавилъ, что сходъ съ рельсовъ произошелъ оттого, что верхнее строеніе дороги такъ дурно уложено, что шпалы и рельсы снесло съ дороги бурею и при исправленіи поврежденія ихъ отыскивали по полямъ въ снѣгу. Эту нелѣпую корреспонденцію графъ П. А. Шуваловъ показалъ Государю. Вся цѣль Шувалова была замѣнить Мельникова своимъ человѣкомъ, и всякое средство къ тому онъ считалъ хорошимъ.

Въ маѣ Владиміръ Бобринскій былъ назначенъ товарищемъ министра путей сообщенія на мѣсто генералъ-лейтенанта Герстфельда, получившаго званіе члена Государственнаго Совѣта. Бобринскій немедля по назначеніи пріѣхалъ ко мнѣ и выразилъ, что онъ рѣшился принять эту должность только въ увѣренности на мое содѣйствіе, что только любовь и уваженіе, пріобрѣтенныя мною отъ правленій и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, даютъ возможность вести съ пользою новое и важное дѣло желѣзныхъ дорогъ, и что онъ обо всемъ этомъ уже докладывалъ Государю.

Апатія Мельникова надоѣла всѣмъ. Раздача постройки желѣзныхъ

дорогъ по высокимъ цѣнамъ безъ предварительныхъ изысканій для опредѣленія стоимости уступаемыхъ дорогъ, злоупотребленія при этой раздачѣ со стороны высокопоставленныхъ лицъ, а въ нѣкоторой степени и служащихъ въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ и многое другое надоѣли многимъ и въ томъ числѣ мнѣ. Я надѣялся, что человѣкъ еще среднихъ лѣтъ, занимавшійся своимъ большимъ хозяйствомъ, близкій къ Государю, при умѣніи выбирать себѣ помощниковъ, можетъ быть полезенъ Россіи, и потому рѣшился всѣми мѣрами ему содѣйствовать и, въ виду надежды на успѣхъ дѣла, предаться Бобринскому вполнѣ, извинять недостатки, терпѣть отъ него все, что возможно вытерпѣть, такъ какъ по неоднократному опыту я зналъ, что безъ этого будетъ страдать намъ порученное общественное дѣло. Съ этого времени мы по служебнымъ дѣламъ сдѣлались неразлучны, стараясь разъяснить всякое разномысліе.

По назначеніи графа Бобринскаго въ апрѣлѣ 1869 г. исправляющимъ должность министра путей сообщенія, онъ писалъ ко мнѣ въ Карлсбадъ о томъ, что онъ при докладахъ Государю повторялъ неоднократно о необходимости моего ему содѣйствія и что хотя званіе товарища министра путей сообщенія упраздняется, но я во всякомъ случаѣ буду первымъ лицомъ въ министерствѣ. Къ этому онъ присовокупилъ, что Государю весьма желательно, что бы я согласился на предложеніе графа и чтобы я поспѣшилъ возвращеніемъ въ Россію для управленія министерствомъ, такъ какъ онъ собирается отлучиться изъ Россіи на все лѣто. Я отвѣчалъ, что, всегда готовый исполнить волю Государя, на все согласенъ.

Въ іюнѣ я назначенъ сенаторомъ и вслѣдъ за симъ завѣдывающимъ дѣлами по желѣзнымъ дорогамъ и предсѣдательствующимъ въ совѣтѣ министерства. Въ іюлѣ, по отъѣздѣ графа Бобринскаго, я вступилъ въ управленіе министерствомъ. Въ октябрѣ Бобринскій вернулся и началъ набирать высшихъ служащихъ въ министерство путей сообщенія изъ другихъ вѣдомствъ.

Войдя разъ въ кабинетъ графа, я у него нашелъ молодого генералъ-маіора генеральнаго штаба, котораго графъ представилъ мнѣ, назвавъ его княземъ Щербатовымъ. Разговоръ шелъ о томъ, изъ какихъ источниковъ назначить содержаніе завѣдывающему дѣлами по шоссейнымъ и водянымъ сообщеніямъ для включенія объ этомъ во всеподданнѣйшій докладъ, который долженъ былъ быть представленъ на Высочайшее утвержденіе на другой день. Завѣдывающаго шоссейными и водяными сообщеніями не полагалось по прежнимъ штатамъ министерства, но должность эта была введена въ новый штатъ, составлявшійся мною по порученію Бобринскаго, и когда я, незадолго до встрѣчи Щербатова, спросилъ, кого онъ полагаетъ назначить въ эту должность, Бобринскій мнѣ отвѣчалъ, что, мало знакомый съ нашимъ вѣдомствомъ, онъ никого теперь не назначитъ, а будетъ самъ исправлять года два обязанности завѣдывающаго дѣлами по шоссейнымъ и водянымъ сообщеніямъ и только тогда рѣшится избрать лицо на эту должность,

Увидѣвъ Щербатова и Бобринскаго занятыми пріисканіемъ вышеупомянутыхъ источниковъ, я, конечно, догадался о намѣреніи предоставить эту должность Щербатову. Трудно мнѣ опредѣлить причину, по которой сдѣланъ этотъ выборъ, такъ какъ Бобринскій зналъ Щербатова собственно по рекомендаціи князя Паскевича, сына фельдмаршала; мнѣ же онъ не говорилъ объ этомъ выборѣ, вѣроятно, изъ опасенія, что я буду представлять ему о необходимости дать означенную должность опытному инженеру. Не говоря уже о грустномъ впечатлѣніи, которое назначеніе Щербатова произвело на все вѣдомство путей сообщенія, общественное мнѣніе сильно было возбуждено противъ него. Спрашивали, когда же перестанутъ у насъ изъ сапожниковъ дѣлать пирожниковъ, а также, разбирая прежнюю службу Щербатова, выводили изъ нея самые неутѣшительные результаты. Говорили, будто онъ величайшій взяточникъ, мотъ, много долженъ, не платитъ своихъ долговыхъ обязательствъ, употребляетъ для этого всякіе обманы и извѣстенъ въ Калишѣ, гдѣ былъ губернаторомъ. Не могли эти слухи не доходить до Бобринскаго, но онъ имъ не вѣрилъ.

Я объясняю назначеніе Щербатова слѣдующимъ образомъ. Бобринскій при вступленіи въ министерство путей сообщенія не имѣлъ никакого понятія о его составѣ и вообще о штатахъ министерства и о правилахъ расходованія бюджетныхъ суммъ. Онъ слыхалъ, что министры не могутъ расходовать суммы, ассигнованныя на министерство, по своему усмотрѣнію, но полагалъ, что это правило легко обойти и что онъ можетъ имѣть при себѣ неограниченное число чиновниковъ особыхъ порученій съ хорошимъ содержаніемъ и посредствомъ ихъ управлять министерствомъ, о чемъ онъ мнѣ говорилъ неоднократно. Сверхъ того, онъ никакъ не могъ понять іерархіи, установленной въ нашей гражданской службѣ. Вслѣдствіе этого незнакомства съ ходомъ дѣлъ, Бобринскій, въ бытность свою въ продолженіе года товарищемъ министра съ полною увѣренностью быть вскорѣ министромъ, обѣщалъ весьма многимъ лицамъ опредѣлить ихъ въ министерство. Изъ этихъ лицъ, конечно, получили мѣста только самые близкіе къ Бобринскому и наиболѣе настойчиво требовавшіе исполненія даннаго имъ обѣщанія; прочіе же, и весьма многіе, открыто называли Бобринскаго обманщикомъ.

Щербатовъ принадлежалъ къ наиболѣе настойчиво требовавшимъ обѣщаннаго, но онъ желалъ повышенія, а не пониженія, при переходѣ. Онъ былъ уже губернаторомъ, слѣдовательно занималъ мѣсто IV класса. Въ этомъ классѣ состояли въ министерствѣ только директора департаментовъ, но ихъ содержаніе было менѣе губернаторскаго и трудно было его увеличить, такъ какъ подобныхъ должностей много и въ другихъ министерствахъ. Бобринскій считалъ его наравнѣ съ своимъ отцомъ и двоюроднымъ братомъ, графомъ Алексѣемъ Павловичемъ Бобринскимъ, наиумнѣйшими людьми, когда-либо имъ встрѣченными. Это заставило Бобринскаго обѣщать Щербатову дать ему предполагаемое по новымъ штатамъ мѣсто начальника водяныхъ и шоссейныхъ сообщеній, а до утвержденія этихъ

штатовъ назначить его завѣдующимъ этими частями. Щербатовъ былъ большой говорунъ, сплетникъ и интриганъ, а служебными дѣлами занимался настолько, насколько они могли ему лично принести выгоду.

Вмѣстѣ съ Бобринскимъ пріѣхалъ осенью 1869 года въ Петербургъ драгунскій полковникъ Золотаревъ. Онъ назначенъ состоять при Бобринскомъ по особымъ порученіямъ и поселился жить въ казенномъ домѣ, занимаемомъ министромъ, и даже въ одномъ этажѣ съ Бобринскимъ, занявъ тѣ комнаты, въ которыхъ жили прежніе министры, такъ какъ Бобринскій перешелъ на половину, которую въ прежнее время занимали семьи министровъ. (Родная сестра Золотарева была замужемъ за роднымъ братомъ Бобринскаго, Львомъ.) Никакого важнаго дѣла не дѣлалось безъ Золотарева, и потому я не могу умолчать объ его назначеніи, хотя умалчиваю о другихъ личностяхъ, въ то же время опредѣленныхъ на службу въ министерство изъ другихъ вѣдомствъ и занявшихъ менѣе значительныя должности.

Бобринскій неоднократно говорилъ мнѣ, что ему необходимо дать мѣсто въ министерствѣ генеральнаго штаба генералъ-маіору Гейнсу, который будетъ доволенъ всякимъ положеніемъ, и что Бобринскій желалъ бы его имѣть собственнымъ секретаремъ. Для этого по новымъ штатамъ полагалось учредить, сверхъ департамента общихъ дѣлъ, еще собственную канцелярію министра и управляющему ею дать 5.000 руб. годового содержанія. Бобринскій былъ увѣренъ, что Гейнсъ этимъ будетъ вполнѣ доволенъ.

Въ декабрѣ 1869 г. я видѣлъ Гейнса въ первый разъ у Бобринскаго. Тогда же онъ назначенъ былъ состоять при министрѣ, но никакъ не хотѣлъ довольствоваться содержаніемъ въ 5.000 р. Собрали какіе-то остатки по министерству, и Бобринскій испросилъ ему изъ этихъ остатковъ содержаніе въ 7.000 руб., о чемъ всеподданнѣйшій докладъ редактировалъ Гейнсъ въ самыхъ пышныхъ выраженіяхъ, выставляя необходимость министру путей сообщенія имѣть при себѣ особое лицо для высшихъ соображеній по его министерству.

Гейнсъ, какъ и всѣ прочіе, перешедшіе изъ другихъ вѣдомствъ, разсчитывалъ на золотыя горы въ министерствѣ путей сообщенія и первымъ его требованіемъ было о выдачѣ прогонныхъ изъ Ташкента и на подъемъ, нѣсколькихъ тысячъ рублей, хотя, какъ мнѣ говорили въ военномъ министерствѣ, онъ уже получилъ и прогонныя и подъемныя деньги на проѣздъ изъ Ташкента за границу для излеченія болѣзни, и ему предстояло переѣхать только отъ Синяго моста до Обухова, въ домъ министра, который ему устроилъ помѣщеніе во второмъ этажѣ, и на это, конечно, не требовалось выданныхъ ему 4.000 р. Гейнсъ впослѣдствіи не ладилъ съ Золотаревымъ, большимъ другомъ Щербатова, и скоро попалъ въ немилость у Бобринскаго.

Въ декабрѣ же 1869 г. свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Алексѣй Павловичъ Бобринскій, двоюродный братъ министра, назначенъ

членомъ совѣта министерства путей сообщенія безъ содержанія. Графъ Владиміръ Бобринскій объяснялъ мнѣ это назначеніе тѣмъ, что двоюродный братъ его человѣкъ необыкновеннаго ума и будетъ весьма полезенъ при разсмотрѣніи въ совѣтѣ безчисленныхъ жалобъ подрядчиковъ прежняго времени на притѣсненія министерства и подвѣдомственныхъ ему лицъ. Графъ Алексѣй Бобринскій былъ въ совѣтѣ всего раза три и, получивъ въ январѣ 1870 года порученіе осмотрѣть заграничныя узкоколейныя желѣзныя дороги, по возвращеніи изъ этой командировки въ совѣтъ не являлся.

Многія изъ дѣлъ, разсматривавшихся въ совѣтѣ, были чрезвычайно запутаны. Они, по заведенному порядку, разсматривались чиновниками канцеляріи министра, которые составляли по нимъ доклады и читали ихъ совѣту, собиравшемуся разъ въ недѣлю по четвергамъ. По назначеніи меня предсѣдательствующимъ въ совѣтѣ, я приказалъ мнѣ представлять, для предварительнаго разсмотрѣнія, всѣ доклады и нѣкоторые изъ нихъ исправлялъ и измѣнялъ. Такимъ образомъ на дѣла, по которымъ претензіи къ казнѣ простирались на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, было обращено вниманія болѣе прежняго, такъ какъ прежде члены совѣта собирались на два или три часа въ недѣлю и большею частію ограничивались слушаніемъ чтенія докладовъ.

Это распоряженіе, при моихъ сложныхъ и безпрерывныхъ занятіяхъ, было для меня утомительно тѣмъ, что прочитанное мною наканунѣ со вниманіемъ я долженъ былъ выслушать на другой день, но я постоянно терпѣливо переносилъ это. Только разъ, не совсѣмъ здоровый и утомленный другими занятіями, я съ трудомъ удерживался отъ сна при чтеніи одного длиннаго доклада весьма запутаннаго дѣла, мною наканунѣ съ большимъ вниманіемъ разсмотрѣннаго и слѣдственно мнѣ вполнѣ знакомаго.

Алексѣй Бобринскій былъ въ этомъ засѣданіи совѣта. Каждый разъ, когда я ему, по возвращеніи его изъ-за границы, замѣчалъ, что мы сожалѣемъ объ его отсутствіи изъ совѣта, онъ съ усмѣшкою отвѣчалъ, что полагаетъ излишнимъ ѣздить въ такое учрежденіе, которое наводитъ сонъ даже на человѣка столь дѣятельнаго, какъ я. Не бытность же его въ засѣданіяхъ совѣта объясняется очень просто.

Алексѣй Бобринскій находилъ нужнымъ заниматься только тѣми дѣлами, которыя могли ему доставить выгоду и въ особенности служить къ его повышенію. Побывавъ нѣсколько разъ въ совѣтѣ, онъ понялъ, что дѣла давно минувшихъ дней, по разбору подрядчичьихъ претензій, переносимыя часто по ихъ жалобамъ въ Сенатъ, и всѣ другія, разсматриваемыя въ совѣтѣ, не обращаютъ на себя вниманія высшихъ вліятельныхъ лицъ и потому не могутъ принести ему никакой пользы.

Зима 1869—1870 годовъ требовала отъ меня сильной дѣятельности по разнообразнымъ моимъ занятіямъ и въ Сенатѣ, и въ совѣтѣ министерства, и въ особенности по желѣзнымъ дорогамъ и по управленію министер-

ствомъ во время неоднократной болѣзни министра, съ которымъ отношенія наши продолжали быть самыми дружественными. Онъ согласился на всѣ мои предложенія, благодарилъ безпрерывно за мою помощь, говоря, что онъ не могъ бы безъ нея обойтись, что по совершенному мною знанію дѣлъ, а равно личностей, служащихъ въ министерствѣ путей сообщенія, и по уваженію, которымъ я вообще пользуюсь у желѣзнодорожныхъ дѣятелей, я, по его мнѣнію, не могъ быть замѣненъ никѣмъ другимъ, что Государь весьма доволенъ моими докладами и неоднократно выражалъ ему о своемъ ко мнѣ расположеніи и между этими разговорами самъ приказалъ меня представить къ Пасхѣ къ наградѣ орденомъ Бѣлаго Орла.

Только дѣла по шоссейнымъ и водянымъ сообщеніямъ производились вполнѣ безъ моего вѣдома. Щербатовъ, желая выставить себя и, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, желая вдругъ получить значительный кушъ въ свою пользу, задумалъ перестроить всю Маріинскую систему, на что потребовалось бы нѣсколько милліоновъ рублей, и преобразовать управленіе оной, отдавъ ее въ аренду частной компаніи. Для приведенія этого въ исполненіе В. Бобринскій испросилъ учрежденіе особаго комитета, подъ предсѣдательствомъ Щербатова, изъ лицъ вѣдомства путей сообщенія, высшихъ чиновъ разныхъ другихъ министерствъ и нѣкоторыхъ торговцевъ, пользующихся означенною системою. Разныя предположенія комитета встрѣтили въ самомъ началѣ сильное сопротивленіе многихъ торговцевъ и въ особенности С.-Петербургскаго и Рыбинскаго биржевыхъ комитетовъ, и засѣданія комитета объ устройствѣ Маріинской системы не привели ни къ какому результату, даже едва ли остались какіе-либо слѣды этихъ засѣданій.

Весною 1870 года Бобринскій снова уѣхалъ, и я вступилъ въ управленіе министерствомъ. Въ это время Щербатовъ поѣхалъ осматривать разныя части своего управленія. Золотарева Бобринскій послалъ сдѣлать статистическое изученіе направленія желѣзной дороги къ Севастополю, а Гейнсу поручилъ ознакомиться съ портами Азовскаго моря. Объ этихъ порученіяхъ со мною ничего не было говорено и ясно было, что означенныя лица, предвидя отъѣздъ Бобринскаго и вступленіе мое въ министерство, спѣшили уѣхать изъ Петербурга, чтобы избѣгнуть прямыхъ со мною сношеній. Сверхъ того, было отправлено много лицъ для изученія на мѣстѣ Маріинской системы. Всѣ получили большія суммы на подъемъ, не считая значительныхъ прогонныхъ денегъ.

Результаты поѣздки на Маріинскую систему мнѣ неизвѣстны. Кажется, едва ли было сдѣлано что-либо основательное. Рыбинское купечество не соглашалось съ предложеніями Щербатова насчетъ Маріинской системы, что оно выразило въ засѣданіи Рыбинскаго биржевого комитета и въ прошеніяхъ, посланныхъ къ министрамъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, ко мнѣ и къ шефу жандармовъ, за подписью болѣе 200 лицъ. Начальникъ отдѣленія департамента водяныхъ сообщеній, Стржелецкій, бывшій въ числѣ лицъ, посланныхъ для ознакомленія съ Маріинскою системою, не

могъ перенести этого противорѣчія Рыбинскаго купечества и, въ бытность въ Ярославлѣ у губернатора вице-адмирала Унковскаго, увѣрялъ его, что противодѣйствіе происходитъ отъ шести безпокойныхъ купцовъ, и просилъ объ удаленіи ихъ изъ Рыбинска административнымъ порядкомъ, въ чемъ, конечно, не успѣлъ.

Стржелецкій былъ извѣстенъ за мастера обдѣлывать въ департаментѣ дѣла за взятки. Большая часть подобныхъ взяточниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ усердные по службѣ и знающіе люди, но Стржелецкій и этихъ достоинствъ не имѣлъ. Между тѣмъ по вступленіи Щербатова въ министерство Стржелецкій получилъ значеніе, и это приписывали тому, что онъ успѣлъ скупить въ Калишѣ заемныя письма Щербатова, и разнымъ услугамъ послѣднему.

Къ Пасхѣ 1870 г. Стржелецкій, по настоянію Щербатова, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, хотя по занимаемому имъ мѣсту не имѣлъ на то права и въ чинѣ статскаго совѣтника состоялъ не болѣе двухъ лѣтъ. Подобное повышеніе безпримѣрно въ министерствѣ путей сообщенія, гдѣ инженеры по 10-ти и болѣе лѣтъ остаются въ чинахъ статскаго совѣтника безъ повышенія.

Между тѣмъ разныя вѣдомства и земства въ виду вліянія, которое можетъ произвести на торговлю преобразованіе Маріинской системы, просили о назначеніи въ комитетъ, учрежденный для ея устройства, своихъ членовъ. Щербатовъ, увидѣвъ тогда, что онъ слишкомъ гласно началъ это дѣло, и что при гласности нельзя провести его по своему желанію, задумалъ новое дѣло болѣе важное, но уже совершенно секретно, такъ что и я узналъ о немъ очень поздно.

Судоходство по рѣкѣ Волгѣ затруднено во многихъ мѣстахъ мелями; на большей части этихъ мелей ничего не сдѣлано было для улучшенія судоходства; на нѣкоторыхъ произведены работы не вполнѣ достигающія цѣли. Между тѣмъ Волга главный водяной путь Россіи и судоходцы давно платятъ по $\frac{1}{4}\%$ съ предметовъ, нагружаемыхъ ими на пристаняхъ Волги, для составленія капитала на ея улучшеніе.

Щербатовъ вызвалъ Варшавскаго еврея Эпштейна съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ на себя производство изысканій по улучшенію рѣки Волги, обѣщая впослѣдствіи выхлопотать разрѣшеніе Эпштейну образовать компаніи для углубленія и улучшенія водяного пути по Волгѣ и проложенія по ней туэра, съ обязанностію производить по нему перевозку за опредѣленную цѣну съ тѣмъ, что компанія будетъ получать на затраченный ею капиталъ въ продолженіе 80 лѣтъ извѣстную гарантію дохода отъ правительства.

Эпштейнъ нанялъ нѣсколькихъ инженеровъ путей сообщенія и другихъ лицъ для производства изысканій по Волгѣ и составленія проекта. Я узналъ о производствѣ этихъ изысканій во время управленія мною министерствомъ и, по возвращеніи Бобринскаго осенью въ Петербургъ, спросилъ его о цѣли этихъ изысканій. Онъ мнѣ объяснилъ, въ чемъ состоитъ

дѣло, называя его великимъ благомъ для Россіи, такъ какъ компанія обязуется содержать постоянно фарватеръ Волги глубиною въ 9 футовъ, устроить туэръ, по которому будетъ перевозить грузы по дешевой цѣнѣ, и получитъ право на относительно незначительную и вѣроятно номинальную гарантію дохода отъ правительства. Я выразилъ полное убѣжденіе, что фарватеръ Волги не можетъ быть доведенъ повсемѣстно до 9-футовой глубины, что при перевозѣ грузовъ по туэру, устроенному на означенныхъ основаніяхъ, я опасаюсь монополіи со стороны компаніи, и что выдача ей гарантіи извѣстнаго дохода можетъ гибельно подѣйствовать на пароходныя общества и частныхъ пароходовладѣльцевъ по Волгѣ, которые тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія правительства, что всѣ волжскіе пароходы, болѣе 500, стоющіе нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, учредились безъ вспоможенія правительства, безъ чего у насъ не обходится почти ни одно большое промышленное предпріятіе, и были поводомъ къ устройству въ разныхъ прибрежныхъ мѣстахъ весьма значительныхъ механическихъ заводовъ, доведшихъ устройство пароходовъ до такого совершенства, что мы не нуждаемся болѣе въ заграничныхъ. Механическіе же заводы едва ли не самая насущная потребность для Россіи.

Бобринскій съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ возразилъ мнѣ, что возможность углубить фарватеръ Волги до 9-ти футовъ доказана лучшими инженерами, бывшими на мѣстѣ, но онъ ошибался: предназначавшаяся въ проектѣ глубина была менѣе. Относительно же другихъ моихъ замѣчаній Бобринскій сказалъ, что предъ выгодой, представляемой исполненіемъ предположенія Эпштейна, все прочее ничего не значитъ. Самый проектъ улучшенія рѣки Волги, котораго я не видалъ, не былъ подвергнутъ обсужденію компетентныхъ лицъ, такъ какъ старались все это дѣло провести втихомолку и испросить его утвержденія, безъ огласки, всеподданнѣйшимъ докладомъ. Но такъ какъ по этому докладу предполагалось требованіе отпуска суммъ для гарантіи изъ государственнаго казначейства, а подобныхъ докладовъ невозможно представить безъ согласія министра финансовъ, то къ нему было объ этомъ писано въ половинѣ декабря 1870 года.

Дѣло Эпштейна не могло оставаться секретнымъ: купечество и въ особенности пароходовладѣльцы подняли тревогу, довели свои опасенія до свѣдѣнія министра финансовъ, который по этимъ причинамъ замедлилъ отвѣтомъ. Особенно сильно противодѣйствовало предпріятію Эпштейна общество для содѣйствія торговлѣ и промышленности. Между тѣмъ Бобринскій успѣлъ натолковать Государю о великомъ благѣ, которое онъ готовитъ Россіи. Государь тѣмъ болѣе могъ сочувствовать предположенію улучшить судоходство по Волгѣ, что о дурномъ его состояніи и дурныхъ полицейскихъ распоряженіяхъ по Волгѣ онъ только что слышалъ отъ великаго князя Константина Николаевича, проплывшаго въ этомъ году по всей Волгѣ. Великій князь, по возвращеніи въ Петербургъ, говорилъ мнѣ, управлявшему тогда министерствомъ путей сообщенія, о плачевномъ

состояніи рѣки Волги, которая, по его выраженію, должна быть предметомъ гордости для всякаго русскаго, но по положенію, въ которомъ мы ее содержимъ, она служитъ только къ нашему большему униженію. Онъ полагалъ, что главною причиною дурного состоянія судоходства то, что полиціей онаго завѣдуютъ инженеры путей сообщенія, незнакомые съ водянымъ дѣломъ, и даже не желающіе съ нимъ знакомиться, имѣя въ виду гораздо болѣе прибыльныя мѣста при желѣзныхъ дорогахъ и ограничивающіе свои обязанности только сборомъ $\frac{1}{4}\%$ съ нагружаемыхъ предметовъ на пристаняхъ, причемъ, по старому учрежденному порядку, они производятъ незаконные сборы въ свою пользу.

Онъ обращалъ мое вниманіе на то, что въ то время, когда все въ Россіи улучшилось, когда образованіе значительно подвинулось впередъ, а злоупотребленія въ государственной службѣ уменьшились, онъ не видитъ улучшенія только въ инженерахъ путей сообщенія. Я на это представилъ его высочеству, что образованіе инженеровъ путей сообщенія въ послѣднее время весьма улучшилось, въ чемъ можно лично удостовѣриться, присутствуя на экзаменахъ Института инженеровъ путей сообщенія, что на злоупотребленія инженеровъ путей сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ ни одно изъ частныхъ обществъ не жаловалось, и что они дѣйствительно по этимъ дорогамъ, какъ правительственнымъ, такъ и частнымъ, прекратились.

Великій князь мнѣ отвѣчалъ, что объ обученіи инженеровъ онъ ничего не знаетъ, а проѣздомъ по желѣзнымъ дорогамъ онъ доволенъ, но въ подробности дѣйствій инженеровъ при этихъ дорогахъ не входилъ. Онъ полагалъ, что судоходство по Волгѣ можетъ измѣниться съ передачей Волжскаго пути морскому министерству, причемъ прибавилъ, что я долженъ понимать, что это имъ предполагается собственно для пользы Россіи, а не изъ властолюбія, такъ какъ онъ почти и не занимается морскимъ министерствомъ, будучи обремененъ важными государственными дѣлами.

По возвращеніи Бобринскаго въ Петербургъ былъ составленъ комитетъ изъ членовъ министерствъ морского и путей сообщенія. По мнѣнію комитета, вся Волга раздѣлялась на инспекціи, которыхъ начальникъ долженъ былъ быть изъ адмираловъ и всѣ полицейскіе чины изъ флотскихъ офицеровъ, но инспекціи эти должны были оставаться въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія. Проектъ этотъ не былъ представленъ на утвержденіе Государственнаго Совѣта. Я отъ его осуществленія и не ожидалъ никакой пользы, а только постояннаго столкновенія между двумя министерствами, большею частію вреднаго для всякаго дѣла.

Бобринскій соглашался на этотъ проектъ, частію надѣясь имѣть въ флотскихъ офицерахъ новыхъ, болѣе энергичныхъ дѣятелей, а частію, чтобы привлечь на свою сторону великаго князя Константина Николаевича въ дѣлѣ по составленію чрезъ Эпштейна компаніи для улучшенія судоходства по рѣкѣ Волгѣ, въ чемъ онъ однакожъ, какъ увидимъ ниже, ошибся.

Въ январѣ 1871 года Бобринскій представилъ Государю, что онъ не можетъ такъ долго осуществить предпринятаго имъ по Волгѣ дѣла, долженствовавшаго быть великимъ благомъ для Россіи, за неполученіемъ отвѣта министра финансовъ. Доклады у Государя бываютъ по министерству путей сообщенія въ четвергъ, а по министерству финансовъ въ пятницу.

Государь, на другой день по принесеніи жалобы Бобринскимъ, передалъ ее съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ министру финансовъ Рейтерну, причемъ сказалъ, что онъ уже знакомъ съ дѣломъ, задуманнымъ Бобринскимъ, изъ записки, представленной послѣднимъ, и находитъ это дѣло полезнымъ. Тогда Рейтернъ заявилъ Государю, что онъ противнаго мнѣнія и что такъ какъ Бобринскій уже представилъ свою записку, то просилъ позволить ему возраженіе.

Вслѣдствіе записки Рейтерна, Государь приказалъ дѣло это перенести въ совѣтъ министровъ, засѣданія коего бываютъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, и членами этого совѣта состоятъ одни министры (товарищи въ отсутствіе министровъ не бываютъ въ этихъ засѣданіяхъ) и лица, приглашенныя по личному усмотрѣнію Государя. Нечего и говорить, что если бы Рейтернъ согласился на гарантію, то дѣло это было бы разрѣшено Государемъ по личному докладу Бобринскаго. Это могло бы случиться даже при отрицательномъ отвѣтѣ министра финансовъ. И такъ, только неумѣстная жалоба Бобринскаго на Рейтерна послужила къ тому, что столь важное дѣло было представлено обсужденію совѣта министровъ. Засѣданіе совѣта происходило 11-го февраля.

Бобринскій изложилъ свои предположенія. Государь выразился о нихъ съ одобреніемъ; изъ министровъ же никто не поддержалъ Бобринскаго, даже изъ людей его партіи. Противъ предположенія говорили: Рейтернъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, министръ государственныхъ имуществъ Зеленой и другіе.

Чевкина не было въ засѣданіи совѣта. Тогда Государь приказалъ Бобринскому дѣло по улучшенію Волги вести сообразно мнѣнію Рейтерна, а именно: вопросъ объ образованіи туэрной компаніи на Волгѣ, конечно, безъ гарантіи дохода, отдѣлить отъ работъ по улучшенію на ней судоходства, которыя производить средствами казны, и въ 1871 году начать улучшеніе на одной или двухъ мелякъ въ видѣ опыта.

По выходѣ изъ кабинета Государя, въ которомъ происходило засѣданіе, великіе князья Константинъ и Николай Николаевичи и нѣкоторые изъ министровъ изъявили удивленіе тому, какъ могъ Бобринскій имѣть подобныя предположенія, и рѣшили, что это все выдумки Щербатова, о которомъ относились весьма дурно и между прочимъ вспоминали, что Щербатовъ не платилъ извозчикамъ, убѣгалъ отъ нихъ чрезъ сквозные дворы, въ чемъ былъ пойманъ, что великій князь Николай Николаевичъ выслалъ его изъ Петербургскаго военнаго округа за неусердіе къ службѣ, а великій князь Константинъ Николаевичъ замѣтилъ,

что его настоящая профессія состоитъ въ займѣ денегъ съ цѣлью ихъ никогда не отдавать.

Приближенные Бобринскаго и Эпштейна никакъ не ожидали подобнаго исхода. Уже былъ приготовленъ великолѣпный обѣдъ для поздравленія. Щербатовъ и Эпштейнъ дожидались у Золотарева возвращенія Бобринскаго отъ Государя и, конечно, были сильно поражены извѣстіемъ о неуспѣхѣ. Эпштейнъ сдѣлалъ уже большіе расходы на изысканія и, какъ говорятъ, на подкупы въ надеждѣ владѣть Волжскимъ путемъ въ продолженіе 80 лѣтъ, а многіе надѣялись еще болѣе поживиться отъ него. Въ публикѣ же говорили, что Щербатовъ уже взялъ большой кушъ, котораго не въ состояніи возвратить Эпштейну.

Эта неудача поразила Бобринскаго до такой степени, что когда я, день спустя послѣ засѣданія, шелъ черезъ его пріемныя комнаты въ его кабинетъ, то онъ, противъ обыкновенія, выбѣжалъ изъ кабинета ко мнѣ навстрѣчу и, объяснивъ происходившее въ совѣтѣ министровъ, сдѣлалъ заключеніе, что или всѣ министры сумасшедшіе, или онъ сумасшедшій. Онъ повторялъ мнѣ эти замѣчанія нѣсколько разъ, позабывъ, что и я былъ противнаго съ нимъ мнѣнія и что, слѣдственно, и я наравнѣ съ министрами сумасшедшій. Я старался его успокоить тѣмъ, что не слѣдуетъ никогда становиться на подобную почву, что при весьма благихъ намѣреніяхъ обѣихъ сторонъ могутъ быть разныя мнѣнія, но онъ этого рѣшительно не допускалъ въ столь простомъ и явно благодѣтельномъ для Россіи, по его мнѣнію, дѣлѣ.

Въ то же время онъ мнѣ сказалъ, что наканунѣ вечеромъ было засѣданіе нѣкоторыхъ изъ членовъ комитета желѣзныхъ дорогъ у Чевкина по вопросу о направленіи Кіево-Брестской желѣзной дороги, что рѣшено итти по тому направленію, которое я предполагалъ, а не по тому, которое онъ обѣщалъ учредителямъ этого общества. Онъ мнѣ передавалъ это, какъ будто онъ былъ равнодушенъ къ состоявшемуся рѣшенію, но изъ слѣдующаго описанія дѣла по Кіево-Брестской дорогѣ легко заключить, что едва ли это рѣшеніе не было Бобринскому столь же непріятно, какъ и рѣшеніе совѣта министровъ по вопросу о Волгѣ.

Бобринскій при этомъ замѣтилъ мнѣ, что, когда члены комитета желѣзныхъ дорогъ разошлись, онъ остался одинъ съ Чевкинымъ, чтобы изъявить ему сожалѣніе объ отсутствіи его въ бывшемъ наканунѣ совѣтѣ министровъ, въ надеждѣ, что Чевкинъ поддержалъ бы его благія предположенія; но оказалось, какъ выразился Бобринскій, что Чевкинъ такой же сумасшедшій, какъ и всѣ другіе министры, если еще не болѣе. На другой день Чевкинъ мнѣ сказалъ, что онъ не поѣхалъ въ совѣтъ министровъ, опасаясь дойти до слишкомъ крупныхъ словъ и объясненій съ Бобринскимъ, до чего онъ не желалъ себя доводить въ присутствіи Государя, въ особенности съ Бобринскимъ, сыномъ его друга, едва ли ни единственнаго во всю жизнь Чевкина.

Вѣсть о воспослѣдовавшемъ въ совѣтѣ министровъ рѣшеніи по Волжскому вопросу произвела общую радость. Рейтернъ получилъ десятки писемъ, въ которыхъ его благодарили за то, что онъ отвратилъ бѣду отъ русской

торговли. Чевкинъ и нѣкоторыя другія лица, о которыхъ говорили, что они не допустили этого дѣла до осуществленія, еще долго послѣ этого рѣшенія получали также благодарственныя письма изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

За десять дней до этого засѣданія совѣта министровъ были преобразованы, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго по докладу Бобринскаго отъ 31 декабря 1870 года, центральныя учрежденія министерства путей сообщенія. Главнымъ основаніемъ этого преобразованія было раздѣленіе министерства на два отдѣльныя управленія, во главѣ которыхъ находились начальники съ значительными правами, и затѣмъ званіе товарища министра упразднялось. Мысль эта выработана была при составленіи новыхъ штатовъ вслѣдствіе требованія Бобринскаго, чтобы его не безпокоили ежедневными докладами съ подробностями, и чтобы онъ имѣлъ возможность, не отвлекаясь бюрократическими, часто ничтожными занятіями, вообще руководить министерствомъ и заниматься только самыми важными дѣлами, однимъ словомъ тѣмъ, что ему понравится. Къ этому предположенію въ особенности понуждала его, чувствуемая имъ самимъ, неспособность одновременно заниматься многими дѣлами: при переходѣ отъ одного дѣла къ другому, даже при незначительности ихъ, ему требовалось нѣсколько минутъ отдыха, если только Бобринскій хотѣлъ въ нихъ вникнуть.

Бобринскій въ особенности настаивалъ, чтобы по проекту преобразованія была учреждена собственно при министрѣ особенная небольшая канцелярія для занятій по тѣмъ дѣламъ, которыхъ Бобринскій не захочетъ передать въ тѣ учрежденія министерства, къ которымъ эти дѣла относятся. Составленіе проекта означенныхъ положеній для центральныхъ учрежденій министерства, для округовъ водяныхъ и шоссейныхъ сообщеній и для инспекцій желѣзныхъ дорогъ и штатовъ къ онымъ было возложено на меня вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ-за границы въ 1869 году. Они были приготовлены ко времени вступленія Бобринскаго въ управленіе министерствомъ въ октябрѣ того же года, но подвергались частымъ измѣненіямъ по мѣрѣ прибытія на службу министерства вышеозначенныхъ лицъ изъ постороннихъ вѣдомствъ, такъ какъ эти лица были недовольны означенными положеніями и содержаніемъ по тѣмъ должностямъ, которыя они надѣялись занять. На введеніе этихъ измѣненій потребовалось пять мѣсяцевъ и, наконецъ, только 31 марта 1870 года означенный проектъ былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ, который, имѣя въ виду, что предполагаемыя преобразованія министерства путей сообщенія не сообразны съ учрежденіями министерствъ, написанными еще Сперанскимъ въ началѣ столѣтія, въ общемъ видѣ не подвергавшимися измѣненію, положилъ образовать при II отдѣленіи Собственной Государя канцеляріи комиссію изъ депутатовъ отъ всѣхъ министерствъ для разсмотрѣнія представленнаго преобразованія.

Государственный Совѣтъ нашелъ нужнымъ образовать такую комиссію въ виду наступленія скораго вакантнаго времени съ 15-го мая по 15-е сентября, такъ что проектъ преобразованія во всякомъ случаѣ могъ быть раз-

смотрѣнъ только въ слѣдующую сессію Совѣта. Большинство членовъ комиссіи сдѣлало много замѣчаній, въ особенности они не соглашались на введеніе новыхъ мѣстъ начальниковъ управленій. Эти замѣчанія были извѣстны чрезъ члена отъ министерства путей сообщенія Бобринскому, и онъ въ декабрѣ 1870 года, въ то время, когда занятія комиссіи были только что окончены, не ожидая офиціальнаго увѣдомленія о ея замѣчаніяхъ, рѣшился окончить это дѣло помимо Государственнаго Совѣта, испросивъ его утвержденія Государемъ по личному докладу, принявъ, впрочемъ, во вниманіе нѣкоторыя замѣчанія вышеупомянутой комиссіи, не имѣвшія вліянія на общую систему преобразованія. Это дѣйствіе Бобринскаго было не сообразно съ закономъ, по которому всѣ подобныя преобразованія должны обсуждаться въ Государственномъ Совѣтѣ, и крайне неприлично. Послѣ внесенія проекта въ Совѣтъ и послѣ предварительнаго разсмотрѣнія его въ учрежденной Совѣтомъ комиссіи, представленіе его на Высочайшее утвержденіе Бобринскимъ, не взявшимъ обратно представленія своего изъ Совѣта и не заявившимъ даже объ этомъ предсѣдателю Совѣта великому князю Константину Николаевичу, конечно, каждый признаетъ по крайней мѣрѣ неприличнымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что высокопоставленныя лица, которыя и прежде не благоволили къ Бобринскому, были этимъ еще болѣе вооружены противъ него.

Весь декабрь 1870 года я по болѣзни не выходилъ изъ дома и хотя продолжалъ заниматься служебными дѣлами по обыкновенію, но рѣже видѣлъ Бобринскаго (онъ заѣзжалъ ко мнѣ два раза въ недѣлю) и потому я не могъ отклонить его отъ представленія означеннаго доклада. Я замѣтилъ, впрочемъ, Бобринскому и неприличіе и незаконность этого поступка и выразилъ опасеніе, что, вслѣдствіе несоблюденія установленнаго порядка, онъ подвергается неудовольствію получить отказъ отъ Государя, но это, конечно, еще болѣе возбудило въ немъ желаніе показать свое вліяніе на Государя.

При личномъ докладѣ 24-го декабря онъ получилъ разрѣшеніе представить на утвержденіе Государя проектъ преобразованія центральныхъ учрежденій министерства и инспекціи желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ онъ полагалъ оставить округа, шоссейныя и водяныя сообщенія безъ измѣненія впредь до разсмотрѣнія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ представленнаго проекта о преобразованіи всего административнаго порядка въ губерніяхъ, проекта курьезнаго до величайшей степени, по которому губернаторамъ полагалось дать власть турецкихъ пашей, а министерству внутреннихъ дѣлъ преобладаніе надъ другими министерствами. Таково было рѣшеніе Бобринскаго, когда онъ былъ у меня 30-го декабря, но на другой день ему пришло въ голову, что такъ какъ немедленное утвержденіе его предположенія необходимо только для того, чтобы министру путей сообщенія заниматься собственно важными дѣлами, и что для этого необходимо только переустройство центральныхъ учрежденій министерства, то онъ 31-го декабря, при личномъ докладѣ, испросилъ утвержденія Государя собственно

по этому предмету, не сообразивъ, что въ проектѣ преобразованія всѣ части имѣли между собою связь.

Бобринскій говорилъ мнѣ, что Государь безъ всякаго затрудненія согласился утвердить преобразованіе, столь необходимое, по словамъ Бобринскаго, и такъ долго залежавшееся въ Государственномъ Совѣтѣ, и сдѣлалъ только одинъ вопросъ, какъ буду я титуловаться по этому новому преобразованію, что, конечно, доказываетъ тогдашнее расположеніе Государя ко мнѣ, а передача этого разговора—хорошія отношенія Бобринскаго со мною. Расположеніе Государя ко мнѣ и хорошія отношенія Бобринскаго неоднократно выказывались еще въ концѣ 1870 года. Приведу слѣдующіе примѣры.

Въ январѣ 1869 года я, по несогласію съ Мельниковымъ, отказался отъ должности главнаго инспектора желѣзныхъ дорогъ и былъ назначенъ членомъ совѣта министерства. Государь въ день подписанія приказа объ этомъ, 9-го января, на балѣ во дворцѣ выразилъ мнѣ свое сожалѣніе о томъ, что я оставилъ свою должность, и надежду, что я послѣ небольшого отдыха примусь опять за дѣятельную, бывшую всегда полезною, службу.

По случаю оставленія мною означенной должности, П. Г. фонъ-Дервизъ вздумалъ предложить желѣзнодорожнымъ дѣятелямъ, въ воспоминаніе моей полезной дѣятельности, пріобрѣсть какую-нибудь дорогую артистическую вещь для моего кабинета. Фонъ-Дервизъ 20 января 1869 года изъ Ниццы писалъ объ этомъ предположеніи инспектору желѣзныхъ дорогъ Дмитрію Павловичу Зуеву. Привожу это письмо въ подлинникѣ:

«Милостивый Государь

Дмитрій Павловичъ!

«Сейчасъ узналъ изъ газетъ объ увольненіи барона Андрея Ивановича отъ должности главнаго инспектора всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

«Баронъ занималъ эту должность въ эпоху зарожденія русскихъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Эпоха эта такъ важна и счастливая личность Барона до того ей во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовала, что самая неприхотливая внимательность къ заслугамъ требуетъ выраженія Барону благодарности отъ лица всѣхъ тѣхъ частныхъ обществъ, которыя имѣли его своимъ начальникомъ.

«По моему мнѣнію, общества должны поднести Барону адресъ и сдѣлать ему подарокъ такой, который бы стоилъ очень дорого, но имѣлъ бы цѣнность не матеріальную, а художественную, напримѣръ, скульптурный съ эмблемами письменный столъ, громадную, также эмблематическую сереб. чернильницу и альбомъ, который начинался бы адресомъ, а потомъ заключалъ бы въ себѣ портреты людей, въ адресѣ участвующихъ.

«Я не могу принять въ этомъ дѣлѣ иниціативу потому, что за 5 тыс. верстъ дѣйствовать неудобно. Вамъ принять иниціативу на себя также едва ли удобно, такъ какъ вы находились въ числѣ подчиненныхъ Барона

по государственной службѣ. Полагаю, что всего удобнѣе было бы предоставить здѣсь инициативу Ѳ. В. Чижову. Онъ былъ изъ первыхъ свидѣтелей доблестной дѣятельности Барона и, по близкимъ къ Барону отношеніямъ, лучше всѣхъ можетъ оцѣнить эту дѣятельность.

«Не сомнѣваюсь въ томъ, что настоящая моя мысль встрѣтитъ въ васъ, уважаемый Дмитрій Павловичъ, полное сочувствіе и прошу васъ, переговоривъ съ кѣмъ найдете нужнымъ, тотчасъ же почтить меня вашимъ отвѣтомъ.

«При семъ считаю полезнымъ сдѣлать одну оговорку. Настоящая затѣя имѣетъ цѣлью почтить Барона, но я отнюдь не желаю придать ей видъ какой-то демонстраціи.

«Перемѣщеніе Барона, какъ оно ни грустно, есть натуральное послѣдствіе того, что мѣсто главнаго инспектора сдѣлалось уже не соотвѣтственнымъ его чину и регаліямъ; преемника же Барону, назначеннаго, я вовсе не знаю и потому не могу желать ему чего-либо непріятнаго.

«Искренно васъ уважающій
покорный слуга вашъ

П. фонъ-Дервизъ».

Зуевъ мнѣ передалъ объ этомъ, а я черезъ него довелъ до свѣдѣнія Дервиза, что никакой вещи не приму, а если желѣзнодорожные дѣятели желаютъ жертвовать деньгами и мнѣ сдѣлать тѣмъ угодное, то внесли бы ихъ въ какое-нибудь техническое училище для образованія желѣзнодорожныхъ техниковъ, или учредили особое такое училище, вслѣдствіе чего получилъ отъ 29 января 1869 года изъ Ниццы письмо Дервиза, которымъ онъ изъявляетъ на это согласіе. Вотъ начало этого письма:

«Милостивый Государь

Баронъ Андрей Ивановичъ!

«Просвѣщенная опытность вашего превосходительства въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ не могла не представить вамъ въ настоящемъ свѣтѣ тѣхъ затрудненій, которыя терпятъ дороги отъ недостатка хорошихъ машинистовъ и дорожныхъ мастеровъ.

«Помочь этой бѣдѣ, какъ мнѣ кажется, можетъ только учрежденіе, для воспитанія требуемыхъ дѣятелей, спеціальнаго заведенія, а средства для такого заведенія обязаны дать какъ всѣ современные владѣльцы желѣзныхъ дорогъ, такъ и тѣ частныя лица, которыя дѣломъ желѣзныхъ дорогъ почему-либо особенно заинтересованы.

«Объ учрежденіи подобнаго заведенія я мечтаю уже давно, но по обстоятельствамъ не могъ заняться этимъ дѣломъ, да кромѣ того, вѣроятно, и не съумѣлъ бы установить его съ достаточною опредѣленностью, ибо не имѣю достаточныхъ техническихъ познаній.

«Съ оставленіемъ должности главнаго инспектора всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ ваше превосходительство пріобрѣтаете досугъ и, конечно, не затруднитесь обратить его на пользу русскихъ желѣзныхъ дорогъ, которымъ вы посвятили длинный рядъ предшествовавшихъ лучшихъ годовъ вашей жизни.

«Если бы ваше превосходительство рѣшились принять на себя иниціативу въ учрежденіи упомянутаго заведенія, вы оказали бы Россіи новую большую услугу и встрѣтили бы въ нижеподписавшемся полную готовность содѣйствовать дѣлу приличнымъ пожертвованіемъ.»

На этомъ основаніи желѣзнодорожные дѣятели собрали 140.500 руб. и просили исходатайствовать дозволеніе учредить въ Москвѣ желѣзнодорожное училище съ тѣмъ, что бы оно содержалось на проценты съ означеннаго капитала, и чтобы этому училищу было присвоено именованіе Дельвиговскаго.

Бобринскій съ особымъ удовольствіемъ далъ ходъ этому предположенію, доложилъ о немъ Государю 1 октября 1870 года, присовокупивъ, что, въ память дѣйствительно полезной моей дѣятельности по желѣзнодорожной части, онъ находитъ правильнымъ назвать училище Дельвиговскимъ. Въ тотъ же день Бобринскій передалъ мнѣ, что Государь былъ доволенъ сдѣланными пожертвованіями и выразился, что желѣзныя дороги въ Россіи столько обязаны Дельвигу, что онъ пріобрѣлъ полное право на присвоеніе желѣзнодорожному училищу его имени. Изъ числа полученныхъ мною по этому поводу поздравленій привожу слѣдующую телеграмму:

«Съ большою радостью только что прочитали въ Инвалидѣ о желѣзнодорожномъ Дельвиговскомъ училищѣ. Душевно поздравляемъ. Ура, ура, ура! Константинъ и Розалія Посьетъ».

Уставъ этого училища былъ представленъ, во время управленія мною министерствомъ въ началѣ 1871 года, въ комитетъ министровъ, такъ какъ нѣкоторыя статьи его должны были быть утверждены Высочайшею властію. По одобреніи этихъ статей комитетомъ министровъ и Государемъ, самый уставъ училища былъ утвержденъ 18 мая 1871 года.

По новому преобразованію министерства путей сообщенія въ 1871 году, изъ прежнихъ центральныхъ учрежденій оставался только совѣтъ и упразднялся ученый комитетъ министерства.

Прочія части получили слѣдующія преобразованія:

Увеличивалось число чиновниковъ особыхъ порученій при министрѣ и при немъ полагался особый секретарь съ небольшою канцеляріею.

Департаментъ сухопутныхъ и департаментъ водяныхъ сообщеній составили одно управленіе шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній. Департаментъ желѣзныхъ дорогъ и управленія главнаго инспектора частныхъ и инспектора правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ составили одно

управленіе желѣзныхъ дорогъ. Первое управленіе состояло изъ департамента и технически-инспекторскаго комитета шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній, а второе изъ департамента и такового же комитета желѣзныхъ дорогъ. Штабъ министерства и канцелярія министра составили департаментъ общихъ дѣлъ министерства. Въ обязанности бывшей канцеляріи министра входило, между прочимъ, изготовленіе докладовъ по дѣламъ, которыя разсматривались въ совѣтѣ министерства; отъ этой обязанности департаментъ общихъ дѣлъ освобожденъ, а для ея исполненія учреждена при упомянутомъ совѣтѣ небольшая канцелярія. Сверхъ того, учрежденъ технической совѣщательный комитетъ министерства.

При введеніи въ дѣйствіе этого преобразованія были сдѣланы слѣдующія главныя назначенія.

Я остался предсѣдательствующимъ въ совѣтѣ министерства и назначенъ начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ и предсѣдателемъ совѣщательнаго комитета министерства, съ оставленіемъ въ званіи сенатора.

Щербатовъ назначенъ начальникомъ управленія шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній, Гейнсъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ, Золотаревъ чиновникомъ особыхъ порученій IV класса и собственнымъ секретаремъ министра, бывшій директоръ департамента сухопутныхъ сообщеній князь Масальскій завѣдывающимъ технически-инспекторскимъ комитетомъ шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній и, временно, директоромъ департамента этихъ сообщеній, впредь до назначенія на эту должность лица сподручнаго Щербатову, котораго онъ отыскивалъ въ это время въ разныхъ углахъ Россіи. Завѣдывающимъ технически-инспекторскимъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ назначенъ мой помощникъ по званію завѣдывающаго желѣзными дорогами Шернваль, а директоромъ департамента этихъ дорогъ остался бывшій директоръ онаго Хмельницкій.

Шернваля я зналъ за благороднѣйшаго человѣка и хорошаго инженера еще въ Москвѣ, во время постройки Николаевской дороги. Впослѣдствіи онъ перешелъ на службу въ Финляндію, былъ тамъ начальникомъ управленія путей сообщенія, выстроилъ Гельсингфорсъ-Тавастгустскую желѣзную дорогу и вышелъ въ отставку. Впослѣдствіи его упросили принять на себя устройство С.-Петербурго-Гельсингфорской дороги безъ вступленія въ государственную службу, и передъ окончаніемъ этой постройки я уговорилъ его въ 1869 году вступить въ министерство путей сообщенія.

Хмельницкій послѣднее время былъ директоромъ канцеляріи министра. Зная его давно за человѣка умнаго, благороднаго и знающаго дѣло, я уговорилъ его въ октябрѣ 1870 года принять на себя должность директора департамента желѣзныхъ дорогъ, чему очень сочувствовалъ Бобринскій, который цѣнилъ Хмельницкаго за знаніе и хорошее изложеніе дѣлъ, но, конечно, желалъ освободиться отъ человѣка, который старался его удерживать отъ постоянно приходившихъ ему фантазій; сверхъ того, онъ предвидѣлъ черезъ это возможность дать Гейнсу мѣсто директора департамента общихъ дѣлъ, которое прежде назначалось Хмельницкому. Мѣсто же

собственнаго секретаря министра, назначавшееся Гейнсу, Бобринскій не хотѣлъ ему давать, постоянно говоря, что онъ въ немъ ошибся, а главное потому, что Золотаревъ боялся, чтобы Гейнсъ на этомъ мѣстѣ не завладѣлъ слабохарактернымъ начальникомъ, а желалъ самъ занять эту должность, чтобы получить два жалованья, а главное, чтобы имѣть вліяніе на всѣ дѣла, отъ которыхъ, вѣроятно, надѣялся пріобрѣсти большое состояніе.

Непремѣнныхъ членовъ въ совѣщательномъ техническомъ комитетѣ по штату назначено четыре. На эти мѣста поступили инженеръ генералъ-лейтенантъ Серебряковъ и инженеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Граве; занимаемыя ими мѣста инспектора правительственныхъ дорогъ и главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ были упразднены по новымъ штатамъ. Третьимъ членомъ былъ назначенъ инженеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Радецкій, завѣдывавшій перепискою по искусственной части въ канцеляріи министра, и которому по болѣзни нельзя было дать должности, которая требовала бы большихъ занятій. Впрочемъ, Радецкій, вскорѣ послѣ назначенія, умеръ во Флоренціи, куда поѣхалъ лечиться. Это былъ человѣкъ отличный, благородный и примѣрно усердный; это усердіе привело его преждевременно въ могилу.

Теперь я перехожу къ описанію дѣла по Кіево-Брестской желѣзной дорогѣ, о которомъ мною упомянуто было выше.

Въ бытность Чевкина главноуправляющимъ путей сообщенія, уступки частнымъ обществамъ постройки и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ вполнѣ зависѣли отъ него. Министръ финансовъ не имѣлъ при этомъ не только никакого вліянія, но даже не принималъ участія въ отдачѣ дорогъ. Этотъ порядокъ былъ возможенъ при Чевкинѣ и вслѣдствіе его личныхъ достоинствъ и въ особенности потому, что на устройство дорогъ не являлось много конкурентовъ. Сверхъ того, тогда требовалось представленіе проектовъ дорогъ, которые хотя и составлялись по изысканіямъ, произведеннымъ учредителями обществъ, но по нимъ можно было судить, хотя приблизительно, о стоимости дорогъ, которая не должна была превышать, по мнѣнію Чевкина, 62,500 руб. кред. за версту.

Съ назначеніемъ Мельникова главноуправляющимъ, а Рейтерна министромъ финансовъ, послѣдній получилъ преобладающее вліяніе въ уступкѣ желѣзныхъ дорогъ. Несмѣтное богатство, пріобрѣтенное фонъ-Дервизомъ и фонъ-Меккомъ при постройкѣ Рязанско-Козловской желѣзной дороги длиною до 200 верстъ, которая была уступлена съ правительственной гарантіей 5% на весь капиталъ свыше 75,000 руб. на версту, побудило многихъ добиваться уступокъ разныхъ линій. Въ это дѣло вмѣшались банкиры и разные аристократы, или лучше сказать люди, близкіе къ Высочайшему Двору и потому считающіе себя аристократами, и вообще лица вліятельныя при Дворѣ; одни участвовали явно, другіе тайно. Министерство перестало требовать подробныхъ проектовъ дорогъ и вычисленія

ихъ стоимости, но ограничивалось продольными профилями дороги, и то не всегда были представляемы; представленныя же большею частію изготовлялись безъ предварительныхъ изысканій, въ кабинетахъ учредителей, а если составлялись по изысканіямъ, то послѣднія были сдѣланы очень поверхностно, и въ проектахъ обыкновенно показывались значительныя работы, дающія возможность требовать гарантію на значительные капиталы для постройки дороги, а при исполненіи проектовъ измѣнить направленіе съ цѣлью уменьшить работы, и слѣдовательно ихъ стоимость.

На каждую дорогу являлось нѣсколько желающихъ и выборъ былъ очень затруднителенъ, въ особенности въ виду участія лицъ вліятельныхъ при Дворѣ. Рейтернъ испросилъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы извѣстная категорія лицъ, имѣющихъ значеніе, была лишена права участвовать въ полученіи концессіи, но это не помогло. Явились тайные участники, что отзывалось еще вреднѣе на дѣло. Эти участники за свое тайное вліяніе и поддержки должны были получать, какъ мнѣ извѣстно, иногда по 4 тыс. руб. съ каждой версты уступаемой дороги.

Чтобы избѣгнуть и этого, Рейтернъ представилъ слѣдующее предложеніе, которое, по разсмотрѣніи въ совѣтѣ министровъ, было Высочайше утверждено. Желающіе имѣть концессію на желѣзную дорогу, которой устройство предназначено уже комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, заявляютъ объ этомъ министру финансовъ, а онъ представляетъ на Высочайшее утвержденіе списокъ лицъ, подавшихъ заявленія, съ обозначеніемъ тѣхъ, кого онъ полагаетъ допустить до конкуренціи. Послѣднимъ дается знать о времени, въ которое они должны представить въ совѣтъ министра финансовъ, въ запечатанныхъ конвертахъ, цифру предполагаемой ими стоимости дороги на основаніи предварительно составленныхъ финансовыхъ условій, причемъ объявляется, что всѣ заявленныя цѣны будутъ представлены на разсмотрѣніе комитета министровъ, который избираетъ концессіонера, нисколько не стѣсняясь большею или меньшею выгодностію цѣнъ. Въ подобной уступкѣ желѣзныхъ дорогъ были, между прочимъ, слѣдующіе недостатки:

1) Правительство отдавало частнымъ лицамъ дороги съ гарантіею дохода съ ихъ стоимости, которая правительству была вполнѣ неизвѣстна, такъ какъ оно само никакихъ изысканій не дѣлало, а представляемымъ концессіонерами проектамъ нельзя было давать никакой вѣры.

2) Министръ финансовъ, по неимѣнію правилъ для выбора тѣхъ лицъ, которыхъ онъ могъ не допустить до конкуренціи, дѣйствовалъ въ этомъ совершенно произвольно; онъ даже не былъ обязанъ при этомъ выборѣ спросить мнѣніе министра путей сообщенія.

3) Допущеннымъ къ конкуренціи предъявлялись только финансовыя условія предпріятія, а ничего не говорилось объ условіяхъ по технической части устройства и эксплоатаціи дорогъ.

4) Лица уже избранныя и допущенныя до конкуренціи по Высочайшему повелѣнію, основанному на докладѣ министра финансовъ, подвер-

гались новому выбору въ комитетѣ министровъ, такъ какъ комитетъ могъ дать концессію не тому, кто объявилъ наименьшую стоимость.

5) Учредителямъ обществъ желѣзныхъ дорогъ выдавалась концессія съ обязательствомъ выстроить дорогу въ извѣстный срокъ и представить на утвержденіе уставы обществъ безъ опредѣленія сроковъ ихъ представленіямъ.

Въ концессіяхъ ничего не упоминалось о способѣ управленія обществами. Концессіонеры этимъ пользовались: составляли правленія дорогъ изъ себя и изъ лицъ, вполнѣ отъ нихъ зависящихъ, и всѣ значительныя прибыли, какъ при финансовыхъ сдѣлкахъ, такъ и отъ постройки дорогъ, оставляли себѣ. Московско-Ярославская дорога представляла въ этомъ отношеніи единственное исключеніе, благодаря Ѳ. В. Чижову, предсѣдателю правленія этой дороги.

На этихъ основаніяхъ было отдано нѣсколько дорогъ и большею частію не тѣмъ, кто объявлялъ наименьшую цѣну, что въ самомъ комитетѣ министровъ было неодобряемо большею частію его членовъ и производило неудовольствіе въ публикѣ.

Въ 1870 году при отдачѣ Кіево-Брестской желѣзной дороги желающихъ явилось много. Допущены были къ конкуренціи только семеро, изъ которыхъ наибольшую цѣну потребовалъ Губонинъ, а наименьшую Рябининъ, человѣкъ безъ средствъ, безъ знанія дѣла, какъ финансоваго, такъ и техническаго, и вовсе незнакомый съ людьми, устраивавшими финансовую часть желѣзнодорожныхъ предпріятій, съ инженерами и съ строителями желѣзныхъ дорогъ.

Въ виду моего заявленія, сдѣланнаго черезъ Бобринскаго, что при легкой для производства работъ, сколько мнѣ извѣстно, мѣстности и при хорошихъ распоряженіяхъ можно было бы устроить дорогу по опредѣленной Рябининымъ цѣнѣ, дорога, для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, была отдана Рябинину, несмотря на мое заявленіе, что хорошихъ распоряженій отъ него ожидать нельзя. Предпріятіе это состояло въ покупкѣ устроенной на средства правительства желѣзной дороги отъ Кіева до станціи Жмеринки и въ устройствѣ желѣзной дороги отъ Бердичева до Брестъ-Литовска съ вѣтвью къ Радзивилову.

До передачи предпріятія Рябинину было предложено нѣкоторымъ изъ бывшихъ его конкурентовъ сбавить назначенную ими цѣну до Рябининской, на что нѣкоторые изъ нихъ соглашались съ тѣмъ, чтобы направленіе части дороги было приближено къ Австрійской границѣ, такъ какъ черезъ это уменьшалась длина вѣтви къ Радзивилову, и затѣмъ общее протяженіе дорогъ, предполагаемыхъ къ постройкѣ, уменьшалось и самыя работы на этой части дороги были менѣе значительны, чѣмъ по направленію, назначенному правительствомъ. Имъ было отказано и мною и графомъ Бобринскимъ, такъ какъ отдаленное отъ Австрійской границы направленіе дороги, принятое на основаніи указаній военнаго министра

и Высочайше утвержденныхъ журналовъ комитета желѣзныхъ дорогъ, признавалось, и совершенно справедливо, необходимымъ.

Отстроенный Кіево-Жмеринскій участокъ былъ уступленъ за 19.836.000 руб. мет. Капиталъ этотъ образовался выпускомъ не гарантированныхъ акцій на 5.292.000 руб. и гарантированныхъ облигацій на 14.544.000 руб. Правительство оставляло у себя всѣ эти акціи и облигаціи.

Постройка Бердичево-Брестской дороги была уступлена за 23,834,250 руб. мет. Капиталъ этотъ образовался выпускомъ акцій не гарантированныхъ на 9.924.750 руб. мет., реализація коихъ предоставлялась учредителю, и облигацій на 15,894,500 р. мет., гарантированныхъ по 5%, кромѣ погашенія. Облигаціи эти правительство оставляло у себя, выдавая обществу по мѣрѣ исполненія имъ работъ по 75 за сто, т.-е., гарантировало облигаціи не 5-ю, а 6-ю $\frac{2}{3}$%. По значительному числу акцій, оставленныхъ правительствомъ за собою, Рейтернъ находилъ правильнымъ имѣть въ правленіи директора отъ правительства. Я никогда не раздѣлялъ этого мнѣнія. Дорога, сданная частному обществу, должна быть управляема лицами, избираемыми обществомъ. Правительственные члены, участвующіе въ управленіи дѣлами обществъ, своими распоряженіями, общими съ прочими членами правленій, съ которыми они состоятъ на однихъ правахъ, получая и содержаніе отъ обществъ, часто компрометируютъ правительство и всегда дѣлаютъ неудобнымъ правительственный контроль; въ случаѣ же несогласія съ другими членами правительственные члены только тормозятъ дѣло.

Назначеніе таковыхъ въ правленіе Кіево-Брестской дороги, избранное не обществомъ, которое само еще не образовалось, а учредителемъ, казалось мнѣ тѣмъ болѣе неудобнымъ, что этимъ назначеніемъ правительство признавало бы подобное правленіе, которое на основаніи существующихъ и не отмѣненныхъ законовъ должно состоять изъ лицъ, избранныхъ въ общемъ собраніи акціонеровъ, на основаніи устава общества, а ни общества, ни устава еще не существовало, и правленіе состояло изъ лицъ, избранныхъ Рябининымъ. На этомъ основаніи былъ назначенъ въ правленіе Кіево-Брестской дороги членъ только отъ одного министерства финансовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рербергъ.

Компаніоны Рябинина были люди, пользовавшіеся очень дурною репутаціею, какъ-то: извѣстный полиціймейстеръ Нижняго-Новгорода Лаппа, являющійся въ повѣсти «Соль-городъ», напечатанной въ одномъ изъ литературныхъ журналовъ, подъ именемъ Лаппы-Загребистаго; Лазаревъ-Станищевъ, Ждановичъ и т. п.

Рябининъ уговорился съ Берлинскимъ банкиромъ Блейхредеромъ въ томъ, что если получитъ концессію Кіево-Брестской дороги, то реализуетъ черезъ него одну треть всѣхъ акцій и всѣ облигаціи, расчитывая, какъ говорили, другую треть акцій раздать въ Россіи, а остальныя оставить у себя съ компаньонами въ видѣ барышей. Въ послѣдніе передъ выдачею этой концессіи два года министерство финансовъ реали-

зацію гарантированныхъ облигацій при выдачѣ концессій на желѣзныя дороги постоянно принимало на себя, и потому трудно понять, на чемъ могъ Рябининъ основывать свое обѣщаніе реализовать облигаціи у Блейхредера. Это обстоятельство, какъ увидимъ ниже, имѣло значительное вліяніе на ходъ дѣла, но еще болѣе вредили дурныя распоряженія правленія дороги, такъ какъ члены его, за исключеніемъ правительственнаго, ничего не дѣлавшаго и не знавшаго, расхитили милліона два общественныхъ суммъ, какъ будетъ объяснено впослѣдствіи.

Рябининъ пригласилъ главнымъ инженеромъ Шпилева, бывшаго фаворитомъ Мельникова, неизвѣстно за какія достоинства. Онъ былъ пустой говорунъ и человѣкъ, желавшій нажиться какими бы то ни было средствами. Приглашенные Рябининымъ или Шпилевымъ инженеры вообще не пользовались хорошею репутаціею. Столоначальникъ департамента желѣзныхъ дорогъ Ключаревъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ агентомъ Рябинина и позволилъ себѣ даже явиться съ Рябининымъ къ Бобринскому для защиты неправильныхъ притязаній Рябинина. Само собою разумѣется, что онъ былъ немедля мною уволенъ изъ департамента.

По концессіи, данной Рябинину, общество не могло приступить ни къ какимъ работамъ безъ утвержденія проектовъ министерствомъ путей сообщенія.

Въ августѣ 1870 г. правленіе Кіево-Брестской дороги представило проектъ земляныхъ работъ по избранному имъ направленію, часть котораго, прилегающая къ Австрійской границѣ, была приближена къ ней такъ, что вѣтвь къ Радзивилову была длиною, вмѣсто 90 верстъ, назначенныхъ правительствомъ, только 50, а засимъ протяженіе дороги съ вѣтвью составляло, вмѣсто 535, только до 500 верстъ. Правленіе поясняло это измѣненіе тѣмъ, что выбранное имъ направленіе болѣе населено, и слѣдственно не только доходность дороги при ея эксплоатаціи увеличится, но она принесетъ болѣе пользы торговлѣ, что всѣ работы по этому направленію, не говоря уже объ уменьшеніи длины дороги слишкомъ на 35 верстъ, не представляютъ особыхъ затрудненій, тогда какъ подъемъ отъ г. Острога, черезъ который дорога должна проходить въ силу данной концессіи, потребуетъ несмѣтныхъ издержекъ, но въ доказательство необходимости этихъ издержекъ правленіе ничего не представило.

Во время представленія проекта я управлялъ министерствомъ. Я немедленно заявилъ, что не могу утвердить избраннаго направленія по участку дороги, прилегающему къ Австрійской границѣ. Шпилевъ отвѣчалъ мнѣ, что генеральнаго штаба полковникъ Максимовскій, посланный для изученія этого направленія въ военномъ отношеніи, вполнѣ его одобрилъ.

Узнавъ, что Максимовскій былъ посланъ не военнымъ министромъ, а приглашенъ правленіемъ дороги, я объявилъ, что вопросъ о направленіи передалъ на обсужденіе военнаго министра Милютина. Шпилевъ просилъ, чтобы я потребовалъ отъ военнаго министра присылки въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ для разъясненія этого вопроса полковника Максимов-

скаго, на что я ему отвѣчалъ, что буду просить для обсужденія этого вопроса прислать въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ тѣхъ лицъ, которыхъ военный министръ самъ изберетъ, но согласился въ своемъ отношеніи къ министру упомянуть, что Максимовскій изучалъ уже этотъ предметъ на мѣстѣ.

Были присланы генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Обручевъ, полковники Леръ и Максимовскій. Первый съ послѣднимъ долго спорилъ и кончилъ тѣмъ, что представилъ обо всемъ Милютину, отъ котораго черезъ нѣсколько дней я получилъ извѣщеніе, что онъ не можетъ согласиться на измѣненіе направленія, предложенное правленіемъ дороги. Засимъ проектъ части дороги, прилегающей къ Австрійской границѣ, долженъ былъ быть представленъ обществомъ по направленію, указанному правительствомъ, но, имѣя въ виду увѣренія Шпилева въ необыкновенной затруднительности работъ и не довѣряясь ему, я поручилъ производство изысканій и составленіе самаго проекта инженеру Фуфаевскому. Необходимость этихъ изысканій не могла быть предвидѣна, а потому требовавшаяся для нихъ сумма 5000 р. была взята мною, въ противность контрольныхъ правилъ, изъ другихъ суммъ министерства. Обо всемъ этомъ я увѣдомилъ военнаго министра, и каково было мое удивленіе, когда я въ октябрѣ получилъ отъ него отношеніе, что въ виду необходимости наивозможно скорѣйшаго устройства дороги и затрудненій, представляемыхъ направленіемъ, избраннымъ правительствомъ, и могущихъ произойти черезъ это дополнительныхъ со стороны правительства расходовъ, онъ не *настаиваетъ* болѣе на *измѣненіи* направленія дороги съ тѣмъ, однако, чтобы были укрѣплены (въ видахъ обороны отъ непріятеля) нѣкоторыя станціи по участку, прилегающему къ Австрійской границѣ, прося меня войти съ учредителями дороги въ соглашеніе по этому предмету, причемъ препроводилъ ко мнѣ литографированную записку Максимовскаго, въ которой послѣдній старается доказать, что направленіе, ближайшее къ Австрійской границѣ, выгоднѣе и въ военномъ отношеніи.

Прочитавъ эту записку, я нашелъ въ ней много ложныхъ фактовъ, а сужденіе о томъ, что избранное обществомъ направленіе выгоднѣе въ военномъ отношеніи, совершенно несправедливымъ, и немедля лично заявилъ объ этомъ Милютину съ присовокупленіемъ, что только въ случаѣ измѣненія правительствомъ предположеннаго имъ въ началѣ направленія пришлось бы намъ на этомъ настаивать, а что общество обязано вести дорогу по избранному правительствомъ до выдачи концессіи направленію, безъ нашего настоянія и всякихъ со стороны правительства дополнительныхъ выдачъ, и что, согласно прежнему отношенію военнаго министра, уже производятся на мѣстѣ изысканія правительственными инженерами.

Милютинъ сказалъ мнѣ, что находитъ записку Максимовскаго въ военномъ отношеніи ниже всякой критики, что ему дурно было представлено дѣло, и хотѣлъ вмѣстѣ со мною подробно разсмотрѣть требованія правленія Кіево-Брестской дороги и записку Максимовскаго, но такъ какъ Милю-

тинъ былъ въ это время очень занятъ, то я просилъ его, для совмѣстнаго со мною разсмотрѣнія означенныхъ требованій и записки, назначить довѣренное лицо. Назначенъ былъ генералъ-маіоръ Обручевъ, который вполнѣ согласился со мною, а по его докладу и Милютинъ вполнѣ согласился съ моими распоряженіями и меня очень за нихъ благодарилъ.

Бобринскій въ это время былъ проѣздомъ въ Кіевѣ. На объясненія пріѣхавшаго туда инженера Фуфаевскаго, что онъ, по моему распоряженію, дѣлаетъ изысканія по направленію, прежде уже избранному правительствомъ, Бобринскій замѣтилъ ему, что это совершенно напрасно, такъ какъ дорога во всякомъ случаѣ пойдетъ по направленію, избранному правленіемъ, и на вопросъ Фуфаевскаго, слѣдуетъ ли ему продолжать изысканія, сказалъ, чтобы онъ дѣлалъ согласно моему предписанію, хотя это будутъ напрасные труды и издержки, но послѣднія, по его же замѣчанію, не велики.

Каждый пойметъ, въ какое непріятное положеніе былъ поставленъ Фуфаевскій. Дѣлать изысканія въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, при осенникъ дождяхъ, снѣжныхъ метеляхъ и морозахъ, особенно сильныхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ въ зиму 1870—1871 года, вообще было весьма непріятно даже и при увѣренности, что производимыя изысканія необходимы для пользы дѣла, а тѣмъ болѣе, когда впередъ увѣренъ, что ихъ бросятъ.

Однако же Фуфаевскій, не смотря на это и на вѣроятныя просьбы агентовъ общества, чтобы онъ показалъ на принятомъ правительствомъ направленіи какъ можно болѣе затрудненій, представилъ въ январѣ 1871 года проектъ, по которому работы были немного значительнѣе, чѣмъ по проекту правленія. Послѣднее не рѣшилось оспаривать данныхъ Фуфаевскаго и его труды, какъ увидимъ ниже, оказались впослѣдствіи весьма полезными.

Чѣмъ же объяснить поступокъ Бобринскаго? Я его объясняю слѣдующимъ образомъ. Вообще полагали, что сумма, за которую Рябининъ обязался построить дорогу, слишкомъ мала, что дурныя распоряженія и злоупотребленія правленія, о которыхъ уже говорили вездѣ, уменьшили значительно капиталъ, который предназначался на постройку. Бобринскій, который настоялъ, чтобы отдали дорогу Рябинину въ противность письменно изъявленнаго Государемъ желанія объ отдачѣ ея Губонину, по этой и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ не хотѣлъ, чтобы общество, учрежденное Рябининымъ, оказалось несостоятельнымъ. Невыгоды же отъ приближенія дороги къ Австрійской границѣ онъ не видалъ и по непониманію дѣла и потому, что въ немъ, наравнѣ со многими другими Русскими, вообще нѣтъ того, что постигается только безграничною любовію къ Россіи.

Вообще образованіе Бобринскаго, несмотря на огромныя издержки, весьма незавидное. Между тѣмъ онъ кончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ; ясное доказательство, что при извѣстныхъ условіяхъ первоначальнаго воспитанія и слушаніе университетскихъ лекцій не вполнѣ поможетъ. Незнаніе же имъ Россіи, даже ея географіи, превосходитъ всякое вѣроятіе. Мнѣ разсказывалъ Ѳ. В. Чижовъ, что когда онъ говорилъ Бобринскому

о желѣзной дорогѣ на Кострому, то послѣдній его спрашивалъ, что такое Кострома, и не удовлетворясь отвѣтомъ, чтобы понять ея положеніе, пошелъ отыскивать ее на картѣ.

Чижовъ не имѣетъ привычки прибавлять при разсказахъ; согласиться же съ тѣмъ, что Бобринскій не зналъ губернскаго города, лежащаго на Волгѣ, было трудно, и я приписалъ это его забывчивости. Но вообразите мое удивленіе, когда, мѣсяца черезъ четыре, то же самое повторилось въ разговорѣ со мною: именно незнаніе, что такое Кострома, и отыскиваніе ея на картѣ въ болѣе южной полосѣ. Нечего и говорить о малыхъ понятіяхъ Бобринскаго по государственному кредиту и т. п.

По возвращеніи въ декабрѣ въ Петербургъ, Бобринскій мнѣ сказалъ, что по направленію, по которому Фуфаевскій производитъ изысканія, работы будутъ такъ затруднительны, что я навѣрное откажусь отъ него, тѣмъ болѣе, что правленіе дороги уже начало работы по избранному имъ направленію. Когда же проектъ Фуфаевскаго нисколько не оправдалъ этихъ предположеній, то Бобринскому было уже извѣстно черезъ почетнаго гражданина Задлера, избраннаго неизвѣстно кѣмъ въ предсѣдатели правленія Кіево-Брестской желѣзной дороги и заключавшаго съ правленіемъ, т.-е., съ самимъ съ собою, контрактъ на постройку дороги и поставку всѣхъ къ ней принадлежностей, о расхищенныхъ и растерянныхъ милліонахъ, такъ что остальныхъ денегъ будто бы недостаточно на устройство дороги, даже и по направленію, избранному правленіемъ, несмотря на то, что по нему длина предположенной къ устройству дороги была менѣе на 35 верстъ.

Задлеръ часто бывалъ у Бобринскаго и долго у него сиживалъ. О чемъ они говорили, не знаю: всѣ разговоры происходили безъ меня и безъ помощника моего Шернваля, которому въ особенности поручено было въ то время исчисленіе стоимости предполагавшихся къ постройкѣ дорогъ, а также и сравнительныя исчисленія стоимости строющихся дорогъ по разнымъ измѣненіямъ, предполагаемымъ строителями. Надо полагать, что Задлеръ умѣлъ заинтересовать кого-либо изъ приближенныхъ Бобринскаго, который разъ при мнѣ и Шернвалѣ сказалъ, что придется прибавить болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей, концессіонную сумму на постройку Бердичево-Брестскаго участка, и на замѣчаніе Шернваля, чтобы онъ дозволилъ ему повѣрить исчисленія, представленныя Задлеромъ, ничего не отвѣтилъ.

Въ это время требовалось обсудить нѣсколько вопросовъ по строющимся и проектируемымъ желѣзнымъ дорогамъ въ военномъ отношеніи, и Бобринскій для разрѣшенія ихъ пригласилъ къ себѣ помощника генералъ-инспектора по инженерной части, знаменитаго защитника Севастополя генералъ-адъютанта Тотлебена, который, изъявивъ согласіе по всѣмъ прочимъ вопросамъ, никакъ не соглашался на устройство дороги между Австрійскою границею и Дубенскими возвышенностями и одобрялъ направленіе, прежде принятое правительствомъ, несмотря на то, что Бобринскій въ присутствіи Задлера говорилъ, что если не согласятся съ обществомъ, то придется дополнить концессіонную сумму нѣсколькими

милліонами рублей и вознаградить издержки, произведенныя уже обществомъ на не утвержденномъ участкѣ, которыхъ, замѣчу, оно не имѣло права производить безъ утвержденія плана.

Къ этому объясненію были приглашены: я, Шернваль, Задлеръ, Шпилевъ и Фуфаевскій. На замѣчанія Тотлебена Задлеръ возразилъ, что концессія есть актъ международный, что на основаніи концессіи будто бы учредителю предоставленъ выборъ направленія. Тонъ его возраженія былъ такъ дерзокъ, что Шернваль, какъ онъ впослѣдствіи говорилъ, насилу удержался, чтобы не выгнать Задлера изъ кабинета Бобринскаго. Когда въ немъ остались только Бобринскій, я, Шернваль и Тотлебенъ, то послѣдній выразилъ мнѣ свое удивленіе, что я въ этомъ засѣданіи не поддерживалъ моего мнѣнія насчетъ направленія дороги, на что я ему отвѣчалъ, что я хотѣлъ доказать, что умѣю и помолчать, а что я вполнѣ согласенъ съ его мнѣніемъ, о чемъ, за исключеніемъ его, было уже извѣстно присутствовавшимъ.

13-го февраля, въ тотъ самый день, когда Бобринскій мнѣ говорилъ о рѣшеніяхъ совѣта министровъ по вопросу объ улучшеніи рѣки Волги и комитета о направленіи Бердичево-Брестской дороги, прежде прихода моего къ Бобринскому, онъ мнѣ прислалъ Высочайше утвержденный 7-го февраля всеподданнѣйшій его докладъ, которымъ испрашивалось разрѣшеніе о разсмотрѣніи вопроса о направленіи означенной дороги. Въ немъ было сказано, что предсѣдатель комитета желѣзныхъ дорогъ генералъ-адъютантъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ полагалъ составить этотъ комитетъ изъ Чевкина, Милютина, Рейтерна, Тотлебена, начальника главнаго штаба военнаго министерства генералъ-адъютанта графа Гейдена и состоявшаго по министерству финансовъ гофмейстера Абазы. Эти лица были всѣ члены комитета желѣзныхъ дорогъ; только для полнаго его присутствія недоставало министровъ внутреннихъ дѣлъ Тимашева и государственныхъ имуществъ Зеленаго, товарища министра финансовъ Грейга, члена Государственнаго Совѣта инженеръ-генерала Герстфельда, инженеръ-тайнаго совѣтника Кербедза и меня, о не приглашеніи которыхъ въ засѣданіе комитета было Бобринскимъ словесно доложено Государю 4-го февраля, и Государь приказалъ ему снестись объ этомъ съ графомъ Строгановымъ, а 7-го былъ посланъ къ Государю и имъ утвержденъ означенный всеподданнѣйшій докладъ. Очевидно, число членовъ комитета для этого одного засѣданія уменьшено съ цѣлію исключить меня изъ этого засѣданія. Это было первое, по крайней мѣрѣ для меня, явное дѣйствіе Бобринскаго противъ меня. Не проще ли было сказать мнѣ, чтобы я не ѣхалъ въ засѣданіе комитета желѣзныхъ дорогъ, предоставивъ собраться въ немъ всѣмъ другимъ членамъ? Я тѣмъ легче согласился бы на подобное отсутствіе, что мое мнѣніе по этому вопросу было уже извѣстно.

Во всякомъ случаѣ не слѣдовало дѣлать изъ этого для меня тайны до такой степени, что докладъ, утвержденный Государемъ 7-го февраля,

былъ присланъ ко мнѣ только 13-го послѣ засѣданія комитета, тогда какъ доклады по желѣзнымъ дорогамъ обыкновенно составлялись мною и, по утвержденіи Государемъ, присылались ко мнѣ въ день утвержденія и не позже, какъ на другой день.

Чевкинъ мнѣ говорилъ впослѣдствіи, что графъ Строгановъ поручилъ ему объяснить мнѣ, что онъ никогда не желалъ исключать кого-либо изъ комитета желѣзныхъ дорогъ, а тѣмъ менѣе меня, что въ этомъ дѣлѣ произошло какое-то недоразумѣніе до того для него непріятное, что онъ не хотѣлъ, чтобы этотъ умаленный комитетъ собирался въ его домѣ, а просилъ Чевкина собрать его у себя. Въ засѣданіи комитета, въ которое Рейтернъ не пріѣхалъ, рѣшили, что слѣдуетъ вести дорогу по направленію, избранному правительствомъ, что по этому предмету не должно было даже возрождаться никакого вопроса, такъ какъ учредитель обязанъ строить дорогу по означенному направленію, не имѣя права на какія-либо дополнительныя денежныя пособія, и что даже не слѣдуетъ составлять журналъ состоявшемуся засѣданію, тѣмъ болѣе, что не имѣется въ виду даже прошенія учредителя объ измѣненіи линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ члены комитета просили графа Строганова довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя.

Въ слѣдующую за симъ недѣлю Задлеръ почти ежедневно бывалъ довольно долго у Бобринскаго и дѣлалъ съ нимъ какіе-то расчеты. При этомъ не было ни меня, ни Шернваля. Бобринскій имѣетъ способность скоро считать и перекладывать цифры. Онъ любитъ выказывать эту способность, воображая, что главное дѣло въ умѣніи скоро складывать, вычитать и пр.; онъ при каждомъ удобномъ случаѣ исписывалъ цѣлыя тетради цифрами.

21-го февраля Задлеръ снова долженъ былъ быть у Бобринскаго, что мнѣ сказалъ послѣдній, когда я пришелъ къ нему въ 10 час. утра съ какимъ-то инженеромъ. Но пока мы говорили о вещахъ, не представляющихъ особеннаго значенія, Бобринскій вдругъ поблѣднѣлъ, схватился за сердце и пошелъ, придерживаясь къ шкапамъ, стоящимъ около стѣнъ, во внутренній свой кабинетъ, куда вошелъ и я спустя нѣсколько минутъ. Найдя Бобринскаго лежащимъ на диванѣ и стонавшаго, я послалъ къ нему его стараго камердинера, а курьера за его докторомъ Обермиллеромъ, который вскорѣ прибылъ. Болѣзнь оказалась столь серьезною, что всякое занятіе было бы вредно, и потому въ тотъ же день состоялось Высочайшее повелѣніе о вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ.

На другой день явился ко мнѣ Задлеръ и объявилъ, что Бобринскій, принявъ въ соображеніе, что сумма, за которую правленіе Кіево-Брестской дороги сдало ему по контракту устройство Бердичево-Брестскаго участка, превышаетъ сумму, которую общество можетъ получить отъ реализаціи облигацій и акцій, полагая даже, что послѣднія будутъ выгодно реализованы, обѣщалъ ему исходатайствовать слѣдующее:

1) Уменьшить цѣну уступленнаго обществу, устроеннаго на средства казны, Кіево-Жмеринскаго участка слишкомъ на два милліона рублей,

прибавивъ эту сумму къ концессіонному капиталу на устройство Бердичево-Брестскаго участка, т.-е., подарить обществу изъ казны болѣе двухъ милліоновъ рублей.

2) За реализаціею, уже произведенною чрезъ Берлинскаго банкира Блейхредера, одной трети всѣхъ акцій, которыя общество должно было реализовать на устройство Бердичево-Брестскаго участка, на остальныя двѣ трети выдать изъ казны по 75 р. за сто, такъ что капиталъ, реализованный собственно самимъ обществомъ, составлялъ бы менѣе $^1/_8$ части всего капитала, потребнаго на предпріятіе.

Я легко могъ повѣрить Задлеру, что все это было обѣщано Бобринскимъ, который, имѣя самыя смутныя понятія о финансахъ нашихъ и вообще о государственномъ хозяйствѣ, чрезвычайно легко соглашался на всякія требованія концессіонеровъ о выдачѣ казенныхъ суммъ, чему я былъ неоднократно свидѣтелемъ. Трудно было опредѣлить величину испрашиваемаго Задлеромъ пособія, состоящаго въ реализаціи акцій правительствомъ, такъ какъ неизвѣстно, почемъ общество могло бы реализовать эти акціи, но, что пособіе это достигало нѣсколькихъ милліоновъ рублей, можно заключить изъ того, что вторую треть акцій учредитель общества заложилъ Блейхредеру по 30 р. за сто, заложивъ такимъ образомъ противозаконно акціи еще не выпущенныя и слѣдовательно не имѣющія цѣнности. Но Блейхредеръ не выдалъ даже и 30% съ номинальной стоимости акцій, а удержалъ изъ этой стоимости болѣе 650.000 руб. за то, что, въ противность уговора его съ Рябининымъ, онъ не получилъ права на реализацію облигацій, за которыя казна выдавала обществу, согласно концессіи, по 75 за сто.

При этомъ объясненіи Задлеръ мнѣ сказалъ, что и министръ финансовъ изъявилъ согласіе на эти пособія и ждетъ только моего увѣдомленія, что я нахожу ихъ необходимыми. Я отвѣчалъ Задлеру, что Бобринскій мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ, что по состоянію его здоровья я не могу теперь съ нимъ объ этомъ объясниться, что это дѣло требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія и что для правительства существуетъ общество желѣзной дороги, а не лицо, съ которымъ правленіе заключило контрактъ на постройку дороги, и потому прошеніе о пособіяхъ должно быть подано правленіемъ, и къ этому присовокупилъ, что на мое рѣшеніе ходатайствовать о пособіяхъ можетъ повліять только увѣренность въ невозможности построить дорогу средствами, остающимися въ распоряженіи общества, а не сумма, за которую правленіе сдало эту постройку Задлеру, такъ какъ правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ выдавать пособій только потому, что дѣйствія правленій обществъ нелѣпы и беззаконны.

По полученіи прошенія общества была, по моему порученію, сдѣлана подробная оцѣнка всѣмъ работамъ, принятымъ на себя Задлеромъ, и оказалось, что, при дарованіи испрашиваемыхъ правленіемъ пособій, отъ постройки дороги по направленію, одобренному правительствомъ, Задлеръ еще получитъ нѣкоторыя выгоды, и что безъ этихъ пособій, въ виду сдѣлан-

ной реализаціи акцій и дурныхъ распоряженій правленія, постройка дороги должна остановиться, а такъ какъ пособія были уже обѣщаны Рейтерномъ и Бобринскимъ, то я увѣдомилъ правленіе, что готовъ о нихъ хлопотать и ходатайствовать, но съ тѣмъ, чтобы оно заявило мнѣ, что по полученіи пособій оно устроитъ дорогу по направленію, одобренному правительствомъ, не требуя за это дополнительныхъ денежныхъ выдачъ.

Правленіе отвѣчало мнѣ, что ему необходимы означенныя пособія для устройства дороги по направленію имъ избранному, а въ случаѣ исполненія работъ по направленію, одобренному правительствомъ, оно, сверхъ того, потребуетъ за лишнія работы по послѣднему направленію болѣе милліона рублей и въ вознагражденіе издержекъ уже произведенныхъ по избранной имъ линіи отъ 400 до 500 тыс. рублей. На это объявлено правленію, что дорога не можетъ быть иначе устроена, какъ по направленію, одобренному правительствомъ, что по этому направленію, по уставу общества, длина дороги значится въ 535 верстъ, по изысканіямъ же Фуфаевскаго оказалось 525 верстъ, что общество не имѣло никакого права безъ утвержденія проекта министерствомъ путей сообщенія приступать къ какимъ-либо распоряженіямъ по направленію, правительствомъ не одобренному, и потому требованіе правленія о добавленіи ему еще 1½ милліона рублей не имѣетъ никакого основанія.

Правленіе вслѣдствіе моего отвѣта вошло ко мнѣ съ прошеніемъ отъ 3 марта 1871 года о представленіи этого дѣла, какъ спорнаго, на основаніи устава общества, въ комитетъ министровъ, что и было исполнено мною. Мое представленіе въ комитетъ отъ 13-го апрѣля поясняетъ все дѣло, а потому я прилагаю съ него копію *) и болѣе объ немъ не буду распространяться. Скажу только, что въ это время были подведены, черезъ разныхъ лицъ и между прочимъ черезъ приближенныхъ Бобринскаго, всевозможныя интриги для того, чтобы я согласился съ правленіемъ, и что таковыя же и еще большія интриги были въ ходу у всѣхъ вліятельныхъ лицъ и даже у Чевкина и Милютина.

Расположеніемъ перваго пользовался Задлеръ, такъ какъ дѣдъ и отецъ его были хорошо знакомы Чевкину. Милютинъ же при каждомъ свиданіи со мной, и иногда два дня сряду, напоминалъ мнѣ о необходимости скорѣйшаго устройства дороги и слѣдовательно разрѣшенія по прошеніямъ Задлера. На Милютина вліяли его приближенные, а также желаніе видѣть эту дорогу устроенною скорѣе, по причинѣ тогдашняго политическаго состоянія Европы.

Во время разсмотрѣнія моего представленія въ комитетѣ министровъ уже была рѣшена извѣстною партіею необходимость моего удаленія изъ министерства, но, несмотря на это, всѣ принуждены были согласиться съ моимъ представленіемъ. Видно было, что графъ Шуваловъ хотѣлъ опонировать, но удержался. Министръ юстиціи графъ Паленъ замѣтилъ, что

*) Приложеніе I.

комитетъ министровъ, какъ административное учрежденіе, не можетъ лишать общество права искать вознагражденія судебнымъ порядкомъ, и что я, за свои дѣйствія, въ случаѣ жалобы общества, отвѣтствую передъ Сенатомъ на основаніи судебныхъ уставовъ. Я ему отвѣчалъ, что никогда въ этомъ не сомнѣвался.

Вслѣдствіе замѣчанія Палена въ заключеніи положенія комитета сдѣлано было незначительное измѣненіе въ редакціи представленнаго мною заключенія. Это положеніе было Высочайше утверждено и объявлено правленію общества Кіево-Брестской дороги, которое немедля вошло съ прошеніемъ ко мнѣ о томъ, чтобы я поспѣшилъ сообщить министру финансовъ о согласіи моемъ на тѣ льготы, которыя я и прежде допускалъ.

Я потребовалъ вновь отъ правленія обязательства вести дорогу по направленію, избранному правительствомъ, и оно включило это обязательство въ свое прошеніе, которое не было подписано Задлеромъ, какъ увѣряли прочіе подписавшіеся директора, по болѣзни, но Рейтернъ просилъ меня, чтобы я потребовалъ подписи Задлера, что мною и было исполнено, и вслѣдъ затѣмъ были даны обществу просимыя имъ льготы *). Заключеніе въ моемъ представленіи въ комитетъ министровъ было сначала формулировано иначе, но оно измѣнено по совѣту Чевкина и Рейтерна. Сначала я полагалъ, что, въ виду дурныхъ распоряженій общества, заявленія имъ самимъ о своей несостоятельности и признанной всѣми его неблагонадежности, слѣдовало бы дѣло по устройству дороги передать другому обществу.

Рейтернъ, въ виду имѣнія Блейхредеромъ двухъ третей акцій всего предпріятія, опасался, что подобная мѣра могла бы подѣйствовать дурно на нашъ кредитъ. Все предпріятіе, въ виду обѣщанныхъ пособій Рейтерномъ и Бобринскимъ, съ охотою принимали на себя Варшавскій, Губонинъ и Меккъ, каждый отдѣльно. Большихъ выгодъ въ столь испорченномъ дѣлѣ, конечно, ожидать они не могли, но зная, что это дѣло мнѣ было непріятно, хотѣли меня избавить отъ суда съ обществомъ въ комитетѣ министровъ.

---

*) Моя защита казенныхъ суммъ противъ правленія Кіево-Брестской дороги оказалась впослѣдствіи безполезною: по представленію министра путей сообщенія А. П. Бобринскаго, правленію дороги черезъ полтора года дали еще большія льготы, чѣмъ тѣ, на которыя оно претендовало въ 1871 году. Это дѣлается понятнымъ въ виду того, что въ числѣ директоровъ общества Кіево-Брестской желѣзной дороги былъ В. Жемчужниковъ, жившій, по близкому знакомству съ А. П. Бобринскимъ, въ его домѣ. Впослѣдствіи, при министрѣ Посьетѣ, онъ, назначенный директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія, получилъ еще болѣе вліянія на дѣла, такъ что общій ропотъ на Посьета состоитъ именно въ томъ, что онъ въ полной зависимости отъ В. В. Жемчужникова и избраннаго послѣднимъ въ вице-директоры того же департамента Неронова. Только въ октябрѣ 1872 года, перелистывая представленіе правленія общества отъ 8 марта 1871 года, я обратилъ вниманіе на то, что Жемчужниковъ былъ въ 1871 г. директоромъ правленія обшества Московско-Брестской желѣзной дороги.

Задлеръ былъ увѣренъ, что выиграетъ дѣло въ этомъ комитетѣ и никому не хотѣлъ его сдавать. Онъ, конечно, расчитывалъ на поддержку разныхъ лицъ и, между прочимъ, бывшаго съ нимъ теперь въ дѣлѣ и нѣкогда вмѣстѣ съ нимъ строившаго Тамбовско-Козловскую дорогу, Ефимовича, о степени вліянія котораго читатель узнаетъ изъ слѣдующихъ страницъ.

Я спросилъ Губонина, почему онъ теперь соглашается взять испорченное дѣло и надѣется еще на нѣкоторыя выгоды, тогда какъ при конкуренціи на эту дорогу онъ назначилъ высокую цѣну и даже, когда ему предлагали, желая отстранить Рябинина, взять на себя предпріятіе по цѣнѣ послѣднимъ объявленной, онъ отъ этого предложенія отказался. Губонинъ отвѣчалъ мнѣ, что я ему отдаю дорогу безъ **балласта**, а тогда требовали большой балластъ. Я хотя и понялъ, что это за балластъ, сказалъ Губонину, что онъ ошибается, что прежде на разсыпку балласта по полотну дороги смотрѣли не такъ строго, какъ теперь смотритъ на это Шернваль. Губонинъ пояснилъ мнѣ, что онъ говоритъ не о томъ балластѣ, котораго требуетъ Шернваль и который необходимъ для прочности дороги, но о балластѣ, который ему пришлось бы уплатить разнымъ вліятельнымъ лицамъ и простиравшійся до 4.000 руб. на версту уступаемой дороги.

Я неоднократно слышалъ о томъ, что полученіе концессій на желѣзныя дороги требуетъ значительныхъ издержекъ по стольку-то тысячъ рублей съ версты, но теперь въ первый разъ я это слышалъ отъ человѣка, которому самому приходилось платить эти деньги. Сверхъ подобныхъ уплатъ были еще расходы со стороны концессіонеровъ по министерствамъ финансовъ и путей сообщенія, но такъ какъ министры сами постоянно занимались этими дѣлами, то не могу понять, за что концессіонеры платили младшимъ лицамъ. Надо полагать, что послѣдніе умѣли муссировать свое значеніе. Впрочемъ, учредитель Либавской желѣзной дороги, Бліохъ, увѣрялъ меня, что всѣ его расходы въ министерствѣ путей сообщенія, на предпріятіе въ $12\frac{3}{4}$ милліоновъ рублей, не превосходили четырехъ тысячъ рублей. Долженъ сознаться, что несмотря на мое положеніе, при которомъ я долженъ былъ бы знать всю подноготную продѣлокъ при выдачѣ концессій на желѣзныя дороги, я никогда не могъ вполнѣ понять, за что концессіонеры давали большія деньги разнымъ высокопоставленнымъ и вліятельнымъ лицамъ внѣ министерствъ финансовъ и путей сообщенія и нѣкоторымъ чиновникамъ этихъ министерствъ; а чего вполнѣ не понимаю, о томъ не буду писать, чтобы не ввести читателя въ заблужденіе моими неправильными, можетъ быть, предположеніями.

Теперь приведу доказательство того, какъ Бобринскій легко относился къ расходамъ казенныхъ суммъ.

Великобританскій подданный Юзъ двумя договорами, заключенными въ 1868 году съ Рейтерномъ и Мельниковымъ (послѣдній только съ явнымъ принужденіемъ согласился дать свою подпись), обязался:

1) близъ Харьково-Азовской дороги построить желѣзнодѣлательный

и чугунноплавильный заводъ на землѣ, которая будетъ ему уступлена казною даромъ съ тѣмъ, что казна будетъ ему въ продолженіе 10-ти лѣтъ выдавать премію по 50 к. на каждый пудъ рельсовъ, изготовленныхъ на этихъ заводахъ, и

2) устроить желѣзную дорогу отъ этихъ заводовъ до Харьково-Азовской желѣзной дороги съ тѣмъ, чтобы она не была длиннѣе 84 верстъ; пов ерстная же стоимость ея, по изысканіямъ Юза, никѣмъ не повѣреннымъ была опредѣлена въ 63.000 руб. мет., не гарантированныхъ правительствомъ, которое на три четверти всего капитала даетъ ссуду по 75 к. за рубль, т.-е., выдаетъ на каждую версту по 35.457 руб. мет. (чего съ избыткомъ достаточно на устройство дороги);

3) къ работамъ приступить немедля.

Между тѣмъ прошелъ годъ, и не только не было приступлено къ работамъ, но не было представлено предварительныхъ проектовъ, и когда таковой, собственно по желѣзной дорогѣ, былъ наконецъ вытребованъ, то, не говоря уже о многихъ его недостаткахъ, оказалось, что разстояніе отъ предполагаемыхъ заводовъ до Харьково-Азовской дороги не превышаетъ 45 верстъ, между тѣмъ предполагаемая по проекту дорога имѣетъ болѣе ста верстъ только потому, что она, безъ пользы для дѣла, тянется вблизи Харьково-Азовской дороги. Понятно, что чѣмъ длиннѣе будетъ дорога, тѣмъ болѣе останется у Юза капитала отъ ея постройки такъ какъ на нее требовалось гораздо менѣе той суммы, въ которую была опредѣлена ея стоимость.

Юзъ же утверждалъ, что онъ безъ прибавленія ему 500 тыс. руб. устроить желѣзной дороги не можетъ, и не смотря на настоянія мои и Шернваля объ укороченіи длины дороги и о невыдачѣ Юзу требуемыхъ имъ добавокъ, Бобринскій чрезвычайно легко согласился на то, чтобы дорога примыкала къ Харьково-Азовской дорогѣ въ такомъ пунктѣ, чтобы ея длина была не болѣе 84 верстъ, назначенныхъ въ первоначальномъ условіи (въ концессію ввели 85 верстъ), съ сохраненіемъ, по настоянію моему и Шернваля, уже условленной поверстной стоимости. Но Бобринскій согласился на выдачу Юзу 500 т. р. изъ казны по мѣрѣ постройки заводовъ, пользуясь тѣмъ, что этотъ предметъ не былъ въ моемъ завѣдываніи и слѣдовательно я не могъ сильно отстаивать по нему выгоды казны.

Согласіе Бобринскаго дать деньги Юзу приписываю, во-1-хъ, желанію устроить означенные заводы при увѣренности, что только англичанинъ можетъ ихъ устроить, хотя Юзъ былъ необразованный человѣкъ и не пользовался въ Англіи хорошею репутаціею; во 2-хъ, желанію угодить великому князю Константину Николаевичу, который покровительствовалъ Юзу, въ-3-хъ, ежедневнымъ разговорамъ по нѣскольку часовъ на англійскомъ языкѣ съ Юзомъ, въ которыхъ, вѣроятно, Бобринскій проболтался и необдуманно далъ обѣщаніе Юзу, и въ-4-хъ, можетъ быть, вліянію приближенныхъ Бобринскаго, которымъ Юзъ обѣщалъ дать взятку.

Вотъ еще два примѣра, изъ весьма многихъ, той легкости, съ которой Бобринскій бросалъ огромныя казенныя суммы.

Товарищество, образованное Бельгійскимъ министромъ Девріеромъ, обязалось построить Кіево-Брестскую дорогу по 64 тыс. съ версты, съ полученіемъ отъ казны уплаты каждые полгода за окончательно устроенныя сооруженія, а до совершеннаго окончанія ихъ—только извѣстныхъ процентовъ ихъ стоимости. Цѣна эта была чрезвычайно выгодна для товарищества, но главный уполномоченный онаго Филлель, большой нахалъ, мошенникъ и мотъ, такъ распоряжался, что, строя дурно, едва не представилъ большіе барыши товариществу.

Предпріятіе это состояло подъ чьимъ-то особымъ покровительствомъ, говорятъ графа Адлерберга (Александра). Поэтому Мельниковъ, будучи министромъ, допускалъ невѣроятныя льготы по контракту Девріера. Инспекторъ дороги, инженеръ, д. с. с. Бобрищевъ-Пушкинъ, несмотря на эти льготы, которымъ не могъ противиться, поступалъ съ товариществомъ буквально по контракту, платя полныя суммы только за оконченныя сооруженія. Но сдѣланныя, съ разрѣшенія Мельникова, въ контрактѣ измѣненія въ пользу товарищества до того перепутали расчеты, что Пушкинъ съ Филлелемъ расходились въ нѣсколько милліоновъ руб.

Трудно было разъяснить это В. Бобринскому, но когда онъ понялъ, то послалъ на мѣсто комиссію подъ предсѣдательствомъ Шернваля для опредѣленія стоимости работъ, остающихся къ производству съ тѣмъ, чтобы ее вычесть изъ оптовой суммы подряда и оставить въ казнѣ, а остальную сумму, еще не выданную какъ за оконченныя, такъ и за не оконченныя работы по расчету, не медля, вполнѣ выдать товариществу. Это измѣняло условія контракта, что нельзя было сдѣлать иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію. Подъ предсѣдательствомъ Шернваля комиссія, не смотря на морозы и метели въ январѣ 1870 г., весьма точно произвела свои исчисленія, опредѣливъ стоимость работъ, оставшихся къ производству и тѣхъ, которыя Филлель, по неправильному толкованію контракта, полагалъ въ правѣ вовсе не производить, но которыя были бы весьма полезны для дороги. Этихъ работъ было на сумму около милліона рублей, и Бобринскій далъ вѣру Филлелю, а не комиссіи, такъ что Шернваль почелъ себя крайне обиженнымъ, и я съ трудомъ уговорилъ его не оставлять вслѣдствіе этого службы. Вскорѣ однако Бобринскому надоѣло нахальство и постоянная ложь Филлеля: Бобринскій не велѣлъ было пускать его къ себѣ, но это продолжалось не долго.

Общество Харьково-Кременчугской дороги открыло лѣтомъ 1870 г. эксплоатацію отъ Кременчуга до Полтавы. Въ концессіи этого общества было сказано, что правительственная гарантія чистаго дохода начинается по открытіи дороги. Въ утвержденной расцѣночной вѣдомости на постройку дороги показано было, что проценты на капиталъ общества во все время постройки дороги выплачиваются изъ строительнаго капитала. На этомъ основаніи, согласно съ мнѣніемъ Рейтерна, я объявилъ правленію дороги,

просившему гарантію по открытому участку, что гарантія правительства начинается по открытіи всей дороги и что затѣмъ просьба правленія о выдачѣ части гарантіи, соотвѣтствующей открытому участку, не можетъ быть удовлетворена.

Учредителями этого общества были: Александръ Аггѣевичъ Абаза и баронъ Унгернъ-Штернбергъ, столь дорого уже стоившій Россіи устройствомъ желѣзныхъ дорогъ по американскому, какъ онъ увѣрялъ, способу, столь мѣтко названному, въ одной журнальной статьѣ, Ревельскимъ способомъ.

Унгернъ-Штернбергъ, воспользовавшись прибытіемъ на мѣсто Бобринскаго, убѣдилъ его телеграфировать мнѣ, что такъ какъ я, согласно концессіи, разрѣшилъ открытіе эксплоатаціи на часть дороги, то и гарантія на эту часть должна производиться отъ правительства.

Находя это совершенно несогласнымъ съ утвержденною концессіею, я не далъ ходу телеграммѣ Бобринскаго, но онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, настоялъ на своемъ у министра финансовъ, который протежировалъ Абазѣ. Черезъ это впослѣдствіи всѣ строющіяся дороги открывали участки и, въ противность утвержденныхъ концессій, получали отъ казны часть гарантіи, соотвѣтствующей протяженію открытаго участка.

Я уже не привожу здѣсь другихъ примѣровъ, доказывающихъ не расчетливость В. Бобринскаго относительно казенныхъ суммъ, напримѣръ, сложенія разнымъ концессіонерамъ таможенныхъ пошлинъ за привозимые изъ-за границы предметы, вопреки утвержденнымъ концессіямъ, отчего казна каждый разъ теряла сотни тысячъ рублей, что меня постоянно разстраивало нравственно.

Бобринскій на мои возраженія отвѣчалъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что сберегать государственную казну дѣло не наше, а министра финансовъ. Послѣдній же соглашался на означенныя снисхожденія въ виду неоднократно повторяемыхъ настояній Бобринскаго.

На другой день вышеописаннаго припадка, случившагося съ Бобринскимъ, я былъ у него, и онъ вспомнилъ, что въ этотъ день въ комитетѣ министровъ должно было разсматриваться его представленіе о передачѣ шоссейныхъ дорогъ Московской губерніи на 10 лѣтъ въ вѣдѣніе Московскаго земства, и просилъ, что бы разсмотрѣніе этого дѣла было отложено до того времени, когда я успѣю познакомиться съ его предположеніями. Тогда же онъ вспомнилъ, что на дняхъ назначено въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ разсмотрѣніе его представленія о новомъ направленіи желѣзной дороги къ Севастополю, которое не зачѣмъ откладывать, такъ какъ оно мнѣ извѣстно.

Когда я заявилъ въ комитетѣ министровъ мое желаніе отложить разсмотрѣніе дѣла по передачѣ шоссейныхъ дорогъ Московской губерніи земству, шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ не находилъ этого нужнымъ, такъ какъ мнѣніе исправляющаго должность министра путей сообщенія уже извѣстно изъ его представленія, съ которымъ и министры успѣли

же познакомиться. Я замѣтилъ, что я получилъ представленіе Бобринскаго, только передъ самымъ отъѣздомъ въ комитетъ, не успѣлъ его прочитать и, конечно, какъ управляющій министерствомъ, долженъ буду выразить и мое мнѣніе, что въ принципѣ вполнѣ одобряю мысль, но считаю долгомъ ознакомиться съ подробностями передачи дорогъ, ихъ обратнаго черезъ десять лѣтъ пріема въ казну и съ правилами расходованія земствомъ казенныхъ суммъ, такъ какъ земству предполагалось отдать не только шоссейныя дороги, но вмѣстѣ съ тѣмъ выдавать ежегодно ту сумму, которая до сего времени употреблялась казною на ихъ ремонтъ и содержаніе и сверхъ того сумму шоссейнаго сбора по этимъ дорогамъ, поступавшую до сего времени не въ смѣту министерства путей сообщенія, а въ государственное казначейство.

Комитетъ министровъ согласился отложить обсужденіе этого дѣла, съ основною мыслію котораго вмѣстѣ со мною согласились и всѣ прочіе члены комитета, за исключеніемъ предсѣдателя князя П. П. Гагарина, рѣшительно не допускавшаго подобной передачи, изъ опасенія придать земству слишкомъ большое значеніе, которое будто бы не слѣдуетъ допускать, а не только поощрять.

Ознакомившись съ предположеніемъ по передачѣ шоссейныхъ дорогъ Московской губерніи земству, я нашелъ, что, по проекту условій съ земствомъ, оно можетъ потребовать немедля особыхъ казенныхъ суммъ для приведенія шоссе въ исправность, а впослѣдствіи запустить шоссе безъ всякой отвѣтственности, такъ что придется возобновить его на казенный счетъ, и что предполагаемое въ проектѣ представленіе земству назначенія произвольныхъ таксъ за проѣздъ по шоссе можетъ быть отягощеніемъ для проѣзжающихъ. Сверхъ того, я нашелъ многія другія несовершенства въ проектѣ условій съ земствомъ.

Вслѣдствіе этого я желалъ, по возможности, отдалить разсмотрѣніе этого вопроса, въ надеждѣ скораго выздоровленія Бобринскаго, съ тѣмъ, чтобы предоставить ему самому защищать свое представленіе. Но когда Бобринскій уѣхалъ за границу и Шуваловъ потребовалъ немедленнаго разсмотрѣнія этого дѣла, я составилъ контръ-проектъ правилъ о передачѣ Московскому земству шоссе въ Московской губерніи и о содержаніи его на отпускаемыя изъ государственнаго казначейства суммы. Чтобы не поставить меня въ противорѣчіе съ министромъ, котораго я только временно замѣняю, Чевкинъ представилъ этотъ контръ-проектъ, какъ будто имъ составленный.

Этотъ контръ-проектъ и былъ только обсуждаемъ, такъ какъ представленный Бобринскимъ былъ всѣми министрами признанъ неудобопримѣнимымъ, хотя этого ими нигдѣ не было выражено.

Для обсужденія контръ-проекта назначена была комиссія изъ Тимашева, Шувалова и меня, и онъ нѣсколько въ измѣненномъ видѣ былъ одобренъ комитетомъ министровъ.

Перехожу къ вопросу, назначенному къ разсмотрѣнію на той же недѣлѣ

въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ о направленіи желѣзной дороги къ Севастополю.

Еще въ царствованіе Императора Николая были дѣланы предположенія о проведеніи желѣзной дороги изнутри Россіи къ Черному морю, но тогда частныя общества желѣзныхъ дорогъ не допускались, несмотря на существованіе уже общества Царско-Сельской дороги.

Общественное мнѣніе въ продолженіе Крымской войны, приписывая наши неудачи неимѣнію сообщеній съ Крымомъ, постоянно обвиняло правительство въ томъ, что оно не только само не построило желѣзной дороги къ Черному морю, но и отвергало всѣ частныя.

По окончаніи войны была уступлена главному обществу Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ первая сѣть желѣзныхъ дорогъ протяженіемъ до 4.000 верстъ, въ коей заключалась, между прочимъ, линія отъ Москвы до Ѳеодосіи, имѣющей хорошій портъ, предпочтенный Севастополю, потому что черезъ это укорачивалась вся линія, не требовалось весьма значительныхъ работъ для перехода изъ Крымской степи черезъ горы на южный берегъ Крыма и вѣроятно потому, что съ разгромомъ Севастополя не надѣялись на возможность скораго возстановленія этого порта.

Въ 1861 году, когда работы желѣзной дороги отъ Ѳеодосіи до полуострова уже производились, хотя довольно медленно, главное общество желѣзныхъ дорогъ заявило о невозможности окончить предпринятыя имъ дороги безъ увеличенія гарантированной правительствомъ стоимости, безъ дарованія обществу многихъ другихъ весьма значительныхъ льготъ.

Администрація техническими и финансовыми дѣлами общества была очень дурна, и потому ясно было, что согласіе правительства на требованія общества повело бы не къ окончанію дорогъ, а только къ новымъ, не соотвѣтствующимъ дѣлу льготамъ. Поэтому правительство въ 1861 году было вынуждено, во избѣжаніе потери кредита къ предпріятіямъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и чтобы не раззорить акціонеровъ главнаго общества, принять на себя немедля обязанность выплачивать проценты по выпущеннымъ акціямъ и облигаціямъ суммою на 112 мил. рублей, каковая уплата, по первоначальному уставу 1857 года, предполагалась только по мѣрѣ открытія опредѣленныхъ въ уставѣ участковъ дорогъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничить общество обязанностью только окончить находившіяся уже въ постройкѣ С.-Петербурго-Варшавскую дорогу съ вѣтвію къ Прусской границѣ и Нижегородскую; для преподанія же обществу возможности окончить эти дороги, дать ему заимообразно изъ казны до 30 мил. рублей. Затѣмъ незначительныя работы по желѣзной дорогѣ отъ Ѳеодосіи, переданныя въ собственность казны по опредѣленной стоимости, были заброшены.

27 іюля 1861 года я былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ и первымъ моимъ важнымъ занятіемъ по этой должности было составленіе новаго устава главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, основаннаго на главныхъ условіяхъ, уже соглашенныхъ между предста-

вителемъ общества Исаакомъ Перейрою и главноуправляющимъ путями сообщенія Чевкинымъ. Этотъ уставъ былъ Высочайше утвержденъ 3 ноября 1861 года.

Мельниковъ оставилъ мѣсто главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ, увѣряя, что обязанности его невозможно исполнить, а въ самомъ дѣлѣ не желая ссориться съ покровителями главнаго общества, безъ чего нельзя было обойтись по причинѣ дурныхъ распоряженій совѣта управленія этого общества, и былъ весьма недоволенъ моимъ назначеніемъ и мною за то, что я его принялъ.

Въ концѣ 1862 года Мельникова назначили главноуправляющимъ путей сообщенія, вмѣсто Чевкина, и онъ вскорѣ представилъ проектъ новой сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая одобрена Государемъ 3 января 1863 года. Въ проектѣ сѣти заключалась и дорога отъ Москвы къ Севастополю.

О существованіи этого проекта я узналъ слѣдующимъ образомъ: вечеромъ 3-го января былъ ежегодный большой балъ въ Зимнемъ дворцѣ. Государь, въ то время вообще ко мнѣ благосклонный, при каждой встрѣчѣ говорилъ со мною и, встрѣтивъ меня въ этотъ день на балѣ, сказалъ мнѣ, что онъ очень радъ, что началъ полезное дѣло, утвердивъ сегодня утромъ сѣть желѣзныхъ дорогъ въ 5000 верстъ, что это только начало, которое будетъ продолжаться послѣ и далѣе. Я отвѣчалъ на удачу, потому что отъ него перваго слышалъ о новой сѣти.

Чтобы объяснить мое полное о ней невѣдѣніе, надо сказать, что Мельниковымъ, бывшимъ въ концѣ ноября и началѣ декабря 1862 года съ Государемъ въ Москвѣ, я былъ вызванъ туда для начатія слѣдствія по злоупотребленіямъ, оказавшимся въ эксплоатаціонной службѣ Нижегородской дороги и оставался въ Москвѣ до праздника Рождества Христова. Мельниковъ оставилъ Москву еще въ первой половинѣ декабря. Конечно, если бы онъ былъ расположенъ ко мнѣ, то могъ бы найти время и въ Москвѣ и, по возвращеніи моемъ, въ Петербургѣ поговорить со мною объ этомъ предметѣ. Но всѣ еще прежде говорили о его нерасположеніи, чему я не вѣрилъ. Оно, конечно, увеличилось при одновременномъ возникновеніи обществъ Волго-Донской и Московско-Троицкой желѣзныхъ дорогъ, которыхъ главными руководителями были: первой онъ, а послѣдней я, между тѣмъ какъ капиталисты на ту и другую были прежде винные откупщики, и слѣдственно одно предпріятіе отнимало капиталъ у другого.

Приписывая Волго-Донской дорогѣ самое важное государственное значеніе и огромныя прибыли, Мельниковъ считалъ до-нельзя невыгодною Московско-Троицкую дорогу, которую называлъ дорожонкою и говорилъ, что необходимо будетъ на ней устроить непотребныя мѣста и что иначе тамъ не будетъ движенія. Въ ноябрѣ 1862 года, когда оказалось необходимымъ закрыть на зимнее время только что открытую Волго-Донскую дорогу, за неимѣніемъ ни пассажировъ, ни грузовъ, и когда я, по званію инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ, представилъ ему объ этомъ, онъ согласился на закрытіе, замѣтивъ, что это дѣлается для того, чтобы

легче было черезъ недѣлю придти за разрѣшеніемъ о закрытіи Троицкой дороги. Когда я ему отвѣчалъ, что она ежедневно даетъ хорошій доходъ, и надѣюсь, что будетъ такъ продолжаться, онъ былъ очень недоволенъ.

Неудовольствіе Мельникова на меня въ декабрѣ 1862 года могло еще увеличиться по слѣдующей причинѣ. По возвращеніи моемъ въ этомъ мѣсяцѣ въ Москву изъ Нижняго, въ бытность Мельникова въ Петербургѣ, Государь, узнавъ, вѣроятно, изъ дневныхъ рапортовъ о моемъ пріѣздѣ, приказалъ меня позвать къ себѣ и говорилъ со мною объ устройствѣ частными обществами желѣзныхъ дорогъ и въ особенности по направленію на югъ отъ Москвы. Къ этому способу устройства дорогъ пришли послѣ того, что Рейтернъ не могъ добиться отъ Мельникова maximum'а средней стоимости версты дорогъ при постройкахъ ихъ правительственными инженерами, а тогда Рейтернъ готовъ былъ согласиться на весьма значительную стоимость, лишь бы не прибѣгать къ постройкамъ частными лицами.

Мельниковъ былъ очень ревнивъ къ милостямъ Государя и потому призывъ Государемъ его подчиненнаго для объясненій по желѣзнымъ дорогамъ и вообще благосклонное расположеніе Государя ко мнѣ, какъ я узналъ объ этомъ уже впослѣдствіи, крѣпко ему не нравилось. Это не могло быть иначе при необъяснимомъ желаніи вѣчно и всячески преклоняться, только не отдаляться отъ милостей двора, какъ бы ни были гадки средства, которыя для этого необходимо было употреблять. Всѣ подчиненные Мельникова, за исключеніемъ фаворитовъ, которыхъ онъ выбиралъ по необъяснимымъ причинамъ, знали, что онъ великій эгоистъ и ненавидѣли его. Онъ же, при чрезвычайной хитрости, умѣлъ казаться весьма нехитрымъ человѣкомъ и нравиться, въ особенности въ дамскомъ обществѣ. Поэтому, многимъ знавшимъ его, моя оцѣнка, правдивая, можетъ показаться слишкомъ строгою и даже невѣрною.

Мельниковъ изъ одобренной 3-го января сѣти желѣзныхъ дорогъ избралъ первою дорогою къ постройкѣ Севастопольскую, для чего и отыскалъ компанію англійскихъ капиталистовъ. По уставу этой компаніи, утвержденному Государемъ, гарантированная правительствомъ поверстная стоимость превышала послѣднія требованія главнаго общества, и вообще англійской компаніи даны были весьма большія льготы.

Чевкинъ, послѣ увольненія своего отъ должности главноуправляющаго, пробылъ цѣлый годъ за границей и некому было указать, что даваемыя льготы англійской компаніи были слишкомъ велики. Это исполнили «Московскія Вѣдомости», издававшіяся Катковымъ и Леонтьевымъ.

Въ это время я былъ посланъ въ Новочеркасскъ для разбора неудовольствій между строителемъ Грушевской желѣзной дороги инженеромъ Панаевымъ и обывателями Новочеркасска, поддержанными вновь назначеннымъ тогда наказнымъ атаманомъ генералъ-адъютантомъ Павломъ Христофоровичемъ Граббе, и для обозрѣнія первоначальныхъ распоряженій по устройству водопровода въ городѣ Новочеркасскѣ. Почта шла тогда изъ Петербурга въ Новочеркасскъ болѣе недѣли, переписки у меня ни съ кѣмъ, кромѣ жены,

не было и потому какъ составленіе устава съ Англійскою компаніею, такъ равно его утвержденіе и статья «Московскихъ Вѣдомостей» по этому вопросу мнѣ были вполнѣ неизвѣстны до моего возвращенія въ іюлѣ въ Петербургъ.

Между тѣмъ, почему-то составилось мнѣніе, что статья сочинена мною, хотя въ ней проглядывало перо человѣка незнакомаго съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, и это мнѣніе было высказано мнѣ Мельниковымъ въ первыхъ числахъ слѣдующаго августа въ вагонѣ поѣзда, въ которомъ ѣхалъ Государь и Государыня въ Нижній-Новгородъ, послѣдняя съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Крымъ, куда долженъ былъ сопровождать ее Мельниковъ.

Убѣжденный, наконецъ, мною, что статья «Московскихъ Вѣдомостей» писана не мною и что я не могъ дурно относиться о дѣлѣ въ то время, когда я о немъ ничего не зналъ, онъ замѣтилъ мнѣ, что онъ однакоже слышалъ о неодобреніи мною утвержденія устава и потребовалъ письменныхъ на него замѣчаній. Я ихъ написалъ въ вагонѣ же и ему передалъ, чего онъ, конечно, не ожидалъ. Онъ не обратилъ никакого вниманія на мои замѣчанія.

Предъ пріѣздомъ въ Нижній-Новгородъ, Мельниковъ, выйдя изъ вагона Государя въ вагонъ, въ которомъ мы вмѣстѣ съ нимъ помѣщались, объявилъ мнѣ, что Государю называли меня авторомъ статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о Севастопольской дорогѣ и что Государь очень недоволенъ тѣмъ, что дѣло, которое онъ считаетъ самымъ важнымъ, послѣ совершеннаго имъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, осуждается инженернымъ генераломъ, приближеннымъ лицомъ и имѣющимъ вліяніе на общественное мнѣніе. Я выразилъ мое убѣжденіе, что всѣ подобныя дѣла по утвержденію новыхъ путей сообщенія требуютъ гласнаго обсужденія и что даже дѣйствительныя благодѣянія часто принимаются съ благодарностью, когда онѣ заявлены обществу впередъ и имъ поняты.

Между тѣмъ не только уставъ общества желѣзной дороги отъ Москвы до Севастополя сдѣлался извѣстнымъ только по его утвержденіи, но и разсмотрѣнная Государемъ 3-го января новая сѣть желѣзныхъ дорогъ никому неизвѣстна, а не худо бы ее подвергнуть обсужденію печати.

Мельниковъ мнѣ сказалъ, что онъ будто бы предлагалъ объ этомъ Государю, который не изъявилъ на то согласія. Я просилъ Мельникова повторить свое объ этомъ представленіе Государю. Онъ пошелъ въ царскій вагонъ и, возвратясь изъ него, сказалъ, что Государь согласенъ на напечатаніе, согласно моему предположенію, въ газетахъ и особою брошюрою объяснительной записки къ проекту сѣти желѣзныхъ дорогъ и что, по причинѣ продолжительнаго путешествія Мельникова, составленіе записки и ея напечатаніе поручается мнѣ. Въ то же время онъ одобрилъ мое предположеніе напечатать самую карту сѣти и объяснительную записку въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». На это я получилъ согласіе ихъ редакторовъ въ обратный проѣздъ мой изъ Нижняго черезъ Москву въ Петербургъ. Но Мельниковъ потребовалъ впослѣдствіи выслать ему составленную мною записку въ Кіевъ для ея разсмотрѣнія, по возвращеніи же въ Петербургъ со мною о ней

не говорилъ, а въ измѣненномъ видѣ я ее увидѣлъ напечатанною въ Журналѣ министерства путей сообщенія, весьма мало распространенномъ даже въ этомъ министерствѣ. Изъ этого журнала узналъ я, что она напечатана и особою брошюрою, которая продается не въ книжныхъ лавкахъ, а въ канцеляріи Института путей сообщенія. Такимъ образомъ проектъ сѣти желѣзныхъ дорогъ не былъ напечатанъ ни въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», какъ было обѣщано, и ни въ какой другой общедоступной газетѣ и слѣдовательно остался попрежнему малоизвѣстнымъ публикѣ.

Въ концѣ октября 1863 года я заѣхалъ разъ къ Мельникову, и онъ мнѣ сказалъ, что я кстати пріѣхалъ потому, что онъ хотѣлъ за мной посылать для передачи разговора, который онъ имѣлъ въ этотъ день съ Государемъ (это было въ четвергъ, докладной день министра путей сообщенія). Государь, по словамъ Мельникова, будто бы его спросилъ, доволенъ ли онъ мною, и когда Мельниковъ расхвалилъ меня, то Государь сказалъ, что зачѣмъ же я постоянно интригую противъ Мельникова, осуждая его дѣйствія, что онъ сначала отрицалъ это, но наконецъ долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что мои дѣйствія дѣйствительно походятъ на интригу, и что онъ мнѣ передаетъ этотъ разговоръ весьма секретно и только вслѣдствіе нашихъ, столь давно существующихъ, хорошихъ отношеній.

Я изъявилъ удивленіе, что Мельниковъ, зная меня хорошо 30 лѣтъ, могъ согласиться сътѣмъ, что я способенъ на интриги, отъ которыхъ во всякомъ случаѣ я, какъ его подчиненный, могъ бы только потерять. Только въ 1871 году мнѣ передалъ Чевкинъ, что, при оставленіи имъ въ 1862 году должности главноуправляющаго путями сообщенія, онъ говорилъ съ Государемъ о назначеніи меня на эту должность и что Государь находилъ меня тогда слишкомъ молодымъ для этой должности; мнѣ же о возможности замѣнить Мельникова тогда и въ голову не приходило.

Разговоръ Мельникова съ Государемъ, имъ мнѣ переданный подъ величайшею тайною, онъ самъ вскорѣ передалъ за обѣдомъ нѣсколькимъ инженерамъ и фонъ-Дервизу, учредителю Рязанско-Козловской желѣзной дороги, которые мнѣ это пересказали, будучи хороши со мною и ненавидя Мельникова, наравнѣ съ наибольшею частію инженеровъ путей сообщенія. При этомъ Мельниковъ прибавилъ еще означеннымъ лицамъ, что онъ меня облагодѣтельствовалъ тѣмъ, что упросилъ Государя оставить меня на службѣ, тогда какъ онъ хотѣлъ меня уволить за мои интриги.

Впрочемъ, я и тогда сомнѣвался и теперь сомнѣваюсь въ правдивости разсказа Мельникова. Онъ могъ его выдумать для того, чтобы устрашить меня и заставить во всемъ съ нимъ соглашаться.

Несмотря на неслыханныя льготы, данныя отысканной Мельниковымъ англійской компаніи, она не приступала къ учрежденію общества по устройству желѣзной дороги къ Севастополю, такъ что весною 1864 года рѣшено было приступить къ ея постройкѣ отъ Москвы до Курска правительственными средствами. При этомъ предполагалось мѣстныхъ строителей избавить, по возможности, отъ ожиданій разныхъ разрѣшеній главнаго управленія

путей сообщенія и для этого учредить въ Москвѣ комитетъ, который облечь значительными правами по всѣмъ частямъ.

Положеніе этого комитета было выработано въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ. Мнѣ писали объ этомъ за границу, гдѣ я пробылъ съ начала мая до начала августа, а также и о томъ, что положеніе не утверждается собственно за моимъ отсутствіемъ, такъ какъ мнѣніе и всей публики и всего министерства прямо указываетъ на меня, какъ на предсѣдателя означеннаго комитета. Между тѣмъ работы по дорогѣ были начаты въ іюлѣ подъ руководительствомъ генералъ-маіора Семичева, любимца Мельникова (за какія достоинства, понять никто никогда не могъ); о составленномъ же проектѣ положенія комитета для устройства дороги, по моемъ возвращеніи изъ-за границы, Мельниковъ болѣе не говорилъ.

Ему, конечно, не хотѣлось кому бы то ни было, а тѣмъ болѣе мнѣ, передать всю свою власть по единственно важной постройкѣ, производящейся въ его вѣдомствѣ. Чтобы оцѣнить, во что обошелся этотъ капризъ Мельникова, стоитъ только обратить вниманіе на необыкновенную продолжительность производства работъ по устройству дороги отъ Москвы до Курска, на дурное устройство многихъ ея частей, какъ-то: мастерскихъ и станціонныхъ домовъ, потребовавшихъ вскорѣ капитальной перестройки, и на дурное качество балласта и рельсовъ, бывшаго причиною частаго схода поѣздовъ съ рельсовъ (почти ежедневно зимою 1869—1870 г.) и многихъ несчастій, принудившихъ произвести почти сплошную перемѣну рельсовъ, которые не пролежали и двухъ лѣтъ, а балластъ замѣнить новымъ на весьма большомъ протяженіи. Все это стоило нѣсколькихъ милліоновъ рублей.

Защитники способа устройства желѣзныхъ дорогъ частными обществами говорили, что Семичевъ оказалъ большую услугу Россіи, доказавъ наглядно совершенное неумѣніе правительства строить дороги непосредственно своими распоряженіями, и дѣйствительно противная партія должна была замолчать.

Между тѣмъ всѣ желали какъ можно скорѣе продолжить дорогу отъ Курска до Азовскаго моря и въ 1867 году, въ виду финансовыхъ затрудненій составить общество для постройки этой дороги, придумали новый способъ для ея постройки, а именно, черезъ частное лицо, которому отпустить всѣ нужныя денежныя средства отъ казны, но съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ тѣ же права распоряжаться постройкою, какъ и частныя общества желѣзныхъ дорогъ, и съ тѣмъ, что, по учрежденіи въ удобное для этого время общества желѣзной дороги, оно возвратитъ акціями и облигаціями употребленныя казенныя суммы. Для постройки этимъ способомъ желѣзной дороги отъ Курска черезъ Харьковъ и Таганрогъ до Ростова выбрали въ 1867 году купца Полякова, устроившаго земскую Воронежско-Козловскую и Ростово-Аксайскую дороги и строившаго въ это время Елецко-Грязскую съ тѣмъ, что впослѣдствіи произведенныя имъ работы будутъ переданы тому обществу, которое образуется съ этою цѣлью, но въ 1868 году, когда предполагали

образовать это общество, для чего въ министерствѣ финансовъ уже назначена была конкуренція, Поляковъ съумѣлъ доказать, что, по ходу работъ и вслѣдствіе полученныхъ имъ отъ министерствъ путей сообщенія и финансовъ разрѣшеній, никому, кромѣ него, нельзя предоставить образованія означеннаго общества.

Такимъ образомъ онъ сдѣлался концессіонеромъ этой дороги съ гарантированною правительствомъ по 5% поверстною стоимостью въ 68 тысячъ рублей металлическихъ. Направленіе дороги отъ Курска назначено было не прямое на юго-востокъ, а извилистое: сначала на югъ до станціи Лозовой съ тѣмъ, чтобы участокъ между Курскомъ и Лозовою могъ впослѣдствіи служить и для дороги на Севастополь.

Предположеніе о цѣли подобнаго направленія Курско-Ростовской дороги съ 1867 по 1870 годъ было нѣсколько разъ заявлено въ Высочайше утвержденныхъ журналахъ комитета желѣзныхъ дорогъ, въ коихъ каждый годъ предполагалось приступить къ немедленному устройству дороги къ Севастополю, но Рейтернъ постоянно давалъ преимущества другимъ линіямъ, вошедшимъ также въ Высочайше одобренную сѣть желѣзныхъ дорогъ и даже нѣкоторымъ, не бывшимъ въ сѣти.

Наконецъ, въ началѣ 1870 года въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ рѣшено было, по настоянію военнаго министра Милютина, не откладывать болѣе устройства дороги къ Севастополю. Весною этого же года состоящій при Бобринскомъ, драгунскій полковникъ, Золотаревъ былъ посланъ для изученія хода торговли изъ портовъ Азовскаго моря.

По возвращеніи онъ представилъ, что линія, избранная отъ Лозовой къ Севастополю, идетъ отъ Мелитополя по мѣстамъ непроизводительнымъ, а потому не будетъ окупаться, и что дорогу отъ Севастополя къ Мелитополю слѣдуетъ поворотить при послѣднемъ мѣстѣ на сѣверо-востокъ къ Борисоглѣбску, и тогда по ней пойдутъ въ большомъ количествѣ хлѣбныя произведенія и каменный уголь, въ которомъ Черноморская торговля такъ нуждается.

Хотя проектируемое Золотаревымъ направленіе пересѣчетъ Харьковско-Азовскую дорогу близъ Азовскихъ портовъ, всѣ эти произведенія по дурному состоянію этихъ портовъ, по мнѣнію Золотарева, минуютъ ихъ и пойдутъ на Севастополь. Это новое направленіе, несмотря на то, что по нему Севастополь отдалялся отъ внутреннихъ губерній на 150 вер., было одобрено Бобринскимъ.

Я уже успѣлъ въ это время настоять на томъ, чтобы дорогъ не отдавали для постройки частнымъ обществамъ безъ предварительныхъ изысканій, произведенныхъ правительственными инженерами, такъ какъ безъ этого нельзя было даже приблизительно знать стоимость постройки дороги и слѣдовательно опредѣлить основной, гарантируемый правительствомъ, капиталъ общества, принимающаго на себя постройку, причемъ я былъ увѣренъ, что стоимость дорогъ значительно понизится, какъ это и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Лѣтомъ 1870 года были посланы инженеры для производства изысканій по обоимъ направленіямъ къ Севастополю какъ отъ Лозовой, такъ и отъ Борисоглѣбска. Это послѣднее направленіе долженъ я былъ защищать въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ за болѣзнію Бобринскаго. Золотаревъ ежедневно приносилъ ко мнѣ разныя новыя данныя, ничего не доказывавшія въ его пользу, увѣренный, что это направленіе не пройдетъ. Я обѣщался однакоже его поддерживать, чего не могъ мнѣ простить предсѣдатель комитета графъ Строгановъ, который только послѣ убѣдился, что это было для меня единственнымъ средствомъ не поссориться съ Бобринскимъ.

Чтобы дать всѣ средства для защиты новаго направленія, я предложилъ Бобринскому, вмѣстѣ со мною, послать Золотарева въ комитетъ, а если Строгановъ, по его не-любви къ Золотареву, на это бы не согласился, то Гейнса, которому все это дѣло было также вполнѣ извѣстно. Бобринскій былъ очень радъ этому предложенію, и я вызвался самъ просить объ этомъ Строганова, но послѣдній рѣшительно отказалъ.

За два дня до засѣданія комитета пришелъ ко мнѣ извѣстный заводчикъ Николай Ивановичъ Путиловъ съ заявленіемъ, что въ этомъ засѣданіи будетъ, по особому Высочайшему повелѣнію, участвовать великій князь Константинъ Николаевичъ, который обѣщался, въ виду необходимости ближайшаго подвоза каменнаго угля къ Севастополю, защищать направленіе отъ Мелитополя на сѣверо-востокъ, если я также буду поддерживать это направленіе.

Изъ словъ Путилова я могъ заключить, что онъ обѣщался приближеннымъ Бобринскаго доставить мнѣ столь сильную поддержку, заручившись съ ихъ стороны обѣщаніемъ получить концессію на дорогу отъ Скопина черезъ Тулу до Вязьмы на Московско-Смоленской желѣзной дорогѣ, идущую по каменно-угольнымъ залежамъ, съ тѣмъ, что общество этой дороги приметъ въ свое распоряженіе Обуховскій сталелитейный близъ Петербурга заводъ, въ который морское министерство вложило нѣсколько милліоновъ рублей и не знаетъ, какъ отдать въ нихъ отчетъ. Я замѣтилъ Путилову, что на подобныя обѣщанія Бобринскаго, а тѣмъ менѣе его приближенныхъ, нельзя полагаться и что мнѣ жаль, что онъ въ дѣло о новомъ направленіи дороги на Севастополь втянулъ великаго князя, такъ какъ оно не можетъ быть выиграно, а я уже рѣшился его защищать во всякомъ случаѣ, убѣжденный, что я его проиграю.

Дѣйствительно, великій князь пріѣхалъ въ засѣданіе комитета. Я изложилъ выгоды новаго направленія, но всѣ говорили противъ него и нѣкоторые весьма сильно противорѣчили великому князю, такъ что онъ подписалъ журналъ комитета вмѣстѣ съ другими тринадцатью членами; я одинъ остался при мнѣніи Бобринскаго. Конечно, Государь утвердилъ мнѣніе большинства. Явное желаніе мое по возможности итти рука объ руку съ Бобринскимъ мнѣ однако же не помогло. Его клевреты вездѣ разглашали, что я дурно защищалъ это дѣло, что я подкапывался

подъ Бобринскаго, и старались разными мелочами досадить мнѣ, такъ что нервы мои явно разстраивались.

Рѣшившись отказаться отъ мѣста министра, если бы оно было мнѣ предложено, потому что видѣлъ себя въ невозможности сопротивляться всѣмъ интригамъ, которымъ я подвергался бы, занимая эту должность, мнѣ тѣмъ было досаднѣе видѣть, что меня, по откровенному моему характеру, неспособнаго ни къ какимъ интригамъ, считаютъ за интригана.

Что бы выйти изъ этого угнетавшаго меня положенія, я въ февралѣ 1871 г. рѣшился просить больного Бобринскаго исходатайствовать у Государя назначенія кого-либо другого для управленія министерствомъ, а мнѣ предоставить остаться сенаторомъ. Лишь только я хотѣлъ заговорить объ этомъ съ Бобринскимъ, какъ вошелъ докторъ Обермиллеръ и сказалъ мнѣ, что Бобринскому хуже. Я полагалъ тогда, что Бобринскому будетъ не совсѣмъ пріятно мое удаленіе и потому спросилъ Обермиллера, могу ли я сказать Бобринскому такую вещь, которая, вѣроятно, можетъ его нѣсколько озаботить. На это мнѣ докторъ отвѣчалъ, чтобы я ничего подобнаго не говорилъ, если не хочу совсѣмъ свести съ ума Бобринскаго.

Вслѣдствіе этого я ничего не сказалъ Бобринскому, въ чемъ очень раскаявался въ продолженіе отсутствія Бобринскаго за границею, такъ какъ, будучи разстроенъ нервами вслѣдствіе разныхъ дѣлъ по службѣ и желая оставить управленіе министерствомъ, какъ читатель увидитъ изъ нижеслѣдующаго, я не зналъ, какъ и что предпринять для достиженія этой цѣли.

Чтобы не возвращаться къ тѣмъ причинамъ, которыя меня разстраивали по служебнымъ дѣламъ внутри министерства, я скажу только, что клевреты Бобринскаго, во все время его отсутствія, старались меня обмануть всѣми средствами, откладывали дѣла, которыхъ я не рѣшалъ согласно ихъ корыстолюбивымъ и беззаконнымъ желаніямъ, и вездѣ старались распускать про меня небылицу, что я будто бы увѣренъ, что останусь министромъ, и потому ни на Бобринскаго, ни на нихъ, не обращаю никакого вниманія.

Есть пословица, что отъ своего вора не убережешься. Оставалось одно средство: для улучшенія хода дѣла и для своего успокоенія, клевретовъ Бобринскаго удалить изъ министерства, а я не имѣлъ на это возможности. Чтобы не показались однако голословными мои отзывы о приближенныхъ Бобринскаго, я приведу хотя одинъ примѣръ ихъ недобросовѣстности.

Въ самый день отъѣзда Бобринскаго за границу, Золотаревъ принесъ мнѣ имъ написанную записку и подписанную Бобринскимъ, въ которой послѣдній меня просилъ никого не назначать въ его отсутствіе членамъ совѣщательнаго комитета министерства на имѣвшіяся двѣ вакансіии увѣдомлялъ, что Золотаревъ сообщитъ мнѣ о нѣкоторыхъ его предположеніяхъ.

Просьба Бобринскаго была мною исполнена, и по выѣздѣ моемъ изъ министерства, членомъ совѣщательнаго комитета, которымъ могъ бы быти

только опытный инженеръ, назначенъ тотъ же драгунскій полковникъ Золотаревъ со штатнымъ жалованьемъ въ 5 тыс. руб., хотя онъ уже получалъ два значительныхъ жалованья, какъ чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ и какъ его секретарь, что противно закону, не дозволяющему получать болѣе одного жалованья изъ одного и того же вѣдомства.

Золотаревъ въ день же отъѣзда Бобринскаго сообщилъ мнѣ, что домъ министра путей сообщенія въ весьма жалкомъ положеніи и что Бобринскій проситъ меня исходатайствовать Всеподданнѣйшимъ докладомъ 25 тыс. руб. на его исправленіе. Я ему объяснилъ, что я никакъ не могу этого сдѣлать, что подобныя суммы должны испрашиваться, если въ нихъ есть дѣйствительная надобность, годовою смѣтою министерства, что я даже въ этой надобности не увѣренъ, такъ какъ не имѣю въ виду подробнаго освидѣтельствованія дома, и не увѣренъ даже въ томъ, пожелаетъ ли Бобринскій употреблять большія суммы на капитальныя передѣлки въ домѣ, котораго ежегодное содержаніе стоитъ казнѣ до 18 тыс. руб., тогда какъ домъ могъ быть проданъ за дорогую цѣну, а министръ путей сообщенія удовлетворяться квартирными деньгами, какъ это дѣлается для военнаго министра.

Черезъ день князь Щербатовъ, въ управленіе котораго состояли казенные дома министерства, представилъ мнѣ объ исходатайствованіи суммы на перестройку дома министра и, получивъ тотъ же отвѣтъ, проговорился, что мой отвѣтъ—совершенно одинаковъ съ отвѣтомъ Бобринскаго, которому онъ неоднократно представлялъ объ этомъ. Бобринскій ему говорилъ, что для занимаемаго имъ дома ничего просить не будетъ и сверхъ того, что домъ, вѣроятно, простоитъ еще долго и безъ большого ремонта, и въ доказательство приводилъ, что десять лѣтъ толкуютъ о его петербургскомъ домѣ и пять лѣтъ о части его завода въ Кіевской губерніи, что они валятся и требуютъ на первый 15 тыс., а на второй до 100 тыс. руб., и что онъ ничего не даетъ, а домъ и заводъ все стоятъ. И такъ Золотаревъ мнѣ солгалъ, передавая просьбу Бобринскаго, которую тотъ ему не поручалъ дѣлать, а съ Щербатовымъ онъ вѣрно не спѣлся.

Я сказалъ Щербатову, что очень радъ, что въ этомъ дѣлѣ вполнѣ согласенъ съ Бобринскимъ, но это нисколько не помѣшало Щербатову прислать мнѣ черезъ нѣсколько дней рапортъ съ донесеніемъ объ опасности, въ которой находится домъ, и съ просьбою о немедленномъ распоряженіи. При рапортѣ былъ присланъ актъ освидѣтельствованія дома архитекторомъ, изъ котораго видно было, что концы потолочныхъ балокъ подгнили, что есть другія ветхости, представляющія опасность, и что на всѣ исправленія требовалась значительная сумма, которая должна быть опредѣлена смѣтою (кажется, было сказано приблизительно 150 тыс. руб., а въ 1871 году для исправленія опасныхъ мѣстъ требовалось немедленнаго ассигнованія 43 т. руб.)

На рапортѣ Щербатова я написалъ резолюцію, которой приказываю архитекторамъ указать смотрителю дома опасныя мѣста, а сему послѣд-

нему оградить ихъ такъ, чтобы къ нимъ не было доступа, и наблюдать за цѣлостью устроенныхъ оградъ, все же дѣло доложить Бобринскому по его возвращеніи. Рапортъ съ этою резолюціею я возвратилъ Щербатову, но онъ и Золотаревъ и послѣ этого словесно упрашивали меня исходатайствовать сумму на исправленіе дома, представляющаго опасность, и также безуспѣшно. Они же хлопотали вовсе не о перемѣнѣ старыхъ и можетъ быть подгнившихъ балокъ, которыя едва ли представляли опасность, а о слѣдующемъ.

Щербатовъ уже сдалъ квартиру, которую онъ занималъ въ частномъ домѣ, и хотѣлъ поселиться въ помѣщеніи, занимавшемся упраздненною по новымъ штатамъ канцеляріею министра. На приспособленія для него этого помѣщенія требовалось 18 тыс. руб., и онъ надѣялся ихъ взять изъ суммы, которую просилъ меня исходатайствовать.

Золотаревъ въ это время собирался жениться на Безобразовой и перейти въ помѣщеніе Гейнса, которое думалъ тоже передѣлать изъ той же суммы. Не успѣвъ въ своихъ просьбахъ, Щербатовъ долженъ былъ опять нанять квартиру въ частномъ домѣ, а Золотареву приходилось отдѣлать помѣщеніе на деньги, ежегодно отпускаемыя на ремонтъ и содержаніе домовъ министерства. Эти деньги, впрочемъ, въ самомъ началѣ года были почти всѣ истрачены, такъ что могло случиться, что даже не на что было бы купить дровъ на отопленіе канцеляріи дома.

По вступленіи въ управленіе министерствомъ Алексѣя Бобринскаго, онъ испросилъ докладомъ у Государя 30 тыс. руб. на исправленіе дома, и на эти деньги отдѣланы квартиры Золотареву и Гейнсу, послѣднему изъ помѣщенія бывшей канцеляріи министра; при этихъ передѣлкахъ денегъ не жалѣли.

Отношенія В. Бобринскаго ко мнѣ въ продолженіе того мѣсяца, который онъ провелъ въ Петербургѣ, до отъѣзда за границу, нисколько не измѣнились, по крайней мѣрѣ повидимому. Но чтобы хотя сколько-нибудь разъяснить возможность внезапнаго моего удаленія изъ министерства, по возвращеніи больного Бобринскаго черезъ два мѣсяца изъ-за границы, я разскажу объ единственномъ случаѣ столкновенія, бывшемъ между нами въ мартѣ 1871 года. Къ празднику Пасхи дѣлаются по министерству путей сообщенія, равно какъ и по нѣкоторымъ другимъ, общія представленія къ наградамъ разныхъ чиновъ. По министерству путей сообщенія представляется ежегодно болѣе ста человѣкъ. Большая часть представляется чрезъ комитетъ министровъ, личнымъ же докладомъ министра Государю представляются всѣ военные чины, а изъ гражданскихъ только представляемые къ наградамъ, которыя даются при грамотахъ, подписываемыхъ Государемъ, а именно: всѣ ордена съ звѣздами, равно къ наградѣ же орденомъ Владиміра всѣхъ степеней и къ наградамъ внѣ правилъ. Число могущихъ ежегодно быть награждаемыми по правиламъ и внѣ правилъ опредѣлено особыми постановленіями.

Списокъ представляемыхъ къ наградамъ къ празднику Пасхи въ 1871 г.

былъ составленъ мною, и такъ какъ по болѣзни Бобринскаго нельзя было его утруждать прочтеніемъ всего списка, то я ему сообщилъ только о высшихъ лицахъ, назначенныхъ къ полученію наградъ. Бобринскій спросилъ меня, почему нѣтъ между ними Щербатова, занимающаго самое важное мѣсто послѣ меня, много трудившагося въ 1870 году, и что хотя онъ имѣетъ только младшія степени двухъ младшихъ орденовъ, но его слѣдуетъ представить прямо къ ордену Станислава I степ., т.-е., перешагнуть черезъ шесть наградъ, которыя получаются большею частію служащими постепенно и въ извѣстные сроки.

Я отвѣчалъ, что дѣятельность Щербатова мнѣ неизвѣстна, но что не это остановило меня представить его къ наградѣ, а весьма дурное о немъ общественное мнѣніе. Бобринскій возразилъ, что въ этомъ-то случаѣ и слѣдуетъ награждать, чтобы показать общественному мнѣнію, что оно ошибается. На отзывъ мой, что я могъ бы еще съ этимъ согласиться, если бы былъ убѣжденъ въ неправильности общественнаго мнѣнія, Бобринскій отвѣчалъ, что онъ убѣжденъ, и потому я ему предложилъ самому представить Щербатова къ наградѣ въ тотъ день, когда онъ поѣдетъ прощаться съ Государемъ передъ отъѣздомъ за границу, и обѣщался къ тому времени изготовить и передать ему проектъ представленія и грамоту къ подписанію Государя.

Не желая компрометировать Бобринскаго представленіемъ одного Щербатова, я впослѣдствіи предложилъ ему представить Государю о всѣхъ высшихъ наградахъ, которыхъ, кажется, было всего семь, присовокупивъ, что остальныхъ я представлю въ свое время.

Бобринскій очень обрадовался моему предложенію и взялъ съ собою представленія высшихъ лицъ въ тотъ день, когда ѣздилъ прощаться съ Государемъ. На другой день, когда я спросилъ Бобринскаго, утверждены ли представленія высшихъ лицъ къ наградамъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ представленія свои отложилъ до августа, на что и Государь изъявилъ согласіе. Правду ли мнѣ сказалъ Бобринскій, или Государь отказалъ утвердить его представленіе, не знаю. Когда я при первомъ докладѣ подалъ Государю лично списокъ лицъ, представляемыхъ мною къ наградѣ, то обратилъ его вниманіе на то, что въ спискѣ нѣтъ высшихъ лицъ на основаніи вышеизложеннаго, сдѣланнаго мнѣ Бобринскимъ, заявленія, и уклончиво намекалъ на желаніе мое сдѣлать представленіе о высшихъ лицахъ, какъ это каждый годъ дѣлалось, къ празднику Пасхи, но Государь мнѣ на это ничего не отвѣтилъ.

Впослѣдствіи, 30 августа, дѣйствительно вышли награды высшимъ лицамъ министерства и въ томъ числѣ Щербатову, который однако же получилъ не Станислава I ст., а Владиміра 3 ст., т.-е., перешагнулъ не черезъ шесть, а только черезъ пять наградъ.

Щербатовъ, вѣроятно, былъ этимъ недоволенъ, потому что онъ объяснялъ мнѣ еще въ 1870 году, что, въ бытность губернаторомъ, его хотѣли представить къ Владиміру 3 ст., но онъ просилъ лучше его не представлять

къ ордену, если не надѣятся, чтобы онъ могъ получить прямо Станислава 1 степ.

Я не понимаю, почему не дали этого ордена Щербатову: если вѣрить общественному мнѣнію о немъ, то не слѣдовало ему давать никакихъ наградъ, а если имъ довольны, то, по занимаемому имъ мѣсту, онъ имѣлъ полное право на полученіе прямо Станислава 1 степ.

Въ томъ же спискѣ высшихъ лицъ, представленныхъ къ наградѣ, былъ директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ Хмельницкій, производство котораго въ тайные совѣтники также не состоялось къ Пасхѣ 1871 г., что меня огорчило за этого достойнаго человѣка, и я очень порадовался, узнавъ, что онъ находится въ числѣ награжденныхъ 30-го августа.

Бобринскій, не надѣясь на скорое выздоровленіе, рѣшился было передъ отъѣздомъ за границу просить Государя объ увольненіи его отъ должности, съ представленіемъ меня на свое мѣсто, или безъ представленія себѣ преемника. Его клевреты согласились на это, не видя другого исхода, за исключеніемъ графа А. П. Бобринскаго, который упрекалъ брата, что онъ ихъ отвлекъ отъ прежнихъ занятій и теперь бросаетъ и что при назначеніи меня или кого другого министромъ они должны будутъ остаться безъ мѣстъ.

Алексѣй Бобринскій уговаривалъ Владиміра исходатайствовать у Государя, чтобы управленіе министерствомъ, въ отсутствіе послѣдняго, было поручено Алексѣю. Графъ Шуваловъ отсовѣтовалъ подобное ходатайство, говоря, что Владиміръ очень дурно сдѣлалъ, допустивъ меня до личныхъ докладовъ Государю; что теперь надо послѣдняго исподволь приготовить къ моему удаленію, что Шуваловъ и принялъ на себя. И такъ рѣшили ничего явнаго не предпринимать до возвращенія Владиміра Бобринскаго, а если подготовка Государя на мой счетъ Шувалову не удастся, то Владиміру Бобринскому оставаться за границею въ отпуску въ должности министра до 1 января 1872 года съ тѣмъ, чтобы дать возможность Алексѣю Бобринскому и другимъ приближеннымъ Владиміра пріискать себѣ выгодныя служебныя мѣста. Само собою разумѣется, что я не могу ручаться за совершенную правильность этихъ свѣдѣній, но я ихъ имѣлъ въ то время изъ достаточно вѣрнаго источника.

Выше былъ изложенъ способъ выдачи концессій на желѣзныя дороги посредствомъ конкуренцій между лицами, допущенными по выбору министра финансовъ, а также и недостатки этого способа.

Въ виду дурныхъ распоряженій Рябинина, которому досталась концессія Кіево-Брестской дороги по конкуренціи, этотъ способъ показался Бобринскому совершенно не состоятельнымъ и онъ вмѣсто того, чтобы исправить его недостатки, настоялъ на утвержденіи Государемъ, въ засѣданіи совѣта министровъ 26 декабря 1870 года, слѣдующаго способа выдачи концессій на желѣзныя дороги, а именно:

1. Министръ путей сообщенія составляетъ проектъ нормальной кон-

цессіи *) на основаніи сдѣланныхъ изысканій. Проектъ этотъ, по предварительному соглашенію съ министромъ финансовъ, вносится министромъ путей сообщенія черезъ комитетъ министровъ на Высочайшее утвержденіе.

2. Послѣ утвержденія нормальной концессіи министръ путей сообщенія ведетъ переговоры о постройкѣ проектированной дороги или съ однимъ или съ нѣсколькими строителями, по его выбору, и условливается съ однимъ изъ этихъ лицъ относительно поверстной стоимости постройки.

3. Время выдачи концессіи назначается Высочайшею властію по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ и министра путей сообщенія. Опредѣленіе условій, формы и времени выпуска бумагъ лежитъ на обязанности министра финансовъ.

4. Министръ путей сообщенія, по окончательномъ соглашеніи съ министромъ финансовъ, вноситъ предположенія объ окончательной выдачѣ концессіи чрезъ комитетъ министровъ на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Редакцію эту составилъ Бобринскій или Золотаревъ, въ ея составленіи я не участвовалъ, вѣроятно, по болѣзни моей въ декабрѣ 1870 года, но когда Бобринскій мнѣ словесно излагалъ свое предположеніе объ испрошеніи означеннаго Высочайшаго повелѣнія, я замѣтилъ ему, что онъ принимаетъ на себя весьма трудное дѣло выбора лицъ при милліонныхъ дѣлахъ и что вліяніе министра финансовъ, по причинамъ нижеизложеннымъ, останется то же, хотя онъ предъ общественнымъ мнѣніемъ не будетъ болѣе отвѣтствовать.

На представленіе мое Бобринскому, что сверхъ трудности выбора лицъ въ учредители обществъ, представляемой самимъ существомъ дѣла, могутъ быть постороннія вліянія на этотъ выборъ столь сильныя, что нельзя будетъ имъ противиться, онъ отвѣчалъ, что у него всегда готова просьба объ отставкѣ и что никакія вліянія на него не подѣйствуютъ, что вторичное представленіе устава на утвержденіе Государя черезъ комитетъ министровъ есть только формальность, и что неутвержденіе подобнаго устава онъ сочтетъ за требованіе, чтобы онъ удалился, и онъ немедля подастъ въ отставку.

---

*) Въ это время уже было рѣшено комитетомъ министровъ, по настоянію моему, чтобы при уступкѣ желѣзныхъ дорогъ выдавать учредителямъ прямо уставы обществъ, которые они обязываются образовать, а не, такъ называвшихся, концессій, въ которыхъ не опредѣлялось внутренняго управленія общества, что давало учредителямъ возможность воспользоваться чрезмѣрными выгодами по своему произволу. Эта мысль выдачи уставовъ, вмѣсто концессій, была очень расхвалена и Бобринскимъ и тѣми членами комитета министровъ, которыхъ интересовали дѣла по желѣзнымъ дорогамъ. Несмотря на это, въ приводимомъ Высочайшемъ повелѣніи, котораго проектъ составилъ Бобринскій, опять фигурируетъ слово концессія, а не уставъ. Это можетъ служить однимъ изъ доказательствъ, какъ мало впечатлѣнія оставляли эти слова на Бобринскаго, т.-е., какъ мало вообще знакомъ былъ онъ съ дѣлами. Впрочемъ, Бобринскій тогда же сознался, что слово концессія написано по ошибкѣ и что слѣдуетъ представлять въ комитетъ министровъ не нормальныя концессіи, а нормальные уставы.

Я доказывалъ Бобринскому, что вліяніе министра финансовъ на устройство желѣзныхъ дорогъ будетъ не менѣе и при новомъ порядкѣ выдачи концессій. Не говоря уже о томъ, что выборъ линіи, назначаемой къ устройству, зависитъ отъ министра финансовъ, отъ него же будетъ постоянно зависѣть допустить лицо, выбранное министромъ путей сообщенія, къ полученію концессіи, и это на слѣдующемъ основаніи:

Министръ путей сообщенія можетъ опредѣлить только строительный капиталъ, потребный на извѣстную дорогу и то въ кредитныхъ рубляхъ. Исчисленіе расходовъ на реализацію этого капитала, на уплату процентовъ во время производства работъ и способъ перечисленія кредитныхъ рублей въ металлическіе будетъ постоянно зависѣть отъ министра финансовъ, который можетъ, если лицо, избранное министромъ путей сообщенія, ему нравится, предложить выгодныя условія. Въ противномъ случаѣ онъ предложитъ по всѣмъ этимъ финансовымъ расчетамъ столь невыгодныя условія, что лицо, избранное министромъ путей сообщенія, должно будетъ отказаться отъ дѣла. Бобринскій, по самонадѣянности своей, отвѣчалъ мнѣ, что этого быть не можетъ, что я ошибаюсь, что все будетъ зависѣть отъ него.

Я не только не ошибался, но даже не предвидѣлъ всего того, что министръ финансовъ впослѣдствіи себѣ предоставилъ. При разсмотрѣніи въ комитетѣ министровъ въ первый разъ, по новому способу составленныхъ, нормальныхъ уставовъ на Ландварово-Роменскую и Лозово-Севастопольскую желѣзныя дороги, въ которые были внесены финансовыя условія, соглашенныя съ Рейтерномъ, онъ объявилъ, что весь уставъ можетъ подлежать утвержденію, за исключеніемъ единственнаго пункта, въ которомъ изложены означенныя условія и который можетъ быть съ точностью опредѣленъ только при самой выдачѣ концессіи, такъ какъ эти условія зависятъ отъ современнаго выдачѣ концессіи состоянія денежнаго рынка и даже отъ лица, которому выдается концессія.

И дѣйствительно, при представленіи нормальныхъ уставовъ на обѣ означенныя дороги, предполагалось, по финансовымъ условіямъ, гарантировать однѣ облигаціи, а акціи оставить не гарантированными, и эти нормальные уставы были заявлены желавшимъ принять на себя учрежденія обществъ для постройки этихъ дорогъ, но при выдачѣ Губонину концессіи на Лозово-Севастопольскую желѣзную дорогу дана гарантія правительства въ 5% и на акціи по причинѣ, которую постараюсь объяснить далѣе.

По болѣзни Бобринскаго, примѣненіе на дѣлѣ въ первый разъ означеннаго Высочайшаго повелѣнія отъ 26 декабря 1870 года пало на меня. Я долженъ былъ выбрать строителей для Ландварово-Роменской и Лозово-Севастопольской желѣзныхъ дорогъ. Ко мнѣ являлось весьма много лицъ, желавшихъ принять на себя эти предпріятія. Нѣкоторые изъ нихъ никогда ничего не строили, никогда не имѣли состоянія или были раззорены, но именно эти лица по разнымъ причинамъ находили, что постройку дороги я не могу отдать никому, кромѣ ихъ.

Весьма высокопоставленныя лица просили меня кто за одного, кто за другого предпринимателя. Владиміръ Бобринскій говорилъ мнѣ, въ день его отъѣзда за границу, что слѣдовало бы отдать Лозово-Севастопольскую дорогу Полякову по сосѣдству съ его Харьковско-Ростовской дорогой, между тѣмъ какъ онъ обѣщалъ при Шернвалѣ отдать ее братьямъ Струве, которые мнѣ объ этомъ постоянно заявляли. Бобринскій обнадеживалъ Бліоха, что отдастъ ему Ландварово-Роменскую дорогу, такъ по крайней мѣрѣ увѣрялъ Бліохъ, и это очень вѣроятно.

Я рѣшился отобрать цѣны у всѣхъ желающихъ и выбрать тѣхъ, кого Рейтернъ сочтетъ наиболѣе благонадежными, хотя бы ими были представлены и не наименьшія требованія, лишь бы эти требованія немного разнились съ цѣнами, предварительно исчисленными на постройку дорогъ въ министерствѣ путей сообщенія. Но нѣсколько благонадежныхъ строителей могли объявить довольно сходныя между собою цѣны и странно было бы предпочесть одного другому изъ-за какой-нибудь разницы въ десяткахъ или даже сотняхъ рублей на версту. Однимъ словомъ, имѣя возможность удовлетворить только два лица при отдачѣ двухъ дорогъ, выборъ ихъ представлялъ не мало затрудненій, и должно было ожидать нареканій отъ неудовлетворенныхъ и отъ ихъ многочисленныхъ покровителей и участниковъ.

Во избѣжаніе этихъ затрудненій и нареканій, я полагалъ испросить Высочайшее разрѣшеніе дозволить мнѣ этотъ выборъ представить на благоусмотрѣніе особой комиссіи, каковую я полагалъ учредить подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строганова изъ Чевкина, Рейтерна и меня. Чевкинъ одобрилъ эту мысль, но Рейтернъ, съ которымъ было вообще очень легко рѣшать дѣла, никакъ не соглашался на учрежденіе подобной комиссіи, несмотря на мою усиленную просьбу и на представленныя мною затрудненія. Онъ говорилъ, что такъ какъ, противно его мнѣнію, отмѣнили прежній порядокъ отдачи дорогъ, то пусть же испробуютъ неудобства новаго порядка, что онъ теперь очень радъ, что непріятное дѣло по отдачѣ дорогъ болѣе отъ него не зависитъ и что онъ болѣе не приметъ его на себя.

Однако же, черезъ недѣлю послѣ этого, онъ мнѣ говорилъ, что рѣшился представить Государю о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя я находилъ при выборѣ строителей по моему произволу, и просилъ, чтобы Ландварово-Роменскую и Лозово-Севастопольскую дороги отдать по прежнему способу, а новый способъ отдачи дорогъ, который испросилъ Бобринскій, ввести по вступленіи послѣдняго въ должность, но Государь въ этомъ ему рѣшительно отказалъ. Рейтернъ же продолжалъ не соглашаться на учрежденіе придуманной мною комиссіи для выбора строителей, и потому необходимо было мнѣ, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 26 декабря 1870 года, принять выборъ строителей на себя.

Въ 1870 году по настоянію моему были произведены правительственными инженерами изысканія по тѣмъ направленіямъ, по которымъ Высочайше утверждены были предположенія комитета желѣзныхъ дорогъ по-

строить таковыя дороги и по этимъ изысканіямъ составлены смѣты, съ тѣмъ, чтобы имѣть по возможности точныя данныя при опредѣленіи стоимости постройки дорогъ, когда онѣ будутъ уступаться частнымъ обществамъ. Вообще это распоряженіе привело къ хорошимъ результатамъ: представленныя правительственными инженерами профили дорогъ, единичныя цѣны работамъ и матеріаламъ, показали, до какой степени проекты частныхъ изысканій были несообразны съ мѣстностью и показываемыя ими единичныя цѣны работамъ и матеріаламъ преувеличены.

Наконецъ министерство путей сообщенія достигло того, что могло съ достаточною увѣренностью судить о степени правильности требованій, дѣлаемыхъ учредителями обществъ, и не давать слишкомъ высокихъ цѣнъ, а также и не допускать низкихъ, при которыхъ постройка была бы невозможна, причемъ приходилось бы концессіонерамъ дѣлать новыя пособія и льготы, которыя падали бы всею своею тяжестью на государственное казначейство.

При производствѣ изысканій правительственными инженерами не могло болѣе представляться споровъ о направленіи линіи, избранной правительствомъ. Описаніе дѣйствій общества Кіево-Брестской дороги достаточно разъясняетъ, какъ необходимо было имѣть означенныя данныя, которыя, сверхъ того, привели къ заключенію о возможности строить дороги по сравнительно болѣе дешевымъ цѣнамъ.

Во время болѣзни и отсутствія Бобринскаго, я каждый четвергъ, или по крайней мѣрѣ черезъ четвергъ, представлялъ лично доклады Государю по дѣламъ министерства путей сообщенія и постоянно былъ благосклонно принимаемъ.

Въ мартѣ 1871 года я узналъ, что концессія на Ландварово-Роменскую дорогу будетъ дана Ефимовичу и Викерсгейму, а на Лозово-Севастопольскую—Полякову.

По долгомъ обсужденіи, я рѣшилъ, что не могу быть министромъ, а потому, если бы эта должность и была мнѣ предложена, то рѣшительно долженъ отъ нея отказаться подъ предлогомъ слабости зрѣнія, а въ случаѣ продолжительнаго отсутствія Бобринскаго, изыскать способъ, не ожидая его возвращенія, удалиться изъ министерства путей сообщенія съ сохраненіемъ званія сенатора, чтобы не совсѣмъ оставить службу, опасаясь вдругъ остаться безъ занятій, и чтобы пользоваться казеннымъ содержаніемъ, которое я по совѣсти считалъ заслуженнымъ моими сорокалѣтними трудами, тогда какъ, при выходѣ въ отставку, пенсія по чину была бы весьма незначительна и ее вмѣстѣ съ получаемыми процентами съ моего небольшого капитала было бы недостаточно даже для весьма умѣреннаго рода жизни, къ которому я съ женой привыкли.

Четыре дня спустя я заѣхалъ къ Рейтерну для объясненій по службѣ и былъ чрезвычайно удивленъ, когда онъ меня спросилъ, какъ я полагаю поступить относительно выбора учредителей обществъ Ландварово-Роменской и Лозово-Севастопольской желѣзныхъ дорогъ.

Видя, что мнѣ нечего скрываться отъ Рейтерна и что, по его расположенію ко мнѣ, я могу воспользоваться его опытностію въ подобныхъ дѣлахъ и добрымъ совѣтомъ, я отвѣчалъ слѣдующее:

Проекты нормальныхъ уставовъ на Ландварово-Роменскую и Лозово-Севастопольскую дороги будутъ утверждены не ранѣе мѣсяца; тогда яснѣе будетъ видно, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать, но теперь я полагаю, что вызову всѣхъ заявляющихъ желаніе образовать общества означенныхъ дорогъ, потребую отъ каждаго изъ нихъ поверстную стоимость, за которую они могутъ ихъ построить, и избравъ изъ нихъ, по соглашенію съ Рейтерномъ, наиболѣе надежныхъ, представлю заявленія Государю съ присовокупленіемъ, что Ефимовичъ неизвѣстенъ мнѣ и потому я не могу ручаться за него, какъ за благонадежнаго строителя.

Рейтернъ совѣтовалъ ни подъ какимъ видомъ не говорить о томъ, что, не зная Ефимовича, не могу ручаться за него, какъ за благонадежнаго строителя, а стараться присоединить къ Ефимовичу товарищемъ кого-либо изъ извѣстныхъ строителей и принять, если возможно, мѣры, чтобы это лицо для Ландварово-Роменской дороги, а Губонинъ для Лозово-Севастопольской дороги объявили требованія не преувеличенныя. Но достигнуть этихъ результатовъ не было возможности. Несмотря на мое молчаніе, слухи сдѣлались немедля общеизвѣстными. Впрочемъ, и Рейтернъ не скрывалъ отъ своихъ приближенныхъ. Въ этомъ положеніи дѣла Ефимовичъ не находилъ надобности соединяться съ кѣмъ-либо изъ извѣстныхъ мнѣ строителей и нельзя было ожидать, чтобы Ефимовичъ и Губонинъ, которые должны были заплатить значительныя суммы своимъ покровителямъ, объявили не преувеличенныя требованія.

Слухи повели къ тому, что въ одинъ день трое желающихъ принять на себя учрежденіе обществъ для постройки означенныхъ дорогъ, принадлежащіе къ совершенно различнымъ кругамъ, начинали со мною разговоръ тѣмъ, что нужно ли имъ хлопотать по этимъ дѣламъ и заявлять свои цѣны, когда уже предварительно назначено, кому отдать эти предпріятія.

Я отвѣчалъ, что выборъ учредителей зависитъ отъ меня, что я его еще не сдѣлалъ, что кромѣ меня изъ правительственныхъ лицъ это дѣло зависитъ отъ Рейтерна, и опрашивалъ ихъ, «говорилъ ли онъ имъ что-либо о выборѣ». На отрицательный отвѣтъ я ихъ увѣрялъ, что доходившіе до нихъ слухи о сдѣланномъ уже выборѣ учредителей означенныхъ обществъ ложны. Не знаю, на сколько они мнѣ вѣрили, такъ какъ многіе въ Петербургѣ были убѣждены въ противномъ.

При моихъ личныхъ докладахъ въ концѣ марта, въ апрѣлѣ и въ началѣ мая, Государь спрашивалъ у меня насчетъ Ландварово-Роменской дороги. Я отвѣчалъ, что составляются нормальные уставы, съ техническими къ нимъ условіями на эту дорогу и на Лозово-Севастопольскую, а такъ какъ подобныя условія и уставы составляются по новому порядку, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія отъ 26 декабря 1870 года, въ первый разъ, то на ихъ изготовленіе требовалось время, вслѣдствіе чего

я считаю теперь переговоры съ предпринимателями желѣзныхъ дорогъ несвоевременными.

Несмотря на уклончивость моихъ отвѣтовъ, Государь не давалъ мнѣ рѣшительнаго приказанія объ отдачѣ дороги Ефимовичу, и я не замѣчалъ, чтобъ они заслуживали его неудовольствіе.

Совѣтоваться о томъ, какъ выйти изъ министерства, мнѣ было не съ кѣмъ, кромѣ Чевкина. Я въ это время ѣздилъ къ нему каждое воскресенье и въ одно изъ этихъ посѣщеній представилъ ему мое нравственное положеніе и просилъ совѣта, какъ бы изъ него выйти. Чевкинъ отвѣчалъ, что онъ и говорить не хочетъ о моемъ выходѣ изъ министерства, что онъ не понимаетъ существованія министерства путей сообщенія безъ меня. Въ слѣдующее за симъ воскресенье я сказалъ Чевкину, что съ трудомъ рѣшился пріѣхать къ нему, оскорбленный тѣмъ, что онъ видитъ во мнѣ только чиновника, а не человѣка, и въ виду того, что, по его мнѣнію, я могу быть полезенъ для службы, не хочетъ обратить вниманія на мое нравственное состояніе, что я въ настоящемъ положеніи оставаться долѣе не могу, а если бы и предложили мнѣ быть министромъ, то я не приму этой должности, считая себя къ ней неспособнымъ.

Отвѣтъ Чевкина былъ тотъ же, что онъ не можетъ представить министерство путей сообщенія безъ меня. Онъ спросилъ, да кто же будетъ управлять имъ? Я отвѣчалъ, что, кажется, партія Шувалова на это мѣсто готовитъ Алексѣя Бобринскаго и только ждутъ моего выхода. Чевкинъ отвѣчалъ, что тѣмъ болѣе я долженъ оставаться, чтобы не допустить подобнаго назначенія.

Когда слухи о назначеніи Алексѣя Бобринскаго управляющимъ министерствомъ путей сообщенія распространились, Рейтернъ мнѣ говорилъ, что этотъ Бобринскій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ и непріятный и нехорошій, что таковъ онъ былъ всегда, даже воспитанникомъ лицея, гдѣ обучался въ одно время съ Рейтерномъ, только въ разныхъ возрастахъ, и гдѣ онъ былъ нелюбимъ товарищами. Однимъ словомъ Рейтерну очень не нравились эти слухи, и онъ надѣялся, что они несправедливы и что если я самъ не оставлю министерство, то Алексѣю Бобринскому не управлять имъ.

Рѣшившись оставить министерство и не получая отъ Чевкина никакихъ указаній, какъ это сдѣлать, я обратился за совѣтомъ къ старому моему знакомому А. А. Абазѣ, человѣку очень умному, незадолго предназначенному государственнымъ контролеромъ.

Абаза рѣшительно отсовѣтовалъ мнѣ просить объ увольненіи. Онъ объяснялъ, что мнѣ предстоятъ теперь три дороги: или быть министромъ путей сообщенія, и хотя я заявлялъ, что рѣшительно этого не хочу, но онъ и большая часть правительственныхъ лицъ этого желаютъ совершенно согласно съ общественнымъ мнѣніемъ и это, по его личному мнѣнію, было бы самое лучшее, или продолжать управлять министерствомъ и если болѣзнь Бобринскаго затянется, то, въ случаѣ даже неназначенія меня ми-

нистромъ, я буду назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, или самое худшее, по его мнѣнію, для меня и для дѣла—увольненіе меня изъ министерства съ оставленіемъ въ званіи сенатора съ полнымъ окладомъ и, вѣроятно, съ какою-либо наградою при увольненіи. Если я вздумаю просить объ увольненіи, то долженъ буду самъ кланяться Палену о томъ, чтобы остаться сенаторомъ, и Рейтерну о сохраненіи мнѣ полнаго содержанія, каковое поклоненіе и непріятно и не всегда можетъ быть успѣшно.

Абаза отгадалъ: дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней я былъ уволенъ изъ министерства путей сообщенія, оставленъ въ званіи сенатора, съ сохраненіемъ содержанія, и получилъ Александровскую ленту.

Мое желаніе оставить министерство путей сообщенія не было минутнымъ, ни на чемъ не основаннымъ, капризомъ. Напротивъ, я всегда полагалъ, что созданъ не изъ той глины, изъ которой пекутся министры въ Россіи, и потому никогда не стремился занять министерское мѣсто.

Мой докторъ Левенсонъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ находилъ необходимымъ, чтобы я, какъ можно скорѣе, отправился на Карлсбадскія воды. При отъѣздѣ Бобринскаго за границу, онъ объявилъ мнѣ, что пріѣдетъ въ маѣ, вступитъ въ должность на шесть недѣль, пока я буду въ Карлсбадѣ, а по возвращеніи моемъ снова уѣдетъ за границу, для дальнѣйшаго излѣченія.

Свѣдѣнія, получавшіяся изъ-за границы о здоровьѣ Бобринскаго, возбуждали сильное сомнѣніе въ возможности его скораго возвращенія, а такъ какъ я также собирался уѣхать, то Чевкинъ меня спросилъ, кто же будетъ управлять министерствомъ во время моего отсутствія и, опасаясь, чтобы не назначили Алексѣя Бобринскаго, нашелъ нужнымъ, чтобы я при первомъ докладѣ объ этомъ представилъ Государю, и полагалъ возможнымъ управленіе министерствомъ поручить члену Государственнаго Совѣта инженеръ-генералу Герстфельду, бывшему 8 лѣтъ товарищемъ министра путей сообщенія, когда главноуправляющими и министрами были графъ Клейнмихель, Чевкинъ и Мельниковъ. Чевкинъ находилъ тѣмъ болѣе необходимымъ, чтобы я объ этомъ доложилъ Государю безъ замедленія, что Герстфельдъ получилъ уже заграничный отпускъ и полагалъ вскорѣ уѣхать.

Согласно совѣту Чевкина, я просилъ у Государя дозволенія отлучиться на заграничныя воды и на вопросъ Государя о томъ, кому поручить управленіе министерствомъ, въ случаѣ невозвращенія Бобринскаго, предоставилъ это волѣ Государя и, только по настоятельному его требованію назвать управляющаго на время моего отсутствія, я назвалъ Герстфельда, на что Государь немедля согласился и приказалъ мнѣ ему объ этомъ объявить съ тѣмъ, чтобы удержать его отъ заграничной поѣздки, если Герстфельду нѣтъ особой крайности ѣхать.

Это было 29-го апрѣля, и я въ тотъ же день передалъ это повелѣніе Герстфельду, прося хранить его въ секретѣ, такъ какъ, въ случаѣ возвращенія Бобринскаго, не къ чему будетъ объявлять этого повелѣнія. Герст-

фельдъ просилъ меня передать Государю, что онъ службу Его Величеству ставилъ и всегда будетъ ставить выше всего и потому за границу не поѣдетъ. Онъ до того обрадовался, что немедля побѣжалъ по департаментамъ путей сообщенія объявить, что въ мое отсутствіе онъ будетъ управлять министерствомъ.

Конечно, это дошло до свѣдѣнія приближенныхъ В. Бобринскаго и они вытребовали его въ Петербургъ. По крайней мѣрѣ съ этого времени стали говорить о скоромъ его возвращеніи. Вскорѣ послѣ этого возвратился изъ-за границы и Алексѣй Бобринскій, отпущенный въ отпускъ на 3 мѣсяца и пробывшій въ немъ всего мѣсяцъ. Онъ заявилъ мнѣ претензію, что Гейнсъ, не спросясь его, выставилъ въ приказѣ объ его увольненіи на 3 мѣсяца, тогда какъ ему не нужно было болѣе мѣсяца, что ему теперь необходимъ 4-хъ мѣсячный отпускъ, о которомъ онъ и подалъ прошеніе, что онъ уѣзжаетъ на нѣсколько дней на Ливенскую узкоколейную дорогу и вернется къ 15 мая, чтобы повидаться съ Владиміромъ Бобринскимъ, который писалъ ему, что будетъ къ этому числу въ Петербургѣ и, по свиданіи съ нимъ, немедля воспользуется четырехмѣсячнымъ заграничнымъ отпускомъ.

Я очень хорошо понималъ цѣль, съ какою Алексѣй Бобринскій испрашивалъ этотъ заграничный отпускъ. Онъ не былъ вполнѣ увѣренъ, что по пріѣздѣ Владиміра Бобринскаго ему удастся замѣнить меня въ управленіи министерствомъ, а потому, въ случаѣ неудачи, желалъ имѣть готовый отпускъ, чтобы немедля уѣхать.

Въ первой половинѣ мая Императрица поѣхала за границу. Я провожалъ ее до Вержболова. Она по обыкновенію со мною не сказала ни слова, кромѣ холоднаго изъявленія благодарности при прощаніи въ Вержболовѣ. На обратномъ пути я узналъ, что Государь въ Гатчинскомъ дворцѣ, куда я заѣхалъ, чтобы доложить о благополучномъ проѣздѣ Императрицы. Государь какъ-то холодно спросилъ меня, имѣю ли я свѣдѣніе, когда будетъ Бобринскій, но, впрочемъ, здороваясь, по обыкновенію, подалъ мнѣ руку. Я отвѣчалъ, что Бобринскаго ждутъ въ концѣ недѣли.

13-го мая я былъ въ послѣдній разъ съ докладомъ у Государя въ Царско-Сельскомъ дворцѣ и былъ принятъ такъ же благосклонно, какъ и прежде. Государь спросилъ, когда ждутъ Бобринскаго. Въ этотъ день Золотаревъ, испросивъ мое дозволеніе, уѣхалъ навстрѣчу къ Владиміру Бобринскому, который вернулся въ Петербургъ 15-го мая. Въ этотъ день разсматривалось въ Государственномъ Совѣтѣ представленіе министра народнаго просвѣщенія о классическомъ образованіи съ двумя древними языками и о реальныхъ училищахъ.

Обязанный быть въ этомъ засѣданіи, по этой причинѣ, а также въ виду утомленія отъ дороги Бобринскаго, возвратившагося больнымъ, я его не встрѣтилъ и не видалъ въ день пріѣзда.

На другой день утромъ я къ нему представился. Встрѣтились мы очень дружелюбно. Онъ просилъ меня управлять министерствомъ, не зная, когда

въ состояніи будетъ, по болѣзни, вступить въ должность, сказалъ, что на другой день будетъ у Государя и, по возвращеніи изъ Царскаго Села, пришлетъ просить меня къ себѣ. Въ виду его вступленія въ должность, я ему подробно передалъ о томъ, что напечатанные нормальные уставы съ техническими условіями на обѣ дороги я разослалъ ко всѣмъ, объявившимъ желаніе взять на себя означенныя предпріятія, что имъ и было одобрено.

Вообще мы говорили о разныхъ дѣлахъ министерства, какъ будто намъ еще нѣсколько лѣтъ предстоитъ работать вмѣстѣ. Онъ соглашался со всѣми моими предположеніями. Тутъ же я ему разсказалъ, что, на случай его нескораго выздоровленія и моего отъѣзда на воды, Государь назначилъ временно управлять министерствомъ генерала Герстфельда. На это онъ ничего не отвѣчалъ. Я нашелъ Бобринскаго хотя все еще нездоровымъ, но поправлявшимся, что меня очень порадовало.

На другой день въ Царско-Сельскомъ дворцѣ были крестины великаго князя Георгія Александровича. Бобринскій и я были во дворцѣ, но мы не встрѣтились. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ за мною не присылалъ и только на другое утро написалъ ко мнѣ, чтобы я къ нему заѣхалъ по выѣздѣ моемъ изъ засѣданія комитета министровъ, такъ какъ по утрамъ онъ до того бываетъ слабъ, что не можетъ говорить о дѣлѣ.

Бобринскій, по пріѣздѣ моемъ къ нему, заперся со мною въ дальнемъ кабинетѣ и началъ тѣмъ, что онъ долженъ сообщить мнѣ весьма важное обстоятельство, которое будетъ имѣть сильное вліяніе и на его и на мою будущность, и спросилъ, готовъ ли я его выслушать. По изъявленіи мною полной къ тому готовности, онъ мнѣ сказалъ, что Государь почему-то недоволенъ мною, что онъ это замѣтилъ еще въ тотъ день, когда прощался съ Государемъ въ мартѣ мѣсяцѣ передъ своимъ отъѣздомъ, и что Государь назначилъ Алексѣя Бобринскаго товарищемъ министра путей сообщенія, который, согласно закону, по болѣзни его, и вступитъ въ управленіе министерствомъ. При этомъ онъ отъ себя прибавилъ, что ему было очень больно узнать о неудовольствіи Государя, и что, когда онъ старался разузнать, чѣмъ я подалъ поводъ къ неудовольствію, то изъ словъ Государя заключилъ, что Государь хотя признаетъ меня за очень усерднаго и знающаго дѣло администратора, но не желаетъ, чтобы я продолжалъ управлять министерствомъ.

Затѣмъ Бобринскій спросилъ меня, не писалъ ли я какихъ-либо компрометирующихъ меня писемъ, причемъ сказалъ, что вѣдь всѣ письма перечитываются въ III отдѣленіи Собственной канцеляріи Государя, или не говорилъ ли я чего-нибудь слишкомъ свободно. Я отвѣчалъ, что писемъ никакихъ, кромѣ дѣловыхъ, не пишу и никакое изъ моихъ писемъ меня не могло компрометировать, а тому, что я говорю въ обществѣ, въ которомъ, впрочемъ, по занятіямъ моимъ, бываю весьма рѣдко, могутъ придавать и превратный смыслъ, но, конечно, я никогда не бывалъ революціонеромъ, а тѣмъ менѣе могу сдѣлаться имъ, приближаясь къ 60-лѣтнему возрасту.

Бобринскій сказалъ мнѣ, что Государь, между прочимъ, замѣтилъ, что я говорю много. Конечно, съ нимъ я много не говорилъ и этотъ недостатокъ могъ ему указать Шуваловъ, которому всѣ средства, слѣдственно и всякая клевета были пригодны, только чтобы меня спустить и назначить министромъ человѣка своей партіи, Алексѣя Бобринскаго, извѣстнаго крѣпостника, долго поддерживавшаго знаменитую газету «Вѣсть», выгнаннаго крестьянами изъ его Тульскаго имѣнія, дерущагося со своими дворовыми, такъ что въ два часа ночи оберъ-полиціймейстеръ былъ вызванъ, чтобы усмирять его*), извѣстнаго дѣятеля по передачѣ пяти милліоновъ рублей, назначенныхъ для вспомоществованія Русскимъ при покупкѣ имѣній въ Западномъ краѣ, въ общество взаимнаго поземельнаго кредита, въ правленіи котораго онъ предсѣдательствовалъ; прикидывавшагося влюбленнымъ въ старую дѣву Анну Ѳеодоровну Тютчеву, имѣвшую вліяніе при Императрицѣ, и готовымъ на ней жениться, чтобы приблизиться ко двору, а по достиженіи этого отъ женитьбы отказавшагося, и, слѣдовательно, такого человѣка, которому, такъ же, какъ и его патрону, всѣ средства хороши для своего возвышенія и поддержанія своей партіи.

Послѣ 40-лѣтней службы обвинять меня въ политической неблагонадежности смѣшно. Но меня не взлюбили за то, что я не раздѣлялъ убѣжденій псевдо-аристократической или, лучше сказать, Шуваловской партіи.

Россію обвиняютъ въ безлюдьѣ, а вотъ какъ легко разстаются съ людьми, которыхъ сами признаютъ честными, и усердными, и знающими дѣло, только изъ-за того, что они въ своихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ расходятся съ Шуваловской партіей. Человѣка, если онъ, по своей самостоятельности, не скрываетъ этого, считаютъ вреднымъ. Конечно, человѣкъ самостоятельный не будетъ поддерживать произвола, но вѣдь въ общественной дѣятельности именно вредны тѣ, которые не гнушаются никакими средствами, чтобы угодить высокопоставленнымъ лицамъ.

Сомнѣніе въ политической благонадежности лицъ только на основаніи различія ихъ мнѣній съ Шуваловскими ведетъ къ тому, что они по необходимости должны скрывать свои мнѣнія и выставлять себя не таковыми, какъ они есть, а на это особенно способны тѣ, въ которыхъ не развито чувство чести.

Я выразилъ Бобринскому, въ отвѣтъ на сдѣланное мнѣ сообщеніе о разговорѣ съ Государемъ, насколько я доволенъ возможностію оставить министерство путей сообщенія и заявилъ, что на другой же день принесу ему записку, въ которой буду просить объ исходатайствованіи мнѣ увольненія отъ всѣхъ должностей по министерству.

Впослѣдствіи нѣкоторыя лица, весьма меня любящія и желавшія, чтобы я былъ министромъ, упрекали меня, что я самъ нѣсколько виноватъ моему удаленію изъ министерства тѣмъ, что и въ англійскомъ клубѣ и въ вагонахъ Царскосельской дороги я при случаѣ нисколько не останавливался

---

*) Слышалъ отъ оберъ-полиціймейстера генералъ-адъютанта Трепова.

въ выраженіи моихъ мнѣній, чего, занимая высокую должность, я не долженъ былъ бы дѣлать. Но я не желаю мѣнять своего характера изъ-за сохраненія моего мѣста, или даже для полученія мѣста министра; напротивъ, очень благодаренъ этому недостатку, если онъ дѣйствительно былъ причиною моего удаленія.

Тѣ же лица поставили мнѣ въ вину, что я не умѣлъ добиться министерскаго мѣста, гдѣ я, по ихъ мнѣнію, могъ быть полезенъ, приписывая мое удаленіе также и тому, что я, на вопросы Государя, при докладахъ, о положеніи здоровья Бобринскаго, отвѣчалъ, что прямыхъ извѣстій отъ него не имѣю, а что по разнымъ свѣдѣніямъ его здоровье нехорошо, и это я говорилъ въ то время, когда Шуваловъ и, вѣроятно, многіе другіе увѣряли Государя, что Бобринскому лучше. Это могло, по мнѣнію этихъ же лицъ, показаться Государю не только желаніемъ моимъ поскорѣе замѣстить Бобринскаго, но что быть иначе не можетъ. Тѣ же лица меня винятъ въ томъ, что я выбралъ Герстфельда для управленія министерствомъ въ мое отсутствіе, въ случаѣ не скораго возвращенія Бобринскаго, и что этимъ тоже показалъ Государю увѣренность, что никто, кромѣ меня, не можетъ быть назначенъ министромъ, а что по характеру Государя это все должно было ему не нравиться.

Нечего и говорить, что этой увѣренности съ моей стороны не было. Отвѣчалъ же я о болѣзни Бобринскаго то, что вездѣ слышалъ, а о томъ, почему мною былъ назначенъ Герстфельдъ для управленія министерствомъ, мною изложено выше. Нахожу, впрочемъ, совершенно излишнимъ отыскивать въ моихъ недостаткахъ причину неудовольствія Государя.

Я только замѣтилъ, что однажды Государю не понравились мои выраженія. Во время моего доклада въ Царскомъ Селѣ, лѣтомъ 1870 года, Государю принесли депешу объ одной изъ первыхъ побѣдъ Пруссаковъ во Франціи. Онъ мнѣ прочелъ ее съ восхищеніемъ и замѣтилъ, что война начата Франціей въ величайшей степени несправедливо. Я ему отвѣчалъ, что нельзя признать, чтобы война со стороны Пруссіи была начата съ достаточными къ тому причинами; что едва ли для спокойствія Европы не лучше было Пруссіи окончить начавшіяся пререканія съ Франціей безъ войны. Не любя инстинктивно нѣмцевъ и не ожидая отъ Пруссіи ничего для блага человѣчества, а только введеніе повсюду милитаризма, я не удержался отъ этого отвѣта, который Государю, столько преданному Пруссіи, не могъ понравиться. Онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ.

19-го мая я привезъ Бобринскому обѣщанную записку о моемъ увольненіи, а также объявленія о поверстной стоимости Ландварово-Роменской дороги отъ Ефимовича, Мекка и Бліоха, желавшихъ принять на себя образованіе общества этой дороги.

Стоимость постройки версты этой дороги безъ расходовъ, вычисленная Шернвалемъ, была 36.000 кредитныхъ; Ефимовичъ требовалъ 40.850 рублей; Бліохъ—35.000 рублей, а Меккъ—33.200 рублей кредитныхъ же. Бобринскій чрезвычайно обрадовался этимъ заявленіямъ, говоря, что

это послѣдняя важная услуга, которую я оказываю по службѣ моей въ министерствѣ путей сообщенія Россіи и ему лично, такъ какъ онъ, при столь значительной разности въ цѣнахъ, объявленныхъ Ефимовичемъ и Меккомъ, имѣетъ достаточныя основанія отстранить перваго.

Вечеромъ того же дня я получилъ собственноручное заявленіе Варшавскаго, который назначилъ стоимость версты еще менѣе, именно въ 30.400 рублей, и я немедля это заявленіе послалъ Бобринскому въ собственныя руки. На другой день утромъ Варшавскій пріѣзжалъ ко мнѣ, чтобы заявить удивленіе, почему его цѣна извѣстна уже разнымъ лицамъ, тогда какъ онъ о ней никому не говорилъ. Оказалось, что посланное мною къ Владиміру Бобринскому заявленіе Варшавскаго онъ показалъ Алексѣю Бобринскому и Золотареву, и слѣдовательно одинъ изъ нихъ пересказалъ о цѣнѣ Варшавскаго, которую, до полученія заявленія отъ всѣхъ желающихъ, должно было министру держать въ полномъ секретѣ.

Бобринскій 19-го мая объявилъ мнѣ, что вступитъ на другой день въ должность и поѣдетъ съ докладомъ къ Государю въ Царское Село, что въ докладѣ будетъ представленіе объ увольненіи меня изъ министерства и къ наградѣ Александровскою лентою и что послѣ доклада онъ прямо со станціи Царскосельской дороги заѣдетъ ко мнѣ, что онъ и исполнилъ. Въ бытность у меня 20-го мая, онъ мнѣ объявилъ, что его представленіе объ оставленіи меня въ званіи сенатора съ сохраненіемъ полнаго содержанія, на что онъ наканунѣ получилъ согласіе министровъ финансовъ и юстиціи, уважено, а равно и о пожалованіи меня Александровскимъ кавалеромъ, что на то и другое Государь согласился немедля, тогда какъ 17-го мая, когда Бобринскій просилъ его о наградѣ Александровской лентой при моемъ увольненіи, онъ не соглашался. Бобринскій просилъ меня ему и брату его помогать въ дѣлѣ, только мнѣ, по мнѣнію его, извѣстномъ, присовокупляя, что мы всегда жили дружно и, конечно, также дружно разстаемся. Для поясненія же, въ какомъ положеніи находятся строющіяся и эксплоатируемыя дороги, онъ желалъ бы быть у меня вмѣстѣ съ братомъ, но просилъ, принимая во вниманіе его болѣзненное состояніе, для этого зайти къ нему на другой день.

Желаніе его было мною исполнено. Я, бывши у него, подробно изложилъ положенія всѣхъ дорогъ, что, при моей хорошей памяти, не представляло мнѣ особаго труда, но онъ былъ напрасенъ. Человѣку, понимающему дѣло и съ хорошею памятью, трудно было бы все запомнить, но это совершенно было невозможно Алексѣю Бобринскому, человѣку не знающему дѣла и сверхъ того, какъ мнѣ говорили впослѣдствіи, отличающемуся забывчивостію.

Владиміръ Бобринскій все время изъявлялъ удивленіе моей памяти и ясности изложенія и во всемъ соглашался Только при разговорѣ о Кіево-Брестской дорогѣ замѣтилъ, что мы по этому дѣлу разнаго мнѣнія, такъ какъ я настоялъ, чтобы обществу этой дороги ничего не прибавляли за проведеніе этой дороги по направленію, одобренному правительствомъ,

тогда какъ онъ обѣщался Задлеру прибавить собственно за это болѣе милліона рублей, основываясь на томъ, что Задлеръ заключилъ контрактъ съ обществомъ на постройку дороги по направленію, избранному обществомъ, которое слишкомъ на милліонъ рублей дешевле избраннаго правительствомъ, и на томъ, что капиталъ, остающійся въ распоряженіи общества, недостаточенъ для уплаты Задлеру по заключенному съ правленіемъ общества контракту.

Я объяснилъ Бобринскому, что я понимаю его обѣщаніе условнымъ, а именно, что онъ обѣщался увеличить капиталъ общества, если дѣйствительно его недостаточно для постройки дороги, какъ увѣрялъ Задлеръ, но что, по сдѣланнымъ мною расчетамъ, увѣренія Задлера оказались несправедливыми, что, конечно, Бобринскій ни въ какомъ случаѣ не ходатайствовалъ бы объ этомъ увеличеніи, не спросивъ предварительно меня или Шернваля, чтобы удостовѣриться въ правильности заявленія Задлера, и что, получивъ отъ насъ отрицательные отвѣты, никогда бы не вошелъ съ означеннымъ ходатайствомъ. Бобринскій согласился съ моимъ разсужденіемъ и отъ себя прибавилъ, что доказательствомъ того, что не требовалось никакихъ прибавленій, служитъ то, что Задлеръ вмѣстѣ съ другими членами правленія Кіево-Брестской дороги, послѣ рѣшенія дѣла по ихъ жалобѣ въ комитетъ министровъ, далъ мнѣ подписку въ томъ, что капитала общества при льготахъ и пособіяхъ, на которыя я и Рейтернъ согласились, будетъ достаточно для постройки дороги по направленію, избранному правительствомъ.

Во время моихъ объясненій о положеніи дорогъ Владиміру Бобринскому былъ поданъ пакетъ отъ Государя. Онъ вынулъ изъ него бумагу, имѣющую форму грамоты на орденъ, очень сконфузился, послалъ за Гейнсомъ и приказалъ ему немедля ее исправить. Я догадался, что это была грамота мнѣ на Александровскій орденъ, почему-нибудь Государемъ не подписанная, и дѣйствительно, впослѣдствіи я узналъ, что Государь въ грамотѣ, въ которой было сказано, что орденъ мнѣ дается за примѣрно-усердную службу и полезные труды, вычеркнулъ слово «примѣрно». Вотъ какъ успѣли возстановить Государя противъ меня: если моя служба не была примѣрною, то какая же называется такой?

Грамота по перепискѣ была послана Государю и въ тотъ же день, 21-го мая, имъ подписана. Я же не получилъ ее до моего отъѣзда за границу 8-го іюня, такъ что недѣли двѣ я думалъ, что Государь совсѣмъ отказалъ въ наградѣ и только въ Карлсбадѣ изъ газетъ узналъ о пожалованіи мнѣ Александровской ленты, а грамота и орденскіе знаки хотя были препровождены ко мнѣ при письмѣ управляющаго министерствомъ путей сообщенія Алексѣя Бобринскаго отъ 11-го іюня, но я ихъ получилъ только въ августѣ, по возвращеніи ихъ изъ-за границы. Привожу это обстоятельство только для того, чтобы показать, до какой степени вновь набранные служащіе не знали самыхъ простыхъ служебныхъ дѣлъ. Въ бытность мою въ министерствѣ они за всякой бездѣлицей приходили ко мнѣ спросить, что и какъ

дѣлать. Они даже не знали, что дѣлать съ грамотой, подписанной Государемъ, и только спустя двѣ недѣли по ея подписаніи, по совѣту одного изъ прежнихъ младшихъ служащихъ, послали ее въ капитулъ орденовъ для контросигнированія и приложенія печати.

Пожалованіе мнѣ Александровской ленты было весьма непріятно и Шувалову и Алексѣю Бобринскому Послѣдній неоднократно при постороннихъ лицахъ выражался, что Государь былъ относительно меня слишкомъ couleur de rose (розоваго цвѣта) послѣ того, что ему было фактически доказано мое взяточничество. Вотъ въ чемъ вздумали обвинять меня, извѣстнаго, смѣю сказать, почти всей Россіи вполнѣ безкорыстною службою.

Выраженіе А. Бобринскаго о томъ, что Государю было фактически доказано мое взяточничество, поясняется слѣдующимъ образомъ.

Лишь только заболѣлъ В. Бобринскій, Шуваловъ началъ говорить противъ меня Государю, но безъ результата, такъ что Алексѣй Бобринскій въ интимномъ кругу неоднократно бранилъ меня за то, что я сталъ на такую твердую ногу и сдѣлался ему такимъ соперникомъ, что едва ли удастся партіи Шувалова меня сломить такъ, чтобы я не былъ назначенъ министромъ. Они, не зная, что и я хлопочу о томъ, какъ бы не попасть въ министры, рѣшились, чтобы достигнуть своей цѣли, на всѣ средства. Моя почтовая переписка была распечатываема, но, конечно, ничего не могли въ ней найти. Тѣмъ не менѣе мнѣ достовѣрные люди говорили, что Шуваловъ представилъ Государю письмо, служившее, по его мнѣнію, фактическимъ доказательствомъ моего взяточничества. Подобное письмо, конечно, могло быть только поддѣльное. Если же предполагать, что Государю показывали какое-нибудь изъ дѣйствительно мною писанныхъ писемъ, то съумѣли предъ нимъ исказить смыслъ моего письма. Единственнымъ почти лицомъ, съ которымъ я переписывался въ то время, былъ Ѳ. В. Чижовъ, участникъ въ покупкѣ Московско-Курской дороги и, можетъ быть, хотя и сомнительно, что я въ письмѣ могъ сообщить ему нѣсколько словъ о ходѣ этого дѣла. Эти нѣсколько словъ моего письма Шуваловъ могъ объяснить Государю въ дурную сторону. Онъ увѣрялъ Государя, что я участвую въ покупкѣ Московско-Курской желѣзной дороги, что это извѣстно Мельникову, который, во время предъявленія моего письма Государю, былъ, какъ мнѣ говорили, во дворцѣ. Хорошую роль при этомъ разыгрывалъ Мельниковъ. Только по прочтеніи этого письма Государь сказалъ Шувалову, что онъ во мнѣ ошибался, что онъ повторилъ 17-го мая и В. Бобринскому.

Шуваловъ и Алексѣй Бобринскій, конечно, не разсказали В. Бобринскому о своихъ продѣлкахъ, которыми они старались доказать Государю мое взяточничество, опасаясь, что В. Бобринскій, вполнѣ увѣренный въ моемъ безкорыстіи столько же, какъ и они сами, за такую подлость съ ихъ стороны не оставитъ этого безъ противодѣйствія, а потому они ограничились намекомъ о томъ, что Государь изъ моей переписки убѣдился будто бы въ моей политической неблагонадежности.

Послѣ 21-го мая я не видалъ болѣе Бобринскихъ. Въ этотъ же день я былъ у Чевкина, которому сказалъ, что онъ теперь понимаетъ министерство путей сообщенія безъ меня. Онъ, выражая негодованіе свое и нѣкоторыхъ министровъ на Шуваловскую партію, удивлялся, что я не дѣйствовалъ, чтобы остаться министромъ, черезъ другую партію графа Адлерберга, графа Баранова. Я ему отвѣчалъ, что я самъ желалъ удалиться, что могъ бы дѣйствовать только съ тою цѣлью, до которой теперь дошелъ безъ хлопотъ, а если есть министры, недовольные моимъ удаленіемъ и назначеніемъ Алексѣя Бобринскаго, то зачѣмъ они не дѣйствовали, пусть сами на себя пеняютъ, а я имъ за это бездѣйствіе очень благодаренъ.

Всѣ бывшіе мои подчиненные, и въ особенности служащіе по департаменту и по техническо-инспекторскому комитету желѣзныхъ дорогъ, были поражены моимъ удаленіемъ до такой степени, что не хотѣли долго вѣрить въ его возможность. Всѣ выказали мнѣ особенное свое расположеніе и заявляли, что жалѣютъ о себѣ, оставшись безъ руководителя, всегда готоваго помочь въ ихъ работахъ и безъ всякаго промедленія разрѣшать ихъ правильныя представленія. При моемъ отъѣздѣ за границу почти всѣ собрались проводить меня на станцію С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги.

Общественное мнѣніе было поражено назначеніемъ Алексѣя Бобринскаго, не только не имѣвшаго никакого понятія объ инженерномъ дѣлѣ, но рѣшительно ни о какомъ. Во всю службу онъ командовалъ только стрѣлковымъ баталіономъ и тамъ имѣлъ неудовольствія, вообще дурно относились объ его характерѣ. Владиміръ Бобринскій, считавшій его умнѣйшимъ человѣкомъ, говорилъ однакоже, что онъ менѣе его знаетъ законы, а такое малое знаніе трудно себѣ представить, и что онъ еще менѣе его полагаетъ нужнымъ слѣдовать постановленіямъ относительно расхода казенныхъ суммъ и вообще существующимъ законамъ. Владиміръ Бобринскій говорилъ въ этомъ случаѣ правду, и я уже неоднократно замѣчалъ въ 1870 г. при постройкѣ Ливенской узкоколейной дороги не только незнаніе Алексѣемъ Бобринскимъ законовъ, но и нежеланіе имъ слѣдовать.

Сожалѣніе о моемъ удаленіи въ публикѣ было почти единодушное; только лица, принадлежавшія къ Шуваловской партіи, торжествовали, но, къ счастію, эта партія не многочисленна.

Мнѣніе публики и расположеніе бывшихъ подчиненныхъ служило мнѣ въ это время утѣшеніемъ. Меня въ особенности озабочивала болѣзнь душевно любимаго мною Чижова, которая казалась неизлечимою. Онъ пріѣхалъ въ это время въ Царское Село, чтобы подвергнуться операціямъ.

При всемъ моемъ желаніи оставить министерство путей сообщенія, не могъ же я безъ грусти оставить вѣдомство, которому принадлежалъ болѣе 40 лѣтъ.

Жена моя, видя постоянныя мои нравственныя истязанія въ продолженіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, рѣшительно требовала, чтобы я немедля

просился изъ министерства. Казалось бы, она должна быть теперь вполнѣ довольною, но вслѣдствіе сильныхъ патріотическихъ чувствъ ея нервы были донельзя разстроены, такъ что она часто принималась плакать. Ей было больно видѣть, какъ мало цѣнятся люди, заслуги которыхъ всѣмъ извѣстны, какъ безцеремонно съ ними обращаются и какъ безтолково выбираютъ личности для занятія самыхъ важныхъ мѣстъ въ государствѣ.

Я очень радъ, что за недѣлю до моего удаленія выѣхала изъ Петербурга сестра моя Александра Ивановна Викулина съ дочерью, которыя, по горячей ихъ привязанности ко мнѣ и женѣ моей, были бы очень разстроены, присутствуя при всѣхъ фазисахъ моего удаленія, и этимъ еще болѣе разстроили бы жену мою.

Послѣдніе три года мы жили въ домѣ Вейсберга у Семеновскаго моста. Квартира наша была во всѣхъ отношеніяхъ удобная и дешевая—1.500 р. въ годъ. Сновываясь на словахъ хозяина дома, мы надѣялись никогда не перемѣнять ее. Вдругъ Вейсбергъ нашелъ нужнымъ по болѣзни оставить Петербургъ и прекратить въ немъ всѣ свои дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и продать домъ свой. Новый же владѣлецъ дома купилъ его съ тою цѣлію, чтобы, имѣя больную жену, жить въ нанимаемой мною квартирѣ, такъ какъ она въ нижнемъ этажѣ, а найти квартиру въ Петербургѣ въ нижнемъ этажѣ почти невозможно.

Я былъ вполнѣ приготовленъ къ удаленію изъ министерства и по многимъ причинамъ былъ этимъ доволенъ, такъ что меня въ это время наиболѣе разстраивала необходимость отыскивать новую квартиру, что увеличивало разстройство здоровья моей жены. По ея болѣзни она давно не могла ходить по лѣстницамъ, а отдающихся квартиръ было мало вообще, въ нижнемъ же этажѣ нигдѣ не было Сверхъ того въ это время цѣны на квартиры поднялись вдругъ едва ли не на 50%. Жена рѣшилась ѣхать въ имѣніе моей сестры, а я за границу: уѣхать намъ изъ Петербурга по нравственному нашему состоянію было необходимо. Жена выѣхала 1-го іюня, а изъ Москвы, вслѣдствіе нравственнаго разстройства, въ деревню не поѣхала, но вернулась въ Царское Село 11-го іюня.

Въ день удаленія моего изъ министерства, 20-го мая, я получилъ записку отъ Рейтерна, въ которой онъ мнѣ пишетъ, что хотя первый департаментъ Сената единолично рѣшилъ отмѣнить незаконно наложенное Нижегородскимъ губернскимъ правленіемъ запрещеніе на всѣ имѣнія жены моей, по поводу порубокъ въ довѣренныхъ ею еще въ 1842 г. 9.500 десятинахъ земли покойному Саввѣ Абазѣ, оказавшемуся неисправнымъ въ винныхъ откупахъ 1843—1847 годовъ, въ опасеніи, что черезъ эти порубки цѣнность залога уменьшится, но что онъ съ опредѣленіемъ Сената согласиться не могъ, при всемъ его желаніи сдѣлать мнѣ угодное, что онъ къ этому подвинутъ собственно въ виду того, чтобы казенный интересъ не страдалъ *).

*) Письмо Рейтерна ко мнѣ 20 мая въ копіи приведено въ VI главѣ «Моихъ воспоминаній», гдѣ подробно разсказано все дѣло о заложенной землѣ.

Рейтерну это дѣло не такъ доложили: во-первыхъ, заложена была земля, а не лѣсъ; сверхъ того сохранять секвестрованное имущество обязана была не владѣлица, какъ это изложено въ отзывѣ Рейтерна въ Сенатъ, а полиція, такъ какъ владѣлица, не получая никакого дохода съ секвестроваинаго имѣнія, не имѣетъ средствъ на расходы для его охраненія.

Для увеличенія моихъ заботъ и затрудненій 15-го мая отошелъ отъ меня мой камердинеръ.

Въ продолженіе 10 дней, я безпрерывно искалъ квартиру во всѣхъ концахъ Петербурга, но не находилъ сколько-нибудь для насъ годной не только въ нижнемъ этажѣ, но даже и въ такъ называемомъ бель-этажѣ. Наконецъ, перваго іюня я рѣшился нанять на Васильевскомъ островѣ, у Николаевскаго моста, бель-этажъ изъ двухъ квартиръ, въ которыхъ еще жили: найму одной наступилъ уже срокъ, а изъ другой обязанъ былъ наемщикъ выѣхать только 1-го сентября. Обѣ квартиры требовали большихъ передѣлокъ и исправленій. Первую нанялъ я съ 1-го іюня, а вторую съ 1-го сентября, обѣ за 2.400 р. сер. въ годъ, хотя онѣ вмѣстѣ были немногимъ болѣе прежней моей квартиры. Всѣ передѣлки и исправленія принялъ на себя хозяинъ, но онѣ такъ значительны, рабочіе же и мастеровые до того избалованы въ Петербургѣ, что при всемъ добромъ желаніи хозяина квартира и до сего времени (13 сентября 1871 г.) не готова. Сверхъ того необходимо было для жены заказать подъемную машину у Санъ-Галли за весьма дорогую цѣну, и какъ ни хороша эта мащина, все же лучше было бы обходиться безъ нея, имѣя квартиру въ нижнемъ этажѣ. 8-го іюня выѣхалъ изъ Петербурга за границу.

Этимъ я могъ бы кончить мое повѣствованіе объ удаленіи меня изъ министерства путей сообщенія, но продолжаю съ тѣмъ, чтобы разсказать, чѣмъ кончилась отдача Ландварово-Роменской и Лозово-Севастопольской желѣзныхъ дорогъ, къ чему присовокуплю разсказъ о наиболѣе замѣчательныхъ распоряженіяхъ по министерству путей сообщенія въ послѣднее мое трехмѣсячное управленіе.

По доходившимъ до меня свѣдѣніямъ передъ отъѣздомъ моимъ за границу, Варшавскій, объявившій наименьшую цѣну на Ландварово-Роменскую дорогу, получилъ завѣреніе Владиміра Бобринскаго, что эта дорога останется за нимъ, и вслѣдствіе этого дѣлалъ даже нѣкоторыя по этому предмету распоряженія.

Государь выѣхалъ 25-го мая въ заграничное путешествіе. Владиміръ Бобринскій поѣхалъ его провожать до границы, по дорогѣ докладывалъ Государю о цѣнахъ, заявленныхъ на постройку дорогъ, и представлялъ объ отдачѣ Ландварово-Роменской дороги Варшавскому, такъ какъ имъ заявленный строительный капиталъ былъ менѣе заявленнаго всѣми прочими.

5-го іюня Бобринскій уѣхалъ за границу, не предувѣдомивъ меня и вообще не имѣя въ продолженіе протекшей недѣли никакихъ со мною сношеній.

По пріѣздѣ моемъ въ Карлсбадъ, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ и министръ двора графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ сказали мнѣ, что они получили вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Владиміръ Бобринскій прислалъ Государю въ Эмсъ просьбу объ его увольненіи. Три недѣли позже меня пріѣхалъ въ Карлсбадъ Рейтернъ и объявилъ мнѣ, что приказано отдать Ландварово-Роменскую дорогу Ефимовичу и Викерсгейму, которыхъ однако же убѣдили уменьшить предварительно представленную ими поверстную стоимость, что Лозово-Севастопольская дорога отдается Губонину, что онъ съ первыми уже покончилъ расчетъ по реализаціи капитала и взялъ у нихъ положенные уставомъ залоги и что онъ поручилъ своему товарищу генералъ-адъютанту Грейгу покончить эти дѣла, которыя должны были быть представлены А. Бобринскимъ въ комитетъ министровъ къ 22-му іюня. При этомъ Рейтернъ жаловался на непонятливость и малую память Алексѣя Бобринскаго. Послѣдній возвращалъ Рейтерну, при офиціальной бумагѣ, расчеты, сдѣланные по реализаціи капитала на постройку дороги въ министерствѣ финансовъ, находя ихъ ошибочными, тогда какъ въ нихъ никакой неправильности не оказывалось. Онъ объ одномъ и томъ же предметѣ въ кабинетѣ Рейтерна говорилъ безъ пользы по нѣсколько часовъ и въ концѣ разговора забывалъ о томъ, что было уже порѣшено въ началѣ. Такую же забывчивость онъ выказывалъ и при сужденіяхъ дѣлъ въ комитетѣ министровъ.

Нѣсколько дней позже Рейтерна пріѣхалъ изъ Вѣны въ Карлсбадъ главный секретарь главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ Фельдманъ и объявилъ, что Викерсгеймъ и участвовавшій въ его предпріятіи по Ландварово-Роменской дорогѣ, равно какъ въ весьма многихъ другихъ предпріятіяхъ, Николай Николаевичъ Сущовъ получили въ Вѣнѣ извѣщеніе, что Алексѣй Бобринскій не представилъ въ комитетъ министровъ къ 22-му іюня объ отдачѣ означенныхъ двухъ дорогъ, въ ожиданіи отвѣта на его письмо къ шефу жандармовъ Шувалову, бывшему въ то время въ Эмсѣ съ Государемъ.

Алексѣй Бобринскій, какъ говорятъ, въ этомъ письмѣ выставлялъ нерасположеніе общественнаго мнѣнія къ отдачѣ Ландварово-Роменской дороги Ефимовичу и просилъ дозволенія представить въ комитетъ министровъ о другихъ, желающихъ получить эту дорогу. Говорятъ, что Государь отвѣчалъ, что пусть отдаютъ кому хотятъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ Шуваловъ во всей этой кутерьмѣ винилъ меня за то, что я вызвалъ желающихъ и черезъ это сдѣлалъ это дѣло до такой степени гласнымъ.

5-го іюля было слушано въ комитетѣ министровъ представленіе Алексѣя Бобринскаго о передачѣ Ландварово-Роменской и Лозово-Севастопольской дорогъ и, согласно представленію, положено отдать первую—Мекку по поверстной стоимости 39.675 рублей мет., изъ коихъ $^1/_3$ негарантированными акціями и $^2/_3$ гарантированными правительствомъ облигаціями, а вторую—Губонину по поверстной стоимости 54 тыс. мет. съ гарантіею правительства на весь капиталъ общества, какъ на акціи, такъ и на облигаціи.

9-го іюля пріѣхалъ въ Карлсбадъ Викерсгеймъ съ какимъ-то значительнымъ Вѣнскимъ банкиромъ и съ Ефимовичемъ. Въ это время Сущовъ также былъ на Карлсбадскихъ водахъ. Первые представлялись Рейтерну и заявляли ему свое неудовольствіе на то, что положили большую сумму въ залогъ, издерживали вообще много денегъ и времени, будучи обезпечены обѣщаніемъ Рейтерна. Онъ имъ отвѣчалъ то же, что я говорилъ уже Викерсгейму наканунѣ посѣщенія имъ Рейтерна, а именно, что онъ долго жилъ въ Петербургѣ, чтобы знать, что министры у насъ не могутъ въ подобныхъ дѣлахъ давать окончательныхъ рѣшеній и что Рейтернъ въ отпуску не можетъ имѣть никакого вліянія на ихъ дѣла.

Рейтернъ и многіе другіе сильно подозрѣвали, что появленіе этихъ господъ у Рейтерна было только офиціальное, а что главная цѣль ихъ посѣщенія Карлсбада была видѣться съ Адлербергомъ. Но все это ни къ чему не послужило, такъ какъ вышеупомянутое положеніе комитета министровъ было утверждено Государемъ 30 іюля.

Настояніе Бобринскаго на передачу дороги Мекку, а не Ефимовичу и Викерсгейму, объясняется слѣдующимъ образомъ. Послѣдніе, увѣренные обѣщаніями, что дорога должна быть отдана имъ, и вполнѣ обезпеченные тѣмъ, что съ ними постановили всѣ условія и взяли условленный уставомъ общества залогъ, перестали хлопотать въ министерствахъ. Въ это время Меккъ заявилъ свои, болѣе выгодныя условія, чрезъ состоящаго при министрѣ путей сообщенія полковника Золотарева. Доступъ къ нему былъ облегченъ Мекку инженеромъ Духовскимъ, съ которымъ Меккъ давно былъ друженъ. Духовской состоялъ при мнѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ по должности начальника управленія желѣзныхъ дорогъ и за его замѣчательныя способности былъ мною весьма отличенъ.

Золотаревъ, желая черезъ Духовского побудить меня къ усиленной защитѣ его предположенія о новомъ направленіи желѣзной дороги на Севастополь, а по отъѣздѣ больного Владиміра Бобринскаго за границу, опасаясь, что я останусь министромъ, хотѣлъ удержаться на мѣстѣ чрезъ Духовского, съ которымъ вскорѣ сошелся такъ, что, не будучи прежде вовсе знакомъ, началъ въ разговорахъ съ Духовскимъ употреблять дружеское «ты».

При выходѣ моемъ изъ министерства, Духовской также вышелъ въ отставку. Дружеское же обращеніе съ Золотаревымъ дало ему возможность предложить послѣднему уговорить Бобринскаго написать Шувалову въ Эмсъ вышеупомянутое письмо съ тѣмъ, что Духовской въ то же время поѣдетъ самъ въ Эмсъ и лично объяснитъ Шувалову, что лицамъ, которымъ обѣщано дать деньги за полученіе концессіи, все равно получать ихъ отъ Ефимовича или отъ Мекка, но что послѣдній, какъ извѣстный строитель и капиталистъ, представляетъ болѣе увѣренности въ исправномъ исполненіи принимаемыхъ имъ на себя обязанностей и что, черезъ выдачу концессіи Мекку, прекратится общее неудовольствіе, возникшее по случаю распространенныхъ слуховъ, что дорога отдается Ефимовичу.

Въ это время сдѣлался всемогущимъ у Алексѣя Бобринскаго директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія Гейнсъ. Золотаревъ прекратилъ съ послѣднимъ вражду и, напротивъ, очень сошелся. Они вмѣстѣ и, конечно, по полученіи значительныхъ суммъ отъ Мекка уговорили Бобринскаго написать письмо Шувалову, а Духовской отправился въ Эмсъ для объясненій съ Шуваловымъ и съ клевретами княжны Долгоруковой.

Мнѣ неизвѣстна сумма, данная Меккомъ этой партіи, согласіе же на отдачу дороги Мекку было дано только съ условіемъ, чтобы Бобринскій отдалъ Лозово-Севастопольскую дорогу Губонину, которому и поверстная стоимость на эту дорогу назначена довольно значительная и, что еще важнѣе, весь капиталъ общества гарантированъ въ противность условій, предъявленныхъ всѣмъ, объявлявшимъ желаніе принять на себя означенную дорогу. Губонинъ, конечно, заплатилъ тѣмъ же лицамъ большую сумму.

Еще въ началѣ 1871 года, послѣ 40-лѣтней службы моей въ вѣдомствѣ путей сообщенія, а въ томъ числѣ 10-лѣтней при желѣзныхъ дорогахъ, я ничего не зналъ положительно о взяткахъ, даваемыхъ при полученіи концессій на желѣзныя дороги. Доходили до меня смутные объ этомъ слухи, но я большею частію имъ не вѣрилъ, и вдругъ въ началѣ 1871 года передо мною разоблачается картина этихъ злоупотребленій. Картина эта до того грязна, что, несмотря на представляемый ею интересъ, я отъ нея отвернулся и не разглядывалъ ея подробностей и потому не могу дать яснаго и точнаго ея описанія. Какъ бы дорого я далъ совсѣмъ не видать ея и не имѣть о ней понятія!

Всѣ говорятъ теперь, что Алексѣй Бобринскій недолго останется въ настоящей должности. Я противнаго мнѣнія*). Подобные люди умѣютъ держаться на мѣстахъ.

Я былъ невольнымъ свидѣтелемъ такого случая.

По окончаніи Рыбинско-Бологовской дороги, поставщики и рабочіе не были удовлетворены платою. Они въ октябрѣ 1870 года жаловались всѣмъ властямъ. Я ихъ обращалъ во вновь учрежденные суды. Шуваловъ говорилъ мнѣ, что казнѣ слѣдовало бы уплатить поставщикамъ и потомъ взыскать деньги съ кого слѣдуетъ. Я не раздѣлялъ его мнѣнія и присовокупилъ, что денегъ на уплату не имѣю. Онъ обратился къ Рейтерну, который подтвердилъ правильность моихъ словъ и присовокупилъ, что подобная уплата казною долговъ частнаго желѣзнодорожнаго общества была бы дурнымъ прецедентомъ. Шуваловъ тогда доложилъ Государю, который призвалъ Алексѣя Бобринскаго и поручилъ ему требовать удовлетворенія рабочихъ.

Бобринскій, заѣхавъ ко мнѣ, какъ къ управляющему тогда министерствомъ, для объявленія о полученномъ отъ Государя приказаніи, нашелъ

---

*) Писано въ сентябрѣ 1871 г. Я ошибся: Алексѣй Бобринскій уволенъ въ іюлѣ 1874 г.

у меня Николая Кирѣева, предсѣдателя правленія общества Рыбинско-Бологовской дороги. Чтобы заставить его заплатить поставщикамъ и рабочимъ, онъ наговорилъ послѣднему дерзостей, угрожалъ немедленнымъ арестомъ въ полиціи и т. п., такъ что я вышелъ изъ кабинета, оставивъ ихъ однихъ продолжать непривычную для меня бесѣду.

По возвращеніи Владиміра Бобринскаго, Алексѣй Бобринскій разсказалъ ему съ хвастовствомъ о своихъ поступкахъ съ Кирѣевымъ. Владиміръ Бобринскій не одобрялъ ихъ и очень совѣстился предо мною.

Сверхъ тщеславія, которымъ преисполненъ Алексѣй Бобринскій и для удовлетворенія котораго всѣ средства хороши, лишь бы удержаться на мѣстѣ, онъ для достиженія этого имѣетъ дѣятельныхъ помощниковъ въ лицахъ ему приближенныхъ, которые, сверхъ тщеславія, надѣются понажиться отъ занимаемыхъ ими должностей, что при нахальствѣ ихъ не представляетъ затрудненій.

Разскажу ничтожные, но весьма характеризующіе, вполнѣ мнѣ извѣстные два случая ихъ нахальства.

Гейнсъ, котораго А. Бобринскій почитаетъ умнѣйшимъ человѣкомъ, обо всемъ съ нимъ совѣтуется и посылаетъ своихъ ближнихъ подчиненныхъ также совѣтоваться съ нимъ, имѣлъ нахальство предложить учредителямъ Московско-Курской желѣзной дороги создать особое мѣсто директора правленія этого общества въ Петербургѣ и назначить на эту должность знакомаго Гейнса, служащаго въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Корниловича, говоря, что ему можно назначить небольшое содержаніе тысячъ пять въ годъ. По мнѣнію Гейнса, это содержаніе небольшое для человѣка, который ничего не будетъ дѣлать. Учредители общества ему въ этомъ отказали, но другія правленія не посмѣли бы отказать.

Другой случай мнѣ извѣстнаго нахальства состоитъ въ слѣдующемъ. Общества желѣзныхъ дорогъ выдаютъ, по ихъ усмотрѣнію, разнымъ лицамъ, споспѣшествовавшимъ учрежденію общества или постройкѣ дорогъ, золотые жетоны, которые даютъ право получившимъ ихъ даромъ ѣздить по дорогѣ общества, выдавшаго жетонъ. По Московско-Курской дорогѣ, въ подражаніе этому обычаю, выданы были такіе же жетоны отъ министерства. Гейнсъ, конечно, не былъ въ числѣ тѣхъ, которые ихъ получили, такъ какъ онъ никакого отношенія къ постройкѣ этой дороги не имѣлъ.

Послѣ покупки этой дороги частнымъ обществомъ, А. Бобринскій прислалъ бумагу въ правленіе общества, въ которой проситъ выдать подобные жетоны нѣсколькимъ лицамъ, не имѣвшимъ никакого отношенія къ постройкѣ дороги, и въ томъ числѣ Гейнсу. Правленіе, во избѣжаніе ссоры, согласилось. Подобныхъ нахальствъ никто прежде себѣ не позволялъ. Бѣда, когда высшія лица, или наиболѣе къ нимъ приближенныя, будутъ брать взятки отъ обществъ желѣзныхъ дорогъ и вообще дозволять себѣ разныя нахальныя требованія.

Описаніе всего замѣчательнаго, случившагося въ послѣднее трехмѣсячное управленіе мною министерствомъ путей сообщенія, потребовало бы слишкомъ много времени, и я полагаю достаточнымъ упомянуть о самомъ важномъ дѣйствіи министерства за это время, а именно, о продажѣ Московско-Курской желѣзной дороги частному обществу.

Николаевская желѣзная дорога при казенномъ управленіи приносила незначительный доходъ и потому въ 1868 году она уступлена частному обществу. Между разными конкурентами на Николаевскую желѣзную дорогу самыми серьезными были: главное общество желѣзныхъ дорогъ и товарищество Московскихъ капиталистовъ. Условія послѣдняго были выгоднѣе, за него стояло общественное мнѣніе и почти всѣ правительственныя лица.

Наканунѣ совѣта министровъ, бывшаго въ маѣ 1868 года подъ предсѣдательствомъ Государя въ Царскомъ Селѣ, всѣ были увѣрены, что Николаевская дорога будетъ продана товариществу, или останется еще нѣсколько времени въ казнѣ, но не достанется главному обществу. Государь, основываясь на заключеніи министра финансовъ, рѣшилъ продать Николаевскую дорогу главному обществу.

Рейтернъ впослѣдствіи объяснялъ мнѣ эту мѣру необходимостью поддержать цѣну акцій главнаго общества, чего, по его мнѣнію, можно было достигнуть только уступкою этому обществу Николаевской дороги, но тогда же заявилъ товариществу Московскихъ капиталистовъ, что онъ готовъ вознаградить его за понесенную неудачу уступкою Московско-Курской дороги.

Въ 1869—1870 годахъ потребовались значительныя суммы для увеличенія числа станцій этой дороги и ихъ принадлежностей и подвижного состава, на замѣну дурного балласта и поврежденныхъ уже на большомъ протяженіи рельсовъ, несмотря на ихъ недавнюю укладку, и на многія другія исправленія. Не было надежды, чтобы эта дорога, при порядкахъ казеннаго управленія, могла давать настоящій доходъ, и потому рѣшено было ускорить ея продажу. Рейтернъ и В. Бобринскій вступили немедля въ переговоры съ товариществомъ Московскихъ капиталистовъ, но послѣдній несовсѣмъ охотно. Онъ былъ убѣжденъ, что по выгодности Московско-Курской дороги нѣтъ надобности обществу, которое купитъ дорогу, дозволять выпускъ акцій и облигацій для образованія капитала общества, а что за нее общество можетъ заплатить чистымъ золотомъ 50 милліоновъ руб. и болѣе, безъ выпуска какихъ-либо бумагъ, т.-е., однимъ словомъ все то, что на нее издержано со всѣми процентами на употребленный капиталъ. Онъ увѣрялъ, что получилъ много такихъ обѣщаній отъ Англичанъ. Это ясно показываетъ, до какой степени В. Бобринскому было мало извѣстно положеніе денежныхъ рынковъ.

Къ концу 1870 года условія продажи были согласованы между обоими министрами и товариществомъ и оставалось только окончить формальности по этому дѣлу, когда правленіе общества Курско-Кіевской желѣз-

ной дороги заявило, что оно также желаетъ купить Московско-Курскую дорогу и просило повременить ея продажею до созванія общаго собранія этого общества, а правильнѣе сказать до того времени, пока предсѣдатель правленія Иванъ Григорьевичъ фонъ-Дервизъ спишется съ братомъ своимъ Павломъ Григорьевичемъ, значительнымъ акціонеромъ, живущимъ въ Ниццѣ, и получитъ согласіе послѣдняго на такую покупку. Продажа дороги была отложена, но Рейтернъ и В. Бобринскій общимъ докладомъ тогда же испросили Высочайшее повелѣніе уступить Московско-Курскую дорогу или товариществу Московскихъ капиталистовъ, или обществу Курско-Кіевской дороги, съ цѣлью не допустить къ покупкѣ Уайнанса или какое-либо другое иностранное общество.

Товарищество Московскихъ капиталистовъ уже тогда заявляло свое неудовольствіе на допущеніе конкурента, такъ какъ оно согласилось безъ противорѣчій на всѣ предложенія, которыя выставлялись обоими министрами, и было ими уже вполнѣ обнадежено. Согласія Павла фонъ-Дервиза на покупку Московско-Курской дороги не послѣдовало и правленіе общества Курско-Кіевской дороги въ концѣ февраля 1871 года увѣдомило В. Бобринскаго, что общество не находитъ для себя выгоднымъ покупку Московско-Курской дороги на условіяхъ, предложенныхъ товариществу Московскихъ капиталистовъ.

Это увѣдомленіе было получено В. Бобринскимъ уже во время его болѣзни и онъ передалъ его мнѣ, сказавъ, что онъ въ послѣднее время возымѣлъ надежду, что, при его управленіи министерствомъ, Московско-Курская дорога можетъ давать доходъ, что онъ очень привязался къ управленію этой дороги и что жаль ему ее продать, но что такъ какъ въ этомъ нельзя убѣдить Рейтерна и дѣло проведено слишкомъ далеко, чтобы его можно было измѣнить, то онъ просилъ меня его скорѣе окончить. Рѣшеніе этой продажи въ возможно скоромъ времени было необходимо, потому что управленіе дорогой шло дурно, и этому одною изъ причинъ была неувѣренность служащихъ, останутся ли они при своихъ мѣстахъ послѣ продажи.

Главнымъ руководителемъ переговоровъ съ правительствомъ, по покупкѣ дороги, товарищество избрало одного изъ своихъ членовъ Ѳеодора Васильевича Чижова, не капиталиста, но человѣка благороднаго до мозга костей, весьма умнаго и опытнаго по управленію желѣзными дорогами, что онъ выказалъ при управленіи Московско-Ярославской желѣзной дорогой.

Дружескія отношенія Чижова со мною были поводомъ къ тому, что нѣкоторыя мнѣ преданныя лица совѣтовали помедлить окончаніемъ продажи или до возвращенія В. Бобринскаго, или до того времени, какъ мое положеніе въ министерствѣ путей сообщенія разъяснится.

Я находилъ таковую осторожность излишнею. Я ни для чего бы не испортилъ дѣла, мнѣ порученнаго, а Чижовъ не только не потребовалъ бы этого, но если бъ замѣтилъ во мнѣ къ тому наклонность, то, конечно, ли-

шилъ бы меня своей дружбы. Сверхъ того, самая продажа была выгодна для правительства и откладывать ее, какъ выше изложено, было неудобно, а Рейтернъ на это откладываніе не согласился бы. Чижовъ въ продолженіе своихъ переговоровъ, веденныхъ съ Рейтерномъ и В. Бобринскимъ, никогда не говорилъ со мною о покупкѣ Московско-Курской дороги, чтобы избавить меня отъ всякихъ объясненій съ нимъ по этому предмету, а по вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ, товарищество Московскихъ капиталистовъ назначило на его мѣсто для переговоровъ съ Рейтерномъ и со мною Горбова и Мамонтова.

Главное мое настояніе въ переговорахъ состояло въ томъ, чтобы тарифъ перевозки грузовъ по дорогѣ не могъ быть возвышенъ товариществомъ противъ существовавшаго во время продажи. Товарищество на это не согласилось. Горбовъ и Мамонтовъ мнѣ указывали, что при прежнихъ переговорахъ товарищества Рейтернъ и Бобринскій согласились, чтобы о тарифѣ перевозки въ условіяхъ продажи было сказано то же, что говорится во всѣхъ уставахъ. Видя, что товарищество при этомъ получило бы право значительно возвысить тарифъ перевозки, я вышесказанныя мои условія постоянно ставилъ, какъ sine qua non продажи, и товарищество принуждено было на нихъ согласиться.

Я не буду входить въ подробное описаніе выгодъ, соблюденныхъ при продажѣ Московско-Курской дороги: онѣ видны изъ прилагаемаго въ копіи представленія моего въ комитетъ министровъ *). Ограничусь только замѣчаніемъ, что эта первая значительная продажа казеннаго имущества, которая произведена не только не въ убытокъ, но съ полученіемъ капитала болѣе того, который на него употребленъ, со всѣми наросшими на него процентами, и что это едва ли не первое значительное по суммѣ дѣло съ казною, при которомъ не потребовалось давать кому-либо взятокъ.

Московское товарищество капиталистовъ начало хлопотать о покупкѣ Московско-Курской дороги еще въ 1869 году. Въ самомъ началѣ хлопотъ по этому дѣлу раза три являлись къ Чижову разныя лица съ требованіемъ милліоновъ рублей для приведенія этого дѣла къ концу. Послѣ того они являлись съ такими же требованіями къ его компаніонамъ.

Чижовъ объявилъ этимъ господамъ, что онъ не войдетъ съ ними ни въ какія сдѣлки для пріобрѣтенія дороги, а будетъ вести дѣло чисто; компаньонамъ же своимъ объявилъ, что если узнаетъ о какой-либо взяткѣ, ими данной или обѣщанной, то откажется отъ участія въ покупкѣ дороги. Рейтернъ, которому ни Чижовъ и никто изъ его компаньоновъ не говорилъ объ означенныхъ требованіяхъ, узнавъ о нихъ, спрашивалъ Чижова, насколько въ этихъ слухахъ правды. Чижовъ разсказалъ все, какъ было, и сказавъ Рейтерну, что онъ ни въ какія незаконныя сдѣлки ни съ кѣмъ никогда не вступалъ, далъ слово, что и въ этомъ дѣлѣ въ таковыя не всту-

*) См. приложеніе III.

питъ, а если его компаніоны поступятъ иначе, то онъ откажется отъ участія въ дѣлѣ.

Впослѣдствіи Губонинъ просилъ Чижова, чтобы и его включить въ число членовъ товарищества. Чижовъ былъ готовъ на это, но отвѣчалъ, что долженъ, по полученіи письменнаго отъ Губонина предложенія, представить его своимъ компаніонамъ. Между тѣмъ Рейтернъ, узнавъ, что съ Губонинымъ участвуетъ графъ Адлербергъ, такъ что дѣло безъ взятокъ не обойдется, началъ дурно принимать члена товарищества Горбова и, по просьбѣ послѣдняго объяснить причину такого пріема, сказалъ, что онъ надѣялся на слово, данное Чижовымъ, но что слово это не сдерживается.

Когда Чижовъ, бывшій въ это время въ Москвѣ, узналъ объ объясненіяхъ Рейтерна, онъ написалъ послѣднему письмо, въ которомъ подтверждалъ, что онъ не измѣнитъ своему слову, а Губонину написалъ, что такъ какъ прошло уже болѣе мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній обѣщалъ прислать свое письменное предложеніе и его не присылаетъ, списокъ же всѣхъ членовъ товарищества уже представленъ Рейтерну, то Губонинъ не можетъ быть включенъ въ число членовъ товарищества. Рейтернъ отвѣчалъ Чижову, что онъ ему вѣритъ, и снова измѣнился къ лучшему въ отношеніяхъ своихъ къ Горбову. Само собою разумѣется, что Адлербергъ и другія лица, надѣявшіяся черезъ Губонина получить отъ товарищества значительныя суммы, были этимъ очень недовольны.

Впослѣдствіи къ Горбову и Мамонтову приходили посланные съ заявленіемъ, что если они не получатъ отъ товарищества полутора милліона рублей, то хотя бы дѣло ихъ было представлено обоими министрами и одобрено комитетомъ министровъ, то все же оно не будетъ утверждено. Но товарищество, несмотря на эти угрозы, продолжало дѣйствовать согласно обѣщанію, данному Чижовымъ Рейтерну. Впрочемъ, получающіе милліоны рублей отъ разныхъ казенныхъ операцій въ первой половинѣ мая еще не знали объ окончаніи продажи Московско-Курской дороги и досада ихъ и приближенныхъ Бобринскаго на совершившуюся продажу обнаружилась слѣдующимъ образомъ.

Инспекторъ Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, инженеръ Адамовичъ встрѣтилъ Владиміра Бобринскаго въ Вержболовѣ при возвращеніи его въ маѣ изъ за границы. Бобринскій уже поговорилъ съ Золотаревымъ, выѣхавшимъ также къ нему навстрѣчу, спросилъ Адамовича, продана ли окончательно Московско-Курская желѣзная дорога, слѣдовательно надо полагать, что Золотаревъ въ то время не зналъ о совершенномъ окончаніи продажи. При первомъ свиданіи со мною, Бобринскій меня спросилъ, кончена ли продажа, и на мой утвердительный отвѣтъ сказалъ, что этого никто не знаетъ. Черезъ три дня онъ опять меня спросилъ о томъ, что вѣрно продажа дороги не вполнѣ окончена, такъ какъ Шуваловъ ничего объ этомъ не знаетъ. Я ему повторилъ мой отвѣтъ, что продажа дороги кончена, что представленіе о ней разсматривалось въ коми-

тетѣ министровъ при Шуваловѣ и потому непонятно, какъ онъ не знаетъ о рѣшеніи этого дѣла, и что положеніе комитета министровъ объ этой продажѣ, согласно съ большинствомъ мнѣнія его членовъ, вполнѣ одобрившихъ общее представленіе мое и Рейтерна, уже Высочайше утверждено. Незнаніе Шувалова о продажѣ дороги доказываетъ только, какъ мало интересуются государственными дѣлами люди, если въ этихъ дѣлахъ они не предусматриваютъ личныхъ выгодъ.

Несмотря на выгодность продажи, въ то время старались очернить меня предположеніемъ о томъ, что я изъ личныхъ выгодъ поторопился продажею дороги, за которую товарищество дало мнѣ 1½ милліона, но я пользуюсь такимъ хорошимъ общественнымъ мнѣніемъ, что подобный разсказъ почти всѣми почитается клеветою и онъ передается только приближенными Бобринскаго, а имъ вѣрятъ не многіе. Но нельзя сказать, чтобы никто не вѣрилъ. Конечно, люди судятъ по себѣ, а вѣдь немногіе упустили бы случай нажиться при подобной продажѣ. Уже въ половинѣ мая въ Москвѣ и въ концѣ мая въ Воронежѣ нашлись добрые люди, которые разсказали сестрѣ моей А. И. Викулиной, что многіе говорятъ о взяткѣ, полученной мною съ товарищества за продажу дороги. Сестра, при первой встрѣчѣ съ Чижовымъ, не могла выдержать, чтобы не выразить ему въ моемъ присутствіи, насколько она была окорблена этими слухами, сказавъ, что она желаетъ, чтобы эта продажа была дѣломъ полезнымъ, хотя оно причинило мнѣ неисчислимый вредъ.

Я уже упомянулъ, что цѣна, за которую уступлена дорога, была опредѣлена Рейтерномъ и В. Бобринскимъ до вступленія моего въ управленіе министерствомъ путей сообщенія, такъ что я нисколько не отношу къ себѣ выгодности этой дороги.

Адлербергъ, при проѣздѣ съ Императрицей въ августѣ 1871 г. по Московско-Курской дорогѣ, всячески выказывалъ свое неудовольствіе членамъ товарищества, сопровождавшимъ поѣздъ Государыни, а Алексѣй Бобринскій распускалъ слухи, что и Государь недоволенъ продажею дороги товариществу Московскихъ капиталистовъ. Не понимаю, на какомъ основаніи А. Бобринскій вообще выказываетъ товариществу свое неудовольствіе.

Выше я сказалъ, что въ комитетѣ министровъ произошло разногласіе по дѣлу о продажѣ Московско-Курской дороги. Предсѣдатель комитета князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ былъ одинъ противъ продажи. Всѣ министры, а равно графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, который по званію предсѣдателя комитета желѣзныхъ дорогъ постоянно приглашался въ комитетъ министровъ для обсужденія желѣзнодорожныхъ уставовъ и концессій, были въ пользу представленія.

Князь Гагаринъ всегда пользовался по дѣламъ желѣзныхъ дорогъ совѣтами нѣкоего авантюриста Перозіо, который вслѣдствіе этого срываетъ взятки съ желѣзнодорожныхъ дѣятелей, имѣющихъ дѣла въ комитетѣ министровъ. Перозіо ничего не получилъ съ товарищества Москов-

скихъ капиталистовъ, и потому понятно, что Гагаринъ былъ противъ товарищества. Онъ приказалъ не назначать представленія о продажѣ къ обсужденію въ первое засѣданіе комитета послѣ полученія представленія, а отложилъ его на недѣлю, чтобы имѣть время испросить Высочайшее разрѣшеніе на приглашеніе въ комитетъ министровъ, для обсужденія продажи дороги, бывшаго министра путей сообщенія Мельникова, освѣдомясь предварительно, что Мельниковъ будетъ сильно стоять противъ продажи, а вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы дать время образоваться новой компаніи, которая конкурировала бы товариществу Московскихъ капиталистовъ въ покупкѣ дороги.

Въ слѣдующее засѣданіе комитета министровъ явился въ него Мельниковъ и въ ономъ прочтено было поданное почетнымъ гражданиномъ Поповымъ и княземъ Голицынымъ, внукомъ извѣстнаго въ Москвѣ богача князя Сергія Михайловича Голицына, тожественныя на имя Гагарина, мое и Рейтерна прошенія о продажѣ имъ дороги съ тѣмъ, что они даютъ, сколько мнѣ помнится, полтора милліона руб. болѣе товарищества.

Мельниковъ сильно поддерживалъ Гагарина въ томъ, что вообще не слѣдуетъ передавать желѣзныхъ дорогъ въ руки частныхъ обществъ, что вся Европа теперь это поняла и что даже Великобританское правительство готовится вскорѣ купить у частныхъ обществъ всѣ желѣзныя дороги, устроенныя въ Великобританіи. Откуда онъ почерпалъ эти свѣдѣнія, осталось неизвѣстнымъ.

Переходя отъ общаго вопроса о принадлежности желѣзныхъ дорогъ частнымъ обществамъ, Мельниковъ перешелъ къ вопросу о продажѣ Московско-Курской желѣзной дороги, отвергалъ выгодность продажи тѣмъ, что доходъ съ нея, по недавнему существованію, еще не вполнѣ выяснился, что, принимая въ соображеніе производительность мѣстности, онъ будетъ весьма значителенъ со временемъ, а расходъ на содержаніе ничтоженъ, вслѣдствіе ея прочности замѣчательной, по его мнѣнію, въ такой степени, что дорога эта можетъ служить образцомъ не только всѣмъ русскимъ дорогамъ, но и дорогамъ всего міра. Къ этому онъ присовокупилъ, что слова его о доходности дороги и потребности малаго расхода уже оправдываются первыми годами эксплоатаціи. Государственный контролеръ Абаза замѣтилъ при этомъ, что, къ сожалѣнію, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ контролѣ, первый годъ эксплоатаціи показалъ необходимость значительныхъ расходовъ, которые въ 1870 году поглотили если не весь, то почти весь доходъ, и присовокупилъ, что эти свѣдѣнія должны быть мнѣ извѣстны подробно.

Я подтвердилъ слова Абазы подробнымъ указаніемъ доходовъ и расходовъ. Мельниковъ возразилъ, что за расходованіе столь значительныхъ суммъ слѣдовало смѣнить начальника дороги. Въ комитетѣ министровъ, конечно, каждый членъ имѣлъ право судить о представленномъ дѣлѣ, но отнюдь не имѣетъ права входить въ распоряженія министра по назначенію или смѣнѣ ему подчиненныхъ лицъ, а потому, послѣ подобнаго,

непріятнаго замѣчанія со стороны Мельникова, я полагалъ своею обязанностію заявить комитету министровъ, что причиною значительныхъ расходовъ дурная постройка дороги и что начальника дороги Клевецкаго, не участвовавшаго въ ея постройкѣ, не только не слѣдуетъ винить за израсходованіе суммъ на приведеніе дурно построенной дороги въ порядокъ, а благодарить его за то, что онъ настоялъ на томъ, чтобы суммы, необходимыя на исправленіе дороги, были ассигнованы и за правильное ихъ употребленіе.

Необходимость этихъ исправленій была очевидна, такъ какъ въ зиму 1869-1870 года не проходило ни одного дня безъ схода съ рельсовъ одного или нѣсколькихъ поѣздовъ *), тогда какъ, принятыми начальникомъ дороги мѣрами, эксплоатація въ зиму 1870-1871 г. производилась превосходно, несмотря на сильные морозы и метели. На вопросъ Мельникова, въ чемъ состояли исправленія, я отвѣчалъ, что рельсы, заготовленные при постройкѣ дороги, не прослуживъ двухъ лѣтъ, а многіе и одного года, пришли въ совершенную негодность, а на балластъ, вмѣсто песку, была на большихъ протяженіяхъ употреблена глина, что даже было замѣчено въ журналѣ освидѣтельствованія **) дороги, что начальникъ дороги успѣлъ все перемѣнить, не останавливая движенія, несмотря на то, что въ то же время на половинѣ протяженія дороги долженъ былъ класть второй рельсовый путь, а что означенныя исправленія дѣйствительно произведены, то не только доказывается улучшеніемъ движенія по дорогѣ, но можетъ быть всегда обслѣдовано на мѣстѣ. Къ этому я прибавилъ, относительно строителя дороги, что онъ уже смѣненъ. Это послѣднее выраженіе, относившееся къ строителю дороги генералъ-маіору Семичеву, Мельниковъ могъ принять на свой счетъ, такъ какъ онъ постоянно говорилъ, что дорогу строилъ онъ самъ. На этомъ прекратились наши пререканія, потому что Мельниковъ не могъ противорѣчить очевидности. Строителя дороги Семичева выбралъ Мельниковъ и постоянно выставлялъ его не только лучшимъ, но единственнымъ въ Россіи инженеромъ. Негодные же рельсы ставилъ по контракту, заключенному въ министерствѣ, иностранецъ Букье, незадолго женившійся на дѣвицѣ Викторовой, жившей до замужества съ своей сестрой, свояченицей Мельникова, а по назначеніи его министромъ, его свояченица съ сестрой переѣхали къ нему въ домъ министерства путей сообщенія ***).

Я нисколько не хочу этимъ указать на какія-либо злоупотребленія Мельникова: мнѣ пріятно считать его въ числѣ людей, если не добросовѣстныхъ, то по крайней мѣрѣ не берущихъ взятокъ. Я приписываю это апатіи

---

*) Вслѣдствіе этихъ случаевъ Московско-Курскую дорогу не иначе называли, какъ костоломкою.

**) Это освидѣтельствованіе производилось въ бытность Мельникова министромъ, но замѣчанія, при ономъ сдѣланныя, оставлялись имъ безъ послѣдствій.

***) Конецъ 1826 и начало 1827 годовъ я провелъ въ домѣ Викторовыхъ; дочь ихъ вышла впослѣдствіи за брата Мельникова Александра Петровича.

Мельникова и неумѣстному самолюбію, не допускающему его согласиться съ тѣмъ, что онъ ошибся въ выборѣ людей. Добросовѣстнымъ же я его не считаю, что видно изъ многихъ моихъ о немъ разсказовъ; теперь приведу еще слѣдующій замѣчательный фактъ.

Недѣлю спустя послѣ описаннаго мною засѣданія комитета министровъ, Мельниковъ встрѣтилъ Клевецкаго, начальника Московско-Курской дороги, и сказалъ ему, что онъ долженъ считать себя счастливымъ, что Мельниковъ былъ приглашенъ въ засѣданіе комитета министровъ, въ которомъ разсматривалось дѣло о продажѣ Московско-Курской дороги, гдѣ онъ успѣлъ его защитить, иначе было бы ему очень дурно. Клевецкій въ этотъ же день мнѣ разсказалъ это, прибавивъ, что ему уже было извѣстно все происходившее въ комитетѣ, и онъ, озадаченный такою дерзкою ложью, не нашелся ничего отвѣтить. Какая цѣль была этой лжи, не понимаю.

Гагаринъ и Мельниковъ въ засѣданіи комитета настаивали на томъ, что, и въ случаѣ продажи дороги, она должна быть продана Попову, предлагающему болѣе выгодную цѣну, хотя имъ ничего не было представлено въ доказательство исправности уплаты. На это Рейтернъ возразилъ, что по Высочайше утвержденному докладу его и Бобринскаго предназначено продать дорогу или товариществу Московскихъ капиталистовъ, или обществу Курско-Кіевской дороги, и что затѣмъ никакія заявленія о покупкѣ дороги другими лицами не могутъ быть принимаемы. Что же касается до предложенія Попова, то Рейтернъ видѣлъ его наканунѣ и на вопросъ, знаетъ ли онъ, въ чемъ состоятъ условія продажи, Поповъ сознался въ совершенномъ ихъ незнаніи. Поэтому Рейтернъ полагалъ, что съ подобнымъ покупщикомъ, надбавляющимъ продажную сумму, которая ему, равно какъ и всѣ прочія условія продажи, неизвѣстна, не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ входить въ какія-либо соглашенія.

За три дня до слушанія представленія о продажѣ Московско-Курской дороги въ комитетѣ министровъ, Поповъ и К⁰ пріѣзжали къ Чижову въ Москвѣ и требовали участія въ дѣлѣ, или отступныхъ, угрожая предложить болѣе высокую цѣну, и, получивъ отказъ отъ Чижова, прибыли въ Петербургъ наканунѣ слушанія означеннаго представленія въ комитетѣ министровъ, не имѣя понятія объ условіяхъ продажи, соглашенныхъ съ товариществомъ Московскихъ капиталистовъ.

Засѣданіе комитета министровъ, въ которое былъ приглашенъ Мельниковъ, кончилось вопросомъ къ нему Гагарина, что такъ какъ весь комитетъ, за исключеніемъ ихъ, Гагарина и Мельникова, единогласно одобряетъ представленіе мое и Рейтерна о продажѣ Московско-Курской желѣзной дороги, то онъ присоединяется къ этому единогласному мнѣнію, если на то же согласится Мельниковъ. Но послѣдній возразилъ, что въ такомъ случаѣ онъ, не будучи членомъ комитета, могъ бы не подписывать журнала засѣданія; если же онъ обязанъ его подписать, то желаетъ, чтобы его мнѣніе было изложено въ журналѣ, что и было исполнено, такъ что въ ономъ

было два мнѣнія совершенно противоположныя: одно Гагарина и Мельникова, а другое всѣхъ министровъ и графа Строганова.

Я всегда чувствовалъ важность статистики желѣзныхъ дорогъ. Эта часть на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ въ совершенномъ младенчествѣ. Единственное ея проявленіе заключалось въ изданныхъ департаментомъ желѣзныхъ дорогъ двухъ сборникахъ статистическихъ свѣдѣній по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ; послѣдній изъ нихъ за 1867 годъ вышелъ въ 1869 году.

Въ этихъ сборникахъ печатались: а) правительственныя распоряженія по желѣзнымъ дорогамъ, уставы, концессіи и договоры; б) краткое историческое описаніе построенныхъ и строющихся дорогъ, съ показаніемъ на первыхъ изъ нихъ: построенныхъ сооруженій и ихъ ремонта, а на вторыхъ: въ какомъ положеніи находятся работы, и в), извлеченіе изъ представленныхъ управленіями дорогъ отчетовъ по эксплоатаціи.

Послѣдняя часть была неполна: свѣдѣній, имѣющихся по одной дорогѣ, не было приведено по другой; не было никакой системы; все зависѣло отъ большей или меньшей подробности отчетовъ правленія разныхъ дорогъ, такъ какъ эти отчеты служили для составленія означенной части сборника. Во время моего управленія я хотѣлъ привести эту часть статистики желѣзныхъ дорогъ въ большій порядокъ. Я былъ обезпеченъ въ томъ, что этотъ важный и многосложный трудъ будетъ приведенъ къ концу съ успѣхомъ, надеждою на содѣйствіе стараго товарища, отставного инженеръ генералъмаіора Александра Ивановича Баландина, человѣка горячо преданнаго этому дѣлу и, въ продолженіе 10-лѣтняго своего пребыванія въ Парижѣ, много занимавшагося статистикой французскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Для задуманнаго мною труда онъ составилъ весьма раціональныя формы таблицъ о результатахъ эксплоатаціи и наполнилъ ихъ данными за 1867, 1868 и 1869 годы, которыя были собраны съ большими затрудненіями. Формы для таблицъ съ свѣдѣніями о количествѣ подвижного состава, его пробѣгѣ, о сооруженіяхъ, имѣющихся на дорогѣ, и вообще для разныхъ техническихъ свѣдѣній были мною приняты, по образцу Прусскихъ таблицъ, съ незначительными измѣненіями и нѣкоторыми уменьшеніями, обусловленными малымъ развитіемъ статистической части по многимъ нашимъ дорогамъ. Для составленія этихъ таблицъ за 1869 и 1870 годы данныя были вытребованы мною отъ правленій желѣзныхъ дорогъ. Трудъ этотъ былъ порученъ, по многосложности его и спѣшности, разнымъ лицамъ и потому оказалось, что въ разныхъ таблицахъ нѣкоторыя числа между собою не соотвѣтствуютъ. Ясно, что одно изъ двухъ несообразныхъ между собою чиселъ невѣрно; не поручусь, чтобы и оба были вѣрны. Но большой многосложный трудъ всегда начинается ошибками, которыхъ число, конечно, съ каждымъ годомъ должно уменьшаться. Не знаю, какъ пойдетъ это дѣло въ слѣдующіе годы, въ мое же управленіе не успѣли приготовить и перваго образца. Теперь (19 сентября 1871 года) для нача-

таго при мнѣ статистическаго сборника за 1868 и 1869 годы напечатаны: а) правительственныя распоряженія по желѣзнымъ дорогамъ, уставы, концессіи и договоры за эти два года, и б) всѣ вышеупомянутыя таблицы, которыя составятъ второй томъ сборника *).

Для окончанія же перваго тома сборника не достаетъ историческаго описанія дорогъ за 1868 и 1869 годы, составленіе котораго было мною поручено коммисару отъ правительства по наблюденію за перевозкою грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, Степанову, а онъ, воспользовавшись моимъ выходомъ изъ министерства, почти ничего не сдѣлалъ. Я объ этомъ упоминаю, чтобы показать, до какой степени большая часть нашихъ чиновниковъ мало заботятся о поручаемыхъ имъ дѣлахъ. Необходимо безпрерывно ихъ погонять. Степановъ еще человѣкъ способный и легко могъ бы исполнить порученную ему работу, а много ли способныхъ?

Для окончанія этой главы «Моихъ воспоминаній» мнѣ остается только вкратцѣ разсказать о томъ, гдѣ я перебывалъ въ послѣдніе семь мѣсяцевъ 1871 года.

Главное общество желѣзныхъ дорогъ 8 іюня дало мнѣ въ распоряженіе для проѣзда въ Варшаву прекрасный вагонъ изъ, такъ называемыхъ, Варшавскихъ, а общество Варшавско-Вѣнской и Бромбергской дорогъ, для проѣзда до Австрійской границы,—одинъ изъ вагоновъ, устроенныхъ имъ для проѣзда Императорской Фамиліи.

Намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, графъ Бергъ, узнавъ, что я остаюсь въ Варшавѣ только нѣсколько часовъ, прислалъ нарочнаго на станцію желѣзной дороги, просить меня заѣхать къ нему въ дорожномъ платьѣ. Личность Берга принадлежитъ исторіи и потому многіе, болѣе знакомые съ этою личностію и болѣе искусные, конечно, опишутъ ее, а я ограничусь только разсказомъ, что вызывалъ меня къ себѣ онъ изъ любопытства узнать причины моего выхода изъ министерства. Замѣтивъ, хотя изъ весьма краткаго и туманнаго моего разсказа, что я вышелъ по неудовольствію Государя, онъ, не видя болѣе во мнѣ власти, не продолжалъ разговора объ этомъ предметѣ и только приглашалъ меня ѣхать обратно непремѣнно черезъ Варшаву и въ то время у него обѣдать, такъ какъ, по его словамъ, мнѣ извѣстно, какъ онъ меня любитъ и какъ онъ цѣнитъ всякій часъ, проведенный со мною. Эти любезности очень обыкновенны у Берга.

Оставшіеся два часа до отхода поѣзда въ Вѣну я провелъ у начальника XI округа путей сообщенія инженеръ генералъ-лейтенанта Эрнеста Ивановича Шуберскаго, который меня проводилъ на станцію. Онъ въ это время собирался тоже за границу не лечиться, а прогуляться. Возвращаясь изъ-за границы, въ Варшавѣ 5 августа, я хотѣлъ видѣть Шуберскаго. Спросивъ на станціи, воротился ли Шуберскій, узналъ, что онъ

*) Оба тома вышли въ мартѣ 1872 г.

съ мѣсяцъ тому назадъ умеръ въ Берлинѣ скоропостижно. Шуберскій былъ отличный человѣкъ, весьма образованный, но вспыльчивый и дурно воспитанный, и поэтому я часто съ нимъ ссорился, въ особенности состоя у него въ 1836 году помощникомъ по устройству Тульскаго оружейнаго завода, но большею частію я находился съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Извѣстіе объ его кончинѣ было для меня очень горестно.

На Австрійской границѣ, по пути въ Карлсбадъ, я пересѣлъ въ Австрійскій вагонъ, собственно для меня приготовленный, вслѣдствіе сношенія Варшавскаго управленія Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги съ управленіемъ сѣверной дороги Императора Фердинанда. Варшавское управленіе увѣдомило, что я ѣду на Вѣну, тогда какъ я ѣхалъ на Прагу и черезъ это я долженъ былъ вскорѣ оставить мой вагонъ и пересѣсть въ общій. Путь на Прагу пренесносный: нѣсколько разъ обмѣниваютъ вагоны и сидятъ долго на нѣкоторыхъ станціяхъ, росписанія поѣздовъ не продается, а кондуктора не заявляютъ о продолжительности остановокъ, такъ что не знаешь, гдѣ можно поѣсть. Впрочемъ, это и кстати, потому что ѣда на станціяхъ дурная.

Въ Прагѣ я остановился въ гостинницѣ «Черный Конь», которою остался очень доволенъ. Въ одинъ день, проведенный мною въ этомъ городѣ, я могъ осмотрѣть его только поверхностно. Многія изъ его улицъ поражали меня своимъ великолѣпіемъ. Видѣнныя мною древности, католическія церкви, еврейская синагога и древнее еврейское кладбище достойны особеннаго вниманія. Вообще видъ города и его окрестностей произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Изъ Праги поѣхалъ я по желѣзной дорогѣ до Колютау, а отсюда въ коляскѣ до Карлсбада, такъ какъ желѣзная дорога на этомъ протяженіи еще строится. Мѣстность прекрасная, но я ее почти не видалъ: все время шелъ дождь и было холодно такъ, что коляска, въ которой я ѣхалъ, была совсѣмъ закрыта.

Въ Карлсбадѣ, по моей телеграммѣ, къ моему пріѣзду была готова квартира въ домѣ Stadt Wien на Marienbaden Strasse, въ которомъ я уже жилъ въ 1867 и 1869 годахъ. Квартира была въ нижнемъ этажѣ, а этотъ этажъ во всѣхъ Карлсбадскихъ домахъ постоянно сыръ. Въ этомъ же году сырость была еще больше, вслѣдствіе недавняго наводненія и постоянной скверной погоды. Я заявилъ владѣлицѣ дома, что непремѣнно переѣду, если мнѣ не дадутъ другой квартиры въ домѣ; но это было тщетно. Недѣлю позже меня пріѣхалъ въ Карлсбадъ управляющій придворною медицынскою частію лейбъ-медикъ Ѳеодоръ Степановичъ Цицуринъ. Зайдя ко мнѣ, онъ воспретилъ оставаться въ моемъ сыромъ помѣщеніи, а потому я началъ рѣшительно отыскивать новую квартиру. Тогда владѣлица Stadt Wien предложила мнѣ квартиру въ третьемъ этажѣ (Zweiter Stock), которая должна была освободиться черезъ нѣсколько сутокъ, а до того времени я нанялъ для ночлега комнату въ гостиницѣ въ верхнемъ этажѣ (болѣе 100 ступеней). Такимъ образомъ я одно время имѣлъ въ Карлсбадѣ двѣ квартиры.

Новое помѣщеніе въ Stadt Wien было сухое. Противъ домовъ черезъ улицу Marienbaden-Strasse расположены садики, рѣдкость въ Карлсбадѣ. Изъ окошекъ видна гора съ прекрасною растительностью. Но низменность мѣстности причиною тому, что въ дождливое лѣто даже и въ третьемъ этажѣ чувствуется сырость и окна должно затворять очень рано. Поэтому слѣдуетъ предпочитать помѣщенія въ домахъ, расположенныхъ на болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, на горѣ надъ Шлосъ-бруномъ.

Въ Карлсбадѣ я былъ въ пятый разъ. Въ каждое мое посѣщеніе Карлсбада я находилъ въ немъ все болѣе и болѣе Русскихъ. Въ сезонъ 1871 года было ихъ очень много; тутъ была и высшая аристократія, и богатое купечество, и бѣдные люди. Представители всѣхъ высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи были на лицо. Генераловъ и флигель-адъютантовъ было столько, что не зачѣмъ было бы имѣть большаго числа и во всей Россіи.

Пребываніе въ Карлсбадѣ всегда скучно, ѣда дурная, но съ увеличеніемъ числа русскихъ гостей ѣда съ каждымъ годомъ улучшается. Въ это посѣщеніе я не такъ скучалъ, благодаря въ особенности присутствію Цицурина и тому, что я нашелъ въ Карлсбадѣ дочь моего покойнаго двоюроднаго брата, поэта барона Антона Антоновича Дельвига, Лизу и сестру ея по матери Александру Сергѣевну Баратынскую, которыхъ я очень люблю и давно не видалъ. Съ Цицуринымъ я много ходилъ и ѣздилъ по окрестностямъ.

Въ Карлсбадѣ я провелъ пять недѣль. Воды, какъ и въ прежнія мои посѣщенія, очень хорошо на меня подѣйствовали, и я располагалъ, заѣхавъ дня на два въ Ишль, согласно обѣщанію, данному мною Чевкину, который тамъ проводилъ все лѣто 1871 года, отдохнуть недѣли двѣ на Лаго-Маджіоре, гдѣ въ это время находилась моя родная племянница Валентина Семеновна Засѣцкая съ мужемъ и дѣтьми. Засѣцкіе постоянно разъѣзжали по Европѣ, и я, не видавъ ихъ три года, очень желалъ ѣхать на Лаго-Маджіоре, но Цицуринъ совѣтовалъ, для здоровья, всѣ двѣ недѣли отдыха провести въ Ишлѣ и каждый день брать соленыя ванны, которыя находилъ для меня очень полезными.

17-го іюля я выѣхалъ изъ Карлсбада въ Ишль. Цицуринъ провожалъ меня до Егера, откуда мы съ нимъ ѣздили во Франценсбадъ, гдѣ онъ желалъ видѣть бывшаго министра Императорскаго двора графа Владиміра Ѳеодоровича Адлерберга и С. Петербургскаго оберъ-полиціймейстера генералъ-адъютанта Трепова. Къ послѣднему заходилъ и я, онъ только что оправлялся отъ страшной операціи, которую ему сдѣлали въ Берлинѣ, и полагалъ скоро ѣхать въ Петербургъ, не зная, что ему вскорѣ должно будетъ подвергнуться новой операціи. Отъ него это скрывали съ тѣмъ, чтобы дать время ему окрѣпнуть послѣ испытанныхъ имъ страданій, но это такой энергическій человѣкъ, что съ нимъ подобныя предосторожности кажутся излишними. Обѣдалъ я въ Франценсбадѣ у Стояновскихъ, съ которыми часто видѣлся въ Карлсбадѣ, гдѣ жена Стояновскаго въ 1871 г.

пила воды. Они пришлись мнѣ по сердцу. Съ мужемъ, бывшимъ товарищемъ министра юстиціи, а теперь сенаторомъ, я былъ знакомъ прежде, но съ женою, урожденною Олениной, познакомился только въ Карлсбадѣ.

Въ тотъ же день поѣхалъ я по Баварской желѣзной дорогѣ въ Гмунденъ, гдѣ кончается желѣзная дорога. Въ Егерѣ нельзя было взять прямого билета до Гмундена и даже до Лайбаха, желѣзнодорожной станціи, на которой поворотъ къ Гмундену. Я взялъ билетъ до Вельса. На этой станціи остановка поѣзда до того кратковременна, что не успѣли выбрать изъ багажа моего чемодана и шляпной коробки, адресованныхъ только до Вельса. Я принужденъ былъ ожидать обратной доставки моего багажа въ Вельсѣ. Прибылъ только одинъ чемоданъ, и я съ слѣдующимъ поѣздомъ отправился въ Гмунденъ.

Вся мѣстность величественная. Желѣзная дорога проведена по ней узкоколейная съ весьма значительными уклонами и кривыми, описанными малыми радіусами. Баварская желѣзная дорога, по которой я проѣхалъ, самая несносная: вагоны грязные, служащіе при дорогѣ грубы, кондукторовъ при поѣздѣ очень мало. Никто не называетъ станціи, при которой поѣздъ остановился, никто не предувѣдомляетъ пассажировъ о продолжительности остановки на станціи, никто не отворяетъ дверей у вагоновъ. Пассажиры полагаютъ, что остановка непродолжительна, а выходитъ напротивъ, и пассажиры сидятъ взаперти. Кондуктора требуютъ, чтобы пассажиры, вышедшіе изъ вагоновъ, садились гораздо ранѣе, чѣмъ назначенъ срокъ отхода поѣзда, и заставляютъ ихъ, такимъ образомъ, сидѣть долго въ вагонахъ безъ всякой надобности. На станціи Швандорфъ остановка продолжается почти полтора часа; никто объ этомъ не предувѣдомилъ пассажировъ и не отворилъ дверей въ вагонахъ. Посидѣвъ нѣсколько минутъ въ вагонѣ на станціи и освѣдомясь о продолжительности остановки, я вмѣстѣ съ другими пассажирами I-го класса вышелъ въ пассажирскій домъ, въ которомъ всегда двѣ небольшія комнаты, переполненныя пассажирами, догадавшимися выйти изъ вагоновъ прежде меня. Былъ 10-ый часъ вечера. Готоваго кушанья на столѣ нѣтъ; прислуга только мальчикъ и дѣвочка. Я обратился къ послѣдней, спросилъ у ней о томъ, что есть готоваго, и заказалъ, согласно ея указанію. Четверть часа ничего мнѣ не подавали и на мой вопросъ объявили, что заказанное мною блюдо все вышло. Я просилъ подать что есть на кухнѣ, и мнѣ подали что-то не совсѣмъ удобоѣдомое. Не могу надивиться терпѣнію нѣмецкой публики, у насъ подняли бы за все это страшный шумъ. Русскіе путешественники въ чужихъ краяхъ не требовательны, а вернувшись къ себѣ, имѣютъ духъ хвалить порядки, относительно пассажировъ, иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ и бранить порядки своихъ дорогъ

Гмунденъ прекрасный городокъ съ очень хорошею гостиницею, въ которой я хорошо отобѣдалъ и поѣхалъ далѣе не на пароходѣ, какъ это обыкновенно дѣлается, а въ коляскѣ по берегу озера до г. Эбензее и отъ этого города по берегу р. Траушъ до Ишля. Погода была великолѣпная и совер-

шенно соотвѣтствовала мѣстности, на которой устроено много виллъ и между прочими бывшаго короля Ганноверскаго, братьевъ бывшаго великаго герцога Тосканскаго, графа Шамберга и многихъ другихъ. Государямъ, лишившимся своего престола, конечно, трудно выбрать лучшее мѣсто для жизни, чѣмъ окрестности Ишля, гдѣ воздухъ такой живительный и успокаивающій.

Передъ самымъ моимъ въѣздомъ въ Ишль, начался дождь съ сильною грозою, и если бъ Чевкинъ по моей телеграммѣ не приготовилъ мнѣ помѣщенія въ гостинницѣ «Эрцгерцогъ Карлъ», то пришлось бы мнѣ ночевать на улицѣ, такъ какъ всѣ дома были наполнены пріѣзжими. Конечно, я не буду описывать окрестностей Ишля, онѣ давно описаны. Скажу только, что озера, составленныя р. Траушъ: Грюндельзее, Пяктадензее и Эбензее, производятъ, особливо первое, какое-то успокаивающее дѣйствіе. Не менѣе красива мѣстность Газаузее и Антерзее и всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ этимъ и другимъ озерамъ.

Столъ въ гостиницахъ хорошъ. Я, впрочемъ, почти каждый день обѣдалъ у Чевкиныхъ. Они были со мною все время весьма любезны. Мы ѣздили въ разныя дальнія прогулки, но и тутъ Чевкинъ успѣлъ заставлять уставать всѣхъ, употребляя на прогулки по 13 час. въ сутки, что въ особенности было затруднительно для меня, такъ какъ я каждый день бралъ ванны. Но что меня очень удивляло, это видѣть Чевкина безъ письменныхъ занятій: мнѣ казалось, что онъ и одного дня не можетъ провести безъ нихъ. Въ Ишлѣ я познакомился съ Чихачевымъ, извѣстнымъ русскимъ путешественникомъ, жившимъ послѣднюю зиму во Флоренціи, гдѣ жили въ то время и Засѣцкіе. Чихачевъ, не подозрѣвая моего родства съ Засѣцкими, разсказывалъ о необыкновенныхъ способностяхъ одной русской дѣвочки во Флоренціи, именно, дочери Засѣцкихъ, Ольги.

Ванны Ишля были мнѣ полезны, и я сожалѣю, что ограничился 12 ваннами. Я назначилъ свой выѣздъ 31 іюля. Не любя перемѣнять своихъ назначеній и желая скорѣе воротиться къ женѣ, я не отложилъ своей поѣздки. Въ этотъ же день назначенъ былъ въѣздъ Германскаго императора въ Ишль, и я очень радъ былъ, что не увижу виновника, можетъ быть и невиннаго, всѣхъ горестныхъ происшествій 1870 и 1871 годовъ. Но пріѣздъ его былъ ускоренъ однимъ днемъ. Чтобы не видѣть торжественнаго въѣзда, наводящаго на меня грустныя воспоминанія, я въ часъ, назначенный для въѣзда, пошелъ за городъ. Между тѣмъ императоры запоздали, и когда я возвращался домой, то прямо наткнулся на коляску, въ которой сидѣли оба императора, и на нѣсколько колясокъ, за ними слѣдовавшихъ. Встрѣтилъ я ихъ на площади, противъ моей гостиницы. Площадь была почти пустая. Я слышалъ, что и встрѣча ихъ при въѣздѣ въ городъ не отличалась многолюдностію.

На другой день 31 іюля я выѣхалъ изъ Ишля въ Гмунденъ въ колясскѣ. Кучеръ, меня везшій, заявилъ, что въ Ишлѣ были оскорблены тѣмъ, что императоръ Германскій сидѣлъ въ коляскѣ по правую руку, а Австрій-

скій—по лѣвую. Я вздумалъ быть миротворцемъ и замѣтилъ, что этого требовала вѣжливость хозяина къ гостю. Кучеръ отвѣчалъ, что они это не такъ понимаютъ, а считаютъ это униженіемъ для Австріи и ихъ императора. Тогда я его спросилъ, знаетъ ли онъ, откуда я, и на утвердительный отвѣтъ его съ добавленіемъ, что Россія держава могущественная, спросилъ его, слыхалъ ли онъ про отца нашего Государя. Онъ назвалъ его Kaiser-Nicolaus, и я ему объяснилъ, что этотъ Kaiser, столь могущественный и уже въ лѣтахъ, принимая въ Варшавѣ ихъ императора, сажалъ его, конечно, только изъ учтивости къ гостю, по правую руку. Мой австріецъ успокоился и хотѣлъ это разъяснить своимъ товарищамъ.

Въ тотъ же день вечеромъ я былъ въ Вѣнѣ, гдѣ, противъ ожиданія, нашелъ прекрасную спальню съ салономъ въ Грандъ-Отелѣ, устроенномъ съ большимъ вкусомъ и комфортомъ. Нельзя было не позавидовать, сравнивая эту гостиницу съ Петербургскими. На другой день, въ воскресенье, былъ у обѣдни и познакомился съ протоіереемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Раевскимъ, человѣкомъ весьма замѣчательнымъ. Съ нимъ провелъ я большую часть времени, которое я остался въ Вѣнѣ. Послѣ обѣдни пошелъ я гулять по улицамъ. Онѣ были пусты и магазины всѣ заперты по случаю воскреснаго дня. Я думалъ, что Вѣна пуста, но вечеромъ, послѣ обѣда, былъ пораженъ необыкновенною многолюдностію, и каждый вечеръ повторялось тоже самое. Днемъ 3/15 Августа, по случаю праздника Успенія Богородицы, было также пусто.

Всѣ вечера проводилъ я на загородныхъ гуляньяхъ, весьма многолюдныхъ. Вѣна въ послѣднее время совершенно перестроилась, появились цѣлыя улицы дворцовъ прекрасной архитектуры, такъ что она кажется лучшимъ городомъ въ Европѣ. Давно ли Петербургъ считался наряду лучшихъ городовъ, но теперь онъ чрезвычайно отсталъ отъ Парижа, Лондона и Вѣны. Даже Берлинъ, въ новыхъ своихъ частяхъ, имѣетъ лучшія строенія, чѣмъ Петербургъ. Эта отсталость, доказывающая, что богатство тихо у насъ развивается, произвела на меня грустное впечатлѣніе. 4/16 Августа я выѣхалъ изъ Вѣны и 6-го былъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ нашелъ жену здоровою. Постоянная работа въ саду дачи, которую я купилъ въ 1870 году въ Царскомъ Селѣ, подкрѣпила ея физическія силы, а размышленіе, что я по службѣ достигъ спокойствія, именно того, чего она всегда желала, вполнѣ успокоило ее нравственно.

По званію моему сенатора и члена комитета желѣзныхъ дорогъ *) и по нахожденію въ инженерномъ корпусѣ, я нашелъ нужнымъ, по возвращеніи изъ отпуска, быть у министра юстиціи графа Палена, у предсѣдателя комитета желѣзныхъ дорогъ графа Строганова и у военнаго министра Милютина.

Графа Палена я нашелъ весьма разстроеннымъ. Онъ цѣлый часъ говорилъ о неудовлетворительномъ, по его мнѣнію, ходѣ процесса политиче-

*) Позже объяснилось, что я болѣе не членъ этого комитета.

скаго преступника Нечаева, надѣлавшаго столько шуму. Видно было изъ его словъ, что Государь очень недоволенъ и ходомъ этого процесса въ Судебной Палатѣ, и приговорами ея, а такъ какъ Паленъ настоялъ, какъ говорили, чтобы процессъ былъ веденъ по новымъ судебнымъ уставамъ, то, конечно, на него и пало все неудовольствіе.

Процессъ этотъ, конечно, будетъ всегда памятенъ, какъ первый политическій процессъ, веденный обыкновеннымъ законнымъ порядкомъ, и я его описывать не буду. Я намекнулъ Палену, что полагаю быть назначеннымъ для присутствованія въ первый департаментъ Сената, но онъ возразилъ, что туда недавно назначенъ сенаторъ Петерсъ, а я назначаюсь въ межевой департаментъ. Я не противорѣчилъ: мнѣ было все равно, въ какомъ бы департаментѣ Сената ни кончить мою службу.

Въ межевомъ департаментѣ разсматриваются, сверхъ межевыхъ дѣлъ всей Имперіи, гражданскія дѣла всего Кавказа и Бессарабской области. Въ обоихъ краяхъ существуютъ мѣстные законы, представляющіе нѣкоторыя затрудненія въ дѣлахъ, восходящихъ до Сената.

Графъ С. Г. Строгановъ показалъ видъ, что онъ не знаетъ о томъ, что я удаленъ изъ министерства путей сообщенія по непріятностямъ, или дѣйствительно онъ можетъ быть не понималъ этого, очень огорченный потерею невѣстки, жены его сына Николая, урожденной княжны Васильчиковой. Мнѣ тѣмъ болѣе показался страннымъ разговоръ Строганова, что онъ при каждой встрѣчѣ со мною въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ повторялъ мнѣ: «Мужайтесь, мужайтесь», тогда какъ я ему не подавалъ никакого повода къ употребленію такихъ выраженій. Когда я въ короткихъ словахъ объяснилъ Строганову способъ моего удаленія, онъ сказалъ, что это шагъ назадъ, чтобы лучше вскочить (un pas en arriere pour mieux sauter), такъ какъ, по его мнѣнію, безъ меня не обойдутся. Это я слышу поминутно отъ многихъ. Можетъ быть и дѣйствительно такъ думаютъ, а можетъ быть думаютъ мнѣ этимъ сдѣлать удовольствіе, не понимая, до какой степени я самъ доволенъ, что отдѣлался отъ мѣста.

Впослѣдствіи графъ Строгановъ, по переѣздѣ моемъ въ Петербургъ, былъ у меня нѣсколько разъ, но не заставалъ дома, а въ мои посѣщенія къ нему выражалъ сожалѣніе о моемъ увольненіи изъ министерства и о случаѣ, приведшемъ къ этому результату. Всегда со всѣми холодный, сдержанный, онъ былъ со мною, напротивъ того, очень сердеченъ и, между прочимъ, подавая руку, въ особенности при прощаніи, крѣпко жалъ мою, въ противность своему обыкновенію.

Милютинъ выразилъ мнѣ и удивленіе и неудовольствіе, говоря о назначеніи Алексѣя Бобринскаго и о моемъ удаленіи. Онъ присовокупилъ, что шефъ жандармовъ Шуваловъ, конечно, не упустилъ случая, чтобы пилить Государя наговорами на меня и, наконецъ, достигъ цѣли.

30-го августа бываетъ торжественное церковное шествіе изъ Исакіевскаго собора въ Александро-Невскую Лавру. Шествіе сопровождаютъ три младшіе Александровскіе кавалера и одинъ сенаторъ.

Всѣ Александровскіе кавалеры оказались къ этому дню или въ отсутствіи, или больными, такъ что могли найти только двухъ: Крузенштерна и меня. Кромѣ насъ въ шествіи были сенаторъ Хвостовъ, церемоніймейстеръ Бенардаки и нѣсколько чиновниковъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

1-го сентября я началъ ѣздить въ засѣданія межевого департамента Правительствующаго Сената. Никакихъ дѣлъ, достойныхъ войти въ «Мои воспоминанія», со времени моего поступленія и до сего дня (20 сентября) не случилось.

1-го сентября мы были обрадованы пріѣздомъ изъ деревни сестры моей Викулиной и ея дочери Эмиліи, которыя у насъ гостятъ до нашего переѣзда въ Петербургъ.

11-го сентября вошелъ ко мнѣ лейбъ-медикъ Здекауэръ съ вопросомъ: «Зачѣмъ назначаютъ сумасшедшихъ министрами?» Я не понялъ, къ чему былъ этотъ вопросъ. По уходѣ же его прочиталъ, что 2-го сентября Владиміръ Бобринскій по прошенію уволенъ отъ должности, а управляющимъ министерствомъ назначенъ Алексѣй Бобринскій. Итакъ, Шуваловская партія достигла своей цѣли, но какими средствами? Она разстроила умственно и нравственно одного изъ своихъ—Владиміра Бобринскаго, котораго уже больного притащила изъ-за границы въ Петербургъ для довершенія своихъ происковъ и не поскупилась клеветами для очерненія меня передъ Государемъ. Говорятъ, что Владиміру Бобринскому три раза предлагали взять назадъ просьбу объ увольненіи, но онъ не соглашался, отговариваясь болѣзнію.

16-го сентября я встрѣтилъ въ вагонѣ Царско-Сельской дороги Золотарева, который мнѣ сказалъ, что былъ у Владиміра Бобринскаго въ Интерлакенѣ и нашелъ его въ гораздо худшемъ положеніи. На замѣчаніе мое, что, во время его пріѣзда въ маѣ, я нашелъ гораздо лучше и имѣлъ полную надежду, что здоровье его поправится, Золотаревъ мнѣ сказалъ, что вытерпѣнныя имъ непріятности по извѣстному мнѣ дѣлу совершенно его разстроили, такъ что онъ не могъ никого видѣть въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Петербургѣ. Этимъ и объясняется, что онъ не видался со мною по возвращеніи изъ поѣздки съ Государемъ до Прусской границы и что онъ уѣхалъ не простясь со мною.

1-го сентября вернулся Чевкинъ въ Петербургъ, двѣ недѣли мы другъ друга не заставали, и наконецъ я его нашелъ дома 15-го сентября. Онъ мнѣ объявилъ, что его безпрерывно просятъ уговорить меня вступить въ совѣтъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ съ тѣмъ, чтобы занять въ немъ мѣсто предсѣдателя, и что это очень желательно Чевкину. Графъ Григорій Александровичъ Строгановъ, мужъ великой княгини Маріи Николаевны, передъ этимъ за недѣлю отказался отъ мѣста предсѣдателя совѣта. Я отвѣчалъ отказомъ. Чевкинъ нѣсколько разъ принимался за тотъ же разговоръ, находя, что я обязанъ быть полезнымъ Россіи, но я продолжалъ рѣшительно отказываться. Причина моего отказа—частію нежеланіе стать

въ какія бы то ни было отношенія къ Алексѣю Бобринскому и его приближеннымъ, а еще болѣе запущенность управленія въ главномъ обществѣ, которое, по моему мнѣнію, требуетъ совершенной реорганизаціи, чего достигнуть считаю слишкомъ затруднительнымъ.

Чевкинъ говорилъ мнѣ, что обращались съ просьбою принять это мѣсто къ Петру Александровичу Валуеву, бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, который самъ желаетъ занять это мѣсто, но опасается принять его по слѣдующей причинѣ. Въ настоящее время вакантное мѣсто члена совѣта замѣщается по выбору совѣта съ тѣмъ, что выбранныя лица должны быть утверждены баллотировкою въ первомъ общемъ собраніи акціонеровъ, которое будетъ 15 мая 1872 года. Валуевъ опасается, что выбранный теперь совѣтомъ, онъ будетъ забаллотированъ общимъ собраніемъ. На замѣчаніе мое, что это опасеніе напрасное, Чевкинъ отвѣчалъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе Валуева и что, сверхъ того, Валуевъ, какъ предсѣдатель общества, будетъ безполезенъ. Съ послѣднимъ и я вполнѣ согласенъ.

Если бы я согласился поступить въ члены совѣта для занятія мѣста предсѣдателя, то также долженъ быть избранъ наличными членами совѣта, сначала въ члены, а потомъ въ предсѣдатели. Я же полагаю, что необходимо, для улучшенія дѣлъ главнаго общества, уничтожить самое учрежденіе совѣта въ настоящемъ его видѣ, безъ чего я не могъ бы принести пользу. Каково же было бы мнѣ наносить руку на лица, меня избиравшія?

26-го сентября Колесовъ пріѣзжалъ ко мнѣ, чтобы предварить меня, что Н. Н. Сущовъ хотѣлъ заѣхать ко мнѣ съ предложеніемъ мѣста члена совѣта. Къ этому Колесовъ прибавилъ, что еще въ іюнѣ онъ предлагалъ членамъ совѣта въ отсутствіе Сущова выбрать меня на мѣсто отказывавшагося тогда графа Г. А. Строганова, что было общее къ тому сочувствіе, но члены совѣта изъ инженеровъ отклонили это предложеніе, опасаясь, чтобы В. Бобринскій, съ которымъ, какъ они полагали, я дурно разошелся и съ которымъ совѣту надо жить въ ладахъ, не принялъ этого за демонстрацію противъ него. Въ этомъ они ошибались. Колесовъ со своей стороны былъ увѣренъ, что я съ радостію приму предложеніе, но я рѣшительно ему отказалъ и просилъ передать мой отказъ Сущову.

Въ ноябрѣ графъ Барановъ согласился вступить въ должность предсѣдателя совѣта главнаго общества и уговаривалъ членовъ совѣта избрать въ члены Валуева, который впослѣдствіи готовъ будетъ замѣнить Баранова въ званіи предсѣдателя съ тѣмъ, что Барановъ останется членомъ. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта снова стали предлагать меня, о чемъ передалъ мнѣ Колесовъ, которому я наотрѣзъ сказалъ, что ни за что не соглашусь, если бы вздумали меня выбрать единогласно. Несмотря на это, при баллотировкѣ въ члены совѣта, бывшей три дня послѣ этого, Колесовъ и другой членъ, кажется Сущовъ, записали меня, тогда какъ другіе девять членовъ, и въ томъ числѣ три инженера, члены отъ министерства путей сообщенія, записали Валуева. Колесовъ на другой день разсказывалъ мнѣ объ этомъ въ присутствіи моей сестры, которая уже сердилась заочно

на Чевкина за то, что онъ могъ мнѣ дѣлать предложеніе о вступленіи членомъ въ совѣтъ главнаго общества, а тутъ сильно разсердилась на Колесова и выговаривала ему за то, что онъ, зная, что я не приму этой должности, позволилъ себѣ употребить мое имя, когда еще, сверхъ того, долженъ быть увѣренъ, что я избранъ не буду. Сестра удивлялась тому, что я хладнокровно выслушалъ разсказъ Колесова, но я съ его безтактностью уже свыкся.

Между тѣмъ главное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ выбрало меня предсѣдателемъ комиссіи для разсмотрѣнія проектовъ подвижного помѣщенія для больныхъ и раненыхъ. На этотъ выборъ я изъявилъ согласіе.

Я остаюсь до сего времени (27 сентября) въ Царскомъ Селѣ, несмотря на отвратительную погоду, потому что Петербургская моя квартира не готова, несмотря на всѣ старанія домовладѣльца. Неисполнительность и прогульные дни мастеровъ и рабочихъ людей дошли до невѣроятности, что представляетъ весьма важный вопросъ, изъясненіе котораго, конечно, будетъ занесено во многія современныя записки. Сверхъ того, я все же нахожу возможность въ тѣ дни, въ которые не бываетъ присутствія въ Сенатѣ, гулять два часа по Царско-Сельскому парку, тогда какъ прогулки въ Петербургѣ не всегда удобны.

Осень была очень дурная, и мы, только что городская квартира наша была готова для жительства, переѣхали въ нее 2-го октября. Квартира оказалась очень хорошею во всѣхъ отношеніяхъ. Конечно, она потребовала значительныхъ расходовъ. За подъемную машину для жены, которая не можетъ ходить по лѣстницамъ, мною заплачено на заводѣ Санъ-Галли 600 рублей.

Засѣданія въ межевомъ департаментѣ Сената бываютъ по вторникамъ, средамъ и четвергамъ съ полудня и продолжаются около двухъ часовъ. По пятницамъ, но не каждую недѣлю, бываютъ общія собранія 4, 5 и межевого департаментовъ и продолжаются два или три часа. Затѣмъ я имѣю довольно свободнаго времени для прогулокъ и для посѣщенія сестры моей и ея дочери; послѣдняя постоянно больна. Также имѣю я довольно времени для чтенія.

По званію члена главнаго управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, посѣщаю я засѣданія этого управленія и вышеупомянутой комиссіи о переносныхъ баракахъ. Заключеніе послѣдней о томъ, что ни одинъ изъ представленныхъ проектовъ не удовлетворяетъ условіямъ заданнаго конкурса, представлено мною въ главное управленіе и имъ одобрено. Разсмотрѣніе этихъ проектовъ приняли на себя техники, бывшіе членами комиссіи. Работы при этомъ было много, хотя можно было предвидѣть заключеніе, ибо нѣтъ возможности устроить дешевые удобноперевозимые бараки, въ которыхъ, при 16° наружной температуры, было бы постоянно 14° Р, какъ этого требовалось конкурсною программою. Мы этого не всегда достигаемъ и въ нашихъ хорошо устроенныхъ домахъ.

Министерство путей сообщенія.

Департаментъ желѣзныхъ дорогъ.

Часть распорядительная.

13 Апрѣля 1871 г. № 321.

Въ С.-Петербургѣ.

Съ объясненіемъ и соображеніями по поводу претензіи правленія общества Кіево-Брестской жел. дор.

Правленіе общества Кіево-Брестской желѣзной дороги, вслѣдствіе требованія министерства путей сообщенія, чтобы правленіе строило желѣзную дорогу отъ Бердичева до Бреста съ вѣтвью на Радзивиловъ по опредѣленной правительствомъ линіи, а не по избранной правленіемъ, вошло 8-го марта сего года съ ходатайствомъ о представленіи этого вопроса на разсмотрѣніе комитета министровъ, согласно уставу общества § 47.

Обстоятельства этого дѣла слѣдующія:

Высочайше утвержденнымъ 1 марта 1870 года журналомъ комитета желѣзныхъ дорогъ, линію желѣзной дороги отъ Бердичева опредѣлено направить кратчайшимъ путемъ на Ровно и Брестъ, такъ какъ это направленіе дороги наиболѣе соотвѣтствуетъ коммерческой ея цѣли, равно и въ военномъ отношеніи линія эта, согласно съ мнѣніемъ военнаго министра, признается удовлетворяющею стратегической цѣли, соединяя Брестъ съ Кіево-Балтской желѣзной дорогой и Кіевомъ. Общее же протяженіе Бердичево-Брестской дороги по сказанному направленію опредѣлено приблизительно *въ 445 верстъ*.

По Высочайше утвержденному же 24 марта 1870 года журналу комитета желѣзныхъ дорогъ опредѣлено устроить вѣтвь до Радзивилова *въ 90 верстъ*.

По Высочайше утвержденной 27 апрѣля 1870 года концессіи, данной дѣйствительному статскому совѣтнику Рябинину на образованіе общества Кіево-Брестской желѣзной дороги, общество это по § 1 обязалось:

а) пріобрѣсть устроенную правительствомъ желѣзную дорогу отъ Кіева до станціи Жмеринки съ вѣтвью на Бердичевъ, содержать эксплоатацію и произвести на ней дополнительныя устройства;

б) устроить на свой счетъ и страхъ новую желѣзную дорогу отъ Бердичева до Брестъ-Литовска, съ вѣтвью отъ одного изъ пунктовъ этой линіи до Австрійской границы у Радзивилова (на соединеніе съ Галиційскою

Лемберго-Бродскою линіею), *всего около 536 верстъ*, во всемъ согласно приложеннымъ къ § 1 техническимъ условіямъ, и снабдить новую дорогу подвижнымъ составомъ и всѣми принадлежностями для ея эксплоатаціи.

По §§ 14 и 15 концессіи, общество обязалось: а) въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня утвержденія концессіи представить въ министерство путей сообщенія на утвержденіе общій проектъ устройства дороги и расцѣночную вѣдомость и б) приступить къ работамъ не позже шести мѣсяцевъ со дня утвержденія концессіи и окончить всѣ работы по 1-му участку*) не позже какъ черезъ одинъ годъ со дня утвержденія концессіи; все же устройство и обзаведеніе 2 участка**) общество кончитъ, для открытія правильнаго движенія, не позже какъ черезъ 2½ года также со дня утвержденія концессіи.

По § 35 во всѣхъ случаяхъ, настоящею концессіею не опредѣленныхъ, общество подчиняется общимъ законамъ Имперіи и въ особенности правиламъ для акціонерныхъ обществъ и для частныхъ желѣзныхъ дорогъ постановленнымъ, или которыя будутъ впредь постановлены.

Въ приложенныхъ къ концессіи техническихъ условіяхъ, между прочимъ, выражено, что общее протяженіе главнаго пути отъ Бердичева чрезъ Сстрогъ до Брестъ-Литовска, съ вѣтвью въ Радзивиловъ, не должно ни въ какомъ случаѣ превышать 540 верстъ.

Проектъ общаго устройства дороги и расцѣночная вѣдомость представлены правленіемъ 18 августа 1870 года.

По разсмотрѣніи проекта оказалось, что предложенная правленіемъ линія дороги между станціями Шепетовкою и Рожище отклоняется къ Австрійской границѣ, вопреки Высочайше утвержденному 1 марта 1870 года журналу комитета желѣзныхъ дорогъ.

Вслѣдствіе сего министерство путей сообщенія, найдя направленіе дороги по означенному проекту удовлетворительнымъ въ остальныхъ частяхъ линіи отъ Бердичева до Шепетовки и отъ Рожище до Бреста, по соглашенію съ военнымъ министромъ, распорядилось производствомъ изысканій между Шепетовкою и Рожище для опредѣленія линіи, удовлетворяющей стратегическимъ условіямъ съ тѣмъ, чтобы дорога шла по *сѣверной* сторонѣ Дубенскихъ горъ, а не по *южной*, какъ предположено правленіемъ. Это распоряженіе сдѣлано въ октябрѣ 1870 года, а составленный по производеннымъ изысканіямъ общій проектъ дороги между означенными пунктами представленъ во второй половинѣ января 1870 года.

Затѣмъ избранное направленіе дороги по Высочайшему повелѣнію разсмотрѣно въ *особой комиссіи* въ февралѣ 1871 года и одобрено къ исполненію.

По проекту правленія протяженіе дороги исчислено въ 500 верстъ, а по указанному комитетомъ желѣзныхъ дорогъ направленію длина дороги составляетъ 525 верстъ, менѣе противъ концессіи на 10 верстъ.

---

*) Отъ Кіева до Жмеринки.

**) Отъ Бердичева до Бреста.

Что же касается представленной правленіемъ расцѣночной вѣдомости, то хотя вѣдомость эта оказалась составленною также на 500 вер., какъ и проектированная правленіемъ линія дороги, но министерство утвердило эту вѣдомость 9 сентября 1870 года, имѣя притомъ въ виду: а) что по §§ 3 и 6 концессіи всѣ суммы облигаціоннаго капитала и 20% съ акціонернаго капитала состоятъ въ вѣдѣніи правительства и выдаются обществу въ опредѣленныхъ означенными §§ размѣрахъ по мѣрѣ производства работъ и поставокъ, по свидѣтельствамъ министерства путей сообщенія; б) что безъ расцѣночной вѣдомости, опредѣляющей стоимость работъ и поставокъ, вышеупомянутыя выдачи невозможны и потому, если съ неутвержденіемъ проекта остановить и утвержденіе расцѣночной вѣдомости, то общество лишено было бы средства къ производству работъ и поставокъ на неутвержденныхъ частяхъ дороги, и в) что расцѣночная вѣдомость представляетъ только приблизительно распредѣленіе основного нарицательнаго капитала, за который общество обязалось устроить дорогу по утвержденному общему проекту, и ни въ какомъ случаѣ не даетъ обществу права строить дорогу по своему усмотрѣнію, или требовать какихъ-либо добавокъ къ нарицательному капиталу.

7 декабря 1870 года объявлено правленію, что представленный имъ проектъ не можетъ быть утвержденъ, что линія дороги опредѣляется утвержденнымъ планомъ и продольною профилью дороги, а не расцѣночною вѣдомостью, и что если будутъ произведены, безъ утвержденія проекта, работы, то онѣ останутся на отвѣтственности общества.

По окончательномъ же одобреніи правительствомъ направленія дороги, министерство 3 и 5 марта 1871 года, съ препровожденіемъ плана и профили между станціями Шепетовкою и Рожище, дало знать правленію, что на остальной части оной должно слѣдовать направленію, показанному въ проектѣ, представленномъ правленіемъ.

Между тѣмъ правленіе еще 27-го февраля вошло съ представленіемъ, въ которомъ, заявляя, что оно не могло помѣстить акцій по предложенной цѣнѣ и что оно не имѣетъ денежныхъ средствъ, которыя полагаетъ нужными для выполненія принятой обществомъ на себя обязанности, обратилось съ просьбою объ оказаніи обществу слѣдующихъ пособій:

а) Принять 6.615.500 руб. мет. въ акціяхъ, находящихся нынѣ въ залогѣ у банкира Блейхредера, замѣнивъ эту сумму облигаціями съ выдачею за нихъ изъ казны по 75 за 100.

б) До открытія движенія на означенномъ участкѣ предоставить банкиру Блейхредеру право на покупку по 75 за 100 одной половины не помѣщенныхъ акцій, т.-е., 3.308.250 р.

Изъ этого представленія оказалось, что общество при устройствѣ Бердичево-Брестскаго участка, длиною даже въ 500 верстъ, не имѣетъ достаточныхъ средствъ и проситъ содѣйствія правительства къ выходу изъ такого положенія.

Имѣя въ виду, что вышеозначенныя пособія испрашиваются правле-

ніемъ въ предположеніи сократить протяженіе линіи съ отступленіемъ отъ Высочайше утвержденныхъ положеній комитета желѣзныхъ дорогъ, равно концессіи и устава общества, министерство путей сообщенія 3-го марта потребовало отъ правленія положительнаго отзыва: будутъ ли испрашиваемыя добавочныя средства достаточны для устройства дороги по указываемому правительствомъ направленію и затѣмъ никакихъ новыхъ пособій испрашиваемо не будетъ?

На это отъ 5-го марта правленіе отвѣчало, что для устройства Бердичево-Брестскаго участка по утвержденному правительствомъ направленію, сверхъ вышеизъясненныхъ пособій, оно считаетъ нужнымъ *добавку еще 1.841.650 р. 23 к. мет.* наличными деньгами и сверхъ того отъ 400.000 до 500.000 р. на вознагражденіе подрядчиковъ и владѣльцевъ за убытки, причиненные уничтоженіемъ контрактовъ, заключенныхъ по той части проектированной правленіемъ линіи, которая не утверждена правительствомъ.

Затѣмъ, въ представленіи отъ 8-го марта, послѣдовавшемъ по вышеупомянутымъ извѣщеніямъ министерства отъ 3-го и 5-го марта объ обязанности общества строить Бердичево-Брестскій участокъ по указанной правительствомъ линіи,—правленіе, возражая противъ такого распоряженія, просило, на основаніи § 47 устава, дѣло это, какъ спорное, внести въ комитетъ министровъ.

Въ этомъ же представленіи, въ копіи при семъ прилагаемомъ, правленіе заявило, что, получивъ рѣшительное приказаніе безъ всякаго указанія на вознагражденія за принятіе обществомъ новаго направленія дороги, правленіе «*вынуждено было немедленно прекратить работы по всей линіи*».

Когда же, вслѣдствіе такого заявленія, дано знать правленію (18 марта), что оно не имѣетъ ни права, ни основанія прекратить работы по всей линіи, правленіе въ отзывѣ отъ 20-го марта дало уклончивое объясненіе, что оно не дѣлало распоряженія о прекращеніи работъ по всей линіи, а лишь на измѣненномъ участкѣ, и что прекращеніе работъ на остальныхъ участкахъ было вызвано извѣстіемъ, распространившимся на линіи о томъ, что произведенныя до того работы и поставки оказываются безплодными и что линія измѣняется во всемъ направленіи безъ соглашенія правительства съ обществомъ о средствахъ для вознагражденія подрядчиковъ за убытки.

Справка:

По концессіи и по уставу общества Кіево-Брестской желѣзной дороги, основной нарицательный капиталъ составляется:

а) Изъ стоимости I участка отъ Кіева до Жмеринки съ вѣтвью къ Бердичеву:

акціями	облигаціями
5.292.000 р. м.	4.544.000 р. м.
9.836.000 р. мет.	

Эта сумма сполна поступила въ пользу правительства за уступленный обществу 1-ый участокъ.

б) Изъ стоимости дополнительныхъ устройствъ на 1-мъ участкѣ, требуемыхъ отъ общества . . . . . 1.980.000 р. мет.

в) Изъ стомости сооруженія 2-го участка отъ Бердичева до Бреста съ вѣтвью къ Радзивилову . . . . . 7.944.750 15.889.500 р. мет.

23.834.250 р. мет.

15.215.750 р. мет. 30.433.500 р. мет.
акціи облигаціи.

Итого. . . . . 45.550.250 р. мет.

Изъ этого капитала собственно въ распоряженіе общества предоставлено на дополнительныя устройства по I участку и сооруженіе II участка акціонернаго капитала 9.924.750 руб. мет. и облигаціоннаго 15.889.500 руб. мет., всего 25.814.250 руб. мет., при этомъ опредѣлено: а) что облигаціи остаются за правительствомъ, которое за работы по II участку будетъ отпускать деньгами, считая по 75 р. м. за каждые 100 р. мет. нарицательнаго облигаціоннаго капитала, и б) что съ акціонернаго капитала 9.924.750 р. мет. вносится въ Государственный банкъ 20%, т.-е., 1.984.450 р. м. для употребленія ихъ на удовлетвореніе за работы и поставки по 1 и 2 участкамъ.

Изъ поступившаго въ министерство путей сообщенія 27 февраля с. г. ходатайства правленія объ оказаніи содѣйствія правительства къ обезпеченію денежными средствами предстоящихъ обществу расходовъ и изъ представленнаго правленіемъ общему собранію акціонеровъ отчета за 1870 г. усматривается:

а) что изъ акціонернаго нарицательнаго капитала 9.924.750 руб. мет. *одна треть* акцій, т.-е., на 3.308.250 руб. мет. уступлена банкиру Блейхредеру по 60 за 100 и полученная сумма 1.984.950 руб. мет., какъ равная 20% со всего акціонернаго капитала, внесена въ Государственный банкъ согласно концессіи, а остальныя двѣ трети акцій, т.-е., на 6.616. 500 р. мет. заложены Блейхредеру же за 1.984.950 руб., изъ которыхъ получено только 1.332.828 руб. 25 коп., а остальные 652.121 руб. 75 коп. удержаны Блейредеромъ за комиссіонерскіе расходы и, согласно заключенному съ нимъ финансовому контракту, за не полученныя имъ для реализаціи отъ общества облигаціи.

б) что упомянутые въ предыдущемъ пунктѣ 1.332.828 руб. 25 коп., полученные подъ залогъ акцій, употреблены строителями дороги на предварительные расходы по заказамъ и работамъ.

в) что общество, какъ объясняетъ правленіе, предполагало помѣстить акціи на 1.980.000 руб. по 75 за 100 и на 7.944.750 руб. по 80 за 100 и пріобрѣсть наличный капиталъ въ 7.840.800 руб. мет. и такимъ образомъ, при полученіи за облигаціонный капиталъ 11.917.125 руб. мет., считая по 75 р. за каждые 100 р. нарицательнаго капитала (15.889.500 р.), имѣетъ въ своемъ распоряженіи 19.757.925 руб. мет. Но предполагаемая реализація акцій оказалась невозможною, во-первыхъ, вслѣдствіе потери при реализаціи первой трети акцій (по 60 за 100), во-вторыхъ, по причинѣ невозможности помѣщенія остальныхъ двухъ третей акцій по имѣвшимся въ виду цѣнамъ;

г) что если, какъ объясняетъ правленіе, и возможно бы было реализовать означенныя двѣ трети акцій, при пособіи правительства по 75 за 100, то и тогда, получивъ за 6.616.500 р. только 4.962.375 р. и присоединяя къ нимъ вырученные продажею первой трети акцій 1.984.950 р., а равно слѣдующіе отъ правительства за облигаціи 11.917.125 р. мет., наличный капиталъ составитъ 13.864.450 р. мет., изъ которыхъ слѣдуетъ отчислить удержанные Блейхредеромъ 652.121 руб. 25 коп. и уплатить занятые у него же 1.332.828 руб. 75 коп., всего 1.984.950 руб., за исключеніемъ которыхъ останется на удовлетвореніе расходовъ 16.879.500 руб. мет.;

д) что для исполненія возложенныхъ на общество обязанностей правленіе расчитывало, какъ сказано въ пунктѣ в, имѣть наличныхъ денегъ 19.757.925 руб., а за исключеніемъ уплоченныхъ уже за предварительные расходы 1.332.828 руб. 75 коп.,—18.425.095 руб. 25 коп., на каковую сумму и заключенъ правленіемъ оптовый контрактъ съ С.-Петербургскимъ 1 гильдіи купцомъ Задлеромъ. Но какъ на удовлетвореніе контракта, даже при допущеніи возможности реализовать акціи по 75 за 100, какъ изложено въ пунктѣ 2, получилось бы только 16.879.500 руб., то въ такомъ положеніи оказывается въ средствахъ общества дефицитъ 1.545.596 р. 25 к.;

е) что всѣ вышеприведенные расчеты составлены правленіемъ, принимая длину 2 участка въ 500 вер., согласно проектированному правленіемъ направленію этого участка, но правительствомъ не утвержденному, какъ выше уже объяснено.

По вышеизъясненнымъ соображеніямъ правленіе ходатайствуетъ, чтобы правительство:

а) приняло 6.616.500 руб. мет. нарицательнаго акціонернаго капитала, замѣнивъ акціи облигаціями съ выдачею изъ казны по 75 за 100;

б) покрыло недовыручку въ 1.545.596 руб. 25 коп. мет. по 2-му участку облигаціями 1-го участка въ 2.060.795 руб. мет. нарицательныхъ;

в) затѣмъ основной нарицательный капиталъ распредѣлило слѣдующимъ образомъ:

Акціями.	Облигаціями.
11.903.500 р. мет.	5.866.705 р. мет.
17.775.205 р. мет.	

Стоимость дополнительныхъ устройствъ на 1-мъ участкѣ и сооруженія 2 участка.	3.306.250 р.	24.556.795 р.
	27.875.045 р. мет.	
	15.216.750 р. акціи	30.433.500 р. облигаціи

Всего. . . . . 45.650.250 р. мет.;

г) уплатило Блейхредеру изъ облигаціоннаго капитала занятые у него 1.332.828 руб. 75 коп. для освобожденія акцій отъ залога;

д) такъ какъ, по контракту съ банкиромъ Блейхредеромъ, онъ имѣетъ право покупки до открытія движенія по дорогѣ по 75 за 100 половины не помѣщенныхъ до сего времени акцій на 6.616.500 руб. мет., т.-е., 3.308.250 р. м., то предоставить ему это право до открытія движенія на всемъ протяженіи Кіево-Брестской желѣзной дороги.

Соображенія:

Вышеизложенныя обстоятельства дѣла и справки показываютъ:

1) Что общество, какъ видно изъ представленія правленія отъ 27 февраля 1871 года, не имѣетъ достаточныхъ средствъ на постройку Бердичево-Брестскаго участка даже на проектированномъ имъ самимъ 500-верстномъ, вмѣсто назначеннаго по уставу 535-верстнаго протяженія дороги, и на обязательныя для него работы по участку отъ Кіева до Жмеринки, и заявляя о своей несостоятельности къ исполненію принятой имъ на себя по концессіи обязанности, обратилось къ правительству съ просьбою о весьма значительномъ содѣйствіи.

2) Что, кромѣ того, для устройства Бердичево-Брестскаго участка, по требуемому правительствомъ направленію, правленіе общества находитъ необходимымъ получить отъ правительства еще 1.841.650 руб. 23 коп., не считая отъ 400 до 500 тыс. за убытки, послѣдовавшіе будто бы отъ измѣненія проектированной правленіемъ линіи дороги. По министерству путей сообщенія не было еще примѣра, чтобы общество желѣзной дороги требовало особеннаго вознагражденія за проведеніе линіи по указанному правительствомъ направленію и удовлетвореніе подобныхъ требованій могло бы послужить весьма опаснымъ примѣромъ для другихъ желѣзнодорожныхъ компаній.

3) Что причиною несостоятельности общества собственныя стороны его распоряженія и между прочими:

а) на предварительные расходы употреблено 1.332.000 руб.;

б) банкиру Блейхредеру за то, что не онъ реализовалъ облигаціи и за комиссію, уплочено до 652.000 руб.;

в) при явномъ и положительномъ дефицитѣ въ средствахъ общества, правленіе онаго тѣмъ не менѣе заключило съ купцомъ Задлеромъ (нынѣ директоръ означеннаго правленія) обязательство, далеко превышающее

средства общества, очевидно расчитывая только на полученіе отъ правительства пособія.

Обращаясь за симъ къ разсмотрѣнію ходатайства правленія общества отъ 8 марта 1871 года объ устройствѣ Бердичево-Брестскаго участка по избранному не правительствомъ, а обществомъ, направленію и о приплатѣ обществу до 2.341.650 р. 23 к. *) за несогласіе правительства на сокращеніе обязательной обществу длины дороги, оказывается:

Сущность возраженій, сдѣланныхъ правленіемъ общества по сему предмету, заключается въ томъ, что на основаніи концессіи общество въ правѣ построить дорогу отъ Бердичева до Брестъ-Литовска по избранному имъ, а не правительствомъ, направленію; если же правительство, по стратегическимъ соображеніямъ, приказываетъ обществу строить дорогу по указываемому правительствомъ направленію, то обязывается дать обществу особое за то вознагражденіе.

Противу сего министерство считаетъ нужнымъ объяснить:

1) На основаніи Высочайше утвержденныхъ 1 и 24 марта 1870 года журналовъ комитета желѣзныхъ дорогъ, общее протяженіе Бердичево-Брестской дороги, кратчайшимъ путемъ на Ровно, опредѣлено приблизительно 445 верстъ, а вѣтвь до Радзивилова въ 90 верстъ. Такимъ образомъ общее направленіе дороги и общее приблизительное протяженіе въ 535 верстъ опредѣлены Высочайшею волею еще до воспослѣдованія на Кіево-Брестскую желѣзную дорогу концессіи 27 апрѣля 1870 года.

2) На семъ основаніи въ § 1 концессіи вмѣнено въ обязанность обществу устроить на свой счетъ и страхъ новую желѣзную дорогу отъ Бердичева до Брестъ-Литовска съ вѣтвью къ Радзивилову, всего около 535 верстъ, а по § 14 концессіи постановлено учредителю въ обязанность въ теченіе 3 мѣсяцевъ со дня утвержденія концессіи представлять въ министерство путей сообщенія на утвержденіе общій проектъ дороги. По сему окончательное утвержденіе направленія дороги, на основаніи концессіи, зависѣло вполнѣ отъ министерства, которое при такомъ утвержденіи не могло не руководствоваться смысломъ и цѣлью, преподанными въ Высочайше утвержденныхъ 1 и 24 марта 1870 года журналахъ комитета желѣзныхъ дорогъ. Если общество и дѣйствительно при извѣстныхъ условіяхъ могло бы устроить дорогу менѣе, чѣмъ на протяженіи 535 верстъ, то не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства.

Вслѣдствіе этого, нынѣ утвержденное направленіе дороги, по коему оказывается сокращеніе длины противъ концессіи въ пользу общества на 10 верстъ, должно быть принято обществомъ безпрекословно.

---

*) 1.841.650 р. 23 к., исчисленные правленіемъ за количество работъ, которыя оно считаетъ излишними сравнительно съ количествомъ оныхъ на предложенной правленіемъ линіи, и нѣсколько тысячъ за убытки, причененные уничтоженіемъ контрактовъ, заключенныхъ на этой части проектированной правленіемъ линіи, которая не утверждена правительствомъ.

Правительство, принимая на себя при дарованіи концессіи значительныя жертвы по гарантіи дохода съ капитала, опредѣленнаго на постройку желѣзныхъ дорогъ и по другимъ предметамъ, не можетъ не сохранить за собою права строить дороги по тому направленію, какое оно признаетъ въ высшихъ государственныхъ интересахъ наиболѣе выгоднымъ.

3) Указаніе правленія общества на то, что въ приложенныхъ къ концессіи техническихъ условіяхъ упомянуто, что протяженіе главнаго пути отъ Бердичева до Брестъ-Литовска чрезъ Острогъ съ вѣтвью на Радзивиловъ, ни въ какомъ случаѣ не должно превышать 540 верстъ, а между тѣмъ по указанному правительствомъ направленію назначено строить дорогу между станціями Рожище и Шепетовкою на Клевань и Ровно, минуя Острогъ, лишено основанія: а) потому что смыслъ упомянутаго выраженія въ техническихъ условіяхъ не можетъ быть иной, какъ тотъ, что если дорога пойдетъ черезъ Острогъ, то не должна превышать 540 верстъ; б) потому что указаніе въ техническихъ условіяхъ на Острогъ отнюдь не исключаетъ дальнѣйшаго направленія дороги на Ровно, Высочайше утвержденнаго и извѣстнаго учредителю еще до выдачи концессіи, и не давало затѣмъ обществу права вести линію отъ Острога на Дубно, уклоняясь ближе къ Австрійской границѣ, какъ сдѣлано въ проектѣ правленія, такъ что вѣтвь къ Радзивилову вмѣсто 90 верстъ имѣла бы только до 50 вер.; в) что если въ составленномъ правительственнымъ инженеромъ проектѣ Острогъ остался въ сторонѣ отъ линіи около 10 верстъ, то это сдѣлано въ интересахъ самого общества, во избѣжаніе весьма значительныхъ земляныхъ работъ, которыя потребовались бы при проведеніи линіи у самаго этого города, и посему это распоряженіе министерства составляетъ не что иное, какъ сдѣланную обществу, безъ всякаго вреда для дѣла, возможную уступку, которая отнюдь не можетъ служить основаніемъ для дальнѣйшихъ со стороны общества претензій.

4) Равнымъ образомъ ссылка правленія на утвержденіе министерствомъ расцѣночной вѣдомости, составленной на 500 верстъ, не можетъ имѣть значенія какъ потому, что направленіе линіи и ея протяженіе опредѣляется не расцѣночною вѣдомостью, а концессіею и утвержденіемъ проекта правительствомъ, такъ и потому, что расцѣночная вѣдомость, опредѣляющая лишь стоимость предполагаемыхъ работъ и матеріаловъ вообще, имѣетъ своею единственною цѣлью: въ извѣстные періоды, сообразно производству работъ, выдачу обществу изъ казны опредѣленныхъ по концессіи суммъ. Если на составленной управленіемъ общества расцѣночной вѣдомости и значится утвержденіе исправляющаго должность министра путей сообщенія, то это сдѣлано единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы не задерживать платежей, такъ какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ проектъ дороги былъ уже утвержденъ.

5) За симъ ходатайство правленія общества о вознагражденіи его до 2.341.650 р. 23 к. за проведеніе дороги по направленію, утвержденному правительствомъ, оказывается вполнѣ неосновательнымъ.

Заключеніе.

Представляя о вышеизложенномъ на благоусмотрѣніе комитета министровъ, я съ своей стороны полагалъ бы: 1) вмѣнить правленію общества Кіево-Брестской желѣзной дороги въ обязанность строить участокъ сей дороги отъ Бердичева до Брестъ-Литовска по одобренной правительствомъ линіи, а не по избранной правленіемъ, и 2) затѣмъ въ домогательствѣ правленія о добавкѣ до 2.341.650 р. 23 к. мет. на постройку упомянутаго участка по указанной правительствомъ линіи и на вознагражденіе убытковъ, будто бы причиненныхъ уничтоженіемъ контрактовъ, заключенныхъ по той части проектированной правленіемъ линіи, которая не утверждена правительствомъ, отказать.

Подписалъ: Управляющій министерствомъ путей сообщенія, инженеръ генералъ-лейтенантъ баронъ Дельвигъ; скрѣпилъ: директоръ Хмельницкій.

Приложеніе II.

Правленіе общества Кіево-Брестской дороги.
8-го Апрѣля 1871 г.
№ 181.
Екатерин. каналъ.
№ 95.
Въ Петербургѣ.

Г. Управляющему министерствомъ путей сообщенія.

Прошеніе.

Изъ отношеній техническо-инспекторскаго комитета желѣзныхъ дорогъ отъ 3-го и 5-го марта сего года, за №№ 181 и 208, правленіе общества Кіево-Брестской желѣзной дороги усматриваетъ, что Ваше Превосходительство изволили положительно обязывать общество названной дороги строить участокъ отъ Бердичева до Брестъ-Литовска съ вѣтвью къ Австрійской границѣ не по направленію, представленному правленіемъ общества на утвержденіе министерства путей сообщенія 18 августа 1870 г. № 133, а по направленію, правительствомъ опредѣленному, на томъ основаніи, что первое направленіе не удовлетворяетъ стратегическимъ соображеніямъ. Безъ соглашенія правительства съ обществомъ насчетъ вознагражденія его, какъ за всѣ убытки, происходящіе отъ измѣненія направленія линіи, такъ и отъ увеличенія при этомъ работъ,—таковой поводъ къ требованію строить непремѣнно 2 участокъ Кіево-Брестской желѣзной дороги по направленію, исключительно удобному въ стратегическомъ отношеніи, правленіе общества находитъ выходящимъ изъ предѣловъ Высочайше дарованной обществу Кіево-Брестской желѣзной дороги концессіи.

Сообщивъ департаменту желѣзныхъ дорогъ отношеніемъ отъ 4 марта с. г. за № 374 приблизительно соображеніе о вознагражденіи общества правительствомъ и получивъ вслѣдъ затѣмъ такое рѣшительное приказаніе Вашего Превосходительства безъ всякаго указанія на вышеозначенное вознагражденіе за принятіе обществомъ помянутаго новаго направленія

2 участка Кіево-Брестской жел. дороги,—правленіе вынуждено было немедленно прекратить работы по всей линіи, тѣмъ болѣе, что одинъ слухъ объ измѣненіи направленія линіи безъ предварительнаго соглашенія съ обществомъ о вознагражденіи его за всѣ при этомъ убытки, подорвавъ финансовый и строительный кредитъ общества здѣсь и на линіи,—отнялъ у него средства къ дальнѣйшему производству работъ.

Въ виду такого безысходнаго положенія дѣла, и принимая въ соображеніе, что 1) приступленіе къ работамъ въ шестимѣсячный срокъ было по концессіи для общества обязательно; 2) что линія, представленная правленіемъ общества на утвержденіе министерства путей сообщенія, вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ Высочайше утвержденной концессіи; 3) что всякое измѣненіе въ линіи по причинамъ, въ концессіи не обусловленнымъ, для общества не обязательно, и 4) что всѣ убытки, истекающіе изъ настоящаго положенія дѣла, размѣръ которыхъ въ настоящее время трудно опредѣлить, ни въ какомъ случаѣ не могутъ падать на общество,—правленіе на основаніи 647 ст. устава имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство дѣло это, какъ спорное, внести въ комитетъ министровъ.

Подписали: предсѣдатель Е. К. Задлеръ, директора: князь Оболенскій и В. Жемчужниковъ, управляющій дѣлами П. Ключаревъ, съ подлиннымъ вѣрно, директоръ Хмельницкій.

Приложеніе III-е.

Министерство путей сообщенія.
Департаментъ жел. дорогъ.

Часть распорядительная.
С.-Петербургъ.
7-го апрѣля 1871 г.
№ 305.

О передачѣ правительственной Московско-Курской жел. дор. въ распоряженіе частнаго общества.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ и исправляющаго должность министра путей сообщенія о передачѣ Московско-Курской желѣзной дороги въ распоряженіе частнаго общества, одобривъ это предположеніе, Высочайше соизволилъ на веденіе переговоровъ по этому дѣлу съ заявившими желаніе пріобрѣсти означенную дорогу:

1) Обществомъ Курско-Кіевской желѣзной дороги и 2) Особою компаніею, состоящею изъ слѣдующихъ лицъ: надворнаго совѣтника Чижова, потомственныхъ гражданъ Т. С. Морозова, М. А. Горбова, А. Н. Мамонтова, В. Н. Рукавишникова, И. А. Лямина, В. М. Бостанжогло, С. И. Мамонтова съ братьями и коллежскаго совѣтника Н. Д. Бенардаки.

Общество Курско-Кіевской желѣзной дороги, первоначально вступившее въ переговоры, впослѣдствіи въ лицѣ предсѣдателя правленія письменно отказалось отъ предположенія пріобрѣсти въ свое распоряженіе Московско-Курскую желѣзную дорогу.

Затѣмъ, по взаимномъ соглашеніи министерствъ финансовъ и путей сообщенія съ упомянутыми лицами, выработаны основныя условія, по которымъ они обязываются составить общество для пріобрѣтенія Московско-Курской дороги и эксплоатаціи ея.

Сущность помянутыхъ условій заключается въ слѣдующемъ:

Поименованныя лица обязываются образовать акціонерное общество для пріобрѣтенія и эксплоатаціи въ теченіе 81 года Московско-Курской дороги, а равно для производства дополнительныхъ работъ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Нарицательный капиталъ общества состоитъ изъ:

а) нарицательной стоимости дороги.	53.433.000 р. мет.
б) нарицательной стоимости дополнительныхъ работъ.	4.000.000 » »
Итого.	57.433.000 р. мет.

Капиталъ этотъ образуется выпускомъ:

негарантированныхъ акцій на.	15.729.000 р. мет.
гарантированныхъ облигацій.	41.704.000 » »

2) Общество обязывается:

а) въ дополненіе къ выпущеннымъ уже облигаціямъ Московско-Курской дороги на 27.339.200 руб. мет. уплатить правительству облигаціями новаго выпуска 14.364.800 руб. мет. и акціями 10.000.000 руб мет., всего 51.704.000 руб. мет.; б) пріобрѣсти у правительства въ теченіе шести мѣсяцевъ означенныя акціи (10 мил. руб. мет.), внеся за нихъ наличными деньгами 11.000.000 руб. кред.;

в) употребить на уплату по законтрактованнымъ на 1871 годъ работамъ и поставкамъ 1.729.000 руб. мет. нарицательной стоимости;

г) употребить на дополнительныя работы 4.000.000 руб. мет. нарицательной стоимости.

3) Со дня передачи дороги обществу, оно уплачиваетъ правительству въ теченіе времени владѣнія оною, на весь облигаціонный капиталъ, (41.704.000 р.) $5^0/_0$ интереса и $^1/_{10}{}^0/_0$ погашенія, или всего 2.126.904 р. мет. въ годъ.

4) Въ случаѣ если, по уплатѣ правительству означенной суммы и по отчисленіи въ запасный и эмеритальный капиталъ, чистый доходъ превыситъ $7^0/_0$ на нарицательный акціонерный капиталъ, то за отдѣленіемъ 50 р. съ версты на механическое учебное заведеніе, общество передаетъ одну половину сего превышенія полностію правительству.

5) Въ обезпеченіе принимаемыхъ обязательствъ представляется залогъ въ 500 тыс. руб.

6) Въ счетъ суммы, опредѣленной на дополнительныя работы, общество вноситъ въ Государственный банкъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ 1 мил. руб. кред., изъ коихъ будутъ производиться обществу платежи за исполненныя работы въ размѣрѣ $^1/_5$ стоимости, опредѣленной по расцѣночной вѣдомости.

7) По истеченіи срока владѣнія дорогою, общество передаетъ оную правительству безплатно, а за прибавленный подвижной составъ, запасы топлива и матеріаловъ получаетъ вознагражденіе порядкомъ, опредѣленнымъ въ уставѣ.

8) По прошествіи 20 лѣтъ со дня передачи дороги обществу, правительство имѣетъ право выкупить дорогу.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ и управляющаго министерствомъ путей сообщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: Дѣло это, вмѣстѣ съ проектомъ устава общества Московско-Курской желѣзной дороги, внести на разсмотрѣніе комитета министровъ.

Справка.

I. Сооруженіе Московско-Курской желѣзной дороги непосредственнымъ распоряженіемъ правительства Высочайше разрѣшено въ маѣ 1864 года. Къ работамъ приступлено въ іюлѣ 1864 года и первый участокъ отъ Москвы до Серпухова оконченъ въ ноябрѣ 1866 года. Затѣмъ вся линія открыта для движенія въ сентябрѣ 1868 года.

II. Капиталъ, затраченный правительствомъ на сооруженіе означенной дороги, составляетъ	44.939.627 р. кр.
а съ присоединеніемъ къ этой суммѣ процентовъ на капиталъ, по мѣрѣ производства расходовъ съ 1864 по 1870 г.	8.188.761 » »
Итого.	53.077.387 р. кр.
Исключая изъ этой суммы чистый доходъ, полученный съ 1867 по 1870 г.	4.605.113 » »
Дѣйствительная стоимость дороги составитъ. . . .	48.472.274 р. кр.
Къ этой суммѣ слѣдуетъ присоединить предстоящіе къ платежу въ семъ году законтрактованныя работы и поставки.	1.621.029 » »
Полная стоимость составитъ.	50.093.303 р. кр.
или въ металлическихъ рубляхъ.	40.074.642 р. мет.
(по курсу 320 сант. за 1 р. кр.).	
Принимая реализацію сего капитала изъ 75 за 100, получится цифра нарицательнаго капитала въ 53.432.855 р. мет. или круглымъ числомъ.	53.433.000 » »

III. Въ числѣ выпущенныхъ по Высочайшему указу 9 января 1870 г. консолидированныхъ 5% облигацій заключается таковыхъ облигацій на сумму 27.339.205 р. мет., отнесенныхъ на счетъ Московско-Курской желѣзной дороги.

За эти облигаціи выручено. . . . . 26.597.922 р. кр.

Соображенія и заключенія.

Для опредѣленія степени выгодности вышеизложенныхъ условій передачи Московско-Курской желѣзной дороги частному обществу представляются слѣдующія соображенія:

Нарицательный капиталъ, который поступаетъ въ распоряженіе правительства за дорогу, составляетъ:

облигаціями.	41.704.000 р. мет.
акціями.	10.000.000 » »
Итого. . . .	51.704.000 р. мет.

Дѣйствительная выручка отъ реализаціи сего капитала составитъ:

За 27.339.200 р. мет., вошедшихъ въ число консолидированныхъ облигацій, выпущенныхъ по указу 9 января 1870 г., поступило.	26.597.922 р. кр.
За 14.364.800 р. мет. облигацій, кои должны составить второй выпускъ, полагая по 75,50% за 100, можно ожидать полученія въ мет. рубляхъ 11.278.368 р., а по курсу 31 пенсъ.	14.567.054 » »
За 10.000.000 руб. мет. нарицательнаго акціонернаго капитала общество обязано внести.	11.000.000 » »
Всего.	52.164.976 р. кр.
Дѣйствительная же стоимость дороги, не считая относящихся на счетъ общества издержекъ на платежи по законтрактованнымъ на 1871 г. работамъ и поставкамъ и по дополнительнымъ работамъ, составляетъ.	48.472.274 » »
За симъ въ пользу правительства остается чистой прибыли.	3.692.702 » »

Независимо отъ таковой единовременной выручки отъ продажи дороги, правительство сохраняетъ за собою и право на нѣкоторое участіе въ ежегодныхъ прибыляхъ отъ эксплоатаціи дороги. На основаніи § 12 устава, сумма, которая составляетъ превышеніе свыше 7% на нарицательный акціонерный капиталъ, за отдѣленіемъ 50 руб. съ версты на устройство механическаго учебнаго заведенія, дѣлится на двѣ части, изъ коихъ одна передается полностію правительству. Съ увеличеніемъ валового дохода дороги и съ уменьшеніемъ эксплоатаціонныхъ издержекъ оной, можно надѣяться, что выговариваемыя этимъ условіемъ суммы будутъ поступать правительству въ не слишкомъ продолжительномъ времени.

Самая уплата обществомъ правительству за 10.000.000 руб. мет. акціонернаго капитала (или считая по 5 руб. 98 коп. за полуимперіалъ) 11.612.000 руб. кр. должна быть признана выгодною, ибо составляетъ $94\ ^{25}/_{100}\%$ за 100.

Признавая, за симъ, вышеозначенное предложеніе выгоднымъ, какъ въ отношеніи возврата съ избыткомъ затраченнаго правительствомъ на сооруженіе Московско-Курской дороги капитала и полнаго обезпеченія уплаты % и погашенія по облигаціямъ дороги, такъ и въ отношеніи полученія и на будущее время нѣкотораго отъ дороги дохода, управляющій министерствомъ путей сообщенія, по предварительному о семъ съ министромъ финансовъ соглашенію, полагалъ бы: Московско-Курскую дорогу передать образуемому Чижовымъ и прочими компаніонами обществу на основаніяхъ, въ прилагаемомъ у сего проектѣ устава общества изложенныхъ, о чемъ, во исполненіе вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія, имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе комитета министровъ.

Подписалъ: Управляющій министерствомъ путей сообщенія, инженеръ, генералъ-лейтенантъ баронъ Дельвигъ; скрѣпилъ: директоръ Хмельницкій.

ГЛАВА XII.

1872—1876 гг.

Занятія въ Сенатѣ. Моя домашняя жизнь. Болѣзнь моей племянницы Эмиліи. Покража изъ моего кабинета. Открытіе Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища. Отношенія ко мнѣ желѣзнодорожныхъ дѣятелей. Переговоры съ графомъ С. Г. Строгановымъ о моемъ присутствіи въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ. Великій князь Алексѣй Александровичъ. Поѣздка въ Москву на открытіе выставки въ память двухсотлѣтняго юбилея дня рожденія Петра Великаго. Великій князь Константинъ Николаевичъ на этой выставкѣ. Покупка мною дома для Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища и продажа его училищу. Жизнь въ Царскомъ Селѣ. Пожаръ въ петербургскомъ домѣ, въ которомъ я занималъ квартиру. Десятилѣтній юбилей открытія Троицкой желѣзной дороги. Наша домашняя жизнь въ Петербургѣ. Отказъ мой на приглашенія участвовать въ разныхъ частныхъ предпріятіяхъ. Отказъ отъ участія въ комиссіи для разсмотрѣнія проектовъ по устройству Литейнаго постояннаго моста и въ дѣлѣ по распространенію Петербургскихъ водопроводовъ. Разсмотрѣніе проекта снабженія водою г. Казани. Порученіе убѣдить П. І. Губонина окончить постройку собора св. Владиміра въ старомъ Херсонесѣ. Кончина моей тетки П. А. Замятниной. Мои домашнія дѣла въ апрѣлѣ 1873 года. Н. И. Путиловъ и его предпріятія: рельсовый заводъ, желѣзная дорога, Петербургскій портъ и подрядъ по Морскому каналу въ Кронштадтѣ. Его просьба о принятіи Московскими банками участія въ его дѣлахъ. Слухи о назначеніи меня министромъ путей сообщенія. Моя поѣздка въ Москву для заявленія о нежеланіи поступить въ совѣтъ общества Путиловскихъ заводовъ и отказъ банковъ въ просьбѣ Путилова. Согласіе, по иниціативѣ Ѳ. В. Чижова, банковъ на его просьбу. Выборъ меня въ предсѣдатели упомянутаго совѣта. Дѣла общества Путиловскихъ заводовъ въ связи съ другими дѣлами Путилова. Выходъ изъ совѣта этого общества. Мое участіе въ дѣлахъ Путилова съ В. И. Александровскимъ. Открытіе работъ по устройству Морского канала. Пожаръ на нашей Царскосельской дачѣ. Отвѣтъ Ѳ. В. Чижову, объясняющій положеніе дѣлъ Путилова. Дѣла общества Путиловскихъ заводовъ по октябрь 1876 года. Телеграмма Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища 13 марта 1873 года. Поѣздка съ П. П. Меньковымъ до Вѣны. Жизнь съ сестрою и ея дочерью во время Вѣнской выставки. Встрѣча на ней съ графомъ В. А. Бобринскимъ. Карлсбадъ. Ишль и поѣздка съ сестрою и ея дочерью въ Эмсъ и Висбаденъ. Мое возвращеніе въ Царское Село. Сдача петербургской квартиры моей сестры. Новый контрактъ на наемъ нашей петербургской квартиры по 1 іюня 1876 года и новый хозяинъ дома. Наша жизнь въ Царскомъ Селѣ. Поѣздка въ Нижній-Новгородъ на свадьбу моего племянника барона Д. Н. Дельвига. Дельвиговское желѣзнодорожное училище въ Москвѣ. Разсмотрѣніе проекта водоснабженія г. Казани и мои отношенія къ предполагаемымъ Таганрогскому водопроводу и распространенію водоснабженія Москвы. Наша жизнь въ Петербургѣ. Рескриптъ министру народнаго просвѣщенія о народныхъ училищахъ. Карикатура на Каткова и четырехъ министровъ и уставъ о воинской повинности. Голодъ въ Самар-

ской губерніи и сборъ въ пользу голодающихъ. Предсѣдатель главнаго управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и оставленіе мною мѣстъ товарища предсѣдателя этого общества и предсѣдателя комиссіи по перестройкѣ дома, принадлежащаго обществу. Предложеніе мнѣ въ 1876 году быть главнымъ уполномоченнымъ общества въ Сербіи. Бракосочетаніе великой княжны Маріи Александровны. Смерть фельдмаршала Берга. Свадьба В. Г. Филипсонъ съ В. И. Солдатенковымъ, ея смерть и свадьба Н. Г. Филипсонъ съ тѣмъ же Солдатенковымъ. Вторая женитьба И. К. Ренара. Телеграмма Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища 13 марта 1874 года. Мнѣніе Рейтерна объ остановкѣ устройства желѣзныхъ дорогъ послѣ 21 мая 1871 года, и дороги, утвержденныя съ этого времени по 1 января 1873 года. Учрежденія обществъ Оренбургской, Уральской, Фастовской и Привислинской желѣзныхъ дорогъ. Директора отъ правительства въ правленіяхъ желѣзныхъ дорогъ. Представленіе министра путей сообщенія о включеніи въ сѣть желѣзныхъ дорогъ 5.400 верстъ. Поѣздка въ Москву на экзамены въ Дельвиговскомъ желѣзнодорожномъ училищѣ. Присутствованіе въ Сенатѣ въ вакантное время 1874 года. Пріѣздъ А. И. Викулиной изъ-за границы въ Царское Село. Дѣло по жалобѣ купца Савина, купившаго лѣсъ у А. И. Викулиной. Дѣло по снятію запрещенія съ имѣній А. И. Викулиной и ея дочери Эмиліи. А. А. и И. А. Нарышкины. Назначеніе графа Шувалова посломъ въ Лондонъ. Увольненіе графа А. П. Бобринскаго отъ должности министра путей сообщенія и назначеніе на это мѣсто К. Н. Посьета. Дѣйствія по концессіи на Донецкую желѣзную дорогу. Слухи о назначеніи меня членомъ Государственнаго Совѣта. Продолженіе описанія дѣйствія по концессіи Донецкой желѣзной дороги. Занятія Посьета, какъ министра путей сообщенія. Переѣздъ Посьета въ домъ министра путей сообщенія. Избраніе меня членомъ совѣта общества пароходства, торговли и Одесской желѣзной дороги. Квартира, нанятая въ Петербургѣ для А. И. Викулиной въ 1874 году. Наша жизнь въ Петербургѣ въ зиму 1875 года. Дѣло Овсянникова по поджогу паровой мельницы въ Петербургѣ. Дѣло о Петербургскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства М. А. Безобразовѣ и по разсмотрѣнію проектовъ объ учрежденіи всесословной волости. Слухъ о злоупотребленіяхъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Дѣло Петербургскаго окружнаго суда по составленію фальшиваго духовнаго завѣщанія г-жею Сѣрковою. Слухъ о разводѣ П. П. фонъ-Дервиза съ женою. С.-Петербургское общество взаимнаго кредита. Переходъ изданія «Петербургскихъ Вѣдомостей» изъ академіи наукъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Уставы классическихъ и реальныхъ гимназій съ 1871 года и ихъ послѣдствія. Назначеніе меня предсѣдателемъ съѣзда машиностроителей, желѣзнозаводчиковъ и главныхъ потребителей желѣза и машинъ, и членомъ комиссіи по развитію въ Россіи рельсоваго производства и устройства подвижного состава. Дѣйствія съѣзда машиностроителей и проч. Телеграмма Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища 13 марта 1875 года. Болѣзнь моей жены. А. И. Баландинъ. Смерть Н. Х. Филипсонъ. Нашъ переѣздъ въ Царское Село и поѣздка въ Московскую губернію на похороны М. Д. Засѣцкаго. Гостиница «Славянскій базаръ» въ Москвѣ. Стипендіи ученикамъ Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища и экзамены въ этомъ училищѣ. Новое духовное завѣщаніе моей сестры. Московскій Англійскій клубъ. Возвращеніе въ Царское Село. Предположеніе о желѣзной дорогѣ между Москвою и Киржачемъ. Выборъ направленія желѣзной дороги въ Сибирь. Поѣздка въ Карлсбадъ, Шварцкопфъ, Страссбургъ. Русскіе въ Карлсбадѣ. С. С. Поляковъ, генералъ Синельниковъ и генералъ-адъютантъ князь Суворовъ. Возвращеніе изъ Карлсбада. Уплата Бильбасовымъ захваченныхъ имъ у меня денегъ. Ѳ. А. Оомъ о лечебномъ заведеніи въ Маріенбруннѣ. Поѣздка съ женою до Парижа. Пошлина на табакъ во Франціи. Парижъ. Монморанси. Обратный переѣздъ въ Парижъ. Переѣздъ изъ Парижа въ Канны. Болѣзнь моей жены въ іюнѣ 1877 года. Переѣздъ въ Петербургъ. М. Ф. Смитъ. Кончина моей сестры А. И. Викулиной. Послѣднее свиданіе моей жены съ племянницею Эмиліею Викулиной. Перевозъ тѣла сестры въ Москву. Продолженіе описанія болѣзни моей жены и ея кончина 6 января 1878 года.

Жизнь въ Каннахъ въ октябрѣ 1875 года. Поѣздка въ Ниццу. К. В. Чевкинъ; его кончина; его вдова. Комары въ Каннѣ. Пріѣздъ Н. Н. Левашова съ женою въ Каннъ. Мой переѣздъ въ Петербургъ. Парижская полиція. Нашъ посолъ князь Орловъ. Парижскій префектъ полиціи Рено. Алкье, Берлинъ. Мнѣніе графа Воронцова-Дашкова о возстаніи въ Босніи и Герцеговинѣ. Моя жизнь въ Петербургѣ съ конца октября 1874 года по конецъ марта 1875 года. Занятія въ Сенатѣ и въ комиссіи по снабженію русскихъ желѣзныхъ дорогъ рельсами и подвижнымъ составомъ. Кончина многихъ моихъ близкихъ осенью 1875 года. Мои денежныя дѣла въ мартѣ 1876 года. Новый 1876 годъ. Засѣданіе въ комиссіи по техническому образованію при техническомъ обществѣ въ январѣ 1876 года. Кончина вдовы моего брата. Жизнь моей жены въ Каннахъ. Мой заграничный отпускъ въ мартѣ 1876 года. Поѣздка въ Москву. Переѣздъ изъ Петербурга въ Канны. Поѣздка въ Ниццу и жизнь въ Каннахъ. Поѣздка съ женою въ Парижъ. Пребываніе въ Парижѣ и переѣздъ въ Царское Село. Окончаніе «Моихъ воспоминаній».

Обязанности сенатора межевого департамента, послѣ дѣятельной моей службы, были весьма необременительны *). Въ этомъ департаментѣ разсматривались межевыя дѣла по всей Имперіи и, сверхъ того, по случаю упраздненія нѣсколькихъ департаментовъ Сената, гражданскія дѣла Кавказскаго намѣстничества и Бессарабской области. Проекты резолюцій по дѣламъ, изготовляемые оберъ-секретарями, до обсужденія ихъ департаментами, были просматриваемы оберъ-прокуроромъ Густавомъ Ѳеодоровичемъ Пребстингомъ и однимъ изъ сенаторовъ, именно Кавказскія и Бессарабскія—первоприсутствующимъ Михаиломъ Павловичемъ Щербининымъ, долго служившимъ въ Новороссійскихъ губерніяхъ и на Кавказѣ, а межевыя — бывшимъ управляющимъ межевымъ корпусомъ Иваномъ Михайловичемъ Гедеоновымъ и бывшимъ оберъ-прокуроромъ межевого департамента Павломъ Андреевичемъ Славинскимъ; по переводѣ же послѣдняго въ кассаціонный департаментъ—вышеупомянутымъ Пребстингомъ, повышеннымъ въ сенаторы межевого департамента и переведеннымъ въ 1876 году въ 1-й департаментъ Сената. Мѣсто же оберъ-прокурора занялъ на нѣкоторое время баронъ Александръ Ѳеодоровичъ Штакельбергъ, переведенный во 2-е отдѣленіе 3-го департамента, а за нимъ Михаилъ Николаевичъ Сазоновъ. По поступленіи моемъ въ межевой департаментъ, сенаторы собирались 3 раза въ недѣлю: по вторникамъ, средамъ и четвергамъ въ полдень, и засѣданія продолжались одинъ и рѣдко два часа.

Такъ какъ число гражданскихъ дѣлъ по Кавказскому намѣстничеству постоянно убавлялось, по случаю введенія въ немъ новыхъ судебныхъ учрежденій, то найдено было возможнымъ собираться сначала по два раза, а въ послѣднее время по одному разу въ недѣлю, именно, во вторникъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ, съ 1871 года по 1876 годъ, однажды только случилось просидѣть въ Сенатѣ до 6-го часа: докладывалось всего одно бессарабское дѣло, въ которомъ замѣтны были подлоги и отравленія, подобные тѣмъ, въ которыхъ въ то же время обвинялись передъ Петербург-

---

*) Писано въ 1876 году.

скимъ окружнымъ судомъ извѣстные богачи братья Мясниковы, оправданные присяжными засѣдателями. Мы посмотрѣли строже на обсуждаемое нами бессарабское дѣло и направили его къ уголовному судопроизводству. Продолжительное засѣданіе въ Сенатѣ было столь необычайно, что оно обезпокоило семейства сенаторовъ: къ Щербинину пріѣхала въ Сенатъ дочь, а къ сенатору Венцелю жена, чтобы узнать, что съ ними случилось.

У меня въ этотъ день обѣдали, между прочими, Р. И. Посьетъ, Г. И. Филипсонъ, А. И. Баландинъ. Всѣ удивлялись, что я не воротился къ 5 часамъ, времени нашего обѣда, и старались развлечь мою жену, чтобы она не замѣтила, что это время уже прошло.

Гедеоновъ, который принялъ на себя предварительное разсмотрѣніе проектовъ резолюцій по межевымъ дѣламъ, не ѣздилъ въ Сенатъ въ тѣ дни, когда докладывались одни гражданскія дѣла, а потому не участвовалъ въ упомянутомъ продолжительномъ засѣданіи. Онъ, подсмѣиваясь надъ нашимъ рвеніемъ, увѣрялъ, что ему въ 6-мъ часу этого дня было извѣстно о продолжительности засѣданія въ межевомъ департаментѣ, такъ какъ объ этомъ, какъ о чудѣ, было возвѣщено всенародно, посредствомъ выброшеннаго на городской думѣ флага.

Сверхъ засѣданій въ межевомъ департаментѣ, я присутствовалъ въ общемъ собраніи 3-го, 4-го и межевого департаментовъ Сената. Эти общія собранія происходили по пятницамъ, каждыя двѣ недѣли. По всѣмъ дѣламъ общаго собранія присылались на домъ сенаторамъ печатныя записки. По ихъ прочтеніи, я писалъ на нихъ мое мнѣніе, которое отмѣчалъ въ спискѣ сенаторовъ, подаваемомъ при отобраніи голосовъ въ засѣданіи ихъ общаго собранія. Я весьма рѣдко и мало говорилъ въ этихъ собраніяхъ, частью потому, что не былъ достаточно знакомъ съ законами, а частью потому, что въ нихъ царствовалъ шумъ, при которомъ говорить было непріятно. Резолюціи же по дѣламъ, доложеннымъ въ предыдущемъ засѣданіи, читались при такомъ шумѣ, что нельзя было ничего разслушать изъ читаемаго. Это чтеніе обыкновенно называлось «часами».

Съ 15-го іюня по 1-е сентября—вакантное время для сенаторовъ, когда засѣданій въ департаментахъ и въ общихъ собраніяхъ не бываетъ. На это время составляются два присутствія: гражданское и уголовное, въ которыя назначаются по пяти сенаторовъ. Сенаторы пользуются вакаціями сряду два года, а въ третій годъ назначаются въ упомянутыя засѣданія, которыя бываютъ по одному разу въ недѣлю.

Въ 1872 году я былъ назначенъ на лѣтніе мѣсяцы въ гражданское присутствіе Сената и могъ бы быть свободенъ до 1875 года, но, по просьбѣ сенатора князя Оболенскаго, я согласился вмѣсто него засѣдать въ 1874 году въ уголовномъ присутствіи. Въ мартѣ 1876 года министръ юстиціи, графъ Паленъ, дѣлалъ затрудненія въ моемъ отпускѣ за границу, полагая, что я таковымъ могу воспользоваться въ вакантное время.

Тогда я ему сказалъ, что мнѣ нуженъ отпускъ именно весною, а что лѣто я проведу въ Петербургѣ. Воспользовавшись этимъ разговоромъ,

меня назначили въ 1876 году въ гражданское присутствіе на мѣсто отпросившагося сенатора Харитонова. Засѣданія въ гражданскомъ присутствіи продолжались около часа, въ уголовномъ же три часа и долѣе: рѣшеніе участи людей обсуждалось съ большимъ вниманіемъ. Сверхъ того, уголовные законы мнѣ были извѣстны еще менѣе гражданскихъ. Впрочемъ, мои сочлены были криминалисты, въ особенности исправлявшій должность первоприсутствующаго Михаилъ Ѳеодоровичъ Гольтгойфъ былъ извѣстенъ своими познаніями и сверхъ того мягкосердечіемъ.

Столь незначительныя занятія по службѣ дали мнѣ возможность каждый день прогуливаться въ продолженіе часа, причемъ я обыкновенно исполнялъ разныя порученія моей жены, которая, занимаясь разными работами, какъ то, выпиливаніемъ изъ дерева и т. п., постоянно имѣла надобность въ покупкѣ разныхъ вещей. Я тогда же пріобрѣлъ педиметръ и, записывая по нему пройденное мною разстояніе, выводилъ среднее число верстъ, которое приходилось на день, считая съ новаго года. Этотъ педиметръ я и теперь ношу постоянно.

Имѣя много свободнаго времени, я занялся болѣе разнообразнымъ чтеніемъ и чаще посѣщалъ моихъ родныхъ и знакомыхъ, а равно Англійскій клубъ, въ которомъ обѣдалъ по субботамъ и послѣ обѣда, въ угоду П. К. Менькову, садился съ нимъ играть въ ералашъ, когда онъ не находилъ четвертаго игрока по 3 копейки фишку. У насъ собирались къ обѣду, или вечеромъ, наши родные и знакомые, о которыхъ я уже говорилъ въ предыдущихъ главахъ «Моихъ воспоминаній», именно: семейства Филипсона, И. Н. Колесова, Н. Н. Колесова, который, овдовѣвъ въ 1869 году, въ началѣ 1871 года женился на очень красивой дѣвицѣ Александрѣ Константиновнѣ Сафайловой, и другіе.

Всего чаще я бывалъ у сестры моей А. И. Викулиной, жившей въ Троицкомъ переулкѣ. Моя обыкновенная прогулка была къ ней, такъ какъ, по нездоровью ея дочери, она рѣдко могла бывать у насъ. Я уже говорилъ выше, что у послѣдней въ 32 года, въ началѣ 1871 года, была корь, вслѣдствіе которой у нея на носу образовалась ранка, на что лѣтомъ, живя въ деревнѣ, не обратила вниманія, а по пріѣздѣ къ намъ въ Царское Село и потомъ въ Петербургъ, доктора только ее мазали. 7 ноября 1871 года, придя поздравить сестру со днемъ ея рожденія, я намѣревался предложить посовѣтоваться съ нашимъ докторомъ Левенсономъ, но моя племянница, прежде чѣмъ я началъ говорить объ этомъ, сама просила меня съѣздить съ нею къ Левенсону. Онъ, найдя ранку запущенною и болѣзнь весьма серьезною, часто прижигалъ ранку, которая по прошествіи нѣсколькихъ дней снова образовывалась. Операціи причиняли сильную боль, и Левенсонъ удивлялся необыкновенному терпѣнію моей племянницы, у которой характеръ, дѣйствительно, ангельскій. Онъ опасался, что въ нашемъ климатѣ никакія средства ей не помогутъ, и потому совѣтовалъ по наступленіи весны ѣхать лечиться въ Вѣну у извѣстнаго спеціалиста накожныхъ болѣзней Гебры.

Въ началѣ апрѣля сестра, чтобы отдохнуть передъ поѣздкою, переѣхала къ намъ, а 19-го числа этого мѣсяца выѣхала въ чужіе края. Я ее провожалъ до границы. Въ Вержболовѣ мы пробыли сутки. 21-го числа, въ день именинъ сестры, послѣ обѣдни, она съ дочерью поѣхала далѣе, а я, простясь съ ними въ Эйдкуненѣ, воротился въ Петербургъ. Передъ ихъ отъѣздомъ, въ одинъ изъ четверговъ марта мѣсяца, когда я, вернувшись изъ Сената, разстегнулъ свой сюртукъ, сестра замѣтила, что моя часовая цѣпочка, состоявшая изъ девяти золотыхъ жетоновъ съ эмалью, установленныхъ для безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, въ особенности красива на бѣломъ жилетѣ, который я надѣвалъ только въ тѣ дни, въ которые ѣздилъ въ Сенатъ. Передъ обѣдомъ я снялъ жилетъ и часы, которые оставилъ на письменномъ столѣ моего кабинета. Кромѣ сестры, племянницы и Баландина, обѣдавшаго у насъ по четвергамъ, нѣсколько другихъ знакомыхъ обѣдали въ этотъ четвергъ и провели вечеръ, такъ что до второго часа по полуночи я не имѣлъ времени зайти въ свой кабинетъ. Войдя въ него въ этомъ часу, я немедля замѣтилъ, что мои англійскіе золотые часы и цѣпочка исчезли. Въ 2 часа ночи я далъ объ этомъ знать въ полицейскій участокъ, а въ 8 часовъ утра лично передалъ объ этомъ оберъ-полиціймейстеру генералъ-адъютанту Ѳеодору Ѳеодоровичу Трепову, который при мнѣ, призвавъ начальника сыскной полиціи, приказалъ ему принять мѣры къ отысканію украденнаго. Около полудня былъ у меня чиновникъ сыскной полиціи и словесно спрашивалъ о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Черезъ нѣсколько дней я получилъ повѣстку отъ судебнаго слѣдователя, въ которой онъ просилъ меня, для дачи показанія о случившейся у меня кражѣ, прибыть въ зданіе окружного суда или назначить слѣдователю время, когда я могу его принять. Предложеніе слѣдователя пріѣхать ко мнѣ было послѣдствіемъ того, что по закону сенаторы и нѣкоторыя другія должностныя лица могли быть допрашиваемы въ ихъ мѣстѣ жительства.

Я, по полученіи повѣстки, на другой же день былъ у судебнаго слѣдователя, который отобралъ отъ меня длинное показаніе и между прочимъ о томъ, что я никого въ кражѣ не подозрѣваю. Этотъ допросъ, по моему мнѣнію, былъ пустою формальностью, потому что о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ со стороны слѣдователя мнѣ ничего не извѣстно. Сыскная же полиція, дѣлавшая допросы служащимъ у меня людямъ, писцу, ежедневно до 9 часовъ вечера переписывавшему въ сосѣдней съ моимъ кабинетомъ комнатѣ II главу «Моихъ воспоминаній», и нѣсколькимъ другимъ лицамъ, ничего не добилась: часы, на которыхъ вырѣзанъ былъ мой гербъ, и цѣпочка изъ 9 жетоновъ, на каждомъ изъ которыхъ была вычеканена моя фамилія, пропали безвозвратно.

Упомянутый писецъ былъ хорошій чиновникъ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія и своимъ поведеніемъ стоялъ выше всякаго подозрѣнія. Мои люди, за исключеніемъ камердинера, давно служили у меня, а послѣдній былъ очень глупъ, они были также внѣ подозрѣ-

нія. Изъ допросовъ оказалось, что мой камердинеръ звалъ цирюльника, приходившаго каждое утро меня брить, притти къ нему въ 10-мъ часу вечера, чтобы поставить банки. Швейцаръ дома видѣлъ, какъ цирюльникъ въ этомъ часу вошелъ по парадной лѣстницѣ и вскорѣ вышелъ. Никто изъ моихъ людей тогда его не видалъ, а видѣли его они въ 11-мъ часу, когда цирюльникъ приходилъ въ кухню по черной лѣстницѣ.

Въ нашу квартиру съ парадной лѣстницы были двѣ двери, одна для входа въ мой кабинетъ, а другая во всѣ прочія комнаты. Бывшій у меня въ тотъ вечеръ, когда случилась покража, директоръ департамента жел. дор. И. Д. Хмельницкій, узнавъ о ней, заявилъ, что онъ, пріѣхавъ въ 9-мъ часу вечера, сначала вошелъ черезъ первую изъ упомянутыхъ дверей въ переднюю комнату передъ моимъ кабинетомъ; найдя ее неосвѣщенною, позвонилъ въ колокольчикъ у другой передней и сожалѣлъ, что не сказалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ, что первая дверь не была заперта. Вѣроятно, цирюльникъ, войдя также въ эту дверь и не найдя никого въ передней, вошелъ въ кабинетъ, въ которомъ при неопущенныхъ сторахъ было свѣтло отъ фонарей Николаевскаго моста и набережной Невы, такъ что легко было видѣть бывшіе на письменномъ столѣ золотые часы и цѣпочку, которые цирюльникъ каждое утро видѣлъ на этомъ мѣстѣ; укравъ ихъ и отнеся къ сбытчику краденыхъ вещей, онъ потомъ вернулся въ мою квартиру по задней лѣстницѣ.

При допросѣ онъ утверждалъ, что, не найдя никого въ темной передней, онъ не смѣлъ позвонить у двери, ведущей въ другую переднюю и, не входя въ мой кабинетъ, спустился по парадной лѣстницѣ и немедля вернулся по черной. Заявить мое на него подозрѣніе я не рѣшался, потому что въ мой кабинетъ черезъ незапертую дверь могъ всякій войти и украсть часы. Только впослѣдствіи, при производствѣ допросовъ, я узналъ, что этотъ цирюльникъ, несмотря на свои молодыя лѣта, за воровство сидѣлъ нѣсколько времени въ рабочемъ домѣ.

Въ X главѣ «Моихъ воспоминаній» я говорилъ объ утвержденіи устава Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища на суммы, собранныя желѣзнодорожными дѣятелями послѣ оставленія мною должности главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Образованіе совѣта этого училища, члены котораго, конечно, не получаютъ никакого содержанія, было весьма затруднительно. Я полагалъ, что училище можетъ осуществиться только при энергичномъ, безкорыстномъ и образованномъ предсѣдателѣ совѣта, а такимъ изъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей былъ Ѳ. В. Чижовъ, рѣшительно отказавшійся по нездоровью и множеству другихъ дѣлъ и предлагавшій на это мѣсто члена правленія Иваново-Шуйской жел. дороги Дмитрія Ѳедосѣевича Кондратьева, какъ человѣка знакомаго съ хозяйствомъ и письмоводствомъ. Я же, зная его ничтожное образованіе, упросилъ Чижова, по дружбѣ ко мнѣ, принять на себя званіе предсѣдателя, Кондратьевъ же выбранъ въ вице-предсѣдатели. Впослѣдствіи и Чижовъ

и другіе члены совѣта убѣдились, что Кондратьевъ вполнѣ неспособенъ быть предсѣдателемъ училищнаго совѣта. Переговоры съ Чижовымъ о принятіи имъ этой обязанности, пріисканіе дома для училища, смотрителя и учителей и составленіе программы учебныхъ занятій потребовали много времени, такъ что училище было открыто только 13 марта 1872 года въ день моего рожденія.

О дальнѣйшемъ ходѣ училища, которое я посѣщаю ежегодно, будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ.

Желѣзнодорожные дѣятели и по выходѣ моемъ изъ министерства продолжали выказывать мнѣ свое расположеніе представленіемъ жетоновъ на безплатный проѣздъ по вновь открываемымъ жел. дорогамъ, альбомовъ съ видами этихъ дорогъ и т. п. Между прочимъ, по открытіи осенью 1871 года Либавской и весною 1872 года Скопинской жел. дороги, мною получены отъ главнаго инженера первой Кологривова письмо и отъ предсѣдателя послѣдней Винберга и ея учредителя Варшавскаго телеграмма. Привожу письмо Кологривова буквально:

«Либавская жел. дорога обязана много просвѣщенному содѣйствію и, если смѣю такъ выразиться, замѣчательно *трезвому* взгляду вашего превосходительства на дѣло. Онъ сказался и при разсмотрѣніи проектовъ и при неоднократномъ и *всегда скоромъ* рѣшеніи вопросовъ, вызванныхъ ходомъ работъ. Даже оставивъ управленіе, ваше превосходительство нашли возможность оказать справедливую помощь дѣлу, насъ занимающему, упростивъ разрѣшеніе вопроса объ уклонахъ въ 0,01 на небольшой длинѣ *), безъ чего вопросъ этотъ затянулся бы. Позвольте же мнѣ еще разъ и отъ души поблагодарить васъ и просить принять отъ насъ присланный альбомъ, представляющій наглядный опытъ произведенныхъ работъ, утвержденныхъ вами въ проектѣ».

Вотъ телеграмма Винберга и Варшавскаго отъ 10 марта 1872 года изъ Скопина:

---

*) Это вмѣшательство мое въ дѣло по Либавской жел. дорогѣ было послѣдствіемъ письма управлявшаго министерствомъ путей сообщенія графа А. П. Бобринскаго ко мнѣ отъ 19 августа 1871 г., на которое я отвѣчалъ утвердительно.

Вотъ это письмо Бобринскаго:

«Правленіе Либавской жел. дор., ходатайствуя объ ея открытіи къ 30-му числу настоящаго августа, вошло ко мнѣ съ представленіемъ, которое имѣю честь препроводить въ подлинникѣ къ вашему превосходительству, съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ вашемъ указаніи по предмету нѣкоторыхъ измѣненій въ первоначальномъ проектѣ Либавской жел. дор. По отзыву Правленія объ упомянутыхъ измѣненіяхъ было въ свое время словесно испрашиваемо разрѣшеніе у вашего превосходительства и исправляющаго должность министра путей сообщенія. Предполагая вполнѣ утвердить всѣ отступленія отъ первоначальнаго проекта Либавской дороги въ томъ случаѣ, если они были разрѣшены или предварительно одобрены вашимъ превосходительствомъ, я имѣю честь покорнѣйше просить сообщить ваше по этому поводу заключеніе.

«Съ чувствомъ полнаго уваженія и совершенной преданности имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга

«Гр. Бобринскій».

«Словомъ и дѣломъ вы, ваше превосходительство, постоянно содѣйствуете и сочувствуете благополучному ходу развитія желѣзнодорожнаго дѣла. Мы, празднуя открытіе Скопинской дороги, съ сердечнымъ удовольствіемъ пьемъ за ваше здоровье и желаемъ вамъ многія лѣта. Предсѣдатель правленія Винбергъ. Учредитель Варшавскій».

Несмотря на любезность приведеннаго въ выноскѣ письма графа А. П. Бобринскаго, его непріязненное отношеніе ко мнѣ и даже къ тѣмъ изъ его подчиненныхъ, которые продолжали бывать у меня, было извѣстно. Другія же власть имущія лица свыкались съ новымъ положеніемъ вещей и, конечно, обо мнѣ забыли.

Въ концѣ Великаго поста 1872 года было назначено засѣданіе комитета жел. дорогъ, котораго я состоялъ членомъ съ 1868 года, но объ этомъ засѣданіи я не былъ извѣщенъ и даже ни отъ кого о немъ не слыхалъ, несмотря на то, что въ это время видѣлся въ Англійскомъ клубѣ съ членомъ этого комитета А. А. Абазою, нѣсколько разъ послѣ моего увольненія изъ министерства путей сообщенія говорившимъ, что, конечно, я остаюсь попрежнему членомъ комитета жел. дорогъ. Только послѣ засѣданія комитета Чевкинъ спросилъ меня, почему я не былъ въ немъ, и на мой отвѣтъ, что я не зналъ даже о созваніи комитета, сказалъ, что графъ А. П. Бобринскій и его клевреты хотятъ удалить меня, но что я обязанъ объ этомъ объясниться съ предсѣдателемъ комитета графомъ С. Г. Строгановымъ. Мнѣ все такъ тогда надоѣло и я радъ былъ, что меня оставляли въ покоѣ. Однакоже я имѣлъ глупость послушаться Чевкина.

Строгановъ, выслушавъ меня, былъ весьма удивленъ тѣмъ, что я не получилъ повѣстки быть въ засѣданіи, и хотѣлъ это замѣтить дѣлопроизводителю комитета инженеру Салову, фавориту А. П. Бобринскаго. Въ слѣдующее мое свиданіе со Строгановымъ онъ мнѣ сказалъ, что Саловъ утверждаетъ, что я, по моей просьбѣ, уволенъ между прочимъ и отъ званія члена комитета. Я возразилъ, что я, согласно моему прошенію, уволенъ отъ всѣхъ должностей, которыя я занималъ по министерству путей сообщенія, а въ члены комитета я назначенъ не отъ министерства, а по особому Высочайшему повелѣнію, воспослѣдовавшему по ходатайству Строганова. По выраженному имъ вслѣдствіе этого объясненія желанію, я послалъ къ нему его письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня объ упомянутомъ Высочайшемъ повелѣніи. Возвращая 6 мая 1872 года это письмо, Строгановъ написалъ мнѣ слѣдующее:

«Изъ доставленной мнѣ, по моему требованію, изъ министерства путей сообщенія справки видно, что 21 мая 1871 года Государь Императоръ, согласно прошенію вашему, Всемилостивѣйше соизволилъ на увольненіе ваше отъ всѣхъ должностей, которыя вы занимали по министерству путей сообщенія, съ оставленіемъ васъ въ званіи сенатора, но при этомъ въ повелѣніи Его Императорскаго Величества не выражено, чтобы ваше превосходительство оставались вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ комитета жел. дорогъ.

«Такимъ образомъ изъ справки этой я вижу, къ моему величайшему сожалѣнію, что ваше превосходительство не состоите болѣе членомъ упомянутаго комитета, о чемъ считаю долгомъ васъ увѣдомить».

Строгановъ пишетъ, что въ Высочайшемъ повелѣніи объ увольненіи меня изъ министерства путей сообщенія не было выражено, что я остаюсь членомъ комитета жел. дорогъ, но объ этомъ въ повелѣніи не зачѣмъ было упоминать, чему между прочимъ служитъ доказательствомъ то, что члены комитета Мельниковъ и Герстфельдъ при назначеніи ихъ членами Государственнаго Совѣта съ увольненіемъ отъ должностей—первый министра, а второй—товарища министра путей сообщенія, оставались попрежнему членами комитета жел. дорогъ, хотя объ этомъ не упоминалось въ Высочайшихъ повелѣніяхъ объ ихъ новомъ назначеніи. Приведенное письмо Строганова я показывалъ Чевкину, заявивъ мое сожалѣніе, что я по его желанію завелъ это дѣло. Чевкинъ ограничилъ свой отвѣтъ пожиманіемъ плечъ. Но все оказывается къ лучшему: если бы я остался членомъ комитета, то пришлось бы оспаривать представленія министровъ Бобринскаго и Посьета объ устройствѣ новыхъ бездоходныхъ жел. дорогъ, только уменьшавшихъ доходы прежде устроенныхъ. Эта оппозиція не могла бы принести хорошихъ результатовъ для дѣла, а ее, конечно, приняли бы за слѣдствіе моего оскорбленнаго самолюбія, и она могла бы нарушить мои дружественныя отношенія съ Посьетомъ.

Послѣ полученія вышеприведеннаго письма графа С. Г. Строганова, я прекратилъ съ нимъ всякія сношенія и только 10 декабря 1875 года получилъ отъ него письмо слѣдующаго содержанія:

«Въ общемъ собраніи 4,5 и межевого департаментовъ Правительствующаго Сената предлежитъ къ разрѣшенію дѣло по иску казны о совмѣстномъ правѣ съ родомъ графовъ Строгановыхъ и участниками ихъ на земли въ Пермской губерніи, замежеванныя въ дачи наши Новоусольскихъ и Ленвенскихъ соляныхъ промысловъ и другія въ количествѣ 210 тыс. десят.

«Въ видахъ содѣйствія къ справедливому и успѣшному разрѣшенію полувѣкового процесса, возникшаго вслѣдствіе недоразумѣній, имѣю честь сообщить при семъ на ваше усмотрѣніе краткій очеркъ основаній по Всемилостивѣйшему древнему дару».

Дѣло Строганова, по моему мнѣнію, было справедливо и въ общемъ собраніи рѣшено въ его пользу значительнымъ большинствомъ голосовъ, но я и нѣсколько сенаторовъ, получившихъ письма одинаковаго съ вышеприведеннымъ содержанія, выражали мнѣніе, что Строганову не слѣдовало бы писать этихъ писемъ. Министръ юстиціи, не соглашаясь съ мнѣніемъ большинства сенаторовъ, въ сентябрѣ 1876 года предложилъ общему собранію Сената отказать Строганову въ его просьбѣ, но я остался при своемъ мнѣніи; дальнѣйшій ходъ этого дѣла мнѣ неизвѣстенъ.

По случаю двухсотлѣтняго юбилея дня рожденія Петра Великаго назначено было устроить въ Москвѣ русскую промышленную выставку,

которую открыть 30 мая 1872 года. Предсѣдателемъ комиссіи по устройству выставки былъ назначенъ великій князь Алексѣй Александровичъ. Предполагалось, что, осмотрѣвъ въ 1871 году Сѣверо-Американскіе Штаты, онъ вернется къ означенному времени въ Россію.

Великій князь отправился въ Америку съ воспитателемъ своимъ К. Н. Посьетомъ. Положеніе Посьета было затруднительно. Морское министерство, имѣя вѣроятно въ виду, что плаваніе великаго князя продолжится не болѣе полугода, оставило на суднѣ, которое было назначено для этого плаванія, старые котлы, такъ что Посьетъ долженъ былъ по прибытіи въ Америку ихъ замѣнить новыми и произвести на суднѣ многія другія исправленія.

Посьетъ, уже по выѣздѣ изъ Петербурга, получилъ повелѣніе о томъ, что путешествіе великаго князя должно продолжаться болѣе 6 мѣсяцевъ. Позднею осенью 1872 года дозволено было великому князю пристать къ порту на восточномъ берегу Сибири, чтобы черезъ нее возвратиться сухимъ путемъ, но въ портѣ, въ который вошли съ большою опасностію, такъ какъ пришлось прорѣзывать ледъ, Посьетъ получилъ телеграмму съ приказаніемъ не возвращаться, а продолжать плаваніе по Тихому Океану. Великій князь немедля съ тою же опасностію вышелъ изъ порта. Только весною 1873 года дозволено было великому князю вернуться сухимъ путемъ черезъ Сибирь въ Петербургъ, куда онъ прибылъ въ іюнѣ этого года.

Во все двухлѣтнее путешествіе Посьетъ постоянно писалъ донесенія Государю и даже Государынѣ. Въ своихъ донесеніяхъ Посьетъ описывалъ обстоятельства плаванія, такъ что Государь узнавалъ о нихъ ранѣе генералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича, который былъ этимъ недоволенъ, тѣмъ болѣе, что онъ постоянно и прежде не любилъ Посьета.

За отсутствіемъ великаго князя Алексѣя Александровича, открытіе Московской выставки было возложено на великаго князя Константина Николаевича. Катеръ, носящій названіе «Дѣдушка Русскаго флота», долженъ былъ быть отправленъ на выставку. Онъ съ торжественною церемоніею былъ провезенъ по Невѣ до Путиловской пристани, откуда по временной жел. дорогѣ*) былъ перевезенъ на Николаевскую, по которой и доставленъ въ Москву. Во время прибытія «Дѣдушки Русскаго флота» на Путиловскую пристань, его ожидали на ней Наслѣдникъ съ Супругою и великій князь Константинъ Николаевичъ. Путиловъ воспользовался этимъ, чтобы показать все уже сдѣланное имъ для Петербургскаго порта и разъяснить дальнѣйшія свои предположенія. Кромѣ ихъ высочествъ, было много лицъ, приглашенныхъ Путиловымъ. Я смотрѣлъ на церемонію перевозки «Дѣдушки Русскаго флота» изъ окошекъ моей Петербургской квартиры, обращенныхъ на Неву. Мы еще до церемоніи переѣхали въ Царское Село и потому жена моя ее не видала. Нѣсколько нашихъ

*) Объ этой пристани и дорогѣ будетъ подробно говорено далѣе.

знакомыхъ пріѣхали смотрѣть ее изъ нашей квартиры; въ ихъ числѣ были баронесса Таубе и Князевъ съ женою. Баронесса Таубе, увидѣвъ послѣднюю, спросила меня фамилію этой хорошенькой барышни и очень была удивлена, когда я ей сказалъ, что эта барышня четыре года замужемъ. Князева дѣйствительно такъ моложава, что ее продолжаютъ и теперь (1876 г.) называть несовершеннолѣтней.

Желая видѣть Московскую выставку и получивъ между тѣмъ назначеніе присутствовать въ Сенатѣ въ вакантное время, я взялъ 10-дневный отпускъ, чтобы воротиться до наступленія означеннаго времени,начинающагося въ половинѣ іюня. Изъ Царскаго Села я проѣхалъ на лошадяхъ до ст. Колпино, гдѣ сѣлъ на курьерскій поѣздъ, въ которомъ для меня было оставлено очень удобное отдѣленіе въ одномъ вагонѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, о чемъ меня никто не предупредилъ.

Великій князь, увидавъ меня, спросилъ, куда я ѣду и какъ поживаю въ моей синекурѣ. На отвѣтъ мой, что ѣду на выставку и что мои занятія требуютъ моего присутствія въ Сенатѣ три и даже четыре раза въ недѣлю, онъ сказалъ:

— А я полагалъ, что это полная синекура.

Въ Москвѣ я остановился у Ѳ. В. Чижова, который былъ въ это время за границею. Въ день моего пріѣзда шелъ такой сильный дождь, что многія улицы преобразились въ рѣки, а улицы, имѣющія покатость, какъ то: Тверская, Никитская и т. д.,—въ потоки.

Въ день открытія выставки, 30-го мая, погода была великолѣпная. Назначено было «Дѣдушку Русскаго флота» спустить на катеръ, стоявшій близъ впаденія р. Яузы въ р. Москву у Воспитательнаго дома. Я поѣхалъ туда. Вскорѣ пріѣхалъ великій князь со свитою и послѣ небольшой церемоніи сѣлъ въ означенный катеръ и поѣхалъ вверхъ по р. Москвѣ до устроенной при выставкѣ, противъ Кремля, пристани, по которой «Дѣдушка Русскаго флота» былъ поднятъ съ катера на приготовленное ему на выставкѣ мѣсто. Въ это время я уже былъ на этой пристани.

Великій князь, сойдя на берегъ, спросилъ меня, зачѣмъ я не сѣлъ съ нимъ въ катеръ, куда онъ меня звалъ, но я его приглашенія не замѣтилъ. Въ этотъ же день я осмотрѣлъ большую часть выставки и потомъ до отъѣзда изъ Москвы посѣщалъ ее ежедневно. Она многими подробно описана, а потому я ее описывать не буду. Скажу только, что очень счастливая мысль помѣстить ее въ Александровскомъ саду была приведена въ исполненіе съ большимъ успѣхомъ.

На другой день открытія выставки я гулялъ вечеромъ по Петровскому парку, гдѣ встрѣтилъ великаго князя, пригласившаго меня прогуляться съ нимъ. Въ паркѣ мы долго слушали пѣсенниковъ, призванныхъ по желанію великаго князя, потомъ заходили въ какой-то кафе-шантанъ, гдѣ заѣзжіе артисты пѣли весьма скабрезныя французскія шансонетки и танцовали. Великій князь просидѣлъ довольно долго въ одномъ сюртукѣ,

а такъ какъ было холодно, то я очень радъ былъ возможности уѣхать. Передъ отъѣздомъ великій князь сказалъ мнѣ, что онъ на другой день, въ Семикъ, будетъ на народномъ праздникѣ въ Марьиной рощѣ. Пообѣдавъ въ этотъ день у вице-предсѣдателя совѣта Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища Д. Ѳ. Кондратьева, мимо квартиры котораго великій князь проѣхалъ въ Марьину рощу, я поѣхалъ за нимъ. Народъ вездѣ бѣжалъ за экипажемъ великаго князя. Громкое «ура!» не прекращалось. Лазили на деревья и кидали вверхъ шапки. Простого народа было въ рощѣ множество, но въ экипажахъ, кажется, были только великій князь, его свита и я. Великій князь видимо былъ очень доволенъ. Многіе толковали, что, вслѣдствіе его распоряженій во время намѣстничества въ Польшѣ, онъ дурно будетъ принятъ въ Москвѣ, но это предположеніе не имѣло смысла. Русскій народъ въ великомъ князѣ видѣлъ только брата Императора, и потому выказывалъ ему свою радость. Этому, впрочемъ, могло способствовать и то, что многіе простолюдины знали, что великій князь былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ концѣ мая воспитанники Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища были распущены на вакаціи. Училище помѣщалось въ наемномъ домѣ на Новой Басманной улицѣ, въ которомъ были устроены небольшія мастерскія. Въ виду трудности перемѣнить помѣщеніе училища, хозяинъ этого дома полагалъ на слѣдующій годъ прибавить наемную плату. Необходимость пріобрѣтенія для училища собственнаго дома была очевидна.

Общество Московско-Курской жел. дороги, образовавшееся послѣ сбора суммы на учрежденіе училища, пожелало, по предложенію Чижова, быть вкладчикомъ въ училище при полученіи первой прибыли по дорогѣ. Въ виду этого я немедля распорядился покупкою дома для училища. Таковой найденъ былъ на 2-ой Мѣщанской за 17 тыс. руб. съ купчею. Заложивъ мои акціи Московско-Ярославской жел. дороги въ правленіи этой дороги съ платою 6% въ годъ за полученный капиталъ, я добылъ 17 тыс. руб., и домъ былъ купленъ осенью 1872 года. Училище было немедленно переведено, платя мнѣ за наемъ дома въ годъ 1000 руб. Сверхъ того, при немъ выстроена каменная мастерская на скопившіеся % съ пожертвованнаго на училище капитала.

Въ 1873 же году пожертвовано на пріобрѣтеніе этого дома и на постройку при немъ мастерскихъ обществомъ Московско-Курской жел. дороги 20 тыс. руб. и В. А. Кокоревымъ 2 тыс. руб. Эти пожертвованія были вполнѣ негласныя, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы не возбудить снова говора о благодарности общества Московско-Курской жел. дороги за оказанную будто бы мною ему помощь при продажѣ дороги.

Немедля по полученіи этихъ денегъ, училищный домъ былъ нѣсколько исправленъ. Пріобрѣтеніе же дома въ собственность училища, непредвидѣнное по его уставу, не могло состояться безъ особеннаго на этотъ предметъ Высочайшаго повелѣнія. По назначеніи въ 1874 году К. Н. Посьета

министромъ путей сообщенія, я просилъ его представить объ этомъ Государю и получилъ 31 августа 1874 года слѣдующее письмо отъ товарища министра путей сообщенія Н. Н. Селифонтова:

«Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра путей сообщенія 21-го августа с. г. о пожертвованіи, сдѣланномъ неизвѣстными лицами, особаго капитала на пріобрѣтеніе дома для Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: въ виду превосходнаго состоянія Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища и пользы, приносимой имъ желѣзнодорожному дѣлу, пожертвованный неизвѣстными лицами капиталъ на покупку дома для училища употребить сообразно волѣ жертвователей съ тѣмъ, чтобы Дельвиговское желѣзнодорожное училище и впослѣдствіи имѣло право пріобрѣтать недвижимую собственность при условіи сохраненія основного капитала своего неприкосновеннымъ.

«О чемъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, покорнѣйше прося и пр».

Я и совѣтъ училища дали довѣренности на продажу и покупку дома за 17 тыс. руб., т.-е., за ту сумму, въ которую онъ мнѣ обошелся.

Младшій нотаріусъ совершилъ купчую, но старшій Московскій нотаріусъ не утверждалъ ее, въ виду появившагося въ 1874 году закона, по которому хожденіе по дѣламъ въ судебныхъ мѣстахъ дозволяется только присяжнымъ повѣреннымъ и ихъ помощникамъ, а лица, дѣйствовавшія по довѣренностямъ моей и совѣта училища, не принадлежали къ этому сословію. Ясно было, что законъ относился только до судебныхъ дѣлъ, а не до совершенія купчихъ и другихъ подобныхъ актовъ, однакожъ старшій нотаріусъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ настаивалъ на своемъ, чрезъ что ввелъ меня въ убытокъ, такъ какъ, продавъ домъ, я съ 1-го октября не получалъ платы за его наемъ и не могъ до совершенія купчей получить капитала, за который домъ былъ проданъ. Я разсказалъ объ этомъ К. В. Чевкину, который, переговоривъ съ министромъ юстиціи графомъ К. И. Паленомъ, потребовалъ для передачи послѣднему записки съ изложеніемъ этого притѣсненія. Но ничего не помогло, пока самъ старшій нотаріусъ не одумался и вдругъ ни съ того ни съ сего согласился на утвержденіе купчей крѣпости. Если законы могутъ такъ произвольно толковаться въ Москвѣ, чего же можно ожидать отъ подобныхъ нотаріусовъ въ отдаленныхъ отъ центра управленія мѣстностяхъ?

По возвращеніи въ Царское Село, я провелъ лѣто 1872 года очень покойно. Каждый день посѣщалъ насъ кто-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ, нѣкоторые изъ нихъ жили у насъ по нѣскольку дней и даже недѣль; маленькій же Алексѣй Соколовъ, учившійся на нашъ счетъ въ 3-й гимназіи, прожилъ у насъ все вакаціонное время. Вообще жена моя любила разумно помогать бѣднымъ людямъ, обращаясь съ ними, какъ съ друзьями. Въ числѣ этихъ бѣдныхъ людей она особенно любила мать означеннаго мальчика, которую ея безпутный мужъ бросилъ безъ куска хлѣба. Дочь ихъ

Ольга Павловна воспитывалась въ институтѣ Принца Ольденбургскаго на счетъ моей сестры, потомъ поступила на женскіе педагогическіе курсы, но, по совѣту докторовъ, должна была, по болѣзненному состоянію, ихъ оставить. Получивъ облегченіе отъ болѣзни, она поступила гувернанткою къ небольшимъ дѣтямъ, но черезъ утомленіе снова впала въ болѣзнь и должна была переселиться къ матери, у которой всего одна комната. Проведя все лѣто 1876 года у насъ въ Царскомъ Селѣ, она снова поправилась. Братъ же ея Алексѣй, постоянно проводившій у насъ вакаціонное время, вскорѣ по вступленіи въ гимназію обратилъ на себя вниманіе начальства хорошимъ поведеніемъ и ученіемъ, такъ что въ 1874 году принятъ въ гимназію въ число казеннокоштныхъ учениковъ.

Въ началѣ лѣта 1872 года пріѣхалъ ко мнѣ на Царскосельскую дачу Александръ Васильевичъ Головинъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, а нынѣ членъ Государственнаго Совѣта. Онъ имѣетъ свою дачу въ Царскомъ Селѣ. Мы съ нимъ задолго передъ этимъ вмѣстѣ обѣдали въ Павловскѣ у Алексѣя Степановича Горковенко. Я поспѣшилъ отдачею визита Головину, и съ того времени мы довольно часто видались и въ Петербургѣ и въ Царскомъ Селѣ. Онъ человѣкъ весьма умный и начитанный, а на его обѣдахъ я встрѣчалъ всегда людей изъ высшаго Петербургскаго круга, а также ученыхъ и журналистовъ.

20 іюля 1872 года загорѣлся домъ, въ которомъ я нанималъ квартиру въ Петербургѣ. Пожаръ былъ въ ночное время, и проходящіе, вѣроятно, чтобы разбудить живущихъ въ домѣ, бросали въ окна большіе каменья. Попавшіе въ нашу квартиру поломали немного мебели, пожаръ же ея не коснулся. Съ тѣхъ поръ я началъ страховать мою мебель.

18 августа 1872 года минуло 10 лѣтъ съ открытія Троицкой жел. дороги. Я былъ приглашенъ на небольшое торжество, но не поѣхалъ, опасаясь, что на немъ могутъ быть произнесены рѣчи, которыя дадутъ поводъ думать, что я хочу выказаться. Въ этотъ день я получилъ двѣ телеграммы слѣдующаго содержанія:

1-я: «Празднуя десятилѣтіе учрежденной вами дороги, всѣ собравшіеся на обѣдѣ пьютъ ваше здоровье».

2-я: «Получивъ вашу телеграмму среди обѣда, вновь пьемъ ваше здоровье, какъ одного изъ главныхъ первоначальныхъ предпринимателей, съ искреннею благодарностію за вниманіе».

Въ началѣ октября мы переѣхали въ Петербургъ, гдѣ насъ посѣщали прежніе знакомые.

Ежедневно до завтрака я читалъ газету, послѣ завтрака уходилъ въ Сенатъ въ тѣ дни, когда были въ немъ засѣданія, потомъ гулялъ пѣшкомъ и возвращался къ обѣду. Въ тѣ дни, когда никто изъ постороннихъ у насъ не обѣдалъ и не проводилъ вечера, я въ послѣобѣденное время читалъ или писалъ «Мои воспоминанія».

Я уже говорилъ, что меня безпрерывно приглашали быть участникомъ какъ въ разныхъ новыхъ, такъ и въ существующихъ предпріятіяхъ, и между прочимъ быть членомъ совѣтовъ обществъ пароходства и торговли и Волжско-Камскаго банка. Я съ перваго слова всѣмъ рѣшительно отказывалъ, полагая мое участіе въ подобныхъ предпріятіяхъ неприличнымъ и желая не заниматься болѣе общественными дѣлами, а жить покойно.

На этомъ послѣднемъ основаніи я отказался, между прочимъ, отъ занятій, предложенныхъ мнѣ въ двухъ слѣдующихъ письмахъ отъ предсѣдателя комиссіи по разсмотрѣнію проектовъ моста черезъ р. Неву и отъ С.-Петербургскаго губернатора объ улучшеніи водопроводовъ въ С.-Петербургѣ.

Первое изъ этихъ писемъ отъ 2 августа 1872 года было слѣдующаго содержанія:

«Вслѣдствіе объявленнаго отъ Городской Думы конкурса на составленіе подробнаго проекта сооруженія постояннаго черезъ р. Неву моста на мѣстѣ нынѣшняго Литейнаго, въ настоящее время поступило нѣсколько проектовъ, которые, согласно конкурснымъ условіямъ, подлежатъ разсмотрѣнію образованной для сей цѣли особой городской комиссіи, уполномоченной на приглашеніе къ участію въ ея занятіяхъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ настоящимъ дѣломъ.

«Имѣя въ виду, что вы, Милостивый Государь, своими познаніями и опытностію можете принести несомнѣнную пользу предпринимаемому общественнымъ управленіемъ дѣлу постройки постояннаго моста, я, по уполномочію означенной комиссіи, имѣю честь покорнѣйше просить васъ принять участіе въ ея занятіяхъ.

«Смѣя разсчитывать на ваше просвѣщенное въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе, я покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ о согласіи вашемъ и присовокупляю, что комиссія желала бы, по возможности, въ самомъ непродолжительномъ времени приступить къ своимъ занятіямъ».

Второе письмо отъ 9 ноября 1872 года слѣдующаго содержанія:

«Въ виду того, что съ развитіемъ потребленія воды изъ городскихъ водопроводовъ оказывается недостатокъ воды, доставляемой С.-Петербургскимъ обществомъ водопроводовъ, что побудило правленіе сего общества минувшимъ лѣтомъ прибѣгнуть къ усиленію давленія въ трубахъ искусственнымъ образомъ, вслѣдствіе чего было поврежденіе магистральной трубы на углу Литейной и Пантелеймоновской улицъ и значительный обвалъ земли, С.-Петербургская городская распорядительная Дума проситъ объ образованіи спеціальной комиссіи, которая, осмотрѣвъ водоподъемныя машины, резервуары и пр., опредѣлила бы, какія слѣдуетъ принять мѣры для необходимаго и безопаснаго снабженія столицы водою.

«Раздѣляя съ своей стороны ходатайство Городской распорядительной Думы, я, въ виду столь важности вопроса, счелъ долгомъ обратиться къ благосклонному содѣйствію вашего превосходительства и покорнѣйше просить васъ, Милостивый Государь, въ видахъ общественной пользы,

не изволите ли признать возможнымъ принять предсѣдательство въ комиссіи, которая имѣетъ быть образованною съ вышеизложенною цѣлью.

«Убѣжденный, что комиссія подъ просвѣщеннымъ руководствомъ вашего превосходительства разрѣшитъ окончательно этотъ насущный вопросъ, касающійся всего народонаселенія столицы, и городскому управленію затѣмъ останется только настоять, чтобы указанныя комиссіею мѣры были неотлагательно приведены въ исполненіе.

«О рѣшеніи вашего превосходительства буду ожидать увѣдомленія и въ случаѣ согласія не замедлю сообщить о лицахъ, имѣющихъ составить вышеозначенную комиссію».

Отъ перваго дѣла я отказался въ виду того, что въ Петербургѣ имѣется достаточно инженеровъ, компетентныхъ для обсужденія проектовъ устройства моста, а отъ второго потому, что оно возникло отъ распри двухъ партій въ управленіи Петербургскими водопроводами, которую пришлось бы разбирать. Впрочемъ, посланные отъ обѣихъ партій пріѣзжали меня уговаривать, чтобы я принялъ на себя это порученіе, такъ какъ и та и другая мнѣ вполнѣ довѣряютъ, но ихъ просьбы были безуспѣшны. Отъ одной изъ этихъ партій пріѣзжалъ извѣстный профессоръ Вышнеградскій, членъ правленія общества С.-Петербургскихъ водопроводовъ, впослѣдствіи директоръ Технологическаго Института, а отъ другой завѣдывавшій С.-Петербургскими водопроводами, технологъ Буровъ.

Въ этомъ же 1872 году Казанская городская дума заключила контрактъ съ П. І. Губонинымъ на устройство водопроводовъ въ Казани. По контракту Губонинъ обязался представить проектъ этого устройства, который будетъ принятъ думою только въ случаѣ его одобренія мною или Вышнеградскимъ, въ противномъ же случаѣ Губонинъ уплачивалъ неустойку. Хотя подобное условіе не слѣдовало включать въ контрактъ, но я, не желая предавать составителя проекта Бурова въ руки враждовавшаго съ нимъ Вышнеградскаго, согласился, по просьбѣ Казанской городской думы, изложенной въ письмѣ городского головы отъ 4 августа 1872 года, а равно повѣреннаго Губонина, Михаила Петровича Козлянинова и самого Бурова, заняться разсмотрѣніемъ составленнаго послѣднимъ проекта. Я находилъ себя обязаннымъ согласиться на разсмотрѣніе проекта водоснабженія г. Казани, потому что эта часть техники мнѣ была хорошо знакома, тогда какъ другіе инженеры весьма мало ею занимались, а очень было желательно, чтобы наши города были по возможности скорѣе снабжены чистою водою.

Прошло болѣе 4-хъ мѣсяцевъ и, несмотря на мои неоднократныя требованія отъ Козлянинова проекта Казанскаго водопровода, онъ не былъ доставленъ, а потому я въ концѣ декабря, письмомъ къ Казанскому городскому головѣ, отказался отъ его разсмотрѣнія, опасаясь, что медленность въ этомъ дѣлѣ отнесутъ къ моей безпечности, но, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ Козлянинова и Бурова, въ началѣ января 1873 года приступилъ къ разсмотрѣнію составленнаго послѣднимъ изъ нихъ проекта. Проектъ

потребовалъ совершенной передѣлки, чѣмъ я вмѣстѣ съ Буровымъ занимался весь январь по три раза въ недѣлю, а 3-го февраля послалъ подробное заключеніе о проектѣ, пересоставленномъ подъ моимъ руководствомъ, по которому впослѣдствіи устроенъ водопроводъ въ Казани. Это занятіе, конечно, было даровое. Губонину слѣдовало бы по крайней мѣрѣ заѣхать ко мнѣ, чтобы поблагодарить за мой трудъ, но онъ не былъ у меня и только при встрѣчѣ въ Большомъ театрѣ на представленіи Итальянской оперы сказалъ, что все собирается заѣхать ко мнѣ, но не было свободнаго времени. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла по устройству Казанскаго водопровода меня никто не извѣщалъ, и я о немъ ничего не знаю.

Въ концѣ марта 1873 года К. В. Чевкинъ передалъ мнѣ проектъ собора Св. Владиміра, строившагося въ Херсонесѣ на томъ мѣстѣ, на которомъ, предполагаютъ, Великій Князь Владиміръ принялъ крещеніе. Чевкинъ при этомъ сказалъ, что этотъ храмъ строится подъ особымъ попеченіемъ Императрицы, но хотя на его постройку издержана уже значительная сумма, онъ воздвигается очень медленно и въ постройкѣ оказались значительныя поврежденія, а потому Императрица желаетъ, чтобы я уговорилъ Губонина, получившаго въ 1872 году концессію на постройку Лозово-Севастопольской жел. дороги, принять на себя достройку храма за ту сумму, которая не была еще издержана. Только по этому случаю Губонинъ заѣхалъ ко мнѣ. Онъ, поставляя мнѣ на видъ, что оставшейся суммы недостаточно на окончаніе постройки храма даже въ томъ видѣ, какъ онъ былъ проектированъ, а тѣмъ болѣе для его достройки съ тѣми улучшеніями, которыя при производствѣ ея Губонинымъ онъ полагалъ необходимыми, объяснилъ, что его денежныя обстоятельства не позволяютъ ему жертвовать довольно значительною суммою. Я однакожъ убѣдилъ его согласиться на пожертвованіе и объ его согласіи передалъ Чевкину для доклада Императрицѣ. Послѣ этого я ничего болѣе не слыхалъ о постройкѣ храма и даже не была мнѣ заявлена благодарность за мои хлопоты.

1 января 1873 года скончалась тетка моя Прасковья Андреевна Замятнина. Ей досталось, по завѣщанію ея сестры княжны П. А. Волконской, село Студенецъ и она была участницею въ наслѣдствѣ остального имѣнія послѣдней. Раздѣлъ этого наслѣдства смертію Замятниной снова затянулся. У нея воспитывался малолѣтній ея внукъ Андрей Николаевичъ Замятнинъ. Въ мартѣ 1873 года моя тетка Н. А. Сусанопулосъ привезла его въ Петербургъ и отдала его родному дядѣ графу Д. А. Толстому, министру народнаго просвѣщенія, который помѣстилъ его въ 3-ю Петербургскую гимназію.

Тетка моя Н. А. Сусанопулосъ и ея мужъ передали мнѣ, что они подозрѣваютъ управляющаго селомъ Студенецъ въ отравленіи П. А. Замятниной, вслѣдствіе требованія ею отчета въ управленіи, и что Замятнину хоронилъ посторонній священникъ, такъ какъ священникъ с. Сту-

денца опасался хоронить отравленную. Мнѣ показался разсказъ объ отравленіи неправдоподобнымъ, но если бы было какое сомнѣніе, то слѣдовало просить о слѣдствіи немедленно по совершеніи преступленія, а не разсказывать о немъ спустя два мѣсяца.

Въ X главѣ «Моихъ воспоминаній» упомянуто, что весь мой капиталъ въ августѣ 1871 года, не считая стоимости Царскосельской дачи, составлялъ 148.197 р. Въ концѣ же апрѣля 1873 года, за тѣмъ же исключеніемъ, онъ увеличился до 156.101 руб., т.-е., на 7.900 р. Послѣ августа 1871 года изъ моихъ бумагъ мною продано: билетовъ 1-го внутр. займа на 4800 р., 4% металлическій билетъ въ 300 р., 6% облигацій Сѣверо-Американскихъ Штатовъ на 2800 р.; заложено акцій Ярославской дороги на 15 тыс. руб. и уплоченъ мнѣ долгъ Левашова въ 4.500 р., итого убавилось процентныхъ бумагъ на 29.400 р.; прибавилось же облигацій Моршанско-Ряжской жел. дороги на 2800 р., 5% банковый билетъ въ 470 р., по текущему счету 1.300 р., купленъ домъ въ Москвѣ за 17 тыс. руб. и дано въ долгъ В. Н. Шеншину 5.700 р. и Е. М. Пельтъ 2000 р., итого прибавилось на 29.270 р. Выше сказанное увеличеніе капитала на 7.900 р. произошло собственно оттого, что нѣкоторыя изъ имѣвшихся у меня бумагъ продолжали, хотя и незначительно, повышаться. Всѣ же % съ нихъ и мое содержаніе по службѣ были прожиты. Въ упомянутые 21 мѣсяцъ получено мною содержанія по службѣ 14.700 р.; сверхъ того, за 4 мѣсяца съ 1 іюня по 1 августа 1871 года 2.940 р., итого содержанія 17.640 р.; процентовъ и дивидендовъ получено въ упомянутые 21 мѣсяцъ до 13.200 р., учредительскихъ по Московско-Ярославской жел. дорогѣ за 1871 годъ до 1.500 р. (въ 1870 г. учредительскихъ вовсе не было выдано) и за 1872 годъ 2.865 р. и за отдачу въ наемъ флигеля Царскосельскаго дома 250 р., всего же въ доходѣ въ 21 мѣсяцъ 35.465 р., которые всѣ и прожиты, а за исключеніемъ издержанныхъ въ это время на постройки въ Царскосельскомъ домѣ 1000 р., остается 34.465 р., слѣд. годовой прожитокъ былъ въ 16.400 р., на 1.400 р. болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году.

Петръ Великій при учрежденіи Сената, давая этому высшему правительственному мѣсту весьма обширныя права, желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать его участникомъ во всѣхъ торжествахъ и, между прочимъ, постановилъ, чтобы высшему духовному лицу на торжественныхъ крестныхъ ходахъ сопутствовалъ одинъ изъ сенаторовъ съ нѣсколькими чиновниками разныхъ вѣдомствъ. По учрежденіи въ прошломъ столѣтіи подъ разными наименованіями совѣтовъ изъ лицъ, приближенныхъ къ царствовавшимъ особамъ, а въ настоящемъ столѣтіи Государственнаго Совѣта, совѣта и комитета министровъ и, наконецъ, новыхъ судебныхъ учрежденій 20 ноября 1864 года Сенатъ потерялъ почти всѣ права, но обязанность одному изъ сенаторовъ участвовать въ торжественныхъ крестныхъ ходахъ сохранилась.

На таковой ходъ, бывающій 6-го января изъ Зимняго дворца къ устроен-

ной на Невѣ іордани, обыкновенно назначаютъ сенатора изъ военныхъ чиновъ. Исполненіе этой обязанности можетъ имѣть весьма вредныя послѣдствія: приходится прослушать обѣдню въ теплой церкви Зимняго дворца и по ея окончаніи въ одномъ мундирѣ, съ непокрытою головою идти на улицу и простоять все время водоосвященія на Невѣ при морозѣ и вѣтрѣ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ былъ назначенъ на этотъ ходъ сенаторъ межевого департамента, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Иванъ Михайловичъ Гедеоновъ. Сохранивъ всѣ волосы на головѣ, онъ опасался однако простудить ее и потому взялъ на прокатъ парикъ, но могъ достать такового только изъ завитыхъ волосъ, которые въ теплой церкви Зимняго дворца распустились.

По выходѣ изъ церкви, Гедеоновъ долженъ былъ идти до іордани рядомъ съ поддерживаемымъ двумя протодіаконами С.-Петербургскимъ митрополитомъ, вслѣдъ за которымъ шелъ Государь. Въ корридорахъ Зимняго дворца, гдѣ нельзя было Гедеонову проходить рядомъ съ митрополитомъ, ему приходилось идти вслѣдъ за послѣднимъ и непосредственно впереди Государя, который, обративъ вниманіе на растрепавшіеся волосы парика Гедеонова, спросилъ у него:

— У какого дьячка ты занялъ косу?

На крестный ходъ 6 января 1873 года обязанность сопровождать митрополита пала на меня. Это обезпокоило мою жену, тѣмъ болѣе, что я никогда не умѣлъ порядочно одѣться, чтобы защитить себя отъ холода. Она заказала мнѣ фуфайку и нижнее платье изъ фланели и распорядилась, чтобы я ѣхалъ въ церковь въ обыкновенной одеждѣ, а фланелевыя вещи послала къ Посьету, бывшему тогда попечителемъ великаго князя Алексѣя Александровича и жившему въ Зимнемъ дворцѣ. Передъ концомъ обѣдни я на квартирѣ Посьета надѣлъ теплую одежду и, несмотря на морозъ и вѣтеръ, участіе въ ходѣ на іордань не имѣло вредныхъ послѣдствій. Государь, идя почти рядомъ со мною, а иногда и непосредственно за мною, не сказалъ мнѣ ни слова.

Наканунѣ этого хода въ 10-мъ часу вечера, когда я примѣривалъ сшитую для меня теплую одежду, пріѣхалъ ко мнѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Путиловъ, человѣкъ замѣчательный, и потому я изложу его краткую біографію, на сколько она мнѣ извѣстна. Онъ дворянинъ Новгородской губерніи, о чемъ часто упоминаетъ, когда встрѣчаетъ въ своихъ обширныхъ дѣлахъ препятствія, увѣряя, что Новгородцы упрямы и настойчивы въ преодолѣніи препятствій. Учился онъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, причемъ выказалъ необыкновенныя способности, такъ что, немедля по выходѣ изъ корпуса, былъ назначенъ репетиторомъ къ обучавшемуся въ этомъ корпусѣ знаменитому математику академику Остроградскому, который, несмотря на весьма молодые годы Путилова, очень его любилъ.

Вскорѣ по нездоровью Путиловъ перешелъ въ гражданскую службу сначала на югъ Россіи, а потомъ въ морское министерство, гдѣ его застала

война 1853 года. Соединенные флоты Франціи и Англіи подошли въ 1854 году къ Кронштадту. Россія не могла сопротивляться имъ въ открытомъ морѣ, и потому русскій деревянный флотъ спрятался подъ защиту Кронштадта. Въ это время необходимы были паровыя канонерскія лодки, но въ Петербургѣ не было заводовъ для ихъ устройства.

Вызвалось нѣсколько предпріимчивыхъ людей изготовить большое число этихъ лодокъ. Въ числѣ ихъ былъ Путиловъ, которому въ этомъ отношеніи удалось сдѣлать много полезнаго, и съ этого времени генералъ-адмиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ обратилъ на него вниманіе и оказывалъ ему постоянное благоволеніе на томъ основаніи, что Путиловъ обладалъ не только математическими познаніями, но имѣлъ замѣчательныя механическія способности, говорилъ хорошо и писалъ превосходно, причемъ умѣлъ весьма кстати покрасоваться патріотизмомъ.

Извѣстно, что соединенные флоты Франціи и Англіи въ обѣ кампаніи 1854 и 1855 года ничего не могли предпринять противъ Кронштадта, Петербурга и его окрестностей. Въ оба эти года и въ зиму 1855—1856 года Путиловъ и другія лица дѣятельно дѣйствовали по указаніямъ морского министерства въ подготовленіи оборонительныхъ средствъ. Правительственныя же лица съ своей стороны, дѣлая имъ заказы, обѣщали и по окончаніи войны продолжать заказы на устроенныхъ по случаю войны заведеніяхъ, а не обращаться къ чужестраннымъ заводамъ, съ которыми они не могли соперничать по дороговизнѣ металловъ въ Россіи и неимѣнію въ ней образованныхъ мастеровъ и рабочихъ. Но по окончаніи войны морское и другія министерства дѣлали много заказовъ за границею, а при утвержденіи устава главнаго общества жел. дор. въ январѣ 1857 года на постройку до 4000 вер. жел. пути, этому обществу дозволенъ былъ безпошлинный привозъ всего потребнаго для постройки дорогъ, и оно пользовалось этимъ дозволеніемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Между прочимъ, оно привозило изъ Франціи весьма посредственнаго качества ручки, задвижки, скобы и крючки къ дверямъ и окнамъ станціонныхъ и другихъ домовъ. Эта причина, а можетъ быть и другія разорили Петербургскихъ заводчиковъ, дѣятелей 1853—1856 годовъ, и въ ихъ числѣ Путилова, который въ 1867 году былъ въ неоплатныхъ долгахъ. Въ этомъ году осенью оказалось, что вновь доставленные изъ Англіи на Николаевскую дорогу рельсы такъ дурны, что потребуется, дабы не остановить движенія по дорогѣ, большую часть ихъ немедля перемѣнить.

Между тѣмъ, навигація по Балтійскому морю закрылась до мая слѣдующаго года и необходимо было рельсы изготовлять въ Россіи. По дороговизнѣ желѣза, рельсовое производство въ Россіи, несмотря на поощренія правительства, было весьма ничтожно. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи Николаевской жел. дороги бывшій министръ путей сообщенія Мельниковъ, по предложенію Путилова, рѣшился дать ему на продолжительное время заказъ нѣсколькихъ милліоновъ пудовъ жел. рельсовъ, уплачивая ему за каждый пудъ поставленныхъ рельсовъ 1 р. 47 к., въ число

которыхъ Путиловъ получалъ 2 пуда изношенныхъ на Николаевской жел. дорогѣ рельсовъ, съ вычетомъ изъ платы Путилову по 43 к. за пудъ. При этомъ правительство выдало ему особый значительный авансъ для пріобрѣтенія Огаревскаго завода близъ Петербурга съ обязанностію погашать авансъ по мѣрѣ поставки рельсовъ. Пакеты для ихъ изготовленія составлялись изъ желѣза старыхъ рельсовъ и съ прибавленіемъ новаго, которое преимущественно шло на головки. Новое желѣзо получалось частію изъ финляндскихъ заводовъ, пріобрѣтенныхъ Путиловымъ еще въ то время, когда его дѣла шли хорошо. Эти заводы требовали огромныхъ расходовъ на ихъ устройство и на привлеченіе къ нимъ рабочихъ, которыхъ надо было всему обучать, такъ что при заочномъ управленіи они ежегодно приносили убытки. Несмотря на хорошее качество финляндскаго желѣза, перекатанные на заводѣ Путилова рельсы оказались не вполнѣ доброкачественными, и тогда Путиловъ предложилъ головку рельсовъ дѣлать стальною, съ возвышеніемъ платы за таковые рельсы до 1 р. 88 к. за пудъ. Мельниковъ согласился на это измѣненіе на одинъ годъ, но впослѣдствіи Путиловъ получалъ ежегодно наряды на рельсы со стальными головками взамѣнъ простыхъ желѣзныхъ.

Во время управленія мною министерствомъ путей сообщенія, Путиловъ сильно хлопоталъ, чтобы я дозволилъ заключить съ нимъ дополнительное условіе о замѣнѣ всего остающагося къ поставкѣ количества жел. рельсовъ рельсами со стальными головками. Хотя поставленные Путиловымъ до того времени рельсы со стальными головками оказались прочнѣе желѣзныхъ, но я, имѣя въ виду возможность новыхъ техническихъ усовершенствованій въ производствѣ рельсовъ, отказалъ въ ходатайствѣ Путилова, дозволивъ ему, по прежнимъ примѣрамъ, выдать годовой нарядъ на поставку рельсовъ со стальными головками взамѣнъ значащихся по контракту простыхъ желѣзныхъ.

Впослѣдствіи въ заводскихъ книгахъ я видѣлъ, что пудъ рельсовъ со стальными головками, при дешевомъ пріобрѣтеніи изношенныхъ рельсовъ по 43 к. за пудъ и при бывшей тогда невысокой цѣнѣ новаго желѣза, обходился заводу 1 р. 8 к., такъ что съ каждаго пуда получалось барыша около 80 коп., а въ годъ заводъ могъ пріобрѣсти до милліона руб., и слѣдовательно Путилову была возможность покрыть выданные ему правительствомъ авансы и задатки, уплатить долги и самому пріобрѣсть большое состояніе. Но Путиловъ, по своей натурѣ, не могъ удовлетвориться этою заводскою дѣятельностью: большой мечтатель и оптимистъ въ своихъ дѣлахъ, онъ задумалъ устроить подлѣ своего завода портъ, къ которому привлечь всю Петербургскую привозную и отвозную торговлю.

Морскимъ портомъ Петербургу служитъ теперь Кронштадтъ, въ которомъ приходящія суда, сидящія въ водѣ болѣе 8 футовъ, разгружаются въ лихтера, чтобы имѣть возможность пройти баръ р. Невы. Но эти лихтера и мелкія заграничныя суда не имѣютъ удобнаго на Невѣ мѣста для разгрузки, они причаливаются во многихъ мѣстахъ и часто задерживаются

у мостовъ, которые надо разводить для ихъ пропуска. При разгрузкѣ они стоятъ параллельно берегу въ нѣсколько рядовъ, которыхъ бываетъ до шестнадцати. Тысячи барокъ, проходящихъ по Невѣ съ русскимъ хлѣбомъ и другими продуктами, подвергаются тѣмъ же затрудненіямъ.

Понятно, какъ продолжительна должна быть разгрузка судовъ и барокъ, сколько это замедленіе и всѣ прочія неустройства дурно вліяютъ на торговлю и какъ труденъ таможенный надзоръ при большомъ числѣ мѣстъ разгрузки иностранныхъ товаровъ.

Правительство давно обратило на это вниманіе. Еще при Петрѣ Великомъ начали устраивать морской каналъ для углубленія фарватера между Кронштадтомъ и Петербургомъ. Послѣ него устройство канала было оставлено и хотя возобновлялось въ слѣдующія царствованія, но каждый разъ, вскорѣ по приступѣ къ работамъ, было останавливаемо безъ достиженія какого-либо результата. При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ велась въ продолженіе 30 лѣтъ дѣятельная переписка объ устройствѣ Петербургскаго порта, но перепискою все и ограничивалось. При Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ начали поощрять частную предпріимчивость. Вслѣдствіе этого поощренія представлено было правительству нѣсколько, кажется, до 20 проектовъ устройства Петербургскаго порта. Въ числѣ этихъ проектовъ былъ проектъ Путилова, который полагалъ устроить глубокій каналъ отъ Кронштадта до отмелей, прилегающихъ къ мѣсту, на которомъ построенъ его рельсовый заводъ и которое ниже бара р. Невы, и на этихъ отмеляхъ устроить обширный портъ для глубоко-сидящихъ судовъ и разгрузки въ магазины не только иностранныхъ товаровъ, но и русскихъ, приходящихъ по Николаевской жел. дорогѣ и по Невѣ, для чего портъ соединить жел. путемъ съ Невою, Николаевскою, Балтійскою и Варшавскою жел. дорогами. Русскія произведенія, идущія за границу по Николаевской жел. дорогѣ, избѣжали бы черезъ это перевозки на лошадяхъ со станцій этой дороги до мѣста погрузки ихъ въ суда. Во избѣжаніе же перегрузки грузовъ съ Невскихъ барокъ въ вагоны соединительной жел. дороги и изъ нихъ въ стоящія у порта заграничныя суда, полагалось со временемъ устроить отъ стекляннаго завода до предполагаемаго порта каналъ для прохода барокъ. На приведеніе въ исполненіе этихъ предпріятій требовались огромные капиталы. Путиловъ, большой оптимистъ, учредивъ акціонерныя общества, собралъ, вслѣдствіе выгодности предпріятій, потребные капиталы выпускомъ акцій и облигацій. Уставы этимъ обществамъ были утверждены правительствомъ, которое приняло устройство канала отъ Кронштадта до Петербурга на свой счетъ, причемъ полагалось углубить баръ Невы и самое устье этой рѣки, такъ что разгрузка заграничныхъ судовъ производилась бы на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ настоящее время. Этого изъ своихъ выгодъ желала биржа и въ особенности экспедиторы, которыхъ весьма много.

Для устройства собственно порта близъ завода Путилова полагался по уставу капиталъ въ 18 милл. руб., а соединительной жел. дороги 2 милл.

руб. (впослѣдствіи послѣдняя сумма почти удвоилась). Оба эти предпріятія не были гарантированы правительствомъ, и только Путиловъ и подобные ему оптимисты могли вѣрить въ возможность собрать столь значительные капиталы. Путиловъ же, увѣренный въ ихъ реализаціи и надѣясь, что она осуществится скорѣе, если часть его предпріятій будетъ уже исполнена, приступилъ къ покупкѣ большого количества земель для порта и къ устройству его и жел. дороги, издерживая на это вновь занятыя деньги и между прочимъ задатки, полученные по контрактамъ на поставку рельсовъ.

Въ маѣ 1871 года великій князь Константинъ Николаевичъ и множество посѣтителей, въ томъ числѣ и я, были свидѣтелями, какъ къ начатому порту прибыло небольшое судно съ хлопкомъ, а по соединительному пути пришелъ поѣздъ Николаевской дороги съ овсомъ. При насъ хлопокъ былъ нагруженъ въ вагоны, а овесъ въ судно въ Англію. По увѣренію Путилова, у него уже былъ заключенъ контрактъ съ иностранными банкирами на реализацію капитала для порта, но министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ, въ видахъ пользы дѣлу и Путилову, потребовалъ отъ банкировъ болѣе выгодной реализаціи акціонернаго капитала, причемъ Рейтернъ заявлялъ мнѣ надежду, что правительство оставитъ за собою часть этого капитала. Банкиры приняли предложеніе Рейтерна и черезъ это ихъ прежнее соглашеніе съ Путиловымъ о реализаціи капитала было нарушено. Между тѣмъ, бывшій въ это время министромъ путей сообщенія графъ А. П. Бобринскій, весьма дурно расположенный къ Путилову, узнавъ стороною о сдѣланномъ Рейтерномъ предложеніи банкирамъ по дѣлу Путилова, представилъ Государю докладъ, въ которомъ донося, что имѣется нѣсколько проектовъ на устройство Петербургскаго порта, просилъ о назначеніи комиссіи для разсмотрѣнія этихъ проектовъ и о дозволеніи сообщить министрамъ финансовъ, военному и морскому, чтобы они никакого поощренія ни одному изъ представленныхъ проектозъ не дѣлали, пока комиссія не укажетъ, какой изъ нихъ предпочтительнѣе.

По утвержденіи этого доклада Государемъ, Бобринскій сообщилъ объ его содержаніи Рейтерну, который поставленъ былъ этимъ въ невозможность исполнить свое предположеніе пріобрѣсти на счетъ казны часть акцій по устройству порта Путилова. Банкиры же, не связанные болѣе прежде уничтоженными контрактами и видя, что правительство можетъ дать льготы порту, который устроится не по проекту Путилова, совсѣмъ покинули это предпріятіе.

Учрежденная комиссія занималась выборомъ проекта Петербургскаго порта въ продолженіе двухъ лѣтъ, до іюля 1874 года, не выработавъ ничего положительнаго. Между тѣмъ Путиловъ, поддерживаемый великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, ходатайствовалъ о гарантіи для своихъ предпріятій, но министръ финансовъ рѣшительно отказалъ въ гарантіи для порта, а согласился только на гарантію по жел. дорогѣ, оцѣненной по уставу въ 2 милл. руб., съ тѣмъ, что будетъ представленъ на

утвержденіе новый уставъ общества, обязаннаго построить и эксплоатировать дорогу.

Путиловъ, издержавъ большія суммы на работы по устройству порта и соединительной жел. дороги, не имѣлъ въ 1871 и 1872 годахъ на рельсовомъ заводѣ оборотнаго капитала, а потому этотъ заводъ съ каждымъ днемъ убавлялъ свое производство, и доставляемые имъ рельсы со стальными головками, изъ металла плохого качества, были дурны; къ нимъ было потеряно довѣріе. Между тѣмъ Путиловъ не распускалъ заводскихъ рабочихъ, такъ какъ ихъ невозможно было бы собрать впослѣдствіи.

Въ 1867 году я нанималъ дачу Путилова въ Лѣсномъ, но въ то время я его не видалъ и узналъ его только въ бытность мою управляющимъ министерствомъ путей сообщенія. Въ это время онъ неоднократно обращался ко мнѣ съ просьбою относительно исполненія контрактовъ, заключенныхъ съ департаментомъ жел. дорогъ и съ совѣтомъ главнаго общества жел. дорогъ на поставку рельсовъ. Я уже говорилъ въ предыдущей главѣ «Моихъ воспоминаній», что мой выходъ изъ министерства путей сообщенія поразилъ весьма многихъ, имѣвшихъ дѣла въ министерствѣ. Въ числѣ ихъ былъ и Путиловъ, который, узнавъ, что 17 мая 1871 года было рѣшено въ Царскомъ Селѣ о моемъ выходѣ изъ министерства, пріѣхалъ на другой день меня предупредить, полагая, что я этого не знаю. Въ концѣ того же мая я былъ на заводѣ Путилова при торжественной закладкѣ порта, о которой мною было упомянуто выше. Послѣ этого въ 1871 и 1872 годахъ я его не видалъ, а потому я былъ удивленъ его посѣщеніемъ 5 января 1873 года въ довольно поздній часъ дня. Все вышесказанное о положеніи Путилова я узналъ частію въ этотъ вечеръ изъ его разсказовъ, частію впослѣдствіи, но до 1873 года многое было мнѣ неизвѣстно.

Путиловъ, объяснивъ мнѣ, что заводы его, за неимѣніемъ оборотнаго капитала, не дѣйствуютъ, что онъ не можетъ имѣть никакого кредита въ Петербургѣ по враждѣ къ его предпріятіямъ Петербургской биржи, экспедиторовъ и банкировъ, которые, владѣя акціями Балтійской жел. дороги, желали бы устроить портъ въ Ораніенбаумѣ, что единственное его спасеніе можетъ быть въ Московскихъ банкирахъ, на которыхъ, по его мнѣнію, имѣетъ безграничное вліяніе Ѳ. В. Чижовъ, просилъ меня дать ему письмо къ послѣднему съ ходатайствомъ объ оказаніи ему помощи. Путиловъ присовокупилъ, что ему нуженъ капиталъ для образованія общества Путиловскихъ заводовъ, уставъ котораго утвержденъ 24 октября 1872 года, такъ какъ онъ долженъ будетъ обществу, при его образованіи, передать суммы, имъ полученныя въ задатокъ по контрактамъ на приготовленіе рельсовъ, истраченныя имъ на другія предпріятія. Не имѣя понятія о степени запутанности дѣлъ Путилова, я вслѣдствіе его слезной просьбы рѣшился дать ему письмо къ Чижову, въ которомъ въ нѣсколькихъ строкахъ излагалъ эту просьбу. Конечно, мнѣ тогда не приходило въ голову, что написаніе этихъ строкъ принесетъ мнѣ болѣе безпокойства и непріятностей, чѣмъ какой-либо другой поступокъ во всей моей жизни, а между тѣмъ

казалось бы, что ничего не было естественнѣе, какъ исполнить просьбу погибающаго, которую Чижовъ и прочіе Москвичи могутъ, по достаточномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, исполнить, или въ ней отказать.

Путиловъ, по возвращеніи изъ Москвы, заявивъ, что три московскіе банка, а именно: Московскаго купеческаго общества и обществъ коммерческаго и взаимнаго кредита, готовы его ссудить нужнымъ капиталомъ подъ извѣстными условіями и, между прочимъ съ тѣмъ, чтобы я занялъ въ совѣтѣ имѣющаго образоваться общества званіе предсѣдателя, просилъ на это изъявить согласіе. Не имѣя свѣдѣній въ металлургіи, не зная положенія дѣлъ Путилова и его заводовъ, предвидя, что предположенное общество будетъ фиктивное, такъ какъ всѣ акціи будутъ принадлежать одному владѣльцу заводовъ, т.-е., Путилову, и сверхъ того, принявъ рѣшеніе не входить ни въ какія частныя дѣла, я отказалъ Путилову. Узнавъ, что, несмотря на мой отказъ, Путиловъ продолжаетъ хлопотать въ Москвѣ, я, въ виду неимѣнія засѣданій въ Сенатѣ въ послѣдніе три дня масленицы и въ первый Великаго поста, поѣхалъ въ четвергъ на масленицѣ въ Москву, къ большому удивленію моей жены и обѣдавшихъ у меня въ этотъ день А. И. Баландина, Г. И. Филипсона и нѣкоторыхъ другихъ знакомыхъ.

Оставляю повѣствованія о дѣлахъ Путилова, чтобы разсказать о весьма распространенномъ въ это бремя слухѣ, именно, о назначеніи меня министромъ путей сообщенія, на мѣсто недавно утвержденнаго въ этой должности графа А. П. Бобринскаго. Первую вѣсть объ этомъ въ началѣ масленицы сообщилъ мнѣ князь Сергѣй Алексѣевичъ Долгорукій, статсъ-секретарь у принятія прошеній и членъ Государственнаго Совѣта. Онъ хлопоталъ о скорѣйшемъ устройствѣ, по избранному имъ направленію, Донецкой каменноугольной жел. дороги, давно уже Высочайше утвержденной, но постоянно откладываемой графомъ Бобринскимъ. Долгорукій привезъ мнѣ большія подробныя карты мѣстности. Объясняя ихъ, онъ жаловался на Бобринскаго и просилъ, чтобы я далъ этому дѣлу скорѣйшій ходъ. Я выказалъ удивленіе, что онъ обращается ко мнѣ съ подобною просьбою, тогда какъ ему должны быть извѣстны мои отношенія къ Бобринскому, котораго я никогда не вижу. Долгорукій отвѣчалъ, что не пройдетъ недѣли, какъ все это дѣло будетъ вполнѣ зависѣть отъ меня, и оставилъ у меня привезенныя имъ карты мѣстности съ тѣмъ, чтобы я не забылъ его просьбы.

Наканунѣ отъѣзда въ Москву, я зашелъ къ Чевкинымъ. Меня приняла жена Чевкина и удивлялась моему отъѣзду, тогда какъ я долженъ быть на-дняхъ назначенъ министромъ путей сообщенія. На мое замѣчаніе, что этотъ слухъ несправедливъ, она меня просила пройти къ ея мужу, который, конечно, мнѣ скажетъ то же самое, а онъ никогда не передаетъ ложныхъ слуховъ.

Войдя въ кабинетъ Чевкина, я говорилъ съ нимъ довольно долго,

но онъ о моемъ назначеніи ничего не сообщалъ. Когда же я ему передалъ просьбу Путилова о вступленіи въ образуемое общество, объ условіяхъ, на которыхъ Московскіе банкиры ссужаютъ его капиталами, и о томъ, что я на другой день выѣду въ Москву, чтобы заявить о несогласіи моемъ поступить въ предсѣдатели совѣта общества, Чевкинъ сказалъ, что мнѣ не слѣдовало бы отказываться отъ поддержанія русскаго дѣла, но что я не буду имѣть возможности принять этой обязанности, такъ какъ надняхъ получу назначеніе, которое будетъ этому препятствовать. При отъѣздѣ моемъ въ Москву, на станціи жел. дороги я встрѣтилъ С. С. Полякова, который пріѣхалъ на станцію собственно для того, чтобы проводить меня, что меня весьма удивило. Онъ сказалъ мнѣ, что я ѣду не во́-время, такъ какъ я на-дняхъ буду назначенъ министромъ, и даже уговаривалъ отложить поѣздку. Поляковъ и вообще желѣзнодорожные дѣятели всегда первые узнавали о подобныхъ перемѣнахъ, и потому надо полагать, что въ этомъ слухѣ была доля правды, но поводъ къ этому слуху и впослѣдствіи остался мнѣ неизвѣстенъ.

Обращаюсь снова къ дѣлу Путилова. Въ Москвѣ, куда я поѣхалъ, какъ выше сказано, на масленицѣ 1873 года, я остановился у Ѳ. В. Чижова и черезъ него и извѣстнаго фабриканта Тимоѳея Саввича Морозова, предсѣдательствовавшаго въ совѣтахъ нѣсколькихъ банковъ, заявилъ лицамъ, согласившимся дать ссуду Путилову, о моемъ нежеланіи вступить въ общество Путиловскихъ заводовъ. Сни тогда же объявили, что въ такомъ случаѣ въ ссудѣ отказываютъ. Вскорѣ, и именно въ началѣ Великаго поста, пріѣхалъ въ Петербургъ Ѳ. В. Чижовъ. Въ этотъ пріѣздъ не разъ было говорено, что если дѣла Путилова полезны и выгодны, такъ что можно быть увѣреннымъ въ полученіи процентовъ съ ссужаемаго капитала, то нѣтъ причины мнѣ отказываться отъ званія предсѣдателя совѣта имѣющаго образоваться общества Путиловскихъ заводовъ, тѣмъ болѣе, что членомъ этого совѣта соглашался быть начальникъ Николаевской жел. дороги Иванъ Ѳеодоровичъ Кенигъ, и въ случаѣ ссуды капитала Московскими банкирами, они потребуютъ, чтобы изъ положенныхъ по уставу общества 6 членовъ совѣта и 3 членовъ правленія были, кромѣ Кенига и меня, избраны по ихъ же указанію еще 1 членъ совѣта и 1 членъ правленія. Чижовъ тогда же указалъ на Г. И. Филипсона и внучатнаго моего брата, артиллеріи капитана, Владиміра Петровича Колесова, которые на сдѣланное имъ предложеніе согласились.

Путиловъ, какъ уже выше сказанно, большой оптимистъ, доказывалъ, что дѣла общества Путиловскихъ заводовъ разростутся и выгоды его превзойдутъ выгоды всѣхъ существующихъ въ Россіи заводовъ. Я, конечно, не придавалъ вѣры его словамъ, которыя, равно какъ и все имъ говоренное объ устройствѣ Петербургскаго порта, общество котораго онъ полагалъ образовать въ теченіе того же 1873 года, съ надеждою видѣть меня предсѣдателемъ этого общества,—не имѣли на меня никакого влія-

нія. Отъ послѣдней должности я рѣшительно отказался, но, по желанію помочь Путилову, былъ въ нерѣшимости насчетъ принятія участія въ предположенномъ обществѣ Путиловскихъ заводовъ.

Путиловъ увѣрялъ, что когда я познакомлюсь съ его дѣлами, то измѣню свое рѣшеніе, и умолялъ не отказываться отъ вступленія въ это общество хотя на два года, считая этотъ срокъ самымъ позднимъ для уплаты капитала Московскимъ банкирамъ. Разсмотрѣвъ вмѣстѣ съ Чижовымъ разныя данныя по дѣйствію заводовъ за прошедшіе годы, мы пришли къ заключенію, что они въ состояніи будутъ уплатить проценты на капиталъ, который Путиловъ просилъ у Московскихъ банкировъ, и затѣмъ Чижовъ говорилъ, что нѣтъ повода мнѣ отказываться. Полагаю, что онъ излагалъ это мнѣніе, желая не только сдѣлать доброе дѣло русскому заводчику, но и съ тою цѣлью, чтобы дать мнѣ занятія, не вѣря мнѣ, что я легко безъ нихъ обхожусь, и опасаясь, что я впаду въ полную апатію.

По возвращеніи Чижова въ Москву, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ я ничего не слыхалъ болѣе о ссудѣ Московскими банкирами капитала Путилову, а послѣдняго вовсе потерялъ изъ виду. Въ концѣ же мая, когда я переѣхалъ уже въ Царское Село, узнаю, что Московскіе банки прислали оцѣнивать заводы Путилова, чтобы удостовѣриться въ возможности ссудить просимый Путиловымъ капиталъ. Эта оцѣнка производилась не только безъ моего посредства, но оцѣнщики даже и не показались мнѣ.

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ Ѳ. В. Чижовъ, который объявилъ мнѣ, что Московскіе банки рѣшились ссудить Путилову до 1½ милліоновъ руб. подъ залогъ его 32 тыс. акцій общества Путиловскихъ заводовъ, имѣющихъ быть выпущенными по образованіи общества. Мое же вступленіе въ него почему-то само собою подразумѣвалось: я имѣлъ слабость этому не противиться. Бывали, конечно, на моемъ вѣку невзгоды, но я ихъ легко переносилъ, потому что постоянно чувствовалъ, что онѣ не были послѣдствіемъ моихъ ошибокъ. Но невзгоды, причиненныя мнѣ дѣлами Путилова, были тѣмъ чувствительнѣе, что я навлекъ ихъ на себя недостаточною твердостью характера, именно, не настаивая на непринятіи мною участія въ этихъ дѣлахъ. Нѣкоторымъ только себѣ извиненіемъ считаю то, что не только Чижовъ находилъ правильнымъ, чтобы я вступилъ въ упомянутое общество, но и К. В. Чевкинъ, которому я подробно передалъ всѣ обстоятельства дѣла и мое крѣпкое нежеланіе вступить въ общество, въ особенности въ виду того, что, и по его образованіи, оно будетъ фиктивное, такъ какъ всѣ акціи будутъ принадлежать одному Путилову,— не только одобрялъ, но почти требовалъ, чтобы я для пользы русскаго дѣла согласился на предложеніе Путилова.

Путиловъ, расписавъ акціи разнымъ своимъ знакомымъ и между прочимъ мнѣ и Филипсону по 100 акцій и В. П. Колесову 30 акцій, чтобы мы могли быть избраны въ члены совѣта и правленія общества, собралъ въ началѣ іюня 1873 года общее собраніе акціонеровъ, на которомъ были выбраны, конечно, по указанію Путилова, члены совѣта и правленія об-

щества, а равно члены комиссіи для оцѣнки заводовъ и имущества при оныхъ, рѣшеніе которой, по § 3 устава общества, было обязательно. Вскорѣ послѣдовало второе общее собраніе, въ которомъ оцѣночная комиссія заявила о своемъ заключеніи и былъ установленъ расчетъ съ Путиловымъ за пріобрѣтенное отъ него имущество, а равно срокъ, съ котораго дѣйствіе завода начнется насчетъ общества, именно: 1 сентября 1873 года.

16-го іюня я отправился въ Карлсбадъ. Путиловъ пріѣхалъ со мною проститься, но, не заставъ меня въ Царскомъ Селѣ, явился на Александровскую станцію С.-Петербурго-Варшавской жел. дороги, гдѣ сказалъ, что запоздалъ, такъ какъ былъ задержанъ министромъ путей сообщенія графомъ А. П. Бобринскимъ, съ которымъ объяснялся по поданной Путиловымъ запискѣ о томъ, чтобы дать возможность заводамъ послѣдняго изготовлять, вмѣсто желѣзныхъ, стальные рельсы. Передъ отъѣздомъ за границу я былъ у министра финансовъ М. Х. Рейтерна, чтобы заявить о принятой мною на себя обязанности и просить его покровительства обществу Путиловскихъ заводовъ.

На это онъ рѣзко отвѣчалъ мнѣ, что никогда ничего не сдѣлаетъ для Путилова. Его тонъ меня обидѣлъ, и я пожалѣлъ, что заѣхалъ къ нему. Этотъ тонъ былъ тѣмъ страннѣе, что Рейтернъ какъ во время управленія мною министерствомъ путей сообщенія, такъ и послѣ, былъ постоянно хорошъ со мною. Рейтернъ основывалъ свою непріязнь къ Путилову на томъ, что послѣдній будто бы его надулъ, продавая заложенные въ Государственномъ банкѣ металлы. Онъ то же говорилъ о Путиловѣ К. Н. Посьету при назначеніи послѣдняго министромъ путей сообщенія. Путиловъ письменными документами доказалъ Посьету и мнѣ неправильность заключенія Рейтерна, не хотѣвшаго, несмотря на просьбы Путилова, выслушать его объясненій по этому предмету.

Въ сентябрѣ начались дѣйствія общества Путиловскихъ заводовъ. Сырой матеріалъ выписывался изъ Англіи, гдѣ онъ въ этомъ году поднялся въ цѣнѣ по крайней мѣрѣ на 50%. Сверхъ того, вслѣдствіе поздняго пріобрѣтенія матеріала, фрахтъ былъ очень дорогъ, и значительное его количество пришлось перевозить изъ Кронштадта зимою на лошадяхъ. Несмотря на это, заводы въ первые шестнадцать мѣсяцевъ существованія общества дали дивидендъ на акціи, хотя и незначительный. Но положеніе совѣта и правленія общества было постоянно затруднительно, и по безденежью, и потому, что по контрактамъ, заключеннымъ съ департаментомъ желѣзныхъ дорогъ, заводы должны были ставить простые желѣзные рельсы, а не со стальными головками. Цѣна съ пуда первыхъ была опредѣлена въ 1 р. 47 к., а послѣднихъ—въ 1 р. 80 к. При дороговизнѣ сырыхъ матеріаловъ, изготовленіе простыхъ желѣзныхъ рельсовъ было бы въ убытокъ заводамъ.

Министръ, графъ Бобринскій, сильно неблаговолившій къ Путилову, сначала разрѣшилъ принять тѣ рельсы со стальными головками, которые будутъ изготовлены до 1 ноября 1873 года, и учредилъ комиссію для опре-

дѣленія ихъ прочности, въ сравненіи съ простыми желѣзными рельсами. Эта комиссія долго работала и, по обыкновенію, не пришла къ положительному заключенію. Между тѣмъ Путиловъ дохлопотался, чтобы дозволено было дѣлать на заводѣ рельсы со стальными головками до 25 декабря 1873 года, а потомъ Бобринскій разрѣшалъ ежемѣсячно принимать таковые же рельсы въ продолженіе девятнадцати мѣсяцевъ, т.-е., до смѣны его въ іюлѣ 1874 года. Бобринскій этимъ распоряженіемъ хотѣлъ постоянно держать въ своихъ рукахъ Путилова.

Сверхъ контрактовъ на поставку рельсовъ, Путиловъ заключилъ, задолго до образованія общества, контрактъ съ департаментомъ желѣзныхъ дорогъ на поставку паровозовъ и по нему получилъ 300 тысячъ руб. аванса. Не только онъ не приступалъ къ этой поставкѣ, но не имѣлъ даже мастерской, постройка которой и оборудованіе стоили бы огромныхъ суммъ, а и незначительныхъ не было. Въ 1874 году министерство путей сообщенія заказало многимъ заводчикамъ товарные вагоны по высокой цѣнѣ, требуя, чтобы всѣ ихъ части были изготовлены въ Россіи и изъ русскихъ матеріаловъ, съ цѣлью водворенія у насъ этой промышленности. Вагонная мастерская стоитъ гораздо дешевле паровозной, а потому правленіе общества Путиловскихъ заводовъ рѣшило просить о замѣнѣ контракта на поставку паровозовъ контрактомъ на поставку вагоновъ. Хотя таковыхъ правительствомъ было уже заказано болѣе, чѣмъ предвидѣлось нужнымъ въ близкомъ времени, но Путиловъ добился согласія графа А. П. Бобринскаго на означенную замѣну, а такъ какъ онъ получилъ авансомъ при заключеніи контракта на паровозы триста тысячъ рублей, а при заказѣ вагоновъ давали авансомъ двѣсти тысячъ рублей, то общество должно было возвратить казнѣ сто тысячъ рублей.

Для устройства вагоновъ потребовалось выстроить особую мастерскую съ шинопрокатною и ее оборудовать. Все это было устроено хорошо и стоило значительныхъ суммъ, но въ этихъ прекрасныхъ сооруженіяхъ производство шло весьма медленно по причинѣ дурныхъ распоряженій, а частію по неимѣнію денегъ для пріобрѣтенія сырыхъ матеріаловъ и по неумѣнію дѣлать нѣкоторыя вагонныя принадлежности изъ своихъ матеріаловъ, какъ, напримѣръ, стальныя рессоры. Все это и неимѣніе оборотнаго капитала поставили общество въ необходимость войти въ новые значительные долги и, между прочимъ, оно заняло у члена совѣта общества Путиловскихъ заводовъ тайнаго совѣтника Василія Павловича Александровскаго пятьсотъ тысячъ рублей и въ одномъ изъ Московскихъ банковъ до четырехъ сотъ тысячъ рублей.

Общество жило только платою за изготовленные желѣзные рельсы со стальными головками и за принадлежности къ нимъ, но концессіонеры, которымъ правительство уступило постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ, принимали всевозможныя мѣры къ тому, чтобы не брать этихъ рельсовъ, получившихъ въ послѣднее время, какъ я упоминулъ выше, дурную репутацію, и испрашивали дозволенія выписывать изъ-за границы стальные

рельсы, такъ что рельсы, выдѣлываемые на заводѣ Путилова, по пріемѣ ихъ казною, оставались на заводѣ безъ употребленія. Понятно было, что этотъ порядокъ вещей не могъ долѣе продолжаться и, сверхъ того, срокъ контрактамъ на изготовленіе рельсовъ вскорѣ истекалъ, потому явно было, что рельсовый заводъ вскорѣ останется вовсе безъ работы.

Путиловъ это предвидѣлъ и, какъ я упомянулъ выше, еще въ іюнѣ 1873 года представилъ графу А. П. Бобринскому записку о замѣнѣ его контрактовъ на поставку желѣзныхъ рельсовъ контрактомъ на поставку рельсовъ стальныхъ. Переговоры объ этомъ шли между министрами путей сообщенія и финансовъ и Путиловымъ почти два года, и только въ апрѣлѣ 1875 года былъ заключенъ съ обществомъ Путиловскихъ заводовъ контрактъ на поставку стальныхъ рельсовъ въ количествѣ четырехъ милліоновъ пудовъ въ продолженіе пяти лѣтъ съ тѣмъ, что желѣзные рельсы со стальными голозками будутъ приняты только по сроку 1875 года, а затѣмъ прежде заключенные контракты на поставку рельсовъ уничтожаются. Цѣна за пудъ стальныхъ рельсовъ была назначена высокая, а именно— 2 р. 37 к.; заказано рельсовъ на 9.480.000 рублей и скрѣпленій къ нимъ на 1.060.120 рублей, а всего на 10.540.120 рублей, причемъ было выдано до милліона рублей въ задатокъ.

Между тѣмъ, обществу Путиловскихъ заводозъ пришлось строить новый огромный заводъ для выдѣлки стали и прокатки стальныхъ рельсовъ. Въ іюнѣ 1875 года, когда я уѣзжалъ въ Карлсбадъ, начали постройку этого завода, на которую Путиловъ, по новизнѣ дѣла, не могъ представить смѣты, полагая приблизительную стоимость его въ пятьсотъ или шестьсотъ тысячъ, но къ концу 1875 года онъ уже стоилъ болѣе милліона рублей. Изготовленіе же рельсовъ со стальными головками прекратилось съ іюля 1875 года, и потому общество Путиловскихъ заводовъ осталось совершенно безъ денегъ.

Министръ путей сообщенія Посьетъ, желая подвинуть дѣло, въ началѣ 1876 года попросилъ, съ большими трудностями, соглашеніе Рейтерна на выдачу обществу Путиловскихъ заводовъ задаточныхъ денегъ до милліона рублей подъ поставку рельсовъ въ счетъ второго года, хотя ни одного рельса не было еще поставлено въ счетъ перваго года, тогда какъ эта поставка по контракту должна была начаться еще 15 августа 1875 года. Всего же прискорбнѣе, что и послѣ новаго пособія изготовленіе стальныхъ рельсовъ начато только въ маѣ 1876 года и идетъ весьма медленно, по неимѣнію сырыхъ матеріаловъ для выдѣлки стали, а частію по неоконченности завода и вслѣдствіе многихъ въ немъ неудобствъ, потребовавшихъ передѣлокъ.

Понятно, какъ всѣ неудачи Путилова тяготили меня, но эта тягость была еще усугублена тѣмъ, что Путиловъ постоянно былъ неисправенъ въ платежѣ процентовъ по огромнымъ занятымъ имъ суммамъ, и въ томъ числѣ по суммамъ, занятымъ у Московскихъ банковъ, а между тѣмъ постоянно завѣрялъ, что его дѣла въ блестящемъ положеніи, что онъ вскорѣ

всѣмъ кредиторамъ уплатитъ и будетъ имѣть огромные заводы съ весьма выгодными заказами. Московскіе банки ссудили Путилова капиталомъ, на основаніи своихъ правилъ, только на шесть мѣсяцевъ съ тѣмъ, что, по истеченіи сего срока, Путиловъ долженъ заплатить проценты снова на шесть мѣсяцевъ впередъ и написать новыя заемныя письма. Первый срокъ истекалъ въ концѣ 1873 года. Путиловъ, не имѣя возможности заплатить всѣхъ процентовъ, сговорился съ однимъ изъ ссудившихъ его трехъ банковъ, составлявшихъ по этому предмету синдикатъ, объ отсрочкѣ уплаты процентовъ, другому банку выслалъ всѣ проценты, а третьему банку, именно, обществу взаимнаго кредита въ Москвѣ не только не выслалъ процентовъ, но даже и не предувѣдомилъ его объ этомъ.

Предсѣдателемъ правленія этого банка былъ Чижовъ, который весьма обидѣлся, говоря, что это во всякомъ случаѣ мерзко, а тѣмъ болѣе въ виду того, что всѣ банки согласились на ссуду по настоянію Чижова и теперь могутъ подумать, что у него есть какая-либо сдѣлка съ Путиловымъ, который въ противномъ случаѣ не посмѣлъ бы такъ поступить. Чижовъ слишкомъ извѣстенъ своею неукоризненною честностью, а потому этого никто не могъ подумать, но онъ съ этого времени постоянно ругалъ,—и въ разговорахъ, и въ письмѣ,—Путилова, называя его плутомъ, такъ что мы, Чижовъ и я, наконецъ рѣшили болѣе не говорить и не писать о немъ.

Но по обстоятельствамъ это оказалось невозможнымъ.

Конечно, я не оправдывалъ поступка Путилова, но видя, что ему нечѣмъ уплатить сдѣланной банками ссуды и что черезъ продажу заводовъ едва ли кредиторы получатъ удовлетвореніе, а также надѣясь, что дѣла Путилова хотя немного поправятся, я умиротворилъ Чижова. На этотъ разъ дѣло окончилось тѣмъ, что Путиловъ заплатилъ слѣдующіе проценты обществу взаимнаго кредита и выдалъ новыя заемныя письма на 6 мѣсяцевъ. То же или почти то же повторялось каждые полгода. Каждый разъ Путиловъ увѣрялъ, что ранѣе срока уплатитъ Московскимъ банкамъ весь капиталъ, то перезалогомъ своихъ акцій въ другіе банки, и между прочимъ въ Государственный, отъ управляющаго которымъ Евгенія Ивановича Ламанскаго будто бы получилъ уже согласіе,—то образованіемъ общества С.-Петербургскаго порта *) и обводной жел. дороги, причемъ за произ-

*) Уставъ этого общества, подъ названіемъ: «Общество товарныхъ складовъ при жел. дор. Путиловскаго товарищества въ С.-Петербургѣ», Высочайше утвержденъ 21 мая 1871 года. Описаніе предположенія Путилова объ устройствѣ Петербургскаго порта, а равно и Морского канала отъ Кронштадта до Петербурга, довольно подробно изложено въ статьѣ «Петербургскій портъ», помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1876 г. на стр. 624 и слѣдующихъ. Авторъ этой статьи г. Комаровъ, по выходѣ въ отставку изъ генеральнаго штаба, былъ нѣсколько времени редакторомъ газеты «Русскій Міръ», ратовавшій противъ распоряженій военнаго министра, Д. А. Милютина, а по оставленіи этой редакціи былъ дѣлопроизводителемъ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія. Принадлежа къ партіи графа А. П. Бобринскаго, онъ продолжалъ однакоже и по увольненіи послѣдняго служить въ означенномъ министерствѣ. Въ 1876 же году, онъ въ числѣ русскихъ «добровольцевъ» поѣхалъ въ Сер-

веденныя имъ по этимъ сооруженіямъ работы и за купленныя для нихъ земли онъ долженъ получить значительныя суммы. Въ разговорахъ со мною и со многими другими онъ часто увѣрялъ, что образованіе общества воспослѣдуетъ не далѣе нѣсколькихъ недѣль, и представлялъ свои дѣла блестящими, тогда какъ отовсюду грозили подачею его векселей ко взысканію, и онъ цѣлые дни и часто ночи шнырялъ повсюду, отыскивая денегъ, чтобы удовлетворить процентами своихъ кредиторовъ, приплачивая при этомъ большія деньги за комиссіи и неустойки, а земли, купленныя имъ для порта, и произведенныя имъ работы были также заложены.

Въ 1875 году Путиловъ былъ до того убѣжденъ, что онъ вскорѣ образуетъ портовое общество и свои акціи, заложенныя въ Московскихъ банкахъ, перезаложитъ въ другіе банки, что даже не добивался переписки векселей послѣдними на 6 мѣсяцевъ, а переписалъ ихъ только на 3. Съ тѣхъ поръ тревоги, повторявшіяся два раза въ годъ, наступали каждые 3 мѣсяца. Въ январѣ 1876 года Путиловъ не заплатилъ процентовъ Московскимъ банкамъ, и Московское общество взаимнаго кредита, сдѣлавъ всевозможныя снисхожденія, подало вексель ко взысканію. Путиловъ добылъ гдѣ-то деньги для уплаты процентовъ и переписалъ векселя снова на три мѣсяца.

Въ зиму 1875—1876 года предсѣдатель правленія упомянутаго общества Чижовъ былъ боленъ, его мѣсто занималъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, который посылалъ ко мнѣ телеграммы даже въ Петербургскій Англійскій клубъ, гдѣ я часто обѣдалъ въ эту зиму, чтобы я подѣйствовалъ на Путилова, и писалъ мнѣ о томъ же письма.

Хотя я не довѣрялъ болѣе Путилову, но все же находилъ возможнымъ, что съ открытіемъ производства на стальнерельсовомъ заводѣ дѣла поправятся на столько, что Путиловъ въ состояніи будетъ расплатиться съ Московскими банками. Поэтому я полагалъ представленіе ко взысканію его векселей несвоевременнымъ, что и изложилъ въ письмѣ отъ 12 января 1876 года къ И. С. Аксакову, которому писалъ, что слѣдовало бы дождаться времени, когда разъяснятся дѣла Путилова по работамъ канала (Морского) и по изготовленію рельсовъ на его стальнерельсовомъ заводѣ.

Я выше упоминалъ о томъ, что правительство рѣшило на свой счетъ устроить Морской каналъ, т.-е., углубить фарватеръ отъ Кронштадта до Петербургской биржи. На эти работы назначены были торги, къ которымъ положено было допускать людей только опытныхъ въ подобныхъ работахъ, слѣдовательно однихъ иностранцевъ, такъ какъ въ Россіи таковыхъ работъ не производилось. Путиловъ, непремѣнно желавшій строить Мор-

---

бію, гдѣ состоялъ начальникомъ штаба дѣйствующей на р. Моравѣ противу Турокъ сербской арміи, которою командуетъ отставной генералъ-маіоръ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, покоритель Ташкента. Комаровъ за отличія въ дѣлахъ противъ Турокъ произведенъ въ генералы, конечно, сербскіе.

ской каналъ, могъ добиться быть допущеннымъ въ число контрагентовъ, только войдя въ товарищество съ англичанами Кларкомъ и Пончеръ.

Путиловъ опасался, что правительственный комитетъ по устройству этого канала, если эти работы останутся за нимъ, будетъ ему вредить, такъ какъ комитетъ былъ переполненъ Поляками и предсѣдателемъ его по Высочайшему повелѣнію былъ назначенъ С. В. Кербедзъ. Это назначеніе воспослѣдовало по представленію товарища министра путей сообщенія Н. Н. Селифонтова, который имѣлъ личный докладъ Государю послѣ увольненія министра графа А. П. Бобринскаго и до вступленія въ эту должность К. Н. Посьета. Послѣдній, не объявляя Высочайшаго повелѣнія о Кербездѣ, представилъ Государю о назначеніи въ предсѣдатели комитета Ѳ. И. Энрольда. Самъ Путиловъ указалъ мнѣ его, равно какъ и другихъ лицъ министерства путей сообщенія, для назначенія въ этотъ комитетъ членами. Я рекомендовалъ ихъ Посьету, зная ихъ всѣхъ за людей, заслуживающихъ довѣрія.

Къ торгамъ на устройство Морского канала были допущены три только конкурента и впослѣдствіи заключенъ контрактъ съ Кларкомъ и товарищами, хотя ихъ цѣны не были низшими, но собственно потому, что Посьетъ предпочиталъ русскаго подрядчика и былъ увѣренъ, что Путиловъ, какъ патріотъ и человѣкъ весьма способный и преданный дѣлу, исполнитъ его лучше всякаго другого. Кончилось тѣмъ, что Англичане, ничего не сдѣлавъ, взяли отступныя деньги съ Путилова, который затѣмъ остался одинъ контрагентомъ по устройству Морского канала.

Съ самаго вступленія моего въ дѣла Путилова, они страшно меня тяготили. Я уже говорилъ о пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ министромъ финансовъ Рейтерномъ, о зависимости пріема рельсовъ со стальными головками отъ ежемѣсячныхъ разрѣшеній графа А. П. Бобринскаго, о неисправности Путилова по платежу процентовъ Московскимъ банкамъ, начиная съ перваго, наступившаго для этого платежа, срока, что повлекло непріятную переписку между мною и Чижовымъ, котораго я любилъ всѣмъ сердцемъ и глубоко уважалъ, а равно и о постоянномъ безденежьѣ кассы общества Путиловскихъ заводовъ. Къ этому еще надо присовокупить, что разговоры съ Путиловымъ выводили меня изъ терпѣнія при каждомъ съ нимъ свиданіи. Въ то время, когда недоставало матеріаловъ для правильнаго дѣйствія заводовъ, и когда Путиловъ употреблялъ дни и ночи на вымаливаніе новыхъ ссудъ на самыхъ невыгодныхъ для него условіяхъ и слѣдовательно занимался только добываніемъ денегъ, а не ходомъ заводовъ— онъ описывалъ мнѣ свои дѣла въ самомъ блестящемъ видѣ, приписывлъ свои невзгоды общему къ нему недоброжелательству и удивлялся желанію его кредиторовъ поскорѣе получить должные имъ капиталы, тогда какъ уплата ихъ совершенно вѣрна и обезпечена.

При каждомъ свиданіи Путиловъ увѣрялъ меня, что черезъ нѣсколько дней образуетъ общество по устройству порта, отъ чего ожидалъ огромныхъ выгодъ. Для этого ему надо было выкупить заложенныя имъ земли

при портѣ. На выкупъ денегъ не было, но онъ увѣрялъ, что немедля ихъ получитъ разными путями, очень часто измѣняя эти пути. Въ правленіе общества Петербургскаго порта, открытіе котораго откладывалось со дня на день, желали поступить много довольно высокопоставленныхъ лицъ, между прочими, сенаторъ, статсъ-секретарь Юлій Андреевичъ Гагемейстеръ и мой внучатный братъ тайный совѣтникъ Николай Николаевичъ Колесовъ, много хлопотавшій черезъ меня и черезъ В. П. Александровскаго и получившій, наконецъ, обѣщаніе Путилова. Впрочемъ, Гагемейстеръ, будучи назначенъ первоприсутствующимъ въ 4-мъ департаментѣ Сената, отказался отъ поступленія въ члены правленія по устройству Петербургскаго порта.

Понятно, что я не раздѣлялъ блестящихъ надеждъ Путилова и съ нимъ спорилъ, хотя, не зная всѣхъ его дѣлъ, надѣялся, что онъ, получивъ по выгоднымъ цѣнамъ заказы вагоновъ и стальныхъ рельсовъ и работы по Морскому каналу, будетъ имѣть средства расплатиться съ Московскими банками. Благодаря дурному пріему Рейтерна, я навсегда отказался отъ поѣздокъ къ нему съ просьбами по дѣламъ Путилова, который неоднократно уговаривалъ меня передавать эти просьбы Рейтерну. Отношенія же мои къ графу А. П. Бобринскому были до того нехороши, что, конечно, Путилову не приходилось просить моего передъ нимъ ходатайства, но въ крайнихъ случаяхъ я, по настоянію Путилова, ѣздилъ съ просьбою къ начальнику управленія жел. дорогами К. И. Шернвалю и къ директору департамента жел. дорогъ И. Д. Хмельницкому, несмотря на то, что первый изъ нихъ, по выходѣ моемъ изъ министерства путей сообщенія, совершенно прекратилъ знакомство со мною. Съ назначеніемъ въ іюлѣ 1874 года К. Н. Посьета министромъ путей сообщенія я принужденъ былъ, по настоянію Путилова, неоднократно къ нему обращаться съ разными просьбами, и хотя Посьетъ, по дружбѣ ко мнѣ и въ особенности по расположенію къ Путилову, всегда готовъ былъ ихъ исполнить, но это положеніе вѣчно просящаго крѣпко мнѣ надоѣло, а потому, пробывъ согласно данному мною обѣщанію два года предсѣдателемъ совѣта общества Путиловскихъ заводовъ, я въ іюлѣ 1875 года заявилъ Путилову, что въ наступающую осень непремѣнно выйду изъ совѣта. Онъ же не только не вѣрилъ, чтобы я могъ оставить столь блестящее и важное, по его мнѣнію, для Россіи дѣло, какъ изготовленіе стальныхъ рельсовъ, которое полагалъ начать осенью, но, провожая 16-го августа меня и жену мою за границу, на станціи жел. дороги просилъ дозволенія выбрать меня въ предсѣдатели управленія устройствомъ Петербургскаго порта, общество котораго, по его словамъ, столь часто повторяемымъ, должно было образоваться черезъ нѣсколько дней. Я рѣшительно и съ неудовольствіемъ ему отказалъ, но зная, что подобнаго заявленія Путилову недостаточно, я ему въ концѣ августа написалъ письмо изъ Монморанси (близъ Парижа) слѣдующаго содержанія:

«Вы постоянно заявляли мнѣ свою благодарность за тѣ незначительныя услуги, которыя мнѣ удалось сдѣлать для васъ. Полагая, что вы

готовы мнѣ уплатить тою же монетою, я собирался еще изъ Карлсбада писать вамъ слѣдующее:

«Моею постоянною мечтою было провести, послѣ весьма дѣятельной жизни, послѣдніе мои годы въ совершенномъ покоѣ, безъ всякихъ тревогъ, вслѣдствіе чего я полагалъ оставить мою прежнюю должность не позже 1873 года. Обстоятельства сложились такъ, что я достигъ моей цѣли двумя годами ранѣе. Съ того времени не было конца предложеніямъ мнѣ отъ многихъ лицъ вступить въ разныя предпріятія; всѣмъ было мною на первомъ ихъ словѣ отказываемо. По извѣстной вамъ причинѣ, я сдѣлалъ для васъ исключеніе, полагаясь между прочимъ на ваше тогдашнее завѣреніе, что вскорѣ уплатите долгъ извѣстнымъ вамъ лицамъ, и я затѣмъ буду освобожденъ.

«Не только не удалось этого достигнуть, но вы, при отъѣздѣ моемъ изъ Царскаго Села, на станціи уговаривали меня принять еще званіе предсѣдателя общества по устройству порта, а когда я отказалъ, то вы напомнили, что я обѣщался быть инженеромъ-консультантомъ при портовыхъ работахъ. Дѣйствительно, склоняясь на ваши убѣжденія, я далъ вамъ обѣщаніе на нѣкоторое время принять означенную обязанность, но прошло 9 мѣсяцевъ, общество не составилось, и я теперь почитаю себя въ правѣ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, отказаться и отъ этой должности.

«Каждая личность имѣетъ свое предназначеніе. Вамъ нужны тревоги, а мнѣ покой, и потому моя покорнѣйшая просьба поспѣшить устроить такъ дѣла по заводу, чтобы я могъ отъ нихъ скорѣе освободиться, вмѣстѣ съ тѣмъ не расчитывайте на принятіе мною какой бы то ни было обязанности въ вашихъ предпріятіяхъ, что не помѣшаетъ мнѣ принимать къ сердцу ваши дѣла. По мѣрѣ силъ и возможности всегда буду готовъ помочь вамъ, какъ человѣку, котораго энергію, постоянно направленную къ общественной пользѣ, я вполнѣ цѣню».

Отвѣта на это не послѣдовало, а когда я 27-го октября вернулся въ Петербургъ, то Путиловъ упросилъ меня остаться до открытія стальнерельсоваго завода, которое назначалось сначала въ ноябрѣ, потомъ въ декабрѣ, и такъ постоянно откладывалось. При этомъ онъ просилъ меня не созывать совѣта общества до открытія означеннаго завода, такъ какъ съ прекращеніемъ изготовленія жел. рельсовъ производились только расходы по заводамъ, а Путилову не хотѣлось объяснять этого совѣту. Въ зиму 1875—1876 года, по бытности моей жены въ Каннѣ, я никогда не обѣдалъ дома и каждое воскресенье выходилъ изъ дома въ 4 часа, чтобы обѣдать у Посьета. Путиловъ это зналъ и каждое воскресенье около 4 часовъ являлся ко мнѣ съ просьбами съ тѣмъ, чтобы я передавалъ ихъ Посьету, и съ извиненіями, что по его занятіямъ, состоявшимъ въ постоянномъ отыскиваніи денегъ, не могъ заѣхать ко мнѣ ранѣе. Я не буду перечислять всѣхъ его просьбъ, назову только главныя: просьбу о вышеупомянутой выдачѣ задаточныхъ денегъ до милліона руб. для покупки матеріаловъ

на изготовленіе стальныхъ рельсовъ и просьбу о выдачѣ 500 тыс. руб. подъ машины для Морского канала, которыя онъ обязанъ былъ сдать осенью 1875 года, а между тѣмъ онѣ не были еще собраны, а нѣкоторыя еще не были доставлены изъ-за границы.

По представленіямъ Посьета, Путиловъ эти деньги получилъ, а въ декабрѣ 1875 года, по положенію комитета министровъ, Высочайше утверждена и гарантія по соединительной Путиловской жел. дорогѣ въ суммѣ до 4-хъ милліоновъ руб., но уставъ этой дороги утвержденъ только 12 октября 1876 года, вслѣдствіе, какъ увѣрялъ Путиловъ, придирокъ, дѣлаемыхъ при разсмотрѣніи устава разными чинами министерства путей сообщенія, которые, напротивъ того, вину въ этой медленности сваливаютъ на него. Впрочемъ, окончаніе сооруженія жел. дороги Путиловъ сдалъ Ефимовичу еще въ концѣ 1875 года и тогда же получилъ почти всю сумму за работы, произведенныя имъ до сдачи.

Путиловъ каждое слово, сказанное лицами власть имѣющими въ его пользу, или такъ имъ понятое, считаетъ какъ бы уже совершившимся дѣломъ, и если оно замедляется часто по собственной винѣ Путилова, онъ никогда не видитъ ее. Онъ даже не соглашается приписать медленность обычному ходу бюрократіи, а постоянно приписываетъ ее своимъ недоброжелателямъ. Приведу въ примѣръ ходъ дѣла по только что упомянутой мною гарантіи соединительной жел. дорогѣ. Эта гарантія по 5% съ капитала, приблизительно исчисленнаго въ $2\frac{1}{2}$ милліона руб., была дарована по Высочайшему повелѣнію въ іюнѣ 1873 года. Отъ Путилова по этому же повелѣнію требовалось представленіе проекта жел. дороги и нѣкоторыхъ измѣненій въ прежде утвержденномъ уставѣ на эту дорогу.

Въ іюнѣ 1875 года, предъ своимъ отъѣздомъ въ Карлсбадъ, Посьетъ ѣздилъ со мною на пароходѣ для осмотра направленія Морского канала и начатаго постройкою стальнерельсоваго завода. Съ нами ѣхало нѣсколько приглашенныхъ лицъ и въ ихъ числѣ директоръ департамента таможенныхъ сборовъ Николай Александровичъ Качаловъ, повидимому весьма расположенный къ Путилову и его предпріятіямъ. Путиловъ на пароходѣ представилъ Посьету проэктъ Морского порта и соединяющей его съ Невою жел. дороги, которая, вслѣдствіе значительнаго числа прибавленныхъ вѣтвей, должна была стоить уже не $2\frac{1}{2}$, а 5 милліоновъ рублей. Онъ былъ увѣренъ, что уставъ общества соединительной жел. дороги будетъ вскорѣ утвержденъ съ гарантіею на 5 милл. руб. и что онъ не замедлитъ получить отъ этого общества деньги, затраченныя имъ на устройство дороги. Качаловъ, находя, что портъ получитъ полное значеніе только по устройствѣ обводнаго отъ р. Невы до порта барочнаго канала, совѣтовалъ Путилову внести въ уставъ общества жел. дороги правительственную гарантію и на устройство канала съ тѣмъ, чтобы одновременно ходатайствовать объ обѣихъ гарантіяхъ, въ которыхъ, по мнѣнію Качалова, не могло быть отказа.

Путиловъ соглашался на предложеніе Качалова, но я ему противо-

рѣчилъ, объясняя, что это затянетъ выдачу гарантіи по дорогѣ на нѣсколько лѣтъ, а Путилову необходимы деньги немедля, и какая ему польза въ томъ, что ему готовится жирный обѣдъ въ будущемъ, когда онъ до того времени непремѣнно умретъ съ голода. У насъ съ Качаловымъ произошелъ споръ, и когда онъ мнѣ сказалъ, что онъ совѣтуетъ, какъ человѣкъ старый и слѣдовательно опытный, я возразилъ, что и я старый человѣкъ и старый чиновникъ, а потому хорошо знаю, какъ долго можетъ продолжаться переписка объ исходатайствованіи новой гарантіи и какъ вмѣстѣ съ этимъ затянется выдача уже обѣщанной, сумма которой еще не опредѣлена въ точности. Между тѣмъ Рейтернъ собирался вскорѣ уѣхать въ Карлсбадъ, и Посьетъ уѣзжалъ изъ Петербурга 15-го іюня. Послѣдній обѣщался, впрочемъ, до своего отъѣзда переговорить съ Рейтерномъ о величинѣ суммы, гарантируемой по жел. дорогѣ.

Когда я, по просьбѣ Путилова, наканунѣ выѣзда Посьета въ Варшаву, напомнилъ ему объ обѣщаніи повидаться съ Рейтерномъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что полагалъ быть у послѣдняго въ городѣ, но такъ какъ Рейтернъ живетъ на островахъ, то не успѣетъ туда съѣздить. Въ это время привезли Посьету новую коляску. Онъ сказалъ своей женѣ, чтобы она испробовала коляску въ его отсутствіе. Она же, желая быть полезною Путилову, отвѣчала, что не можетъ пробовать экипажа иначе, какъ вмѣстѣ съ мужемъ, для чего уговаривала его вечеромъ ѣхать на острова, полагая во время его объясненій съ Рейтерномъ прогуляться. Это было мною въ тотъ же день передано Путилову.

16-го іюня я ѣхалъ вмѣстѣ съ Посьетомъ до Вильны. Онъ сказалъ, что былъ у Рейтерна, который не только согласился на сумму гарантіи въ 5.000.000 р., но даже былъ удивленъ, что Путиловъ ограничивается этою суммою.

По пріѣздѣ въ Берлинъ я телеграфировалъ Путилову, что экипажъ былъ испробованъ вполнѣ удачно. Это означало, что Посьетъ получилъ согласіе Рейтерна. По моемъ возвращеніи 21-го іюля въ Царское Село, я узналъ, что Рейтернъ, передъ отъѣздомъ въ Карлсбадъ, не отвѣчалъ письменно на отношеніе Посьета, въ которомъ испрашивалось согласіе на ходатайство въ комитетѣ министровъ о гарантіи на Путиловскую жел. дорогу, оцѣненную въ 5.000.000 р. Управлявшій же министерствомъ финансовъ товарищъ министра Шамшинъ заявлялъ, что, не получивъ никакой инструкціи по этому дѣлу отъ Рейтерна, онъ ничего не можетъ отвѣчать.

Въ то же время были произведены на Донецкую жел. дорогу торги, которые полагая не утверждать, Посьетъ желалъ заручиться согласіемъ Рейтерна, и съ этою цѣлію послалъ къ нему письмо съ состоящимъ при Посьетѣ по особымъ порученіямъ Жемчужниковымъ. Путиловъ упросилъ Посьета приписать въ томъ же письмѣ о томъ, чтобы Рейтернъ сообщилъ Шамшину о своемъ согласіи на ходатайство о гарантіи на Путиловскую жел. дорогу.

Жемчужниковъ телеграфировалъ изъ Карлсбада, что Рейтернъ объ-

щался написать Шамшину согласно этому ходатайству, но по возвращеніи въ Петербургъ въ концѣ іюля привезъ Посьету письмо Рейтерна, въ которомъ послѣдній заявляетъ, что находитъ нужнымъ оставить дѣло о гарантіи Путиловской жел. дорогѣ до его возвращенія.

По пріѣздѣ же въ Петербургъ, Рейтернъ, несмотря на частыя напоминанія Посьета, все откладывалъ это дѣло и, наконецъ, въ октябрѣ согласился, чтобы инженеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Энрольдъ объяснилъ ему необходимость проектированныхъ Путиловымъ вѣтвей жел. дороги. При этомъ объясненіи Рейтернъ нашелъ, что тѣ изъ вѣтвей, которыя устраиваются собственно въ портѣ, не подлежатъ гарантіи, и затѣмъ цѣнность гарантируемой жел. дороги, которую должно было внесть въ уставъ, опредѣлилась въ 3.700.000 р. Этотъ уставъ, наконецъ, утвержденъ 12 октября 1876 года.

Путиловъ постоянно говорилъ, что ему всѣ враги, и теперь (1876 г.) въ особенности недоволенъ составомъ комитета по устройству Морского канала, члены котораго, какъ выше сказано, были назначены по его указанію, но онъ увѣряетъ, что эти члены хотятъ строить на казенныя деньги портъ на Гутуевскомъ островѣ, что будетъ возможно, когда портъ его не осуществится, и съ этою цѣлію стараются его сдѣлать несостоятельнымъ. Я же полагаю, что имъ надоѣли его неисполнительность и постоянныя требованія такихъ льготъ и пособій, о которыхъ не упоминается въ заключенныхъ съ нимъ контрактахъ. Только про Посьета и меня не говорилъ Путиловъ, что мы были враги его. Каждый разъ, когда удавалось сдѣлать для него что-либо, онъ немедля по полученіи благопріятной вѣсти присылалъ мнѣ благодарственную записку и на другой день пріѣзжалъ лично благодарить. Привожу для образца копіи съ его трехъ благодарственныхъ записокъ:

«Спасибо, спасибо, большое спасибо вамъ и баронессѣ за сочувствіе ваше къ Новгородцу. Спѣшу сообщить: Государь утвердилъ. Спасибо, спасибо. Душевное спасибо. Весь вашъ Н. Путиловъ. 2 октября 1874 года.

«Благодаря Всевышняго дорога утверждена, съ нѣкоторыми неизвѣстными дополненіями условій. Все будетъ обстоять благополучно.

«Былъ у Ев. Ив. *), ожидаю большого содѣйствія.

«Спасибо. Вами обязанный Н. Путиловъ. 16 дек. 1875 г.

«Обнимаю крѣпко, крѣпко, почтительно, почтительно, сердечно, сердечно благодарю васъ, глубоко добрый баронъ Андрей Ивановичъ. Государь утвердилъ. 4 марта 1876 года.»

Продолжая заботиться о выходѣ моемъ изъ совѣта общества Путиловскихъ заводовъ, я, между прочимъ, 17 декабря 1875 года писалъ Путилову:

«*Заклинаю* васъ, Николай Ивановичъ, принять самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы я имѣлъ возможность, безъ вреда вашимъ дѣламъ,

---

*) Ламанскаго, управляющаго Государственнымъ банкомъ.

неотлагательно выйти изъ общества Путиловскихъ заводовъ, о чемъ я неоднократно лично васъ просилъ, а равно письмомъ, посланнымъ изъ Монморанси. Если мѣры, которыя вы примите, не удадутся, то я и въ этомъ случаѣ не замедлю выйти изъ означеннаго общества».

По своему обыкновенію Путиловъ удивлялся, что я не хочу оставаться во главѣ дѣлъ, представляющихъ самую блестящую будущность, и упрашивалъ меня остаться еще нѣсколько времени, опасаясь, что мой, ничѣмъ не мотивированный, выходъ подѣйствуетъ вредно на его дѣла, которыя должны въ весьма короткое время принять хорошій оборотъ. Я ему тогда же объявилъ, что непремѣнно выйду въ мартѣ 1876 года изъ совѣта, а поводомъ къ выходу можетъ служить мой выѣздъ за границу. Въ половинѣ марта я поѣхалъ въ Москву, заявивъ Путилову, что цѣль моей поѣздки состоитъ въ томъ, чтобы объявить Московскимъ банкамъ о моемъ выходѣ изъ совѣта.

Въ Москвѣ я передалъ Чижову, что здоровье мое не можетъ выносить постоянныхъ перипетій, въ которыя меня ставятъ дѣла общества Путиловскихъ заводовъ и невольно связанныя съ ними собственныя дѣла Путилова. Чижовъ и другой представитель Московскихъ банковъ Т. С. Морозовъ, видя рѣшительность мою оставить общество Путиловскихъ заводовъ, заявили мнѣ, что я долженъ былъ бы по крайней мѣрѣ дать имъ время отыскать кого-либо на мое мѣсто, вслѣдствіе чего я согласился заявить о моемъ выходѣ въ маѣ, по возвращеніи изъ-за границы. Это исполнено мною 20-го мая письмами въ совѣтъ общества и Московскіе банки.

По полученіи моего отношенія въ совѣтѣ, Путиловъ пріѣзжалъ упрашивать меня отложить мой выходъ, въ чемъ я рѣшительно ему отказалъ. Онъ просилъ меня не предавать моему выходу немедля гласности, потому что не позже 2-го іюня полагаетъ сдѣлать торжественное открытіе работъ по Морскому каналу, къ которому пригласитъ великаго князя Константина Николаевича, многихъ высшихъ правительственныхъ лицъ и Петербургскихъ негоціантовъ и банкировъ. Вслѣдъ за тѣмъ Путиловъ заявилъ мнѣ, что онъ принужденъ былъ отложить открытіе до 12-го іюня, и просилъ въ виду этого не ѣхать въ Москву на экзамены въ Дельвиговскомъ училищѣ, но я уѣхалъ 8-го числа, сказавъ Путилову, что если получу отъ него въ Москвѣ телеграмму 11-го числа, то пріѣду къ открытію, которое тогда однако не состоялось. Путиловъ увѣрялъ меня, что онъ въ переговорахъ съ французскою компаніею, которая беретъ его рельсовый заводъ на аренду на условіяхъ, согласныхъ съ требованіями Московскихъ банковъ. Напротивъ, И. С. Аксаковъ, предсѣдательствовавшій, за отсутствіемъ Чижова, въ Московскомъ обществѣ взаимнаго кредита, сказалъ мнѣ, что эти банки не согласны съ нѣкоторыми изъ условій предположенной аренды заводовъ.

По возвращеніи изъ Москвы я узналъ отъ Г. И. Филипсона, вице-предсѣдателя совѣта общества Путиловскихъ заводовъ, что ему ничего не извѣстно о моемъ выходѣ, вслѣдствіе чего я письмомъ отъ 16-го іюня про-

силъ завѣдывающаго дѣлами совѣта и правленія общества Александра Ѳеодоровича Бухе заявить мое письмо по принадлежности и, не получивъ отвѣта, повторилъ мою просьбу въ письмѣ отъ 21-го іюня, въ которомъ присовокупилъ, что если имъ не будетъ немедленно сдѣлано надлежащее по моему письму распоряженіе, то я самъ заявлю членамъ совѣта о моемъ выходѣ. Бухе 25-го іюня отвѣчалъ, что Путиловъ, по полученіи моего письма отъ 20-го мая, заявилъ ему о данномъ будто бы мною согласіи не давать офиціальнаго значенія моему отъ 20-го мая письму до 1-го августа, но что, вслѣдствіе моихъ двухъ послѣднихъ писемъ, Бухе послалъ означенное письмо къ Филипсону и Кенигу. Впослѣдствіи онъ лично объяснилъ мнѣ, что не посылалъ письма къ члену совѣта Александровскому по причинѣ его болѣзни.

Послѣдній объяснилъ мнѣ впослѣдствіи, что узналъ о моемъ выходѣ только изъ полученной имъ отъ правленія общества повѣстки о назначеніи общаго собранія акціонеровъ на 20-е августа для выбора двухъ новыхъ членовъ совѣта, вмѣсто меня и умершаго барона Ю. Ѳ. Корфа, и одного члена правленія, вмѣсто выбывающаго В. П. Колесова. Это общее собраніе было отсрочено до 4-го сентября. Я заявилъ Бухе, что никогда не соглашался на то, что ему сказалъ Путиловъ, что переданное ему Путиловымъ—чистая ложь, такъ какъ на его просьбу я и не могъ согласиться,ославъ 20-го же мая въ Московскіе банки извѣщеніе о моемъ выходѣ. Въ продолженіе почти 2-хъ мѣсяцевъ я не видалъ Путилова, и нѣсколько отдохнулъ отъ его дѣлъ и разсказовъ, и удивлялся только тому, что торжественное открытіе Морского канала все откладывалось.

31-го іюля рано утромъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Царское Село Путиловъ и, заявивъ, что онъ получилъ письмо отъ В. П. Александровскаго, который требуетъ съ него уплату долга къ 1-му августа и грозитъ въ противномъ случаѣ немедля представить его векселя ко взысканію, просилъ меня уговорить Александровскаго обождать представленіемъ векселей, а что онъ до 18-го августа уплатитъ Александровскому 50 тыс. руб. и во всякомъ случаѣ не менѣе 30 тыс. руб. При этомъ онъ мнѣ сказалъ, что все готово къ торжественному открытію работъ по Морскому каналу, которое онъ даже хотѣлъ сдѣлать въ отсутствіе министра путей сообщенія Посьета, но что послѣдній, при отъѣздѣ своемъ 24-го іюля за границу, заявилъ желаніе присутствовать при открытіи, которое и будетъ непремѣнно 16-го августа, такъ какъ Посьетъ 15-го вернется, а 17-го ѣдетъ съ Государемъ въ Варшаву. Въ тотъ же день я передалъ просьбу Путилова очень больному съ прошедшей осени Александровскому и его женѣ. Они назвали эту просьбу насмѣшкою, такъ какъ имъ слѣдуетъ получить болѣе милліона руб., присовокупивъ, что Путиловъ ихъ постоянно обманывалъ и что они 3-го августа не только предъявятъ векселя ко взысканію, но и подадутъ искъ противъ правленія общества Путиловскихъ заводовъ за неправильное употребленіе и продержаніе ихъ денегъ.

Александровскіе были въ полномъ правѣ, и я удовольствовался только

замѣчаніемъ, что поданіемъ ко взысканію векселей Путилова они отстранятъ его отъ дѣлъ, которыя онъ одинъ можетъ улучшить; что же касается до предполагаемаго ими иска на правленіе, то оно дѣйствовало, насколько мнѣ помнится, согласно условіямъ, заключеннымъ съ Александровскимъ, который, сверхъ того, будучи членомъ совѣта общества, постоянно одобрялъ дѣйствія правленія своею подписью. Александровскій возразилъ мнѣ, что онъ, въ противность моего мнѣнія, полагаетъ полезнымъ для дѣлъ Путилова удаленіе его.

Вообще, больной Александровскій былъ очень раздраженъ и не давалъ говорить своей женѣ, которая, по выходѣ моемъ изъ ихъ дома, догнала меня и просила дозволенія пріѣхать на другой день ко мнѣ, чтобы со мною наединѣ посовѣтоваться о томъ, какъ получить деньги съ Путилова. Бывъ у меня 1-го августа, она заявила, что до подачи векселей ко взысканію полагаетъ переговорить съ Путиловымъ, а 2-го августа она передала мнѣ сдѣланныя ей въ этотъ день Путиловымъ обѣщанія, которымъ она не вѣрила, но такъ какъ онъ просилъ повременить только до 20-го августа, то она назначила ему видѣться съ нею у меня 3-го августа съ тѣмъ, чтобы онъ эти обѣщанія подтвердилъ при мнѣ.

4-го августа она пріѣхала съ больнымъ мужемъ, желавшимъ непремѣнно присутствовать при переговорахъ съ Путиловымъ, который прибылъ вслѣдъ за ними. Сцена между Александровскою и Путиловымъ была самая непріятная. Ея мужъ, согласно взятому ею съ него обѣщанію, почти все время молчалъ, я также говорилъ мало. Александровская рѣзко высказала Путилову безчестность его поведенія относительно неисполняемыхъ имъ обѣщаній и дурное положеніе его дѣлъ, поставившихъ кредиторовъ, которые хотѣли ему помочь, въ безвыходное положеніе.

Путиловъ доказывалъ свою честность, а неисполненіе обѣщаній приписывалъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, дѣла же свои считалъ блестящими, какими, по его словамъ, ихъ считаютъ всѣ тѣ, которые хорошо съ ними знакомы. Александровская утверждала противное. Путиловъ продолжалъ просить отсрочить подачу ко взысканію до 20-го августа, а до того времени довольствоваться полученіемъ 30 или 50 тыс. рублей; въ доказательство же того, что уплата долга Александровскимъ у него на первомъ планѣ, предлагалъ имъ прислать ихъ повѣреннаго, съ которымъ заключить условіе объ уплатѣ имъ долга изъ первыхъ денегъ, которыя онъ получитъ за свои земли при образованіи на этой же недѣлѣ общества по устройству порта,—за исключеніемъ той суммы, въ которой заложены эти земли,—равно изъ денегъ, которыя онъ получитъ за исполненныя имъ работы по соединительной жел. дорогѣ,—за исключеніемъ суммы, занятой уже имъ подъ эту работу,—и, сверхъ того, изъ суммъ, которыя онъ получитъ при отдачѣ заводовъ въ аренду французскимъ капиталистамъ и которыя причтутся на его часть въ Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ, въ случаѣ пріобрѣтенія этого завода въ казну, которая объ этомъ пріобрѣтеніи и не помышляла.

Въ особенности Путиловъ настаивалъ на томъ, что когда шестьсотъ человѣкъ, которыхъ онъ приглашаетъ 16-го августа на торжественное открытіе работъ по Морскому каналу, увидятъ все имъ сдѣланное, то и правительство и общество придутъ въ восхищеніе, и министръ финансовъ разрѣшитъ выдачу ему такой суммы, съ которою онъ можетъ продолжать свои предпріятія.

Александровская, видя, что всѣ виды предположенныхъ Путиловымъ уплатъ ничто болѣе, какъ мечты, сказала, что на другой день возьметъ отъ него бумагу, въ которой онъ долженъ изложить данныя имъ обѣщанія, но этимъ нисколько не ограничиваетъ своего права представить векселя Путилова ко взысканію. Въ тотъ же день вечеромъ она была снова у меня, чтобы спросить, правильно ли она говорила съ Путиловымъ и полезно ли получить ей обѣщанную имъ бумагу. Съ того времени я болѣе не видалъ Александровскихъ и ничего не слышалъ объ образованіи общества Петербургскаго порта. Срокъ этому образованію Путиловъ назначалъ 7-го августа, и въ то же время должны были появиться въ газетахъ приглашенія на торжественное открытіе работъ по означенному каналу, которое, по мнѣнію Путилова, должно было имѣть такое огромное вліяніе на ходъ его дѣлъ, но только 14-го августа полученъ мною пригласительный билетъ на это открытіе, отъ котораго я не ожидалъ ничего полезнаго для Путилова. Я старался какъ можно короче изложить дѣла Путилова, въ которыхъ такъ неожиданно мнѣ пришлось принять участіе, но мое изложеніе оказалось довольно длиннымъ и, можетъ, мнѣ впереди придется еще перенести по дѣламъ Путилова много неудовольствій, которыя я со временемъ изложу въ «Моихъ воспоминаніяхъ».

16-го августа состоялось торжественное открытіе работъ по устройству канала. На немъ присутствовали великій князь Константинъ Николаевичъ, министръ путей сообщенія К. Н. Посьетъ и управляющій морскимъ министерствомъ генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Степанъ Степановичъ Лесовскій; другихъ важныхъ лицъ не было. Изъ коммерческаго и банковаго люда были только близкіе знакомые Путилова. Сверхъ того, было нѣсколько моряковъ и инженеровъ путей сообщенія и военныхъ, а также публики, довольно хладнокровно относившейся къ Путиловскому дѣлу. Только служившій молебенъ ректоръ Петербургской духовной академіи протоіерей Янышевъ сказалъ за молебномъ рѣчь, въ которой старался доказать, что торговля и въ особенности промышленность суть признаки христіанской любви, служа къ улучшенію большой массы народа, а за завтракомъ бывшій заводчикъ, а теперь редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», Василій Аполлоновичъ Полетика, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, указалъ на то, что со времени Петра Великаго ничего не сдѣлано для улучшенія Петербургскаго порта, а явился одинъ человѣкъ съ энергіей и безъ денежныхъ средствъ и началъ великое дѣло. При этомъ онъ нѣсколько разъ говорилъ, что намъ дѣла нѣтъ до того, что будетъ съ самимъ Путиловымъ, намекая этимъ на плохія денежныя обстоятельства послѣд-

няго, но что мы и потомки наши будутъ пользоваться дѣломъ, созданнымъ его умомъ и энергіею.

Предположено было, послѣ осмотра начатыхъ работъ по Морскому каналу, осмотрѣть вагонный и стальнерельсовый заводы, но великій князь, войдя въ послѣдній, замѣтилъ, что онъ не можетъ въ мундирѣ и лентѣ осматривать заводовъ и ничего не любитъ дѣлать кое-какъ. Онъ немедля уѣхалъ, обѣщаясь вскорѣ осмотрѣть заводы въ подробности. По причинѣ поздняго времени публика также не видала заводовъ. Великій князь былъ вообще любезенъ и въ особенности со мною; между прочимъ, при встрѣчѣ и при прощаніи жалъ мнѣ руку по два раза. Погода была великолѣпная, но все же не слѣдовало плавать по заливу безъ пальто. Между тѣмъ великій князь его не надѣлъ, и потому приглашенные на маленькій пароходъ его высочества, въ ихъ числѣ Посьетъ и я, были также въ однихъ мундирахъ.

Посьетъ, возвращаясь 14-го августа изъ заграничнаго отпуска, былъ уже простуженъ. Стояніе во время молебствія съ открытою головою подъ жгучимъ солнцемъ и немедленное вслѣдъ за симъ плаваніе по заливу безъ пальто увеличили до того его простуду, что онъ не могъ сопровождать 17-го августа Государя въ Варшаву, тогда какъ собственно для этого онъ спѣшилъ воротиться изъ-за границы. Я съ живущею у насъ М. Ф. Смитъ заѣзжалъ въ этотъ день провѣдать больного Посьета. Она замѣтила его холодность ко мнѣ. Неужели это было послѣдствіемъ того, что великій князь обращался ко мнѣ, а не къ Посьету, съ разными гидротехническими вопросами и вообще былъ со мною любезнѣе, чѣмъ съ нимъ?

Путиловъ 16-го августа сряду три часа почти не отходилъ отъ великаго князя, объясняя всѣ подробности настоящихъ работъ и будущихъ устройствъ, которыми его высочество видимо интересовался. Я уже говорилъ о значительныхъ познаніяхъ великаго князя въ механикѣ и объ его любознательности, и потому былъ удивленъ, когда онъ спросилъ меня, за чѣмъ нуженъ балластъ на желѣзныхъ дорогахъ. Мой короткій и ясный отвѣтъ онъ тотчасъ же понялъ и видимо былъ доволенъ пріобрѣтенію этого новаго для него свѣдѣнія.

Изъ всего происходившаго при этомъ открытіи я вынесъ впечатлѣніе, что великія надежды, которыя ожидалъ отъ него Путиловъ для улучшенія его дѣлъ, не осуществятся.

Въ этотъ день я пріѣхалъ домой въ Царское Село въ 8-мъ часу вечера и былъ встрѣченъ на крыльцѣ словами моей жены:

— А у насъ бѣда.

Я удивился ея выходу на крыльцо, такъ какъ она, постоянно больная, была сильно простужена всю прошедшую недѣлю, и потому отвѣчалъ:

— Самая большая бѣда, если ты еще сильнѣе простудишься.

Оказалось, что въ 4-мъ часу пополудни загорѣлся снаружи нашъ каретный сарай, изъ котораго экипажи успѣли спасти. Всѣ примыкающія къ нему строенія были отстоены. Сгорѣло нѣсколько молодыхъ деревьевъ

въ саду и сарай, въ которомъ на чердакѣ были солома и сѣно, далеко летавшія, несмотря на безвѣтріе. Жена, по своему благоразумію, нисколько не испугалась. Причиною пожара, должно полагать, былъ брошенный окурокъ зажженной папиросы: сарай загорѣлся снаружи.

25-го августа я получилъ, съ нарочно посланнымъ изъ Москвы артельщикомъ, письмо отъ Ѳ. В. Чижова по дѣламъ Путилова. Вѣроятно, онъ не желалъ довѣрять почтѣ изложенныхъ въ письмѣ вопросовъ, а въ особенности моихъ отвѣтовъ. Я не буду излагать содержаніе этого письма, оно видно изъ моего отвѣта, который я привожу буквально, такъ какъ онъ служитъ поясненіемъ настоящаго положенія дѣлъ Путилова. Вотъ это письмо:

«Въ письмѣ отъ 23-го августа вы мнѣ задаете такіе вопросы, на которые отвѣты не могутъ быть иначе какъ сложными, а слѣдовательно запутанными. Постараюсь изложить ихъ по возможности ясно.

«Артельщикъ привезъ ваше письмо въ Царское Село третьяго дня въ 3-мъ часу п. пд. 25 ч. Передъ написаніемъ моего отвѣта, мнѣ надо было повидаться съ Путиловымъ и Бухе. Я ихъ не засталъ бы въ Петербургѣ въ этотъ, а равно и въ слѣдующій день: по случаю праздниковъ одинъ на заводѣ, а другой—на дачѣ. Однако же я успѣлъ на слѣдующій день вызвать обоихъ въ Петербургъ и видѣть порознь. Послѣ разговора съ ними, я былъ у Левенсона для приглашенія его къ женѣ, которая снова всю эту недѣлю страдаетъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что мой голосъ и лицо очень измѣнились, и просилъ въ такомъ ненормальномъ тревожномъ состояніи не показываться женѣ. Я былъ энервированъ разговоромъ съ П. Я уже говорилъ вамъ въ прошломъ мартѣ о вліяніи на меня этихъ разговоровъ. Конечно, въ мою жизнь я подвергался многимъ неудачамъ, но переносилъ ихъ равнодушно, потому что онѣ были послѣдствіемъ обстоятельствъ, отъ меня независѣвшихъ, а въ этомъ дѣлѣ я виню себя за то, что, давъ слово не вступать ни въ какія акціонерныя общества и ѣздивъ въ февралѣ 1873 года въ Москву собственно для того, чтобы заявить о нежеланіи принять участіе въ Путиловскихъ заводахъ, впослѣдствіи, самъ не могу объяснить себѣ какъ, попалъ, конечно, по слабости характера въ это дѣло, предварительно не ознакомясь съ нимъ со всѣхъ сторонъ. Но я вижу, что, написавъ цѣлую страницу, не отвѣчалъ на вопросы ваши, а пишу только о себѣ. Извѣстно, что у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Желалъ бы поберечь ваши нервы болѣе, чѣмъ свои, но не могу не изложить всего откровенно. Приступаю къ дѣлу.

«Первый вашъ вопросъ о положеніи дѣлъ съ французскими заводчиками. Они потребовали 5.000 фр. на расходы по присылкѣ лицъ для осмотра Путиловскихъ заводовъ. Эти деньги высланы 7-го августа (я видѣлъ квитанцію), и получился отвѣтъ, что инженеры вскорѣ выѣзжаютъ. Я мало довѣряю удачному исходу этой сдѣлки, которая во всякомъ случаѣ потребуетъ много времени для переговоровъ. Хотя перезалогъ лежащихъ въ банкахъ акцій въ Государственномъ банкѣ также представляется мало

вѣроятнымъ, вслѣдствіе настоящихъ политическихъ обстоятельствъ и расположенія Рейтерна къ Путилову, но послѣднимъ послѣ 16-го августа приняты сильныя мѣры къ осуществленію этого предложенія и, по его словамъ, которымъ, вслѣдствіе его оптимизма, нельзя довѣрять, онъ надѣется на удачу, но и вполнѣ не довѣрять надеждамъ Путилова не могу, потому что ему удавалось часто то, что мнѣ казалось совершенно невозможнымъ. Къ тому же 16-го августа я лично удостовѣрился, какъ великій князь и другія лица, отъ которыхъ зависитъ подготовленіе къ осуществленію упомянутаго предположенія, дѣйствительно съ большимъ участіемъ относятся къ предпріятіямъ Путилова и хотятъ его поставить въ возможность дѣйствовать. Но во всякомъ случаѣ послѣднее слово за Рейтерномъ и неизвѣстно, какое оно будетъ и, сверхъ того, оно не произнесется ранѣе мѣсяца. Въ настоящее время я нахожу только одинъ этотъ способъ для уплаты банкамъ долга. Продажею заложенныхъ въ нихъ акцій едва ли можно достигнуть цѣли, а ликвидаціей общества полагаю еще менѣе; это доказывать потребовало бы много времени.

«Второй вашъ вопросъ о положеніи заводовъ. Вамъ извѣстно, что контракты, заключенные съ заводомъ, выгодны, но надо, чтобы они исполнялись. Иначе всѣ выгоды уйдутъ на содержаніе заводовъ и на штрафы за несрочную поставку. Конечно, послѣдніе, можетъ быть, сложатъ. Но для того, чтобы исполнить контракты, необходимо имѣть всегда въ достаточномъ количествѣ сырые матеріалы и постоянный надзоръ за дѣйствіемъ заводовъ. Матеріаловъ недостаетъ за безденежьемъ, по неимѣнію оборотнаго капитала, а надлежащаго надзора нѣтъ потому, что Путиловъ, какъ угорѣлый и нравственно убитый, мечется днемъ и ночью за добываніемъ денегъ. Видя его постоянно въ этомъ положеніи, я даже не могу судить о томъ, способенъ ли онъ непосредственно управлять заводомъ, въ которомъ потребовалось много передѣлокъ и по новости стального производства бывали поврежденія, требовавшія времени для исправленій и пріостановки завода. Между тѣмъ всѣ главныя устройства производились опытными иностранцами. Въ томъ же, что Путиловъ не умѣетъ уживаться съ тѣми, отъ кого онъ зависитъ, я убѣдился не одними отношеніями его къ Московскимъ банкамъ, но и отношеніемъ къ министерству путей сообщенія; именно, уставъ его желѣзной дороги, на который Рейтернъ согласился еще въ прошломъ февралѣ, по сіе время не утвержденъ, а за машины, поставленныя для Морского канала, не получено квитанціи, и это при полномъ расположеніи Посьета. Конечно, Путиловъ во всемъ винитъ служащихъ въ министерствѣ, составившихъ будто бы противъ него заговоръ, но я виню его неуживчивость. При всемъ этомъ удаленіе Путилова отъ дѣлъ по заводу, если оно возможно, считаю не полезнымъ, а вреднымъ.

«Путиловъ теперь добивается льготъ, состоящихъ въ позднѣйшемъ вычетѣ полученныхъ имъ по рельсовому подряду задаточныхъ денегъ и по освобожденію залоговъ по разнымъ его предпріятіямъ. Эти хлопоты въ

томъ же положеніи, какъ и перезалогъ акцій, но ихъ успѣхъ вѣроятнѣе, и если онѣ удадутся, то заводы могутъ итти съ выгодою.

«Третій вашъ вопросъ о Г. С. Аксаковѣ. Путиловъ, на мой вопросъ, кто будетъ избранъ въ предсѣдатели совѣта, отвѣчалъ: «Г. С. Аксаковъ», и потому нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ выбаллотированъ въ члены совѣта въ предстоящемъ общемъ собраніи. Мое мнѣніе насчетъ принятія имъ этого мѣста слѣдующее: Если операція по перезалогу въ Государственномъ банкѣ удастся, то нѣтъ надобности ему ввязываться въ это дѣло; если же не удастся, то предсѣдателю едва ли удобно не жить въ Петербургѣ даже при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ. Бутовскаго вы знаете лучше меня, Г. С. Аксакова я вовсе не знаю, но полагаю, что онъ незнакомъ съ заводскими и коммерческими дѣлами. Въ настоящемъ положеніи предсѣдатель долженъ бы слѣдить за ходомъ дѣлъ на самыхъ заводахъ. Финансовое положеніе общества невольно до извѣстной степени связано съ другими дѣлами Путилова и можетъ съ перваго раза устрашить Г. С. Поэтому я полагалъ бы нужнымъ найти въ предсѣдатели лицо, которое постоянно занималось бы заводами общества и, не устрашась запутанности дѣлъ Путилова, продолжало бы дѣйствія на немъ, пока представляется этому возможность, Конечно, легче давать подобные совѣты, чѣмъ ихъ выполнить. Гдѣ найти такого человѣка и откуда взять ему приличное вознагражденіе, котораго нельзя теперь ожидать отъ общества, по безденежью не платящаго съ новаго года содержанія, назначеннаго членамъ совѣта?

«Ломая себѣ голову, пока придумалъ только слѣдующее: Сдѣлать общее собраніе 4-го сентября не состоявшимся и объявить новое общее собраніе черезъ мѣсяцъ. Если къ этому времени объяснится возможность перезалога акцій въ Государственномъ банкѣ, то и толковать нечего. Между тѣмъ надо употребить это время для пріисканія въ предсѣдатели лица съ тѣми качествами, которыя указаны выше. Отсрочка общаго собранія зависитъ отъ Филипсона, который можетъ на нее не согласиться, потому что намѣренъ немедля послѣ собранія также выйти изъ общества и этимъ спѣшитъ. Даже теперь совѣта не существуетъ. Изъ вашего письма можно заключить, что вы полагаете, что я его не совершенно еще оставилъ, но въ дѣйствительности я его оставилъ 20-го мая, о чемъ объявилъ письменно совѣту и банкамъ. Корфъ умеръ, пасынокъ Путилова за границею, Александровскій боленъ, или уже отказался; остаются Филипсонъ и Кенигъ.

«На четвертый вашъ вопросъ о Трусовѣ ничего не отвѣчаю, вовсе его не зная.

«Прочитавъ это длинное письмо, вы оправдаете страданія моихъ нерновъ, которыя я долженъ скрывать отъ жены, сильно страдающей отъ физическихъ и нервическихъ болей. Она не спитъ почти цѣлыя ночи. Сегодня у насъ консиліумъ Левенсона съ Здекауэромъ».

Общее собраніе акціонеровъ общества Путиловскихъ заводовъ не состоялось 4-го сентября, по причинѣ непредставленія акцій къ этому дню. Въ половинѣ сентября пріѣхалъ въ Петербургъ Ѳ. В. Чижовъ, который

мнѣ передалъ, что идутъ переговоры съ французскою компаніею о взятіи въ аренду Путиловскихъ заводовъ, но что управляющій Государственнымъ банкомъ Ламанскій подаетъ мало надежды на переводъ акцій общества этихъ заводовъ изъ Московскихъ банковъ въ Государственный. Г. И. Филипсонъ 10-го октября передалъ мнѣ, что такъ какъ до сего времени въ наличности было менѣе трехъ членовъ правленія, то совѣтъ и правленіе лишены возможности законно дѣйствовать, но что, по возвращеніи изъ-за границы одного изъ членовъ совѣта, онъ созвалъ на 12-е октября совѣтъ для выбора, согласно устава общества, двухъ членовъ совѣта изъ акціонеровъ и назначенія одного изъ членовъ совѣта временно въ директора правленія. При этомъ Филипсонъ выражалъ опасеніе, что совѣтъ можетъ подвергнуться отвѣтственности за ненаблюденіе за тѣми дѣйствіями правленія, которыя онъ считаетъ неправильными. Утромъ 12-го октября (1876 г.) я написалъ Путилову слѣдующее письмо:

«Вашъ долгъ Московскимъ банкамъ, по извѣстной вамъ причинѣ, несказанно тяготитъ меня. Я долго надѣялся, что контракты, заключенные на поставку вагоновъ и стальныхъ рельсовъ, дадутъ вамъ средства уплатить означенный долгъ. Но вы не могли не убѣдиться, что неисполненіе этихъ контрактовъ съ каждымъ днемъ ухудшаетъ положеніе дѣлъ, съ которыми пора и давно пора покончить.

«Убѣдительнѣйше прошу васъ, не довѣряя болѣе несбыточнымъ обѣщаніямъ, сообщеннымъ вами мнѣ въ прошломъ году и по сіе время не исполненнымъ, рѣшительно развязаться съ заводомъ, приносящимъ при настоящей администраціи одни убытки, причемъ обезпечить уплату долга Московскимъ банкамъ и тѣмъ успокоить себя, лицъ, ввѣрившихъ вамъ капиталы, и меня, страдающаго за то, что желалъ вамъ помочь.

«Переговоры съ французами такъ, какъ они, насколько мнѣ извѣстно, теперь ведутся, едва ли къ чему-либо послужатъ, а между тѣмъ откладываютъ окончаніе дѣла, значительно съ каждымъ днемъ ухудшающагося, въ дальній ящикъ».

Отвѣта на это письмо я не получалъ, и Путиловъ съ того времени у меня не былъ. Филипсонъ же объяснилъ мнѣ, что 12-го октября (1876 г.) состоялось засѣданіе совѣта, въ которомъ избраны два новые члена по указанію Московскихъ банковъ, сдѣлано Филипсономъ распоряженіе о составленіи вѣдомостей, по которымъ можно было бы судить о положеніи дѣлъ общества, и велись переговоры съ депутатами французской компаніи объ арендованіи заводовъ.

Переданное Филипсономъ о переговорахъ по арендованію убѣдило меня еще болѣе, что они ни къ чему не приведутъ. 13-го октября депутаты французской компаніи уѣхали во Францію для передачи ихъ пославшимъ результатовъ переговоровъ съ обществомъ Путиловскихъ заводовъ. Чижовъ въ тотъ же день уѣхалъ въ Москву.

13 марта 1873 года минулъ годъ со времени открытія желѣзнодорожнаго училища. Въ этотъ день я получилъ слѣдующую телеграмму за подписью 3-хъ лучшихъ воспитанниковъ училища, служащихъ при немъ и членовъ совѣта училища:

«Памятуя сегодняшній день рожденія вашего превосходительства и основанія училища, мы позволяемъ себѣ удовольствіе выразить вамъ единодушное желаніе полнаго благоденствія на долгіе годы и плодотворнаго процвѣтанія училища, имя котораго благоговѣйно носится учениками, какъ залогъ ихъ благополучія».

Въ маѣ 1873 года мы переѣхали въ Царское Село, а въ половинѣ іюня я выѣхалъ въ заграничный отпускъ на вакаціонное въ Сенатѣ время. По предварительному соглашенію съ П. К. Меньковымъ, онъ сѣлъ въ мой вагонъ на Сиверской станціи Варшавской жел. дороги, близъ которой въ послѣдніе годы своей жизни онъ нанималъ дачу. Онъ говаривалъ, что любитъ ѣздить со мною по жел. дорогамъ, потому что меня помѣщаютъ, какъ онъ выражался, въ 2.500 комнатахъ: 2.500 было обыкновенно употребляемо имъ, когда онъ хотѣлъ выразить весьма большое число.

Мы пріѣхали въ Варшаву на другой день довольно поздно и, оставшись, по желанію Менькова, въ Варшавѣ на сутки, остановились въ Европейской гостиницѣ. Квитанціи на наши вещи, бывшія въ багажномъ вагонѣ, взялъ по старому знакомству со мною начальникъ Варшавской станціи. Онъ обѣщался ихъ прислать къ намъ. Меньковъ неохотно отдалъ свою квитанцію. Немедля по доставленіи нашихъ вещей въ гостиницу, Меньковъ замѣтилъ, что вмѣсто его сундука привезенъ чужой, и упрекалъ меня за то, что онъ лишился своихъ вещей по моей винѣ, и очень разсердился. Несмотря на позднее время, сдѣланными мною распоряженіями сундукъ Менькова былъ найденъ въ тотъ же вечеръ у одного изъ пассажировъ, остановившихся въ Варшавѣ, что было очень счастливо, такъ какъ онъ могъ быть увезенъ съ курьерскимъ поѣздомъ, вышедшимъ изъ Варшавы въ 10 час. вечера.

Меньковъ, служа долго при фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ, провелъ лучшіе годы своей жизни въ Варшавѣ, въ которой пріобрѣлъ много друзей, но въ послѣднія 20 лѣтъ нѣкоторые изъ нихъ померли, другіе выселились изъ Варшавы, такъ что оказался одинъ близкій Менькову Гаврило Ивановичъ Честилинъ, бывшій тогда директоромъ канцеляріи намѣстника Царства Польскаго, а нынѣ сенаторъ. Съ Честилинымъ мы втроемъ замѣчательно хорошо пообѣдали въ гостиницѣ, которой названія не упомню. Первая моя встрѣча съ Честилинымъ въ началѣ 1867 года, когда я былъ посланъ въ Варшаву для присоединенія управленія путей сообщенія къ Имперіи и когда Бергъ въ присутствіи моемъ и Честилина такъ долго толковалъ съ знаменитымъ Струсбергомъ и графомъ Лендорфомъ объ уступкѣ имъ постройки жел. дорогъ въ Царствѣ, на каковую уступку онъ не имѣлъ никакого права. Весь разговоръ велся на нѣмецкомъ языкѣ, котораго Честилинъ вовсе не понималъ.

Мы выѣхали вечеромъ въ Вѣну въ особомъ, данномъ мнѣ вагонѣ, черезъ что на Австрійской границѣ не осматривали нашихъ вещей. Въ Вѣну мы прибыли въ проливной дождь и сильную грозу. Полагали мы остановиться въ Грандъ-отелѣ или во вновь учрежденной по случаю всемірной выставки большой гостиницѣ, но насъ увѣрили, что въ первомъ всѣ номера заняты, а послѣдняя закрыта по распоряженію полиціи, и отвезли въ какую-то дрянную гостиницу въ узкой улицѣ. Выставку, которую я посѣщалъ ежедневно, я описывать не буду.

Моя сестра А. И. Викулина съ дочерью Эмиліею предыдущую зиму прожили въ Вѣнѣ, гдѣ послѣднюю лечилъ извѣстный спеціалистъ Гебра, ей крѣпко надоѣвшій своимъ грубымъ обращеніемъ. Весною онѣ переѣхали въ Баденъ въ 1½ часахъ ѣзды отъ Вѣны по жел. дорогѣ. Я намѣревался ѣхать къ нимъ на другой день и, чтобы узнать ихъ адресъ въ Баденѣ, вечеромъ въ день пріѣзда, несмотря на сильное утомленіе и дурную погоду, отправился къ нашему протоіерею Михаилу Ѳеодоровичу Раевскому. Онъ былъ очень радъ видѣться со мною. Довольно долго просидѣвъ у него, я спросилъ объ адресѣ моей сестры въ Баденѣ, что очень удивило Раевскаго, который полагалъ, что я видѣлся уже съ сестрою, переѣхавшею наканунѣ въ Вѣну, чтобы меня встрѣтить, и остановившеюся въ Грандъ-отелѣ, въ которомъ и для меня задержанъ номеръ. Я немедля поѣхалъ къ сестрѣ. Она собиралась ложиться спать. Объяснивъ мнѣ, что страшная погода помѣшала ей встрѣтить меня на станціи при моемъ пріѣздѣ, она уговорила остаться ночевать въ задержанномъ ею для меня номерѣ въ Грандъ-отелѣ. Это была довольно большая комната въ нижнемъ этажѣ на Рингъ (№ 1.), рядомъ съ швейцарскою комнатою; цѣна, за день 10 гульденовъ, весьма умѣренная, далеко не соотвѣтствовавшая тѣмъ ожиданіямъ, которыя имѣли предъ открытіемъ всемірной выставки жители Вѣны и въ особенности содержатели гостиницъ. Въ нашей гостиницѣ оказался еще свободный номеръ для Менькова, куда я на другой день перевезъ его.

Гостиница, въ которой онъ провелъ ночь, оказалась безпокойною и непріятною, а потому онъ очень радъ былъ этой перемѣнѣ. Но еще болѣе заявлялъ онъ свое удовольствіе тому, что онъ очутился какъ будто въ своей семьѣ, и не могъ нахвалиться ангельскою добротою моей сестры и племянницы. Онъ съ нами часто обѣдалъ въ ресторанахъ на выставкѣ и каждый вечеръ пилъ чай, разливаемый моею племянницей въ моей комнатѣ, которая по своей величинѣ была наиболѣе удобна. Раевскій неоднократно заходилъ пить чай у насъ.

Въ Петербургѣ Меньковъ и я рѣдко бывали другъ у друга. Я чаще встрѣчался съ нимъ по субботамъ въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ онъ и я садились за послѣдній обѣденный столъ, въ такъ называемомъ «военномъ углу». Тутъ, кромѣ насъ, между прочими садились Н. Ѳ. Козляниновъ, Н. В. Мезенцовъ, Н. К. Краббе, А. С. Гарковенко и графъ Г. А. Строгановъ. Первые два не ѣздятъ болѣе (1876 г.) въ клубъ, вторые два померли въ началѣ

1876 года, Меньковъ умеръ 9 октября 1875 года, и за симъ «военный уголъ» опустѣлъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Вѣну, во время завтрака на выставкѣ, подошелъ ко мнѣ графъ В. А. Бобринскій. Мы не видались болѣе двухъ лѣтъ и видимо очень обрадовались другъ другу. Бобринскій стоялъ въ одной со мною гостиницѣ, гдѣ мы проговорили часа два. Зная, что разговоръ о дѣлахъ министерства путей сообщенія, и въ особенности о жел. дорогахъ, произведетъ вредное вліяніе на здоровье Бобринскаго, я избѣгалъ, но безуспѣшно, этого разговора, который былъ мнѣ тѣмъ непріятнѣе, что приходилось часто повторять имя его двоюроднаго брата графа А. П. Бобринскаго, бывшаго тогда министромъ путей сообщенія. Впрочемъ, мы сумѣли не касаться щекотливыхъ вопросовъ, въ ихъ числѣ и оцѣнки дѣйствій А. П. Бобринскаго. В. А. въ тотъ же день уѣхалъ изъ Вѣны, и я съ того времени его не видалъ. Онъ былъ въ Петербургѣ въ началѣ 1874 года, но по неизвѣстной мнѣ причинѣ ко мнѣ не заѣхалъ. Позже я слышалъ отъ общихъ нашихъ знакомыхъ, что онъ понялъ, наконецъ, своего двоюроднаго брата и сожалѣлъ, что не всегда дѣйствовалъ сообразно моимъ совѣтамъ, которые вполнѣ оцѣнилъ. Конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда.

Почти одновременно выѣхали изъ Вѣны сестра съ дочерью въ Ишль, Меньковъ въ Швейцарію, а я въ Карлсбадъ, до котораго жел. дорога была окончена въ 1872 году. Я уже въ шестой разъ посѣщалъ этотъ городъ, а потому только вкратцѣ опишу въ немъ мое пребываніе въ 1873 году. Послѣдніе три раза я останавливался въ Маріенбадштрассе, но такъ какъ доктора находили, что эта улица расположена слишкомъ низко и здоровѣе жить въ возвышенныхъ мѣстахъ, то я нанялъ двѣ комнаты въ домѣ подъ названіемъ «Герцогъ Эдинбургскій». Я нашелъ въ Карлсбадѣ лейбъ-медика Цицурина, съ которымъ почти ежедневно обѣдалъ въ разныхъ ресторанахъ, преимущественно въ Санъ-Суси, а послѣ обѣда гулялъ съ нимъ по окрестностямъ Карлсбада. Мы часто заходили въ разсадникъ розановъ Шмоля, который осенью 1873 года прислалъ намъ купленные у него розаны. Многіе изъ присланныхъ имъ принялись и теперь (1876 г.) украшаютъ нашъ Царскосельскій садъ. Кромѣ ихъ красоты, они замѣчательны тѣмъ, что цвѣтутъ все лѣто до глубокой осени. Цицуринъ познакомилъ меня съ большимъ садоводомъ Солнцевымъ, помѣщикомъ Таврической губ., бывшимъ долго вице-губернаторомъ въ этой губерніи.

Мой шуринъ, В. Н. Левашовъ, пріѣхавшій недѣлю позже меня въ Карлсбадъ, какъ большой охотникъ садоводства, съ нимъ очень сошелся. Левашовъ сначала помѣстился въ весьма небольшой комнатѣ въ вонючей части города. Я представилъ ему необходимость, при леченіи Карлсбадскими водами, чистаго воздуха, и онъ вскорѣ переѣхалъ въ домъ, въ которомъ я жилъ, такъ что мы могли проводить цѣлые дни вмѣстѣ. Въ этомъ же году пользовались водами въ Карлсбадѣ извѣстный желѣзнодорожный дѣятель М. П. Козляниновъ, котораго сопровождала его жена, и моя двою-

родная племянница баронесса Е. А. Дельвигъ (дочь поэта). Я довольно часто бывалъ у нихъ и съ ними и съ Левашовымъ ѣздили прогуливаться по окрестностямъ. Моимъ докторомъ былъ тотъ же Зегенъ и я пилъ тѣ же воды Мюльбруна и Шпруделя. Леченіе, по обыкновенію, принесло мнѣ пользу.

Въ концѣ іюля я поѣхалъ въ Ишль, чтобы провести нѣсколько времени съ жившими въ Ишлѣ моею сестрою и ея дочерью. Онѣ мнѣ приготовили прекрасный номеръ въ своей гостиницѣ «Эрцгерцогъ Карлъ», въ которой я стоялъ въ 1871 году. Я нашелъ ихъ весьма разстроенными: наканунѣ моего пріѣзда уѣхавшій изъ Ишля знаменитый Вѣнскій докторъ Бамбергеръ, прежде еще лечившій мою племянницу въ Вѣнѣ, нашелъ ея здоровье до того разстроеннымъ, что она не только не можетъ воротиться въ Россію, но что даже на югѣ Франціи ей будетъ трудно провести зиму; онъ вообще затруднялся назначеніемъ мѣста для ея зимняго пребыванія. Я возразилъ, что, судя по наружности моей племянницы, нельзя полагать ее до такой степени больною, что иностранные доктора не имѣютъ понятія о русскомъ способѣ жизни и потому воображаютъ, что не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи мало-мальски больному человѣку жить невозможно.

Въ одно время со мною въ Карлсбадѣ пилъ воды лейбъ-медикъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ, который долженъ былъ на другой день моего отъѣзда изъ Карлсбада ѣхать къ своей больной женѣ въ Эмсъ. Я телеграммою просилъ позволенія пріѣхать съ нимъ посовѣтоваться, на что онъ изъявилъ согласіе, предваря, что черезъ три дня выѣзжаетъ въ Парижъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Ишлѣ, гдѣ ежедневно видѣлся съ генералъ-адъютантомъ Дмитріемъ Васильевичемъ Путятою, котораго послѣ сдѣланной ему жестокой операціи навѣщалъ въ Вѣнѣ, и много гулялъ съ племянницею пѣшкомъ и въ экипажѣ по окрестностямъ,—я 31-го іюля выѣхалъ съ сестрою и племянницею въ Эмсъ. Мы доѣхали въ наемномъ экипажѣ до озера Гмундена. Насъ перегналъ наслѣдный принцъ Рудольфъ, ѣхавшій съ своимъ наставникомъ въ колоскѣ на встрѣчу своего отца императора.

По пріѣздѣ на пристань, мы нашли на ней нѣсколько лицъ мѣстной власти, но ни военныхъ, ни полиціи, отгоняющей публику отъ мѣста выхода императора на пристань, не было. Вскорѣ по нашемъ пріѣздѣ подошелъ императорскій пароходъ, съ котораго императоръ сошелъ съ однимъ адъютантомъ. Принцъ Рудольфъ при встрѣчѣ поцѣловалъ его руку. Сестра съ дочерью и я стояли въ трехъ шагахъ. Насъ, а равно и другихъ, бывшихъ на пристани, никто не безпокоилъ. Невольно я сравнилъ этотъ простой пріемъ Австрійскаго императора съ пріѣздомъ нашего Государя, котораго постоянно сопровождаютъ нѣсколько лицъ, преимущественно военныхъ и полицейскихъ.

Императоръ принялъ представлявшихся ему на пристани, сказавъ нѣкоторымъ изъ нихъ нѣсколько словъ, сѣлъ съ сыномъ въ коляску и поѣхалъ въ Ишль.

Вскорѣ подошелъ пассажирскій пароходъ, съ котораго сошли пассажиры, пріѣхавшіе изъ г. Гмундена, а мы заняли ихъ мѣста. Весь день, и въ особенности вечеръ, былъ очень холодный. Въ Гмунденѣ мы сѣли въ очень неудобные вагоны узкоколейной жел. дороги, по которой доѣхали до Лайбаха, гдѣ ночью пересѣли въ обыкновенные вагоны и около полуночи прибыли въ Вельсъ. Сестра очень утомляется отъ ѣзды, а потому мы рѣшились ночевать въ этомъ городѣ, въ которомъ нашли довольно большую и чистую гостиницу. Въ отведенной для моего ночлега комнатѣ были очень большія окна, которыя дурно запирались, черезъ что я порядкомъ продрогъ и всталъ съ постели простуженный. Цѣлое утро я ходилъ по городу, который показался мнѣ очень скучнымъ. Вечеромъ мы отправились далѣе. На станціи въ Вельсѣ билеты на проѣздъ по жел. дорогѣ по направленію къ Франкфурту-на-Майнѣ даются только до Нюренбергской станціи, черезъ которую курьерскій поѣздъ проходитъ въ 12 мъ часу ночи, останавливаясь на ней всего четверть часа. Моей сестрѣ уже нѣсколько разъ приходилось проѣзжать эту станцію, на которой служащіе очень грубы, а въ вечернее время почти всѣ пьяны, и потому она очень опасалась, что мы не успѣемъ взять билеты для слѣдованія въ Франкфуртъ, причемъ требовалось взвѣсить весьма значительный багажъ. Это опасеніе еще увеличилось, когда сестра, при взятіи билетовъ на Вельской станціи до Нюренберга, замѣтила, что недоставало одной изъ ея вещей, оставшихся на станціи на время пребыванія нашего въ г. Вельсѣ: ее по ошибкѣ отправили въ Вѣну и впослѣдствіи доставили сестрѣ въ Висбаденъ. Я бралъ на себя устроить все въ Нюренбергѣ, но это не могло успокоить сестры.

По пріѣздѣ на Нюренбергскую станцію, взявъ пассажирскіе билеты, я вошелъ въ комнату, гдѣ взвѣшиваютъ багажъ и публично вручилъ талеръ багажному кассиру съ обѣщаніемъ дать еще, если онъ меня скоро отпуститъ. Тогда онъ отогналъ отъ себя всѣхъ прочихъ пассажировъ и занялся моимъ багажомъ, за что еще получилъ въ свою пользу болѣе талера. Этотъ подкупъ былъ мнѣ, несмотря на его необходимость, очень противенъ. При этомъ я вспомнилъ о русскихъ жел. дорогахъ, служащимъ на которыхъ такъ много достается отъ публики и отъ газетъ, а между тѣмъ, конечно, никто изъ нихъ не рѣшился бы взять деньги передъ многочисленною публикою и отгонять ее. Да и русская публика не допустила бы подобнаго произвола, тогда какъ нѣмцы безропотно покорились распоряженію багажнаго кассира.

Во Франкфуртъ мы пріѣхали рано утромъ, гдѣ, просидѣвъ нѣсколько часовъ на станціи жел. дороги въ ожиданіи поѣзда въ Эмсъ, въ этотъ же день къ обѣду мы пріѣхали въ этотъ городъ. Я поспѣшилъ къ С. П. Боткину, который сообщилъ мнѣ, что онъ, во избѣжаніе неудовольствія мѣстныхъ врачей, не посѣщаетъ больныхъ въ ихъ помѣщеніяхъ, а принимаетъ у себя на дому ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней, но такъ какъ постоянно много лицъ приходятъ къ нему за совѣтомъ, то онъ приметъ, въ видѣ исключенія, мою племянницу въ воскресенье, чтобы имѣть достаточно вре-

мени заняться ея болѣзнію. Изъ того же, что я ему передалъ, онъ убѣждался, что нѣтъ никакой опасности ей немедля возвратиться въ Петербургъ. Когда я передалъ это моей племянницѣ, она до того обрадовалась, что видимо поздоровѣла. Она только и говорила о немедленномъ возвращеніи въ Петербургъ. Идя къ Боткину, она взяла съ собою телеграмму, чтобы, если онъ согласится на ея возвращеніе въ Россію, немедля увѣдомить мою жену о нашемъ скоромъ пріѣздѣ.

Боткинъ болѣе часу разспрашивалъ мою племянницу о болѣзни и пришелъ къ слѣдующему заключенію. По настоящему состоянію ея здоровья она могла бы немедля ѣхать въ Петербургъ. Принимая же въ соображеніе, что въ случаѣ, хотя весьма сомнительномъ, возобновленія ранки на носу, леченіе которой Боткинъ не совѣтовалъ бы ввѣрять никому, кромѣ Вѣнскаго доктора Гебры, и въ виду того, что никакія дѣла не требуютъ присутствія сестры въ Россіи, онъ находилъ лучшимъ, чтобы она съ дочерью провела еще одну зиму на югѣ, не очень удаляясь отъ Вѣны. Боткинъ, конечно, не могъ знать, какъ тягостно было моей племянницѣ разочарованіе въ возможности немедленнаго возвращенія въ Россію.

Въ тотъ же вечеръ мы переѣхали изъ Эмса въ Висбаденъ, чтобы на другой день (6-го августа) быть у обѣдни въ прекрасной Висбаденской церкви. День нашего пріѣзда былъ воскресный. Пассажировъ собралось на небольшой Эмской станціи множество, станціонная платформа была переполнена, такъ что сдача значительнаго багажа была очень затруднительна, а проходъ до вагоновъ черезъ толпу по станціонной платформѣ почти невозможенъ.

Оказалось, что швейцаръ станціи долго служилъ въ Россіи сначала у какого-то знатнаго господина, а потомъ въ главномъ обществѣ жел. дорогъ. Онъ, узнавъ меня, распорядился сдачею багажа и проводилъ до вагоновъ черезъ толпившуюся публику, которая, вслѣдствіе его настоятельныхъ требованій и отталкиванія руками, безропотно разступалась, чтобы насъ пропустить. На русскихъ станціяхъ жел. дорогъ публика не послушалась бы не только швейцара, но и высшихъ служащихъ на дорогѣ лицъ, а толканія вовсе не допустила бы.

Въ Висбаденъ мы пріѣхали около полуночи. На станціи было всего четыре извощичьи экипажа, обязанные по распоряженію полиціи поочереди выѣзжать къ приходу каждаго поѣзда. Они были заняты прежде, чѣмъ я успѣлъ дойти до нихъ. Я пошелъ въ городъ, который въ довольно большомъ разстояніи отъ станціи, отыскивать извозчиковъ, а сестра съ дочерью остались на станціи. Между тѣмъ ночь была холодная. Всѣ мои старанія отыскать извозчиковъ оказались тщетными, и я вернулся пѣшкомъ.

Тогда начальникъ станціи посовѣтовалъ намъ остановиться въ ближайшей гостиницѣ и далъ намъ людей съ телѣжкой, въ которую уложили самыя нужныя вещи для перевозки ихъ до гостиницы, обѣщаясь на другой день доставить и остальныя вещи. Сестра же и племянница пѣшкомъ дошли со мною до гостиницы. Вотъ какія удовольствія часто испыты-

ваются въ заграничныхъ путешествіяхъ и какъ они могутъ быть полезны больнымъ, легко подвергающимся весьма вреднымъ для нихъ простудамъ. Къ счастію, гостиница, въ которой мы остановились, оказалась довольно хорошею, но въ комнатахъ было по обыкновенію холодно и нѣсколько сыро. На другой день мы были у обѣдни. Въ церкви было много Русскихъ. Послѣ обѣдни и рано утромъ на другой день я гулялъ по Висбадену, который былъ менѣе оживленъ, чѣмъ въ прежнее время, по причинѣ присоединенія его къ Пруссіи, закрывшей въ немъ игорный домъ.

7-го августа я выѣхалъ изъ Висбадена, простясь на станціи съ сестрою и ея дочерью. Послѣдняя была очень грустна и завидовала моему возвращенію въ Россію. Пробывъ нѣсколько часовъ во Франкфуртѣ, я въ тотъ же день отправился въ Берлинъ на курьерскомъ поѣздѣ, почти ни на одной станціи не останавливающемся, что очень безпокойно для пассажировъ. Я телеграфировалъ о моемъ пріѣздѣ въ Берлинскій Hôtel d'Angleterre, куда и прибылъ около часу ночи. Проживъ слѣдующій день въ Берлинѣ, гдѣ посѣтилъ моихъ старыхъ знакомыхъ, вечеромъ отправился въ Царское Село черезъ Вержболово, гдѣ нашелъ высланный для моего проѣзда удобный вагонъ.

Срокъ контракта на наемъ квартиры моей сестры въ домѣ Тевяшова въ Троицкомъ переулкѣ оканчивался въ августѣ 1873 года. Надѣясь воротиться въ Россію, она просила меня передъ моимъ отъѣздомъ за границу заключить новый контрактъ на эту квартиру. При этомъ домовладѣлецъ возвысилъ годовую плату квартиры съ 1000 до 1500 руб. и прибавилъ еще 200 руб. за отопленіе. Уже второй годъ сестра платила за квартиру, живя за границею, и потому послѣ ея рѣшенія остаться тамъ еще на зиму, я объявилъ о сдачѣ квартиры.

Жившая въ то время въ Царскомъ Селѣ вдова моего стараго знакомаго П. А. Плетнева, послѣ осмотра квартиры, заявила мнѣ, что оставляетъ ее за собою и просила снять съ окошекъ заявленія о сдачѣ квартиры въ наемъ. Вскорѣ послѣ исполненія ея просьбы, она начала находить разные недостатки въ квартирѣ и требовать ея подновленія. Для окончанія съ этими претензіями я уступилъ ей мѣсячную плату за квартиру. Упоминаю объ этомъ, чтобы показать, до какой степени у нашихъ образованныхъ людей еще не установилось правило крѣпко держать свое слово. Мебель и другія принадлежащія моей сестрѣ вещи я помѣстилъ въ особой квартирѣ, нанятой въ занимаемомъ мною домѣ.

Переѣздъ съ одной квартиры на другую всегда сопряженъ съ большими хлопотами и убытками, а потому я въ апрѣлѣ 1873 года возобновилъ контрактъ на наемъ, по той же цѣнѣ 2.400 руб. въ годъ, моей квартиры, хотя срокъ прежняго контракта истекалъ только 1 іюня 1871 года и, сверхъ того, хозяинъ дома, инженеръ-полковникъ Рубанъ, постоянными пристройками къ дому не давалъ возможности въ 1871 и 1872 годахъ переѣзжать съ дачи въ Петербургъ ранѣе октября мѣсяца. Въ 1873 году, затемнивъ новыми постройками на дворѣ нѣсколько оконъ моей квартиры, онъ при-

бавилъ мнѣ одну большую свѣтлую комнату. Въ этомъ году работы по дому также долго не дозволяли намъ переѣхать въ Петербургъ. Но все же я былъ очень доволенъ, что заблаговременно заключилъ контрактъ по найму квартиры на новый трехлѣтній срокъ.

Въ концѣ 1873 года Рубанъ продалъ свой домъ извѣстному мебельщику Гассе, который очень желалъ взять мою квартиру для себя или передать ее по болѣе дорогой цѣнѣ, но не могъ этого сдѣлать вслѣдствіе заключеннаго мною съ прежнимъ владѣльцемъ второго контракта, коего срокъ истекалъ только 1 іюня 1877 года. Рубанъ своими постройками ежегодно въ продолженіе 4 лѣтнихъ мѣсяцевъ не давалъ мнѣ возможности жить въ моей городской квартирѣ, но взамѣнъ этого оказывалъ мнѣ разныя услуги, какъ хозяинъ квартиранту. Новый домовладѣлецъ, напротивъ, началъ дѣлать мнѣ разныя стѣсненія. На занимаемомъ мною домѣ очень много вывѣсокъ; изъ нихъ нѣкоторыя висѣли надъ моими окнами, когда я нанималъ квартиру, но при Рубанѣ число ихъ не увеличилось. Новый же владѣлецъ приказалъ прибить новую вывѣску къ моему балкону, на который мастеровые, не предувѣдомивъ меня, вошли по подставленной съ тротуара лѣстницѣ. Считая такое распоряженіе неправильнымъ, я просилъ полицію приказать снять вновь повѣшенную вывѣску. Сберъ-полиціймейстеръ Ѳ. Ѳ. Треповъ приказалъ исполнить мою просьбу, предувѣдомивъ однако же, что если домовладѣлецъ соблюдетъ всѣ формальности, установленныя для прибитія вывѣсокъ къ стѣнамъ домовъ, то ему нельзя будетъ препятствовать, такъ какъ судомъ неоднократно было рѣшаемо, что квартирантъ не имѣетъ правъ на наружную стѣну дома, лишь бы окна его помѣщенія не были затемняемы. Дѣйствительно, въ скоромъ времени я получилъ бумагу отъ Трепова, въ которой онъ меня увѣдомляетъ о данномъ домовладѣльцу Гассе дозволеніи прибить вывѣску къ периламъ моего балкона.

Въ 1873 году снова производились значительныя постройки и улучшенія въ моемъ Царскосельскомъ домѣ подъ наблюденіемъ дворцоваго архитектора Видова. Онѣ обошлись дорого, хотя были допущены къ употребленію не вполнѣ годные матеріалы. Выстроенная въ 1870 году въ саду теплица требовала исправленій еще въ 1871 году, которыя были тогда произведены подъ наблюденіемъ архитектора департамента жел. дорогъ Лорберга, но и послѣ этихъ исправленій теплица оказалась негодною и въ 1873 году ее пришлось почти совсѣмъ перестроить. Въ этомъ году членъ департамента удѣловъ тайный совѣтникъ Николай Николаевичъ Тютчевъ, братъ стариннаго друга моей жены, графини А. Н. Корніани, нанималъ дачу въ Царскомъ Селѣ.

По его совѣту, жена пригласила главнаго садовника Царской Славянки и одного изъ архитекторовъ удѣльнаго вѣдомства, живущаго въ Царскомъ Селѣ, перваго руководить постройкою теплицы, а второго наблюдать за нею, а равно и за всѣми прочими постройками и исправленіями въ нашемъ Царскосельскомъ домѣ, которыя только съ того времени произво-

дились и дешево и хорошо, благодаря упомянутому архитектору Василію Сергѣевичу Есаулову, который отнюдь не хотѣлъ брать съ насъ денегъ за свои труды, такъ что жена принуждена была ограничиться незначительными подарками его дочерямъ.

Несмотря на то, что перестройки и содержаніе Царскосельской дачи требовали большихъ издержекъ, я былъ очень доволенъ этимъ пріобрѣтеніемъ, которое не только было очень полезно для здоровья моей жены, но и вполнѣ соотвѣтствовало ея страстной охотѣ къ садоводству. Эта же дача давала ей возможность каждое лѣто принимать у себя кого-либо изъ бѣдныхъ больныхъ ея знакомыхъ. Мы никогда не оставались безъ посѣтителей, нѣкоторые живали у насъ по нѣскольку дней и даже недѣль.

Ѳ. В. Чижовъ, жившій въ 1871 году въ Царскосельскомъ заведеніи доктора Эбермана, во время моей поѣздки въ Карлсбадъ и Ишль, часто бывалъ у моей жены, а въ 1873 году онъ, больной, провелъ у насъ нѣсколько дней до моего отъѣзда за границу и потомъ во время моего отсутствія прожилъ на нашей дачѣ нѣсколько дней. Описывая въ своихъ письмахъ ко мнѣ свою жизнь на нашей дачѣ, онъ упоминалъ, между прочимъ, что ежедневно ложится близъ грядъ клубники, которую ѣстъ безцеремонно. Дѣйствительно, у насъ было очень много клубники хорошаго качества, такъ что мы ее разсылали нашимъ Царскосельскимъ знакомымъ. Въ ихъ числѣ были Посьеты, которые каждое лѣто жили во флигелѣ Царскосельскаго дворца.

Р. И. Посьетъ, старинный другъ моей жены, жившая въ этомъ флигелѣ и во время двухлѣтняго путешествія своего мужа съ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, конечно, часто посѣщала мою жену.

Мой племянникъ, баронъ Дмитрій Николаевичъ Дельвигъ, пригласилъ меня быть его посаженнымъ отцомъ. Онъ былъ помолвленъ на дочери управлявшаго однимъ изъ пароходныхъ обществъ на Волгѣ, морского штабъ-офицера барона Николая Бухгольца. Свадьба должна была быть въ началѣ сентября въ Нижнемъ-Новгородѣ. Взявъ 10-ти дневный отпускъ, я пріѣхалъ въ этотъ городъ, гдѣ на станціи рано утромъ былъ встрѣченъ моимъ племянникомъ и его невѣстою, которые, проводивъ меня до моей гостиницы на Черномъ прудѣ, поѣхали устраивать свое будущее помѣщеніе, а невѣста пригласила меня завтракать у ея родителей. Путешествіе по всему городу моего племянника вдвоемъ съ его невѣстою меня поразило.

Въ наше время не было въ обычаѣ подобное сближеніе жениховъ съ невѣстами. Отецъ невѣсты показался мнѣ добрымъ и положительнымъ человѣкомъ, а ея мать, женщина лѣтъ подъ сорокъ, но довольно смазливая, большою кокеткою, каковою она и слыла въ Нижнемъ-Новгородѣ. Она и со мной, 60-лѣтнимъ старикомъ, пококетничала.

Ставивъ Нижній-Новгородъ въ 1848 г., я, кромѣ К. А. Шрейдерса, не нашелъ никого изъ моихъ прежнихъ знакомыхъ. Отъ него я узналъ, что хотя моя свояченица, мать Дмитрія Дельвига, бывшая въ это время за границею, не дѣлала особыхъ затрудненій относительно женитьбы ея

сына, но не дала ему ничего на свадьбу. Шрейдерсъ передалъ мнѣ, что у нея вовсе нѣтъ денегъ и что ея дѣла, по неумѣнью распоряжаться имѣніемъ, въ дурномъ положеніи; я же всегда полагалъ, что она копитъ деньги. Получаемую ею пенсію по 2.500 руб. въ годъ и эмеритуру она отдавала своимъ двумъ сыновьямъ, которые сверхъ этого ничего отъ нея не получали.

Мы обмѣнялись визитами съ Нижегородскимъ губернаторомъ, свиты Его Величества генералъ-маіоромъ графомъ Кутайсовымъ, но не застали другъ друга. Онъ передъ назначеніемъ въ губернаторы былъ нашимъ военнымъ агентомъ въ Лондонѣ, вслѣдствіе чего вообразилъ, что можетъ устроить Нижній-Новгородъ по образцу Лондона. Конечно, теперь вполнѣ въ этомъ разочаровался. Впослѣдствіи мы встрѣчались въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ, но какъ незнакомые, хотя Нижегородскій городской голова Губинъ и купецъ Мичуринъ, по его порученію, неоднократно обращались ко мнѣ съ вопросами по предмету распространенія Нижегородскаго водоснабженія, на которые получали отъ меня обстоятельные отвѣты. Я воспользовался моимъ пребываніемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, чтобы осмотрѣть устроенный мною водопроводъ. Онъ содержался хорошо. Сдѣланныя въ немъ въ послѣднее время небольшія измѣненія заслуживаютъ одобренія.

Бракосочетаніе моего племянника происходило въ гимназической церкви утромъ. Посаженною матерью была его родная тетка, Елизавета Борисовна фонъ-Бринъ, которая наканунѣ свадьбы пріѣхала изъ-за границы. Обѣденный столъ былъ на станціи жел. дороги, такъ какъ молодые уѣхали въ этотъ же день черезъ Петербургъ за границу.

Дозволеніе на устройство обѣденнаго стола на станціи жел. дороги, принадлежащей частному обществу, надо было просить не только у управляющаго этою дорогою, но и у состоявшаго при жел. дорогѣ жандармскаго капитана, который, конечно, нашелъ нужнымъ по этому случаю дѣлать затрудненія. Обѣдъ былъ приготовленъ превосходно содержателемъ буфета на станціи, Никитою Егоровымъ, о которомъ я неоднократно упоминалъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ».

Послѣ обѣда молодые сѣли въ мой вагонъ и мы втроемъ доѣхали до Москвы. Молодая моя племянница довольно пріятной наружности, большого роста и хорошо сложена. Когда въ Парижѣ ее видѣли прогуливающеюся со своимъ мужемъ, то многіе останавливались, чтобы полюбоваться ростомъ этой молодой парочки. Впослѣдствіи мы узнали многія другія хорошія качества моей племянницы: доброту, мягкость характера, бережливость и аккуратность, всегда необходимыя, а тѣмъ болѣе при ничтожныхъ средствахъ жизни. Въ проѣздъ за границу и на обратномъ пути молодые были нѣсколько разъ у насъ. Жена племянника очень понравилась моей женѣ, а также сестрѣ А. И. Викулиной и ея дочери Эмиліи, съ которыми молодые провели нѣсколько времени въ Парижѣ.

Проѣздомъ черезъ Москву я побывалъ въ Дельвиговскомъ желѣзнодорожномъ училищѣ, помѣщавшемся въ купленномъ мною домѣ, при ко-

торомъ было построено одноэтажное зданіе для мастерскихъ; тогда же рѣшено было устроить второй этажъ.

Я проэкзаменовалъ нѣсколько учениковъ въ присутствіи посторонних лицъ и, между прочимъ, Н. И. Путилова, пріѣзжавшаго въ Москву для переговоровъ съ банками относительно увеличенія выданной ими ссуды подъ акціи общества Путиловскихъ заводовъ. Онъ былъ очень доволенъ успѣхами учениковъ и прислалъ нѣсколько инструментовъ и приборовъ для мастерскихъ училища. О результатахъ произведеннаго мною испытанія я сообщилъ письменно совѣту училища и лицамъ, пожертвовавшимъ на его учрежденіе: К. Ѳ. Меккъ, П. Г. Дервизу и другимъ. Привожу въ подлинникѣ одно изъ моихъ писемъ, именно къ Дервизу:

«При увольненіи меня въ 1869 году отъ должности главнаго инспектора частныхъ жел. дорогъ, вамъ первому пришла мысль оставить существенное воспоминаніе моей дѣятельности по исполненію означенной обязанности, о чемъ вы тогда же писали Д. П. Зуеву.

«Впослѣдствіи, когда между желѣзнодорожными дѣятелями возникла мысль объ учрежденіи въ Москвѣ желѣзнодорожнаго училища, съ наименованіемъ его Дельвиговскимъ, вы пожертвовали весьма значительную сумму для осуществленія этой мысли.

«Училище открыто 13 марта 1872 года. Въ него были приняты ученики всѣхъ сословій, большею частію весьма мало приготовленные.

«Въ первой половинѣ текущаго сентября, при испытаніи бо́льшей части учениковъ второго класса, т.-е., тѣхъ, которые находятся второй годъ въ училищѣ, я удостовѣрился, что они пишутъ по-русски правильно, разрѣшаютъ безошибочно ариѳметическія задачи, умѣютъ чертить кривыя линіи, наиболѣе встрѣчающіяся въ составныхъ частяхъ машинъ, и знаютъ свойство этихъ кривыхъ. Изъ ихъ отвѣтовъ по этимъ и другимъ преподаваемымъ имъ предметамъ видно, что ихъ умственныя способности хорошо развиты. Черченіе, столярная и слесарная работы идутъ также хорошо.

«Значительные успѣхи учениковъ въ столь короткое время существованія училища приносятъ мнѣ большое удовольствіе. Желая его раздѣлить съ вами, я позволяю себѣ утруждать васъ вышеозначенными подробностями, причемъ снова приношу вамъ мою живѣйшую благодарность за ваше пожертвованіе».

Дервизъ 9-го октября изъ Парижа отвѣчалъ мнѣ слѣдующее:

«Лишь сегодня дошло до меня обязательное письмо ваше отъ 27-го сентября.

«Добрая мысль почтить меня вашимъ вниманіемъ и порадовать хорошею вѣстью пришла вамъ потому, что вы знаете, какъ я цѣню это вниманіе и какъ дорожу вѣстью объ успѣхахъ Дельвиговскаго училища, учрежденія котораго желать и добиваться заставило меня мое сердце.

«Благодарю васъ за это, искренно уважаемый Баронъ, благодарю съ тѣми же чувствами, съ которыми всегда къ вамъ относился и съ ко-

торыми никогда не разстанется душою вамъ преданный покорный слуга вашъ Павелъ фонъ-Дервизъ».

24 августа 1873 года гласный Харьковской городской думы Кавальчуковъ передалъ мнѣ письмо Харьковскаго городского головы Ковалева слѣдующаго содержанія:

«Харьковское городское общественное управленіе приняло предложеніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Павловича Шипова объ устройствѣ въ Харьковѣ водоснабженія родниковою водою, на счетъ города, и техники Шипова составляютъ техническій проектъ, который будетъ оконченъ къ 1-му числу наступающаго сентября. Въ виду того, что вслѣдствіе неблагопріятныхъ санитарныхъ условій мѣстности устройство правильнаго водоснабженія составляетъ дѣло первой важности для Харьковскаго населенія,—городское общественное управленіе, прежде чѣмъ принять техническій проектъ водопровода, желало бы представить его на разсмотрѣніе вашего превосходительства, чтобы, руководствуясь вашими указаніями, вполнѣ гарантировать себя въ успѣхѣ предпріятія.

«Объ этомъ желаніи городского общественнаго управленія доводя до свѣдѣнія вашего превосходительства, имѣю честь покорнѣйше просить о дозволеніи представить вамъ техническій проектъ въ началѣ сентября, или когда ваше превосходительство назначите прислать его».

Изъявивъ согласіе на разсмотрѣніе проектовъ въ техническомъ отношеніи, я уклонился отъ разсмотрѣнія смѣты. 21-го сентября техникъ г. Филиппъ, составлявшій по порученію Д. П. Шипова проектъ Харьковскаго водопровода, привезъ этотъ проектъ ко мнѣ въ Царское Село. Въ продолженіе двухъ недѣль я занимался его разсмотрѣніемъ. Сдѣлавъ въ немъ вмѣстѣ съ Филиппомъ нѣкоторыя измѣненія, я 13-го октября послалъ Харьковскому городскому головѣ мое заключеніе по этому предмету. Впослѣдствіи Харьковскою городскою думою сдѣланы были по тому же предмету новые вопросы, на которые я немедля отвѣчалъ. Харьковскій городской голова прислалъ мнѣ слѣдующее письмо отъ 16 ноября 1873 года:

«Харьковская городская дума въ засѣданіи 31-го минувшаго августа, выслушавъ заявленіе о томъ, что ваше превосходительство, считая дѣломъ первой необходимости снабженіе Харькова чистою водою, охотно принимаете предложеніе городского общественнаго управленія разсмотрѣть проектъ водопровода и готовы быть полезнымъ этому дѣлу, насколько вамъ позволятъ другія занятія, признала, что руководство ваше въ составленіи проекта на устройство водопровода въ Харьковѣ составляетъ наилучшую гарантію въ успѣхѣ предпріятія, и единогласно постановила: выразить вашему превосходительству глубочайшую признательность Харьковскаго городского общественнаго управленія.

«Затѣмъ въ засѣданіи 31-го минувшаго октября городская дума, выслушавъ записку вашего превосходительства о разсмотрѣнномъ вами техническомъ проектѣ, составленномъ по порученію г. Шипова техникомъ

г. Филиппомъ, и докладъ городской управы и водопроводной комиссіи о томъ, что проектъ этотъ согласованъ съ требованіемъ городского управленія и что его слѣдуетъ принять въ руководство съ тѣми замѣчаніями, которыя сдѣланы въ запискѣ вашего превосходительства, утвердила означенный проектъ и вновь постановила единогласно: засвидѣтельствовать вашему превосходительству глубочайшую благодарность за разсмотрѣніе техническаго проекта на водоснабженіе города Харькова.

«О таковыхъ постановленіяхъ Харьковской городской думы имѣю честь сообщить вашему превосходительству».

Харьковскою думою былъ заключенъ съ Шиповымъ контрактъ на устройство водоснабженія по разсмотрѣнному мною проекту, но работы не были произведены, потому что средства, которыми дума полагала добыть условленную по контракту сумму, не были одобрены министромъ финансовъ. За симъ въ г. Харьковѣ, сколько мнѣ извѣстно, до сего времени (1877 г.) не проведено чистой воды.

Кстати изложу теперь же о моихъ отношеніяхъ къ предполагавшемуся устройству водопровода въ Таганрогѣ и къ усиленію водоснабженія въ Москвѣ.

Въ концѣ января 1874 года я получилъ письмо отъ Таганрогскаго городского головы, въ которомъ онъ сообщаетъ, что Таганрогская городская дума проситъ меня указать инженера для составленія проекта смѣты на устройство водопровода въ Таганрогѣ. Я указалъ на инженера Белелюбскаго, устроившаго водопроводъ въ Новочеркасскѣ. Таганрогскій городской голова 21 сентября 1874 года, увѣдомляя меня, что Белелюбскій принялъ на себя означенное порученіе, прислалъ копію съ общаго плана водоснабженія г. Таганрога и объяснительную къ оному записку. 5-го октября я отвѣчалъ ему, что желаю скораго и успѣшнаго приведенія въ исполненіе этого предпріятія. Дальнѣйшій его ходъ мнѣ неизвѣстенъ.

Въ X главѣ «Моихъ воспоминаній» я упомянулъ объ образовавшемся въ 1873 году въ Москвѣ обществѣ для усиленія снабженія этого города водою. Теперь изложу нѣкоторыя подробности по этому предмету. Въ зиму 1871—1872 годовъ нѣсколько Москвичей задумали составить упомянутое общество. Въ этомъ обществѣ намѣревались принять участіе бывшій городскимъ головою князь В. А. Черкасскій и тогдашній городской голова Ляминъ, которые желали моего содѣйствія. Встрѣтивъ ихъ въ іюнѣ 1872 года на торжественномъ актѣ Московскаго университета по случаю юбилея Петра Великаго, я обратился къ нимъ съ вопросами по этому предмету, но встрѣтилъ съ ихъ стороны полное равнодушіе.

Между тѣмъ, въ то же время одинъ изъ участниковъ предполагавшагося общества В. И. Якунчиковъ, увидѣвъ меня въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ, долго говорилъ о необходимости и выгодахъ усиленія Московскаго водоснабженія, но далѣе этого разговора ничего не предпринималъ. Служившій при Московскомъ генералъ-губернаторѣ С. В. Танѣевъ, сынъ старинной пріятельницы моей жены, не имѣвшій ни денегъ, ни по-

знаній, нѣсколько разъ по цѣлымъ часамъ убѣждалъ меня принять живое участіе въ столь полезномъ и весьма многими желаемомъ дѣлѣ. Онъ хлопоталъ, конечно, въ надеждѣ получить выгоды отъ этого дѣла. Я ему замѣтилъ, что, по моему мнѣнію, онъ одинъ во всей Москвѣ такъ сильно желаетъ устройства общества Московскихъ водопроводовъ, а всѣ прочіе учредители показались мнѣ къ этому равнодушными. Правда, кромѣ него, также сильно желалъ осуществленія этого предпріятія инженеръ М. П. Поповъ, о которомъ я неоднократно упоминалъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ». Онъ надѣялся получать при производствѣ работъ хорошее содержаніе. Изъ учредителей общества двигателемъ былъ Д. П. Шиповъ. Онъ былъ убѣжденъ, что водопроводное дѣло въ Москвѣ безъ меня не подвинется. Зная, что я рѣшился отказываться отъ участія въ какихъ бы то ни было предпріятіяхъ и что только одинъ Ѳ. В. Чижовъ можетъ побудить меня измѣнить это рѣшеніе, Шиповъ уговорилъ послѣдняго вступить въ число учредителей. Чижовъ, постоянно заботившійся о томъ, чтобы не могло падать на меня малѣйшей тѣни подозрѣнія въ томъ, что я желаю извлечь для себя денежныя выгоды изъ какихъ-либо предпріятій, согласился на просьбу Шипова съ тѣмъ, чтобы въ учредители общества были допущены только капиталисты и люди извѣстные своею честностью и познаніями въ веденіи подобныхъ дѣлъ, чѣмъ исключалъ изъ числа учредителей С. В. Танѣева, и чтобы до утвержденія водопроводнаго общества не предлагали мнѣ никакого въ немъ положенія, а по его утвержденіи на время производства работъ учредители должны были меня просить принять званіе предсѣдателя управленія общества, причемъ я оставался бы на службѣ въ Петербургѣ, а только въ особыхъ случаяхъ пріѣзжалъ въ Москву; распоряженія же мои были бы приводимы въ исполненіе управленіемъ, вице-предсѣдательство въ которомъ въ этомъ случаѣ принималъ на себя Чижовъ. Съ этимъ предположеніемъ всѣ согласились, и инженеры М. Поповъ и П. Панаевъ привезли въ Петербургъ слѣдующее письмо ко мнѣ, отъ 4 апрѣля 1873 года, за подписью Ивана Лямина, Ѳ. Чижова, Дмитрія Шипова, Александра Крестовникова, Александра Кошелева, Тимоѳея Морозова, Михаила Попова и П. Панаева:

«Вашему превосходительству извѣстно, что здѣсь, въ Москвѣ, съ начала прошедшаго года небольшое число Москвичей задумали устроить общество для снабженія Москвы обильнымъ количествомъ подпочвенной воды, которою могло бы быть обезпечено сильно растущее ея народонаселеніе. Теперь мы нижеподписавшіеся, съ участіемъ еще нѣсколькихъ лицъ, желаемъ приступить къ дѣлу. Но мы можемъ рѣшиться на это не иначе, какъ получивъ научное и практическое разрѣшеніе отъ спеціалиста, глубоко изучившаго водопроводное дѣло, болѣе всѣхъ знающаго наши Московскіе водопроводы и содержаніе воды въ подпочвѣ Московскихъ окрестностей. Вы, баронъ, тотъ спеціалистъ, безъ указаній, совѣтовъ и наставленій котораго немыслимо было бы предпринять что-либо въ водопроводной области въ Москвѣ.

«Зная полнѣйшее сочувствіе ваше къ осуществленію всего полезнаго для Москвы, мы позволяемъ себѣ быть увѣренными, что вы не откажете намъ въ нашей почтительнѣйшей просьбѣ: просмотрѣть представленные намъ расчеты, изложенные въ прилагаемыхъ при семъ запискахъ, и дать наставленіе, какимъ путемъ приступить намъ къ изысканіямъ и какая потребуется приблизительно на это сумма. Дабы не злоупотреблять вашею добротою и какъ можно менѣе отнимать драгоцѣннаго вашего времени, мы поручаемъ инженеру М. Попову, имѣвшему счастіе служить при здѣшнихъ водопроводахъ подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ, вручая вамъ настоящую нашу просьбу, принять отъ васъ приказанія: какія именно данныя необходимы вамъ для рѣшенія нашего вопроса. Все вами указанное будетъ принято нами съ глубочайшею признательностію и послужитъ основой задуманнаго нами предпріятія».

Я изложилъ инженерамъ Панаеву и Попову мои соображенія по составленію проекта увеличенія водоснабженія въ Москвѣ и получилъ отъ 30-го апрѣля за подписью тѣхъ же лицъ и, сверхъ того, Василія Якунчикова и К. Солдатенкова слѣдующее письмо:

«Мы имѣли честь и удовольствіе получить отъ Ѳ. В. Чижова ваше письмо къ нему отъ 12-го апрѣля и краткое заключеніе вашего превосходительства относительно предположеній нашего товарищества по устройству водоснабженія Москвы; затѣмъ въ засѣданіи 22-го апрѣля П. П. Панаевъ и М. П. Поповъ сообщили намъ подробности самаго внимательнаго и всесторонняго вашего обсужденія всѣхъ нашихъ предположеній и вообще вопроса о водоснабженіи Москвы.

«Мы считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятною обязанностію почтительнѣйше высказать вашему превосходительству нашу глубокую признательность за благосклонное вниманіе ваше къ нашей почтительнѣйшей просьбѣ, изложенной въ письмѣ отъ 4-го апрѣля, и имѣемъ честь сообщить вамъ, что заключенія вашего превосходительства приняты нами всѣми единогласно и вслѣдствіе этого, взамѣнъ предполагавшагося заявленія о производствѣ подробныхъ изысканій, мы входимъ въ думу прямо съ предложеніемъ объ устройствѣ на свой счетъ водоснабженія ключевыми или подпочвенными водами, въ размѣрѣ всего до 4 мил. ведеръ въ сутки.

«Точно такъ же мы не можемъ не благодарить ваше превосходительство за сдѣланное вами Панаеву и Попову и ими намъ сообщенное, крайне полезное для дѣла, указаніе о возможности употребленія съ пользою для предполагаемаго водоснабженія (если бы таковое осуществилось) имѣющагося въ настоящее время Мытищинскаго водопровода и его сооруженій.

«Съ глубокою признательностію мы принимаемъ выраженныя вашимъ превосходительствомъ расположеніе и готовность оказать намъ ваше содѣйствіе разсмотрѣніемъ проектовъ, а впослѣдствіи руководствомъ работами. Оно не только существенно важно и необходимо для успѣха нашего предпріятія, но мы такъ высоко цѣнимъ его, что безъ него мы не

рѣшились бы составить общество Московскихъ водопроводовъ. Позвольте намъ надѣяться, что вы, баронъ, не откажете намъ въ руководительствѣ не только во время изысканій и постройки водопроводовъ, если намѣреніе наше осуществится, но при веденіи самаго дѣла управленія водопроводами, и вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте увѣрить васъ, что мы не рѣшимся злоупотреблять вашимъ снисхожденіемъ къ нашей почтительнѣйшей просьбѣ и не посягнемъ на ваше драгоцѣнное время и высоко цѣнимый нами вашъ трудъ».

Къ вышеупомянутымъ лицамъ, подписавшимъ письма, присоединилось еще нѣсколько Москвичей. Они собрали довольно значительныя деньги, которыя употреблены были инженерами Панаевымъ и Поповымъ на снятіе новаго плана г. Москвы, такъ какъ имѣвшійся планъ былъ очень невѣренъ, на нивеллировку по улицамъ города и на другія изысканія, а равно на составленіе предварительнаго общаго проекта распространенія водоснабженія г. Москвы.

Въ сентябрѣ 1873 года, въ проѣздъ мой черезъ Москву, я обозрѣвалъ эти работы, и впослѣдствіи Поповъ и Панаевъ нѣсколько разъ пріѣзжали въ Петербургъ для совѣщанія со мною по тому же предмету. Впослѣдствіи были напечатаны въ Московской городской думѣ главнѣйшія условія представленныхъ проектовъ по проведенію воды въ г. Москвѣ, съ показаніями въ графахъ условій, требуемыхъ проектами «Чижова, Мамонтова и К⁰», «Глазенапа и Дурново, князя Оболенскаго и К⁰». Такъ какъ объ этихъ проектахъ давно ничего не слышно, то надо полагать, что они застряли въ одной изъ многочисленныхъ комиссій Московской городской думы. Бо́льшая часть капиталистовъ въ компаніи Чижова вели это дѣло равнодушно. Одинъ Ѳ. В. Чижовъ могъ привить его, но послѣдніе годы здоровье его стало ему сильно измѣнять, и онъ былъ слишкомъ удрученъ администраціею Московско-Курской, Московско-Ярославской и Ярославо-Вологодской жел. дорогъ, а также общества Московскаго купеческаго взаимнаго кредита, и потому не имѣлъ времени заниматься Московскимъ водоснабженіемъ. Одинъ изъ вышепоименованныхъ, отставной контръ-адмиралъ Глазенапъ, котораго дѣла были въ очень дурномъ положеніи, просилъ меня свести его съ Чижовымъ, чтобы соединиться съ его компаніей, черезъ что уменьшилось бы число конкурентовъ, но условія, на которыхъ онъ полагалъ соединиться, состоявшія собственно въ учредительскихъ выгодахъ, не входили въ расчетъ компаніи Чижова, и потому они не были приняты.

Послѣдняя полученная мною бумага (писано въ 1877 г.) относительно Московскихъ водопроводовъ была отъ бывшаго Московскаго городского головы Даніила Даніиловича Шумахера отъ 20 февраля 1875 года. Онъ спрашивалъ меня, слѣдуетъ ли и въ какомъ размѣрѣ отчудить изъ владѣнія крестьянъ села Большихъ Мытищъ земли, окружающія бассейны, питающіе Московскій водопроводъ, во избѣжаніе оскудѣнія въ нихъ воды, могущаго произойти отъ вырытія этими крестьянами въ долинѣ бассей-

новъ ямъ, съ цѣлію вынутія изъ нихъ камня. Отношенія г. Шумахера заключалось слѣдующими словами:

«Такимъ образомъ вышеизложенное обстоятельство побуждаетъ городское управленіе неотложно принять мѣры къ обезпеченію столицы водоснабженіемъ изъ Мытищинскихъ ключей и, вѣроятно, надежнымъ къ тому средствомъ будетъ пріобрѣтеніе въ пользу города, путемъ покупки или отчужденія, не только водоносной Мытищинской долины, но и окружающихъ ее земель, если измѣненія въ сихъ послѣднихъ могутъ вліять на качество или количество воды, притекающей къ ключевымъ бассейнамъ, но предварительно приступа къ какимъ-либо исполнительнымъ дѣйствіямъ по сему предмету городскому управленію необходимы указанія спеціалистовъ на средства, могущія обезпечить всегдашнее безостановочное снабженіе столицы Мытищинскою водою.

«Ваше превосходительство, устройствомъ чугунно-трубнаго Мытищинскаго водопровода, ключевыхъ бассейновъ и водопроводной сѣти, оставили для Москвы памятникъ вашихъ трудовъ и познаній въ водопроводномъ дѣлѣ, и это даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ вашемъ просвѣщенномъ указаніи какъ на тѣ средства, которыя вы изволите признать необходимыми для огражденія Мытищинскихъ водопроводовъ отъ оскудѣнія притока воды, при возбужденномъ нынѣ вопросѣ о правѣ владѣльцевъ свободнаго распоряженія землями, окружающими ключевые бассейны, такъ равно и о томъ, необходимо ли пріобрѣтеніе земель при с. Большихъ Мытищахъ».

Я немедля отвѣчалъ г. Шумахеру.

Въ началѣ октября 1873 года я и жена моя переѣхали изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Въ зиму 1873—1874 годовъ мы продолжали ту же жизнь, какъ и въ предыдущіе годы, и насъ посѣщали прежніе друзья и знакомые. Въ третій этажъ занимаемаго нами дома переѣхалъ нашъ хорошій знакомый тайный совѣтникъ Николай Николаевичъ Тютчевъ, съ семействомъ котораго мы видались чаще прежняго. Его теща, г-жа Дотъ, была перевезена въ этотъ домъ изъ Царскаго Села очень больною и вскорѣ умерла. Жившая съ Тютчевыми ея дочь Констанція Петровна, несмотря на свою сильную немощь, посвятила всю свою жизнь на уходъ за больною матерью. Послѣ смерти матери болѣзнь ея усилилась; она умерла въ ноябрѣ 1875 г. въ Висбаденѣ. Это была необыкновенная личность, всегда готовая на самопожертвованіе не для одной матери, но и для всякаго страждущаго. Въ 1876 году Тютчевы переѣхали изъ занимаемаго нами дома.

Наша однообразная жизнь въ зимнее время была развлекаема довольно частыми пріѣздами изъ Москвы Ѳ. В. Чижова, который хотя останавливался у своего стараго друга тайнаго совѣтника Дмитрія Васильевича Полѣнова, но большую часть времени проводилъ у насъ. Всякую зиму пріѣзжала къ намъ недѣли на двѣ гостить, старый другъ моей жены, Екатерина Ива-

новна Вельяминова-Зернова, горячо ее любившая. Каждый ея пріѣздъ несказанно радовалъ жену мою.

21 декабря 1873 года былъ данъ Государемъ рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія графа Толстого, содержаніе, тонъ и редакція котораго меня чрезвычайно поразили. Привожу его здѣсь буквально:

«Графъ Дмитрій Андреевичъ!

«Въ постоянныхъ заботахъ Моихъ о благѣ Моего народа, Я обращаю особенное Мое вниманіе на дѣло народнаго просвѣщенія, видя въ немъ движущую силу всякаго успѣха и утвержденіе тѣхъ нравственныхъ основъ, на которыхъ зиждутся государства. Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитію народнаго образованія въ Россіи, Я утвердилъ въ 1871 и 1872 г., составленные согласно съ такими Моими видами, уставы среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго Вамъ вѣдомства, долженствующихъ давать вполнѣ основательное общее образованіе юношеству, готовящемуся къ занятіямъ высшими науками, а не предназначающихъ себя къ онымъ приспособлять къ полезной практической дѣятельности. Заботясь равно о томъ, чтобы благое просвѣщеніе распространялось во всѣхъ слояхъ населенія, Я повелѣлъ учредить учительскіе институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ самыя училища эти должны получить указанное имъ правильное устройство и развитіе, сообразно съ потребностями времени и замѣчаемымъ въ настоящую пору повсемѣстно въ Имперіи стремленіемъ къ образованію. *Я надѣюсь, что ожидаемое вслѣдствіе сего значительное размноженіе народныхъ училищъ распространитъ въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностію, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго чувства.*

«Но достиженіе цѣли, для блага народа столь важной, надлежитъ предусмотрительно обезпечить. То, что въ предначертаніяхъ Моихъ должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, *могло бы, при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращаемо въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки, и отклонить его отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью коихъ, въ теченіе вѣковъ, собиралась, крѣпла* и *возвеличивалась Россія.*

«Какъ лицо, призванное Моимъ довѣріемъ къ осуществленію Моихъ предначертаній по части народнаго просвѣщенія, *вы усугубите всегда отличавшее васъ рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученья были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія.* Согласно съ симъ, Я вмѣняю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать вамъ въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе.

«Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно благомъ направленіи должны служить не одно только духо-

венство, но и всѣ просвѣщенные люди страны. *Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное Мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній. Возлагая на него и въ семъ дѣлѣ Мое довѣріе, Я повелѣваю вамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о томъ постановленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію».*

27-го декабря при чтеніи листа «Петербургскихъ Вѣдомостей», въ которомъ былъ напечатанъ рескриптъ, вошелъ ко мнѣ А. И. Баландинъ, которому я съ негодованіемъ указалъ на него. Баландинъ, отнесясь съ тѣмъ же неудовольствіемъ къ рескрипту, нашелъ, что въ третьемъ періодѣ его текста, въ фразѣ: «а не предназначающихъ себя къ онымъ приспособлять къ полезной практической дѣятельности», подчеркнутое «къ» лишнее.

Но кому неизвѣстно, что народныхъ школъ почти нѣтъ въ Россіи, что то малое число школъ, которыя существуютъ въ дѣйствительности, а не на бумагѣ, заведены или земствомъ,—котораго бо́льшая часть членовъ изъ того же дворянства, или по убѣжденію мировыхъ посредниковъ, которые хотя и чиновники, но выбранные изъ того же дворянства и бывшихъ помѣщиковъ, тоже дворянъ?

И гдѣ тѣ несчастныя школы, которыя не будучи подъ бдительнымъ наблюденіемъ дворянства, для огражденія ихъ отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній, уже обнаружили попытки къ нравственному растлѣнію народа?

И почему Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскаго долга, по *преимуществу* предлежитъ о семъ попеченіе? Развѣ другія сословія менѣе преданы? И къ чему столь гласно заявлять сомнѣніе въ преданности другихъ сословій? Если же непремѣнно хотѣли сдѣлать распоряженіе о назначеніи мѣстныхъ предводителей дворянства попечителями начальныхъ училищъ и привести этому мотивы, то не проще ли было призвать къ этой обязанности означенныхъ предводителей въ виду того, что дворянство составляетъ самое образованное сословіе?

Самая форма, которою дворянство призывается къ новой обязанности, необычайная. По существующему закону, подобныя распоряженія, по разсмотрѣніи ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Высочайшемъ утвержденіи, передаются именными Высочайшими указами Правительствующему Сенату, который и объявляетъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Ясно, что въ этомъ

дѣлѣ отступили отъ обыкновеннаго хода для того, чтобы придать ему бо́льшее значеніе.

Я припоминаю три подобныя воззванія въ продолженіе 73 лѣтъ настоящаго столѣтія. Первое было по случаю занятія непріятелемъ въ 1812 году нѣсколькихъ западныхъ губерній и приближенія его къ Москвѣ; второе послѣ открытія заговора въ 1825 году, когда Императоръ Николай обращалъ вниманіе дворянства на дурное воспитаніе, которое оно даетъ своему молодому поколѣнію, и наконецъ третье, по случаю освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Но неужели народныя школы, которыхъ почти не существуетъ, уже представляютъ такую опасность, какъ нашествіе 1812 года или заговоры, открытые въ 1825 году, а порученіе наблюденія за ними дворянскимъ предводителямъ такую же важность, какъ освобожденіе крестьянъ отъ неестественной зависимости, въ которой они находились у дворянства? Рескриптъ, данный Толстому, я не могу себѣ объяснить иначе, какъ желаніемъ шефа жандармовъ и вмѣстѣ шефа ретроградной партіи графа Петра Андреевича Шувалова сдѣлать новый шагъ на пути къ реакціи.

Прошло три года съ изданія рескрипта. Не замѣтно, чтобы онъ имѣлъ какія-либо полезныя послѣдствія. Нѣкоторыя земства уменьшили суммы, назначенныя ими на содержаніе школъ, а члены этихъ земствъ, наиболѣе просвѣщенные, конечно, дворяне, перестали заниматься школами, которыя попали въ завѣдываніе казенныхъ чиновниковъ, конечно, мало благотворное.

Сильно взволнованный вышеприведеннымъ рескриптомъ, породившимъ во мнѣ весьма горестныя размышленія и опасенія насчетъ будущихъ мѣръ правительства въ томъ же ретроградномъ направленіи, я старался разузнать, кто авторъ рескрипта. Общественное мнѣніе называло министра государственныхъ имуществъ Петра Александровича Валуева.

Въ это время въ публикѣ появилась карикатура, въ которой были представлены сидящими за столомъ издатель «Московскихъ Вѣдомостей», бывшій профессоръ Московскаго университета Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, въ халатѣ, шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ и министры внутреннихъ дѣлъ Александръ Егоровичъ Тимашевъ, народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой и юстиціи графъ Константинъ Ивановичъ Паленъ. Передъ Катковымъ лежатъ уставы классическихъ гимназій, реальныхъ училищъ и воинской всесословной повинности. Шефъ жандармовъ и упомянутые министры смотрятъ на него съ раболѣпствомъ и говорятъ: «Айда— только учи меня разумъ, Хабибула! пожалста учи!!!» Эта фраза взята изъ статьи Щедрина (Салтыкова), помѣщенной въ XI номерѣ журнала «Отечественныя Записки» 1873 года подъ заглавіемъ «Мнѣніе знатныхъ иностранцевъ о помпадурахъ».

Говоря о карикатурѣ съ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія Головнинымъ, я ему замѣтилъ, что мнѣ непонятно, почему передъ Катковымъ лежитъ, кромѣ уставовъ гимназіи и училищъ, на составле-

ніе которыхъ вліяніе его мнѣ было извѣстно, и уставъ о воинской повинности, въ составленіи котораго едва ли онъ могъ принимать участіе. Тогда Головнинъ объяснилъ мнѣ слѣдующее.

Представленный военнымъ министромъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ уставъ о воинской повинности разсматривался съ осени 1872 года въ особомъ присутствіи, составленномъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта великаго князя Константина Николаевича изъ весьма значительнаго числа членовъ Государственнаго Совѣта. Въ этомъ присутствіи министръ народнаго просвѣщенія много возражалъ противъ проекта военнаго министра, но собственно по подробностямъ, въ которыхъ и сдѣланы были ему разныя уступки. Вслѣдъ за этимъ уставъ былъ переданъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. За три дня до разсмотрѣнія его въ этомъ собраніи Толстой офиціально разослалъ всѣмъ членамъ упомянутаго Совѣта печатную записку на 52 страницахъ, въ которой изложенъ уставъ на другихъ началахъ, несходныхъ съ началами прежняго устава, хотя съ послѣднимъ согласился въ упомянутомъ особомъ присутствіи, что и утвердилъ своею подписью на его журналахъ.

Новый уставъ составленъ былъ Толстымъ подъ руководствомъ Каткова, а такъ какъ составленіе 52 печатныхъ страницъ потребовало не мало времени, то надо полагать, что Толстой по утрамъ въ засѣданіяхъ особаго присутствія Государственнаго Совѣта соглашался съ принципами, изложенными въ уставѣ, представленномъ военнымъ министромъ, а по вечерамъ съ Катковымъ составлялъ уставъ по тому же предмету на другихъ началахъ. Эти уставы представляли, между прочимъ, слѣдующую разность: военный министръ предполагалъ дать льготы военно-служащимъ, раздѣливъ на 4 разряда, по степени ихъ образованія, съ цѣлью увеличить число образованныхъ людей; министръ же народнаго просвѣщенія въ своемъ уставѣ полагалъ дать льготы вольноопредѣляющимся, не обращая вниманія на степень ихъ образованія, съ явною цѣлью дать льготы однимъ дворянамъ, такъ какъ почти исключительно одни дворяне имѣютъ возможность поступать въ вольноопредѣляющіеся; мѣщанамъ же и крестьянамъ это поступленіе, по недостатку средствъ къ жизни, большею частью невозможно. Но эта поддержка дворянства, а не образованныхъ людей, не имѣетъ подъ собою почвы, и потому всѣ мѣры, принимаемыя съ этою цѣлью, не привьются.

Въ первомъ засѣданіи общаго собранія Государственнаго Совѣта долго разсуждали о новомъ уставѣ, разосланномъ Толстымъ, и заставили послѣдняго отказаться отъ всѣхъ его пунктовъ, а въ слѣдующихъ засѣданіяхъ одобрили уставъ въ томъ видѣ, какъ онъ первоначально былъ представленъ военнымъ министромъ, и въ этомъ видѣ онъ утвержденъ Государемъ. Такимъ образомъ рушились надежды подкопать военнаго министра, о чемъ, по поводу реорганизаціи арміи въ началѣ 1873 года, много, но безъ успѣха, хлопотали фельдмаршалъ князь Барятинскій съ своими

приверженцами, а впослѣдствіи, по поводу устава воинской повинности, графъ Шуваловъ и неоднократно съ этою цѣлью собиравшіеся у него, плясавшіе подъ его дудку, ретроградные министры. При этомъ Головнинъ мнѣ передалъ, что Государь, при увольненіи Головнина отъ должности министра народнаго просвѣщенія, послѣ покушенія на жизнь Государя въ 1866 году, сказалъ ему, что онъ находитъ нужнымъ, чтобы народное образованіе велось подъ руководствомъ лица, которому подчинены духовныя учебныя заведенія, а потому намѣренъ должность министра народнаго просвѣщенія возложить на оберъ-прокурора синода. При этомъ имѣлось въ виду, чтобы учебная часть была подъ секретнымъ наблюденіемъ шефа жандармовъ, т.-е., тайной полиціи.

Государь находилъ необходимымъ, чтобы министръ народнаго просвѣщенія дѣйствовалъ заодно съ шефомъ жандармовъ или, лучше сказать, ему подчинялся. Съ тою же цѣлью подчиненія шефу жандармовъ были назначены, по указанію Шувалова, Тимашевъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ и Паленъ—министромъ юстиціи. Болѣе семи лѣтъ эти господа занимали означенныя должности и на восьмомъ году издали столько взволновавшій меня рескриптъ. Впослѣдствіи я узналъ, что означенные господа нашли нужнымъ, чтобы Государь далъ рескриптъ въ такомъ духѣ, потому что открыто было какое-то тайное общество, конечно, не представлявшее никакой опасности,—въ которомъ участвовало 15 Петербургскихъ рабочихъ изъ крестьянскаго сословія. Участіе этого класса въ подобныхъ обществахъ открыто въ первый разъ, а потому, вѣроятно, изъ опасенія пропаганды общества, извѣстнаго подъ названіемъ «интернаціоналки», найдено нужнымъ торжественно поразить первый ея шагъ. Но, вѣроятно, весьма немногіе изъ арестованныхъ рабочихъ учились въ какой-либо школѣ.

Въ 1873 году нѣкоторыя мѣстности весьма плодороднаго юго-востока Европейской Россіи были постигнуты голодомъ. Это бѣдствіе съ особою силою разразилось въ Самарской губерніи. Губернское начальство вмѣсто того, чтобы своевременнымъ донесеніемъ министру внутреннихъ дѣлъ испросить пособіе голодающимъ, постоянно заявляло и увѣряло, что все обстоитъ благополучно. Въ это время Самарскимъ губернаторомъ былъ Ѳеодоръ Дмитріевичъ Климовъ, нынѣ (1877 г.) управляющій временнымъ отдѣломъ по земельному устройству государственныхъ крестьянъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Свѣдѣнія, полученныя изъ губерніи отъ частныхъ лицъ, газетныя статьи и, наконецъ, извѣстіе объ образовавшемся въ Самарѣ дамскомъ кружкѣ для пособія голодающимъ, обратили вниманіе правительства и Петербургскаго общества. Правительство ассигновало значительную сумму для оказанія пособія нуждающимся въ Самарской губерніи, а въ обществѣ составились кружки для оказанія пособія нуждающимся.

Государыня Императрица, желая по возможности увеличить этотъ сборъ и дать ему надлежащее направленіе, возложила эти обязанности на состоящее подъ ея покровительствомъ общество о раненыхъ и больныхъ

воинахъ. Предсѣдателемъ главнаго управленія этого общества со времени его учрежденія былъ генералъ-адъютантъ Александръ Алексѣевичъ Зеленой, но съ лѣта 1871 года всѣмъ въ управленіи распоряжался одинъ изъ товарищей предсѣдателя генералъ-лейтенантъ Александръ Карловичъ Баумгартенъ. Съ осени 1871 года я, по званію члена главнаго управленія, ѣздилъ во всѣ его засѣданія, бывшія одинъ разъ въ мѣсяцъ, и участвовалъ въ разныхъ назначаемыхъ имъ комиссіяхъ. Я оставался при прежде изложенномъ мною мнѣніи, что дѣйствія этого управленія, несмотря на долгія и скучныя засѣданія, не дадутъ возможности достигнуть предназначенной ему цѣли, ѣздилъ же я въ засѣданія, считая неприличнымъ, будучи его членомъ и имѣя много свободнаго времени, не исполнять обязанностей, возлагаемыхъ этимъ званіемъ. Не отказывался же я отъ него въ надеждѣ, что выйду изъ членовъ по ежегодно вынимаемому жребію, который однако на меня не падалъ.

Въ концѣ 1873 года, когда была собрана довольно значительная сумма въ пользу голодающихъ въ Самарской губерніи, предсѣдательствовавшій въ главномъ управленіи Баумгартенъ объявилъ, что Императрица находитъ нужнымъ послать главнаго уполномоченнаго отъ общества для наблюденія на мѣстѣ за оказаніемъ высылаемыхъ пособій. Баумгартену слѣдовало не предлагать этой мѣры, не спросивъ предварительно мнѣнія главнаго управленія, состоявшаго изъ 24 членовъ, о томъ, нужна ли эта мѣра. Вѣроятно, большинство высказалось бы противъ нея, потому что Самарскій дамскій кружокъ, которому высылались деньги изъ главнаго управленія, дѣйствовалъ очень раціонально, и появленіе главнаго уполномоченнаго могло только ему помѣшать.

Баумгартенъ, объявляя о волѣ Императрицы, обратился къ члену главнаго управленія генералъ-адъютанту вице-адмиралу К. Н. Посьету съ просьбою принять на себя званіе главнаго уполномоченнаго, но Посьетъ рѣшительно отказался. Несмотря на этотъ отказъ, Посьетъ узналъ отъ великаго князя Владиміра Александровича, что ему Государь говорилъ объ отъѣздѣ Посьета въ Самарскую губернію. Послѣдній, жившій въ это время въ Зимнемъ дворцѣ, немедля объяснилъ Императрицѣ, что онъ не можетъ ѣхать въ Самарскую губернію по причинѣ неокончанія отчета по путешествію великаго князя Алексѣя Александровича, а также по неимѣнію никакихъ свѣдѣній въ сельскомъ хозяйствѣ, необходимыхъ для того, чтобы обсудить мѣры къ отвращенію неурожаевъ на будущее время. Явно, что Баумгартенъ надѣялся навязать это порученіе Посьету, несмотря на его отказъ.

Посьетъ мнѣ разсказалъ о поступкѣ Баумгартена уже въ то время, когда я ему въ мартѣ 1874 года заявилъ, что Императрица согласилась на назначеніе главнымъ уполномоченнымъ тайнаго совѣтника графа Владиміра Петровича Орлова-Давыдова, одного изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи, очень гордаго человѣка и большого крѣпостника, при этомъ главному управленію была предложена на разсмотрѣніе инструкція Ор-

лову-Давыдову, имъ составленная и уже одобренная Баумгартеномъ. Члены главнаго управленія, не зная до этого засѣданія о назначеніи Орлова, очень этому удивились. Они находили нужнымъ сдѣлать въ инструкціи нѣкоторыя измѣненія, и въ особенности, по моему мнѣнію, не слѣдовало связывать рукъ Самарскому дамскому кружку, отдававшемуся по инструкціи въ полное распоряженіе Орлова. Но онъ ни на какія измѣненія не соглашался и требовалъ полновластія.

Въ это же засѣданіе главнаго управленія было заявлено желаніе Зеленаго оставить званіе предсѣдателя, и на его мѣсто членами этого управленія былъ избранъ Баумгартенъ, несмотря на вышеописанныя его продѣлки и нѣсколько другихъ подобныхъ, бывшихъ извѣстными членамъ управленія. Это служитъ только доказательствомъ ихъ равнодушія къ дѣлу и затрудненія найти между членами лицо, которое согласилось бы принять на себя званіе предсѣдателя. Это званіе могло, конечно, принести удовольствіе только тому, кто желалъ посредствомъ этого званія сдѣлаться докладчикомъ Императрицы для улучшенія своей служебной карьеры.

Когда въ общемъ собраніи общества было объявлено о согласіи бывшаго въ собраніи Орлова-Давыдова принять званіе главнаго уполномоченнаго и воспослѣдовавшемъ уже на это соизволеніи Императрицы, то, конечно, оставалось только благодарить Орлова-Давыдова.

Въ то же время я и сенаторъ генералъ-лейтенантъ Гедеоновъ были избраны въ товарищи предсѣдателя главнаго управленія общества. Объ утвержденіи меня въ этомъ званіи Императрицею было сообщено мнѣ 28 января 1874 года. По оставленіи Зеленымъ званія предсѣдателя, служившій въ министерствѣ государственныхъ имуществъ Михаилъ Александровичъ Ославинъ, исправлявшій безвозмездно должность секретаря главнаго управленія, оставилъ это мѣсто. Баумгартенъ пригласилъ въ секретари съ содержаніемъ, впрочемъ незначительнымъ, давнишняго секретаря общества садоводства Петра Ермолаевича Волкенштейна, котораго я зналъ еще ребенкомъ и которому я при первомъ же свиданіи сказалъ, что онъ не уживется съ Баумгартеномъ. Дѣйствительно, уже въ январѣ 1874 года они разссорились, и Волкенштейнъ покинулъ должность секретаря главнаго управленія. Его мѣсто занялъ бывшій при мнѣ секретаремъ въ бытность мою начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ Яковъ Александровичъ Ростовцевъ, который принялъ это мѣсто собственно по недостатку средствъ къ жизни. Онъ также вскорѣ долженъ былъ уйти отъ Баумгартена.

Въ началѣ февраля 1874 года было обыкновенное засѣданіе главнаго управленія, въ которомъ Баумгартенъ заявилъ о дѣйствіяхъ Орлова-Давыдова въ Самарѣ и объ его возвращеніи. При этомъ выказалась явная безполезность поѣздки Орлова, которую онъ, конечно, совершилъ только для того, чтобы имѣть случай передъ отъѣздомъ и по пріѣздѣ представиться Императрицѣ.

Между тѣмъ шефъ жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ и въ особен-

ности министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ были недовольны тѣмъ, что дошло до свѣдѣнія Высочайшихъ особъ о голодѣ въ Самарской губерніи и что имъ не было принято своевременно мѣръ для предупрежденія бѣдственныхъ отъ голода послѣдствій, а потому Тимашеву очень хотѣлось показать, что слухи о бѣдствіи преувеличены.

Баумгартенъ, всегда готовый угождать сильнымъ міра сего, приказалъ въ половинѣ февраля 1874 года изготовить докладъ Императрицѣ о полученномъ имъ отъ Орлова-Давыдова свѣдѣніи, что всѣ мѣры для прокормленія и обсѣмененія нуждающихся въ Самарской губерніи приняты и что засимъ можно прекратить сборъ для нихъ, какъ обществомъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, такъ и всѣми образовавшимися съ этою цѣлью кружками, за исключеніемъ одного Самарскаго комитета. Зайдя въ канцелярію главнаго управленія и увидя готовящійся докладъ, я представлялъ Баумгартену, что лучше было бы этотъ докладъ предварительно обсудить въ засѣданіи главнаго управленія въ началѣ марта; отъ продолженія же еще на нѣсколько дней сбора въ пользу голодающихъ я не видѣлъ никакой бѣды. Но онъ находилъ упомянутый срокъ слишкомъ отдаленнымъ. Тогда я просилъ для означеннаго обсужденія собрать немедля засѣданіе, но Баумгартенъ, вѣроятно найдя это безполезнымъ, представилъ означенный докладъ Императрицѣ, конечно, не отъ себя, а отъ главнаго управленія, не имѣвшаго ни малѣйшаго понятія объ этомъ докладѣ. Конечно, Императрица его утвердила и повелѣла благодарить членовъ главнаго управленія общества за ихъ труды по означенному дѣлу. Они же узнали изъ газетъ о прекращеніи ихъ дѣйствій въ пользу голодающихъ одновременно съ членами всѣхъ другихъ благотворительныхъ обществъ, собиравшихъ пособія для голодныхъ Самарцевъ.

Баумгартенъ поспѣшилъ сообщить упомянутое повелѣніе министру внутреннихъ дѣлъ, зная, что сно ему будетъ очень пріятно.

Между тѣмъ графъ Орловъ-Давыдовъ вернулся въ Петербургъ и явился въ мартовское засѣданіе главнаго управленія, въ которомъ я не былъ. Въ этомъ засѣданіи Орловъ заявилъ, что онъ никогда не писалъ о томъ, чтобы не требовалось продолжать собирать пособія для голодающихъ Самарцевъ, но что, по крайне бѣдственному ихъ положенію, онъ, напротивъ того, обѣщался принять мѣры къ увеличенію сборовъ, и потому требовалъ, чтобы главное управленіе общества заявило печатно, что онъ никогда не доносилъ того, что оно помѣстило въ своемъ докладѣ Императрицѣ. При этомъ Орловъ ссылался на свое письмо, которое онъ въ началѣ февраля писалъ Баумгартену, какъ предсѣдателю главнаго управленія.

Оказалось, что никто изъ членовъ управленія не зналъ о существованіи письма, которое, наконецъ, Баумгартенъ, послѣ настоятельныхъ требованій Орлова, вынулъ изъ кармана своего сюртука. Видя, что нѣкоторые изъ членовъ главнаго управленія и по прочтеніи письма находили невозможнымъ исполнить требованіе Орлова, онъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ самъ съумѣетъ оправдать себя, и хотѣлъ уйти. Тогда его удержали

и заявили, что его желаніе будетъ исполнено. При этомъ произошло разногласіе между членами о томъ, слѣдуетъ ли напечатать въ газетахъ, что главное управленіе не поняло донесенія Орлова, или одинъ предсѣдатель не понялъ. Многіе находили, что ошибку сдѣлалъ одинъ предсѣдатель, а потому и заявленіе должно быть сдѣлано отъ его имени.

Баумгартенъ, не собравъ голосовъ для опредѣленія большинства, напечаталъ въ газетахъ очень короткое объясненіе отъ главнаго управленія, состоявшее въ томъ, что Орловъ-Давыдовъ не доносилъ того, что объявлено въ такомъ-то предыдущемъ номерѣ этихъ газетъ. Орловъ не выражалъ болѣе своихъ претензій и, потому должно полагать, удовольствовался упомянутымъ объявленіемъ, изложеннымъ такъ, что только хорошо знакомые со всѣмъ этимъ дѣломъ могли его понять.

По просьбѣ П. К. Менькова, я растолковалъ ему вышеупомянутое объявленіе, причемъ разъяснилъ поведеніе Баумгартена въ званіи предсѣдателя главнаго управленія общества и намѣреніе мое выйти изъ этого управленія. Меньковъ былъ также весьма невыгоднаго мнѣнія о Баумгартенѣ и 17 апрѣля 1874 года поздравилъ меня съ новымъ генералъ-адъютантомъ и новымъ коллегою.

Въ этотъ день генералъ-адъютантомъ былъ назначенъ Баумгартенъ, а сенаторомъ генералъ-лейтенантъ графъ Илья Андреевичъ Толстой. Толстой — братъ воспитательницы великой княжны Маріи Александровны, которой свадьба съ герцогомъ Эдинбургскимъ была въ началѣ 1874 года. Баумгартенъ попалъ въ генералъ-адъютанты по просьбѣ Императрицы за его труды по званію предсѣдателя главнаго управленія общества попеченія о раненыхъ воинахъ. Между тѣмъ всѣ увѣряли, и кажется безошибочно, что онъ надоѣлъ Императрицѣ своими слишкомъ частыми докладами о всѣхъ мелочахъ.

20 марта 1874 года я послалъ въ упомянутое главное управленіе бумагу, въ которой сообщалъ, что по встрѣтившимся обстоятельствамъ не могу долѣе быть членомъ этого управленія. 27-го марта за № 76-мъ я получилъ отъ предсѣдателя управленія слѣдующее письмо:

«Главное управленіе, получивъ извѣщеніе вашего превосходительства о желаніи оставить званіе члена главнаго управленія, журнальнымъ постановленіемъ, состоявшимся 20-го сего марта, заключило обратиться къ вамъ, баронъ, съ письменнымъ изложеніемъ покорнѣйшей и убѣдительнѣйшей просьбы общества.

«Вы, баронъ, состоите членомъ-учредителемъ общества съ самаго его образованія и съ того же времени, по единодушному избранію всѣхъ членовъ, ваше превосходительство изволите состоять членомъ главнаго управленія, а съ нынѣшняго года и товарищемъ предсѣдателя.

«Во все это время общество имѣло въ лицѣ вашемъ одного изъ самыхъ ревностныхъ и самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ. Ваше превосходительство, и вашею спеціальною дѣятельностію и глубокимъ сердечнымъ участіемъ, служили къ развитію и упроченію дѣйствій общества.

«Независимо отъ сего, общество видѣло васъ всегда готовымъ принять дѣятельное участіе во всѣхъ спеціальныхъ комиссіяхъ, образовавшихся для извѣстныхъ цѣлей и требовавшихъ особенныхъ спеціальныхъ познаній.

«При такомъ всегда дѣятельномъ отношеніи вашего превосходительства къ интересамъ общества, весьма понятно то грустное впечатлѣніе, которое произвело письмо ваше.

«Главное управленіе, предполагая, что можетъ быть обширныя служебныя занятія не дозволяютъ вамъ въ настоящее время посвятить обществу ту усиленную дѣятельность, которую вы всегда проявляли, участвуя въ различныхъ комиссіяхъ, и что обязанность предсѣдателя комиссіи по перестройкѣ дома, поступающаго въ собственность общества, представляетъ для васъ обремененіе, готово, хотя и съ большимъ сожалѣніемъ, освободить васъ отъ этихъ обременительныхъ занятій и убѣдительнѣйше проситъ васъ, баронъ, не покидать общество вашимъ участіемъ въ званіи члена главнаго управленія и товарища предсѣдателя и не оставлять доброе дѣло вашими добрыми и полезными совѣтами.

«Примите, ваше превосходительство, выраженіе чувствъ самаго глубокаго уваженія и душевной преданности».

Я отвѣчалъ предсѣдателю слѣдующее:

«Принимая смѣлость выразить мою глубочайшую благодарность главному управленію общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ за изложенныя въ письмѣ вашего превосходительства, отъ 27-го прошлаго марта № 761, мнѣніе управленія о моихъ трудахъ на пользу общества и за основанное на этомъ мнѣніи желаніе, чтобы я не оставлялъ званія члена главнаго управленія, имѣю честь объяснить, что по невозможности въ настоящее время исполнять обязанности, сопряженныя съ этимъ званіемъ, я поставляю себѣ долгомъ отъ него отказаться.

«Примите, ваше превосходительство, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности».

Тогда рѣшено было отправить ко мнѣ депутацію изъ членовъ главнаго управленія, чтобы убѣдить меня не оставлять управленія. Депутація не застала меня дома. Двое изъ ея членовъ, сенаторъ И. М. Гедеоновъ и лейбъ-медикъ Н. Ѳ. Здекауэръ, какъ знакомые съ моею женою, уговаривали ее убѣдить меня не оставлять управленія, но она отвѣчала, что удивляется, какъ они могутъ выносить распоряженія Баумгартена, но что я не могу имѣть съ нимъ ничего общаго. Дѣйствительно, моимъ выходомъ не оскорблялъ ли я прочихъ членовъ главнаго управленія, которые находили возможнымъ продолжать трудиться при такомъ предсѣдателѣ, какъ Баумгартенъ?

Вслѣдъ за симъ я получилъ увѣдомленіе, что Императрица согласилась на увольненіе меня отъ званія товарища предсѣдателя. О моемъ выходѣ Баумгартенъ лично докладывалъ Императрицѣ. Конечно, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы, при изложеніи причины моего выхода,

отнестись обо мнѣ самымъ невыгоднымъ образомъ, въ особенности зная ея постоянное ко мнѣ неблаговоленіе. Баумгартенъ, герой дѣла при Читати въ 1853 году, за которое получилъ орденъ Св. Георгія 3 класса и генералъ-маіорскій чинъ, далеко не отличается, какъ видно изъ вышеписаннаго, гражданскою добродѣтелью. Впрочемъ, многіе военные люди не только не придаютъ никакой важности его подвигу при Читати, но, сверхъ того, положительно обвиняютъ его въ томъ, что онъ поступилъ весьма неблаговидно, удалившись въ 1854 году изъ Севастополя.

Изъ вышеприведеннаго письма Баумгартена ко мнѣ отъ 27-го марта видно, что я былъ предсѣдателемъ комиссіи по перестройкѣ дома, поступающаго въ собственность общества. Этотъ домъ на набережной Лиговки принадлежалъ артиллерійскому управленію, нѣсколько бѣдныхъ чиновниковъ котораго жили въ его развалинахъ. Баумгартенъ находилъ нужнымъ имѣть постоянное помѣщеніе для музея общества и для канцеляріи главнаго управленія, для чего, безъ согласія членовъ послѣдняго, выпросилъ черезъ Императрицу, чтобы означенный домъ былъ переданъ обществу. Баумгартенъ предполагалъ надстроить третій этажъ и устроить его такъ, чтобы, кромѣ помѣщенія музея и канцеляріи, можно было въ немъ отдавать нѣсколько квартиръ внаймы. На эти устройства онъ полагалъ употребить до 100 тыс. руб. изъ капитала, собраннаго обществомъ вовсе не съ цѣлью пріобрѣтенія дома, что и было высказано мною и нѣкоторыми другими членами главнаго управленія. Сверхъ того, я былъ вполнѣ убѣжденъ, что домъ безъ дѣйствительнаго хозяина будетъ убыточенъ для общества. Вышеупомянутая комиссія, въ которой я былъ предсѣдателемъ, была учреждена для пріема дома изъ артиллерійскаго вѣдомства, составленія проекта его перестройки и впослѣдствіи для наблюденія за оною. Конечно, по выходѣ моемъ изъ главнаго управленія, я избавлялся и отъ обязанностей предсѣдателя упомянутой комиссіи.

Лѣтомъ 1874 года, въ отсутствіе Баумгартена, его мѣсто занималъ товарищъ предсѣдателя Гедеоновъ, который, согласно съ мнѣніемъ Баумгартена, полагалъ отдать съ подряда постройку дома русскому строительному обществу. Одинъ изъ членовъ главнаго управленія Николай Андреевичъ Шторхъ, товарищъ главноуправляющаго IV отдѣленіемъ канцеляріи Его Величества, предложилъ сдѣлать засѣданіе главнаго управленія въ его великолѣпной дачѣ, находящейся въ г. Павловскѣ. Онъ пригласилъ меня посѣтить его въ день упомянутаго засѣданія. Послѣ роскошнаго, отлично сервированнаго обѣда, были представлены проектъ и смѣта на устройство дома. Гедеоновъ сильно поддерживалъ предпріятіе. Послѣ высказаннаго имъ мнѣнія, онъ и прочіе члены просили меня высказаться. Я долго отклонялъ ихъ просьбу, въ виду моего выхода изъ главнаго управленія, но вслѣдствіе общей настоятельной просьбы повторилъ, что главное управленіе не имѣетъ права издерживать капиталъ несообразно съ назначеніемъ лицъ, его жертвовавшихъ. Со мною согласилось большинство. Впослѣдствіи домъ, въ томъ видѣ, какъ былъ принятъ, проданъ въ

пользу общества, что было вполнѣ благоразумно. Это было послѣднее мое дѣйствіе въ обществѣ попеченія о раненыхъ воинахъ. Въ слѣдующіе годы я ограничивался уплатою ежегодныхъ взносовъ по 10 руб. за себя, жену, сестру А. И. Викулину и дочь ея Эмилію.

Въ 1876 году, при открытіи дѣйствій общества попеченія о раненыхъ воинахъ въ Сербіи, Баумгартенъ черезъ одного общаго нашего знакомаго передавалъ мнѣ, что Императрицѣ весьма желательно, чтобы я принялъ на себя званіе главнаго уполномоченнаго общества въ Сербіи. Я отказался. Главнымъ уполномоченнымъ былъ посланъ тайный совѣтникъ Владиміръ Николаевичъ Токаревъ, на котораго вскорѣ поступило много жалобъ.

Баумгартенъ въ октябрѣ 1876 года объявилъ товарищу предсѣдателя главнаго управленія Гедеонову, что изъ Ливадіи получено повелѣніе Императрицы послать его для разбора жалобъ на Токарева. Конечно, это повелѣніе воспослѣдовало по представленію Баумгартена, не предварившаго Гедеонова. Послѣдній не поѣхалъ въ Сербію, сказавшись больнымъ, между тѣмъ присутствовалъ въ Сенатѣ и исправлялъ обязанности, сопряженныя съ званіемъ вице-президента Императорскаго человѣколюбиваго общества, въ которое онъ былъ назначенъ весною 1876 года. Баумгартену представился удобный случай выставить передъ Императрицей о своей всегдашней готовности нести всѣ труды по обществу, не имѣя вовсе помощниковъ, и о неисполненіи Гедеоновымъ Высочайшей воли, тогда какъ, кромѣ другихъ причинъ, послѣдній не могъ ѣхать въ Сербію по незнанію иностранныхъ языковъ.

Въ Петербургѣ происходили пиршества по случаю бракосочетанія великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ. По этому случаю пріѣхали въ Петербургъ нѣсколько иностранныхъ принцевъ, въ числѣ которыхъ были два брата герцога Эдинбургскаго и наслѣдный принцъ Прусскій. О посѣщеніи послѣдними тремя принцами С.-Петербургскаго Англійскаго клуба, я упомянулъ въ IX главѣ «Моихъ воспоминаній». Прибавлю здѣсь, что Прусскій принцъ уѣхалъ изъ клуба до ужина, что принцъ Уэльскій ужиналъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, который пригласилъ меня сѣсть за одинъ столъ съ ними, и по окончаніи ужина уѣхалъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ, а младшіе Англійскіе принцы долго оставались и, какъ говорятъ, порядочно выпили.

Ко дню бракосочетанія 11 января 1874 года съѣхалось много высшихъ сановниковъ изъ разныхъ концовъ Россіи и въ ихъ числѣ намѣстникъ Царства Польскаго фельдмаршалъ графъ Бергъ. По пріѣздѣ моемъ 6-го января въ дворцовую церковь, я узналъ, что Государь передъ обѣднею посѣтилъ умирающаго Берга, и вскорѣ получено было свѣдѣніе о его смерти.

Бергъ отличался своею придворною ловкостью, поэтому многіе замѣчали, что онъ не поддержалъ этой репутаціи, нарушивъ своею смертію

за нѣсколько дней до свадьбы великой княжны тогдашнее настроеніе. Бергъ желалъ быть похороненнымъ въ своемъ имѣніи. Его тѣло поспѣшили 8-го января отпѣть въ лютеранской церкви и вывезти изъ Петербурга. Онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена и множество иностранныхъ. При перевозкѣ тѣла до кладбища, а въ случаѣ похоронъ внѣ столицы—до станціи жел. дороги, каждый знакъ отличія, положенный на бархатную подушку, несется чиновнымъ лицомъ, имѣющимъ, при похоронахъ значительныхъ лицъ, двухъ ассистентовъ. Поспѣшность, съ которою хотѣли вывезти изъ Петербурга тѣло Берга, затруднила бы назначеніе такого большого числа офицеровъ къ орденамъ покойнаго, а потому Государь приказалъ для всѣхъ иностранныхъ орденовъ имѣть одну подушку, что соблюдать и впослѣдствіи при похоронахъ русскихъ кавалеровъ иностранныхъ орденовъ.

Графъ Г. А. Строгановъ, кавалеръ 16 иностранныхъ орденовъ, сказалъ мнѣ въ шутку, что иныхъ изъ этихъ орденовъ никогда во всю жизнь не приходится надѣть, и единственнымъ утѣшеніемъ была надежда на то, что съ полученіемъ каждаго ордена прибавится одна подушка при похоронахъ, а теперь нѣтъ и этого утѣшенія.

15-го января была назначена свадьба Василія Ивановича Солдатенкова, племянника извѣстнаго богача-раскольника Козьмы Терентьевича Солдатенкова, съ прелестною Варварою Григорьевной Филипсонъ, дочерью моего стараго пріятеля. Меня пригласили быть ея посаженнымъ отцомъ. Еще въ 1870 году было замѣтно, что Солдатенковъ ухаживалъ за старшею дочерью Филипсонъ, и всѣ ожидали, что онъ вскорѣ сдѣлаетъ предложеніе, но весною 1871 года онъ уѣхалъ въ Америку на продолжительное время. Здоровье В. Г. Филипсонъ всегда было не очень цвѣтущее, а съ отъѣздомъ Солдатенкова оно все ухудшалось. Осенью 1873 года жена Филипсона съ семействомъ вернулась изъ-за границы и съ ними пріѣхалъ Солдатенковъ, объявленный женихомъ.

Полагаютъ, что онъ ѣздилъ въ Америку по требованію своего дяди, который, не желая предположеннаго имъ брака, думалъ этою поѣздкою перемѣнить намѣреніе молодого Солдатенкова. Съ пріѣздомъ послѣдняго здоровье его невѣсты хотя и поправилось, но все же она была такъ слаба, что затруднялась подняться по лѣстницѣ въ церковь министерства внутреннихъ дѣлъ, которую выбралъ ея женихъ для совершенія бракосочетанія, не обративъ вниманія на слабое здоровье невѣсты. Я велъ ее подъ руку по лѣстницѣ до церкви. На третій день свадьбы Солдатенковы уѣхали за границу, такъ что до своего отъѣзда ни у кого не были, кромѣ моей жены, которая очень любила молодую,—и какъ было не любить это во всѣхъ отношеніяхъ прелестное существо!

Солдатенковы пріѣхали въ Римъ въ самый разгаръ карнавала, первaго по перенесеніи въ этотъ городъ столицы Италіи, и потому, несмотря на свое богатство, не могли найти порядочнаго помѣщенія. Вскорѣ здо-

ровье молодой сильно разстроилось. Къ ней поѣхала ея мать съ другою своею дочерью Надеждою, которую обыкновенно звали Диною.

9-го апрѣля, вставъ съ постели, я получилъ вдругъ двѣ телеграммы изъ Рима: въ одной просили меня приготовить Г. И. Филипсона къ близкой кончинѣ его дочери, имъ горячо любимой, а въ другой объ объявленіи ему о ея кончинѣ. Я немедля поѣхалъ къ Филипсону. Встрѣтивъ его на Невскомъ проспектѣ, я вышелъ изъ кареты съ тѣмъ, чтобы сначала умолчать о смерти его дочери, но онъ безъ моего извѣщенія самъ догадался, что значилъ мой ранній къ нему выѣздъ. Онъ шелъ въ почтамтъ, доѣхалъ со мною въ каретѣ до почтамта, гдѣ, получивъ какой-то конвертъ, простился со мною, но я не рѣшился отпустить его одного и довезъ до его квартиры.

Вскорѣ вернулись жена Филипсона съ дочерью Надеждою и Солдатенковъ.

Похоронивъ свою жену въ Кунцевѣ близъ Москвы, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нанялъ верхній этажъ дома Лубяновскаго въ Троицкомъ переулкѣ противъ квартиры Филипсона и, пока отдѣлывали нанятое имъ помѣщеніе, поселился у Филипсона въ той комнатѣ, въ которой жила покойная его жена. Онъ продолжалъ обращаться со второю дочерью Филипсона Надеждою, какъ съ сестрою, и ѣздилъ съ ней по городу. По переходѣ Солдатенкова въ нанятую имъ квартиру, она съ младшими сестрами проводила у него все то время, которое онъ бывалъ дома. Это подало поводъ къ непріязненнымъ толкамъ, такъ что я рѣшился заявить о нихъ Г. И. Филипсону. Многіе обвиняли его жену, что она допустила такое сближеніе между молодыми людьми, которые часто сиживали вдвоемъ до поздней ночи, такъ какъ она по болѣзни уходила рано спать. Всѣ были убѣждены, что она изъ пустого тщеславія желаетъ выдать вторую дочь за Солдатенкова. Это не допускается нашимъ закономъ, а потому находили, что она безумно губитъ свою дочь, тѣмъ болѣе, что Солдатенкова считали не только пустымъ, но и развратнымъ.

Впослѣдствіи мы узнали, что она противилась браку своей дочери съ Солдатенковымъ и что отношенія между послѣдними, вѣроятно, ускорили ея смерть. Тѣмъ не простительнѣе было ей допускать такое сближеніе второй своей дочери съ Солдатенковымъ. Жена Филипсона умерла въ началѣ 1875 года, и вскорѣ Филипсонъ со всѣмъ семействомъ уѣхалъ за границу. Солдатенковъ поѣхалъ за ними и обвѣнчался со второю дочерью Филипсона 17 сентября 1875 года въ Мюнхенѣ въ греческой церкви. Въ этомъ городѣ русской церкви нѣтъ.

Послѣ свадьбы молодые поѣхали на Востокъ, зиму провели въ Египтѣ, во время убійства султана въ Константинополѣ жили въ этомъ городѣ, откуда лѣтомъ вернулись въ Кунцево, а позднею осенью въ Петербургъ. Вторая жена Солдатенкова, высокая, стройная и недурная собою женщина, далеко не обладаетъ прелестью и умомъ своей старшей сестры, его первой жены. Г. И. Филипсонъ съ младшими дѣтьми, послѣ свадьбы Солдатенковыхъ, вернулся въ Петербургъ.

Въ февралѣ 1874 года я былъ на свадьбѣ И. К. Ренара съ дочерью сенатора Гизети. Объ этой свадьбѣ и о причинѣ развода Ренара съ первою женою я упоминалъ въ VII главѣ «Моихъ воспоминаній». Прибавлю здѣсь, что хотя первая его жена была протестантка и Ренаръ имѣлъ свидѣтельство, что она вышла замужъ въ Германіи, но римско-католическое духовенство не соглашалось признать его первый бракъ расторгнутымъ, и потому онъ могъ вѣнчаться только въ православной церкви, къ которой принадлежала его жена. Въ день новаго 1874 года онъ, обѣдая у меня, говорилъ, что жизнь его надломлена такъ, что ничего не улыбается ему впереди, а вскорѣ сдѣлался женихомъ. Хлопоты съ римско-католическимъ духовенствомъ и другія не дозволяли ему вѣнчаться ранѣе масляницы. Извѣстно, что на этой недѣлѣ, во весь Великій постъ и на Святой недѣлѣ браковъ въ Православной церкви не совершается, а потому вѣнчаніе Ренара происходило по особому разрѣшенію Петербургскаго митрополита. Вскорѣ послѣ свадьбы молодые уѣхали за границу. Вернувшись, они лѣто прожили въ Царскомъ Селѣ, гдѣ довольно часто бывали у насъ.

13 марта 1874 года я получилъ слѣдующую телеграмму изъ Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища:

«Празднуя сегодня вторую годовщину открытія училища глубокоуважаемаго имени вашего, приносимъ сердечное поздравленіе вашему превосходительству со днемъ рожденія. Чижовъ, Павловъ, Шмидтъ, Мамонтовъ, Чероковъ, Владиславлевъ, Зерчаниновъ, Андреевъ, Подберезскій, Чернышовъ, Оррей и всѣ ученики училища».

Въ бытность мою въ Карлсбадѣ въ 1873 году министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ очень досадовалъ на то, что послѣ оставленія мною министерства путей сообщенія, въ продолженіе двухъ лѣтъ, ничего не дѣлается по желѣзнымъ дорогамъ, кромѣ громкихъ обѣщаній, а между тѣмъ время, въ которое можно выгодно найти нужные на ихъ постройку капиталы, уходитъ и нѣкоторыя части Россіи остаются безъ этихъ полезныхъ путей. Не думаю, впрочемъ, чтобы Рейтерна очень огорчало это послѣднее обстоятельство. Гораздо вѣроятнѣе, что его тревожила невозможность сдѣлать новый выпускъ консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій на металлическую валюту, которыми онъ ежегодно уплачивалъ проценты по заграничнымъ государственнымъ долгамъ. Впрочемъ, въ 1871 году послѣ 21 мая и въ 1872 году было уступлено довольно значительное число верстъ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1871 году 10 іюля утверждены: вѣтви къ Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ—Карабановская, длиною 10 верстъ, и къ Грязе-Царицынской—Урюпинская, длиною $32\frac{1}{2}$ версты. 24-го іюля утверждено положеніе о желѣзной дорогѣ Гутуевскаго товарищества въ С.-Петербургѣ, длиною $7\frac{1}{2}$ верстъ. 29-го іюля утверждены концессіи на Лозово-Севастопольскую и на Ландварово-Роменскую желѣзныя дороги, первая длиною $613\frac{1}{2}$, а послѣдняя—711,1 верстъ. 26-го ноября уступленъ Знаменско-Николаевскій участокъ Харьково-Николаевской желѣзной до-

роги, длиною 223,2 верстъ. Всего въ послѣдніе 7 мѣсяцевъ 1871 года уступлено 1597⁴/₅ верстъ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1872 году уступлены: 11-го февраля участокъ Балтійской желѣзной дороги отъ Краснаго Села до Гатчины, длиною 22½ версты; 18-го марта участки Митавской желѣзной дороги отъ Митавы до Можейки, станціи на Либавской желѣзной дорогѣ, длиною 91 верста, и Либавской желѣзной дороги отъ ст. Радзивилишки на этой дорогѣ до станціи Калкуны на С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ, длиною 185½ верстъ; 28-го апрѣля уступлены Моршанско-Сызранская и Ряжско-Вяземская желѣзныя дороги, первая длиною 500, а послѣдняя 570¼ верстъ; 23-го іюня уступленъ участокъ Новоторжской желѣзной дороги отъ Торжка до Ржева, длиною 95¼ верстъ; 2-го іюля уступлена Ростово-Владикавказская желѣзная дорога, длиною 651 верста, и 15-го декабря Боровичская желѣзная дорога, длиною 28 верстъ; итого въ 1872 году уступлено желѣзныхъ дорогъ 2143½ верстъ. Всего же въ означенныя два періода, составляющихъ 19 мѣсяцевъ, уступлено 3741,3 верстъ,— протяженіе, по моему мнѣнію, весьма значительное. Но Рейтернъ считалъ, что еще во время управленія мною министерствомъ путей сообщенія вполнѣ были подготовлены къ уступкѣ вышепоказанныя желѣзныя дороги, сданныя въ 1871 году и 1872 году, за исключеніемъ участковъ Знаменско-Николаевскаго, длиною 223,2 версты, Митаво-Можейковскаго, длиною 91 верста, Радзивилишко-Калкунскаго, длиною 186½ верстъ, Торжско-Ржевскаго, длиною 95¼ верстъ, и желѣзныхъ дорогъ Ряжско-Вяземской, длиною 570¼, и Боровичской 28 верстъ, такъ что онъ считалъ уступленными въ управленіе министерствомъ путей сообщенія графа А. П. Бобринскаго всего 1007,7 верстъ.

Осенью 1873 года графъ А. П. Бобринскій представилъ уставы на учрежденіе обществъ желѣзныхъ дорогъ Оренбургской, длиною 512 верстъ, Уральской горнозаводской, длиною 623,5 верстъ, Фастовской, длиною 341 верста, и Привислянской, 192 версты, а всего 1969 верстъ. Эти общества должны были образоваться новымъ порядкомъ, изобрѣтеннымъ графомъ А. П. Бобринскимъ. По дѣйствовавшему до сего времени постановленію, общества желѣзныхъ дорогъ учреждались лицами, которымъ съ этою цѣлью было уступаемо правительствомъ устройство желѣзныхъ дорогъ и ихъ эксплоатація на извѣстномъ протяженіи. Выборъ этихъ лицъ зависѣлъ отъ министра путей сообщенія, а слѣдовательно могъ быть ему навязываемъ.

Въ X главѣ «Моихъ воспоминаній» я подробно изложилъ, какъ графу А. П. Бобринскому былъ навязываемъ С. С. Поляковъ въ учредители общества Ростово-Владикавказской желѣзной дороги и что только графу П. А. Шувалову онъ былъ обязанъ тѣмъ, что за неотдачу этой дороги Полякову не поплатился своимъ мѣстомъ. Во избѣжаніе на будущее время такого шаткаго положенія министра путей сообщенія при каждой уступкѣ желѣзныхъ дорогъ, графъ А. П. Бобринскій предложилъ новыя правила отдачи желѣзныхъ дорогъ, которыя были Высочайше утверждены 30 марта 1873 года.

По этимъ правиламъ всѣ предварительныя изысканія, необходимыя какъ для точнаго направленія пути, такъ и для опредѣленія его стоимости, дѣлаются исключительно на казенный счетъ. Самая постройка производится двумя способами: или на счетъ казны, или посредствомъ акціонернаго общества. Комитетъ министровъ, опредѣливъ по представленію министра путей сообщенія, къ постройкѣ какихъ именно линій имѣетъ быть приступлено въ теченіе года, опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и одинъ изъ двухъ указанныхъ выше способовъ самой постройки. Въ случаѣ предоставленія предпріятія акціонерному обществу, министерство путей сообщенія представляетъ въ комитетъ министровъ проектъ устава общества вмѣстѣ съ необходимыми техническими свѣдѣніями и смѣтами. Образованію общества предшествуютъ слѣдующія мѣры: а) опубликованіе устава, техническихъ условій и разцѣночной вѣдомости и б) учрежденіе изъ представителей министерствъ путей сообщенія, финансовъ и государственнаго контроля особой учредительной комиссіи изъ трехъ членовъ.

Съ избраніемъ первымъ общимъ собраніемъ правленія общества, обязанности учредительной комиссіи прекращаются и образовавшаяся акціонерная компанія вступаетъ во всѣ права свои. Въ составъ правленія образованной на этомъ основаніи компаніи обязательно входитъ одинъ директоръ по назначенію отъ министерства путей сообщенія. Капиталъ, принадлежащій образовавшемуся на этомъ основаніи обществу, находится въ вѣдѣніи министра финансовъ и отпускъ суммъ производится правленію не иначе, какъ по свидѣтельствамъ министерства путей сообщенія.

Сверхъ сего, сдѣланы еще нѣкоторыя измѣненія въ правахъ и обязанностяхъ правленій обществъ желѣзныхъ дорогъ въ сравненіи съ тѣми, которыя имъ предоставлялись въ прежде утвержденныхъ уставахъ обществъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ ноябрѣ 1873 года были Высочайше утверждены уставы четырехъ вышеупомянутыхъ дорогъ, но впослѣдствіи найдено, кажется, по указанію министра финансовъ Рейтерна, необходимымъ сдѣлать въ этихъ четырехъ уставахъ измѣненія, и за симъ они окончательно утверждены 22 февраля 1874 года.

Вышеупомянутая учредительская комиссія должна была дѣйствовать только до образованія общества. Это образованіе по уставамъ производится слѣдующимъ образомъ:

Акціи общества предлагаются къ публичной подпискѣ по распоряженію министра финансовъ. Министръ финансовъ опредѣляетъ финансовыя условія подписки на акціи общества, причемъ указываетъ нарицательную стоимость акціонернаго капитала*), нарицательную цѣну каждой акціи, подписную цѣну на акціи, сроки и размѣры взносовъ, порядокъ разверстки, назначеніе времени и мѣста подписки и проч., а

*) Капиталъ этотъ основывается на исчисленіи стоимости жел. дороги, сдѣланномъ въ министерствѣ путей сообщенія.

также наблюдаетъ за самимъ производствомъ подписки. О послѣдствіяхъ подписки и разверстки министръ финансовъ доноситъ Правительствующему Сенату. Одновременно съ симъ, по распоряженію министра финансовъ, созывается первое общее собраніе, которое должно быть созвано не позже мѣсяца послѣ перваго о семъ объявленія. Это собраніе имѣетъ предметомъ: 1) удостовѣреніе въ наличности денежныхъ взносовъ по акціямъ; 2) повѣрку правъ акціонеровъ по выданнымъ имъ временнымъ свидѣтельствамъ на участіе въ общемъ собраніи; 3) выборъ въ правленіе директоровъ и кандидатовъ къ никъ; 4) назначеніе срока созыва второго общаго собранія и 5) порученіе правленію выработать: а) планъ дѣйствій по осуществленію предпріятія, для представленія его на разсмотрѣніе и утвержденіе второго общаго собранія, и б) исполнительный проектъ сооруженія дороги и всѣхъ ея принадлежностей, а также согласную съ проектомъ исполнительную разцѣночную вѣдомость, для представленія на утвержденіе министра путей сообщенія. Первое общее собраніе происходитъ подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго для сего министромъ путей сообщенія.

Подписка на акціи упомянутыхъ четырехъ обществъ была назначена въ апрѣлѣ 1874 года. Передъ этимъ временемъ появились въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ рекламы отъ министерства путей сообщенія, писанныя извѣстнымъ литераторомъ Головачевымъ и Владиміромъ Михайловичемъ Жемчужниковымъ, служившимъ при графѣ А. П. Бобринскомъ. Къ № 354-му «Петербургскихъ Вѣдомостей», въ концѣ декабря 1873 года, было приложено даже особое прибавленіе на печатномъ листѣ подъ заглавіемъ: «Новый порядокъ въ выдачѣ концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ»,—заглавіемъ не совсѣмъ точнымъ, потому что въ этомъ порядкѣ собственно концессій не давалось. Въ этихъ рекламахъ не всегда раціонально осуждались прежніе способы образованія обществъ желѣзныхъ дорогъ и выставлялись преимущества новаго способа, даже съ примѣсью лжи. Полагали, что по новому способу подписка на акціи будетъ доступна людямъ, не имѣющимъ состоянія, и что такъ какъ всѣ акціонеры допускаются по уставамъ въ общія собранія для обсужденія дѣлъ общества, а имѣющіе 30 акцій съ правомъ голоса, то акціонеры будутъ съ большею охотою заниматься дѣлами общества.

Но легко было предвидѣть, что едва ли найдется много желающихъ брать акціи на дѣло, почти никому незнакомое, и при неизвѣстности, кто будетъ имъ управлять. При обсужденіи правилъ 30 марта въ высшихъ правительственныхъ сферахъ я обращалъ на это вниманіе К. В. Чевкина. Сверхъ того, если и допустить невозможность, именно, что акціи будутъ разобраны множествомъ лицъ, то легко ли бы состоялось первое общее собраніе акціонеровъ, на которомъ тысячи незнакомыхъ между собою лицъ должны были выбрать членовъ правленія общества? Явно, что подобные выборы едва ли могли бы состояться. Для того, чтобы привлечь большую массу людей къ подпискѣ на акціи, графъ А. П. Бобринскій полагалъ

выпустить акціи, гарантированныя правительствомъ 5% по пониженной цѣнѣ, именно по 84 за 100. Министръ финансовъ Рейтернъ не могъ допустить этой цѣны, такъ какъ 5%, гарантированныя правительствомъ, бумаги стояли тогда по 96 за 100 и объявленіе подписки на акціи по столь низкой цѣнѣ послужило бы къ упадку прочихъ процентныхъ бумагъ. Онъ убѣжденъ былъ, что подписка состоится при цѣнѣ на акціи al-pari. Это разногласіе двухъ министровъ было перенесено въ высшій финансовый комитетъ, который согласился съ мнѣніемъ министра финансовъ, и цѣна акцій при подпискѣ была объявлена въ сто за сто. Подписки на акціи четырехъ желѣзныхъ дорогъ были покрыты въ нѣсколько десятковъ разъ; между ними Уральской въ 50, а Привислянской въ 174 раза. Этимъ объясняется временное общее безденежье и безпримѣрная биржевая игра.

Графъ А. П. Бобринскій полагалъ изобрѣтеннымъ имъ способомъ подписки на акціи уничтожить биржевую игру акціями, но именно этотъ способъ далъ поводъ къ этой игрѣ въ размѣрахъ, еще не видѣнныхъ въ Россіи.

Передъ наступленіемъ сроковъ, назначенныхъ къ подпискѣ на акціи, капиталисты изъ бывшихъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей, чтобы имѣть возможность подписаться на наибольшую часть акцій, начали занимать капиталы, давая за нихъ по 3% на нѣсколько дней, а чтобы не показать, что они будутъ единственными акціонерами, набрали подставныхъ лицъ для подписки на акціи и вмѣстѣ съ тѣмъ условились между собою не мѣшать другъ другу, предоставивъ подписку на желѣзныя дороги: Уральскую—П. І. Губонину и В. А. Кокореву, Фастовскую—С. С. Полякову, Оренбургскую—М. А. Варшавскому, а Привислянскую—Полякамъ, которые, какъ увидимъ ниже, не могли согласиться между собою. Небольшое число акцій на первыя три желѣзныя дороги, которое удалось взять лицамъ постороннимъ, конечно, было у нихъ куплено за высшую цѣну упомянутыми предпринимателями. Такимъ образомъ устройство желѣзныхъ дорогъ осталось въ рукахъ прежнихъ строителей съ тѣми же неограниченными правами, какія они имѣли и прежде. Но прежде при отдачѣ концессіи правительство имѣло право выбирать концессіонеровъ; при новомъ же порядкѣ оно потеряло это право. Сверхъ того нѣсколько дней передъ открытіемъ подписокъ всѣ банки оставались безъ денегъ, что я испыталъ на самомъ себѣ.

Въ апрѣлѣ наступилъ срокъ купонамъ по нѣкоторымъ, мнѣ принадлежавшимъ, процентнымъ бумагамъ. Уплату по этимъ купонамъ я обыкновенно получалъ въ извѣстной банковой конторѣ Э. Мейера, но въ апрѣлѣ 1874 года мнѣ отказали въ уплатѣ денегъ по купонамъ, отсылая меня въ другія конторы. На мой отказъ перемѣнить контору для полученія уплаты по купонамъ, меня спросили, очень ли нужны мнѣ деньги сейчасъ, и когда я сказалъ, что могу обождать, меня просили придти черезъ недѣлю, а всего приходилось мнѣ получить по купонамъ 700 руб.

То же безденежье въ банкахъ было не только въ Петербургѣ и Москвѣ,

гдѣ происходила подписка, но и въ ближайшихъ къ нимъ городахъ, что мнѣ передавали вполнѣ достовѣрныя лица. Это временное общее безденежье имѣло весьма дурное вліяніе на ходъ торговли и вообще всѣхъ дѣлъ. Относительно же того, что будто бы по новымъ уставамъ мелкіе акціонеры пріобрѣтаютъ большія права, чѣмъ въ прежнихъ уставахъ, то это не вѣрно. Въ новыхъ уставахъ предоставленъ акціонерамъ, имѣющимъ 30 акцій, одинъ голосъ, а имѣющимъ болѣе—еще по голосу на каждыя 30 акцій съ тѣмъ, чтобы число голосовъ одного лица не превышало $^1/_{10}$ всѣхъ голосовъ, такъ что въ обществѣ Уральской желѣзной дороги одинъ акціонеръ можетъ имѣть 219 голосовъ.

Прежніе уставы были въ этомъ отношеніи либеральнѣе: по нимъ никто не имѣлъ права болѣе чѣмъ на 10 голосовъ. По многимъ изъ нихъ для права голоса требовалось имѣть менѣе 30 акцій; такъ, между прочимъ, въ уставѣ общества Московско-Ярославской желѣзной дороги, утвержденномъ еще въ 1859 году, право голоса въ общемъ собраніи дано владѣющему 10 акціями, а владѣющимъ менѣе чѣмъ 10 акціями предоставлено соединять оныя для полученія права голоса. Допущеніе же по новымъ уставамъ, слѣдовательно вполнѣ законнымъ образомъ, имѣть одному лицу двѣсти и болѣе голосовъ въ общемъ собраніи акціонеровъ можетъ только послужить еще къ большему недовѣрію мелкихъ акціонеровъ къ дѣлу.

Въ новыхъ же правилахъ на отдачу желѣзныхъ дорогъ я находилъ опаснымъ, что онѣ отдавались не по конкуренціи, а по смѣтѣ, составленной инженеромъ путей сообщенія, производившимъ изысканія. Послѣдній можетъ, по соглашенію съ тѣмъ лицомъ, которое будетъ имѣть въ виду взять большее число акцій на желѣзную дорогу, увеличить въ ней количество работъ и выставить высокія цѣны, повѣрка чего въ Петербургѣ не всегда возможна. Дѣйствительно, строительныя цѣны за версту вышеупомянутыхъ дорогъ по смѣтамъ были исчислены довольно высокія, а именно: Уральской 44.289р., Оренбургской 48.286 р. и Фастовской 37.211 р. Впрочемъ, эти высокія цѣны были назначены министерствомъ путей сообщенія въ надеждѣ строить эти дороги казною, но когда эта надежда исчезла, то министерство, несмотря на то, что уже заявило вышеприведенныя цѣны комитету министровъ, распорядилось убавить цѣну версты дорогамъ: первой до 41.905 р., второй до 44.100 р., а о третьей я не имѣю подъ рукою свѣдѣній. Стоимости же одной версты послѣднихъ желѣзныхъ дорогъ, уступленныхъ концессіонерамъ по конкуренціи, были гораздо меньшія, даже при негарантированіи правительствомъ акцій, а гарантированіи только облигацій, составлявшихъ не $^3/_4$, а $^2/_3$ всего основного капитала. Такимъ образомъ основной капиталъ Либавской желѣзной дороги на версту составлялъ 43.500 р., такъ что по формулѣ, приведенной въ X главѣ «Моихъ воспоминаній» $A = \frac{50}{4} . x + 75 . \frac{3}{4} x + 0{,}07\ x$, въ которой A строительный, а X основной капиталъ, сдѣлавъ въ ней измѣненія въ виду выпуска акцій на $^1/_3$, а не на $^1/_4$, а облигацій на $^2/_3$, а не на $^3/_4$ всего капитала,

$A = 50 \cdot \frac{x}{3} + 75 \cdot \frac{2}{3}x + 0{,}07x = 29.032$ рублямъ, слѣдовательно, строительный капиталъ Либавской желѣзной дороги менѣе такового на Уральскую желѣзную дорогу на 12.000 р., а на Оренбургскую слишкомъ на 15.000 р.

При прежнемъ порядкѣ уступки желѣзныхъ дорогъ посредствомъ конкуренціи между концессіонерами, они сами опредѣляли стоимость уступленной желѣзной дороги, а слѣдовательно не имѣли права предъявлять претензіи, если эта стоимость оказывалась недостаточною. При новомъ же способѣ стоимость желѣзной дороги опредѣлялась правительственными инженерами, и слѣдовательно, въ случаѣ ея недостаточности, акціонеры общества получаютъ право жаловаться на то, что они повѣрили заявленнымъ правительствомъ смѣтамъ, которыхъ они не имѣли средствъ повѣрить; и затѣмъ правительству едва-ли возможно будетъ отказаться отъ пособія обществу пополненіемъ суммы, недостающей на постройку дороги, несмотря на то, что въ концѣ § 37 уставовъ упомянутыхъ трехъ желѣзныхъ дорогъ сказано:

«За точнымъ опредѣленіемъ въ семъ уставѣ предоставленныхъ правительствомъ пособій и льготъ, общество, его кредиторы и держатели акцій не вправѣ простирать никакихъ новыхъ денежныхъ или иныхъ требованій къ правительству и потому, если бы до совершеннаго окончанія дороги, во всемъ согласно съ симъ уставомъ и техническими условіями, приложенными къ оному, расходъ общества превзошелъ основной капиталъ, то общество обязано безъ содѣйствія правительства изыскать средства, необходимыя для окончанія дороги и удовлетворенія своихъ кредиторовъ, если бы таковые оказались. При семъ отнюдь не должно быть нарушено право держателей акцій на полученіе полностью гарантированнаго по онымъ дохода».

Это явная нелѣпость: гдѣ же общество можетъ изыскать денежныя средства для окончанія дороги, не нарушая права акціонеровъ на полученіе полной по акціямъ гарантіи? Въ прежнихъ уставахъ требовался залогъ, который оставался у правительства до окончанія постройки дороги; въ новыхъ же уставахъ ничего о залогѣ не упоминается.

Факты убѣдили въ несостоятельности изобрѣтеннаго графомъ А. П. Бобринскимъ способа подписки на акціи: онъ былъ причиною продолжавшагося нѣсколько дней общаго безденежья и страшной биржевой игры и привелъ къ тому, что устройство уступленныхъ желѣзныхъ дорогъ попало въ руки прежнихъ желѣзнодорожныхъ строителей. Агенты Бобринскаго въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Вѣстникѣ Европы» и другихъ періодическихъ изданіяхъ старались доказать, что означенный способъ не достигъ своей цѣли, потому что онъ былъ дурно выполненъ. Они находили, что цѣна акціямъ должна была быть пониженная, что о подпискѣ на нихъ должно было объявить мѣсяца за два до срока подписки, которую слѣдовало допустить въ 10 или 12 большихъ городахъ, а не въ однѣхъ столицахъ. Въ своихъ статьяхъ они явно обвиняли министра финансовъ за не-

успѣхъ способа, изобрѣтеннаго Бобринскимъ, тогда какъ только Рейтерну обязаны тѣмъ, что способъ Бобринскаго не довелъ многихъ до разоренія.

О невыгодности выпуска акцій по пониженной цѣнѣ я говорилъ выше. Ясно, что отъ этой мѣры владѣльцы процентныхъ бумагъ понесли бы значительные убытки, а акціи были бы взяты тѣми же желѣзнодорожными представителями, которые очень рады были бы получить ихъ по 84 за 100, а не al pari. Подписка на акціи, продолжавшаяся недѣли двѣ, затруднила не только торговлю, но и обычную жизнь. До чего же достигли бы эти затрудненія, если бы она производилась два мѣсяца и еще въ нѣсколькихъ городахъ, изъ которыхъ свѣдѣнія о подпискѣ, конечно, образовали бы безвыходную путаницу?

. . Всѣ эти вредныя послѣдствія легко было предвидѣть не только Русскому, но и иностранцу. Дѣйствительно, въ апрѣльской книжкѣ Лейпцигскаго журнала «Unsere Zeit» помѣщена была статья: «Россія въ концѣ 1874 года», въ которой, при разъясненіи между прочимъ способа, предложеннаго графомъ А. П. Бобринскимъ, составлять общества жел. дорогъ безъ учредителей, выражена, въ виду утвержденія этого способа комитетомъ министровъ, мысль, до какой степени административная наука еще молода въ Россіи, и удивленіе, что люди, подобные военному министру Милютину и министру финансовъ Рейтерну, могли допустить этотъ способъ, явно безсмысленный для всякаго разумнаго человѣка. Кстати скажу, что вышеупомянутая статья написана съ большимъ знаніемъ Россіи. Въ ней очень хвалятъ Милютина и Рейтерна и достается министру народнаго просвѣщенія графу Толстому за излишнее его усердіе къ введенію изученія юношествомъ древнихъ языковъ. Для образца того, что въ ней говорится о лицахъ, стоящихъ во главѣ управленій, приведу вкратцѣ сказанное объ управлявшихъ путями сообщенія въ продолженіе послѣднихъ 40 лѣтъ. О графѣ Толѣ сказано, что онъ былъ хорошій военный человѣкъ, но не администраторъ; о графѣ Клейнмихелѣ, что онъ полагалъ возможнымъ заставить пути сообщенія маршировать, какъ солдатъ; о Чевкинѣ, что, несмотря на его умъ и обширныя знанія, онъ терялся въ деталяхъ, которыя перескакивали черезъ его голову; о Мельниковѣ, что апатія убила въ немъ его достоинства; о графѣ В. А. Бобринскомъ, что онъ рыцарь безъ страха и упрека, но не былъ на высотѣ своего назначенія, и потому скоро его оставилъ, передавъ мѣсто своему двоюродному брату графу А. П. Бобринскому, и этимъ сдѣлалъ Россіи болѣе вреда, чѣмъ если бы самъ еще продолжалъ управлять десятокъ лѣтъ вѣдомствомъ путей сообщенія; о Посьетѣ, что онъ назначенъ недавно, и потому только будущее покажетъ, чѣмъ онъ будетъ. У меня нѣтъ этой статьи, а потому я изложилъ изъ нея вышеприведенную выписку по тому впечатлѣнію, которое она произвела на меня при ея чтеніи тому назадъ полтора года (писано въ декабрѣ 1876 года).

Я выше сказалъ, что подписка на акціи Привислянской жел. дороги была предоставлена желѣзнодорожными строителями Полякамъ, которые не могли согласиться между собою о томъ, кому предоставить взять всѣ

акціи на эту дорогу. Явилось два соперника: Кроненбергъ, пріобрѣвшій почти $^2/_3$ всѣхъ акцій, и женатый на его родной племянницѣ Бліохъ, пріобрѣвшій нѣсколько болѣе $^1/_3$ акцій. По уставу рѣшенія общаго собранія акціонеровъ признаются дѣйствительными при большинствѣ $^2/_3$ голосовъ, такъ что въ общихъ собраніяхъ, по доставленнымъ Кроненбергомъ и Бліохомъ акціямъ, не могли придти къ положительнымъ заключеніямъ. Пріобрѣтеніе акцій отъ подписавшихся на нихъ постороннихъ лицъ стоило, какъ говорятъ, Кроненбергу до 1.000.000 руб., а Бліоху до 600.000 руб., сверхъ номинальной цѣны акцій.

Между тѣмъ дѣло отъ возникшихъ между двумя партіями споровъ впередъ не подвигалось. Въ концѣ лѣта оба соперника, какъ будто сговорившись, обратились ко мнѣ съ просьбой уладить ихъ дѣло. Они пріѣзжали ко мнѣ съ этою цѣлью нѣсколько разъ въ Царское Село. Были придумываемы разныя соглашенія и между прочими покупка Кроненбергомъ всѣхъ акцій Бліоха, съ вознагражденіемъ издержанныхъ послѣднимъ суммъ на ихъ пріобрѣтеніе. Обѣ стороны изъявляли согласіе на выработанныя предположенія, но такъ какъ соперники пріѣзжали ко мнѣ не въ одно время, то всегда впослѣдствіи находились причины къ разногласію между ними. Наконецъ, они мнѣ надоѣли: я пересталъ ихъ принимать и не знаю, чѣмъ они порѣшили свой споръ; постройка же дороги теперь (въ декабрѣ 1876 года) почти окончена.

Графъ А. П. Бобринскій, желая имѣть болѣе вліянія на правленіе обществъ частныхъ жел. дорогъ, намѣревался требовать, чтобы всѣ эти правленія помѣщались въ Петербургѣ и чтобы въ нихъ были назначены директора отъ правительства, въ видѣ прокуроровъ. Первая мысль вполнѣ безумная: только и могутъ хорошо дѣйствовать тѣ правленія, которыя находятся на самыхъ линіяхъ жел. дорогъ, или по крайней мѣрѣ вблизи этихъ линій. Назначеніе же въ правленія директоровъ отъ правительства Бобринскій предполагалъ включить во всѣ уставы новыхъ жел. дорогъ, а прежнимъ дорогамъ навязывать ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Такимъ образомъ осенью 1873 года былъ назначенъ правительственный директоръ въ правленіе Козлово-Воронежской и Воронежско-Ростовской жел. дорогъ по случаю соединенія ихъ въ одно предпріятіе. Когда весною 1874 года я замѣчалъ С. С. Полякову, что мнѣ вчужѣ непріятно слышать постоянныя жалобы на его дороги, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что это все клеветы, и въ доказательство приводилъ то, что ни одно изъ дѣйствій правленія, въ которомъ онъ предсѣдателемъ, не было протестовано директоромъ отъ правительства Жемчужниковымъ, причемъ сознался, что Жемчужниковъ не бываетъ въ правленіи, а получаетъ только содержаніе изъ правленія по 5.000 руб. въ годъ, о чемъ упомянуто въ VIII главѣ «Моихъ воспоминаній», гдѣ было подробно изложено о безполезности и даже вредѣ назначенія правительственныхъ директоровъ въ правленія обществъ частныхъ жел. дорогъ.

Теперь (1876 годъ) служащіе въ министерствѣ путей сообщенія только и думаютъ о полученіи этой синекуры, и многіе изъ нихъ весьма недовольны тѣмъ, что я постоянно выражаю мое мнѣніе о безполезности правительственныхъ директоровъ. По поводу слуха о томъ, что предполагается впредь назначать въ акціонерныя общества правительственныхъ контролеровъ, въ «Финансовомъ Обозрѣніи» 11 ноября 1876 года помѣщена дѣльная статья, изъ которой приведу здѣсь выписку:

«Прежде всего позволимъ себѣ усумниться въ самой необходимости административнаго вмѣшательства во внутренніе распорядки акціонернаго хозяйства. Административное вмѣшательство тогда только имѣетъ вообще основаніе для своего существованія, когда оно представляется единственнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія данной цѣли, а если дѣло идетъ о частной предпріимчивости, хотя бы и интересующей все общество, то тогда только, когда частная предпріимчивость сама настоятельно требуетъ его. Имѣются ли въ данномъ случаѣ названныя условія, существенно необходимыя для того, чтобы административное вмѣшательство не превращалось во зло и ничѣмъ не оправдываемое стѣсненіе свободы промышленности? Мы, не колеблясь, отвѣчаемъ отрицательно: въ данномъ случаѣ этихъ условій нѣтъ. Ни общество, ни поддерживающая его интересы печать, никогда не заявляли требованія на административное вмѣшательство въ акціонерное хозяйство. Общество и печать требовали и продолжаютъ требовать реформы акціонернаго законодательства и возможности найти охрану для своихъ интересовъ въ судѣ. Общество очень ясно сознаетъ, что если оно въ настоящее время безсильно бороться съ злоупотребленіями правленій акціонерныхъ компаній, то это происходитъ не отъ того, чтобы оно было безсильно въ этомъ дѣлѣ вообще, а оттого, что оно не имѣетъ никакой твердой точки опоры въ законодательствѣ, и опять таки вслѣдствіе недостатковъ законодательства слишкомъ устранено отъ дѣйствительнаго управленія акціонернымъ предпріятіемъ. Потерпѣвшій акціонеръ стремится прежде всего прибѣгнуть къ суду, а не къ администраціи, потому что онъ очень хорошо знаетъ, что въ администраціи не можетъ найти никакой помощи, что администрація дѣйствуетъ болѣе или менѣе случайно, произвольно, ибо за ней, какъ и за акціонеромъ, точнаго и опредѣленнаго закона нѣтъ; нѣтъ и правильно организованной отвѣтственности. Общество желаетъ не административнаго вмѣшательства, въ которомъ оно уже давно разочаровалось, а законодательства и суда, въ силу и безпристрастіе которыхъ оно продолжаетъ вѣрить. Далѣе, административный контроль далеко не представляется единственнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ борьбы за охраненіе справедливыхъ интересовъ. Прежде всего заинтересованные сами должны охранять себя и несомнѣнно съумѣютъ это сдѣлать лучше правительства, если только ничто не будетъ стоять имъ на пути. Неужели администрація считаетъ акціонеровъ неспособными постоять за себя? Мы не думаемъ, чтобы могло сложиться подобное воззрѣніе, несмотря на многочисленныя

и извѣстныя злоупотребленія именемъ акціонеровъ. Мы очень хорошо знаемъ, что во многихъ предпріятіяхъ дѣйствуютъ подставные акціонеры, знаемъ также, что многіе изъ дѣйствительныхъ акціонеровъ очень холодно относятся къ своимъ интересамъ, но мы знаемъ также и совершенно противоположные факты, изъ которыхъ видно, какъ дважды два четыре, что безсиліе лежитъ не въ самомъ акціонерѣ, но что оно создается искусственно силами, находящими поддержку въ администраціи и въ неточности законодательства. Если министерство желаетъ поправить это путемъ правительственнаго контроля, то слѣдовательно оно желаетъ окончательно обезсилить акціонеровъ и заставить ихъ окончательно отказаться отъ охраненія собственными силами своихъ интересовъ. Немудрено, что при предполагаемомъ порядкѣ вещей акціонеры дѣйствительно превратятся въ стадо барановъ, и не простое, а пользующееся административной санкціей! Что теперешнее безсиліе акціонеровъ зависитъ не отъ нихъ, видно, напримѣръ, изъ того факта, что общее собраніе почти совершенно утратило всякое значеніе, какъ орудіе акціонеровъ, и превратилось въ аппаратъ для поддержанія во всемъ правленія. Акціонеръ, усматривая плутни правленія, въ которомъ, мимоходомъ сказать, засѣдаютъ часто лица, имѣющія вѣсъ въ администраціи, являются съ протестомъ въ общее собраніе, и что же выходитъ? Собраніе не только не поддерживаетъ его, но даже осмѣиваетъ. Отчего это происходитъ? Оттого, что общее собраніе есть собраніе не акціонеровъ, а лицъ, уполномоченныхъ правленіемъ. Какъ же это дѣлается? Очень просто; стоитъ только правленію опредѣлить, что къ участію въ общемъ собраніи допускаются не только тѣ, которые предъявятъ акціи, но и тѣ, которые вмѣсто нихъ представятъ удостовѣреніе отъ банковъ въ томъ, что они заложили тамъ свои акціи. Другой примѣръ—кто виноватъ въ безсиліи акціонера, если онъ не имѣетъ возможности своевременно и какъ слѣдуетъ ознакомиться съ отчетами правленія и провѣрить ихъ документами? Очевидно, что все это законодательныя погрѣшности, объ отмѣнѣ которыхъ администрація не желаетъ позаботиться, предлагая вмѣсто того свои услуги въ контролѣ.

«Административный контроль, далѣе, не есть дѣйствительное средство для устраненія злоупотребленій въ акціонерномъ хозяйствѣ. Если источникъ этихъ послѣднихъ заключается въ недостаточности общаго законодательства и въ неясности частныхъ уставовъ, то администрація должна оказаться столь же безсильной, какъ и акціонеры, потому что и она не будетъ имѣть твердой точки опоры въ своей дѣятельности. Быть можетъ, предполагается дать ей такія права, которыхъ общій законъ не даетъ и акціонерамъ? Но, во-первыхъ, ставить администрацію выше закона—вопіющее злоупотребленіе, а во-вторыхъ, отчего бы не предоставить (если уже допустить злоупотребленіе) такія права самимъ акціонерамъ? Безсиліе административнаго контроля вытекаетъ, наконецъ, съ логической необходимостью изъ невозможности правильнаго устройства его.

«Предполагается поставить контроль такъ, чтобы онъ не вмѣшивался

во внутреннія распоряженія правленія. Но, какъ же это сдѣлать? Развѣ знакомство со всѣми распоряженіями, даже самыми мелочными,—потому что часто все зависитъ отъ мелочей,—не есть вмѣшательство? Развѣ протестъ не есть вмѣшательство? Наконецъ, развѣ самый контроль въ принципѣ не есть вмѣшательство, не допускаемое ни нынѣ дѣйствующимъ законодательствомъ, ни основными требованіями свободы промышленности? Невмѣшательство слѣдовательно здѣсь только пустая фраза, а пора бы уже, кажется, отказаться отъ фразъ, которыя вообще только набрасываютъ неблаговидную тѣнь, нисколько не прикрывая существа дѣла. Чѣмъ же долженъ руководствоваться проектируемый контроль? Создать какую-нибудь инструкцію, состоящую изъ ряда точно проредактированныхъ и снабженныхъ номерами статей, конечно, невозможно. Наша администрація уже давно и совершенно основательно потеряла вѣру въ силу инструкцій, убѣдившись на практикѣ въ ихъ непримѣнимости къ такого рода дѣламъ, въ которыхъ все опредѣляется измѣняющимися условіями времени и мѣста, а потому предполагаемый контроль долженъ руководствоваться не только буквою, но и смысломъ постановленій. Это еще хуже: при существованіи инструкцій, несогласная съ ними мѣра представляется злоупотребленіемъ или превышеніемъ власти, на которое можно жаловаться; при руководствѣ же «смысломъ», «духомъ» постановленій—противозаконности болѣе нѣтъ, произволъ узаконенъ, потому что пониманіе «духа» чего-либо есть непремѣнно субъективный, произвольный процессъ. Слухи ничего не говорятъ объ отвѣтственности контроля, а между тѣмъ, если предполагается оставить акціонеровъ въ ихъ теперешнемъ положеніи, т.-е., связанными по рукамъ и по ногамъ, и замѣнить ихъ собственный контроль административнымъ, то надо же предоставить имъ право жалобы.

«А между тѣмъ практически это совершенно невозможно. Кому и на какомъ основаніи я буду жаловаться на поступки человѣка, дѣйствующаго на основаніи «смысла» какихъ-то постановленій? Впрочемъ, объ этомъ, вѣроятно, нисколько не думаютъ, будучи убѣждены, что контроль будетъ порученъ лицамъ вполнѣ благонадежнымъ».

Изъ моей переписки съ графомъ В. А. Бобринскимъ, приведенной въ X главѣ «Моихъ воспоминаній», видно, что мнѣ приходилось укрощать его порывы надѣлить всѣ мѣстности Россіи жел. дорогами; мои доводы—что многія изъ нихъ не только не будутъ приносить дохода на истраченный капиталъ, но даже содержаніе ихъ не будетъ окупаться, такъ что правительству придется платить большія суммы въ видѣ гарантіи по акціямъ и процентовъ по облигаціямъ, которыя оно удержало за собою по всѣмъ уставамъ жел. дорогъ, утвержденныхъ послѣ 1868 года. Эти новыя бездоходныя жел. дороги, сверхъ того, будутъ вредно дѣйствовать на движеніе по существующимъ жел. дорогамъ, убавляя перевозку по нимъ пассажировъ и грузовъ, а слѣдовательно убавляя ихъ доходы, и безъ того въ бо̀льшей

части случаевъ незначительные. Министръ финансовъ Рейтернъ не съ достаточною энергіею противился порывамъ Бобринскаго, вѣроятно, въ видѣ необходимости уплачивать проценты по внѣшнимъ государственнымъ долгамъ золотомъ, которое онъ замѣнялъ консолидированными облигаціями, выпускаемыми подъ новыя жел. дороги на металлическую валюту, о чемъ я уже упоминалъ выше. Но было очевидно, что наступитъ время, въ которое заграничные банкиры откажутся помѣщать облигаціи на новыя жел. дороги. Существовавшій до 1874 года, подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строганова, комитетъ жел. дорогъ, въ который вносились министромъ путей сообщенія предположенія о новыхъ жел. дорогахъ, былъ безполезною формальностью. Этотъ комитетъ уничтоженъ въ началѣ 1874 года, а дѣла, подлежащія его обсужденію, съ этого времени вносятся въ комитетъ министровъ, составъ котораго по этимъ дѣламъ дополняется всѣми бывшими членами комитета жел. дорогъ. По внесеніи графомъ А. П. Бобринскимъ въ апрѣлѣ 1874 года представленія въ комитетъ министровъ о включеніи въ сѣть жел. дорогъ свыше 5.400 верстъ, министръ финансовъ Рейтернъ рѣшился опровергнуть это слѣдующею запискою:

«Г. министръ путей сообщенія представилъ комитету министровъ о внесеніи въ Высочайше утвержденную сѣть желѣзнодорожныхъ линій и вѣтвей, простирающихся свыше 5.400 верстъ. Прибавляя къ этому свыше 2.600 в. по Высочайше утвержденной уже сѣти, общее протяженіе предполагающихся къ постройкѣ дорогъ превышаетъ 8.000 верстъ, на которыя предполагается нарицательнаго капитала отъ 350 до 400 мил. руб. метал., а ежегодной гарантіи отъ 20 до 23 мил. руб. кредит. Въ эти сѣти вовсе не входятъ еще Сибирская, а равно и Кавказскія дороги, о которыхъ придется рано или поздно подумать.

«Строющіяся и отданныя для построенія жел. дороги имѣютъ въ совокупности 231 мил. гарантированнаго капитала, съ ежегодною гарантіею 11.780.060 руб. метал., а въ кредитныхъ рубляхъ 13.180.000.

«Правительственные расходы по гарантіи жел. дорогъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.	Въ 1872 г.	Въ 1873 г.
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
«1) въ счетъ гарантіи дѣйствительно уплачено	7.042.000	9.265.000	13.152.000	14.775.000	11.567.000
«2) переплачено правительствомъ по консолидированнымъ облигаціямъ	—	—	1.771.000	4.728.000	3.840.000
«3) По ссудамъ, выданнымъ обществамъ, ими недоплачено процентовъ	117.000	616.000	866.000	884.000	1.158.000
Итого	7.159.000	9.881.000	15.769.000	20.387.000	16.565.000

«Изъ этихъ данныхъ оказывается, что правительственный расходъ могъ бы черезъ нѣсколько лѣтъ возвыситься до 50-ти и болѣе мил. въ годъ. Этотъ расходъ можетъ еще увеличиться вслѣдствіе постройки жел. дорогъ

въ Сибири и за Кавказомъ и тѣми суммами, которыя потребуется на поддержаніе уже существующихъ дорогъ; напротивъ, онъ будетъ уменьшаться по мѣрѣ увеличенія чистаго дохода на гарантированныхъ жел. дорогахъ, но какъ вообще жел. дороги выходятъ изъ гарантіи весьма медленно, то нельзя ожидать, чтобы уменьшеніе платимой гарантіи въ значительной степени уравновѣшивало новые расходы. Эти соображенія указываютъ на необходимость крайней осторожности въ дальнѣйшемъ распространеніи желѣзнодорожной сѣти.

«Къ тому же заключенію, по моему убѣжденію, приводитъ разсмотрѣніе настоящаго положенія существующихъ жел. дорогъ. Значительная часть нашихъ жел. дорогъ находятся въ положеніи крайне неудовлетворительномъ; задержки грузовъ дошли до размѣровъ разорительныхъ для торговли и возбуждаютъ всеобщія жалобы. Иныя дороги едва вырабатываютъ на свои текущіе расходы не по недостатку элементовъ выгоднаго движенія, но потому, что онѣ не умѣютъ или не могутъ воспользоваться выгодными условіями. Управленіе многихъ дорогъ далеко неудовлетворительно. Безъ сомнѣнія, всеобщія жалобы на управленіе жел. дорогъ преувеличены, потому что цифры показываютъ постоянное увеличеніе перевозимыхъ пассажировъ и грузовъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя оспаривать, что положеніе нашихъ жел. дорогъ далеко неудовлетворительно, какъ въ отношеніи матеріальныхъ средствъ, которыми онѣ располагаютъ, такъ и въ отношеніи хорошаго управленія, и требуетъ всесторонняго разсмотрѣнія мѣръ къ устраненію или, по крайней мѣрѣ, уменьшенію существующихъ неудобствъ.

«На такое положеніе существующихъ жел. дорогъ вновь проектируемыя не могутъ не имѣть весьма существеннаго вліянія какъ къ улучшенію ихъ, такъ, напротивъ, и къ вящшему затрудненію настоящаго положенія нашихъ жел. дорогъ, смотря по направленію этихъ новыхъ дорогъ. Дороги параллельныя существующимъ уже, дороги, сокращающія путь тамъ, гдѣ есть другой, хотя нѣсколько дальній, вообще дороги соперничающія должны быть допускаемы съ крайнею осмотрительностію, ибо всякая такая дорога увеличиваетъ для государственнаго казначейства тяжесть гарантіи, если она сама ее требуетъ, а во всякомъ случаѣ гарантіи другой дороги, съ которою она соперничаетъ.

«Кромѣ того, въ настоящемъ положеніи дѣла, параллельныя и соперничающія дороги въ окончательномъ результатѣ вредны и для интересовъ торговли, которая всего болѣе терпитъ отъ дурного положенія дорогъ и всегда предпочтетъ одну исправную дорогу двумъ неисправнымъ, но и дороги, составляющія продолженіе существующихъ и поэтому предназначаемыя ихъ питать, могутъ быть вредны и во всякомъ случаѣ преждевременны, если по тѣмъ дорогамъ, по которымъ окончательно всѣ грузы должны пройти, нѣтъ достаточныхъ средствъ для перевозки этихъ грузовъ,— потому что онѣ усиливаютъ задержки грузовъ. Поэтому казалось бы благоразумнымъ распространять сѣть лишь тогда, когда дороги, впереди лежа-

щія, обезпечиваютъ отвозъ грузовъ. Наконецъ, нельзя не принять въ соображеніе, что неурядица на нашихъ жел. дорогахъ въ значительной степени происходитъ отъ недостатка желѣзнодорожныхъ служащихъ и служителей; всякая новая жел. дорога является и въ этомъ отношеніи конкурентомъ существующимъ: служащіе переманиваются съ дороги на дорогу, нигдѣ не обживаются и не дорожатъ своими мѣстами.

«Всѣ эти соображенія приводятъ къ заключенію: 1) что въ огражденіе государственнаго казначейства отъ непомѣрнаго отягощенія необходимо быть крайне осторожнымъ въ дарованіи новыхъ гарантій; 2) что приведеніе существующихъ уже дорогъ въ положеніе, въ которомъ онѣ удовлетворяли бы своему назначенію, въ настоящее время едва ли не представляется болѣе необходимымъ, чѣмъ устройство большого числа новыхъ дорогъ, и 3) засимъ необходимо не только уменьшить по возможности количество верстъ, вносимыхъ въ новую сѣть, но при начертаніи новыхъ линій имѣть въ виду пользу существующихъ дорогъ.

«Переходя засимъ къ частности предлагаемой сѣти, представляются слѣдующія соображенія:

«1) Линія Брянско-Брестская съ вѣтвями, 1.255 верстъ, потребуетъ примѣрно до 55 мил. капитала, а между тѣмъ проходитъ въ бо́льшей части своего протяженія по мѣстности до такой степени безплодной и безпромышленной, что едва ли будетъ вырабатывать достаточно на покрытіе своихъ расходовъ. Если на ней будутъ грузы, то только такіе, которые она отниметъ отъ Орловско-Витебской и Московско-Брестской жел. дорогъ, которыя обѣ, равно и Витебско-Динабургская, не вышли еще изъ гарантіи. Такимъ образомъ эта дорога, сама по себѣ и по вліянію на другія, ляжетъ бременемъ на государственное казначейство, тогда какъ одна изъ цѣлей, для которыхъ предлагается ее построить, т.-е., доставленіе войскъ и грузовъ изъ Брянска и изъ-за Брянска въ Брестъ, достигалось бы несравненно лучше уложеніемъ второго пути отъ Брянска до Смоленска и Бреста, что стоило бы всего около 12 мил. Я говорю, что цѣль достигалась бы этимъ путемъ лучше, потому, что одна дорога о двухъ путяхъ допускаетъ несравненно большее число поѣздовъ, чѣмъ двѣ дороги объ одномъ пути каждая, а еще потому, что Брянско-Брестская дорога по своей непроизводительности, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени пришла бы въ весьма неудовлетворительное положеніе, а въ то же время существованіе ея препятствовало бы приведенію въ порядокъ Орловско-Витебской и Смоленско-Брестской дорогъ, такъ что въ случаѣ войны эти двѣ дороги не дали бы того результата, котораго отъ нихъ могутъ ожидать; но вредное вліяніе этой комбинаціи (двухъ дорогъ отъ Брянска до Бреста) распространилось бы еще на всѣ дороги, прилежащія на востокъ отъ Брянска, которыя даже въ настоящее время страдаютъ преимущественно оттого, что Орловско-Витебская и Смоленско-Брестская не успѣваютъ отвозить ихъ грузы. Для устраненія этого рано или поздно придется уложить второй путь по этимъ дорогамъ, равно и по Витебско-Динабург-

ской; ничто же такъ не помѣшаетъ устройству этого второго пути, какъ сооруженіе Брянско-Брестской дороги.

«По всѣмъ симъ соображеніямъ я полагалъ бы: вмѣсто сооруженія Брянско-Брестской дороги уложить второй путь отъ Брянска черезъ Смоленскъ и Минскъ до Бреста. Если бы засимъ признано было въ стратегическихъ видахъ необходимымъ устроить сообщеніе отъ Гродно на переѣздъ Смоленско-Брестской дороги и соединенія съ Радзивиловскою вѣтвью, то для этого потребовалась бы линія отъ Гродно на Барановичи, Пинскъ и до мѣста отвѣтвленія Радзивиловской дороги. Эта дорога потребовала бы около 22 мил. руб., но тогда второй путь на Смоленско-Брестской дорогѣ можно бы только довести до Барановичей, и весь расходъ на второй путь и на вѣтвь не превышалъ бы 32 мил. вмѣсто 55 мил. руб. Можно ожидать, что эта дорога окажется болѣе производительною, чѣмъ предложенныя вѣтви, потому, что это былъ бы кратчайшій путь изъ Москвы въ Австрію и что нѣкоторые мѣстные грузы изъ Пинска питали бы предполагаемую дорогу.

«2) Линія Риго-Бологовская отвлекала бы Волжскую вывозную нашу торговлю отъ Петербурга къ Ригѣ. Всѣ почти улучшенія путей сообщенія, произведенныя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ средней и отчасти въ сѣверной полосѣ Россіи, сдѣланы въ ущербъ Петербургскому порту, который хотя ближе другихъ портовъ къ мѣстамъ отправленія товаровъ, но зато представляетъ такія неудобства доставленія оныхъ на морскіе корабли, которыя въ Ревелѣ и Ригѣ уже устранены. Въ такомъ положеніи дѣла дать Рижскому порту еще и жел. дорогу отъ Рыбинска значило бы обречь Петербургъ на неминуемое паденіе, что, по моему мнѣнію, въ высшей степени неудобно не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Въ настоящее время правительство приступаетъ къ весьма существеннымъ мѣрамъ для улучшенія Петербургскаго порта и уменьшенія безплодныхъ расходовъ подвозки къ кораблямъ и перегрузки товаровъ. Устройство Риго-Бологовской дороги, по мнѣнію моему, слѣдуетъ отложить до осуществленія этихъ мѣръ; тогда по крайней мѣрѣ борьба между Петербургомъ и Ригой будетъ нѣсколько равномѣрна.

«3) Линія между Волгою и Окою 1284 в. На этомъ протяженіи существуютъ двѣ дороги: Царицинская и Саратовская, и имѣетъ быть открыта третья, Сызранская, на продолженіе которой до Самары и до Оренбурга уже отдана концессія. Дороги Царицинская и Саратовская едва только начали вырабатывать достаточно на покрытіе своихъ расходовъ и положеніе послѣдней должно еще ухудшиться открытіемъ Сызранской. Всѣ эти дороги страдаютъ въ настоящее время отъ неудовлетворительнаго положенія путей, идущихъ отъ нихъ на западъ. Поэтому я считаю преждевременнымъ внесеніе въ сѣть какой-либо дороги въ этомъ краѣ.

«По всѣмъ симъ соображеніямъ я полагалъ бы:

«I. Въ настоящее время внести въ сѣть только слѣдующія дороги:

Отъ Ржева до Вязьмы	115	вер.
Отъ Витебска до Чичерска	268	»
Отъ Николаева до Херсона	62	»
Отъ Лугани до ст. Миллеровой	88	»
Итого	533	вер.

«II. Составить соображенія объ уложеніи второго пути изъ Брянска на Смоленскъ и Брестъ, или же только до ст. Барановичи, если признано будетъ, въ стратегическихъ видахъ, необходимымъ соединить Гродно съ Радзивиловскою вѣтвью. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ произвести изысканія по направленію отъ Гродно къ упомянутой вѣтви».

Къ сожалѣнію, Рейтернъ, какъ сказано было выше, не всегда такъ разумно дѣйствовалъ, а въ настоящее время періодическая печать напала на него, что онъ допустилъ увозъ за границу золота 80 мил. руб. для поддержанія вексельнаго курса въ 1876 году, тогда какъ эти деньги слѣдовало употребить на постройку жел. дорогъ. Конечно, это сужденіе было бы правильно, если бы дороги давали доходъ, но въ ихъ убыточности едва ли можно сомнѣваться. Привожу выписку изъ передовой статьи «Финансоваго Обозрѣнія», 6 ноября 1876 года, въ которой нападаютъ на министерство финансовъ за то, что оно отклонило постройку жел. дорогъ въ 1874 году:

«Въ теченіе настоящаго года для эфемерной поддержки вексельнаго курса израсходовано 80.000.000 руб. золотомъ или 100 мил. руб. кредит. При этомъ вексельный курсъ не только не могъ быть на желаемой высотѣ, но, наоборотъ, упалъ съ $32\frac{1}{2}$ на 29 пенсовъ на Лондонъ или на $10\frac{1}{2}\%$. Такое значительное да и едва ли окончательное пониженіе курса, которое, можетъ быть, еще на этомъ не остановится, представляется явленіемъ въ высшей степени печальнымъ, тѣмъ болѣе, что жертвы, принесенныя для осуществленія предвзятой мысли фиксаціи курса, до того громадны, что можно было бы на сумму затратъ, сдѣланныхъ на этотъ предметъ, построить не менѣе 3.250 верстъ жел. дорогъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать вексельному курсу надлежащую устойчивость, которой Государственный банкъ мнилъ достигнуть торговлею золотомъ.

«Если бы 100 мил. рублей, которые Государственнымъ банкомъ столь непроизводительно растрачены, были ассигнованы на постройку жел. дорогъ посредствомъ помѣщенія ихъ въ консолидированныя облигаціи, причемъ сверхъ того одна треть этой суммы, т.-е., 33 милліона руб. были бы собраны выпускомъ акцій, то въ настоящее время Россія обогатилась бы постройкою около 3.250 верстъ новыхъ жел. дорогъ и именно такихъ, которыя имѣли бы для насъ существенное экономическое и стратегическое значеніе и которыя еще 19 апрѣля 1874 года бывшій министръ путей сообщенія представлялъ на разрѣшеніе комитета министровъ. Кромѣ того, самый металлическій фондъ Государственнаго банка не уменьшился бы, потому что вмѣсто золота на 80 милліоновъ руб. положено было бы въ него

на ту же сумму консолидированныхъ облигацій, которыя могли бы быть реализированы на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ съ наступленіемъ благопріятнаго для того времени.

«Бывшій министръ путей сообщенія графъ Бобринскій еще 19 апрѣля 1874 года вошелъ съ представленіемъ объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на включеніе въ сѣть жел. дорогъ и ихъ вѣтвей:

1. Линія Брянско-Брестская съ ея вѣтвями:	
а) отъ Брянска до станціи Жабинка, близъ Бреста . . .	699 верстъ.
б) вѣтви на Ровно	189 »
в) вѣтвь отъ предыдущей на Ковель	137 »
г) вѣтвь на Гродно	230 »
Всего протяженіемъ . . .	1253 версты.
2. Линія Витебско-Гомельская (до станціи Салтановки у Гомеля) протяженіемъ	268 верстъ.
3. Линія Риго-Бологовская съ ея вѣтвями:	
а) отъ Риги до станціи Бологое Николаевской желѣзной дороги	612 »
б) вѣтвь отъ Верро до Дерпта	65 »
в) вѣтвь на Валки	11 »
г) вѣтвь на Перновскій портъ	108 »
Всего протяженіемъ . . .	796 верстъ.
4. Линія Одессо-Керченская:	
а) отъ Одессы до станціи Джанкой Лозово-Севастопольской желѣзной дороги протяженіемъ	358 верстъ.
б) отъ Симферополя до Керчи	190 »
Всего протяженіемъ . . .	548 верстъ.
5. Вѣтвь Одесской желѣзной дороги къ Австрійской границѣ на Новоселицы протяженіемъ	210 верстъ.
6. Линіи между рѣками Волгою и Окою:	
а) Козлово-Казанская	625 »
б) вѣтвь на Муромъ	230 »
в) вѣтвь на Симбирскъ	128 »
Всего протяженіемъ . . .	1284 версты.
7. Соединительныя линіи между желѣзными дорогами Грязе-Царицынскою, Воронежско-Ростовскою и Курско-Харьково-Азовскою:	
а) отъ Урюпина до станціи Журавка Воронежско-Ростовской желѣзной дороги и далѣе на юго-западъ до соединенія съ Азовскою дорогою до Славянска или южнѣе онаго	410 верстъ.

б) отъ станціи Журавка до станціи Николаевско-Азовской желѣзной дороги	270 верстъ.
в) продолженіе Луганской вѣтви до станціи Миллеровой Воронежско-Ростовской желѣзной дороги	88 »
Всего протяженіемъ . . .	768 верстъ.
8. Линія Ржево-Вяземская протяженіемъ	115 верстъ.
9. Вѣтвь Одесской желѣзной дороги къ Молдавской границѣ	185 »
Итого протяженія всѣхъ предположенныхъ линій и вѣтвей	5429 верстъ.

«Изъ представленныхъ 5.429 верстъ новой сѣти желѣзныхъ дорогъ, 3.262 версты имѣютъ въ высшей степени важное стратегическое значеніе, не исключая и экономическаго, изъ которыхъ, напримѣръ, Риго-Бологовская съ вѣтвями имѣла бы въ этомъ отношеніи важное народно-хозяйственное значеніе.

«Само собою разумѣется, что въ виду стратегическаго значенія этихъ линій заемъ за границею не представлялъ шансовъ на успѣхъ. Нужно было расчитывать на собственныя силы и ихъ, какъ оказывается, было тогда болѣе, чѣмъ достаточно. Считая по 35.000 р. стоимость версты, на 3.262 версты потребовался бы капиталъ въ 114 милліоновъ руб. Если бы затраченная изъ металлическаго фонда на поддержку вексельнаго курса сумма вмѣстѣ съ акціонернымъ капиталомъ была употреблена для этой цѣли, то на постройку этихъ линій хватило бы капитала у себя дома. Самый металлическій фондъ не былъ бы уменьшенъ, такъ какъ вмѣсто 80 мил. руб. золота въ него положенъ былъ бы капиталъ консолидированныхъ облигацій на эту сумму.

«Въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ самая постройка этихъ дорогъ была бы уже окончена. Денежнаго кризиса, какъ послѣдствія вывоза золота, не было бы; отпускная торговля, получивъ нормальное развитіе, укрѣпила бы вексельный курсъ. Довѣріе заграничныхъ капиталистовъ не только не поколебалось бы, а, наоборотъ, получило бы еще большую интенсивность, когда они убѣдились бы въ возможности для насъ совершенія постройки стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ безъ помощи иностранныхъ капиталистовъ. Самая постройка этихъ дорогъ не затормозилась бы на долгіе годы; торговля же и промышленность получили бы новый толчокъ для дальнѣйшаго своего успѣшнаго развитія.

«Само собою разумѣется, что потеряннаго не воротишь; но позволительно надѣяться, что на будущее время министерство путей сообщенія, въ своихъ, въ высшей степени полезныхъ въ государственномъ и народно-хозяйственномъ отношеніяхъ, мѣропріятіяхъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ не было бы стѣсняемо неудающимися опытами министерства финансовъ по фиксаціи вексельнаго курса, для которыхъ не жалѣются од-

нако же громадныя финансовыя средства, тогда какъ постройка желѣзныхъ дорогъ всецѣло поставлена въ зависимость отъ иностранныхъ займовъ, удача или неудача которыхъ находится въ неразрывной связи съ удачей или неудачей тѣхъ или другихъ финансовыхъ опытовъ.

«Послѣдній финансовый опытъ поддержки вексельнаго курса стоилъ государству 80 милліоновъ рублей, достигнувъ діаметрально противоположнаго результата, т.-е., не укрѣпленія, а сильнаго пониженія вексельнаго курса, причемъ послѣдовалъ кризисъ и потрясеніе общаго кредита на долгое время; слѣдовательно для постройки желѣзныхъ дорогъ растраченъ наличный капиталъ, да и дальнѣйшее привлеченіе иностранныхъ капиталовъ для этой цѣли оказывается нынѣ невозможнымъ».

Выше было сказано, что въ апрѣлѣ 1873 года мой собственный капиталъ, за исключеніемъ Царскосельской дачи стоимостью въ 12.000 р., составлялъ 148.901 р. Въ половинѣ мая 1874 года, за исключеніемъ той же дачи стоимостью уже въ 15.000 р., онъ увеличился до 158.016 р., т.-е., на 9.115 р. Въ этотъ промежутокъ времени были мною куплены одинъ 5% банковый билетъ за 91 р., четыре билета 2-го внутренняго займа на 634 р., пятнадцать облигацій Моршанско-Ряжской желѣзной дороги на 2.800 р. и на текущемъ счетѣ прибавилось 1.334 р., итого прибавилось на 4.849 р., которые и составляютъ экономію отъ полученнаго дохода. Сверхъ того получено заемное письмо въ 3.000 р. отъ моего шурина Н. Левашева за купленную землю, оставшуюся отъ крестьянскаго надѣла въ Нижегородскомъ имѣніи моей жены, итого прибавилось 7.849 р. Остальное увеличеніе капитала въ 1.266 р. произошло отъ увеличенія цѣнности прежнихъ моихъ бумагъ, курсъ которыхъ еще продолжалъ возвышаться. Получено мною содержаніе по службѣ въ продолженіе года 3.820 р., по обществу Путиловскихъ заводовъ съ іюня 1873 года въ продолженіе 10 мѣсяцевъ 3.750 р., въ продолженіе года процентовъ и дивидендовъ по акціямъ и процентнымъ бумагамъ до 11.000 р., за наемъ флигеля Царскосельской дачи 200 р. и учредительскихъ по обществу Московско-Ярославской желѣзной дороги за 1873 годъ—1.522 р., всего же дохода до 25.000 р., издержано нѣсколько болѣе 20.000 р., въ томъ числѣ на перестройки на дачѣ 3.000 р., остается 17.000 р. Засимъ капиталъ, вслѣдствіе сбереженія противъ полученнаго дохода, увеличился на сумму до 5.000 р., или точнѣе, какъ сказано выше, на 4.849 р.

Въ половинѣ мая 1874 года мы переѣхали на Царскосельскую дачу, которая, въ особенности садъ при ней, съ каждымъ годомъ улучшалась.

Взявъ въ началѣ іюня отпускъ, я ѣздилъ въ Москву на экзамены въ Дельвиговское желѣзнодорожное училище, которые происходили при мнѣ въ обоихъ существовавшихъ тогда классахъ. Я ими былъ доволенъ и по ихъ окончаніи дѣлалъ такъ же, какъ и въ прежнемъ году, угощеніе ученикамъ. Ѳ. В. Чижовъ былъ въ это время за границею въ Виши. Я останавливался въ Москвѣ у Саввы Ивановича Мамонтова, который съ семействомъ жилъ на дачѣ. Будучи большимъ любителемъ художествъ и скульпторомъ самоуч-

кою, онъ хотѣлъ дѣлать мой бюстъ вмѣсто неудавшагося заказаннаго Ѳ. В. Чижовымъ для Дельвиговскаго училища. Для лѣпки онъ пріѣзжалъ раза три съ своей дачи въ Москву, но имъ слѣпленный бюстъ вышелъ также неудаченъ.

Въ Москвѣ я посѣщалъ Англійскій клубъ, а также обѣдалъ съ близкими мнѣ инженерами въ лучшихъ ресторанахъ; въ день же моего отъѣзда въ Петербургъ давалъ имъ обѣдъ на станціи Николаевской желѣзной дороги, на которой буфетъ содержитъ неоднократно упоминаемый мною Никита Егоровъ. Инженеры Панаевъ и Поповъ показывали мнѣ свои занятія по проекту увеличенія водоснабженія въ Москвѣ; кромѣ нихъ, всѣ другіе предприниматели этого дѣла были къ нему равнодушны.

Къ 15-го іюня, началу вакацій въ Сенатѣ, я былъ въ Петербургѣ. Я могъ въ этомъ году пользоваться вакаціями, но по просьбѣ князя Алексѣя Васильевича Оболенскаго присутствовалъ за него въ вакантное время; объ этомъ я говорилъ въ началѣ этой главы.

Во второй половинѣ іюня пріѣхали къ намъ въ Царское Село моя сестра А. И. Викулина съ дочерью Эмиліею. Онѣ прибыли изъ-за границы черезъ Радзивиловъ, куда за ними посланъ былъ великолѣпный вагонъ. Конечно, этимъ хотѣло угодить мнѣ правленіе Кіевско-Брестской желѣзной дороги, несмотря на то, что прошло болѣе трехъ лѣтъ со времени оставленія мною министерства путей сообщенія, и на то, что правленію извѣстны были мои нехорошія отношенія къ министру графу А. П. Бобринскому.

Сестра, пробывъ нѣсколько дней въ Кіевѣ, проѣхала по Курско-Кіевской, Ландварово-Роменской и С.-Петербурго-Варшавской желѣзнымъ дорогамъ, по которымъ прослѣдовала съ тѣмъ же почетомъ. Я съ женою встрѣтилъ ее на Александровской станціи близъ Царскаго Села. Изъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ проѣхала сестра, ей показалась наиболѣе покойною Ландварово-Роменская, въ то время только что открытая. Сестра и ея дочь были въ восхищеніи отъ нашего сада, говоря, что и за границею рѣдко можно видѣть такое разнообразіе и множество цвѣтовъ. Онѣ обѣ вполнѣ отдыхали, живя у насъ, не зная никакихъ заботъ о хозяйствѣ. Но сестрѣ на роду написано не быть никогда покойною послѣ дѣла по завѣщанію ея мужа. Понятно, что всякій процессъ дѣйствуетъ дурно на ея слабые нервы, а въ это время неожиданно подвернулся новый процессъ, который я разскажу довольно подробно, чтобы показать нѣкоторыя затрудненія, представляемыя новымъ судопроизводствомъ по уставамъ 20 ноября 1864 года.

Вскорѣ по пріѣздѣ моей сестры явился въ Царское Село Задонскій купецъ Максимъ Потаповичъ Савинъ, купившій на срубъ лѣсъ, принадлежащій моей сестрѣ, по условію, заключенному 20 января 1874 года, за 9.000 р., съ уплатою при заключеніи условія 4.000 р., а остальныхъ съ разсрочкою. Государственные крестьяне с. Рогожни, находящагося близъ проданнаго лѣса, издавна считали его своею собственностью, хотя онъ судомъ былъ

утвержденъ за мужемъ моей сестры, а ей перешелъ по его духовному завѣщанію. Когда Савинымъ было приступлено въ маѣ къ рубкѣ лѣса, упомянутые крестьяне выгнали его рабочихъ и караульныхъ и не допустили къ рубкѣ, несмотря на убѣжденія мирового посредника.

Полиція, не принявшая всѣхъ зависящихъ отъ нея мѣръ для защиты собственницы лѣса, какъ бы она это сдѣлала до введенія судебныхъ уставовъ 1864 года, очень рада была передать все дѣло на разсмотрѣніе мирового судьи, который возстановилъ нарушенное крестьянами владѣніе. Послѣдніе апеллировали въ мировой съѣздъ, который засѣдалъ 10-го іюля, но въ это засѣданіе разбирательство означеннаго дѣла было отложено до слѣдующаго мѣсяца за невызовомъ свидѣтелей, а этотъ вызовъ лежалъ на обязанности съѣзда. Мировой съѣздъ, собравшійся въ августѣ, утвердилъ рѣшеніе мирового судьи.

Между тѣмъ купившій лѣсъ Савинъ, по пріѣздѣ въ Царское Село, подалъ мнѣ записку, въ которой излагалъ, что понесъ значительные убытки, состоящіе въ уплатѣ условленныхъ неустсекъ за невыставку имъ въ срокъ подряженныхъ разными лицами лѣсныхъ матеріаловъ и въ уплатѣ нанятымъ для рубки лѣса рабочимъ, а что въ этихъ убыткахъ виновенъ управляющій имѣніемъ сестры, Ульрихъ, не предварившій Савина о нахожденіи проданнаго имущества въ спорѣ и продавшій лѣса 84 дес. съ саженями, тогда какъ въ натурѣ его менѣе и по планамъ значится только 80 дес. съ саженями. Въ заключеніи записки Савинъ излагаетъ о нежеланіи доводить дѣло до суда, но во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній и столкновеній требуетъ уничтоженія контракта на пскупку лѣса и возвращенія уплаченныхъ 4.000 р. и понесенныхъ имъ убытковъ.

Уничтоженіе контракта могло бы подать поводъ крестьянамъ с. Рогожни утвердиться въ мнѣніи о принадлежности имъ лѣса, а потому сестра на это не согласилась. Послѣ долгихъ переговоровъ съ Савинымъ, онъ согласился заключить дополнительное условіе, по которому онъ получалъ немедля изъ его задатка 5.000 р., уплата же имъ денегъ за лѣсъ была разсрочена на 3 года, вмѣсто 2-хъ лѣтъ, и если лѣса окажется въ натурѣ менѣе, то за недостающее число десятинъ уменьшится контрактная сумма, сверхъ сдѣланнаго уже уменьшенія ея на 500 р., вслѣдствіе увѣренія Савина, что цѣна, назначенная по контракту за лѣсъ, слишкомъ высока, но отнюдь не въ вознагражденіе понесенныхъ имъ убытковъ, которые онъ можетъ взыскивать съ крестьянъ с. Рогожни, такъ какъ сестрѣ нѣтъ до нихъ дѣла.

Мы уговорились съ Савинымъ на другой день быть у Петербургскаго нотаріуса Рериха, живущаго въ одномъ съ нами домѣ, для заключенія дополнительнаго условія. Но въ этотъ день Савинъ отказался заключить упомянутое условіе, и когда я ему объявилъ, что не намѣренъ съ нимъ входить въ дальнѣйшіе переговоры, онъ уѣхалъ въ Задонскъ.

Между тѣмъ крестьяне с. Рогожни, несмотря на объявленное имъ судебнымъ приставомъ рѣшеніе мирового съѣзда, не только не допускали Савина до рубки лѣса, но и сами начали производить рубку и вывозъ его,

пользуясь совершеннымъ бездѣйствіемъ мѣстной полиціи, на что я жаловался управляющему Воронежскою губерніею вице-губернатору В. Д. Шевичу, но и это было безуспѣшно, такъ какъ, несмотря на караульныхъ Савина, крестьяне с. Рогожни продолжали рубку лѣса. 8-го октября я получилъ отъ управляющаго имѣніемъ сестры Ульриха слѣдующую телеграмму:

«Савинъ предъявилъ искъ девяти тысячъ, засѣданіе одиннадцатаго октября, дѣло усложнилось и требуетъ юриста, покорнѣйше прошу выслать ко дню засѣданія въ Елецъ довѣренность на ходатайство повѣренному Василію Ксенофонтову Барченкову, принимающему дѣло за судебныя издержки».

Полагая, что Барченковъ присяжный повѣренный, я ему выслалъ довѣренность въ Елецъ, въ которой далъ ему это званіе, а такъ какъ онъ его не имѣлъ, то не могъ воспользоваться моею довѣренностью. 9-го октября я телеграфировалъ о допущеніи заочнаго рѣшенія, если не отложатъ засѣданія. Оно было отложено за неявкою истца.

Въ это время сестра моя А. И. Викулина была очень больна: я и никто изъ близкихъ долго ей не говорили о начатомъ Савинымъ дѣлѣ и о пожарѣ, истребившемъ 26-го октября въ ея имѣніи д. Семеновкѣ много хлѣба, но она узнала о томъ и о другомъ изъ писемъ, полученныхъ ею изъ Задонска. Дѣло по иску Савина было только отложено и могло возобновиться по его просьбѣ, и тогда судъ, не посылая болѣе къ отвѣтчику вторичной повѣстки о днѣ, назначенномъ для разбирательства дѣла, рѣшаетъ его въ отсутствіе отвѣтчика. Такъ по крайней мѣрѣ поступаетъ Елецкій окружный судъ, вслѣдствіе чего отвѣтчикъ остается безъ всякой защиты.

Во второй половинѣ ноября пріѣхалъ въ Петербургъ младшій сынъ моего покойнаго друга Иванъ Алексѣевичъ Нарышкинъ, который занимается адвокатствомъ въ Орлѣ. Онъ просилъ снабдить его довѣренностью по дѣлу Савина и обѣщался немедля ѣхать въ Елецъ покончить его искъ или судебнымъ рѣшеніемъ, или переговорами съ Савинымъ, который письмомъ отъ 16-го ноября сообщилъ мнѣ, что также желалъ бы прекратить начатое имъ въ судѣ дѣло, но при этомъ предъявлялъ требованія, на которыя я не могъ согласиться.

Въ самый день выдачи довѣренности Нарышкину получена изъ Флоренціи телеграмма о кончинѣ М. Д. Засѣцкаго, мужа дочери сестры моей, что еще болѣе разстроило послѣднюю. Нарышкинъ вскорѣ уѣхалъ, получивъ отъ меня деньги на веденіе дѣла, но не только не поѣхалъ въ Елецъ, а до 7 января 1875 года даже не отвѣчалъ мнѣ на нѣсколько моихъ длинныхъ писемъ, въ которыхъ я писалъ ему, сколько его молчаніе безпокоитъ меня и сестру. Въ письмѣ же отъ 7-го января онъ извинялся болѣзнью и обѣщался немедля, несмотря на болѣзнь, ѣхать въ Елецъ, но опять обѣщанія своего не исполнилъ, вслѣдствіе чего я въ февралѣ вытребовалъ отъ него данную ему довѣренность. Полученныя же имъ на веденіе дѣла деньги онъ возвратилъ мнѣ черезъ годъ, хотя я о нихъ ему не напоминалъ.

11 января 1875 года я получилъ отъ присяжнаго повѣреннаго Матвѣ-

ева письмо, изъ котораго я узналъ, что Савинъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ и поручилъ Матвѣеву переговорить со мною по дѣлу о купленномъ имъ лѣсѣ. По просьбѣ Матвѣева я назначилъ ему время, въ которое онъ можетъ застать меня дома, но Матвѣевъ не явился, а вмѣсто него пришелъ Савинъ, который по цѣлымъ часамъ надоѣдалъ мнѣ своими безсвязными разговорами и воплями. Я принималъ особыя мѣры, чтобы Савинъ не былъ допускаемъ до моей сестры, нервы которой отъ его разговоровъ приходили въ раздраженіе. Онъ однако же съумѣлъ добиться свиданія съ ея дочерью Эмиліею, которую также измучалъ своими жалобами. Чтобы избѣжать сценъ, столь дурно дѣйствующихъ на здоровье моей сестры, я соглашался на уступки Савину, предложенныя ему еще лѣтомъ съ тѣмъ, чтобы было заключено о нихъ дополнительное условіе, включивъ въ него обязанность Савина прекратить начатое имъ въ судѣ дѣло, а также и о томъ, что въ случаѣ нарушенія его правъ по рубкѣ лѣса третьими лицами, онъ предъявитъ, если пожелаетъ, искъ къ симъ послѣднимъ.

По полученіи согласія Савина, я его послалъ къ занимающемуся адвокатскими дѣлами князю Вадбольскому, который формулировалъ дополнительное условіе. Савинъ изъявилъ на него согласіе, обѣщаясь быть у меня на другой день для его подписанія, но не пришелъ. Въ этотъ день утромъ ко мнѣ явился молодой человѣкъ, назвавшій себя помощникомъ присяжнаго повѣреннаго. На мой вопросъ объ его фамиліи, онъ отвѣчалъ, что пришелъ по дѣлу Савина и что его фамилія для меня безразлична. Онъ въ продолженіе цѣлаго часа доказывалъ правоту Савина, ничтожность передъ закономъ заключеннаго контракта по рубкѣ лѣса, подлогъ въ продажѣ бо́льшаго количества, чѣмъ имѣется въ натурѣ, и обязанность моей сестры уплатить Савину убытки, ему причиненные этимъ контрактомъ. Все это онъ подкрѣплялъ статьями Свода Законовъ, номера которыхъ зналъ наизусть. Меня очень занимала столь горячая защита, которую я посовѣтовалъ приберечь для дѣла болѣе праваго, чѣмъ дѣло Савина. Во время нашего разговора пришелъ ко мнѣ по дѣламъ общества Путиловскихъ заводовъ оберъ-секретарь 1-го департамента Сената Александръ Ѳеодоровичъ Бухе. По моему приглашенію онъ вмѣшался въ нашъ разговоръ. Доказавъ, что статьи Св. Зак., на которыя указывалъ защитникъ Савина, не идутъ къ дѣлу, онъ находилъ, что я дѣлаю уступки въ убытокъ моей сестры, которыхъ Савинъ не заслуживаетъ. Тогда молодой защитникъ Савина сказалъ, что сестра и я и богаче и образованнѣе Савина, а потому по правиламъ нравственности мы должны быть уступчивѣе. Послѣ двухчасового разговора, я просилъ его оставить меня и назвать свою фамилію. Онъ отвѣчалъ, что состоитъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, котораго фамилію я забылъ, только не Матвѣева, а себя назвалъ Перовымъ. Я ему сказалъ, что мнѣ надоѣли переговоры съ Савинымъ и его повѣренными, и я, вслѣдствіе постоянныхъ обмановъ Савина по заключенію дополнительнаго условія относительно сдѣланныхъ ему мною уступокъ, беру ихъ назадъ, предоставляя дѣлу идти установленнымъ законами порядкомъ.

Бухе не могъ надивиться терпѣнію, съ которымъ я выслушивалъ объясненія молодого человѣка и въ особенности его уроки нравственности. Въ этотъ же день послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ тотъ же молодой человѣкъ въ мундирѣ воспитанника Училища правовѣдѣнія. Извинившись, что назвалъ себя чужимъ именемъ и присвоилъ себѣ не принадлежащее ему званіе, онъ сказалъ, что фамилія его Волоцкій. Я ему объяснилъ все безобразіе его поступка и совѣтовалъ никогда впредь этого не дѣлать, что онъ мнѣ обѣщалъ. Оказалось, что я знаю его родителей и многихъ родственниковъ, и онъ просилъ меня никому не говорить объ его поступкѣ, причемъ увѣрялъ, что онъ рѣшился хлопотать о Савинѣ будто бы только потому, что послѣдній очень любимъ его родными, Задонскими помѣщиками Панютиными, у которыхъ Волоцкій провелъ вакаціонное время въ прошедшее лѣто. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упросилъ меня не отказывать Савину въ сдѣланныхъ уже мною уступкахъ и дозволить привезти на другой день подписанное Савинымъ дополнительное условіе въ томъ видѣ, какъ оно было составлено Вадбольскимъ. Я согласился.

Волоцкій, пріѣхавъ ко мнѣ на другой день, объявилъ, что Савинъ не рѣшается подписать условіе, не переговоривъ со своимъ братомъ, который теперь въ Задонскѣ, куда Савинъ и выѣзжаетъ въ этотъ же день, причемъ просилъ меня не отказывать Савину въ сдѣланныхъ мною уступкахъ до 1-го февраля, обѣщаясь въ этотъ день доставить мнѣ требуемое мною условіе. Я и на это согласился.

Волоцкій поѣхалъ отъ меня къ Савину, не засталъ его уже въ Петербургѣ, а потому въ тотъ же вечеръ увѣдомилъ послѣдняго телеграммой, что я согласился ждать до 1-го февраля, и требовалъ отъ него высылки какому-то Замиловскому довѣренности на заключеніе условія. Письмомъ отъ 31 января управляющій имѣніемъ сестры моей увѣдомилъ меня, что Савинъ внесъ въ срокъ слѣдовавшіе 2.500 рублей.

Савинъ весною 1875 года упросилъ родного племянника мужа моей сестры Дмитрія Владиміровича Викулина, живущаго въ Задонскѣ, написать мнѣ, что Савинъ извѣстенъ за честнаго человѣка и что мнѣ полезно было бы прекратить дѣло, какъ неправое съ моей стороны, причемъ уплатить его убытки. Между тѣмъ, тотъ же Викулинъ, проведя въ Петербургѣ весь декабрь 1874 года и первую половину января 1875 года, постоянно удивлялся, что я, вступая въ переговоры съ Савинымъ, дѣлаю ему уступки, и просилъ поручить ему веденіе этого дѣла, которое не можетъ не кончиться въ пользу сестры, и послѣдняя не понесетъ убытковъ, причиняемыхъ моими уступками.

Я отвѣчалъ Д. В. Викулину, что, уѣзжая до октября за границу, я долженъ переговоры съ Савинымъ прекратить до того времени. Между тѣмъ я просилъ Воронежскаго губернатора князя Михаила Александровича Оболенскаго приказать мѣстной полиціи, чтобы она не допускала крестьянъ с. Рогожни до новыхъ безпорядковъ. Распоряженіе, сдѣланное по этому письму губернаторомъ, а также отказъ кассаціоннаго департа-

мента Сената разсмотрѣть поданную крестьянами на рѣшеніе мирового съѣзда жалобу были причиною, что рубка лѣса Савинымъ производилась съ этого времени безъ сопротивленія съ ихъ стороны.

Савинъ въ 1876 году внесъ также въ срокъ деньги. Я дозволилъ при этой уплатѣ принять въ соображеніе сдѣланныя мною Савину уступки, хотя, по его несогласію подписать дополнительное условіе, я имѣлъ законное право требовать отъ него всѣхъ денегъ, назначенныхъ по первоначальному условію.

Кстати изложу другое дѣло сестры, замѣчательное тѣмъ, что оно по существующимъ законамъ безвыходно, хотя значительное число помѣщиковъ имѣютъ дѣла того же рода. Въ 1862 году крестьяне с. Колодезскаго, принадлежащаго моей сестрѣ, и дер. Малыхъ Извалъ,принадлежащей ея дочери Эмиліи, получили надѣлъ въ собственность, а помѣщицамъ назначена была за этотъ надѣлъ выкупная ссуда, но онѣ не могли ее получить, потому что на этихъ имѣніяхъ, по показанію Орловскаго нотаріуса, были запрещенія. Помѣщицы и ихъ управляющіе объ этихъ запрещеніяхъ никогда не слыхали. Сверхъ того, въ главномъ выкупномъ учрежденіи возбудилось предположеніе, что сестра моя, по духовному завѣщанію ея мужа, состоитъ только пожизненною владѣлицею завѣщаннаго ей имѣнія, о чемъ оно и просило разъясненія Орловскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Чтобы получить скорѣе означенное разъясненіе и узнать, по какому поводу были наложены запрещенія и какими мѣрами можно ихъ снять, я писалъ въ Орелъ ко второму сыну моего покойнаго друга Александру Алексѣевичу Нарышкину, который 23 января 1872 года отвѣчалъ мнѣ слѣдующее:

«Письмо ваше, глубокоуважаемый другъ Андрей Ивановичъ, я получилъ сегодня за нѣсколько часовъ до отъѣзда въ Воронежъ, куда меня призываютъ неотложныя дѣла по Цуриковскому имѣнію. Но я успѣлъ поручить одному дѣльному человѣку навести всѣ справки по запрещеніямъ, которыя числятся на имѣніи Александры Ивановны. Очень вамъ благодаренъ, что доставили мнѣ возможность быть ей полезнымъ. Къ возвращенію моему, т.-е., къ 3-му или 4-му февраля, всѣ свѣдѣнія, я думаю, будутъ собраны и, разсмотрѣвъ ихъ, я тотчасъ же сообщу вамъ, что нужно сдѣлать для сложенія запрещеній. Надѣюсь, что дѣло уладится такъ или иначе.

«Въ теченіе февраля я можетъ быть увижусь съ вами, такъ какъ дѣла наши, вѣроятно, потребуютъ поѣздки въ Петербургъ. Эта поѣздка представлялась бы мнѣ очень нежелательною, если бы я не имѣлъ въ виду именно встрѣчи съ вами. Александра Ивановна писала мнѣ разъ о нездоровьѣ Эмиліи Семеновны, но я только теперь отъ васъ узнаю, что это нездоровье приняло такой постоянный характеръ, и, конечно, повѣрите моему искреннему сочувствію. Пожалуйста поклонитесь имъ отъ меня и поблагодарите за память.

«Итакъ, на-дняхъ я еще буду писать вамъ. Пока позвольте дружески пожать вашу руку и еще разъ поблагодарить за память и довѣріе. Цѣлую

руку Эмиліи Николаевны. Искренно любящій и уважающій васъ Александръ Нарышкинъ».

Въ февралѣ Нарышкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ словесно подтвердилъ свою готовность хлопотать по дѣлу о снятіи запрещеній, желая хотя малымъ отблагодарить сестру за все то, чѣмъ его отецъ былъ ей обязанъ.

Нарышкинъ по образованію и способностямъ человѣкъ весьма замѣчательный и симпатичный. Кончивъ курсъ наукъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ, онъ выдержалъ экзаменъ въ Петербургскомъ университетѣ на званіе кандидата правъ. Несмотря на его молодые годы и недостаточное состояніе, онъ въ это время состоялъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей въ Орлѣ, а передъ тѣмъ былъ выбранъ въ кандидаты на званіе Орловскаго губернскаго предводителя дворянства, но эти выборы не были утверждены подъ тѣмъ предлогомъ, что Нарышкинъ, хотя имѣлъ право на чинъ X класса по званію кандидата университета, но не былъ переименованъ въ этотъ чинъ.

25 марта 1872 года Нарышкинъ письмомъ изъ Орла просилъ снабдить его формальною довѣренностью на снятіе запрещеній съ имѣнія, считая, по сдѣланнымъ имъ въ Орлѣ справкамъ, это дѣло весьма легкимъ. Нарышкинъ обѣщалъ его окончить въ самомъ скоромъ времени и не позже наступающей Святой недѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣдомилъ, что «губернское присутствіе отвѣчало уже главному выкупному учрежденію, что не находитъ никакого сомнѣнія относительно полноты правъ собственности А. И. Викулиной на ея имѣнія и что нѣтъ никакого основанія признавать ее за владѣлицу только пожизненную». Дѣйствительно, это была нелѣпость, происшедшая только оттого, что начальникъ отдѣленія упомянутаго учрежденія Дмитрій Валерьяновичъ Князевъ, нашъ хорошій знакомый, прочиталъ духовное завѣщаніе мужа моей сестры кое-какъ, т.-е., такъ, какъ прочитываютъ бумаги наибольшее число чиновниковъ, отъ чего плодятся безконечныя дѣла. По полученіи моей довѣренности Нарышкинъ не только не писалъ мнѣ ничего о дѣлѣ, но и не отвѣчалъ и на мои письма. Это побудило меня въ концѣ лѣта отнестись къ директору Московско-Курской жел. дороги П. З. Клевецкому съ просьбою поручить начальнику Орловской станціи этой дороги отыскать Нарышкина и узнать о положеніи порученнаго ему дѣла. Начальникъ станціи вскорѣ прислалъ мнѣ слѣдующую справку:

«Запрещенія съ имѣній сестры барона Андрея Ивановича Дельвига дѣйствительной статской совѣтницы Викулиной еще не сложены и только что на-дняхъ предсѣдатель мирового съѣзда Александръ Алексѣевичъ Нарышкинъ, которому дана по этому предмету довѣренность, приступилъ къ ходатайству по этому дѣлу, надѣясь окончить его въ скоромъ времени, какъ только позволитъ судебная обрядность. О чемъ Нарышкинъ нынѣ же прямо отъ себя послалъ письмо его превосходительству барону Дельвигу».

Нарышкинъ, въ письмѣ отъ 10 сентября, извинялъ свое молчаніе тѣмъ, что выдержалъ въ послѣднее время сильнѣйшую передрягу (я ее изложу ниже), причемъ увѣрялъ, что запрещенія будутъ сняты на дняхъ. Но онъ продолжалъ бездѣйствовать по этому дѣлу и не отвѣчать на мои письма.

Разсказанное мною о двухъ братьяхъ Нарышкиныхъ показываетъ, что они не походили на своего отца, который, принявшись за какое-либо дѣло, велъ его съ необыкновенною энергіею, какъ, напримѣръ, дѣло моей сестры по клеветамъ ея пасынковъ и падчерицъ, подробно мною переданнымъ въ IV главѣ «Моихъ воспоминаній».

Бездѣйствіе А. А. Нарышкина побудило меня осенью 1873 года отнестись къ управляющему Орловско-Витебскою жел. дорогою инженеру путей сообщенія Виктору Ѳеодоровичу Голубеву съ просьбою поручить ходатайство по снятію запрещеній повѣренному при дѣлахъ означенной дороги. Голубевъ 21 апрѣля 1874 года мнѣ сообщилъ, что, несмотря на его частыя настаиванія, онъ только наканунѣ получилъ отъ Нарышкина данныя, по которымъ можно справиться о дѣлѣ моей сестры въ Ельцѣ, куда въ тотъ же день посылаетъ особаго человѣка для наведенія справокъ. Между тѣмъ отъ Нарышкина была подана въ Елецкій окружный судъ просьба о снятіи запрещеній на имѣніе Викулиной съ приложеніемъ доказательствъ о томъ, что они давно уже потеряли свою силу. Но судъ этими доказательствами не убѣдился и отказалъ въ просьбѣ.

Оберъ-секретарь 1-го департамента Сената А. Ѳ. Бухе объяснилъ мнѣ, что по Своду Законовъ допускается снятіе запрещенія только по обратномъ представленіи выданнаго граждаскою палатою свидѣтельства на имѣніе, а если такового не представляется, то и запрещеніе должно оставаться въ силѣ. Онъ мнѣ говорилъ, что ему удалось снять болѣе пятидесяти запрещеній, бывшихъ на имѣніи сенатора Александра Ѳеодоровича Веймарна, но одного запрещенія, наложеннаго по затерянному свидѣтельству, онъ не могъ снять. С.-Петербургскій окружный судъ, несмотря на близкое знакомство Веймарна и Бухе съ нѣкоторыми изъ его членовъ, никакихъ доказательствъ не принялъ и въ ихъ ходатайствѣ отказалъ.

Осенью 1874 года повѣренный при правленіи общества Орловско-Витебской дороги князь Николай Ильичъ Вадбольскій, оставивъ это мѣсто, переѣхалъ въ Петербургъ. По его совѣту было мною послано прошеніе въ Орловское губернское правленіе о томъ, что моя сестра никогда не видала свидѣтельствъ, выданныхъ ея мужу, и о томъ, чтобы правленіе объ ихъ потерѣ опубликовало и по истеченіи узаконеннаго срока выдало объ этой потерѣ удостовѣреніе, которое, впрочемъ, Елецкій судъ едва ли бы призналъ достаточнымъ доказательствомъ для снятія запрещеній.

Итакъ, прошло 2½ года по утвержденіи выкупного надѣла крестьянамъ въ имѣніяхъ моей сестры и ея дочери, а онѣ не получали ни выкупной ссуды, ни процентовъ съ нея. Видя, что посторонніе люди, хотя бы и получали вознагражденіе, равнодушно относятся къ дѣлу, я нашелъ нужнымъ самому имъ заняться. Съ этою цѣлію я былъ 25 октября 1874 года

въ главномъ выкупномъ учрежденіи, начальникъ котораго сенаторъ Максимъ Карловичъ Цеймернъ, весьма ко всѣмъ благосклонный, самъ навелъ нужныя мнѣ справки о запрещеніяхъ на имѣнія моей сестры и ея дочери. По этимъ справкамъ оказалось, что на имѣніяхъ моей сестры и племянницы были показаны три запрещенія 1830, 1834 и 1836 годовъ. Разсмотрѣвъ эти запрещенія, я нашелъ, что они вовсе не относились къ имѣніямъ моей племянницы и что указанное нотаріусомъ запрещеніе 1830 года также не относилось къ имѣнію моей сестры; относительно же запрещеній на ея имѣнія 1834 и 1836 годовъ, что они относятся къ одному и тому же имѣнію, и потому только послѣднее изъ запрещеній могло имѣть значеніе, хотя и оно, конечно, было въ свое время уничтожено, но только это уничтоженіе не было отмѣчено по разрѣшительнымъ книгамъ, что весьма часто случалось въ прежнее время.

Когда я все это объяснилъ Цеймерну, а равно передалъ ему и о безвыходномъ положеніи относительно снятія запрещенія 1836 года, онъ посовѣтовалъ мнѣ представить въ главное выкупное учрежденіе заявленіе въ означенномъ смыслѣ и просить о выдачѣ выкупной ссуды моей племянницѣ немедля, а моей сестрѣ по прошествіи установленнаго времени со дня публикаціи о потерѣ свидѣтельства, по коему наложено запрещеніе 1836 года, каковая публикація, по его словамъ, могла быть сдѣлана главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ. При подачѣ мною этихъ заявленій, Цеймернъ обѣщался ихъ представить въ первое общее присутствіе упомянутаго учрежденія. Спустя нѣсколько дней я получилъ обратно поданныя мною заявленія съ надписями, что дѣла моей сестры и ея дочери отосланы въ Орловское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и затѣмъ означенныя заявленія не подлежатъ разсмотрѣнію главнаго выкупного учрежденія. Послѣ этого отказа я рѣшился по дѣлу о снятіи запрещеній съ имѣній сестры ожидать послѣдствія публикаціи Орловскаго губернскаго правленія о потерѣ выданныхъ ея мужу свидѣтельствъ, а по дѣлу племянницы послано было въ ноябрѣ въ Орловское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе прошеніе съ объясненіемъ, что указанныя нотаріусомъ запрещенія до ея имѣнія не относятся. Въ довѣренности, данной 22 ноября И. А. Нарышкину на веденіе дѣла съ Савинымъ, поручено было ему хлопотать и о снятіи запрещеній съ имѣнія сестры, и кромѣ того онъ обѣщался принять мѣры къ скорѣйшему разрѣшенію просьбы моей племянницы, но и по этимъ дѣламъ онъ вполнѣ бездѣйствовалъ, какъ и по дѣлу Савина. Наконецъ, князь Н. И. Вадбольскій, ѣздившій на нѣсколько дней въ Орелъ, добился постановленія тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія отъ 23 декабря 1874 года о выдачѣ ей выкупной ссуды 25.200 руб., которые ею получены въ началѣ 1875 года.

Въ доказательство неурядицы въ веденіи запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ упомяну о томъ, что Елецкій окружный судъ отказалъ въ ноябрѣ 1875 года ввести мою племянницу во владѣніе д. Малыми Извалами по случаю состоящаго на немъ запрещенія 1846 года, показан-

наго Орловскимъ нотаріусомъ, тогда какъ по справкѣ, сдѣланной мною 4 декабря въ главномъ выкупномъ учрежденіи, это запрещеніе было снято еще въ 1850 году. По доставленіи этой справки, моя племянница была введена во владѣніе имѣніемъ, которымъ уже владѣла нѣсколько десятково лѣтъ. Эта формальность въ прежнее время рѣдко была исполняема, нъ по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года она сдѣлалась необходимою. Въ упомянутомъ постановленіи отъ 23 декабря сказано было, что выкупную ссуду моей сестрѣ слѣдуетъ задержать до снятія съ числящихся на ея имѣніи запрещеній, къ чему единственнымъ средствомъ оставалось ожидать полученія удостовѣренія отъ Орловскаго губернскаго правленія о томъ, что свидѣтельства гражданской палаты, по которымъ наложены запрещенія по сдѣланной имъ публикаціи, не отысканы.

По полученіи этого удостовѣренія, полагалось представить его въ Елецкій окружный судъ, изъ котораго, если будетъ полученъ отказъ въ снятіи запрещеній, перенести дѣло въ судебную палату и въ кассаціонный департаментъ Сената для вызова новаго закона о томъ, какъ снимать запрещенія съ имѣній, въ случаѣ потери свидѣтельствъ, по которымъ эти запрещенія наложены. Для ходатайства по этому плану 29 декабря 1875 года была выдана помощнику присяжнаго повѣреннаго Д. В. Рудольфову довѣренность, которая оказалась безполезною потому, что запрещеніе съ имѣнія моей сестры было снято въ половинѣ января 1876 года по ходатайству ея новаго управляющаго А. Н. Бурмина. Ему удалось въ Орлѣ въ архивѣ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ найти удостовѣреніе, что запрещеніе было давно снято; но только объ этомъ не было напечатано, какъ бы слѣдовало, разрѣшительной статьи. Это разысканіе ему стоило всего 25 рублей. Такъ неожиданно и дешево окончилось это дѣло, продолжавшееся четыре года и грозившее долго еще протянуться и стоить очень дорого. Вскорѣ мною были получены назначенные сестрѣ въ ссуду 7.078 руб. съ процентами съ 1872 года.

Выше я упоминалъ о томъ, что А. А. Нарышкинъ въ письмѣ отъ 10 сентября 1872 года извѣщалъ меня о выдержанной имъ сильнѣйшей передрягѣ. Н. В. Павловъ, въ бытность мою въ Москвѣ, разсказывалъ мнѣ о ссорѣ Нарышкина съ нѣкіимъ Киньяковымъ, имѣвшей послѣдствіемъ дуэль между ними, но подробности этого дѣла я узналъ гораздо позже отъ И. А. Нарышкина, въ бытность послѣдняго въ Петербургѣ. Эти два брата Нарышкины не имѣютъ между собою никакого сходства: насколько старшій говоритъ серьезно и медленно, настолько младшій шутовски и проворно. Послѣдній очень забавно разсказывалъ, между прочимъ, о своемъ обученіи въ извѣстномъ Московскомъ лицеѣ и о своей женитьбѣ.

Лицей, учрежденный Катковымъ и Леонтьевымъ, по его словамъ, во многихъ отношеніяхъ представлялъ верхъ безобразія. Между прочимъ, воспитанники изъ низшихъ классовъ были сильно заняты изученіемъ древнихъ языковъ: на время вакацій отъ нихъ требовалось выучить наизусть нѣсколько сотъ латинскихъ или греческихъ стиховъ. Однажды на его долю

выпало 800 стиховъ изъ Овидія. Онъ ограничился изученіемъ 200 стиховъ, которые при хорошей памяти и теперь не забылъ. Въ видѣ наказанія учениковъ заставляли учить наизусть молитвы по-гречески. Между тѣмъ воспитанники высшихъ классовъ лицея пишутъ по-русски весьма неправильно и вообще плохо знаютъ русскую грамматику. Кончившіе курсъ въ лицеѣ и остающіеся въ немъ жить по поступленіи студентами въ университетъ ведутъ себя дурно въ своихъ комнатахъ. За ними нѣтъ присмотра, а въ ихъ комнаты ходятъ и лицеисты. Нарышкинъ шутливо передавалъ много другихъ несообразностей лицейскаго воспитанія. О своей свадьбѣ онъ разсказывалъ съ большимъ юморомъ. Онъ былъ давно влюбленъ въ свою двоюродную сестру Абазу, которой родная сестра была замужемъ за его старшимъ братомъ Сергѣемъ. Его любимица вышла замужъ за помѣщика Турчанинова, имѣла дѣтей и овдовѣла. Тогда Нарышкинъ снова задумалъ на ней жениться. Весьма интересенъ и юмористиченъ его разсказъ о побѣгѣ съ невѣстою изъ Орла, о приключеніи на желѣзной дорогѣ, ночи, проведенной вслѣдствіе этого всѣми пассажирами на какой-то маленькой станціи, объ его ночномъ пріѣздѣ въ деревню его знакомаго въ такой день, когда уже по церковнымъ правиламъ болѣе не вѣнчаютъ, объ отыскиваніи священника, котораго онъ заставилъ себя обвѣнчать ночью, о стукѣ въ запертую церковную дверь во время вѣнчанія и т. п. Онъ же передавалъ намъ, что братъ его Александръ хотя былъ во многомъ полезенъ молодому Киньякову, но любилъ постоянно трунить надъ послѣднимъ. Киньяковъ, сидя однажды за ужиномъ, не выдержавъ остротъ А. А. Нарышкина, сказалъ ему что-то дерзкое, а послѣдній за это облилъ его горячимъ супомъ. Послѣдствіемъ былъ вызовъ Киньяковымъ Нарышкина на дуэль, отъ которой Киньяковъ вскорѣ отказался, не желая драться съ человѣкомъ, которому считалъ себя во многомъ обязаннымъ. Но Нарышкинъ требовалъ дуэли, и Киньяковъ не могъ отъ нея отдѣлаться. Секундантомъ Нарышкина былъ братъ его Иванъ, который при разсказѣ не могъ умолчать, что во всемъ этомъ дѣлѣ онъ считаетъ виновнымъ брата. Киньяковъ былъ раненъ, и оба дуэлиста и ихъ секунданты преданы суду. И. А. Нарышкинъ говорилъ, что публикѣ странно было слышать, когда обвиняемые на вопросъ судьи отвѣчали, что одинъ изъ нихъ предсѣдатель мирового съѣзда, а другой мировой судья, и что онъ, находя себя несправедливо оправданнымъ, хотѣлъ подать кассаціонную жалобу на это оправданіе, но былъ удержанъ братомъ.

Я неоднократно посѣщалъ въ крѣпости А. А. Нарышкина, котораго очень приглашали поступить на службу въ министерство юстиціи на видное мѣсто, чего онъ крѣпко не желалъ, находя, согласно съ моимъ мнѣніемъ, что подобная служба не соотвѣтствовала его наклонностямъ. Но онъ не съумѣлъ отказаться и потому прямо изъ крѣпости поступилъ въ означенное министерство, службу въ которомъ онъ оставилъ въ концѣ 1874 года и тогда же былъ избранъ въ предсѣдатели Орловской губернской земской управы.

Въ 1873 году начали говорить, что всесильный шефъ жандармовъ, графъ П. А. Шуваловъ, имѣвшій, какъ видно изъ XI главы «Моихъ воспоминаній», сильное вліяніе и на мою судьбу, потерялъ значеніе у Государя. По слухамъ, причиною этого было то, что Шуваловъ во многихъ случаяхъ излагалъ свои мнѣнія въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, придавая имъ значеніе тѣмъ, что будто бы они согласны съ желаніемъ Государя. Для публики первымъ признакомъ нерасположенія Государя къ Шувалову было пожалованіе ему, по случаю бракосочетанія великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ, брилліантовыхъ знаковъ на орденъ Александра Невскаго при весьма сухой грамотѣ, самая же награда была такая, которую лица, поставленныя въ положеніе Шувалова, обходятъ, а онъ тѣмъ болѣе могъ надѣяться на полученіе высшей награды.

Въ апрѣлѣ 1874 года Государь ѣздилъ въ Англію навѣстить свою дочь. Въ это время графъ Брунновъ, бывшій долго русскимъ посломъ въ Лондонѣ, затруднялся оставаться на этомъ посту. Государь, вспомнивъ, что Шуваловъ въ началѣ 60-хъ годовъ, не имѣя никакой должности, просилъ канцлера Горчакова о назначеніи его на какой-либо дипломатическій постъ, рѣшилъ назначить Шувалова посломъ въ Лондонѣ, въ случаѣ выхода Бруннова. Горчаковъ и Шуваловъ были съ Государемъ въ Лондонѣ. Шуваловъ поѣхалъ съ нимъ въ Эмсъ и Юхенгеймъ. Конечно, о предполагаемомъ назначеніи Шувалова Государь говорилъ съ Горчаковымъ, но Шувалову, который не могъ не знать объ этомъ, не сказалъ ни слова. Это очень тяготило Шувалова. Когда же, мѣсяцъ спустя по отъѣздѣ изъ Лондона Государя, Брунновъ прислалъ письмо, въ которомъ по болѣзни просилъ полнаго увольненія, Шуваловъ рѣшился просить Государя о назначеніи посломъ въ Лондонъ. Государь приказалъ ему ѣхать въ Вильдбадъ къ канцлеру князю Горчакову и просить его согласія на это назначеніе, которое вскорѣ послѣдовало. Удаленіе Шувалова обрадовало всю Россію.

Вскорѣ по удаленіи Шувалова былъ смѣненъ министръ путей сообщенія графъ А. П. Бобринскій. Всѣ считали эту смѣну только слѣдствіемъ удаленія Шувалова, такъ какъ извѣстно было, что Бобринскій былъ имъ посаженъ въ министры и постоянно поддерживаемъ. Полагали, что вслѣдъ за Бобринскимъ будутъ смѣнены и другіе клевреты Шувалова и между прочими министръ юстиціи графъ К. И. Паленъ, который даже, какъ говорятъ, опасаясь смѣны, самъ просилъ Государя объ увольненіи отъ должности, но въ его просьбѣ ему было отказано, и никто изъ прочихъ министровъ смѣненъ не былъ. Увольненіе же Бобринскаго послѣдовало не по случаю удаленія Шувалова, а по слѣдующей причинѣ. Я уже говорилъ, что Государь постоянно былъ нерасположенъ къ Бобринскому, всегда ратовавшему противъ министра финансовъ М. Х. Рейтерна, въ надеждѣ занять его мѣсто. Въ X главѣ «Моихъ воспоминаній» я подробно описалъ предложенный Бобринскимъ въ началѣ 1874 года способъ выдачи кон-

цессій на жел. дороги. Гибельныя послѣдствія этого способа, выше мною описанныя, были окончательнымъ поводомъ къ смѣнѣ Бобринскаго. Они обнаружились въ апрѣлѣ 1874 года, и Государь 17 апрѣля, въ день своего рожденія, призвавъ К. Н. Посьета, объявилъ ему о желаніи своемъ назначить его министромъ путей сообщенія.

Посьетъ, объявивъ Государю, что по незнакомству съ путями сообщенія онъ не желаетъ принять этой должности, указалъ на меня, какъ на человѣка, по его мнѣнію, наиболѣе способнаго занять ее. Но Государь отвѣчалъ, что его непремѣнное желаніе видѣть Посьета министромъ путей сообщенія, и далъ ему два дня подумать. 19 апрѣля, въ день своего отъѣзда въ Эмсъ, Государь повторилъ свое требованіе, но Посьетъ продолжалъ отговариваться неспособностью. Слухъ объ этомъ разнесся по всему Петербургу, и мнѣ его передавали лица, которымъ о немъ говорилъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Когда я сказалъ объ этомъ слухѣ Посьету, онъ мнѣ передалъ разговоры Государя съ нимъ 17-го и 19-го апрѣля. Онъ присовокупилъ, что прежде не сообщалъ мнѣ о нихъ, почитая себя не въ правѣ ихъ разглашать, и что онъ просилъ Государя передать въ его вѣдѣніе одни водяные пути, которые онъ постарался бы устроить, но Государь на такое раздѣленіе министерства путей сообщенія не согласился. Посьетъ надѣялся, что все кончится одними этими разговорами. Онъ полагалъ, если Государь снова заговоритъ съ нимъ объ этомъ назначеніи, предложить меня въ министры, а себя въ товарищи, которому предоставить управленіе водяными путями. Я поблагодарилъ его за то, что онъ говорилъ обо мнѣ Государю, но просилъ впослѣдствіи этого не дѣлать, потому что Государь никогда не согласится назначить меня, а если бы это, сверхъ чаянія, и случилось, то я непремѣнно откажусь и уже приготовилъ вѣскіе поводы моему отказу, который послужитъ только къ бо̀льшему на меня неудовольствію Государя. Мое мнѣніе было выражено такъ рѣшительно, что Посьетъ не могъ нисколько въ немъ сомнѣваться.

По возвращеніи изъ-за границы, Государь, въ бытность въ Царскомъ Селѣ, при докладѣ графа А. П. Бобринскаго 7-го іюля, сказалъ ему, что онъ нашелъ нужнымъ его замѣнить, а на другой день сказалъ Посьету, въ присутствіи министра финансовъ М. Х. Рейтерна, что не принимаетъ никакихъ отговорокъ и назначаетъ Посьета министромъ путей сообщенія. Посьетъ прямо изъ дворца пришелъ ко мнѣ и сказалъ о происшедшемъ и о томъ, что онъ просилъ Государя не объявлять нѣсколько времени объ его назначеніи, чтобы дать ему возможность познакомиться съ дѣлами, на что Государь согласился, сказавъ, что въ этотъ промежутокъ времени можетъ управлять товарищъ министра. Я не оправдывалъ этой напрасной отсрочки въ виду того, что въ нѣсколько дней Посьетъ не можетъ познакомиться съ дѣлами, а въ это время многое могутъ напутать. Тогда же А. В. Головнинъ сообщилъ мнѣ, что Рейтернъ, заѣхавшій къ нему послѣ доклада у Государя, передалъ ему слово въ слово то же, что мнѣ сообщилъ Посьетъ. Несмотря на лично Государемъ объявленное Бобринскому по-

велѣніе, онъ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, управлять министерствомъ и послѣ 4-го іюля сдѣлалъ много важныхъ распоряженій, которыя вовсе не требовали поспѣшности и могли безъ неудобства быть отложены до вступленія въ должность новаго министра.

Въ виду предстоявшей поѣздки Императрицы по жел. дорогѣ, онъ всеподданнѣйшею запискою отъ 8 іюля, которую подписалъ «министръ путей сообщенія графъ Бобринскій», испрашивалъ разрѣшенія Государя о томъ, онъ или начальникъ управленія жел. дорогъ Шернваль долженъ сопровождать Императрицу по жел. дорогѣ. Государь положилъ резолюцію: «ѣхать Шернвалю, а министерство немедля сдать товарищу». Послѣ этого Бобринскій не могъ болѣе скрывать своего увольненія. 10-го іюля, говоря объ этомъ съ С. В. Кербедзомъ, преданнымъ ему наравнѣ со всѣми Поляками, утверждалъ, что не знаетъ, кто будетъ назначенъ на его мѣсто, но во всякомъ случаѣ не Посьетъ, хотя еще 4-го числа Государь ему сказалъ объ этомъ назначеніи. Невольно рождается вопросъ, съ какою цѣлью онъ лгалъ? На это одинъ отвѣтъ, что онъ не умѣлъ говорить правды.

10-го іюля Государь дѣлалъ смотръ флоту въ Кронштадтѣ, куда его сопровождалъ, между прочими, Посьетъ, какъ морской генералъ-адъютантъ.

Во время плаванія въ Кронштадтѣ, Государь, для прекращенія дальнѣйшихъ недоразумѣній по управленію министерствомъ путей сообщенія, далъ повелѣніе напечатать въ приказахъ военному министру объ увольненіи числящагося въ военномъ вѣдомствѣ Бобринскаго отъ должности, а генералъ-адмиралу великому князю Константину Николаевичу о назначеніи Посьета. Говорятъ, что на вопросъ, сдѣланный еще въ апрѣлѣ великимъ вняземъ, о томъ, съ какою цѣлью Государь назначаетъ въ эту должность адмирала, онъ отвѣчалъ, что имѣлъ давно въ виду заняться улучшеніемъ внутреннихъ водяныхъ сообщеній и полагаетъ, что этого можетъ достигнуть посредствомъ такового назначенія. Великій князь, не любя Посьета, предлагалъ управляющаго Ярославскою губерніей, сенатора, вице-адмирала Унковскаго. Вѣроятно, послѣдній и былъ бы назначенъ министромъ путей сообщенія, если бы Посьетъ продолжалъ отказываться отъ этой должности.

Въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» за сентябрь 1874 года была напечатана статья подъ заглавіемъ: «Исторія одного вѣдомства», весьма замѣчательная, хотя въ ней есть, какъ указано въ X главѣ «Моихъ воспоминаній», неправильные факты.

«Вѣстникъ Европы» издается безъ предварительной цензуры, но, за нѣсколько дней до выхода его книжекъ, онѣ посылаются въ цензурный комитетъ. Послѣдній, несмотря на то, что въ упомянутой статьѣ ничего не было нецензурнаго, ее не пропустилъ собственно потому, что въ ней доказывалось, между прочимъ, что ничего нѣтъ общаго между устройствомъ водяныхъ сообщеній въ Имперіи и морскою частію, а слѣдовательно, что мнѣніе о назначеніи адмирала министромъ путей сообщенія собственно

съ этою цѣлію неправильно. Уничтоженіе цензурою этой статьи было причиною того, что «Вѣстникъ Европы», весьма аккуратно выходящій 1-го числа каждаго мѣсяца, вышелъ въ сентябрѣ 1874 года только 8 числа. Какъ бы въ награду за это уничтоженіе, цензура оставила напечатанную въ этой же книжкѣ весьма рѣзкую статью о министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Чины вѣдомства путей сообщенія, не имѣвшіе никакого понятія о Посьетѣ, оставались къ его назначенію равнодушными, за исключеніемъ служащихъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, которые получали при Бобринскомъ значительныя награды, а потому прощали ему его неровное съ ними, иногда доходившее до дерзости, обращеніе и постоянную его ложь. Они видѣли, сверхъ того, въ немъ человѣка, который своею энергіей можетъ возвысить значеніе вѣдомства, вслѣдствіе чего совершенно подчинились его понятіямъ. Публика, бо̀льшею частію недовольная Бобринскимъ, находила однако же, что нельзя такимъ образомъ увольнять министровъ; что при увольненіи Бобринскаго слѣдовало по заведенному порядку назначить его членомъ Государственнаго Совѣта, что по мнѣнію большинства Бобринскій не сдѣлалъ ничего вреднаго, но это большинство не только не понимало вреда отъ финансовыхъ мѣръ, предложенныхъ Бобринскимъ для сдачи жел. дорогъ, но, вслѣдствіе статей «Вѣстника Европы» и «Петербургскихъ Вѣдомостей», даже считало эти мѣры полезными. Назначеніе же Посьета министромъ путей сообщенія публика приняла дурно. Общее мнѣніе было, что онъ, ничего не понимая въ путяхъ сообщенія и вообще въ администраціи, не справится съ министерствомъ. Общій голосъ былъ тотъ, что всѣ возлагаютъ свои надежды на меня, такъ какъ я, по дружбѣ моей съ Посьетомъ, буду его руководить. Онъ самъ, полагаю болѣе изъ приличія, просилъ меня объ этомъ, но какъ бы то ни было, я при первомъ намекѣ Посьета заявилъ ему, что рѣшительно отказываюсь отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла министерства, что каждый долженъ жить своимъ умомъ и что мое вмѣшательство можетъ служить поводомъ къ несогласіямъ между нами, а затѣмъ къ менѣе дружественнымъ отношеніямъ, чего я всѣми силами желаю избѣжать. Это заявленіе, какъ сказалось впослѣдствіи, было весьма умѣстно. Посьетъ никогда не говоритъ мнѣ ни о чемъ, касающемся министерства путей сообщенія. О всѣхъ его распоряженіяхъ я узнавалъ только изъ газетъ или случайно. Даже о предположеніи преобразовать центральныя и мѣстныя учрежденія министерства я узналъ только потому, что, войдя разъ въ его кабинетъ, засталъ засѣданіе комиссіи, учрежденной для составленія проекта преобразованія. Въ настоящее время (декабрь 1876 г.), когда этотъ проектъ напечатанъ и разосланъ начальствующимъ въ вѣдомствѣ лицамъ на ихъ заключеніе, мнѣ неизвѣстно, въ чемъ онъ состоитъ, а многіе все еще воображаютъ, что я главное дѣйствующее лицо въ министерствѣ.

Не могу понять цѣли Посьета скрывать отъ меня все, что дѣлается по министерству: нельзя же приписать это вышеприведеннымъ моимъ

словамъ при его назначеніи министромъ. Должно полагать, что онъ просто хочетъ показать, что дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно, или что, замѣтивъ несходство моихъ взглядовъ со взглядами его ближайшихъ сотрудниковъ, онъ предпочитаетъ взгляды послѣднихъ и не желаетъ выслушивать могущихъ быть съ моей стороны опроверженій. Не одна обыкновенная публика, но и наиболѣе высокопоставленныя лица также расчитывали, что съ назначеніемъ Посьета я буду имѣть вліяніе на дѣла министерства путей сообщенія.

На другой день этого назначенія, именно 11-го іюля, я зашелъ къ А. В. Головнину, у котораго засталъ военнаго министра Д. А. Милютина, Посьета и еще кого-то. Головнинъ встрѣтилъ меня словами, что я легокъ на поминѣ, что онъ и Милютинъ только что поздравили Посьета съ новымъ назначеніемъ и съ тѣмъ, что ему, по дружбѣ со мною, такъ легко пользоваться моими совѣтами. Я отвѣчалъ, что не полагаю, чтобы Посьетъ въ нихъ нуждался, и старался перемѣнить предметъ разговора. По уходѣ Милютина и Посьета, я передалъ Головнину мой способъ воззрѣнія относительно вмѣшательства въ дѣла министерства посторонняго лица и мои условія по этому предмету съ Посьетомъ. Головнинъ, не соглашаясь со мною, сказалъ, что и Рейтернъ радъ назначенію Посьета собственно потому, что послѣдній вѣрно будетъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, и на мое замѣчаніе, что не могу же я ни въ какомъ случаѣ постоянно руководить Посьетомъ, наблюдая за всѣми его распоряженіями, Головнинъ отвѣчалъ, что для министра финансовъ имѣютъ значеніе только важныя распоряженія министра путей сообщенія и что Головнинъ не понимаетъ, какъ можетъ Посьетъ, не смотря на сдѣланное между нами условіе, приступать къ нимъ, не посовѣтовавшись со мною. Онъ полагалъ даже, что если постороннему лицу нѣтъ возможности слѣдить за дѣлами министерства, то можно бы и слѣдовало бы устроить такъ, чтобы я хотя временно, напримѣръ, года два исправлялъ должность товарища министра, причемъ могъ бы быть назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Я ему объяснилъ, что я на это не соглашусь и что самое званіе члена Государственнаго Совѣта меня нисколько не интересуетъ, такъ какъ присутствованіе въ Сенатѣ я по многимъ причинамъ предпочитаю присутствованію въ Совѣтѣ.

Сцены, подобныя бывшей у Головнина, въ которыхъ Посьету говорили, чтобы онъ руководствовался по управленію министерствомъ моими совѣтами, повторялись неоднократно и потому могли бы надоѣсть ему и послужить поводомъ къ охлажденію нашихъ отношеній, если бы Посьетъ не былъ въ высшей степени благороднѣйшій человѣкъ, вполнѣ увѣренный въ томъ, что я не только не вызываю этихъ сценъ, но очень ими недоволенъ.

Изъ слѣдующаго разсказа, переданнаго мнѣ Посьетомъ, видно, что самъ Государь говорилъ ему о томъ, что я могу быть ему полезенъ. Когда Посьетъ заявилъ Государю, что онъ принимаетъ должность только по его повелѣнію, хотя не чувствуетъ себя способнымъ, Государь, назвавъ

нѣсколько высшихъ инженерныхъ чиновъ, на которыхъ можно положиться по технической части, заявилъ сожалѣніе, что меня нѣтъ болѣе въ министерствѣ, такъ какъ мнѣ, кромѣ технической части, хорошо извѣстна и административная, и что я былъ бы ему весьма полезенъ. Полагаю, что при этомъ Государь сказалъ, что причиною моего удаленія были наговоры о моихъ нечестныхъ дѣйствіяхъ: я это заключаю изъ сказаннаго мнѣ Посьетомъ, что онъ, при вышеприведенномъ разговорѣ съ Государемъ, нашелъ нужнымъ объяснить, что знаетъ меня за вполнѣ честнаго человѣка и что даже объяснилъ Государю, откуда взялись у меня деньги на покупку дачи въ Царскомъ Селѣ, указавъ на выкупныя свидѣтельства за имѣніе моей жены, каковое объясненіе, по моему мнѣнію, было излишне.

Государь заключилъ разговоръ тѣмъ, что всегда зналъ меня за честнаго человѣка, что еще графъ Клейнмихель постоянно объ этомъ свидѣтельствовалъ, а что не трудно оклеветать всякаго служащаго. Весь этотъ разговоръ переданъ былъ мнѣ въ такомъ тонѣ,что можно было заключить, что Государю угодно было, чтобы я снова поступилъ въ министерство путей сообщенія, конечно, на должность товарища министра, но Посьетъ прямо мнѣ этого не заявлялъ, увѣренный изъ приведенныхъ выше моихъ съ нимъ объясненій, что я, послѣ всего случившагося со мною при управленіи министерствомъ, не согласился бы быть даже министромъ, а тѣмъ менѣе товарищемъ.

Въ публикѣ постоянно слышались неодобрительные отзывы о назначеніи Посьета. Находили, что онъ неспособенъ, не зная технической части путей сообщенія, и что онъ не имѣетъ никакой опытности въ администраціи. Эти отзывы меня сильно бѣсили. Отчего же всѣ молчали при назначеніи двухъ Бобринскихъ, которые также не имѣли опытности въ администраціи и не знали никакой технической части, не говоря уже о томъ, что прежняя ихъ служба вовсе не была извѣстна, тогда какъ Посьетъ во флотѣ заслужилъ хорошую репутацію и слѣдовательно долженъ былъ имѣть свѣдѣнія въ части техники, общей для службы во флотѣ и въ путяхъ сообщенія?

11-го іюля, на другой день назначенія, онъ съ женою обѣдалъ у насъ. Въ это время у насъ въ Царскомъ Селѣ гостила моя сестра съ дочерью и за обѣдомъ было нѣсколько постороннихъ. Послѣ обѣда составились особые кружки и одинъ изъ нихъ состоялъ изъ Посьета, А. И. Баландина, И. Н. Колесова и меня. Посьетъ дѣлалъ мнѣ разные вопросы, показывавшіе его незнаніе самыхъ простыхъ вещей. Между прочимъ онъ просилъ меня объяснить разницу между акціями и облигаціями обществъ жел. дорогъ. Во время моихъ объясненій Баландинъ, чувствуя неловкость своего присутствія, удалился, а Колесовъ, по своей наивности, при концѣ нашего разговора съ Посьетомъ сказалъ ему, что для пріобрѣтенія мною переданнаго другимъ способомъ потребовалось бы нѣсколько мѣсяцевъ.

Посьетъ очень добродушно съ этимъ согласился. Вскорѣ Посьетъ уѣхалъ для сопровожденія Государя по жел. дорогѣ, а по возвращеніи переѣхалъ изъ Царскаго Села, гдѣ онъ жилъ въ одномъ изъ флигелей дворца

у воротъ, ведущихъ въ паркъ, въ домъ министра путей сообщенія. Съ этого времени мы видѣлись рѣдко, хотя и я вскорѣ переѣхалъ въ Петербургъ. Посьетъ въ ноябрѣ снова поѣхалъ въ Ливадію и вернулся съ Государемъ въ Петербургъ больнымъ. Я его навѣщалъ, но избѣгалъ разговоровъ о дѣлахъ министерства.

Въ числѣ посѣщавшихъ больного были М. Х. Рейтернъ и К. В. Чевкинъ. Первому Посьетъ сказалъ, что въ виду неудачи способа, предложеннаго графомъ А. П. Бобринскимъ для отдачи частнымъ обществамъ постройки и эксплоатаціи жел. дорогъ, онъ желалъ бы Донецкую каменноугольную жел. дорогу, которой устройство было на очереди и требовалось общественнымъ мнѣніемъ, построить правительствомъ, а не передавать ее частнымъ обществамъ.

Рейтернъ отвѣчалъ, что онъ, испытавъ послѣдствія казенныхъ построекъ жел. дорогъ, никогда на нихъ не согласится. Посьетъ передалъ это Чевкину, причемъ выразилъ трудность найти добросовѣстныхъ концессіонеровъ для постройки Донецкой жел. дороги. Чевкинъ отвѣчалъ, что если поручить это дѣло Ѳ. В. Чижову, то онъ укажетъ и наилучшій способъ концессіи и найдетъ наилучшихъ людей для ея исполненія, что Рейтернъ, конечно, раздѣляетъ это мнѣніе о Чижовѣ, который часто бываетъ въ Петербургѣ, и что черезъ меня можно его пригласить немедля пріѣхать. Вскорѣ послѣ этого Посьетъ просилъ меня пригласить Чижова въ Петербургъ, умолчавъ, что онъ желаетъ его видѣть по совѣту Чевкина, который уже впослѣдствіи мнѣ передалъ свой разговоръ съ Посьетомъ по этому предмету. Я исполнилъ просьбу Посьета и написалъ Чижову. Этимъ ограничилось вмѣшательство мое въ дѣло Донецкой жел. дороги.

Изъ слѣдующаго разсказа видно будетъ, что я ровно ничего не зналъ о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла, между тѣмъ какъ многіе думали, что я главный въ немъ участникъ. Чижовъ по пріѣздѣ заявилъ Посьету, что онъ не можетъ быть въ числѣ учредителей общества Донецкой жел. дороги, такъ какъ всѣ учредители пожелаютъ имѣть хотя нѣкоторыя выгоды отъ этой концессіи, а онъ, по своимъ правиламъ, не можетъ согласиться на полученіе какихъ-либо выгодъ въ подобныхъ предпріятіяхъ, но при этомъ онъ обѣщалъ найти людей знающихъ и добросовѣстныхъ, которые ограничатся небольшими выгодами и построятъ дорогу прочно; по утвержденіи же концессіи онъ можетъ быть и приметъ званіе предсѣдателя правленія общества для управленія эксплоатаціею дороги.

На сдѣланное ему замѣчаніе, что концессія на жел. дорогу можетъ быть отдана безъ конкуренціи только въ такомъ случаѣ если онъ согласится быть въ числѣ учредителей, а что при его несогласіи необходимо будетъ произвести торгъ, по которому концессія можетъ попасть въ руки Полякова или подобныхъ ему лицъ, которыхъ Посьетъ старался всѣми силами избѣгнуть, Чижовъ согласился поступить въ число учредителей, но съ тѣмъ, что онъ не будетъ участвовать въ выгодахъ отъ предпріятія, которыя раздѣлятся между прочими учредителями.

Когда онъ передалъ мнѣ о своемъ согласіи, я тогда же отрицалъ возможность найти добросовѣстныхъ людей, которые при такомъ условіи пошли бы въ концессіонеры. Однако же, по пріѣздѣ Чижова въ Москву, онъ мнѣ сообщилъ, что эти люди имъ найдены. Вскорѣ онъ долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ по случаю тяжкой болѣзни его стараго друга, одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ Малороссіи, Григорія Павловича Галагана.

Чижовъ сообщилъ мнѣ изъ Кіева, что немедля по его выѣздѣ изъ Москвы собранные имъ учредители общества Донецкой жел. дороги прислали ему отказъ и это его весьма огорчило. Я повторилъ ему вышеприведенное мое мнѣніе по этому дѣлу и въ виду того, что заботы о немъ разстраиваютъ весьма потрясенное здоровье Чижова, просилъ отъ него отказаться, но онъ отвѣчалъ, что по возвращеніи въ Москву будетъ настаивать, чтобы собранные имъ учредители снова вступили въ дѣло, потому что считаетъ слишкомъ важнымъ для Россіи, чтобы жел. дороги строились добросовѣстными лицами прочно и по возможности дешево, а если такимъ образомъ построятъ двѣ, три жел. дороги, то впослѣдствіи нельзя будетъ иначе строить.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Чижовъ объявилъ мнѣ, что онъ получилъ снова согласіе поступить въ учредители Донецкой жел. дороги отъ тѣхъ лицъ, которыхъ онъ прежде выбралъ, и что пріѣхалъ объ этомъ объявить властямъ. Но, вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Петербургъ, онъ снова получилъ извѣщеніе объ отказѣ собранныхъ имъ учредителей, въ числѣ которыхъ были Савва Ивановичъ Мамонтовъ, инженеры Клевецкій и Шмидтъ. Послѣ этого отказа, когда Чижовъ рѣшился не заниматься болѣе этимъ дѣломъ, тѣ же лица, которыя имъ были выбраны въ учредители, вступили между собою въ товарищество и подали прошеніе о предоставленіи имъ устройства Донецкой жел. дороги.

Въ виду того, что Чижова не было въ числѣ учредителей, министерство рѣшило назначить торгъ на устройство дороги, къ которому допускать лицъ, извѣстныхъ министрамъ финансовъ и путей сообщенія своею благонадежностію. Техническій комитетъ жел. дорогъ, желавшій всѣми мѣрами достигнуть постройки Донецкой дороги казною, назначилъ эту постройку на всемъ протяженіи отъ Волги до Днѣпра и сдѣлалъ ей высокую расцѣнку, но узнавъ, что постройка будетъ производиться частнымъ обществомъ, комитетъ уменьшилъ протяженіе, назначенное къ постройкѣ, убавилъ поверстную стоимость дороги и ввелъ въ проспектъ устава общества отяготительныя для послѣдняго условія. Несмотря на это, явились 42 учредительныхъ компаніи, желавшія получить концессію. Въ ихъ числѣ, сверхъ вышеупомянутаго товарищества изъ лицъ, избранныхъ Чижовымъ, во главѣ которыхъ былъ С. И. Мамонтовъ, были С. С. Поляковъ въ трехъ видахъ за себя и какъ представитель обществъ Воронежско-Ростовской и Курско-Азовской жел. дорогъ, представитель Грязе-Царицынской жел. дороги П. І. Губонинъ, В. А. Кокоревъ въ товариществѣ съ Кононовымъ и Хлудовымъ, Д. П. Шиповъ, товарищество отставного генералъ-

маіора Абазы, въ которомъ скрывался генералъ-адъютантъ Кушелевъ, адъютантъ великаго князя Константина Николаевича, капитанъ-лейтенантъ Сѣмечкинъ и другіе.

Бо̀льшая часть предпринимателей, увѣренные, что выборъ благонадежныхъ лицъ будетъ зависѣть отъ меня, безпрерывно посѣщали меня, заявляя свою благонадежность и просьбу допустить ихъ къ конкуренціи. Изъ поименованныхъ не обращались ко мнѣ только Мамонтовъ и Сѣмечкинъ. Вѣроятно, они были убѣждены, что будутъ допущены и безъ моего ходатайства, первый по рекомендаціи Чижова, а послѣдній, надѣясь на покровительство великаго князя Константина Николаевича.

Я всѣмъ отвѣчалъ, что я въ выборъ конкурентовъ не вмѣшиваюсь, но никто этому не хотѣлъ вѣрить. Въ особенности мнѣ надоѣло ходатайство Путилова за товарищество Кокорева.

Путиловъ долженъ Волжско-Камскому банку, въ которомъ предсѣдателемъ правленія Кокоревъ, значительную сумму. Онъ надѣялся получить черезъ Кокорева отсрочку своему займу на выгодныхъ условіяхъ. Хотя Путилову должны бы быть извѣстны мои правила и отношенія къ Посьету и министерству путей сообщенія, но онъ безпрерывно просилъ за Кокорева въ надеждѣ меня поколебать въ его пользу. Окончательный выборъ конкурентовъ былъ сдѣланъ въ мое отсутствіе за границу въ іюнѣ 1875 года, и я о немъ тогда не зналъ. Избраны были для конкуренціи шесть товариществъ изъ числа 42 претендентовъ; остальныя 36 считали себя обиженными. Въ числѣ недопущенныхъ былъ и адъютантъ великаго князя Константина Николаевича Сѣмечкинъ. Это даетъ мнѣ поводъ прервать разсказъ о Донецкой жел. дорогѣ и разсказать другой эпизодъ изъ моей жизни.

Этотъ эпизодъ относится къ толкамъ о назначеніи меня членомъ Государственнаго Совѣта. Н. И. Путиловъ въ началѣ 1874 года сказалъ мнѣ, что управляющій морскимъ министерствомъ Николай Карловичъ Краббе, близкій человѣкъ къ великому князю Константину Николаевичу, предсѣдателю Государственнаго Совѣта, увѣрилъ Путилова, котораго онъ очень любилъ, что я вскорѣ непремѣнно буду назначенъ членомъ Совѣта. Я отвѣчалъ, что мнѣ въ голову не приходило мѣнять мое служебное положеніе, которымъ вполнѣ доволенъ, а потому просилъ Путилова, чтобы онъ объ этомъ передалъ Н. К. Краббе. Путиловъ возразилъ, что не одинъ Краббе, а нѣсколько членовъ Государственнаго Совѣта желаютъ моего назначенія, чтобы имѣть возможность при моемъ участіи обсуждать представленія министра путей сообщенія графа А. П. Бобринскаго, котораго очень многіе не любили. Болѣзнь Краббе, сведшая его въ могилу, конечно была причиною, что онъ не исполнилъ своего намѣренія. Я полагаю, что она ему помѣшала даже говорить съ великимъ княземъ о моемъ назначеніи. Тѣмъ болѣе я былъ удивленъ, когда членъ Государственнаго Совѣта А. В. Головнинъ, величайшій недругъ Путилова, указывая мнѣ въ концѣ 1874 года на затрудненія членовъ Совѣта при разсмотрѣніи пред-

ставляемыхъ на утвержденіе бюджетовъ министерства путей сообщенія, прибавилъ, что мнѣ въ слѣдующемъ году придется испытать эти затрудненія, наравнѣ съ другими членами Совѣта.

О предполагаемомъ моемъ назначеніи Головнинъ повторялъ нѣсколько разъ въ разговорахъ со мною, но я на нихъ не обращалъ никакого вниманія. Въ іюнѣ 1875 года, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Карлсбадъ, Головнинъ передалъ мнѣ желаніе великаго князя Константина Николаевича, чтобы К. Н. Посьетъ просилъ его, какъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, о назначеніи меня членомъ онаго въ виду пользы, которую я могу принести въ Совѣтѣ, въ особенности по дѣламъ министерства путей сообщенія. Я отвѣчалъ, что хотя я друженъ съ Посьетомъ, но не намѣренъ говорить съ нимъ о моемъ назначеніи. Сверхъ того, я полагалъ, что Посьету нѣтъ повода входить съ представленіемъ о лицѣ, не состоящемъ въ его вѣдомствѣ.

Головнинъ возразилъ, что подобнымъ представленіямъ было уже нѣсколько примѣровъ отъ другихъ министерствъ и что я не имѣю права не передать Посьету того, что мнѣ поручаетъ великій князь, которому это ходатайство будетъ весьма пріятно, а Посьету, конечно, не мѣшаетъ сдѣлать угодное великому князю, въ особенности когда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ оказать услугу и лицу, съ которымъ друженъ. Ниже будетъ мною изложено, что въ началѣ 1875 года былъ въ Петербургѣ съѣздъ машиностроителей, котораго я былъ предсѣдателемъ, а великій князь почетнымъ предсѣдателемъ. Полагаю, что этотъ съѣздъ обратилъ его вниманіе на меня.

Передъ самымъ отъѣздомъ въ Карлсбадъ, я передалъ Посьету слово въ слово сказанное мнѣ Головнинымъ о желаніи великаго князя. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, Посьетъ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ предметѣ. Увѣренный, что Головнинъ меня о немъ спроситъ, я самъ обратился съ вопросомъ къ Посьету, который отвѣчалъ, что онъ совсѣмъ позабылъ о нашемъ разговорѣ, что при его слабой памяти весьма вѣроятно, но что онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы отнестись съ какою бы то ни было просьбою къ великому князю, такъ какъ въ продолженіе мѣсячнаго моего отсутствія раза три имѣлъ самыя непріятныя столкновенія съ великимъ княземъ, вслѣдствіе недопущенія адъютанта послѣдняго, Сѣмечкина, къ конкуренціи на концессію Донецкой жел. дороги. При послѣднемъ столкновеніи на балу въ Петергофскомъ дворцѣ, великій князь въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ въ этомъ Посьета. Посьетъ, при всемъ своемъ хладнокровіи, также отвѣчалъ довольно смѣло, причемъ обратилъ вниманіе на запрещеніе, указанное въ уставѣ упомянутой дороги, допускать на конкуренцію лицъ, участвующихъ въ разработкѣ каменноугольныхъ и желѣзныхъ рудниковъ вблизи направленія дороги.

Великій князь утверждалъ, что Сѣмечкинъ не участвуетъ въ такихъ разработкахъ. Посьетъ же возражалъ, что Сѣмечкинъ самъ не только ему, но и публично въ русскомъ техническомъ обществѣ заявлялъ о своемъ

участіи. Впрочемъ, Посьетъ имѣлъ и другія причины для удаленія Сѣмечкина, а именно, повелѣніе, данное ему Государемъ, не допускать къ конкуренціи лицъ, приближенныхъ къ Императорской фамиліи, и слухъ о томъ, что Сѣмечкинъ состоитъ въ товариществѣ съ извѣстнымъ желѣзнодорожнымъ дѣятелемъ, Прусскимъ подданнымъ Струсбергомъ, котораго отнюдь не хотѣли видѣть въ числѣ строителей жел. дорогъ въ Россіи.

Головнинъ при первомъ свиданіи сказалъ мнѣ, что Государь приказалъ заготовить указъ о назначеніи членомъ Государственнаго Совѣта барона Николаи, но что обо мнѣ не сдѣлано распоряженія, и при этомъ спросилъ меня, говорилъ ли Посьетъ съ великимъ княземъ о моемъ назначеніи. По полученіи отрицательнаго отвѣта, Головнинъ, заявляя крайнее объ этомъ сожалѣніе, сказалъ, что такъ какъ Посьетъ сопровождаетъ Государя въ Ливадію, куда пріѣдетъ и великій князь, то Посьетъ могъ бы поправить свою забывчивость, ходатайствуя за меня черезъ великаго князя, а если этого ему не хочется, то представить прямо о моемъ назначеніи Государю, великій же князь будетъ доволенъ моимъ назначеніемъ, какъ бы оно ни состоялось.

Я отвѣчалъ, что не сдѣлаю болѣе ни шагу по этому дѣлу и если говорилъ о немъ съ Посьетомъ, то собственно только потому, что не считалъ себя въ правѣ не исполнить заявленнаго мнѣ Головнинымъ приказанія великаго князя. 16 августа я уѣхалъ снова за границу. По возвращеніи въ концѣ октября, за обѣдомъ въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ, нѣкто Загряжскій, бывшій нѣкогда очень богатымъ помѣщикомъ и знакомый со всею знатью, сказалъ мнѣ, что многіе были очень обрадованы пронесшемуся слуху о назначеніи меня членомъ Государственнаго Совѣта и были удивлены, что это назначеніе не состоялось 30 августа. На мой отвѣтъ, что этотъ слухъ не имѣлъ никакого основанія, онъ мнѣ сказалъ, что ему о моемъ назначеніи говорилъ членъ Государственнаго Совѣта князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій, имѣющій всегда точныя свѣдѣнія о подобныхъ назначеніяхъ. Я возразилъ, что на этотъ разъ его свѣдѣнія были ложны. Мнѣ эти слухи были очень непріятны: многіе могли думать, что я самъ ихъ распустилъ.

До отъѣзда моего за границу въ мартѣ 1876 года Головнинъ, говоря со мною о затрудненіяхъ при разсматриваніи дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, прибавилъ, что я самъ оцѣню ихъ, когда буду членомъ этого Совѣта, но по возвращеніи моемъ изъ-за границы пересталъ говорить объ этомъ назначеніи по неизвѣстной мнѣ причинѣ. Можетъ быть великій князь ходатайствовалъ обо мнѣ ко дню Пасхи и не получилъ согласія Государя. Впрочемъ я вывожу это предположеніе изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. При разговорѣ моемъ съ Головнинымъ лѣтомъ 1876 года, когда, между прочимъ, я упомянулъ, что, управляя министерствомъ путей сообщенія, я не соглашался дать концессію Ефимовичу, Головнинъ сказалъ:

— Вотъ сколько враговъ вы нажили себѣ.

Затѣмъ и слухи о назначеніи меня членомъ Государственнаго Совѣта прекратились. Нахожу этотъ результатъ очень полезнымъ для моего здоровья. Присутствіе въ Сенатѣ, гдѣ нѣтъ ни начальства, ни подчиненныхъ, доставляетъ полное спокойствіе, тогда какъ въ Государственномъ Совѣтѣ снова явились бы подчиненіе предсѣдателю Совѣта и столкновенія съ министрами и членами Совѣта, которыя въ мои лѣта были бы тягостны и отзывались бы на моемъ здоровьѣ.

Перехожу снова къ разсказу о концессіи на Донецкую жел. дорогу. По возвращеніи моемъ изъ Карлсбада въ Петербургъ 21 іюля 1876 г. я узналъ, что на предыдущей недѣлѣ были произведены торги на Донецкую желѣзную дорогу между шестью допущенными конкурентами и что высшую цѣну по 58.777 р. съ версты назначилъ Мамонтовъ, а низшую по 38.600 р. Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, предсѣдатель правленія Московскаго купеческаго банка. Послѣдній пробылъ въ этомъ году со мною недѣли три въ Карлсбадѣ, гдѣ мы видались каждый день, проводя часто по нѣсколько часовъ вмѣстѣ, и никогда не говорилъ о томъ, что онъ въ числѣ лицъ, допущенныхъ къ конкуренціи на Донецкую желѣзную дорогу. Мы располагали вмѣстѣ возвратиться въ Петербургъ, но, за нѣсколько дней до окончанія курса нашего леченія, Бабстъ, объявивъ мнѣ, что получилъ свѣдѣнія, относящіяся до только что открывшейся Нижегородской ярмарки, требующія его немедленнаго возвращенія, уѣхалъ одинъ. Его скрытность предо мною относительно его участія въ конкуренціи по Донецкой желѣзной дорогѣ могу приписать только предположенію, что я по дружбѣ моей съ Ѳ. В. Чижовымъ, съ которымъ Бабстъ давно разошелся, покровительствую его конкуренту Мамонтову.

По Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, министру путей сообщенія было предоставлено утвердить низшую цѣну, объявленную на торгахъ, или, заявивъ ихъ несостоявшимися, представить объ отдачѣ концессіи по новому способу. Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ-за границы Посьетъ сказалъ мнѣ, что онъ не утвердитъ концессіи за Бабстомъ, такъ какъ онъ имѣетъ вѣрное свѣдѣніе, что Бабстъ въ товариществѣ съ Поляковымъ и послѣдній научилъ Бабста объявить цѣну, за которую нельзя построить дороги, и потому будетъ ее строить дурно, а впослѣдствіи Поляковъ съумѣетъ исходатайствовать выдачу ему надбавочной суммы. Новый же способъ выдачи концессіи на желѣзную дорогу, который Посьетъ полагалъ представить въ комитетъ министровъ, будетъ состоять въ томъ, чтобы отдать ее Мамонтову, котораго онъ надѣется уговорить понизить объявленную имъ цѣну до цѣны предварительно исчисленной техническимъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, на что Мамонтовъ поддается съ тѣмъ, чтобы въ уставѣ общества желѣзной дороги были допущены измѣненія. Я отвѣчалъ Посьету, что, по моему мнѣнію, о Мамонтовѣ, объявившемъ слишкомъ высокую цѣну, не должно быть болѣе и рѣчи, а что концессію должно выдать Бабсту. Вѣрность слуховъ о соучастіи съ нимъ

Полякова ничѣмъ не доказана, но если бы они и были справедливы, то странно министерству видѣть въ Поляковѣ какое-то пугало. Изъ дѣлаемой же Бабстомъ огромной скидки съ суммы, исчисленной техническимъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, министерство можетъ употребить на расходы для болѣе дѣйствительнаго наблюденія за прочностью постройки. Если же Бабстъ потребуетъ добавочной суммы, то отъ правительства будетъ зависѣть ему отказать, а если оно и найдетъ необходимымъ оказать ему пособіе, то оно, конечно, далеко не достигнетъ той суммы, которая составляетъ разность между суммою, исчисленною техническимъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, и назначенною Бабстомъ.

Я присовокупилъ, что это мнѣніе я основываю на пользѣ самаго дѣла и Посьета и что я его заявляю независимо отъ новаго для себя неудовольствія слышать, что намѣреніе Посьета отдать концессію Мамонтову происходитъ отъ пристрастія къ послѣднему, происходящаго отъ моего участія въ этой концессіи. Хотя я сдѣлался довольно равнодушенъ къ подобнымъ слухамъ, но все же желательно не давать повода къ ихъ возникновенію.

Ѳ. В. Чижовъ въ это время лечился въ Царскосельскомъ заведеніи минеральныхъ водъ у Эбермана. Страданія его были такъ сильны, что онъ, по моемъ возвращеніи изъ за-границы, два дня сряду не могъ принять меня. На третій день, когда я ему объяснилъ переданное мною Посьету мнѣніе о торгахъ на Донецкую желѣзную дорогу, онъ сказалъ, что вскорѣ послѣ торговъ Посьетъ присылалъ къ нему состоящаго при послѣднемъ по особымъ порученіямъ В. М. Жемчужникова, которому Чижовъ заявилъ то же, что и я говорилъ Посьету, а именно, что, по значительности объявленной Мамонтовымъ цѣны, объ отдачѣ послѣднему дороги не можетъ быть и рѣчи. Чтобы заручиться согласіемъ Рейтерна относительно неутвержденія произведенныхъ на Донецкую желѣзную дорогу торговъ, Посьетъ послалъ того же Жемчужникова въ Карлсбадъ съ письмомъ къ Рейтерну, въ которомъ онъ изложилъ свое намѣреніе насчетъ предположенія не утверждать торговъ, а отдать концессію дороги Мамонтову. Жемчужниковъ привезъ письмо отъ Рейтерна, въ которомъ послѣдній не противорѣчилъ относительно неутвержденія торговъ, но словесно заявилъ Жемчужникову, что не находитъ достаточныхъ причинъ для отказа Бабсту, объявившему на торгахъ наименьшую цѣну. Несмотря на всѣ эти мнѣнія, Посьетъ, получивъ согласіе Мамонтова на пониженіе объявленной имъ цѣны до той суммы, которая была исчислена техническимъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ, представилъ въ комитетъ министровъ о томъ, что объявленныя на торгахъ цѣны, за исключеніемъ цѣны Мамонтова, столь низки, что устройство дороги по этимъ цѣнамъ признается невозможнымъ, а потому полагалъ бы торги не утверждать и сверхъ того въ утвержденномъ уставѣ общества этой дороги, передъ торгами представленномъ Посьетомъ, онъ находитъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія.

Комитетъ министровъ согласился на представленія этихъ измѣненій,

а за симъ торги не были утверждены, хотя цѣна, которую объявилъ слѣдовавшій за Мамонтовымъ конкурентъ, мало разнилась отъ цѣны, исчисленной техническимъ комитетомъ желѣзныхъ дорогъ. Когда я замѣтилъ это Посьету, онъ мнѣ отвѣчалъ, что Шернваль убѣдилъ его, что цѣна исчислена техническимъ комитетомъ до такой степени вѣрно, что нельзя съ нея спустить ни одного рубля.

Сколько я ни старался доказать Посьету, что достигнуть такой вѣрности въ подобныхъ исчисленіяхъ невозможно, онъ остался при навязанномъ ему Шернвалемъ убѣжденіи. Я опасался, что подобныя дѣйствія Посьета могутъ его компрометировать, и тогда вспомнилъ о сказанномъ мнѣ нашимъ посломъ въ Лондонѣ графомъ П. А. Шуваловымъ, при нашей встрѣчѣ 17 іюля 1875 года на станціи желѣзной дороги въ Эгерѣ (Богемія), что по дружбѣ моей къ Посьету я долженъ былъ бы придумать такой способъ выдачи концессіи на желѣзныя дороги, при которомъ не было бы повода при каждой концессіи смѣнять министра путей сообщенія. Этимъ Шуваловъ явно намекалъ на смѣну обоихъ Бобринскихъ и меня.

По утвержденіи комитетомъ министровъ измѣненнаго устава общества Донецкой желѣзной дороги, Посьетъ, на основаніи состоявшагося до торговъ на эту дорогу Высочайшаго повелѣнія, долженъ былъ, въ случаѣ неутвержденія торговъ, представить новый способъ выдачи концессій на желѣзныя дороги. Онъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы министру путей сообщенія былъ представленъ выборъ концессіонера, какъ это было установлено Высочайшимъ повелѣніемъ въ декабрѣ 1870 года, взамѣнъ котораго въ 1873 году издано было, по представленію графа А. П. Бобринскаго, постановленіе объ открытіи общей подписки на акціи желѣзныхъ дорогъ, имѣвшее столь дурныя послѣдствія.

Комитетъ министровъ не согласился на представленіе Посьета. Сдинъ изъ членовъ комитета полагалъ даже, что и при измѣненномъ уставѣ слѣдуетъ выдать концессію Бабсту по объявленной имъ на торгахъ цѣнѣ, а всѣ прочіе члены полагали произвести новые торги, допустивъ къ нимъ не менѣе трехъ лицъ, избраніе которыхъ представить министрамъ путей сообщенія и финансовъ и затѣмъ утвердить концессію за тѣмъ, кто на торгахъ объявитъ низшую цѣну. Посьетъ, передавая мнѣ рѣшеніе комитета, сказалъ, что этимъ способомъ дѣло можетъ попасть въ ненадежныя руки и даже Полякова, на избавленіе отъ котораго онъ потратилъ столько усилій; стоитъ только тому, кто объявитъ низшую цѣну, передать акціи и, слѣдовательно, все дѣло Полякову. Къ этому Посьетъ присовокупилъ, что остается только одно средство, чтобы не попасть въ такую бѣду: взять въ конкуренты Мамонтова и, по его указанію, двухъ или трехъ лицъ, которыя назначатъ цѣны высшія, чѣмъ Мамонтовъ. Принявъ это за шутку со стороны Посьета, я, улыбаясь, отвѣчалъ, что гдѣ ему и мнѣ пускаться на подобныя штуки. На этомъ разговоръ о томъ, кого допустить къ новымъ торгамъ, кончился и ни Посьетомъ, ни мною болѣе не возобновлялся. На неоднократныя же мои замѣчанія Посьету, что его обвиняютъ въ при-

страстіи къ Мамонтову, и на вопросы мои, на чемъ оно основано, онъ постоянно отвѣчалъ, что желаетъ, чтобы Донецкая дорога строилась хорошо, и вполнѣ надѣется на Мамонтова и его товарищей по дѣлу, такъ какъ они рекомендованы Ѳ. В. Чижовымъ и были мною одобрены.

Нѣсколько лицъ неоднократно просили меня о томъ, чтобы я повліялъ на допущеніе ихъ къ новымъ торгамъ на Донецкую желѣзную дорогу. Я постоянно всѣмъ отвѣчалъ, что въ подобныя дѣла не вмѣшиваюсь и никогда не говорю о нихъ съ Посьетомъ. Это заявленіе было совершенно справедливо. Даже о разсылкѣ, въ половинѣ января 1876 года, повѣстокъ къ Мамонтову, Д. П. Шипову, Рукавишникову и барону Штейнгелю о томъ, чтобы они 27-го января представили въ Совѣтъ министерства путей сообщенія запечатанные конверты съ объявленіями цѣнъ на Донецкую желѣзную дорогу, я узналъ не отъ Посьета, а отъ постороннихъ лицъ. Когда публикѣ сдѣлалось извѣстнымъ объ этихъ повѣсткахъ, пошли слухи, что названныя лица избраны по указанію Мамонтова, который сговорился съ ними, и что все устроено, чтобы концессія была дана Мамонтову. Когда мнѣ сообщали эти слухи, я рѣшительно отвергалъ ихъ справедливость, основываясь на всѣмъ извѣстныхъ правилахъ Посьета. Нѣкоторые къ этимъ слухамъ прибавляли, что Мамонтовъ получитъ концессію, потому что за нимъ скрываются Чижовъ и я. Конечно, о моемъ участіи въ разговорахъ со мною не упоминали; участіе же Чижова въ концессіи я отвергалъ, такъ какъ онъ рѣшительно отказался быть въ числѣ учредителей Донецкой желѣзной дороги, когда Посьетъ его просилъ объ этомъ еще въ 1874 году.

Періодическая печать во второй половинѣ января 1876 года возстала противъ принятаго способа на выдачу концессіи на Донецкую желѣзную дорогу. О томъ же, что концессія достанется Мамонтову, было заявлено нѣкоторыми газетами за нѣсколько дней до вскрытія въ совѣтѣ министерства путей сообщенія конвертовъ съ предложеніями, и кто-то назвалъ эти торги «торгами со взломомъ». Газеты говорили, что Мамонтовъ будетъ концессіонеромъ, потому что подъ его именемъ скрывается вліятельное лицо, и разными намеками указывали на меня. «Биржевыя Вѣдомости», заявляя о томъ, что это вліятельное лицо скрывается по неизвѣстной причинѣ, прибавили въ скобкахъ, что у всякаго барона своя фантазія. Сознаюсь, что мнѣ иногда было досадно читать эти нелѣпости. Грустно было видѣть, что общественный дѣятель, доказавшій свое честное направленіе въ продолженіе 45-ти лѣтъ, не избавленъ отъ гнусныхъ подозрѣній. Нѣсколько лицъ, дѣйствительно меня любящихъ, обвиняли меня въ томъ, что я весною 1875 года позволилъ, по просьбѣ Ѳ. В. Чижова, записать себя въ число учредителей общества Мурманскаго пароходства рядомъ съ именемъ Ѳ. В. Чижова, и такъ какъ всѣ увѣрены, что все дѣло по Донецкой желѣзной дорогѣ ведется послѣднимъ, то мое участіе въ Мурманскомъ пароходствѣ подало поводъ считать меня негласнымъ учредителемъ общества этой дороги.

Тѣ же лица обвиняли Чижова и Посьета въ недостаточной ко мнѣ дружбѣ, говоря, что, оберегая мое имя, первый изъ нихъ долженъ былъ уговорить Мамонтова отказаться отъ дѣла, а послѣдній не допускать Мамонтова къ торгамъ. Я не соглашался съ мнѣніями этихъ лицъ, почитая всегда себѣ за честь видѣть свое имя рядомъ съ именемъ Чижова. Сверхъ того, я полагалъ Мурманское пароходство полезнымъ для страстно любимаго Чижовымъ сѣвера Россіи, не ожидая какихъ-либо выгодъ акціонерамъ этого пароходства. Мнѣніе же о недопущеніи Мамонтова къ торгамъ на желѣзную дорогу, только на основаніи подозрѣнія, что я скрываюсь за нимъ, казалось мнѣ неосновательнымъ.

24 января 1876 года вечеромъ посѣтилъ меня нѣкто г. Крапивка, заявившій, что онъ со мною знакомъ по участію его въ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ и по встрѣчамъ въ одномъ знакомомъ мнѣ домѣ, но я вовсе не помнилъ его лица. По причинѣ моей весьма дурной памяти физіономій, я весьма рѣдко интересуюсь узнавать фамилію лица, съ которымъ случается мнѣ встрѣчаться. Крапивка заявилъ мнѣ, что онъ приходилъ уже въ этотъ день и, узнавъ отъ моихъ людей, что я ушелъ въ Англійскій клубъ, онъ пришелъ вторично ко мнѣ отъ Принца Александра Гессенъ-Дармштадскаго; при этомъ онъ передалъ мнѣ слѣдующее:

Принцъ желаетъ участвовать въ торгахъ на Донецкую желѣзную дорогу подъ чужимъ именемъ. Посьетъ, съ которымъ онъ видѣлся немедля по пріѣздѣ въ Петербургъ, сначала не соглашался принять его въ число конкурентовъ на эту дорогу, потому что между Посьетомъ и Рейтерномъ состоялось соглашеніе на допущеніе только четырехъ конкурентовъ, которымъ уже посланы повѣстки, но впослѣдствіи заявилъ, что если бы Принцъ имѣлъ въ виду лицо, знакомое съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, то онъ готовъ выслушать это лицо, и если оно ему докажетъ выгоды, представляемыя допущеніемъ представителя Принца къ торгамъ, то Посьетъ объ этомъ снесется съ Рейтерномъ.

Принцу указали на меня, какъ на лицо наиболѣе способное для подобныхъ переговоровъ съ Посьетомъ, а потому Принцъ проситъ меня назначить состоящему при немъ свиты Его Величества генералъ-маіору князю Витгенштейну часъ, въ который я на другой день могу принять послѣдняго для выслушанія предложеній Принца.

Я отвѣчалъ Крапивкѣ, что не вмѣшиваюсь въ дѣла путей сообщенія, а тѣмъ болѣе въ дѣло по выдачѣ концессіи на Донецкую желѣзную дорогу, до крайности мнѣ надоѣвшее, а потому свиданіе мое съ Витгенштейномъ считаю безполезнымъ. Несмотря на мой рѣшительный отказъ, Крапивка въ продолженіе цѣлаго часа убѣждалъ меня принять Витгенштейна, но конечно не успѣлъ убѣдить меня. Крапивка вышелъ отъ меня вѣроятно въ убѣжденіи, что я имѣю сильное вліяніе на Посьета и что не хочу ничего сдѣлать по просьбѣ Принца, потому что самъ участвую съ Мамонтовымъ.

Слѣдующій день былъ воскресный. Я въ продолженіе всей этой зимы каждое воскресенье обѣдалъ у Посьета, такъ какъ жена моя проводила

ее въ Каннѣ. Я почелъ долгомъ о свиданіи съ Крапивкою передать Посьету, который сказалъ мнѣ, что Принцъ, немедля по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ у него, хотя въ прежніе свои пріѣзды, когда Посьетъ былъ воспитателемъ великаго князя Алексѣя Александровича и жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, Принцъ никогда къ нему не заходилъ.

Посьетъ, котораго Принцъ не засталъ дома, былъ у него во дворцѣ и на просьбу Принца включить его въ число конкурентовъ на Донецкую желѣзную дорогу просто отвѣчалъ, что исполненіе ея невозможно, а о томъ, чтобы Принцъ избралъ лицо для разъясненія Посьету его предположеній, не было сказано ни слова. Слѣдовательно, все переданное мнѣ Крапивкою была чистѣйшая ложь. Впослѣдствіи Посьетъ мнѣ разсказалъ, что, при выходѣ въ понедѣльникъ изъ Государственнаго Совѣта, ему было заявлено лицомъ, посланнымъ отъ Принца, что Рейтернъ согласенъ допустить представителя Принца на конкуренцію и остается только получить согласіе Посьета. Послѣдній отвѣчалъ, что не получилъ никакого увѣдомленія отъ Рейтерна, вмѣсто котораго въ этотъ день присутствовалъ въ Совѣтѣ товарищъ министра финансовъ Шамшинъ. Посьетъ, вернувшись въ залу засѣданія, спросилъ у Шамшина, знаетъ ли онъ о согласіи Рейтерна, и получилъ отрицательный отвѣтъ.

Оказалось, что Рейтернъ согласія не давалъ, а вѣроятно, этимъ обманомъ хотѣли исторгнуть согласіе Посьета и, получивъ его, заставить согласиться и Рейтерна.

29 января 1876 года я прочелъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующее:

«Сегодня, т.-е., 28-го января, на торгахъ по Донецкой дорогѣ осталось дѣло за Мамонтовымъ. Вотъ цифры заявленной поверстной стоимости:

Мамонтова	47.812 р. 84 к.
Барона Штейнгеля	47.820 » — »
Шипова	48.905 » 33 »
Рукавишникова	50.854 » 97 »

Вслѣдствіе этого результата торговъ на Донецкую желѣзную дорогу, во многихъ періодическихъ изданіяхъ появились статьи, осуждавшія принятый способъ для выдачи концессіи на желѣзныя дороги и въ особенности ходъ дѣлъ по торгамъ на Донецкую дорогу. Приведу двѣ такія статьи изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» 1-го и 8-го февраля: первую серьезную, такъ называемую передовую или руководящую, а вторую изъ фельетона довольно остроумнаго автора, Суворина, подписывавшаго свои фельетоны «Незнакомецъ» и издающаго въ настоящее время газету «Новое Время».

Передовая статья 1-го февраля изложена слѣдующимъ образомъ:

«Сдача постройки желѣзныхъ дорогъ концессіонерамъ у насъ положительно не удается. Гражданскія доблести наши оказываются безсильными для того, чтобы бороться противъ соблазновъ, представляемыхъ казеннымъ подрядомъ на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей.

«Въ прошломъ году дѣлали опытъ образованія желѣзнодорожнаго общества посредствомъ публичной подписки,—произошла вакханалія. Весь Петербургъ двинулся подписываться на желѣзнодорожныя акціи. Старый и малый, богатый и убогій, слѣпой и зрячій толпились въ коридорахъ Государственнаго банка; дѣло едва не дошло до кровопролитія; потребовалась вооруженная сила; какая-то дуэнья привела подписываться на желѣзнодорожныя акціи состоящихъ подъ ея покровительствомъ Амалію, Каролину и другихъ піонерокъ культуртрегерства въ нашемъ отечествѣ.

«Въ этомъ году желали устроить конкуренцію на построеніе Донецкой желѣзной дороги между ограниченнымъ числомъ «благонадежныхъ» лицъ, дѣло окончилось очевидно стачкой между благонадежными.

«Публичная подписка на акціи окончилась скандаломъ; ограниченная конкуренція между благонадежными лицами угрожаетъ окончиться еще хуже, и въ перспективѣ еще большее зло, еще сильнѣйшее раззореніе—постройка дорогъ отъ казны, хозяйственнымъ способомъ. Руки опускаются.

«Общество ожидаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ взглянетъ комитетъ министровъ на результаты торговъ, происходившихъ 28-го января въ министерствѣ путей сообщенія на построеніе Донецкой желѣзной дороги.

«Прошлогодніе торги на построеніе той же дороги по неизвѣстнымъ соображеніямъ были отмѣнены. Естественно было ожидать, что при новыхъ торгахъ число конкурентовъ будетъ увеличено и что минимумъ цѣны, предложенной за постройку дороги, будетъ еще болѣе пониженъ.

«Оказалось противное: вмѣсто шести конкурентовъ, допущенныхъ при прошлогднихъ торгахъ на построеніе Донецкой дороги, въ нынѣшнемъ году было допущено къ торгамъ только четыре конкурента; вмѣсто 18½ мил. рублей, составлявшихъ наименьшую цѣну въ прошломъ году, объявленную Бабстомъ, въ нынѣшнемъ году наименьшая цѣна возвысилась до 22.805.726 руб. при значительно облегченныхъ кондиціяхъ на постройки одной и той же желѣзнодорожной линіи.

«Такимъ образомъ дѣло построенія желѣзной дороги, на которую южная Россія возлагаетъ справедливыя надежды для водворенія мануфактурной промышленности въ томъ краѣ, потеряло годъ времени, а желѣзнодорожному фонду предстоитъ потерять 4.399.602 руб.

«Любопытнѣе всего, что о результатахъ предстоявшихъ торговъ, за нѣсколько дней до вскрытія пакетовъ съ предложеніями въ министерствѣ путей сообщенія, было уже заявлено въ газетахъ и торги эти кто-то весьма остроумно назвалъ «торгами со взломомъ».

«Мнѣ предлагали 300.000 р., говорилъ намъ одинъ изъ прошлогднихъ конкурентовъ на постройку Донецкой дороги *), съ тѣмъ, чтобы я отказался отъ торговъ; я сдуру не согласился, а меня и уволили отъ торговъ даромъ.

---

*) Указывали, что это говорилъ И. А. Бусуринъ (замѣчаніе автора воспоминаній).

«Такимъ образомъ какъ публичная подписка на желѣзнодорожныя акціи, такъ и конкуренція между благонадежными лицами оказываются одинаково не состоятельными. Въ первомъ случаѣ публика подняла строительную цѣну ко вреду акціонеровъ; во второмъ случаѣ концессіонеры подняли строительную цѣну ко вреду казны; въ томъ и другомъ случаѣ поднятіе строительной цѣны считается милліонами.

«Неужели же нѣтъ возможности оградиться отъ злоупотребленій при отдачѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ концессіонерамъ?

«По нашему мнѣнію, возможность къ тому существуетъ полнѣйшая; надобно только перемѣстить центръ тяжести всего вопроса.

«Министерство путей сообщенія до сихъ поръ озабочивается главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, *какому благонадежному лицу или компаніи* сдать сооруженіе дороги. По нашему мнѣнію, главнѣйшая забота его должна состоять въ томъ, какимъ образомъ устроить у себя *благонадежный* контроль надъ *тѣмъ лицомъ* или надъ *тою компаніею*, которая получитъ концессію.

«Однажды министерство будетъ увѣрено, что контроль, имъ установленный, дѣйствуетъ точно и безоблыжно, ему все равно, кто бы ни явился концессіонеромъ, лишь бы только лицо или компанія, являющіяся концессіонерами, представляли достаточныя матеріальныя гарантіи, чтобы отвѣтствовать рубль за рубль, въ случаѣ ущерба, наносимаго ими казнѣ, вслѣдствіе неточнаго исполненія принятыхъ ими на себя обязанностей.

«Самое производство торговъ на отдачу сооруженія желѣзной дороги не должно подлежать непосредственному распоряженію того министерства, на которое возлагается наблюденіе за точнымъ исполненіемъ принимаемыхъ концессіонеромъ на себя обязанностей.

«Избирая само концессіонера, министерство всегда будетъ наклонно закрывать его промахи и упущенія, хотя бы для того только, чтобы поддерживать безошибочность своего выбора.

«Торги на отдачу концессій не могутъ благонадежнымъ образомъ производиться при министерствѣ: они должны происходить публично, подъ наблюденіемъ выборныхъ представителей общества въ Государственномъ банкѣ, напримѣръ, при этомъ составѣ наблюденія, который употребляется при тиражахъ выигрышныхъ билетовъ; при городской думѣ, у главнаго нотаріуса въ окружномъ судѣ.

«Министръ лично не имѣетъ ни малѣйшей возможности наблюдать за правильностью производящихся при министерствѣ торговъ, и торги эти всегда будутъ имѣть результатъ поддѣльный. Мы производили въ этомъ отношеніи опыты слишкомъ многочисленные и слишкомъ доказательные, чтобы еще не убѣдиться въ этой истинѣ, и если до сихъ поръ оставался еще кто-нибудь въ ней сомнѣвающійся, то торги 28-го января должны удалить отъ него послѣднюю тѣнь сомнѣнія и дальнѣйшее сомнѣніе въ этомъ отношеніи будетъ уже, по нашему мнѣнію, равносильно злоумышленію».

Въ X главѣ «Моихъ воспоминаній» я подробно изложилъ разные способы выдачи концессій на желѣзныя дороги, а потому не буду по поводу приведенной статьи входить въ подробности по этому предмету. Сдѣлаю только два замѣчанія. Первое, что слова, помѣщенныя въ началѣ статьи: «Гражданскія доблести наши оказываются безсильными для того, чтобы бороться противъ соблазновъ, представляемыхъ казеннымъ подрядомъ на нѣсколько милліоновъ рублей», не могутъ относиться къ выдачѣ концессіи Донецкой желѣзной дороги, такъ какъ при этой выдачѣ никто изъ правительственныхъ лицъ не думалъ о своихъ выгодахъ; можно только осуждать самый способъ выдачи.

Второе замѣчаніе мое относительно словъ, помѣщенныхъ въ концѣ статьи: «Торги на отдачу концессій не могутъ благонадежнымъ образомъ производиться при министерствѣ» (путей сообщенія), и далѣе: «Министръ не имѣетъ лично возможности наблюдать за правильностью производящихся при министерствѣ торговъ и торги эти всегда будутъ имѣть результатъ поддѣльный». При производствѣ торговъ подачею запечатанныхъ конвертовъ, мѣсто, въ которомъ торги производятся, не можетъ имѣть на нихъ никакого вліянія; выборъ же лицъ, допускаемыхъ къ торгамъ, нисколько не зависитъ отъ этого мѣста, а только отъ министровъ путей сообщенія и финансовъ, и потому если результатъ этихъ торговъ выходитъ поддѣльный, то въ этомъ могутъ быть виновны только министры, а не мѣсто, въ которомъ производятся торги.

Привожу буквально и фельетонную статью «Биржевыхъ Вѣдомостей» 8 февраля 1876 года:

«Самый счастливый человѣкъ въ настоящее время долженъ быть Мамонтовъ. Кто такой Мамонтовъ? Москвичъ, директоръ правленія Ярославской желѣзной дороги, другъ Чижова, одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей послѣдняго времени. Какая цѣна Мамонтову? Цѣна ему, говорятъ, 250.000 р. Это достаточно дорого, если говорить вообще, но довольно дешево для полученія концессіи на Донецкую желѣзную дорогу.

«Вы понимаете, что въ вопросѣ «какая цѣна Мамонтову» ничего обиднаго нѣтъ. Вопросъ этотъ переведенъ съ Американскаго и означаетъ стоимость купеческой фирмы на рынкѣ. Почему же Мамонтовъ удостоился полученія концессіи? Счастье такое на торгахъ выпало, что ли? Да, такое счастье. Чтобы ни предложилъ Мамонтовъ,—все выходило какъ-то такъ, что концессіи быть въ его рукахъ. Другіе конкуренты или устранялись почему-то, или фигурировали для счета. Въ прошломъ году сорокъ конкурентовъ явились на дорогу; изъ нихъ допустили весьма немногихъ, устранивъ между прочимъ Сѣмечкина за то, что у него въ области проложенія новой дороги былъ заводъ. На нынѣшнихъ торгахъ устранены Хлудовы, имѣющіе капиталу, говорятъ, не менѣе 15.000.000 р., устранены неизвѣстно за что; устраненъ Губонинъ за то, что въ области построенія дороги имѣетъ каменно-угольныя копи. Въ прежнее время собственность

на мѣстѣ постройки дороги служила какъ бы рекомендаціею конкуренту; въ настоящее время она его не рекомендуетъ. Почему—ничего неизвѣстно. Получилъ ли кто-нибудь изъ конкурентовъ на послѣднихъ торгахъ отступное, опять ничего неизвѣстно. Надо думать, что все обошлось благополучно и что въ книгѣ судебъ съ начала міра имя Мамонтова красовалось, какъ концессіонера Донецкой дороги. Поэтому я говорю, что онъ самый счастливый человѣкъ, видящій въ перспективѣ нѣсколько милліоновъ рублей, посылаемыхъ ему судьбою ни за что, ни про что, такъ себѣ, здорово живешь, можетъ быть за то, что къ поверстной стоимости дороги въ нѣсколько десятковъ тысячъ онъ прибавилъ 47 коп. Отчего не 47 и $^3/_4$ копѣйки? Это было бы еще точнѣе и остроумнѣе въ предпріятіи въ нѣсколько милліоновъ рублей. Я помню наши прежніе государственные бюджеты, въ которыхъ копѣйки и четверти постоянно фигурировали, отчего наши финансы замѣтно поправлялись. Какъ скоро копѣйки исчезли... Но кому же неизвѣстно, что наши финансы поправляются и безъ копѣекъ, возрастая милліонами?

«Не подумайте, что я желаю ратовать за милліонеровъ и унижать людей, не достигшихъ милліона. Храни насъ Богъ отъ этого. Я хочу указать только на тысячу первую случайность, которая распоряжается у насъ постройкою дорогъ и которая возводитъ смертнаго на высоту честей такъ же мгновенно и чудесно, какъ это дѣлается въ волшебныхъ сказкахъ. Пасъ человѣкъ стадо коровъ и вдругъ произведенъ въ королевичи; пряла дѣвка ленъ и вдругъ попала ко двору! Почему? Да просто и тотъ и другая понравились какой-нибудь феѣ, которая, нимало не думая, взяла да и сдѣлала по-своему. Разница съ дѣйствительностію только та, что сказка тутъ обыкновенно и кончается на производствѣ въ королевичи, а дѣйствительность позволяетъ слѣдить за дальнѣйшею дѣятельностью произведеннаго. Но сущность дѣла обыкновенно остается одна и та же, ибо, какъ тамъ ни слѣди, ничѣмъ особенно назидательнымъ не удивишь.

«Если бы я распоряжался торгами на желѣзную дорогу, я поступалъ бы такъ, какъ наши цари прежняго времени, когда они выбирали себѣ невѣсту. Я публиковалъ бы въ газетахъ приглашеніе явиться на смотръ въ такое-то мѣсто и въ такое-то число и часъ. Затѣмъ прошелся бы по залѣ и бросилъ бы свой платокъ тому счастливцу, котораго физіономія мнѣ понравилась бы. «Иди», сказалъ бы я, и «стой, забирая казну въ моихъ сундукахъ». Вы скажете, что это было бы смѣшно и неблагоразумно,—я скажу, что тутъ ничего ни смѣшного, ни неблагоразумнаго не было бы, ибо вы не имѣете никакого права утверждать, что мой избранникъ оказался бы хуже вашего. Достоинство же моего способа заключается въ томъ, что я поступаю откровенно и вся отвѣтственность за неудачу падаетъ на меня, при вашемъ же способѣ отвѣтственность падаетъ на Господа Бога, имени котораго давно приказано намъ не упоминать всуе.

«Таковъ общій говоръ; но надо же выслушать и противную сторону, которую обвиняютъ. А эта сторона молчитъ, вѣроятно, потому что хо-

чется молчать. Съ своей стороны я долженъ сказать, что слышалъ нѣчто и за противную сторону. Такъ говорили, что хотя дорога и осталась на первыхъ торгахъ за г. Бабстомъ; но были данныя предполагать, что за нимъ скрывается г. Поляковъ; г. же Поляковъ—хотя дѣйствительный статскій совѣтникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительно плохой строитель. Отдать ему дорогу—значитъ быть готовымъ на милліоны жалобъ со стороны публики и отправителей товаровъ. Извѣстно, что Поляковъ любитъ отдавать предпочтеніе своимъ товарамъ и налагаетъ, напримѣръ, на каменный уголь другихъ владѣльцевъ большую провозную пошлину или заставляетъ его лежать безъ движенія. Отсюда пришли къ заключенію, что и всякій другой желѣзнодорожный строитель, имѣющій собственность въ области прохожденія дороги, будетъ поступать такъ же, а потому устранили людей, имѣющихъ въ тѣхъ мѣстахъ собственность. Но развѣ это резонно? Неужели всѣ строители сшиты по образу и подобію г. Полякова? Независимо отъ этого, кто же запретитъ настоящему строителю Донецкой дороги пріобрѣсть въ тѣхъ мѣстахъ собственность, если не на свое, то на чужое имя?»

Эти и подобныя имъ статьи въ другихъ газетахъ были непріятны Посьету, который вообще не расположенъ къ гласности. Я же ему говорилъ, что вполнѣ понимаю неудовольствіе публики и печати, потому что лица, допущенныя къ торгамъ, и объявленныя ими цѣны даютъ поводъ подозрѣвать, что эти лица стакнулись между собою, такъ чтобы концессія досталась Мамонтову. Конечно, по моему мнѣнію, прибавилъ я, это была случайность, но публика и печать, которыя не знаютъ, какъ и почему допущены къ торгамъ только четыре лица, не могутъ допускать такой случайности. На это письмо Посьетъ ничего мнѣ не отвѣчалъ, а сказалъ только, что теперь онъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что постройка дороги не попадетъ въ руки Полякова и ему подобныхъ, такъ какъ Мамонтовъ далъ частную подписку, что, въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ по утвержденіи устава общества, онъ и его товарищи обязываются никому не сбывать акцій Донецкой дороги.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что концессія осталась за Мамонтовымъ, ко мнѣ въ февралѣ и мартѣ являлось нѣсколько инженеровъ и другихъ лицъ, просившихъ объ опредѣленіи ихъ на службу въ общество Донецкой желѣзной дороги, или желавшихъ получить подряды по ея устройству. Въ ихъ числѣ былъ, между прочимъ, Сергѣй Алексѣевичъ Нарышкинъ, сынъ покойнаго друга моего, о которомъ я такъ часто говорилъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ». Конечно, всѣ воображали, что я участникъ въ дѣлѣ и потому, вѣроятно, я буду его главнымъ руководителемъ. Мнѣ такъ это надоѣло, что я рѣзко отвѣчалъ всѣмъ, что въ обществѣ не участвую и никого не рекомендую. Мнѣ желательно было бы сдѣлать исключеніе для Нарышкина, но я не хотѣлъ писать Мамонтову, который послѣ торговъ 28-го января ко мнѣ не показывался, такъ что я его съ тѣхъ поръ не видалъ *),

*) Писано въ 1877 году.

тогда какъ прежде онъ въ каждый свой пріѣздъ въ Петербургъ заѣзжалъ ко мнѣ. Вѣроятно, онъ пересталъ бывать у меня, зная, что слухи о моемъ участіи въ концессіи для меня непріятны, а его посѣщенія могли бы поддержать эти слухи.

Въ бытность мою въ Москвѣ въ половинѣ марта 1876 года, изъ разговоровъ съ участниками Мамонтова по концессіи Донецкой желѣзной дороги, можно было заключить, что вторые торги на эту концессію были подѣланы вслѣдствіе желанія Посьета отдать ее Мамонтову. Если заключеніе мое правильно, то Посьетъ мастерски съумѣлъ скрыть отъ меня свои дѣйствія, за что я ему очень благодаренъ, потому что могъ, не краснѣя, увѣрять всѣхъ, что выборъ лицъ для вторыхъ торговъ будетъ безпристрастенъ, а потому и самые торги произведутся безъ предварительной подтасовки. Въ Москвѣ, конечно, я могъ бы разузнать всю суть дѣла, но я этого не сдѣлалъ, желая имѣть право хотя на нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, что вторые торги на Донецкую дорогу производились неправильно. Но если бы эта неправильность и была вполнѣ доказана, то я все же всецѣло остаюсь при моемъ мнѣніи, что Посьетъ устраивалъ дѣло съ единственною цѣлью имѣть благонадежныхъ концессіонеровъ и что никто изъ правительственныхъ лицъ не искалъ въ этомъ дѣлѣ собственныхъ выгодъ.

Изъ сдѣланнаго мною описанія обстоятельствъ, предшествовавшихъ выдачѣ концессіи на Донецкую желѣзную дорогу, видно, сколько было желающихъ ее получить и съ какими затрудненіями она досталась Мамонтову. Вслѣдствіе этого можно было бы предполагать, что эта концессія *чрезвычайно* выгодна, но я въ этомъ всегда сомнѣвался и, по слухамъ, мои сомнѣнія оправдываются. Трудно строить хорошо дорогу въ той мѣстности за 47.812 р. 84 к. съ версты, въ виду того, что изъ этой суммы уплачиваются проценты съ строительнаго капитала во время постройки дороги и $^3/_4$ онаго состоятъ въ облигаціяхъ, которыя правительство удерживаетъ у себя, уплачивая обществу по 90 коп. за сто. Впрочемъ, мнѣ вовсе неизвѣстно, какъ идетъ дѣло по постройкѣ Донецкой желѣзной дороги, такъ какъ, по возвращеніи 16 мая 1876 года изъ-за границы, я поселился въ Царскомъ Селѣ и меня никто болѣе не безпокоитъ просьбами, относящимися до Донецкой дороги или какими-либо другими о ней сообщеніями. Не знаю, происходитъ ли это оттого, что просящимъ надоѣли мои отказы, или оттого, что наконецъ убѣдились въ моемъ неучастіи въ обществѣ Донецкой желѣзной дороги.

По назначеніи Посьета въ іюлѣ 1874 года министромъ, онъ полагалъ достаточнымъ пріѣзжать два раза изъ Царскаго Села въ Петербургъ для занятій дѣлами министерства. Я замѣтилъ ему, что дѣлъ слишкомъ много и потому необходимо ими заниматься ежедневно, но Посьетъ не послушался. Это можетъ служить доказательствомъ того, до какой степени неизвѣстенъ былъ Посьету ходъ нашей администраціи. Спустя мѣсяца три онъ понялъ свою ошибку и теперь не перестаетъ жаловаться на утомительныя

ежедневныя занятія по его должности, продолжающіяся иногда до трехъ часовъ ночи.

Между тѣмъ въ первые мѣсяцы его управленія, всѣ служащіе въ министерствѣ жаловались на медленный ходъ дѣлъ, происходившій оттого, что Посьетъ посвящаетъ мало часовъ для занятій съ ними. Онъ въ августѣ сопровождалъ Государя по желѣзнымъ дорогамъ до Одессы, а въ октябрѣ уѣзжалъ для сопровожденія Государя на обратномъ пути въ Петербургъ. Его отсутствіемъ пользовались, чтобы массу накопившихся неразсмотрѣнныхъ имъ докладовъ представить на утвержденіе товарища министра.

Въ сентябрѣ 1874 года Посьеты переѣхали изъ Царскаго Села въ Петербургъ, въ домъ министра путей сообщенія. Несмотря на то, что онъ лютеранинъ, а его жена католичка, у нихъ, немедля по переѣздѣ, было совершено молебствіе по православному обряду. Изъ постороннихъ при молебствіи были только товарищъ Посьета вице-адмиралъ Кригеръ и я. Въ іюлѣ, по выѣздѣ графа А. П. Бобринскаго изъ дома министерства путей сообщенія, я осматривалъ вмѣстѣ съ Посьетами этотъ домъ, такъ давно мнѣ извѣстный. Меня поразили тогда сдѣланныя Бобринскимъ передѣлки: великолѣпныя высокія залы перегорожены такъ, что изъ нихъ вышли не совсѣмъ уклюжія комнаты, а внутреннія комнаты сдѣлались такъ малы, что Посьеты не могли найти довольно удобной для своей спальни; они, по моему совѣту, вынули перегородку, чтобы образовать изъ двухъ комнатъ для себя спальню.

А. П. Бобринскій употребилъ около 150.000 р. на передѣлки въ домѣ, не сдѣлавъ въ немъ никакого капитальнаго исправленія и введя деревянныя перегородки, которыхъ прежде въ этомъ капитальномъ домѣ не было. Несмотря на то, что упомянутая огромная сумма была употреблена только за годъ передъ назначеніемъ Посьета, домъ былъ не чистъ, и пришлось снова расходовать казенныя суммы на обои и другія исправленія. Великолѣпный садъ былъ запущенъ до-нельзя и въ немъ передъ окнами дома накоплена была масса всякихъ нечистотъ. Теперь домъ и садъ содержатся весьма хорошо.

19 іюля 1874 года я получилъ увѣдомленіе, что совѣтъ русскаго общества пароходства, торговли и Одесской желѣзной дороги единогласно избралъ меня на вакансію члена совѣта, для представленія на утвержденіе предстоящаго общаго собранія акціонеровъ упомянутаго общества. Несмотря на настоянія нѣкоторыхъ членовъ совѣта общества, я отвѣчалъ, что не могу принять на себя этой обязанности. Я уже говорилъ, что рѣшился по достиженіи 60-лѣтняго возраста не принимать никакой общественной должности и уже сильно раскаявался, что не сдержалъ своего слова принятіемъ въ 1873 году обязанности предсѣдателя совѣта общества Путиловскихъ заводовъ.

Сестра А. И. Викулина и ея дочь Эмилія вмѣстѣ со мною весь іюль искали для себя квартиру въ Петербургѣ. Цѣна на квартиры въ послѣднее время сильно поднялась, а сестра не могла платить дорого. Послѣ долгаго исканія, она рѣшилась взять квартиру въ 5-ой линіи Васильевскаго

острова во 2-мъ этажѣ дома № 24. Сестра при наймѣ этой квартиры и впослѣдствіи была ею недовольна, по причинѣ нѣкоторыхъ неудобствъ, а въ особенности потому, что находила ее слишкомъ для себя дорогою, 2.600 руб. въ годъ съ дровами. Въ этой квартирѣ она въ продолженіе зимы часто болѣла. Я уже говорилъ, что во второй половинѣ ноября она получила извѣстіе о смерти мужа ея старшей дочери, М. Д. Засѣцкаго. Хотя мы жили недалеко другъ отъ друга, но, по болѣзненному состоянію сестры и моей жены, онѣ могли рѣдко видѣться. Послѣдняя не могла ходить по лѣстницамъ, а потому для нея были устроены носилки, но, по причинѣ ея значительной тяжести, подниманіе на носилкахъ было для нея очень непріятно. Въ нашей квартирѣ была устроена подъемная машина, которая, конечно, гораздо удобнѣе носилокъ.

Моя племянница В. С. Засѣцкая, вскорѣ по кончинѣ ея мужа, просила меня быть попечителемъ ея дочери и вмѣстѣ съ нею опекуномъ ея сына, но найдя, что могутъ произойти затрудненія въ дѣлахъ по наслѣдству ея дѣтей, когда опекуны будутъ жить одинъ въ Петербургѣ, а другой во Флоренціи, я отказался отъ ея предложенія. Я только постоянно настаивалъ, чтобы она своего сына воспитала въ Россіи, чего однако же не могъ добиться до сего времени (январь 1877 г.). Моя племянница при жизни мужа не имѣла понятія ни объ его, ни о своихъ денежныхъ дѣлахъ, и потому можно было опасаться, что несмотря на то, что они были въ благонадежныхъ рукахъ друга ея мужа, Павла Сергѣевича Кутукова, она можетъ ихъ разстроить. Это опасеніе вскорѣ подтвердилось ея письмомъ, въ которомъ она увѣдомляла, что полагаетъ на постройку во Флоренціи русской церкви пожертвовать 25 тыс. своихъ и 10 тыс. руб. изъ капитала ея дѣтей, о чемъ уже и сообщила жившей въ этомъ городѣ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, которая весьма этому обрадовалась и обѣщалась также пожертвовать капиталъ на постройку церкви и сдѣлать сборъ между Русскими, живущими во Флоренціи и пріѣзжающими въ этотъ городъ. По этому случаю великая княгиня написала моей племянницѣ слѣдующее письмо отъ 1 января 1875 года:

«Валентина Семеновна, Я съ большимъ удовольствіемъ прочла письмо ваше; изложенныя въ ономъ истинно христіанскія чувства, побудившія васъ къ столь значительному пожертвованію въ 35 тыс. руб., совмѣстно съ дѣтьми вашими, для воздвиженія во Флоренціи православнаго храма во имя святаго Архистратига Михаила, могли только возбудить во мнѣ искреннѣйшее сочувствіе къ сему святому дѣлу.

«Съ полною готовностію я принимаю на себя подписку для дальнѣйшихъ еще пожертвованій съ увѣренностью, что она приведетъ къ желаемому успѣху—къ устройству первой русской церкви въ Италіи.

«Пребываю къ вамъ искренно благосклонная *Марія*».

Засѣцкая заявила о столь значительномъ пожертвованіи, еще не зная, сколько достанется по духовному завѣщанію ея мужа. Оказалось впослѣдствіи, что она отъ него получала всего 100.000 руб. и слѣдовательно

жертвовала $^1/_4$ часть этого капитала. Во Флоренціи и близъ нея въ Санъ-Донато, имѣніе Демидова, имѣются православныя церкви, а потому устройство новой церкви было бы по крайней мѣрѣ излишнимъ, но уговаривать мою племянницу, чтобы она отказалась отъ своего намѣренія, было бы напрасно. Если бы она получила въ наслѣдство отъ мужа и меньшій капиталъ, то и тогда не отказалась бы отъ своего пожертвованія. Она вскорѣ купила мѣсто для устройства церкви. Но когда великая княгиня сообщила моей племянницѣ о томъ, что жертвуетъ на устройство церкви 2.000 франковъ и что дальнѣйшее попеченіе о сборѣ на постройку церкви и о самой постройкѣ возлагается на мою племянницу, тогда только послѣдняя увидѣла, что на постройку церкви можетъ отъ нея потребоваться капиталъ, превосходящій ея средства, и много заботъ, ей вовсе непривычныхъ, и потому она отъ постройки церкви отказалась, а рѣшилась назначенныя на эту постройку деньги употребить на другія благотворенія.

Вскорѣ по переѣздѣ сестры на ея Петербургскую квартиру, мы также перешли въ Петербургъ. Здѣсь меня обступили съ разными просьбами по дѣламъ министерства путей сообщенія, и мнѣ стоило не мало труда убѣдить просителей, что я вовсе не вмѣшиваюсь въ эти дѣла. Въ числѣ просителей былъ Варшавскій, концессіонеръ Ряжско-Вяземской жел. дороги, которая, по освидѣтельствованіи назначенною министромъ путей сообщенія комиссіею, была найдена достаточно оконченною для ея открытія, но между тѣмъ по неизвѣстной причинѣ не получалось на это разрѣшенія. Варшавскій просилъ меня, въ виду огромныхъ его потерь, никому не приносящихъ пользы, ходатайствовать передъ Посьетомъ объ означенномъ разрѣшеніи, но я ему отказалъ.

По прошествіи болѣе мѣсяца, мнѣ снова доложили о Варшавскомъ въ то время, когда въ кабинетѣ моей жены сидѣла съ нею и со мною жена Посьета. Я вышелъ къ Варшавскому и, выслушавъ снова тѣ же жалобы, сказалъ, что передамъ ихъ Посьету. Въ это время ходили по городу разные слухи о причинѣ неоткрытія дороги. Одни говорили, что это придирка министерства путей сообщенія для того, чтобы, разоривъ концессіонера, отнять у всѣхъ охоту брать концессіи и тѣмъ заставить правительство обратиться къ казенной постройкѣ жел. дорогъ; въ такомъ смыслѣ толковали въ департаментѣ экономіи Государственнаго Совѣта. Другіе полагали, что дорога найдена устроенною непрочно, что вредило Варшавскому по его коммерческимъ дѣламъ. Главная же потеря Варшавскаго состояла въ томъ, что онъ обязанъ былъ, по уставу общества дороги, платить до ея открытія проценты на капиталъ, исчисленный на ея постройку слишкомъ въ $28^1/_2$ мил. руб., что составляло въ каждый мѣсяцъ до 120 тыс. руб., и сверхъ того весьма значительную сумму на содержаніе личнаго состава, нанятаго для эксплоатаціи дороги и ничего не дѣлавшаго, кромѣ выслушиванія брани отъ мѣстныхъ торговцевъ, доставившихъ, въ ожиданіи скораго открытія дороги, на ея станціи много товаровъ, не только оставшихся безъ движенія, но и подвергавшихся порчѣ.

Взбѣшенный неправильными дѣйствіями министерства путей сообщенія, я, вернувшись въ кабинетъ моей жены, съ излишнею, можетъ быть, горячностью высказалъ женѣ Посьета, что нельзя такъ поступать въ коммерческихъ дѣлахъ, а на ея замѣчаніе, что она слышала отъ мужа о неокончаніи работъ по дорогѣ, препятствующемъ открытію, я прочелъ ей заключеніе оставленной у меня Варшавскимъ копіи съ журнала комиссіи, свидѣтельствовавшей дорогу, въ которомъ хвалились произведенныя по дорогѣ работы и постановлялась возможность ея открытія.

Жена Посьета просила меня въ тотъ же день объяснить все ея мужу, который въ это время не могъ по болѣзни выходить изъ дома. Посьетъ мнѣ сказалъ, что до этого времени журналъ свидѣтельствовавшей дорогу комиссіи разсматривался въ техническо-инспекторскомъ комитетѣ жел. дорогъ, который, одобривъ заключеніе комиссіи объ открытіи дороги, представилъ журналъ на разсмотрѣніе начальника управленія жел. дорогъ Шернваля. Послѣдній, хотя не вполнѣ разсмотрѣлъ журналъ, но по тому, что онъ успѣлъ прочитать, находитъ открытіе дороги невозможнымъ.

Я объяснилъ Посьету, что подобныя дѣла нельзя тянуть по цѣлымъ мѣсяцамъ, что если комиссія, состоявшая изъ лицъ, вполнѣ по мнѣнію Посьета и Шернваля благонадежныхъ, нашла возможнымъ открыть дорогу, то ни техническо-инспекторскому комитету, ни Шернвалю, не видавшимъ дороги, нельзя выражать противнаго мнѣнія, а если таковое допустить, то оно должно быть заявлено концессіонеру не спустя нѣсколько мѣсяцевъ, а черезъ нѣсколько дней по освидѣтельствованіи дороги. Посьетъ обѣщался самъ прочитать весь журналъ этого освидѣтельствованія дороги вмѣстѣ въ Шернвалемъ.

Журналъ былъ длиненъ и, по новизнѣ дѣла для Посьета, онъ читалъ его цѣлую недѣлю. Несмотря на противодѣйствіе Шернваля, Посьетъ рѣшился дать разрѣшеніе на открытіе дороги съ тѣмъ, что бы нѣкоторые предметы, найденные комиссіею не оконченными, были исполнены до открытія. Предметы эти были такъ ничтожны, что могли быть приведены въ порядокъ въ однѣ сутки. Когда объ исполненіи предписанія было телеграфировано Посьету, то онъ, удивляясь такой быстротѣ, послалъ удостовѣриться въ правильности донесенія. Получивъ новое удостовѣреніе, онъ разрѣшилъ открытіе дороги.

Въ это же время Шернваль и техническо-инспекторскій комитетъ жел. дорогъ, надѣясь отучить предпринимателей отъ охоты получать концессіи, уговорили Посьета объявить предостереженіе обществамъ Курско-Азовской и Московско-Брестской жел. дорогъ, на что онъ согласился письменною резолюціею на докладѣ техническо-инспекторскаго комитета. Но предостереженія должны были объявляться департаментомъ жел. дорогъ, директоръ котораго Хмельницкій объяснилъ Посьету, что предостереженія можно объявлять только въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ уставами обществъ, случаяхъ и что нельзя ихъ объявлять за неисправность безъ указанія, въ чемъ она состоитъ. Посьетъ согласился съ мнѣніемъ Хмель-

ницкаго и отмѣнилъ свою резолюцію. Тѣмъ не менѣе подобныя объясненія могли послужить поводомъ къ нѣкоторому между ними охлажденію, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ Хмельницкій человѣкъ очень умный, осторожный, ловкій, знающій законы и умѣющій писать, а это послѣднее достоинство весьма важно въ министерствѣ путей сообщенія, въ которомъ бо́льшая часть высшихъ служащихъ писать не умѣютъ.

Выше было упомянуто, что въ половинѣ мая 1874 года весь мой капиталъ состоялъ въ 173.016 руб., считая въ томъ числѣ мой Царскосельскій домъ въ 15.000 рубляхъ. Къ 4 января 1875 года онъ простирался до 176.618 руб., считая въ томъ числѣ упомянутый домъ въ 20.000 руб., а слѣдовательно, безъ прибавки 5.000 руб на стоимость дома, онъ уменьшился на 1368 руб. Измѣненія капитала состояли въ слѣдующемъ: текущій счетъ уменьшился на 2.334 руб., дано взаймы племянницѣ моей жены М. Н. Покровской 1200 руб., моему племяннику Д. Н. Дельвигу 850 руб., а потому капиталъ долженъ былъ уменьшиться на 284 руб., но онъ уменьшился, какъ упомянуто выше, на 1368 рублей.

Это показываетъ, что въ означенный промежутокъ времени было мною прожито болѣе, чѣмъ получено доходовъ.

Съ 1873 года я началъ вести подробныя записи своимъ доходамъ и расходамъ по мѣсяцамъ и сверхъ того послѣдніе по предметамъ. По записямъ значится, что въ послѣдніе 8 мѣсяцевъ 1874 года издержано 13.000 руб., въ томъ числѣ 3.300 руб. на постройки въ Царскосельской дачѣ, а затѣмъ въ 8 мѣсяцевъ издержано 9. 700 руб., что составило бы въ годъ до 13 тыс. руб., слѣдовательно, менѣе чѣмъ въ предыдущемъ году. Но въ эти 8 мѣсяцевъ не только не осталось никакого сбереженія, но и капиталъ уменьшился, потому что пришлось сдѣлать неожиданный расходъ въ 2.900 руб. по слѣдующему случаю.

Въ маѣ 1871 года моя сестра А. И. Викулина, уѣзжая въ деревню, взяла съ собой всѣ расписки Государственнаго банка на хранящіяся въ немъ ея процентныя бумаги и возвратила мнѣ ихъ въ апрѣлѣ 1872 года передъ своимъ отъѣздомъ за границу. Іюнь и іюль 1871 года я провелъ за границею. По возвращеніи, не имѣя собственныхъ 5% банковыхъ билетовъ, я не просматривалъ таблицъ этихъ билетовъ, вышедшихъ въ тиражъ въ 1871 году. Въ 1872 и 1873 годахъ я просмотрѣлъ тиражныя таблицы только за эти года. Въ 1874 году мнѣ вздумалось провѣрить, нѣтъ ли въ числѣ билетовъ, принадлежащихъ моей сестрѣ, такихъ, которые вышли въ прежніе тиражи, и къ крайнему удивленію увидалъ, что еще въ 1871 году вышло въ тиражъ ея билетовъ на 25.000 руб., по которому въ томъ же году слѣдовало получить капиталъ, а такъ какъ на нихъ продолжали выдавать проценты, то, при размѣнѣ въ іюнѣ 1874 года вышедшихъ въ 1871 году въ тиражъ бумагъ, эти проценты были удержаны.

Это непріятное открытіе было мною сдѣлано передъ самымъ возвращеніемъ изъ-за границы моей сестры. Опасаясь, что такая потеря можетъ

повліять на ея здоровье, я и жена моя рѣшились скрыть ее отъ сестры, пособіями которой мы въ прошлое время много пользовались. Государственный банкъ не принимаетъ на себя обязанности наблюдать за выходомъ въ тиражъ отданныхъ ему на храненіе процентныхъ бумагъ.

Несмотря на то, что это правило мнѣ было извѣстно и что я, живя въ столицѣ, имѣлъ полную возможность просматривать всѣ тиражныя таблицы, все же я потерялъ столь значительную сумму; число же лицъ, теряющихъ свои капиталы, по незнанію правилъ Государственнаго банка и по дальнему жительству отъ столицъ, должно быть весьма значительно.

Я неоднократно упоминалъ о моихъ ежегодныхъ доходахъ и расходахъ. Полагая, что со временемъ любопытно будетъ знать, изъ какихъ статей они составлялись, я привожу подробную имъ выписку, избирая именно 1874 годъ, какъ болѣе нормальный по расходамъ, такъ какъ въ этомъ году я не ѣздилъ за границу. Расходы 1875 и 1876 годовъ были гораздо значительнѣе, потому что въ эти годы жена провела 9 мѣсяцевъ за границею, а по возвращеніи въ Петербургъ пришлось принять на свой счетъ передѣлки Петербургской квартиры. Что же касается до доходовъ за 1874 годъ, они были значительнѣе, чѣмъ въ предыдущіе и послѣдующіе годы, потому что въ этомъ году я получалъ содержаніе по званію предсѣдателя совѣта общества Путиловскихъ заводовъ.

Вотъ перечень полученныхъ мною въ 1874 году доходовъ:

Проценты по 1-му займу съ выигрышами	350 р.
» акціямъ главнаго общества	399 р.
» и дивидендъ по текущему счету	34 р.
Содержаніе по обществу Путиловскихъ заводовъ	4500 р.
Содержаніе по службѣ	8820 р.
Проценты по облигаціямъ Х.-А. дороги	1447 р.
По найму Московскаго дома	746 р.
» Царскосельскаго	200 р.
По 2-му выигрышному займу %	100 р.
Проценты съ Шеншиныхъ	456 р.
Съ американскихъ облигацій %	787 р.
Съ Ряжско-Моршанскихъ облигацій %	319 р.
Дивидендъ по паямъ Московско-купеческаго банка	2103 р.
Дивидендъ по акціямъ пароходства (Черноморскаго)	3080 р.
По 5% банковымъ билетамъ 1 и 3 выпусковъ %	30 р.
Дивидендъ по акціямъ Ярославской дороги	1326 р.
Учредительскія съ Ярославской дороги	1522 р.
Проценты съ Н. Н. Левашова	300 р.
	26.519 р.

Привожу вѣдомость моихъ расходовъ въ 1874 году съ раздѣленіемъ ихъ по предметамъ:

Наемъ квартиры въ Петербургѣ, отопленіе, мебель и т. п. . .	3671 р. 85 к.
Освѣщеніе	158 р. 76 к.
Столъ.	1689 р. 29 к.
Вино.	285 р. 67 к.
Закуски и лакомство.	253 р. 68 к.
Чай, сахаръ, кофе, хлѣбъ.	295 р. 28 к.
Леченіе.	625 р. 82 к.
Одежда моя.	358 р. 50 к.
» жены	682 р. 05 к.
Прислуга.	2268 р. 68 к.
Почта.	133 р. 66 к.
Экипажъ.	1559 р. 08 к.
Дано на водку	202 р. 99 к.
Куреніе.	530 р. 59 к.
Книги, клубы, театры.	746 р. 52 к.
Подарки.	1081 р. 04 к.
Церковь и бѣдные.	546 р. 59 к.
Разные расходы.	887 р. 01 к.
Содержаніе Царскосельской дачи.	1682 р. 83 к.
На постройки въ ней.	3299 р. 08 к.
	20.959 р. 27 к.

Изъ сравненія моихъ доходовъ съ расходами въ 1874 году видно, что въ этомъ году я могъ еще, несмотря на употребленіе 3.300 р. для перестроекъ на Царскосельской дачѣ, сберечь 5.560 р., но дѣйствительно было сбережено 2,900-ми рублями менѣе, по причинѣ вышеописанной потери отъ несвоевременно обмѣненныхъ вышедшихъ въ тиражъ 5% банковыхъ билетовъ моей сестры. Въ слѣдующіе годы мои доходы уменьшились, по неполученію содержанія отъ общества Путиловскихъ заводовъ, а расходы увеличились, въ особенности по болѣзни моей жены, бывшей причиною ея девятимѣсячнаго пребыванія за границею, а равно удержанія нами прежней нашей Петербургской квартиры, въ которой пришлось сдѣлать на свой счетъ много исправленій, несмотря на то, что наемная плата за нее съ 1 іюня 1877 года увеличена домовладѣльцемъ на 600 р. въ годъ.

Зиму 1874—1875 годовъ мы провели такъ же, какъ и предыдущія зимы. Насъ посѣщали тѣ же родные и знакомые, у которыхъ и я бывалъ изрѣдка. Почти каждую субботу я бывалъ въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ, по желанію Менькова, игралъ три робера въ ералашъ по небольшому кушу (отъ 3 до 5 коп.) съ перемѣннымъ счастьемъ.

2 февраля 1875 года сгорѣла въ Петербургѣ огромная паровая мукомольная мельница, стоившая до 900 тыс. руб. Немедля разнесся слухъ о поджогѣ, а 12 марта объ обыскѣ въ домѣ извѣстнаго хлѣботорговца С. Т. Овсянникова и о взятіи его подъ арестъ.

Сгорѣвшая мельница была выстроена извѣстнымъ своими значительными подрядами по военному вѣдомству Фейгинымъ, обязавшимся доставлять для гвардейскаго корпуса ржаную муку высшаго достоинства, которую можно было приготовлять только на означенной мельницѣ. Фейгинъ обанкротился. Продолженіе его подряда было сдано Овсянникову, въ домѣ котораго на Итальянской я жилъ съ 1863 по 1867 годъ. Этотъ Овсянниковъ былъ всегда большимъ плутомъ. Начавъ торговлю бѣднымъ крестьяниномъ, онъ имѣетъ состояніе въ нѣсколько милліоновъ руб.

По распоряженію военнаго министра Милютина, Овсянниковъ за свои плутни не долженъ былъ допускаться къ подрядамъ по военному министерству, а потому ему не могло быть передано и продолженіе подряда Фейгина, но за Овсянникова, на основаніи ходатайства, какъ говорятъ, генералъ-адъютанта Николая Матвѣевича Толстого, вступился Государь, приказавшій Милютину допустить Овсянникова до означеннаго подряда.

Имѣніе Фейгина, по его несостоятельности, продавалось съ аукціона, на которомъ послѣдняя за мельницу цѣна 103.100 руб оставалась за Овсянниковымъ. Эта мельница была застрахована въ 700 тыс. руб. Въ числѣ долговъ Фейгина былъ долгъ В. А. Кокореву въ 500 тыс. руб. Послѣдній заявилъ свое, основанное на законѣ, право на мельницу жалобою въ Петербургскій окружный судъ, который уничтожилъ торги и присудилъ мельницу Кокореву. Это опредѣленіе суда было обжаловано Овсянниковымъ, но судебная палата утвердила рѣшеніе суда, и Кокоревъ въ концѣ 1874 года былъ введенъ во владѣніе мельницею, на которой, по осмотру Кокорева, многихъ вещей не доставало. Страховыя общества, имѣя въ виду дѣло о поджогѣ мельницы, отказали въ уплатѣ страховой за нее суммы. Народная молва была, что при сдѣланномъ у Овсянникова обыскѣ найдены бумаги, служащія доказательствомъ тому, что поджогъ мельницы былъ сдѣланъ по его приказанію, а также найдены какіе-то подлоги и даже фальшивыя ассигнаціи, и что послѣднее обстоятельство онъ объясняетъ своими огромными денежными оборотами, при которыхъ ему попадалось много фальшивыхъ бумажекъ и онъ ихъ складывалъ вмѣстѣ.

Говорили, что Государь, очень раздраженный противъ Овсянникова, котораго онъ навязалъ военному министру, призвавъ прокурора окружного Петербургскаго суда, приказалъ ему произвести слѣдствіе какъ можно скорѣе, и что при обыскѣ Овсянникова найдены доказательства потому, что многіе изъ лицъ военнаго вѣдомства какъ въ настоящее время, такъ и въ войну 1853—1856 годовъ получали содержаніе отъ Овсянникова. Называли, между прочими, директора канцеляріи военнаго министра генералъ-адъютанта Мордвинова и состоявшаго при военномъ министерствѣ генералъ-маіора Аничкова. Разсказывали о найденной собственноручной отмѣткѣ Овсянникова: «содержаніе, отпускавшееся Аничкову (по случаю выхода его въ отставку) присовокупить къ содержанію, выдаваемому Мордвинову». Эти слухи не могли не раздражить Государя, все болѣе и болѣе убѣждающагося, что онъ окруженъ мошенниками. Конечно, ко-

гда дѣло Овсянникова дойдетъ до гласнаго суда, то мы узнаемъ о многихъ продѣлкахъ его и его соучастниковъ *).

Причины, которыя могли побудить Овсянникова къ поджогу мельницы, объяснялись слѣдующимъ образомъ: такъ какъ по рѣшенію судебной палаты мельница поступила во владѣніе Кокорева, то поставка на будущее время ржаной муки, приготовляемой по усовершенствованному способу для гвардейскаго корпуса, неминуемо была бы сдана Кокореву, черезъ что Овсянниковъ лишился бы выгодной поставки муки или долженъ былъ бы платить Кокореву большую сумму за аренду мельницы. Сверхъ того въ контрактѣ, заключенномъ военнымъ министерствомъ на поставку означенной муки, увеличена была цѣнность каждаго куля муки на рубль за усовершенствованіе въ ея помолѣ и не было выговорено того, что, въ случаѣ пожара на мельницѣ, будетъ ли ставиться обыкновенная мука по пониженной на рубль цѣнѣ, вслѣдствіе чего Овсянниковъ не надѣялся, что ему будутъ въ 1875 году платить и по сгорѣніи мельницы ту же возвышенную цѣну за обыкновенную муку.

При приближавшейся сдачѣ мельницы Кокореву, Овсянниковъ долженъ былъ истратить значительную сумму на ея ремонтъ и произвести другіе расходы, всего на сумму до 350 тыс. руб.; вслѣдствіе пожара онъ освобождался отъ этихъ расходовъ. Овсянниковъ подалъ жалобу въ окружной судъ на незаконность его арестованія, причемъ предлагалъ взять у него залогъ по усмотрѣнію суда (говорятъ, что онъ предложилъ 2 милліона руб.). 15 марта судъ ему отказалъ. Онъ жаловался судебной палатѣ, которая 27 марта также ему отказала, основываясь на томъ, что всѣ мѣры къ тому, чтобы пожаръ не могъ быть потушенъ, какъ-то: пріостановка водоснабженія мельницы и т. п., были предварительно приняты явно по приказанію ея арендатора, Овсянникова.

Въ началѣ 1876 года С.-Петербургскій окружной судъ призналъ виновными въ пожарѣ мельницы Овсянникова и его двухъ пособниковъ; всѣ трое были приговорены къ каторжной работѣ, но Овсянникову по преклонности лѣтъ наказаніе ограничено ссылкою въ Сибирь.

Въ мартѣ 1876 года было созвано въ Петербургѣ губернское дворянское собраніе, главными занятіями котораго было разсмотрѣніе дѣйствій С.-Петербургскаго уѣзднаго предводителя дворянства Михаила Александровича Безобразова и проектовъ объ учрежденіи всесословной волости. Безобразовъ, по рѣшенію Сената, отданъ подъ слѣдствіе съ удаленіемъ отъ должности за превышеніе власти и неправильное расходованіе суммъ дворянства и дворянской опеки.

Конечно, это дѣло будетъ разсказано моими современниками, лучше меня его знающими; я же упомянулъ о немъ, чтобы показать, до какой степени падки къ разнаго рода злоупотребленіямъ не одни только казен-

---

*) Извѣстно, что во время суда надъ Овсянниковымъ, по слухамъ о чинахъ военнаго министерства не было разбирательства.

ные чиновники, какъ объявлено, между прочимъ, въ вышеприведенномъ разсказѣ объ Овсянниковѣ, но и лица, избираемыя въ почетныя должности наиболѣе образованнымъ сословіемъ въ государствѣ.

Надѣясь, что описаніе трехъ проектовъ, представленныхъ С.-Петербургскому дворянскому собранію о всесословной волости, будетъ также помѣщено въ запискахъ моихъ современниковъ, я ограничусь нѣсколькими строками по этому весьма важному предмету. При освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, часть дворянства добивалась такого устройства мѣстныхъ судовъ и полицій, чтобы помѣщики-дворяне были и судьями и полиціймейстерами въ дѣлахъ крестьянъ, поселенныхъ въ сосѣдней съ ихъ помѣстьями волости. Это имъ тогда не удалось, крестьяне получили самоуправленіе, которое, конечно, не могло идти хорошо при безграмотности массы народа и послѣ его слишкомъ 250-лѣтняго закрѣпощенія, при которомъ онъ, его семья и все ему принадлежащее были собственностью помѣщика.

Вскорѣ нѣкоторая часть дворянства принялась преувеличивать безпорядки означеннаго самоуправленія, причинившаго будто бы повсемѣстное обѣднѣніе крестьянъ (тогда какъ ихъ состояніе и въ матеріальномъ отношеніи вообще улучшилось) и такіе съ ихъ стороны безпорядки и своевольство, что хозяйство помѣщиковъ-дворянъ и жизнь ихъ въ своихъ помѣстьяхъ сдѣлались будто бы невозможными. Реакція въ дѣйствіяхъ правительства, начавшаяся немедля по изданіи манифеста 19 февраля 1861 года, дала возможность поднять голову этой части дворянства, желающей подъ новымъ видомъ закрѣпостить себѣ крестьянъ.

Въ Петербургскомъ дворянскомъ собраніи придумано было замѣнить существующія крестьянскія учрежденія всесословною волостью, которая избирала бы мѣстныхъ судей и полиціймейстеровъ изъ лицъ такого высокаго ценза, что они почти во всѣхъ случаяхъ были бы изъ дворянъ. Къ этому присоединилось и ученіе, что Россія можетъ быть счастливою только при раздѣленіи ея населенія на культурный слой и на невѣжественную массу, конечно, клонившееся къ полной эксплоатаціи этой массы упомянутымъ слоемъ. Представителями этого мнѣнія въ періодической печати были газеты: «Русскій Міръ», «Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ». Отставной генералъ-маіоръ Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ въ особенности подвизался въ означенномъ дѣлѣ въ «Русскомъ Мірѣ», котораго изданіе, съ цѣлью нападенія на военнаго министра Милютина, было поддерживаемо многими высокопоставленными военными. Фадѣевъ изъ своихъ статей составилъ особую книгу подъ заглавіемъ: «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ (чѣмъ намъ быть)», которую издала редакція «Русскаго Міра».

Книга Фадѣева заключаетъ въ себѣ программу реформъ, необходимыхъ будто бы въ настоящее время для Россіи, но на самомъ дѣлѣ кажущихся полезными только для кружка, получившаго названіе «партіи яхтъ-клуба», задавшагося мыслью образовать у насъ могущественный классъ богатыхъ

людей, по образцу Англійской аристократіи, и захватить всю власть въ свои руки. Эта партія полагала, что книга Фадѣева найдетъ огромное сочувствіе въ средѣ дворянства, но вполнѣ ошиблась: ея аристократическія затѣи нашли весьма мало приверженцевъ въ этой средѣ.

Фадѣевъ разослалъ свою книгу весьма многимъ лицамъ и, между прочими, извѣстному дѣятелю по крестьянскому вопросу и въ Польшѣ Юрію Ѳеодоровичу Самарину. Фадѣевъ, при посылкѣ книги къ послѣднему, просилъ его обратить на нее особое вниманіе, такъ какъ изложенное въ ней мнѣніе принадлежитъ сильной партіи, которая можетъ скоро его осуществить.

Самаринъ отвѣчалъ на это въ высшей степени логичнымъ и основаннымъ на полномъ знаніи Русскаго народа письмомъ, представляющимъ замѣчательный образецъ въ литературномъ отношеніи. Многіе находили, что книга Фадѣева не стоила такого блистательнаго критическаго разбора. Министръ финансовъ Рейтернъ, въ разговорѣ со мною, отзываясь о письмѣ Самарина съ величайшимъ уваженіемъ, однако замѣтилъ, что послѣдняго можно уподобить нашимъ эмигрантамъ, пишущимъ о Россіи, не зная о томъ, что въ ней дѣлается, что Самаринъ хотя не эмигрировалъ изъ Россіи, но такъ сказать эмигрировалъ отъ правительства и приписываетъ ему такія намѣренія, которыхъ оно въ виду не имѣетъ. На его вопросъ: кто же между правительственными лицами эти крѣпостники и ломатели реформъ начала нынѣшняго царствованія, я отвѣчалъ, что представленные въ Петербургское дворянское собраніе три проекта о всесословной волости ясно указываютъ на духъ времени. На это Рейтернъ отвѣчалъ мнѣ, что Петербургское дворянское собраніе незаконодательное мѣсто и что составленіе въ немъ и разсматриваніе проектовъ о всесословной волости не поведутъ за собой никакихъ послѣдствій. Онъ полагалъ, что если проекты не провалятся въ самомъ собраніи (что уже и случилось), то будутъ представлены въ правительственныя учрежденія, которыми они будутъ отклонены, такъ какъ главные дѣятели въ этихъ учрежденіяхъ тѣ же, которые были и въ 1861 году.

Рейтернъ, говоря со мною о предположеніяхъ Фадѣева, сказалъ между прочимъ, что въ бытность графа Шувалова въ силѣ, можно было ожидать отъ его вліянія сильныхъ реакціонныхъ мѣръ, но съ его назначеніемъ посломъ въ Лондонъ, никто не пользуется вліяніемъ на Государя, достаточнымъ для приведенія такихъ мѣръ въ исполненіе.

Въ мартѣ 1875 года разнесся слухъ о злоупотребленіяхъ, найденныхъ при ревизіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Хотя государственный контроль былъ учрежденъ единовременно съ учрежденіемъ министерствъ въ Россіи, но онъ до назначенія государственнымъ контролеромъ тайнаго совѣтника Татаринова не имѣлъ никакого значенія.

Татаринову принадлежитъ честь устройства дѣйствительнаго контроля за государственными доходами и расходами, причемъ начала публиковаться

подробная смѣта ежегодныхъ доходовъ и расходовъ по государству, введены разныя правила по ихъ контролированію и единство кассы.

Послѣ его смерти, послѣдовавшей въ январѣ 1871 года, государственнымъ контролеромъ назначенъ А. А. Абаза, при которомъ контрольныя правила по военному и морскому министерствамъ измѣнились въ отношеніи того, что министрамъ дозволялся переводъ суммъ изъ одной статьи расхода въ другую и употребленіе суммъ, оставшихся отъ расходовъ, на издержки въ слѣдующіе годы.

Предсѣдатель департамента экономіи государственнаго совѣта К. В. Чевкинъ по болѣзни не вернулся изъ-за границы осенью 1873 года, и на это мѣсто былъ назначенъ Абаза, а государственнымъ контролеромъ генералъ-адъютантъ Самуилъ Алексѣевичъ Грейгъ, который предписалъ произвести внезапную ревизію экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. По слухамъ, эта ревизія открыла много безпорядковъ въ экспедиціи и между прочимъ передачу государственныхъ кредитныхъ билетовъ въ Государственный банкъ безъ установленныхъ для этой передачи формальностей и ввозъ во дворъ экспедиціи на весьма значительную сумму разныхъ матеріаловъ, которыхъ израсходованіе не оправдывается имѣющимися документами, такъ что явилось подозрѣніе, что эти матеріалы превращены въ кредитные билеты, которые были беззаконно вывезены изъ экспедиціи. Сверхъ того оказалось, что нѣкоторые документы изготовлялись въ ней несвоевременно, а по истеченіи трехъ и болѣе лѣтъ, и слѣдовательно были подложныя.

Привожу слѣдующее, какъ слухъ, которому самъ не вѣрю и вѣрить не хочу, и именно, что ревизія экспедиціи будто бы, сверхъ всего выше изложеннаго, открыла, что процентныхъ бумагъ, называемыхъ серіями, выпускаемыми каждый разъ по именному указу, даваемому Сенату, выпущено на большую сумму (на нѣсколько милліоновъ руб.), чѣмъ значится въ именномъ указѣ (216 мил. руб.).

Разсказываютъ, что впослѣдствіи оказалось, что эта излишняя сумма будто бы выпущена по особому не обнародованному Высочайшему повелѣнію, данному министру финансовъ. Говорятъ, что Грейгъ, узнавъ объ этомъ повелѣніи, убѣждалъ ревизующаго не выводить наружу о найденныхъ имъ излишнихъ серіяхъ, но ревизующій на это не согласился *).

Грейгъ, по назначеніи его государственнымъ контролеромъ, насолилъ почти всѣмъ министрамъ и въ особенности морскому, военному и юстиціи. Морской министръ генералъ-адъютантъ Николай Павловичъ Краббе по болѣзни не выѣзжалъ изъ дома болѣе года, но и въ болѣзненномъ состояніи циническими выраженіями, на которыя онъ такой большой мастеръ, ругалъ Грейга. По разсказу члена Государственнаго Совѣта и генералъ-адъютанта адмирала графа Путятина, въ одно изъ засѣданій Го-

*) Это было писано въ началѣ 1875 г. По описанному дѣлу никакого гласнаго слѣдствія не было и слухи прекратились. Повторяю, что они были неправдоподобны (январь 1877 г.). См. Приложеніе 1-е.

сударственнаго Совѣта въ мартѣ 1875 года почти всѣ министры, въ томъ числѣ военный Д. А. Милютинъ и юстиціи графъ К. И. Паленъ, напали на Грейга. О какомъ-то донесеніи его Милютинъ сказалъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта великому князю Константину Николаевичу, что онъ считаетъ неприличнымъ для великаго князя выслушивать подобныя доносы, а для себя ихъ опровергать.

Паленъ же, по словамъ Путятина, подошелъ въ Совѣтѣ къ Грейгу разъяреннымъ до того, что всѣ полагали, что произойдетъ дуэль; я же полагаю, что просто опасались, чтобы не дошло до рукопашной. Не зная подробностей замѣчаній, сдѣланныхъ Грейгомъ по разнымъ министерствамъ, я не могу судить о нихъ. Казалось бы желательнымъ, чтобы государственный контролеръ не оставлялъ министерскихъ распоряженій безъ контроля, но послѣдній долженъ самъ дѣйствовать правильно и не выходить за предѣлы благоразумія, а въ этомъ можно сомнѣваться, такъ какъ Грейгъ принадлежитъ къ числу лицъ, называемыхъ «выскочками» и имѣетъ всѣ ихъ недостатки.

Мартъ 1875 года былъ вообще чреватъ скандальными исторіями въ Петербургѣ. Въ концѣ этого мѣсяца разсматривалось въ Петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло по составленію фальшиваго духовнаго завѣщанія г-жею Сѣдковою, урожденною Ераковою, отъ имени ея мужа. Это дѣло, веденное нотаріусомъ Лисенковымъ, выказало всю грязную безнравственность многихъ семействъ въ среднемъ слоѣ нашего общества. Въ этомъ же мѣсяцѣ распущенъ былъ слухъ, что упоминаемый въ VIII, IX и X главахъ «Моихъ воспоминаній», разбогатѣвшій отъ устройства желѣзныхъ дорогъ П. Г. Дервизъ развелся со своею женою, отъ которой имѣлъ нѣсколько дѣтей. Разсказываютъ, что онъ въ самый день своей серебряной свадьбы далъ ей въ собственность два милліона рублей и что онъ женится на графинѣ Келлеръ, женѣ сенатора, которой болѣе 50-ти лѣтъ отъ роду и которая имѣетъ взрослыхъ дѣтей.

Графиня Келлеръ, урожденная Ризничная, полька, была очень хороша собою въ молодости и вела жизнь безнравственную. Конечно, передъ выходомъ въ замужество за Дервиза, она должна получить разводную, что, вѣроятно, не представитъ особыхъ затрудненій. Говорятъ, что графъ Келлеръ согласился развестись и только выразилъ удивленіе, что нашелся дуракъ, который хочетъ жениться на его женѣ *). По созвучію фамиліи моей съ фамиліей Дервиза, многіе разсказывали, что я развожусь съ моею женою и даю ей при разводѣ два милліона рублей. Конечно, никто не обязанъ знать моихъ отношеній къ женѣ и моего состоянія, предположеніе о незаконной наживѣ котораго дѣлали весьма немногіе, но можно было требовать, чтобы близкіе наши знакомые не поддерживали этого слуха.

Между тѣмъ А. Н. Обтяжнова, сестра А. Н. Шубиной, о которой я неод-

*) Писано въ началѣ марта 1875 г.; оказалось, что Дервизъ не разводился со своею женою. (Январь 1877 г.).

нократно говорилъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ», какъ о большомъ другѣ моей жены, разсказывала о моемъ разводѣ и выдачѣ двухъ милліоновъ рублей дня три спустя послѣ посѣщенія насъ. Распусканіе обо мнѣ ложныхъ слуховъ всегда особенно вліяло на сестру мою А. И. Викулину; само собою разумѣется, что и этотъ нелѣпый слухъ при ея болѣзненномъ состояніи раздражалъ ее.

Въ X главѣ «Моихъ воспоминаній» разсказано, какимъ образомъ я поступилъ въ члены общества Петербургскаго взаимнаго кредита и какъ жена моя была противъ этого поступленія въ виду того, что, по ея мнѣнію, дѣйствія этого общества были направлены противъ казеннаго интереса. Оно долго помѣщалось въ зданіи Государственнаго банка, котораго управляющій Евгеній Ивановичъ Ламанскій былъ вмѣстѣ и предсѣдателемъ правленія означеннаго общества. Говорили, что послѣднее, пользуясь неограниченною поддержкою Государственнаго банка, пускается въ рискованныя предпріятія. Дѣйствительно, выдачею значительныхъ ссудъ подъ разныя бумаги, оно поддерживало сильное ихъ повышеніе, которое производилось въ 1869 году такъ называемою «Демутовою биржею». Утверждали, что, послѣ разгрома этой биржи, въ обществѣ взаимнаго кредита осталось много бумагъ, по которымъ было выдано гораздо больше, чѣмъ онѣ стоятъ въ дѣйствительности. Наконецъ, найдено было правильнымъ Е. И. Ламанскому отказаться отъ званія предсѣдателя правленія и послѣднему переѣхать въ наемную квартиру.

Въ 1875 году Ламанскій пожелалъ снова баллотироваться въ директоры правленія этого общества на мѣсто умершаго директора и былъ предложенъ правленіемъ на общемъ собраніи пайщиковъ, но не былъ выбаллотированъ, равно какъ и другія предложенныя правленіемъ лица въ директоры и въ депутаты. Выбраны же были въ директоры купцы Буфѣевъ и Ефимовъ, вообще мало извѣстные, а по словамъ оставшихся отъ прежняго состава трехъ директоровъ, весьма неблагонадежные. Эти три директора предложили новымъ двумъ отказаться отъ директорскаго званія, на что послѣдніе не согласились. Тогда они заявили въ газетахъ о своемъ выходѣ изъ правленія и о созывѣ чрезвычайнаго общаго собранія общества для выбора на ихъ мѣсто новыхъ директоровъ.

Это объявленіе произвело сильный переполохъ. Въ обществѣ взаимнаго кредита лежало на текущемъ счетѣ до 39 милліоновъ рублей, изъ которыхъ вскорѣ было вытребовано до 20 милліоновъ. Я также взялъ лежавшія на моемъ текущемъ счетѣ деньги и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ заявленіе о желаніи выбыть изъ членовъ общества. Подобныхъ заявленій было подано весьма много, вѣроятно, въ угожденіе Ламанскому, съ тѣмъ, чтобы показать на новомъ общемъ собраніи акціонеровъ, что и наилучшіе люди и наиболѣе значительные банкиры и коммерческіе дома не хотятъ участвовать въ обществѣ, въ числѣ директоровъ правленія котораго будутъ Буфѣевъ и Ефимовъ.

Между тѣмъ на другой день по взятіи мною денегъ съ текущаго счета напечатано было объявленіе, что общество взаимнаго кредита въ состояніи уплатить до послѣдней копѣйки всѣ требованія по текущимъ счетамъ, причемъ не ограничитъ своихъ прочихъ операцій и даже будетъ по прежнему давать льготы лицамъ, которыхъ оно снабдило денежными ссудами. Невольно рождается вопросъ, какимъ образомъ это общество могло бы исполнить свое обѣщаніе, если бы не имѣло надежды на неограниченное пособіе со стороны Государственнаго банка? Вышеупомянутое объявленіе подписано было не правленіемъ, а депутатами и тремя прежними директорами общества, уже отказавшимися отъ своихъ должностей и только временно ихъ исправляющими. Депутаты общества большею частью неизвѣстны публикѣ, но во главѣ подписавшихъ объявленіе стоялъ депутатъ Ламанскій, и это успокоило многихъ членовъ.

По значительному числу членовъ (болѣе 9000), которые бо̀льшею частію живутъ въ Петербургѣ, поставлено общему собранію состоять изъ уполномоченныхъ, избранныхъ членами, раздѣленными на разряды по сроку ихъ вступленія въ общество. При выборѣ уполномоченныхъ члены имѣютъ равные голоса, хотя бы ихъ пай былъ наименьшій (30 р.) или наибольшій (5000 р.). По равнодушію русскаго человѣка къ общественнымъ дѣламъ, въ общія собранія являются бо̀льшею частію только лица, имѣющія особый интересъ въ веденіи дѣлъ общества и ихъ пріятели. Конечно, самый большой интересъ имѣютъ директора правленія, а потому они и хлопочутъ предъ наступленіемъ общаго собранія, чтобы въ немъ было наибольшее число ихъ приверженцевъ. Но на этотъ разъ директора,вѣроятно, увѣренные, что всѣ обрадуются поступленію Ламанскаго вновь въ директора, оплошали и не позаботились набрать голосовъ въ пользу ихъ предложенія. Между тѣмъ противной директорамъ сторонѣ стоило небольшой суммы, чтобы привлечь на свою сторону членовъ со взносомъ въ 30 р. и заставить ихъ изъ своей среды выбрать директоровъ. Это, конечно, недостатокъ устава: въ денежномъ дѣлѣ голосъ большаго капитала не можетъ быть сравненъ съ голосомъ меньшаго. Но тѣмъ не менѣе новые директора были выбраны законнымъ порядкомъ, и затѣмъ всѣ дальнѣйшія дѣйствія оставшихся отъ прежняго состава трехъ директоровъ, несмотря на то, что они старались нѣкоторыя изъ статей устава общества толковать въ свою пользу, оказываются неправильными.

Теперь (11 апрѣля 1875 г.) еще неизвѣстно, чѣмъ все это кончится въ обществѣ взаимнаго кредита. Если оставшіеся отъ прежняго состава правленія три директора будутъ постоянно настаивать, чтобы на мѣсто отслужившихъ срокъ были выбираемы выбывшіе или другіе ихъ пріятели, то правленіе будетъ несмѣняемое, на что, конечно, никто изъ здравомыслящихъ людей не можетъ согласиться *).

*) Е. И. Ламанскій былъ выбранъ въ 1875 г. въ предсѣдатели правленія, и я остался членомъ общества, а вышелъ изъ него только въ декабрѣ 1876 г. (Писано въ январѣ 1877 года.)

Около того же времени былъ уволенъ отъ службы членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія камергеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ. Хотя въ приказѣ сказано было, что онъ увольняется по прошенію, но всѣмъ было извѣстно, что онъ прошенія не подавалъ, и что ему грозила гораздо худшая участь, чѣмъ простое увольненіе отъ службы. Поводомъ къ увольненію было уличеніе во взяткѣ Маркевича съ издателя «Петербургскихъ Вѣдомостей» банкира Баймакова по слѣдующему случаю. Издатели и редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» Катковъ и Леонтьевъ, изъ которыхъ послѣдній вскорѣ умеръ, желали завладѣть «Петербургскими Вѣдомостями», издававшимися Евгеніемъ Ѳеодоровичемъ Коршемъ по контракту, заключенному съ нимъ академію наукъ, которая издавна пользовалась доходами отъ отдачи этой газеты въ аренду. Срокъ контракта съ Коршемъ оканчивался 1 января 1878 года; для немедленнаго же удаленія его Катковъ и Леонтьевъ придумали, чтобы газета изъ вѣдѣнія академіи наукъ перешла въ министерство народнаго просвѣщенія. Представленіе объ этомъ министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого въ Государственный Совѣтъ было дурно принято послѣднимъ. Тогда министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ, которому подвѣдомственно главное цензурное управленіе, по наущенію Толстого, испросилъ въ ноябрѣ 1874 года сепаратнымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, помимо Государственнаго Совѣта, Высочайшее повелѣніе о передачѣ упомянутой газеты въ министерство народнаго просвѣщенія, на что онъ получилъ предварительное согласіе президента академіи наукъ графа Литке, человѣка вполнѣ равнодушнаго къ русской литературѣ и журналистикѣ.

Немедля по объявленіи Высочайшаго повелѣнія о переходѣ газеты въ министерство народнаго просвѣщенія, Толстой заявилъ Коршу, что онъ послѣднему дозволяетъ редактировать газету только до 1 января 1875 года и чтобы онъ къ тому времени пріискалъ новаго редактора, выборъ котораго долженъ подвергнуться утвержденію Толстого. Понятно было, что Коршъ при этихъ условіяхъ не могъ найти редактора. Онъ сначала думалъ отстаивать свои права по контракту, заключенному съ академіей, но увидавъ, что обуха плетью не перешибешь, рѣшился продать право на изданіе газеты на остальные три года, оставшіеся до окончанія контрактнаго срока.

Катковъ и Леонтьевъ, только этого ждавшіе, поручили Б. М. Маркевичу пріобрѣсть отъ Корша право на изданіе газеты. Они ему вполнѣ довѣряли, потому что онъ былъ имъ обязанъ своимъ довольно высокимъ положеніемъ въ министерствѣ и довѣренностію къ нему министра, несмотря на заслуженную дурную репутацію, какъ человѣка, и плохую, какъ литератора. Толстой, конечно, поручилъ наблюденіе за покупками права на изданіе газеты у Корша тому же Маркевичу. Но передъ самымъ Новымъ годомъ газета, вопреки желанію Каткова и Леонтьева, была куплена у Корша банкиромъ Баймаковымъ. Вскорѣ послѣ этого Толстой, по

ходатайству Каткова и Леонтьева, потребовалъ отъ Баймакова, чтобы редакторомъ газеты былъ графъ Саліасъ-де-Турнемиръ, авторъ романа «Пугачевцы» и сынъ русской писательницы, извѣстной подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ. Изъ прежнихъ сотрудниковъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» никто, кромѣ Скальковскаго, не пожелали сотрудничать въ новой редакіи. Всѣ ожидали, что газета будетъ плоха, вслѣдствіе чего число подписчиковъ, которыхъ при прежней редакціи было до 11.000, значительно уменьшилось; многіе подписывались не на годъ, а только на одинъ мѣсяцъ, въ видѣ пробы. Передовая статья и фельетонъ перваго номера новой редакціи показали ея безтолковость и неспособность, послѣдующіе номера были того же достоинства, такъ что я очень пожалѣлъ, что, подписываясь въ декабрѣ 1874 года на журналы и газеты наступающаго года, подписался и для себя и для сестры Викулиной на два экземпляра «Петербургскихъ Вѣдомостей».

Въ виду значительнаго уменьшенія подписчиковъ, Баймаковъ, уплатившій большую сумму Коршу за право изданія въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, убѣдился, что при редакціи Саліаса онъ понесетъ убытокъ. Онъ долго искалъ средства объяснить Толстому свое предположеніе о необходимости замѣны Саліаса другимъ лицомъ. Мало знакомый со мною, онъ обращался и ко мнѣ съ прсьбою доставить ему аудіенцію у Толстого, въ чемъ я ему отказалъ. Наконецъ, въ виду того, что Катковъ и Леонтьевъ желали перекупить газету, онъ былъ позванъ къ Толстому, который предложилъ ему уступить газету за сумму, уплаченную имъ Коршу. Баймаковъ просилъ бо̀льшую сумму, заявивъ, что онъ при заключеніи контракта понесъ значительные расходы и что выборъ редактора по контракту предоставленъ ему. Толстой отрицалъ послѣднее, а насчетъ расходовъ потребовалъ объясненія отъ Баймакова, который заявилъ, что при заключеніи контракта онъ обязался въ продолженіе 12 лѣтъ уплачивать Маркевичу ежегодно по 5.000 р., и что эта сумма за 1875 годъ имъ послѣднему отдана, въ чемъ Маркевичъ расписался на заключенномъ между ними договорѣ. Сначала уговоръ объ этой уплатѣ былъ словесный, но впослѣдствіи Маркевичъ заявилъ Баймакову, что онъ ему вѣритъ, пока они оба живы, но что Маркевичъ желалъ бы укрѣпить эту сдѣлку между ними на случай смерти, въ пользу своей жены, вслѣдствіе чего между ними состоялось письменное условіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Толстой узналъ, что утвержденная имъ редакція проекта контракта между министерствомъ народнаго просвѣщенія и Баймаковымъ на изданіе газеты была Маркевичемъ измѣнена въ томъ смыслѣ, что редакторъ газеты назначается не по избранію министра, какъ значилось въ проектѣ, а просто по выбору Баймакова. Вся эта исторія дошла до шефа жандармовъ Потапова, прежде чѣмъ Толстой успѣлъ доложить о ней Государю. Потаповъ произвелъ обыскъ въ квартирѣ Маркевича и съ уликою налицо доложилъ о поступкѣ послѣдняго Государю, который, говорятъ, хотѣлъ Маркевича отставить отъ службы и предать суду, но впослѣдствіи смиловался по ходатайству Толстого.

Вскорѣ весь городъ заговорилъ о поступкѣ Маркевича, конечно, не извинительномъ, а сколько лицъ изъ осуждавшихъ его были такіе же, какъ онъ, вѣроятно, взяточники, которыхъ имя на Руси «легіонъ»! Но отчего почти всѣ нашли нужнымъ порицать взяточника, а очень немногіе порицали министра Толстого за удаленіе Корша отъ редакторства, на которое онъ, по заключенному имъ контракту, имѣлъ право въ продолженіе 3-хъ лѣтъ. Зачѣмъ было отнимать у Корша редакторство газеты весьма безцвѣтной, за исключеніемъ еженедѣльныхъ фельетоновъ Суворина, которыми онъ задѣвалъ нѣкоторыя личности, но вообще не представлявшихъ особой важности? Прошло бы три года, и Коршъ, не принеся своею газетою никакого вреда, былъ бы замѣненъ другимъ редакторомъ. Изгнаніе же его произвело общее неудовольствіе и распространился слухъ, что онъ будетъ издавать русскую газету въ Берлинѣ, въ которой, конечно, будетъ помѣщать много непріятнаго русскому правительству, чего не посмѣлъ бы напечатать въ Петербургѣ, но этотъ слухъ не оправдался. Впрочемъ, относительно печати правительство въ это время сдѣлало много несообразностей.

Генералъ-маіоръ Черняевъ, собственникъ газеты «Русскій Міръ», прежде сильно поддерживаемой генералъ-адъютантомъ Воронцовымъ-Дашковымъ и другими генералами, не охотниками до реформъ настоящаго царствованія и въ особенности до реформъ въ войскахъ, вводимыхъ военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ, отставъ отъ той «партіи яхтъ-клуба», тенденціи которой мною описаны выше, лишился средствъ къ продолженію изданія газеты, и необходимость заставила бы его прекратить это изданіе, что было всѣмъ извѣстно. Надо было ей дать умереть своею смертію. Правительство же пришло ей на помощь, пріостановивъ на три мѣсяца ея изданіе за помѣщенныя въ ней статьи объ управленіи Туркестанскимъ краемъ и о способѣ введенія новаго положенія между Киргизами. Правительство такимъ образомъ возвело редакцію этой газеты въ мученицы и дало ей возможность не продолжать своего изданія, безъ возвращенія денегъ подписчикамъ, подъ предлогомъ, что эта пріостановка разорила редакцію.

Въ концѣ 1874 года распространился слухъ, что извѣстный публицистъ князь Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ просилъ о дозволеніи ему издавать ежедневную газету, въ чемъ ему было отказано. Причина отказа осталась неизвѣстною; трудно даже отгадать ее, такъ какъ Васильчиковъ во всемъ, имъ напечатанномъ, постоянно хвалилъ реформы нынѣшняго царствованія. Правительство, уничтоживъ Корша, пріостановивъ «Русскій Міръ» и запретивъ изданіе газеты Васильчикову, покровительствовало газетѣ «Голосъ», которая постоянно была очень распространена, а съ передачею «Петербургскихъ Вѣдомостей» новой редакціи, пріобрѣла еще до 3000 подписчиковъ.

Между тѣмъ извѣстно, что правительство не благоволитъ къ редакціи «Голоса». Какъ же объяснить его дѣйствія, которыми оно увеличиваетъ ея денежныя средства и распространеніе въ публикѣ? Въ мартѣ 1875 года

оно запретило ея розничную продажу, не находя нужнымъ объяснить причины такового запрещенія. Но это запрещеніе не только не нанесло убытка редакціи «Голоса», но увеличило число подписчиковъ на эту газету, потому что публика, привыкнувъ къ ежедневному чтенію газеты, не имѣла другой, удовлетворяющей ея требованіямъ.

Такимъ образомъ правительство, въ противность своему желанію, усиливало вліяніе «Голоса», и ему придется считаться съ этою газетою, тогда какъ это вліяніе при «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» прежней редакціи и при газетѣ, предположенной къ изданію Васильчиковымъ, было бы раздѣлено между нѣсколькими наиболѣе распространенными газетами, и правительству было бы легче сообразовать свои дѣйствія съ дѣйствительными потребностями общества, выраженными въ нѣсколькихъ, ежедневно выходящихъ органахъ.

Редакторы почти всѣхъ Петербургскихъ періодическихъ изданій, и въ ихъ числѣ даже непріязненные Коршу, вмѣстѣ съ сотрудниками по изданію и редакціи «Петербургскихъ Вѣдомостей», дали послѣднему обѣдъ, который, конечно, не обошелся безъ рѣчей и стиховъ. Привожу здѣсь двѣ заключительныя строфы изъ послѣднихъ, сказанныхъ Буренинымъ, подписывавшимся въ фельетонахъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» «Маститымъ литераторомъ»:

«Запомни завѣтъ мой, Саліасъ-Турнемиръ,
Съ отвагой гряди молодою,
И знай, что тебя мой избранникъ банкиръ
Поддержитъ великою мздою.
А ты, Баймаковъ, если графъ убѣжитъ,
Смутившись работой чертовской,
Лишь свистни, и знамя свое водрузитъ
Сейчасъ по контракту Скальковскій».

Толстой, извѣстный крѣпостникъ, при знакомствѣ моемъ съ нимъ въ началѣ 60-хъ годовъ, явно высказывалъ свою нелюбовь къ просвѣщенію, въ особенности простого народа, а потому очень было странно назначеніе его въ 1875 году министромъ народнаго просвѣщенія. Едва ли онъ имѣлъ собственное мнѣніе о лучшемъ способѣ образованія въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а потому въ этомъ дѣлѣ вполнѣ подчинился редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей» Каткову и Леонтьеву, которые полагали единственнымъ способомъ образованія въ этихъ заведеніяхъ изученіе древнихъ языковъ.

Въ этомъ была и задняя мысль: Толстой и бывшій шефъ-жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ, тогда всемогущій, надѣялись излишнимъ изученіемъ древнихъ языковъ отнять у бо̀льшей части молодыхъ людей не только охоту, но и возможность оканчивать свое образованіе въ университетахъ, такъ какъ въ нихъ могли поступать только окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ такъ называемыхъ классическихъ гимназіяхъ и тѣ изъ неучившихся въ

этихъ гимназіяхъ, которые могли въ нихъ выдержать строгій экзаменъ, въ особенности по знанію классическихъ языковъ; окончившіе курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ, въ которыхъ эти языки не преподавались, были лишены права на поступленіе въ университеты.

Проектъ объ этомъ былъ представленъ Толстымъ въ началѣ 1871 года въ комиссію, учрежденную ad hoc при Государственномъ Совѣтѣ. Въ проектѣ намекалось на то, что реальныя науки ведутъ къ нигилизму и къ непризнанію властей. Разборъ этого проекта, конечно, найдетъ мѣсто въ воспоминаніяхъ современниковъ, болѣе меня компетентныхъ въ этомъ вопросѣ; частію же онъ былъ разобранъ въ выходившихъ тогда книжкахъ журнала «Вѣстникъ Европы», и потому не буду излагать его подробностей, а ограничусь нѣсколькими строками для указанія, какъ означенный проектъ достигъ утвержденія. Въ комиссіи, учрежденной изъ значительнаго числа членовъ Государственнаго Совѣта, онъ встрѣтилъ оппозицію; но извѣстно было, что Государя успѣли убѣдить въ тлетворности реальнаго обученія и въ необходимости ограничить число лицъ, могущихъ кончать образованіе въ университетахъ. Даже въ печатанномъ представленіи министра народнаго просвѣщенія въ Государственный Совѣтъ «Объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ уставѣ гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденномъ 19 ноября 1864 года», министръ приводитъ то же убѣжденіе. На 6, 7, 8, 9 и 10-й страницахъ этого представленія изложено:

«Признавъ учрежденіемъ академіи наукъ, университетовъ и гимназій существенную для государства и общества пользу науки вообще, независимо отъ практическихъ ея приложеній, правительство наше долгое время не вступало на опасный въ этомъ дѣлѣ путь предпочтенія практическихъ или, что тоже, матеріальныхъ выгодъ, которыя можетъ доставлять наука, тѣмъ нравственнымъ пользамъ, которыя она приноситъ, и по крайней мѣрѣ въ уставахъ о гимназіяхъ всегда ставило на первый планъ нравственные интересы—достиженіе высшаго научнаго образованія и благовоспитанности.

«Только въ 1849 году возникла мысль приноровить гимназіи, эти приготовительныя къ университетамъ училища, эти ученыя (gelehrte Schulen), какъ справедливо называютъ ихъ въ Германіи, къ непосредственному служенію практическимъ и матеріальнымъ цѣлямъ. Но такъ какъ практическія цѣли по самому существу своему разнообразны, то и гимназіи, приноровленныя къ ихъ достиженію, не могли остаться вездѣ одинаковыми и цѣльными учебными заведеніями, а распались въ высшихъ своихъ классахъ (начиная съ 4-го) на спеціальныя отдѣленія, изъ коихъ одни (съ курсомъ законовѣдѣнія) приготовляли будущихъ гражданскихъ чиновниковъ, другія (начиная съ 1852 г.), съ болѣе обширнымъ курсомъ математики и съ курсомъ наукъ естественныхъ, должны были приготовлять будущихъ военныхъ людей, и только третьимъ дозволено было служить истинной цѣли гимназій, т.-е., приготовленію юношества къ университетскому ученію, причемъ, однако же, и этимъ отдѣленіямъ не были предо-

ставлены способы достигать этой цѣли и доводить учениковъ до надлежащей умственной зрѣлости, ибо предметъ, наиболѣе тому содѣйствующій (именно древніе языки), былъ введенъ въ курсъ этихъ отдѣленій въ такомъ объемѣ, который былъ почти равносиленъ какъ бы совершенной его отмѣнѣ, а именно, латинскій языкъ до 20 часовъ въ недѣлю, начиная съ 4-го класса (вмѣсто прежнихъ 39 часовъ, начиная съ 1-го класса), и греческій языкъ по 10 часовъ съ 4-класса (вмѣсто прежнихъ 30 часовъ). Послѣднему, впрочемъ, нанесенъ былъ еще дальнѣйшій ударъ въ 1852 году и преподаваніе его, введенное уже въ 45 гимназіяхъ, было уничтожено въ 40 изъ нихъ; тѣ же гимназіи, въ коихъ оно было сохранено, хотя учебный ихъ курсъ и былъ болѣе удовлетворителенъ, ибо латинскій языкъ преподавался въ нихъ, начиная съ 2-го класса, по 22 урока (27½ часовъ) въ недѣлю, а греческій по 19 уроковъ (23¾ часа), и они не распадались на отдѣленія, тѣмъ не менѣе не могли достигать вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ по недостаточности времени, назначеннаго на древніе языки; да и такихъ болѣе правильно устроенныхъ гимназій было всего пять во всѣхъ учебныхъ округахъ Имперіи, не считая Дерптскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сокращеніемъ продолжительности каждаго урока на четверть часа (съ 1½ часа на 1¼) было уменьшено учебное время во всѣхъ классахъ гимназій на 30 часовъ въ недѣлю, т.-е., былъ какъ бы удаленъ въ гимназіяхъ цѣлый классъ съ годичнымъ курсомъ.

«Всѣ эти нововведенія, предшествовавшія ограниченію числа студентовъ въ университетахъ комплектомъ 300 и состоявшія съ этою мѣрою въ прямой связи, не вызывались никакою внутреннею необходимостью и были слѣдствіемъ лишь самыхъ прискорбныхъ недоразумѣній и случайностей. Въ свою очередь, онѣ имѣли самыя прискорбныя и даже пагубныя послѣдствія, вліяніе которыхъ чувствуется и доселѣ. *Въ этомъ почти совершенномъ изгнаніи древнихъ языковъ и особенно языка греческаго* изъ нашихъ школъ, въ этомъ приноравленіи гимназическаго курса къ практическимъ цѣлямъ, которыя должны быть чужды учащемуся юношеству въ этомъ возрастѣ, въ которомъ ему приходилось дѣлать выборъ между университетомъ и гражданскою или военною службой (по переходѣ лишь въ 4 классъ, т.-е., 13 или 14 лѣтъ отъ роду), *заключалась* если не единственная, то *одна изъ важныхъ причинъ, такъ сильно охватившаго наше учащееся юношество матеріализма, нигилизма и самаго пагубнаго сомнѣнія;* ибо вопросъ между древними языками, какъ основою всего дальнѣйшаго научнаго образованія, и всякимъ другимъ способомъ обученія есть вопросъ не только между серьезнымъ и поверхностнымъ ученіемъ, но и вопросъ между нравственнымъ и матеріалистическимъ направленіемъ обученія и воспитанія, а слѣдовательно, и всего общества.

«Въ самомъ дѣлѣ матеріалъ обученія можетъ быть таковъ, что онъ или дѣйствуетъ на всѣ стороны человѣческаго духа, облагораживая и возвышая его (таковымъ именно оказывается изученіе древнихъ классическихъ языковъ и ихъ литературъ), или же онъ развиваетъ учащихся односторонне

и, не оказывая вліянія ни на ихъ нравственное, ни на ихъ эстетическое образованіе, привлекаетъ ихъ вниманіе исключительно и преждевременно или къ вопросамъ политическимъ и соціальнымъ (таково безъ сомнѣнія было вліяніе курсовъ законовѣдѣнія (?) въ нашихъ гимназіяхъ), или же къ вопросамъ міра матеріальнаго (курсы естествовѣдѣнія). Наконецъ, при обученіи древнимъ языкамъ, такъ же, какъ отчасти и математикѣ, вся совокупность познаній учениковъ по этимъ предметамъ подлежитъ непрерывной и почти безошибочной провѣркѣ, препятствующей развитію въ ученикахъ самомнѣнія, тогда какъ надлежащее пониманіе учениками преподаннаго имъ изъ всѣхъ другихъ наукъ, особенно же изъ естествовѣдѣнія, почти уходитъ изъ подъ учительскаго контроля, почему здѣсь и возможно съ одной стороны развитіе крайняго самомнѣнія, а съ другой—образованіе самыхъ превратныхъ воззрѣній. Такимъ образомъ реформы 1849 и 1851 годовъ, замѣняя въ однихъ отдѣленіяхъ гимназій изученіе древнихъ языковъ законовѣдѣніемъ и естествовѣдѣніемъ, а въ другихъ крайне ослабляя его, *пролагали путь тому безотрадному умственному и нравственному направленію учащагося юношества, которое и доселѣ еще не совсѣмъ исчезло и которое, не ограничиваясь одними лишь учебными заведеніями, должно было проникнуть и въ литературу и болѣе или менѣе распространиться во всѣхъ слояхъ общества.*

«Въ самомъ дѣлѣ, это отрицаніе умственныхъ и нравственныхъ началъ и интересовъ человѣческой жизни, это признаваніе однихъ лишь грубыхъ матеріальныхъ инстинктовъ и потребностей, этотъ низкій, оскорбляющій столько же нравственное, сколько и эстетическое чувство, тонъ—всѣ эти явленія, отличавшія значительное число нашихъ литературныхъ органовъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и до сихъ поръ еще нерѣдко унижающія достоинство нашего печатнаго слова, конечно, не были бы возможны для умовъ, воспитанныхъ на произведеніяхъ классической древности и освоившихся съ тѣмъ высокимъ изяществомъ и строгимъ нравственнымъ достоинствомъ, коими бо̀льшею частію запечатлѣны лучшія произведенія древнихъ классиковъ».

Для соглашенія противоположныхъ мнѣній, большинство членовъ комиссіи, учрежденной при Государственномъ Совѣтѣ, добивалось, чтобы въ реальныхъ гимназіяхъ, которыя Толстой предположилъ переименовать въ училища, преподавался латинскій языкъ съ тѣмъ, чтобы окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ этихъ училищахъ могли поступать въ университеты, за исключеніемъ филологическаго факультета. Но Толстой на это не соглашался. Несмотря на сильную оппозицію въ упомянутой комиссіи, проектъ Толстого былъ внесенъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта.

Въ это время я управлялъ министерствомъ путей сообщенія, а потому присутствовалъ въ Совѣтѣ. Толстой и его помощники старались привлечь къ себѣ большинство членовъ Совѣта, вслѣдствіе чего онъ обратился и ко мнѣ съ изъявленіемъ желанія, чтобы я присоединился къ его мнѣнію. На мое замѣчаніе, что ему слѣдовало бы согласиться на введеніе латин-

скаго языка въ реальныя училища, чтобы дать возможность окончившимъ въ нихъ курсъ поступать въ нѣкоторые изъ университетскихъ факультетовъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что это равнялось бы совершенному уничтоженію классическихъ гимназій, потому что всѣ поступали бы въ реальныя училища.

Передъ увольненіемъ меня изъ министерства путей сообщенія, я въ послѣдній разъ присутствовалъ въ Совѣтѣ 15 мая 1871 года. Въ этотъ день въ общемъ его собраніи былъ разсматриваемъ проектъ Толстого. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта великій князь Константинъ Николаевичъ первый выразилъ свое мнѣніе въ пользу проекта Толстого; за него же болѣе другихъ говорили самъ Толстой, графъ С. Г. Строгановъ и П. А. Валуевъ и противъ проекта графъ В. Н. Панинъ, объяснявшійся весьма краснорѣчиво при превосходномъ знаніи русскаго языка, К. В. Чевкинъ и Д. А. Милютинъ. Послѣдняго великій князь нѣсколько разъ останавливалъ, находя, что онъ будто бы внѣ вопроса, тогда какъ не дѣлалъ этого замѣчанія противной сторонѣ, дѣйствительно въ своихъ разсужденіяхъ выходившей изъ вопроса.

Послѣ неоднократныхъ остановокъ великимъ княземъ Милютина, послѣдній заявилъ, что онъ, покоряясь волѣ предсѣдателя, будетъ молчать. За него кончилъ Чевкинъ, котораго великій князь не рѣшился останавливать. По отобраніи голосовъ, оказалось за проектъ 19, а противъ проекта 29 членовъ. Въ числѣ первыхъ были Цесаревичъ, великіе князья Константинъ и Николай Николаевичи, изъ которыхъ послѣдній почти никогда не бываетъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Принцъ Ольденбургскій, графы С. Г. Строгановъ, П. А. Шуваловъ, Д. А. Толстой и К. И. Паленъ, князь С. Н. Урусовъ и почти всѣ нѣмцы. Въ числѣ оппонентовъ были единственный между членами Совѣта знатокъ классическихъ языковъ графъ В. Н. Панинъ, К. В. Чевкинъ, Д. А. Милютинъ и я. Нѣмцы, изъ которыхъ большая часть не понимали обсуждаемаго вопроса, приняли сторону первыхъ изъ желанія угодить великимъ князьямъ, а тѣ изъ нихъ, которые не рѣшались до послѣдней минуты, какую принять сторону, дали голосъ въ пользу проекта вслѣдствіе одной не совсѣмъ удачной фразы, сказанной Чевкинымъ, который заявилъ, что наибольшая часть нашихъ чиновниковъ уроженцы западныхъ губерній, а такъ какъ классическіе языки въ этихъ губерніяхъ издавна преподавались, то въ нашихъ университетахъ, а затѣмъ и въ государственной службѣ будетъ еще бо̀льшій наплывъ этихъ уроженцевъ въ ущербъ уроженцевъ нашихъ внутреннихъ губерній. Чевкинъ, вѣроятно, намекалъ на польскихъ уроженцевъ, но нѣмцы приняли его заключеніе на свой счетъ и вотировали противъ него.

Валуевъ, ратовавшій за проектъ, говорилъ также краснорѣчиво, но по обыкновенію пустозвонно. Онъ увѣрялъ между прочимъ, что всѣ великія открытія въ естественныхъ наукахъ были сдѣланы въ прошедшемъ столѣтіи и въ началѣ текущаго, а что въ послѣднія 40 лѣтъ ничего въ нихъ не сдѣлано и потому на ихъ изученіе довольно того времени, которое на

это прежде употреблялось въ училищахъ и теперь назначено по новой программѣ гимназій. При этомъ онъ въ началѣ своей рѣчи вызывалъ членовъ Совѣта указать ему, кто и какія сдѣлалъ въ послѣдніе 40 лѣтъ открытія въ естественныхъ наукахъ, требующія увеличенія времени для ихъ изученія, и при концѣ рѣчи сказалъ, что, не получивъ отвѣта на сдѣланный имъ вопросъ, онъ снова его предлагаетъ гг. членамъ Совѣта.

Понятно, что никто не отвѣчалъ на такую нелѣпость. Государь утвердилъ мнѣніе меньшинства, и проектъ Толстого вступилъ въ силу. При приведеніи его въ исполненіе старались, посредствомъ частныхъ распоряженій министерства, сдѣлать его еще вреднѣе для учащихся молодыхъ людей. Трудно себѣ представить, какое уныніе онъ навелъ на нихъ и на ихъ родителей. Послѣдствія его оказались немедля. Оказалось, между прочимъ, что нѣтъ учителей греческаго языка въ Россіи; выписали чеховъ, но бо́льшая ихъ часть, не говоря уже о незнаніи ими русскаго языка, оказались негодными.

Въ 1874 году графъ Д. А. Толстой представилъ Государю отчетъ о дѣйствіяхъ министерства народнаго просвѣщенія за 1873 годъ. Разсмотрѣніе каждаго изъ министерскихъ годовыхъ отчетовъ обыкновенно поручается особой комиссіи изъ членовъ Государственнаго Совѣта; результатъ ея занятій представляется Государю и съ его замѣчаніями прочитывается въ комитетѣ министровъ. Въ комиссію для разсмотрѣнія упомянутаго отчета назначены были предсѣдателемъ Принцъ Петръ Ольденбургскій и членами Титовъ, Деляновъ и князь Оболенскій; изъ нихъ второй, по званію предсѣдателя археографической комиссіи, находится въ зависимости отъ Толстого, а третій, по званію директора публичной библіотеки, просто ему подчиненъ. Понятно, что отъ этихъ лицъ нельзя было ожидать добросовѣстнаго разбора отчета.

Оболенскій же представилъ много замѣчаній, на которыя Толстой сдѣлалъ обширныя возраженія. Принцъ Ольденбургскій много хлопоталъ о примиреніи враждующихъ. Разсказываютъ, что онъ употребилъ даже какого-то священника для убѣжденія Оболенскаго,—котораго увѣрялъ въ своемъ съ нимъ согласіи,—прекратить его пререканія съ Толстымъ. Не успѣвъ въ этомъ, онъ наканунѣ своего отъѣзда за границу представилъ Государю не выводъ изъ сдѣланнаго обзора отчета, а всю полемику между Толстымъ и Оболенскимъ. Государь положилъ на замѣчаніяхъ Оболенскаго нѣсколько резолюцій не въ его пользу. Оболенскій замѣтилъ, между прочимъ, что мѣрами, принятыми министерствомъ народнаго просвѣщенія, явно понижается уровень образованія, такъ какъ вслѣдствіе этихъ мѣръ число студентовъ въ университетахъ убавилось 1160-ю, а число гимназистовъ высшаго класса, не получившихъ аттестата объ окончаніи курса въ гимназіяхъ, дошло въ одинъ годъ до 4000.

Государь противъ этого мѣста написалъ, что возлагаетъ на личную отвѣтственность Оболенскаго, чтобы упомянутый фактъ не былъ разглашаемъ. Но онъ явствуетъ изъ публикованнаго отчета министра, а замѣча-

ніе Государя было прочтено въ комитетѣ министровъ и, слѣдовательно, еще болѣе обратило вниманіе всѣхъ на этотъ фактъ. Въ другой резолюціи, на замѣчаніяхъ Оболенскаго, Государь выразилъ неудовольствіе на то, что послѣдній въ государственныя дѣла вводитъ свои личныя отношенія, которыя были непріязненны между Оболенскимъ и Толстымъ, когда они оба служили въ морскомъ министерствѣ.

Я не видалъ означенныхъ резолюцій, а потому не отвѣчаю за ихъ буквальную точность, но полагаю, что смыслъ ихъ передалъ вѣрно. Въ продолженіе десяти дней, въ которые Государь читалъ замѣчанія Оболенскаго и возраженія Толстого, послѣдній имѣлъ два личныхъ доклада, которыми, конечно, воспользовался, чтобы очернить Оболенскаго въ глазахъ Государя, написавшаго въ одной изъ резолюцій на замѣчаніяхъ Оболенскаго, что Толстой все дѣлаетъ по его указаніямъ. Вслѣдствіе этого 13-го апрѣля 1875 года въ грамотѣ, которою Толстому жалуются алмазные знаки къ ордену Александра Невскаго, сказано, что не только онъ ведетъ свое министерство съ усердіемъ и знаніемъ дѣла, но постоянно согласуется съ преподаваемыми ему Государемъ указаніями. Въ тотъ же день нѣсколько министровъ получили ту же награду, и въ грамотахъ къ нимъ не упомянуто послѣдняго обстоятельства. Замѣчанія, сдѣланныя Государемъ Оболенскому, очень заняли публику. Многіе увѣряли, что послѣдній писалъ разборъ отчета Толстого со словъ А. В. Головнина, который въ свою очередь увѣрялъ всѣхъ, что и не видалъ означеннаго отчета прежде, чѣмъ появились на него замѣчанія Оболенскаго.

Причиняемый системою Толстого вредъ обучающемуся поколѣнію не только замѣчается всѣми Русскими, но и многими, хорошо знающими Россію, иностранцами. Такъ, въ извѣстномъ Берлинскомъ журналѣ «Unsere Zeit» за апрѣль 1875 года въ статьѣ: «Положеніе Россіи въ концѣ 1874 г.», сильно нападаютъ на Толстого за введеніе имъ обученія классическимъ языкамъ въ ущербъ реальнымъ наукамъ, безъ которыхъ нельзя обойтись въ нашъ вѣкъ, по преимуществу реальный. Вообще упомянутая статья весьма замѣчательна. Люди и факты въ ней оцѣнены весьма правильно, что очень рѣдко встрѣчается въ иностранныхъ книгахъ, а потому полагаютъ, что статья эта написана русскимъ.

По отдаленности помѣщенія русскаго техническаго общества въ Соляномъ городкѣ отъ моей квартиры, я очень рѣдко посѣщалъ его. Въ началѣ 1875 года Е. Н. Андреевъ, заѣхавъ ко мнѣ, заявилъ, что съ марта 1874 года въ обществѣ зародилась мысль созвать съѣздъ машиностроителей, желѣзозаводчиковъ и главныхъ потребителей желѣза и машинъ для опредѣленія мѣръ къ поднятію въ Россіи машиностроенія, добычи чугуна и желѣзодѣланія, что при обществѣ учреждена подъ его предсѣдательствомъ комиссія для приготовленія матеріаловъ къ съѣзду, что министръ финансовъ согласенъ на созывъ съѣзда, котораго программа должна быть представлена на его утвержденіе, а предсѣдатель назначенъ правительствомъ,

и что когда Андреевъ затруднялся въ выборѣ лица, которое можно было бы предложить въ предсѣдатели съѣзда, Рейтернъ указалъ ему на меня, вслѣдствіе чего Андреевъ просилъ меня согласиться на принятіе этой обязанности.

При моемъ твердомъ рѣшеніи быть какъ можно далѣе отъ общественныхъ дѣлъ, я долго отказывалъ Андрееву въ его просьбѣ, но окончательно уступилъ его усиленнымъ просьбамъ. Сознаюсь, что тогда я не предвидѣлъ всѣхъ хлопотъ и непріятностей, сопряженныхъ съ этою обязанностію.

Въ началѣ марта я получилъ письмо министра финансовъ, которымъ онъ просилъ моего согласія на принятіе званія предсѣдателя съѣзда, для представленія объ этомъ на Высочайшее утвержденіе. Я отвѣчалъ согласіемъ.

12 марта пріѣзжалъ ко мнѣ Рейтернъ, но не засталъ дома. Зная, какъ онъ вообще скупъ на визиты, я полагалъ, что онъ былъ у меня для переговоровъ о съѣздѣ. Въ то же утро я былъ у него, но не засталъ, зашелъ къ директору его канцеляріи тайному совѣтнику Дмитрію Ѳомичу Кобеко, который мнѣ сообщилъ, что Рейтернъ заѣзжалъ ко мнѣ, вѣроятно, для того, чтобы просить меня поступить членомъ въ комиссію, учрежденную подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта, тайнаго совѣтника Григорія Павловича Небольсина, по предмету развитія въ Россіи рельсоваго производства и устройства подвижного состава.

Я въ этотъ же день вечеромъ былъ у Рейтерна, который подтвердилъ сказанное мнѣ директоромъ его канцеляріи. Получивъ согласіе на свое предположеніе, Рейтернъ исходатайствовалъ 14 марта Высочайшее утвержденіе означенной комиссіи. Небольсинъ въ концѣ апрѣля доставилъ мнѣ программу вопросовъ къ правленіямъ желѣзнодорожныхъ обществъ и въ механическіе и рельсовые заводы, чтобы по полученіи отвѣтовъ приступить къ занятіямъ, возложеннымъ на комиссію. Вопросовъ было множество; нѣкоторые ихъ нихъ были до того сбивчивы, а другіе до того сложны, что нельзя было ожидать на нихъ толковыхъ отвѣтовъ. Это принадлежность бюрократіи, и русской въ особенности, по всякому дѣлу завязать переписку до того сложную, что до самаго дѣла никогда не доберешься, а между тѣмъ мѣста, отъ которыхъ требуютъ свѣдѣнія, весьма ею затруднены. Я указалъ Небольсину, что многія свѣдѣнія имѣются въ министерствахъ финансовъ и путей сообщенія, что другія для нашего дѣла не нужны, а потому требованіе отъ правленій обществъ жел. дорогъ таковыхъ свѣдѣній безполезно. Я былъ увѣренъ, что Небольсину составлялъ вопросы какой-нибудь архи-чиновникъ, и дѣйствительно, въ первомъ засѣданіи комиссіи оказалось, что это былъ служащій въ министерствѣ финансовъ весьма дерзкій и нахальный чиновникъ *). Онъ принялъ мои замѣчанія весьма обидчиво, но передѣлалъ по нимъ вопросы. Дальнѣйшія дѣйствія этой комиссіи будутъ описаны ниже.

---

*) Умершій въ концѣ 1876 года.

По полученіи письма Рейтерна о предположеніи назначить меня предсѣдателемъ съѣзда машиностроителей и желѣзозаводчиковъ, я началъ посѣщать учрежденную при техническомъ обществѣ комиссію по приготовительнымъ работамъ къ этому съѣзду. Въ первое посѣщенное мною засѣданіе этой комиссіи я нашелъ, что заготовленъ проектъ программы для съѣзда, состоящей въ 50-ти вопросахъ, изъ коихъ половина была уже утверждена комиссіею. Я протестовалъ противъ слишкомъ сложнаго дѣла для съѣзда, который долженъ былъ продолжаться всего 3 недѣли, и сократилъ, насколько это еще было возможно, число вопросовъ. По представленіи программы и выработанной въ комиссіи организаціи съѣзда, 21 марта воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе на его созваніе и на назначеніе меня его предсѣдателемъ.

Впослѣдствіи великій князь Константинъ Николаевичъ согласился принять званіе почетнаго предсѣдателя съѣзда, причемъ обѣщался посѣтить въ половинѣ апрѣля механическую выставку, учрежденную техническимъ обществомъ. При этомъ посѣщеніи я въ первый разъ видѣлъ, съ какою подробностію великій князь осматривалъ механическія произведенія. Ихъ было немного на выставкѣ, но онъ провелъ на ней болѣе 3-хъ часовъ. Пользуясь этимъ посѣщеніемъ, я просилъ великаго князя сказать при открытіи съѣзда нѣсколько словъ, наподобіе того, какъ былъ имъ открытъ международный статистическій конгрессъ въ Петербургѣ. Онъ отвѣчалъ, что онъ не ораторъ, что онъ на упомянутомъ конгрессѣ читалъ приготовленную рѣчь и что если ему будетъ такая приготовлена для окрытія съѣзда, то онъ ее прочтетъ. Мало зная великаго князя и мало знакомый съ приготовленными работами для съѣзда, я не принялъ на себя составленія рѣчи и просилъ ее составить предсѣдателя приготовительной къ съѣзду комиссіи Е. Н. Андреева, но сочиненная имъ длинная рѣчь мнѣ не понравилась, и я тогда обратился съ тою же просьбою къ адъютанту великаго князя капитанъ-лейтенанту Леониду Павловичу Сѣмечкину; составленная имъ рѣчь была столь же неудачна. Пришлось просить сочинить ее, а также мой привѣтственный великому князю отвѣтъ, Н. И. Путилова, замѣчательнаго своими разнообразными способностями, но въ это время обремененнаго весьма важными собственными дѣлами.

Рѣчь, составленную Путиловымъ, я, по приказанію великаго князя, лично представлялъ министру финансовъ, не называя лица, ее написавшаго. Она была имъ одобрена, и великій князь прочелъ ее при открытіи съѣзда. Рѣчи великаго князя и моя при закрытіи съѣзда были также написаны Путиловымъ, который имѣлъ неосторожность прочитать ихъ, до передачи мнѣ, своему пріятелю, генералъ-адъютанту вице-адмиралу Попову, а сей послѣдній заявилъ великому князю свое одобреніе той рѣчи, которая, какъ онъ полагалъ, была написана Путиловымъ по порученію великаго князя. На это послѣдній сказалъ, что онъ никогда такого порученія Путилову не давалъ.

Путиловъ, узнавъ объ этомъ отъ Попова, очень былъ встревоженъ,

полагая, что я сказалъ великому князю, что рѣчь написана мною, но я сосоставителя рѣчи Его Высочеству не называлъ, и онъ имени его у меня не спрашивалъ. Всѣ означенныя рѣчи были въ свое время напечатаны въ газетахъ, а равно пренія на съѣздѣ и его резолюціи, а потому я ихъ здѣсь приводить не буду, а приведу только изъ рѣчи заводчиковъ ту часть, которая относилась ко мнѣ, мой отвѣтъ на это привѣтствіе и тѣ касающіяся съѣзда обстоятельства, которыя не были въ печати.

Г. Струве, извѣстный строитель мостовъ и учредитель механическаго завода въ г. Коломнѣ, отъ лица собравшихся на съѣздѣ заводчиковъ, послѣ обращенія къ великому князю, произнесъ слѣдующее:

«Баронъ! Ваши обширныя знанія и всегдашняя безотказная готовность служить каждому русскому дѣлу внушаютъ всѣмъ и каждому глубокое уваженіе къ вамъ, а мы, заводчики, сверхъ того, откровенно сознаемся, что симпатическимъ характеромъ вашимъ вы завладѣли сердцами нашими».

На это я отвѣчалъ:

«Гг. почтенные заводчики! Служить русскому дѣду обязаны всѣ, любящіе родину свою, а потому о первой части привѣтствія вашего я умалчиваю. Что же касается до выраженія чувствъ вашихъ лично ко мнѣ, то они облегчатъ мнѣ направлять предстоящіе труды ваши къ одной общей цѣли: выгодамъ Россіи!»

Понятно, что я былъ чрезвычайно занятъ во всѣ 3 недѣли, въ которыя продолжался съѣздъ, имѣвшій 30 засѣданій по 4 отдѣламъ съѣзда и 3 общія собранія, не считая торжественныхъ при открытіи и закрытіи. Самыми трудными для меня засѣданіями были три послѣднія, въ которыя надо было пробаллотировать до ста резолюцій, положенныхъ въ отдѣлахъ, и нѣсколько резолюцій, внесенныхъ прямо въ общее собраніе. Чтобы сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе столь значительнаго числа сложныхъ вопросовъ въ три дня, были составлены правила для лицъ, желавшихъ говорить въ общихъ собраніяхъ, но предсѣдателю весьма трудно было поддержать, чтобы эти правила были всѣми соблюдаемы. Даже при соблюденіи по возможности этихъ правилъ послѣднее общее собраніе длилось до 2-го часа по полуночи. Несмотря на мое хладнокровіе, въ каждое изъ трехъ общихъ собраній съѣзда я выходилъ изъ себя. Собранія начинались въ 8 ч. вечера, а въ 10 часовъ дѣлался перерывъ минуть на 20-ть.

Въ первый день общаго собранія, во время перерыва, когда я сидѣлъ въ комнатѣ, отведенной для канцеляріи съѣзда, ко мнѣ подошелъ довольно пожилой человѣкъ, объявившій претензію, что въ резолюціяхъ перваго отдѣленія съѣзда приведены слова, изъ его записки, неправильно. Я догадался, что это былъ начальникъ горной части въ Финляндіи Фуругельмъ, представившій съѣзду записку на шведскомъ языкѣ, и просилъ его обратиться съ его претензіею къ предсѣдательствующему въ 1-мъ отдѣленіи съѣзда горному инженеру тайному совѣтнику Александру Андреевичу Іоссѣ, который, конечно, немедля заявитъ съѣзду о неправильности, вкравшейся въ резолюцію. На это Фуругельмъ дерзкимъ тономъ отвѣчалъ мнѣ,

что подобныхъ вещей у нихъ (въ Финляндіи) не дѣлается, а только у насъ (въ Россіи); что у нихъ дѣлается все честно, а у насъ безчестно. Я вспылилъ и выслалъ его изъ комнаты. Окружавшіе меня поняли его слова въ томъ же смыслѣ, какъ и я, и находили, что я могъ поступить еще хуже. Я полагалъ, что этотъ непріятный между нами разговоръ не долженъ уменьшать заслуги, оказанной Фуругельмомъ представленіемъ съѣзду записки, а потому при началѣ засѣданія, послѣ перерыва, обратилъ вниманіе общаго собранія на означенную записку, найденную нашими горными инженерами весьма полезною, и предложилъ благодарить Фуругельма, что и было немедля исполнено собраніемъ. Конечно, Фуругельмъ не ожидалъ такого отъ меня предложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я заявилъ объ ошибкѣ, сдѣланной въ переводѣ одного мѣста изъ записки Фуругельма, подавшаго поводъ къ одной изъ резолюцій 1-го отдѣленія съѣзда, и просилъ или его самого, или, по незнанію имъ русскаго языка, черезъ кого-либо другого, пояснить о неправильной передачѣ одною изъ Петербургскихъ газетъ («Голосомъ») словъ, сказанныхъ имъ въ 1-мъ отдѣленіи съѣзда, что и было исполнено заводчикомъ Нобелемъ. По окончаніи засѣданія, Фуругельмъ увѣрялъ меня, что дурно понялъ сказанное имъ мнѣ во время перерыва, ссылаясь на свое плохое знаніе русскаго языка; во всякомъ случаѣ просилъ моего прощенія и благодарилъ за сдѣланный мною лестный о немъ отзывъ съѣзду.

Предсѣдательствовавшій въ 3-мъ отдѣленіи съѣзда, инженеръ путей сообщенія генералъ-маіоръ Д. И. Жуковскій по болѣзни не бывалъ въ общихъ собраніяхъ съѣзда, и потому резолюціи, принятыя 3-мъ отдѣленіемъ, были предложены съѣзду въ его отсутствіе. Холодовъ, молодой инженеръ механикъ, состоявшій по моей рекомендаціи сверхштатнымъ машинистомъ при техническо-инспекторскомъ комитетѣ жел. дорогъ, заявилъ, что будто бы предложенныя имъ 6 резолюцій, относительно подвижного состава на жел. дорогахъ, не были предложены 3-му отдѣленію его предсѣдателемъ, и просилъ допустить ихъ къ обсужденію и баллотированію. Изъ нихъ пять было заболлотировано. По окончаніи баллотированія предложеній Холодова, Шрейеръ, бывшій отвѣтственный редакторъ газеты «Новое Время», большой нахалъ съ рѣзкимъ голосомъ, въ грубыхъ выраженіяхъ заявилъ, что не слѣдовало допускать къ баллотировкѣ резолюцій, не разсмотрѣнныхъ въ отдѣленіяхъ. Я ему отвѣчалъ, что право допущенія къ обсужденію представляемыхъ членами съѣзда резолюцій принадлежитъ его предсѣдателю, т.-е., мнѣ, и что я готовъ покориться указанію общаго собранія, но не каждаго члена съѣзда.

Мои слова были покрыты громкими рукоплесканіями. Во время перерыва, когда я сидѣлъ въ комнатѣ, наполненной членами съѣзда, Шрейеръ сказалъ мнѣ, что я не имѣю права съ нимъ обращаться по начальнически. Я ему отвѣчалъ, что я ни съ кѣмъ по начальнически не обращаюсь, а считаю своею обязанностью въ собраніи, гдѣ я предсѣдателемъ, сохранять порядокъ. На его возраженіе, что все же онъ мнѣ не подчиненный, я

отвѣчалъ, что говорить съ нимъ не хочу. Тогда онъ сказалъ, что надобно спросить его желаніе, на что я замѣтилъ, что онъ заговорилъ со мною и слѣдовательно онъ желалъ говорить со мною, а не я съ нимъ. Онъ отошелъ отъ меня съ весьма недовольнымъ видомъ.

Въ третій и послѣдній день общаго собранія съѣзда оставалось обсужденіе тарифа на металлы, металлическія произведенія и машины. Съѣздъ явно былъ задуманъ съ цѣлью добиться возвышенной пошлины на заграничныя машины, а потому въ послѣдній день съѣзда надо было ожидать самыхъ горячихъ преній.

Передъ началомъ засѣданія, я напомнилъ о правилахъ, постановленныхъ для общихъ собраній съѣзда, при несоблюденіи которыхъ нельзя было окончить въ этотъ день засѣданій съѣзда, тогда какъ трехнедѣльный срокъ истекаетъ и на другой день назначено почетнымъ предсѣдателемъ его закрытіе. Упомянутыми правилами постановлено, что по каждой резолюціи могутъ говорить съ трибуны только два лица по 10 минутъ каждое, одно за, а другое противъ нея; прочимъ же членамъ предоставлено было говорить съ мѣстъ, причемъ они должны ограничиваться еще меньшимъ временемъ. Но при обнаруженіи первой резолюціи о наложеніи 10 к. пошлины на пудъ ввозимаго чугуна, это правило было нарушено предсѣдателемъ IV отдѣленія съѣзда Е. Н. Андреевымъ, говорившимъ, несмотря на мои предупрежденія, 13 минутъ о необходимости снять и существующую пошлину въ 5 коп. Согласный со снятіемъ этой ничтожной пошлины съ сырья, тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что рѣчь Андреева была дурно составлена и выводы, сдѣланные въ ней изъ разныхъ фактовъ, были неправильны.

На нее отвѣчалъ бывшій заводчикъ, а нынѣ редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» Василій Аполлоновичъ Полетика, одаренный краснорѣчіемъ, но чрезвычайно рѣзкій. Начавъ тѣмъ, что Андреевъ говорилъ четверть часа, и потому онъ имѣетъ право говорить столько же времени,—выходка, заслужившая рукоплесканія,—онъ въ весьма основательной рѣчи отдѣлалъ Андреева за его неправильные выводы, о которыхъ послѣдній даже не упоминалъ при продолжительномъ обсужденіи тарифа въ отдѣленіи съѣзда, въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ. Конечно, Андреевъ не оставилъ слова Полетики безъ отвѣта.

Потомъ требовалъ слова В. А. Панаевъ (инженеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ), о которомъ я упоминалъ въ VII главѣ «Моихъ воспоминаній». Онъ также осуждалъ Андреева, но говорилъ не о предложенной резолюціи, а читалъ лекцію о логичности покровительственной системы, увѣряя, что каждая копѣйка уплоченной пошлины отзывается весьма благодѣтельно на всю массу народа. Я нѣсколько разъ просилъ Панаева перейти къ вопросу и, не видя конца изложенію имъ его ученія, отнялъ у него слово. Послѣ Панаева, желающимъ говорить былъ записанъ баронъ Юлій Ѳеодоровичъ Корфъ (камергеръ) *), держав-

*) Умершій въ 1876 году.

шій сторону передѣлочныхъ заводчиковъ. Когда онъ былъ вызванъ мною, въ залѣ начали кричать: «баллотировать», такъ что я, съ трудомъ унявъ крики, просилъ выслушать Корфа.

Намѣреніе составителей тарифа, который, за исключеніемъ статьи о стали, прошелъ въ IV отдѣленіи съѣзда, было вовсе не допускать преній о немъ въ общемъ съѣздѣ, а баллотировать резолюціи безъ преній. Догадка моя оправдалась тѣмъ, что когда кончилась баллотировка о пошлинѣ на сталь, которая была въ отдѣленіи съѣзда назначена несогласная съ предложенною составителями тарифа, то ко мнѣ подходили съ просьбами о томъ, чтобы всѣ остальныя статьи тарифа баллотировать нераздѣльно (en bloc).

Находя это угнетеніемъ меньшинства, я рѣшился съ перваго раза противостать выше приведенной затѣѣ большинства, въ чемъ и успѣлъ. По баллотировкѣ перваго вопроса, по которой за наложеніе 10 коп. пошлины на заграничный чугунъ оказалось 66, а противъ нея 45 человѣкъ, Панаевъ обратился къ съѣзду съ рѣчью, въ которой, поздравляя его съ результатомъ баллотировки, полученнымъ несмотря на то, что ему не дали говорить, и увѣряя, что этотъ результатъ есть послѣдствіе болѣе ясныхъ идей въ обществѣ, снова началъ развивать теорію покровительственной системы.

Я просилъ Панаева выслушать вторую резолюцію съѣзда, но онъ непремѣнно хотѣлъ продолжать изложеніе своего ученія. Это принудило меня лишить его слова. Вслѣдъ за симъ я предложилъ съѣзду на обсужденіе вторую резолюцію.

Рѣчь Панаева была сопровождаема криками: «довольно», и шиканьемъ, но это его не останавливало, и онъ, подойдя ко мнѣ, громко заявилъ, что, находя пристрастіе въ томъ, что дано было слово барону Корфу, а у него отнято, онъ требуетъ, чтобы это было занесено въ протоколъ. Послѣ моего отвѣта, что желаніе его будетъ исполнено, и сильнаго шиканья публики, Панаевъ торжественно вышелъ изъ собранія.

Онъ всегда былъ очень самолюбивъ, но, послѣ продолжительнаго сумасшествія, еще сталъ самолюбивѣе и невыносимѣе. Выходъ же его изъ засѣданія съѣзда былъ очень кстати: онъ пускался бы въ длинныя разглагольствованія при объявленіи пошлины на каждый предметъ и, конечно, мы въ этотъ вечеръ не окончили бы обсужденія тарифа, принятаго IV отдѣленіемъ съѣзда.

На другой день Панаевъ былъ на торжественномъ закрытіи съѣзда и на обѣдѣ, данномъ заводчиками. За этимъ обѣдомъ я предложилъ здоровье труженіковъ, которымъ съѣздъ ежедневно задавалъ работы на 17 и болѣе часовъ, въ противность собственной резолюціи, которою положено уменьшеніе числа рабочихъ часовъ на фабрикахъ.

Панаевъ, горячій поклонникъ простого народа, вѣроятно, переставъ на меня сердиться, воспользовался моимъ тостомъ, чтобы сказать мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ.

Изъ прочихъ предложеній по пошлинамъ сильныя пренія были воз-

буждены только относительно предложенія заводчиковъ отказаться отъ дарованной имъ въ 1861 году льготы получать безпошлинно сырые матеріалы для заводскаго производства и о назначеніи одинаковой пошлины на сталь и желѣзо. Крики, требовавшіе окончанія преній, доходили до того, что я съ трудомъ унималъ ихъ звономъ колокольчика, причемъ замѣчалъ, что крики неумѣстны въ нашемъ собраніи, что, сверхъ того, у нѣкоторыхъ такіе пронзительные голоса, что голова отъ нихъ трещитъ не только у дамъ, присутствующихъ въ числѣ посѣтителей, но и у меня.

Это замѣчаніе Шрейеръ принялъ, и совершенно справедливо, на свой счетъ и, какъ послѣ мнѣ говорили, былъ имъ очень обиженъ. Замѣчательно, что два вышеприведенные вопроса, возбудившіе самыя сильныя пренія, были выбаллотированы—первое большинствомъ только одного, а второе только двухъ голосовъ, слѣдовательно, мнѣнія раздѣлились поровну, несмотря на то, что большинство употребило сильныя средства для своего поддержанія, но на сторонѣ меньшинства была бо́льшая часть инженеровъ (между прочими, профессоръ Кулибинъ) и бо́льшая часть практическихъ механиковъ, не имѣющихъ собственныхъ заводовъ (между прочими, деректоръ Петербургскаго ремесленнаго заведенія Лабзинъ).

Тѣмъ не менѣе машиностроители, затѣявшіе съѣздъ, и въ ихъ главѣ Нобель, одержали верхъ: они довели пошлину со всѣхъ машинъ до 1 руб. 25 коп. съ пуда. Желая оправдать эту высокую пошлину, они подняли пошлину на чугунъ до 10 коп., но при этомъ уничтожили различіе въ пошлинѣ на заграничныя сталь и желѣзо, такъ что стальную пошлину, вмѣсто существующей пошлины въ 80 коп., положили всего въ 20 коп., слѣдовательно, и на этомъ много выигрывали, но явно раззоряли сталелитейные и передѣлочные заводы.

Послѣднее общее собраніе продолжалось до второго часа по полуночи, между прочимъ по страсти многихъ лицъ показать свое умѣнье говорить, хотя его часто и не было. Такъ, когда я и Андреевъ предложили уменьшить пошлину на земледѣльческія и нѣкоторыя другія машины, Д. П. Шиповъ въ 1 часъ ночи потребовалъ слова и въ продолженіе 10 минутъ излагалъ выгоды отъ покровительственной пошлины на всѣ машины, что я и многіе другіе слышали отъ него уже не одинъ десятокъ разъ.

На другой день послѣ закрытія съѣзда, заводчики давали обѣдъ въ Коммерческомъ клубѣ (въ бывшемъ домѣ Румянцовскаго музея) на Англійской набережной. Я былъ въ первый разъ въ этомъ клубѣ. Помѣщеніе его очень хорошо. Обѣдъ, конечно, былъ превосходный, тостовъ и при нихъ спичей было множество. Послѣ тостовъ за Государя и почетнаго предсѣдателя съѣзда, пили за мое здоровье, за процвѣтаніе техническаго общества и пр. На два послѣднихъ тоста я отвѣчалъ нѣсколькими словами. На обѣдѣ не было главнаго лица, которому съѣздъ былъ обязанъ своимъ осуществленіемъ, именно, Е. Н. Андреева: онъ, оскорбясь рѣчью, произнесенною наканунѣ Полетикою, не согласился пріѣхать, несмотря на неотступныя просьбы Нобеля и другихъ заводчиковъ.

Въ продолженіе засѣданій съѣзда нѣсколько разъ собиралась, подъ моимъ предсѣдательствомъ, его исполнительная комиссія для разрѣшенія разныхъ вопросовъ, относившихся къ съѣзду. Между прочимъ, эта комиссія пришла къ убѣжденію, что 6.000 руб., назначенныхъ правительствомъ на съѣздъ, далеко недостаточны на покрытіе издержекъ по напечатанію собранныхъ къ съѣзду матеріаловъ, составленныхъ докладовъ и преній въ ономъ, на содержаніе секретаря и другихъ лицъ, трудившихся для съѣзда, какъ-то, стенографокъ и пр. Опредѣлить недостающую сумму было невозможно, а такъ какъ ея пополненіе предложили принять на себя заводчики, то я заявилъ, чтобы они внесли 3.000 руб. съ тѣмъ, что если и этого не достанетъ, то я принимаю на себя пополнить сумму, а если изъ нея будетъ остатокъ, то онъ будетъ употребленъ въ пользу школъ техническаго общества.

На съѣздѣ было болѣе 30 заводчиковъ. Отъ комиссіи написано было къ нимъ приглашеніе внести по 100 руб. на содержаніе съѣзда. 15 мая состоялось первое засѣданіе исполнительной комиссіи съѣзда послѣ его закрытія. По моемъ приходѣ въ это засѣданіе, секретарь съѣзда, состоящій при военномъ министрѣ артиллеріи полковникъ Николай Аполлоновичъ Снѣсаревъ, подалъ мнѣ къ подписанію три бумаги, изъ коихъ первая была письмо къ товарищу генералъ-фельдцехмейстера генералъ-адъютанту Баранцову объ избранномъ Снѣсаревымъ дѣлопроизводителѣ съѣзда артиллеріи поручикѣ Зиновьевѣ. Письмо это состояло изъ такихъ высокопарныхъ похвалъ Зиновьеву, что, при всемъ достоинствѣ послѣдняго, слѣдовало бы его пересоставить, но я его подписалъ. Другія двѣ бумаги были: предписанія о выдачѣ секретарю съѣзда Снѣсареву и его помощнику Звѣринскому вознагражденія за ихъ труды по съѣзду, съ оставленіемъ пробѣла въ суммѣ вознагражденія. Эта сумма не была опредѣлена, потому что оба означенныя лица не хотѣли заявить мнѣ своихъ требованій. Я замѣтилъ Снѣсареву, что могу подписать эти бумаги только по разъясненіи денежнаго положенія съѣзда и по спросѣ мнѣнія членовъ исполнительной комиссіи.

Оказалось, что сверхъ данныхъ правительствомъ 6.000 руб. было внесено заводчиками до 1700 руб. и продано разныхъ изданій съѣзда на 300 руб., такъ что всего составилось до 8.000 руб., изъ которыхъ было уже издержано болѣе 3.000 руб. и требовалось за напечатаніе «Трудовъ съѣзда» и на другіе необходимые расходы болѣе 4.300 руб., а затѣмъ оставались 600 руб., которые, съ согласія членовъ комиссіи, были распредѣлены между секретаремъ и его помощникомъ: первому дано 350 руб., а второму 250 руб. Послѣдній, до назначенія ему содержанія, заявилъ, что онъ готовъ отъ него отказаться, и былъ очень доволенъ сдѣланнымъ назначеніемъ. Этого нельзя сказать о Снѣсаревѣ, который, впрочемъ, ограничился при объявленіи назначеннаго ему вознагражденія просьбою сказать о немъ доброе слово военному министру, но въ тотъ же день написалъ мнѣ длинное письмо, въ которомъ, выражая свою обиду, заявлялъ, что подобное назначеніе

могло произойти только по недоразумѣнію и что вознагражденіе лицъ, трудившихся для съѣзда, можетъ идти впереди расплаты за печатаніе отчетовъ о немъ. Но исполнительная комиссія съѣзда положила обсудить возможность увеличить вознагражденіе Снѣсареву только въ случаѣ остатка отъ взносовъ, ожидаемыхъ отъ заводчиковъ.

Въ томъ же засѣданіи 15 мая секретарь техническаго общества Ѳ. К. Львовъ прочиталъ мнѣ подписанное предсѣдателемъ общества Кочубеемъ, передъ выѣздомъ послѣдняго изъ Петербурга, представленіе министру финансовъ съ препровожденіемъ резолюцій съѣзда и всѣхъ прочихъ его работъ, которое за неполученіемъ послѣднихъ еще не было отправлено. Я заявилъ Львову, что въ скоромъ времени могутъ быть представлены однѣ резолюціи, а мотивы къ нимъ, выбранные изъ преній съѣзда, не ранѣе какъ по напечатаніи послѣднихъ; представленіе же голыхъ резолюцій я считаю болѣе чѣмъ безполезнымъ. На это мнѣ объяснили, что спѣшатъ этимъ представленіемъ вслѣдствіе желанія, заявленнаго Рейтерномъ. Послѣдній, при свиданіи со мною, сказалъ, что онъ, конечно, желаетъ получить труды съѣзда какъ можно скорѣе, но вовсе не торопилъ этимъ Кочубея, который самъ предложилъ ихъ немедля представить, причемъ замѣтилъ мнѣ, что Кочубей выражалъ ему свое крайнее неудовольствіе съѣздомъ.

Я уже это замѣчалъ во время нѣсколькихъ засѣданій совѣта общества, бывшихъ передъ съѣздомъ и во время съѣзда. Кочубей былъ постоянно въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Андрееву, бывшему душою возникновенія съѣзда, который далъ послѣднему возможность порисоваться и сдѣлаться извѣстнымъ многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, что очень не нравилось Кочубею, не игравшему никакой роли на съѣздѣ. Представленіе Кочубея съ резолюціями осталось не представленнымъ министру финансовъ, которому я въ маѣ 1875 года неоффиціально сообщилъ ихъ. При этомъ свиданіи я передалъ Рейтерну о разныхъ непріятностяхъ, испытанныхъ мною въ званіи предсѣдателя съѣзда, и о неудовольствіи Снѣсарева на сдѣланное ему вознагражденіе. Рейтернъ для его удовлетворенія хотѣлъ немедля назначить дополнительную отъ казны сумму на расходы по съѣзду, но я отклонилъ его предложеніе. Впослѣдствіи однакоже, по недостатку суммы на уплату за печатаніе «Трудовъ съѣзда», я исходатайствовалъ назначеніе на этотъ предметъ добавочныхъ 500 рублей.

Въ засѣданіяхъ исполнительной комиссіи съѣзда было рѣшено, что предсѣдатели отдѣленій, приготовивъ стенографическіе отчеты протоколовъ засѣданій въ отдѣленіяхъ такъ, чтобы они были удобны для печати, передадутъ ихъ бывшему помощнику секретаря съѣзда, служащему въ центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ Василію Васильевичу Звѣринскому, который займется ихъ печатаніемъ. На меня же возложено было приготовленіе къ печати стенографическихъ отчетовъ протоколовъ общихъ собраній съѣзда и просмотръ послѣдней корректуры всѣхъ упомянутыхъ протоколовъ засѣданій. Въ половинѣ іюня, передъ моимъ отъѣздомъ за границу, предсѣдатели отдѣленій съѣзда

обѣщались окончить свои занятія и передать протоколы Звѣринскому, такъ чтобы они могли быть напечатаны въ началѣ августа.

По моемъ возвращеніи въ послѣднихъ числахъ іюля въ Царское Село, Звѣринскій передалъ мнѣ, что онъ отъ нѣкоторыхъ предсѣдателей отдѣленій получилъ не полные протоколы, а протоколовъ по IV отдѣленію, наиболѣе пространныхъ, совсѣмъ не получалъ, и что всѣ предсѣдатели отдѣленій разъѣхались. Имѣя въ виду въ половинѣ августа снова выѣхать за границу, я вызвалъ изъ Гапсаля Андреева, который пріѣхалъ въ Петербургъ передъ самымъ выѣздомъ моимъ за границу. Я полагалъ вернуться къ концу октября и просилъ Андреева озаботиться, чтобы къ тому времени всѣ протоколы были приготовлены къ печати. Но по моемъ возвращеніи я нашелъ дѣла мало подвинутыми: не только предсѣдатели отдѣленій не просмотрѣли еще журналовъ засѣданій, но нѣкоторые изъ говорившихъ на съѣздѣ отказывались отъ сказаннаго ими и записаннаго въ стенографическихъ отчетахъ.

Между тѣмъ при печатаніи журналовъ нельзя было ничего выпустить, потому что на сказанное были отвѣты и дѣлавшіе ихъ требовали, чтобы эти отвѣты были напечатаны. Ко всему этому присоединился полный раздоръ между предсѣдателемъ IV отдѣленія Андреевымъ и редакторомъ «Трудовъ съѣзда» Звѣринскимъ. Андреевъ дозволилъ себѣ лично и въ запискахъ быть дерзкимъ къ послѣднему, который заявилъ, что отказывается отъ прямыхъ сношеній съ Андреевымъ. Все это уладить было не легко, но наконецъ въ началѣ 1876 года вышли два выпуска «Трудовъ съѣзда»: первый, на 24 печатныхъ листахъ, заключалъ въ себѣ доклады отдѣленій на съѣздѣ, а второй, на 41 печатномъ листѣ, стенографическіе отчеты засѣданій. Эти двѣ книги вмѣстѣ съ книгою: «Матеріалъ къ съѣзду», я представилъ великому князю Константину Николаевичу, который по болѣзни меня не принялъ, и министру финансовъ. Андреевъ очень желалъ, чтобы въ «Трудахъ съѣзда» была напечатана его таблица о фабричной промышленности въ Россіи.

Имѣя въ виду, что нѣсколько докладовъ, присланныхъ къ съѣзду, не вошли въ первый выпускъ «Трудовъ», я полагалъ издать третій выпускъ, въ которомъ напечатать эти доклады вмѣстѣ съ таблицами Андреева. Между тѣмъ вся сумма, назначенная на расходы по съѣзду, была издержана. Объ этомъ предположеніи я сказалъ Рейтерну, который немедля согласился на ассигнованіе 500 руб., согласно моему назначенію. Упомянутые доклады были набраны, но Андреевъ, несмотря на мои настоянія, не доставлялъ своихъ таблицъ.

Въ концѣ марта 1876 года я просилъ совѣтъ русскаго техническаго общества, въ виду предстоявшаго отъѣзда моего за границу, возложить наблюденіе за печатаніемъ послѣдняго выпуска «Трудовъ съѣзда» на другое лицо. Назначенъ былъ предсѣдатель IV отдѣла общества генералъ-маіоръ Эгерштромъ, который, встрѣтясь со мною въ Петербургѣ осенью 1876 года, объяснилъ, что упомянутый выпускъ не выходитъ по неявкѣ къ нему Звѣ-

ринскаго. Я вытребовалъ послѣдняго къ себѣ, но онъ объяснилъ, что никакого приглашенія отъ Эгерштрома не получалъ и даже совсѣмъ его не знаетъ. Изъ объясненій съ секретаремъ общества, Ѳ. Н. Львовымъ, я узналъ, что статьи, бывшія набранными въ типографіи для послѣдняго выпуска «Трудовъ съѣзда», теперь разобраны, что Андреевъ обѣщанныхъ имъ таблицъ не доставилъ и что испрошенные мною дополнительные 500 руб. потребовались на уплату расходовъ «съѣзда», такъ что на печатаніе предположеннаго выпуска не имѣется средствъ.

Впослѣдствіи, въ виду такого положенія этого дѣла, въ совѣтѣ общества рѣшено было отмѣнить печатаніе докладовъ, не вошедшихъ въ 1-ый выпускъ «Трудовъ общества». Этимъ кончилось многотрудное для меня дѣло, не принесшее до сего времени другой пользы, кромѣ той, что правительство подробно узнало, въ чемъ состоятъ желанія машиностроителей и заводчиковъ, въ протекціонистскомъ направленіи которыхъ оно, впрочемъ, и не сомнѣвалось.

13 марта 1875 года я получилъ, какъ и въ предшествовавшіе годы, телеграмму Дельвиговскаго желѣзнодорожнаго училища слѣдующаго содержанія:

«Все училище, празднуя день вашего рожденія—годовщину открытія своего, приноситъ вамъ усерднѣйшее поздравленіе и лучшія благожеланія. Чижовъ, Тихомировъ, Кондратьевъ, Павловъ, Мамонтовы, Шмидтъ, Чероковъ, Пупыкинъ, Подберегскій, Владиславлевъ, Андреевъ, Чернышевъ, Фрей и ученики».

Этотъ день 13 марта будетъ мнѣ всегда памятенъ. Моя жена, постоянно болѣзненная, въ зиму 1874—1875 годовъ начала чувствовать большую слабость: пульсъ очень опустился, и были дни, въ которые, при прерывающемся біеніи сердца, голова ея слабѣла. Послѣдній припадокъ былъ особенно силенъ въ упомянутый день, въ который, по случаю празднованія моего рожденія, съѣхались къ нашему обѣду моя сестра Викулина съ дочерью, Посьеты, Баландинъ и другіе. Жена не могла никого видѣть и обѣдала въ своемъ кабинетѣ съ мсею сестрою. Весьма искусный, лечившій ее, докторъ Юлій Дмитріевичъ Левенсонъ заявилъ, что онъ не находитъ болѣе средствъ къ возстановленію ея здоровья и что съ этою цѣлію необходимо ей поѣхать на лѣто за границу.

Жена моя въ послѣдній разъ была за границею въ 1864 году и съ того времени постоянно заявляла, что никогда никто не убѣдитъ ее въ пользѣ заграничной поѣздки, и повторяла это Левенсону. Кромѣ недовѣрія къ улучшенію ея здоровья отъ таковой поѣздки и нелюбви заграничной жизни, самое путешествіе было для нея невыносимо вообще, какъ больной женщинѣ и въ особенности по причинѣ боли въ ногахъ, препятствовавшей ей ходить по ступенямъ вагоновъ на жел. дорогахъ. Надежда на улучшеніе ея здоровья побуждала близкихъ лицъ убѣждать ее согласиться на эту поѣздку. Она, постоянно отказываясь, наконецъ, согласилась выслушать

мнѣніе другихъ докторовъ. Въ концѣ апрѣля были приглашены доктора Здекауэръ и Боткинъ, нашедшіе также необходимымъ женѣ моей пробыть нѣсколько мѣсяцевъ за границею. Но при этомъ Боткинъ находилъ болѣе полезнымъ ѣхать не въ маѣ, а въ августѣ, на томъ основаніи, что лѣто бываетъ хорошо и въ Петербургѣ, а онъ находилъ необходимымъ для моей жены по возможности продолжить лѣтній сезонъ. Доктора назначили было зимнимъ пребываніемъ моей жены Ниццу, но послѣ согласились на Каннъ съ тѣмъ, чтобы мы наняли помѣщеніе на самомъ берегу моря: они были увѣрены, что морской воздухъ принесетъ пользу здоровью моей жены. Дальнѣйшія убѣжденія ея друзей, а въ особенности живущей съ нами М. Ф. Смитъ, наконецъ подѣйствовали, и жена рѣшилась ѣхать за границу передъ наступленіемъ холодовъ въ Петербургѣ. Тѣ же доктора нашли, что племянница моя Э. С. Викулина значительно поправилась въ прошедшую зиму. Боткинъ, который видѣлъ ее немедля по ея возвращеніи изъ-за границы въ іюнѣ 1874 года, особенно удивился такому улучшенію ея здоровья. Рѣшено было, что племянницѣ Эмиліи нѣтъ надобности ѣхать за границу, а ея тетушкѣ, несмотря на высказанное ею отвращеніе къ этой поѣздкѣ, она необходима.

Въ концѣ марта 1875 года я былъ пораженъ слѣдующимъ печальнымъ происшествіемъ. Старому больному слугѣ А. И. Баландина приказано было пить кумысъ, нагрѣтый до опредѣленнаго числа градусовъ. Баландинъ, весьма гуманный и любящій точность до педантства, не довѣряя женѣ своего слуги, пожелалъ удостовѣриться въ степени нагрѣва кумыса, для чего поднесъ къ своимъ глазамъ бутылку съ горячимъ кумысомъ. Бутылка лопнула въ мелкіе дребезги, изъ которыхъ нѣсколько попали Баландину въ правый глазъ и въ лицо. Вскорѣ прибывшій окулистъ нашелъ, что глазъ вытекъ и слѣдуетъ озаботиться залечиваніемъ образовавшейся на его мѣстѣ раны и спасеніемъ другого глаза. По его предписанію Баландинъ пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ и почти все время на спинѣ, черезъ что сохранилъ зрѣніе столь необходимое каждому, а въ особенности безсемейному человѣку, привыкшему къ разнообразному чтенію и со страстію занимающемуся статистикою жел. дорогъ, причемъ необходимо имѣть дѣло съ безчисленнымъ множествомъ цифръ.

Всѣ, посѣщавшіе Баландина послѣ этого несчастія, не могли надивиться его спокойствію: никто не слышалъ отъ него ни малѣйшаго ропота или даже соболѣзнованія. Казалось, что это несчастіе поражаетъ болѣе посторонникъ, чѣмъ его. Такимъ онъ выказался и при другихъ несчастныхъ обстоятельствахъ. Не имѣвъ никакого состоянія и при весьма скудномъ жалованьѣ, по званію преподавателя въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, онъ всевозможными лишеніями накопилъ, несмотря на постоянныя пособія своей матери, незначительный капиталецъ, проценты съ котораго, вмѣстѣ съ полученною имъ при отставкѣ пенсіею, дозволили ему прожить 10 лѣтъ въ Парижѣ. Конечно, и тамъ жизнь его была самая эконом-

ная. Въ 1867 году, въ бытность мою на Парижской выставкѣ, онъ жилъ въ центрѣ Парижа въ rue de Provence, въ hôtel de France, платя по франку въ день за комнату. По этой цѣнѣ можно сдѣлать заключеніе, что это была за комната, впрочемъ, всегда чистая. Знакомыхъ лицъ онъ почти всегда принималъ въ общей залѣ гостиницы.

По просьбѣ своего товарища инженера К. И. Марченко, онъ далъ послѣднему взаймы 8.000 руб. Марченко по цѣлымъ годамъ не платилъ процентовъ, а по его смерти дѣла его оказались очень разстроенными. Изъ привязанности къ дѣтямъ Марченко, Баландинъ не только не потребовалъ продажи оставшагося послѣ него недвижимаго имѣнія, но, кажется, потерялъ надежду когда-либо получить свой капиталъ.

Бывая у меня каждый вечеръ, онъ никогда не говорилъ о своей потерѣ, о которой мы узнали случайно. 3 декабря 1878 года Ѳ. П. Баймаковъ, содержавшій банкирскую контору въ С.-Петербургѣ, объявилъ себя несостоятельнымъ, причемъ имѣвшіе дѣла въ этой конторѣ понесли значительные убытки. Только спустя болѣе двухъ мѣсяцевъ мы узнали, что въ составленномъ спискѣ лицъ, имѣвшихъ текущіе счеты въ конторѣ Баймакова, значится Баландинъ на значительную сумму 11.000 руб. Это очень встревожило насъ и въ особенности мою жену, которая не могла удержаться, чтобы не выразить Баландину глубокаго сожалѣнія и удивленія, что онъ намъ не сообщилъ объ этой потерѣ.

Баландинъ равнодушно отвѣчалъ, что онъ не любитъ говорить о подобныхъ предметахъ, причемъ обвинялъ себя, что постоянно откладывалъ взять означенныя деньги съ текущаго счета конторы Баймакова. Баландинъ никогда не говоритъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ. По моимъ соображеніямъ, онъ не могъ накопить, при всѣхъ лишеніяхъ, болѣе 30.000 руб., изъ которыхъ слѣдовательно потеряно почти двѣ трети. Это не мѣшаетъ ему попрежнему посѣщать своихъ старыхъ друзей, заниматься весьма разнообразнымъ чтеніемъ и составленіемъ весьма замѣчательныхъ статистическихъ таблицъ по жел. дорогамъ. Послѣднее занятіе требуетъ много труда и необыкновенной точности. За доставленіе многихъ таблицъ въ оффиціальный сборникъ по жел. дорогамъ, издаваемый министерствомъ путей сообщенія, послѣднее ничего ему не платитъ. Находя это вполнѣ несправедливымъ, я неоднократно объ этомъ говорилъ Баландину, но, при его щепетильности въ денежныхъ дѣлахъ, я не съумѣлъ еще устроить, чтобы его огромные труды были хотя нѣсколько вознаграждаемы *). Баландинъ, лишившись въ мартѣ 1875 года глаза, вовсе не посѣщалъ насъ до нашего отъѣзда въ августѣ за границу.

По возвращеніи нашемъ въ маѣ 1876 года въ Царское Село, онъ въ продолженіе всего лѣта былъ у насъ только одинъ разъ, боясь Царско-

*) Наконецъ въ мартѣ 1877 г. Баландину предложили по 100 р. за листъ его таблицъ, помѣщаемыхъ въ «Сборникѣ министерства путей сообщенія», цѣна въ сравненіи съ трудами для ихъ составленія незначительная; листовъ отъ Баландина поступитъ въ каждый «Сборникъ» до десяти.

сельской пыли. По переѣздѣ же нашемъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1876 года онъ попрежнему каждый четвергъ у насъ обѣдаетъ и уходитъ въ 11-мъ часу вечера. Къ сказанному о Баландинѣ прибавлю, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, за исключеніемъ Р. И. Посьетъ, любитъ и ласкаетъ нашу комнатную собаку.

Въ половинѣ апрѣля 1875 года умерла Надежда Хрисанфовна Филипсонъ, жена моего стараго пріятеля. Ея постоянно слабое здоровье видимо ухудшалось послѣ умершей за годъ передъ этимъ прелестной старшей ея дочери Варвары Солдатенковой. Мужъ послѣдней, оставшійся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ семейству Филипсона, задумалъ похоронить тещу рядомъ съ своею женою въ с. Кунцевѣ, принадлежащемъ его дядѣ, о чемъ тогда же всѣмъ было заявлено. Послѣдній этому воспротивился, а потому молодой Солдатенковъ немедля поскакалъ въ Москву. Не успѣвъ уговорить дядю дать позволеніе похоронить тещу въ Кунцевѣ, онъ приготовилъ ей могилу въ Москвѣ на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря. Это все было, конечно, извѣстно Г. И. Филипсону и его дѣтямъ во время отпѣванія тѣла покойницы и перевозки ее на Николаевскую желѣзную дорогу, но они никому не сказали объ отказѣ дяди Солдатенкова. Глубоко опечаленный смертію жены, Филипсонъ, конечно, былъ огорченъ неожиданнымъ сопротивленіемъ дяди Солдатенкова. Взявъ продолжительный отпускъ, онъ вскорѣ уѣхалъ со всѣмъ семействомъ за границу, но послѣ свадьбы его второй дочери Надежды съ тѣмъ же Солдатенковымъ, бывшей 17-го сентября въ Мюнхенѣ, съ остальнымъ семействомъ вернулся въ Россію.

О занятіяхъ моихъ въ апрѣлѣ и маѣ по случаю съѣзда машиностроителей и пр. изложено выше. По окончаніи съѣзда, именно 14-го мая, мы переѣхали въ Царское Село на нашу дачу, гдѣ, по случаю холоднаго времени, деревья едва начали распускаться. Несмотря на такую погоду, вскорѣ пріѣхали къ намъ сестра А. И. Викулина съ дочерью Эмиліею, чтобы отдохнуть послѣ утомленія отъ укладки въ Петербургской квартирѣ, въ которой она не намѣрена была болѣе оставаться. Проживъ у насъ нѣсколько дней, она съ дочерью уѣхала въ Москву навстрѣчу другой ея дочери В. С. Засѣцкой, тѣло мужа которой было перевезено въ этомъ мѣсяцѣ изъ Флоренціи черезъ Москву въ его имѣніе Московской губ. Клинскаго уѣзда с. Доршево. Погребеніе должно было происходить въ среду 28-го мая, и я обѣщался пріѣхать къ этому дню. Но по вторникамъ были засѣданія въ межевомъ департаментѣ Сената, на которыхъ должны присутствовать не менѣе трехъ сенаторовъ, а въ это время изъ шести присутствующихъ въ департаментѣ трехъ не было въ Петербургѣ и четвертый собирался уѣхать. Любопытно, что въ числѣ трехъ отсутствующихъ только одинъ Пребстингъ былъ въ Высочайше дозволенномъ отпуску; Фроловъ же проживалъ въ своемъ имѣніи Виленской губерніи, а В. К. Ржевскій въ своемъ же

имѣніи Орловской губерніи. Въ журналахъ засѣданій Сената они отмѣчались, первый больнымъ, а послѣдній отсутствующимъ по другимъ служебнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ Фроловъ ежегодно значительную часть времени не присутствовалъ въ Сенатѣ, а Ржевскій уѣзжалъ въ началѣ мая и возвращался только въ началѣ октября.

Узнавъ, что первоприсутствующій въ межевомъ департаментѣ Щербининъ намѣренъ выѣхать изъ Петербурга только во вторникъ 27-го мая вечеромъ, я его просилъ присутствовать въ этотъ день утромъ въ Сенатѣ, чтобы я могъ выѣхать наканунѣ и поспѣть на похороны Засѣцкаго, но Щербининъ затруднился исполнить мою просьбу, и я телеграфировалъ объ отсрочкѣ похоронъ. Такимъ образомъ я, въ продолженіе 4-хъ лѣтъ ни разу не манкировавшій въ засѣданіяхъ Сената, не могъ не явиться и въ засѣданіе 27-го мая. Я изложилъ подробно это обстоятельство съ тѣмъ, чтобы показать, что въ сенаторскомъ званіи, такъ же, какъ и въ другихъ служебныхъ поприщахъ, нѣкоторымъ удается весьма легко безпрерывно уклоняться отъ службы, а другимъ уклоненіе отъ службы невозможно не только разъ въ году, но даже разъ въ 4 года.

27-го мая, вернувшись изъ Сената на Царскосельскую дачу, я послѣ обѣда поѣхалъ на станцію Колпино, гдѣ и сѣлъ въ приготовленное для меня отдѣленіе вагона Николаевской желѣзной дороги. Рядомъ съ моимъ отдѣленіемъ ѣхалъ сенаторъ Щербининъ съ женою. Онъ удивился, что я былъ въ засѣданіи и, пообѣдавъ въ Царскомъ Селѣ, могъ поспѣть къ поѣзду. На Клинской станціи желѣзной дороги меня ожидали лошади Засѣцкой, которыя и привезли меня 28-го мая утромъ въ с. Доршево, отстоящее отъ Клина въ 18 верстахъ. При покойномъ владѣльцѣ мнѣ не пришлось быть въ этомъ имѣніи.

Наружность господскаго двухъэтажнаго дома очень простая. Внутреннее расположеніе устроено для помѣщенія большого семейства, но нижній этажъ, въ которомъ должны помѣщаться спальни, мнѣ показался сыръ, что частію могло быть по причинѣ нетопки зимою дома, а главное по причинѣ растущихъ близъ него огромныхъ деревьевъ, не пропускающихъ солнечныхъ лучей. Садъ большой, но очень запущенъ. Онъ расположенъ на покатости, идущей отъ дома къ ручью, столь значительной, что прогулка въ саду утомительна. Оранжереи въ саду поддерживались потому, что разводимые въ нихъ фрукты, а въ особенности ананасы, приносили хорошій доходъ.

Для моего помѣщенія отвели очень комфортабельный кабинетъ покойнаго Засѣцкаго, находящійся во второмъ этажѣ. Я былъ встрѣченъ хозяйкою дома, ея дочерью Ольгою и сыномъ Дмитріемъ, а также моею сестрою А. И. Викулиной и другою ея дочерью Эмиліею. Смерть Засѣцкаго, какъ мнѣ показалось, произвела наибольшее впечатлѣніе на его 17-лѣтнюю дочь. Я уже говорилъ о необыкновенныхъ ея способностяхъ. Она чувствовала, что съ потерею отца она потеряла друга. Ея натура впечатлительная, но къ окружающимъ она не очень ласкова; здоровье ея

слабое. Вообще она такъ мила, что нельзя не полюбить ее съ перваго раза. Но ея бабушка, моя сестра, и ея тетка, моя племянница, видимо болѣе любятъ ея брата, нисколько на нее непохожаго. Я его видѣлъ въ послѣдій разъ осенью 1873 года мальчикомъ, а теперь 13-ти лѣтъ отъ роду онъ переросъ меня; довольно полонъ, очень силенъ и пользуется хорошимъ здоровьемъ. Онъ былъ очень ласковъ со всѣми окружающими. Все въ немъ выказывало полную откровенность, но его обращеніе было не довольно полировано, и въ этомъ отношеніи онъ съ перваго взгляда не могъ нравиться. Для ученія онъ не имѣлъ ни охоты, ни способностей своей сестры. Съ его двухлѣтняго возраста при немъ находилась англичанка miss Nadin, къ которой онъ былъ безгранично привязанъ. Она была очень умная женщина съ прекрасными манерами, которыхъ ея воспитанникъ однакоже не съумѣлъ перенять. Въ 1875 году ей было около 30 лѣтъ, но казалось менѣе, и очень странно было видѣть, какъ ея 13-лѣтній воспитанникъ, которому казалось гораздо болѣе, ее цѣловалъ, въ особенности, когда она дѣлала ему какія-нибудь замѣчанія.

Тѣло покойнаго Засѣцкаго стояло въ церкви, находящейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ господскаго дома. Церковь очень небольшая, старая и небогатая. Удивительно, что покойный Засѣцкій, очень набожный и большой охотникъ до построекъ, оставилъ ее въ такомъ незавидномъ положеніи. По отслушаніи панихиды въ церкви, я пошелъ съ моею племянницею Засѣцкою въ село, отстоящее отъ церкви слишкомъ на версту. Мы заходили въ избы, гдѣ были больные, которыхъ она пользовала весьма удачно. Въ одной изъ этихъ избъ былъ старикъ, котораго она только что спасла отъ смерти. Она приказала ему не выходить, но онъ, несмотря на свою слабость, былъ на другой день при перевозкѣ тѣла его прежняго господина въ отстоящій отъ Доршева верстъ на 20 монастырь Св. Николая Чудотворца, въ одной изъ церквей котораго устроена особая усыпальница отцомъ М. Д. Засѣцкаго.

Другъ покойнаго и повѣренный по дѣламъ его П. С. Кутуковъ привезъ изъ Москвы пѣвчихъ. На другой день тѣло М. Д. Засѣцкаго было отвезено въ упомянутый монастырь и въ немъ похоронено. Путь въ монастырь, находящійся въ Клинскомъ уѣздѣ, идетъ по большой дорогѣ отъ Клина въ Троицкую Лавру черезъ богатое село Рогачево, которому могутъ позавидовать многіе уѣздные города. Несмотря на это, путь во многихъ мѣстахъ былъ очень дуренъ; самый же монастырь окруженъ со всѣхъ сторонъ большими болотами. Всѣ монастырскія церкви и другія строенія содержатся очень чисто. Оклады на образахъ и другія украшенія довольно богаты. Игуменъ монастыря держитъ монаховъ очень строго. Они не должны были бы имѣть вовсе денегъ въ своемъ распоряженіи, но, несмотря на строгость игумена, всѣмъ монахамъ, участвовавшимъ въ погребеніи, были розданы деньги. Въ проведенные мною нѣсколько дней въ Доршевѣ, я ходилъ съ моимъ внучкомъ по окрестнымъ деревнямъ, въ которыхъ его очень занимали хороводы и разные крестьянскіе обычаи: ему, воспитывавшемуся за границей, они были неизвѣстны.

1-го іюня я поѣхалъ съ моей племянницей В. С. Засѣцкой въ Москву, гдѣ для нея былъ приготовленъ номеръ въ бель-этажѣ гостиницы «Славянскій базаръ». Привыкнувъ за границей ѣздить безъ прислуги, она не взяла съ собой ни человѣка, ни дѣвушки. Мнѣ показалось не совсѣмъ удобнымъ молодой, очень хорошенькой женщинѣ помѣститься въ означенной гостиницѣ совершенно одной, а потому я занялъ въ той же гостиницѣ единственный свободный номеръ вблизи отъ занятаго Засѣцкою. Плата за номера была чрезвычайно высокая: за номеръ Засѣцкой, состоящій изъ маленькой столовой, гостиной и темнаго чулана, называемаго передней, она платила по 9 р. въ сутки; занятый же мною номеръ, состоявшій изъ двухъ спаленъ и гостиной и не имѣвшій вовсе передней, стоилъ 12 руб. Во всѣхъ европейскихъ столицахъ цѣны въ гостиницахъ менѣе значительны. По выѣздѣ Засѣцкой въ свою деревню, я занялъ ея номеръ, а потомъ перешелъ въ еще болѣе дешевый, по 6 руб. въ день, такъ что въ 6 дней я жилъ въ трехъ разныхъ номерахъ. Послѣдній номеръ былъ удобнѣе прочихъ, размѣръ комнатъ былъ въ немъ менѣе, но за то, сверхъ спальни, гостиной и передней, была хорошая свѣтлая комната для прислуги.

В. С. Засѣцкая, узнавъ, что въ Дельвиговскомъ желѣзнодорожномъ училищѣ даютъ стипендіи бѣднѣйшимъ ученикамъ, еще въ Доршевѣ заявила мнѣ желаніе пожертвовать на эти стипендіи 25.000 р., которые она назначила на несостоявшуюся постройку церкви во Флоренціи. Я замѣтилъ ей, что она найдетъ еще много предметовъ для благотворительности, и потому уговаривалъ ее значительно уменьшить жертвуемую ею сумму на стипендіи, но она не соглашалась пожертвовать менѣе 12.500 р. Ея мать, узнавъ объ этомъ отъ меня, рѣшила, чтобы эта сумма была пожертвована обѣими ея дочерьми поровну, но такъ какъ на каждую стипендію въ училищѣ требовалась капитальная сумма въ 2. 500 р., то Засѣцкая пожелала внести на три стипендіи 7.500 р. Въ первый годъ были внесены 5% съ 12.500 р. Обѣщанные Засѣцкою 7.500 р. внесены изъ моихъ денегъ, за что она мнѣ уплачиваетъ ежегодно 5%; пожертвованные же ея сестрою 7.500 р. были въ 1876 году уплочены. Я пригласилъ Засѣцкую на экзаменъ въ училищѣ. Она весьма довольна была отвѣтами учениковъ, въ особенности изъ физики.

По возвращеніи Засѣцкой въ Доршево, ея мать и сестра выѣхали въ Москву. Я ихъ встрѣтилъ на станціи желѣзной дороги. Проѣзжая въ «Славянскій базаръ» по Мясницкой улицѣ, онѣ обѣ сильно жаловались на отвратительный запахъ, происходящій отъ несвоевременной отвозки нечистотъ со дворовъ. Когда я это замѣтилъ покойному Ю. Ѳ. Самарину, человѣку въ высшей степени непросвѣщенному, бывшему гласнымъ Московской городской думы, онъ отвѣчалъ, что не замѣчалъ такого сильнаго зловонія; значитъ, ко всему можно привыкнуть. Засѣцкая разсказала своей матери и сестрѣ объ удовольствіи, доставленномъ ей присутствіемъ на экзаменѣ въ Дельвиговскомъ желѣзнодорожномъ училищѣ, чѣмъ возбуди-

ла и ихъ желаніе побывать въ училищѣ, гдѣ я проводилъ на экзаменахъ каждый день съ 11-ти часовъ утра до 5-го часу пополудни.

Прошло нѣсколько лѣтъ съ того времени, какъ моя сестра положила свое духовное завѣщаніе въ Московскій опекунскій совѣтъ. Она неоднократно говорила мнѣ, что распоряженія, сдѣланныя ею въ этомъ завѣщаніи, были несправедливы относительно ея дочери Эмиліи. По этому завѣщанію она, сколько мнѣ помнится, дѣлила все свое имущество между обѣими дочерьми поровну, тогда какъ старшая Валентина пользовалась съ 1856 года своимъ имѣніемъ и капиталомъ, а младшая Эмилія, не говоря уже о томъ, что всю свою жизнь посвятила матери, съ которой никогда не хотѣла разстаться, не распоряжалась ни своимъ имѣніемъ, ни слѣдовавшимъ ей капиталомъ.

Послѣ замужества Валентины капиталъ моей сестры увеличился отъ ежегодныхъ сбереженій, которыя большею частію были послѣдствіемъ скромныхъ требованій ея младшей дочери, и потому большая часть прирашенія въ капиталѣ должна была принадлежать послѣдней. Находя это заключеніе совершенно правильнымъ, я со своей сторсны убѣждалъ сестру поспѣшить составленіемъ новаго завѣщанія, причемъ полагалъ, во избѣжаніе дѣленія с. Колодезскаго, отдать Эмиліи весь капиталъ, а Валентинѣ все недвижимое имущество, управленіе которымъ было легче мужу Валентины, чѣмъ ея сестрѣ, оставшейся въ дѣвицахъ, хотя при этомъ дѣленіи часть Эмиліи была менѣе части Валентины. Сестра моя была согласна съ моимъ предположеніемъ, но составленіе новаго духовнаго завѣщанія, по разнымъ причинамъ, откладывала со дня на день. Послѣ смерти мужа Валентины, сестра затруднялась завѣщать ей недвижимое имѣніе, котораго управленіе было бы ей столь же затруднительно, какъ и Эмиліи. Переговоривъ объ этомъ, въ бытность свою въ Доршевѣ, съ Валентиною, которая изъявила согласіе на мое предложеніе, сестра моя рѣшилась въ проѣздъ черезъ Москву составить новое завѣщаніе и засвидѣтельствовать его нотаріальнымъ порядкомъ.

Въ тотъ день, въ который она обѣщалась пріѣхать въ училище, я взялъ съ собою вновь составленное завѣщаніе. На экзаменахъ всегда бывало нѣсколько постороннихъ лицъ, которыя могли быть свидѣтелями. Вскорѣ по приходѣ моемъ въ училище, я получилъ записку сестры, въ которой она мнѣ сообщала, что она желаетъ отложить засвидѣтельствованіе ея новаго завѣщанія, но пріѣдетъ съ дочерью для присутствованія при экзаменахъ. Эта нерѣшительность сестры, свойственная ея характеру, мнѣ была очень прискорбна. По пріѣздѣ сестры въ училище, я сказалъ ей, что ея просьба быть свидѣтелями на завѣщаніи мною уже передана постороннимъ лицамъ, которымъ заявлять о перемѣнѣ ея желанія неудобно, но что и послѣ ихъ подписи она во всякое время можетъ уничтожить это завѣщаніе, на засвидѣтельствованіе котораго не пстребуется никакихъ издержекъ, если оно не будетъ предъявлено нотаріусу. По причинѣ скораго выѣзда сестры изъ Москвы, этого завѣщанія она не могла положить въ Московскій опекунскій совѣтъ, и оно хранится у меня.

Въ этотъ пріѣздъ мой въ Москву, я, какъ и въ прежніе мои пріѣзды, былъ у моихъ тетушекъ—игуменьи Сергіи и княгини С. В. Волконской, у Н. Д. Танѣевой и у А. Ѳ. Кологривовой, съ которою жила другъ моей жены Е. И. Вельяминова. Послѣднихъ двухъ я видѣлъ тогда въ послѣдній разъ: Вельяминова умерла въ концѣ октября того же года, а Кологривова въ апрѣлѣ слѣдующаго года. Я былъ также раза два въ Московскомъ англійскомъ клубѣ, который былъ перемѣщенъ изъ прекраснаго дома Шаблыкина на Тверской улицѣ въ домъ, бывшій Гурьева, на той же улицѣ. Новое помѣщеніе клуба было неудобно во многихъ отношеніяхъ и очень не нравилось большей части членовъ. Поводомъ къ перемѣщенію было неудовольствіе между Шаблыкинымъ и старшинами клуба, который теперь снова переведенъ въ прежнее помѣщеніе. На это новое перемѣщеніе и на удовлетвореніе хозяина дома, оставленнаго клубомъ, потребовались новыя значительныя издержки. Все это стоило клубу болѣе 50-ти тыс. руб., между тѣмъ денежныя дѣла клуба идутъ плохо. Прежде былъ полный комплектъ членовъ, 600 человѣкъ, и тысячи записанныхъ кандидатовъ, такъ что послѣдніе достигали баллотировки въ члены только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ ихъ записи, а теперь далеко нѣтъ комплекта членовъ: ихъ кажется всего около 400 человѣкъ. Сверхъ того, доходы клуба были гораздо значительнѣе отъ картъ и отъ винъ, а въ особенности отъ штрафовъ, уплачиваемыхъ тѣми, кто засиживается въ клубѣ позже половины второго ночи; этотъ послѣдній доходъ почти совсѣмъ прекратился.

9-го іюня я вернулся въ Царское Село, такъ что 10-го могъ присутствовать въ Сенатѣ.

Выше подробно мною изложено, какъ мало обращали вниманія министры путей сообщенія и финансовъ и комитеты желѣзныхъ дорогъ и министровъ на то, чтобы не строить желѣзныхъ дорогъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ возможный съ нихъ доходъ далеко не соотвѣтствуетъ ихъ стоимости и гдѣ онѣ часто могутъ причинить уменьшеніе доходности существующихъ желѣзныхъ дорогъ. Приведу этому поразительное доказательство описаніемъ моихъ хлопотъ о томъ, чтобы не утверждали желѣзныя дороги между Москвою и заштатнымъ городомъ Киржачемъ. Состоявшій нѣкогда при мнѣ по особымъ порученіямъ инженеръ Николай Евграфовичъ Ададуровъ, о которомъ я упоминалъ въ VIII главѣ «Моихъ воспоминаній», послѣ окончанія постройки Курско-Кіевской желѣзной дороги въ 1868 году, долго не находилъ себѣ занятій. Желая пріобрѣсти деньги, онъ задумалъ учредить общество для постройки и эксплоатаціи желѣзной дороги между Москвою и Киржачемъ и въ началѣ 1874 года уговорилъ значительное число торговцевъ и фабрикантовъ подписать актъ о необходимости этой дороги, вслѣдствіе котораго испросилъ разрѣшеніе на производство между означенными пунктами изысканій, для исполненія которыхъ получилъ, конечно, довольно значительную сумму. Желѣзная дорога на Киржачъ проходила

между Нижегородской и Ярославскою желѣзными дорогами. Ея окончательный пунктъ Киржачъ отстоялъ отъ Нижегородской дороги на 35, а отъ станціи Карабаново на 16 верстъ. Къ Карабанову же проведена желѣзная дорога, длиною 10 верстъ, отъ Ярославской дороги. По изысканіямъ оказалось, сколько могу припомнить, что между Москвою и Киржачемъ 120 верстъ и что на постройку желѣзной дороги на этомъ протяженіи потребуется около 4 милліоновъ рублей, которые обѣщались внести означенные торговцы и фабриканты, не требуя на этотъ капиталъ гарантіи отъ правительства. Но это была извѣстная уловка многихъ предпринимателей желѣзныхъ дорогъ, которые по полученіи разрѣшенія на ихъ постройку, не собравъ всего требующагося капитала, просили правительственной субсидіи и гарантіи на собранный капиталъ. Эта уловка большею частію удавалась, потому что правительство находило необходимымъ поддержать начатыя предпріятія, имъ разрѣшенныя.

Между тѣмъ предприниматели получали выгоды при реализаціи капитала и отъ постройки дороги. По представленіи результата изысканій Киржачской жел. дороги бывшему министру путей сообщенія графу А. П. Бобринскому, онъ, вполнѣ одобряя предположеніе предпринимателей, снесся въ этомъ смыслѣ съ министромъ финансовъ Рейтерномъ, который отвѣчалъ, что не находитъ, чтобы проектируемая дорога могла приносить доходъ, а между тѣмъ она повредитъ доходности двухъ существующихъ жел. дорогъ: Нижегородской и Ярославской. Первая изъ нихъ принадлежитъ главному обществу жел. дорогъ, котораго весь капиталъ гарантированъ правительствомъ, которымъ также гарантированы облигаціи Ярославской жел. дороги.

По назначеніи Посьета министромъ путей сообщенія, была возобновлена просьба о разрѣшеніи учредить общество для постройки упомянутой дороги. Посьетъ, признавая ее весьма полезною, еще въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ, чѣмъ Бобринскій, заявилъ объ этомъ Рейтерну, съ просьбою изъявить согласіе на ея постройку.

Ѳ. В. Чижовъ, случайно узнавъ о просьбѣ, поданной Посьету, просилъ меня убѣдить его не соглашаться на эту просьбу. Но до полученія мною письма отъ Чижова, Посьетъ успѣлъ вытребовать отъ Рейтерна согласіе на учрежденіе общества упомянутой дороги. Чрезвычайная польза, ожидаемая отъ дороги, расписана въ отношеніи Посьета къ Рейтерну въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ; вѣроятно, редактировавшій эту бумагу былъ товарищъ по службѣ Ададурову. Согласіе же Рейтерна объясняется тѣмъ, что онъ старался ни въ чемъ не поперечить Посьету, опасаясь послѣ удаленія графа А. П. Бобринскаго навести подозрѣніе, что онъ не можетъ ладить съ министромъ путей сообщенія, каковъ бы онъ ни былъ.

Желая остановить представленіе Посьета объ учрежденіи упомянутаго общества въ комитетъ министровъ, я подробно объяснилъ ему бездоходность предполагаемой жел. дороги и вредъ отъ нея двумъ дорогамъ,

близъ которыхъ ее предположено провести. Онъ высказывалъ убѣжденіе, что чѣмъ болѣе будетъ жел. дорогъ, тѣмъ лучше, а о вредѣ употребленія капиталовъ на постройку и эксплоатацію новыхъ бездоходныхъ жел. дорогъ и о пользѣ поддержанія существующихъ, тѣмъ болѣе когда доходность гарантирована правительствомъ, онъ не только не имѣлъ понятія, но и трудно было ему это разъяснить. Тогда Ѳ. В. Чижовъ рѣшился дѣйствовать на Рейтерна, которому представилъ весьма убѣдительныя цифренныя свѣдѣнія о бездоходности предполагаемой дороги, но Рейтернъ отвѣчалъ, что не можетъ измѣнить согласія, уже выраженнаго имъ въ его отношеніи къ Посьету. Главное общество жел. дорогъ, которому принадлежитъ Нижегородская жел. дорога, было мало озабочено предположеніемъ устройства новой линіи, вѣроятно, не ожидая отъ нея большихъ убытковъ для Нижегородской дороги.

Новая дорога, по моему мнѣнію, вполнѣ бездоходная, незначительно уменьшила бы и доходность Ярославской дороги, а потому казалось бы, что Чижову, какъ предсѣдателю правленія послѣдней дороги, напрасно было хлопотать о томъ, чтобы не строили новой линіи. На устройство новой дороги, по ея явной недоходности, конечно, нельзя было собрать капитала, но по слухамъ нужныя на это деньги давалъ П. Г. фонъ-Дервизъ съ цѣлію впослѣдствіи продолжить ее до Волги, основавъ тогда просьбу объ этомъ на необходимости поддержать бездоходную Московско-Киржачскую вѣтвь. Таксе положеніе было бы, конечно, убійственно для Ярославской дороги, въ особенности въ случаѣ утвержденія сѣвернаго направленія Сибирской жел. дороги. Въ «Revue des deux mondes» 1874 и 1875 годовъ и въ «Вѣстникѣ жел. дорогъ и пароходства» 1875 года были напечатаны статьи, въ которыхъ говорилось о вредѣ постройки такъ называемыхъ параллельныхъ дорогъ. Я прочиталъ эти статьи Посьету, который только тогда понялъ, что мои прежнія объясненія о параллельныхъ дорогахъ не были произведеніемъ моей фантазіи, а уже давно извѣстны всѣмъ, занимающимся жел. дорогами, и рѣшился написать Рейтерну о томъ, чтобы, вмѣсто утвержденія новой жел. дороги, снестись съ совѣтомъ главнаго общества жел. дорогъ и съ правленіемъ Ярославской жел. дороги о томъ, не найдутъ ли они полезнымъ устроить вѣтвь жел. дороги отъ Киржача до одной изъ ближайшихъ станцій Нижегородской или Ярославской дороги. Этого результата я достигъ только послѣ хлопотъ, продолжавшихся около полугода. Зная, что въ министерствѣ финансовъ есть лица, благоволящія новому предпріятію, я опасался, что отвѣтъ Рейтерна можетъ быть несогласнымъ съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ отношеніи Посьета. Вслѣдствіе этого я рѣшился, объяснивъ все дѣло А. В. Головнину, находившемуся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Рейтерномъ, просить его убѣдить послѣдняго изъявить согласіе на отношеніе Посьета. Такимъ образомъ покончилось это дѣло, сильно безпокоившее Чижова.

Я выше упомянулъ, что направленіе, по которому будетъ строиться жел. дорога въ Сибирь, не было еще утверждено. По вопросу объ этомъ

направленіи такъ много было печатано, что я нахожу излишнимъ говорить о немъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ» въ подробности. Считаю достаточнымъ изложить то, что мнѣ извѣстно и не могло быть нигдѣ напечатано. Въ представленіи Посьета въ комитетъ министровъ, къ которому для обсужденія этого представленія былъ присоединенъ комитетъ жел. дорогъ, онъ давалъ преимущество сѣверному направленію. Всѣ же члены комитета министровъ и комитета жел. дорогъ, за исключеніемъ, сколько мнѣ помнится, бывшаго министра путей сообщенія Мельникова, бывшаго товарища министра путей сообщенія Герстфельда и начальника управленія жел. дорогъ Шернваля, отдали преимущество южному направленію.

На другой день засѣданія въ комитетѣ, я былъ у великаго князя Константина Николаевича и у Рейтерна по дѣламъ бывшаго тогда въ Петербургѣ съѣзда машиностроителей. Они мнѣ передали рѣшеніе комитета въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Великій князь, очень рѣдко присутствующій въ комитетѣ министровъ, но бывшій въ означенномъ засѣданіи, съ торжественнымъ видомъ сказалъ мнѣ, что сѣверное направленіе кануло въ воду, что противъ него превосходно говорили государственный контролеръ Грейгъ и въ особенности предсѣдатель департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ Абаза, рѣчь котораго совсѣмъ похоронила предположеніе Посьета.

Рейтернъ спросилъ меня, какое мое мнѣніе насчетъ направленія въ Сибирь. Я сказалъ, что я даю предпочтеніе сѣверному. На это онъ отвѣчалъ, что, затрудняясь въ выборѣ направленія, онъ наканунѣ засѣданія въ комитетѣ министровъ рѣшился подать голосъ за сѣверное направленіе, но увидавъ, что значительное большинство даетъ предпочтеніе южному, присоединился къ большинству. На другой день бывшаго въ комитетѣ министровъ засѣданія, я встрѣтилъ на улицѣ Шернваля, который, соскочивъ съ дрожекъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что наканунѣ въ комитетѣ онъ думалъ обо мнѣ, что будь я въ числѣ защитниковъ сѣвернаго направленія, оно, благодаря моему, какъ онъ выразился, краснорѣчію, взяло бы верхъ, и что дѣло, по его мнѣнію, проиграно потому, что онъ и Посьетъ не имѣютъ дара слова.

Посьетъ, весьма равнодушный ко всѣмъ пораженіямъ, которыя онъ часто претерпѣвалъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ комитетѣ министровъ, былъ сильно огорченъ результатомъ засѣданія комитета министровъ. Государь, находившійся въ это время въ Эмсѣ, не утвердилъ журнала этого засѣданія, а приказалъ разсмотрѣть снова вопросъ о направленіи дороги въ Сибирь, по его возвращеніи въ Россію, что сдѣлано было, вѣроятно, вслѣдствіе письма Посьета, которымъ онъ просилъ объ этомъ Государя. Извѣстно, что эта отсрочка не перемѣнила дѣла: Государемъ 30 декабря 1875 года было утверждено южное направленіе дороги въ Сибирь. Мнѣніе публики относительно направленія этой дороги раздѣлилось почти поровну. Многіе изъ предпочитавшихъ сѣверное направленіе обвиняли великаго князя Константина Николаевича и Абазу въ при-

страстномъ мнѣніи, поданномъ ими собственно для поддержанія главнаго общества жел. дорогъ, которому принадлежитъ Московско-Нижегородская жел. дорога, составляющая часть такъ называемаго южнаго направленія.

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей по выбору послѣдняго направленія былъ полковникъ Богдановичъ, о которомъ скажу нѣсколько словъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ служилъ въ Одессѣ при новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ состоялъ при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевѣ и остался въ томъ же званіи при министрѣ Тимашевѣ. Разъѣзжая подъ видомъ исполненія порученій министра, онъ во многихъ городахъ краснорѣчиво заявлялъ о необходимости устройства значительныхъ водоснабженій и газовыхъ освѣщеній. Казалось, что вездѣ сочувствовали его предложеніямъ образовать для означеннаго устройства акціонерныя общества, но они не осуществились ни въ одномъ городѣ.

По его иниціативѣ было предложено общему желѣзнодорожному съѣзду обсудить возможность имѣть на всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ пожарную команду и инструменты для посылки помощи городамъ и селеніямъ, прилегающимъ къ жел. дорогамъ.

Это предложеніе не было принято съѣздомъ. Въ настоящемъ (1877) году онъ предложилъ собрать библіотеку для госпиталей, а во время ужина, даваемаго ежегодно участниками въ защитѣ Севастополя, пустился въ политику, заявляя о необходимости немедля привести въ исполненіе слова, сказанныя Государемъ въ Кремлѣ въ октябрѣ 1876 года о войнѣ съ Турціей.

Прежде чѣмъ везти, по требованію врачей, какъ объяснено выше, мою жену за границу, я долженъ былъ пить воды въ Карлсбадѣ, куда выѣхалъ 15 іюня 1875 года и на другой день вечеромъ былъ въ Берлинѣ, гдѣ остановился по обыкновенію въ hôtel d'Angleterre. Въ началѣ 1875 года мои геморроидальныя боли такъ усилились, что я часто не могъ сидѣть; но и при ходьбѣ также чувствовалъ боль. Я ѣхалъ отъ Эйдкунена до Берлина въ весьма удобномъ желтомъ вагонѣ, въ которомъ долженъ былъ все время лежать на выдвигаемыхъ въ вагонахъ кроватяхъ, имѣющихъ сильную качку. Лежать было также больно. Я занялъ два мѣста, пока одно было свободнымъ. На пути прибавился пассажиръ, которому я уступилъ это мѣсто, но онъ, замѣтивъ мои страданія, упросилъ меня лечь попрежнему, а самъ все время стоялъ. Подобная любезность отъ Пруссака вещь совершенно необыкновенная. Поѣхалъ я черезъ Берлинъ съ тѣмъ, чтобы подготовить по возможности удобный проѣздъ моей больной женѣ.

По указанію машинозаводчика Шварцкопфа, я выбралъ весьма низкую и удобную карету, которая во все пребываніе жены въ Берлинѣ должна была быть въ ея распоряженіи. Вмѣстѣ съ Шварцкопфомъ же я осматривалъ на желѣзнодорожной станціи разные вагоны. Такъ называемые спаль-

ные вагоны мнѣ не понравились по чрезвычайнсй узкости ихъ помѣщеній, коридоровъ и дверей, сверхъ того въ нихъ можно доѣхать только до Кельна. Другіе вагсны также оказались неудобными, а потому Шварцкопфъ, съ особенною любезностію сопровождавшій меня при моихъ осмотрахъ, просилъ довѣрить ему выборъ вагона, въ которомъ жена моя могла бы наиболѣе удобно доѣхать до Парижа. Узнавъ, что я послѣ посѣщенія другого машинозаводчика Борзига и обѣда намѣренъ сидѣть въ гостиницѣ въ ожиданіи отхода поѣзда въ Карлсбадъ въ 9 часу вечера, онъ мнѣ предложилъ воспользоваться хорошею погодою и посмотрѣть на новый Берлинскій звѣринецъ въ Тиргартенѣ. Съ этою цѣлью онъ заѣхалъ за мною. Справившись, что поѣздъ отходитъ въ 8¼ ч. вечера, я поручилъ комиссіонеру гостиницы взять пассажирскій билетъ и сдать мой багажъ. Проведя нѣсколько часовъ въ звѣринцѣ, который оказался весьма замѣчательнымъ, я находилъ, что пора ѣхать на станцію жел. дороги, но Шварцкопфъ, хвастаясь своими русскими лошадьми, долго медлилъ, находя, что времени еще довольно.

По пріѣздѣ же нашемъ на станцію, мы увидали привезшаго мой багажъ комиссіонера гостиницы въ отчаяніи отъ опасенія, что мы опоздаемъ. Онъ объяснилъ, что поѣздъ идетъ не въ 8¼, а въ 8 часовъ и немедля отходитъ. Я побѣжалъ на платформу и только что успѣлъ сѣсть въ первый попавшійся вагонъ, какъ Шварцкопфъ, подбѣжавъ ко мнѣ, сказалъ, что онъ сейчасъ удостовѣрился, что поѣздъ въ Карлсбадъ отходитъ только черезъ ¼ часа, а потому высадилъ меня изъ вагона и съ моимъ багажнымъ билетомъ побѣжалъ хлопотать, чтобы не увозили съ этимъ поѣздомъ моего багажа. Ему объяснили, что это невозможно, потому что поѣздъ долженъ сейчасъ тронуться, но что я съ нимъ также хорошо доѣду до Карлсбада, какъ и съ поѣздомъ, отходящимъ черезъ ¼ часа.

Когда Шварцкопфъ прибѣжалъ мнѣ это сказать, поѣздъ уже тронулся. Шварцкопфъ отворилъ дверь въ первомъ попавшемся вагонѣ съ тѣмъ, чтобы я вошелъ въ него, причемъ я оступился и ударился о ступеньку вагона ногою, рана на которой долго не заживала, въ особенности вслѣдствіе ваннъ, которыя я бралъ въ Карлсбадѣ. Описанное продолжалось не болѣе трехъ минутъ, а потому понятно, въ какой я былъ тревогѣ отъ необыкновенной суматохи, происшедшей оттого, что съ этой станціи жел. дороги отходятъ по направленію къ Карлсбаду два поѣзда въ 8 и 8¼ ч. вечера, одинъ черезъ Дрезденъ, а другой черезъ Лейпцигъ.

Передъ выѣздомъ изъ Тиргартена, Шварцкопфъ и я сѣли близъ Тиргартенскаго ресторана. Я потребовалъ сельтерской воды. Шварцкопфъ упрашивалъ, чтобы я выпилъ шампанскаго. Несмотря на то, что я отказывался, ссылаясь на мою болѣзнь, онъ налилъ мнѣ одинъ бокалъ. Въ это время подошелъ къ намъ знаменитый «желѣзнодорожный король» докторъ Струсбергъ, котораго я зналъ уже болѣе 10 лѣтъ. Въ X гл. «Моихъ воспоминаній» я говорилъ о нашей встрѣчѣ у графа Берга въ Варшавѣ и объ его участіи въ концессіи Бресто-Граевской жел. дороги.

Во время моего управленія министерствомъ путей сообщенія, онъ пріѣзжалъ съ предположеніями разныхъ построекъ въ Россіи, но онъ не нравился ни мнѣ, ни Рейтерну, который, несмотря на благоволеніе Государя къ Струсбергу, основанное, вѣроятно, на хлдатайствѣ Прусскаго двора, съумѣлъ отклонить предложенія Струсберга. По оставленіи мною министерства путей сообщенія, Струсбергъ въ каждый свой пріѣздъ въ Петербургъ бывалъ у меня. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ на заводѣ Путилова во время освященія построеннаго послѣднимъ стальнерельсоваго завода. Струсбергъ, встрѣтивъ меня въ Тиргартенѣ за шампанскимъ, предложилъ мнѣ также выпить съ нимъ хотя одинъ бокалъ, но я рѣшительно отказался. Тогда онъ вздумалъ меня просить заѣхать изъ Карлсбада въ его великолѣпное имѣніе въ Богеміи. Въ концѣ моего Карлсбадскаго леченія, я получилъ письмо отъ Струсберга, въ которомъ онъ мнѣ сообщалъ, что пріѣхалъ изъ Берлина въ свое Богемское имѣніе въ надеждѣ видѣть меня у себя въ гостяхъ, согласно моему обѣщанію, котораго я никогда не давалъ. Струсбергъ въ томъ же письмѣ просилъ привезти съ собою на нѣсколько дней министра финансовъ Рейтерна, лечившагося въ Карлсбадѣ. Конечно, я послѣднему не говорилъ объ этомъ приглашеніи и самъ не поѣхалъ къ Струсбергу, которому черезъ 2½ мѣсяца предстояло прославиться въ Россіи ограбленіемъ Московскаго ссуднаго банка.

18-го іюня я пріѣхалъ въ Карлсбадъ; взявъ извощичью коляску на дорожной станціи, поѣхалъ на улицу Шлосбергъ отыскивать себѣ квартиру. При пересѣченіи этой улицы съ Гиршпрунгштрассе я повернулъ въ послѣднюю и въ ней нашелъ во 2-мъ этажѣ три комнаты съ маленькою переднею. Большая часть помѣщеній въ Карлсбадѣ неудобны для больныхъ: дома зимою не отапливаются, а потому сыры; въ низкихъ частяхъ города вечерніе туманы очень чувствительны, а нижніе этажи домовъ этихъ частей затопляются при наводненіи р. Тепель и потому вовсе негодны.

Въ нанятомъ мною домѣ, въ возвышенной мѣстности, не было бо̀льшей части этихъ недостатко̀въ, только спальня была очень мала: солнечные лучи почти не проникали въ нее. Изъ остальныхъ двухъ комнатъ открывался прекрасный видъ на городъ и противоположный берегъ р. Тепель. Былъ и балконъ; жгучее солнце и вѣтеръ, весьма чувствительный при теплыхъ водахъ и ваннахъ, мѣшали мнѣ имъ пользоваться.

Я въ седьмой разъ былъ въ Карлсбадѣ. Городъ, окрестности и жизнь на водахъ описаны мною прежде. Докторомъ моимъ былъ попрежнему профессоръ Зегенъ. Въ Карлсбадѣ, какъ и въ прежніе годы, я нашелъ много Русскихъ, изъ которыхъ назову двухъ братьевъ князей Суворовыхъ, лейбъ-медика Цицурина, предсѣдателя Московскаго купеческаго банка профессора Бабста, директора Института инженеровъ путей сообщенія В. П. Соболевскаго, М. П. Козлянинова, артиллерійскаго генерала Ракусу-Сущевскаго и извѣстнаго желѣзнодорожнаго концессіонера Полякова. Я проводилъ бо̀льшую часть времени съ Цицуринымъ, а по его отъѣздѣ

съ Бабстомъ, съ которымъ часто вмѣстѣ обѣдалъ и ѣздилъ по окрестностямъ. Такія же поѣздки я дѣлалъ съ Соболевскимъ, его женою и дочерью и съ Ракусу-Сущевскимъ и его весьма красивою женою.

Бабстъ, несмотря на наши частыя и продолжительныя свиданія, ни однимъ словомъ не намекнулъ мнѣ, что онъ въ числѣ конкурентовъ на производившихся въ это время торгахъ въ Петербургѣ на Донецкую жел. дорогу и даже уѣзжая, не окончивъ своего леченія, сказалъ мнѣ, что его вызываютъ дѣла Московскаго купеческаго банка, тогда какъ впослѣдствіи оказалось, что его внезапный отъѣздъ былъ вызванъ несогласіемъ министра путей сообщенія передать ему концессію Донецкой жел. дороги, вслѣдствіе слуховъ, что за Бабстомъ скрывается Поляковъ. Не зная ничего о сближеніи Бабста съ Поляковымъ, я удивлялся только тому, что онъ участвовалъ на всѣхъ обѣдахъ, дававшихся Поляковымъ въ Карлсбадѣ, и даже иногда въ тѣ дни, въ которые давалъ слово обѣдать со мною, присылалъ извинительныя письма съ извѣщеніемъ, что обѣдаетъ у Полякова. На этихъ обѣдахъ постоянно бывали князья Суворовы, дочь старшаго изъ нихъ Молоствова съ своимъ мужемъ и многіе Петербургскіе аристократы.

Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ въ Карлсбадъ, Поляковъ пригласилъ меня къ обѣду. Я отказался. Долго не получая втораго приглашенія, я думалъ, что Поляковъ, поняв мое нежеланіе участвовать на его обѣдахъ, болѣе меня не приглашаетъ. Незадолго до моего отъѣзда онъ, однакоже, снова пригласилъ меня, опираясь на то, что на его обѣдахъ лучшее общество, которому можетъ странно показаться мое отсутствіе. Тогда я ему объяснилъ, что я пріѣхалъ въ Карлсбадъ не для обѣдовъ, а для леченія, и что во всякомъ случаѣ мое присутствіе на его обѣдахъ въ Карлсбадѣ мнѣ кажется неудобнымъ. Это объясненіе не помѣшало Полякову пріѣхать на станцію жел. дороги, чтобы проводить меня, когда я уѣзжалъ изъ Карлсбада.

Я уже упоминалъ, что при управленіи министерствомъ путей сообщенія графомъ А. П. Бобринскимъ, это министерство и пресса постоянно нападали на дурное содержаніе Поляковымъ жел. дорогъ, находящихся въ его управленіи, а по количеству имѣемыхъ имъ акцій дорогъ, считаемыхъ его собственностью. Эти нападенія не прекращались и послѣ назначенія Посьета, но никогда не было объяснено, по какимъ именно статьямъ дороги Полякова содержатся хуже прочихъ. Поляковъ, считая преслѣдованіе его министерствомъ путей сообщенія несправедливымъ, неоднократно просилъ меня указать ему лицо, которому онъ могъ бы поручить означенное управленіе, предполагая самъ со всѣмъ семействомъ удалиться на время за границу.

Я постоянно отвѣчалъ Полякову, что не имѣю въ виду подобнаго лица. Въ іюнѣ 1874 года, при моемъ проѣздѣ изъ Москвы въ Царское Село, въ одномъ со мною поѣздѣ ѣхалъ генералъ-отъ-инфантеріи Николай Петровичъ Синельниковъ, недавно передъ тѣмъ уволенный отъ должности генералъ-губернатора Восточной Сибири съ оставленіемъ въ званіи сенатора,

съ правомъ не присутствовать въ Сенатѣ, которымъ онъ, впрочемъ, пользовался и до назначенія его генералъ-губернаторомъ. Синельниковъ намѣренъ былъ избрать для своего постояннаго жительства одинъ изъ городовъ южной Россіи.

Поляковъ, въ бытность Синельникова начальникомъ Воронежской губерніи, содержалъ почтовыя станціи въ этой губерніи. По назначеніи Синельникова сенаторомъ, послѣдній вызвался, для улучшенія быта арестантовъ гражданскаго вѣдомства, поставлять ихъ для производства работъ на жел. дорогахъ и наблюдать за ними. Между прочимъ онъ производилъ арестантами работы и на дорогахъ, уступленныхъ Полякову, который, хорошо зная Синельникова и цѣня его расторопность, предложилъ ему быть главноуправляющимъ Курско-Харьковско-Азовскою, Курско-Воронежско-Ростовскою и Орловско-Грязскою жел. дорогами.

Синельниковъ согласился подъ двумя условіями, именно, подробнаго осмотра дорогъ, дабы убѣдиться, что онъ можетъ быть полезенъ на предлагаемомъ ему мѣстѣ, и разрѣшенія Государя на принятіе имъ этой обязанности. При моей встрѣчѣ съ Синельниковымъ въ поѣздѣ Николаевской жел. дороги, онъ возвращался съ осмотра вышепоименованныхъ дорогъ, которыя, по его мнѣнію, были не хуже другихъ, извѣстныхъ ему дорогъ, а потому заявилъ желаніе поступить на предложенное Поляковымъ мѣсто. Но по просьбѣ бывшаго министра путей сообщенія А. П. Бобринскаго къ графу П. А. Шувалову, бывшему въ то время съ Государемъ за границею, Высочайшаго разрѣшенія на это не воспослѣдовало. Съ назначеніемъ Посьета министромъ путей сообщенія, положеніе Полякова въ этомъ министерствѣ не улучшилось, и онъ продолжалъ искать человѣка, который могъ бы замѣнить его въ завѣдываніи жел. дорогами съ тѣмъ, чтобы самому уѣхать года на два за границу. Въ апрѣлѣ 1875 года онъ снова меня просилъ указать ему такого человѣка, причемъ разсказалъ слѣдующее:

Въ проѣздъ Полякова въ началѣ 1875 года черезъ Вѣну, къ нему пріѣхала жена нашего военнаго агента въ Австріи Молоствова, дочь князя Александра Аркадьевича Суворова-Италійскаго графа Рымникскаго, генералъ-адъютанта и члена Государственнаго Совѣта, человѣка близкаго къ Императору и къ Императрицѣ. Молоствова просила Полякова дать мѣсто ея отцу, которому, по ея словамъ, нечѣмъ жить. Полякову пришло въ голову предложить Суворову принять на себя главное управленіе тремя вышеупомянутыми жел. дорогами, на что Суворовъ согласился.

Министръ финансовъ, по его просьбѣ, докладывалъ объ этомъ Государю, который изъявилъ согласіе, но Суворовъ, вслѣдствіе какихъ-то придворныхъ интригъ, какъ выражался Поляковъ, отказался. Меня крайне удивляли въ этомъ разсказѣ согласіе Суворова быть управляющимъ Полякова, разрѣшеніе Государя, въ особенности послѣ отказа, сдѣланнаго Синельникову, и всего болѣе намѣреніе Полякова поручить столь важное дѣло, въ которомъ заключается его благосостояніе, семидесятилѣтнему старику, человѣку вполнѣ неспособному. Его могла побуждать къ этому

только надежда, что министерство путей сообщенія не посмѣетъ нападать на жел. дороги, во главѣ управленія которыми будетъ стоять Суворовъ, а также тщеславіе имѣть послѣдняго своимъ уполномоченнымъ.

Вскорѣ вышеприведенный разсказъ былъ мнѣ подтвержденъ Рейтерномъ, который мнѣ говорилъ, что я оказалъ бы большую пользу и дѣлу и Полякову, если бы указалъ послѣднему на лицо, которое могло бы его замѣнить въ управленіи жел. дорогами въ виду того, что нерасположеніе министерства путей сообщенія къ Полякову вліяетъ вредно на дѣло, а Рейтернъ не можетъ добиться причины этого нерасположенія; Полякова же считаетъ не хуже другихъ концессіонеровъ. Онъ, улыбаясь, прибавилъ, что недавно Государь изъявилъ согласіе на принятіе Суворовымъ обязанности уполномоченнаго Полякова по жел. дорогамъ. При этомъ онъ передалъ уже слышанное мною отъ Полякова съ слѣдующими добавленіями. При докладѣ Рейтерномъ Государю о желаніи Суворова принять на себя означенную обязанность, Государь спросилъ, совмѣстима ли она съ положеніемъ Суворова на государственной службѣ. Рейтернъ отвѣчалъ, что жел. дороги представляютъ такую важность для государства, что онъ, если бы не былъ министромъ финансовъ, а членомъ Государственнаго Совѣта, съ удовольствіемъ принялъ бы на себя управленіе 2000 верстами жел. дорогъ, причемъ собственно для меня прибавилъ: «конечно, не въ зависимости отъ Полякова». Государь отвѣтилъ Рейтерну: «ты, конечно, взялся бы съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно дѣло дѣлать», подразумѣвая, что Суворовъ берется за это дѣло совсѣмъ съ другою цѣлію.

Однакоже Государь изъявилъ согласіе и предоставилъ Рейтерну объ этомъ объявить Суворову. Рейтернъ прямо послѣ доклада поѣхалъ къ послѣднему, который очень обрадовался и благодарилъ Рейтерна. Вскорѣ однакоже Суворовъ, заѣхавъ къ Рейтерну, заявилъ, что отказывается отъ мѣста у Полякова по слѣдующей причинѣ. Суворову показалось, что Государь, послѣ упомянутаго доклада Рейтерна, сдѣлался къ нему менѣе внимательнымъ, и потому онъ рѣшился просить Государя, не какъ его генералъ-адъютантъ, а какъ человѣкъ, пользующійся 30 лѣтъ расположеніемъ Государя и Императрицы, сказать, нравится ли Государю, что онъ принимаетъ обязанность по жел. дорогамъ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, Суворовъ отъ нея отказался. Конечно, единственною цѣлію Суворова было полученіе отъ Полякова значительнаго содержанія, но я не понимаю, чтобы онъ могъ такъ сильно нуждаться, получая ежегодно жалованья изъ Государственнаго Совѣта 17.000 руб. и аренды 5.000 руб., независимо отъ другихъ, даваемыхъ ему правительствомъ пособій и доходовъ съ его, впрочемъ, незначительныхъ имѣній. Въ Карлсбадѣ, гдѣ Суворовъ праздновалъ свое семидесятилѣтіе, онъ обращалъ общее вниманіе какою-то особеннаго покроя студенческою шапкою безъ козырька. Вообще, онъ до сихъ поръ остался нѣмецкимъ буршемъ.

Погода въ продолженіе моего курса леченія была довольно благопріятная, такъ что я большею частію обѣдалъ на воздухѣ въ ресторанѣ

Sans-Soucis, до котораго аллея изъ Гиршпрунгштрассе проведена въ тѣнистомъ лѣсу. Воды мнѣ оказали по обыкновенію много пользы, но послѣ трехъ недѣль питья водъ, я началъ чувствовать кружение головы. Это было явнымъ признакомъ, что пора прекратить водопитіе, и я 15-го іюля выѣхалъ изъ Карлсбада черезъ Эгеръ въ Берлинъ. О моей встрѣчѣ въ Эгерѣ съ графомъ П. А. Шуваловымъ мною упомянуто выше. Въ Берлинѣ я остался только нѣсколько часовъ. Я условился съ хозяиномъ «Hôtel d'Angleterre», чтобы, при проѣздѣ моемъ съ женою черезъ Берлинъ въ половинѣ августа, было готово для насъ помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ этой гостинницы. 21-го я уже обѣдалъ съ женою на нашей Царскосельской дачѣ.

Въ X главѣ «Моихъ воспоминаній» изложено, что А. А. Бильбасовъ захватилъ наши 14 металлическихъ билетовъ въ 300 руб. каждый и что я считалъ эту сумму совершенно потерянною, но она была черезъ Н. Н. Колесова уплочена по частямъ, собственно по настоянію моей жены. Послѣдняя уплата въ 700 руб. состоялась 26 іюля 1875 года. По соглашенію жены съ Н. Н. Колесовымъ, Бильбасовъ обязанъ былъ намъ уплатить 6% въ годъ на наши деньги, оставшіяся въ его рукахъ. По ихъ требованію, я сдѣлалъ расчетъ этихъ процентовъ, сумма которыхъ оказалась въ 1998 руб., и передалъ расчетъ Н. Н. Колесову. Но въ число этихъ денегъ Бильбасовъ не внесъ ни копѣйки. Вскорѣ мы уѣхали за границу, и жена вернулась только въ половинѣ мая 1876 года до того больная, что не имѣла уже прежней энергіи, чтобы настаивать передъ Колесовымъ объ уплатѣ означенной суммы. Впрочемъ, можетъ быть, при всей энергіи жены, Бильбасовъ ничего бы не внесъ, такъ какъ въ послѣднее время доходили до меня слухи, что онъ продолжалъ разными обманами забирать чужія деньги, не брезгуя похищеніемъ и нѣсколькихъ десятковъ рублей.

Въ одно время со мною возвратился изъ-за границы секретарь Цесаревны Ѳеодоръ Адольфовичъ Оомъ, который провелъ нѣсколько дней въ Маріенбруннѣ, близъ Мюнхена. Онъ, встрѣтясь со мною, разсказывалъ чудеса, производимыя леченіемъ «Wunder-frau», и хотя не былъ знакомъ съ моею женою, но пришелъ ее уговаривать испробовать чудотворное леченіе этой госпожи. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней казалось, что жена готова была на это согласиться, но она передумала вслѣдствіе убѣжденія докторовъ Левенсона и Здекауэра, а въ особенности вслѣдствіе разсказа о дисциплинѣ, которой подвергаются всѣ паціенты въ Маріенбруннѣ, и увеличенія для заѣзда въ оный нѣсколькими сотнями верстъ нашего путешествія, которое, при слабости здоровья моей жены и въ особенности ея ногъ, ее очень страшило. О чудесномъ леченіи въ Маріенбруннѣ и его владѣлицѣ такъ много напечатано, что я не буду здѣсь говорить объ этомъ.

Я съ женою, М. Ф. Смитъ и служанкой жены выѣхали изъ Царскаго Села въ предварительно назначенный для нашего отъѣзда день, именно 16 августа. Эта поѣздка была великимъ подвигомъ для моей жены. Она сама не могла подниматься по ступенькамъ вагоновъ, а вносить ее въ нихъ,

по ея тучности и значительному вѣсу, было почти невозможно, и она на это не соглашалась. Для ея входа въ вагоны и выхода изъ нихъ была изготовлена желѣзная доска, длиною до сажени, а шириною равная ширинѣ вагонныхъ дверей, и на ней положены поперечныя полоски, такъ что она образовала родъ стремянки. Съ одной ея стороны были складные желѣзные столбики, черезъ верхъ которыхъ протянутъ толстый шнуръ. Все это было обтянуто краснымъ сукномъ. Одинъ конецъ этой стремянки устанавливался въ дверь вагона, а другой на станціонной платформѣ на томъ концѣ, который входилъ въ вагонъ, подъ стремянкою были желѣзныя лапы для обхватыванія бруса подъ дверью вагона. Эту стремянку нужно было устанавливать каждый разъ, когда жена входила въ вагонъ или выходила изъ него, а такъ какъ доставаніе стремянки, вѣсившей 3 пуда, и проходъ по ней моей жены представляли разныя затрудненія, то рѣшено было, что жена не выйдетъ изъ вагона до станціи на Прусской границѣ Вержболово, куда за ней пріѣдетъ прусскій вагонъ, въ которомъ она поѣдетъ до Берлина.

Чтобы путешествіе не очень утомляло больную, надо было имѣть вездѣ покойные вагоны, и предложено остановиться по крайней мѣрѣ на однѣ сутки въ Вержболовѣ и Берлинѣ, гдѣ имѣть въ готовности помѣщенія въ нижнихъ этажахъ, и изъ Берлина ѣхать прямо въ Парижъ. На случай болѣзни жены моей, которая принудила бы насъ остановиться на другихъ станціяхъ, я былъ снабженъ къ начальствующимъ на станціяхъ письмами отъ Алкье, бывшаго долго начальникомъ эксплоатаціи на Варшавской жел. дорогѣ. а въ это время состоявшаго при свитѣ Государя во время его или Императрицы поѣздокъ по заграничнымъ желѣзнымъ дорогамъ.

Мы сѣли въ поѣздъ на Царскосельской станціи С.-Петербурго-Варшавской жел, дороги. Къ нему прицѣпленъ былъ для насъ особый вагонъ, называемый Строгановскимъ потому, что графъ Г. А. Строгановъ разъѣзжалъ въ немъ въ бытность предсѣдателемъ совѣта главнаго общества жел. дорогъ. Несмотря на то, что мы имѣли весь вагонъ въ нашемъ распоряженіи, онъ былъ переполненъ ящиками, сакъ-вояжами, узлами и т. п., которыхъ было 15 штукъ; въ багажный же вагонъ было сдано 12 сундуковъ и другихъ вещей, вѣсомъ до 30 пудовъ. На станціи Антонополь поѣздъ останавливается на 5 минутъ. Для свиданія съ нами выѣзжалъ на эту станцію М. Р. Богомолецъ. Онъ снабдилъ меня письмомъ къ директору правленія общества публичныхъ каретъ въ Парижѣ, Биксіо, сестра котораго была за извѣстнымъ въ Москвѣ виноторговцемъ Депре, братомъ жены Богомольца. Послѣдній при этомъ свиданіи сказалъ мнѣ, чтобы я телеграфировалъ въ упомянутое правленіе о днѣ и часѣ моего пріѣзда въ Парижъ, а имъ уже сдѣлано распоряженіе, чтобы насъ встрѣтили въ удобной каретѣ.

Пріѣхавъ въ Вержболово, мы остановились въ приготовленныхъ для насъ, такъ называемыхъ, свитскихъ комнатахъ. Здѣсь я узналъ, что хотя управленіе прусской восточной дороги и выслало для насъ желтый ва-

гонъ, но не разрѣшило ему доѣхать до Вержболова, такъ что, переночевавъ на этой станціи, мы должны были доѣхать до Эйдкунена въ русскомъ вагонѣ, а тамъ пересѣсть въ прусскій, причемъ моей женѣ пришлось два раза подниматься и разъ спускаться по нашей стремянкѣ, которая до Эйдкунена была уложена въ нашемъ вагонѣ, а въ Эйдкуненѣ ее положили въ багажный. Мы весьма покойно доѣхали до Берлина, гдѣ на станціи были встрѣчены машинозаводчикомъ Шварцкопфомъ и его зятемъ Козловскимъ. Жена не могла выйти изъ своего вагона, пока не принесли изъ багажнаго стремянки и не установили ее, что потребовало довольно времени, такъ какъ тупоголовые нѣмцы, желѣзнодорожные рабочіе, никакъ не могли понять ея назначенія и ея устройства.

Въ Берлинѣ мы остановились въ приготовленныхъ для насъ комнатахъ нижняго этажа Hôtel d'Angleterre. Шварцкопфъ выказалъ намъ много расположенія: онъ цѣлое утро ѣздилъ со мною для выбора вагона, въ которомъ мы могли покойно доѣхать до Парижа. За исключеніемъ salon-vagon, всѣ другіе вагоны или не отпускались прямо до Парижа, или казались неудобными, наконецъ, я согласился взять для жены особое отдѣленіе въ 6 мѣстъ и для себя одно мѣсто, съ пересадкою въ Кёльнѣ. Но Шварцкопфъ, находя это распоряженіе неудобнымъ для моей жены, рѣшился безъ моего вѣдома взять salon-vagon, о чемъ меня извѣстилъ, присовокупляя, что хотя я заплачу за 12 мѣстъ, полагаемыхъ въ salon-vagon'ѣ, вмѣсто 7-и, но за то не придется приплачивать за багажъ. Приходилось платить за 5 лишнихъ мѣстъ 180 р., но дѣлать было нечего. Не получая отъ Шварцкопфа квитанціи въ уплатѣ денегъ за salon-vagon, я поѣхалъ на станцію желѣзной дороги, гдѣ узналъ, что деньги уплачены Шварцкопфомъ по расчету трехъ талеровъ за милю, что составило на все протяженіе до Парижа 470 тал. 19 зильбергрошей или, по тогдашнему курсу, до 500 руб., а такъ какъ 7 мѣстъ до Парижа стоили бы всего 252 р., то пришлось мнѣ уплатить почти вдвое противъ моего предположенія.

Со станціи я поѣхалъ къ Шварцкопфу, который увѣрялъ, что не знаетъ, сколько уплачено за salon-vagon, и я могу ему возвратить уплоченныя по его распоряженію деньги при обратномъ проѣздѣ черезъ Берлинъ. Я ему отвѣчалъ, что сумма, имъ уплоченная, мнѣ извѣстна, и немедля ее отдалъ. Въ тотъ же день вечеромъ жена моя, въ приготовленной Шварцкопфомъ низенькой каретѣ, переѣхала на станцію и имъ по стремянкѣ была усажена въ salon-vagon, который, несмотря на свою дороговизну, оказался весьма неудобнымъ. Въ немъ нѣтъ кровати, а диваны коротки и узки и стоятъ у оконъ, въ которыя дуетъ, такъ что моя больная жена не спала всю ночь. Вслѣдствіе имѣвшихся у меня рекомендательныхъ писемъ, таможенные чиновники не безпокоили моей жены на бельгійской и французской границахъ.

По дорогѣ я получилъ отвѣты на мои телеграммы, посланныя изъ Берлина, что на Парижской станціи сѣверной желѣзной дороги насъ будетъ ждать удобная карета и что, за неимѣніемъ свободнаго rez-de-chaussée въ го-

стинницѣ «Бристоль», хозяинъ послѣдней приготовилъ намъ комнаты въ нижнемъ этажѣ гостинницы «Mirabeau». Чтобы по пріѣздѣ въ Парижъ не ожидать переноски изъ багажнаго вагона, служащей для выхода моей жены, стремянки, мы ее помѣстили въ особое отдѣленіе занимаемаго нами salon-vagon'a, такъ что однимъ концомъ она упиралась въ дверь вагона, обращенную къ станціонной платформѣ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, я немедля пошелъ отыскивать присланную за нами карету. Рабочіе станціи, которыхъ я привелъ для вынутія стремянки изъ вагона, въ мое отсутствіе рѣшили, что дверь, въ которую упиралась стремянка, заперта ключемъ, и потому они стремянки вынуть не могутъ. Тогда М. Ф. Смитъ вышла изъ вагона въ другую дверь и сама безъ особаго усилія, къ удивленію упомянутыхъ рабочихъ, отворила безъ ключа дверь, которую они считали запертою. Послѣ этого стремянка была вынута, но рабочіе съ трудомъ поняли, какъ установить стремянку и выдвижныя на ней перила. Однакоже, по моемъ возвращеніи къ поѣзду, жена уже вышла по стремянкѣ изъ вагона и въ сопровожденіи выѣхавшаго къ намъ навстрѣчу главнаго конторщика парижскихъ общественныхъ каретъ, г. Бордо, она немедля уѣхала въ присланной намъ каретѣ; я же остался, чтобы сдать стремянку въ магазинъ станціи на храненіе и получить багажъ.

Заявивъ о кличествѣ имѣющихся въ моемъ багажѣ папиросъ, я заплатилъ за нихъ пошлину. Жена моя куритъ папиросы и табакъ Жукова, а потому, сверхъ привезенныхъ съ нами папиросъ, таковыя же, а равно и табакъ, были отправлены мною изъ Петербурга въ особомъ сундукѣ по желѣзной дорогѣ большою скоростью (grande vitesse). Этотъ сундукъ былъ полученъ на 12 день по отправленіи, причемъ мною уплочено таможенной пошлины за 16 ф. Жуковскаго табаку, чистаго вѣсу 6 килограммовъ 400 граммовъ по 25 франковъ за килограммъ, 160 франковъ, за 980 граммовъ чистаго вѣсу папиросъ, по 36 фр. за килограммъ, 36 фр. 28 сант., за комиссію и формальности въ таможнѣ 7 фр. 82 сант., на остальные расходы 8 фр. 30 сант., а всего 211 фр. 40 сант. Я не привезъ для себя сигаръ, покупаемыя же мною въ Парижѣ и Каннѣ были, несмотря на ихъ высокую цѣну, до того дурны, что когда я въ мартѣ 1876 года снова пріѣхалъ во Францію, то привезъ съ собою купленныя въ Московскомъ магазинѣ Депре триста сигаръ по 16 руб. за сотню, за которыя пришлось заплатить пошлины до 90 франковъ.

Въ «Hôtel Mirabeau» намъ было приготовлено пять небольшихъ комнатъ на дворѣ, съ платою по 70 франковъ въ сутки. Онѣ были очень хорошо меблированы, но лучи солнца никогда до нихъ не доходили, а потому были сыры, что могло дурно вліять на здоровье моей жены. Всего ужаснѣе для ея жилъ, которыя черезъ застаиваніе въ нихъ крови причиняли сильныя боли, были французскія постели, такъ называемыя suspensoirs elastiques. Жена рѣшительно не могла пролежать на нихъ нѣсколько минутъ, такъ какъ этимъ страданія ея, отъ боли въ жилахъ, дѣлались нестерпимыми. Нѣсколько часовъ ночи прошло въ устройствѣ и переустройствѣ Марга-

ритою Францевною Смитъ постели, въ которой моя жена могла бы удобнѣе лежать. На другой день мы искали матраца, набитаго волосомъ, но такихъ готовыхъ въ Парижѣ не оказалось. Черезъ день по нашему заказу былъ намъ доставленъ хорошій матрацъ, но онъ былъ недостаточенъ, чтобы исправить недостатки французскихъ кроватей.

По совѣту докторовъ, мы должны были первый осенній мѣсяцъ прожить въ окрестностяхъ Парижа. Не желая удаляться, я полагалъ возможнымъ нанять на мѣсяцъ дачу въ одной изъ отдаленныхъ частей города, отыскиваніе которой поручилъ г. Dere, завѣдывающему Парижскимъ домомъ барона Френкеля, который поручилъ ему быть въ моемъ распоряженіи на все время пребыванія моего въ Парижѣ, и одному изъ конторщиковъ г. Биксіо, на котораго мнѣ указалъ М. Р. Богомолецъ. Я былъ въ этотъ день у Биксіо, но его не засталъ; жена же его, очень дружная съ женою Богомольца, услыхавъ мою фамилію, просила меня войти къ ней. Она мнѣ передала, что Богомольцы неоднократно писали, чтобы ея мужъ и она по возможности успокаивали мою жену, и вообще приняла меня очень любезно. Биксіо былъ на другой день у моей жены и ей понравился. Я впослѣдствіи неоднократно заходилъ къ нему на занимаемую имъ квартиру и въ правленіе общественныхъ парижскихъ каретъ и никогда его не заставалъ. Я встрѣтился съ нимъ у Богомольцевъ въ мартѣ 1876 года, какъ съ незнакомымъ. Своими манерами въ разговорѣ и обхожденіи онъ мнѣ не понравился. Какая разница съ обхожденіемъ его необыкновенно любезнаго и умнаго отца, о которомъ я упоминалъ въ IX главѣ «Моихъ воспоминаній». Услуги Биксіо намъ, сдѣланныя по просьбѣ Богомольцевъ, ограничились тѣмъ, что онъ досталъ дѣйствительно вполнѣ удобную для моей жены карету. Она была очень изящна, помѣстительна и низка; дверцы ея были такъ широки и тяжелы, что сидящимъ въ каретѣ трудно было ихъ запирать. Встрѣчавшіеся съ нами, когда мы ѣхали въ этой каретѣ, видимо обращали на нее вниманіе.

К. В. Чевкинъ, встрѣтивъ эту карету, узналъ ее по сдѣланному мною описанію. Моя племянница Э. С. Викулина находила нужнымъ купить ее или по крайней мѣрѣ снять съ нея вѣрный чертежъ. Но и не дешево обходились намъ поѣздки въ этой каретѣ: за проѣздъ между станціею желѣзной дороги и гостинницею въ Парижѣ брали 30 фр., а между гостинницею и г. Монморанси, въ 20 верстахъ отъ Парижа, 50 фр.

Мнѣ сказали, что въ Монморанси есть помѣщеніе, совершенно соотвѣтствующее моимъ требованіямъ. На третій день по пріѣздѣ въ Парижъ, я съ М. Ф. Смитъ поѣхалъ въ этотъ городъ по желѣзной дорогѣ. Пріѣхавъ въ указанный мнѣ домъ, мы нашли, что онъ весь занятъ жильцами и что нижній этажъ, который для меня требовался, никогда не отдавался внаймы. Но дама, арендующая этотъ домъ, указала намъ контору, въ которой можно было справиться объ отдаваемыхъ внаймы дачахъ. Хозяйка этой конторы съ перваго раза поняла, что намъ было нужно, и прямо привела на отдѣльную дачу съ маленькимъ садомъ, вблизи ст. желѣзной дороги, въ Avenue

Emilie. Домъ былъ въ три этажа; въ нижнемъ гостинная и столовая, раздѣленныя коридоромъ, и кухня; во второмъ и третьемъ по пяти небольшихъ комнатъ. По невозможности ходить женѣ по лѣстницѣ, мы рѣшили обратить гостинную въ спальню, а ея служанку на ночь помѣстить на диванѣ въ столовой.

На этихъ условіяхъ мы немедля сошлись съ домовладѣльцемъ, обязавшись ему платить по 600 фр. въ мѣсяцъ. Въ виду дороговизны нашей жизни въ Hôtel Mirabeau, и въ особенности сырости нашего помѣщенія, мы поспѣшили переѣхать въ Монморанси 25-го августа.

Въ этотъ день мы обѣдали въ саду нашей дачи. Кушанья, хорошо приготовленныя, были принесены изъ ресторана. На дачѣ не было бѣлья для спальни и столовой; оно было мною куплено въ Парижѣ.

На другой же день по нашемъ переѣздѣ намъ рекомендовали кухарку и женщину для чистки платья и уборки въ домѣ. Первая уходила послѣ обѣда, а послѣдняя оставалась у насъ ежедневно нѣсколько часовъ, получая плату за каждый часъ работы. Такимъ образомъ мы жили на дачѣ совершенно одни. Кухарка была замужняя женщина лѣтъ 30-ти, высокая ростомъ, довольно полная, весьма красивой наружности. Готовила она хорошо, была всегда готова къ услугамъ, такъ что, когда моя жена заболѣвала, она оставалась у насъ по своей доброй волѣ на ночь и ухаживала за больною. Ее повсюду сопровождала огромная Бернардинской породы собака «Султанъ», очень красивая и умная. Эта собака, слѣдуя за своею хозяйкой, постоянно носила съ рынка провизію, съ которою чрезвычайно ловко проходила въ узкое отверстіе припертыхъ воротъ нашей дачи.

Каждое утро она, по приказанію своей хозяйки, приносила по узкой лѣстницѣ во второй этажъ мои сапоги, что меня въ первый разъ очень удивило, такъ какъ она меня почти не знала и не могла знать расположенія нашихъ комнатъ. По вечерамъ же она приносила мнѣ въ столовую «Петербургскія Вѣдомости», для чего, при своей громадности, должна была пройти въ этой тѣсной комнатѣ мимо моей жены и М. Ф. Смитъ.

Я каждый день ѣздилъ изъ Монморанси въ Парижъ, гдѣ часто бывалъ у К. В. Чевкина. Нашего посла князя Н. А. Орлова и Н. Н. Муравьева не было въ Парижѣ, и потому я въ этотъ пріѣздъ съ ними не видался. Чевкинъ, несмотря на дурное состояніе здоровья, много бѣгалъ по улицамъ и лѣстницамъ, отыскивая себѣ квартиру. Несмотря на предлагаемую имъ огромную цѣну, онъ не могъ найти такой, въ которой были бы въ одномъ этажѣ 6 комнатъ и изъ нихъ 4 выходили бы на солнечную сторону.

Онъ постоянно принималъ Русскихъ, живущихъ въ Парижѣ, или туда пріѣзжающихъ, а также множество французовъ, съ которыми познакомился въ свои прежніе частые пріѣзды въ Парижъ. Жена Чевкина находила, что эта жизнь сильно утомляетъ ея мужа и что, по наступленіи холодовъ, онъ не въ состояніи будетъ выходить на воздухъ, а это ему было необходимо, и трудно будетъ уберечь его отъ простуды въ дурно отапливаемыхъ и сырыхъ комнатахъ парижскихъ квартиръ.

По этимъ причинамъ, она хотѣла увезти его въ Ниццу и очень просила уговорить его провести зиму въ этомъ городѣ. Чевкинъ, наконецъ, согласился на наши убѣжденія. Когда же, послѣ его смерти, я въ апрѣлѣ 1876 года былъ у его жены въ Ниццѣ, она, глубоко опечаленная, какъ бы въ упрекъ сказала мнѣ, что если бы ея мужъ остался зимовать въ Парижѣ, то быть можетъ былъ бы еще живъ.

Въ Монморанси было много живущихъ и въ ихъ числѣ людей богатыхъ. Несмотря на это, въ булочныхъ нельзя было доставать хорошаго бѣлаго хлѣба, который я возилъ ежедневно изъ Парижа. Каждый день приходилось мнѣ въ Парижѣ исполнять разныя комиссіи моей жены и дѣлать разныя закупки.

Между прочимъ, я осматривалъ вагоны на станціи жел. дороги Lyon et Méditerrannée и выбралъ для жены особое отдѣленіе, называемое «fauteuils-lits». Въ немъ рядомъ три пассажирскихъ мѣста. По довольно большому объему вагоннаго отдѣленія, «fauteuils-lits», можно было имѣть съ собою много вещей и удобно протянуть ноги. По неимѣнію въ немъ столиковъ, я купилъ складной столъ для помѣщенія его въ вагонѣ и заказалъ удобное для моей жены кресло, которое мы получили вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Каннъ. Въ Парижѣ я желалъ купить для себя дюжину обыкновенныхъ рубашекъ, но къ крайнему моему удивленію, перебывавъ во множествѣ магазиновъ бѣлья, въ которыхъ лежатъ сотни тысячъ готовыхъ рубашекъ, я во всемъ Парижѣ не нашелъ ни одной полотняной рубашки. Я ѣздилъ въ Maison lafitte къ отставному инженеру путей сообщенія Н. Кольману, неоднократно упоминаемому въ «Моихъ воспоминаніяхъ». У него свой домъ въ этомъ городѣ, показавшемся мнѣ расположеннымъ на сыромъ мѣстѣ, такъ что я очень радъ былъ тому, что провелъ сентябрь въ Монморанси, а не въ Maison lafitte. Кольманъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ колясочкѣ на одной лошади, хотя между двумя упомянутыми городами болѣе 20 верстъ по гористой мѣстности.

Кровати на нашей дачѣ въ Монморанси были такъ же неудобны, какъ и въ Парижѣ, но я распорядился замѣнить, такъ называемые, suspensoirs elastiques простыми досками, на которыя положены были матрацы, и такимъ образомъ жена могла удобно спать.

Первыя двѣ недѣли нашего пребыванія въ Монморанси погода была довольно теплая. Моя жена каждый день немного ходила, а иные дни ѣздила, хотя и неохотно, по городу и даже по окрестностямъ. Прилагались всевозможныя старанія, чтобы достать весьма низкій и удобный для сидѣнья экипажъ, но жена послѣ каждой поѣздки видимо была утомлена.

Она любила ходить въ торговые дни на рыночную площадь, гдѣ на землѣ располагался, между прочимъ, товаръ брикъ а бракъ, изъ котораго каждый разъ что-нибудь покупала. По наступленіи сырой и холодной погоды, жена пошла на эту площадь и простудилась. На нашей дачѣ несло холодомъ въ двери и окна, отъ которыхъ, по малой величинѣ комнатъ, нельзя было удалиться.

По нѣкоторомъ улучшеніи домашними средствами здоровья жены, надо было оставить дачу, и я 16-го сентября ст. ст. лично распорядился, чтобы 18-го въ 12 часовъ пополудни была прислана за нами вышеупомянутая карета и омнибусъ для вещей и чтобы были задержаны въ Hôtel du Louvres двѣ комнаты, что мнѣ было обѣщано конторою этой гостинницы. Я ее предпочелъ потому, что не нашелъ ближайшей къ станціи Ліонской жел. дороги, въ которой были бы помѣщенія въ нижнемъ этажѣ или, по крайней мѣрѣ, подъемная машина.

Омнибусъ прибылъ въ назначенное время и, по нагрузкѣ на него всѣхъ нашихъ вещей, повезъ ихъ въ Парижъ. Карета же не пріѣзжала, и потому я въ исходѣ перваго часа рѣшился ѣхать по жел. дорогѣ въ Парижъ, чтобы немедля послать женѣ карету. Въ конторѣ парижскихъ публичныхъ экипажей мнѣ сказали, что карета выслана въ Монморанси въ 10 часовъ, но для большаго удостовѣренія послали узнать въ заведеніе.

Посланный, воротясь послѣ продолжительнаго отсутствія, сказалъ, что карета по ошибкѣ уѣхала только въ 11 часовъ. Послѣ этого я отправился въ Hôtel du Louvres, гдѣ мнѣ объявили, что, несмотря на данное мнѣ обѣщаніе, свободныхъ номеровъ нѣтъ. Я настаивалъ, чтобы дали хотя одну комнату для жены, полагая найти себѣ убѣжище на ночь въ другой гостинницѣ. Вскорѣ однакоже освободилась въ Hôtel du Louvres одна комната въ 4-мъ этажѣ на 100-й ступени, а затѣмъ и другая въ томъ же этажѣ. Расчитывая, что карета, выѣхавшая изъ Парижа въ 11 часовъ утра, прибудетъ въ Монморанси въ часъ пополудни, а слѣдовательно моя жена пріѣдетъ въ Парижъ въ началѣ четвертаго часа, я съ этого времени началъ ожидать ее сначала во дворѣ гостинницы, а потомъ на улицѣ. Я болѣе ста разъ прошелъ мимо магазиновъ, помѣщавшихся въ нижнемъ этажѣ гостинницы, и видимо обратилъ на себя вниманіе торгующихъ въ магазинахъ и полицейскихъ. Я былъ въ чрезвычайно тревожномъ положеніи. Зная, что изъ Монморанси все имущество наше вывезено, я не могъ себѣ представить, какъ моя больная жена сидитъ въ холодной комнатѣ на неудобномъ креслѣ, съ котораго подушка была услана въ омнибусѣ и съ ужасомъ думалъ о томъ, что она можетъ быть принуждена будетъ провести ночь въ этомъ положеніи. Я рѣшился ждать пріѣзда жены до 6 часовъ, а потомъ, заявивъ въ конторѣ публичныхъ каретъ, что посланная ею за женою карета не возвращалась, ѣхать въ Монморанси и привезти жену, хотя ночью, средствами, которыя тамъ найдутся.

Послѣ 2½-часового томительнаго ожиданія, я, въ исходѣ шестого часа, увидѣлъ нашу карету. Оказывается, что, по пріѣздѣ въ Монморанси, кучеръ нашелъ нужнымъ дать лошадямъ отдыхъ, такъ что моя жена выѣхала только въ 4-мъ часу. Въ одно время со въѣздомъ жены моей во дворъ гостинницы, пришелъ насъ провѣдать К. В. Чевкинъ, который полагалъ, что мы уже нѣсколько часовъ въ Парижѣ. Высадивъ мою жену изъ кареты, которою онъ восхищался, и сказавъ, что не въ пору гость хуже татарина, ушелъ.

На подъемной машинѣ, нечисто содержимой, кромѣ меня съ женою, сѣли еще другія лица. Послѣднимъ, для котораго не было уже сидѣнья, вошелъ какой-то англичанинъ. Все время, пока поднимали насъ, одна изъ сидѣвшихъ дамъ, вѣроятно, жена этого англичанина, бранила его за то, что онъ лишній, а сторожъ при машинѣ, который поднимался съ нами, что-то бормоталъ съ недовольнымъ и дерзкимъ видомъ. Однимъ словомъ, этотъ подъемъ производилъ непріятное впечатлѣніе.

На другой день К. В. Чевкинъ и его жена пробыли у насъ довольно долго. Они жили далеко, но пришли пѣшкомъ. Ихъ подняли къ намъ машиною, но сошли они по лѣстницѣ, и Чевкинъ отправился дѣлать еще визиты. Необыкновенная энергія поддерживала его силы. Они уѣхали изъ Парижа въ Ниццу 20-го сентября. Я ихъ провожалъ на станцію Ліонской жел. дороги. Въ этотъ день было очень холодно. По болѣзни моей жены, мы должны были провести нѣсколько дней въ Парижѣ. 22 сентября, несмотря на холодный день и сильный дождь, мы выѣхали въ Каннъ. Вслѣдствіе моего объясненія, что моя жена по болѣзни не можетъ сходить съ лѣстницы, согласились ее спустить на машинѣ. Но насъ привели къ другой машинѣ, въ которой вовсе не было сидѣнья. Для жены поставили стулъ, а я сталъ подлѣ нея. Опускали насъ съ чрезвычайною быстротою, отъ которой кружилась голова. Когда машина остановилась, я думалъ, что мы прошли не больше двухъ этажей, а между тѣмъ мы были уже въ самомъ нижнемъ. Оказалось, что насъ спускали по машинѣ, по которой поднимаютъ и спускаютъ сундуки и прочія тяжелыя вещи, причемъ, конечно, быстрота опусканія машины была только полезна.

Вышеупомянутый Алкье, незадолго прибывшій въ Парижъ, ожидалъ насъ на Парижской станціи Ліонской жел. дороги, съ начальствомъ которой онъ былъ хорошо знакомъ. Благодаря его заботамъ, нашъ многочисленный багажъ былъ совершенно сданъ, а жену со множествомъ вещей, не попавшихъ въ багажъ и въ томъ числѣ съ купленнымъ въ Парижѣ столикомъ, онъ посадилъ въ отдѣленіе вагона «fauteuils-lits», куда она вошла по нашей желѣзной стремянкѣ, предварительно доставленной со станціи сѣверной жел. дороги. Насъ, ѣдущихъ въ Каннъ, было четверо, но я, сверхъ трехъ мѣстъ въ означенномъ отдѣленіи, взялъ еще два мѣста перваго класса, расчитывая, что для большаго простора моя больная жена захочетъ остаться въ отдѣленіи вдвоемъ.

Однакоже отдѣленіе было просторно для трехъ и означенная мѣра оказалась безполезною, увеличивъ только и безъ того значительные расходы на нашъ проѣздъ. За эти пять мѣстъ и за нашъ багажъ я заплатилъ на станціи почти тысячу франковъ. Погода была холодная, шелъ осенній дождь. Она совершенно измѣнилась послѣ перевала черезъ Котъ-д'оръ. Въ Дижонѣ былъ сервированъ прекрасный и недорогой обѣдъ. Моя жена, не выходя нигдѣ по дорогѣ изъ вагоновъ, имѣла съ собою провизію, но въ Авиньонѣ, такъ же какъ и на станціяхъ въ Германіи, ей приносили супъ и другія кушанья, а равно кипятокъ для чаю.

На Ліонской станціи, куда мы пріѣхали поздно вечеромъ, ресторанъ расположенъ не на сторонѣ подхода поѣзда и, чтобы попасть въ него, надо перейти черезъ нѣсколько путей, по которымъ въ это время мчатся паровозы. Подобное устройство большихъ станцій часто встрѣчается во Франціи, и никто не ропщетъ; у насъ же на него посыпались бы безпрерывныя жалобы.

Въ Марсель мы пріѣхали утромъ; стояли довольно долго, такъ что можно было умыться и напиться чаю. День былъ великолѣпный, но слишкомъ жаркій. Мѣстность, по которой идетъ желѣзная дорога, необыкновенно живописна. Растительность южная, нисколько не похожая на нашу, поражала меня. Но я не настолько былъ занятъ мѣстностью, чтобы отказаться отъ чтенія, моего обыкновеннаго препровожденія времени въ вагонѣ. Отъ жары я часто засыпалъ.

Въ Каннѣ мы были встрѣчены начальникомъ движенія по жел. дорогѣ г. Дюма, который пріѣхалъ для этого изъ Ниццы, вслѣдствіе письма къ нему Алкье, его хорошаго пріятеля. Онъ же озаботился приготовленіемъ намъ помѣщенія въ нижнемъ этажѣ одной изъ великолѣпнѣйшихъ гостиницъ на берегу моря и, по моей просьбѣ, передалъ мнѣ списокъ нѣсколькихъ, находящихся на берегу моря, домовъ, отдаваемыхъ внаймы. Я съ М. Ф. Смитъ немедля поѣхалъ ихъ осматривать, но ничего не нашли годнаго для насъ. Мы ѣздили въ открытой колясочкѣ, надъ которою устанавливается большой полотняный зонтъ для защиты отъ жгучаго солнца; подобное устройство я видѣлъ въ первый разъ.

Воротясь къ позднему обѣду, мы были обрадованы, найдя мою жену гуляющею по морской набережной, до которой она должна была пройти по довольно большому саду гостиницы. Она отъ переѣзда изъ Парижа въ Каннъ не только не утомилась, но сдѣлалась бодрѣе: такъ сильно подѣйствовала на нее перемѣна климата, что подало большія надежды на ея выздоровленіе, къ прискорбію, не оправдавшіяся. Хозяинъ гостиницы далъ намъ очень хорошій обѣдъ, и между прочимъ свѣжую жареную дичь, и совершенно спѣлые бананы, дозрѣвшіе въ Каннѣ въ это знойное лѣто, тогда какъ обыкновенно они въ этой мѣстности не поспѣваютъ.

Жители Каннъ жаловались, что болѣе полугода не видали капли дождя, и дѣйствительно все засохло. Травы тамъ не бываетъ и въ обыкновенное лѣто, ее въ садахъ сѣютъ въ сентябрѣ. Вечеромъ въ этотъ же день г. Дюма сообщилъ мнѣ, что на берегу моря отдается внаймы шале, принадлежащее доктору Жемберу, служащему при жел. дорогѣ. Осмотрѣвъ шале на другой день утромъ, я немедля рѣшился его взять. Хозяинъ уступилъ мнѣ его, вмѣсто запрошенной цѣны 7000 ф., за 6500 фран. по конецъ мая 1876 года, и мы поспѣшили въ него переѣхать вечеромъ 26 сентября, несмотря на просьбу хозяина дать ему время на очистку и уборку дома, согласно заключенному мною условію.

Послѣднія строки писалъ я въ началѣ мая 1877 года. Въ послѣдніе 10 мѣсяцевъ я ни разу не принимался за продолженіе «Моихъ воспоминаній». Я такъ много пострадалъ въ это время, что мнѣ было не до нихъ. Полагая, что повѣствованіе о моей семейной жизни не можетъ интересовать читателей, а сверхъ того, не имѣя желанія знакомить съ нею посторонних лицъ, я мало говорилъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ» о моей женѣ.

Выше было упомянуто, что въ августѣ 1875 года мы поѣхали на югъ Франціи для поправленія здоровья моей жены. Эта поѣздка не достигла цѣли: моя жена скончалась 6 января 1878 года, и я чувствую потребность въ «Моихъ воспоминаніяхъ» теперь же сказать нѣсколько словъ объ этой необыкновенной женщинѣ.

Балованная своею матерью, которая любила ее болѣе, чѣмъ остальныхъ дѣтей своихъ, балованная мною въ продолженіе почти 40 лѣтъ ея жизни со мною, получивъ весьма обыкновенное свѣтское образованіе и весьма малыя понятія о религіи и объ обязанностяхъ къ ближнему, она успѣла сама образовать себя такъ, что сдѣлалась ученою и въ высшей степени религіозною женщиною, всегда готовою разумно утѣшить страждущихъ и помочь нуждающимся. Къ сожалѣнію, она передъ смертію сожгла много своихъ сочиненій, но и оставшіяся философическія сочиненія, мною еще не вполнѣ разобранныя, свидѣтельствуютъ объ ея большой начитанности, высокомъ умѣ и нравственныхъ началахъ. Всѣ ея друзья и даже знакомые повѣряли ей свое горе, и она умѣла всѣхъ утѣшить. Помощь же бѣднымъ была у нея первымъ долгомъ. Ея помощь не ограничивалась раздачею денегъ: она входила въ подробности жизни нуждающихся, которые имѣли въ ней не только благодѣтельницу, но друга, умѣвшаго ихъ ставить наравнѣ съ собою. Она умѣла избѣгать тѣхъ знакомствъ, которыя предписываются извѣстными приличіями; напр., живя въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ я служилъ 4½ года, она, несмотря на желаніе жены губернатора и многихъ дамъ, которыхъ мужья служили въ этомъ городѣ, не знакомилась съ ними. Тѣ же, съ которыми она сходилась, любили ее безпредѣльно. Никто не имѣлъ столько искреннихъ друзей. Между ними часто возбуждалась ревность, когда онѣ замѣчали, что моя жена оказываетъ къ одной изъ нихъ болѣе расположенія.

Имѣя мало знакомыхъ, а потому сидя почти постоянно дома, жена не имѣла понятія о скукѣ. Я уже говорилъ, что она много читала и писала. Сверхъ выше упомянутыхъ сочиненій, она писала стихи, въ которыхъ было много ума, иногда юмора, а всего болѣе чувства. Она занималась всѣмъ хозяйствомъ въ домѣ и благоразумными распоряженіями умѣла сберечь все то, что я теперь имѣю, хотя способности считать и сводить итоги она не имѣла и постоянно при счетахъ обращалась къ моей помощи. Сверхъ того, она имѣла выходящія изъ ряда вонъ способности къ искусствамъ и ремесламъ. Она рисовала карандашемъ и красками. Племянница моя Валентина Засѣцкая показывала одинъ изъ ея рисунковъ знаменитымъ итальянскимъ художникамъ, которые имъ восхищались. Перечислить

всѣ ремесла, къ которымъ была способна жена, нѣтъ возможности. Поправка столярная, слесарная и ювелирныхъ вещей производилась ею съ необыкновенною тщательностію и терпѣніемъ, несмотря на ея живой характеръ. Она переплетала книги, чертила планы, занималась инкрустаціей и всѣмъ, что было изобрѣтаемо для занятія свѣтскихъ женщинъ. Послѣдніе же годы она пильною машиною выпиливала рамки, доски для столовъ, жетъ-папье и пр. изъ крѣпкихъ деревьевъ и даже изъ мѣди. Вкусъ и тщательность отдѣлки обращали общее вниманіе. Она не умѣла оторваться отъ ею начатаго дѣла и заняться другимъ; такъ, принявшись за чтеніе, она читала цѣлый день; принявшись за писанье, писала съ утра до обѣда, что ее очень утомляло, особливо въ послѣднее время.

Для всѣхъ работъ и починокъ разныхъ вещей жена имѣла очень много инструментовъ и цѣлые ящики были наполнены гвоздиками, винтиками, кусочками желѣза, дерева, картона, бумаги и т. п. Все это сохранялось въ порядкѣ въ особыхъ ящикахъ. Когда эти ящики раскрывались, я шутя смѣялся надъ тѣмъ, что всѣ столь тщательно сохраняемыя вещи стоятъ менѣе гривенника, а моя племянница Э. С. Викулина называла ихъ: «les bijoux de ma tante». Жена неохотно занималась женскими рукодѣліями, но когда принималась за нихъ, то все дѣлала превосходно. Лучшія мастерицы не могли налюбоваться ея вышиваніемъ по канвѣ и многочисленными другими родами рукодѣлій.

Имѣя сильный и чистый голосъ, она своимъ пѣніемъ, особливо русскихъ пѣсенъ, восхищала всѣхъ. Она имѣла весьма вѣрный слухъ и, хотя не была сильна въ теоріи музыки, сочиняла ноты на многія пѣсни и романсы. Полюбивъ мою сестру, ея дочерей и моего брата, жена моя была душею, связывавшею всю нашу семью. При живости характера, она умѣла занимать всѣхъ ее посѣщавшихъ, въ интимномъ же кругу часто изобрѣтала разныя шалости, забавлявшія всѣхъ близкихъ.

Моя сестра, любившая ее какъ родную дочь, по обстоятельствамъ жизни была часто сумрачна, но присутствіе жены ее всегда развеселяло. Величайшія страданія передъ кончиною моей жены принудили ее въ продолженіе 6½ мѣсяцевъ не оставлять постели. Даже въ это время, въ тѣ часы, когда ея страданія нѣсколько уменьшались, она продолжала шутить, и часто ея разсказы и шутки возбуждали сильный смѣхъ въ ея комнатѣ.

Прошу прощенія у читателя, что такъ долго говорилъ о моей женѣ и что прерву хронологическій порядокъ «Моихъ воспоминаній» и здѣсь же разскажу ходъ ея болѣзни.

Послѣ отъѣзда моего изъ Каннъ въ октябрѣ 1875 года, жена сильно заболѣла и пролежала въ постели почти весь ноябрь и декабрь, что отъ меня было скрыто. Съ начала января 1876 года она почти каждый день выѣзжала и прогуливалась пѣшкомъ по окрестностямъ, но, по моемъ возвращеніи 1-го апрѣля въ Каннъ, я нашелъ ее измѣнившеюся къ худшему. По нашемъ возвращеніи въ половинѣ мая 1876 года въ Царское Село, докторъ Левенсонъ нашелъ, что болѣзнь сердца, которая побудила его послать мою жену

въ Каннъ, значительно ослабѣла, а болѣзнь, которую жена перенесла въ Каннѣ, равно какъ и продолжавшіяся страданія, приписывалъ сильному геморою.

По нашемъ переѣздѣ осенью въ Петербургъ, былъ призванъ на консультацію докторъ Боткинъ, который одобрилъ леченіе Левенсона. Между тѣмъ жена, переставшая еще въ Каннѣ ѣсть говядину и многія другія кушанья, получала совершенное отвращеніе ко всякой пищѣ и часто лежала въ постели по нѣскольку дней. Докторъ Левенсонъ, продолжая приписывать всѣ эти страданія сильному геморою, изобрѣталъ для нея разную пищу, которую самъ для нея покупалъ, но она ѣла неохотно и очень мало. Левенсонъ требовалъ, чтобы жена въ тѣ дни, когда ей нѣсколько лучше, прокатывалась въ каретѣ, что она исполняла съ большою неохотою, такъ какъ несмотря на всевозможныя удобства въ каретѣ, ей больно было сидѣть при ѣздѣ по тряской дорогѣ, и она каждый разъ возвращалась съ этихъ прогулокъ со слезами на глазахъ. Она давно страдала остановкою крови въ жилахъ, черезъ что въ нихъ образовались большіе узлы, въ которыхъ она чувствовала нестерпимыя боли. Эти узлы по нѣскольку разъ въ день растирались, на что требовалось отъ получаса до часа времени. Они образовывались въ зиму 1876—1877 годовъ и чаще и сильнѣе, такъ что страданія значительно увеличились.

Въ половинѣ апрѣля ко всѣмъ страданіямъ присоединилась еще простуда. Докторъ Боткинъ, призванный на консиліумъ, въ этотъ разъ былъ недоволенъ леченіемъ Левенсона, находя, что онъ недостаточно обращаетъ вниманія на другія страданія моей жены. Въ это же время было получено извѣстіе о смерти наиболѣе любимаго ею брата Валерія, скончавшагося въ деревнѣ на Ветлугѣ отъ рака въ печени. Съ тѣхъ поръ жена начала подозрѣвать, что и она страдаетъ отъ рака, но ея подозрѣнія были опровергаемы Левенсономъ.

23 мая 1877 года мы переѣхали въ Царское Село. День былъ теплый, и мы надѣялись, что хорошее лѣто подкрѣпитъ силы больной, которая съ любовію и знаніемъ дѣла занималась всѣмъ, касающимся до садоводства. Но наши надежды не исполнились: лѣто было очень дурное, а страданія больной съ каждымъ днемъ увеличивались. 3-го іюня я уѣхалъ въ Москву на экзамены въ Дельвиговскомъ желѣзнодорожномъ училищѣ и вернулся 13-го. Въ мое отсутствіе 12 числа былъ призванъ Царскосельскій докторъ Данчичъ, уже прежде пользовавшій мою жену, такъ какъ Левенсонъ объявилъ, что не можетъ бывать въ Царскомъ Селѣ болѣе одного раза въ недѣлю. Данчичъ заявилъ женѣ, что ему необходимо узнать причину ея страданій и слѣдовательно осмотрѣть больное мѣсто, но когда онъ до него дотронулся, боль была нестерпима, и онъ долженъ былъ прекратить изслѣдованіе. Я немедля вызвалъ Левенсона, который 14 числа съѣхался у насъ съ Данчичемъ и требованіе послѣдняго сдѣлать изслѣдованіе находилъ излишнимъ, такъ какъ болѣзнь моей жены, которую онъ лечилъ сряду 10 лѣтъ, ему вполнѣ извѣстна. Послѣ этого Данчичъ отвелъ въ

особую комнату Левенсона, который, выйдя изъ нея, сказалъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ предположенія его коллеги относительно изслѣдованія, но что оно должно быть сдѣлано подъ вліяніемъ хлороформа. Жена на это немедленно согласилась. По окончаніи изслѣдованія, Левенсонъ, выйдя ко мнѣ съ испуганнымъ лицомъ, заявилъ, что въ прямой кишкѣ образовались ракообразные наросты и что необходимо немедленно сдѣлать операцію, на которую жена согласилась, несмотря на ея разстроенную сильными продолжительными страданіями нервную систему. Операцію предположили сдѣлать 16-го іюня. По совѣту добрѣйшаго доктора Здекауэра, я полагалъ пригласить для операціи доктора Каде, къ которому и отправился 15-го утромъ. Онъ мнѣ заявилъ, что въ Маріинской больницѣ, въ которой онъ главнымъ докторомъ, 15-го каждаго мѣсяца производится ревизія суммъ, при которой бываетъ молодой Принцъ Ольденбургскій, а такъ какъ послѣдній не пріѣхалъ 15-го, то, вѣроятно, будетъ на другой день и помѣшаетъ его пріѣзду 16-го числа; въ такомъ случаѣ онъ пріѣдетъ 17-го. Такъ и случилось. Между тѣмъ жена заявила, что такъ какъ операція не могла состояться въ назначенный день, то и она на нее болѣе не согласна. Этому причиною могъ послужить мой разсказъ о томъ, что А. В. Головнинъ, въ продолженіе 15 лѣтъ страдавшій гемороемъ, излечился безъ операціи, которую ему совѣтовали разныя знаменитости, но отъ которой удержалъ его докторъ Ланге.

По желанію жены, пріѣздъ Каде и Левенсона былъ отложенъ, а приглашенъ Ланге, который пріѣхалъ 17 числа. Выслушавъ подробно описаніе болѣзни моей жены, онъ нашелъ, что дальнѣйшее леченіе должно быть основано на мѣстномъ изслѣдованіи, на каковое жена моя согласилась, но съ тѣмъ, чтобы послѣ изслѣдованія было обсуждено медиками, нужна ли операція. Левенсонъ же находилъ, что нѣтъ сомнѣнія въ необходимости операціи и что подвергать жену два раза хлороформированію, сначала для изслѣдованія, а потомъ для операціи, было бы вредно, и сверхъ сего убѣдить жену сдѣлать операцію спустя нѣсколько дней послѣ изслѣдованія было бы при ея нервномъ разстройствѣ почти невозможно.

Основываясь на этомъ мнѣніи Левенсона, положено было до послѣдней минуты говорить женѣ, что медики на первый разъ ограничатся изслѣдованіемъ, и только передъ самымъ изслѣдованіемъ заявить ей, что если медики, которые будутъ приглашены для этого, согласятся въ томъ, что операція необходима, то немедля приступятъ къ ней. Несмотря на наши увѣренія, что медики приглашаются только для изслѣдованія, жена предчувствовала, что операцію сдѣлаютъ безотлагательно, и приготовилась къ смерти. Изслѣдованіе было назначено 23 іюня въ полдень. Она причастилась наканунѣ, а 23-го утромъ написала небольшую записку, которую положивъ въ одинъ изъ стоящихъ на ея столѣ ящиковъ, сказала мнѣ, что теперь можетъ умереть спокойно. Въ этой запискѣ, которую я прочиталъ послѣ ея смерти, она прощалась со мною и просила не печалиться объ ея смерти, такъ какъ Богу лучше насъ извѣстно, когда мы должны оставить

здѣшнюю жизнь, и не покидать бѣдную Т. П. Шестакову, съ которою познакомилась въ началѣ 1877 года и которой, въ виду ея несчастнаго положенія, много помогала. О другихъ близкихъ ей бѣдныхъ она написала записку еще въ 1873 году. Эту записку, хранившуюся въ Евангеліи, которое она ежедневно читала по утрамъ, я также нашелъ послѣ ея смерти.

По моему приглашенію, 23-го іюня собрались у насъ въ Царскомъ Селѣ главный докторъ Маріинской больницы хирургъ Каде, Левенсонъ, также хирургъ, и доктора Здекауэръ, Ланге и Данчичъ. За нѣсколько часовъ до ихъ пріѣзда пріѣхала, по указанію Левенсона приглашенная мною быть при операціи, Надежда Карловна Шульцъ, сестра сенатора Ф. К. Шульца, которая окончила курсъ медицинскихъ наукъ за границею и готовилась къ экзамену для полученія диплома въ Россіи. Она привезла съ собою множество инструментовъ и другихъ вещей, могущихъ потребоваться при операціи, и разставила ихъ на столѣ, причемъ заявила, что нельзя дѣлать операціи на кровати, а что для этого нуженъ высокій столъ, который мы съ трудомъ нашли и внесли въ спальню. Удивительно, что, лечившій десять лѣтъ мою жену Левенсонъ и оказавшій намъ дружбу, во все это время не подумалъ о столѣ и вообще, какъ увидятъ ниже, съ этого времени сдѣлался невнимательнымъ къ положенію жены. Полагаю этому причиною то, что открытіе болѣзни жены сдѣлано было незначительнымъ докторомъ, и этимъ нанесенъ былъ ударъ его самолюбію до того, что онъ совсѣмъ растерялся. Всѣ вышеописанныя приготовленія къ операціи и самый пріѣздъ г-жи Шульцъ были скрыты отъ жены.

По пріѣздѣ медиковъ, Здекауэръ, весьма уважаемый моею женою, сказалъ ей, что онъ и всѣ прочіе медики находятъ необходимымъ, если операція по изслѣдованію окажется нужною, не откладывать ее до другого дня, и просилъ, чтобы въ такомъ случаѣ жена дозволила произвести ее немедля. Жена согласилась. Ей объяснили необходимость лечь для изслѣдованія не на кровать, а на приготовленный въ спальнѣ высокій столъ, къ которому для входа на него подставлены были ступеньки. Она, уже нѣсколько лѣтъ по болѣзни ногъ не ходившая по лѣстницамъ, поднялась къ столу по ступенькамъ и легла на немъ при незначительной помощи бывшихъ въ комнатѣ лицъ. То, что она чувствовала въ это время, она унесла съ собою въ могилу; я же до сего времени не могу вспомнить объ этомъ безъ слезъ. Приступили къ хлороформированію, и потомъ докторъ Каде сдѣлалъ изслѣдованіе, которое показало, что наросты въ прямой кишкѣ очень значительны.

Показавъ всѣмъ присутствовавшимъ медикамъ состояніе наростовъ, онъ, съ ихъ согласія, приступилъ къ операціи, продолжавшейся три четверти часа. Въ это время другіе доктора держали жену, чтобы она не могла шевелиться, а Здекауэръ наблюдалъ за пульсомъ, который отъ дѣйствія хлороформа такъ ослабѣлъ, что Здекауэръ нѣсколько разъ говорилъ о необходимости прекратить операцію, но Каде продолжалъ свое дѣло и, какъ отзывались медики, исполнилъ его отлично. Первое время жена отъ боли

при изслѣдованіи и при операціи, несмотря на хлороформированіе, кричала, чтобы ее оставили въ покоѣ, но потомъ замолчала и по окончаніи операціи, о которой впослѣдствіи ничего не помнила, казалась мертвою и съ трудомъ была приведена въ чувство.

Во время операціи нашли нужнымъ открыть окно въ спальнѣ. День былъ холодный, и жену, уже нѣсколько простуженную, еще болѣе простудили. Жена была очень тяжела и потому перенесеніе ея съ операціоннаго стола на кровать было весьма трудно. Левенсонъ хотѣлъ немедля послѣ операціи уѣхать вмѣстѣ съ другими докторами, поручивъ вынуть положенный въ рану томпонъ Надеждѣ Карловнѣ Шульцъ, которая этого еще никогда не дѣлала. Я и жившая у насъ М. Ф. Смитъ рѣшительно потребовали, чтобы онъ остался до вечера. Жена казалась близкою къ смерти, признаки жизни состояли въ безпрерывномъ страшномъ простудномъ хрипѣньѣ и въ крикѣ отъ боли въ жилахъ. Она требовала, чтобы ее переворачивали каждые полчаса, чему противилась г-жа Шульцъ, опасаясь, что при сильныхъ движеніяхъ будетъ изъ раны сильное кровотеченіе. Поворачивали жену г-жа Шульцъ, М. Ф. Смитъ, горничная жены и я, такъ что мы всю ночь не спали. Левенсонъ не позаботился о присылкѣ сидѣлки, несмотря на мою просьбу.

На другой день я ѣздилъ въ Петербургъ и привезъ сидѣлку изъ Маріинской больницы, которую отпустила моя знакомая надзирательница въ этой больницѣ Анна Александровна Максимова. Но одной сидѣлкой нельзя было ограничиться. Пока по моей просьбѣ Максимова отыскала вторую сидѣлку, Данчичъ прислалъ женщину изъ Царскосельскаго госпиталя. Когда жена почувствовала облегченіе, она дала второй сидѣлкѣ прозваніе «гусара». Послѣ оказалось, что сидѣлка была вдова гусарскаго унтеръ-офицера.

Г-жа Шульцъ, которая, основываясь на непонятномъ мнѣ увѣреніи Левенсона, что она приглашается только для присутствованія при операціи, осталась при больной собственно по убѣжденію доктора Каде. Она ничего не имѣла съ собою, даже перемѣны бѣлья. Три дня спустя послѣ операціи, она хотѣла уѣхать къ своему брату; я упросилъ ее остаться, и она согласилась неохотно.

Въ первую недѣлю положеніе больной не измѣнялось: страшныя боли въ жилахъ отъ лежанія на одномъ боку, равно при ея переворачиваніи, такія же боли въ ранѣ, произведенной операціею, въ особенности при кашлѣ, образовавшемся отъ простуды, и постоянный хрипъ продолжали служить единственными признаками жизни больной, которая, за исключеніемъ нѣсколькихъ ложекъ простокваши, ничего не ѣла. Въ эту недѣлю пріѣзжали черезъ день доктора Каде и Левенсонъ и каждый день Здекауэръ и Данчичъ; послѣдній по два раза въ день. Несмотря на вышеописанное состояніе больной, Левенсонъ, спустя два дня послѣ операціи, насильно посадилъ ее въ кровать, но она была такъ слаба, что казалась мертвою, и онъ, испугавшись, поспѣшилъ ее уложить.

Здекауэръ настаивалъ на перемѣнѣ комнаты для больной и на вывозѣ ея въ садъ. Для этого 2-го іюля она была посажена на кресло-самокатъ. Больная не могла опереться на спинку кресла, а впереди она ничѣмъ не была ограждена и потому постоянно опасалась выпасть изъ кресла. Ее почти мертвую поспѣшили уложить въ кровать. Между тѣмъ въ тотъ же день были придѣланы маленькія колесики къ другой кровати, чтобы на ней перевозить больную въ садъ по доскамъ, положеннымъ на его дорожкахъ, но послѣ страшнаго катанья въ креслахъ, мы не рѣшились на эту перевозку. Здекауэръ 3 іюля, найдя больную въ той же спальнѣ, потребовалъ немедленной перекладки ея на кровать съ колесиками и перевозки въ садъ и исполнилъ это, несмотря на настойчивый протестъ М. Ф. Смитъ, которая кричала, что Здекауэръ полагаетъ это возможнымъ потому, что не видалъ бывшей наканунѣ перевозки въ креслѣ, и что она не дастъ уморить больную. Больную изъ сада перевезли не въ спальню, а въ ея кабинетъ, который былъ удобнѣе, и она въ немъ пролежала болѣе полутора мѣсяца до нашего переѣзда въ Петербургъ. Свѣжій воздухъ видимо облегчилъ состояніе больной, но она, по причинѣ почти постоянно дурной и холодной погоды, не могла имъ часто пользоваться. Во избѣжаніе перевозки больной по доскамъ въ саду, вскорѣ была приготовлена для нея кровать на большихъ чугунныхъ колесахъ съ механическимъ устройствомъ, посредствомъ котораго кровать становилась при перевозкѣ на эти колеса, а въ остальное время, чтобы кровать не двигалась, колеса поднимались, и она становилась на свои ножки. Эти перемѣны были нечувствительны для больной *). Въ креслѣ-самокатѣ, чтобы оно могло стоять безъ движенія, также былъ устроенъ тормазъ. Оба эти, очень хорошо придуманныя, устройства были исполнены на Путиловскомъ заводѣ. Кровать для больной была очень полезна, а кресломъ она почти вовсе не пользовалась.

Каде, бывшій у насъ въ послѣдній разъ 6-го іюля передъ отъѣздомъ въ Дунайскую армію, и Левенсонъ обращали особое вниманіе на рану, произведенную операціею, а такъ какъ она заживала, то каждый разъ по осмотрѣ говорили «ganz brillant». Больная 6-го іюля въ первый разъ улыбнулась, сказавъ, что она постоянно слышитъ отъ докторовъ это слово, но не можетъ подняться съ постели, мало ѣстъ, сильно страдаетъ отъ болей, которыя при запорѣ дѣлаются невыносимыми. Доктора надѣялись, что съ возвращеніемъ силъ все это пройдетъ. 9-го іюля я привезъ изъ Петербурга разныя вещицы. Больная съ любопытствомъ ихъ разсматривала и показывала Здекауэру, который впослѣдствіи, своими длинными разсказами и въ особенности стукомъ сапоговъ при постоянномъ хожденіи

*) Лейбъ-медикъ С. П. Боткинъ совѣтовалъ, въ послѣднюю болѣзнь Императрицы Маріи Александровны, положить ее на упомянутую кровать, которую я лично доставилъ въ гостиную Императрицы. По образцу этой кровати сдѣлали новую, на которой Государыня 22 мая 1880 г. скончалась, такъ что пользовалась ею только недѣли двѣ. Государыня была очень довольна кроватью и приказала меня за нее благодарить. (Писано въ ноябрѣ 1882 г.)

во время своихъ посѣщеній, раздражалъ больную до того, что она при входѣ его въ комнату часто притворялась спящею. Онъ это замѣчалъ, но по добротѣ продолжалъ свои ежедневныя посѣщенія.

Здекауэръ ничего не прописывалъ; только одинъ Данчичъ принималъ мѣры къ утоленію по возможности внезапно случавшихся нестерпимыхъ страданій отъ запоровъ, рвоты и застоя крови въ жилахъ, вслѣдствіе долгаго лежанія на одномъ боку. Силы больной, хотя медленно, но возстановлялись. Она не хотѣла видѣть никого кромѣ меня, М. Ф. Смитъ и Н. К. Шульцъ. Въ нашемъ домѣ жили сестра М. Ф. Смитъ, М. Ф. Нейтъ, ея двѣ дочери, Т. П. Шестакова съ сыномъ и моя племянница, воспитанница Смольнаго монастыря Ольга Дельвигъ; всѣ онѣ прятались, когда больную перевозили въ садъ.

Въ Царскомъ Селѣ жила внука моей сестры О. М. Викулина. 15 іюля пріѣхала ея мать В. С. Засѣцкая съ сыномъ. Моя жена ихъ очень любила, но ихъ къ себѣ не допускала, равно какъ и часто насъ посѣщавшую ея друга Р. И. Посьетъ.

Левенсонъ, видя улучшеніе въ положеніи больной, началъ ѣздить по два раза и даже по разу въ недѣлю и 21-го іюля потребовалъ, чтобы было предложено женѣ видѣться, хотя на короткое время, съ ея близкими. Объ этомъ уже неоднократно говорено было женѣ, но она всегда съ неудовольствіемъ отказывала, такъ что я не рѣшился въ этотъ день повторить мое предложеніе. На другой же день больная сама изъявила желаніе видѣть мою племянницу Ольгу Дельвигъ, сына Шестаковой, Засѣцкую и Р. И. Посьетъ. Вскорѣ пріѣхали изъ-за границы сестра съ дочерью Эмиліею, которыя бывали у насъ довольно часто.

Въ половинѣ іюля Н. К. Шульцъ заявила мнѣ, что не можетъ долѣе оставаться, вслѣдствіе утомленія и необходимости приготовляться къ докторскому экзамену. Кромѣ этихъ причинъ, ее побуждало, вѣроятно, къ оставленію больной неуживчивый характеръ М. Ф. Смитъ, желавшей играть первую роль въ домѣ, и видимое нерасположеніе больной, которая находила пріемы г-жи Шульцъ, при вспрыскиваніяхъ и т. п. дѣйствіяхъ, крайне рѣзкими и которая вообще не любила рыжихъ, въ особенности потому, что жена ея брата Валерія, нигилистка, надѣлавшая много непріятностей своему мужу, имѣла рыжіе волосы. Я упросилъ г-жу Шульцъ остаться до пріисканія дамы, которая могла бы замѣнить ее, что представляло большія затрудненія. Левенсонъ обѣщалъ немедля прислать хорошую фельдшерицу, но никого не нашелъ. Мои поиски были также тщетны. Наконецъ докторъ Данчичъ обѣщался прислать свою свояченицу Ольгу Карловну Эхваль, недавно кончившую курсъ акушерки. Она поступила къ намъ 21 іюля, но не прошло недѣли, какъ и она, недовольная тѣмъ, что доктора въ распросахъ о больной сбращались преимущественно къ М. Ф. Смитъ, уѣхала къ матери и возвратилась только по убѣжденію Данчича. Ея ссоры съ г-жею Смитъ, по горячности послѣдней, продолжались и впослѣдствіи, и я постоянно опасался остаться безъ фельдшерицы, въ которой

женя моя нуждалась. Остановить же крики г-жи Смитъ было невозможно: послѣ перваго моего замѣчанія, она оставила бы нашъ домъ, присутствіе же женщины, близкой къ моей тяжко больной женѣ, было необходимо.

Жена въ концѣ іюля получила отвращеніе отъ пищи, ее стало чаще тошнить, и разныя страданія увеличились. Левенсонъ, постоянно говорившій о ходѣ болѣзни «ganz brillant», ощупывая печень жены, перемѣнился въ лицѣ и хотя ничего не сказалъ, но я догадался, что онъ былъ весьма недоволенъ найденнымъ имъ въ печени. Потерявъ надежду вылечить жену, онъ, несмотря на мои приглашенія, не пріѣзжалъ болѣе недѣли. Между тѣмъ, положеніе больной съ каждымъ днемъ ухудшалось. Она потеряла довѣріе къ Здекауэру и Данчичу, и я просилъ доктора Ланге, который еженедѣльно посѣщалъ въ Царскомъ Селѣ А. В. Головнина, бывать въ то же время и у насъ.

Ланге былъ 5 августа, но ничего новаго не нашелъ. 8-го числа, когда я пришелъ проститься съ женою передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, она сказала мнѣ, что Левенсонъ пересталъ ѣздить, что Ланге, которому она мало довѣряетъ, также можетъ бывать въ Царскомъ Селѣ только разъ въ недѣлю, что помощи отъ Здекауэра и Данчича она не ждетъ и потому она останется безъ медицинской помощи. Отложивъ свою поѣздку, я освѣдомился въ полиціи о живущихъ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ докторахъ и, найдя между ними Кошлакова, извѣстнаго спеціалиста по внутреннимъ болѣзнямъ, пригласилъ его. Онъ обѣщался быть въ тотъ же день вечеромъ. Я поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы убѣдить Левенсона быть у насъ къ тому же времени, но онъ, несмотря на данное обѣщаніе, не пріѣхалъ.

Кошлаковъ и Левенсонъ встрѣтились у насъ 10 іюля и долго спорили. Левенсонъ утверждалъ, что у больной ракъ въ печени; Кошлаковъ, который два раза ее подробно осматривалъ, не находилъ никакихъ признаковъ. Однако на всякій случай былъ прописанъ настой изъ американской травы кондуранго, который жена принимала по двѣ ложки почти постоянно, до самой ея кончины. Левенсонъ впослѣдствіи, когда женѣ дѣлалось лучше, полагалъ, что, продолжая принимать это лекарство, больная можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ. Кошлаковъ, вѣроятно, убѣдившись въ третій свой пріѣздъ, что Левенсонъ не ошибается, отказался отъ дальнѣйшихъ посѣщеній.

Жена въ это время начала говорить несвязно, что продолжалось до конца сентября. Убѣжденная, что одинъ Левенсонъ можетъ помочь ей, она заявила непремѣнное желаніе переѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ могъ бы ее видѣть ежедневно. Я также находилъ необходимымъ переѣхать въ Петербургъ: наступало холодное время, жить зимою въ нашемъ Царскосельскомъ домѣ невозможно; наемъ же теплаго дома въ Царскомъ Селѣ, для перенесенія въ него больной, совершенно убилъ бы ее морально. Необходимо было найти экипажъ для возможно удобной перевозки больной въ Петербургъ. Для этого я объѣхалъ всѣ больницы, но не нашелъ ничего подходящаго. Предлагали для перевозки полковую фуру, но, не говоря

о неудобствѣ этихъ фуръ, больная ни за что не согласилась бы ѣхать въ подобномъ экипажѣ, одинъ видъ котораго произвелъ бы на нее дурное впечатлѣніе. Я рѣшился перевезти ее въ ландо, но ни одинъ изъ многихъ каретниковъ, у которыхъ я перебывалъ, не согласился дать ландо внаймы. Тогда я рѣшился обратиться къ оберъ-шталмейстеру генералъ-адъютанту князю Владиміру Дмитріевичу Голицыну съ просьбою дать мнѣ ландо изъ числа придворныхъ.

Онъ жилъ въ это время въ Петергофѣ. Я поѣхалъ къ нему 13 августа, но, не заставъ его, въ тотъ же день былъ у него на его Петербургской квартирѣ. Князь немедля согласился дать придворный экипажъ и именно четырехмѣстную карету, увѣряя, что нѣтъ придворныхъ ландо, исключая употребляемыхъ лицами Императорской фамиліи. Я же предпочиталъ ландо, полагая его раскрыть передъ внесеніемъ въ него больной, а потомъ закрыть и снова раскрыть при вынутіи ея изъ него.

14 августа я былъ у пріѣхавшаго въ этотъ день въ Царское Село унтеръ-шталмейстера, который очень любезно заявилъ мнѣ, что на-дняхъ, по случаю ожидаемаго переѣзда Высочайшаго Двора въ Царское Село, прибудутъ нѣсколько придворныхъ ландо, и что тогда онъ предоставитъ мнѣ выбрать экипажъ по моему усмотрѣнію. Экипажъ, въ которомъ возятъ придворныхъ пѣвчихъ, показался мнѣ, въ виду его длины, наиболѣе удобнымъ для перевозки больной. Я обратился къ Н. И. Путилову, прося его сдѣлать прочную платформу, съ прибитыми къ ней складными ручками. На платформу долженъ былъ быть положенъ толстый волосяной матрацъ и на него больная. Впослѣдствіи замѣтя, что экипажъ для пѣвчихъ имѣетъ дверь только съ одной стороны, такъ что внесшіе въ него больную принуждены будутъ остаться въ немъ, во все время переѣзда изъ Царскаго Села въ Петербургъ, и что сверхъ того, по узкости экипажа, нельзя никому сидѣть около больной, я обратился снова къ мысли перевезти ее въ ландо.

Внутренняя длина обыкновенныхъ ландо равняется только двумъ аршинамъ, вслѣдствіе чего я приказалъ укоротить платформу и матрацъ до этого размѣра, хотя и находилъ его слишкомъ малымъ. Примѣривая платформу въ ландо, я нашелъ, что она въ немъ помѣщается съ большими затрудненіями, которыхъ нельзя будетъ преодолѣть, когда больную, лежащую на платформѣ, будутъ вносить въ ландо. Это заставило меня уменьшить длину платформы еще на ¼ ар., причемъ я терялъ надежду, чтобы можно было на такой короткой платформѣ уложить больную и перенести ее до экипажа. Необходимо было добыть опытныхъ переносчиковъ, я обратился съ просьбою дать мнѣ санитаровъ изъ Семеновскаго полка, которому въ день, предположенный для перевозки больной, неожиданно былъ назначенъ смотръ, но, по настоянію полкового адъютанта Н. И. Викулина, женатаго на внукѣ моей сестры, санитары прибыли въ Царское Село.

Нѣсколько ступеней крыльца, устроеннаго при входѣ съ улицы въ нашъ Царскосельскій домъ, были покрыты горизонтальнымъ поломъ, для большаго удобства подъема въ ландо платформы съ лежащею на ней боль-

ною. Съ тою же цѣлью при входной двери дома, въ которомъ мы жили въ Петербургѣ, была изготовлена платформа изъ нѣсколькихъ ступеней.

Въ половинѣ августа погода сдѣлалась еще холоднѣе и вообще хуже. Откладывать переѣздъ въ Петербургъ было невозможно, тѣмъ болѣе, что больная безпрестанно повторяла: «Домой, домой», выражая этимъ желаніе переѣхать на Петербургскую квартиру. Между тѣмъ ея положеніе ухудшалось, и въ особенности было дурно въ день, назначенный для переѣзда. Имѣя мало надежды, чтобы больная согласилась лечь на платформу длиною въ $1^3/_4$ ар., я обдумалъ уже новые способы для ея перевозки. Но желаніе больной переѣхать въ Петербургъ было такъ велико, что она, недолго сопротивлялась, дала себя положить на платформу. Для избѣжанія движенія больной, одѣяло, которымъ она была покрыта, было пришито къ матрацу, положенному на платформу.

Санитары безъ всякаго шума и разговора, взявшись за ручки платформы, вынесли больную изъ дома и положили въ раскрытое ландо, которое немедля было закрыто. Больная была такъ довольна переносившими ее санитарами, что, по пріѣздѣ на станцію въ С.-Петербургъ, просила меня заказать ихъ фотографическія карточки. Черезъ нѣсколько дней получена была фотографическая группа этихъ санитаровъ, которую жена повѣсила подлѣ своей кровати. Въ ландо съ больною сѣли М. Ф. Смитъ и О. К. Эхваль. При нашемъ выѣздѣ изъ Царскаго Села были доктора Левенсонъ и Данчичъ, изъ которыхъ первый вернулся съ нами въ Петербургъ въ экстренномъ поѣздѣ, заблаговременно мною приготовленномъ для перевозки больной. Переѣздъ ея шагомъ отъ Царскаго Села до станціи былъ для нея очень труденъ, но послѣ того, какъ Левенсонъ удобнѣе уложилъ ее въ ландо, она очень легко выдержала переѣзды по жел. дорогѣ и отъ Петербургской станціи до нашей квартиры, несмотря на то, что, по совѣту Левенсона, ѣхали довольно скоро по Петербургской мостовой.

Левенсонъ уѣхалъ со станціи, сказавъ, что будетъ на нашей квартирѣ ранѣе насъ, но заставилъ себя ждать нѣсколько часовъ. Его отсутствіе очень безпокоило больную. На станціи въ Петербургѣ насъ встрѣтила Р. И. Посьетъ, которая удивлялась хорошему расположенію духа страдающей. По пріѣздѣ на нашу квартиру, санитары весьма осторожно вынули платформу съ больною изъ ландо и также пронесли по не совсѣмъ удобной лѣстницѣ. Они все время поддерживали платформу въ совершенно горизонтальномъ положеніи.

Нашъ переѣздъ былъ вполнѣ удаченъ, погода была пасмурная, но довольно теплая. Вскорѣ по нашемъ пріѣздѣ пошелъ дождь и сдѣлалось холоднѣе. На нашей квартирѣ насъ встрѣтили моя сестра и ея дочь Эмилія, которая съ этого времени почти ежедневно, часовъ по семи, проводила при больной. Переѣзду ихъ на нашу квартиру, для безпрерывнаго хожденія за больной, препятствовало ихъ нерасположеніе къ М. Ф. Смитъ. Ея ежедневные крики и дурной характеръ онѣ переносили изъ угожденія любившей ее моей женѣ, которая во время своей болѣзни также теряла терпѣ-

ніе и постоянно жаловалась мнѣ и моей сестрѣ на то, что М. Ф. Смитъ кричитъ на нее. Однажды, услыхавъ крики М. Ф. Смитъ на меня, она сказала сестрѣ, что, терпѣливо выслушивая къ ней обращенные крики Маргариты Францовны, она не можетъ терпѣть, чтобы кричали на ея «золотого»: такъ она называла меня въ продолженіе всей своей болѣзни. Жена нѣсколько разъ просила меня дать г-жѣ Смитъ денегъ для жизни и выслать ее изъ дома.

Я уже объяснилъ причину, по которой считалъ ея присутствіе при больной необходимымъ: я не желалъ, чтобы постоянно болѣзненныя сестра и племянница замѣнили ее при больной, опасаясь ухудшенія черезъ это ихъ здоровья. Пробывъ 6 или 7 часовъ при больной, онѣ видимо утомлялись. Сверхъ того, нерасположеніе жены къ Маргаритѣ Францовнѣ я приписывалъ болѣзненному ея разстройству, чему однакоже противорѣчитъ то, что въ октябрѣ, когда жена снова вполнѣ владѣла своими умственными способностями и вообще здоровье ея улучшилось, такъ что, лежа въ постели, могла писать, она написала длинное письмо къ моей теткѣ, игуменьѣ Вознесенскаго монастыря, съ жалобою на Маргариту Францовну и прося совѣта о томъ, удалять ли ее отъ себя.

Отвѣтъ былъ весьма умный, но уклончивый. Маргарита Францовна съ своей стороны постоянно жаловалась мнѣ на утомленіе и заявляла желаніе бѣжать отъ больной.

Всѣхъ, посѣщавшихъ жену, она называла «миленькими», которыя проведутъ съ больною, угождая ей, нѣсколько часовъ, къ чему добавляла, что они не понимаютъ ея страданій отъ постояннаго нахожденія при больной. «Миленькими» она называла преимущественно мою сестру и племянницу; она и при послѣдней позволяла себѣ это выраженіе во время нашихъ обѣдовъ, на которыхъ сестра не присутствовала, обѣдая постоянно въ комнатѣ больной. Нечего говорить, до какой степени все описанное раздражало мои, и безъ того уже сильно разстроенные, нервы. Тѣ дни, въ которые сестра и ея дочь не бывали у насъ, были для меня невыносимы, и я каждый день приглашалъ ихъ пріѣзжать, съ цѣлью собственнаго успокоенія, чего не слѣдовало бы мнѣ дѣлать въ виду ихъ болѣзненнаго состоянія. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ къ сестрѣ отъ 16 декабря, за три дня до ея кончины, я жаловался на свою горькую судьбу, которой онѣ, по ихъ болѣзненному положенію, не могутъ облегчить. Въ этотъ день была у насъ племянница, но сестра уже не могла пріѣхать.

По пріѣздѣ нашемъ изъ Царскаго Села, надо было снова хлопотать о сидѣлкахъ при женѣ, что было всегда сопряжено съ большими хлопотами. На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, одна изъ сидѣлокъ, рекомендованная выше упомянутою А. А. Максимовою для услуги по ночамъ, умѣла угождать больной и не покинула ее до ея кончины.

Видя, что Левенсонъ, считая жену безнадежною, мало ею занимался, я предложилъ ему позвать медиковъ на консиліумъ. Онъ отвѣчалъ, что, по неопредѣленности и сложности болѣзни жены, онъ самъ хотѣлъ пред-

ложить для осмотра больной привезти главнаго доктора Обуховской больницы Германа, что и исполнилъ 23-го августа.

Германъ, по осмотрѣ больной, сказалъ, что ничего въ первый разъ опредѣлить не можетъ. Пріѣхавъ 3-го сентября, онъ повторялъ слова Левенсона о трудности опредѣленія болѣзни печени и о сложности болѣзней жены, причемъ ничего не прописалъ, а полагалъ нужнымъ на всякій случай продолжать принимать кондуранго. Главнымъ питаніемъ больной до самой ея кончины было парное молоко, которымъ она, по переѣздѣ въ Петербургъ, замѣнила надоѣвшую ей простоквашу. Левенсонъ же дозволялъ ей всякую пищу, между прочимъ, щи, соленые огурцы и т. п.

8-го сентября послѣ обѣда больной сдѣлалось такъ дурно, что можно было ожидать ея немедленной кончины. Левенсонъ, за которымъ было послано, не переѣзжалъ еще съ дачи, и потому я пригласилъ пріѣхать доктора Ланге. Принятыми имъ мѣрами страданія больной нѣсколько унялись. Онъ жилъ отъ насъ довольно близко, а Левенсонъ далеко, и потому я пригласилъ его ѣздить къ больной ежедневно съ тѣмъ, что Левенсонъ будетъ у насъ встрѣчаться съ нимъ черезъ день. На это оба доктора изъявили согласіе. Сверхъ того больную по временамъ посѣщали доктора Здекауэръ и Данчичъ.

Другъ дѣтства моей жены, А. Н. Шубина, въ началѣ 1877 года пригласила священника Георгіевской общины для причащенія моей жены. Этотъ священникъ ей очень понравился, и она снова черезъ ту же Шубину просила его пріѣхать, что онъ и исполнилъ 12 сентября. Несмотря на то, что въ этотъ день собралось много лицъ около больной, она провела его довольно спокойно и говорила менѣе безсвязнаго, чѣмъ въ прежніе дни. Въ тотъ же вечеръ она мнѣ объявила, что не можетъ болѣе лечиться у Левенсона, потому что онъ жидъ, а наша церковь запрещаетъ пользоваться совѣтами врачей-евреевъ. Я заявилъ сомнѣніе, чтобы подобное церковное правило существовало, на что она мнѣ отвѣтила, что сама прочла его, по указанію вышеупомянутаго священника, въ книгѣ, которую священникъ имѣлъ при себѣ во время исповѣди. Я обратился съ письмомъ къ священнику, въ которомъ просилъ его указать мнѣ, какое именно мѣсто и въ какой книгѣ онъ показывалъ моей женѣ. Онъ отвѣчалъ, что онъ показывалъ малый Требникъ, въ которомъ напечатано правило шестого вселенскаго собора, иже въ Труллѣ, слѣдующаго содержанія: «Аще кто въ болѣзни дерзнетъ призвати евреина-врача и отъ него врачуется, аще убо священникъ есть, да извержется, мірскій же да отлучится».

Я немедля купилъ Требникъ, въ которомъ дѣйствительно нашелъ означенное правило. Мнѣ осталось неизвѣстнымъ, по чьей иниціативѣ произошелъ разговоръ объ евреѣ-врачѣ. Я надѣялся, что жена не будетъ настаивать на удаленіи Левенсона, а потому не сдѣлалъ никакого распоряженія о недопущеніи его къ больной. Онъ былъ у нея въ мое отсутствіе, и она съ нимъ почти не говорила, а по моемъ приходѣ рѣшительно требовала, чтобы Левенсона не допускали въ ея комнату.

Въ этотъ же день былъ у моей жены докторъ Здекауэръ, нѣсколько времени ее не видавшій. Пробывъ съ нею около получаса, Здекауэръ былъ испуганъ ея несвязными разговорами обо всемъ и въ особенности о религіи, вслѣдствіе чего онъ требовалъ немедленнаго призыва доктора Балинскаго или другого врача душевныхъ болѣзней, не ожидая согласія на это врачей, пользовавшихъ мою жену. 14-го сентября утромъ я поѣхалъ къ Левенсону, которому передалъ о нежеланіи жены долѣе лечиться у него и требованіе Здекауэра пригласить немедля Балинскаго. Левенсонъ былъ очень оскорбленъ отказомъ жены и выписалъ изъ принесеннаго мною Требника вышеупомянутое правило, о которомъ онъ никогда не слыхалъ. Онъ согласился на мою просьбу пріѣзжать по два раза въ недѣлю ко мнѣ для совѣщанія съ пользующимъ жену докторомъ, но не исполнилъ этого обѣщанія. Впрочемъ, онъ не отказывался пріѣзжать въ тѣ дни, въ которые получалъ отъ меня приглашенія. Его посѣщенія были тщательно скрываемы отъ жены. Онъ согласился быть при Балинскомъ, приглашеніе котораго къ женѣ онъ находилъ безполезнымъ. Я отправился за Балинскимъ въ медико-хирургическую академію, въ которой по календарямъ значилось его жительство, но оттуда меня послали въ занимаемую имъ квартиру на Фурштадской, гдѣ я, не заставъ его, оставилъ записку съ моимъ приглашеніемъ.

15-го сентября утромъ посланный мною принесъ мнѣ отвѣтъ, что Балинскій будетъ у меня въ этотъ день вечеромъ. Я поспѣшилъ пригласить Левенсона для объясненія хода болѣзни, а такъ какъ онъ не могъ войти къ женѣ, то пригласилъ и бывшаго уже у жены доктора Германа. По полученіи разъясненій отъ Левенсона, Балинскій, согласившійся называться профессоромъ Ивановымъ, вмѣстѣ съ Германомъ вошелъ къ женѣ, которая, увидавъ его, спросила съ недовольнымъ выраженіемъ, кто онъ и зачѣмъ его привели, хотя объ его приходѣ она была предупреждена. Во время разспросовъ Германа у жены объ ея болѣзни, Балинскій пристально смотрѣлъ на жену и, продолжая также смотрѣть, далъ ей нѣсколько вопросовъ. Мнѣ казалось, что его взглядъ могъ испугать больную. Вернувшись въ мой кабинетъ, Балинскій заявилъ, что въ женѣ нѣтъ признаковъ душевной болѣзни, что несвязность въ ея разговорахъ происходитъ отъ анеміи мозга, которая можетъ скоро пройти. Это дѣйствительно и случилось черезъ недѣлю. Балинскій добавилъ, что больная не требуетъ его наблюденія и одобрилъ прописанное ей средство: пріемъ кондуранго.

Еще во время леченія Левенсона, больная, я и всѣ ея близкіе желали пригласить, за отсутствіемъ Боткина, одного изъ наиболѣе извѣстныхъ Петербургскихъ врачей. Жена желала, чтобы онъ непремѣнно былъ вполнѣ русскій и предпочитала доктора Бѣлоголоваго, къ которому я нѣсколько разъ заѣзжалъ, но онъ былъ за границею. Съ увольненіемъ Левенсона, желаніе посовѣтоваться съ знаменитостію еще усилилось. Я пригласилъ доктора Головина, который въ это время, за отсутствіемъ Боткина, лечилъ Императрицу и потому ночевалъ въ Царскомъ Селѣ. Онъ былъ въ первый разъ у жены 21-го сентября. Выслушавъ въ моемъ кабинетѣ объясненіе

Левенсона о болѣзни жены и сдѣланной операціи, осмотрѣвъ и разспросивъ ее, онъ не нашелъ достаточныхъ признаковъ рака въ печени, одобрилъ однакоже принятіе, на всякій случай, кондуранго и потребовалъ, чтобы спринцованіе не зажившей еще послѣ операціи раны производилось не менѣе двухъ разъ въ день, тогда какъ оно, какъ весьма непріятное для больной, было уже болѣе мѣсяца отмѣнено Левенсономъ.

Въ продолженіе полутора мѣсяца Головинъ бывалъ не менѣе раза въ недѣлю. Находя каждый разъ улучшеніе въ положеніи больной, онъ ничего новаго не давалъ, а мы это улучшеніе приписывали, между прочимъ, возобновленному спринцованію раны. Только раза два въ продолженіе означеннаго времени жена чувствовала себя хуже, и я привозилъ Головина къ больной прямо съ Петербургской станціи Царскосельской желѣзной дороги, на которую каждое утро онъ пріѣзжалъ изъ Царскаго Села. Онъ былъ у больной въ послѣдній разъ 31-го октября. Въ началѣ ноября онъ уѣхалъ въ Болгарію къ Государю для смѣны заболѣвшаго Боткина.

Бывшая при женѣ фельдшерица О. К. Эхваль въ первой половинѣ сентября заявила, что она, вслѣдствіе утомленія, не можетъ оставаться долѣе при больной, и 15 числа этого мѣсяца, въ день посѣщенія жены Балинскимъ, сама такъ заболѣла, что необходимо было ее отпустить. Левенсонъ обѣщался взамѣнъ ея пригласить на другой день утромъ искусную акушерку изъ Маріинской больницы, но такъ какъ она не пріѣзжала, то я 16-го сентября отправился искать новую фельдшерицу для жены. Поиски мои были тщетны. Вышеупомянутая надзирательница Маріинской больницы А. А. Максимова сказала, что нужной мнѣ акушерки въ этой больницѣ она не знаетъ, и что Левенсонъ при свиданіи съ нею объ этомъ ничего не говорилъ. Однакоже вечеромъ пріѣхала, присланная Левенсономъ изъ Маріинской больницы, молодая, очень красивая женщина, которая сказала, что, служа въ больницѣ и имѣя большую практику, она не можетъ быть постоянно при больной, а предложила свою сестру, которая служитъ телеграфисткой на Одесской жел. дорогѣ и можетъ пріѣхать черезъ три дня въ Петербургъ. Не получивъ на это нашего согласія, она предложила другую, бывшую въ Маріинской больницѣ, фельдшерицу, которую привезла въ тотъ же вечеръ.

Послѣдняя, по выходѣ изъ больницы, поступила въ модный магазинъ, который могла оставить только по уплатѣ 30 руб. Эти деньги были ей мною выданы немедленно, и она на другой день переѣхала къ намъ. Оказалось, что она никогда за больными не ходила и не имѣла къ этому ни желанія, ни способности, а была въ Маріинской больницѣ для собственнаго излеченія, такъ что ее пришлось отпустить черезъ день и выданные ей 30 руб., конечно, остались у нея. Она была нанята за 50 руб. въ мѣсяцъ, но, считая полученные ею 30 руб. задаткомъ, который, по ея мнѣнію, всегда равняется половинѣ мѣсячной платы, она требовала доплатить еще 30 рублей.

Оставить жену безъ фельдшерицы было невозможно тѣмъ болѣе, что съ начала сентября она рѣшительно не дозволяла своей горничной вхо-

дить въ ея комнату и требовала ея увольненія, а затѣмъ, для ухода за больной, оставались только М. Ф. Смитъ, помощница горничной 15-лѣтняя дѣвочка и ночная сидѣлка. Внезапное нерасположеніе больной къ горничной я приписываю тому, что горничная по ночамъ позволяла себѣ при ней говорить съ О. К. Эхваль, что больная сошла съ ума. По утрамъ больная мнѣ говаривала, что она мнѣ одному повѣритъ, когда я скажу, что она сумасшедшая.

О. К. Эхваль не только при мнѣ, но и при постороннихъ утверждала, что больная сошла съ ума. Больная къ ней, за недѣлю до ея ухода отъ насъ, также потеряла расположеніе. Въ надеждѣ, что больная согласится оставить при себѣ прежнюю горничную, я ее продержалъ двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ отыскивалъ новую горничную, но никто не хотѣлъ поступить въ услуженіе больной. Одна, очень хорошо рекомендованная, женщина осталась при ней всего одинъ день. Узнавъ, что Царскосельская сидѣлка, которую жена звала «гусаромъ», желала бы снова поступить къ больной, я выписалъ ее, но она въ этотъ разъ служила гораздо хуже: отъ нея часто пахло виномъ, чего больная не могла переносить, и она, пробывъ у насъ двѣ недѣли, была отпущена въ половинѣ октября.

Два дня спустя послѣ перваго посѣщенія доктора Головина, который потребовалъ спринцованія раны, больная, не любившая этой операціи, просила пригласить къ ней хирурга, въ надеждѣ, что онъ отмѣнитъ спринцованіе. Профессоръ Склифасовскій былъ въ Дунайской арміи. Я ѣздилъ пригласить Богдановскаго, но и онъ уѣхалъ въ армію. Тогда я обратился къ доктору Барчу, который былъ въ первый разъ у больной 29 сентября. Своими манерами и разсказами онъ очень понравился больной, хотя въ каждый пріѣздъ дѣлалъ изслѣдованіе пальцемъ въ ранѣ и требовалъ ея спринцованія. Онъ объяснилъ, что находитъ изслѣдованіе необходимымъ, чтобы убѣдиться, вполнѣ ли сдѣлана операція въ прямой кишкѣ и нѣтъ ли въ ней новыхъ наростовъ. Я находилъ это изслѣдованіе безполезнымъ, потому что если подозрѣніе Барча и оправдалось бы, то это не могло ни къ чему послужить, такъ какъ ясно было, что нельзя подвергать больную новой операціи.

Левенсонъ, къ которому я ѣздилъ почти каждую недѣлю для объясненія хода болѣзни, вполнѣ соглашался со мною и, услышавъ объ улучшеніи положенія больной, сказалъ, что большаго нельзя было и ожидать. Впрочемъ, посѣщеніе Барча было полезно женѣ въ томъ отношеніи, что онъ посовѣтовалъ прикладывать мазь къ ранѣ, такъ что она не безпокоила больную, причемъ спринцованіе какою-то очень слабою тинктурою, котораго жена не могла вытерпѣть, было замѣнено спринцованіемъ водою. Вслѣдствіе требованія докторовъ, чтобы спринцовать рану, и по неотысканіи фельдшерицы, докторъ Ланге нѣсколько дней сряду присылалъ акушерку, давно служившую въ адмиралтействѣ, но она дѣлала спринцованіе очень неловко, обливая постель больной. Жена перестала пускать ее къ себѣ. Тогда добрѣйшій докторъ Ланге прислалъ какую-то молодую

толстую нѣмку, которая была также неловка; сверхъ того, спала въ одной комнатѣ съ женою и сильно храпѣла, а когда она была нужна женѣ, ее трудно было добудиться; она была вскорѣ отпущена. Найденная съ трудомъ въ концѣ сентября, поселившаяся у насъ, акушерка своимъ излишнимъ прислужничествомъ, неловкостью, нечистотою и въ особенности своею глупостью надоѣдала больной, которая 17 октября, несмотря на видимо улучшившееся положеніе, не хотѣла болѣе пускать ее къ себѣ. Это улучшеніе состояло въ томъ, что больная перестала говорить несвязно; лежа на постели, перебирала свои вещи; пробовала пилить на станкѣ; съ охотою слушала, что ей читали и даже сама читала, писала письма и каждую ночь прохаживалась по своей комнатѣ; страданія ея ограничивались бездѣйствіемъ желудка, которому помогали пріемами горькой воды.

Это улучшеніе подавало надежду, что больная, въ день моихъ именинъ 17-го октября, рѣшится встать съ постели, посидѣть и походить, но 15-го октября, вечеромъ, Царскосельскій докторъ Данчичъ посовѣтовалъ значительно увеличить пріемъ горькой воды, послѣдствіемъ чего было столь сильное разслабленіе больной, что она снова не могла ходить. Послѣ этого больная потеряла довѣріе къ доктору Данчичу. Увольненіе же фельдшерицы заставило меня 17-го октября, несмотря на отвратительную погоду, употребить цѣлый день на разысканіе новой фельдшерицы, для чего я былъ у надзирательницъ больницъ Маріинской и Принца Ольденбургскаго, въ родовспомогательномъ заведеніи и въ общинѣ сестеръ милосердія.

Мои поиски вездѣ были тщетны. Только въ общинѣ указали мнѣ на фельдшерицу, живущую въ домѣ Фредерикса у Знаменскаго моста, но я ее не засталъ и вернулся къ самому обѣду утомленнымъ и сбезкураженнымъ. Однако, упомянутая фельдшерица явилась къ намъ въ тотъ же день вечеромъ. 17-го же числа нѣсколько близкихъ къ намъ лицъ, и въ томъ числѣ Посьетъ съ женою, пріѣхали передъ самымъ обѣдомъ, къ которому и были приглашены, такъ что обѣдающихъ было довольно много. Всѣ имѣли полную надежду, что положеніе больной будетъ съ каждымъ днемъ улучшаться. Дѣйствительно, 22-го октября жена со мною однимъ прошла въ свой кабинетъ, смежный съ ея спальнею, и въ немъ одна безъ посторонней помощи ходила и садилась на разныя кресла, выбирая, какое будетъ для нея удобнѣе. Ежедневныя посѣщенія доктора Ланге и постоянно одинаковые вопросы очень надоѣли больной, а потому я 17-го октября просилъ его бывать у нея черезъ день. Докторъ Головинъ нашелъ больную 21-го октября въ гораздо лучшемъ положеніи, а Барчъ, изслѣдовавшій рану больной 21-го и 24-го октября, нашелъ, что она заживаетъ, а если и есть признаки возобновленія наростовъ въ прямой кишкѣ, то съ ними нечего дѣлать, пока силы больной не возстановятся.

Больная, видя, что доктора не прописываютъ новыхъ средствъ, надѣялась, что силы ея возстановятся и безъ частыхъ посѣщеній доктора Ланге. Къ тому же она окончательно потеряла къ нему довѣріе послѣ даннаго имъ совѣта ѣсть печеную рѣпу, которая дурно повліяла на ея желу-

докъ. 24-го октября я просилъ доктора Ланге пріѣзжать только въ тѣ дни, когда получитъ отъ насъ приглашеніе, и онъ болѣе приглашаемъ не былъ.

Въ воскресенье 30-го октября, когда я собирался ѣхать въ Смольный монастырь къ моей племянницѣ Ольгѣ Дельвигъ, которую посѣщаю каждое воскресенье, я узналъ, что жившая у насъ фельдшерица отходитъ, а потому заѣхалъ къ двумъ акушеркамъ, которыя, желая помѣститься у насъ, заходили ко мнѣ во 2-ой половинѣ октября и оставили свои адресы. Я пригласилъ обѣихъ быть у насъ съ тѣмъ, что жена выберетъ ту, которая ей болѣе понравится. Возвратясь домой, я сказалъ, что одна изъ нихъ живетъ грязно, вслѣдствіе чего жена просила послать ей телеграмму, чтобы она не приходила. На другой же день пришла другая, приглашенная мною, фельдшерица Е. А. Кашкина.

Цѣлую недѣлю жена обходилась безъ докторовъ, но 31-го октября мы нашли нужнымъ пригласить Головина, который, осмотрѣвъ жену, не прописалъ ничего новаго. Женѣ показалось, что онъ, разыгрывая роль знаменитаго врача, потому что лечитъ Императрицу, не обращаетъ на ея положеніе достаточнаго вниманія, и потому снова начала говорить о пріисканіи такого доктора, который обратилъ бы полное вниманіе на ея леченіе.

Т. П. Шестакова, жившая лѣтомъ у насъ въ Царскомъ Селѣ, а по переѣздѣ въ Петербургъ часто посѣщавшая больную, неоднократно отзывалась о докторѣ Бибиковѣ, какъ объ искусномъ врачѣ и прекрасномъ человѣкѣ, который исключительно займется болѣзнію жены. Докторъ Здекауэръ въ разговорѣ со мною и съ сестрою одобрялъ Бибикова. Въ тотъ же день 31-го октября Т. П. Шестакова, по желанію жены, привезла Бибикова, который своими обѣщаніями—скоро поставить больную на ноги и поѣхать съ нею на лѣто въ Колодезское, Орловское имѣніе сестры, что въ продолженіе всей болѣзни было любимою мечтою жены—очень ей понравился. Она рада была, что, наконецъ, ея докторъ русскій человѣкъ (во время ея болѣзни національный патріотизмъ ея сильно разыгрался), пекущійся о больныхъ, а не пренебрегающій больными, какъ это дѣлаютъ знаменитости. Я, напротивъ того, неохотно довѣрялъ мало извѣстному доктору и находилъ необходимымъ, чтобы одинъ изъ докторовъ, прежде пользовавшихъ жену, познакомилъ Бибикова съ ходомъ болѣзни. Бибиковъ не находилъ нужнымъ приглашать Левенсона, но охотно согласился на предложеніе выслушать Здекауэра, который продолжалъ ѣздить къ женѣ и удивлялся улучшенію ея положенія. До 5-го ноября леченіе не измѣнялось, но въ этотъ день Бибиковъ отмѣнилъ пріемъ кондуранго, за что выдержалъ страшные крики М. Ф. Смитъ, которая, равно какъ и всѣ близкіе, полагала, что это единственное средство, которое поддерживаетъ больную. Бибиковъ мнѣ не нравился постояннымъ хвастовствомъ. Онъ выражался безсвязно и казался мнѣ мало образованнымъ, вслѣдствіе этого я не могъ оставить жену на рукахъ одного Бибикова и, за отъѣздомъ Головина въ Турцію, пригласилъ доктора Бѣлоголоваго, котораго больная давно желала видѣть, и Левенсона, для объясненія хода болѣзни.

Бѣлоголовый съ трудомъ согласился пріѣхать, отзываясь нездоровьемъ. 9-го ноября, при объясненіи Левенсона Бѣлоголовому и Бибикову хода болѣзни, послѣдній относился къ Левенсону даже неучтиво. Вообще онъ человѣкъ дурного воспитанія. Бѣлоголовый не могъ удостовѣриться въ существованіи рака въ печени. Найдя, что больная въ лихорадочномъ состояніи, онъ одобрилъ замѣну хининою кондуранго, къ которому совѣтовалъ, однакоже, какъ можно скорѣе возвратиться. Между тѣмъ до этого времени положеніе жены настолько улучшилось, что она, лежа въ постели, принимала многихъ знакомыхъ.

Живой характеръ и необычайная память Д. П. Зуева очень нравились моей внукѣ О. М. Викулиной. Чтобы доставить ей удовольствіе слышать его стихи, онъ у меня обѣдалъ 3-го ноября. Послѣ обѣда, за которымъ было болѣе двѣнадцати посѣтителей, всѣ мы помѣстились въ кабинетѣ моей жены, изъ котораго была отворена дверь въ ея спальню, и въ самыхъ дверяхъ между этими комнатами Зуевъ реситировалъ много стиховъ своихъ и другихъ поэтовъ, что очень занимало мою жену. Моя сестра день своего рожденія 7-го ноября праздновала у насъ, какъ это дѣлалось и въ прежніе годы.

Наканунѣ этого дня была отслужена всенощная, а въ самый день рожденія у насъ опять обѣдало болѣе 12 человѣкъ. Жена шутила со всѣми, какъ здоровая, хотя все еще продолжала лежать въ постели. Постоянно озабоченный болѣзнію жены, я съ мая не былъ въ англійскомъ клубѣ, но видя улучшеніе, рѣшился пойти въ клубъ 12-го ноября.

Въ половинѣ ноября женѣ вдругъ сдѣлалось очень дурно. Бибиковъ совсѣмъ растерялся и не зналъ, что предпринять. Бѣлоголовый отказался пріѣхать, по болѣзни. Бибиковъ предложилъ пригласить Элькана, помощника главнаго доктора больницы чернорабочихъ, за которымъ я самъ поѣхалъ 17-го ноября рано утромъ, но его уже не было дома и мнѣ сказали, что онъ вернется не ранѣе 5 часовъ. Къ этому времени я снова былъ у него, но онъ, ожидая къ себѣ больныхъ, рѣшительно отказался и только вслѣдствіе моей усиленной просьбы согласился пріѣхать вечеромъ. Онъ нашелъ больную въ сильнѣйшихъ страданіяхъ, она съ трудомъ дышала: легкія, которыя Здекауэръ незадолго находилъ въ хорошемъ положеніи, были поражены. Принятыми Элькановъ мѣрами страданія больной нѣсколько уменьшились. 18-го ноября оба доктора были вмѣстѣ, причемъ Бибиковъ заявилъ, что онъ самъ очень боленъ и долженъ посидѣть дома. Я просилъ Элькана продолжать ѣздить ежедневно, на что онъ и согласился, впредь до выздоровленія Бибикова. Послѣдняго жена не хотѣла болѣе имѣть своимъ докторомъ. Полагая, что Эльканъ ей не понравится, я ѣздилъ къ Левенсону съ просьбою рекомендовать мнѣ доктора, преимущественно изъ живущихъ на Васильевскомъ островѣ. Онъ мнѣ назвалъ Мазинга.

Скрывая отъ жены мои сношенія съ Левенсономъ, я сказалъ ей, что Мазингъ мнѣ указанъ Здекауэромъ, но она, къ моему удивленію, отвѣчала, что она довольна Элькановъ и другого не желаетъ. Отъ принятыхъ имъ

средствъ, положеніе ея въ послѣдніе два дня значительно улучшилось. Это весьма удивило всѣхъ. Казалось, что и здоровому невозможно было перенести такія тяжкія страданія, а тѣмъ болѣе столь разслабленной женщинѣ. Эльканъ продолжалъ ѣздить ежедневно, а Бибикову было отказано.

Утромъ 15-го ноября, именно въ тотъ день, когда женѣ сдѣлалось хуже, я получилъ телеграмму отъ Ивана Сергѣевича Аксакова о кончинѣ Ѳ. В. Чижова. Я потерялъ въ немъ единственнаго, оставшагося еще въ этой жизни друга. Жена моя его очень любила, и потому я не говорилъ ей объ этой потерѣ, о которой она могла догадаться, потому что вдругъ всѣ ее окружавшіе перестали вовсе говорить о Чижовѣ, но она только спустя болѣе мѣсяца сказала мнѣ, что въ разсказѣ Д. П. Зуева ей послышалось, что онъ по болѣзни не могъ быть на похоронахъ Чижова, и спросила, что это значитъ. По моему уклончивому отвѣту она не продолжала этого разговора. Еще труднѣе было скрыть отъ нея смерть служившаго у насъ 11 лѣтъ отставного рядового Григорія. Жена моя любила его за умъ и преданность къ намъ, она цѣнила въ этомъ простомъ человѣкѣ то, что онъ гордился нахожденіемъ въ услуженіи у господина, котораго честность нельзя было подкупить не только деньгами, но и выгодами по службѣ. Конечно, ему никто не объяснялъ причины моего выхода изъ министерства путей сообщенія, но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять этой причины. Отправленный по требованію врачей въ маѣ 1877 года въ Маріинскую больницу, онъ въ ней умеръ 1-го августа. Жена послѣ его смерти часто посылала его провѣдать, вымѣняла для него образъ св. Григорія и постоянно о немъ вспоминала. Уже въ ноябрѣ я ей сказалъ, что Григорій по совѣту врачей уѣхалъ къ роднымъ въ деревню. Не знаю, повѣрила ли она моей выдумкѣ.

Всѣ, бывшія до сего времени при больной, акушерки и фельдшерицы ей не нравились. Онѣ не были довольно ловки и аккуратны и потому при спринцованіи раны больной производили боль и мочили ея бѣлье и постель; перемѣна же бѣлья была для больной очень затруднительна. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣлались противными больной вслѣдствіе ихъ притязаній и неумѣнія приладиться къ ея требованіямъ. Поступившая же къ женѣ 31-го октября акушерка Екатерина Александровна Кашкина вполнѣ угодила ей, жена ее очень полюбила. Пробывъ у насъ двѣ недѣли, Кашкина въ то самое время, когда женѣ было весьма дурно, заявила, что ея руки отъ лекарствъ, употребляемыхъ при спринцованіи, заболѣли, и докторъ Бибиковъ увѣрялъ, что у нея на рукахъ рожа.

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда я 17-го ноября ѣхалъ приглашать доктора Элькана, Кашкина совсѣмъ оставляла больную, но обѣщалась прислать вмѣсто себя другую акушерку. Чтобы покончить разсказы объ акушеркахъ, бывшихъ при больной, я теперь же скажу, что присланная Кашкиною молодая женщина, жена какого-то Поляка, вовсе не соотвѣтствовала своему назначенію: она вовсе не умѣла спринцовать раны, и потому ей было отказано черезъ недѣлю. Тогда же я уговорилъ Кашкину проводить у насъ дни для спринцованія утромъ и вечеромъ, а ночь

дома, такъ какъ она ожидала, что за ней можетъ ночью прислать какая-то дама, при родахъ которой она, по назначенію доктора Тарновскаго, должна была непремѣнно находиться. Въ виду же того, что при больной женѣ моей необходимо было имѣть постоянную фельдшерицу, Кашкина прислала намъ акушерку, 20-лѣтнюю вдову, которая, несмотря на ея миловидность, не понравилась женѣ, такъ что недѣли черезъ двѣ жена перестала пускать ее въ свою спальню, и она была отпущена 9-го декабря. Ее легко могла замѣнить новая горничная, которую, послѣ двухмѣсячныхъ исканій, мы, наконецъ, нашли въ концѣ ноября.

Племянница моя В. С. Засѣцкая лечилась въ это время у главнаго доктора родовспомогательнаго заведенія Красовскаго, который прислалъ ей акушерку, искусно поставившую піявки. По словамъ послѣдней, можно было, съ позволенія Красовскаго, имѣть для ухода за больными воспитанницъ изъ родовспомогательнаго заведенія, которыя весьма искусны. Красовскій подтвердилъ моей племянницѣ, что онъ иногда отпускаетъ изъ заведенія воспитанницъ, съ цѣлію дать имъ средства заработать деньги на свое содержаніе. Вслѣдствіе этого я въ ноябрѣ ѣздилъ къ Красовскому съ просьбою отпустить къ моей женѣ воспитанницу изъ управляемаго имъ заведенія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что имѣетъ въ виду для такого назначенія только одну воспитанницу, но такъ какъ она недавно вернулась отъ больной, при которой находилась довольно долго, то онъ опасается, чтобы она не отстала отъ теоретическихъ занятій; впрочемъ, обѣщался переговорить объ этомъ съ надзирательницею заведенія и просилъ пріѣхать за отвѣтомъ черезъ нѣсколько часовъ.

Возвращаясь въ назначенное время, я не засталъ Красовскаго, а его камердинеръ сказалъ мнѣ, что онъ передалъ о моей просьбѣ надзирательницѣ, къ которой мнѣ слѣдуетъ обратиться. Камердинеръ умѣлъ назвать только имя и отчество надзирательницы, а фамиліи не зналъ. Швейцаръ родовспомогательнаго заведенія заявилъ мнѣ, что спрашиваемая мною надзирательница только что вышла. Я рѣшился ждать ея возвращенія.

Вскорѣ оказалось, что въ заведеніи имѣются двѣ надзирательницы одного имени и отчества, и что та, которой Красовскій поручилъ переговорить со мною, была дома. Она вызвала назначенную воспитанницу, которая, переодѣвшись, поѣхала со мною въ одной каретѣ. Дорогою она заявила, что отпущена только на нѣсколько дней. Больная нашла, что не стоитъ брать на короткое время фельдшерицу, которая вслѣдствіе этого была немедля отпущена.

Служившій при Московскихъ водопроводахъ архитекторомъ Матвѣй Юрьевичъ Левестамъ, узнавъ отъ меня, что женѣ необходимы спринцованія, а ихъ не дѣлаютъ вслѣдствіе того, что акушерка Кашкина, занятая у родильницы, не пріѣзжала 30-го ноября цѣлый день, 1-го декабря отыскивалъ, черезъ знакомыхъ ему докторовъ, акушерку, которая могла бы находиться при больной. Въ этотъ день я по обыкновенію легъ въ полночь и только что я началъ засыпать, какъ мнѣ доложили, что Левестамъ

пріѣхалъ съ какою-то дамою. Я догадался, что онъ привезъ акушерку. Было около часу ночи. Поблагодаривъ Левестама, я его сейчасъ же отпустилъ и приказалъ въ кабинетѣ моей жены постлать постель для акушерки. Пока это исполнялось, акушерка заявила мнѣ, что она г-жа Гордонъ, имѣетъ обширную практику, хвасталась знакомствомъ съ лучшими докторами и даже нѣкоторою ихъ отъ нея зависимостію. Я съ трудомъ ушелъ отъ нея.

На другой день рано утромъ я пересказалъ ночную сцену М. Ф. Смитъ, присовокупивъ, что я не хочу видѣть болѣе привезенную акушерку, такъ какъ она не пригодна для жены, но слѣдовало бы воспользоваться ея присутствіемъ для спринцованія раны больной. Когда г-жа Смитъ начала говорить съ акушеркою, то послѣдняя заявила ей, что знаетъ въ домѣ меня одного и ни съ кѣмъ кромѣ меня говорить не хочетъ. Однако же вскорѣ умилостивилась и спринцовала рану жены, причемъ причинила ей столько боли, что жена расплакалась, увѣряя, что никто еще не дѣлалъ ей спринцованія такъ дурно. Несмотря на эту боль, которую жена еще долго чувствовала, ее очень занималъ слѣдующій разсказъ ея ночной сидѣлки. 1-го декабря, передъ тѣмъ, какъ всѣ легли спать, сидѣлка проходила черезъ кабинетъ моей жены, и въ немъ никого не было. Въ 3 часа ночи жена послала ее за фельдшерицею, которая спала въ комнатѣ, слѣдующей за кабинетомъ жены. По входѣ ея въ этотъ кабинетъ, она, услыхавъ незнакомый голосъ, увидала поднимавшуюся съ дивана женщину и вообразила, что это было привидѣніе. Она сказала объ этомъ фельдшерицѣ, которая также не могла понять, когда и откуда могла явиться женщина, лежавшая на диванѣ. По возвращеніи изъ спальни жены, упомянутая фельдшерица долго говорила съ пріѣхавшею акушеркою и, какъ видно, жаловалась на М. Ф. Смитъ, вслѣдствіе чего новая акушерка заявила послѣдней, что не хочетъ знать въ домѣ никого кромѣ меня и больной, къ которой она привезена.

Акушерка Е. А. Кашкина продолжала въ декабрѣ пріѣзжать ежедневно для спринцованія, а съ 23-го декабря, когда она кончила свои занятія у вышеупомянутой родильницы, я за увеличенную плату пригласилъ ее переѣхать къ намъ, и она оставалась у насъ до кончины жены, которая ею была постоянно довольна.

Я съ намѣреніемъ подробно описалъ всѣ хлопоты по отысканію фельдшерицъ съ тѣмъ, чтобы показать, какъ трудно было въ Петербургѣ, даже за хорошую плату, имѣть при больной порядочную фельдшерицу. Опытныя акушерки, опасаясь потерять практику, не соглашались и за весьма высокую плату переѣзжать изъ своихъ квартиръ. Впрочемъ, затрудненіе частію могло происходить вслѣдствіе отъѣзда многихъ фельдшерицъ на театръ войны.

Силы жены, выдержавшей, къ общему удивленію, въ половинѣ ноября воспаленіе въ легкихъ, весьма медленно возстановлялись въ концѣ этого мѣсяца, но она снова начала принимать близкихъ знакомыхъ. 29-го ноября

она очень обрадовалась извѣстію о паденіи Плевны. Въ этотъ день у насъ нѣсколько близкихъ собрались къ обѣду и между прочимъ пріѣхавшій изъ Орла Иванъ Алексѣевичъ Нарышкинъ, котораго она очень любила. Жена долго съ нимъ разговаривала и потомъ просила обѣдавшаго въ этотъ день у насъ С. В. Князева нарисовать карандашемъ его портретъ, подъ которымъ Нарышкинъ, по ея просьбѣ, подписалъ своеручно: «Ванька разбойникъ». Князевъ въ очень короткое время нарисовалъ два портрета Нарышкина, изъ которыхъ одинъ отдалъ послѣднему. Оба портрета были довольно удачны.

Ежедневныя посѣщенія доктора Элькана, причемъ онъ дѣлалъ одни и тѣ же вопросы, очень надоѣли больной, не видѣвшей отъ нихъ никакой пользы. Элькану не были извѣстны нѣкоторыя медицинскія средства, которыя давно употребляются медиками въ зажиточныхъ домахъ. Онъ не умѣлъ скрыть отъ больной своего незнанія и черезъ это въ особенности потерялъ ея довѣріе. Она часто говорила, что только одинъ Левенсонъ понималъ ея болѣзнь и можетъ быть былъ бы въ состояніи ей помочь. 12-го декабря она повторяла это неоднократно. Ясно было, что она очень желаетъ видѣть Левенсона, но не рѣшается высказаться, вслѣдствіе сдѣланнаго ему отказа. Чтобы вывести ее изъ этого положенія, я на другой день утромъ сказалъ ей, что мое желаніе было бы передать ее снова на руки Левенсона, причемъ сознался въ томъ, что хотя она его не видала три мѣсяца, но я постоянно обращался къ нему за совѣтами. Жена согласилась призвать его, какъ будто изъ желанія сдѣлать мнѣ пріятное.

Я немедля поѣхалъ къ Левенсону, который неохотно согласился снова лечить жену, опасаясь, что она вскорѣ ему откажетъ. Однако въ тотъ же день вечеромъ онъ пріѣхалъ и, войдя ко мнѣ въ кабинетъ, упрашивалъ, чтобы я его не водилъ къ больной, на что я ему отвѣчалъ, что это невозможно въ виду того, что ей уже сказано объ его пріѣздѣ. Они свидѣлись, какъ будто и не разставались: жена была ему очень рада. Онъ совѣтовалъ женѣ пить вино Кока, причемъ жена замѣтила, что Левенсонъ слѣдитъ за всѣмъ новымъ, а бывшіе у ней старики-доктора, которыхъ будто бы я такъ дорого цѣнилъ, не знали даже общеизвѣстныхъ средствъ. Въ тотъ же день было отказано Элькану, а Левенсонъ съ этого времени посѣщалъ больную почти ежедневно.

Моя сестра 14-го декабря, жалуясь на стѣсненія въ спинѣ и груди, обѣщалась непремѣнно быть на другой день, но не пріѣхала, а прислала записку, въ которой извѣщала, что выѣзжала къ старухѣ Бутковой, у которой почувствовала себя нехорошо, и потому принуждена отложить свиданіе съ нами до слѣдующаго дня.

Такимъ образомъ я постоянно оставался въ обществѣ М. Фр. Смитъ и часто насъ посѣщавшихъ ея трехъ племянницъ. Я не могъ долго выносить жары въ комнатѣ больной, а уединеніе въ моемъ кабинетѣ мнѣ надоѣло. Я каждое утро посылалъ сестрѣ извѣщеніе о томъ, какъ жена провела ночь. Въ этихъ запискахъ я часто жаловался на г-жу Смитъ за ея крики на боль-

ную и на меня и на горестное мое положеніе въ тѣ дни, когда сестра и ея дочь Эмилія не могли бывать у насъ. Я теперь упрекаю себя въ этомъ: зная болѣзнь сестры, мнѣ не слѣдовало бы раздражать ее.

16-го декабря г-жа Смитъ кричала съ особеннымъ раздраженіемъ, и я въ посланной въ этотъ день запискѣ жаловался сестрѣ на свою горькую судьбу, заявляя сожалѣніе, что она и ея дочь по ихъ болѣзненному положенію не могутъ своимъ присутствіемъ ежедневно облегчать мои мученія. Въ этотъ день была у насъ моя племянница Эмилія, которая сказала, что ея мать все еще чувствуетъ себя нехорошо.

17-го декабря я обѣдалъ у сестры, которая не выходила изъ своей спальни, но я сидѣлъ у нея долго вмѣстѣ съ ея дочерью Засѣцкой, съ внукою Ольгою Викулиною, съ Солдатенковою, дочерью Г. И. Филипсона, и снова пріѣхавшимъ изъ Орла И. А. Нарышкинымъ. Хотя здоровье сестры не представляло ничего особеннаго, я однакоже, уѣзжая домой, просилъ ея гостей также удалиться вслѣдъ за мною.

18-го декабря утромъ я получилъ записку племянницы Эмиліи, въ которой она проситъ заѣхать къ ней передъ поѣздкой въ Смольный монастырь, гдѣ я каждое воскресенье посѣщалъ мою племянницу Ольгу Дельвигъ. Въ этотъ пріѣздъ я узналъ, что ночью сестрѣ было очень дурно и что она причастилась, но, несмотря на свою слабость, стояла во время исповѣди и чтенія молитвъ. Я провелъ весь этотъ день у сестры, которая, узнавъ, что я остался пить чай съ ея дочерьми, очень была этому рада.

Утромъ 19-го декабря я получилъ записку племянницы Эмиліи съ извѣщеніемъ, что сестра провела ночь довольно спокойно и что Эмилія сама теперь покойнѣе, причемъ она подчеркнула послѣднее слово. Вслѣдствіе этой записки, я сдѣлалъ обычную прогулку, причемъ заходилъ въ книжную лавку Мамонтова, въ которой подписался для сестры на газету «Голосъ» и встрѣтилъ свекра моей внуки И. А. Викулина, котораго успокоилъ насчетъ сестры. Войдя въ ея квартиру, я былъ встрѣченъ моею племянницею Эмиліею, сказавшею мнѣ, со слезами, испуганнымъ голосомъ, что сестрѣ очень дурно. Я пошелъ въ ея спальню, въ которой доктора Здекауэръ и Левисъ спѣшили открыть окна, уговаривая племянницу уйти, чтобы не простудиться.

Черезъ $^1/_4$ часа Здекауэръ пришелъ объявить, что все кончено. Описывать положеніе моей племянницы, посвятившей всю жизнь хожденію за матерью, которую она любила безгранично,—безполезно. Нѣсколько минутъ спустя, по кончинѣ сестры, пріѣхала Р. И. Посьетъ, а вслѣдъ за нею ея мужъ съ тѣмъ, чтобы навѣстить больную. Поразившее насъ горе было ужасно, въ особенности по его неожиданности. Я потерялъ друга моего дѣтства. Она любила своихъ братьевъ, какъ сыновей, и готова была для нихъ на всевозможныя жертвы.

Мнѣ приходилось озаботиться всѣмъ нужнымъ для похоронъ моей сестры и для перевозки ея тѣла въ Москву. Воротясь домой къ обѣду, я сказалъ женѣ, что сестра чувствуетъ себя такъ же дурно, какъ и наканунѣ.

Сороколѣтняя дружба связывала жену съ моею сестрою, которая любила ее, какъ родную дочь. Жена въ продолженіе своей болѣзни была покойна душою только въ присутствіи сестры, и ея единственною мечтою была поѣздка лѣтомъ 1878 года въ имѣніе сестры с. Колодезское. Я не рѣшился сказать женѣ о смерти сестры. На другой день вечеромъ, воротясь домой, я засталъ у жены почти ежедневно ее посѣщавшую Р. И. Посьетъ и доктора Левенсона.

Послѣдній нашелъ жену въ весьма возбужденномъ положеніи, которое онъ приписывалъ ея безпокойству о болѣзни сестры. Дѣйствительно, послѣдніе три дня она постоянно говорила объ этомъ и по нѣскольку разъ въ день требовала, чтобы послали узнать о положеніи сестры.

Левенсонъ находилъ, что я не похожъ на себя, что подобную тайну невозможно долго удержать и что потому для пользы больной необходимо ей сказать о нашемъ горѣ, что онъ и исполнилъ вмѣстѣ съ Р. И. Посьетъ.

Больная приняла это извѣстіе съ христіанскимъ смиреніемъ, сдѣлалась спокойнѣе, по крайней мѣрѣ по наружности, но, конечно, это горе должно было сильно потрясти ея разслабленные нервы. Она всего болѣе сокрушалась о племянницѣ Эмиліи и успокоилась, когда мы ее увѣрили, что послѣдняя переноситъ свое горе лучше, чѣмъ ея старшая сестра и дочь послѣдней.

Услыхавъ, что племянница Эмилія ѣдетъ 22-го декабря въ Москву на погребеніе тѣла матери, жена сожалѣла, что ее не увидитъ. Племянница же, съ своей стороны, наканунѣ отъѣзда въ Москву заявила, что очень желала бы видѣть больную, но боится ее разстроить. Когда же я ей сказалъ, что и больная выражала то же желаніе, она немедля поѣхала со мною. Ихъ свиданіе было замѣчательное: обѣ старались не выказывать одна другой всей горечи ихъ чувствъ. На замѣчаніе моей жены, что она лишилась лучшаго друга и сидѣлки, племянница отвѣчала, что, конечно, друга она не замѣнитъ, а сидѣлкою будетъ болѣе постоянною, потому что по возвращеніи изъ Москвы ничего не будетъ ее отзывать отъ постели больной въ свой домъ, въ которомъ уже нѣтъ мужа: жена часто называла такъ сестру, когда племянница спѣшила домой къ матери.

Немедля по выходѣ изъ спальни племянницы, жена мнѣ сказала, чтобы я отдалъ фотографу Бергамаско увеличить карточку, портретъ моей сестры, желая этотъ увеличенный портретъ подарить племянницѣ при возвращеніи ея изъ Москвы, назначенномъ на 28-е декабря. Бергамаско приготовилъ портретъ, вслѣдствіе моей настоятельной просьбы, къ 30-му числу. Жена имъ очень любовалась, всѣ находили его превосходнымъ, но жена, послѣ описаннаго свиданія, не видала болѣе своей «Милуши», которая возвратилась изъ Москвы въ день погребенія жены 9 января 1878 года.

Тѣло сестры 22-го декабря отпѣвали въ придворной конюшенной церкви, на что я долженъ былъ испросить особое разрѣшеніе генералъ-адъютанта князя Владиміра Дмитріевича Голицына, о которомъ я упоминалъ выше, по случаю испрошенія придворнаго экипажа для перевозки больной изъ

Царскаго Села въ Петербургъ. Въ тотъ же день тѣло сестры было отправлено въ Москву съ пассажирскимъ поѣздомъ, вечеромъ же уѣхали съ курьерскимъ племянница Эмилія и дочь племянницы Валентины Ольга Викулина. У послѣдней уже начиналась болѣзнь, называемая «свинкою», а потому ее очень уговаривали не ѣхать въ Москву, но она не хотѣла покинуть своей тетки. Положеніе же моей жены не дозволяло мнѣ ѣхать съ ними. Свинкою переболѣли почти всѣ жившіе на квартирѣ моей внуки О. М. Викулиной, начиная съ ея брата. Послѣ ея отъѣзда заболѣла свинкою ея мать.

По пріѣздѣ въ Москву, моя племянница Эмилія и внука, по болѣзни, не могли быть въ Симоновомъ монастырѣ на похоронахъ сестры и на заупокойной литургіи въ 9 день по ея кончинѣ. Когда начала проходить свинка у внуки, ею заразилась моя племянница, такъ что у послѣдней слѣды этой болѣзни еще были примѣтны по ея возвращеніи 9 января 1878 года въ Петербургъ.

Между тѣмъ моя жена постоянно безпокоилась, чтобы ея «Милуша» не заболѣла свинкою, и мы отъ нея скрыли причину долгаго невозвращенія послѣдней въ Петербургъ. Жена знала, что я ежедневно пишу къ племянницѣ, и приказывала мнѣ, чтобы я въ каждомъ письмѣ напоминалъ ей о предосторожностяхъ противъ зараженія свинкою отъ поѣхавшей съ нею Ольги Викулиной.

Кончина моей сестры сильно потрясла мои нервы. Я остался почти въ совершенномъ уединеніи, видя каждый день только живущую у насъ М. Ф. Смитъ, трехъ ея племянницъ, Т. П. Шестакову и А. П. Козлянинову, которыхъ моя жена очень любила. Ихъ присутствіе ее успокаивало. Онѣ ей читали новые русскіе романы, такъ что 17-го декабря я абонировался для нея въ русской библіотекѣ для чтенія. Хотя силы жены видимо падали, но она еще очень рада была видѣть мою племянницу Ольгу Дельвигъ, которая провела у насъ три дня, съ 26-го до 29-го декабря. 26-го жена долго говорила съ обѣдавшими у насъ Князевыми и поручила С. В. Князеву написать карикатуры на ея двухъ послѣднихъ докторовъ Ланге и Элькана, представивъ перваго въ видѣ рѣпы, а послѣдняго—крысы. Князевъ 1 января 1878 года опять обѣдалъ у насъ, и она продолжала еще шутить, указывая Князеву, какія слѣдуетъ сдѣлать измѣненія въ двухъ послѣднихъ, нарисованныхъ имъ, по ея просьбѣ, карикатурахъ.

Моя племянница Эмилія, уѣзжая изъ Петербурга, просила меня убѣдить жену причаститься, и въ одномъ изъ писемъ, посланныхъ изъ Москвы, напоминала мнѣ объ этомъ, но жена моя, на сдѣланное ей предложеніе, не согласилась. Каждый годъ 31-го декабря у насъ бывала на дому всенощная. Опасаясь, что эта служба слишкомъ продолжительна для больной, я предложилъ ей замѣнить всенощную молебномъ, но она потребовала, чтобы отслужили всенощную въ этотъ же день, а въ день Новаго года молебенъ.

Во время всенощной она, подозвавъ меня, сказала, чтобы я попро-

силъ служившаго священника ее причастить на другой день послѣ молебна. Я полагаю, что неоднократно изъявленное ею несогласіе причаститься происходило отъ опасенія, что надо будетъ позвать опять ея духовника, священника Георгіевской общины Алексѣя, запретившаго ей лечиться у еврея. Она въ сентябрѣ, вскорѣ послѣ причащенія, заявляла желаніе видѣть этого священника, но въ послѣдніе три мѣсяца, въ которые не говорила болѣе ничего несвязнаго, она ни разу о немъ не вспоминала. 1 января 1878 года больная, послѣ причастія, заявила мнѣ, что исповѣдывавшій ее священникъ истинный пастырь религіи Христа, который училъ любить всѣхъ ближнихъ. Дѣйствительно, этотъ священникъ Андреевскаго на Васильевскомъ островѣ собора отличается своею добротою: не имѣя семьи, онъ все, имъ получаемое, раздаетъ бѣднымъ.

1-го января обѣдавшіе у насъ ходили къ больной съ бокалами шампанскаго, и она не казалась еще столь близкою къ смерти, но ночь на 2-е января она не спала, задыхаясь въ лежачемъ положеніи, и потому рѣшилась сѣсть въ кресло, на которомъ ее выкатили въ ея кабинетъ. Левенсонъ не пріѣзжалъ, кажется, по болѣзни, ни 1-го, ни 2-го января, а потому я просилъ посѣтить больную доктора Мазинга, котораго Левенсонъ рекомендовалъ мнѣ еще въ ноябрѣ.

Мазингъ сочувственно отнесся къ больной, которой онъ очень понравился. Она долго съ нимъ разговаривала. Ночь со 2-го на 3-е больная спала нѣсколько часовъ, что мы приписали средствамъ, даннымъ Мазингомъ, но утромъ 3-го января она не могла болѣе лежать: ее душило, а потому ее снова посадили въ кресло. Въ такомъ положеніи ее засталъ докторъ Бѣлоголовый, согласившійся въ этотъ день, для успокоенія больной, пріѣхать на консиліумъ. Но вмѣсто успокоенія, онъ ее сильно растревожилъ. Левенсонъ по обыкновенію опоздалъ, и Бѣлоголовый, не дождавшись его, осматривалъ жену очень подробно, безпощадно нажимая больныя мѣста и стукая по нимъ, послѣ чего предложилъ то же испытаніе сдѣлать Мазингу, котораго остановилъ пріѣхавшій Левенсонъ. Не могу дать себѣ отчета, съ какою цѣлью Бѣлоголовый такъ мучилъ явно умирающую женщину. Ночь съ 3-го на 4-е больная провела въ креслѣ. Въ этотъ день Левенсонъ нашелъ, что лѣвый бокъ больной пораженъ параличемъ. Страданія ея увеличивались, сидѣть ей было трудно, а положить въ постель безъ доктора мы не рѣшались.

Левенсонъ, вызванный вечеромъ, положилъ ее на кровать. 5-го января больная была очень слаба, но заботилась еще о Богоявленской водѣ и очень обрадовалась пріѣзду племянницы Валентины, которая, по болѣзни, недѣли три не была у насъ. Увидавъ ее, жена съ удовольствіемъ сказала: «Лента, Лента»; такъ ее называли, сокращая имя Валентины.

Мазингъ 5-го января былъ два раза и въ первый свой утренній пріѣздъ сказалъ, что настоящее положеніе больной можетъ еще продолжиться нѣсколько дней, и то же повторилъ 6-го января. Въ этотъ день я послѣ обѣда пошелъ въ свою комнату читать. Вскорѣ М. Ф. Смитъ, войдя ко мнѣ,

сказала, что больная очень слабѣетъ. Я немедля пошелъ къ ней. Больная отказалась отъ вдыханія кислорода, которое въ послѣдніе дни ей постоянно предписывали. Передъ самою кончиною она потребовала порошекъ кодеинъ, который давали ей для успокоенія, но она не могла его принять. Въ 8 часовъ вечера она скончалась. Маргарита Францовна Смитъ въ послѣдній часъ ея жизни держала ея руку, а я какъ убитый сидѣлъ противъ умирающей.

Начались хлопоты, неизбѣжныя послѣ умершихъ. Конечно, онѣ большею частію легли на меня; нѣкоторую же часть приняли на себя мои хорошіе знакомые. 9-го января тѣло жены было похоронено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ у алтаря такъ называемой Карамзиновской церкви. Наканунѣ похоронъ я получилъ телеграмму отъ моего шурина Н. Н. Левашова, въ которой онъ и моя свояченица графиня Толстая просили похоронить жену въ Москвѣ возлѣ ея матери, въ чемъ я имъ отказалъ, имѣя въ виду, что я проведу остальные годы жизни своей, конечно, въ Петербургѣ; родные же моей жены хотя и живутъ въ Москвѣ, но и при ея жизни по нѣскольку лѣтъ съ ней не видались.

Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ во время похоронъ я увидалъ пріѣхавшихъ изъ Москвы моего шурина Н. Н. Левашова и племянницу моей жены М. Н. Покровскую, которыхъ вовсе не ожидалъ. Они на другой же день, 10-го января, уѣхали въ Москву.

Описавъ понесенныя мною потери въ концѣ 1877 года и началѣ 1878 года, сбращаюсь къ нити моего разсказа, прерванной на томъ, что въ концѣ сентября 1875 года я переѣхалъ съ женою въ домъ, нанятый нами въ Каннѣ, въ которомъ мы никого не нашли, даже не было сторожа. Торопясь переѣздомъ, мы не захватили съ собой свѣчей, хлѣба и вообще необходимаго при занятіи новаго помѣщенія. Домъ былъ довольно отдаленъ отъ центра города, именно на «voie de Frejus», противъ дома лорда Брума, и потому было далеко до булочныхъ и лавокъ, въ которыхъ можно было купить нужное на первое время пребыванія нашего въ домѣ. Съ этою цѣлію я пошелъ отыскивать эти заведенія по незнакомой мнѣ мѣстности, въ которой царила совершенная темнота и не встрѣтился ни одинъ прохожій.

На другой день явились къ намъ три женщины, присланныя однимъ изъ комиссіонерскихъ домовъ, которыхъ нѣсколько въ Каннѣ: кухарка, горничная и служанка для нечистой работы. Мы ихъ наняли по довольно высокой цѣнѣ, такъ что владѣлецъ нашего дома, довольно богатый человѣкъ, но скаредный, какъ большая часть французовъ, говорилъ, что если пріѣзжіе будутъ такъ поднимать плату, то имъ, туземцамъ, придется совсѣмъ остаться безъ прислуги. Нанятая прислуга оказалась весьма усердною. Кухарка жила уже въ русскомъ семействѣ и готовила кушанья хорошо и дешево. Горничная рано утромъ натирала паркетные полы въ кабинетѣ жены и въ столовой и сервировала чай, завтракъ и обѣдъ, что требовало много труда, особливо по пріѣздѣ къ намъ сестры съ дочерью

и моего шурина съ женою. Звали ее «Claire», но жена, за быстрое исполненіе всѣхъ требованій, прозвала ее «Eclaire». Это была 18-лѣтняя дѣвушка, очень хорошенькая собою. Она отлучалась иногда по воскресеньямъ и тогда одѣвалась съ большимъ вкусомъ, такъ что, встрѣтясь съ нею, трудно было подумать, что она цѣлый день на ногахъ и исполняетъ много работы не совсѣмъ чистой. Отлучки ея были непродолжительны: уйдя послѣ завтрака, она поспѣвала къ обѣду, такъ что ея отсутствіе нисколько не измѣняло нашего обычнаго житья.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Россію, я просилъ жену изъ-за двухъ или трехъ сотенъ франковъ, которые она переплатитъ, не мѣнять прислуги, опасаясь, что за болѣе дешевую цѣну прислуга будетъ хуже. Нанятыя три женщины оставались при женѣ во все время ея пребыванія въ Каннѣ и съ большою грустію простились съ нами.

По совѣту нашихъ Петербургскихъ докторовъ, мы наняли домъ на берегу моря, отъ котораго отдѣлялъ насъ небольшой садъ, прилегающая къ нему жел. дорога и сзади ея узенькая полоса изъ глубокаго сыпучаго песку. Жена каждый день ходила на эту полосу, гдѣ собирала раковины и другіе предметы, выбрасываемые морскими волнами. Она ходила по берегу моря по приказанію докторовъ, которые находили полезнымъ для ея здоровья быть чаще на воздухѣ и именно возлѣ моря. Между тѣмъ погода вскорѣ перемѣнилась: подули сильные холодные вѣтры, довольно часто шелъ дождь, и прогулки жены по берегу моря не только не могли улучшить ея здоровье, но вѣроятно были причиною болѣзни, которая продолжалась весь ноябрь и декабрь мѣсяцы. Хотя она въ эти мѣсяцы не выходила изъ дома, но частыя сильныя бури, конечно, и въ это время на нее дурно дѣйствовали. Я полагаю, что гораздо здоровѣе было бы помѣститься въ Каннѣ же, но на высотахъ, отдаленныхъ отъ моря, гдѣ вѣтры не такъ сильны.

Вообще наши лучшіе русскіе доктора, посылая больныхъ за границу, мало знаютъ о тамошней жизни и назначаютъ больнымъ такія мѣстности, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ состоянію ихъ здоровья, не говоря уже о томъ, что, и при большихъ расходахъ, больные за границею не могутъ пользоваться тѣми удобствами, къ которымъ они привыкли въ своихъ помѣщеніяхъ. Однимъ изъ первыхъ лишеній для моей жены было неимѣніе порядочнаго бѣлаго хлѣба въ Каннѣ. Я уже говорилъ, что, въ бытность нашу въ Монморанси, я ежедневно возилъ ей хлѣбъ изъ Парижа. Вскорѣ, однакоже, именно съ открытіемъ сезона въ Каннѣ, начали печь хорошій хлѣбъ. На сдѣланное мною замѣчаніе владѣльцу нашего дома, почему, при богатствѣ нѣкоторыхъ постоянныхъ Каннскихъ жителей, не пекутъ хорошаго хлѣба круглый годъ, онъ отвѣчалъ, что вообще иностранцы, и въ особенности Русскіе, слишкомъ избалованы; французы же, даже богатые, довольствуются обыкновеннымъ хлѣбомъ, причемъ вычислилъ, что для семьи, состоящей изъ нѣсколькихъ членовъ, употребленіе хлѣба низшаго достоинства составляетъ въ годъ сбереженія на нѣсколько десятковъ франковъ.

Нашъ домъ былъ построенъ лучше другихъ, но и въ немъ дуло въ окна, не имѣющія двойныхъ рамъ. Камины съ прямой трубой не могли согрѣть комнатъ. Въ двери, которыя отдѣляли ихъ отъ холодныхъ сѣней и лѣстницъ, сильно дуло. Я распорядился задѣлкою войлоками, коврами и цыновками лишнихъ дверей и оконъ; всѣ остальныя окна приказалъ обить bourlet и предположилъ выписать изъ Ниццы маленькія печи, трубы которыхъ соединить съ трубами каминовъ.

Пріемъ мебели, бѣлья, посуды и всего инвентаря въ домѣ приняла на себя М. Ф. Смитъ. Этотъ пріемъ, при которомъ описывалось каждое пятно на мебельной матеріи, на коврахъ и т. п. продолжался три дня; онъ былъ очень утомителенъ.

Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія по устройству дома и вообще по хозяйству, я 5-го октября поѣхалъ въ довольно холодную и дождливую погоду въ Ниццу для свиданія съ К. В. Чевкинымъ. Я его нашелъ въ церкви у обѣдни, въ продолженіе которой онъ ни разу не садился. Послѣ обѣдни онъ повезъ меня къ себѣ завтракать и спросилъ, что я намѣренъ дѣлать до обѣда, къ которому онъ меня пригласилъ. Я отвѣчалъ, что, никогда не бывавъ въ Ниццѣ, буду ее осматривать съ комиссіонеромъ. Онъ сказалъ, что онъ можетъ служить лучшимъ въ этомъ отношеніи комиссіонеромъ и, несмотря на довольно холодную погоду и мою просьбу не утомляться дальнею прогулкою, вышелъ со мною изъ дома и взялъ первую попавшуюся извощичью коляску въ одну лошадь. Эта коляска то же, что наша пролетка: мы въ ней сидѣли вдвоемъ не совсѣмъ удобно.

Ницца такъ часто была описана, что я не буду разсказывать всего видѣннаго въ продолженіе нашей 5-часовой прогулки. Скажу только, что мы, между прочимъ, были въ часовнѣ, построенной въ память скончавшагося въ Ниццѣ Цесаревича Николая Александровича, на такъ называемомъ château, доѣзжали по берегу моря до Виллафранки и осмотрѣли великолѣпный домъ и садъ П. Г. фонъ-Дервиза. Онъ былъ въ это время въ Парижѣ, но мы посидѣли у его жены, съ которою я прежде былъ знакомъ, и я удостовѣрился, что слухи объ ихъ разводѣ несправедливы. При нашемъ осмотрѣ Ниццы не вездѣ было возможно проѣхать даже и въ легкомъ экипажѣ.

Чевкинъ пѣшкомъ поднимался на возвышенія и взбирался по лѣстницамъ. Я нѣсколько разъ уговаривалъ его, въ виду неблагопріятной погоды, прекратить осмотръ, но Чевкинъ не соглашался и предъ возвращеніемъ домой непремѣнно хотѣлъ найти печи для нашего дома въ Каннѣ, для чего мы заѣзжали въ магазинъ, въ которомъ продавались печи. Найдя его запертымъ, вѣроятно, по случаю воскресенья, онъ, желая сдѣлать пріятное моей женѣ, проѣхалъ въ другой такой же магазинъ, находившійся на другомъ концѣ города, но и тотъ былъ запертъ.

Чевкинъ жилъ одною энергіею: отъ болѣзни онъ совсѣмъ исхудалъ. По моемъ возвращеніи въ концѣ этого же мѣсяца въ Петербургъ, мнѣ говорили, что есть свѣдѣнія о большой слабости Чевкина. Въ доказательство противнаго я разсказывалъ объ его прогулкѣ со мною. Но означен-

ныя свѣдѣнія были справедливы: К. В. Чевкинъ скончался 3 ноября 1875 года.

Въ концѣ апрѣля 1876 года я былъ снова въ Ниццѣ у вдовы К. В. Чевкина, которая, зная, какъ много любилъ меня ея покойный мужъ, приняла меня вообще очень любезно, но говоря объ его смерти, въ ея выраженіяхъ слышался упрекъ, что онъ утомился при поѣздкѣ со мною по Ниццѣ, послѣ которой его силы болѣе не возстановлялись, и что онъ переѣхалъ изъ Парижа въ Ниццу вслѣдствіе моего настоянія, тогда какъ, оставаясь въ Парижѣ, онъ могъ бы еще пожить.

Я уже говорилъ, что во время поѣздки Чевкина со мною по Ниццѣ, я неоднократно просилъ его не утомляться. Убѣждалъ же я Чевкина переѣхать въ Ниццу вслѣдствіе настоятельной просьбы его жены, которая находила, что Чевкину необходимъ покой, а онъ не имѣлъ покоя въ Парижѣ, по причинѣ невозможности убѣдить его рѣже принимать Русскихъ, живущихъ въ этомъ городѣ и въ него пріѣзжающихъ, а также французовъ, съ которыми Чевкинъ былъ знакомъ; тѣхъ и другихъ было очень много.

Вдова Чевкина ежедневно ѣздила на кладбище, на могилу своего мужа, гдѣ проводила по нѣскольку часовъ. Она полагала со мною встрѣтиться на могилѣ, но я ее не дождался. Православное кладбище въ Ниццѣ, очень отдаленное отъ города (верстъ десять), устроено на возвышенномъ морскомъ берегу, съ котораго видъ великолѣпный. Тѣло Чевкина лежало въ часовнѣ въ гробу, въ которомъ надъ лицомъ и грудью покойнаго вставлено толстое стекло. Лицо мало измѣнилось; покойникъ былъ бальзамированъ. Тѣло Чевкина было долго совсѣмъ открыто, но, по требованію многихъ посѣтителей кладбища, Чевкина принуждена была, незадолго до моего пріѣзда, его закрыть и вставила въ крышку гроба стекло. Со временемъ предполагалось часовню на кладбищѣ обратить въ церковь, и тѣло Чевкина положить въ склепѣ, который устроится подъ престоломъ предполагаемой церкви.

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ Чевкина, были отслужены по немъ заупокойныя литургіи въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, въ Институтѣ горныхъ инженеровъ и, по иниціативѣ Государственнаго Совѣта, въ почтамтской церкви. Хотя я уже 6-ой годъ не присутствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ, но былъ приглашелъ въ почтамтскую церковь, вѣроятно, потому, что большей части членовъ Совѣта были извѣстны мои близкія къ Чевкину отношенія. Впослѣдствіи предсѣдатель департамента экономіи Александръ Аггеевичъ Абаза препроводилъ ко мнѣ копію съ особой части меморіи Государственнаго Совѣта, отъ 18 ноября 1875 года № 33, о дѣлахъ, рѣшенныхъ департаментами, въ которой записано:

«Засѣданіе департамента государственной экономіи 6 ноября 1875 года. При открытіи засѣданія, предсѣдатель, указавъ, что засѣданіе это есть первое послѣ полученія извѣстія о кончинѣ члена Государственнаго Совѣта

генералъ-адъютанта Чевкина, обратился къ членамъ департамента съ словами искренняго соболѣзнованія объ утратѣ, понесенной Государственнымъ Совѣтомъ въ лицѣ покойнаго. Очертивъ многостороннюю, истинно полезную, свыше 50-лѣтнюю службу его, проникнутую горячею любовью къ Россіи, преданностью ея государямъ и непрестаннымъ радѣніемъ о пользѣ общей, предсѣдатель пригласилъ департаментъ почтить благодарнымъ воспоминаніемъ важныя государственныя заслуги Константина Владимировича Чевкина, и въ особенности тѣ, которыми, на памяти многихъ изъ присутствующихъ, ознаменовалось многолѣтнее участіе его въ трудахъ сего департамента.

«Департаментъ государственной экономіи, сочувственно выслушавъ слова предсѣдателя и глубоко соболѣзнуя о событіи, лишившемъ Отечество честно преданнаго ему слуги, счелъ отраднымъ долгомъ воздать, особымъ по сему случаю заявленіемъ, дань признательности и уваженія государственной дѣятельности покойнаго. Надѣленный высокими дарованіями, генералъ-адъютантъ Чевкинъ, на продолжительномъ служебномъ поприщѣ, оставилъ неизгладимые слѣды своихъ трудовъ и связалъ свое имя со многими изъ благодѣтельныхъ мѣропріятій, которыя, по велѣнію и указаніямъ Верховной власти, принимались на пользу и славу Россіи. Ближайшимъ образомъ участвуя въ обсужденіи важнѣйшихъ преобразованій послѣдняго двадцатилѣтія, онъ горячо сострадалъ народнымъ нуждамъ и съ непоколебимымъ рвеніемъ относился къ мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлью возвышеніе нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Въ званіи предсѣдателя департамента государственной экономіи, онъ много содѣйствовалъ установленію коренного основанія государственныхъ финансовъ, равновѣсію между государственными расходами и доходами, всегда съ необыкновеннымъ вниманіемъ вникая въ подробности восходившихъ на разсмотрѣніе департамента дѣлъ и съ неуклонною настойчивостью радѣя о бережливости въ государственныхъ расходахъ.

«Какъ ближайшій, въ теченіе десятилѣтія, свидѣтель неутомимой дѣятельности покойнаго, департаментъ государственной экономіи въ полномъ своемъ составѣ, храня благоговѣйно память о трудахъ и жизни генералъ-адъютанта Чевкина, положилъ: записать вышеизложенныя заявленія въ особый журналъ. Подлинная за подписью Его Императорскаго Высочества предсѣдателя Государственнаго Совѣта и государственнаго секретаря».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ и вполнѣ раздѣляю чувства, высказанныя въ департаментѣ экономіи». На подлинной же запискѣ государственнаго секретаря, при которой онъ представилъ Государю упомянутую особую часть меморіи, Государь написалъ: «Память почтеннаго человѣка вполнѣ этого заслуживаетъ».

Къ сожалѣнію, въ Россіи заслуги государственныхъ людей недостаточно оцѣниваются обществомъ и выражающею его мнѣнія печатью.

Немедля по полученіи извѣстія о кончинѣ Чевкина, въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья, вродѣ некролога, въ которомъ говорилось объ узкости взгляда Чевкина и вовсе не упоминалось о живомъ и плодотворномъ его участіи въ комитетѣ по освобожденію крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Въ самый день выхода номера съ некрологомъ, я написалъ на него возраженіе, въ которомъ указалъ на нѣкоторые невѣрно приведенные въ некрологѣ факты и обратилъ вниманіе на то, что узкости взгляда не могъ имѣть тотъ, который былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей всѣхъ великихъ реформъ настоящаго царствованія.

Въ это время издателемъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» былъ извѣстный, впослѣдствіи обанкрутившійся, банкиръ Баймаковъ, а редакторомъ Усовъ. На другой день по появленіи некролога въ «Вѣдомостяхъ», я показалъ написанное мною возраженіе Баймакову, который обвинялъ Усова въ помѣщеніи статьи о Чевкинѣ, находя ее неприличною и несвоевременною, и обѣщался напечатать мое возраженіе на другой же день, что и было исполнено. Я не сохранилъ номеровъ «Вѣдомостей», въ которыхъ помѣщены двѣ упомянутыя статьи, но, сколько помню, онѣ должны быть отъ 5 и 7 ноября 1875 года.

Проведя весь день 5 октября 1875 года въ Ниццѣ, я вернулся съ послѣднимъ вечернимъ поѣздомъ въ Каннъ, гдѣ отъ дебаркадера до нашего дома, не найдя нигдѣ ни одного извозчика, долженъ былъ идти пѣшкомъ, весьма тепло одѣтый и съ большою ношею. Путь былъ довольно длинный, гористый и вслѣдствіе дождей грязный, въ особенности по нашей пустынной улицѣ, по которой я не встрѣтилъ ни одного человѣка.

Въ мое отсутствіе надъ моею кроватью былъ устроенъ двойной пологъ съ тѣмъ, чтобы избавить меня отъ ужаленія тамошними комарами, которые хотя мельче нашихъ, но ихъ ужаленіе гораздо больнѣе: оно производитъ на тѣлѣ возвышенныя затверденія, иногда весьма значительной величины. Я надѣялся, что при наступленіи хорошей погоды эти комары пропадутъ, но надежда эта не осуществилась, а между тѣмъ по ихъ милости лицо мое, при поѣздкѣ въ Ниццу, казалось рябымъ и оставалось такимъ, пока слѣды ужаленія не прошли. Въ мѣстахъ, гдѣ эти комары водятся, продается особый составъ для ихъ выкуриванія и особая мазь для скорѣйшаго исцѣленія ужаленныхъ мѣстъ; послѣдняя очень помогаетъ. Упомянутый же составъ имѣетъ невыносимый запахъ. Его употребляли въ моей спальнѣ слѣдующимъ образомъ. По наступленіи вечерней темноты, горничная выгоняла комаровъ изъ всей комнаты въ отворенныя окна, потомъ закрывала пологъ и подъ него ставила означенный составъ, въ видѣ курительной свѣчки, которую зажигала. Потомъ, чтобы выгнать запахъ изъ комнаты, ее провѣтривали, причемъ изъ нея выносили свѣтъ, такъ какъ комары въ темноту не влетаютъ. Несмотря на провѣтриваніе комнаты, ею можно было пользоваться только по прошествіи нѣсколькихъ часовъ: такъ силенъ и непріятенъ былъ запахъ состава. Это одна изъ многихъ непріятностей южныхъ странъ, столь воспѣваемыхъ

русскимъ обществомъ и русскими докторами, вообще мало знакомыми съ неудобствами, представляемыми этими странами намъ Русскимъ, и въ особенности больнымъ, въ нихъ посылаемымъ.

Въ бытность мою у Чевкина въ Ниццѣ, заходилъ ко мнѣ священникъ нашей церкви въ этомъ городѣ и, узнавъ, что мы сидимъ за обѣдомъ, оставилъ визитную карточку, на которой написалъ, что Софья Герасимовна Левашова (жена моего шурина Николая) въ Ниццѣ и что она на другой день будетъ у насъ въ Каннѣ. Моя жена и я очень удивились, что Левашова разъѣзжаетъ одна за границею, тогда какъ ея мужъ не совсѣмъ здоровъ. Переписываясь рѣдко съ моимъ шуриномъ, мы ничего не знали объ этой поѣздкѣ. Въ то время, какъ мы объ этомъ говорили, вошла въ нашъ домъ С. Г. Левашова въ сопровожденіи своего мужа. Это въ высшей степени обрадовало мою жену, которая болѣе 14 лѣтъ не видала своего любимаго брата. Священникъ же, доставившій мнѣ свѣдѣнія объ его женѣ, не зналъ, что она съ мужемъ въ Ниццѣ, и потому мнѣ написалъ о пріѣздѣ въ Каннъ только одной жены Левашова.

Мы немедля пригласили Левашовыхъ помѣститься у насъ въ домѣ, въ которомъ было довольно комнатъ и 11 кроватей, тогда какъ насъ съ прислугой было всего семь человѣкъ. Мой шуринъ зналъ, что мы уѣхали за границу, но не имѣлъ понятія о нашемъ пребываніи въ Каннѣ. Эта счастливая неожиданная встрѣча имѣла весьма пріятныя послѣдствія. Мой шуринъ очень мягкаго характера и весьма услужливъ, вслѣдствіе чего былъ весьма полезенъ, въ особенности послѣ моего отъѣзда, моей женѣ, а также вскорѣ пріѣхавшей къ намъ моей сестрѣ Викулиной съ дочерью, которыхъ онъ очень любилъ. Сверхъ того, онъ сохранилъ, несмотря на свои 50 лѣтъ, прекрасный голосъ и въ продолженіе слишкомъ 3-хъ мѣсяцевъ, которые онъ провелъ въ Каннѣ, ежедневно пѣлъ по нѣскольку часовъ, конечно, исключая тѣ дни, въ которые моя жена чувствовала себя очень дурно.

Въ началѣ октября мы получили письмо отъ моей сестры, что она, пріѣхавъ изъ деревни въ Петербургъ, въ которомъ думала провести зиму, находитъ себя слишкомъ одинокою безъ насъ и потому рѣшается ѣхать за границу, расчитывая зимніе мѣсяцы остаться съ моею женою, а весенніе у своей дочери Засѣцкой, также больной и овдовѣвшей въ ноябрѣ 1874 года. Радость жены и моя была выше всякаго описанія. Я очень опасался, что жена, не имѣя возможности за границею продолжать свои обычныя занятія, будетъ сильно грустить; пріѣздъ же сестры съ ея дочерью Эмиліею совершенно меня успокаивалъ. Вскорѣ новое письмо сестры изъ Парижа извѣстило насъ, что ея дочь въ дорогѣ очень заболѣла, и призванный къ ней парижскій докторъ рѣшительно запретилъ имъ ѣхать въ Каннъ, гдѣ климатъ, по его мнѣнію, убійственный для такихъ больныхъ, какъ моя племянница, а посылалъ ихъ въ одинъ изъ другихъ приморскихъ городовъ, сосѣднихъ съ Канномъ. Это письмо насъ обоихъ очень огорчило. Признаюсь, что я и теперь не понимаю, въ чемъ состоитъ

большая разница между климатами г. Каннъ и сосѣднихъ приморскихъ городовъ.

Черезъ нѣсколько дней мы были утѣшены новымъ письмомъ сестры, въ которомъ она извѣщала, что она и ея дочь желаютъ, несмотря на докторское запрещеніе, провести нѣсколько дней съ моею женою и прибудутъ къ намъ наканунѣ моихъ имянинъ. Вечеромъ 16-го октября я встрѣтилъ ихъ на дебаркадерѣ и отвезъ въ нанятый нами домъ. На другой день по пріѣздѣ моя племянница объявила, что она, конечно, будетъ здоровѣе, живя въ одномъ городѣ съ горячо любимою ею теткою, чѣмъ вдали отъ нея, и уговорила свою мать остаться на зиму въ Каннѣ. Сначала онѣ хотѣли помѣститься въ одномъ изъ ближайшихъ отелей, въ которыхъ осмотрѣли много помѣщеній; потомъ, разсудивъ, что въ дурную погоду, помѣщаясь въ разныхъ домахъ, будутъ по болѣзненному состоянію рѣдко видѣться, онѣ рѣшились жить въ одномъ домѣ. Находя нами нанятый шале не довольно просторнымъ, мы полагали его передать, а для себя нанять новый. Съ этою цѣлью нами было осмотрѣно нѣсколько домовъ, но несмотря на то, что плата за ихъ наемъ была выше, ни одинъ изъ нихъ не представлялъ удобствъ, которыми мы пользовались въ нанятомъ нами помѣщеніи; только комнаты въ нихъ были просторнѣе и число ихъ болѣе.

Бо̀льшая часть домовъ въ Каннѣ построены по одному образцу. Неудобства ихъ состоятъ въ томъ, что въ ихъ нижнихъ этажахъ всего по двѣ комнаты, раздѣленныя широкимъ корридоромъ, съ двумя наружными дверями во дворъ и въ садъ. Жена моя не могла ходить по лѣстницамъ, а двухъ комнатъ для ея помѣщенія было недостаточно. Въ нижнемъ же этажѣ нанятаго нами дома были три комнаты и не было корридора между садомъ и дворомъ. Сверхъ того, нельзя было бы достаточно нагрѣть комнаты, имѣющія двери въ холодный корридоръ. Вообще нашъ домъ былъ хорошо выстроенъ, такъ что нагрѣваніе въ немъ комнатъ было легче, чѣмъ въ другихъ, осмотрѣнныхъ нами, домахъ. Вслѣдствіе этого сестра съ дочерью заняли въ нашемъ домѣ три комнаты второго этажа, а комнату, въ которой я помѣщался, послѣ моего отъѣзда заняла М. Ф. Смитъ. Въ одной изъ комнатъ третьяго этажа помѣщался мой шуринъ съ женою, а въ остальныхъ горничная моей жены и нанятая прислуга.

Принятыми мною мѣрами въ продолженіе всей зимы, несмотря на ея относительную суровость и сильные вѣтры, въ домѣ было тепло. Только мраморная лѣстница въ верхніе этажи была постоянно холодна, и потому переходъ между этажами былъ не безопасенъ для здоровья моей племянницы.

Мнѣ былъ данъ отпускъ на вакантное въ Сенатѣ время съ 15-го іюня по 1-е сентября и сверхъ того на 29 дней; впослѣдствіи по моей просьбѣ онъ былъ продолженъ еще на 28 дней. Объ этомъ продолженіи я узналъ, впрочемъ, по моемъ возвращеніи въ Петербургъ, но въ надеждѣ, что мнѣ въ немъ не откажутъ, я оставался за границею послѣ 29-го сентября. Мой отпускъ съ продолженіемъ кончался 28-го октября. Въ виду этого я выѣхалъ

изъ Каннъ 22-го октября съ тѣмъ, чтобы, нигдѣ не останавливаясь, быть 26-го въ Петербургѣ.

Жена всегда съ большою грустію разставалась со мною. При ея нелюбви къ заграничной жизни, мой отъѣздъ изъ Каннъ былъ для нея особенно тягостенъ и, конечно, имѣлъ вліяніе на ея здоровье.

Въ день моего отъѣзда было холодно и дулъ довольно сильный вѣтеръ, однакоже она, со всѣми живущими у насъ дамами, ждала въ саду прохода поѣзда, въ которомъ я уѣхалъ. Разница въ температурѣ между солнечною и сѣверною стороною, доходящая почти ежедневно до 20°, и внезапное пониженіе температуры при захожденіи солнца вредно дѣйствуютъ на жителей сѣвера, къ этому не привыкшихъ.

Путешествіе отъ Каннъ до Петербурга я описалъ въ письмѣ къ женѣ отъ 28-го октября, которое привожу здѣсь буквально:

«Извини, что я послѣднее мое письмо изъ Парижа началъ объясненіемъ о горести нашей разлуки: оно писалось подъ впечатлѣніемъ особаго обстоятельства, которое опишу ниже. Съ чего мнѣ грустить, когда я могу надѣяться, что твое пребываніе въ Каннѣ будетъ полезно здоровью, и когда я знаю, что ты окружена людьми, сердечно тебя любящими. Будь весела, какъ только ты, моя добрая, умѣешь быть веселою, а это послужитъ и къ улучшенію здоровья сестры и добрѣйшей Милы; я же сумѣю прожить 5 мѣсяцевъ безъ скуки.

«Чтобы по возможности знать какъ можно болѣе другъ о другѣ, прошу тебя, если не найдешь тяжелымъ для себя, писать мнѣ подробности вашего житья-бытья, а я относительно моего также не оставлю тебя безъ подробностей.

«Начинаю:

«Добрый братъ Николай видѣлъ, съ какимъ бирюкомъ посадили меня въ купэ вагона, хотя я имѣлъ только билетъ 1-го класса. Не любя никакихъ неправильностей, я на одной изъ слѣдующихъ станцій приплатилъ 16½ франковъ. Бирюкъ оставилъ меня въ Марсели: онъ перешелъ въ свободное купэ. На его мѣсто вскорѣ сѣлъ другой французъ, который также, найдя себѣ свободное купэ, оставилъ меня одного до самаго Парижа. По пріѣздѣ на Парижскую станцію, мой мѣшокъ и сакъ-вояжъ внесли и положили на скамейку передо мною. Вотъ тутъ-то и начинается обстоятельство, *окончившееся вполнѣ благополучно*, но бывшее причиною того, что я остался въ Парижѣ на цѣлый день и что писалъ тебѣ изъ Парижа подъ самымъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Въ ожиданіи открытія дверей въ залу, въ которой раздается багажъ, я отошелъ на минуту отъ своихъ вещей, которыя въ продолженіе этой минуты, или даже нѣсколькихъ секундъ, исчезли. Я поднялъ гвалтъ на всю станцію, заподозрилъ носильщика, который принесъ вещи и могъ ихъ унесть, пользуясь тѣмъ, что я отвернулся. Подозрѣніе было тѣмъ сильнѣе, что онъ исчезъ со станціи и его отыскали только черезъ три часа, тогда какъ онъ не долженъ былъ уходить. Явились полицейскіе

чины. Я долженъ былъ изложить всѣ подробности случившагося и того, что заключалось въ моихъ мѣшкахъ. Приведенный носильщикъ сказалъ, что онъ при мнѣ положилъ мои вещи на скамью, а свое отсутствіе объяснилъ особою причиною. Послѣ 3-хъ часовъ писанія въ тѣсной и вонючей комнатѣ, ничего не найдя, я поѣхалъ въ гостинницу, какъ сидѣлъ въ вагонѣ. Теплое пальто и ключъ отъ сундука, бывшіе въ сакъ-вояжѣ, пропали. Шелъ дождь, но было тепло. Я остановился въ гостинницѣ Isles Britanniques въ надеждѣ тамъ найти Алкье *), но онъ былъ въ театрѣ. Меня не столько сокрушала потеря, какъ то, что ты и сестра можете о ней узнать и подумать, что всѣ капиталы потеряны, и это дурно подѣйствуетъ на ваше здоровье, тогда какъ по роспискамъ Государственнаго банка ихъ никто, кромѣ меня и владѣльцевъ капитала, получить не можетъ. Поэтому я немедля употребилъ всѣ способы, чтобы до васъ не дошло извѣстіе о потерѣ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я писалъ тебѣ изъ Парижа и къ Ѳеодору Васильевичу **). Алкье сильнѣе меня былъ возбужденъ этою потерею, но я, все придумывая, какъ ее скрыть отъ васъ, не могъ заснуть всю ночь и дѣлалъ въ продолженіе всего времени разныя предположенія о томъ, какъ получить новыя расписки изъ банка, по прошествіи извѣстнаго времени, и чтобы вы объ этой пропажѣ не узнали. Конечно, пришлось замокъ у сундука сломать, чтобы его отворить. На другой день въ 11 часу утра поѣхали мы съ Алкье на станцію Ліонской желѣзной дороги, такъ какъ Алкье все полагалъ, что вещи мои увезены ошибкою какимъ-нибудь пассажиромъ, но когда до половины 12-го ничего не было прислано на станцію, то и Алкье убѣдился, что вещи украдены. Между тѣмъ полиція все писала, а не приступала къ дѣйствіямъ. Я поѣхалъ къ Орлову ***), просить его содѣйствія. Concièrge очень утвердительно сказалъ, что Орловъ въ Фонтенебло и неизвѣстно, когда вернется, а что въ канцеляріи еще никого нѣтъ. Алкье, замѣтивъ, что въ окошкахъ помѣщенія Орлова есть движеніе, не повѣрилъ коньсержу и какъ-то добился до того, что его приняли, а затѣмъ и меня. Орловъ немедля написалъ къ префекту полиціи Рено, который отвѣчалъ, что приметъ меня между 3-я и 4-мя часами. Позавтракавъ у Орлова и просидѣвъ у него долго, причемъ получилъ новый паспортъ, вмѣсто потерянаго въ сакъ-вояжѣ, я поѣхалъ къ префекту. У него очень долго ждалъ пріема, во время котораго замѣтилъ, что онъ вовсе не имѣетъ полицейскихъ способностей. Онъ отдѣлался фразами и послалъ меня къ директору канцеляріи, а послѣдній къ начальнику сыскной полиціи. Всѣ они еще не получали донесенія о пропажѣ и собирались дѣйствовать для ея отысканія, тогда какъ она уже въ цѣлости была доставлена въ самый полдень въ мой номеръ, гдѣ мы ее нашли по возвращеніи въ гостинницу въ 5 часовъ вечера. Оказалось, что мои вещи взялъ ошибкою какой-то пассажиръ и не поспѣшилъ

---

*) Состоящій при поѣздахъ Государя по заграничнымъ жел. дорогамъ.

**) Чижову.

***) Князь Николай Алексѣевичъ Орловъ, нашъ посолъ въ Парижѣ.

возвращеніемъ. Я поспѣшилъ уложить мой сундукъ, изъ котораго все было выбрано, такъ какъ его уносили къ слесарю для придѣлки новаго ключа. Я не могъ простить себѣ, что хотя на одну минуту выпустилъ изъ рукъ сакъ-вояжъ. Послѣ обѣда въ ресторанѣ близъ станціи du Nord, Алкье посадилъ меня въ Берлинскій вагонъ, въ купэ, въ которомъ я доѣхалъ до Берлина, сидя до Миндена одинъ, а въ этомъ городѣ сѣли два нѣмца, изъ которыхъ одинъ глухонѣмой садовникъ. Это купэ такъ же просторно, какъ и fauteuils-lits, и тебѣ бы всего лучше ѣхать въ подобномъ купэ, а не въ salon-wagon'ѣ, черезъ что сберегли бы болѣе 1000 фр., т.-е., болѣе 300 р. Вотъ издержка, которой причиною моя неосмотрительность. Шварцкопфъ боленъ и потому выслалъ мнѣ навстрѣчу своего товарища, который привезъ меня въ Hôtel d'Angleterre и оттуда на станцію желѣзной дороги. Въ послѣдней гостинницѣ увѣряли, что я не оставлялъ въ ней ничего. Я приказалъ, однако, поискать въ ихъ складочной. Пообѣдавъ, узналъ, что они не ищутъ, потому что, по ихъ словамъ, я ничего не оставлялъ. Я настаивалъ на отысканіи моего теплаго пальто, но мнѣ не приходили ничего сказать о послѣдствіяхъ розысканія.

«Когда я вышелъ передъ самымъ отъѣздомъ, мнѣ сказали, что нашли мою подушку, а пальто нѣтъ. Я приказалъ развязать подушку, чтобы посмотрѣть, что лежитъ въ ней, но мнѣ отвѣчали, что нечего развязывать, явно, что-пальто не оставалось, а подушка, какъ подушкѣ быть должно. Я ее развязалъ самъ и изъ нея вынулъ, къ общему удивленію, пальто и другія вещи. Но по дорогѣ изъ Берлина я ни въ чемъ тепломъ не нуждался. До Вержболова я ѣхалъ въ спальномъ вагонѣ, хорошо отапливаемомъ, съ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ *), котораго пригласилъ доѣхать до Петербурга въ вагонѣ, присланномъ за мною изъ Петербурга, въ томъ, въ которомъ я ѣхалъ съ тобою. Домъ нашелъ теплымъ и освѣщеннымъ. Буска**) не вдругъ меня узналъ, но узнавъ, отъ меня не отходилъ. Онъ возмужалъ, выросъ, потолстѣлъ и славная на немъ шерсть. До 12-го часу разбиралъ здѣсь найденныя бумаги и вещи изъ сундука. Вчера и сегодня 0 градусовъ. Собираюсь въ Сенатъ.

«Въ Псковѣ видѣлся съ М. Б. Прутченко, который уговорилъ меня быть опекуномъ Оли ***); подробности напишу послѣ.

«Сохрани это письмо: оно мнѣ понадобится для извѣстныхъ тебѣ «воспоминаній».

Въ дополненіе къ описанію моей поѣздки отъ Каннъ до Петербурга, изложенному въ приведенномъ письмѣ, сдѣлаю слѣдующія замѣчанія. На Ліонской желѣзной дорогѣ поѣздъ стоялъ въ полѣ ночью болѣе часа по неизвѣстной мнѣ причинѣ, черезъ что, несмотря на увеличеніе скорости поѣзда, онъ нѣсколько опоздалъ прибытіемъ въ Парижъ. Объ упомянутой оста-

*) Съ 1881 г. министръ Императорскаго Двора.

**) Собака.

***) Ольги Дельвигъ, племянницы моей и М. Б. Прутченко, Псковскаго губернатора.

новкѣ въ полѣ въ газетахъ не было заявлено и никто изъ пассажировъ не изъявлялъ неудовольствія. Въ Россіи же, несмотря на то, что большая часть остановокъ происходитъ отъ причинъ, не зависящихъ отъ управленія дорогою и весьма понятныхъ пассажирамъ, ни одной остановки они не пропустятъ безъ жалобы, а газеты безъ заявленія. На Парижской станціи Ліонской желѣзной дороги комната, въ которой полицейскій комиссаръ дѣлалъ дознаніе о моей потерѣ, была чрезвычайно мала, низка и грязна; мебель въ ней состояла изъ стола и стула простого дерева. Полицейскій комиссаръ совѣстился, что мнѣ приходилось нѣсколько часовъ стоять, и постоянно предлагалъ сѣсть на единственный находившійся въ комнатѣ стулъ, сидя на которомъ, я, по требованію комисара, написалъ довольно пространное заявленіе о моей пропажѣ, но онъ, найдя его не довольно подробнымъ, принялся писать съ моихъ словъ болѣе подробное заявленіе, что исполнялъ весьма медленно. Ночь въ гостинницѣ «Isles Britanniques» я провелъ въ страшной тревогѣ и безъ сна, сначала въ ожиданіи возвращенія Алкье изъ театра и въ разсказѣ ему о моей пропажѣ, а по его уходѣ изъ моего номера, въ припоминаніи и записываніи того, что именно было въ сакъ-вояжѣ. Въ немъ, кромѣ расписокъ Государственнаго банка въ принятыхъ на храненіе процентныхъ бумагахъ, были процентныя бумаги на нѣсколько тысячъ рублей на предъявителя, которыя могли быть проданы тѣмъ, кто у меня ихъ унесъ. Относительно же пропавшихъ расписокъ банка я опасался, что, по публикованіи объ ихъ пропажѣ, я цѣлый годъ не буду получать процентовъ съ хранящихся въ банкѣ процентныхъ бумагъ, вслѣдствіе чего въ этотъ годъ сестра и жена останутся безъ средствъ къ жизни.

Только по пріѣздѣ въ Петербургъ я узналъ, что мои опасенія были напрасны: если бы упомянутыя расписки не нашлись, банкъ, получивъ мое заявленіе объ ихъ пропажѣ, немедля выдалъ бы дубликаты. Въ бытность мою, на другой день по моемъ пріѣздѣ въ Парижъ, на Ліонской станціи, я удивился, что еще ничего не было сдѣлано для отысканія моей пропажи. Служащіе на станціи очень хладнокровно отвѣчали, что всѣ заявленія и допросы вмѣстѣ съ актомъ, составленнымъ полицейскимъ комисаромъ, будутъ посланы префекту полиціи въ 6 часовъ вечера, такъ какъ обо всѣхъ происшествіяхъ на станціи ему доносится ежедневно въ означенное время, и что по распоряженію префекта будутъ сдѣланы розысканія пропавшихъ вещей.

Видя, что хотя наканунѣ была исписана бездна бумаги, дѣло же нисколько впередъ не подвигается, я изъявилъ мое удивленіе и на вопросъ полицейскаго о томъ, что же ему было дѣлать, отвѣчалъ, что, конечно, не мое дѣло ихъ учить полицейскимъ розыскамъ, однако же предложилъ нѣсколько простыхъ средствъ къ отысканію моихъ вещей. То, что я называлъ въ моемъ письмѣ къ женѣ мѣшкомъ, были два застегнутые дорожнымъ ремнемъ пальто, одно статское, а другое—военное, котораго красная подкладка бросалась въ глаза, а потому я находилъ, что полиціи легко было бы узнать отъ извозчиковъ, которые пріѣзжаютъ на станцію ко времени прибы-

тія поѣздовъ, не видалъ ли кто изъ нихъ означеннаго пальто, весьма подробно описаннаго въ моемъ заявленіи полицейскому комисару. На это мнѣ отвѣчали, что дѣйствія полиціи будутъ зависѣть отъ распоряженія префекта.

Вездѣ та же бюрократія, но здѣсь, кажется, еще хуже нашего. Алкье со мною не разставался во весь день моего пребыванія въ Парижѣ. Мы съ нимъ долго ждали въ весьма грязной и холодной комнатѣ префекта, въ которой всѣ сидѣли въ пальто и въ шляпахъ. Оставивъ мое пальто у портье, я зябнулъ въ этой комнатѣ. Входившіе въ нее французы съ покрытою головою, снимая шляпы, просили, конечно, изъ вѣжливости, моего дозволенія накрыться.

Префектъ Рено, когда я и Алкье къ нему вошли, сидѣлъ по обыкновенію французовъ у камина. Онъ былъ очень любезенъ со мною, но, такъ же какъ и его правитель канцеляріи, сказалъ мнѣ, что ничего еще не знаетъ о дѣлѣ. Я же полагалъ, что префектъ заставилъ меня долго ждать въ пріемной вслѣдствіе того, что послалъ на Ліонской желѣзной дорогѣ узнать о происшествіи, о которомъ ему писалъ князь Орловъ, и не получилъ еще со станціи отвѣта. Оказалось, что ему это не пришло въ голову, а если бы онъ это сдѣлалъ, то узналъ бы, что всѣ мои вещи найдены и давно уже принесены въ занимаемый мною номеръ гостинницы. Онъ тогда могъ бы меня встрѣтить весьма эффектнымъ заявленіемъ объ отысканіи вещей, и я не находилъ бы словъ для восхваленія Парижской полиціи, тогда какъ теперь имѣю о ней и о полицейскихъ способностяхъ Рено весьма жалкое понятіе.

Въ ожиданіи часа, въ который Рено назначилъ мнѣ быть у него, я провелъ болѣе двухъ часовъ у князя Орлова. Онъ угощалъ меня богатымъ, великолѣпно сервированнымъ завтракомъ. Завтракали вмѣстѣ съ нами флигель-адъютантъ князь Мещерскій съ красавицею женою, сестрою извѣстной, далеко не столько красивой, княжны Долгоруковой 2-й. Этотъ Мещерскій воспитывался за границею, говорилъ дурно по-русски съ весьма замѣтнымъ акцентомъ, что не помѣшало ему умереть геройскою смертію въ Турецкую войну 1877 года. Въ приведенномъ письмѣ къ моей женѣ, я ей писалъ, что обѣдалъ въ этотъ день въ ресторанѣ, близъ Парижской станціи сѣверной желѣзной дороги; прибавлю, что, несмотря на отдаленность этой мѣстности отъ центра города, обѣдъ былъ превосходный. Это было тѣмъ пріятнѣе, что по всему пути отъ Парижа до Берлина нечего ѣсть. Курьерскій поѣздъ останавливается на всѣхъ станціяхъ на самое короткое время. Обѣдъ же въ Ганноверѣ отвратителенъ и въ продолженіе послѣднихъ 30 лѣтъ измѣнился только тѣмъ, что цѣна его возвышена.

Въ отдѣленіи спальнаго вагона, въ которое я сѣлъ въ Берлинѣ, я нашелъ графа Воронцова-Дашкова, начальника штаба С.-Петербургскаго военнаго округа, который въ темнотѣ, не узнавъ меня, увѣрялъ, что это отдѣленіе назначено только для одного пассажира, но кондукторъ объяснилъ ему, что въ немъ помѣщаются два пассажира, изъ коихъ одинъ ле-

житъ внизу на томъ мѣстѣ, гдѣ пассажиры сидятъ днемъ, а другой на полатяхъ, устроенныхъ надъ этимъ мѣстомъ, на которыя предъ наступленіемъ ночи влѣзъ Воронцовъ, что мнѣ въ мои лѣта и по моей толщинѣ было бы очень неудобно.

Въ это время началось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ. Графъ Воронцовъ увѣрялъ, что возстаніе началось по интригамъ князя Бисмарка, который надѣялся этимъ поссорить Россію съ Австріею, что, однакоже, ему не удалось.

Моя жизнь въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Петербургѣ безъ жены, была очень однообразна. Съ 8-го часа утра я занимался въ комнатѣ моей жены чтеніемъ журналовъ, газетъ и разныхъ книгъ, писаніемъ «Моихъ воспоминаній» и писемъ. Я писалъ къ женѣ по два письма каждую недѣлю. Завтракалъ обыкновенно въ 12 часовъ, а по вторникамъ и пятницамъ, когда были засѣданія въ Сенатѣ, въ 11 часовъ. Завтракъ состоялъ ежедневно изъ принесеннаго изъ ближайшаго ресторана рябчика, котораго я съѣдалъ только одну половину.

Послѣ завтрака, въ упомянутые дни я ходилъ въ Сенатъ, а въ остальные оставался дома часовъ до 4-хъ. Въ это время ходилъ пѣшкомъ обѣдать по воскресеньямъ къ Посьетамъ, по средамъ къ Н. Н. Колесову, по пятницамъ къ И. Н. Колесову, а въ остальные дни въ англійскій клубъ, гдѣ послѣ обѣда игралъ три робера въ ералашъ по 3 коп. съ перемѣннымъ счастьемъ. Обыкновенными моими партнерами были генералъ-адъютантъ графъ Николай Трофимовичъ Барановъ, баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель, Лутковскій и Константинъ Францовичъ Шульцъ, братъ управляющаго III отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи.

Въ 8 часовъ вечера за мною пріѣзжала карета, въ которой я немедля возвращался домой, гдѣ снова читалъ до полуночи, по наступленіи которой ложился спать. Исключеніе было только по вторникамъ: въ эти дни я проводилъ вечера въ комиссіи по снабженію русскихъ желѣзныхъ дорогъ рельсами и подвижнымъ составомъ. Посьеты и Колесовы были всегда очень рады моимъ посѣщеніямъ. Обѣды у Посьета мнѣ были непріятны только тѣмъ, что почти каждый разъ я долженъ былъ, по настоятельнымъ просьбамъ Н. И. Путилова, выпрашивать новыя для него льготы. Безъ дарованія этихъ льготъ его подряды, на которые онъ получилъ уже значительные авансы, должны были совсѣмъ остановиться, и въ этомъ случаѣ объявленіе его несостоятельнымъ было бы неизбѣжно.

Впрочемъ, о дѣлахъ Путилова подробно изложено въ началѣ этой главы «Моихъ воспоминаній», при описаніи моего участія въ его дѣлахъ.

Жена Н. Н. Колесова, Александра Константиновна, находила, что изъ родныхъ ея мужа только я и моя жена оказали ей родственное расположеніе, и потому была особенно любезна со мною. Сверхъ того, ея мужъ, несмотря на мои увѣренія, что устройство Петербургскаго порта Путиловымъ не сбыточно, а слѣдовательно и учрежденіе правленія для наблюденія за этимъ устройствомъ, постоянно надѣялся черезъ меня получить

мѣсто директора предполагаемаго правленія. Все семейство И. Н. Колесова было мнѣ очень близко. У него я былъ, какъ у себя дома. Несмотря на свои 58 лѣтъ, умъ и образованіе, онъ оставался наивнымъ юношею, продолжалъ хвастаться своими обѣдами и безпрерывно покупаемыми и продаваемыми имъ лошадьми. Послѣднія купленныя имъ были всегда такія, что лучше ихъ нельзя найти во всемъ свѣтѣ; между тѣмъ, черезъ нѣсколько недѣль, покупались лучшія, о которыхъ говорилось то же. Это наивное хвастовство, продолжающееся относительно лошадей болѣе 25 лѣтъ, меня очень забавляло.

Въ Сенатѣ я бывалъ еженедѣльно по вторникамъ въ межевомъ департаментѣ и каждыя двѣ недѣли по пятницамъ во второмъ общемъ собраніи. Ничего особенно замѣчательнаго въ сенатскихъ засѣданіяхъ не происходило. Измѣнялся только составъ межевого департамента, о чемъ упомянуто въ началѣ этой главы «Моихъ воспоминаній», а также и составъ второго общаго собранія, но дѣла шли попрежнему.

Слѣдующій день, по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ вторникъ. Я утромъ былъ въ Сенатѣ, а вечеромъ въ комиссіи по снабженію русскихъ желѣзныхъ дорогъ рельсами и подвижнымъ составомъ, засѣданія которой продолжались съ 8-ми часовъ вечера до полуночи. Выше описано начало дѣйствій комиссіи и сказано, что дальнѣйшія ея дѣйствія будутъ описаны въ своемъ мѣстѣ. Но я ограничусь весьма немногимъ, такъ какъ я принималъ въ ней незначительное участіе, будучи недоволенъ самымъ началомъ ея дѣйствій и убѣжденъ въ томъ, что вслѣдствіе ея состава, выборъ котораго, конечно, отъ меня не зависѣлъ, занятія комиссіи не приведутъ къ правильнымъ результатамъ.

Я уже говорилъ, что предсѣдателемъ комиссіи былъ членъ Государственнаго Совѣта Небольсинъ; членами были: я по особому Высочайшему повелѣнію и назначенные министромъ финансовъ: директоръ департамента торговли и мануфактуръ А. И. Бутовскій и директоръ канцеляріи министра финансовъ Д. Ѳ. Кобеко; министромъ путей сообщенія: инженеры Д. И. Журавскій и Ѳ. И. Энрольдъ, о которомъ выше неоднократно было упомянуто, и министромъ государственныхъ имуществъ: членъ совѣта министра Ислависъ и профессоръ горнаго института Тиммъ.

Небольсинъ, человѣкъ нерѣшительный, архи-чиновникъ, не умѣлъ вести преній. Бутовскій всегда опаздывалъ, приходилъ на-веселѣ, крикливо излагалъ свои мнѣнія, предлагалъ покровительствовать внутреннему производству рельсовъ, сначала только на югѣ и въ особенности заводу Юза, а впослѣдствіи, въ надеждѣ поступить предсѣдателемъ совѣта общества Путиловскихъ заводовъ, съ хорошимъ содержаніемъ, и можетъ быть получить отъ Путилова и не одно это мѣсто, началъ поддерживать производство рельсовъ и въ приморскихъ городахъ и, конечно, въ Петербургѣ. Я старался умѣрить порывы къ покровительству, но находилъ правильнымъ оказывать его съ умѣренностію и внутри Россіи и на окраинахъ, а такъ какъ я въ это время былъ предсѣдателемъ общества Путиловскихъ заводовъ,

то, конечно, подвергался подозрѣнію, что я говорю въ пользу этихъ заводовъ, и до того, что я отказывался давно отъ этой должности, изъ которой и вышелъ въ мартѣ 1876 года, конечно, никому не было дѣла.

Въ особенности профессоръ Тиммъ нападалъ на покровительство заводамъ, устроеннымъ на окраинахъ, такъ какъ они пользуются иностраннымъ сырымъ матеріаломъ. Онъ добивался, чтобы покровительствовали собственно выдѣлкѣ чугуна и желѣза. Онъ, конечно, былъ правъ, но задача, поставленная комиссіи, была не въ этомъ: свой чугунъ и желѣзо, какое бы покровительство ни оказывали ихъ производству, получили бы во всякомъ случаѣ только черезъ нѣсколько лѣтъ, а между тѣмъ русскія желѣзныя дороги нуждались въ настоящее время въ рельсахъ и подвижномъ составѣ.

Журавскій постоянно мѣнялъ свое мнѣніе: то соглашался со мною, то находилъ не нужнымъ покровительствовать заводамъ на окраинахъ, вслѣдствіе чего бралъ на домъ составленные, по единогласнымъ заключеніямъ, протоколы предыдущихъ засѣданій, въ которыхъ и онъ участвовалъ, и возвращалъ эти протоколы при особомъ мнѣніи; вообще былъ медлительнымъ и нерѣшительнымъ и явно оказался неспособнымъ исполнять его настоящія обязанности директора департамента желѣзныхъ дорогъ и завѣдывающаго техническо-инспекторскою частію этихъ дорогъ.

Занятія комиссіи были окончены въ мое отсутствіе изъ Петербурга. Комитетъ министровъ положеніе свое отъ 4 мая 1876 года, по предмету этихъ занятій, оканчиваетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ заключеніе комитетъ считаетъ долгомъ довести до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія, что все, внесенное министромъ финансовъ, дѣло о мѣрахъ къ развитію въ Россіи рельсоваго производства представляетъ собою заслуживающій особаго вниманія многосложный и важный трудъ и что состоящая подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта, тайнаго совѣтника Небольсина, Высочайше учрежденная комиссія совершила возложенную на нее задачу съ такимъ знаніемъ дѣла, что результаты занятій комиссіи представляютъ рѣдкое по своей полнотѣ и основательности исполненіе Высочайше возложеннаго на комиссію порученія, въ той части онаго, которая касается вопроса о снабженіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ рельсами».

Упомянутое положеніе комитета министровъ Высочайше утверждено 14 мая 1876 года.

Результатъ трудовъ комиссіи по развитію въ Россіи изготовленія подвижного состава былъ также, по разсмотрѣніи комитетомъ министровъ, Высочайше утвержденъ въ томъ же 1876 году. Я получилъ, какъ членъ комиссіи, Высочайшее благоволеніе, каковое вѣроятно получили всѣ прочіе члены комиссіи и ея предсѣдатель, произведенный въ апрѣлѣ 1878 г., за 50-лѣтнюю службу, въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Однообразіе моей жизни зимою 1875—1876 года было нарушаемо только посѣщеніями моихъ знакомыхъ и лицъ, искавшихъ концессію

Донецкой желѣзной дороги, а впослѣдствіи занятій при этой дорогѣ, и пріѣздами въ Петербургъ Ѳ. В. Чижова. Въ посѣщеніяхъ меня знакомыми и разными концессіонерами ничего заслуживающаго вниманія не было, за исключеніемъ посѣщенія, по порученію Принца Александра Гессенъ-Дармштадскаго, г. Крапивки, которое подробно разсказано выше въ этой главѣ «Моихъ воспоминаній». Тамъ же было упомянуто, что всѣмъ, искавшимъ чрезъ меня получить подряды и другія занятія на Донецкой желѣзной дорогѣ, я рѣзко отвѣчалъ, что въ обществѣ этой дороги не участвую и никого не рекомендую. Ѳ. В. Чижовъ поспѣшилъ со мною видѣться, по возвращеніи моемъ изъ-за границы. Онъ въ одно время пріѣхалъ со мною въ Петербургъ. Мы видѣлись каждый день. Его посѣщенію я обязанъ, что первое время моего одиночества я провелъ не очень грустно.

Въ эту осень много лицъ умерло изъ нашихъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ. Изъ родныхъ умерли мой старшій шуринъ Василій Левашовъ и мой своякъ графъ Н. С. Толстой; изъ близкихъ знакомыхъ лучшій другъ моей жены Е. И. Вельяминова-Зернова, К. В. Чевкинъ, П. К. Меньковъ и др.

9-го ноября я служилъ въ Андреевскомъ соборѣ панихиду. Въ поданной мною священнику запискѣ для поминовенія было написано 8 именъ новопреставленныхъ. Священникъ, читая имена, пропустилъ слово «новопреставленные», полагая, что не можетъ быть, чтобы я могъ потерять въ послѣдніе 40 дней такъ много мнѣ близкихъ людей.

Въ духовномъ завѣщаніи Менькова, между прочимъ, было сказано: «за продажею вещей болѣе или менѣе цѣнныхъ, вещи недорогія по цѣнности, но пріятныя по воспоминаніямъ, въ видѣ оружія, мелочей съ письменнаго стола и пр., я прошу товарищей жизни и службы принять на память обо мнѣ».

Вслѣдствіе этого графъ Г. А. Строгановъ, душеприкащикъ по завѣщанію Менькова, препроводилъ мнѣ принадлежавшій послѣднему Туркестантскій кувшинъ. Строгановъ въ это время никуда не выѣзжалъ по случаю тяжкой болѣзни его жены, великой княгини Маріи Николаевны, скончавшейся въ началѣ 1876 года.

Выше было упомянуто, что къ 5 января 1875 года весь мой капиталъ состоялъ въ 176.648 руб., считая въ томъ числѣ мой царскосельскій домъ въ 20.000 руб. Къ 19 марта 1876 года онъ дошелъ до 184.765 руб., слѣдовательно увеличился на 8.117 руб. Измѣненіе капитала состояло въ слѣдующемъ: проданы облигаціи: Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги—36, Московско-Рязанской—30, Американскихъ штатовъ—10 и 5% банковыхъ билета—2, цѣною оба въ 600 руб.; общая биржевая цѣна всѣхъ этихъ бумагъ въ январѣ 1875 года равнялась 45.448 руб. сверхъ того, полученъ долгъ Шеншина 5.700 руб., итого уменьшенія въ капиталѣ, значившемся къ 5 января 1875 года, на 51.148 руб. Пріобрѣтены закладные листы русскаго центральнаго поземельнаго банка 5½%-хъ 19 и 5%-хъ 280, которыхъ общая биржевая цѣна въ мартѣ 1876 года равнялась 51.100 р.; сверхъ того, внесенъ первый взносъ по 10 паямъ товарищества Мурман-

скаго пароходства въ 1.250 р. и на текущемъ счетѣ прибавилось 2.300 р., итого прибавилось 54.650 р., а, за исключеніемъ показанной убыли на 51.148 р., остается въ прибыли 3.502 руб.

По веденнымъ мною подробнымъ счетамъ получено мною дохода въ 1875 году 24.355 руб. и израсходовано 22.261 руб., слѣдовательно осталось въ сбереженіи 2.094 р., остальная прибыль до 8.117 р., составляющая 6.023 р., получена отъ выгодъ при замѣнѣ облигацій Азовской и Моршанской желѣзныхъ дорогъ и Американскихъ штатовъ закладными листами русскаго центральнаго поземельнаго банка и отъ увеличенія въ 1875 году биржевой цѣнности оставшихся у меня процентныхъ бумагъ. Впрочемъ, это увеличеніе было фиктивное, такъ какъ оно происходило собственно отъ паденія курса на нашъ кредитный рубль и, конечно, если принять въ соображеніе это паденіе, то принадлежащій мнѣ капиталъ уменьшился. Въ январѣ 1875 года кредитный рубль стоилъ около 350 сантимовъ, а въ мартѣ 1876 года около 320 сантимовъ, слѣдовательно, мой капиталъ равнялся въ январѣ 1875 года—176.648×3,50=618.268 фр., а въ мартѣ 1876 года—184.765×3,20=594.248 франкамъ.

Новый 1876 годъ я встрѣтилъ непріятно. Я зналъ, что жена въ Каннѣ лежитъ больная, а въ Петербургѣ мнѣ надоѣло мое невольное участіе въ дѣлахъ Путилова. Выше подробно изложено было о телеграммахъ и письмахъ, которыя я получалъ отъ И. С. Аксакова относительно долга Путилова Московскимъ банкамъ. Въ самый день Новаго года я получилъ отъ Аксакова двѣ телеграммы одинаковаго содержанія, одну адресованную ко мнѣ на домъ, а другую въ Англійскій клубъ. Аксаковъ требовалъ моего содѣйствія къ немедленной уплатѣ Московскимъ банкамъ, слѣдовавшихъ съ Путилова, суммъ.

Въ началѣ января 1876 года я получилъ приглашеніе предсѣдателя комиссіи по техническому образованію, учрежденной при русскомъ техническомъ обществѣ, Е. Н. Андреева участвовать въ засѣданіяхъ комиссіи при разсмотрѣніи проектовъ устройства желѣзнодорожныхъ школъ. Первое засѣданіе было назначено 9 января 1876 года, въ которомъ я подробно изложилъ ходъ теоретическихъ и практическихъ занятій въ Дельвиговскомъ желѣзнодорожномъ училищѣ, причемъ заявилъ, что я не могу принимать участія въ дальнѣйшихъ занятіяхъ комиссіи, вслѣдствіе чего предсѣдатель предложилъ мнѣ намѣтить тѣ вопросы, которые желательно было бы рѣшить при разсмотрѣніи проектовъ желѣзнодорожныхъ школъ, какъ основные. Я отвѣтилъ, что по моему мнѣнію, чтобы быть въ состояніи сказать, какимъ путемъ можетъ быть увеличена польза, приносимая нашими желѣзнодорожными школами, необходимо опредѣлить:

1) возрастъ при пріемѣ въ желѣзнодорожныя школы;

2) какую подготовку нужно требовать отъ поступающихъ въ нихъ;

3) изъ сколькихъ лѣтъ и классовъ долженъ состоять курсъ этихъ заведеній;

4) что и въ какомъ объемѣ должно быть проходимо въ нихъ;

5) когда должны начинаться практическія работы;

6) въ чемъ онѣ должны состоять;

7) сколько лѣтъ онѣ должны продолжаться въ мастерскихъ училища;

8) какъ связать работу въ заводскихъ мастерскихъ или на дорогахъ съ продолженіемъ учебнаго курса.

Подробности этого засѣданія описаны въ трудахъ комиссіи по техническому образованію за 1876—1877 г. и въ «Mèmoires et rapports présentés par le comitè organisateur russe au congrés international d'hygiène de sauvetage et d'économie sociale à Brusselles 1876 года».

25 августа 1875 года скончалась въ Страсбургѣ вдова моего брата Николая Ивановича; она похоронена въ Висбаденѣ. Объ ея непріятныхъ отношеніяхъ къ нашей семьѣ неоднократно упоминалось въ «Моихъ воспоминаніяхъ». Послѣ нея остались сыновья Дмитрій и Борисъ и дочери Александра и Ольга. Женитьба перваго описана въ началѣ этой главы «Моихъ воспоминаній». Онъ долго былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, теперь же членомъ Нижегородскаго окружнаго суда.

Второй сынъ по выходѣ изъ пажескаго корпуса корнетомъ въ армейскій гусарскій полкъ, стоявшій въ Бѣжецкѣ, Тверской губ., вскорѣ вышелъ въ отставку. Его родной дядя, Псковскій губернаторъ М. Б. Прутченко, принялъ его на гражданскую службу и опредѣлилъ въ свою канцелярію, гдѣ онъ дурно велъ себя, и Прутченко принужденъ былъ съ нимъ разстаться.

Проѣзжая въ концѣ 1873 года изъ Пскова въ Нижній-Новгородъ, онъ остановился у меня и каждый день бывалъ у Николая Павловича Смирнова (впослѣдствіи тайный совѣтникъ и товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода), утверждая, что Смирновъ—женихъ его сестры Александры, которая въ это время лечилась за границею отъ ушиба при паденіи съ лошади, и пріѣзда которой онъ ожидалъ со дня на день. Но сестра его проѣхала изъ Гатчины на Николаевскую желѣзную дорогу, не заѣзжая въ Петербургъ, и въ этотъ проѣздъ не видала Смирнова.

Имѣя въ виду, что Борисъ, еще бывши пажемъ, старался уладить замужество своей сестры за Сергѣя Васильевича Танѣева, неудавшееся по нежеланію ея родителей, и находя его искательство у Смирнова весьма неприличнымъ, я ему говорилъ, что его поведеніе только компрометируетъ его сестру, которая, какъ видно, вовсе не желала видѣть Смирнова. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что будто бы его сестра заявила желаніе выйти за Смирнова, который былъ въ нее влюбленъ, но что въ вагонѣ на пути изъ Варшавы она увлеклась какимъ-то молодымъ княземъ Гагаринымъ и, расчитывая выйти за него замужъ, рѣшилась не заѣзжать въ Петербургъ, чтобы не видѣться съ Смирновымъ.

Вскорѣ этотъ князь Гагаринъ, по порученію моей племянницы, заѣзжалъ ко мнѣ. Впрочемъ, на этомъ кончилось наше знакомство, и я о Гагаринѣ болѣе не слыхалъ. Вскорѣ Борисъ уѣхалъ къ матери въ Нижегородскую деревню. Его здоровье, вслѣдствіе слишкомъ широкой жизни, было крайне

разстроено. Въ зиму 1874—1875 года онъ уѣхалъ въ Венецію, гдѣ въ то время жила хорошая знакомая моей сестры г-жа Энгельмейеръ, уплатившая, несмотря на свои весьма ограниченныя средства, долгъ, сдѣланный Борисомъ портному въ Венеціи. Моя сестра поспѣшила выслать израсходованныя ею за Бориса деньги. Онъ возвратился въ Нижегородскую губернію въ 1875 году, а въ январѣ 1876 года посватался къ 16-лѣтней дѣвицѣ баронессѣ Штакельбергъ, на танцовальномъ вечерѣ у ея отца, и тутъ же былъ объявленъ женихомъ.

Въ началѣ февраля 1876 года я получилъ письмо отъ его невѣсты, въ которомъ она рекомендуетъ себя и извѣщаетъ, что она вскорѣ съ матерью и женихомъ ѣдетъ путешествовать по чужимъ краямъ. Они полагали проѣздить два мѣсяца и сыграть свадьбу по возвращеніи въ Нижній-Новгородъ. Въ мартѣ они были у моей племянницы В. С. Засѣцкой во Флоренціи и у жены моей и сестры въ Каннѣ, гдѣ провели день моего рожденія 13-го марта. Сдѣлавъ въ Парижѣ приданое, они выѣхали такъ, чтобы со мною встрѣтиться въ Берлинѣ, при проѣздѣ моемъ въ Каннъ. Я очень удивился, когда увидалъ Бориса, вошедшаго въ Берлинѣ въ номеръ, мною занятый въ гостинницѣ. Онъ объяснилъ, что съ невѣстою и ея матерью возвращается изъ Парижа и пріѣхалъ въ Берлинъ наканунѣ, такъ какъ мать невѣсты непремѣнно хотѣла со мною познакомиться. Я отклонилъ его предложеніе привести ко мнѣ невѣсту съ матерью, а онъ рѣшительно не хотѣлъ, чтобы я ѣхалъ къ нимъ, и потому было условлено, что онѣ встрѣтятся со мною на станціи желѣзной дороги. Изъ разговора Бориса во время завтрака въ одномъ изъ Берлинскихъ ресторановъ, я замѣтилъ, что онъ вовсе не влюбленъ въ свою невѣсту и не довольно почтительно отзывается объ ея матери.

Передъ отъѣздомъ изъ Берлина я провелъ съ ними на станціи болѣе получаса. Мать была еще молодая и красивая женщина. Своимъ обращеніемъ она мнѣ очень понравилась. Невѣста, также недурная собой, не сказала ни слова. Когда я сидѣлъ уже въ вагонѣ, мать подошла ко мнѣ и просила не оставить ея единственное дитя, которое родители выдаютъ за Бориса, наслышавшись о добротѣ его близкихъ родныхъ, въ чемъ она успѣла удостовѣриться во Флоренціи и въ Каннѣ.

По пріѣздѣ въ Каннъ, я сказалъ женѣ и сестрѣ, что видѣлся передъ отъѣздомъ изъ Петербурга съ дядею жениха, М. Б. Прутченко, который изъявлялъ удивленіе тому, что родители невѣсты соглашаются выдать ее за Бориса, и что намъ, роднымъ его дядямъ, слѣдовало бы имъ сообщить то, что мы о немъ знаемъ. Моя жена и сестра сказали мнѣ, что невѣста и ея мать очень имъ понравились, что обѣ были разговорчивы, но что Борисъ вовсе не влюбленъ въ свою невѣсту, которая видимо влюблена въ него, и обходится съ нею и ея матерью слишкомъ безцеремонно: онъ не только не старался дѣлать имъ угодное, но требовалъ отъ нихъ разныхъ услугъ.

Въ половинѣ апрѣля жена моя получила письмо отъ матери невѣсты, въ которомъ она благодаритъ за сдѣланный ей и ея дочери пріемъ и извѣ-

щаетъ, что ея мужъ, узнавъ о поведеніи Бориса во время путешествія, рѣшился ему отказать, вслѣдствіе чего просила указать, куда послать подарки, полученные ея дочерью отъ моей жены и сестры. Жена отвѣчала ей, что она находитъ справедливымъ принятіе такого рѣшенія, и просила оставить незначительные подарки, сдѣланные ею и сестрою бывшей невѣстѣ, какъ воспоминаніе пріятнаго для нихъ съ нею знакомства. Борисъ продолжалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ ѣздить мимо дома Штакельберговъ и старался встрѣчаться съ бывшею невѣстою, родители которой поспѣшили ее въ томъ же году отдать замужъ.

Старшая дочь брата, Александра, очень красивая, образованная и умная дѣвушка, но, какъ видно изъ предыдущаго разсказа, легко увлекающаяся. Сверхъ того, она многое наслѣдовала изъ несноснаго характера ея матери. Въ концѣ 1875 года она уѣхала съ больною матерью и младшею сестрою за границу, во время продолжительной и тяжкой болѣзни ея матери была при ней одна, а также и при ея смерти въ Страсбургѣ. Младшая ея сестра была въ это время въ пансіонѣ въ Гейдельбергѣ.

Въ домѣ, смежномъ съ тѣмъ, въ которомъ помѣщались моя свояченица съ дочерью, жилъ молодой прусскій офицеръ, отличный музыкантъ, ежедневно по нѣсколько часовъ игравшій на фортепіано. Узнавъ о положеніи моей свояченицы, онъ присылалъ спросить, не тревожитъ ли больную его игра на фортепіано, чѣмъ и кончились ихъ сношенія. По возвращеніи моей племянницы съ младшею ея сестрою изъ Висбадена, куда онѣ ѣздили хоронить свою мать, упомянутый офицеръ, Максимиліанъ Крупка, сдѣлалъ предложеніе моей старшей племянницѣ, которая на него изъявила согласіе.

Родители Крупки, у которыхъ онъ единственный сынъ, пріѣзжали изъ Фленсбурга, гдѣ они пользуются общимъ уваженіемъ, познакомиться съ невѣстою ихъ сына. Тогда же положено было, что мои племянницы немедля вернутся въ Нижній-Новгородъ, куда Крупка пріѣдетъ въ концѣ зимы, и свадьбу сыграютъ не позже Ѳомина воскресенья (11 апрѣля), чтобы молодымъ успѣть въ Фленсбургъ къ 19 апрѣля (1 мая нов. ст.), дню празднованія 25-лѣтней свадьбы родителей Крупки.

Молодые поселились въ Страсбургѣ, куда къ нимъ въ томъ же 1876 г. заѣзжали моя сестра съ дочерью Эмиліею, моя племянница В. С. Засѣцкая съ своими дѣтьми и М. Б. Прутченко. Всѣ отзываются о молодомъ Крупка съ величайшею похвалою: онъ хорошъ собою, ловокъ, прекрасный музыкантъ и своимъ настойчивымъ характеромъ умѣетъ придерживать слишкомъ строптивый характеръ своей жены, такъ что всѣ оправдываютъ выборъ послѣдней. Но надо сказать, что и ему посчастливилось жениться на такой русской дѣвицѣ, которая, несмотря на хорошее образованіе и замѣчательное изящество манеръ, умѣетъ стряпать лучше кухарки, закупать все нужное на рынкѣ и держать хозяйство въ порядкѣ, не требуя большой прислуги. Подобныхъ русскихъ дѣвицъ изъ высшаго класса очень и очень мало.

Младшей дочери брата моего, Ольгѣ, было 10 лѣтъ отъ роду въ годъ смерти ея матери, но она уже много переиспытала. Своего отца она не помнитъ иначе, какъ весьма больного. Послѣ его смерти долго болѣла отъ паденія съ лошади ея старшая сестра; она была свидѣтельницею предсмертной болѣзни своей матери. Болѣзненное состояніе этихъ членовъ ея семейства было причиною частыхъ заграничныхъ путешествій и необходимости помѣщать ее для обученія въ пансіоны. Такъ, на 8-мъ году отъ роду, во время леченія ея сестры, она пробыла около года въ пансіонѣ въ Женевѣ, а на 10-мъ году, во время болѣзни ея матери, почти столько же времени въ пансіонѣ въ Гейдельбергѣ.

Послѣ смерти моей свояченицы, ея братъ М. Б. Прутченко, письмомъ, мною полученнымъ въ Монморанси, просилъ быть опекуномъ нашей общей малолѣтней племянницы. Онъ находилъ, что ея братья не могутъ быть опекунами, по причинѣ ихъ молодости; онъ же не принималъ на себя этой обязанности, по значительности своей семьи и множеству занятій; сестру же свою Е. Б. фонъ-Бринъ, несмотря на то, что очень ее любитъ, онъ считалъ во многихъ отношеніяхъ неспособною быть опекуншею. Жена моя не желала, чтобы я бралъ на себя эту обузу, опасаясь, что послѣдствіемъ ея будутъ распри съ Е. Б. фонъ-Бринъ и другими родными моей племянницы, которые захотятъ, чтобы она воспитывалась не согласно съ нашими убѣжденіями.

Въ этомъ духѣ она писала къ М. Б. Прутченко, который, соглашаясь съ моею женою, что наша племянница должна быть воспитана по нашему усмотрѣнію, безъ малѣйшаго вмѣшательства другихъ родныхъ, упрашивалъ жену уговорить меня принять на себя званіе опекуна, окончательно убѣдилъ меня при проѣздѣ моемъ черезъ Псковъ, гдѣ онъ выѣзжалъ ко мнѣ на желѣзнодорожную станцію. Между тѣмъ, временно опекуномъ назначенъ былъ старшій братъ малолѣтней, Дмитрій Дельвигъ, у котораго она жила въ Нижнемъ-Новгородѣ по возвращеніи изъ-за границы.

21 января 1876 года я назначенъ вмѣсто него опекуномъ.

Свояченица моя, по особому Высочайшему повелѣнію, получала пенсію, за службу ея мужа, вмѣстѣ съ дѣтьми по 2.500 руб. въ годъ. По существовавшему до 27 декабря 1874 года закону, подобныя пенсіи, по смерти вдовы, выдавались въ томъ же размѣрѣ тѣмъ ея дѣтямъ, которыя по общимъ узаконеніямъ сохраняли еще въ день смерти матери право на пенсію. Но 27 декабря 1874 года законъ этотъ измѣненъ, и постановлено, въ случаѣ смерти вдовы, получавшей пенсію по особому Высочайшему повелѣнію, дѣтямъ ея, сохранившимъ еще право на пенсію, выдавать таковую въ размѣрѣ пенсіоннаго устава. Состоящая подъ моею опекою племянница по прежнему закону, въ виду совершеннолѣтія ея братьевъ и сестры, получала бы ежегодно пенсіи 2.500 р., а по новому закону ¼ обыкновенной пенсіи генералъ-лейтенанта, что составило бы менѣе 300 р.

Въ исполненіи новаго закона встрѣтились разныя недоразумѣнія, которыя не были разъяснены въ продолженіе всего 1875 года, вслѣдствіе

чего, послѣ смерти моей свояченицы, казначейство. въ ожиданіи разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній, вовсе остановило выдачу пенсіи моимъ племянницамъ. Я объяснилъ это положеніе министру финансовъ, который сказалъ, что его несогласіе съ военнымъ министромъ, относительно способа исполненія новаго закона, можетъ продолжаться долго, и, конечно, въ это время мои племянницы не могутъ получать изъ казначейства болѣе той суммы, какая имъ слѣдуетъ по новому закону. Вслѣдствіе этого, М. Х. Рейтернъ мнѣ совѣтовалъ просить отзыва военнаго министра, въ которомъ послѣдній просилъ бы его, въ виду особыхъ военныхъ заслугъ брата, назначить моимъ племянницамъ усиленную пенсію, а онъ, по полученіи означеннаго отзыва, брался исходатайствовать таковую пенсію у Государя.

Въ январѣ 1876 года была назначена пенсія моимъ племянницамъ по 600 р. въ годъ каждой, до ихъ замужества. Старшая моя племянница вышла 11 апрѣля 1876 года замужъ, и потому пользовалась этою пенсіею только съ 25 августа 1875 года, день смерти ея матери, по означенное 11 апрѣля. По выходѣ въ замужество она возобновила, безъ моего вѣдома, просьбу о продолженіи ей пенсіи пожизненно, но ей было отказано.

Я уже говорилъ, что здоровье моей жены въ Каннѣ, въ ноябрѣ и въ декабрѣ 1875 года, было очень дурно. Въ концѣ послѣдняго мѣсяца жена въ письмѣ ко мнѣ просила разрѣшенія нанять помѣсячно экипажъ для прогулокъ. Для нея найдена была низенькая и покойная карета; цѣна за мѣсяцъ была 600 франковъ. Конечно, я поспѣшилъ увѣдомить о моемъ согласіи. Эта карета оставалась у насъ до выѣзда изъ Каннъ, 30 апрѣля. Жена почти каждый день ею пользовалась. При этихъ прогулкахъ она выходила изъ кареты ненадолго, вырывала всегда имѣвшеюся съ нею лопаткою цвѣты, травы и даже маленькіе кустики. Хозяева мѣстъ, гдѣ это дѣлалось, заявляли иногда неудовольствіе. Кучеръ, итальянецъ Жовани, былъ очень услужливъ и потому нравился моей женѣ. До половины января пробылъ съ нею ея братъ Н. Н. Левашовъ съ своею женою. Имѣя въ виду, что по ихъ отъѣздѣ во всемъ домѣ не останется ни одного мужчины, а ихъ шале было въ довольно пустынномъ мѣстѣ, жена пригласила жить въ домъ мужа кухарки, оказавшагося очень хорошимъ и вѣрнымъ человѣкомъ. Плата ему была незначительная. Впрочемъ, онъ цѣлые дни бывалъ въ отсутствіи, имѣя обязанностью переносить деньги разныхъ торговцевъ изъ Каннъ въ г. Грассъ. По отъѣздѣ брата жены, она сдѣлалась еще грустнѣе и съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждала моего пріѣзда въ Каннъ. Письма моей сестры были наполнены грустью о томъ, что моя долгая разлука съ женою ухудшаетъ здоровье послѣдней и надеждою на мой скорый пріѣздъ. Между тѣмъ я, не будучи увѣренъ, что получу заграничный отпускъ, не рѣшался писать о днѣ моего выѣзда изъ Петербурга. По полученіи отпуска, я 19 марта написалъ слѣдующее письмо къ женѣ, но, чтобы не безпокоить ее, я его не послалъ:

«По возвращеніи 17 марта домой, я нашелъ письмо министра юстиціи,

увѣдомляющее о моемъ отпускѣ, и которое я ожидалъ съ нервическимъ нетерпѣніемъ по слѣдующей причинѣ. 5-го марта я писалъ тебѣ о подачѣ мною 3 марта письма Палену съ испрошеніемъ отпуска. Онъ затруднялся о немъ ходатайствовать, о чемъ разскажу по пріѣздѣ. Не увѣренный въ полученіи отпуска, я на другой день былъ въ канцеляріи министра и узналъ, что объ отпускѣ доложено. 6-го числа я опять былъ въ канцеляріи и просилъ объ извѣщеніи меня объ отпускѣ, не желая ѣхать въ Москву, не будучи въ немъ увѣренъ. 9-го я снова заѣзжалъ туда же; мнѣ сказали, что послали бумаги объ отпускѣ къ подписи министра, и я получу извѣщеніе на другой день, но не только я его не получилъ передъ отъѣздомъ въ Москву, но не нашелъ и по возвращеніи 14 числа, что заставило меня немедля по пріѣздѣ заѣхать къ управляющему канцеляріею министра юстиціи графу Капнисту, отъ котораго узналъ, что бумага не подписана, а будетъ подписана немедля, а я получу увѣдомленіе на другой день.

Не получивъ его, я собрался ѣхать къ министру съ новымъ письмомъ, но мнѣ помѣшалъ пришедшій ко мнѣ Ренаръ. Встрѣтивъ въ тотъ же день Капниста въ канцеляріи министра, я узналъ отъ него, что бумаги отосланы, но получилъ письмо съ извѣщеніемъ только въ 9 часовъ вечера. Ты можешь себѣ представить, какъ мои нервы играли все это время. Вещь, самая простая для другихъ, досталась мнѣ съ такими похожденіями. Такъ мнѣ на роду написано, чтобы встрѣчать на службѣ неожиданныя затрудненія. Теперь могу тебѣ сообщить, что выѣзжаю въ субботу и полагаю ѣхать до Парижа безъ остановки».

Въ этомъ письмѣ я говорю, что Паленъ затруднялся ходатайствовать о моемъ отпускѣ, и что я объ этомъ разскажу по пріѣздѣ въ Каннъ. Дѣйствія Палена были до того странны, что нельзя ихъ не описать. Моему разсказу о нихъ многіе не хотѣли вѣрить. Имѣя въ виду, что Паленъ, желая придать себѣ значеніе, неоднократно испрашивалъ у Государя отпуски сенаторамъ на одинъ мѣсяцъ, тогда какъ они ходатайствовали о двухмѣсячныхъ отпускахъ, я поѣхалъ къ нему, чтобы объяснить необходимость мнѣ, по состоянію здоровья моей жены, пробыть въ отпуску два мѣсяца. Паленъ ломанымъ языкомъ выразилъ, въ какое затруднительное положеніе его поставляютъ сенаторы подобными просьбами; что вѣдь сенаторы не простые чиновники, которымъ было бы легко отказывать, спрашивалъ, что ему приходится дѣлать, когда мы входимъ съ неудобоисполнимыми просьбами, и вообще наговорилъ по обыкновенію много глупаго и до того безсвязнаго, что трудно было бы передать его слова.

Въ заключеніе, выслушавъ причины, побуждающія меня уѣхать, онъ сказалъ, что сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, и чтобы я положился на него. Несмотря на это обѣщаніе, онъ мнѣ исходатайствовалъ отпускъ всего на одинъ мѣсяцъ. Полученіе отпуска всякому, несущему даже прямыя обязанности, незначительному чиновнику не представляетъ никакихъ затрудненій, тѣмъ болѣе они немыслимы для сенатора, котораго отсутствіе ничего не измѣняетъ въ обыкновенномъ ходѣ дѣлъ. Полагаю, что

Паленъ, дѣлаемыми имъ затрудненіями, хочетъ показать сенаторамъ свое значеніе.

Несмотря на данный мнѣ отпускъ на одинъ мѣсяцъ, я пробылъ въ немъ слишкомъ полтора мѣсяца. Передъ Пасхою послѣднее засѣданіе въ Сенатѣ было 26-го марта; я выѣхалъ 27-го марта, но такъ какъ я въ письмѣ къ Палену заявилъ, что полагаю воспользоваться отпускомъ 12-го апрѣля, т.-е., въ Ѳоминъ понедѣльникъ, то и мой отпускъ долженъ былъ считаться съ этого дня. Но и тутъ я встрѣтилъ затрудненіе: придя 26-го марта въ общее собраніе Сената, я не нашелъ кресла съ обозначеніемъ моей фамиліи у стола, при которомъ происходятъ засѣданія. Мнѣ объяснили, что по полученіи указа о моемъ отпускѣ, меня зачислили въ отпуску, такъ какъ въ указѣ не было сказано, что я имъ намѣренъ воспользоваться только съ 12 апрѣля. Конечно, я немедля, по моему требованію, былъ внесенъ въ списокъ присутствующихъ сенаторовъ.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 27-го марта. Мой камердинеръ Осипъ провожалъ меня до Эйдкунена, гдѣ такъ засмотрѣлся на заграничную обстановку, что позабылъ повѣсить въ мое отдѣленіе спальнаго вагона мое теплое пальто. Въ Берлинѣ я сильно прозябъ бы при переѣздѣ отъ станціи до гостинницы, если бы ѣхавшій въ одномъ со мною вагонѣ С. С. Поляковъ, извѣстный желѣзнодорожный дѣятель, не ссудилъ меня до нельзя изношенною ваточною шинелью съ мѣховымъ воротникомъ, которая, сверхъ того, была мнѣ очень узка. Въ Берлинѣ я возвратилъ ее Полякову, купивъ себѣ хорошее теплое пальто. Камердинеръ же мой забытое имъ пальто прислалъ въ Каннъ по почтѣ, что стоило довольно дорого, а такъ какъ оно было мнѣ безполезно, то я его немедля отправилъ обратно, вмѣстѣ со многими другими вещами, которыя оказывались намъ болѣе не нужными за границей.

Пробывъ только нѣсколько часовъ въ Берлинѣ, гдѣ, какъ описано выше, я видѣлся съ моимъ племянникомъ Борисомъ Дельвигомъ, его невѣстою и ея матерью, 30-го марта прибылъ въ Парижъ. На станціи сѣверной желѣзной дороги меня ожидалъ М. Р. Богомолецъ. Въ мое послѣднее пребываніе во Франціи я курилъ сигары, купленныя въ Парижѣ и въ Каннѣ. Несмотря на значительность цѣны покупаемыхъ мною сигаръ, онѣ мнѣ были не по вкусу, и вообще сыры. Сигары, продаваемыя въ складѣ Парижскаго грандъ-отеля, были также дурны. Вслѣдствіе этого, я въ мой пріѣздъ рѣшился привезти сигары изъ Россіи, а такъ какъ сигары Петербургскихъ магазиновъ, цѣною отъ 15 до 20 руб. за сотню, вообще плохо закуривались, то я сдѣлалъ запасъ сигаръ въ магазинѣ Депре, въ бытность мою въ мартѣ 1876 года въ Москвѣ, и съ тѣхъ поръ постоянно выписываю сигары этого магазина въ Петербургъ. Я заявилъ на станціи въ Парижѣ о томъ, что имѣю при себѣ нѣсколько сотенъ сигаръ; онѣ были взвѣшены, и я заплатилъ весьма значительную пошлину.

Остановился я въ Hôtel du Louvres, гдѣ видѣлся съ вышеупомянутымъ Деге, управляющимъ Парижскимъ домомъ барона Френкеля, ко-

торому поручилъ пріискивать, для весенняго помѣщенія моей жены, квартиру въ rez-de-chaussée или во второмъ этажѣ такого дома, въ которомъ есть подъемная машина. Все время до обѣда я съ М. Р. Богомолецъ осматривалъ нѣсколько квартиръ, расчитывая, что моя жена, по нездоровью, принуждена будетъ провести наступившее лѣто въ Парижѣ. Я обѣдалъ въ семействѣ М. Р. Богомольца, отъ котораго уѣхалъ поздно вечеромъ въ открытой извозчичьей коляскѣ. Весь день, и особенно вечеромъ, было очень холодно, и, по непривычкѣ къ статской одеждѣ, я сильно простудился. Это не помѣшало мнѣ выѣхать на другой день въ Каннъ. На Парижскую станцію меня провожалъ М. Р. Богомолецъ, который дружески помогалъ мнѣ при моихъ покупкахъ въ Парижѣ.

1-го апрѣля утромъ я былъ въ Каннѣ. Излишне описывать радость моей жены, сестры и племянницы. Жену я нашелъ очень измѣнившеюся къ худшему. Въ самый день Свѣтлаго праздника, 4-го апрѣля, я ходилъ въ протестантскую церковь, а на другой день поѣхалъ въ Ниццу, гдѣ посѣтилъ вдову Чевкина и кладбище, о чемъ мною упомянуто выше, нашего священника, консула, контръ-адмирала Шестакова, нашего морского агента въ Средиземномъ морѣ и жену Александра Ивановича Бутовскаго, директора департамента торговли и мануфактуръ.

Изъ Петербурга до Берлина я ѣхалъ съ извѣстнымъ строителемъ «поповокъ» генералъ-адъютантомъ вице-адмираломъ Поповымъ, который просилъ меня объяснить Шестакову, что, несмотря на всѣ старанія Попова, Шестаковъ къ Свѣтлому празднику не могъ быть произведенъ въ вице-адмиралы. Шестаковъ, пропустивъ мое заявленіе объ этомъ, какъ будто, безъ особаго вниманія, много говорилъ вообще очень умно, но никого не жалѣя. Такъ, онъ высказалъ много злыхъ насмѣшекъ о нашихъ общихъ знакомыхъ и, между прочимъ, о людяхъ, ему душевно преданныхъ, Чижовѣ и Путиловѣ, а также о генералъ-адъютантахъ: Поповѣ и Посьетѣ, не зная моихъ близкихъ отношеній съ послѣднимъ.

Отзывъ Шестакова о Чижовѣ, который такъ задушевно хлопоталъ объ улучшеніи участи Шестакова, по выходѣ его въ отставку изъ Виленскихъ губернаторовъ, конечно, не прошелъ ему безъ сильнаго съ моей стороны возраженія, на которое онъ не отвѣчалъ.

Погода въ этотъ пріѣздъ мой въ Ниццу была холодная и дождливая, такъ что я съ загрязненными сапогами заходилъ къ Бутовской для врученія переданнаго мнѣ ея мужемъ конверта съ деньгами. Наканунѣ моей поѣздки въ Ниццу, я купилъ новый зонтикъ. Мнѣ помнится, что я его оставилъ въ корридорѣ передъ входомъ въ квартиру Бутовской, но, при моемъ выходѣ, зонтика не оказалось, и впослѣдствіи онъ не былъ найденъ. Въ Каннѣ, куда я вернулся въ тотъ же день вечеромъ, я почти ежедневно ѣздилъ съ моею женою осматривать окрестности, которыя такъ извѣстны, что я не буду ихъ описывать, а скажу только, что меня особенно восхищали тѣ дороги, которыя окаймлены съ обѣихъ сторонъ высоко растущими разнообразными розанами.

Наступило жаркое время, и намъ предстояло покинуть Каннъ. Моя жена ни подъ какимъ видомъ не соглашалась оставаться долѣе за границей, а потому рѣшено было намъ оставаться въ Парижѣ не долго съ тѣмъ, чтобы дождаться наступленія въ Петербургѣ болѣе теплаго времени. Сестра съ дочерью намѣревалась возвратиться съ нами въ Россію. Онѣ выѣхали изъ Каннъ въ половинѣ апрѣля, ранѣе насъ, съ тѣмъ, чтобы намъ было удобнѣе сдать хозяину дома все его имущество по инвентарю, къ чему М. Ф. Смитъ приступила немедля по ихъ отъѣздѣ. Сдача имущества была легче, чѣмъ его пріемъ осенью при въѣздѣ въ домъ. За недостающія и поломанныя вещи мнѣ пришлось уплатить хозяину всего 71 фр., а сверхъ того за очистку дома, перестановку мебели, луженіе посуды, мытье оставшагося грязнымъ бѣлья и т. п. 144 фр. 60 сант. Сестру и племянницу проводила съ особою грустью наша французская прислуга, которая, конечно, была ими щедро одарена.

Горничная моей жены Марѳа Ивановна, съ которою онѣ обращались столь же добродушно и которой, конечно, дарили еще болѣе, не вышла съ ними проститься, вѣроятно, чѣмъ-нибудь недовольная, вслѣдствіе необыкновенно неуживчиваго характера. Упоминаю объ этомъ потому, что эта Марѳа Ивановна еще въ продолженіе цѣлаго года мучила мою больную жену, которая держала ее, полагая, что никто не въ состояніи ее замѣнить. Чѣмъ болѣе были страданія, тѣмъ грубѣе становилась Марѳа Ивановна. Весною 1877 года она, бывъ отпущена моею женою, по настоянію Р. И. Посьетъ, не хотѣла уходить, и только послѣ рѣшительнаго приказанія жены, что не нуждаются болѣе въ ея услугахъ, она ушла изъ дома, не простясь, и болѣе не возвращалась.

Передъ отъѣздомъ изъ Каннъ, я просилъ управляющаго Парижскимъ домомъ барона Френкеля отыскать мнѣ въ одной изъ гостинницъ, преимущественно около Елисейскихъ полей, помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ или во второмъ, называемомъ французами au premier, но въ послѣднемъ случаѣ, чтобы въ домѣ была подъемная машина. Всѣ его старанія были тщетны. По пріѣздѣ сестры съ племянницею въ Парижъ, онѣ также отыскивали намъ помѣщеніе и передъ самымъ выѣздомъ нашимъ изъ Каннъ сообщили, что ими найдены для насъ комнаты въ Hôtel d' Albe на Елисейскихъ поляхъ. Въ то же время я велъ переписку съ желѣзнодорожнымъ управленіемъ въ Ниццѣ о назначеніи для насъ отдѣльнаго купэ съ fauteuils-lits. Оказалось, что Дюма, встрѣтившій насъ при пріѣздѣ въ Каннъ, переведенъ въ Марсель, и что въ концѣ нашего апрѣля всѣ зимовавшіе на югѣ оставляютъ его, и потому необходимо заблаговременно запастись особымъ купэ въ вагонѣ. Наконецъ, намъ назначено было купэ, но въ этотъ день жена внезапно такъ заболѣла, что отъѣздъ пришлось отложить, о чемъ я сообщилъ на станцію въ Каннѣ передъ самымъ приходомъ поѣзда изъ Ниццы. Такъ какъ я не воспользовался назначеннымъ мнѣ купэ, то за него не требовали уплаты.

Наконецъ, 30 апрѣля мы выѣхали изъ Каннъ. Жена съ М. Ф. Смитъ

и своею горничною вошли по нарочно приготовленному помосту въ купэ, называемое fauteuils-lits, въ которомъ жена сидѣла безвыходно до Парижа, гдѣ для ея выхода была приставлена вышеописанная, привезенная съ нами изъ Россіи, стремянка, оказавшаяся нѣсколько шире отверстія дверей вагона. По распоряженію начальника Парижской станціи, весьма учтиваго и замѣчательно красиваго господина, дверь вагона была въ нѣсколько минутъ отвинчена, такъ что жена весьма удобно опустилась по приставленной къ вагону стремянкѣ. Я не буду повторять описанія затрудненій при путешествіи больной, въ купэ которой клали не менѣе 15 разныхъ мѣшковъ и связокъ и сверхъ того сдавалось въ багажъ 15 сундуковъ, вѣсомъ до 30 пудовъ. Такъ какъ больная на станціяхъ не выходила, то чай и кушанье ей носили въ купэ, чего не легко было добиться на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Въ Парижъ мы пріѣхали вечеромъ 1-го мая ст. стиля. Погода была холодная, такъ что я прозябъ въ переѣздъ отъ станціи до Hôtel d' Albe. Въ приготовленныхъ намъ комнатахъ, по распоряженію ждавшей насъ племянницы Эмиліи, топились камины. Мы провели въ нихъ одну ночь, такъ какъ на другой день очистилось болѣе просторное помѣщеніе. Въ Парижѣ мы пробыли всего 10 дней. Въ это время кромѣ сестры и племянницы, которыя остановились въ Hôtel du Louvres, я видѣлся между прочимъ съ нашимъ посломъ, княземъ Орловымъ, съ графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ, съ семействомъ М. Р. Богомольца, который уже уѣхалъ въ Россію, и съ инженеромъ Эмилемъ Виттомъ.

Первые двое до моего отъѣзда изъ Парижа заходили ко мнѣ заявить о своемъ отъѣздѣ въ Эмсъ, куда ожидали Государя Императора. Съ Эмилемъ Виттомъ я обѣдалъ у Ледуайенъ въ Елисейскихъ поляхъ, на террасѣ, несмотря на все еще продолжавшійся холодъ.

Я былъ на выставкѣ картинъ въ Palais d' industrie, гдѣ обращалъ всеобщее вниманіе портретъ Ѳ. В. Чижова, работы Полѣнова, подаренный мнѣ Чижовымъ. Вообще выставка изобиловала хорошими портретами. Жена торопила отъѣздомъ въ Россію, а я опасался везти ее, въ виду продолжавшихся холодовъ. Я вспомнилъ, что въ Парижѣ издается ежедневный листокъ съ указаніемъ температуры въ главныхъ городахъ, о которыхъ по телеграфу сообщается Парижской обсерваторіи. Я спрашивалъ этотъ листокъ во многихъ книжныхъ лавкахъ, но ни въ одной изъ нихъ не имѣли о немъ никакого понятія. Я рѣшился ѣхать въ обсерваторію, которая находится въ весьма отдаленной части города. Нашелъ ворота обсерваторіи запертыми. Привратникъ не впускалъ меня, пока я ему не далъ франка; тогда онъ мнѣ указалъ комнату, въ которой я найду дежурнаго. Послѣдній, увидавъ меня, поспѣшилъ объявить, что входъ въ помѣщеніе обсерваторіи не дозволенъ. Я его успокоилъ тѣмъ, что не намѣренъ идти далѣе, и объяснилъ причину моего пріѣзда. Онъ сказалъ, что дѣйствительно листы, которые я отыскивалъ, издаются ежедневно, но ихъ нельзя получить въ обсерваторіи, а должно за ними ѣхать въ типографію, гдѣ они печатаются.

Эта типографія была на другомъ концѣ Парижа. Я поѣхалъ въ нее и подписался на этотъ листокъ на мѣсяцъ май. Изъ него я узналъ, что первая недѣля мая по ст. стилю была въ Петербургѣ очень холодная, такъ что нѣсколько дней сряду морозы въ 7 часовъ утра доходили до —6° по Цельсію. Я сначала даже полагалъ, что это была типографская опечатка. Меня поразило, что въ этихъ листкахъ значатся температуры незначительныхъ русскихъ городовъ и нѣтъ температуры ни одного германскаго города, даже Берлина.

Горничная моей жены, несмотря на ея 40 слишкомъ лѣтъ, очень любила наряжаться и бывать на Парижскихъ вечернихъ увеселеніяхъ, на которыхъ сильно простудилась, такъ что мы были принуждены оставить ее лежать два дня и двѣ ночи въ нашей спальнѣ, хотя она имѣла особую комнату, нѣсколько отдаленную отъ нашего помѣщенія.

Сестра намѣревалась ѣхать въ Россію вмѣстѣ съ нами, но здоровье ея дочери требовало остаться еще нѣсколько дней въ Парижѣ. Моя жена до того сильно желала скорѣе возвратиться въ Россію, что не обращала вниманія на продолжающіеся холода, а пріѣздъ въ Царское Село нѣсколькими днями ранѣе сестры находила удобнымъ въ томъ отношеніи, что мы успѣемъ пріискать ей дачу, такъ какъ она полагала все лѣто провести въ Царскомъ Селѣ. Когда здоровье горничной моей жены поправилось, мы назначили нашъ выѣздъ 11 мая. Въ 10 дней, проведенныхъ мною въ Парижѣ, я нѣсколько разъ бывалъ на станціи сѣверной желѣзной дороги, чтобы добыть для жены по возможности болѣе удобный вагонъ, въ которомъ она могла бы доѣхать, не выходя изъ него, до Берлина. Въ послѣднемъ мнѣ постоянно отказывали на томъ основаніи, что нѣмцы не пускаютъ французскихъ пассажирскихъ вагоновъ на свои дороги. Я надѣялся, что мнѣ поможетъ въ Парижѣ Алкье, о которомъ я неоднократно упоминалъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ», но онъ до моего отъѣзда не пріѣзжалъ. Въ послѣдній мой пріѣздъ на станцію желѣзной дороги одинъ изъ младшихъ служащихъ при ней указалъ мнѣ на нѣмецкій вагонъ, который будетъ отправленъ прямо въ Берлинъ. Я немедля сговорился съ начальникомъ станціи о предоставленіи моей больной женѣ купэ въ этомъ вагонѣ.

Стремянка, по которой моя жена входила въ вагонъ, была доставлена заблаговременно на платформу станціи. Имѣя много сундуковъ для сдачи въ багажный вагонъ и очень много вещей, которыя моя жена возила въ своемъ вагонѣ, мы пріѣхали на станцію заблаговременно, но это нисколько не послужило къ тому, чтобы мы могли безъ толкотни занять мѣста въ вагонахъ. Пассажировъ было бездна, пассажирскіе билеты начали раздавать за полчаса до отъѣзда, и только по ихъ полученіи сдается багажъ, причемъ происходилъ крикъ, шумъ и ужасный безпорядокъ. Передъ взятіемъ билетовъ я ходилъ отыскивать кого-либо изъ начальства станціи, чтобы просить позволенія поскорѣе посадить мою больную жену, но рѣшительно никого не нашелъ. Впрочемъ, по приказанію этого начальства, согласно моей просьбы, были приготовлены станціонные служители для нахожденія при стремянкѣ. Послѣдніе вообразили, что моя жена сядетъ на эту

стремянку, длиною въ сажень, и приготовлялись нести ее на стремянкѣ. Съ трудомъ имъ растолковали, какъ эту стремянку поставить однимъ концомъ на станціонную платформу, а другимъ въ вагонъ. Усадивъ жену и ея спутницъ, я едва успѣлъ найти себѣ мѣсто въ одномъ изъ вагоновъ, которые были всѣ переполнены. Мой сакъ-вояжъ брошенъ былъ мнѣ въ окно провожавшимъ насъ управляющимъ Парижскимъ домомъ барона Френкеля; безъ помощи этого управляющаго я, конечно, не успѣлъ бы сдать свои вещи въ багажъ и сѣсть на поѣздъ.

Берлинская и германская таможни, вслѣдствіе моей просьбы, не тревожили моей жены. Въ Кельнѣ, гдѣ поѣздъ стоитъ довольно долго, вагонъ жены отвели очень далеко отъ станціи, но все ей нужное приносили изъ буфета. Въ Берлинѣ на станціи насъ встрѣтилъ посланный отъ Шварцкопфа, котораго въ это время не было въ Берлинѣ. Посланный пріѣхалъ въ той же каретѣ, которую жена употребляла въ ея проѣздъ въ Каннъ. По неимѣнію свободныхъ номеровъ ни въ Hôtel d'Angleterre, ни въ Hôtel de Russie, намъ приготовлены были очень хорошо убранныя комнаты, которыя обыкновенно занимаетъ хозяинъ послѣдней гостинницы, бывшій въ это время въ отсутствіи.

На другой день вечеромъ, передъ отъѣздомъ изъ Берлина, комиссіонеръ Hôtel d' Angleterre, мой давнишній знакомый, пришелъ намъ сказать, что стремянку, устроенную для входа моей жены въ вагонъ, начальникъ станціи желѣзной дороги, на которую мы пріѣхали, конечно, не понявъ моей просьбы, отправилъ на русскую границу съ утреннимъ поѣздомъ. Мы рѣшительно не знали, какъ посадимъ жену въ вагонъ. Достали какую-то лѣсенку, прикрѣпили на скорую руку перила. Жена готова была лѣзть по этой лѣсенкѣ, чтобы только поскорѣе уѣхать въ Россію. Лѣсенку взяли съ собою на станцію, но она не понадобилась: на станціи была хорошая лѣстница, которую приставили къ вагону, и жена прошла по ней безъ затрудненій.

Выѣздъ изъ Берлина былъ настолько покоенъ, насколько безпокоенъ выѣздъ за два дня передъ этимъ изъ Парижа. Въ Вержболовѣ жена отдохнула нѣсколько часовъ между приходомъ курьерскаго поѣзда, въ которомъ мы пріѣхали изъ Берлина, и отходомъ слѣдующаго почтоваго поѣзда, въ которомъ мы поѣхали въ Царское Село. Въ Вержболово, гдѣ мы нашли вышеупомянутую стремянку, высланъ былъ изъ Петербурга намъ навстрѣчу тотъ же вагонъ, въ которомъ мы въ мартѣ 1875 года выѣхали за границу. М. Р. Богомолецъ выѣзжалъ на ст. Антополь, чтобы хотя на нѣсколько минутъ видѣться съ нами. 16 мая мы пріѣхали въ Царское Село. Было холодно, и листья на деревьяхъ еще не распускались: страшная разница съ температурою и растительностію, которыя мы двѣ недѣли назадъ оставили въ Каннѣ.

«Мои воспоминанія» я началъ писать, между прочимъ, съ тѣмъ, чтобы, по достиженіи мною и моею женою старости, перечитывать вмѣстѣ съ нею

нѣкоторые изъ описанныхъ въ нихъ эпизодовъ, но лишившись моего друга въ 1878 году, я потерялъ охоту ихъ писать. Впрочемъ, послѣднія три зимы «Мои воспоминанія» давали мнѣ довольно занятій: я исправлялъ ихъ передъ перепискою гектографическими чернилами, затѣмъ исправлялъ экземпляръ, переписанный этими чернилами, съ котораго снималось пять копій, такъ что составилось семь экземпляровъ «Моихъ воспоминаній», которые полагаю, для вѣрнѣйшаго ихъ сохраненія, раздать въ разныя мѣста.

Въ 1880 году мнѣ была доставлена слѣдующая выписка изъ конца доклада ревизіонной комиссіи отъ 5 февраля 1875 года по дѣлу о безпорядкахъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ:

«Указаніе г. министра финансовъ на то, что назначеніе формальнаго слѣдствія будетъ совершенно безполезно, ибо у чиновъ экспедиціи будутъ въ готовности вполнѣ удовлетворительные на все отвѣты, можетъ вести только къ успокоенію министерства финансовъ за благополучный для его чиновъ исходъ дѣла, которому былъ бы, безъ сомнѣнія, радъ и государственный контроль: ибо въ его намѣренія никогда не входитъ преслѣдованіе лицъ, и вся его забота въ настоящемъ случаѣ направлена лишь къ тому, чтобы возбужденнымъ ревизіею вопросомъ обезпечить правильное, законами ясно опредѣленное, движеніе.

«А такъ какъ для дѣлъ, подобныхъ настоящему, въ законахъ не указано никакого другого хода, кромѣ возбужденія по нимъ формальнаго слѣдствія, то ревизіонная комиссія съ своей стороны полагаетъ, что государственный контроль, уступивъ въ настоящемъ случаѣ настояніямъ министерства финансовъ, измѣнилъ бы своему обычному и обязательному для него способу дѣйствія.

«Назначеніе формальнаго слѣдствія статсъ-секретарь Рейтернъ находитъ несогласнымъ съ требованіемъ ст. 1089 уст. угол. суд., которою для преданія суду по преступленію должности указываются лишь три случая: а) участіе въ преступленіи частныхъ лицъ, б) причиненіе обвиняемымъ должностнымъ лицомъ убытка и в) совершеніе имъ дѣйствія, которое влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или же всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ.

«Между тѣмъ, къ настоящему случаю можетъ быть не подходитъ лишь первый изъ трехъ исчисленныхъ пунктовъ, и въ томъ только случаѣ, если окажется, что въ предполагаемыхъ государственнымъ контролемъ незаконныхъ дѣйствіяхъ не принимало участія ни одно изъ частныхъ лицъ. Что же касается двухъ остальныхъ пунктовъ, то они прямо примѣняются къ настоящему дѣлу: такъ какъ государственнымъ контролемъ возбужденъ вопросъ, какъ о возможности растраты казеннаго имущества, такъ и о вѣроятности такихъ преступныхъ дѣйствій (подложное

составленіе книгъ, ложныя показанія, фальшивыя скрѣпы и т. д.), которыя могутъ подлежать наказанію по п. 3. ст. 1089 уст. угол. суд.

«Наконецъ г. министръ финансовъ указываетъ на то, что отдача подъ слѣдствіе, безъ особенно важныхъ и несомнѣнныхъ причинъ, управляющаго экспедиціею, пользующагося по положенію и по своей служебной дѣятельности справедливымъ со стороны его высшаго начальства довѣріемъ, составила бы, даже и при совершенномъ оправданіи его, незаслуженное и выше мѣры вины его оскорбленіе.

«По этому поводу ревизіонная комиссія считаетъ нужнымъ объяснить, что вообще контроль и довѣріе суть понятія трудно совмѣстимыя. Оно не отрицаетъ, что въ иныхъ случаяхъ государственный контроль можетъ, не измѣнивъ своему призванію, принять на вѣру показаніе того или другого министра, такъ, напримѣръ: если бы какой-либо министръ принялъ на свою нравственную отвѣтственность удостовѣреніе въ дѣйствительности, какого-либо имъ совершеннаго или же ему положительно извѣстнаго, факта, который не былъ бы однако воспроизведенъ ни въ одномъ изъ доставленныхъ на ревизію отчетныхъ документовъ, то государственный контроль, при отсутствіи обстоятельствъ, наводящихъ подозрѣніе въ справедливости такого удостовѣренія, не лишенъ бы былъ нравственнаго права удовлетвориться таковымъ показаніемъ.

«Но въ настоящемъ случаѣ г. министръ финансовъ предлагаетъ государственному контролю не повѣрить его свидѣтельству объ извѣстномъ ему событіи, но усвоить себѣ его личное довѣріе къ дѣйствительному статскому совѣтнику Винбергу, что было бы совершенно невозможно даже и въ томъ случаѣ, если бы обстоятельства настоящаго дѣла и не поставляли такихъ сильныхъ къ тому препятствій. Если же принять во вниманіе, что д. с. с. Винбергъ далъ цѣлый рядъ невѣрныхъ показаній, единственною цѣлію коихъ оставить его высшее начальство и государственный контроль въ заблужденіи, относительно истиннаго положенія настоящаго дѣла и его дѣйствительныхъ причинъ, то къ усвоенію государственнымъ контролемъ того довѣрія, въ коемъ еще не перестаетъ отказывать управляющему экспедиціею его высшее начальство, представится неодолимое препятствіе.

«Въ заключеніе ревизіонная комиссія считаетъ умѣстнымъ обратить вниманіе совѣта государственнаго контроля на то, что, кромѣ выше изложенныхъ соображеній, относящихся къ существу вопроса, въ настоящемъ случаѣ представляются еще совершенно особыя и по ея мнѣнію немаловажныя побужденія настаивать на производствѣ формальнаго слѣдствія.

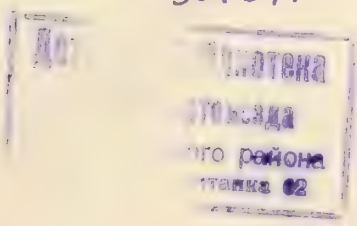
«Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ есть учрежденіе, которому, какъ показываетъ самое ея именованіе, ввѣрено производство всѣхъ обращающихся въ странѣ бумажныхъ денежныхъ знаковъ и которое, въ отношеніе къ этой сторонѣ своей дѣятельности, пользуется совершенною свободою отъ надзора государственнаго контроля. Не имѣвъ прямыхъ основаній въ допущеніи какихъ-либо неправильностей, относительно операцій,

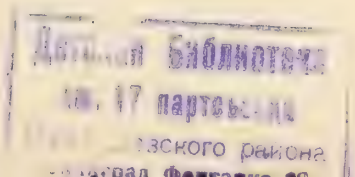
производимыхъ по изготовленію и сдачѣ государственныхъ бумагъ, ревизіонная комиссія не можетъ однако вполнѣ быть увѣрена въ томъ, что въ этой отрасли дѣятельности экспедиціи никогда не откроется ничего не согласнаго съ закономъ и съ выгодами казны, и если бы со временемъ открылось что-либо подобное, а между тѣмъ настоящее дѣло оставлено было бы съ согласія государственнаго контроля безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, то снисходительность государственнаго контроля безъ всякаго сомнѣнія была бы вмѣнена ему въ вину, такъ какъ въ ней усмотрѣно было бы одно изъ препятствій къ своевременному обнаруженію и даже къ предупрежденію, правда только предполагаемаго, но весьма возможнаго зла.

«*Заключеніе*. По всѣмъ приведеннымъ выше основаніямъ не признавая возможнымъ исполнить просьбу г. министра финансовъ объ оставленіи настоящаго дѣла безъ дальнѣйшихъ послѣдствій и принимая при этомъ въ соображеніе, что прикосновеннымъ къ сему дѣлу лицомъ является управляющій экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ, надъ которымъ, какъ надъ чиновникомъ IV класса, производство судебнаго слѣдствія можетъ быть назначено только Правительствующимъ Сенатомъ, ревизіонная комиссія полагаетъ, что на точномъ основаніи статьи 1085 устава уголовнаго судопроизводства настоящее дѣло должно быть внесено на разсмотрѣніе 1-го департамента Правительствующаго Сената, о чемъ и имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе совѣта государственнаго контроля».

Извѣстно, что это дѣло было прекращено по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе личнаго доклада министра финансовъ Рейтерна.

35757.





Списан в 46 г.

МК 45057/60-532

11р +3р 50к

KF26
.B39
1977AH

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
100008472229